Библиотека
всемирной литературы

Серия первая *

Литература Древнего Востока
Античного мира
Средних веков
Возрождения
XVII и XVIII веков

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
БИБЛИОТЕКИ
ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абашидзе И. В.
Айтматов Ч.
Алексеев М. П.
Благой Д. Д.
Брагинский И. С.
Бровка П. У.
Бурсов Б. И.
Ванаг Ю. П.
Гамзатов Р.
Грабарь-Пассек М. Е.
Егоров А. Г.
Елистратова А. А.
Емельяников С. П.
Жирмунский В. М.
Ибрагимов М.
Кербабаев Б. М.
Конрад Н. И.
Косолапов В. А.
Лупан А. П.
Любимов Н. М.
Марков Г. М.
Межелайтис Э. Б.
Неупокоева И. Г.
Нечкина М. В.
Новиченко Л. Н.
Нурпеисов А. К.
Пузиков А. И.
Рашидов Ш. Р.
Реизов Б. Г.
Рюриков Б. С.
Самарин Р. М.
Семпер И. Х.
Сучков Б. Л.
Тихонов Н. С.
Турсун-заде М.
Тычина П. Г.
Федин К. А.
Федосеев П. Н.
Ханзадян С. Н.
Храпченко М. Б.
Черноуцан И. С.
Шамота Н. З.

ГОМЕР

ИЛИАДА

●

ОДИССЕЯ

ПЕРЕВОД С ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА·1967

Вступительная статья
С. Маркиша

А
Г64

Иллюстрации
Г. Епифанова, М. Пикова

7-4-4
Подп. изд.

Скан и обработка: glarus63

ПУТЬ К ГОМЕРУ

Во втором акте шекспировского «Гамлета» появляется бродячая труппа, и один из актеров, по просьбе принца, читает монолог, в котором троянский герой Эней рассказывает о взятии Трои и о жестокостях победителей. Когда рассказ доходит до страданий старой царицы Гекубы — у нее на глазах осатаневший от злобы Пирр, сын Ахиллеса, убил ее супруга Приама и надругался над его телом,— актер бледнеет и заливается слезами. И Гамлет произносит знаменитые, вошедшие в пословицу слова:

Что он Гекубе? Что ему Гекуба?
А он рыдает...[1]

Что современному человеку Гекуба, что ему Ахиллес, Приам, Гектор и прочие герои Гомера; что ему их муки, радости, любовь и ненависть, приключения и битвы, отгремевшие и отгоревшие больше тридцати столетий назад? Что уводит его в древность, почему Троянская война и возвращение на родину многострадального и хитроумного Одиссея трогают нас если и не до слез, как шекспировского актера, то все же достаточно живо и сильно?

Всякое литературное произведение далекого прошлого способно привлечь и увлечь человека нового времени изображением исчезнувшей жизни, во многом поразительно не схожей с нашей жизнью сегодня. Исторический интерес, свойственный любому человеку, естественное желание узнать, «что было раньше»,— начало нашего пути к Гомеру, точнее — одного из путей. Мы спрашиваем: кто он был, этот Гомер? И когда жил? И «сочинил» ли своих героев или в их образах и подвигах отражены подлинные события? И насколько верно

[1] Перевод Б. Пастернака.

(или насколько вольно) они отражены и к какому времени относятся? Мы задаем вопрос за вопросом и ищем ответа в статьях и книгах о Гомере; а к нашим услугам — не сотни и не тысячи, а десятки тысяч книг и статей, целая библиотека, целая литература, которая продолжает расти и сейчас. Ученые не только обнаруживают все новые факты, имеющие отношение к гомеровским поэмам, но и открывают новые точки зрения на поэзию Гомера в целом, новые способы ее оценки. Была пора, когда каждое слово «Илиады» и «Одиссеи» считали непререкаемою истиной — древние греки (во всяком случае, громадное их большинство) видели в Гомере не только великого поэта, но и философа, педагога, естествоиспытателя, одним словом — верховного судью на все случаи жизни. Была и другая пора, когда всё в «Илиаде» и «Одиссее» считали вымыслом, красивою сказкой, или грубоватою басней, или безнравственным анекдотом, оскорбляющим «хороший вкус». Потом пришла пора, когда Гомеровы «басни» одна за другою стали подкрепляться находками археологов: в 1870 году немец Генрих Шлиман нашел Трою, у стен которой сражались и умирали герои «Илиады»; спустя четыре года тот же Шлиман раскопал «обильные златом» Микены — город Агамемнона, вождя греческого воинства под Троей; в 1900 году англичанин Артур Эванс начал уникальные по богатству находок раскопки на Крите — «стоградном» острове, неоднократно упоминаемом Гомером; в 1939 году американец Блиджен и грек Куруниотис разыскали древний Пилос — столицу Нестора, «сладкогласного витии пилосского», неутомимого подателя мудрых советов в обеих поэмах...

Список «гомеровских открытий» чрезвычайно обширен и до сего дня не закрыт — и едва ли закроется в близком будущем. И все же необходимо назвать еще одно из них — самое важное и самое сенсационное в нашем веке. В ходе раскопок на острове Крите, а также в Микенах, в Пилосе и в некоторых других местах южной части Балканского полуострова археологи нашли несколько тысяч глиняных табличек, исписанных неведомыми письменами. Чтобы их прочитать, потребовалось почти полвека, потому что не был известен даже язык этих надписей. Лишь в 1953 году тридцатилетний англичанин Майкл Вентрис решил задачу дешифровки так называемого линейного письма «Б». Этот человек, погибший в автомобильной катастрофе три с половиной года спустя, не был ни историком античности, ни специалистом по древним языкам — он был архитектор. И тем не менее, как писал о Вентрисе замечательный советский ученый С. Лурье, «ему удалось сделать самое крупное и самое поразительное открытие в науке об античности со времен эпохи Возрождения». Его имя должно стоять рядом с именами Шлимана и Шампольона, разгадавшего тайну египетских иероглифов. Его открытие дало в руки исследователей подлинные греческие документы того же примерно времени, что события

«Илиады» и «Одиссеи», документы, расширившие, уточнившие, а кое в чем и перевернувшие прежние представления о прообразе того общества и государства, которые изображены у Гомера.

В начале II тысячелетия до н. э. на Балканском полуострове появились племена греков-ахейцев. К середине этого тысячелетия в южной части полуострова сложились рабовладельческие государства. Каждое из них было небольшою крепостью с примыкавшими к ней землями. Во главе каждого стояли, по-видимому, два властителя. Властители-цари со своими приближенными жили в крепости, за могучими, циклопической кладки стенами, а у подножья стены возникал поселок, населенный царскими слугами, ремесленниками, купцами. Сперва города боролись друг с другом за главенство, потом, около XV столетия до н. э., начинается проникновение ахейцев в соседние страны, за море. В числе прочих их завоеваний был и остров Крит — главный центр древнейшей, догреческой культуры юго-восточного района Средиземноморья. Задолго до начала ахейского завоевания на Крите существовали государства с монархической властью и общество, четко разделявшееся на классы свободных и рабов. Критяне были умелыми мореходами и купцами, отличными строителями, гончарами, ювелирами, художниками, знали толк в искусстве, владели письменностью. Ахейцы и прежде испытывали сильное воздействие высокой и утонченной критской культуры; теперь, после покорения Крита, она окончательно стала общим достоянием греков и критян. Ученые называют ее крито-микенской.

Землею, постоянно привлекавшей внимание ахейцев, была Троада на северо-западе Малой Азии, славившаяся выгодным местоположением и плодородною почвой. К главному городу этой земли — Илиону, или Трое,— не раз снаряжались походы. Один из них, особенно продолжительный, собравший особенно много кораблей и воинов, остался в памяти греков под именем Троянской войны. Древние относили ее к 1200 году до н. э.— в пересчете на нашу хронологию,— и работы археологов, копавших Гиссарлыкский холм вслед за Шлиманом, подтверждают древнюю традицию.

Троянская война оказалась кануном крушения ахейской мощи. Вскоре на Балканах появились новые греческие племена — дорийцы,— такие же дикие, какими тысячу лет назад были их предшественники, ахейцы. Они прошли через весь полуостров, вытесняя и подчиняя ахейцев, и до основания разрушили их общество и культуру. История обратилась вспять: на месте рабовладельческого государства вновь появилась родовая община, морская торговля заглохла, зарастали травою уцелевшие от разрушения царские дворцы, забывались искусства, ремесла, письменность. Забывалось и прошлое; цепь событий разрывалась, и отдельные звенья обращались в предания — в мифы,

как говорили греки. Мифы о героях были для древних такою же непререкаемою истиной, как мифы о богах, и сами герои становились предметом поклонения. Героические предания переплетались друг с другом и с мифами о богах. Возникали круги (циклы) мифов, соединявшихся как последовательностью фактов, лежавших в их основе, так и законами религиозного мышления и поэтической фантазии. Мифы были почвою, на которой вырос греческий героический эпос.

Героический эпос есть у каждого народа. Это повествование о славном минувшем, о событиях первостепенной важности, которые были поворотным пунктом в истории народа. Таким событием (или, по крайней мере, одним из таких событий) оказался великий поход на Трою; сказания о нем сделались важнейшей сюжетною основой греческого эпоса. Но от времени, когда создавался эпос, эти события были отделены тремя, а то и четырьмя веками, и потому к картинам ушедшей жизни, запомнившимся с необыкновенной точностью, присоединялись детали и подробности, заимствованные из жизни, которая окружала неведомых нам творцов эпоса. В самой основе мифа многое оставалось нетронутым, но многое и перетолковывалось на новый лад, в согласии с новыми идеалами и взглядами. Многослойность (а стало быть, и неизбежная противоречивость) изначально была характерной чертой греческого эпоса, а так как он находился в непрестанном движении, число слоев все увеличивалось. Подвижность эта неотделима от самой формы его существования: как и у всех народов, героический эпос у греков был устным творчеством, и письменное его закрепление знаменовало последний этап в истории жанра.

Исполнителями эпических произведений и вместе с тем их со-творцами, со-авторами были певцы (по-гречески «аэды»). Они знали наизусть десятки тысяч стихотворных строк, перешедших к ним по наследству и бог весть кем и когда сочиненных, они владели набором традиционных средств и приемов, тоже переходивших от одного поколения поэтов к следующему (сюда относятся и разнообразные формулы-повторы для описания сходных или в точности повторяющихся ситуаций, и постоянные эпитеты, и особый стихотворный размер, и особый язык эпоса, и даже самый круг сюжетов, довольно широкий, но все же ограниченный). Обилие устойчивых, неизменных элементов было необходимым условием для самостоятельного творчества: вольно их комбинируя, переплетая с собственными стихами и полустишьями, аэд всегда импровизировал, всегда творил наново.

Большинство современных ученых считает, что Гомер жил в VIII веке до н. э. в Ионии — на западном побережье Малой Азии или на одном из близлежащих островов. К тому времени аэды успели исчезнуть, и место их заняли декламаторы-рапсоды; они уже не пели, аккомпанируя себе на кифаре, а читали нараспев, и не только собст-

венные произведения, но и чужие. Гомер был одним из них. Но Гомер не только наследник, он и новатор, не только итог, но и начало: в его поэмах лежат истоки духовной жизни всей античности в целом. Византиец Михаил Хониат (XII—XIII вв.) писал: «Подобно тому, как, по словам Гомера, все реки и потоки берут начало из Океана, так всякое словесное искусство исток имеет в Гомере».

Есть предположение, что «Илиада» и «Одиссея» действительно заключают многовековую традицию импровизационного творчества — что они были первыми образцами письменно закрепленного «большого эпоса», с самого начала были литературой в прямом смысле слова. Это не значит, разумеется, что известный нам текст поэм ничем не отличается от исходного, каким он был записан или «выговорен» в конце VIII или начале VII века до н. э. В нем немало позднейших вставок (интерполяций), в иных случаях весьма пространных, до целой песни; немало, вероятно, и сокращений-купюр, и стилистических поправок, которые следовало бы назвать искажениями. Но в таком «искаженном» виде он насчитывает почти две с половиной тысячи лет, в таком виде был известен древним и принят ими, и пытаться возвращать его к первоначальному состоянию не только невозможно по существу, но и бессмысленно с историко-культурной точки зрения.

«Илиада» повествует об одном эпизоде последнего, десятого, года Троянской войны — гневе Ахиллеса, самого могучего и храброго среди греческих героев, оскорбленного верховным предводителем ахейцев, микенским царем Агамемноном. Ахиллес отказывается участвовать в сражениях, троянцы начинают брать верх, гонят ахейцев до самого лагеря и едва не поджигают их корабли. Тогда Ахиллес разрешает вступить в битву своему любимому другу Патроклу. Патрокл погибает, и Ахиллес, отрекшись наконец от гнева, мстит за смерть друга, сразив Гектора, главного героя и защитника троянцев, сына их царя Приама. Все главное в сюжете поэмы — от мифов, от Троянского цикла. С тем же циклом связана и «Одиссея», рассказывающая о возвращении на родину после падения Трои другого греческого героя — царя острова Итаки Одиссея. Но здесь главное — не миф: оба основных сюжетных компонента «Одиссеи» — возвращение супруга к супруге после долгого отсутствия и удивительные приключения в дальних, заморских краях — восходят к сказке и народной новелле. Различие между обеими поэмами этим не ограничивается, оно заметно и в композиции, и в деталях повествования, и в деталях мироощущения. Уже сами древние не были уверены, принадлежат ли обе поэмы одному автору, немало сторонников такого взгляда и в новые времена. И все же более вероятным — хотя, строго говоря, точно таким же доказуемым — представляется обратное мнение: сходного между «Илиадой» и «Одиссеей» все же больше, чем отличного.

Несходство и прямые противоречия обнаруживаются не только между поэмами, но и внутри каждой из них. Они объясняются в первую очередь упомянутою выше многослойностью греческого эпоса: ведь в мире, который рисует Гомер, совмещены и соседствуют черты и приметы нескольких эпох — микенской, предгомеровской (дорийской), гомеровской в собственном смысле слова. И вот рядом с дорийским обрядом сожжения трупов — микенское захоронение в земле, рядом с микенским бронзовым оружием — дорийское железо, неведомое ахейцам, рядом с микенскими самодержцами — безвластные дорийские цари, цари лишь по имени, а по сути родовые старейшины... В прошлом веке эти противоречия привели науку к тому, что под сомнение было поставлено само существование Гомера. Высказывалась мысль, что гомеровские поэмы возникли спонтанно, то есть сами собой, что это результат коллективного творчества — вроде народной песни. Критики менее решительные признавали, что Гомер все-таки существовал, но отводили ему сравнительно скромную роль редактора, или, точнее, компилятора, который умело свел воедино небольшие по размеру поэмы, принадлежавшие разным авторам, или, может быть, народные. Третьи, напротив, признавали за Гомером авторские права на бóльшую часть текста, но художественную цельность и совершенство «Илиады» и «Одиссеи» относили на счет какого-то редактора более поздней эпохи.

Ученые неутомимо вскрывали все новые противоречия (нередко они бывали плодом ученого воображения или ученой придирчивости) и готовы были платить любую цену, лишь бы от них избавиться. Цена, однако же, оказалась слишком высока: выдумкою, фикцией обернулся не только Гомер, но и достоинства «мнимых» его творений, разодранных на клочки беспощадными перьями аналитиков (так называют ниспровергателей «единого Гомера»). Это было явной нелепостью, и в течение последних пятидесяти лет верх взяла противоположная точка зрения — унитарная. Для унитариев неоспоримо художественное единство гомеровского наследия, ощущаемое непосредственно любым непредвзятым читателем. Их цель — подкрепить это ощущение с помощью особого «анализа изнутри», анализа тех правил и законов, которые, сколько можно судить, ставил себе сам поэт, тех приемов, из которых складывается поэзия Гомера, того мироощущения, которое лежит в ее основе. Итак, взглянем на Гомера глазами непредвзятого читателя.

Прежде всего нас озадачит и привлечет сходство, близость древнего к современному. Гомер сразу же захватывает и сразу из предмета изучения становится частью нашего «я», как становится всякий любимый поэт, мертвый или живой — безразлично, потому что основным для нас будет эмоциональный отзыв, эстетическое переживание.

Читая Гомера, убеждаешься, что многое в его взгляде на мир — не только вечная и непреходящая истина, но и прямой вызов всем последующим векам. Важнейшее, что отличает этот взгляд,— его широта, желание понять разные точки зрения, терпимость, как сказали бы сегодня. Автор героического эпоса греков не питает ненависти к троянцам, бесспорным виновникам несправедливой войны (ведь это их царевич Парис нанес обиду людям и оскорбил божеский закон, похитив Елену, супругу своего гостеприимца, спартанского царя Менелая); скажем более — он уважает их, он им сочувствует, потому что и у них нет иного выбора, как сражаться, защищая свой город, жен, детей и собственную жизнь, и потому, что они сражаются мужественно, хотя ахейцы и сильнее и многочисленнее. Они обречены; правда, сами они еще не знают этого, но Гомер-то знает исход войны и, великодушный победитель, сострадает будущим побежденным. И если, по словам самого поэта, «святая Троя» ненавистна богам «за вину Приамида Париса», то Гомер выше и благороднее богов-олимпийцев.

Широта взгляда вдохновляется добротою, человечностью. Едва ли случайно, что европейскую литературу открывает призыв к доброте и осуждение жестокости. Справедливость, которую обязаны блюсти люди и охранять боги,— во взаимной любви, кротости, приветливости, благодушии; беззаконие — в свирепстве, в бессердечии. Даже Ахиллесу, образцовому своему герою, не прощает Гомер «львиного свирепства», и поныне это не прописное проклятие прописному пороку, а живой опыт, за который люди на протяжении своей истории платили так много и всякий раз сызнова. Человечность Гомера столь велика, что одерживает верх даже над неотъемлемыми признаками жанра: обычно героический эпос — это песнь войне, как испытанию, обнаруживающему лучшие силы души, и Гомер в самом деле прославляет войну, но он уже и проклинает ее бедствия, ее безобразие, бесстыдное надругательство над человеческим достоинством. Первое, видимо, идет от примитивной морали варваров-дорийцев, второе — от новой морали законности и мира. Ей предстояло подчинить себе вселенную, и по сию пору нельзя еще сказать, чтобы эта задача была решена. Вот где Гомер встречается с Шекспиром, а мы — с тем и другим, вот что нам Гекуба! Мы отлично понимаем ужас старого Приама, заранее оплакивающего свою уродливую и бесславную гибель:

О, юноше славно,
Как ни лежит он, упавший в бою и растерзанный медью,—
Все у него и у мертвого, что ни открыто, прекрасно!
Если ж седую браду и седую главу человека,
Ежели стыд у старца убитого псы оскверняют,—
Участи более горестной нет человекам несчастным!

И нисколько не меньше, не хуже понятен нам яростный шекспировский протест против судьбы, позволившей этому совершиться:

Стыдись, Фортуна! Дайте ей отставку,
О боги, отымите колесо.
Разбейте обод, выломайте спицы
И ось его скатите с облаков
В кромешный ад! [1]

Унижение человека несправедливостью, насилием — это позор и мука для каждого из людей; свой наглый вызов злодейство бросает всему миропорядку, и, стало быть, каждому из нас, и, стало быть, каждый в ответе за злодейство. Гомер это предчувствовал, Шекспир ясно понимал.

Но терпимость нигде ни разу не оборачивается терпимостью к злу, робостью перед ним, попыткою его оправдать. Твердость этической позиции, серьезная и строгая однозначность в отношении к жизни, столь характерная для Гомера (и для античной традиции в целом), обладает в наших глазах особою притягательною силой. «Незыблемость скáлы ценностей», от Гомера до наших дней — неискоренимость добра и честности перед лицом злобы и предательства, вечность тяги к прекрасному вопреки соблазнам безобразного, «вечность» максим и заповедей, которые иным простакам кажутся родившимися только вчера или даже сегодня,— несет в себе радость и ободрение. И не нужно подозревать, будто такая однозначность оценок — следствие примитивного, первобытного самодовольства, которому непонятно, что́ такое сомнение; нет, под нею скрыта органическая уверенность в себе здорового интеллекта, здорового чувства, уверенность в своем праве (и в своей обязанности!) решать и судить.

Для здорового чувства и здорового интеллекта жизнь — великий дар и самое драгоценное достояние, несмотря на все ее бедствия, муки и тяжкие превратности, несмотря на то, что Зевс изрекает с высоты небес:

...Из тварей, которые дышат и ползают в прахе,
Истинно в целой вселенной несчастнее нет человека!

Но бессмертному не понять смертных, и поэт не только благороднее, но и мудрее своих богов. Он приемлет действительность спокойно и здраво, он улавливает в ней ритм чередующихся радостей и горестей и видит в таком чередовании непреложный закон бытия, и решительно говорит бытию «да», а небытию — «нет».

Решительно, но небезоговорочно, потому что и в лицо смерти смотрит с таким же бесстрашием и спокойствием, как в лицо жизни. Неизбежность смерти не может и не должна отравить радость земного

[1] Перевод Б. Пастернака.

существования, а ее угроза — толкнуть на бесчестие. Одно из лучших и самых знаменитых мест в «Илиаде» — слова троянского героя Сарпедона, обращенные к другу перед битвою:

Друг благородный! когда бы теперь, отказавшись от брани,
Были с тобой навсегда нестареющи мы и бессмертны,
Я бы и сам не летел впереди перед воинством биться,
Я и тебя бы не влек на опасности славного боя.
Но и теперь, как всегда, неисчетные случаи смерти
Нас окружают, и смертному их не минуть, не избегнуть.
Вместе вперед! иль на славу кому, иль за славою сами!

Мироощущение Гомера — это высшее спокойствие и просветленность духа, который изведал и неистовый восторг, и неистовое отчаяние и поднялся выше обоих — над наивностью оптимизма и озлобленностью пессимизма.

Слова Сарпедона, призывающие друга в бой, читателя призывают задуматься, насколько свободен человек у Гомера — обладает ли он свободою выбора, свободою воли или скован «вышними силами» по рукам и ногам. Вопрос на редкость сложный, и ответы разноречивы, ибо разноречивы представления о богах и Судьбе, совместившиеся в греческом эпосе. Довольно часто люди действительно жалуются, что они не более чем игрушки в руках богов, и во всех своих бедах и ошибках винят злокозненных небожителей, но если это так, почему боги негодуют на неправду, чинимую людьми? Тогда это их, божеская, неправда, и гомеровская мораль лишается основания. Как ни толкуй эти жалобы (а их можно объяснять и психологически, например, попыткою оправдаться, переложить собственную вину на чужие плечи), сгладить противоречие очень трудно. Да это и ни к чему. Тем более что мы встретим достаточно мест, где человек принимает решение сознательно, здраво взвешивая все «за» и «против», без всякой помощи (или коварной подсказки) свыше, и потому обязан нести ответственность за свой поступок. Подобные человеку во всем, боги Гомера и тут выступают в чисто человеческих ролях: они подают советы — совершенно так же, как мудрый старец Нестор, они участвуют в схватках — совершенно как смертные герои, иногда даже с меньшею удачей, чем смертные, не брезгуют вмешательством и в мелочи земной жизни. Они способны помочь человеку или навредить ему, но решить его участь они не могут — ни один из них, даже Зевс.

Участь человека предопределена Судьбою, высшей в мире силою, которой подчиняются и сами боги. Они слуги Судьбы, исполнители ее решений; приблизить или отдалить назначенное Судьбою — вот все, на что они способны. Главное их преимущество перед людьми — знание, мудрость, предвидение будущего (так же как главная причина людской неправедности, греха — это невежество, духовная слепота, глу-

пость), и они охотно пользуются этим преимуществом, чтобы заранее известить смертного, что «предначертано ему роком». А это очень важно, поскольку в рамках предначертанного, в рамках необходимости почти всегда остается место свободе. Судьба предлагает дилемму: поступишь так-то — уцелеешь, поступишь по-иному — умрешь (что и значит «судьбе вопреки низойти в обитель Аида»). Выбор есть акт свободной воли, но, коль скоро он сделан, в его последствиях ничего нельзя изменить. Гермес внушал Эгисту, чтобы тот не покушался на жизнь Агамемнона, когда царь возвратится из похода на Трою, и не вступал в брак с его супругой. Эгист остался глух к наставлению бога и, как предупреждал его Гермес, понес наказание от руки сына убитого.

Читая Гомера, убеждаешься, что бывают случаи, когда банальные, захватанные штампы, давно потерявшие смысл и выразительность, вдруг оживают. Он в самом деле «гений поэзии» и в самом деле «художник слова». Он рисует и лепит словом, созданное им зримо и осязаемо. Он обладает неповторимою даже среди собратьев по гениальности остротою глаза, и потому мир его ви́дения — самые обыденные предметы в этом мире — резче, отчетливее, содержательнее, нежели то, что открывается любому иному взору. Это качество хотелось бы, вслед за Марксом, назвать детскостью, потому что лишь в ранние годы, лишь ребенку доступна такая зоркость. Но детскость Гомера — это еще и яркое солнце, которым пронизаны поэмы, и восхищение жизнью, во всяком ее обличии (отсюда общая приподнятость тона, эпическая величавость), и неиссякаемое любопытство к деталям (отсюда бесчисленные, но никогда не утомляющие подробности). Детскость проявляется, наконец, и в том, как относится художник к своему материалу.

Писатель нового времени, как правило, борется с материалом, он *организует* слово и стоящую за ним действительность — это именно процесс организации, претворение хаоса в космос, беспорядка в порядок. Чем ближе к сегодняшнему дню, тем заметнее борьба, тем меньше старается художник скрыть ее от чужих глаз, а нередко и демонстративно выставляет сопротивление материала на всеобщий обзор. Античный писатель не знал этого сопротивления, у Гомера субъект еще не противопоставлен объекту (обществу или даже природе): так ребенок долго не осознает противоположности «я» и «не-я». Органическое ощущение единства слабело с веками, но вплоть до самого конца античной традиции не исчезало окончательно, и это придает всякой античной книге, и прежде всего гомеровским поэмам, особую цельность, которую ни с чем не спутаешь и которая влечет нас и радует — по контрасту. То же ощущение, пожалуй, запечатлено в современной Гомеру пластике и вазописи, обычно именуемых архаическими. Глядя на «куросов» (изваяния юношей в полный рост), на их сдержанную, скованную мощь и блаженную улыбку, разглядывая вазы

и глиняные статуэтки, каждая из которых вправе называться шедевром, думаешь о том, с какою свободой и беззаботностью, с каким мудрым забвением повседневных тягот и тревог, с каким детским доверием к будущему и уверенностью в нем воспринимал мир древний художник. Потому-то и улыбаются губы, потому так широко открыты глаза — с любопытством ко всему на свете, с достоинством и спокойствием, которые чудесным образом сочетаются с экспрессией, смелою выразительностью движений в вереницах людей и животных.

То же и у Гомера. «Статические» зарисовки чередуются с «динамическими», и трудно сказать, какие удаются поэту лучше. Сравним:

В мантию был шерстяную, пурпурного цвета, двойную
Он облачен; золотою прекрасной с двойными крючками
Бляхой держалася мантия; мастер на бляхе искусно
Грозного пса и в могучих когтях у него молодую
Лань изваял...
...в изумленье та бляха
Всех приводила. Хитон, я приметил, носил он из чудной
Ткани, как пленка, с головки сушеного снятая лука,
Тонкой и светлой, как яркое солнце; все женщины, видя
Эту чудесную ткань, удивлялися ей несказанно.

II:

Вышел таков Теламонид огромный, твердыня Данаев,
Грозным лицом осклабляясь, и звучными сильный стопами
Шел, широко выступая, копьем длиннотенным колебля.

Чему отдать предпочтение, пусть каждый решит для себя сам, но в любом случае запомним, что упрекать гомеровский эпос в примитивной застылости, в неспособности изобразить движение — несправедливо и нелепо.

Зримость, наглядность, как основное качество поэзии Гомера, позволяет объяснить многое в «Илиаде» и «Одиссее». Становится понятным последовательное олицетворение всего отвлеченного (Обида, Вражда, Молитвы): то, чего нельзя охватить взором, для Гомера просто не существует. Понятна полная конкретность — не просто человекоподобие, но именно конкретность, вещность — образов небожителей. Конкретность неизбежно снижает образ, и только здесь, в обостренном чувстве реальности, а никак не в первобытном вольнодумстве, надо искать причину того, что нашему восприятию кажется насмешкою над богами: боги Гомера вспыльчивы, тщеславны, злопамятны, высокомерны, простоваты, не чужды им и физические изъяны. Гомеровская мифология — первая, которая нам известна у греков; что в ней от общепринятых религиозных верований, что добавлено вымыслом поэта, никто не знает, и можно с большою вероятностью предполагать, что более поздние, классические представления об Олимпе и его обитателях

во многом прямо заимствованы из «Илиады» и «Одиссеи» и происхождением своим обязаны художественному дару автора поэм.

Конкретность и вообще несколько снижает приподнятость тона, эпическую величавость. Одним из средств, создающих эту приподнятость, был особый язык эпоса — изначально неразговорный, сложенный из элементов различных греческих диалектов. Во все времена он звучал для самих греков остраненно и высоко и уже в классическую эпоху (V в. до н. э.) казался архаичным. Русский перевод «Илиады», выполненный Н. И. Гнедичем около полутораста лет назад, как нельзя вернее воспроизводит отчужденность эпического языка, его приподнятость надо всем обыденным, его древность.

Читая Гомера, убеждаешься: не только внешность мира, его лик,— когда улыбчивый, когда хмурый, когда грозный,— умел он изображать, но и человеческая душа, все ее движения, от простейших до самых сложных, были ведомы поэту. Есть в поэмах настоящие психологические открытия, которые и теперь при первой встрече — первом чтении — поражают и запоминаются на всю жизнь. Вот дряхлый Приам, тайком явившись к Ахиллесу в надежде получить для погребения тело убитого сына,

никем не примеченный, входит в покой и, Пелиду
В ноги упав, обымает колена и руки целует,—
Страшные руки, детей у него погубившие многих!

Цену этим строкам знал, бесспорно, и сам поэт: недаром чуть ниже он повторяет их, вложив в уста самого Приама и дополнив прямым «психологическим комментарием»:

Храбрый! почти ты богов! над моим злополучием сжалься,
Вспомнив Пелея отца: несравненно я жальче Пелея!
Я испытую, чего на земле не испытывал смертный:
Мужа, убийцы детей моих, руки к устам прижимаю!

Или еще пример — другое открытие: горе и сплачивает, и в то же время разъединяет людей. Дружно рыдают рабыни, оплакивая убитого Патрокла, но в душе каждая сокрушается о собственном горе, и так же плачут, сидя рядом, враги — Ахиллес и Приам:

За руку старца он взяв, от себя отклонил его тихо.
Оба они вспоминая: Приам — знаменитого сына,
Горестно плакал, у ног Ахиллесовых в прахе простертый,
Царь Ахиллес, то отца вспоминая, то друга Патрокла,
Плакал, и горестный стон их кругом раздавался по дому.

Или еще — всякое очень сильное чувство двулико, скорбное просветление скрыто на дне безутешного плача, за бешеным гневом таится сладость:

Гнев ненавистный, который и мудрых в неистовство вводит,
Он в зарождении сладостней тихо струящегось меда.

Психологизм в сочетании с даром художника — постоянным стремлением не рассказывать, а показывать — сообщает эпосу качества драмы: характеры раскрываются не со стороны, а непосредственно, в речах героев. Речи и реплики занимают приблизительно три пятых текста. В каждой из поэм около семидесяти пяти говорящих персонажей, и все это живые лица, их не спутаешь друг с другом. Древние называли Гомера первым трагическим поэтом, а Эсхил утверждал, что его, Эсхила, трагедии — лишь крохи с пышного стола Гомера. И правда, многие знаменитые, психологически совершенные эпизоды «Илиады» и «Одиссеи» — это сцены, словно бы специально написанные для театра. К их числу принадлежат свидание Гектора с Андромахой в VI песни «Илиады», появление Одиссея перед феакийской царевною Навсикаей и «узнание» его старой нянькою Евриклеей — в VI и XIX песнях «Одиссеи».

Читая Гомера, убеждаешься, что обе поэмы (в особенности «Илиада») — чудо композиции, и дивишься безумной отваге аналитиков, утверждавших, будто эти виртуознейшие конструкции сложились сами собой, стихийно, спонтанно. Трудно сомневаться, что расположение материала было строго и тщательно обдумано,— именно потому так полно исчерпываются все начатые однажды темы, так плотно сконцентрировано действие. Всего одиннадцать стихов потребовалось автору «Илиады», чтобы ввести слушателя (или читателя) в суть дела, в самую гущу событий; в одиннадцати строках экспозиции открываются и главная тема всего произведения — гнев Ахиллеса, и повод к гневу, и обстоятельства, предшествовавшие ссоре вождей, и даже божественная подоплека событий («совершалася Зевсова воля»). Сразу же за тем начинается действие, которое длится до тех пор, пока не иссякает полностью главная тема. Ни убийство Гектора, ни надругательство над его телом, ни пышные похороны Патрокла, ни погребальные игры в честь друга не приносят успокоения Ахиллесу. Только после свидания с Приамом наступает перелом: душа, омраченная яростью и отчаянием, словно просветляется, омытая слезами, которые вместе проливают убийца и отец убитого. И затем такое же просветленное завершение второй темы — темы Гектора, которая неотделима от главной, ею рождена и дополняет ее. Эпилога в «Илиаде» нет, и вплоть до последней, завершающей строки: «Так погребали они конеборного Гектора тело» — длится развязка, всем духом своим напоминающая развязку трагедии. Напоминает о трагедии и темп повествования, неровный, порывистый, изобилующий резкими, неожиданными поворотами — в трагедии их называют перипетиями. Главная перипетия решает судьбу героя и решительно направляет действие к кульминации и развязке. В «Илиаде» роль главной перипетии играет гибель Патрокла, кульминации — умерщвление Гектора.

И эпизоды и образы «Илиады» объединены вокруг главной темы и главного героя, образуя тесно связанную систему. Все события поэмы укладываются в девять дней (впрочем, если считать и «пустые промежутки» между сгустками действия, дней набирается пятьдесят один). «Одиссея» построена несколько иначе, более рыхло. Здесь нет такого сгущения действия, такого тесного переплетения различных его линий (хотя «действенных» дней тоже девять). Более независимы друг от друга и образы: нет таких психологически взаимодополняющих или противопоставленных пар, как Ахиллес — Гектор, или Ахиллес — Диомед, или Ахиллес — Патрокл, связи между персонажами по преимуществу внешние, сюжетные. Но надо помнить, что перед поэтом стояла труднейшая задача — изложить десятилетнюю предысторию возвращения на Итаку, рассказать о десятилетних скитаниях героя. Выходит, что бóльшая рассредоточенность действия была задана самим сюжетом.

Изучая построение поэм, ученые открыли у Гомера особый композиционный стиль, который назвали «геометрическим». Его основа — острое чувство меры и симметрии, а результат — последовательное членение текста на триптихи (тройное деление). Так, первые пять песней «Одиссеи» составляют структуру из двух триптихов. Первый: совет богов и их намерение вернуть Одиссея на родину ($I, 1$ — $I, 100$) — Телемах и женихи на Итаке ($I, 101$ — II) — Телемах гостит у Нестора в Пилосе (III). Второй: Телемах гостит у Менелая в Спарте ($IV, 1$ — $IV, 624$) — женихи на Итаке ($IV, 625$ — $IV, 847$) — совет богов и начало пути Одиссея на родину (V). Второй триптих как бы зеркально отражает первый, получается симметричное расположение элементов по обе стороны от центральной оси. Конечно, это результат не расчета, а врожденного дара: автор, вернее всего, и не подозревал о собственном геометризме. Нам, читателям, геометризм открывается непосредственно. Мы говорим о нем нечетко и расплывчато, называя общею стройностью, изяществом, соразмерностью. Но как бы там ни было, мы наслаждаемся этой непридуманной, ненарочитой соразмерностью,— быть может, в противоположность нарочитой асимметричности, которая становится эстетической нормой в новейшее время.

Со всем тем нельзя настаивать, что композиция поэм — и не только композиция — совершенно свободна от изъянов, с точки зрения современного читателя. Остатки примитивного творческого метода древних певцов обнаруживаются и в утомительных длиннотах, и в сюжетных повторах, резко снижающих занимательность (например, в начале XII песни «Одиссеи» волшебница Цирцея заранее и довольно подробно рассказывает о приключениях, которые будут содержанием этой же самой песни), и в так называемом законе хронологической несовместимости: действия одновременные и параллельные Гомер изо-

бразить не может, а потому рисует их разновременными, следующими одно за другим. По милости этого закона гомеровские битвы выглядят цепочками поединков — каждая пара бойцов терпеливо дожидается своей очереди, да и внутри пары строго соблюдается очередность — разом противники никогда не бьют.

В список изъянов можно было бы внести и пресловутое «эпическое (или даже гомеровское) спокойствие», ибо чистая, беспримесная объективность, полная незаинтересованность — мертвы и к искусству не принадлежат. Но, хотя «гомеровское спокойствие» часто считается необходимым признаком эпического стиля, это выдуманный признак. Гомер отнюдь не устраняется от суждения о происходящем. Расставив декорации и выпустив на сцену актеров, он уже не вмешивается в игру, но и не прячется все время за кулисами, а то и дело выходит к зрителям и говорит с ними, комментируя происходящее; иной раз он обращается к Музе и к действующим лицам. Ученые подсчитали, что подобные «прямые высказывания» составляют около $^1/_5$ всего текста. Самая замечательная их часть — это, бесспорно, авторские (или эпические) сравнения. В обычном сравнении, каким бы образным оно ни было, каждое слово направлено к возможно более полному изображению сравниваемого. Если Одиссей притворно жалуется:

...Но все миновалось;
Я лишь солома теперь, по соломе, однако, и прежний
Колос легко распознаешь ты,—

здесь все «идет в дело»: я теперь как вымолоченная солома, но как по соломе легко догадаться, что за колос она несла, так и ты, глядя на меня, догадаешься, что за человек я был прежде. Но когда о младших начальниках, строящих войско к бою, говорится:

...Подобно как волки,
Хищные звери, у коих в сердцах беспредельная дерзость,
Кои еленя рогатого, в дебри нагорной повергнув,
Зверски терзают; у всех обагровлены кровию пасти;
После стаею целой к источнику черному рыщут;
Там языками их гибкими мутную воду потока
Локчут, рыгая кровь поглощенную; в персях их бьется
Неукротимое сердце, и всех их раздуты утробы,—
В брань таковы мирмидонян вожди и строители ратей
Реяли окрест Патрокла,—

то собственно сравнению отведены три строки из десяти: вожди мирмидонян, окружавшие Патрокла, были похожи на волков. Остальные семь — особая картина, ничем фактически не связанная с окружающим текстом. Когда-то считали, что авторские сравнения только украшают эпос, но никакой функциональной нагрузки не несут. Теперь

думают по-другому: авторские сравнения — это выход из условной, поэтической действительности в мир, доподлинно окружавший певца и его слушателей; чувства слушателей, изменяя свое направление, как бы получали отдых, чтобы затем с новым напряжением обратиться к судьбам героев. Если авторские сравнения должны были служить эмоциональным контрастом к основному повествованию, ясно, что темы для сравнений заимствовались преимущественно из мирной жизни. В «Илиаде», более одухотворенной, монументальной и сумрачной, монументальны и сравнения; в «Одиссее» они короче и проще, среди мотивов преобладают бытовые,— вероятно, в противоположность чудесам сказки.

Мы видели, как гомеровский эпос соприкасается с драмою. В авторских сравнениях он становится самою настоящею лирикой. Читая Гомера, радуешься встрече с каждым новым сравнением, останавливаешься и медленно произносишь вслух — раз, другой, третий, наслаждаясь его прелестью, свежестью, смелостью и вместе с тем полнейшей естественностью, ненарочитостью.

Словно как на небе около месяца ясного сонмом
Кажутся звезды прекрасные, ежели воздух безветрен;
Все кругом открывается — холмы, высокие горы,
Долы, небесный эфир разверзается весь беспредельный;
Видны все звезды; и пастырь, дивуясь, душой веселится,—
Столько меж черных судов и глубокопучинного Ксанфа
Зрилось огней троянских.

Так помышляет о сладостном вечере пахарь, день целый
Свежее поле с четою волов бороздивший могучим
Плугом, и весело день провожает он взором на запад —
Тащится тяжкой стопою домой он готовить свой ужин.
Так Одиссей веселился, увидя склоненье на запад
Дня.

Читать «Илиаду» и «Одиссею», просто читать, как читаешь своего современника, не делая никаких скидок на века и тысячелетия,— вот самый лучший, самый верный путь к Гомеру. Он открыт и доступен всем.

СИМОН МАРКИШ

ПЕРЕВОД

Н. Гнедича

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

ЯЗВА. ГНЕВ

Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахеянам тысячи бедствий соделал:
Многие души могучие славных героев низринул
В мрачный Аид и самих распростер их в корысть плотоядным
Птицам окрестным и псам (совершалася Зевсова воля),—
С оного дня, как, воздвигшие спор, воспылали враждою
Пастырь народов Атрид и герой Ахиллес благородный.

Кто ж от богов бессмертных подвиг их к враждебному спору?
Сын громовержца и Леты — Феб, царем прогневленный,
Язву на воинство злую навел; погибали народы
В казнь, что Атрид обесчестил жреца непорочного Хриса.
Старец, он приходил к кораблям быстролетным ахейским
Пленную дочь искупить и, принесши бесчисленный выкуп
И держа в руках, на жезле золотом, Аполлонов
Красный венец, умолял убедительно всех он ахеян,
Паче ж Атридов могучих, строителей рати ахейской:
«Чада Атрея и пышноногие мужи ахейцы!
О! да помогут вам боги, имущие домы в Олимпе,
Град Приамов разрушить и счастливо в дом возвратиться;
Вы ж свободите мне милую дочь и выкуп примите,
Чествуя Зевсова сына, далеко разящего Феба».

Все изъявили согласие криком всеобщим ахейцы
Честь жрецу оказать и принять блистательный выкуп;
Только царя Агамемнона было то не любо сердцу;
Гордо жреца отослал и прирек ему грозное слово:
«Старец, чтоб я никогда тебя не видал пред судами!
Здесь и теперь ты не медли и впредь не дерзай показаться!
Или тебя не избавит ни скиптр, ни венец Аполлона.
Деве свободы не дам я; она обветшает в неволе,
В Аргосе, в нашем дому, от тебя, от отчизны далече —
Ткальный стан обходя или ложе со мной разделяя.
Прочь удались и меня ты не гневай, да здрав возвратишься!»

Рек он; и старец трепещет и, слову царя покоряся,
Идет, безмолвный, по брегу немолчношумящей пучины.
Там, от судов удалившися, старец взмолился печальный
Фебу царю, лепокудрыя Леты могущему сыну:
«Бог сребролукий, внемли мне: о ты, что, хранящий, обходишь
Хрису, священную Киллу и мощно царишь в Тенедосе,
Сминфей! если когда я храм твой священный украсил,
Если когда пред тобой возжигал я тучные бедра
Коз и тельцов,— услышь и исполни одно мне желанье:
Слезы мои отомсти аргивянам стрелами твоими!»

Так вопиял он, моляся; и внял Аполлон сребролукий:
Быстро с Олимпа вершин устремился, пышущий гневом,
Лук за плечами неся и колчан, отовсюду закрытый;
Громко крылатые стрелы, бясь за плечами, звучали
В шествии гневного бога: он шествовал, ночи подобный.
Сев наконец пред судами, пернатую быструю мечет;
Звон поразительный издал серебряный лук стреловержца.
В самом начале на месков напал он и псов празднобродных;
После постиг и народ, смертоносными прыща стрелами;
Частые трупов костры непрестанно пылали по стану.

Девять дней на воинство божие стрелы летали;
В день же десятый Пелид на собрание созвал ахеян.
В мысли ему то вложила богиня державная Гера:
Скорбью терзалась она, погибающих видя ахеян.
Быстро сходился народ, и когда воедино собрался,
Первый, на сонме восстав, говорил Ахиллес быстроногий:
«Должно, Атрид, нам, как вижу, обратно исплававши море,
В домы свои возвратиться, когда лишь от смерти спасемся.
Вдруг и война, и погибельный мор истребляет ахеян.

Но испытаем, Атрид, и вопросим жреца, иль пророка,
Или гадателя снов (и сны от Зевеса бывают):
Пусть нам поведают, чем раздражен Аполлон небожитель?
Он за обет несвершенный, за жертву ль стотельчую гневен?
Или от агнцев и избранных коз благовонного тука
Требует бог, чтоб ахеян избавить от пагубной язвы?»

Так произнесши, воссел Ахиллес; и мгновенно от сонма
Калхас восстал Фесторид, верховный птицегадатель.
Мудрый, ведал он все, что минуло, что есть и что будет,
И ахеян суда по морям предводил к Илиону
Даром предвиденья, свыше ему вдохновенным от Феба.
Он, благомыслия полный, речь говорил и вещал им:
«Царь Ахиллес! возвестить повелел ты, любимец Зевеса,
Праведный гнев Аполлона, далеко разящего бога?
Я возвещу; но и ты согласись, поклянись мне, что верно
Сам ты меня защитить и словами готов и руками.
Я опасаюсь, прогневаю мужа, который верховный
Царь аргивян и которому все покорны ахейцы.
Слишком могуществен царь, на мужа подвластного гневный:
Вспыхнувший гнев он на первую пору хотя и смиряет,
Но сокрытую злобу, доколе ее не исполнит,
В сердце хранит. Рассуди ж и ответствуй, заступник ли
ты мне?»

Быстро ему отвечая, вещал Ахиллес благородный:
«Верь и дерзай, возвести нам оракул, какой бы он ни был!
Фебом клянусь я, Зевса любимцем, которому, Калхас,
Молишься ты, открывая данаям вещания бога:
Нет, пред судами никто, покуда живу я и вижу,
Рук на тебя дерзновенных, клянуся, никто не подымет
В стане ахеян; хотя бы назвал самого ты Атрида,
Властию ныне верховной гордящегось в рати ахейской».

Рек он; и сердцем дерзнул, и вещал им пророк непорочный:
«Нет, не за должный обет, не за жертву стотельчую гневен
Феб, но за Хриса жреца: обесчестил его Агамемнон,
Дщери не выдал ему и моленье и выкуп отринул.
Феб за него покарал и бедами еще покарает,
И от пагубной язвы разящей руки не удержит
Прежде, доколе к отцу не отпустят, без платы, свободной
Дщери его черноокой и в Хрису святой не представят
Жертвы стотельчей; тогда лишь мы бога на милость
преклоним».

Слово скончавши, воссел Фесторид; и от сонма воздвигся
Мощный герой, пространно-властительный царь Агамемнон,
Гневом волнуем; ужасной в груди его мрачное сердце
Злобой наполнилось; очи его засветились, как пламень.
Калхасу первому, смотря свирепо, вещал Агамемнон:
«Бед предвещатель, приятного ты никогда не сказал мне!
Радостно, верно, тебе человекам беды лишь пророчить;
Доброго слова еще ни измолвил ты нам, ни исполнил.
Се, и теперь ты для нас как глагол проповедуешь бога,
Будто народу беды дальномечущий Феб устрояет,
Мстя, что блестящих даров за свободу принять Хрисеиды
Я не хотел; но в душе я желал черноокую деву
В дом мой ввести; предпочел бы ее и самой Клитемнестре,
Девою взятой в супруги; ее Хрисеида не хуже
Прелестью вида, приятством своим, и умом, и делами!
Но соглашаюсь, ее возвращаю, коль требует польза:
Лучше хочу я спасение видеть, чем гибель народа.
Вы ж мне в сей день замените награду, да в стане аргивском
Я без награды один не останусь: позорно б то было;
Вы же то видите все — от меня отходит награда».

Первый ему отвечал Пелейон, Ахиллес быстроногий:
«Славою гордый Атрид, беспредельно корыстолюбивый!
Где для тебя обрести добродушным ахеям награду?
Мы не имеем нигде сохраняемых общих сокровищ:
Что в городах разоренных мы добыли, все разделили;
Снова ж, что было дано, отбирать у народа — позорно!
Лучше свою возврати, в угождение богу. Но после
Втрое и вчетверо мы, аргивяне, тебе то заплатим,
Если дарует Зевс крепкостенную Трою разрушить».

Быстро, к нему обратяся, вещал Агамемнон могучий:
«Сколько ни доблестен ты, Ахиллес, бессмертным подобный,
Хитро не умствуй: меня ни провесть, ни склонить не успеешь.
Хочешь, чтоб сам обладал ты наградой, а я чтоб, лишенный,
Молча сидел? и советуешь мне ты, чтоб деву я выдал?..
Пусть же меня удовольствуют новою мздою ахейцы,
Столько ж приятною сердцу, достоинством равною первой.
Если ж откажут, предстану я сам и из кущи исторгну
Или твою, иль Аяксову мзду, или мзду Одиссея;
Сам я исторгну, и горе тому, пред кого я предстану!
Но об этом беседовать можем еще мы и после.
Ныне черный корабль на священное море ниспустим,

Сильных гребцов изберем, на корабль гекатомбу поставим
И сведем Хриссиду, румяноланитую деву.
В нем да воссядет начальником муж от ахеян советных,
Идоменей, Одиссей Лаэртид, иль Аякс Теламонид,
Или ты сам, Пелейон, из мужей в ополченье страшнейший!
Шествуй и к нам Аполлона умилостивь жертвой священной!»

Грозно взглянув на него, отвечал Ахиллес быстроногий:
«Царь, облеченный бесстыдством, коварный душою мздолюбец!
Кто из ахеян захочет твои повеления слушать?
Кто иль поход совершит, иль с враждебными храбро сразится?
Я за себя ли пришел, чтоб троян, укротителей коней,
Здесь воевать? Предо мною ни в чем не виновны трояне:
Муж их ни коней моих, ни тельцов никогда не похитил;
В счастливой Фтии моей, многолюдной, плодами обильной,
Нив никогда не топтал; беспредельные нас разделяют
Горы, покрытые лесом, и шумные волны морские.
Нет, за тебя мы пришли, веселим мы тебя, на троянах
Чести ища Менелаю, тебе, человек псообразный!
Ты же, бесстыдный, считаешь ничем то и все презираешь,
Ты угрожаешь и мне, что мою ты награду похитишь,
Подвигов тягостных мзду, драгоценнейший дар мне ахеян?..
Но с тобой никогда не имею награды я равной,
Если троянский цветущий ахеяне град разгромляют.
Нет, несмотря, что тягчайшее бремя томительной брани
Руки мои подымают, всегда, как раздел наступает,
Дар богатейший тебе, а я и с малым, приятным
В стан не ропща возвращаюсь, когда истомлен ратоборством.
Ныне во Фтию иду: для меня несравненно приятней
В дом возвратиться на быстрых судах; посрамленный тобою,
Я не намерен тебе умножать здесь добыч и сокровищ».

Быстро воскликнул к нему повелитель мужей Агамемнон:
«Что же, беги, если бегства ты жаждешь! Тебя не прошу я
Ради меня оставаться; останутся здесь и другие;
Честь мне окажут они, а особенно Зевс промыслитель.
Ты ненавистнейший мне меж царями, питомцами Зевса!
Только тебе и приятны вражда, да раздоры, да битвы.
Храбростью ты знаменит; но она дарование бога.
В дом возвратясь, с кораблями беги и с дружиной своею;
Властвуй своими фессальцами! Я о тебе не забочусь;
Гнев твой вменяю в ничто; а напротив, грожу тебе так я:
Требует бог Аполлон, чтобы я возвратил Хриссиду;

Я возвращу,— и в моем корабле, и с мосю дружиной
Деву пошлю; но к тебе я приду, и из кущи твоей Брисеиду
Сам увлеку я, награду твою, чтобы ясно ты понял,
Сколько я властию выше тебя, и чтоб каждый страшился
Равным себя мне считать и дерзко верстаться со мною!»

Рек он,— и горько Пелиду то стало: могучее сердце
В персях героя власатых меж двух волновалося мыслей:
Или, немедля исторгнувши меч из влагалища острый,
Встречных рассыпать ему и убить властелина Атрида;
Или свирепство смирить, обуздав огорченную душу.
В миг, как подобными думамп разум и душу волнуя,
Страшный свой меч из ножен извлекал он,— явилась Афина,
С неба слетев; ниспослала ее златотронная Гера,
Сердцем любя и храня обоих брапоносцев; Афина,
Став за хребтом, ухватила за русые кудри Пелида,
Только ему лишь явленная, прочим незримая в сонме.
Он ужаснулся и, вспять обратяся, познал несомненно
Дочь громовержцеву: страшным огнем ее очи горели.
К ней обращенный лицом, устремил он крылатые речи:
«Что ты, о дщерь Эгиоха, сюда низошла от Олимпа?
Или желала ты видеть царя Агамемнона буйство?
Но реку я тебе, и реченное скоро свершится:
Скоро сей смертный своею гордынею душу погубит!»

Сыну Пелея рекла светлоокая дщерь Эгиоха:
«Бурный твой гнев укротить я, когда ты бессмертным покорен,
С неба сошла; ниспослала меня златотронная Гера;
Вас обоих равномерно и любит она и спасает.
Кончи раздор, Пелейон, и, довольствуя гневное сердце,
Злыми словами язви, но рукою меча не касайся.
Я предрекаю, и оное скоро исполнено будет:
Скоро трикраты тебе знаменитыми столько ж дарами
Здесь за обиду заплатят: смирися и нам повинуйся».

К ней обращаяся вновь, говорил Ахиллес быстроногий:
«Должно, о Зевсова дщерь, соблюдать повеления ваши.
Как мой ни пламенен гнев, но покорность полезнее будет:
Кто бессмертным покорен, тому и бессмертные внемлют».

Рек, и на сребряном черене стиснул могучую руку
И огромный свой меч в ножны опустил, покоряся
Слову Паллады; Зевсова дочь вознеслася к Олимпу,

В дом Эгиоха отца, небожителей к светлому сонму.
Но Пелид быстроногий суровыми снова словами
К сыну Атрея вещал и отнюдь не обуздывал гнева:
«Грузный вином, со взорами песьими, с сердцем еленя!
Ты никогда ни в сраженье открыто стать перед войском,
Ни пойти на засаду с храбрейшими рати мужами
Сердцем твоим не дерзнул: для тебя то кажется смертью.
Лучше и легче стократ по широкому стану ахеян
Грабить дары у того, кто тебе прекословить посмеет.
Царь пожиратель народа! Зане над презренными царь ты,—
Или, Атрид, ты нанес бы обиду, последнюю в жизни!
Но тебе говорю и великою клятвой клянуся,
Скипетром сим я клянуся, который ни листьев, ни ветвей
Вновь не испустит, однажды оставив свой корень на холмах,
Вновь не прозябнет,— на нем изощренная медь обнажила
Листья и кору,— и ныне который ахейские мужи
Носят в руках судии, уставов Зевесовых стражи,—
Скиптр сей тебе пред ахейцами будет великою клятвой:
Время придет, как данаев сыны пожелают Пелида
Все до последнего; ты ж, и крушася, бессилен им будешь
Помощь подать, как толпы их от Гектора мужеубийцы
Свергнутся в прах; и душой ты своей истерзаешься, бешен
Сам на себя, что ахейца храбрейшего так обесславил».

Так произнес, и на землю стремительно скипетр он бросил,
Вкруг золотыми гвоздями блестящий, и сел меж царями.
Против Атрид Агамемнон свирепствовал сидя; и Нестор
Сладкоречивый восстал, громогласный вития пилосский:
Речи из уст его вещих, сладчайшие меда, лилися.
Два поколенья уже современных ему человеков
Скрылись, которые некогда с ним возрастали и жили
В Пилосе пышном; над третьим уж племенем царствовал старец.
Он, благомыслия полный, советует им и вещает:
«Боги! великая скорбь на ахейскую землю приходит!
О! возликует Приам и Приамовы гордые чада,
Все обитатели Трои безмерно восхитятся духом,
Если услышат, что вы воздвигаете горькую распрю,—
Вы, меж данаями первые в сонмах и первые в битвах!
Но покоритесь, могучие! оба меня вы моложе,
Я уже древле видал знаменитейших вас брагоносцев;
С ними в беседы вступал, и они не гнушалися мною.
Нет, подобных мужей не видал я и видеть не буду,

Воев, каков Пирифой и Дриас, предводитель народов,
Грозный Эксадий, Кеней, Полифем, небожителям равный
И рожденный Эгеем Тесей, бессмертным подобный!
Се человеки могучие, слава сынов земнородных!
Были могучи они, с могучими в битвы вступали,
С лютыми чадами гор, и сражали их боем ужасным.
Был я, однако, и с оными в дружестве, бросивши Пилос,
Дальную Апии землю: меня они вызвали сами.
Там я, по силам моим, подвизался; но с ними стязаться
Кто бы дерзнул от живущих теперь человеков наземных?
Но и они мой совет принимали и слушали речи.
Будьте и вы послушны: слушать советы полезно.
Ты, Агамемнон, как ни могущ, не лишай Ахиллеса
Девы: ему как награду ее даровали ахейцы.
Ты, Ахиллес, воздержись горделиво с царем препираться:
Чести подобной доныне еще не стяжал ни единый
Царь скиптроносец, которого Зевс возвеличивал славой.
Мужеством ты знаменит, родила тебя матерь-богиня;
Но сильнейший здесь он, повелитель народов несчетных.
Сердце смири, Агамемнон: я, старец, тебя умоляю,
Гнев отложи на Пелида героя, который сильнейший
Всем нам, ахейцам, оплот в истребительной брани троянской».

Быстро ему отвечал повелитель мужей, Агамемнон:
«Так справедливо ты все и разумно, о старец, вещаешь;
Но человек сей, ты видишь, хочет здесь всех перевысить,
Хочет начальствовать всеми, господствовать в рати над всеми,
Хочет указывать всем; но не я покориться намерен.
Или, что храбрым его сотворили бессмертные боги,
Тем позволяют ему говорить мне в лицо оскорбленья?»

Гневно его перервав, отвечал Ахиллес благородный:
«Робким, ничтожным меня справедливо бы все называли,
Если б во всем, что ни скажешь, тебе угождал я, безмолвный.
Требуй того от других, напыщенный властительством; мне же
Ты не приказывай: слушать тебя не намерен я боле!
Слово иное скажу, и его сохрани ты на сердце:
В битву с оружьем в руках никогда за плененную деву
Я не вступлю, ни с тобой и ни с кем; отымайте, что дали!
Что ж до корыстей других, в корабле моем черном хранимых,
Противу воли моей ничего ты из них не похитишь!
Или, приди и отведай, пускай и другие увидят:
Черная кровь из тебя вкруг копья моего заструится!»

Так воеводы жестоко друг с другом словами сражаясь,
Встали от мест и разрушили сонм пред судами ахеян.
Царь Ахиллес к мирмидонским своим кораблям быстролетным
Гневный отшел, и при нем Менетид с мирмидонской дружиной.
Царь Агамемнон легкий корабль ниспустил на пучину,
Двадцать избрал гребцов, поставил на нем гекатомбу,
Дар Аполлону, и сам Хрисеиду, прекрасную деву,
Взвел на корабль: повелителем стал Одиссей многоумный;
Быстро они, устремяся, по влажным путям полетели.
Тою порою Атрид повелел очищаться ахейцам:
Все очищались они и нечистое в море метали.
После, избрав совершенные Фебу царю гекатомбы,
Коз и тельцов сожигали у брега бесплодного моря;
Туков воня́ до небес восходила с клубящимся дымом.

Так аргивяне трудились в стане; но царь Агамемнон
Злобы еще не смирял и угроз не забыл Ахиллесу:
Он, призвав пред лицо Талфибия и с ним Эврибата,
Верных клевретов и вестников, так заповедывал, гневный:
«Шествуйте, верные вестники, в сень Ахиллеса Пелида;
За руки взяв, пред меня Брисеиду немедля представьте:
Если же он не отдаст, возвратитеся — сам я исторгну:
С силой к нему я приду, и преслушному горестней будет».

Так произнес и послал, заповедавши грозное слово.
Мужи пошли неохотно по берегу шумной пучины;
И, приближася к кущам и быстрым судам мирмидонов,
Там обретают его, перед кущей своею сидящим
В думе; пришедших увидя, не радость Пелид обнаружил.
Оба смутились они и в почтительном страхе к владыке
Стали, ни вести сказать, ни его вопросить не дерзая.
Сердцем своим то проник и вещал им Пелид благородный:
«Здравствуйте, мужи глашатаи, вестники бога и смертных!
Ближе предстаньте; ни в чем вы не винны, но царь Агамемнон!
Он вас послал за наградой моей, за младой Брисеидой.
Друг, благородный Патрокл, изведи и отдай Брисеиду;
Пусть похищают; но сами они же свидетели будут
И пред сонмом богов, и пред племенем всех человеков,
И пред царем сим непстовым,— ежели некогда снова
Нужда настанет во мне, чтоб спасти от позорнейшей смерти
Рать остальную... свирепствует, верно, он, ум погубивши;
Весть настоящего с будущим он не умея, не видит,
Как при судах обеспечить спасение рати ахейской!»

Рек, и Менетиев сын покорился любезному другу.
За руку вывел из сени прекрасноланитую деву,
Отдал послам; и они удаляются к сеням ахейским;
С ними отходит печальная дева. Тогда, прослезяся,
Бросил друзей Ахиллес, и далеко от всех, одинокий,
Сел у пучины седой, и, взирая на понт темноводный,
Руки в слезах простирал, умоляя любезную матерь:
«Матерь! Когда ты меня породила на свет кратковечным,
Славы не должен ли был присудить мне высокогремящий
Зевс Эгиох? Но меня никакой не сподобил он чести!
Гордый могуществом царь, Агамемнон, меня обесчестил:
Подвигов бранных награду похитил и властвует ею!»

Так он в слезах вопиял; и услышала вопль его матерь,
В безднах сидящая моря, в обители старца Нерея.
Быстро из пенного моря, как легкое облако, вышла,
Села близ милого сына, струящего горькие слезы;
Нежно ласкала рукой, называла и так говорила:
«Что ты, о сын мой, рыдаешь? Какая печаль посетила
Сердце твое? не скрывайся, поведай, да оба мы знаем».

Ей, тяжело застонав, отвечал Ахиллес быстроногий:
«Знаешь, о матерь: почто тебе, знающей все, возвещать мне?
Мы на священные Фивы, на град Этионов ходили;
Град разгромили, и все, что ни взяли, представили стану;
Все меж собою, как должно, ахеян сыны разделили:
Сыну Атрееву Хрисову дочь леповидную дали.
Вскоре Хрис, престарелый священник царя Аполлона,
К черным предстал кораблям аргивян меднобронных, желая
Пленную дочь искупить; и, принесши бесчисленный выкуп
И держа в руках, на жезле золотом, Аполлонов
Красный венец, умолял убедительно всех он ахеян,
Паче ж Атридов могучих, строителей рати ахейской.
Все изъявили согласие криком всеобщим ахейцы
Честь жрецу оказать и принять блистательный выкуп;
Но Атриду царю, одному, не угодно то было:
Гордо жреца он отринул, суровые речи вещая.
Жрец огорчился и вспять отошел; но ему сребролукий
Скоро молящемусь внял, Аполлону любезен был старец:
Внял и стрелу истребленья послал на данаев; народы
Гибли, толпа на толпе, и бессмертного стрелы летали
С края на край по широкому стану. Тогда прорицатель,
Калхас премудрый, поведал священные Феба глаголы.

Первый советовал я укротить раздраженного бога.
Гневом вспылал Агамемнон и, с места, свирепый, воспрянув,
Начал словами грозить, и угрозы его совершились!
В Хрису священника дщерь быстроокие чада ахеян
В легком везут корабле и дары примирения богу.
Но недавно ко мне приходили послы и из кущи
Брисову дщерь увели, драгоценнейший дар мне ахеян!
Матерь! когда ты сильна, заступися за храброго сына!
Ныне ж взойди на Олимп и моли всемогущего Зевса,
Ежели сердцу его угождала ты словом иль делом.
Часто я в доме родителя, в дни еще юности, слышал,
Часто хвалилася ты, что от Зевса, сгустителя облак,
Ты из бессмертных одна отвратила презренные козни,
В день, как отца оковать олимпийские боги дерзнули,
Гера и царь Посейдаон и с ними Афина Паллада.
Ты, о богиня, представ, уничтожила ковы на Зевса;
Ты на Олимп многохолмный призвала сторукого в помощь,
Коему имя в богах Бриарей, Эгеон — в человеках:
Страшный титан, и отца своего превышающий силой,
Он близ Кронида воссел, и огромный, и славою гордый.
Боги его ужаснулись и все отступили от Зевса.
Зевсу напомни о том и моли, обнимая колена,
Пусть он, отец, возжелает в боях поборать за пергамлян,
Но аргивян, утесняя до самых судов и до моря,
Смертью разить, да своим аргивяне царем насладятся;
Сам же сей царь многовластный, надменный Атрид, да познает,
Сколь он преступен, ахейца храбрейшего так обесчестив».

Сыну в ответ говорила Фетида, лиющая слезы:
«Сын мой! Почто я тебя воспитала, рожденного к бедствам!
Даруй, Зевес, чтобы ты пред судами без слез и печалей
Мог оставаться. Краток твой век, и предел его близок!
Ныне ты вместе — и всех кратковечней, и всех злополучней!
В злую годину, о сын мой, тебя я в дому породила!
Но вознесусь на Олимп многоснежный; метателю молний
Все я поведаю, Зевсу: быть может, вонмет он моленью.
Ты же теперь оставайся при быстрых судах мирмидонских,
Гнев на ахеян питай и от битв удержись совершенно.
Зевс громовержец вчера к отдаленным водам Океана
С сонмом бессмертных на пир к эфиопам отшел непорочным;
Но в двенадцатый день возвратится снова к Олимпу;
И тогда я пойду к медноздданному Зевсову дому,
И к ногам припаду, и царя умолить уповаю».

Слово скончала и скрылась, оставя печального сына,
В сердце питавшего скорбь о красноопоясанной деве,
Силой Атрида отъятой. Меж тем Одиссей велемудрый
Хрисы веселой достиг с гекатомбой священною Фебу.
С шумом легкий корабль вбежал в глубодонную пристань,
Все паруса опустили, сложили на черное судно,
Мачту к гнезду притянули, поспешно спустив на канатах,
И корабль в пристанище дружно пригнали на веслах.
Там они ко́твы бросают, причалы к пристанищу вяжут,
И с дружиною сами сходят на берег пучины,
И низводят тельцов, гекатомбу царю Апполону,
И вослед Хрисеида на отчую землю нисходит.
Деву тогда к алтарю повел Одиссей благородный,
Старцу в объятия отдал и словом приветствовал мудрым:
«Феба служитель! Меня посылает Атрид Агамемнон
Дочерь тебе возвратить, и Фебу царю гекатомбу
Здесь за данаев принесть, да преклоним на милость владыку,
В гневе на племя данаев пославшего тяжкие бедства».

Рек, и вручил Хрисеиду, и старец с веселием обнял
Милую дочь. Между тем гекатомбную славную жертву
Вкруг алтаря велелепного стройно становят ахейцы,
Руки водой омывают и соль и ячмень подымают.
Громко Хрис возмолился, горе́ воздевающий руки:
«Феб сребролукий, внемли мне! о ты, что хранящий обходишь
Хрису, священную Киллу и мощно царишь в Тенедосе!
Ты благосклонно и прежде, когда я молился, услышал
И прославил меня, поразивши бедами ахеян;
Так же и ныне услышь и исполни моление старца:
Ныне погибельный мор отврати от народов ахейских».

Так он взывал,— и услышал его Аполлон сребролукий.
Кончив молитву, ячменем и солью осыпали жертвы,
Вы́и им подняли вверх, закололи, тела освежили,
Бедра немедля отсекли, обрезанным туком покрыли
Вдвое кругом и на них положили останки сырые.
Жрец на дровах сожигал их, багряным вином окропляя;
Юноши окрест его в руках пятизубцы держали.
Бедра сожегши они и вкусивши утроб от закланных,
Все остальное дробят на куски, прободают рожнами,
Жарят на них осторожно и, все уготовя, снимают.
Кончив заботу сию, ахеяне пир учредили;
Все пировали, никто не нуждался на пиршестве общем;

И когда питием и пищею глад утолили,
Юноши, паки вином наполнивши доверху чаши,
Кубками всех обносили, от правой страны начиная.
Целый ахеяне день ублажали пеннем бога;
Громкий пеан Аполлону ахейские отроки пели,
Славя его, стреловержца, и он веселился, внимая.
Солнце едва закатилось, и сумрак на землю спустился,
Сну предалися пловцы у причал мореходного судна.
Но, лишь явилась Заря розоперстая, вестница утра,
В путь поднялися обратный к широкому стану ахейцы.
С места попутный им ветер послал Аполлон сребролукий.
Мачту поставили, парусы белые все распустили;
Средний немедленно ветер надул, и, поплывшему судну,
Страшно вкруг киля его зашумели пурпурные волны;
Быстро оно по волнам, бразды оставляя, летело.
После, как скоро достигли ахейского ратного стана,
Черное судно они извлекли на покатую сушу
И, высоко, на песке, подкативши огромные бревна,
Сами рассеялись вдруг по своим кораблям и по кущам.

Он между тем враждовал, при судах оставаяся черных,
Зевсов питомец, Пелид Ахиллес, быстроногий ристатель.
Не был уже ни в советах, мужей украшающих славой,
Не был ни в грозных боях; сокрушающий сердце печалью,
Праздный сидел; но душою алкал он и брани и боя.

С оной поры наконец двенадцать деннщ совершилось,
И на светлый Олимп возвратилися вечные боги
Все совокупно; предшествовал Зевс. Не забыла Фетида
Сына молений; рано возникла из пенного моря,
С ранним туманом взошла на великое небо, к Олимпу;
Там, одного восседящего, молний метателя Зевса
Видит на самой вершине горы многоверхой, Олимпа;
Близко пред ним восседает и, быстро обнявши колена
Левой рукою, а правой подбрадия тихо касаясь,
Так говорит, умоляя отца и владыку бессмертных:
«Если когда я, отец наш, тебе от бессмертных угодна
Словом была или делом, исполни одно мне моленье!
Сына отмсти мне, о Зевс! кратковечнее всех он данаев;
Но его Агамемнон, властитель мужей, обесславил:
Сам у него и похитил награду, и властвует ею.
Но отомсти его ты, промыслитель небесный, Кронион!
Ратям троянским даруй одоленье, доколе ахейцы
Сына почтить не предстанут и чести его не возвысят».

Так говорила; но, ей не ответствуя, тучегонитель
Долго безмолвный сидел; а она, как объяла колена,
Так их держала, припавши, и снова его умоляла:
«Дай непреложный обет, и священное манье сделай,
Или отвергни: ты страха не знаешь; реки, да уверюсь,
Всех ли презреннейшей я меж бессмертных богинь остаюся».

Ей, воздохнувши глубоко, ответствовал тучегонитель:
«Скорбное дело, ненависть ты на меня возбуждаешь
Геры надменной: озлобит меня оскорбительной речью;
Гера и так непрестанно, пред сонмом бессмертных, со мною
Спорит и вопит, что я за троян побораю во брани.
Но удалися теперь, да тебя на Олимпе не узрит
Гера; о прочем заботы приемлю я сам и исполню:
Зри, да уверенна будешь,— тебе я главой помаваю.
Се от лица моего для бессмертных богов величайший
Слова залог: невозвратно то слово, вовек непреложно,
И не свершиться не может, когда я главой помаваю».

Рек, и во знаменье черными Зевс помавает бровями:
Быстро власы благовонные вверх поднялись у Кронида
Окрест бессмертной главы, и потрясся Олимп многохолмный...

Так совещались они и расстались. Быстро Фетида
Ринулась в бездну морскую с блистательных высей Олимпа;
Зевс возвратился в чертог, и боги с престолов восстали
В встречу отцу своему; не дерзнул ни один от бессмертных
Сидя грядущего ждать, но во стретенье все поднялися.

Там Олимпиец на троне воссел; но владычица Гера
Все познала, увидя, как с ним полагала советы
Старца пучинного дочь, среброногая матерь Пелида.
Быстро, с язвительной речью, она обратилась на Зевса:
«Кто из бессмертных с тобою, коварный, строил советы?
Знаю, приятно тебе от меня завсегда сокровенно
Тайные думы держать; никогда ты собственной волей
Мне не решился поведать ни слова из помыслов тайных!»

Ей отвечал повелитель, отец и бессмертных и смертных:
«Гера, не все ты ласкайся мои решения ведать;
Тягостны будут тебе, хотя ты мне и супруга!
Что невозбранно познать, никогда никто не познает

Прежде тебя, ни от сонма земных, ни от сонма небесных.
Если ж один, без богов, восхощу я советы замыслить,
Ты ни меня вопрошай, ни сама не изведывай оных».

К Зевсу воскликнула вновь волоокая Гера богиня:
«Тучегонитель! какие ты речи, жестокий, вещаешь?
Я никогда ни тебя вопрошать, ни сама что изведать
Век не желала; спокойно всегда замышляешь, что хочешь.
Я и теперь об одном трепещу, да тебя не преклонит
Старца пучинного дочь, среброногая матерь Пелида:
Рано воссела с тобой и колена твои обнимала;
Ей помавал ты, как я примечаю, желая Пелида
Честь отомстить и толпы аргивян истребить пред судами».

Гере паки ответствовал тучегонитель Кронион:
«Дивная! все примечаешь ты, вечно меня соглядаешь!
Но произвесть ничего не успеешь; более только
Сердце мое отвратишь, и тебе то ужаснее будет!
Если соделалось так,— без сомнения, мне то угодно!
Ты же безмолвно сиди и глаголам моим повинуйся!
Или тебе не помогут ни все божества на Олимпе,
Если, восстав, наложу на тебя необорные руки».

Рек; устрашилась его волоокая Гера богиня
И безмолвно сидела, свое победившая сердце.
Смутно по Зевсову дому вздыхали небесные боги.
Тут олимпийский художник, Гефест, беседовать начал,
Матери милой усердствуя, Гере лилейнораменной:
«Горестны будут такие дела, наконец нестерпимы,
Ежели вы и за смертных с подобной враждуете злобой!
Ежели в сонме богов воздвигаете смуту! Исчезнет
Радость от пиршества светлого, ежели зло торжествует!
Матерь, тебя убеждаю, хотя и сама ты премудра,
Зевсу царю окажи покорность, да паки бессмертный
Гневом не грянет и нам не смутит безмятежного пира.
Если восхощет отец, Олимпиец, громами блестящий,
Всех от престолов низвергнет: могуществом всех он превыше!
Матерь, потщися могучего сладкими тронуть словами,
И немедленно к нам Олимпиец милостив будет».

Так произнес и, поднявшись, блистательный кубок двудонный
Матери милой подносит и снова так ей вещает:
«Милая мать, претерпи и снеси, как ни горестно сердцу!

Сыну толико драгая, не дай на себе ты увидеть
Зевса ударов; бессилен я буду, хотя и крушася,
Помощь подать: тяжело Олимпийцу противиться Зевсу!
Он уже древле меня, побужденного сердцем на помощь,
Ринул, за ногу схватив, и низвергнул с небесного прага:
Несся стремглав я весь день и с закатом блестящего солнца
Пал на божественный Лемнос, едва сохранивший дыханье.
Там синтийские мужи меня дружелюбно приняли».

Рек; улыбнулась богиня, лилейнораменная Гера,
И с улыбкой от сына блистательный кубок приняла.
Он и другим небожителям, с правой страны начиная,
Сладостный нектар подносит, черпая кубком из чаши.
Смех несказанный воздвигли блаженные жители неба,
Видя, как с кубком Гефест по чертогу вокруг суетится.

Так во весь день до зашествия солнца блаженные боги
Все пировали, сердца услаждая на пиршестве общем
Звуками лиры прекрасной, бряцавшей в руках Аполлона,
Пением Муз, отвечавших бряцанию сладостным гласом.

Но, когда закатился свет блистательный солнца,
Боги, желая почить, уклонились каждый в обитель,
Где небожителю каждому дом на холмистом Олимпе
Мудрый Гефест хромоногий по замыслам творческим создал.
Зевс к одру своему отошел, олимпийский блистатель,
Где и всегда почивал, как сон посещал его сладкий;
Там он, восшедши, почил, и при нем златотронная Гера.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

СОН. БЕОТИЯ, ИЛИ ПЕРЕЧЕНЬ КОРАБЛЕЙ

Все, и бессмертные боги, и коннодоспешные мужи,
Спали всю ночь; но Кронниона сладостный сон не покоил.
Он волновался заботными думами, как Ахиллеса
Честь отомстить и ахеян толпы истребить пред судами.
Сердцу его наконец показалася лучшею дума:
Сон послать обманчивый мощному сыну Атрея.
Зевс призывает его и крылатые речи вещает:

«Мчися, обманчивый Сон, к кораблям быстролетным ахеян;
Вниди под сень и явись Агамемнону, сыну Атрея;
Все ты ему возвести непременно, как я завещаю:
В бой вести самому повели кудреглавых данаев
Все ополчения; ныне, вещай, завоюет троянский
Град многолюдный: уже на Олимпе имущие домы
Боги не мнят разномысленно; всех наконец согласила
Гера своею мольбой; и над Троею носится гибель».

Рек он,— и Сон отлетел, повелению Зевса покорный.
Быстрым полетом достиг кораблей мореходных аргивских,
К кущам Атридов потек и обрел Агамемнона: в куще
Царь почивал, и над ним амброзический сон разливался.
Стал над главой он царевой, Нелееву сыну подобный,
Нестору, более всех Агамемноном чтимому старцу;
Образ его восприяв, божественный Сон провещает:
«Спишь, Агамемнон, спишь, сын Атрея, смирителя коней!
Ночи во сне провождать подобает ли мужу совета,
Коему вверено столько народа и столько заботы!
Быстро внимай, что реку я: тебе я Крониона вестник;
Он и с высоких небес о тебе, милосердый, печется;
В бой вести тебе он велит кудреглавых данаев
Все ополчения; ныне, он рек, завоюешь троянский
Град многолюдный: уже на Олимпе имущие домы
Боги не мнят разномысленно; всех наконец согласила
Гера мольбой; и над Троею носится гибель от Зевса.
Помни глаголы мои, сохраняй на душе и страшися
Их позабыть, как тебя оставит сон благотворный».

Так говоря, отлетел и оставил Атреева сына,
Сердце предавшего думам, которым не сужено сбыться.
Думал, что в тот же он день завоюет Приамову Трою.
Муж неразумный! не ведал он дел, устрояемых Зевсом:
Снова решился отец удручить и бедами и стоном
Трои сынов и данаев на новых побоищах страшных.
Вспрянул Атрид, и божественный голос еще разливался
Вкруг его слуха; воссел он и мягким оделся хитоном,
Новым, прекрасным, и сверху набросил широкую ризу;
К белым ногам привязал прекрасного вида плесницы,
Сверху рамен перекинул блистательный меч среброгвоздный;
В руки же взявши отцовский, вовеки не гибнущий, скипетр,
С ним отошел к кораблям медянодоспешных данаев.

Вестница утра, Заря, на великий Олимп восходила,
Зевсу царю и другим небожителям свет возвещая;
И Атрид повелел провозвестникам звонкоголосым
Всех к собранию кликать ахейских сынов кудреглавых.
Вестники подняли клич,— и ахейцы стекалися быстро.
Прежде же он посадил на совет благодумных старейшин,
Их пригласив к кораблю скиптроносного старца Нелида.
Там Агамемнон, собравшимся, мудрый совет им устроил:
«Други! объятому сном, в тишине амброзической ночи,
Дивный явился мне Сон, благородному сыну Нелея
Образом, ростом и свойством Нестору чудно подобный!
Стал над моей он главой и вещал мне ясные речи:
— Спишь, Агамемнон, спишь, сын Атрея, смирителя коней!
Ночи во сне провождать подобает ли мужу совета,
Коему вверено столько народа и столько заботы!
Быстро внимай, что реку я: тебе я Кронпона вестник.
Он и с высоких небес о тебе, милосердый, печется;
В бой вести тебе он велит кудреглавых данаев
Все ополчения: ныне, вещал, завоюешь троянский
Град многолюдный; уже на Олимпе имущие домы
Боги не мнят разномысленно: всех наконец согласила
Гера мольбой, и над Троею носится гибель от Зевса.
Слово мое сохрани ты на сердце.— И так произнесши,
Он отлетел, и меня оставил сон благотворный.
Други! помыслите, как ополчить кудреглавых данаев?
Прежде я сам, как и следует, их испытаю словами;
Я повелю им от Трои бежать на судах многовеслых,
Вы же один одного от сего отклоняйте советом».

Так произнес и воссел Атрейон,— и восстал между ними
Нестор почтенный, песчаного Пилоса царь седовласый;
Он, благомысленный, так говорил пред собраньем старейшин:
«Други! вожди и правители мудрые храбрых данаев!
Если б подобный сон возвещал нам другой от ахеян,
Ложью почли б мы его и с презрением верно б отвергли;
Видел же тот, кто слывет знаменитейшим в рати ахейской;
Действуйте, други, помыслите, как ополчить нам ахеян».

Так произнесши, первый из сонма старейшин он вышел.
Все поднялись, покорились Атриду, владыке народов,
Все скиптроносцы ахеян; народы же реяли к сонму.
Словно как пчелы, из горных пещер вылетая роями,
Мчатся густые, всечасно за купою новая куна;

В образе гроздий они над цветами весенними вьются,
Или то здесь, несчетной толпою, то там пролетают,—
Так аргивян племена, от своих кораблей и от кущей,
Вкруг по безмерному брегу, несчетные, к сонму тянулись
Быстро толпа за толпой; и меж ними, пылая, летела
Осса, их возбуждавшая, вестница Зевса; собрались;
Бурно собор волновался; земля застонала под тьмами
Седших народов; воздвигнулся шум, и меж оными девять
Гласом гремящим глашатаев, говор мятежный смиряя,
Звучно вопили, да внемлют царям, Зевеса питомцам.
И едва лишь народ на местах учрежденных уселся,
Говор унявши, как пастырь народа восстал Агамемнон,
С царственным скиптром в руках, олимпийца Гефеста
созданьем:
Скиптр сей Гефест даровал молниеносному Зевсу Крониду;
Зевс передал возвестителю Гермесу, аргоубийце;
Гермес вручил укротителю коней Пелопсу герою;
Конник Пелопс передал властелину народов Атрею;
Сей, умирая, стадами богатому предал Фиесту,
И Фиест, наконец, Агамемнону в роды оставил,
С властью над тьмой островов и над Аргосом, царством
пространным.
Царь, опираясь на скиптр сей, вещал к восседящим ахеям:
«Други, герои данайские, храбрые слуги Арея!
Зевс громовержец меня уловил в неизбежную гибель!
Пагубный, прежде обетом и знаменьем сам предназначил
Мне возвратиться рушителем Трои высокотвердынной;
Ныне же злое прельщение он совершил и велит мне
В Аргос бесславным бежать, погубившему столько народа!
Так, без сомнения, богу, всемощному Зевсу, угодно:
Многих уже он градов сокрушил высокие главы
И еще сокрушит: беспредельно могущество Зевса.
Так,— но великий позор об нас и потомкам услышать!
Мы, и толикая рать, и народ таковой, как данаи,
Тщетные битвы вели и бесплодной войной воевали
С меньшею ратью врагов и трудам конца не узрели,
Ибо когда б возжелали ахейцы и граждане Трои,
Клятвою мир утвердивши, народ обоюдно исчислить,
И трояне собрались бы, все, сколько есть их во граде;
Мы же, ахейский народ, разделяся тогда на десятки,
Взяли б на каждый из них от троянских мужей виночерпца,—
Многим десяткам у нас недостало б мужей виночерпцев!
Столько, еще повторяю, числом превосходят ахейцы

В граде живущих троян. Но у них многочисленны други,
Храбрые, многих градов копьеборные мужи; они-то
Сильно меня отражают и мне не дают, как ни жажду,
Града разрушить враждебного, пышно устроенной Трои.
Девять прошло круговратных годов великого Зевса;
Древо у нас в кораблях изгнивает, канаты истлели;
Дома и наши супруги, и наши любезные дети,
Сетуя, нас ожидают; а мы безнадежно здесь медлим,
Делу не видя конца, для которого шли к Илиону.
Други, внемлите и, что повелю я вам, все повинуйтесь:
Должно бежать! возвратимся в драгое отечество наше;
Нам не разрушить Трои, с широкими стогнами града!»

Так говорил,— и ахеян сердца взволновал Агамемнон
Всех в многолюдной толпе, и не слышавших речи советной.
Встал, всколебался народ, как огромные волны морские,
Если и Нот их и Эвр, на водах Икарийского понта,
Вздуют, ударивши оба из облаков Зевса владыки;
Или, как Зефир обширную ниву жестоко волнует,
Вдруг налетев, и над нею бушующий клонит колосья;
Так их собрание все взволновалося; с криком ужасным
Бросились все к кораблям; под стопами их прах, подымаясь,
Облаком в воздухе стал; вопиют, убеждают друг друга
Быстро суда захватить и спускать на широкое море;
Рвы очищают; уже до небес подымалися крики
Жаждущих в домы; уже кораблей вырывали подпоры.

Так бы, судьбе вопреки, возвращение в домы свершилось
Рати ахейской, но Гера тогда провещала к Афине:
«Что это, дщерь необорная тучегонителя Зевса!
Или обратно в домы, в любезную землю отчизны
Рать аргивян побежит по хребтам беспредельного моря?
Или на славу Приаму, на радость гордым троянам
Бросят Елену Аргивскую, ради которой под Троей
Столько данаев погибло, далеко от родины милой?
Мчися стремительно к воинству меднодоспешных данаев!
Сладкою речью твоей убеждай ты каждого мужа
В море для бегства не влечь кораблей обоюдувесельных».

Так изрекла; покорилась Афина владычице Гере:
Бурно помчалась, с вершины Олимпа высокого бросясь:
Быстро достигла широких судов аргивян меднобронных;
Там обрела Одиссея, советами равного Зевсу:

Думен стоял и один доброснастного черного судна
Он не касался: печаль в нем и сердце и душу пронзала.
Став близ него, прорекла светлоокая дщерь Эгиоха:
«Сын благородный Лаэрта, герой, Одиссей многоумный!
Как? со срамом обратно, в любезную землю отчизны
Вы ли отсель побежите, в суда многоместные реясь?
Вы ли на славу Приаму, на радость троянам Елену
Бросите, Аргоса дочь, за которую столько ахеян
Здесь перед Троей погибло, далёко от родины милой?
Шествуй немедля к народу ахейскому; ревностно действуй;
Сладостью речи твоей убеждай ты каждого мужа
В море для бегства не влечь кораблей обоюдувесельных».

Так провещала; и голос гремящий познал он богини:
Ринулся, сбросив и верхнюю ризу; но оную поднял
Следом спешивший за ним Эврибат, итакийский глашатай.
Сам Одиссей Лаэртид, на пути Агамемнона встретив,
Взял от владыки отцовский вовеки не гибнущий скипетр;
С оным скиптром пошел к кораблям аргивян меднобронных;
Там, властелина или знаменитого мужа встречая,
К каждому он подходил и удерживал кроткою речью:
«Муж знаменитый! тебе ли, как робкому, страху вдаваться.
Сядь, успокойся и сам, успокой и других меж народа;
Ясно еще ты не знаешь намерений думы царевой;
Ныне испытывал он, и немедля накажет ахеян;
В сонме не все мы слышали, что говорил Агамемнон;
Если он гневен, жестоко, быть может, поступит с народом.
Тягостен гнев царя, питомца Кронионa Зевса;
Честь скиптроносца от Зевса, и любит его промыслитель».

Если ж кого-либо шумного он находил меж народа,
Скиптром его поражал и обуздывал грозною речью:
«Смолкни, несчастный, воссядь и других совещания слушай,
Боле почтенных, как ты! Невоинственный муж и бессильный,
Значащим ты никогда не бывал ни в боях, ни в советах.
Всем не господствовать, всем здесь не царствовать нам,
аргивянам!
Нет в многовластии блага; да будет единый властитель,
Царь нам да будет единый, которому Зевс прозорливый
Скиптр даровал и законы: да царствует он над другими».

Так он, господствуя, рать подчинял; и на площадь собраний
Бросился паки народ, от своих кораблей и от кущей,

С воплем: подобно как волны немолчношумящего моря,
В брег разбиваясь огромный, гремят; и ответствует понт им.

Все успокоились, тихо в местах учрежденных сидели;
Только Терсит меж безмолвными каркал один,
празднословный;
В мыслях вращая всегда непристойные, дерзкие речи,
Вечно искал он царей оскорблять, презирая пристойность,
Все позволяя себе, что казалось смешно для народа.
Муж безобразнейший, он меж данаев пришел к Илиону;
Был косоглаз, хромоног; совершенно горбатые сзади
Плечи на персях сходились; глава у него подымалась
Вверх острием, и была лишь редким усеяна пухом.
Враг Одиссея и злейший еще ненавистник Пелида.
Их он всегда порицал; но теперь скиптроносца Атрида
С криком пронзительным он поносил; на него аргивяне
Гневались страшно; уже восставал негодующих ропот;
Он же, усиля свой крик, порицал Агамемнона, буйный:
«Что, Агамемнон, ты сетуешь, чем ты еще недоволен?
Кущи твои преисполнены меди, и множество пленниц
В кущах твоих, которых тебе, аргивяне, избранных
Первому в рати даем, когда города разоряем.
Жаждешь ли злата еще, чтоб его кто-нибудь из троянских
Конников славных принес для тебя, в искупление сына,
Коего в узах я бы привел, как другой аргивянин?
Хочешь ли новой жены, чтоб любовию с ней наслаждаться,
В сень одному заключившися? Нет, недостойное дело,
Бывши главою народа, в беды вовлекать нас, ахеян!
Слабое, робкое племя, ахеянки мы, не ахейцы!
В домы свои отплывем; а его мы оставим под Троей,
Здесь насыщаться чужими наградами; пусть он узнает,
Служим ли помощью в брани и мы для него иль не служим.
Он Ахиллеса, его несравненно храбрейшего мужа,
Днесь обесчестил: похитил награду и властвует ею!
Мало в душе Ахиллесовой злобы; он слишком беспечен;
Или, Атрид, ты нанес бы обиду, последнюю в жизни!»

Так говорил, оскорбляя Атрида, владыку народов,
Буйный Терсит; но незапно к нему Одиссей устремился.
Гневно воззрел на него и воскликнул голосом грозным:
«Смолкни, безумноречивый, хотя громогласный, вития!
Смолкни, Терсит, и не смей ты один скиптроносцев порочить.
Смертного боле презренного, нежели ты, я уверен,

Нет меж ахеян, с сынами Атрея под Трою пришедших.
Имени наших царей не вращай ты в устах, велереча!
Их не дерзай порицать, ни речей уловлять о возврате!
Знает ли кто достоверно, чем окончится дело?
Счастливо или несчастливо мы возвратимся, ахейцы?
Ты, безрассудный, Атрида, вождя и владыку народов,
Сидя, злословишь, что слишком ему аргивяне герои
Много дают, и обиды царю произносишь на сонме!
Но тебе говорю я, и слово исполнено будет:
Если еще я тебя безрассудным, как ныне, увижу,
Пусть Одиссея глава на плечах могучих не будет,
Пусть я от оного дня не зовуся отцом Телемаха,
Если, схвативши тебя, не сорву я твоих одеяний,
Хлены с рамен и хитона, и даже что стыд покрывает,
И, навзрыд вопиющим, тебя к кораблям не пошлю я
Вон из народного сонма, позорно избитого мною».

Рек — и скиптром его по хребту и плечам он ударил.
Сжался Терсит, из очей его брызнули крупные слезы;
Вдруг по хребту полоса, под тяжестью скиптра златого,
Вздулась багровая; сел он, от страха дрожа; и, от боли
Вид безобразный наморщив, слезы отер на ланитах.
Все, как ни были смутны, от сердца над ним рассмеялись;
Так говорили иные, взирая один на другого:
«Истинно, множество славных дел Одиссей совершает,
К благу всегда и совет начиная, и брань учреждая.
Ныне ж герой Лаэртид совершил знаменитейший подвиг:
Ныне ругателя буйного он обуздал велеречье!
Верно, вперед не отважит его дерзновенное сердце
Зевсу любезных царей оскорблять поносительной речью!»

Так говорила толпа. Но восстал Одиссей градоборец,
С скиптром в руках; и при нем светлоокая дева, Паллада,
В образе вестника став, повелела умолкнуть народам,
Чтоб и в ближних рядах, и в далеких данайские мужи
Слышали речи его и постигнули разум совета.
Он, благомыслия полный, витийствовал так перед сонмом:
«Царь Агамемнон! Тебе, скиптроносцу, готовят ахейцы
Вечный позор перед племенем ясноглаголивых смертных,
Слово исполнить тебе не радеют, которое дали,
Ратью сюда за тобою летя из цветущей Эллады,—
Слово, лишь Трою разрушив великую, вспять возвратиться.
Ныне ж ахейцы, как слабые дети, как жены-вдовицы,

Плачутся друг перед другом и жаждут лишь в дом возвратиться.
Тягостна брань, и унылому радостно в дом возвратиться.
Путник, и месяц один находяся вдали от супруги,
Сетует близ корабля, снаряженного в путь, но который
Держат и зимние вьюги, и волны мятежного моря.
Нам же девятый уже исполняется год круговратный,
Здесь пребывающим. Нет, не могу я роптать, что ахейцы
Сетуют сердцем, томясь при судах. Но, ахейские мужи,
Стыд нам — и медлить так долго, и праздно в дома возвратиться!
Нет, потерпите, о други, помедлим еще, да узнаем,
Верить ли нам пророчеству Калхаса или не верить.
Твердо мы оное помним; свидетели все аргивяне,
Коих еще не постигнули смерть наносящие Парки.
Прошлого, третьего ль дня, корабли аргивян во Авлиду
Сонмом слетались, несущие гибель Приаму и Трое;
Мы, окружая поток, на святых алтарях гекатомбы
Вечным богам совершали, под явором стоя прекрасным,
Где, из-под корня древесного, била блестящая влага.
Там явилося чудо! Дракон, и кровавый и пестрый,
Страшный для взора, самим Олимпийцем на свет извлеченный,
Вдруг из подножья алтарного выполз и взвился на явор.
Там, на стебле высочайшем, в гнезде, под листами таяся,
Восемь птенцов воробьиных сидели, бесперые дети,
И девятая мать, недавно родившая пташек...
Всех дракон их пожрал, испускающих жалкие крики.
Матерь кругом их летала, тоскуя о детях любезных;
Вверх он извившись, схватил за крыло и стенящую матерь.
Но, едва поглотил он и юных пернатых, и птицу,
Чудо на нем совершает бессмертный, его показавший:
В камень его превращает сын хитроумного Крона;
Мы, безмолвные стоя, дивились тому, что творилось:
Страшное чудо богов при священных явилося жертвах.
Калхас исполнился духа и так, боговещий, пророчил:
— Что вы умолкнули все, кудреглавые чада Эллады?
Знаменьем сим проявил нам событие Зевс промыслитель,
Позднее, поздний конец, но которого слава бессмертна!
Сколько пернатых птенцов поглотил дракон сей кровавый
(Восемь их было в гнезде и девятая матерь пернатых),
Столько, ахейцы, годов воевать мы под Троею будем;
Но в десятый разрушим обширную стогнами Трою.—
Так нам предсказывал Калхас, и все совершается ныне.

Бодрствуйте же, други, останемся все, брапоносцы данаи,
Здесь, пока не разрушим Приамовой Трои великой!»

Рек,— и ахеяне подняли крик; корабли и окрестность
С страшным отгрянули гулом веселые крики ахеян,
Речь возносящих хвалой Одиссея, подобного богу.
Вскоре вещать меж ахейцами Нестор божественный начал:
«Боги! в собрании мы разглагольствуем праздно, как дети
Слабые, коим и думы о бранных делах незнакомы.
Что и моления наши, и клятвы священные будут?
Или в огонь и советы пойдут, и заботы ахеян,
Вин возлиянья и рук сочетанья на верность союзов?
Мы лишь словами стязаемся праздными; помощи ж делу
Мы изыскать не могли, долговременно здесь оставаясь.
Светлый Атрид, и теперь, как и прежде, душою ты твердый,
Властвуй, ахейских сынов предводи на кровавые битвы.
Если ж из оных один или два помышляют не с нами,
Их ты оставь исчезать,— не исполнятся помыслы робких:
Нет, не воротимся в Аргос, доколе мы въявь не познаем,
Зевса, эгиды носителя, ложен обет иль не ложен.
Я утверждаю, успех знаменал всемогущий Кронион,
В самый тот день, когда на суда быстролетные сели
Рати ахеян, троянам грозя и бедою и смертью:
Он одесную блистал, благовествуя рати ахейской.
Нет, да никто из ахеян не думает в дом возвратиться
Прежде, покуда троянской жены на одре не обымет
И не отмстит за печаль и за тайные слезы Елены.
Если ж кто-либо сильно желает лишь в дом возвратиться,
Пусть корабля своего многовеслого он прикоснется:
Прежде других, малодушный, найдет себе смерть и
погибель.
Царь, предлагай ты совет, но внимай и другого совету.
Мысль не презренная будет, какую тебе предложу я.
Воев, Атрид, раздели ты на их племена и колена;
Пусть помогает колено колену и племени племя.
Если решиться на то и исполнить преклонишь ахеян,
Скоро узнаешь, какой у тебя из вождей иль народов
Робок иль мужествен: всяк за себя ратоборствовать будет;
Вместе узнаешь, по воле ль бессмертных не рушишь ты града
Или по слабости войск и неведенью ратного дела».

Сыну Нелея немедля ответствовал царь Агамемнон:
«Всех ты ахейских мужей побеждаешь, старец, советом!

Если б, о Зевс отец, Аполлон и Афина Паллада,
Десять таких у меня из ахеян советников было,
Скоро пред нами поникнул бы град крепкостенный Приама,
Наших героев руками плененный и в прах обращенный!
Но Кронид громовержец мне лишь беды посылает;
В тщетную распрю меня, во вражду злополучную вводит.
Я с Ахиллесом Пелидом стязался за пленную деву
Спором враждебным; и я раздражаться, на горе мне, начал.
Если же некогда мы съединимся с героем, уверен,
Гибели грозной от Трои ничто ни на миг не отклонит!
Ныне спешите обедать, а после начнем нападенье.
Каждый потщися и дрот изострить свой, и щит уготовить;
Каждый кормом обильным коней напитай подъяремных,
Вкруг осмотри колесницу, о брани одной помышляя.
Будем целый мы день состязаться в ужасном убийстве;
Отдыха ратным рядам ни на миг никакого не будет,
Разве уж ночь наступившая воинов ярость разнимет.
По́том зальется ремень на груди не единого воя,
Щит всеобъемный держащий; рука на копье изнеможет;
По́том покроется конь под своей колесницей блестящей.
Если ж кого я увижу, хотящего вне ратоборства
Возле судов крутоносых остаться, нигде уже после
В стане ахейском ему не укрыться от псов и пернатых!»

Рек,— и ахейцы вскричали ужасно; подобно как волны
Воют при бреге высоком, прибитые Нотом порывным
К встречной скале, от которой волна никогда не отходит,
Каждым вздымаяся ветром, отсель и оттоль находящим.
Встав, устремился народ, меж судами рассеялся быстро,
Вкруг задымилися кущи, спешили обедать ахейцы.
Жертвовал каждый из них своему от богов вечносущих,
Смерти избавить моля и спасти от ударов Арея.
Он же тельца пятилетнего, пастырь мужей Агамемнон,
Тучного в жертву заклал всемогущему Зевсу Крониду.
Созвал старейшин отличных, почтеннейших в рати ахейской:
Первого Нестора старца и критского Идоменея,
После Аяксов двоих и Тидеева славного сына,
И за ним Одиссея, советами равного Зевсу.
Но Атрид Менелай добровольно пришел и незваный,
Зная любезного брата и как он в душе озабочен.
Стали они вкруг тельца и ячмень освященный подъяли;
В сонме их, громко моляся, воззвал Агамемнон державный:
«Славный, великий Зевс, чернооблачный житель эфира!

Дай, чтобы солнце не скрылось и мрак не спустился на землю
Прежде, чем в прах я не свергну Приамовых пышных чертогов,
Черных от дыма, и врат не сожгу их огнем неугасным;
Прежде, чем Гектора лат на груди у него не расторгну,
Медью пробив; и кругом его многие други трояне
Ниц не полягут во прахе, зубами грызущие землю!»

Так он взывал; но к молитве его не склонился Кронион:
Жертвы приял, но труд беспредельный Атриду готовил.
Кончив молитву, ячменем и солью осыпали жертву,
Выю загнули тельцу и заклали и тук обнажили,
Бедра немедля отсекли, обрезанным туком покрыли
Вдвое кругом, и на них распростерли части сырые.
Всё сожигали они на сухих, безлиственных ветвях,
Но утробы, пронзив, над пылавшим огнем обращали.
Бедра сожегши они и вкусивши утробы от жертвы,
Всё остальное дробят на куски, прободают рожнами,
Жарят на них осторожно и, так уготовя, снимают.
Кончив заботу сию, немедленно пир учредили;
Все пировали, никто не нуждался на пиршестве общем.
Вскоре ж, когда питием и брашном насытили сердце,
Начал меж оными слово Нестор, конник геренский:
«Царь знаменитый, Атрид, повелитель мужей, Агамемнон!
Более здесь оставаясь, ни времени тратить, ни медлить
Делом великим не будем, которое бог нам вверяет.
Царь, повели, да глашатаи меднодоспешных данаев
Кликом, ни мало не медля, народ к кораблям собирают,
Мы ж, совокупные все, по широкому стану ахеян
Сами пройдем, да скорее возбудим жестокую битву».

Рек; не отринул совета владыка мужей Агамемнон;
В тот же он миг повелел провозвестникам звонкоголосым
Кликом сзывать на сражение меднодоспешных данаев.
Вестники подняли клич,— и они собирались поспешно.
Быстро цари, вкруг Атрида стоявшие, Зевса питомцы,
Бросились строить толпы, и в среде их явилась Паллада,
В длани имея эгид, драгоценный, нетленный, бессмертный:
Сто на эгиде бахром развевалися, чистое злато,
Дивно плетенные все, и цена им — стотельчие каждой.
С оным, бурно носяся, богиня народ обтекала,
В бой возбуждая мужей, и у каждого твердость и силу
В сердце воздвигла, без устали вновь воевать и сражаться.

Всем во мгновенье война им кровавая сладостней стала,
Чем на судах возвращенье в любезную землю родную.

Словно огонь истребительный, вспыхнув на горных вершинах,
Лес беспредельный палит и далёко заревом светит,—
Так, при движении воинств, от пышной их меди чудесной
Блеск лучезарный кругом восходил по эфиру до неба.
Их племена, как птиц перелетных несчетные стаи,
Диких гусей, журавлей иль стада лебедей долговыйных
В злачном Азийском лугу, при Каистре широко текущем,
Вьются туда и сюда и плесканием крыл веселятся,
С криком садятся противу сидящих и луг оглашают,—
Так аргивян племена, от своих кораблей и от кущей,
С шумом неслися на луг Скамандрийский; весь дол под толпами
Страшно кругом застонал под ногами и коней и воев.
Стали ахеян сыны на лугу Скамандра цветущем,
Тьмы, как листы на древах, как цветы на долинах весною.
Словно как мух несчетных рои собираясь густые
В сельской пастушеской куще, по ней беспрестанно кружатся
В вешние дни, как млеко изобильно струится в сосуды,—
Так несчетны против троян браноносцы данаи
В поле стояли и, боем дыша, истребить их горели.

Их же, как пастыри коз меж бродящих стад необъятных
Скоро своих отлучают от чуждых, смешавшихся в пастве,
Так предводители их, впереди, позади учреждая,
Строили в бой; и меж них возвышался герой Агамемнон,
Зевсу, метателю грома, главой и очами подобный,
Станом — Арею великому, персями — Энносигею.
Словно как бык среди стада стоит, перед всеми отличный,
Гордый телец, возвышается он меж телиц превосходный:
В день сей таким сотворил Агамемнона Зевс Олимпиец,
Так отличил между многих, возвысил средь сонма героев.

Ныне поведайте, Музы, живущие в сенях Олимпа:
Вы, божества,— вездесущи и знаете всё в поднебесной;
Мы ничего не знаем, молву мы единую слышим:
Вы мне поведайте, кто и вожди и владыки данаев;
Всех же бойцов рядовых не могу ни назвать, ни исчислить,
Если бы десять имел языков я и десять гортаней,
Если б имел неслабеющий голос и медные перси;

Разве, небесные Музы, Кронида великого дщери,
Вы бы напомнили всех, приходивших под Трою ахеян.
Только вождей корабельных и все корабли я исчислю.

Рать беотийских мужей предводили на бой воеводы:
Аркесилай и Лент, Пенелей, Профоенор и Клоний.
Рать от племен, обитавших в Гирии, в каменистой Авлиде,
Схен населявших, Скол, Этеон лесисто-холмистый;
Феспии, Греи мужей и широких полей Микалесса;
Окрест Илезия живших и Гармы и окрест Эритры;
Всех обитателей Гил, Элеон, Петеон населявших;
Также Окалею, град Медеон, устроеньем пышный,
Коны, Эвтрез, и стадам голубиным любезную Фисбу,
Град Коронею, и град Галиарт на лугах многотравных;
Живших в Платее, и в Глиссе тучные нивы пахавших;
Всех, населяющих град Гипофивы, прекрасный устройством;
Славный Онхест, Посейдонов алтарь и заветную рощу;
Арн, виноградом обильный, Мидею, красивую Ниссу,
И народ, наконец, населявший Анфедон предельный.
С ними неслось пятьдесят кораблей, и на каждом из оных
По сту и двадцать воинственных, юных беотян сидело.

Град Аспледон населявших и град Миниеев Орхомен
Вождь Аскалаф предводил и Ялмен, Ареевы чада;
Их родила Астиоха в отеческом Актора доме,
Дева невинная: некогда терем ее возвышенный
Мощный Арей посетил и таинственно с нею сопрягся.
С ними тридцать судов прилетели, красивые, рядом.

Вслед ополченья фокеян Схедий предводил и Эпистроф,
Чада Ифита царя, потомки Навбола героя.
Их племена Кипарисс и утесный Пифос населяли;
Криссы веселые долы и Давлис и град Панопею;
Жили кругом Гиампола, кругом Анемории злачной;
Вдоль по Кефиссу реке, у божественных вод обитали;
Жили в Лилее, при шумном исходе Кефисского тока.
Сорок под их ополченьями черных судов принеслося.
Оба вождя устрояли ряды ополчений фокейских,
И близ беотян, на левом крыле, ополчалися к бою.

Локров Аякс предводил, Оилеев сын быстроногий:
Меньше он был, не таков, как Аякс Теламонид могучий,
Меньше далеко его; невеликий, в броне полотняной,

Но копьеметец отличный меж эллинов всех и данаев.
Он предводил племена, населявшие Кинос и Опус,
Вессу, Каллиар и Скарф и веселые долы Авгеи;
Тарфы и Фронтй, где воды Воагрия быстро катятся.
Сорок черных судов принеслося за ним к Илиону
С воинством локров мужей, за священною живших Эвбеей.

Но народов эвбейских, дышащих боем абантов,
Чад Эретрии, Халкиды, обильной вином Гистиеи,
Живших в Корынфе приморском и в Диуме, граде высоком,
Стир населявших мужей, и народ, обитавший в Каристе,
Вывел и в бой предводил Элефенор, Ареева отрасль,
Сын Халкодонов, начальник нетрепетных духом абантов.
Он предводил сих абантов, на тыле власы лишь растивших,
Воинов пылких, горящих ударами ясневых копий
Медные брони врагов разбивать рукопашно на персях.
Сорок черных судов принеслося за ним к Илиону.

Но мужей, населяющих град велелепный Афины,
Область царя Эрехтея, которого в древние веки
Матерь-земля родила, воспитала Паллада Афина,
И в Афины ввела, и в блестящий свой храм водворила,
Где и тельцами и агнцами ныне ее ублажают
Чада Афин, при урочном исходе годов круговратных,—
Сих предводил Петенд Менесфей, в ратоборстве искусный.
С ним от мужей земнородных никто не равнялся в искусстве
Строить на битвы и быстрых коней, и мужей щитоносцев.
Нестор один то оспаривал, древле родившийся старец.
С ним пятьдесят кораблей, под дружиною, черных примчалось.

Мощный Аякс Теламонид двенадцать судов саламинских
Вывел и с оными стал, где стояли афинян фаланги.

В Аргосе живших мужей, населявших Тиринф
крепкостенный,
Град Гермиону, Азину, морские пристанища оба,
Грады Трезену, Эйон, Эпидавр, виноградом обильный,
Живших в Масете, в Эгине, ахейских юношей храбрых,
Сих предводителем был Диомед, знаменитый воитель,
Также Сфенел, Капанея великого сын благородный;
С ними и третий был вождь, Эвриал, небожителю равный,
Храбрый Мекестия сын, потомок царя Талайона.
Вместе же всех предводил Диомед, знаменитый воитель:
Осмьдесят черных судов под дружинами их принеслося.

Но живущих в Микене, прекрасно устроенном граде,
И в богатом Коринфе, и в пышных устройством Клеонах;
Орнии град населявших, веселую Арефирею,
Град Сикион, где царствовал древле Адраст брагоносный,
Чад Гипересии всех, Гоноессы высокоутесной;
Живших в Пеллене, кругом Эгиона мужей обитавших,
Вдоль по поморью всему, и окрест обширной Гелики,—
Всех их на ста кораблях предводил властелин Агамемнон.
Рать многочисленней всех, превосходнее всех ратоборцы
С ним принеслися; он сам облекался сияющей медью,
Славою гордый, что он перед сонмом героев блистает
Саном верховным своим и числом предводимых народов.

Град населявших великий, лежащий меж гор Лакедемон,
Фару, Спарту, стадам голубиным любезную Мессу;
В Брисии живших мужей и в веселых долинах Авгии,
Живших Амиклы в стенах и в Гелосе, граде приморском;
Град населяющих Лаас и окрест Этила живущих;
Сих Агамемнона брат, Менелай, знаменитый воитель,
Вел шестьдесят кораблей, но отдельно на бой ополчался;
Ратников сам предводил, на душевную доблесть надежный,
Сам их на бой возбуждал и пылал, как никто из ахеян,
Страшно отмстить за печаль и за стон похищенной Елены.

В Пилосе живших мужей, обитавших в Арене веселой;
Фриос, Алфейский брод и славные зданием Эпи,
Град Кипариссию, град Амфигению вкруг населявших,
Птелеос, Гелос и Дорион, место, где некогда Музы,
Встретив Фамира Фракийского, песнями славного мужа,
Дара лишили: идя от Эврита, царя эхалиян,
Гордый, хвалиться дерзал, что победу похитит он в песнях,
Если и Музы при нем воспоют, Эгиоховы дщери.
Гневные Музы его ослепили, похитили сладкий
К песням божественный дар и искусство бряцать на кифаре.
Сих предводил повелитель их Нестор, конник геренский:
С ним девяносто судов принеслися, красивые строем.

Живших в Аркадии, вдоль под Килленской горою высокой,
Близко могилы Эпита, мужей рукопашных на битвах;
В Фенесе живший народ, в Орхомене, стадами богатом,
В Рипе, Стратии мужей обитавших и в бурной Эниспе,
И Тегеи в стенах и в странах Мантинеи веселой;
В Стимфале живших мужей и в Парразии нивы пахавших,—

Сими начальствуя, отрасль Анкеева, царь Агапенор
Гнал шестьдесят кораблей; многочисленны в каждом из оных
Мужи сидели аркадские, сильно искусные в битвах.
Их ополчениям сам повелитель мужей Агамемнон
Дал корабли доброснастные, плыть им по черному понту
К Трое высокой: они небрегли о делах мореходных.

Вслед вупрасийцы текли и народы священной Элиды,
Жители тех областей, что Гирмина, Мирзин приграничный,
И утес Оленийский, и холм Алезийский вмещают:
Их предводили четыре вождя, и десять за каждым
Быстрых неслось кораблей, с многочисленной ратью эпеян.
Сих устремляли на бой Амфимах и воинственный Фалпий:
Первый Ктеатова отрасль, второй Акторида Эврита;
Тех предводителем шествовал храбрый Диор Амаринкид;
Вождь их четвертый был Поликсен, небожителю равный,
Доблестный сын Агасфена, народов царя Авгеида.

Рать из Дулихии, рать с островов Эхинадских священных,
Тех, что за морем широким лежат против брега Элиды,
Мегес Филид предводил, ратоборец, Арею подобный,
Сын любимца богов, конеборца Филея, который
Некогда в край Дулихийский укрылся от гнева отцова.
Сорок за ним кораблей, под дружиною, черных примчалось.

Царь Одиссей предводил кефалленян, возвышенных духом,
Живших в Итаке мужей и при Нерите трепетолистном;
Чад Крокилеи, пахавших поля Эгилипы суровой,
В власти имевших Закинф и кругом обитавших в Самосе,
Живших в Эпире мужей, и на бреге противолежащем,—
Сих предводил Одиссей, советами равный Зевесу;
И двенадцать за ним принеслось кораблей красноносых.

Рать из племен этолийских Фоас предводил Андремонид,
Рать из мужей, обитавших в Олене, Пилене, Плевроне,
И в Калидоне камнистом, и в граде Халкиде приморской.
Не было больше на свете сынов брапоносных Инея;
Мертв и сам уже был он, и мертв Мелеагр светлокудрый;
И в Этолии царствовать вверено было Фоасу.
Сорок за ним, под дружиною, черных судов принеслося.

Критян же Идоменей предводил, знаменитый копейщик;
В Киосе живущих мужей, в укрепленной стенами Гортине,

Ликт населявших, Милет, и град белокаменный Ликаст,
Ритий обширный и Фест, многолюдные, славные грады,
И других, населяющих Крита стоградного земли,
Был воеводою Идоменей, знаменитый копейщик,
И Мерпон, Эниалию равный, губителю смертных;
Осьмьдесят черных судов принеслося под критской дружиной.

Но Тлиполем Гераклид, как отец, и огромный и мощный,
Гордых родосцев извел в девяти кораблях из Родоса,
Кои в родосской земле, разделенные на три колена,
Линд, Иялис и Камир белокаменный вкруг населяли:
Сих предводил Тлиполем, копьеборец, гибельный в битвах,
Силы Геракловой сын, рожденный с младой Астиохой,
Взятой героем в Эфире, у вод Селлеиса, когда он
Многие грады рассыпал шитомцев Зевсовых юных.
Сей Тлиполем, лишь возрос в благосозданном доме Геракла,
Скоро убил, безрассудный, почтенного дядю отцова,
Старца уже седого, Ликимния, отрасль Арея.
Быстро сплотил он суда и с великою собранной ратью
Скрылся, бежа по морям, устрашаяся мести грозивших
Всех остальных,— и сынов, и потомков Геракловой силы.
Прибыл в Родос наконец он, скиталец, беды претерпевший;
Там поселились пришельцы тремя племенами и были
Зевсом любимы, владыкой богов и отцом человеков:
Он им богатства несметные свыше пролил, Олимпиец.

Вслед их Нирей устремлялся с тремя кораблями из Сима,
Юный Нирей, от Харопа царя и Аглаи рожденный;
Оный Нирей, что с сынами данаев пришел к Илиону,
Смертный, прекраснейший всех, после дивного мужа Пелида;
Но не мужествен был он, и малую вывел дружину.

Живших в Низире мужей, населяющих Казос и Крапаф,
Град Эврипилов Коос и народ островов Калидпийских
Два предводили вождя: и Фидипп, и воинственный Антиф,
Оба Фессалом рожденные, царственным сыном Геракла.
Тридцать за ними судов принеслися, красивые строем.

Ныне исчислю мужей, в пеластическом Аргосе живших,
Алос кругом населявших, и Алоп удел, и Трахину,
Холмную Фтию, Элладу, славную жен красотою,
Всех — мирмидонов, ахеян и эллинов имя носящих;
Сих пятьдесят кораблей предводил Ахиллес знаменитый.

Но народы сии о гремящей не мыслили брани;
Некому было водить на сражения строев их грозных.
В стане, при черных судах, возлежал Ахиллес быстроногий,
Гневный за дочь Брисееву, пышноволосую деву,
Деву, которую взял, по жестоких трудах, из Лирнесса,
Самый Лирнесс разгромя и высокие фивские стены,
Где и Эвена сынов, копьеборцев, гибельных в битвах,
Внуков Селепа царя, и Эпистрофа сверг и Минеса.
Грустен по ней, возлежал он; но скоро воспрянет, могучий.

В Филаке живших мужей, населявших Пираз цветущий,
Область Деметры любимую, матерь овец Итонею,
Травами тучный Птелей и Антрон, омываемый морем,—
Сих ополчения Протесилай предводил браноносный
В жизни своей; но его уже черная держит могила.
В Филаке он и супругу, с душою растерзанной, бросил,
Бросил и дом полуконченный: пал, пораженный дарданцем,
Первый от всех аргивян с корабля соскочивший на берег.
Рать не была без вождя, но по нем воздыхали дружины;
Их же к сражениям строил Подаркес, Ареева отрасль,
Сын Филакида Ификла, владетеля стад среброрунных,
Брат однокровный героя, бесстрашного Протесилая,
Но летами юнейший; и старше его и сильнее
Протесилай воинственный был; потерявши героя,
Рать не нуждалась в вожде, но о нем воздыхали, о храбром;
Сорок за ним кораблей, под дружиной, примчалося черных.

В Ферах живущих и вкруг при Бебеидском озере светлом,
Беб населявших, Глафиры и град Иаолк пышнозданный,
Быстрых одиннадцать мчалось судов; предводил же Эвмел их
Сын Адмета любимый, который рожден им с Алкестой,
Дивной женою, прекраснейшей всех из Пелиевых дщерей.

Живших в Мефоне, и окрест Фавмакии нивы пахавших,
Чад Мелибеи, и живших в полях Олизона суровых,—
Сих племена Филоктет предводитель, стрелец превосходный,
Вел на семи кораблях; пятьдесят воссидело на каждом
Сильных гребцов и стрелами искусных жестоко сражаться.
Но лежал предводитель на острове Лемне священном
В тяжких страданиях, где он оставлен сынами ахеян,
Мучимый язвою злой, нанесенною пагубной гидрой.
Там лежал он, страдалец. Но скоро ахейские мужи,
Скоро при черных судах о царе Филоктете воспомнят.
Рать не была без вождя, но желала вождя Филоктета.

Медон над нею начальствовал, сын Оилея побочный,
Коего с Реной младою родил Оилей градоборец.

Триккой владевший народ, и Ифомой высокоутесной,
И обитавший в Эхалии, граде владыки Эврита,
Два извели воеводы, Асклепия мудрые чада,
Славные оба данаев врачи, Подалир и Махаон.
Тридцать за ними судов принеслися, красивые строем.

Живших в Ормении храбрых мужей, у ключа Гипереи,
В власти имевших Астерий и белые главы Титана,—
Сих предводил Эврипил, блистательный сын Эвемонов;
Сорок за ним кораблей, под дружиною, черных примчалось.

В Аргиссе живших мужей и кругом населявших Гиртону,
Орфу, широкий Элон, белокаменный град Олооссон,—
Сих предводил Полипет, воеватель бесстрашнейший в битвах,
Ветвь Пирифоя, исшедшего в мир от бессмертного Зевса,
Сын, Пирифою рожденный женой Ипподамией славной,
В самый тот день, как герой покарал чудовищ косматых:
Сбил с Пелиона кентавров и гнал до народов эфиков.
Он предводил не один, но при нем Леонтей бранодушный,
Отрасль Ареева, чадо Кенея, Коронова сына.
Сорок за ними судов, под дружиной, примчалося черных.

Но из Кифа Гуней с двадцатью и двумя кораблями
Плыл, предводя эниан и воинственных, сильных перребов,
Племя мужей, водворившихся окрест Додоны холодной,
Земли пахавших, по коим шумит Титаресий веселый,
Быстро в Пеней устремляющий пышно катящиесь воды,
Копх нигде не сливает с Пенеем сребристопучинным,
Но всплывает наверх и подобно елею струится:
Он из ужасного Стикса, из вод заклинаний исходит.

Профоой, сын Тендредонов, начальствовал ратью магнетов.
Окрест Пенея и вкруг Пелиона шумного лесом
Жили они; предводил их в сражение Профоой быстрый:
Сорок за ним кораблей, под дружиною, черных примчалось.

Се и вожди и властители меднодоспешных данаев.
Кто же из них знаменитейший был, поведай мне, Муза,
Доблестью или конями, из всех за Атридом притекших?
Коней извел превосходнейших славный Эвмел Феретнад;
Он устремлял кобылиц на бегу, как пернатые, быстрых,

Масти одной, одинаковых лет и хребтом как под меру.
Сам Аполлон воспитал на зеленых лугах пиерийских
Сих кобылиц, разносящих в сраженьях ужас Арея.
Мужем отличнейшим слыл Аякс Теламонид, доколе
Гневом Пелид сокрушался; но он был могучее всех их,
Также и кони, носящие в битвах Пелида героя.
Но бездействовал он при своих кораблях мореходных,
Пламенный гнев на владыку народов, Атреева сына,
В сердце питая; дружины его на береге моря
Дисков и сулиц и стрел забавлялися праздным метаньем.
Рьяные кони вождей при своих колесницах стояли,
Праздные, лотос один и селину болотную щипля.
Все колесницы и сбруя, заботно покрыты, лежали
В сенях владык; а они, предводителя храброго алча,
Праздные, с края на край по широкому стану бродили.

Двинулась рать, и как будто огнем вся земля запылала;
Дол застонал, как под яростью бога, метателя грома
Зевса, когда над Тифеем сечет он перунами землю,
Горы в Аримах, в которых, повествуют, ложе Тифея;
Так застонала глубоко земля под стопами народов,
Вдруг устремившихся: быстро они проходили долиной.

Тою порою троянам, подобная вихрям Ирида,
Вестница Зевса Кронида, явилася с вестию грозной.
Те ж совещали совет у дверей Приамова дома,
Все на дворе воедино столпясь, и младые и старцы.
Став посреди, провещала посланница Зевса, Ирида,
Голос заявши Полита, Приамова сына, который
Стражем троянским сидел, уповая на быстрые ноги,
В поле, на высшей могиле старца троян Эзиета,
Вкруг соглядая, когда от судов нападут аргивяне.
В виде его провещала посланница Зевса Ирида:
«Старец почтенный! и ныне ты любишь обильные речи,
Так же, как в мирные дни: неизбежная брань угрожает!
Часто я, часто бывал на кровавых бранях народов,
Но вовек таковых и толпких я ратей не видел!
Как листы на древах, как пески при морях, неисчетны
Воинства мчатся долиною, ратовать около града.
Гектор, тебе предлагаю совет мой полезный исполнить:
Много народов союзных в Приамовом граде великом,
Разных своим языком, по земле рассеянных смертных.
Каждым из оных да властвует муж, повелитель народа;
Он и вождем на боях, и строителем граждан да будет».

Так прорекла; и богиню вещавшую Гектор постигнул:
Сонм распустил, и к оружию бросились граждане Трои.
Все растворились ворота; из оных зареяли рати,
Конные, пешие; шум и смятение страшное встало.

Есть перед градом троянским великий курган и высокий,
В поле особенный, круглый равно и отсель и оттоле.
Смертные, с древних времен, нарицают его Ватиеей,
Но бессмертные боги — могилою быстрой Мирины.
Там и троян и союзников их разделилися рати.

Храбрых троян Приамид, шлемоблещущий Гектор великий
Всех предводил; превосходные множеством, мужеством духа,
С ним ополчилися мужи, копейщики, бурные в битве.

Вслед их дарданцам предшествовал сын знаменитый Анхизов,
Мощный Эней; от Анхиза его родила Афродита,
В рощах на холмах Идейских, богиня, почившая с смертным.
Он предводил не один, но при нем Акамас и Архелох:
Оба сыны Антенора, искусные в битвах различных.

В Зелии живших мужей, при подошве холмистыя Иды,
Граждан богатых, пиющих Эзеповы черные воды,
Племя троянское лучник отличнейший вел Ликаонид,
Пандар, которого Феб одарил сокрушительным луком.

Но Адрастеи мужей, Питиеи и веси Апеза,
И народ, заселявший Терею, высокую гору,
Сих предводили Адраст и Амфий, в броне полотняной,
Оба сыны перкозийца Меропа, который славнейший
Был предвещатель судьбы и сынам не давал позволенья
К брани убийственной в Трою идти; не послушали дети
Старца родителя: рок увлекал их на черную гибель.

В Перкоте живших мужей и кругом населявших Практион,
Грады Сестос, Абидос и граждан священной Арисбы
Рати устроивал Азий, мужей повелитель, Гиртакид,
Азий Гиртакид, который на пламенных конях великих
В Трою принесся из дальней Арисбы, от вод Селлеиса.

Гиппофоой предводил племена копьеборных пеласгов,
Тех, что в Лариссе бугристой, по тучным полям обитали;

Гиппофоой предводил их и Пилей, Ареева отрасль,
Оба сыны пеласгийского Лефа, Тевталова сына.

Но фракиян предводил Акамас и воинственный Пирос.
Всех, которых страны Геллеспонт бурнотечный объемлет.

Храбрый Эвфем ополчал племена копьеборных киконов,
Сын брапоносца Трезена, любезного Зевсу Кеада.

Вслед им Пирехм предводил криволуких пеонов, далеко
Живших в странах Амидона, где катится Аксий широкий,
Аксий, водою чистейшей священную землю поящий.

Вождь Пилемен пафлагонам предшествовал, храброе сердце,
Выведший их из Генет, где стадятся дикие мески,
Племя народов, которые жили в Киторе, Сесаме,
Окрест потока Парфения в славных домах обитали,
Кромну кругом, Эгиал и скалы Эрифин населяли.

Рать гализонов Годий и Эпистроф вели из Алибы,
Стран отдаленных, откуда исход серебра неоскудный.

Мизам предшествовал Хромий и Энномос, птицегадатель,
Но и гаданием он не спасся от гибели черной:
Лег, низложенный руками Пелеева быстрого сына,
В бурной реке, где троян и других истреблял он, могучий.

Форкис и храбрый Асканий вели из Асканин дальней
Рати фригиян, и оба, бесстрашные, боем пылали.

Вслед их Антиф и Месфл, воеводы мужей меонийских,
Оба сына Пилемена, Гигейского озера дети,
Рать предводили меонов, при Тмоле высоком рожденных.

Настес вел говорящих наречием варварским каров,
Кои Милет занимали и Ффиров лесистую гору,
И Меандра поток, и Микала вершины крутые;
Сих предводили на бой Амфимах и воинственный Настес,
Настес и тот Амфимах, Номионова отрасль, который
Даже и в битвы ходил, наряжаяся златом, как дева.
Жалкий! и златом не мог отвратить он погибели грозной:
Лег, низложенный руками Пелеева быстрого сына,
В бурной реке, и Пелид его злато унес, победитель.

Рать ликиян Сарпедон и блистательный Главк предводили,
Живших далеко в Ликии, при Ксанфе глубокопучинном.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

КЛЯТВЫ. СМОТР СО СТЕНЫ. ЕДИНОБОРСТВО АЛЕКСАНДРА И МЕНЕЛАЯ

Так лишь на битву построились оба народа с вождями,
Трои сыны устремляются, с говором, с криком, как птицы:
Крик таков журавлей раздается под небом высоким,
Если, избегнув и зимних бурь, и дождей бесконечных,
С криком стадами летят через быстрый поток Океана,
Бранью грозя и убийством мужам малорослым, пигмеям,
С яростью страшной на коих с воздушных высот нападают.
Но подходили в безмолвии, боем дыша, аргивяне,
Духом единым пылая — стоять одному за другого.

Словно туман над вершинами горными Нот разливает,
Пастырям стад нежеланный, но вору способнейший ночи:
Видно сквозь оный не дальше, как падает брошенный камень,—
Так из-под стоп их прах, подымаяся мрачный, крутился
Вслед за идущими; быстро они проходили долину.

И, когда уже сблизились к битве идущие рати,
Вышел вперед от троян Александр, небожителю равный,
С кожею барда на раме, с луком кривым за плечами
И с мечом при бедре; а в руках два копья медножалых
Гордо колебля, он всех вызывал из данаев храбрейших,
Выйти противу него и сразиться жестокою битвой.
Но лишь увидел его Менелай, любимый Ареем,
Быстро вперед из толпы выступающим поступью гордой,—
Радостью вспыхнул, как лев, на добычу нежданно набредший,
Встретив елеия рогатого или пустынную серну;
Гладный, неистово он пожирает, хотя отовсюду
Сам окружен и ловцами младыми, и быстрыми псами:
Радостью вспыхнул такой Менелай, Александра героя
Близко узрев пред собой; и, отмстить похитителю мысля,
Быстро Атрид с колесницы с оружием прянул на землю.

Но, лишь увидел его Приамид, Александр боговидный,
Между передних блеснувшего, сердце его задрожало;
Быстро он к сонму друзей отступил, избегающий смерти.
Словно как путник, увидев дракона в ущелиях горных,
Прядает вспять и от ужаса членами всеми трепещет,
Быстро уходит, и бледность его покрывает ланиты,—

Так убежавши, в толпу погрузился троян горделивых
Образом красный Парис, устрашаясь Атреева сына.

Гектор, увидев его, поносил укорительной речью:
«Видом лишь храбрый, несчастный Парис, женолюбец, прельститель!
Лучше бы ты не родился или безбрачен погибнул!
Лучше б сего я желал, и тебе б то отраднее было,
Чем поношеньем служить и позорищем целому свету!
Слышишь, смеются ряды кудреглавых данаев, считавших
Храбрым тебя первоборцем, судя по красивому виду.
Вид твой красен, но ни силы в душе, ни отважности в сердце!
Бывши таков ты, однако, дерзнул в кораблях мореходных
Бурное море исплавать, с толпою клевретов любезных,
В чуждое племя войти и похитить из стран отдаленных
Славу их жен, и сестру и невестку мужей браноносных,
В горе отцу твоему, и народу, и целому царству,
В радость ахейцам врагам, а себе самому в поношенье!
Что же с оружьем не встретил царя Менелая? Узнал бы
Ты, браноносца какого владеешь супругой цветущей.
Были б не в помощь тебе ни кифара, ни дар Афродиты,
Пышные кудри и прелесть, когда бы ты с прахом смесился.
Слишком робок троянский народ, иль давно б уже был ты
Каменной ризой одет, злополучий толиких виновник!»

Гектору быстро в ответ возразил Александр боговидный:
«Гектор, ты вправе хулить, и твоя мне хула справедлива.
Сердце в груди у тебя, как секира, всегда непреклонно:
Древо пронзает она под рукой древодела и рьяность
Мужа сугубит, когда обсекает он брус корабельный:
Так в груди у тебя непреклонен дух твой высокий.
Не осуждай ты любезных даров златой Афродиты.
Нет, ни один не порочен из светлых даров нам бессмертных;
Их они сами дают; произвольно никто не получит.
Ныне, когда ты желаешь, чтоб я воевал и сражался,
Всем повели успокоиться, Трои сынам и ахейцам;
И посреди их поставьте меня с Менелаем героем;
Мы за Елену Аргивскую с ним перед вами сразимся.
Кто из двоих победит и окажется явно сильнейшим,
В дом и Елену введет, и сокровища все он получит.
Вы ж, заключившие дружбу и клятвы святые, владейте
Троей холмистой; ахейцы же в Аргос, конями богатый,
Вспять отплывут и в Ахаию, славную жен красотою».

Так говорил, и восхитился Гектор услышанной речью;
И, на средину пешед, и копье ухватив посредине,
Спнул фаланги троянские; все успокоясь стали.
Но на Гектора луки ахеян сыны натянули.
Многие метили копьями, многие бросили камни.
К ним громогласно воззвал повелитель мужей Агамемнон:
«Стойте, аргивцы друзья! не стреляйте, ахейские мужи!
Слово намерен вещать шлемоблещущий Гектор великий».

Рек,— и ахеяне прервали бой и немедленно стали
Окрест, умолкнув; и Гектор великий вещал среди воинств:
«Сонмы троян и ахеян краснвопоножных! внимайте,
Что предлагает Парис, от которого брань воспылала.
Он предлагает троянам и всем меднолатным ахейцам
Ратные сбруи свои положить на всеплодную землю;
Сам посреди ополчений с воинственным он Менелаем
Битвой, один на один, за Елену желает сразиться.
Кто из двоих победит и окажется явно сильнейшим,
В дом и Елену введет, и сокровища все он получит;
Мы ж на взаимную дружбу священные клятвы положим».

Рек он; ахейцы безмолвные все сохраняли молчанье;
И меж них провещал Менелай, знаменитый воитель:
«Ныне внимайте и мне; жесточайшая горесть пронзает
Сердце мое; помышляю давно я: пора примириться
Трои сынам и ахейцам; довольно вы бед претерпели
Ради вражды между мной и Парисом, виновником оной.
Кто между нами двумя судьбой обречен на погибель,
Тот да погибнет! а вы, о друзья, примиритесь немедля.
Пусть же представят и белого агнца, и черную овцу
Солнцу принесть и земле; а Крониду пожрем мы другого.
Пусть призовут и Приама владыку, да клятву положит
Сам (а сыны у него напыщенны, всегда вероломны):
Да преступник какой-либо Зевсовых клятв не разрушит:
Сердце людей молодых легкомысленно, непостоянно;
Старец, меж ними присущий, вперед и назад прозорливо
Смотрит, обеих сторон соблюдая взаимную пользу».

Так говорил; и наполнились радостью оба народа,
Чая почить наконец от трудов изнурительной брани:
Коней становят в ряды, с колесниц своих прядают сами;
Быстро снимают доспехи, на землю слагают их близко
Друг против друга: меж воинств осталося узкое поле.

Гектор немедленно к граду глашатаев двух посылает
Агнцев поспешно принесть и вызвать владыку Приама.
Царь Агамемнон равно повеление дал Талфибию
К сеням ахейским идти и принесть на заклание агнца;
Он поспешил, повинуясь державному сыну Атрея.

С вестью Ирида явилась к Елене лилейнораменной.
Вестница, образ приявши любезной Елене золовки,
С коей в супружестве был Антенорид царь Геликаон,
Образ младой Лаодики, прекраснейшей дщери Приама,
В терем вошла, где Елена ткань великую ткала,
Светлый, двускладный покров, образуя на оном сраженья,
Подвиги конных троян и медянодоспешных данаев,
В коих они за нее от Ареевых рук пострадали.
К ней приступив, быстроногая так говорила Ирида:
«Выйди, любезная нимфа, деяния чудные видеть
Конников храбрых троян и медянодоспешных данаев.
Оба народа недавно, стремимые бурным Ареем,
В поле сходились, пылая взаимно погибельной бранью.
Ныне безмолвны стоят; прекратилася брань; ратоборцы
Все на щиты приклонилися, копья их воткнуты в землю.
Но герой Александр и Атрид Менелай брагоносный
Выйти желают одни за тебя на копьях сразиться.
И супругой любезной тебя наречет победитель».

Так изрекла и влияла ей в душу сладкие чувства,
Думы о первом супруге, о граде родимом и кровных.
Встала она и, сребристыми тканями вкруг осеняся,
Быстро из дому идет со струящеюсь нежной слезою.
Следом за ней поспешили прислужницы верные обе,
Эфра, Питеева дочь, и Климена, с блистательным взором.
Скоро они притекли ко вратам возвышавшимся Скейским.
Там и владыка Приам, и Панфой, и Фимет благородный,
Клитий, божественный Ламп, Гикетаон, Ареева отрасль,
Укалегон, и герой Антенор, прозорливые оба,
Старцы народа сидели на Скейской возвышенной башне,
Старцы, уже не могучие в брани, но мужи совета,
Сильные словом, цикадам подобные, кои по рощам,
Сидя на ветвях дерев, разливают голос их звонкий:
Сонм таковых илионских старейшин собрался на башне.

Старцы, лишь только узрели идущую к башне Елену,
Тихие между собой говорили крылатые речи:

«Нет, осуждать невозможно, что Трои сыны и ахейцы
Брань за такую жену и беды столь долгие терпят:
Истинно, вечным богиням она красотою подобна!
Но, и столько прекрасная, пусть возвратится в Элладу;
Пусть удалится от нас и от чад нам любезных погибель!»

Так говорили; Приам же ее призывал дружелюбно:
«Шествуй, дитя мое милое! ближе ко мне ты садися.
Узришь отсюда и первого мужа, и кровных, и ближних.
Ты предо мною невинна; единые боги виновны:
Боги с плачевной войной на меня устремили ахеян!
Сядь и поведай мне имя величеством дивного мужа:
Кто сей, пред ратью ахейскою, муж и великий и мощный?
Выше его головой меж ахеями есть и другие,
Но толико прекрасного очи мои не видали,
Ни толико почтенного: мужу царю он подобен!»

Старцу в женах знаменитая так отвечала Елена:
«Ты и почтен для меня, возлюбленный свекор, и страшен!
Лучше бы горькую смерть предпочесть мне, когда я решилась
Следовать с сыном твоим, как покинула брачный чертог мой,
Братьев, и милую дочь, и веселых подруг, мне бесценных!
Но не сделалось так; и о том я в слезах изнываю!..
Ты вопрошаешь меня, и тебе я скажу, Дарданион:
Муж сей есть пространнодержавный Атрид Агамемнон,
Славный в Элладе, как мудрый царь и как доблестный воин.
Деверь он был мне; увы, недостойная, если б он был им!»

Так говорила,— и старец, дивяся Атриду, воскликнул:
«О Агамемнон, счастливым родившийся, смертный блаженный!
Сколько под властью твоею ахейских сынов браноносных!
Некогда, быв во фригийской земле, виноградом обильной,
Зрел я великую рать фригиян, колесничников быстрых;
Зрел я Атрея полки и Мигдона, подобного богу:
Станом стояло их воинство вдоль берегов Сангария;
Там находился и я, и союзником оных считался,
В день, как мужам подобные ратью нашли амазонки:
Но не столько их было, как здесь быстрооких данаев».

После, узрев Одиссея, Приам вопрошает Елену:
«Ныне скажи и об этом, дитя мое: кто сей данаец?
Менее целой главой, чем великий Атрид Агамемнон,
Но, как сдается мне, он и плечами и персями шире.

Сбруя его боевая лежит на земле плодоносной;
Сам же, подобно овну, по рядам ратоборным он ходит.
Он мне подобным овну представляется, пышному волной,
В стаде ходящему между овец среброрунных».

Вновь отвечала Приаму Елена, рожденная Зевсом:
«Муж сей, почтенный Приам, Лаэртид Одиссей многоумный,
Взросший в народе Итаки, питомец земли каменистой,
Муж, преисполненный козней различных и мудрых советов».

К ней обративши слова, говорил Антенор благоумный:
«Подлинно, речь справедливую ты, о жена, произносишь:
Некогда к нам приходил Одиссей Лаэртид знаменитый,
Присланный, ради тебя, с Менелаем воинственным купно.
Я их тогда принимал и угащивал дружески в доме;
Свойство узнал обоих и советов их разум изведал.
Если они на собранья троянские вместе являлись,—
Стоя, плечами широкими царь Менелай отличался;
Сидя же вместе, взрачнее был Одиссей благородный.
Если они пред собраньем думы и речи сплетали,—
Царь Менелай всегда говорил, изъясняяся бегло,
Мало вещал, но разительно; не был Атрид многословен,
Ни в речах околичен, хоть был он и младший годами.
Но когда говорить восставал Одиссей многоумный,
Тихо стоял и в землю смотрел, потупивши очи;
Скиптра в деснице своей ни назад, ни вперед он не двигал,
Но незыбно держал, человеку простому подобный.
Счел бы его ты разгневанным мужем или́ скудоумным.
Но когда издавал он голос могучий из персей,
Речи, как снежная вьюга, из уст у него устремлялись!
Нет, не дерзнул бы никто с Одиссеем стязаться словами;
Мы не дивились тогда Одиссееву прежнему виду».

Третьего видя Аякса, Приам вопрошает Елену:
«Кто еще оный ахеянин, столько могучий, огромный?
Он и главой, и плечами широкими всех перевысил».

Старцу в женах знаменитая вновь отвечала Елена:
«Муж сей — Аякс Теламонид великий, твердыня данаев.
Там, среди критских дружин, возвышается, богу подобный,
Идоменей, и при нем предводители критян толпятся.
Часто героя сего Менелай угощал дружелюбно
В нашем доме, когда приходил он из славного Крита.
Вижу и многих других быстроких данайских героев;

Всех я узнала б легко и поведала б каждого имя.
Двух лишь нигде я не вижу строителей воинств: незримы
Кастор, коней укротитель, с могучим бойцом Полидевком,
Братья, которых со мною родила единая матерь.
Или они не оставили град Лакедемон веселый?
Или, быть может, и здесь, принеслись в кораблях мореходных,
Но одни не желают вступать в ратоборство с мужами,
Срамом гнушаясь и страшным позором, меня тяготящим!»

Так говорила; но их уже матерь-земля сокрывала
Там, в Лакедемоне, в недрах любезной земли их родимой.

Тою порой через Трою жертвы для клятвы священной,
Агнцев и дар полей, вино, веселящее сердце,
В козьем меху несли провозвестники; нес совокупно
Вестник Идей и блестящую чашу, и кубки златые;
Он же, и к старцу представ, призывал Дарданида, вещая:
«Сын Лаомедонов, шествуй, тебя приглашают вельможи
Троп сынов конеборных и меднодоспешных данаев
Выйти на ратное поле, да клятвы святые положат.
Ныне герой Александр и с ним Менелай брапоносец
С длинными копьями выйдут одни за Елену сразиться.
Кто победит — и жены и сокровищ властителем будет;
Мы ж, заключившие дружбу и клятвы священные, будем
Троей владеть, а данаи в Аргос, конями обильный,
Вспять отплывут и в Ахаию, славную жен красотою».

Так произнес; ужаснулся Приам, но друзьям повелел он
Коней запрячь в колесницу; они покорились охотно;
Старец взошел и бразды натянул к управлению коней;
Подле него Антенор на блистательной стал колеснице;
В поле они через Скейские быстрых направили коней.

И когда достигнули воинств троян и ахеян,
Там, с колесницы прекрасной сошедши на злачную землю,
Между троян и ахеян срединою шествуют старцы.
В встречу им быстро восстал повелитель мужей Агамемнон,
Мудрый восстал Одиссей; и почтенные вестники оба
Жертвы для клятвы священной представили; в чаше единой
Вина смесили и на руки воду царям возлияли.
Тут Агамемнон, владыка, десницею нож обнаживши
Острый, висящий всегда при влагалище мечном великом,
Волну отрезал на агнчих главах, и глашатаи оба,

Взяв, разделили ее меж избранных троян и ахеян.
Царь Агамемнон воззвал, с воздеянием дланей моляся:
«Мощный Зевс, обладающий с Иды, преславный, великий!
Гелиос, видящий все и слышащий все в поднебесной!
Реки, земля и вы, что в подземной обители души
Оных караете смертных, которые ложно клянутся!
Будьте свидетели вы и храните нам клятвы святые:
Если Парис Приамид поразит Менелая Атрида,
Он и Елену в дому, и сокровища все да удержит;
Мы ж от троянской земли отплывем на судах мореходных.
Если Париса в бою поразит Менелай светловласый,
Граждане Трои должны возвратить и жену и богатства;
Пеню должны заплатить аргивянам, какую прилично;
Память об ней да прейдет и до поздних племен человеков.
Если же мне и Приам, и Приама сыны отрекутся
Должную дань заплатить по паденье уже и Париса,
Снова я ратовать буду, пока не истребую дани;
Здесь я останусь, пока не увижу конца ратоборству».

Рек и гортани овнов пересек он суровою медью
И обоих на земле положил их, в трепете смертном
Жизнь издыхающих: юную силу их медь сокрушила.
После, вино из чаши блистательной черпая кубком,
Все возливали и громко молились богам вечносущим;
Так не один возглашал меж рядами троян и ахеян:
«Зевс многославный, великий, и все вы, бессмертные боги!
Первых, которые смеют священную клятву нарушить,
Мозг, как из чаши вино, да по черной земле разольется,
Их вероломных и чад,— и пришельцы их жен да обымут!»

Так возглашали; моления их не исполнил Кронион.
Старец Приам между тем обратился к народам, вещая:
«Слову внимайте, трояне и храбрые мужи ахейцы:
Я удаляюсь от вас, в Илион возвращаюсь холмистый.
Мне недостанет сил, чтобы видеть своими очами
Сына любезного бой с Менелаем, питомцем Арея.
Ведает Зевс Эгиох и другие бессмертные боги,
В битве кому из подвижников смертный конец предназначен».

Рек,— и овнов в колесницу влагает божественный старец;
Всходит и сам и бразды к управленью коней напрягает;
Подле него Антенор на блистательной стал колеснице.
Старцы, назад обратяся, погнали коней к Илиону.

Гектор тогда Приамид и с ним Одиссей благородный
Прежде измерили место сражения; после, повергнув
Жребии в медный шелом, сотрясали, да ими решится,
Кто в сопротивника первый копье медяное пустит.
Рати же окрест молились и длани к богам воздевали;
Так не один восклицал меж рядами троян и ахеян:
«Мощный Зевс, обладающий с Иды, преславный, великий!
Кто между ими погибельных дел сих и распрей виновник,
Дай ты ему, пораженному, в дом погрузиться Аида,
Нам же опять утвердить и священные клятвы и дружбу!»

Так возглашают; а Гектор великий два жребия в шлеме,
Взор отвратив, сотрясает, и выпрянул жребий Париса.
Воины быстро уселись рядами, где каждый оставил
Коней своих звуконогих и пестрые ратные сбруи.
Тою порой вкруг рамен покрывался оружием пышным
Юный герой Александр, супруг лепокудрой Елены.
И сперва наложил он на белые ноги поножи
Пышные, кои серебряной плотно смыкались наглезной;
Перси кругом защищая, надел медяные латы,
Брата Ликаона славный доспех, и ему соразмерный;
Сверху на рамо набросил ремень и меч среброгвоздный
С медяным клинком; и щит захватил, и огромный и крепкий;
Шлем на могучую голову ярко блестящий надвинул
С гривою конскою; гребень ужасный над ним волновался;
Тяжкое поднял копье, но которое было споручно.
Так и Атрид Менелай покрывался оружием, храбрый.

И едва лишь каждый в дружине своей воружился,
Оба они аргивян и троян на средину выходят
С грозно блестящими взорами; ужас смотрящих объемлет
Конников храбрых троян и красивопоножных данаев.
Близко герои сошлись и на месте измеренном стали,
Копья в руках потрясая, свирепствуя друг против друга.
Первый герой Александр послал длиннотенную пику
И ударил жестоко противника в щит круговидный;
Но — не проникнуло меди, согнулось копейное жало
В твердом щите. И воздвигся второй с занесенною пикой
Царь Менелай, умоляющий пламенно Зевса владыку:
«Зевс! помоги покарать сотворившего мне оскорбленье!
В прах моею рукой низложи Приамида Париса;
Пусть ужасается каждый и в поздно рожденных потомках
Злом воздавать за приязнь добродушному гостеприимцу».

Рек он — и, мощно сотрясши, поверг длиннотенную пику,
И ударил жестоко противника в щит круговидный:
Щит светозарный насквозь пробежала могучая пика,
Броню насквозь, украшеньем пышную, быстро пронзила
И, на паху подреберном, хитон у Париса рассекла,
Бурная; он, лишь отпрянув, погибели черной избегнул.
Сын же Атреев, исторгнув стремительно меч среброгвоздный,
Грянул с размаху по бляхе шелома; но меч, над шеломом
В три и четыре куска раздробившися, пал из десницы.
Царь Менелай возопил, на пространное небо взирая:
«Зевс, ни один из бессмертных, подобно тебе, не злотворен!
Я наконец уповал покарать Александра злодея;
И в руках у меня сокрушается меч, и напрасно
Вылетел дрот из десницы моей: не могу поразить я!»

Рек — и напал на него и, за шлем ухватив коневласый,
Быстро повлек, обратившися к пышнопоножным ахейцам.
Стиснул Парисову нежную выю ремень хитрошвенный —
Вплоть у него под брадой проходившая подвязь шелома.
Он и довлек бы его, и покрылся бы славой великой;
Но любимца увидела Зевсова дочь Афродита;
Кожу вола, пораженного силой, она разорвала:
Шлем последовал праздный за мощной рукой Менелая.
Быстро его Атрейон, закруживши на воздухе, ринул
К пышнопоножным данаям, и подняли верные други.
Сам же он бросился вновь, поразить Александра пылая
Медным копьем; но Киприда его от очей, как богиня,
Вдруг похищает и, облаком темным покрывши, любимца
В ложницу вводит, в чертог, благовония сладкого полный;
Быстро уходит Елену призвать, и на башне высокой
Ледину дочь, окруженную сонмом троянок, находит,
Тихо рукой потрясает ее благовонную ризу
И говорит, уподобяся старице, древле рожденной,
Пряхе, что в прежние дни для нее в Лакедемоне граде
Волну прекрасно пряла и царевну вседушно любила:
Ей уподобяся, так говорит Афродита богиня:
«В дом возвратися, Елена; тебя Александр призывает.
Он уже дома, сидит в почивальне, на ложе точеном,
Светел красой и одеждой; не скажешь, что юный супруг твой
С мужем сражался и с боя пришел, но что он к хороводу
Хочет идти, иль воссел опочить, хоровод лишь оставив».

Так говорила,— и душу Елены в груди взволновала:
Но, лишь узрела Елена прекрасную выю Киприды,

Прелести полные перси и страстно блестящие очи,
В ужас пришла, обратилась к богине и так говорила:
«Ах, жестокая! снова меня обольстить ты пылаешь?
Или меня еще дальше, в какой-либо град многолюдный,
Фригии град иль Меонии радостной хочешь увлечь ты,
Если и там обитает любезный тебе земнородный?
Ныне, когда Менелай, на бою победив Александра,
Снова в семейство меня возвратить, ненавистную, хочет,
Что ты являешься мне, с злонамеренным в сердце коварством?
Шествуй к любимцу сама, от путей отрекися бессмертных
И, стопою твоей никогда не касаясь Олимпа,
Вечно при нем изнывай и ласкай властелина, доколе
Будешь им названа или супругою, или рабою!
Я же к нему не пойду, к беглецу; и позорно бы было
Ложе его украшать; надо мною троянские жены
Все посмеются; довольно и так мне для сердца страданий!»

Ей, раздраженная Зевсова дочь, отвечала Киприда:
«Смолкни, несчастная! Или, во гневе тебя я оставив,
Так же могу ненавидеть, как прежде безмерно любила.
Вместе обоих народов, троян и ахеян, свирепство
Я на тебя обращу, и погибнешь ты бедственной смертью!»

Так изрекла,— и трепещет Елена, рожденная Зевсом,
И, закрывшись покровом сребристоблестящим, безмолвно,
Сонму троянок невидимо, шествует вслед за богиней.
Скоро достигли они Александрова пышного дома;
Обе служебницы бросились быстро к домашним работам.
Тихо на терем высокий жена благородная всходит.
Там для нее, улыбаясь пленительно, кресло Киприда,
Взяв сама, пред лицом Александровым ставит, богиня.
Села на оном Елена, рожденная Зевсом Кронидом,
Очи назад отвратила и так упрекала супруга:
«С битвы пришел ты? о лучше б, несчастный, навеки погибнул,
Мужем сраженный могучим, моим преждебывшим супругом!
Прежде не сам ли хвалился, что ты Менелая героя
Силой своей и рукой и копьем превзойдешь в ратоборстве!
Шествуй теперь и Атрида могучего вызови снова;
Лично с героем сразися. Но я не советую; лучше
Мирно покойся, и впредь с светлокудрым Атреевым сыном
Ратовать ратью, ни битвою биться не смей безрассудно;
Или, страшись, да его копием укрощен ты не будешь!»

Ей отвечая, Парис устремляет крылатые речи:
«Нет, не печаль мне, супруга, упреками горькими сердце;
Так, сегодня Атрид победил с ясноокой Афиной;
После и я побежду: покровители боги и с нами.
Ныне почием с тобой и взаимной любви насладимся.
Пламя такое в груди у меня никогда не горело;
Даже в тот счастливый день, как с тобою из Спарты веселой
Я с похищенной бежал на моих кораблях быстролетных
И на Кранае с тобой сочетался любовью и ложем.
Ныне пылаю тобою, желания сладкого полный».
Рек он — и шествует к ложу, за ним и Елена супруга.
Вместе они на блистательноубранном ложе почили.

Сын же Атреев по воинству рыскал, зверю подобный,
Взоры бросая кругом, не увидит ли где Александра.
Но ни единый из храбрых троян и союзников славных
Мощному сыну Атрея не мог указать Александра.
Верно, из дружбы к нему, не сокрыл бы никто его зревший:
Всем он и им уже был ненавистен, как черная гибель.

Громко тогда возгласил повелитель мужей Агамемнон:
«Слух преклоните, трояне, дардане и рати союзных!
Видимо всем торжество Менелая, любимца Арея.
Вы аргивянку Елену, с богатством ее похищенным,
Выдайте нам и немедленно должную дань заплатите,
Память об ней да прейдет и до поздних племен человеков».

Так Агамемнон вещал,— и в хвалу восклицали ахейцы.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

НАРУШЕНИЕ КЛЯТВ. ОБХОД ВОЙСК АГАМЕМНОНОМ

Боги, у Зевса отца на помосте златом заседая,
Мирно беседу вели; посреди их цветущая Геба
Нектар кругом разливала; и, кубки приемля златые,
Чествуют боги друг друга, с высот на Трою взирая.
Вдруг Олимпиец Кронион замыслил Геру прогневать
Речью язвительной; он, издеваясь, беседовать начал:

«Две здесь богини, помощницы в бранях царя Менелая:
Гера Аргивская и Тритогения Алалкомена.
Обе, однако, далеко сидя и с Олимпа взирая,
Тем утешаются; но с Александром везде Афродита,
Помощь ему подает, роковые беды отражает,
И сегодня любимца спасла, трепетавшего смерти.
Но, очевидно, победа над ним Менелая героя.
Боги, размыслим, чем таковое деяние кончить?
Паки ли грозную брань и печальную распрю воздвигнем,
Или возлюбленный мир меж двумя племенами положим?
Если сие божествам и желательно всем и приятно,
Будет стоять нерушимою Троя Приама владыки,
И с Еленой Аргивскою в дом Менелай возвратится».

Так он вещал; негодуя, вздыхали Афина и Гера;
Вместе сидели они и троянам беды умышляли.
Но Афина смолчала; не молвила, гневная, слова
Зевсу отцу, а ее волновала свирепая злоба.
Гера же гнева в груди не сдержала, воскликнула к Зевсу:
«Сердцем жестокий Кронион! какой ты глагол произносишь?
Хочешь ты сделать и труд мой ничтожным, и пот мой бесплодным,
Коим, трудясь, обливалася? Я истомила и коней,
Рать подымая на гибель Приаму и чадам Приама.
Волю твори; но не все от бессмертных ее мы одобрим».

Ей негодующей сердцем ответствовал Зевс тучеводец:
«Злобная: старец Приам и Приамовы чада какое
Зло пред тобой сотворили, что ты непрестанно пылаешь
Град Илион истребить, благолепную смертных обитель?
Если б могла ты, войдя во врата и троянские стены,
Ты бы пожрала живых и Приама, и всех Приамидов,
И троянский народ, и тогда б лишь насытила злобу!
Делай, что сердцу угодно; да горький сей спор напослодок
Грозной вражды навсегда между мной и тобой не положит.
Слово еще изреку я, а ты впечатлей его в сердце:
Если и я, пылающий гневом, когда возжелаю
Град ниспровергнуть, отчизну любезных тебе человеков,—
Гнева и ты моего не обуздывай, дай мне свободу!
Град сей тебе я предать соглашаюсь, душой несогласный.
Так, под сияющим солнцем и твердью небесною звездной
Сколько ни зрится градов, населенных сынами земными,

Сердцем моим наиболее чтима священная Троя,
Трои владыка Приам и народ копьеносца Приама.
Там никогда мой алтарь не лишался ни жертвенных пиршеств,
Ни возлияний, ни дыма: сия бо нам честь подобает».

Вновь провещала к нему волоокая Гера богиня:
«Три для меня наипаче любезны ахейские града:
Аргос, холмистая Спарта и град многолюдный Микена.
Их истреби ты, когда для тебя ненавистными будут;
Я не вступаюсь за них и отнюдь на тебя не враждую.
Сколько бы в гневе моем ни противилась их истребленью,
Я не успела б и гневная: ты на Олимпе сильнейший.
Но труды и мои оставаться должны ли бесплодны?
Я божество, как и ты, исхожу от единого рода;
И, богиня старейшая, дщерь хитроумного Крона,
Славой сугубой горжусь, что меня и сестрой и супругой
Ты нарицаешь,— ты, над бессмертными всеми царящий.
Но оставим вражду и, смиряяся друг перед другом,
Оба взаимно уступим, да следуют нам и другие
Боги бессмертные. Ныне, Кронид, повели ты Афине
Быстро сойти к истребительной брани троян и данаев;
Пусть искушает она, чтоб славою гордых данаев
Первые Трои сыны оскорбили, разрушивши клятву».

Так говорила,— и внял ей отец и бессмертных и смертных;
Речи крылатые он устремил к светлоокой Афине:
«Быстро, Афина, лети к ополченью троян и данаев;
Там искушай и успей, чтоб славою гордых данаев
Первые Трои сыны оскорбили, разрушивши клятву».

Рек — и подвигнул давно пылавшую сердцем Афину:
Бурно помчалась богиня, с Олимпа высокого бросясь.
Словно звезда, какую Кронион Зевс посылает
Знаменьем или пловцам, иль воюющим ратям народов,
Яркую; вкруг из нее неисчетные сыплются искры,—
В виде таком устремляясь на землю, Паллада Афина
Пала в средину полков: изумление обняло зрящих
Конников храбрых троян и медянодоспешных данаев;
Так говорил не один ратоборец, взглянув на другого:
«Снова войне ненавистной, снова сече кровавой
Быть перед Троей; или полагает мир между нами
Зевс всемогущий, который меж смертными браней решитель».

Так не один говорил в ополченьях троян и ахеян.
Зевсова ж дочь, Антенорова сына приявшая образ,
Мужа Лаодока храброго, в сонмы троянские входит,
Пандара, богу подобного, ищет, кругом вопрошая;
Видит его: непорочный и доблестный сын Ликаонов,
Пандар, стоял и при нем густые ряды щитоносцев,
Воев, пришедших за ним от священных потоков Эсепа.
Став близ него, устремила богиня крылатые речи:
«Будешь ли мне ты послушен, воинственный сын Ликаона?
Смеешь ли быстрой стрелою ударить в царя Менелая?
В Трое от каждого ты благодарность и славу стяжаешь;
Более ж всех от Приамова сына, царя Александра.
Так, от него ты от первого дар понесешь знаменитый,
Если узрит он, что царь Атрейон, Менелай брапоносный,
Свержен твоею стрелой, на костер подымается грустный.
Пандар, дерзай! порази Менелая, высокого славой!
Прежде ж обет сотвори луконосцу ликийскому, Фебу,
Агнцев ему первородных принесть знаменитую жертву,
В отческий дом возвратяся, в священные Зелии стены».

Так говоря, безрассудного сердце Афина подвигла.
Лук обнажил он лоснистый, рога быстроскачущей серны,
Дикой, которую некогда сам он под перси уметил,
С камня готовую прянуть; ее, ожидавший в засаде,
В грудь он стрелой угодил и хребтом опрокинул на камень.
Роги ее от главы на шестнадцать ладоней вздымались.
Их, обработав искусно, сплотил рогодел знаменитый,
Вылощил ярко весь лук и покрыл его златом поверхность.
Лук сей блестящий, стрелец натянувши, искусно изладил,
К долу склонив; и щитами его заградила дружина,
В страхе, да слуги Арея в него не ударят, ахейцы,
Прежде чем будет пронзен Менелай, воевода ахеян.
Пандар же крышу колчанную поднял и выволок стрелу,
Новую стрелу крылатую, черных страданий источник.
Скоро к тугой тетиве приспособил он горькую стрелу,
И, обет сотворя луконосцу ликийскому, Фебу,
Агнцев ему первородных принесть знаменитую жертву,
В отческий дом возвратяся, в священные Зелии стены,
Разом повлек он и уши стрелы, и воловую жилу;
Жилу привлек до сосца и до лука железо пернатой;
И едва круговидный огромный свой лук изогнул он,
Рог заскрипел, тетива загудела, и прянула стрелка
Остроконечная, жадная в сонмы влететь сопротивных.

Но тебя, Менелай, не оставили жители неба,
Вечные боги, и первая дщерь светлоокая Зевса:
Став пред тобою, она возбраняет стреле смертоносной
К телу касаться; ее отражает, как нежная матерь
Гонит муху от сына, сном задремавшего сладким.
Медь направляет богиня туда, где застежки златые
Запон смыкали и где представлялася броня двойная:
Бурно пернатая горькая в сомкнутый запон упала
И насквозь просадила изящно украшенный запон,
Броню насквозь, украшеньем пышную, быстро пробила,
Навязь медную, тела защиту, стрел сокрушенье,
Часто его защищавшую, самую навязь пронзила
И рассекла, могучая, верхнюю кожу героя;
Быстро багряная кровь заструилась из раны Атрида.

Так, как слоновая кость, обагренная в пурпур женою,
Карскою или меонской, для пышных нащечников коням,
В доме лежит у владелицы: многие конники страстно
Жаждут обресть; но лежит драгоценная царская утварь,
Должная быть и коню украшеньем, и коннику славой,—
Так у тебя, Менелай, обагрилися пурпурной кровью
Бедра крутые, красивые ноги и самые глезны.

В ужас пришел Атрид, повелитель мужей Агамемнон,
Брата увидевши кровь, изливавшуюсь током из язвы.
В ужас пришел и сам Менелай, воеватель отважный;
Но лишь увидел шипы и завязку пернатой вне тела,
Вновь у Атреева сына исполнились мужества перси.
Тяжко стеная и за руку брата держа, Агамемнон
Так между тем говорил, и кругом их стенала дружина:
«Милый мой брат! на погибель тебе договор заключил я,
Выставив против троян одного за данаев сражаться:
Ими пронзен ты; попрали трояне священную клятву!
Но не будут ничтожными клятва, кровавая жертва,
Вин возлиянье и рук сопряженье на верность обета.
Если теперь совершить Олимпийский Зевес не рассудит,
Поздно, но он совершит,— и трояне великою платой,
Женами их и детьми, и своими главами заплатят.
Твердо уверен я в том, убеждаяся духом и сердцем,
Будет некогда день, как погибнет высокая Троя,
Древний погибнет Приам и народ копьеносца Приама.
Зевс Эгиох, обитатель эфира высокоцарящий,

Сам над главами троян заколеблет ужасным эгидом,
Сим вероломством прогневанный: то немпнуемо будет.
Но меж тем, Менелай, и жестокая будет мне горесть,
Если умрешь ты, о брат мой, и жизни предел здесь окончишь.
Я, отягченный стыдом, отойду в многожаждущий Аргос!
Скоро тогда по отечестве все затоскуют ахейцы.
В славу Приаму и в радость троянам, здесь мы оставим
Нашу Елену, и кости твои середь поля истлеют,
Легшие в чуждой троянской земле, не свершенному делу.
Скажет тогда не один беспредельно надменный троянец,
Гордо на гроб наскочив Менелая, покрытого славой:
— Если бы так над всеми свой гнев совершал Агамемнон!
Он к Илиону ахейскую рать приводил бесполезно;
Он с кораблями пустыми в любезную землю родную
Вспять возратился, оставивши здесь Менелая героя.—
Скажет,— и тогда расступися, земля, подо мною!»

Душу ему ободряя, вещал Менелай светловласый:
«Брат, ободрися и в страх не вводи ополчений ахейских;
В место мне не смертельное медь вонзилася; прежде
Пояс мой испещренный ее укротил, а под оным
Запон и навязь, которую медники-мужи ковали».

Быстро ему отвечал повелитель мужей Агамемнон:
«Было бы истинно так, как вещаешь, возлюбленный брат мой!
Язву же врач знаменитый немедля тебе испытает
И положит врачевств, утоляющих черные боли».

Рек — и к Талфибию вестнику речь обратил Агамемнон:
«Шествуй, Талфибий, и к нам призови ты Махаона мужа,
Славного рати врача, Асклепия мудрого сына.
Пусть он осмотрит вождя аргивян, Менелая героя,
Коего ранил стрелою стрелец знаменитый ликийский,
Или троянский, на славу троянам, ахейцам на горесть!»

Рек — и глашатай немедленно слову царя повинулся:
Быстро пошел сквозь толпы, по великому войску данаев,
Окрест смотря по рядам; и героя Махаона видит:
Пеш он стоял и кругом его храбрых ряды щитоносцев,
Воев, за ним прилетевших из Трики, обильной конями,
Став близ него, устремляет Талфибий крылатые речи:
«Шествуй, Асклепиев сын; Агамемнон тебя призывает;

Шествуй увидеть вождя аргивян, Менелая героя,
Коего ранил стрелою стрелец знаменитый ликийский,
Или троянский, на славу троянам, ахейцам на горесть!»

Так говорил он,— и душу Махаона в персях встревожил.
Быстро пошли сквозь толпы по великому войску данаев,
И, когда притекли, где Атрид Менелай светлокудрый
Был поражен, где, собравшись, ахейские все властелины
Кругом стояли, а он посреди их, богу подобный,
Врач из плотного запона стрелу извлечь поспешает;
Но, когда он повлек, закривились шипы у пернатой.
Быстро тогда разрешив пестроблещущий запон, под оным
Пояс и повязь, которую медники-мужи ковали,
Язвину врач осмотрел, нанесенную горькой стрелою;
Выжал кровь и, искусный, ее врачевствами осыпал,
Силу которых отцу его Хирон открыл дружелюбный.

Тою порой, как данаи заботились вкруг Менелая,
Быстро троянцев ряды наступали на них щитоносцев;
Снова данаи оружьем покрылись и вспыхнули боем.
Тут не увидел бы ты Агамемнона, сына Атрея,
Дремлющим, или трепещущим, или на брань неохотным:
Пламенно к брани, мужей прославляющей, он устремился.
Коней Атрид с колесницею, медью блестящей, оставил;
Их браздодержец могучий держал недалеко, храпящих,
Муж Эвримедон, потомок Пираосов, сын Птолемеев:
Близко держаться Атрид заповедал, на случай, когда он
Члены трудом истомит, обходящий и строящий многих.
Сам, устремившися пеш, проходил он ряды ратоборцев.
Где поспешавших на бой находил аргивян быстроконных,
Духа еще им, представ, придавал возбудительной речью:
«Аргоса вои, воспомните ныне кипящую доблесть!
Нет, небожитель Кронид в вероломствах не будет помощник
Первых, которые, клятвы поправ, нанесли оскорбленье,—
Белое тело их, верно, растерзано вранами будет;
Мы же супруг их цветущих и всех их детей малолетних
В плен увлечем на судах, как возьмем крепкостенную Трою»

Но, встречая мужей, на печальную битву коснящих,
Сильно на них нападал, порицая жестокою речью:
«Аргоса вои, стрельцы презренные, нет ли стыда вам?
Что, пораженные страхом, как робкие лани, стоите?
Лани, когда утомятся, по чистому бегая полю,
Купой стоят, и нет в их персях ни духа, ни силы,—

Так, пораженные, вы здесь стоите и медлите к бою.
Ждете ли вы, чтоб трояне до самых рядов приступили
Наших судов лепокормных, на береге моря седого,
Там чтоб увидеть вам, вас ли рукой покрывает Кронион?»

Так он, начальствуя, вкруг обходил ратоборные строи.
Скоро приближился к критским, идя сквозь толпу ратоборцев:
Критяне строились в бой вкруг отважного Идоменея;
Идоменей впереди их подобился вепрю, могучий;
Вождь Мерион у него позади возбуждал ополченья.
Их усмотревши, наполнился радостью царь Агамемнон
И предводителя критян приветствовал ласковой речью:
«Идоменей, тебя среди сонма героев ахейских
Чествую выше я всех, как в боях и деяниях прочих,
Так и на празднествах наших, когда благородным данаям
К пиру почетного чермного чашу вина растворяют;
Где предводители прочие меднодоспешных данаев
Пьют известною мерой, но кубок тебе непрестанно
Полный стоит, как и мне, да пьешь до желания сердца.
Шествуй же к брани таков, как и прежде ты быть в ней
гордился».
И Атриду ответствовал критских мужей воевода:
«Славный Атрид, неизменно твоим я останусь другом,
Верным всегда, как и прежде тебе обещал я и клялся.
Но спеши и других возбудить кудреглавых данаев.
Битву скорее начнем; разорвали священные клятвы
Трои сыны! И постигнут их первых беды и погибель;
Первые, клятвы поправ, вероломно они оскорбили!»

Так он вещал,— и Атрид удалился, радостный сердцем;
Он устремился к Аяксам, идя сквозь толпу ратоборных:
Оба готовились в бой, окруженные тучею пеших.
Словно как с холма высокого тучу великую пастырь
Видит, над морем идущую, ветром гонимую бурным:
Издали взору его как смола представляяся черной,
Мчится над морем она, предводящая страшную бурю;
С ужасом пастырь глядит и стада свои гонит в пещеру,—
Вслед таковы за Аяксами юношей, пламенных в битвах,
К брани кровавой с врагом устремлялись фаланги густые,
Черные, грозно кругом и щиты воздымая и копья.
Видя и сих, наполняется радостью царь Агамемнон
И, к вождям обратяся, крылатую речь устремляет:
«Храбрые мужи, Аяксы, вожди меднолатных данаев!

Вам я народ возбуждать не даю повелений ненужных:
Сильно вы сами его поощряете к пламенным битвам.
Если б, о Зевс Олимпийский, Афина и Феб луконосец!
Если б у каждого в персях подобное мужество было,
Скоро пред нами поникнул бы град крепкостенный Приама,
Наших героев руками плененный и в прах обращенный!»

Так произнесши, оставил он их и к другим устремился.
Встретился Нестор ему, сладкогласный вития пилосский:
Строил свои он дружины и дух распалял их на битву.
Окрест его Пелагон возвышался, Аластор и Хромий,
Гемон, воинственный царь, и Биант, предводитель народов.
Конных мужей впереди с колесницами Нестор построил;
Пеших бойцов позади их поставил, и многих и храбрых,
Стену в сражениях бурных; но робких собрал в середину,
С мыслью, чтоб каждый, когда не по воле, по нужде сражался.
Конникам первым давал наставленья, приказывал им он
Коней рядами держать и нестройной толпой не толпиться.
«Нет,— чтоб никто, на искусство езды и на силу надежный,
Прежде других не пылал впереди с сопостатами биться,
Или назад обращаться: себя вы ослабите сами.
Кто ж в колеснице своей на другую придет колесницу,
Пику вперед уставь: наилучший для конников способ.
Так поступая, и древние стены и грады громили,
Разум и дух таковой сохраняя в доблестных персях».

Так им советовал старец, давно испытанный в бранях.
Царь Агамемнон, узрев и его, веселится душою
И, обратяся к нему, устремляет крылатые речи:
«Если бы, старец, доныне еще, как душа твоя в персях,
Ноги служили тебе и остались в свежести силы?
Но угнетает тебя неизбежная старость; пускай бы
Мужи другие старели, а ты бы блистал между юных!»

И Атриду ответствовал Нестор, конник геренский:
«Так, благородный Атрид, несказанно желал бы и сам я
Быть таковым, как я был, поразивший Эревфалиона.
Но совокупно всего не дают божества человекам:
Молод я был, а теперь и меня постигнула старость.
Но и таков я пойду между конными; буду бодрить их
Словом моим и советом: вот честь, остающаясь старцам.
Копья пускай устремляют ахеяне младшие, мужи,
Родившиеся после меня и надежные больше на силу».

Так произнес,— и Атрид удаляется, радостный сердцем;
Он Менесфея, отличного конника, близко находит
Праздно стоящим, и окрест — афинян, искусных в сраженьях.
Там же, близ Менесфея, стоял Одиссей многоумный;
Окрест его кефалленов ряды, не бессильных во брани,
Праздно стояли, еще не слыхавшие бранной тревоги:
Ибо едва устремленные к бою сходились фаланги
Конников быстрых троян и ахеян, и стоя дружины
Ждали, когда, наступивши, ахейская башня другая
Прежде ударит в троян и кровавую битву завяжет.
Так их нашед, возроптал повелитель мужей Агамемнон
И к вождям возгласил, устремляя крылатые речи:
«Сын скиптроносца Петея, питомца Крониона Зевса!
Также и ты, одаренный коварствами, хитростей полный,
Что, укрываясь здесь, вы стоите, других ожидая?
Вам из ахейских вождей обоим надлежало бы первым
Быть впереди и пылающей брани в лицо устремляться.
Первые вы от меня и о пиршествах слышите наших,
Если старейшинам пиршество мы учреждаем, ахейцы.
Там приятно для вас насыщаться зажаренным мясом,
Кубками вина сладкие пить до желания сердца;
Здесь же приятно вам видеть, хотя бы и десять ахейских
Вас упредили фаланг и пред вами сражалися медью».

Гневно воззрев на него, отвечал Одиссей знаменитый:
«Речи какие, Атрид, из уст у тебя излетают?
Мы, говоришь ты, от битв уклоняемся? Если, ахейцы,
Мы на троян быстроконных воздвигнем свирепство Арея,
Узришь ты, если захочешь и если участие примешь,
Узришь отца Телемахова в битве с рядами передних
Конников храбрых троян; а слова произнес ты пустые!»

Гневным узрев Одиссея, осклабился царь Агамемнон,
И, к нему обращаясь, начал он новое слово:
«Сын благородный Лаэрта, герой Одиссей многоумный!
Я ни упреков отнюдь, ни приказов тебе не вещаю.
Слишком я знаю, что сердце твое благородное полно
Добрых намерений; ты одинаково мыслишь со мною.
Шествуй, о друг! а когда что суровое сказано ныне,
После исправим; но пусть то бессмертные всё уничтожат!»

Так произнесши, оставил вождей и к другим устремился.
Там он Тидида нашел, Диомеда героя, стоящим

Подле коней и своей составной колесницы блестящей;
С ним стоял и Сфенел, благородная ветвь Капанея.
Гневно и их порицал повелитель мужей Агамемнон;
Он к Диомеду воззвал, устремляя крылатые речи:
«Мужа бесстрашного сын, укротителя коней Тидея,
Что ты трепещешь? и что озираешь пути боевые?
Так трепетать не в обычае было Тидея героя;
Он впереди, пред дружиною, первый сражался с врагами.
Так говорили — дела его зревшие; я с браноносцем
В подвигах не был, не видел; но всех, говорят, превышал он.
Некогда он, не с войной, но как странник, в микенские стены
Мирный вошел, с Полиником божественным рать собирая.
Брань подымали они на священные фивские стены
И просили микенян дать им союзников славных.
Те соглашалися дать и решились исполнить прошенье;
Но Зевес отвратил их явленьем знамений грозных.
Оба вождя отошли и путем обратным достигли
Брега Асопа густокамышного, тучного злаком.
Снова оттуда послом аргивяне послали Тидея
В Фивы, куда и пришел он и вместе обрел там кадмеян
Многих, пирующих в царском дому Этеокловой силы.
Там, невзирая, что странник, Тидей, конеборец могучий,
В страх не пришел, находяся один среди многих кадмеян:
К подвигам их вызывал и на каждом легко сопротивных
Всех победил: таково поборала Тидею Афина.
Злобой к нему воспылали кадмейцы, гонители коней,
И, на идущего вспять, пятьдесят молодых ратоборцев
Выслали тайно в засаду; и два их вождя предводили:
Меон младый, Гемонид, обитателям неба подобный,
И Автофонов сын, Ликофон, ненасытимый боем.
Но Тидей и для них жестокий конец уготовил:
Всех поразил их и дал лишь единому в дом возвратиться;
Меона он отпустил, покоряяся знаменьям бога.
Так был воинствен Тидей этолиец! Но сына родил он,
Доблестью бранною низшего, высшего только витийством».

Рек он; ни слова царю Диомед не ответствовал храбрый,
Внемля с почтеньем укоры почтенного саном владыки;
Но возразил Агамемнону сын Капанея героя:
«Нет, о Атрид, не неправдуй, тогда как и правду ты знаешь,
Мы справедливо гордимся, что наших отцов мы храбрее:
Воинство в меньшем числе приведя под Арееву стену,
Мы и престольные Фивы разрушили, град семивратный,

Знаменьям веря богов и надеясь на Зевсову помощь.
Наши ж отцы своим безрассудством себя погубили.
Славы отцов не равняй, Агамемнон, со славою нашей!»

Грозно взглянув на него, возразил Диомед благородный:
«Молча стой, Капанид, моему повинуясь совету:
Я не вменяю в вину, что владыка мужей Агамемнон
Дух возбуждает к сраженью пышнопоножных данаев.
Слава ему, предводителю, если данайские мужи
Мощь одолеют троян и святый Илион завоюют;
Тяжкая горесть ему же, когда одолеют данаев.
Но устремимся, и сами воспомним кипящую храбрость!»

Рек — и с высот колесницы с оружием прянул на землю.
Страшно медь зазвучала вкруг персей царя Диомеда,
В бой полетевшего; мужа храбрейшего обнял бы ужас.

Словно ко брегу гремучему быстрые волны морские
Идут, гряда за грядою, клубимые Зефиром ветром;
Прежде средь моря они воздымаются; после, нахлынув,
С громом об берег дробятся ужасным, и выше утесов
Волны понурые плещут и брызжут соленую пену,—
Так непрестанно, толпа за толпою, данаев фаланги
В бой устремляются; каждой из них отдает повеленья
Вождь, а воины идут в молчании; всякий спросил бы:
Столько народа идущего в персях имеет ли голос?
Вои молчат, почитая начальников: пышно на всех их
Пестрые сбруи сияют, под коими шествуют стройно.
Но трояне, как овцы, богатого мужа в овчарне
Стоя тмочисленные и млеком наполняя дойницы,
Все непрестанно блеют, отвечая блеянию агнцев,—
Крик такой у троян раздавался по рати великой;
Крик сей и звук их речей не у всех одинаковы были,
Но различный язык разноземных народов союзных.
Их возбуждает Арей, а данаев Паллада Афина,
Ужас насильственный, Страх и несытая бешенством Распря,
Бога войны, мужегубца Арея сестра и подруга:
Малая в самом начале, она пресмыкается; после
В небо уходит главой, а стопами по долу ступает.
Распря, на гибель взаимную, сеяла ярость меж ратей,
Рыща кругом по толпам, умирающих стон умножая.

Рати, одна на другую идущие, чуть соступились,
Разом сразилися кожи, сразилися копья и силы

Воинов, медью одеянных; выпуклобляшные разом
Сшиблись щиты со щитами; гром раздался ужасный.
Вместе смешались победные крики и смертные стоны
Воев губящих и гибнущих; кровью земля заструплась.
Словно когда две реки наводненные, с гор низвергаясь,
Обе в долину единую бурные воды сливают,
Обе из шумных истоков бросаясь в пучинную пропасть;
Шум их далеко пастырь с утеса нагорного слышит,—
Так от сразившихся воинств и гром разлиялся и ужас.

Первый тогда Антилох поразил у троян брапоносца
Храброго, между передних, Фализия ветвь, Эхепола.
Быстро его поражает он в бляху косматого шлема
И пронзает чело: пробежало глубоко внутрь кости
Медное жало, и тьма Эхеполовы очи покрыла;
Грянулся он, как великая башня средь бурного боя.
Тело упадшего за ноги царь захватил Элефенор,
Сын Халкодонов, воинственный вождь крепкодушных абантов,
И повлек из-под стрел, поспешая скорее с троянца
Латы совлечь — но не долго его продолжалась забота:
Влекшего труп усмотрев, крепкодушный воитель Агенор
В бок, при наклоне его от ограды щита обнаженный,
Сулицей медной пронзил и могучего крепость разрушил.
Там он дух испустил, и при нем загорелося дело,—
Яростный бой меж троян и ахеян: как волки, бросались
Вои одни на других; человек с человеком сцеплялся.

Тут поражен Теламонидом сын Анфемиона юный,
Жизнью цветущий, герой Симоисий, которого матерь,
Некогда с Иды сошедшая вместе с своими родными
Видеть стада, родила на зеленых брегах Симоиса;
Родшийся там, наречен Симоисием, но и родившим
Он не воздал за свое воспитание: краток во цвете
Был его век, Теламонова сына копьем пресеченный.
Он устремлялся вперед, как его поразил Теламонид
В грудь близ десного сосца; на другую страну через рамо
Вышло копье, и на землю нечистую пал он, как тополь,
Влажного луга питомец, при блате великом возросший,
Ровен и чист, на единой вершине раскинувший ветви,
Тополь, который избрав, колесничник железом блестящим
Ссек, чтоб в колеса его для прекрасной согнуть колесницы;
В прахе лежит он и сохнет на бреге потока родного,—
Юный таков Симоисий лежал, обнаженный доспехов

Мощным Аяксом. В Аякса же вдруг Приамид пестролатный
Антиф, наметя меж толпища, пикою острой ударил,
Но промахнулся; она Одиссеева доброго друга
Левка ударила в пах, увлекавшего мертвое тело;
Вырвалось тело из рук, и упал он близ мертвого мертвый.
Гневом герой Одиссей за его, пораженного, вспыхнул;
Выступил дальше передних, колебля сверкающей медью;
К телу приближася, стал и, кругом оглянувшися, мощно
Ринул блистающий дрот: отступили враги от удара
Мужа могучего; он же копье не напрасное ринул:
Демокоона уметил, побочного сына Приама,
В дом из Абида притекшего, с паств кобылиц легконогих.
Пикой его Лаэртид, раздраженный за друга, уметил
Прямо в висок: на другую страну сквозь висок просверкнула
Острая пика,— и тьма Приамидовы очи покрыла:
С шумом на дол он упал, и взгремели на падшем доспехи.
Вспять подались и передних ряды, и божественный Гектор;
Громко вскричали ахеян сыны и, похитивши трупы,
Ринулись прямо, пробились вперед; Аполлон раздражился,
Смотря с Пергамских высот, и воскликнул, троян возбуждая:
«Конники Трои, вперед! не давайте вы бранного поля
Гордым ахейцам; их груди не камень, тела не железо,
Чтобы меди удары, пронзающей тело, ничтожить.
Днесь и Пелид не воинствует, сын лепокудрой Фетиды:
Он пред судами гнев, сокрушительный сердцу, питает».

Так им из града гремел он, ужасный; но воев ахейских
Зевсова славная дочь, Тритогения, дух возбуждала,
Быстро носясь по толпам, где медлительных видела воев.

Тут Амаринкова сына, Диора, судьба оковала:
Камнем он был поражен рукометным, жестоко зубристым
В правую голень: его поразил предводитель фракиян,
Пирос герой, Имбразид, к Илиону из Эны притекший.
Обе на голени жилы и кость раздробил совершенно
Камень бесстыдный, и навзничь, шатаяся, в прах Амаринкид
Грянулся, руки дрожащие к милым друзьям простирая,
Дух предающий; а тут прилетел поразивший фракиец,
Пирос могучий, и пику вонзил средь утробы; на землю
Вылилась внутренность вся,— и мрак осенил ему очи.

Пироса бурного пикой ударил Фоас этолиец
В перси, выше сосца, и вонзилася в легкое пика.
Быстро примчался Фоас этолиец; могучую пику

Вырвал из персей фракийца и, меч обнажив изощренный,
В чрево его посредине ударил и душу исторгнул;
Сбруи ж похитить не мог: обступали героя фракийцы,
Мужи высокочубастые, грозно уставивши копья.
Ими, сколь ни был огромен, и крепок, и мужеством славен,
Прогнан Фоас; и назад отступил, поколебанный силой.
Так по кровавому праху один близ другого простерлись
Копьями грозных фракиян и медноружных эпеян
Два воеводы, и окрест их многие пали другие.

Делу сему не хулу произнес бы свидетель присущий,
Если б, еще невредимый, не раненный острою медью,
Он среди боя вращался и если б Афины Паллады
Дланию был предводим и от ярости стрел охраняем.
Много и храбрых троян, и могучих данаев в день оный
Ниц по кровавому праху простерлося друг подле друга.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

ПОДВИГИ ДИОМЕДА

В оное время Афина Тидея великого сыну
Крепость и смелость дала, да отличнейшим он между всеми
Аргоса воями будет и громкую славу стяжает.
Пламень ему от щита и шелома зажгла неугасный,
Блеском подобный звезде той осенней, которая в небе
Всех светозарнее блещет, омывшись в волнах Океана,—
Пламень подобный зажгла вкруг главы и рамен Диомеда
И устремила в средину, в ужасное брани волненье.

Был в Илионе Дарес, непорочный священник Гефеста,
Муж и богатый и славный, и было у старца два сына,
Храбрый Фегес и Идей, в разнородных искусные битвах.
Оба они, отделясь, полетели против Диомеда;
Но они на конях,— Диомед устремляется пеший.
Только лишь стали сближаться, идущие друг против друга,
Первый троянец Фегес устремил длиннотенную пику:
Низко, блестящая жалом, над левым плечом Диомеда
Медь пронеслася, не ранив его; и воздвигнулся с пикой
Он, и его не напрасно копье из руки полетело:

В грудь меж сосцов поразил и противника сбил с колесницы.
Спрянул Идей, побежал, колесницу прекрасную бросив;
В трепете сердца не смел защитить и убитого брата;
Он бы и сам не избег от грозящего, черного рока,
Но исторгнул Гефест и, покрытого мрачностью ночи,
Спас, да не вовсе отец сокрушится печалью о детях.
Коней меж тем изловив, Диомед, воеватель могучий,
Вверил дружине, да гонят к судам многоместным. Трояне,
Бодрые в битве дотоле, узрев, что Даресовы чада —
Тот устрашенный бежит, а другой с колесницы низвержен,
Духом смутилися все: и тогда Паллада Афина,
За руку взявши, воскликнула к бурному богу Арею:
«Бурный Арей, истребитель народов, стен сокрушитель,
Кровью покрытый! не бросим ли мы и троян и ахеян
Спорить одних, да Кронид промыслитель им славу присудит?
Сами ж с полей не сойдем ли, да Зевсова гнева избегнем?»

Так говоря, из сражения вывела бурного бога
И посадила его на возвышенном бреге Скамандра.
Гордых троян отразили данаи; низверг брауоносца
Каждый их вождь; и первый владыка мужей Агамемнон
Мощного сбил с колесницы вождя гализонов, Годия:
Первому, в бег обращенному, пику ему Агамемнон
В спину меж плеч углубил и сквозь перси широкие выгнал;
С шумом на землю он пал, и взгремели на падшем доспехи.

Идоменей поразил меонийцем рожденного Бором
Феста, притекшего к брани из Тарны, страны плодоносной.
Мужа сего Девкалид копьеносец копьем длиннотенным
Вдруг, в колесницу всходившего, в правое рамо ударил:
В прах с колесницы он пал и ужасною тьмой окружился;
Быстро его обнажили царя Девкалида клевреты.

Там же Скамандрий Строфид, молодой звероловец искусный,
Пал, Менелая Атрида поверженный ясенной пикой,
Славный стрелец; изученный самою богинею Фебой,
Всех он зверей поражал, и холмов и дубравы питомцев;
Но его не спасла ни стрельбой веселящаясь Феба,
Ни искусство, каким он, стрелец дальнометкий, гордился:
Юношу сильный Атрид Менелай, знаменитый копейщик,
Близко его убегавшего, ясенной пикою острой
В спину меж плеч поразил и сквозь перси кровавую выгнал:
Грянулся в прах он лицом, зазвучала кругом его сбруя.

Вождь Мерион Ферекла повергнул, Гармонова сына,
Зодчего мужа, которого руки во всяком искусстве
Опытны были; его безмерно любила Паллада;
Он и Парису герою суда многовеслые строил,
Бедствий начало, навлекшие гибель как всем илионцам,
Так и ему: не постигнул судеб он богов всемогущих.
Воя сего Мерион, пред собою гоня и настигнув,
Быстро в десное стегно поразил копием,— и глубоко,
Прямо в пузырь, под лобковою костью, проникнуло жало:
С воплем он пал на колена, и падшего Смерть осенила.

Мегес Педея сразил, Антенорова храброго сына.
Сын незаконный он был, но его воспитала Феана
С нежной заботой, как собственных чад, угождая супругу.
Мегес Филид, на него устремяся, копейщик могучий,
В голову около тыла копьем поразил изощренным.
Медь, меж зубов пролетевши, подсекла язык у Педея:
Грянулся в прах он и медь холодную стиснул зубами.

Вождь Эврипил Эвемонид сразил Гипсенора героя,
Ветвь Долопиона старца, который, возвышенный духом,
Был у Скамандра священник и чтился как бог от народа.
Мужа сего Эврипил, блистательный сын Эвемонов,
В бегстве узрев пред собою, догнал на бегу и по раму
Острым мечом поразил и отнес жиловатую руку;
Там же рука кровавая пала на прах, и троянцу
Очи смежила кровавая Смерть и могучая Участь.

Так воеводы сии подвизались на пламенной битве.
Но Диомеда вождя не узнал бы ты, где он вращался,
С кем воевал, с племенами троян, с племенами ль ахеян?
Реял по бранному полю, подобный реке наводненной,
Бурному в осень разливу, который мосты рассыпает;
Бега его укротить ни мостов укрепленных раскаты,
Ни зеленых полей удержать плотины не могут,
Если незапный он хлынет, дождем отягченный Зевеса;
Вкруг от него рассыпаются юношей красных работы,—
Так от Тидида кругом волновались густые фаланги
Трои сынов и стоять не могли, превосходные силой.

Скоро героя увидел блистательный сын Ликаонов,
Как он, крутясь по полям, волновал пред собою фаланги;
Скоро на сына Тидеева лук напрягал со стрелою

И, на скакавшего бросив, уметил по правому раму
В бронную лату. Насквозь пролетела крылатая стрелка,
Прямо вонзилась в плечо: оросилася кровию броня.
Громко воскликнул, гордяся, блистательный сын Ликаонов:
«Други, вперед! ободритесь, трояне, бодатели коней!
Ранен славнейший аргивец; и он, уповаю, не может
Долго бороться с стрелою могучею, ежели точно
Феб сребролукий меня устремил из пределов ликийских!»

Так он кричал, возносясь; но героя стрела не смирила:
Мало Тидид отступив, впереди колесницы и коней
Стал и к Сфенелу воззвал, Капанееву храброму сыну:
«Друг Капанид, поспеши на мгновенье сойти с колесницы,
Чтоб извлечь у меня из рама горькую стрелу».

Так он сказал,— и Сфенел с колесницы спрянул на землю;
Стал за хребтом и из рама извлек углубившуюся стрелу;
Брызнула быстро багряная кровь сквозь кольчатую броню;
И взмолился тогда Диомед, воеватель могучий:
«Слух преклони, необорная дщерь громоносного Зевса!
Если ты мне и отцу поборать благосклонно любила
В брани пылающей, будь мне еще благосклонной, Афина!
Дай мне того изойти и копейным ударом постигнуть,
Кто, упредивши, меня уязвил и надмен предвещает,—
В жизни недолго мне видеть свет лучезарного солнца!»

Так восклицал он, молясь, и вняла ему дочь громовержца;
Члены героя соделала легкими, ноги и руки,
И, приближась к нему, провещала крылатые речи:
«Ныне дерзай, Диомед, и без страха с троянами ратуй!
В перси тебе я послала отеческий дух сей бесстрашный,
Коим, щита потрясатель, Тидей, обладал, конеборец;
Мрак у тебя от очей отвела, окружавший их прежде;
Ныне ты ясно познаешь и бога, и смертного мужа.
Шествуй, и если бессмертный, тебя искушая, предстанет,
Ты на бессмертных богов, Диомед, не дерзай ополчаться,
Кто ни предстанет; но если Зевесова дочь Афродита
Явится в брани, рази Афродиту острою медью».

Так говоря, отошла светлоокая дочь громовержца.
Сын же Тидеев, назад обратившися, стал меж передних,
И, как ни пламенно прежде горел он с врагами сражаться,

Ныне трикраты сильнейшим, как лев, распылался он жаром,
Лев, которого пастырь в степи, у овец рунопосных,
Ранил легко, чрез ограду скакавшего, но, не сразивши,
Силу лишь в нем пробудил; и уже, отразить не надеясь,
Пастырь под сень укрывается; мечутся сирые овцы;
Вкруг по овчарне толпятся, одни на других упадают;
Лев распаленный назад, чрез высокую скачет ограду,—
Так распаленный Тидид меж троян ворвался, могучий.

Там Астиноя поверг и народов царя Гипенора;
Первого в грудь у сосца поразил медножальною пикой,
А другого мечом, по плечу возле выи, огромным
Резко ударив, плечо отделил от хребта и от выи.
Бросивши сих, на Абаса напал и вождя Полиида,
Двух Эвридама сынов, сновидений гадателя-старца;
Им, отходящим, родитель не мог разгадать сновидений;
С них Диомед могучий, с поверженных, сорвал корысти.
После пошел он на Ксанфа и Фоона, двух Фенопидов,
Фенопса поздних сынов; разрушаемый старостью скорбной,
Он не имел уже сына, кому бы стяжанья оставить.
Их Диомед повергнул и сладкую жизнь у несчастных
Братьев похитил; отцу же — и слезы, и мрачные скорби
Старцу оставил: детей, возвратившихся с брани кровавой,
Он не обнял; наследство его разделили чужие.

Там же двух он сынов захватил Дарданида Приама,
Бывших в одной колеснице, Хромия и с ним Эхемона;
И, как лев на тельцов нападает и вдруг сокрушает
Выю тельцу иль телице, пасущимся в роще зеленой,—
Так обоих Приамидов с коней Диомед, не хотящих,
Сбил беспощадно на прах и сорвал с пораженных доспехи,
Коней же отдал клевретам, да гонят к кормам корабельным.

Храбрый Эней усмотрел истребителя строев троянских;
Быстро пошел сквозь гремящую брань, сквозь жужжащие копья,
Пандара, богу подобного, смотря кругом, не найдет ли;
Скоро нашел Ликаонова храброго, славного сына,
Стал перед ним и такие слова говорил, негодуя:
«Пандар! где у тебя и лук, и крылатые стрелы?
Где твоя слава, которой никто из троян не оспорил
И в которой ликиец тебя превзойти не гордился?
Длани к Зевесу воздень и пусти ты пернатую в мужа,
Кто бы он ни был, могучий: погибели много нанес он

Ратям троянским; и многим и сильным сломил он колена!
Разве не есть ли он бог, на троянский народ раздраженный?
Гневный, быть может, за жертвы? а гнев погибелен бога!»

Быстро Энею ответствовал славный сын Ликаонов:
«Храбрый Эней, благородный советник троян меднолатных!
Сыну Тидея могучему, кажется, муж сей подобен:
Щит я его узнаю и с забралом шелом дыроокий;
Вижу его и коней, но не бог ли то, верно не знаю.
Если сей муж, как поведал я, сын бранодушный Тидеев,
Он не без бога свирепствует; верно, при нем покровитель
Бог предстоит, обвив рамена свои облаком темным:
Он от него и стрелу налетавшую быстро отринул.
Я уже бросил стрелу и уметил Тидеева сына
В рамо десное, пробив совершенно доспешную лату,
И уже уповал, что его я повергнул к Аиду;
Нет, не повергнул! Есть, без сомнения, бог прогневленный!
Коней со мною здесь нет, для сражения нет колесницы;
В Зелии, в доме отца, у меня их одиннадцать пышных,
Новых, недавно отделанных; к бережи их, покрывала
Окрест висят, и для каждой из них двуяремные кони
Подле стоят, утучняяся полбой и белым ячменем.
Нет, не напрасно меня Ликаон, воинственный старец,
Так увещал, отходящего к брани, в отеческом доме:
Старец наказывал мне, ополчась на конях, в колеснице
Трои сынов предводить на побоищах бурных сражений.
Я не послушал отца, а сие бы полезнее было.
Коней хотел пощадить, чтоб у граждан, в стенах заключенных,
В корме они не нуждались, привыкнув питаться роскошно.
Коней оставил и так устремился я пеш к Илиону,
Твердо надежный на лук, но сей лук для меня не помощник!
В двух воевод знаменитейших бросил я меткие стрелы:
В сына Тидея и в сына Атрея; того и другого
Раниви, светлую кровь я извлек и озлобил их больше.
В злую годину, я вижу, и лук, и пернатые стрелы
Снял со столба я в тот день, как решился в веселую Трою
Рати троянские весть, угождая Приамову сыну.
Если я вспять возвращусь и увижу моими очами
Землю родную, жену и отеческий дом наш высокий,—
Пусть иноземец враждебный тогда же мне голову срубит,
Если я лук сей и стрелы в пылающий пламень не брошу,
В щепы его изломав: бесполезный он был мне сопутник!»

Пандару быстро Эней, предводитель троян, возражает:
«Так не вещай, Ликаонид любезный! не будет иначе
Прежде, нежели мы человека сего, в колеснице
Противостав, не изведаем оба оружием нашим.
Шествуй ко мне, взойди на мою колесницу, увидишь,
Троса кони каковы, несказанно искусные полем
Быстро летать и туда и сюда, и в погоне и в бегстве.
К граду и нас унесут они, бурные, если б и снова
Славу Зевс даровал Диомеду, Тидееву сыну.
Шествуй, любезный; и бич, и блестящие конские вожжи
В руки прийми ты, а я с колесницы сойду, чтоб сразиться.
Или врага принимай ты, а я озабочусь конями».

Но ему возражает блистательный сын Ликаонов:
«Сам удержи ты бразды и правь своими конями:
Прытче они под возницей привычным помчат колесницу,
Ежели мы побежим пред могучим Тидеевым сыном.
Или они, оробевши, замнутся и с бранного поля
Нас понесут неохотно, знакомого крика не слыша.
Тою порою нагрянет на нас Диомед дерзновенный,
Нас обоих умертвит и похитит коней знаменитых.
Ты, Анхизид, удержи и бразды, управляй и конями;
Я же его, налетевшего, пикою острою встречу».

Так сговоряся и оба в блистательной став колеснице,
Вскачь на Тидеева сына пустили коней быстроногих.
Их усмотревши, Сфенел, знаменитый сын Капанеев,
К сыну Тидея немедля крылатую речь устремляет:
«Храбрый Тидид Диомед, о друг, драгоценнейший сердцу!
Вижу могучих мужей, налетающих биться с тобою.
Мощь обоих неизмерима: первый — стрелец знаменитый
Пандар, гордящийся быть Ликаона Ликийского сыном;
Тот же — троянец Эней, добродушного мужа Анхиза
Сын, нарицающий матерью Зевсову дочь Афродиту.
Стань в колесницу, и вспять мы уклонимся; так не свирепствуй,
Между передних бросаясь, да жизни своей не погубишь».

Грозно взглянув на него, отвечал Диомед нестрашимый:
«Смолкни, о бегстве ни слова! к нему ты меня не преклонишь!
Нет, не в породе моей, чтобы вспять отступать из сражений,
Или, робея, скрываться: крепка у меня еще сила!
Мне даже леность всходить в колесницу; но так, как ты видишь,
Пеш против них я иду; трепетать не велит мне Афина.

Их в колеснице обратно не вынесут быстрые кони;
Оба от нас не уйдут, хоть один и укрылся бы ныне.
Молвлю тебе я иное, а ты сохрани то на сердце:
Ежели мне Тритогения мудрая славу дарует
Их обоих поразить, быстроногих ты собственных коней
Здесь удержи, затянувши бразды за скобу колесницы;
Сам, не забудь, Капанид, на Энеевых коней ты бросься
И гони от троян к ополченьям храбрых данаев.
Кони сии от породы, из коей Кронид громовержец
Тросу ценою за сына, за юного дал Ганимеда;
Кони сии превосходнее всех под авророй и солнцем.
Сей-то породы себе у царя Лаомедона тайно
Добыл Анхиз властелин, из своих кобылиц подославши:
Шесть у Анхиза в дому родилося породы сей коней;
Он, четырех удержав при себе, воспитал их у яслей;
Двух же Энею отдал, разносящих в сраженьях ужас.
Если сих коней похитим, стяжаем великую славу!»

Тою порой, как на месте герои взаимно вещали,
Близко враги принеслися, гонящие коней их бурных.
Первый к Тидиду воскликнул блистательный сын Ликаонов:
«Пламенный сердцем, воинственный, сын знаменитый Тидея!
Быстрой моею стрелой не смирен ты, пернатою горькой;
Ныне еще испытаю копьем, не вернее ль умечу».
Рек он — и, мощно сотрясши, послал длиннотенную пику
И поразил по щиту Диомеда; насквозь совершенно
Острая медь пролетела и звучно ударилась в броню.

Радуясь, громко воскликнул блистательный сын Ликаонов:
«Ранен ты в пах и насквозь! и теперь, я надеюсь, не долго
Будешь страдать; наконец даровал ты мне светлую славу!»
Быстро ему, не смутясь, отвечал Диомед благородный:
«Празден удар, ты обманут! но вы, я надеюся, оба
Прежде едва ль отдохнете, доколе один здесь не ляжет
Кровью своею насытить несытого бранью Арея!»

Так произнес — и поверг; и копье направляет Афина
Пандару в нос близ очей: пролетело сквозь белые зубы,
Гибкий язык сокрушительной медью при корне отсекло
И, острием просверкнувши насквозь, замерло в подбородке.
Рухнулся он с колесницы, взгремели на падшем доспехи
Пестрые, пышноблестящие; дрогнули тросские кони
Бурные; там у него и душа разрешилась и крепость.

Прянул на землю Эней со щитом и с огромною пикой
В страхе, да Пандаров труп у него не похитят ахейцы.
Около мертвого ходя, как лев, могуществом гордый,
Он перед ним и копье уставлял, и щит круговидный,
Каждого, кто б ни приближился, душу исторгнуть грозящий
Криком ужасным. Но камень рукой захватил сын Тидеев,
Страшную тягость, какой бы не подняли два человека
Ныне живущих людей,— но размахивал им и один он;
Камнем Энея таким поразил по бедру, где крутая
Лядвея ходит в бедре по составу, зовомому чашкой:
Чашку удар раздробил, разорвал и бедерные жилы,
Сорвал и кожу камень жестокий. Герой пораженный
Пал на колено вперед; и, колеблясь, могучей рукою
В дол упирался, и взор его черная ночь осенила.

Тут неизбежно погиб бы Эней, предводитель народа,
Если б того не увидела Зевсова дочь Афродита,
Матерь, его породившая с пастырем юным, Анхизом.
Около милого сына обвив она белые руки,
Ризы своей перед ним распростерла блестящие сгибы,
Кроя от вражеских стрел, да какой-либо конник данайский
Медию персей ему не пронзит и души не исторгнет,
Так уносила Киприда любезного сына из боя.

Тою порою Сфенел Капанид не забыл наставлений,
Данных ему Диомедом, воинственным сыном Тидея:
Коней своих звуконогих вдали от бранной тревоги
Он удержал и, бразды затянув за скобу колесницы,
Бросился быстро на праздных Энея коней пышногривых,
И, отогнав от троян к меднолатным дружинам ахеян,
Другу отдал Деипилу, которого сверстников в сонме
Более всех он любил, по согласию чувств их сердечных,
Гнать повелев к кораблям мореходным; сам же, бесстрашный,
Став в колеснице своей и блестящие вожжи ослабив,
Вслед за Тидидом царем на конях звуконогих понесся,
Пламенный. Тот же Киприду преследовал медью жестокой,
Знав, что она не от мощных богинь, не от оных бессмертных,
Кои присутствуют в бранях и битвы мужей устрояют,
Так, как Афина или как громящая грады Энио.
И едва лишь догнал, сквозь густые толпы пролетая,
Прямо уставив копье, Диомед, воеватель бесстрашный,
Острую медь устремил и у кисти ранил ей руку
Нежную: быстро копье сквозь покров благовонный, богине

Тканный самими Харитами, кожу пронзило на длани
Возле перстов; заструилась бессмертная кровь Афродиты,
Влага, какая струится у жителей неба счастливых:
Ибо ни брашн не ядят, ни от гроздий вина не вкушают;
Тем и бескровны они, и бессмертными их нарицают.
Громко богиня вскричав, из объятий бросила сына;
На руки быстро его Аполлон и приял и избавил,
Облаком черным покрыв, да какой-либо конник ахейский
Медию персей ему не пронзит и души не исторгнет.

Грозно меж тем на богиню вскричал Диомед воеватель:
«Скройся, Зевесова дочь! удалися от брани и боя.
Или еще не довольно, что слабых ты жен обольщаешь?
Если же смеешь и в брань ты мешаться, вперед, я надеюсь,
Ты ужаснешься, когда и название брани услышишь!»

Рек,— и она удаляется смутная, с скорбью глубокой.
Быстро Ирида ее, поддержав, из толпищ выводит
В омраке чувств от страданий; померкло прекрасное тело!
Скоро ошуюю брани богиня находит Арея;
Там он сидел; но копье и кони бессмертные были
Мраком одеты; упав на колена, любезного брата
Нежно молила она и проспла коней златосбруйных:
«Милый мой брат, помоги мне, дай мне коней с колесницей,
Только достигнуть Олимпа, жилища богов безмятежных.
Страшно я мучуся язвою; муж уязвил меня смертный,
Вождь Диомед, который готов и с Зевесом сразиться!»

Так изрекла,— и Арей отдает ей коней златосбруйных.
Входит она в колесницу с глубоким крушением сердца;
С нею Ирида взошла и, бразды захвативши в десницу,
Коней стегнула бичом; полетели послушные кони;
Быстро достигнули высей Олимпа, жилища бессмертных.
Там удержала коней ветроногая вестница Зевса
И, отрешив от ярма, предложила амброзию в пищу.
Но Киприда стенящая пала к коленам Дионы,
Матери милой, и матерь в объятия дочь заключила,
Нежно ласкала рукой, вопрошала и так говорила:
«Дочь моя милая, кто из бессмертных с тобой дерзновенно
Так поступил, как бы явно какое ты зло сотворила?»

Ей, восстенав, отвечала владычица смехов Киприда:
«Ранил меня Диомед, предводитель аргосцев надменный,
Ранил за то, что Энея хотела я вынесть из боя,

Милого сына, который всего мне любезнее в мире.
Ныне уже не троян и ахеян свирепствует битва;
Ныне с богами сражаются гордые мужи данаи!»

Ей богиня почтенная вновь говорила Диона:
«Милая дочь, ободрись, претерпи, как ни горестно сердцу.
Много уже от людей, на Олимпе живущие боги,
Мы пострадали, взаимно друг другу беды устрояя.
Так пострадал и Арей, как его Эфиальтес и Отос,
Два Алоида огромные, страшною цепью сковали:
Скован, тринадцать он месяцев в медной темнице томился.
Верно бы там и погибнул Арей, ненасытимый бранью,
Если бы мачеха их, Эрибея прекрасная, тайно
Гермесу не дала вести: Гермес Арея похитил,
Силы лишенного: страшные цепи его одолели.
Гера подобно страдала, как сын Амфитриона мощный
В перси ее поразил треконечною горькой стрелою.
Лютая боль безотрадная Геру богиню терзала!
Сам Айдес, меж богами ужасный, страдал от пернатой.
Тот же погибельный муж, громовержцева отрасль, Айдеса,
Ранив у врат подле мертвых, в страдания горькие ввергнул.
Он в Эгиохов дом, на Олимп высокий вознесся,
Сердцем печален, болезнью терзаем; стрела роковая
В мощном Айдесовом раме стояла и мучила душу.
Бога Пеан врачевством, утоляющим боли, осыпав,
Скоро его исцелил, не для смертной рожденного жизни.
Дерзкий, неистовый! он не страшась совершал злодеянья:
Луком богов оскорблял, на Олимпе великом живущих!
Но на тебя Диомеда воздвигла Паллада Афина.
Муж безрассудный! не ведает сын дерзновенный Тидеев:
Кто на богов ополчается, тот не живет долголетен;
Дети отцом его, на колени садяся, не кличут
В дом свой пришедшего с подвигов мужеубийственной брани.
Пусть же теперь сей Тидид, невзирая на гордую силу,
Мыслит, да с ним кто иной, и сильнейший тебя, не сразится;
И Адрастова дочь, добродушная Эгиалея,
Некогда воплем полночным от сна не разбудит домашних,
С грусти по юном супруге, храбрейшем герое ахейском,
Верная сердцем супруга Тидида, смирителя коней».

Так говоря, на руке ей бессмертную кровь отирала:
Тяжкая боль унялась, и незапно рука исцелела.
Тою порою, зревшие всё, и Афина и Гера

Речью язвительной гнев возбуждали Кронион Зевса;
Первая речь начала светлоокая дева Афина:
«Зевс, наш отец, не прогневаю ль словом тебя я, могучий?
Верно, ахеянку новую ныне Киприда склоняла
Вериться Трои сынам, беспредельно богине любезным?
И, быть может, ахеянку в пышной одежде лаская,
Пряжкой златою себе поколола нежную руку?»

Так изрекла; улыбнулся отец и бессмертных и смертных
И, призвав пред лицо, провещал ко златой Афродите:
«Милая дочь! не тебе заповеданы шумные брани.
Ты занимайся делами приятными сладостных браков;
Те же бурный Арей и Паллада Афина устроят».

Так взаимно бессмертные между собою вещали.
Тою порой на Энея напал Диомед нестрашимый:
Зная, что сына Анхизова сам Аполлон покрывает,
Он не страшился ни мощного бога; горел непрестанно
Смерти Энея предать и доспех знаменитый похитить.
Трижды Тидид нападал, умертвить Анхизида пылая;
Трижды блистательный щит Аполлон отражал у Тидида;
Но, лишь в четвертый раз налетел он, ужасный, как демон,
Голосом грозным к нему провещал Аполлон дальновержец:
«Вспомни себя, отступи и не мысли равняться с богами,
Гордый Тидид! никогда меж собою не будет подобно
Племя бессмертных богов и по праху влачащихся смертных!»

Так провещал,— и назад Диомед отступил недалеко,
Гнева боящийся бога, далеко разящего Феба.
Феб же, Энея похитив из толпищ, его полагает
В собственном храме своем, на вершине святого Пергама.
Там Анхизиду и Лета и стрелолюбивая Феба
Сами в великом святилище мощь и красу возвращали.
Тою порой Аполлон сотворил обманчивый призрак —
Образ Энея живой и оружием самым подобный.
Около призрака Трои сынов и бесстрашных данаев
Сшиблись ряды, разбивая вкруг персей воловые кожи
Пышных кругами щитов и крылатых щитков легкометных.
К богу Арею тогда провещал Аполлон дальновержец:
«Бурный Арей, мужегубец кровавый, стен разрушитель!
Или сего человека из битв удалить не придешь ты,
Воя Тидида, который готов и с Кронидом сразиться?

Прежде богиню Киприду копьем поразил он в запястье;
Здесь на меня самого устремился ужасный, как демон!»

Так произнесши, воссел Аполлон на вершинах Пергама;
Но свирепый Арей троян возбудить устремился,
Вид Акамаса приняв, предводителя быстрого фраков.
Звучно к сынам Приама, питомца Зевеса, взывал он:
«О сыны Приама, хранимого Зевсом владыки!
Долго ль еще вам убийство троян попускать аргивянам?
Или пока не начнут при вратах Илиона сражаться?
Пал воевода, почтенный для нас, как божественный Гектор!
Доблестью славный Эней, знаменитая отрасль Анхиза!
Грянем, из бранной тревоги спасем благородного друга!»

Так говоря, возбудил он и силу и мужество в каждом.
Тут Сарпедон укорять благородного Гектора начал:
«Гектор! где твое мужество, коим ты прежде гордился?
Град, говорил, защитить без народа, без ратей союзных
Можешь один ты с зятьями и братьями; где ж твои братья?
Здесь ни единого я не могу ни найти, ни приметить.
Все из сраженья прячутся, словно как псы перед скимном;
Мы же здесь ратуем, мы, чужеземцы, притекшие в помощь;
Ратую я, союзник ваш, издалека пришедший.
Так, и ликийские долы, и ксанфские воды — далеки,
Где я оставил супругу любезную, сына-младенца
И сокровища многие, коих убогий алкает.
Но, невзирая на то, предвожу ликиян, и готов я
С мужем сразиться и сим, ничего не имея в Троаде,
Что бы могли у меня иль унесть, иль увесть аргивяне.
Ты ж — неподвижен стоишь и других не бодришь ополчений
Храбро стоять, защищая и жен и детей в Илионе.
Гектор, блюдись, да объяты, как всеувлекающей сетью,
Все вы врагов разъяренных не будете плен и добыча!
Скоро тогда сопостаты разрушат ваш град велелепный!
Ты о делах сих заботиться должен и денно и нощно,
Должен просить воевод, дальноземных союзников ваших,
Бой непрестанно вести, а грозы и упреки оставить».

Так говорил он,— и речь уязвила Гектора сердце:
Быстро герой с колесницы с оружием прянул на землю:
Острые копья колебля, кругом полетел по дружинам,
В бой распаляя сердца; и возжег он жестокую сечу!

Вспять возвратились трояне и стали в лицо аргивянам;
Те же, сомкнувши ряды, нажидали врагов, не робели.

Так, если ветер плевы рассевает по гумнам священным,
Жителям, веющим хлеб, где Деметра с кудрями златыми
Плод отделяет от плев, возбуждая дыхание ветров,
Гумны кругом под плевою белеются,— так аргивяне
С глав и до ног их белели под прахом, который меж ними
Даже до медных небес воздымали копытами кони
В быстрых, крутых поворотах; ворочали в бой их возницы,
Прямо с могуществом рук на врагов устремляясь; но мраком
Бурный Арей покрывает всю битву, троянам помощный,
Вкруг по рядам их носясь: поспешал он исполнить заветы
Феба, царя златострельного; Феб заповедал Арею
Души троян возбудить, лишь узрел, что Паллада Афина
Бой оставляет, богиня, защитница воинств ахейских.
Сам же Энея вождя из святилища пышного храма
Вывел и крепостью перси владыки народов наполнил.
Стал Анхизид меж друзьями величествен; все веселились,
Видя, что он, живой, невредимый, блистающий силой,
Снова предстал, но его вопросить ни о чем не успели;
Труд их заботил иной, на который стремил сребролукий,
Смертных губитель Арей и неустально ярая Распря.

Оба Аякса меж тем, Одиссей и Тидид воеводы
Ревностно в бой возбуждали ахейских сынов; но ахейцы
Сами ни силы троян не страшились, ни криков их грозных;
Ждали недвижные, тучам подобные, кои Кронион
В тихий, безветренный день, на высокие горы надвинув,
Черные ставит незыбно, когда и Борей и другие
Дремлют могучие ветры, которые мрачные тучи
Шумными уст их дыханьями вкруг рассыпают по небу;
Так ожидали данаи троян, неподвижно, бесстрашно.
Царь Агамемнон летал по рядам, ободряя усердно:
«Будьте мужами, друзья, и возвысьтеся доблестным духом;
Воина воин стыдися на поприще подвигов ратных!
Воинов, знающих стыд, избавляется боле, чем гибнет;
Но беглецы не находят ни славы себе, ни избавы!»

Рек — и стремительно рринул копье и переднего мужа
Депкоона уметил, Энеева храброго друга,
Сына Пергасова, в Трое равно, как сыны Дарданида,
Чтимого: ревностен был он всегда между первых сражаться.

Пикой его поразил по щиту Агамемнон могучий;
Щит копия не сдержал: сквозь него совершенно проникло
И сквозь запон блистательный в нижнее чрево погрузло;
С шумом на землю он пал, и взгремели на падшем доспехи.

Тут Анхизид ниспровергнул храбрейших мужей из данаев,
Двух Диоклесовых чад, Орсилоха и брата Крефона.
В Фере, красиво устроенной, жил Диоклес, их родитель,
Благами жизни богатый, ведущий свой род от Алфея,
Коего воды широко текут чрез пилийскую землю.
Он Орсилоха родил, неисчетных мужей властелина;
Царь Орсилох породил Диоклеса, высокого духом;
И от сего Диоклеса сыны-близнецы родились,
Вождь Орсилох и Крефон, в разнородных искусные битвах.
Оба они, возмужалые, в черных судах к Илиону,
Славному конями, с силой ахейских мужей прилетели,
В брани Атрея сынам, Агамемнону и Менелаю,
Чести ища, но кончину печальную оба снискали.
Словно два мощные льва, на вершинах возросшие горных,
Оба под матерью львицей вскормленные в лесе дремучем,
Тучных овец и тельцов круторогих из стад похищая,
Окрест дворы у людей разоряют, доколе и сами
Ловчих мужей от руки под убийственной медью не лягут,—
Так и они, пораженные мощной рукою Энея,
Рухнулись оба на землю, подобные соснам высоким.

Падших увидя, воссетовал царь Менелай брапоносный,
Выступил дальше передних, покрытый сверкающей медью,
Острой колеблющий пикой: Арей распалял ему душу
С помыслом тайным, да будет сражен он руками Энея.
Но увидел его Антилох, Несторид благородный,
Выступил сам за передних, страшася, да пастырь народов
Зла не потерпит и тяжких трудов их плоды уничтожит.
Тою порою герои и руки, и острые копья
Друг против друга уже подымали, пылая сразиться;
Но предстал Антилох к воеводе ахеян Атриду,
И остаться Эней не посмел, сколь ни пламенный воин,
Двух брапоносцев увидя, один за другого стоящих.
Те же, убитых поспешно увлекши к дружинам ахейским,
Там их оставили, бедных, друзьям возвративши печальным;
Сами, назад обратившися, между передних сражались.

Там Пилемена повергли, Арею подобного мужа,
Бранных народов вождя, щитоносных мужей пафлагонян.

Мужа сего Атрейон Менелай, знаменитый копейщик,
Длинным копьем, сопротиву стоящего, в выю уметил;
Вождь Антилох поразил у него и возницу Мидона,
Отрасль Атимния: коней своих обращавшего бурных,
Камнем его угодил он по локтю; бразды у Мидона,
Костью слоновой блестящие, пали на пыльную землю,
Прянул младой Антилох и мечом в висок его грянул;
Он, тяжело воздохнувший, на прах с колесницы прекрасной
Рухнулся вниз головой и, упавший на темя и плечи,
Долго в сем виде стоял он, в песок погрузившись глубокий,
Кони покуда, ударив, на прах опрокинули тело:
Их, поражая бичом, Антилох угонял к аргивянам.

Гектор героев узнал меж рядов и на них устремился
С яростным криком; за ним и троян понеслися фаланги
Сильные; их предводили кровавый Арей и Энио
Грозная, следом ведущая бранный мятеж беспредельный:
Бурный Арей, потрясая в деснице огромною пикой,
То выступал перед Гектором, то позади устремлялся.

Бога узрев, ужаснулся Тидид, воеватель могучий,
И, как неопытный путник, великою степью идущий,
Вдруг перед быстрой рекою, падущею в понт, цепенеет,
Пеной кипящую видя, и смутный назад отступает,—
Так отступил Диомед и немедля воскликнул к народу:
«Други, почто мы дивимся, что ныне божественный Гектор
Стал копьеборец славнейший, боец дерзновеннейший в битве?
С ним непрестанно присутствует бог, отражающий гибель!
С ним и теперь он — Арей, во образе смертного мужа!
Други, лицом к сопостатам всегда обращенные, с поля
Вы отступайте, с богами отнюдь не дерзайте сражаться!»

Так говорил он, но близко на них наступили трояне.
Гектор двух ратоборцев повергнул, испытанных в битвах,
Бывших в одной колеснице, Менесфа и с ним Анхиала.
Падших узрев, пожалел их великий Аякс Теламонид;
К ним приступил он и стал и, пославши сверкающий дротик,
Амфия свергнул, Селагова сына, который средь Песа
Жил, обладатель богатств и полей; но судьба Селагида
В брань увлекла поборать за Приама и всех Приамидов.
В запон его поразил Теламониев сын многомощный;
В нижнее чрево ему погрузилась огромная пика;
С шумом он грянулся в прах; и Аякс прибежал победитель,

Жадный доспехи совлечь; но трояне посыпали копья
Острые, ярко блестящие; много их щит его принял.
Он же, пятой наступив на сраженного, медную пику
Вырвал назад; но других не успел драгоценных доспехов
С плеч унести Селагидовых: стрелы его засыпали.
Он окружения сильного гордых троян убоялся:
Много их, мощных, отважных, уставив дроты, наступало;
Ими, сколь ни был огромен и сколь ни могуч и ни славен,
Прогнан Аякс и назад отступил, поколебанный силой.

Так брагоносцы сии подвизалися в пламенной битве.
Тою порой Тлиполем Гераклид, и огромный и сильный,
Злою судьбою сведен с Сарпедоном божественным в битву.
Чуть соступились герои, идущие друг против друга,
Сын знаменитый и внук воздымателя облаков Зевса,
Так Тлиполем Гераклид к сопротивнику первый воскликнул:
«Ликии царь Сарпедон! какая тебе неизбежность
Здесь между войск трепетать, человек незнакомый с войною?
Лжец, кто расславил тебя громоносного Зевса рожденьем!
Нет, несравненно ты мал пред великими теми мужами,
Кои от Зевса родились, меж древних племен человеков,
И каков, повествуют, великая сила Геракла
Был мой родитель, герой дерзновеннейший, львиное сердце!
Он, приплывши сюда, чтоб взыскать с Лаомедона коней,
Только с шестью кораблями, с дружиною ратною малой,
Град Илион разгромил и пустынными стогны оставил!
Ты же робок душой и предводишь народ на погибель.
Нет, для троян, я надеюся, ты обороной не будешь,
Ликию бросил напрасно, и будь ты стократно сильнейший,
Мною теперь же сраженный, пойдешь ко вратам Аидеса!»

Ликии царь Сарпедон Тлиполему ответствовал быстро:
«Так, Тлиполем, Геракл разорил Илион знаменитый,
Но царя Лаомедона злое безумство карая:
Царь своего благодетеля речью поносной озлобил
И не отдал коней, для которых тот шел издалека.
Что ж до тебя, предвещаю тебе я конец и погибель;
Их от меня ты приймешь и, копьем сим поверженный, славу
Даруешь мне, и Аиду, конями гордящемусь, душу».

Так говорил Сарпедон; но, сотрясши, свой ясенный дротик
Взнес Тлиполем; обоих сопротивников длинные копья
Вдруг полетели из рук: угодил Сарпедон Гераклида

В самую выю, и жало насквозь несмиримое вышло:
Быстро темная ночь Тлиполемовы очи покрыла.
Но и сам Тлиполем в бедро улучил Сарпедона
Пикой огромною; тело рассекшее, бурное жало
Стукнуло в кость; но отец от него отвращает погибель.

Тут Сарпедона героя усердные други из битвы
Вынесть спешили; его удручала огромная пика,
Влекшаясь в теле; никто не подумал, никто не помыслил
Ясенной пики извлечь из бедра, да с спешащими шел бы;
Так озабочены были трудящиесь вкруг Сарпедона.
Но Тлиполема данаи, блестящие медью, спешили
Вынесть из боя; увидел его Одиссей знаменитый,
Твердый душою, и вспыхнуло в нем благородное сердце;
Он между помыслов двух колебался умом и душою:
Прежде настигнуть ли сына громами звучащего Зевса?
Или, напав на ликиян, у множества души исторгнуть?
Но не ему, Одиссею почтенному, сужено было
Зевсова сына могучего медию острой низвергнуть.
Сердце его на ликийский народ обратила Паллада.
Там он Керана, Аластора, Хромия битвой низринул,
Галия, вслед Ноемона, Алкандра убил и Притана;
И еще бы их более сверг Одиссей знаменитый,
Если бы скоро его не узрел шлемоблещущий Гектор:
Ринулся он сквозь передних, сияющей медью покрытый,
Ужас данаям несущий. Обрадован друга приходом,
Зевсов сын, Сарпедон, говорил ему гласом печальным:
«Гектор! не дай, умоляю, лежать мне добычей ахеян;
Друг, защити! и пускай уже в вашем приязненном граде
Жизнь оставит меня; не судила, как вижу, судьбина,
В дом возвратившемусь, в землю отечества, милого сердцу,
Там обрадовать мне и супругу, и юного сына!»

Так говорил, но ему не ответствовал Гектор великий,
Быстро пронесся вперед, нетерпеньем пылая скорее
Рать аргивян отразить и у множества души исторгнуть.
Тою порой Сарпедона героя друзья посадили
В поле, под буком прекрасным метателя молний Зевса.
Там из бедра у него извлек длиннотенную пику
Храбрый, могучий Пелагон, друг, им отлично любимый:
Дух Сарпедона оставил, и очи покрылися мглою.
Скоро опять он вздохнул, и кругом его ветер прохладный
Вновь оживил, повевая, тяжелое персей дыханье.

Рать аргивян пред Ареем и Гектором меднодоспешным,
Тесно фаланги сомкнувши, как к черным судам не бежала,
Так и вперед не бросалася в бой, но лицом непрестанно
Вся отступала, узнав, что Арей в ополченьях троянских.

Кто же был первый и кто был последний, которых доспехи
Гектор могучий похитил и медный Арей душегубец?
Тевфрас, бессмертным подобный, и после Орест конеборец,
Воин бесстрашный Эномаос, Трех, этолийский копейщик,
Энопа отрасль Гелен и Орезбий пестропоясный,
Муж, обитающий в Гиле, богатства стяжатель заботный,
Около озера живший Кефисского, где и другие
Жили семейства беотян, уделов богатых владыки.

Их лишь узрела лилейнораменная Гера богиня,
Храбрый ахейский народ истребляющих в битве свирепой,
Быстро к Афине Палладе крылатую речь устремила:
«Горе, дочь необорная молний метателя Зевса!
Тщетным словом с тобой обнадежили мы Менелая
В дом возвратить разрушителем Трои высокотвердынной,
Если свирепствовать так попускаем убийце Арею!
Нет, устремимся, помыслим и сами о доблести бранной!»

Так говоря, преклонила дочь светлоокую Зевса;
Но сама, устремясь, снаряжала коней златосбруйных
Гера, богиня старейшая, отрасль великого Крона.
Геба ж с боков колесницы набросила гнутые круги
Медных колес осьмиспичных, на оси железной ходящих;
Ободы их золотые, нетленные, сверху которых
Медные шины положены плотные, диво для взора!
Ступицы их серебром, округленные, окрест сияли;
Кузов блестящими пышно сребром и златом ремнями
Был прикреплен, и на нем возвышались дугою две скобы;
Дышло серебряное из него выходило; на оном
Геба златое, прекрасное вяжет ярмо, продевает
Пышную упряжь златую; и быстро под упряжь ту Гера
Коней бессмертных подводит, пылая и бранью и боем.

Тою порою Афина, в чертоге отца Эгиоха,
Тонкий покров разрешила, струей на помост он скатился,
Пышноузорный, который сама, сотворив, украшала;
Вместо ж его облачася броней громоносного Зевса,
Бранным доспехом она ополчалася к брани плачевной.

Бросила около персей эгид, бахромою косматый,
Страшный очам, поразительным Ужасом весь окруженный:
Там и Раздор, и Могучесть, и, трепет бегущих, Погоня,
Там и глава Горгоны, чудовища страшного образ,
Страшная, грозная, знаменье бога всесильного, Зевса!
Шлем на чело возложила украшенный, четырёхгребенный,
Златом сияющий, ста бы градов ратоборцев покрывший.
Так в колеснице пламенной став, копием ополчилась
Тяжким, огромным, могучим, которым ряды сокрушает
Сильных, на коих разгневана дщерь всемогущего бога.

Гера немедля с бичом налегла на коней быстроногих;
С громом врата им небесные сами разверзлись при Горах,
Страже которых Олимп и великое вверено небо,
Чтобы облак густой разверзать иль смыкать перед ними.
Сими богини вратами коней подстрекаемых гнали;
Скоро они обрели, далеко от бессмертных сидящим,
Зевса царя одного, на превыспреннем холме Олимпа.
Там, коней удержавши, лилейнораменная Гера
Кронова сына царя вопрошала и так говорила:
«Или не гневен ты, Зевс, на такие злодейства Арея?
Сколько мужей и каких погубил он в народе ахейском
Нагло, насильственно! Я сокрушаюсь, тогда как спокойно
В сердце своем веселятся Киприда и Феб, подстрекая
К брани безумца сего, справедливости чуждого всякой.
Зевс, наш отец! на меня раздражишься ли, если Арея
Брань я принужу оставить ударом, быть может, жестоким?»

Гере немедля ответствовал туч воздыматель Кронион:
«Шествуй, восставь на Арея богиню победы, Палладу;
Больше обыкла она повергать его в тяжкие скорби».

Рек,— и ему покорилась лилейнораменная Гера;
Коней хлестнула бичом; полетели покорные кони,
Между землею паря и звездами усеянным небом.
Сколько пространства воздушного муж обымает очами,
Сидя на холме подзорном и смотря на мрачное море,—
Столько прядают разом богов гордовыйные кони.
К Трое принесшимся им и к рекам совокупно текущим,
Где Симоис и Скамандр быстрокатные воды сливают,
Там коней удержала лилейнораменная Гера
И, отрешив от ярма, окружила облаком темным;
Им Симоис разостлал амброзию сладкую в паству.

Сами богини спешат, голубицам подобные робким,
Поступью легкой, горя поборать за данаев любезных.
И, лишь достигли туда, где и многих мужей и храбрейших
Вкруг Диомеда вождя, укротителя мощного коней,
Сонмы густые стояли, как львы, пожиратели крови,
Или как вепри, которых мощь не легко одолима,—
Там, пред аргивцами став, возопила великая Гера,
В образе Стентора, мощного, медноголосого мужа,
Так вопиющего, как пятьдесят совокупно другие:
«Стыд, аргивяне, презренные, дивные только по виду!
Прежде, как в грозные битвы вступал Ахиллес благородный,
Трои сыны никогда из Дардановых врат не дерзали
Выступить: все трепетали его сокрушительной пики!
Ныне ж далеко от стен, пред судами, трояне воюют!»

Так говоря, возбудила и силу и мужество в каждом.
Тою порой к Диомеду подходит Паллада Афина:
Видит царя у своей колесницы; близ коней он стоя,
Рану свою прохлаждал, нанесенную Пандара медью.
Храброго пот изнурял под ремнем широким, держащим
Выпуклый щит: изнурялся он им, и рука цепенела;
Но, подымая ремень, отирал он кровавую рану.
Зевсова дочь, преклоняся на конский ярем, возгласила:
«Нет, Тидей произвел себе не подобного сына!
Ростом Тидей был мал, но по духу воитель великий!
Некогда я запрещала ему подвизаться, герою,
Бурной душой увлекаясь, когда он один от ахеян
В Фивы пришел послом к многочисленным Кадма потомкам.
Я повелела ему пировать спокойно в чертогах;
Но Тидей, как всегда, обладаемый мужеством бурным,
Юных кадмеян к борьбам вызывал и легко сопротивных
Всех победил: таково я сама поборала Тидею!
Так я тебе предстою, благосклонно всегда охраняю
И ободряю тебя с фригиянами весело биться;
Но иль усталость от подвигов бурных тебя поразила,
Или связала робость бездушная! После сего ты
Сын ли героя Тидея, великого в бранях Инида?»

Ей отвечая немедленно, рек Диомед благородный:
«О! познаю я тебя, светлоокая дочь громовержца!
Искренне все пред тобой изреку, ничего не сокрою.
Нет, не усталость меня и не робость бездушная держит,
Но заветы я помню, какие мне ты завещала:

Ты повелела не ратовать мне ни с одним из блаженных
Жителей неба, но если Кронионова дочь, Афродита,
Явится в брани, разить Афродиту острою медью.
Вот для чего отступаю и сам я, и прочим аргивцам
Всем повелел, уклоняяся, здесь воедино собраться:
Вижу Арея; гремящею битвою он управляет».

Вновь провещала к нему светлоокая дочь Эгиоха:
«Чадо Тидея, о воин, любезнейший сердцу Афины!
Нет, не страшися теперь ни Арея сего, ни другого
Сильного бога; сама за тебя я поборницей буду!
Мужествуй, в бой на Арея лети на конях звуконогих;
Смело сойдись и рази, не убойся свирепства Арея,
Буйного бога сего, сотворенное зло, вероломца!
Сам он недавно обет произнес предо мной и пред Герой
Ратовать против троян и всегда поборать за ахеян;
Ныне ж стоит за троян, вероломный, ахеян оставил!»

Так говоря, с колесницы Сфенела согнала на землю,
Быстро повлекши рукой,— и покорный мгновенно он спрянул;
Быстро сама в колесницу к Тидиду восходит богиня,
Бранью пылая; ужасно дубовая ось застонала,
Зевса подъявшая грозную дщерь и храбрейшего мужа.
Разом и бич и бразды захвативши, Паллада Афина
Вдруг на Арея на первого бурных коней устремила.
В те поры он обнажал Перифаса, вождя этолиян,
Мужа огромного, мощного, славную ветвь Охезия;
Мужа сего кровавый Арей обнажал, но Афина
Шлемом Аида покрылась, да будет незрима Арею.

Смертных губитель едва усмотрел Диомеда героя,
Вдруг этолиян вождя, Перифаса огромного, бросил
Там распростертого, где у сраженного душу исторгнул:
Быстро и прямо пошел на Тидида, смирителя коней.
Только лишь сблизились оба, летящие друг против друга,
Бог, устремяся вперед, над конским ярмом и браздами
Пикою медной ударил, пылающий душу исторгнуть;
Но, рукой ухватив, светлоокая дщерь Эгиоха
Пику отбросила вбок, да напрасно она пронесется.
И тогда на Арея напал Диомед нестрашимый
С медным копьем; и, усилив его, устремила Паллада
В пах под живот, где бог опоясывал медную повязь;

Там Диомед поразил и, бессмертную плоть растерзавши,
Вырвал обратно копье; и взревел Арей меднобронный
Страшно, как будто бы девять иль десять воскликнули тысяч
Сильных мужей на войне, зачинающих ярую битву.
Дрогнули все, и дружины троян, и дружины ахеян,
С ужаса: так заревел Арей, ненасытный войною.

Сколько черна и угрюма от облаков кажется мрачность,
Если неистово дышащий, знойный воздвигнется ветер,—
Взору Тидида таков показался, кровью покрытый,
Медный Арей, с облаками идущий к пространному небу.
Быстро бессмертный вознесся к жилищу бессмертных, Олимпу,
Там близ Кронида владыки воссел он, печальный и мрачный,
И, бессмертную кровь показуя, струимую раной,
Тяжко стенающий, к Зевсу вещал он крылатые речи:
«Или без гнева ты, Зевс, на ужасные смотришь злодейства?
Боги, мы непрестанно, по замыслам друг против друга,
Терпим беды жесточайшие, благо творя человекам;
Все на тебя негодуем: отец ты неистовой дщери,
Пагубной всем, у которой одни злодеяния в мыслях!
Боги другие, колико ни есть их на светлом Олимпе,
Все мы тебе повинуемся, каждый готов покориться.
Сей лишь одной никогда не смиряешь ни словом, ни делом;
Но потворствуешь ей, породивши зловредную дочерь!
Ныне она Диомеда, Тидеева гордого сына,
С диким свирепством его на бессмертных богов устремила!
Прежде Киприду богиню из рук поразил он в запястье;
После с копьем на меня самого устремился, как демон!
Быстрые ноги меня лишь избавили, иначе долго б
Там я простертый страдал, между страшными грудами трупов,
Или б живой изнемог, под ударами гибельной меди!»

Грозно воззрев на него, провещал громовержец Кронион:
«Смолкни, о ты, переметник! не вой, близ меня восседящий!
Ты ненавистнейший мне меж богов, населяющих небо!
Только тебе и приятны вражда, да раздоры, да битвы!
Матери дух у тебя, необузданный, вечно строптивый,
Геры, которую сам я с трудом укрощаю словами!
Ты и теперь, как я мню, по ее же внушениям страждешь!
Но тебя я страдающим долее видеть не в силах:
Отрасль моя ты, и матерь тебя от меня породила.
Если б от бога другого родился ты, столько злотворный,
Был бы уже ты давно преисподнее всех Уранидов!»

Рек,— и его врачевать повелел громовержец Пеану.
Язву Пеан врачевством, утоляющим боли, осыпав,
Быстро его исцелил, не для смертной рожденного жизни.
Словно смоковничий сок, с молоком перемешанный белым,
Жидкое вяжет, когда его быстро колеблет смешавший,—
С равной Пеан быстротой исцелил уязвленного бога.
Геба омыла его, облачила одеждою пышной,
И близ Зевса Кронида воссел он, славою гордый.

Паки тогда возвратилась в обитель великого Зевса
Гера Аргивская купно с Афиною Алалкоменой,
Так обуздав истребителя, мужеубийцу Арея.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

СВИДАНИЕ ГЕКТОРА С АНДРОМАХОЙ

Страшную брань меж троян и ахеян оставили боги;
Но свирепствовал бой, или здесь, или там по долине,
Воинств, один на других устремляющих медные копья,
Между брегов Симоиса и пышноструистого Ксанфа.

Первый Аякс Теламонид, стена меднобронных данаев,
Прорвал фалангу троян и возрадовал светом дружины,
Мужа сразив, браноносца храбрейшего рати фракийской,
Эвсора ветвь, Акамаса, ужасного ростом и силой.
Мужа сего поражает он первый в шелом коневласый
И вонзает в чело: погрузилось глубоко внутрь кости
Медное жало, и тьма Акамасовы очи покрыла.

Там же Аксила поверг Диомед, воеватель могучий,
Сына Тевфрасова: он обитал в велелепной Арисбе,
Благами жизни богатый и друг человекам любезный;
Дружески всех принимал он, в дому при дороге живущий;
Но никто из друзей тех его от беды не избавил,
В помощь никто не предстал; обоих Диомед воеватель
Жизни лишил — и его, и Калезия друга, который
Правил конями; и оба сошли неразлучные в землю.

Дреса, герой Эвриал, и Офелтия мощного свергнув,
Быстро пошел на Эсепа и Педаса, нимфой рожденных,

Абарбареей наядой, прекрасному Буколиону;
Буколион же был сын Лаомедона, славного мужа,
Старший в семействе, но матерью тайно, без брака
рожденный:
Пастырь, у стад он своих сочетался любовию с нимфой;
Нимфа, зачавшая, двух близнецов-сынов сих родила:
Юношам вместе и дух сокрушил, и прекрасные члены
Сын Мекистеев, герой, и с рамен их похитил доспехи.

Там же, дышащий бранью, сразил Полипет Астпала;
Царь Одиссей перкозийского воя Пидита низринул
Медною пикой; и Тевкр Аретаона, храброго в битвах.
Несторов сын, Антилох, устремивши сияющий дротик,
Аблера сверг; и владыка мужей Агамемнон — Элата:
Он обитал на брегах светлоструйной реки Сатниона,
В граде высоком Педасе. Филака бегущего сринул
Леит герой; Эврипил же, сразив, обнажил Меланфея.

Но Адраста живым изловил Менелай копьеносный:
Кони его, пораженные страхом на битвенном поле,
Вдруг об мириковой куст колесницу с разбега ударив,
Дышло ее на конце раздробили и сами помчались
К граду, куда и других устрашенные кони бежали.
Сам же Адраст, с колесницы стремглав к колесу покатяся,
Грянулся оземь лицом; и пред павшим стал налетевший
Сильный Атрид Менелай, грозя длиннотенною пикой.
Ноги его обхватил и воскликнул Адраст, умоляя:
«Даруй мне жизнь, о Атрид, и получишь ты выкуп достойный!
Много сокровищ хранится в отеческом доме богатом,
Много и меди, и злата, и хитрых изделий железа.
С радостью выдаст тебе неисчислимый выкуп отец мой,
Если услышит, что я нахожуся живой у данаев!»

Так говорил — и уже преклонял Менелаево сердце;
Храбрый уже помышлял поручить одному из клевретов
Пленника весть к кораблям мореходным, как вдруг Агамемнон,
В встречу бегущий, предстал и грозно вскричал Менелаю:
«Слабый душой Менелай, ко троянцам ли ныне ты столько
Жалостлив? Дело прекрасное сделали эти троянцы
В доме твоем! Чтоб никто не избег от погибели черной
И от нашей руки; ни младенец, которого матерь
Носит в утробе своей, чтоб и он не избег! да погибнут
В Трое живущие все и лишенные гроба исчезнут!»

Так говорящий, герой отвратил помышление брата,
Правду ему говоря; Менелай светлокудрый Адраста
Молча рукой оттолкнул; и ему Агамемнон в утробу
Пику вонзил; опрокинулся он, и мужей повелитель,
Ставши ногою на перси, вонзенную пику исторгнул.

Нестор меж тем аргивян возбуждал, громогласно вещая:
«Други, данаи герои, бесстрашные слуги Арея!
Ныне меж вас да никто, на добычи бросаясь, не медлит
Сзади рядов, чтобы больше отнесть их в стан корабельный.
Нет, поразим сопротивников; после и их вы спокойно
Можете все обнажить на побоище мертвые трупы».

Так говоря, возбудил он и душу и мужество в каждом.
В оное время трояне от дышащих бранью данаев
Скрылись бы в град, побежденные собственной слабостью духа,
Если б Энею и Гектору мудрого не дал совета
Сын Приамов Гелен, знаменитейший птицегадатель:
«Гектор, Эней! на вас, воеводы, лежит наипаче
Бремя забот о народе троянском; отличны вы оба
В каждом намеренье вашем, сражаться ли нужно иль мыслить.
Станьте же здесь и бегущие рати у врат удержите,
Сами везде устремляясь, доколе в объятия жен их
Все беглецы не падут и врагам в посмеянье не будут!
Но когда вы троянские вкруг ободрите фаланги,
Мы, оставаяся здесь, с аргивянами будем сражаться,
Сколько бы ни были ими теснимы: велит неизбежность.
Гектор, но ты поспеши в Илион и совет мой поведай
Матери нашей: пускай соберет благородных троянок
В замок градской, перед храм светлоокой Паллады богини.
Там, заключенные двери отверзя священного дома,
Пышный покров, величайший, прелестнейший всех из хранимых
В царском дому и который сама наиболее любит,
Пусть на колена его лепокудрой Афины положит.
Пусть ей двенадцать крав, однолетних, ярма не познавших,
В храме заклать обрекается, если, молитвы услыша,
Град богиня помилует, жен и младенцев невинных;
Если от Трои священной она отразит Диомеда,
Бурного воя сего, повелителя мощного бегства,
Мужа, который, я мыслю, храбрейший в народе ахейском!

Так ни Пелид не страшил нас, великий мужей предводитель,
Сын, как вещают, богини бессмертной! Тидид аргивянин
Пуще свирепствует: в мужестве с оным никто не сравнится!»

Так говорил он,— и Гектор послушался брата советов;
Быстро герой с колесницы с оружием прянул на землю;
Острые копья колебля, кругом обходил ополченья,
Дух распаляя на бой; и восставил он страшную сечу.
В бой обратились трояне и стали в лицо аргивянам;
Вспять подалися ряды аргивян, укротили убийство,
Мысля, что бог незримый, нисшедший от звездного неба,
Сам за врагов их поборствует; так обратились трояне.

Гектор еще возбуждал, восклицающий звучно к троянам:
«Храбрые Трои сыны и союзники славные наши!
Будьте мужами, о други, воспомните бурную силу.
Я ненадолго от вас отлучуся в священную Трою
Старцам советным поведать и нашим супругам, да купно
Молят небесных богов, обетуя стотельчие жертвы».

Так говоря им, шествовал шлемом сверкающий Гектор;
Билася сзади его, по стопам и по вые, концами
Черная кожа, которая щит окружала огромный.

Главк между тем, Гипполохид, и сын знаменитый Тидея
Между фаланг на средину сходились, пылая сразиться.
Чуть соступились герои, идущие друг против друга,
Первый из них взговорил Диомед, воеватель могучий:
«Кто ты, бестрепетный муж от земных обитателей смертных?
Прежде не зрел я тебя на боях, прославляющих мужа;
Но сегодня, как вижу, далеко ты мужеством дерзким
Всех превосходишь, когда моего копия нажидаешь.
Дети одних злополучных встречаются с силой моею!
Если бессмертный ты бог, от высокого неба нисшедший,
Я никогда не дерзал с божествами Олимпа сражаться.
Нет, и могучий Ликург, знаменитая отрасль Дриаса,
Долго не жил, на богов, небожителей, руки поднявший.
Некогда, дерзкий, напав на питательниц буйного Вакха,
Их по божественной Ниссе преследовал: нимфы вакханки
Фирсы зеленые бросили в прах, от убийцы Ликурга
Сулицей острой свирепо разимые; Вакх устрашенный
Бросился в волны морские и принят Фетидой на лоно,

Трепетный, в ужас введенный неистовством буйного мужа.
Все на Ликурга прогневались мирно живущие боги;
Кронов же сын ослепил Дриантида; и после не долгой
Жизнию он наслаждался, бессмертным всем ненавистный.
Нет, с богами блаженными я не желаю сражаться!
Если же смертный ты муж и воскормлен плодами земными,
Ближе предстань, да к пределу ты смерти скорее достигнешь».

Быстро ему отвечал воинственный сын Гипполохов:
«Сын благородный Тидея, почто вопрошаешь о роде?
Листьям в дубравах древесных подобны сыны человеков:
Ветер одни по земле развевает, другие дубрава,
Вновь расцветая, рождает, и с новой весной возрастают;
Так человеки: сии нарождаются, те погибают.
Если ж ты хочешь, тебе и о том объявлю, чтобы знал ты
Наших и предков и род; человекам он многим известен.
Есть в конеславном Аргосе град знаменитый Эфира;
В оном Сизиф обитал, препрославленный мудростью смертный,
Тот Сизиф Эолид, от которого Главк породился.
Главк даровал бытие непорочному Беллерофонту,
Коему щедрые боги красу и любезную доблесть
В дар ниспослали; но Прет неповинному гибель умыслил:
Злобно его из народа изгнал (повелитель ахеян
Был он сильнейший: под скипетр его покорил их Кронион).
С юношей Прета жена возжелала, Антия младая,
Тайной любви насладиться; но к ищущей был непреклонен,
Чувств благородных исполненный, Беллерофонт непорочный;
И жена, клевеща, говорила властителю Прету:
— Смерть тебе Прет, когда сам не погубишь ты Беллерофонта:
Он насладиться любовью со мною хотел, с нехотящей.—
Так клеветала; разгневался царь, таковое услыша;
Но убить не решился: в душе он сего ужасался;
В Ликию выслал его и вручил злосоветные знаки,
Много на дщице складной начертав их, ему на погибель;
Дщицу же тестю велел показать, да от тестя погибнет.
Беллерофонт отошел, под счастливым покровом бессмертных.
Мирно достиг он ликийской земли и пучинного Ксанфа;
Принял его благосклонно ликийских мужей повелитель;
Девять дней угощал, ежедневно тельца закалая.
Но воссиявшей десятой богине Заре розоперстой,
Гостя расспрашивал царь и потребовал знаки увидеть,
Кои принес он ему от любезного зятя, от Прета.

И когда он принял злосоветные зятевы знаки,
Юноше Беллерофонту убить заповедал Химеру
Лютую, коей порода была от богов, не от смертных:
Лев головою, задом дракон и коза серединой,
Страшно дыхала она пожирающим пламенем бурным.
Грозную он поразил, чудесами богов ободренный.
После войною ходил на солимов, народ знаменитый;
В битве, ужаснее сей, как поведал он, не был с мужами;
В подвиге третьем разбил амазонок он мужеобразных.
Но ему, возвращавшемусь, Прет погибель устроил:
Избранных в царстве пространном ликиян храбрейших в засаду
Скрыл на пути; но они своего не увидели дома:
Всех поразил их воинственный Беллерофонт непорочный.
Царь наконец познал знаменитую отрасль бессмертных;
В доме его удержал и дочь сочетал с ним царевну;
Отдал ему половину блистательной почести царской;
И ликийцы ему отделили удел превосходный,
Лучшее поле для сада и пашен, да властвует оным.
Трое родилося чад от премудрого Беллерофонта:
Мужи Исандр, Гипполох и прекрасная Лаодамия.
С Лаодамией прекрасной почил громовержец Кронион,
И она Сарпедона, подобного богу, родила.
Став напоследок и сам небожителям всем ненавистен,
Он по Алейскому полю скитался кругом, одинокий,
Сердце глодая себе, убегая следов человека.
Сына Исандра ему Энналий, несытый убийством,
Свергнул, когда воевал он с солимами, славным народом.
Дочь у него — златобраздая гневная Феба сразила.
Жил Гипполох, от него я рожден и горжуся сим родом.
Он послал меня в Трою и мне заповедовал крепко
Тщиться других превзойти, непрестанно пылать отличиться,
Рода отцов не бесчестить, которые славой своею
Были отличны в Эфире и в царстве ликийском пространном.
Вот и порода и кровь, каковыми тебе я хвалюся».

Рек,— и наполнился радостью сын благородный Тидеев;
Медную пику свою водрузил в даровитую землю
И приветную речь устремил к предводителю Главку:
«Сын Гипполохов! ты гость мне отеческий, гость стародавний!
Некогда дед мой Иней знаменитого Беллерофонта
В собственном доме двадцать дней угощал дружелюбно.
Оба друг другу они превосходные дали гостинцы:
Дед мой, Иней, предложил блистающий пурпуром пояс;

Беллерофонт же златой подарил ему кубок двудонный:
Кубок и я, при отходе, оставил в отеческом доме;
Но Тидея не помню; меня он младенцем оставил
В дни, как под Фивами градом ахейское воинство пало.
Храбрый! отныне тебе я средь Аргоса гость и приятель.
Ты же мне — в Ликии, если приду я к народам ликийским.
С копьями ж нашими будем с тобой и в толпах расходиться.
Множество здесь для меня и троян, и союзников славных;
Буду разить, кого бог приведет и кого я постигну.
Множество здесь для тебя аргивян, поражай кого можешь.
Главк! обменяемся нашим оружием; пусть и другие
Знают, что дружбою мы со времен праотцовских гордимся».

Так говорили они — и, с своих колесниц соскочивши,
За руки оба взялись и на дружбу взаимно клялися.
В оное время у Главка рассудок восхитил Кронион:
Он Диомеду герою доспех золотой свой на медный,
Во сто ценимый тельцов, обменял на стоящий девять.

Гектор меж тем приближился к Скейским воротам и к дубу.
Окрест героя бежали троянские жены и девы,
Те вопрошая о детях, о милых друзьях и о братьях,
Те о супругах; но он повелел им молиться бессмертным
Всем, небеса населяющим: многим беды угрожали!

Но когда подошел он к прекрасному дому Приама,
К зданию с гладкими вдоль переходами (в нем заключалось
Вкруг пятьдесят почивален, из гладко отесанных камней,
Близко одна от другой устроенных, в коих Приама
Все почивали сыны у цветущих супруг их законных;
Дщерей его на другой стороне, на дворе, почивальни
Были двенадцать, под кровлей одною, из тесаных камней,
Близко одна от другой устроенных, в коих Приама
Все почивали зятья у цветущих супруг их стыдливых),
Там повстречала его милосердая матерь Гекуба,
Шедшая в дом к Лаодике, своей миловиднейшей дщери;
За руку сына взяла, вопрошала и так говорила:
«Что ты, о сын мой, приходишь, оставив свирепую битву?
Верно, жестоко теснят ненавистные мужи ахейцы,
Ратуя близко стены? И тебя устремило к нам сердце:
Хочешь ты, с замка троянского, руки воздеть к Олимпийцу?
Но помедли, мой Гектор, вина я вынесу чашу
Зевсу отцу возлиять и другим божествам вековечным;

После и сам ты, когда пожелаешь испить, укрепишься;
Мужу, трудом истомленному, силы вино обновляет;
Ты же, мой сын, истомился, за граждан твоих подвизаясь».

Ей отвечал знаменитый, шеломом сверкающий Гектор:
«Сладкого пить мне вина не носи, о почтенная матерь!
Ты обессилишь меня, потеряю я крепость и храбрость.
Чермное ж Зевсу вино возлиять неомытой рукою
Я не дерзну, и не должно сгустителя облаков Зевса
Чествовать или молить осквернённому кровью и прахом.
Но иди ты, о матерь, Афины добычелюбивой
В храм, с благовонным курением, с сонмом жен благородных.
Пышный покров, величайший, прекраснейший всех из хранимых
В царском дому, и какой ты сама наиболее любишь,
Взяв, на колена его положи лепокудрой Афине;
И двенадцать крав однолетних, ярма не познавших,
В храме заклать обрекайся ты, если, молитвы услыша,
Град богиня помилует, жен и младенцев невинных;
Если от Трои священной она отразит Диомеда,
Бурного воя сего, повелителя мощного бегства.
Шествуй же, матерь, ко храму Афины добычелюбивой;
Я же к Парису иду, чтобы к воинству из дому вызвать,
Ежели хочет советы он слушать. О! был бы он там же
Пожран землей! Воспитал Олимпиец его на погибель
Трое, Приаму отцу и всем нам, Приамовым чадам!
Если б его я увидел сходящего в бездны Аида,
Кажется, сердце мое позабыло бы горькие бедства!»

Так говорил,— и Гекуба немедля служительниц дома
Вызвала; жен благородных они собирали по граду.
Тою порой сама в благовонную горницу всходит;
Там у нее сохранялися пышноузорные ризы,
Жен сидонских работы, которых Парис боговидный
Сам из Сидона привез, преплывая пространное море.
Сим он путем увозил знаменитую родом Елену.
Выбрав из оных одну, понесла пред Афину Гекуба
Большую, лучшую в доме, которая швеньем пышным
Словно звезда сияла и в самом лежала исподе.
С оной пошла, и за ней благородные многие жены.

В замок градской им притекшим, ко храму Афины богини,
Двери пред ними разверзла прелестная ликом Феано,

Дщерь Киссея, жена Антенора, смирителя коней,
Трои мужами избранная жрица Афины богини.
Там с воздеянием рук возопили они пред Афиной;
Ризу Гекубы румяноланитая жрица Феано
Взяв, на колена кладет лепокудрой Афины Паллады
И с обетами молит рожденную богом великим:
«Мощная в бранях, защитница града, Паллада Афина!
Дрот сокруши Диомедов и дай, о богиня, да сам он
Ныне, погибельный, грянется ниц перед башнею Скейской!
Ныне ж двенадцать крав однолетних, ярма не познавших,
В храме тебе мы пожертвуем, если, молитвы услыша,
Град помилуешь Трою и жен, и младенцев невинных!»

Так возглашала, молясь; но Афина молитву отвергла.
Тою порой, как они умоляли рожденную Зевсом,
Гектор великий достигнул Парисова пышного дома.
Сам он дом сей устроил с мужами, какие в то время
В целой Троаде холмистой славнейшие зодчие были:
Мужи ему почивальню, и гридню, и двор сотворили
В замке градском, невдали от Приама и Гектора дома.
В двери вступил божественный Гектор; в деснице держал он
Пику в одиннадцать локтей; далеко на древке сияло
Медное жало копья и кольцо вкруг него золотое.
Брата нашел в почивальне, в трудах над оружием пышным:
Щит он, и латы, и гнутые луки испытывал, праздный.
Там и Елена Аргивская в круге сидела домашних
Жен рукодельниц и славные им назначала работы.
Гектор, взглянув на него, укорял оскорбительной речью:
«Ты не вовре́мя, несчастный, теперь напыщаешься гневом.
Гибнет троянский народ, пред высокою града стеною
Ратуя с сильным врагом; за тебя и война и сраженья
Вкруг Илиона пылают; ты сам поругаешь другого,
Если увидишь кого оставляющим грозную битву.
Шествуй, пока Илион под огнем сопостатов не вспыхнул».

Быстро ему отвечал Приамид Александр боговидный:
«Гектор! ты вправе хулить, и твоя мне хула справедлива;
Душу открою тебе; преклонися и выслушай слово:
Я не от гнева досель, не от злобы на граждан троянских
Праздный сидел в почивальне; хотел я печали предаться.
Ныне ж супруга меня дружелюбною речью своею
Выйти на брань возбудила; и ныне, чувствую сам я,
Лучше идти мне сражаться: победа меж смертных превратна.

Ежели можно, помедли, пока ополчусь я доспехом;
Или иди: поспешу за тобой и настичь уповаю».

Рек он; ни слова ему не ответствовал Гектор великий.
К Гектору с лаской Елена смиренную речь обратила:
«Деверь жены бесстыдной, виновницы бед нечестивой!
Если б в тот день же меня, как на свет породила лишь матерь,
Вихорь свирепый, восхитя, умчал на пустынную гору
Или в кипящие волны ревущего моря низринул,—
Волны б меня поглотили и дел бы таких не свершилось!
Но, как такие беды божества предназначили сами,
Пусть даровали бы мне благороднее сердцем супруга,
Мужа, который бы чувствовал стыд и укоры людские!
Сей и теперь легкомыслен, подобным и после он будет;
И за то, я надеюсь, достойным плодом насладится!
Но войди ты сюда и воссядь успокоиться в кресло,
Деверь; твою наиболее душу труды угнетают,
Ради меня, недостойной, и ради вины Александра:
Злую нам участь назначил Кронион, что даже по смерти
Мы оставаться должны на бесславные песни потомкам!»

Ей немедля ответствовал Гектор великий: «Елена,
Сесть не упрашивай; как ни приветна ты, я не склонюся;
Сильно меня увлекает душа на защиту сограждан,
Кои на ратных полях моего возвращения жаждут.
Ты же его побуждай; ополчившися, пусть поспешает;
Пусть он потщится меня в стенах еще града настигнуть.
Я посещу лишь мой дом и на малое время останусь
Видеть домашних, супругу драгую и сына-младенца:
Ибо не знаю, из боя к своим возвращусь ли еще я
Или меня уже боги погубят руками данаев».

Так говоря, удалился шеломом сверкающий Гектор.
Скоро достигнул герой своего благозданного дома;
Но в дому не нашел Андромахи лилейнораменной.
С сыном она и с одною кормилицей пышноодежной
Вышед, стояла на башне, печально стеная и плача.
Гектор, в дому у себя не нашед непорочной супруги,
Стал на пороге и так говорил прислужницам-женам:
«Жены-прислужницы, вы мне скорее поведайте правду:
Где Андромаха супруга, куда удалилась из дому?
Вышла ль к золовкам своим, иль к невесткам пышноодежным,
Или ко храму Афины поборницы, где и другие
Жены троян благородные грозную молят богиню?»

И ему отвечала усердная ключница дома:
«Гектор, когда повелел ты, тебе я поведаю правду.
Нет, не к золовкам своим, не к невесткам пошла Андромаха,
Или ко храму Афины поборницы, где и другие
Жены троян благородные грозную молят богиню,—
К башне пошла илионской великой: встревожилась вестью,
Будто троян утесняет могучая сила ахеян;
И к стене городской, торопливая, ринулась бегом,
Словно умом исступленная; с ней и кормилица с сыном».

Так отвечала,— и Гектор стремительно из дому вышел
Прежней дорогой назад, по красиво устроенным стогнам.
Он приближался уже, протекая обширную Трою,
К Скейским воротам (чрез них был выход из города в поле);
Там Андромаха супруга, бегущая, в встречу предстала,
Отрасль богатого дома, прекрасная дочь Этиона;
Сей Этион обитал при подошвах лесистого Плака,
В Фивах Плакийских, мужей киликиян властитель державный;
Оного дочь сочеталася с Гектором меднодоспешным.
Там предстала супруга: за нею одна из прислужниц
Сына у персей держала, бессловного вовсе, младенца,
Плод их единый, прелестный, подобный звезде лучезарной.
Гектор его называл Скамандрием; граждане Трои —
Астианаксом: единый бо Гектор защитой был Трои.
Тихо отец улыбнулся, безмолвно взирая на сына.
Подле него Андромаха стояла, лиющая слезы;
Руку пожала ему и такие слова говорила:
«Муж удивительный, губит тебя твоя храбрость! ни сына
Ты не жалеешь, младенца, ни бедной матери; скоро
Буду вдовой я, несчастная! скоро тебя аргивяне,
Вместе напавши, убьют! а тобою покинутой, Гектор,
Лучше мне в землю сойти: никакой мне не будет отрады,
Если, постигнутый роком, меня ты оставишь: удел мой —
Горести! Нет у меня ни отца, ни матери нежной!
Старца отца моего умертвил Ахиллес быстроногий,
В день, как и град разорил киликийских народов цветущий,
Фивы высоковоротные. Сам он убил Этиона,
Но не смел обнажить: устрашался нечестия сердцем;
Старца он предал сожжению вместе с оружием пышным.
Создал над прахом могилу; и окрест могилы той ульмы
Нимфы холмов насадили, Зевеса великого дщери.
Братья мои однокровные — семь оставалось их в доме —

Все и в единый день преселились в обитель Аида:
Всех злополучных избил Ахиллес, быстроногий ристатель,
В стаде застигнув тяжелых тельцов и овец белорунных.
Матерь мою, при долинах дубравного Плака царицу,
Пленницей в стан свой привлек он с другими добычами брани,
Но даровал ей свободу, приняв неисчислимый выкуп;
Феба ж и матерь мою поразила в отеческом доме!
Гектор, ты все мне теперь — и отец, и любезная матерь,
Ты и брат мой единственный, ты и супруг мой прекрасный!
Сжалься же ты надо мною и с нами останься на башне,
Сына не сделай ты сирым, супруги не сделай вдовою;
Воинство наше поставь у смоковницы: там наипаче
Город приступен врагам и восход на твердыню удобен:
Трижды туда приступая, на град покушались герои,
Оба Аякса могучие, Идоменей знаменитый,
Оба Атрея сыны и Тидид, дерзновеннейший воин.
Верно, о том им сказал прорицатель какой-либо мудрый,
Или, быть может, самих устремляло их вещее сердце».

Ей отвечал знаменитый, шеломом сверкающий Гектор:
«Всё и меня то, супруга, не меньше тревожит; но страшный
Стыд мне пред каждым троянцем и длинноодежной троянкой,
Если, как робкий, останусь я здесь, удаляясь от боя.
Сердце мне то запретит; научился быть я бесстрашным,
Храбро всегда меж троянами первыми биться на битвах,
Славы доброй отцу и себе самому добывая!
Твердо я ведаю сам, убеждаясь и мыслью и сердцем,
Будет некогда день, и погибнет священная Троя,
С нею погибнет Приам и народ копьеносца Приама.
Но не столько меня сокрушает грядущее горе
Трои, Приама родителя, матери дряхлой, Гекубы,
Горе тех братьев возлюбленных, юношей многих и храбрых,
Кои полягут во прах под руками врагов разъяренных,
Сколько твое, о супруга! тебя меднолатный ахеец,
Слезы лиющую, в плен повлечет и похитит свободу!
И, невольница, в Аргосе будешь ты ткать чужеземке,
Воду носить от ключей Мессеиса или Гиперея,
С ропотом горьким в душе; но заставит жестокая нужда!
Льющую слезы тебя кто-нибудь там увидит и скажет:
Гектора это жена, превышавшего храбростью в битвах
Всех конеборцев троян, как сражался вкруг Илиона!
Скажет — и в сердце твоем возбудит он новую горечь:

Вспомнишь ты мужа, который тебя защитил бы от рабства!
Но да погибну и буду засыпан я перстью земною
Прежде, чем плен твой увижу и жалобный вопль твой услышу!»

Рек — и сына обнять устремился блистательный Гектор;
Но младенец назад, пышноризой кормилицы к лону
С криком припал, устрашася любезного отчего вида,
Яркою медью испуган и гребнем косматовласатым,
Видя ужасно его закачавшимся сверху шелома.
Сладко любезный родитель и нежная мать улыбнулись.
Шлем с головы немедля снимает божественный Гектор,
Наземь кладет его, пышноблестящий, и, на руки взявши
Милого сына, целует, качает его и, поднявши,
Так говорит, умоляя и Зевса, и прочих бессмертных:
«Зевс и бессмертные боги! о, сотворите, да будет
Сей мой возлюбленный сын, как и я, знаменит среди граждан;
Так же и силою крепок, и в Трое да царствует мощно.
Пусть о нем некогда скажут, из боя идущего видя:
Он и отца превосходит! И пусть он с кровавой корыстью
Входит, врагов сокрушитель, и радует матери сердце!»

Рек — и супруге возлюбленной на руки он полагает
Милого сына; дитя к благовонному лону прижала
Мать, улыбаясь сквозь слезы. Супруг умилился душевно,
Обнял ее и, рукою ласкающий, так говорил ей:
«Добрая! сердце себе не круши неумеренной скорбью.
Против судьбы человек меня не пошлет к Аидесу;
Но судьбы, как я мню, не избег ни один земнородный
Муж, ни отважный, ни робкий, как скоро на свет он родится.
Шествуй, любезная, в дом, озаботься своими делами;
Тканьем, пряжей займися, приказывай женам домашним
Дело свое исправлять; а война — мужей озаботит
Всех, наиболе ж меня, в Илионе священном рожденных».

Речи окончивши, поднял с земли бронеблещущий Гектор
Гривистый шлем; и пошла Андромаха безмолвная к дому,
Часто назад озираясь, слезы ручьем проливая.
Скоро достигла она устроением славного дома
Гектора мужегубителя; в оном служительниц многих,
Собранных вместе, нашла и к плачу их всех возбудила:
Ими заживо Гектор был в своем доме оплакан.
Нет, они помышляли, ему из погибельной брани
В дом не прийти, не избегнуть от рук и свирепства данаев.

Тою порой и Парис не медлил в высоких палатах.
В пышный одевшись доспех, испещренный блистательной медью,
Он устремился по граду, надежный на быстрые ноги.
Словно конь застоялый, ячменем раскормленный в яслях,
Привязь расторгнув, летит, поражая копытами поле;
Пламенный, плавать обыкший в потоке широкотекущем,
Пышет, голову кверху несет; вкруг рамен его мощных
Грива играет; красой благородною сам он гордится;
Быстро стопы его мчат к кобылицам и паствам знакомым:
Так лепокудрый Парис от высот Илионского замка,
Пышным оружием окрест, как ясное солнце, сияя,
Шествовал радостно-гордый; быстро несли его ноги;
Гектора скоро настиг он, когда Приамид лишь оставил
Место, где незадолго беседовал с кроткой супругой.
К Гектору первый вещал Приамид Александр боговидный:
«Верно, почтеннейший брат, твою задержал я поспешность
Долгим медленьем своим и к поре не приспел, как велел ты?»

И ему отвечал шлемоблещущий Гектор великий:
«Друг! ни один человек, душой справедливый, не может
Ратных деяний твоих опорочивать: воин ты храбрый,
Часто лишь медлен, к трудам неохотен; а я непрестанно
Сердцем терзаюсь, когда на тебя поношение слышу
Трои мужей, за тебя подымающих труд беспредельный.
Но поспешим, а рассудимся после, когда нам Кронион
Даст в благодарность небесным богам, бесконечно живущим,
Чашу свободы поставить в обителях наших свободных,
После изгнанья из Трои ахеян меднодоспешных».

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

ЕДИНОБОРСТВО ГЕКТОРА И АЯКСА

Так говорящий, пронесся вратами блистательный Гектор;
С ним устремился и брат Александр: и душой Приамиды
Оба пылали воинствовать снова и храбро сражаться.
Словно пловцам, долговременно жаждущим, бог посылает
Ветер попутный, когда уже, множеством весел блестящих
Понт рассекая, устали, все члены трудом изнуривши,—
Так предводители их ожидавшим троянам явились.

Начали битву: Парис поразил Арейфоева сына,
Жителя Арны Менесфия, коего палиценосный
Царь породил Арейфой с черноокою Филомедузой.
Гектор вождя Эионея острою пикой ударил
В выю, под круг крепкомедного шлема и крепость разрушил.
Главк, Гипполохова отрасль, ликийских мужей воевода,
Дексия, сына Ифиноя, в бурном сражении пикой
В рамо пронзил, кобылиц на него напускавшего быстрых;
В прах с колесницы он пал, и его сокрушилися члены.

Их лишь увидела светлая взором Афина богиня,
Так истребляющих воинов Аргоса в битве жестокой,
Вдруг от Олимпа высокого, бросившись, бурно помчалась
К Трое священной; навстречу богине, узрев от Пергама,
Феб Аполлон устремился: троянам желал он победы.
В встречу спешащие боги сошлися у древнего дуба;
Первый к богине воззвал дальномечущий Феб сребролукий:
«Что ты, волнения полная, дочь всемогущего Зевса,
Сходишь с Олимпа? К чему ты стремима сим пламенным духом?
Или склонить аргивянам неверную брани победу
Хочешь? Троян погибающих ты никогда не жалеешь?
Но приими ты совет мой, и то благотворнее будет:
Нынешний день прекратим мы войну и убийство народов;
После да ратуют снова, доколе священного града,
Трои, конца не увидят, когда уже столько приятно
Вашему сердцу, богини великие, град сей разрушить».

Быстро воззвала к нему светлоокая дочь Эгиоха:
«Так, дальновержец, да будет; с подобною думою в сердце
Я низошла от Олимпа, к сраженью троян и ахеян.
Но возвести, прекратить ратоборство их как ты намерен?»

Снова богине ответствовал царь Аполлон сребролукий:
«Гектора мы, укротителя коней, отважность возвысим.
Пусть Приамид вызывает храбрейших героев данайских
Выйти один на один и сразиться решительной битвой;
Сим оскорбленные меднопоножные мужи данаи
Сами возбудят бойца одноборствовать с Гектором славным».

Так говорил,— и склонилася дочь светлоокая Зевса.
Сын Приамов, Гелен прорицатель, почувствовал духом
Оный совет, обоим божествам совещавшим приятный,

К Гектору брату предстал и так говорил воеводе:
«Гектор, пастырь народа, советами равный Крониду!
Будешь ли мне ты послушен, усердносоветному брату?
Дай повеление сесть и троянам, и всем аргивянам;
Сам же меж воинств на бой вызывай, да храбрейший данаец
Выйдет один на тебя и сразится решительным боем.
Ныне тебе не судьба умереть и предела достигнуть;
Слышал я голос такой небожителей вечно живущих».

Так произнес,— и восхитился Гектор услышанной речью,
Вышел один на средину и, взявши копье посредине,
Спнул фаланги троянские; все, успокоясь, воссели.
Царь Агамемнон равно удержал меднобронных данаев.
Тою порой Афина Паллада и Феб сребролукий,
Оба вознесшися, словно как ястребы, хищные птицы,
Сели на дубе высоком отца молненосного Зевса,
Ратями вместе любуясь: ряды их сидели густые,
Грозно щиты, и шеломы, и острые копья вздымая,
Словно как Зефир порывистый по морю зыбь разливает,
Если он вдруг подымается: море чернеет под нею,—
Ратей ряды таковы и троян, и бесстрашных данаев
В поле сидели, и Гектор вещал, между ратями стоя:
«Трои сыны и ахеяне храбрые, слух приклоните;
Я вам поведаю, что мне велит благородное сердце:
Наших условий высокоцарящий Кронид не исполнил,
Но, беды совещающий, нам обоюдно готовит
Битвы, покуда иль вы крепкобашенный град наш возьмете,
Или падете от нас при своих кораблях мореходных.
Здесь, о ахеяне, с вами храбрейшие ваши герои;
Тот, у которого сердце со мною сразиться пылает,
Пусть изойдет и с божественным Гектором станет на битву.
Так говорю я, и Зевс уговора свидетель нам будет.
Если противник меня поразит сокрушительной медью,
Сняв он оружия, пусть отнесет к кораблям мореходным;
Тело же пусть возвратит, чтоб трояне меня и троянки,
Честь воздавая последнюю, в доме огню приобщили.
Если же я поражу и меня луконосец прославит,—
Взявши доспехи его, внесу в Илион их священный
И повешу во храме метателя стрел Аполлона;
Тело ж назад возвращу к кораблям обоюдувесельным.
Пусть похоронят его кудреглавые мужи ахейцы
И на брегу Геллеспонта широкого холм да насыплют.
Некогда, видя его, кто-нибудь и от поздних потомков

Скажет, плывя в корабле многовеслом по черному понту:
— Вот ратоборца могила, умершего в древние веки:
В бранях его знаменитого свергнул божественный Гектор! —
Так нерожденные скажут, и слава моя не погибнет».

Рек,— и молчанье глубокое все аргивяне хранили:
Вызов стыдились отвергнуть, равно и принять ужасались.
Вдруг восстал Менелай и вещал между сонма ахеян,
Всех упрекая жестоко и горестно сердцем стеная:
«Горе мне! о самохвалы! ахеянки вы — не ахейцы!
Срам для ахейских мужей из ужасных ужаснейший будет,
Если от них ни один не посмеет на Гектора выйти:
Но погибните все вы, рассыпьтесь водою и прахом,
Вы, сидящие здесь, как народ без души и без чести!
Я ополчуся и выйду на Гектора! знаю, что свыше
Жребий победы находится, в воле богов всемогущих».

Так говоря, покрывался поспешно оружием пышным;
И тогда, Менелай, ты расстался бы с сладкою жизнью
В мощных руках Приамида, далеко сильнейшего мужа,
Если б тебя удержать не воздвиглись цари и герои:
Сам повелитель мужей, Агамемнон пространнодержавный,
За руку брата схватил, называл и вещал, убеждая:
«Ты исступлен, Менелай благородный! такое безумство
Вовсе тебя не достойно: смири огорченное сердце;
В ревности гордой с сильнейшим тебя не дерзай состязаться,
С Гектором, сыном Приама: его и другие трепещут!
С ним и Пелид быстроногий на славных мужам ратоборствах
С страхом встречается,— воин, тебя несравненно храбрейший!
Сядь при дружине своей, успокойся, питомец Зевеса;
Мы от ахеян ему одноборца другого возбудим;
Сколь он ни будет бесстрашен и боя кровавого жаден,
С радостью, верно, колена преклонит, когда лишь безвреден
Выйдет из пламенной битвы и страшного единоборства!»

Так говорящий герой отвратил помышление брата,
Правду ему говоря: покорился Атрид, и клевреты
Весело с плеч Менелая оружия светлые сняли.
Нестор от сонма ахеян восстал и вещал им печальный:
«Боги! великая скорбь на ахейскую землю приходит!
Истинно горько восплачет Пелей, седой конеборец,
Славный мужей мирмидонских вития и мудрый советник.
Он восхищался, когда, вопрошая меня в своем доме,

Каждого порознь ахейца разведывал род и потомство;
Ныне ж, когда он услышит, что всех ужасает их Гектор,
Верно, не раз к небожителям руки прострет, да скорее
Дух сокрушенный его погрузится в обитель Аида!
Если бы ныне, о Зевс, Аполлон и Паллада Афина!
Молод я был, как в те годы, когда у гремучего брега
Билася рать пилпян и аркадян, копейщиков славных,
Около фейских твердынь, недалеко от струй Иардана.
В воинстве их впереди Эревфалион, богу подобный,
Первый стоял, ополченный оружием Арейфооя,
Славного Арейфооя, прозванием палиценосца,
Данным ему от мужей и от жен, опоясаньем красных:
Мощный, не луком тугим, не копьем длиннотенным сражался,
Он булавою железной ряды разрывал сопротивных.
Оного храбрый Ликург одолел, но не силой — коварством,
В тесном проходе; не мог он себя булавой и железной
Спасть от смерти: Ликург, на дороге его упредивши,
В чрево копьем поразил, и об дол он ударился тылом.
Снял победитель оружия, дар душегубца Арея;
После и сам их носил, выходя на Ареевы споры.
Но, когда обессилел герой, состаревшийся в доме,
Отдал тяжелый доспех Эревфальону, ратному другу:
Сими доспехами гордый, выкрикивал всех он храбрейших;
Все трепетали, страшились, никто не отважился выйти.
Вспыхнуло сердце во мне, на свою уповая отвагу,
С гордым сразиться, хотя между сверстников был я и младший.
Я с ним сразился,— и мне торжество даровала Афина!
Большего всех и сильнейшего всех я убил человека!
В прахе лежал он, огромный, сюда и туда распростертый.
Если бы так я был млад и не чувствовал немощи в силах,
Скоро противника встретил бы шлемом сверкающий Гектор!
В вашем же воинстве сколько ни есть храбрейших данаев,
Сердцем никто не пылает противником Гектору выйти!»

Так их старец стыдил,— и мгновенно воспрянули девять:
Первый воздвигся Атрид, повелитель мужей Агамемнон;
После воспрянул Тидид Диомед, воеватель могучий;
Оба Аякса вожди, облеченные бурною силой;
Дерзостный Идоменей и его совоинственник грозный,
Вождь Мерион, человеков губителю равный, Арею;
После герой Эврипил, блистательный сын Эвемона;
Вслед Андремонид Фоас и за ним Одиссей знаменитый.
Столько восстало их, жаждущих с Гектором славным сразиться.

Слово опять обратил к ним Нестор, конник геренский:
«Жребии бросим, друзья, и которого жребий назначит,
Тот, несомненно, я верю, возрадует души ахеян
И не менее радостен будет и сам, коль спасенный
Выйдет из пламенной битвы и страшного единоборства».

Так произнес он,— и каждый, наметивши собственный жребий,
Бросил в медный шелом Агамемнона, сына Атрея.
Рати молились и длани к бессмертным горе́ воздевали;
Так не один говорил, на пространное небо взирая:
«Даруй, о Зевс! да падет на Аякса, или Диомеда,
Иль на царя самого многозлатой Микены, Атрида».

Так говорили,— а Нестор шелом сотрясал пред собраньем;
Вылетел жребий из шлема, данаями всеми желанный,
Жребий Аякса; и вестник, понесши кругом по собранью,
Всем, от десной стороны, показал воеводам ахейским:
Знака никто не признал, отрекался от жребия каждый.
Вестник предстал и к тому, по собранию окрест носящий,
Кто и означил и в шлем положил; Теламонид великий
К вестнику руку простер, и вестник, приближася, подал;
Жребий увидевши, знак свой узнал и в восторге сердечном
На землю бросил его и к ахеям вскричал Теламонид:
«Жребий, ахеяне, мой! веселюся и сам я сердечно!
Так над божественным Гектором льщусь одержать я победу.
Други, пока я в рядах боевые доспехи надену,
Вы молитеся Зевсу, могущему Кронову сыну,
Между собою, безмолвно, да вас не услышат трояне.
Или молитеся громко: мы никого не страшимся!
Кто б ни желал, против воли меня не подвигнет он с поля
Сплой, ни ратным искусством; и я не невеждой, надеюсь,
Сам у отца моего в Саламине рожден и воспитан!»

Так говорил, а данаи молили могущего Зевса.
Так не один возглашал, на пространное небо взирая:
«Зевс отец, обладающий с Иды, преславный, великий,
Дай ты Аяксу обресть и победу, и светлую славу!
Если ж и Гектора любишь, когда и об нем промышляешь,—
Равные им обоим и могущество даруй и славу!»

Так говорили. Аякс покрывался блистательной медью
И, как скоро одеялся весь в боевые доспехи,

Начал вперед выступать, как Арей выступает огромный,
Если он шествует к брани народов, которых Кронион
Духом вражды сердцегложущей свел на кровавую битву:
Вышел таков Теламонид огромный, твердыня данаев,
Грозным лицом осклабляясь; и звучными сильный стопами
Шел, широко выступая, копьем длиннотенным колебля.
Все аргивяне, смотря на него, восхищалися духом;
Но троянину каждому трепет вступил во все члены;
Даже у Гектора сердце в могучей груди содрогалось;
Но ни врага избежать, ни в толпы ополчений укрыться
Не было боле возможности: сам на сраженье вызвал.
Быстро Аякс подходил, пред собою несущий, как башню,
Медный щит семикожный, который художник составил,
Тихий, усмарь знаменитейший, в Гиле обителью живший;
Он сей щит сотворил легкодвижимый, семь сочетавши
Кож из тучнейших волов и восьмую из меди поверхность.
Щит сей неся перед грудью, Аякс Теламонид могучий
Стал против Гектора близко и голосом грозным воскликнул:
«Гектор, теперь ты узнаешь, один на один подвизаясь,
В рати ахейской земли каковы и другие герои
Есть, без Пелида, фаланг разрывателя, с львиной душою!
Он у своих кораблей, при дружинах своих мирмидонских,
Празден лежит, на царя Агамемнона злобу питая.
Нас же, ахеян, которые выйти с тобою готовы,
Много таких! Начинай, Приамид, поединок и битву!»

Но ему отвечал шлемоблещущий Гектор великий:
«Сын Теламонов, Аякс благородный, властитель народа,
Тщетно меня ты, как будто ребенка, испытывать хочешь,
Или как деву, которая дел ратоборных не знает.
Знаю довольно я брань и кровавое мужеубийство!
Щит мой умею направо, умею налево метать я,—
Жесткую тяжесть,— и с нею могу неусталый сражаться;
Пеший, умею ходить я под грозные звуки Арея;
Конный, умею, скача, с кобылиц быстроногих сражаться.
Но не хочу нападать на такого, как ты, ратоборца,
Скрытно высматривая, но открыто, когда лишь умечу».

Рек он — и, мощно сотрясши, поверг длиннотенную пику
И поразил Теламонида в выпуклый щит семикожный,
В яркую полосу меди, что сверху восьмая лежала:
Шесть в нем полос пробежала, рассекши, бурная пика,
В коже седьмой увязла. Тогда Теламонид великий,

Мощный Аякс, размахнувши, послал длиннотенную пику
И вогнал Приамиду оружие в щит круговидный:
Щит светозарный насквозь пролетела могучая пика,
Броню насквозь, украшеньем изящную, быстро пронзила
И на чреве, под ребрами, самый хитон растерзала,
Бурная: Гектор отпрянул и гибели черной избегнул.
Оба исторгнули вновь длиннотенные копья и разом
Сшиблися вновь, как свирепые львы, пожиратели крови,
Или как звери лесов, нелегко одолимые вепри.
Гектор копьем в середину щита Теламонида грянул,
Но щита не прорвал: на меди изогнулося жало.
В щит, налетевши, ударил Аякс, и насквозь совершенно
Вышло копье, напиравшего Гектора вспять отразило,
Вскользь пробежало по выс,— и черная кровь заструилась.
Боя герой не прервал, шлемоблещущий пламенный Гектор:
Но, назад он подавшися, камень рукою могучей
Сорвал, средь поля лежавший, черный, жестокий, огромный;
Махом поверг, и Аяксов блистательный щит семикожный
Глыбой в средину ударил; взревела вся медь щитовая.
Быстро Аякс подхватил несравненно огромнейший камень;
Ринул его, размахав, и, напрягши безмерную силу,
В щит угодил и насквозь проломил его камнем жерновным,
Ранил колена врагу: на хребет опрокинулся Гектор,
Сверху натиснут щитом; но незапно воздвиг Приамида
Феб; и тогда рукопашно мечами б они изрубились,
Если б к героям глашатаи, вестники бога и смертных,
Вдруг не предстали — один от троян, а другой от ахеян,
Вестник Идей и Талфибий, мужи разумные оба.
Между героями скиптры они протянули, и рек им
Вестник троянский, Идей, исполненный мудрых советов:
«Кончите, дети любезные, кончите брань и сраженье:
Оба равно вы любезны гонителю облаков Зевсу;
Оба храбрейшие воины: в том убедилися все мы.
Но приближается ночь; покориться и ночи приятно».

Быстро к нему обратясь, отвечал Теламонид великий:
«Вестник, что ты произнес, повели произнесть Приамиду;
Он вызывал на сражение наших храбрейших героев;
Он и начни: покориться готов я, коль он пожелает».

И ему отвечал шлемоблещущий Гектор великий:
«Так, Теламонид, тебе и великость, и силу, и разум
Бог даровал; меж ахеями ты копьеборец славнейший.

Кончим на нынешний день и борьбу и сраженье наше!
После сойдемся и будем сражаться, пока уже демон
Нас не разлучит, из двух одному даровавши победу.
Ныне приближилась ночь; покориться и ночи приятно.
Шествуй — и пред кораблями всех аргивян ты обрадуй,
Более ж других любезных и ближних, каких ты имеешь;
Я же в Приамовом граде великом обрадую, в Трое,
Сердце троян и длинные ризы влачащих троянок,
Кои молиться о мне соберутся в божественном храме.
Сын Теламонов! почтим мы друг друга дарами на память.
Некогда пусть говорят и Троады сыны и Эллады:
Бились герои, пылая враждой, пожирающей сердце;
Но разлучились они, примиренные дружбой взаимной».

Гектор, слово окончивши, меч подает среброгвоздный
Вместе с ножнами его и красивым ремнем перевесным;
Сын Теламона вручает блистающий пурпуром пояс.

Так разлучася, герои — один к ополченьям ахейским
Шествовал, к сонмам троянским другой поспешал; и трояне,
Радуясь сердцем, смотрели, что шествует здрав и безвреден
Гектор, Аяксовой силы и рук необорных избегший;
В град повели Приамида не ждавшие видеть живого.
Так и Аякса красивопоножные мужи данаи
К сыну Атрея вели, восхищенного славой победы.

Им собравшимся в кущах владыки народов Атрида,
Ради пришедших, тельца пятилетнего царь Агамемнон
Тучного жертвой заклал всемогущему Зевсу Кронниду.
Быстро его одирают, трудятся, всего рассекают,
Рубят искусно на мелкие части, пронзают рожнами,
Жарят на них осторожно и, всё уготовив, снимают.
Скоро окончился труд, и немедленно пир уготован:
Все пировали, никто не нуждался на пиршестве общем;
Но Аякса героя особо хребтом бесконечным
Сам Агамемнон почтил, повелитель ахеян державный.
И когда питием и пищею глад утолили,
Старец в собрании первый слагать размышленья начал,
Нестор, который и прежде блистал превосходством советов;
Он, благомысленный, так говорил и советовал в сонме:
«Царь Агамемнон и вы, воеводы народов данайских!
Много уже на боях полегло кудреглавых данаев,
Коих черную кровь по брегам пышноструйного Ксанфа

Бурный Арей разлиял, и в Аид погрузились их души.
Должно с зарею, Атрид, прекратить ратоборство данаев.
Мы же, поднявшися дружно, свезем с побоища трупы
В стан на волах и на месках и все совокупно сожжем их,
Одаль судов мореходных: да кости отцовские детям
Каждый в дом понесет, возвращаяся в землю родную.
После, на месте сожженья, собравшись, насыплем могилу,
Общую всем на долине, а подле построим немедля
Стену и башни высокие, нам и судам оборону.
В оных устроим ворота и крепко сплоченные створы,
Путь бы чрез оные был колесницам и коням просторный.
Подле стены той, снаружи, ров ископаем глубокий;
Пусть он, идущий кругом, воспящает и конных и пеших,
Чтоб когда-либо рать не нагрянула гордых пергамлян».

Так говорил он; совет одобряя, цари восклицали.
Мужи троянские также совет, на вершине Пергама,
Смутный и шумный держали, пред домом Приама владыки.
Первый на нем Антенор совещать благомысленный начал:
«Трои сыны, и дарданцы, и вы, о союзники наши!
Слух преклоните, скажу я, что в персях мне сердце внушает:
Ныне решимся: Елену Аргивскую вместе с богатством
Выдадим сильным Атридам; нарушивши клятвы святые,
Мы вероломно воюем; за то и добра никакого
Нам, я уверен, не выйдет, пока не исполним, как рек я».

Так произнесши, воссел Антенор; и восстал между ними
Богу подобный Парис, супруг лепокудрой Елены;
Он Антенору в ответ устремляет крылатые речи:
«Ты, Антенор, говоришь неугодное мне совершенно!
Мог ты совет и другой, благотворнейший всем нам, примыслить!
Если же то, что сказал, произнес ты от чистого сердца,
Разум твой, без сомнения, боги похитили сами!
Я меж троян, укротителей коней, поведаю мысли,
И скажу я им прямо: Елены не выдам, супруги!
Что до сокровищ, которые в дом я из Аргоса вывез,
Все соглашаюся выдать и собственных к оным прибавить».

Так произнес и воссел Приамид; и восстал между ними
Древний Приам Дарданид, советник, равный бессмертным.
Он, благомыслия полный, советовал так на соборе:
«Трои сыны, и дарданцы, и вы, о союзники наши!

Слух приклоните, скажу я, что в персях мне сердце внушает:
Ныне вы, дети мои, вечеряйте во граде, как прежде;
Помните стражу ночную и бодрствуйте каждый на страже.
Завтра же вестник Идей да пойдет к кораблям мореходным,
Мощным Атрея сынам, Агамемнону и Менелаю,
Думу поведать Париса, от коего распря восстала.
Он и сию им измолвит разумную речь: не хотят ли
Мало почить от погибельной брани, доколе убитых
Трупы сожжем; и заратуем снова, пока уже демон
Нас не разлучит, одним иль другим даровавши победу».

Так говорил,— и, внимательно слушая, все покорились.
Рати троянские вместе, толпа близ толпы, вечеряли.
Рано утром Идей отошел к кораблям мореходным
И обрел уж на сонме данаев, клевретов Арея,
Подле кормы корабельной царя Агамемнона. Вестник
Стал посреди воевод и вещал им голосом звучным:
«Царь Агамемнон и вы, предводители ратей ахейских!
Царь мне Приам повелел и другие сановники Трои
Думу поведать, когда то желательно вам и приятно,
Сына его Александра, от коего распря восстала:
Те из сокровищ, которые он в кораблях многоместных
В Трою из Аргоса вывез (о, лучше б он прежде погибнул!),
Хочет все возвратить и собственных к оным прибавить;
Но супругу младую Атрида царя, Менелая,
Выдать Парис отрекается, как ни склоняли трояне.
Слово еще и сие повелели сказать: не хотите ль
Вы опочить от погибельной брани, доколе убитых
Трупы сожжем; и заратуем снова, пока уже демон
Нас не разлучит, одним иль другим даровавши победу».

Рек,— и молчанье глубокое все аргивяне хранили.
Но меж них взговорил Диомед, воеватель могучий:
«Нет, да никто между нас не приемлет сокровищ Париса,
Даже Елены! Понятно уже и тому, кто бессмыслен,
Что над градом троянским грянуть готова погибель!»

Так произнес,— и воскликнули окрест ахейские мужи,
Все удивляясь речам Диомеда, смирителя коней.
И тогда ко Идею вещал Агамемнон державный:
«Слышишь ты сам, провозвестник троянский, речи ахеян:

Так отвечают ахеяне, так я и сам помышляю.
Что до сожжения мертвых, нисколько тому не противлюсь.
Долг — ничего не щадить для окончивших дни человеков,
И умерших немедленно должно огнем успокоить.
Зевс да услышит обет мой, Геры супруг громоносный!»

Так произнес — и горé небожителям поднял он скипетр;
И обратно Идей отошел к Илиону святому.
Тою порою сидели на сонме трояне, дардане,
Все совокупно: они ожидали, когда возвратится
Вестник почтенный. Идей возвратился и, став посреди их,
Весть произнес; и, поднявшись, трояне готовились быстро,—
Те привозить мертвецов, а другие — древа из дубравы.
Сонмы ахеян равно от судов многовеслых спешили,—
Те привозить мертвецов, а другие — древа из дубравы.

Солнце лучами новыми чуть поразило долины,
Вышед из тихокатящихся волн Океана глубоких
В путь свой небесный, как оба народа встретились в поле.
Трудно им было узнать на побоище каждого мужа:
Только водой омывая покрытых и кровью и прахом,
Клали тела на возы, проливая горючие слезы;
Громко рыдать Приам запрещал им: трояне безмолвно
Мертвых своих на костер полагали, печальные сердцем,
И, предав их огню, возвратилися к Трое священной.
Так и с другой стороны меднолатные мужи ахейцы
Мертвых своих на костер полагали, печальные сердцем,
И, предав их огню, возвращались к судам мореходным.

Не было утро еще, но седели уж сумраки ночи,
И на труд поднялися ахеян отборные мужи.
Там, где тела сожигали, насыпали дружно могилу,
Общую всем на долине; близ оной воздвигнули стену,
Башни высокие, воинству их и судам оборону;
В них сотворили ворота и крепко сплоченные створы,
Путь бы чрез оные был колесницам и коням просторный.
Подле стены той, снаружи, ров ископали великий,
Всюду широкий, глубокий, и колья по нем водрузили.
Так подвизалися там кудреглавые мужи ахейцы.

Боги меж тем, восседя у Кронида, метателя молний,
Все изумлялися, видя великое дело ахеян.

В сонме их начал вещать Посейдаон, земли колебатель:
«Зевс громовержец, какой человек на земле беспредельной
Ныне богам исповедает волю свою или помысл?
Или не видишь ты, в ночь кудреглавые мужи ахейцы
Создали стену своим кораблям и пред нею глубокий
Вывели ров, а бессмертным от них возданы ль гекатомбы?
Слава о ней распространится, где только Денница сияет;
Но забудут об оной, которую я с Аполлоном
Около града царю Лаомедону создал, томяся!»

Гневно вздохнув, отвечал Посейдаону Зевс тучеводец:
«Бог многомощный, землею колеблющий, что ты вещаешь?
Пусть от бессмертных другой устрашается замыслов равных,
Кто пред тобою далёко слабее и силой и духом!
Слава твоя распространится, где только Денница сияет.
Верь и дерзай: и когда кудреглавые мужи ахейцы
В быстрых судах понесутся к любезным отечества землям,
Стену сломи их и, всю с основания в море обрушив,
Изнова берег великий покрой ты песками морскими,
Да и след потребится огромной стены сей ахейской».

Так взаимно бессмертные между собою вещали.
Солнце зашло, и свершилось великое дело ахеян.
В кущах они закалали тельцов, вечерять собирались.
Тою порой корабли, нагруженные винами Лемна,
Многие к брегу пристали: Эвней Ясонид послал их,
Сын Ипсипилы, рожденный с Ясоном, владыкой народа.
Двум Атрейонам, царю Агамемнону и Менелаю,
Тысячу мер, как подарок, напитка прислал Ясонион.
Прочие мужи ахейские меной вино покупали:
Те за звенящую медь, за седое железо меняли,
Те за воловые кожи или за волов круторогих,
Те за своих полоненных. И пир уготовлен веселый.
Целую ночь кудреглавые мужи ахейцы по стану
Вкруг пировали, а Трои сыны и союзники — в граде.
Целую ночь им беды совещал олимпийский провидец,
Грозно гремящий,— и страх находил на пирующих бледный:
Мужи вино проливали из кубков; не смел ни единый
Пить, не возлив наперед всемогущему Кронову сыну.
Все наконец возлегли и дарами сна насладились.

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

СОБРАНИЕ БОГОВ. ПРЕРВАННАЯ БИТВА

В ризе златистой Заря простиралась над всею землею,
Как богов на собор призвал молнелюбец Кронион;
И, на высшей главе многохолмного сидя Олимпа,
Сам он вещал; а бессмертные окрест безмолвно внимали.
«Слушайте слово мое, и боги небес, и богини:
Я вам поведаю, что мне в персях сердце внушает;
И никто от богинь, и никто от богов да не мыслит
Слово мое ниспровергнуть; покорные все совокупно
Мне споспешайте, да я беспрепятственно дело исполню!
Кто ж из бессмертных мятежно захочет, и я то узнаю,
С неба сойти, пособлять илионянам или данаям,
Тот, пораженный позорно, страдать на Олимп возвратится!
Или восхичу его и низвергну я в сумрачный Тартар,
В пропасть далекую, где под землей глубочайшая бездна:
Где и медяный помост, и ворота железные, Тартар,
Столько далекий от ада, как светлое небо от дола!
Там он почувствует, сколько могучее всех я бессмертных!
Или дерзайте, изведайте, боги, да все убедитесь:
Цепь золотую теперь же спустив от высокого неба,
Все до последнего бога и все до последней богини
Свесьтесь по ней; но совлечь не возможете с неба на землю
Зевса, строителя вышнего, сколько бы вы ни трудились!
Если же я, рассудивши за благо, повлечь возжелаю,—
С самой землею и с самым морем ее повлеку я
И моею десницею окрест вершины Олимпа
Цепь обовью; и вселенная вся на высоких повиснет —
Столько превыше богов и столько превыше я смертных!»

Так он вещал,— и молчанье глубокое боги хранили,
Все пораженные речью: ужасно грозен вещал он;
Но наконец светлоокая так возгласила Афина:
«О всемогущий отец наш, Кронион, верховный владыко!
Ведаем мы совершенно, что сила твоя необорна;
Но милосердуем мы об ахеянах, доблестных воях,
Кои, судьбу их жестокую скоро исполнив, погибнут.
Все мы, однако, от брани воздержимся, если велишь ты;
Мы лишь советы внушим аргивянам, да храбрые мужи
В Трое погибнут не все под твоим сокрушительным гневом».

Ей, улыбаясь, ответствовал тучегонитель Кронион:
«Бодрствуй, Тритония, милая дочь! не с намереньем в сердце
Я говорю, и с тобою милостив быть я желаю».

Так произнес он — и впряг в колесницу коней медноногих,
Бурно летающих, гривы волнующих вкруг золотые;
Золотом сам он одеялся; в руку художеством дивный
Бич захватил золотой и на блещущей стал колеснице;
Коней погнал,— и послушные быстро они полетели,
Между землею паря и звездами усеянным небом.
Он устремлял их на Иду, зверей многоводную матерь,
К Гаргару холму, где роща его и алтарь благовонный.
Там коней удержал повелитель бессмертных и смертных
И, от ярма отрешив, окружил их мраком великим.
Сам на вершине Идейской воссел, величаяся славой,
Град созерцая троян и суда меднобронных данаев.

Тою порой укрепилися снедью ахейские мужи,
Быстро по кущам и в битву оружием все покрывались.
Трои сыны на другой стороне ополчались по граду,
В меньшем числе, но и так готовые крепко сражаться,
Нуждой влекомые кровной, сражаться за жен и детей их.
Все растворились ворота; из оных зареяли рати
Конные, пешие; шум между толп их воздвигся ужасный.

Рати, на место одно устремляяся, быстро сошлися;
Разом сразилися кожи, сразилися копья и силы
Воинов, медью одеянных; выпуклобляшные разом
Сшиблись щиты со щитами; гром поднялся ужасный.
Вместе смешались победные крики и смертные стоны
Воев губящих и гибнущих; кровью земля заструилась.

Долго, как длилося утро и день возрастал светоносный,
Стрелы и тех и других поражали — и падали вои.
Но, лишь сияющий Гелиос стал на средине небесной,
Зевс распростер, промыслитель, весы золотые; на них он
Бросил два жребия Смерти, в сон погружающей долгий:
Жребий троян конеборных и медноружных данаев;
Взял посредине и поднял: данайских сынов преклонился
День роковой, данайских сынов до земли многоплодной
Жребий спустился, троян же до звездного неба вознесся.

Страшно грянул от Иды Кронид и перун, по лазури,
Пламенный бросил в ахейские рати; ахейцы, увидя,

Все призамялись, покрылися лица их ужасом бледным.
Идоменей оставаться не смел, ни Атрид Агамемнон;
Ни Аяксы вожди не остались, клевреты Арея.
Нестор один средь побоища, страж аргивян, оставался
Волей недоброю: конь пострадал, пораженный стрелою.
Ранил его Александр, супруг лепокудрой Елены,
В голову, в самое темя, где первые волосы коней
Идут от черепа к вые: опасное место; от боли
Конь заскакал на дыбы: пернатая в мозг погрузилась.
Коней смутил и других он, крутяся вкруг пагубной меди.
Тою порою, как старец, к коню пораженному бросясь,
Припряжь отсечь напрягается, Гектора быстрые кони
Скачут сквозь волны бегущих, отважного мча властелина,
Гектора! Тут бы старец жизнь погубил неизбежно,
Если б его не узрел Диомед, воеватель могучий.
Страшно воскликнул герой, призывая царя Одиссея:
«Сын благородный Лаэрта, герой Одиссей многоумный!
Что ты бежишь, обращая хребет, как в толпе малодушный?
Пику тебе, берегися, вонзят бегущему в плечи.
Стань, Одиссей, отразим мы от старца свирепого мужа».

Рек; не услышал его Одиссей, благородный страдалец;
Мимо промчался, бежа к кораблям многоместным ахейским.
Но Диомед, и один оставаясь, вперед устремился;
Стал перед конским ярмом геренского старца Нелида
И к нему взговорил, устремляя крылатые речи:
«Старец, жестоко тебя ратоборцы младые стесняют!
Сила оставила, старость тебя удручила лихая;
Немощен твой и возница, и кони твои не проворны.
Шествуй ко мне, взойди на мою колесницу; увидишь,
Троса кони каковы, несказанно искусные в поле
Быстро летать и туда и сюда, и в погоне и в бегстве.
Я их вчера у Энея отбил, разносителя бегства.
Вверь ты своих попеченью сподвижников, сих же с тобою
Мы устремим на троян конеборных, да ныне и Гектор
Узрит, в руке и моей способна ль свирепствовать пика!»

Так произнес; не преслушался Нестор, конник геренский;
Старца приняв кобылиц, озаботились ими клевреты,
Сильные двое, Сфенел с Эвримедоном славолюбивым.
Сами вожди совокупно вошли в колесницу Тидида;
Нестор немедленно в руки приял блестящие вожжи,
Коней стегнул, и пред Гектором быстро они очутились.

В Гектора, прямо летящего, дрот Диомед устремляет;
И в него не попал; но его браздодержца-клеврета,
Сына Фебея почтенного, смелого Эниопея,
Коней браздами гонящего, в грудь поражает у сердца:
В прах с колесницы он пал, и отпрянули в сторону кони
Бурные; там сокрушилась его и душа и могучесть.
Гектору сердце стеснила жестокая скорбь о вознице;
Но его наконец, невзирая на жалость о друге,
Бросил и смелого окрест возницы искал; и не долго
Кони нуждались в правителе; скоро достойный явился:
Архептолем, Ифитид бесстрашный; ему он на коней
Быстрых взойти повелел и бразды к управлению вверил.

Сеча была б, совершилось бы невозвратимое дело,
В граде своем заключились бы, словно как овцы, трояне;
Но увидел то быстро отец и бессмертных и смертных.
Он, загремевши ужасно, перун сребропламенный бросил
И на землю его, пред конями Тидида, повергнул:
Страшным пламенем вверх воспаленная пыхнула сера;
Кони от ужаса, прянув назад, под ярмом задрожали;
Пышные коней бразды убежали из старцевых дланей;
С сердцем трепещущим он провещал к Диомеду герою:
«Друг Диомед, оборачивай к бегству коней быстроногих.
Или не чувствуешь ты, не тебе от Кронида победа!
Ныне его на бою громомещущий Зевс прославляет,
Гектора; после, быть может, когда возжелает, дарует
Славу и нам. Человек не преложит советов Зевеса,
Сколько бы ни был он силен: могучее он, громовержец!»

Но ему отвечал Диомед, знаменитый воитель:
«Всё справедливо и всё ты разумно, старец, вещаешь;
Но болезнь мне жестокая сердце и душу проходит!
Гектор некогда скажет, пред сонмом троян велереча:
— Вождь Диомед от меня к кораблям убежал, устрашенный.—
Скажет хвалясь, и тогда расступися, земля, подо мною!»

Вновь Диомеду ответствовал Нестор, конник геренский:
«Сын брапоносца Тидея, бестрепетный, что ты вещаешь?
Если бы Гектор тебя и робким назвал и бессильным,
Веры ему не дадут ни дардане, ни граждане Трои;
Веры ему не дадут и супруги троян щитоносцев,
Коих супругов цветущих толпы распростер ты по праху».

Так говоря, обратил он на бегство коней звуконогих
Рати бегущей в толпу; и на них и трояне и Гектор,
Страшные крики подняв, задождили свистящие стрелы.
Голосом звучным кричал ему вслед шлемоблещущий Гектор:
«О Диомед! перед всеми тебя почитали данаи
Местом, и брашном, и полными кубками в пиршествах общих;
Впредь не почтут: пред всех их женщиной ты оказался!
Сгибни, презренная дева! скорей, чем меня отразивши,
На стены наши взойдешь или наших супруг похищенных
В плен повлечешь ты, скорее тебя я к демону свергну!»

Так восклицал; а Тидид волновался в сомнительных думах:
Вспять обратить ли коней и сразиться ли противуставши?
Трижды на думу сию и умом он и сердцем решался;
Трижды с идейского Гаргара грозно гремел промыслитель
Зевс, возвещая троянам победу сомнительной битвы.
Гектор же снова троян возбуждал, восклицающий звучно:
«Тропы сыны, и ликийцы, и вы, рукопашцы дарданцы!
Будьте мужами, о други, помните бурную доблесть!
Чувствую, мне благосклонный Кронид знаменает сим громом
В брани победу и славу, ахейцам же срам и погибель!
Мужи-безумцы, они в оборону примыслили стены,
Слабые, храбрым презренные, силам моим не преграда!
Кони же наши легко чрез ископанный ров перепрянут.
Но когда я приближусь к аргивским судам мореходным,
Помните, други! с огнем вы пылающим будьте готовы.
Пламенем я истреблю их суда и самих пред судами
Всех изобью аргивян, удушаемых дымом пожарным!»

Так произнесши, к коням обратился и к ним говорил он:
«Ксанф, и Подарг, и божественный Ламп, и могучий мой Эфон!
Ныне, о кони, вы мне заплатите за корм свой роскошный:
Часто моя Андромаха, почтенная дочь Этиона,
Первым вам предлагала пшеницу приятную в пищу,
Вам растворяла вино к питию, до желания сердца,
Прежде меня, для нее драгоценного мужа младого!
Мчитеся ж, кони, летите; настигнем врагов и похитим
Несторов щит, о котором слава до неба восходит,
Будто из золота весь он — и круг, и его рукояти;
И с рамен Диомеда, смирителя коней, добудем
Пышные, дивные латы, Гефеста бессмертного дело!
Если похитим мы их, несомненно уверен, ахейцы
В эту же ночь на суда быстролетные бросятся к бегству!»

Так возносясь, восклицал он; прогневалась мощная Гера,
Восколебалась на троне, и дрогнул Олимп многохолмный.
Быстро вещала она к Посейдону, великому богу:
«Бог многомощный, колеблющий землю! ужели нисколько
Сердце твое не страдает о гибнущих храбрых данаях!
Тех, что и в Эге тебе, и в Гелике столько приятных
Жертв и даров посвящают? споспешествуй им ты в победе!
Если б и все, аргивян покровители, мы возжелали,
Трои сынов отразив, обуздать громоносного Зевса,
Скоро бы он сокрушился, сидя одинокий на Иде!»

Ей, негодуя, ответствовал мощный земли колебатель:
«О дерзословная Гера! какие ты речи вещаешь?
Нет, не желаю отнюдь, чтобы кто-либо смел от бессмертных
С Зевсом Кронидом сражаться; могуществом всех он превыше!»

Так на Олимпе бессмертные между собою вещали.
Тою порой от судов, между рвом и стеною, пространство
Всё наполнено было и коней и воев толпами
Страшно теснимых данаев: теснил их, подобно Арею,
Гектор могучий, когда даровал ему славу Кронион.
Он истребил бы свирепым огнем и суда их у моря,
Если бы Гера царю Агамемнону в мысль не вложила
Быстро народ возбудить, хоть и сам он об оном же пекся:
Он устремился стопами широкими к стану ахеян,
Мощной рукою держа великий свой плащ пурпуровый.
Стал Агамемнон на черный, огромный корабль Одиссея,
Бывший в средине, да голос его обоюдно услышат
В кущах конечных Аякса и в кущах царя Ахиллеса,
Кои на самых концах с многовеслыми их кораблями
Стали, надежные оба на силу их рук и на храбрость.
Там, поразительным голосом, он вопиял к аргивянам:
«Стыд, аргивяне! отродье презренное, дивные видом!
Где похвальбы, как храбрейшими сами себя величали,
Те, что на Лемне, тщеславные, громко вы произносили?
Там на пирах, поедая рогатых волов неисчетных,
Чаши до дна выпивая, вином через край налитые,
На сто, на двести троян, говорили вы, каждый из наших
Станет смело на бой! а теперь одного мы не стоим
Гектора! Он к кораблям приближается с пламенем бурным!
Зевс Олимпийский, кого на земле от царей многомощных
Равной ты карой карал и толикой лишал его славы?
Я же, о Зевс, миновал ли когда твой алтарь велелепный,

В черном моем корабле сюда на несчастие плывший?
Нет, на всех возжигал я тельчие туки и бедра,
Сердцем пылая разрушить высокотвердынную Трою.
Ныне, о Зевс, хоть одно для меня ты исполни желанье.
Дай хотя нам ты самим от врагов пзбежать и спастпся;
Здесь не предай на погибель сынам Илиона ахеян!»

Рек; умилился отец над царем, проливающим слезы;
Знаменье дал, да спасется аргивский народ, не погибнет:
Быстро орла ниспослал, между вещих вернейшую птицу.
Мчащий в когтях он еленя, рождение быстрыя лани,
Близ алтаря велелепного Зевсова бросил еленя.
Где племена аргивян поклонялись всевещему Зевсу.
Чуть усмотрели они, что от Зевса явилася птица,
Жарче на рати троянские бросились, вспыхнули боем.

Но не успел ни один, сколь ни много данаев тут было,
Славиться прежде Тидида, что, бурных коней устремивши,
Выгнал за ров, на противных ударил и смело сразился.
Первый из всех он троянского мужа, доспешника, свергнул,
Фрадмона ветвь, Агелая; тогда, как троянец на бегство
Коней ворочал, ему, обращенному, острую пику
Он между плеч углубил и сквозь перси кровавую выгнал:
Пал с колесницы он в прах, и взгремели на падшем доспехи.
После Тидида, Атриды цари устремился оба;
Вслед их Аяксы вожди, облеченные бурною силой,
Идоменей Девкалид и его сподвижник ужасный,
Вождь Мерион, Эниалию равный, губителю смертных;
После герой Эврипил, препрославленный сын Эвемона.
Тевкр же, девятым исшед, наляцатель жестокого лука,
Стал под великим щитом Теламонова сына Аякса.
Часто Аякс отсторанивал щит; а стрелец знаменитый,
Вкруг осмотревши и метко стрельнувши в толпу сопротивных,
Ранил кого-либо; раненый, пав, расставался с душою;
Тевкр же бросался назад, и, как к матери сын, приникал он
К брату Аяксу, и сильный щитом покрывал его светлым.

Кто ж меж троянами первый сражен Теламонидом Тевкром?
Первый Орсилох, за ним Офелест и воинственный Ормен,
Детор и Хромий и муж Ликофонт, небожителю равный,
Гамопаон, Полиемонов сын и могучий Меланипп:
Сих, одного за другим, положил он на тучную землю.

Тевкра увидев, восхитился духом Атрид Агамемнон,
Как он из крепкого лука троян истребляет фаланги;
Быстро приближился, стал и к нему, восхищенный, воскликнул:
«Тевкр, удалая глава! предводитель мужей, Теламонид!
Так поражай и успеешь, и светом ахейцам ты будешь,
Славой отцу Теламону: тебя возлелеял он с детства
И, побочного сына, воспитывал в собственном доме:
Старца, хотя и далекого, славой возвысь благородной!
Я же тебе говорю, и исполнено слово то будет:
Ежели даруют мне громовержущий Зевс и Афина
Град разорить, устроением пышную Трою Приама,—
Первому после меня тебе вручу я награду:
Или треножник сияющий, или коней с колесницей,
Или младую жену, да с тобою восходит на ложе».

Рек он,— и быстро Атриду ответствовал Тевкр непорочный:
«Сын знаменитый Атреев, почто, как и сам я стараюсь,
Ты побуждаешь меня? Ни на миг я, покуда есть сила,
Празден не буду; с тех пор, как троян отразили мы к граду,
С тех уже пор я стрелами, врагов принимая, сражаю.
Восемь уже я послал изощреннейших стрел долгожалых;
Восемь вонзились они в благороднейших юношей ратных;
Только сего не дается свирепого пса мне уметить!»

Так произнес,— и пернатою новой из лука он прыснул,
В Гектора метя; его поразить разгоралось в нем сердце,
И в него не попал; но невинного Горгифиона,
Храброго сына Приамова, в грудь поразил он стрелою,
Сына, который рожден от жены, из Эзимы поятой,
Кастианиры прекрасной, видом богине подобной.
Словно как мак в цветнике наклоняет голову набок,
Пышный, плодом отягченный и крупною влагой весенней,—
Так он голову набок склонил, отягченную шлемом.

Тевкр же пернатою новой из лука могучего прыснул,
В Гектора метя; его поразить распылалось в нем сердце,
И не уметил опять: Аполлон отразил роковую;
Архептолема она, Приамидова друга-возницу,
Пламенно в бой устремлявшегось, острая, в грудь поразила:
В прах с колесницы он пал, и отпрянули в сторону кони
Бурные; там сокрушилась его и душа и могучесть.
Тяжкая грусть по вознице у Гектора сердце стеснила;

Но оставил его, невзирая на жалость о друге;
Брату герой повелел, Кебриону, стоящему близко,
Конские вожжи принять, и немедленно тот покорился.
Гектор же сам с колесницы сияющей прянул на землю
С криком ужасным и, камень рукою восхитив огромный,
Рванулся прямо на Тевкра, убить стреловержца пылая.
Тою порой из колчана пернатую горькую вынув,
Тевкр приложил к тетиве,— и его шлемоблещущий Гектор,
Лук наляцавшего крепкий, по раму, где ключ отделяет
Выю от персей и где особливо опасное место,—
Там, на себя устремленного, камнем ударил жестоким,
Жилу рассек у стрельца; онемела рука возле кисти,
Он на колено поникнул, и лук из руки его выпал.
Сын Теламонов, Аякс, не оставил падшего брата;
Быстро примчась, заступил и щитом заградил круговидным.
Тою порой, под него преклоняся, усердные други,
Ехиев сын, Мекистей, и младой благородный Аластор,
К черным его кораблям понесли, стенящего тяжко.

Снова храбрость троян Олимпиец Кронион возвысил;
Прямо к глубокому рву трояне погнали ахеян;
Гектор вперед между первыми несся, могучестью гордый.
Словно как пес быстрорыщущий льва или дикого вепря,
Следом гоня и на резвые ноги надеяся, ловит
То за бока, то за бедра и все стережет извороты,—
Так шлемоблещущий Гектор данаев гнал, непрестанно
Мужа последнего пикой сражая: бежали данаи.
Но когда перешли частокол и окоп свой глубокий,
В смуте бежа, и от рук уже вражеских многие пали,—
Подле судов удержались от бегства ахейские мужи.
Там, ободряя друг друга и руки горé воздевая,
Всех олимпийских богов умоляли мольбой громогласной.
Гектор же грозный носился кругом на конях пышногривых,
Взором подобный Горгоне и людоубийце Арею.

Так их увидев, исполнилась жалости Гера богиня
И мгновенно к Палладе крылатую речь устремила:
«Дщерь громовержца Кронида, Паллада! ужели данаям,
Гибнущим горестно, мы хоть в последний раз не поможем?
Верно, жестокий свой жребий они совершат и погибнут
Все под рукой одного; нестерпимо над ними свирепство
Гектора, сына Приамова: сколько он зла им соделал!»

Ей отвечала немедленно дочь громовержца Афина:
«И давно бы уж он и свирепство и душу извергнул,
Здесь, на родимой земле, сокрушенный руками данаев,
Если б отец мой, Кронид, не свирепствовал мрачной душою.
Лютый, всегда неправдивый, моих предприятий рушитель,
Он никогда не воспомнит, что несколько раз я спасала
Сына его, Эврисфеем томимого в подвигах тяжких.
Там он вопил к небесам, и меня от высокого неба
Сыну его помогать ниспослал Олимпиец Кронион.
Если б я прежде умом проницательным то предузнала,
В дни, как его Эврисфей посылал во Аид крепковратный
Пса увести из Эреба, от страшного бога Аида,—
Он не избегнул бы гибельных вод глубокого Стикса.
Ныне меня ненавидит и волю Фетиды свершает:
Ноги лобзала ему и касалась брады Нереида,
Слезно моля, да прославит он ей градоборца Пелида.
Будет, когда он опять назовет и Афину любезной!
Гера, не медли, впряги в колесницу коней звуконогих;
Я между тем поспешаю в чертоги отца Эгиоха:
Там я оружием грозным на бой ополчусь и увижу,
Нам Приамид сей надменный, шеломом сверкающий Гектор
Будет ли рад, как мы явимся обе на битвенном поле?
О! не один и троянец насытит псов и пернатых
Телом и туком своим, распростряся пред судами ахеян!»

Так изрекла; преклонилась лилейнораменная Гера:
Бросясь и быстро носясь, снаряжала коней златосбруйных
Гера, богиня старейшая, отрасль великого Крона.
Тою порой Афина в чертоге отца Эгиоха
Тонкий покров разрешила, струей на помост он скатился,
Пышноузорный, который сама, сотворив, украшала;
Вместо его облачася броней громоносного Зевса,
Бранным доспехом она ополчалася к брани плачевной;
Так в колеснице пламенной став, копием ополчилась
Тяжким, огромным, могучим, которым ряды сокрушает
Сильных, на коих разгневана дщерь всемогущего бога.
Гера немедля с бичом налегла на коней быстролетных;
С громом врата им небесные сами разверзлись, при Горах,
Страже которых Олимп и великое вверено небо,
Чтобы облак густой разверзть иль сомкнуть перед ними.
Оным путем, чрез сии врата подстрекаемых коней
Гнали богини. От Иды узрев их, исполнился гнева
Зевс,— и Ириду к ним устремил златокрылую с вестью:

«Мчися, Ирида крылатая, вспять возврати их, не дай им
Дальше стремиться; или не к добру мы сойдемся во брани!
Так я, реки им, вещаю и так непреложно исполню;
Коням я ноги сломлю под блестящею их колесницей;
Их с колесницы сражу и в прах сокрушу колесницу!
И ни в десять свершившихся лет круговратных богини
Язв не излечат глубоких, какие мой гром нанесет им.
Будет помнить Афина, когда на отца ополчалась!
Но против Геры не столько я злобен, не столько я гневен:
Гера обыкнула всё разрушать мне, что я ни замыслю!»

Рек он,— и бросилась вестница, равная вихрям Ирида:
Прямо с Идейских вершин на великий Олимп устремилась.
Там, при первых вратах многохолмной горы Олимпийской
Встретив богинь, удержала и Зевсов глагол возвестила:
«Что предприемлете? что ваше сердце свирепствует в персях?
Зевс воспрещает Кронид поборать кудреглавым ахейцам.
Так он грозил, громовержец, и так непреложно исполнит:
Сломит колена коням под златой колесницею вашей,
Вас с колесницы сразит и в прах сокрушит колесницу.
И ни в десять уже совершившихся лет крутовратных
Вы не излечите язв, которые гром нанесет вам.
Будешь, Афина, ты помнить, когда на отца ополчалась!
Но против Геры не столько он злобен, не столько он гневен:
Гера обыкнула всё разрушать, что Кронид ни замыслит!
Ты же, ужасная,— псица бесстыдная, ежели точно
Противу Зевса дерзаешь поднять огромную пику!»

Слово скончав, отлетела подобная вихрям Ирида.
И к Афине тогда провещала державная Гера:
«Нет, светлоокая дочь Эгиохова! Я не желаю,
Я не позволю себе против Зевса за смертных сражаться!
Пусть между ними единый живет, а другой погибает,
Как предназначено; Зевс, совещаяся с собственным сердцем,
Сам да присудит, что следует, Трои сынам и ахейцам!»

Так произнесши, назад обратила коней быстроногих.
Горы, принесшимся им, пышногривых коней отрешили,
Их привязали браздами у яслей, амброзии полных;
По колесницу богинь приклонили к стенам кругозарным.
Сами богини, притекшие вспять, между сонма бессмертных
Сели на кресла златые, с печалью глубокою в сердце.

Зевс от Иды горы, в колеснице красивоколесной,
Коней к Олимпу погнал и принесся к собору бессмертных.
Коней его отрешил Посейдон, земли колебатель,
И колесницу, покрыв полотном, на подножье поставил.
Сам на златом престоле пространногремящий Кронион
Сел,— и великий Олимп задрожал под стопами владыки.
Смутны, одни, от Зевса далёко, Афина и Гера
Вместе сидели, не смея начать ни вопроса, ни речи.
Мыслью своею проник то Кронион и сам возгласил к ним:
«Чем опечалены так и Афина и Гера богиня?
В брани, мужей прославляющей, вы подвизались не долго,
К пагубе храбрых троян, на которых пылаете злобой!
Так, у меня таковы необорные силы и руки;
Боги меня не подвигнут, колико ни есть на Олимпе!
Вам же трепет объял и сердца, и прекрасные члены
Прежде, чем брань вы узрели и грозные подвиги брани.
Паки глаголю я вам (и глаголы б мои совершились):
Вы на своей колеснице, моим пораженные громом,
Вспять никогда не пришли б на Олимп, обитель бессмертных!»

Так он вещал; негодуя, вздохнули Афина и Гера:
Вместе сидели они и троянам беды совещали.
Но Афина смолчала, не молвила, гневная, слова
Зевсу отцу; а ее волновала свирепая злоба.
Гера же гнева в груди не сдержала, воскликнула к Зевсу:
«Мрачный Кронион! какие слова ты, жестокий, вещаешь?
Ведаем мы совершенно, что сила твоя необорна;
Но милосердуем мы об ахеянах, доблестных воях,
Кои, судьбу их жестокую скоро исполнив, погибнут!
Обе, однако, от брани воздержимся, если велишь ты;
Мы лишь советы внушим аргивянам, да храбрые мужи
В Трое погибнут не все под твоим сокрушительным гневом».

К ней обратясь, возгласил воздымающий тучи Кронион:
«Завтра с Денницею ты, волоокая, грозная Гера,
Можешь, коль хочешь, увидеть, как будет Кронид многомощный
Боле еще истреблять ополченье храбрых данаев:
Ибо от брани руки не спокоит стремительный Гектор
Прежде, пока при судах не воспрянет Пелид быстроногий,
В день, как уже пред кормами их воинства будут сражаться,
В страшной столпясь тесноте, вкруг Патроклова мертвого тела.

Так суждено! и пылающий гнев твой в ничто я вменяю!
Если бы даже ты в гневе дошла до последних пределов
Суши и моря, туда, где Япет и Крон заточенный,
Сидя, ни ветром, ни светом высокоходящего солнца
Ввек насладиться не могут, кругом их Тартар глубокий!
Если б, вещаю тебе, и туда ты, скитаясь, достигла,
Гнев твой вменю ни во что, невзирая на всю твою наглость!»

Рек,— и умолкла пред Зевсом лилейнораменная Гера.
Пал между тем в Океан лучезарный пламенник солнца,
Черную ночь навлекая на многоплодящую землю.
День сокрылся противу желаний троян; но ахейцам
Сладкая, всем вожделенная, мрачная ночь наступила.

В войске троянском совет сотворил блистательный Гектор,
Вдаль от ахейских судов, к реке отошедши пучинной,
В чистое поле, где место от трупов свободное было.
Там, сошедшие с коней, трояне слушали слово.
Гектор его говорил им великий; в деснице держал он
Пику в одиннадцать локтей; далеко на пике сияло
Медное жало ее и кольцо вкруг него золотое.
Он, опираясь на пику, вещал им крылатые речи:
«Слух приклоните, трояне, дардане и рати союзных!
Я уповал, что в сей день, истребив и суда и ахеян,
Мы, торжествуя, обратно в святый Илион возвратимся.
Прежде настигнула тьма; и единая тьма сохранила
Рать аргивян и суда их на береге шумного моря.
Други, и мы покоримся настигнувшей сумрачной ночи;
Вечерю здесь учредим. Ратоборцы, коней пышногривых
Всех вы от ярм отрешивши, задайте обильно им корму;
Сами скорее из града волов и упитанных агниц
К вечере в стан пригоните; вина животворного, хлебов
Нам из домов принесите; и после совлечь поспешайте
Множество леса, да целую ночь, до Зари светоносной,
Окрест огни здесь пылают и зарево к небу восходит;
Ради того, чтоб во тьме кудреглавые мужи ахейцы
В дом не решились бежать по широким хребтам Геллеспонта
Или дабы на суда не взошли безопасно и мирно.
Нет, пускай не один и в отечестве рану врачует,
Раненный острым копьем иль крылатой стрелою троянской,
Скачущий в судно данаец; и пусть ужаснутся народы
Слезную брань наносить укротителям коней троянам!
Вестники, Зевсу любезные, вы объявите, да в граде

Бодрые отроки все и от лет убеленные старцы
Трою святую кругом стерегут с богосозданных башен;
Жены ж, слабейшие силами, каждая в собственном доме,
Яркий огонь да разводят, и крепкая стража да будет:
В град не ворвался б враждебный отряд при отсутствии воинств.
Так да будет, как я говорю, брапоносцы трояне!
Мысли, народу сегодня полезные, сказаны мною;
Завтра другие троянам, смирителям коней, скажу я.
Льщуся, молясь и надеясь на Зевса и прочих бессмертных,
Я изгоню из Троады неистовых псов навожденных,
Коих судьба лихая на черных судах привела к нам.
Но во мраке ночном охраним и себя мы во стане;
Завтра же, с светом Зари, ополчася оружием бранным,
Мы пред судами ахеян воздвигнем свирепую жесточь.
Там я увижу, меня ль Диомед, воеватель могучий,
Боем к стенам от судов отразит или я, Диомеда
Медью убив, в Илион возвращуся с корыстью кровавой.
Завтра пред нами покажет он мужество, если посмеет
Встретить летящий мой дрот; но, надеюся, завтра меж первых
Будет пронзенный лежать, с неисчетными окрест друзьями,
Он перед солнцем всходящим. О! если бы столько же верно
Был я бессмертен и жизнью моей никогда не стареющ
Славился всеми, как славятся Феб и Паллада Афина,—
Сколько то верно, что день сей несет аргивянам погибель!»

Так Приамид говорил,— и кругом восклицали трояне;
Быстрых коней отрешали, под ярмами потом покрытых,
И, пред своей колесницею каждый, вязали браздами.
После из града и тучных волов, и упитанных агниц
К рати поспешно пригнали, вина животворного, хлебов
В стан принесли из домов, навлачили множество леса
И сожигали полные в жертву богам гекатомбы.
Их благовонные ветры с земли до небес возносили
Облаком дыма; но боги блаженные жертв не приняли,
Презрели их; ненавистна была им священная Троя,
И владыка Приам, и народ копьеносца Приама.

Гордо мечтая, трояне на поприще бранном сидели
Целую ночь; и огни их несчетные в поле пылали.
Словно как на небе около месяца ясного сонмом
Кажутся звезды прекрасные, ежели воздух безветрен;
Все кругом открывается — холмы, высокие горы,

Долы; небесный эфир разверзается весь беспредельный;
Видны все звезды; и пастырь, дивуясь, душой веселится,—
Столько меж черных судов и глубокопучинного Ксанфа
Зрелось огней троянских, пылающих пред Илионом.
Тысяча в поле горело огней, и пред каждым огнищем
Вкруг пятьдесят ратоборцев сидело при зареве ярком.
Кони их, белым ячменем и сладкой питаяся полбой,
Подле своих колесниц ожидали Зари лепотронной.

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

ПОСОЛЬСТВО

Так охраняли трояне свой стан; но ахеян волнует
Ужас, свыше ниспосланный, бегства дрожащего спутник;
Грусть нестерпимая самых отважнейших дух поражает.
Словно два быстрые ветра волнуют понт многорыбный,
Шумный Борей и Зефир, кои, из Фракии дуя,
Вдруг налетают, свирепые; вдруг почерневшие зыби
Грозно холмятся и множество пороста хлещут из моря,—
Так раздиралися души в груди благородных данаев.

Царь Агамемнон, печалью глубокою в сердце пронзенный,
Окрест ходил, рассылая глашатаев звонкоголосых
К сонму вождей приглашать, но по имени каждого мужа,
Тихо, без клича, и сам между первых владыка трудился.
Мужи совета сидели унылые. Царь Агамемнон
Встал, проливающий слезы, как горный поток черноводный
С верху стремнистой скалы проливает мрачные воды.
Он, глубоко стенающий, так говорил меж данаев:
«Други, вожди и властители мудрые храбрых данаев,
Зевс громовержец меня уловил в неизбежную гибель!
Пагубный! прежде обетом и знаменьем сам предназначил
Мне возвратиться рушителем Трои высокотвердынной;
Ныне же злое прельщение он совершил и велит мне
В Аргос бесславным бежать, погубившему столько народа!
Так, без сомнения, богу, всемощному Зевсу, угодно.
Многих уже он градов разрушил высокие главы,
И еще сокрушит: беспредельно могущество Зевса.
Други, внемлите и, что повелю я вам, все повинуйтесь:

Должно бежать; возвратимся в драгое отечество наше;
Нам не разрушить Трои, с широкими стогнами града!»

Так говорил,— и молчанье глубокое все сохраняли;
Долго сидели безмолвны, унылые духом, данаи.
Но меж них наконец взговорил Диомед благородный:
«Сын Атреев! на речи твои неразумные первый
Я возражу, как в собраньях позволено; царь, не сердися.
Храбрость мою порицал ты недавно пред ратью ахейской;
Робким меня, невоинственным ты называл; но довольно
Ведают то аргивяне — и юноша каждый и старец.
Дар лишь единый тебе даровал хитроумный Кронион:
Скипетром власти славиться дал он тебе перед всеми;
Твердости ж не дал, в которой верховная власть человека!
О добродушный! ужели ты веришь, что мы, аргивяне,
Так невоинственны, так малосильны, как ты называешь?
Ежели сам ты столь пламенно жаждешь в дом возвратиться,
Мчися! Дорога открыта, суда возле моря готовы,
Коих толикое множество ты устремил из Микены.
Но останутся здесь другие герои ахеян,
Трои пока не разрушим во прах! но когда и другие...
Пусть их бегут с кораблями к любезным отечества землям!
Я и Сфенел остаемся и будем сражаться, доколе
Трои конца не найдем; и надеюся, с богом пришли мы!»

Так произнес,— и воскликнули окрест ахейские мужи,
Смелым дивяся речам Диомеда, смирителя коней.
Но, между ними восстав, говорил благомысленный Нестор:
«Сын Тидеев, ты, как в сраженьях воин храбрейший,
Так и в советах, из сверстников юных, советник отличный.
Речи твоей не осудит никто из присущих данаев,
Слова противу не скажет; но речи к концу не довел ты.
Молод еще ты и сыном моим, без сомнения, был бы
Самым юнейшим; однако ж, Тидид, говорил ты разумно
Между аргивских царей: говорил бо ты всё справедливо.
Ныне же я, пред тобою гордящийся старостью жизни,
Слово скажу и окончу его, и никто из ахеян
Речи моей не осудит, ни сам Агамемнон державный.
Тот беззаконен, безроден, скиталец бездомный на свете,
Кто междоусобную брань, человекам ужасную, любит!
Но покоримся теперь наступающей сумрачной ночи:
Воинство пусть вечеряет; а стражи пусть совокупно
Выйдут и станут кругом у изрытого рва за стеною.

Дело сие возлагаю на юношей. После немедля
Ты начни, Агамемнон: державнейший ты между нами,—
Пир для старейшин устрой: и прилично тебе и способно;
Стан твой полон вина; аргивяне его от фракиян
Каждый день в кораблях по широкому понту привозят;
Всем к угощенью обилуешь, властвуешь многим народом.
Собранным многим, того ты послушайся, кто между ними
Лучший совет присоветует: нужен теперь для ахеян
Добрый, разумный совет: сопостаты почти пред судами
Жгут огни неисчетные; кто веселится, их видя?
Днешняя ночь иль погубит нам воинство, или избавит!»

Так он вещал,— и, внимательно слушав, они покорились.
К страже, с оружьем в руках, устремились ахейские мужи:
Несторов сын, Фразимед, народа пилосского пастырь;
С ним Аскалаф и Иялмен, сыны мужегубца Арея,
Критский герой Мерион, Деипир, Афарей нестрашимый
И Крейона рожденье, вождь Ликомед благородный.
Семь воевод предводили стражу; и по сту за каждым
Юношей стройно текли, воздымая высокие копья.
К месту пришед, между рвом и стеной посредине воссели;
Там разложили огонь, и устроивал вечерю каждый.

Царь Агамемнон старейшин ахейских собравшихся вводит
В царскую сень и пир предлагает им, сердцу приятный.
К сладостным яствам предложенным руки герои простерли;
И когда питием и пищею глад утолили,
Старец меж оными первый слагать помышления начал,
Нестор, который и прежде блистал превосходством советов;
Он, благомысленный, так говорил и советовал в сонме:
«Славою светлый Атрид, повелитель мужей Агамемнон!
Слово начну я с тебя и окончу тобою: могучий
Многих народов ты царь, и тебе вручил Олимпиец
Скиптр и законы, да суд и совет произносишь народу.
Более всех ты обязан и сказывать слово и слушать;
Мысль исполнять и другого, если кто, сердцем внушенный,
Доброе скажет, но что совершить от тебя то зависит.
Ныне я вам поведаю, что мне является лучшим.
Думы другой, превосходнее сей, никто не примыслит,
В сердце какую ношу я, с давней поры и доныне,
С оного дня, как ты, о божественный, Брисову дочерь
Силой из кущи исторг у пылавшего гневом Пелида,
Нашим не вняв убеждениям. Сколько тебя, Агамемнон,

Я отговаривал; но, увлекаяся духом высоким,
Мужа, храбрейшего в рати, которого чествуют боги,
Ты обесчестил, награды лишив. Но хоть ныне, могучий,
Вместе подумаем, как бы его умолить нам, смягчивши
Лестными сердцу дарами и дружеской ласковой речью».

Быстро ему отвечал повелитель мужей Агамемнон:
«Старец, не ложно мои погрешения ты обличаешь.
Так, погрешил, не могу отрекаться я! Стоит народа
Смертный единый, которого Зевс от сердца возлюбит:
Так он сего, возлюбив, превознес, а данаев унизил.
Но как уже погрешил, обуявшего сердца послушав,
Сам я загладить хочу и несметные выдать награды.
Здесь, перед вами, дары знаменитые все я исчислю:
Десять талантов золота, двадцать лаханей блестящих;
Семь треножников новых, не бывших в огне, и двенадцать
Коней могучих, победных, стяжавших награды ристаний.
Истинно жил бы не беден и в злате высоко ценимом
Тот не нуждался бы муж, у которого было бы столько,
Сколько наград для меня быстроногие вынесли кони!
Семь непорочных жен, рукодельниц искусных, дарую,
Лесбосских, коих тогда, как разрушил он Лесбос цветущий,
Сам я избрал, красотой побеждающих жен земнородных.
Сих ему дам; и при них возвращу я и ту, что похитил,
Брисову дочь; и притом величайшею клятвой клянуся:
Нет, не всходил я на одр, никогда не сближался я с нею,
Так, как мужам и женам свойственно меж человеков.
Всё то получит он ныне; еще же, когда аргивянам
Трою Приама великую боги дадут ниспровергнуть,
Пусть он и медью и златом корабль обильно наполнит,
Сам наблюдая, как будем делить боевую добычу.
Пусть из троянских жен изберет по желанию двадцать,
После Аргивской Елены красой превосходнейших в Трое.
Если же в Аргос придем мы, в ахейский край благодатный,
Зятем его назову я и честью сравняю с Орестом,
С сыном одним у меня, возрастающим в полном довольстве.
Три у меня расцветают в дому благосозданном дщери:
Хрисофемиса, Лаодика, юная Ифианасса.
Пусть он, какую желает, любезную сердцу, без вена
В отеческий дом отведет; а приданое сам я за нею
Славное дам, какого никто не давал за невестой.
Семь подарю я градов, процветающих, многонародных:
Град Кардамилу, Энопу и тучную травами Геру,

Феры, любимые небом, Анфею с глубокой долиной,
Гроздьем венчанный Педас и Эпею, град велелепный.
Все же они у примория, с Пилосом смежны песчаным;
Их населяют богатые мужи овцами, волами,
Кои дарами его, как бога, чествовать будут
И под скиптром ему заплатят богатые дани.
Так я немедля исполню, как скоро вражду он оставит.
Пусть примирится; Аид несмирим, Аид непреклонен;
Но зато из богов ненавистнее всех он и людям.
Пусть мне уступит, как следует: я и владычеством высшим,
Я и годов старшинством перед ним справедливо горжуся».

Рек,— и Атриду ответствовал Нестор, конник геренский:
«Сын знаменитый Атрея, владыка мужей Агамемнон!
Нет, дары не презренные хочешь ты дать Ахиллесу.
Благо, друзья! поспешим же нарочных послать, да скорее
Шествуют мужи избранные к сени царя Ахиллеса.
Или позвольте, я сам изберу их; они согласятся:
Феникс, любимец богов, предводитель посольства да будет;
После Аякс Теламонид и царь Одиссей благородный;
Но Эврибат и Годий да идут, как вестники, с ними.
На руки дайте воды, сотворите святое молчанье,
И помолимся Зевсу, да ныне помилует нас он!»

Так говорил,— и для всех произнес он приятное слово.
Вестники скоро царям возлияли на руки воду;
Юноши, чермным вином наполнив доверху чаши,
Кубками всем подносили, от правой страны начиная.
В жертву богам возлияв и испив до желания сердца,
Вместе послы поспешили из сени Атрида владыки.
Много им Нестор идущим наказывал, даже очами
Каждому старец мигал, но особенно сыну Лаэрта:
Всё б испытали, дабы преклонить Ахиллеса героя.

Мужи пошли по брегу немолчношумящего моря,
Много моляся, да землю объемлющий земледержатель
Им преклонить поможет высокую душу Пелида.

К сеням пришед и к судам мирмидонским, находят героя:
Видят, что сердце свое услаждает он лирою звонкой,
Пышной, изящно украшенной, с сребряной накольней сверху,
Выбранной им из корыстей, как град Этионов разрушил:
Лирой он дух услаждал, воспевая славу героев.

Менетиад перед ним лишь единый сидел и безмолвный
Ждал Эакида, пока песнопения он не окончит.
Тою порою приближась, послы, Одиссей впереди их,
Стали против Ахиллеса: герой изумленный воспрянул
С лирой в руках и от места сидения к ним устремился.
Так и Менетиев сын, лишь увидел пришедших, поднялся.
В встречу им руки простер и вещал Ахиллес быстроногий:
«Здравствуйте! истинно други приходите! Верно, что нужда!
Но и гневному вы из ахеян любезнее всех мне».

Так произнес — и повел их дальше Пелид благородный;
Там посадил их на креслах, на пышных коврах пурпуровых,
И, обратясь, говорил к находящемусь близко Патроклу:
«Чашу поболее, друг Менетид, подай на трапезу;
Цельного нам растворн и поставь перед каждого кубок:
Мужи, любезные сердцу, собрались под сенью моею!»

Так говорил,— и Патрокл покорился любезному другу.
Сам же огромный он лот положил у огнищного света
И хребты разложил в нем овцы и козы утучнелой,
Бросил и окорок жирного борова, туком блестящий,
Их Автомедон держал, рассекал Ахиллес благородный,
После искусно дробил на куски и вонзал их на вертел.
Жаркий огонь между тем разводил Менетид боговидный.
Чуть же огонь ослабел и багряное пламя поблекло,
Угли разгребши, Пелид вертела над огнем простирает
И священною солью кропит, на подпор подымая.
Так их обжарив кругом, на обеденный стол сотрясает.
Тою порою Патрокл по столу, в красивых корзинах,
Хлебы расставил; но яства гостям Ахиллес благородный
Сам разделил и против Одиссея, подобного богу,
Сел на другой стороне, а жертвовать жителям неба
Другу Патроклу велел; и в огонь он бросил начатки.
К сладостным яствам предложенным руки героп простерли;
И когда питием и пищею глад утолили,
Фениксу знак Теламонид подал; Одиссей то постигнул,
Кубок налил и приветствовал, за руку взявши, Пелида:
«Здравствуй, Пелид! в дружелюбных нам пиршествах нет недостатка,
Сколько под царскою сенью владыки народов Атрида,
Столько и здесь; изобильно всего к услаждению сердца
В пире твоем; но теперь не о пиршествах радостных дело.

Грозную гибель, питомец Кронион, близкую видя,
В трепете мы, в неизвестности, наши суда мы избавим,
Или погубим, ежели ты не одеешься в крепость!
Близко судов, под стеной уже нашею стан положили
Гордые мужи трояне и их дальноземные други;
В стане кругом зажигают огни и грозятся, что боле
Их не удержат, что прямо на наши суда они грянут.
Им и Зевес, благовестные знаменья вправе являя,
Молнией блещет! И Гектор, ужасною силой кичася,
Буйно свирепствует, крепкий на Зевса; в ничто он вменяет
Смертных и самых богов, обладаемый бешенством страшным.
Молится, только б скорей появилась Денница святая,
Хвалится завтра срубить с кораблей кормовые их гребни,
Пламенем бурным пожечь корабли и самих нас, ахеян,
Всех перед ними избить, удушаемых дымом пожарным.
Страшно, герой, трепещу я, да гордых угроз Приамида
Боги ему не исполнят; а нам да не судит судьбина
Гибнуть под Троей, далёко от Аргоса, милой отчизны!
Храбрый, воздвигнись, когда ты желаешь, хоть поздно, ахеян,
Столь утесненных, избавить от ярости толпищ троянских.
После тебе самому то горестно будет, но поздно,
Зло допустивши, искать исправления. Лучше вовремя,
Раньше помысли, да пагубный день отвратишь от ахеян.
Друг! не тебе ли родитель, Пелей, заповедовал старец,
В день, как из Фтии тебя посылал к Атрееву сыну:
— Доблесть, мой сын, даровать и Афина и Гера богиня
Могут, когда соизволят; но ты лишь в персях горячих
Гордую душу обуздывай; кротость любезная лучше.
Распри злотворной, как можно, чуждайся, да паче и паче
Между ахеян тебя почитают младые и старцы.—
Так заповедовал старец; а ты забываешь. Смягчися,
Гнев отложи, сокрушительный сердцу! Тебе Агамемнон
Выдаст дары многоценные, ежели гнев ты оставишь.
Хочешь ли, слушай, и я пред тобой и друзьями исчислю,
Сколько даров знаменитых тебе обещал Агамемнон:
Десять талантов золота, двадцать лаханей блестящих,
Семь треножников новых, не бывших в огне, и двенадцать
Коней могучих, победных, стяжавших награды ристаний.
Истинно, жил бы не беден и в злате высоко ценимом
Тот не нуждался бы муж, у которого было бы столько,
Сколько Атриду наград быстроногие вынесли кони!
Семь непорочных жен, рукодельниц искусных, дарует,

Лесбосских, коих тогда, как разрушил ты Лесбос цветущий,
Сам он избрал, красотой побеждающих жен земнородных;
Их он дарит; и при них возвращает и ту, что похитил,
Брисову дочь; и притом величайшею клятвой клянется:
Нет, не всходил он на одр, никогда не сближался он с нею,
Так, как мужам и женам свойственно меж человеков.
Все то получишь ты ныне; еще же, когда аргивянам
Трою Приама великую боги дадут ниспровергнуть,
Целый корабль ты и медью и златом обильно наполни,
Сам наблюдая, как будем делить боевые корысти;
Сам между женами пленными выбери двадцать троянок,
После Аргивской Елены красой превосходнейших в Трое.
Если ж воротимся в Аргос Ахейский, край благодатный,
Зятем тебя назовет он и честью с Орестом сравняет,
С сыном одним у него, возрастающим в полном довольстве.
Трех дочерей он невест в благосозданном доме имеет:
Хрисофемису, Лаодику, юную Ифианассу.
Ты, по желанью, из оных, любезную сердцу, без вена
В отеческий дом отведи; а приданое сам он за нею
Славное выдаст, какого никто не давал за невестой.
Семь подарит он градов процветающих, многонародных:
Град Кардамилу, Энопу и тучную паствами Геру,
Феры, любимые небом, Анфею с глубокой долиной,
Гроздьем венчанный Педас и Эпею, град велелепный.
Все же они у приморья, с Пилосом смежны песчаным;
Их населяют богатые мужи овцами, волами,
Кои дарами тебя, как бога, чествовать будут
И под скиптром тебе заплатят богатые дани.
Так он исполнит немедля, коль скоро вражду ты оставишь.
Если ж Атрид Агамемнон еще для тебя ненавистен,
Он и подарки его,— пожалей о других ты ахейцах,
В стане жестоко стесненных; тебя, как бессмертного бога,
Рати почтут; между них ты покроешься дивною славой!
Гектора ты поразишь! до тебя он приближится ныне,
Буйством своим обезумленный; он никого не считает
Равным себе меж данаями, сколько ни есть их под Троей!»

Рек,— и ему на ответ говорил Ахиллес быстроногий:
«Сын благородный Лаэртов, герой Одиссей многоумный!
Должен я думу свою тебе объявить откровенно,
Как я и мыслю и что я исполню, чтоб вы перестали
Вашим жужжаньем скучать мне, один за другим приступая:
Тот ненавистен мне, как врата ненавистного ада,

Кто на душе сокрывает одно, говорит же другое.
Я же скажу вам прямо, что почитаю я лучшим:
Нет, ни могучий Атрид, ни другие, надеюсь, данаи
Сердца во мне не смягчат: и какая тому благодарность,
Кто беспрестанно, безустально бился на битвах с врагами!
Равная доля у вас нерадивцу и рьяному в битве;
Та ж и единая честь воздается и робким и храбрым;
Всё здесь равно, умирает бездельный иль сделавший много!
Что мне наградою было за то, что понес я на сердце,
Душу мою подвергая вседневно опасностям бранным?
Словно как птица, бесперым птенцам промышляючи корму,
Ищет и носит во рту и, что горько самой, забывает,—
Так я под Троею сколько ночей проводил бессонных,
Сколько дней кровавых на сечах жестоких окончил,
Ратуясь храбро с мужами и токмо за жен лишь Атридов!
Я кораблями двенадцать градов разорил многолюдных;
Пеший одиннадцать взял на троянской земле многоплодной;
В каждом из них и сокровищ бесценных, и славных корыстей
Много добыл; и, сюда принося, властелину Атриду
Все отдавал их; а он позади, при судах оставаясь,
Их принимал, и удерживал много, выделивал мало;
Несколько выдал из них, как награды, царям и героям:
Целы награды у всех; у меня ж одного из данаев
Отнял и, властвуя милой женой, наслаждается ею
Царь сладострастный! За что же воюют троян аргивяне?
Рати зачем собирал и за что их привел на Приама
Сам Агамемнон? не ради ль одной лепокудрой Елены?
Или супруг непорочных любят от всех земнородных
Только Атрея. сыны? Добродетельный муж и разумный
Каждый свою бережет и любит, как я Брисеиду:
Я Брисеиду любил, несмотря, что оружием добыл!
Нет, как награду исторгнул из рук и меня обманул он,
Пусть не прельщает! Мне он известен, меня не уловит!
Пусть он с тобой, Одиссей, и с другими царями ахеян
Думает, как от судов отвратить пожирающий пламень.
Истинно, многое он и один без меня уже сделал:
Стену для вас взгромоздил, и окоп перед оною вывел
Страшно глубокий, широкий, и внутрь его колья уставил!
Но бесполезно! Могущества Гектора, людоубийцы,
Сим не удержит. Пока меж аргивцами я подвизался,
Боя далеко от стен начинать не отважился Гектор:
К Скейским вратам лишь и к дубу дохаживал; там он однажды
Встретился мне, но едва избежал моего нападенья.

Больше с божественным Гектором я воевать не намерен.
Завтра, Зевсу воздав и другим небожителям жертвы,
Я нагружу корабли и немедля спущу их на волны.
Завтра же, если желаешь и если тебя то заботит,
С ранней зарею узришь, как по рыбному понту помчатся
Все мои корабли, под дружиною жарко гребущей.
Если счастливое плаванье даст Посейдон мне могучий,
В третий я день, без сомнения, Фтии достигну холмистой.
Там довольно имею, что бросил, сюда я повлекшись;
Много везу и отселе: золота, меди багряной,
Пленных, красноопоясанных жен и седое железо;
Всё, что по жребию взял; но награду, что он даровал мне,
Сам, надо мною ругаясь, и отнял Атрид Агамемнон,
Властию гордый! Скажите ему вы, что я говорю вам,
Всё и пред всеми: пускай и другие, как я, негодуют,
Если кого из ахеян еще обмануть уповает,
Вечным бесстыдством покрытый! Но, что до меня, я надеюсь,
Он, хоть и нагл, как пес, но в лицо мне смотреть не посмеет!
С ним не хочу я никак сообщаться, ни словом, ни делом!
Раз он, коварный, меня обманул, оскорбил, и вторично
Словом уже не уловит: довольно с него! но спокойный
Пусть он исчезнет! лишил его разума Зевс промыслитель.
Даром гнушаюсь его и в ничто самого я вменяю!
Если бы в десять и в двадцать он крат предлагал мне сокровищ,
Сколько и ныне имеет и сколько еще их накопит,
Даже хоть всё, что приносят в Орхомен иль Фивы египтян,
Град, где богатства без сметы в обителях граждан хранятся,
Град, в котором сто врат, а из оных из каждых по двести
Ратных мужей в колесницах, на быстрых конях выезжают;
Или хоть столько давал бы мне, сколько песку здесь и праху,—
Сердца и сим моего не преклонит Атрид Агамемнон,
Прежде чем всей не изгладит терзающей душу обиды!
Дщери супругой себе не возьму от Атреева сына;
Если красою она со златой Афродитою спорит,
Если искусством работ светлоокой Афине подобна,
Дщери его не возьму! Да найдет из ахеян другого,
Кто ему больше приличен и царственной властию выше.
Ежели боги меня сохранят и в дом возвращусь я,
Там — жену благородную сам сговорит мне родитель.
Много ахеянок есть и в Элладе, и в счастливой Фтии,
Дщерей ахейских вельмож, и градов и земель властелинов:
Сердцу любую из них назову я супругою милой.
Там, о, как часто мое благородное сердце алкает,

Брачный союз совершив, с непорочной супругою милой
В жизнь насладиться стяжаний, старцем Пелеем стяжанных.
С жизнью, по мне, не сравнится ничто: ни богатства, какими
Сей Илион, как вещают, обиловал,— град, процветавший
В прежние мирные дни, до нашествия рати ахейской;
Ни сокровища, сколько их каменный свод заключает
В храме Феба пророка в Пифосе, утесами грозном.
Можно всё приобресть, и волов, и овец среброрунных,
Можно стяжать и прекрасных коней, и златые треноги;
Душу ж назад возвратить невозможно; души не стяжаешь,
Вновь не уловишь ее, как однажды из уст улетела.
Матерь моя среброногая, мне возвестила Фетида:
Жребий двоякий меня ведет к гробовому пределу:
Если останусь я здесь, перед градом троянским сражаться,—
Нет возвращения мне, но слава моя не погибнет.
Если же в дом возвращусь я, в любезную землю родную,
Слава моя погибнет, но будет мой век долголетен,
И меня не безвременно Смерть роковая постигнет.
Я и другим воеводам ахейским советую то же:
В домы отсюда отплыть; никогда вы конца не дождетесь
Трои высокой: над нею перунов метатель Кронион
Руку свою распростер, и возвысилась дерзость народа.
Вы возвратитесь теперь и всем благородным данаям
Мой непреложно ответ, как посланников долг, возвестите.
Пусть на совете другое примыслят, вернейшее, средство,
Как им спасти и суда, и ахейский народ, утесненный
Подле судов мореходных; а то, что замыслили ныне,
Будет без пользы ахеянам: я непреклонен во гневе.
Феникс останется здесь, у нас успокоится старец;
Завтра же, если захочет,— неволей его не беру я,—
Вместе со мной в кораблях отплывет он к любезной отчизне».

Так возразил,— и молчание долгое все сохраняли,
Речью его пораженные: грозно ее говорил он.
Между послов наконец провещал, заливаясь слезами,
Феникс, конник седой; трепетал о судах он ахейских:
«Если уже возвратиться, Пелид благородный, на сердце
Ты положил и от наших судов совершенно отрекся
Огнь отразить пожирающий,— гнев запал тебе в душу,—
Как, о возлюбленный сын, без тебя один я останусь?
Вместе с тобою меня послал Эакид, твой родитель,
В день, как из Фтии тебя отпускал в ополченье Атрида.
Юный, ты был неискусен в войне, человечеству тяжкой;

В сонмах советных неопытен, где прославляются мужи.
С тем он меня и послал, да тебя всему научу я:
Был бы в речах ты вития и делатель дел знаменитый.
Нет, мой возлюбленный сын, без тебя не могу, не желаю
Здесь оставаться, хотя бы сам бог обещал, всемогущий,
Старость совлекши, вновь возвратить мне цветущую младость:
Годы, как бросил Элладу я, славную жен красотою,
Злобы отца избегая, Аминтора, грозного старца.
Гневался он на меня за пышноволосую деву:
Страстно он деву любил и жестоко бесславил супругу,
Матерь мою; а она, обнимая мне ноги, молила
С девою прежде почить, чтобы стал ненавистен ей старец.
Я покорился и сделал. Отец мой, то скоро приметив,
Начал меня проклинать, умоляя ужасных Эриний,
Ввек на колена свои да не примет он милого сына,
Мной порожденного: отчие клятвы исполнили боги,
Зевс подземный и чуждая жалости Персефония.
В гневе убить я отца изощренною медью решился;
Боги мой гнев укротили, представивши сердцу, какая
Будет в народе молва и какой мне позор в человеках,
Ежели отцеубийцей меня прозовут аргивяне!
Но от оной поры для меня уже стало несносно,
Близко отца раздраженного, в доме с тоскою скитаться.
Други, родные мои, неотступно меня окружая,
Силились общей мольбой удержать в отеческом доме.
Много и тучных овец, и тяжелых волов круторогих
В доме зарезано; многие свиньи, блестящие туком,
По двору были простерты на яркий огонь обжигаться;
Много выпито было вина из кувшинов отцовских.
Девять ночей непрерывно они вкруг меня ночевали;
Стражу держали, сменяяся; целые ночи не гаснул
В доме огонь; один — под крыльцом на дворе крепкостенном,
И другой — в сенях, пред дверями моей почивальни.
Но когда мне десятая темная ночь наступила,
Я у себя в почивальне искусно створявшиесь двери
Выломал, вышел и быстро чрез стену двора перепрянул,
Тайно от всех и домовых жен, и мужей стерегущих.
После далеко бежал чрез обширные степи Эллады
И пришел я во Фтию, овец холмистую матерь,
Прямо к Пелею царю. И меня он, приняв благосклонно,
Так полюбил, как любит родитель единого сына,
Поздно рожденного старцу, наследника благ его многих.
Сделал богатым меня и народ многочисленный вверил.

Там над долопами царствуя, жил я на фтийском пределе;
Там и тебя воспитал я такого, бессмертным подобный!
Нежно тебя я любил: никогда с другим не хотел ты
Выйти на пир пред гостей; ничего не вкушал ты и дома
Прежде, поколе тебя не возьму я к себе на колена,
Пищи, разрезав, не дам и вина к устам не приближу.
Сколько ты раз, Ахиллес, заливал мне одежду на персях,
Брызжа из уст вино, во время неловкого детства.
Много забот для тебя и много трудов перенес я,
Думая так, что, как боги уже не судили мне сына,
Сыном тебя, Ахиллес, подобный богам, нареку я;
Ты, помышлял я, избавишь меня от беды недостойной.
Сын мой, смири же ты душу высокую! храбрый не должен
Сердцем немилостив быть: умолимы и самые боги,
Столько превысшие нас и величьем, и славой, и силой.
Но и богов — приношеньем жертвы, обетом смиренным,
Вин возлияньем и дымом курений смягчает и гневных
Смертный молящий, когда он пред ними виновен и грешен.
Так, Молитвы — смиренные дщери великого Зевса —
Хромы, морщинисты, робко подъемлющи очи косые,
Вслед за Обидой они, непрестанно заботные, ходят.
Но Обида могуча, ногами быстра; перед ними
Мчится далеко вперед и, по всей их земле упреждая,
Смертных язвит; а Молитвы спешат исцелять уязвленных.
Кто принимает почтительно Зевсовых дщерей прибежных,
Много тому помогают и скоро молящемусь внемлют;
Кто ж презирает богинь и, душою суров, отвергает,—
К Зевсу прибегнув, они умоляют отца, да Обида
Ходит за ним по следам и его, уязвляя, накажет.
Друг, воздай же и ты, что следует, Зевсовым дщерям:
Честь, на воздание коей всех добрых склоняются души.
Если б даров не давал, как теперь, так и после, толь многих,
Сын Атреев, но все бы упорствовал в гибельном гневе,—
Я не просил бы тебя, чтобы, гнев справедливый отринув,
Ты защитил аргивян, невзирая, что жаждут защиты.
Много и ныне даров он дает и вперед обещает;
С кротким прошеньем к тебе присылает мужей знаменитых,
В целом народе избранных, тебе самому здесь любезных
Более всех из данаев. Не презри же их ты ни речи,
Ни посещения. Ты не без права гневался прежде.
Так мы слышим молвы и о древних славных героях:
Пылкая злоба и их обымала великие души;
Но смягчаемы были дарами они и словами.

Помню я дело одно, но времен стародавних, не новых:
Как оно было, хочу я поведать меж вами, друзьями.
Брань была меж куретов и бранолюбивых этолян
Вкруг Калидона града, и яростно бились рати:
Мужи этольцы стояли за град Калидон, им любезный,
Мужи куреты пылали обитель их боем разрушить.
Горе такое на них Артемида богиня воздвигла,
В гневе своем, что Иней с плодоносного сада начатков
Ей не принес; а бессмертных других насладил гекатомбой;
Жертвы лишь ей не принес, громовержца великого дщери:
Он не радел, иль забыл, но душой согрешил безрассудно.
Гневное божие чадо, стрельбой веселящаясь Феба
Вепря подвигла на них, белоклыкого лютого зверя.
Страшный он вред наносил, на Инея сады набегая:
Купы высоких дерев опрокинул одно на другое,
Вместе с кореньями, вместе с блистательным яблоков цветом.
Зверя убил наконец Инеид Мелеагр нестрашимый,
Вызвав кругом из градов звероловцев с сердитыми псами
Многих: его одолеть не успели бы с малою силой —
Этаков был! на костер печальный многих послал он.
Феба о нем воспалила жестокую, шумную распрю,
Бой о клыкастой главе и об коже щетинистой вепря
Между сынами куретов и гордых сердцами этолян.
Долго, пока Мелеагр за этолян, могучий, сражался,
Худо было куретам: уже не могли они сами
В поле, вне стен, оставаться, хотя и сильнейшие были.
Но когда Мелеагр предался гневу, который
Сердце в груди напыщает у многих, мужей и разумных
(Он, на любезную матерь Алфею озлобленный сердцем,
Праздный лежал у супруги своей, Клеопатры прекрасной,
Дщери младой Эвенины жены, легконогой Марписсы,
И могучего Ида, храбрейшего меж земнородных
Оных времен: на царя самого, стрелоносного Феба,
Поднял он лук за супругу свою, легконогую нимфу:
С оного времени в доме отец и почтенная матерь
Дочь Алкионою прозвали, в память того, что и матерь,
Горькую долю неся Алкионы многопечальной,
Плакала целые дни, как ее стреловержец похитил.
Он у супруги покоился, гнев душевредный питая,
Матери клятвами страшно прогневанный: грустная матерь
Часто богов заклинала — отмстить за убитого брата;
Часто руками она, исступленная, о землю била
И, на коленях сидящая, грудь обливая слезами,

С воплем молила Аида и страшную Персефонию
Смерть на сына послать; и носящаяся в мраках Эриннис,
Фурия немилосердая, воплю вняла из Эреба),
Скоро у врат калидонских и стук и треск раздалися
Башен, громимых врагом. Мелеагра этольские старцы
Стали молить и послали избранных священников бога,
Дар обещая великий, да выйдет герой и спасет их.
Где плодоносней земля на веселых полях калидонских,
Там позволяли ему, в пятьдесят десятин, наилучший
Выбрать удел: половину земли виноградом покрытой
И половину нагой, для орания годной, отрезать.
Много его умолял конеборец Иней престарелый;
Сам до порога поднявшись его почивальни высокой,
В створы дверей он стучал и просил убедительно сына.
Много и сестры его, и почтенная матерь молили:
Пуще отказывал; много его и друзья убеждали,
Чтимые им и любимые более всех в Калидоне;
Но ничем у него не подвигнули сердца, доколе
Терем его от ударов кругом не потрясся: на башни
Сила куретов взошла и град зажигала великий.
И тогда-то уже Мелеагра жена молодая
Стала, рыдая, молить и исчислила все пред героем,
Что в завоеванном граде людей постигает несчастных:
Граждан в жилищах их режут, пламень весь град пожирает,
В плен и детей, и красноопоясанных жен увлекают.
Духом герой взволновался, о страшных деяниях слыша;
Выйти решился и пышноблестящим покрылся доспехом.
Так Мелеагр отразил погибельный день от этолян,
Следуя сердцу: еще Мелеагру не отдано было
Многих прекрасных даров; но несчастие так отразил он.
Ты ж не замысли подобного, сын мой любезный! и демон
Сердце тебе да не склонит к сей думе! Погибельней будет
В бурном пожаре суда избавлять; для даров знаменитых
Выйди, герой! и тебя, как бога, почтут аргивяне.
Если же ты без даров, а по нужде на брань ополчишься,
Чести подобной не снищешь, хоть будешь и брани решитель».

Старцу немедля ответствовал царь Ахиллес быстроногий:
«Феникс, отец мой, старец божественный! В чести подобной
Нужды мне нет; я надеюсь быть чествован волею Зевса!
Честь я сию сохраню перед войском, доколе дыханье
Будет в груди у меня и могучие движутся ноги.
Молвлю тебе я другое, а ты положи то на сердце:

Мне не волнуй ты души, предо мною крушася и плача,
Сыну Атрея в угодность; тебе и не должно Атрида
Столько любить, да тому, кем любим, ненавистен не будешь.
Ты оскорби человека, который меня оскорбляет!
Царствуй, равно как и я, и честь разделяй ты со мною.
Скажут они мой ответ; оставайся ты здесь, успокойся
В куще, на мягком ложе; а завтра, с восходом Денницы,
Вместе помыслим, отплыть восвояси нам или остаться».

Рек — и Патроклу, в безмолвии, знаменье подал бровями
Фениксу мягкое ложе постлать, да скорее другие
Вышли из кущи помыслят. Тогда Теламонид великий,
Богу подобный Аякс, подымался и так говорил им:
«Сын благородный Лаэртов, герой Одиссей многоумный!
Время идти; я вижу, к желаемой цели беседы
Сим нам путем не достигнуть. Ахейцам как можно скорее
Должно ответ объявить, хоть он и не радостен будет;
Нас ожидая, ахейцы сидят. Ахиллес мирмидонец
Дикую в сердце вложил, за предел выходящую гордость!
Смертный, суровый! в ничто поставляет и дружбу он ближних,
Дружбу, какою мы в стане его отличали пред всеми!
Смертный, с душою бесчувственной! Брат за убитого брата,
Даже за сына убитого пеню отец принимает;
Самый убийца в народе живет, отплатившись богатством;
Пеню же взявший — и мстительный дух свой, и гордое сердце —
Все наконец укрощает; но в сердце тебе бесконечный
Мерзостный гнев положили бессмертные ради единой
Девы! но семь их тебе, превосходнейших, мы предлагаем,
Много даров и других! Облеки милосердием душу!
Собственный дом свой почти; у тебя под кровом пришельцы
Мы от народа ахейского, люди, которые ищем
Дружбы твоей и почтения, более всех из ахеян».

И немедля ему отвечал Ахиллес быстроногий:
«Сын Теламонов, Аякс благородный, властитель народа!
Всё ты, я чувствую сам, говорил от души мне, но, храбрый!
Сердце мое раздымается гневом, лишь вспомню о том я,
Как обесчестил меня перед целым народом ахейским
Царь Агамемнон, как будто бы был я скиталец презренный!
Вы возвратитесь назад и пославшему весть возвестите:
Я, объявите ему, не помыслю о битве кровавой
Прежде, пока Приамид браноносный, божественный Гектор,
К сеням уже и широким судам не придет мирмидонским,

Рати ахеян разбив, и пока не зажжет кораблей их.
Здесь же, у сени моей, пред моим кораблем чернобоким,
Гектор, как ни неистов, от брани уймется, надеюсь».

Рек он,— и каждый, в молчании, кубок взяв двоедонный,
Возлил богам и из сени исшел; Одиссей предитёк им.
Тою порою Патрокл повелел и друзьям и рабыням
Фениксу мягкое ложе как можно скорее готовить.
Жены, ему повинуясь, как он повелел, простирали
Руны овец, покрывало и цвет нежнейший из лена.
Там покоился Феникс, Деннпцы святой ожидая.
Но Ахиллес почивал внутри крепкостворчатой кущи;
И при нем возлегла полоненная им лесбиянка,
Форбаса дочь, Диомеда, румяноланитая дева.
Сын же Менетиев спал напротив; и при нем возлежала
Легкая станом Ифиса, ему Ахиллесом героем
Данная в день, как разрушил он Скирос, град Эниея.

Те же — едва показались у кущи Атрида владыки,
С кубками их золотыми ахеян сыны привечали,
В встречу один за другим подымаясь и их вопрошая.
Первый из них говорил повелитель мужей Агамемнон:
«Молви, драгой Одиссей, о великая слава данаев,
Хочет ли он от судов отразить пожирающий пламень
Или отрекся и гордую душу питает враждою?»

И ему отвечал Одиссей, знаменитый страдалец:
«Славою светлый Атрид, повелитель мужей Агамемнон!
Нет, не хочет вражды утолить он; сильнейшею прежней
Пышет грозой, презирает тебя и дары отвергает.
В бедствах тебе самому велит с аргивянами думать,
Как защитить корабли и стесненные рати ахеян.
Сам угрожает, что завтрашний день, лишь Денница возникнет,
На море все корабли обоюдовесельные спустит.
Он и другим воеводам советовать тоже намерен —
В домы отплыть; никогда, говорит он, конца не обресть вам
Трои высокой: над нею перунов метатель Кронион
Руку свою распростер,— и возвысилась дерзость народа.
Так он ответствовал; вот и сопутники то же вам скажут,
Сын Теламона и вестники наши, разумные оба.
Феникс же там успокоился, старец; так повелел он,
Чтоб за ним в кораблях, обратно к отчизне любезной
Следовал завтра, но если он хочет,— неволить не будет».

Так говорил,— и молчанье глубокое все сохраняли.
Речью его пораженные: грозное он им поведал.
Долго безмолвными были унылые мужи ахейцы;
Но меж них наконец взговорил Диомед благородный:
«Царь знаменитый Атрид, повелитель мужей Агамемнон!
Лучше, когда б не просил ты высокого сердцем Пелида,
Столько даров обещая: горд и сам по себе он,
Ты же в Пелидово сердце вселяешь и большую гордость.
Кончим о нем и его мы оставим; отсюда он едет
Или не едет — начнет, без сомненья, ратовать снова,
Ежели сердце велит и бог всемогущий воздвигнет.
Слушайте, други, что я предложу вам, одобрите все вы:
Ныне предайтесь покою, но прежде сердца ободрите
Пищей, вином: вино человеку и бодрость и крепость.
Завтра ж, как скоро блеснет розоперстая в небе Денница,
Быстро, Атрид, пред судами построй ты и конных и пеших,
Дух ободри им и сам перед воинством первый сражайся».

Так произнес,— и воскликнули весело все скиптроносцы,
Смелым дивяся речам Диомеда, смирителя коней.
Все наконец, возлиявши богам, разошлися по кущам,
Где предалися покою и сна насладились дарами.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

ДОЛОНИЯ

Все при своих кораблях, и цари и герои ахеян,
Спали целую ночь, побежденные сном благотворным;
Но Атрид Агамемнон, ахейского пастырь народа,
Сладкого сна не вкушал, волнуемый множеством мыслей.
Словно как молнией блещет супруг лепокудрыя Геры,
Если готовит иль дождь бесконечный, иль град вредоносный,
Или метель, как снега убеляют широкие степи,
Или погибельной брани огромную пасть отверзает,—
Так многократно вздыхал Агамемнон, глубоко от сердца,
Скорбью гнетомого; самая внутренность в нем трепетала;
Ибо когда озирал он троянский стан, удивлялся
Их огням неисчетным, пылающим пред Илионом,
Звуку свирелей, цевниц и смятенному шуму народа.

Но когда он взирал на ахейский стан неподвижный,
Клоки власов у себя из главы исторгал, вознося их
Зевсу всевышнему: тяжко стенало в нем гордое сердце.

Дума сия наконец показалася лучшей Атриду —
С Нестором первым увидеться, мудрым Нелеевым сыном,
С ним не успеют ли вместе устроить совет непорочный,
Как им беду отвратить от стесненной рати ахейской;
Встал Атрейон и с поспешностью перси одеял хитоном;
К белым ногам привязал красивого вида плесницы;
Сверху покрылся великого льва окровавленной кожей,
Рыжей, огромной, от выи до пят, и копьем ополчился.

Страхом таким же и царь Менелай волновался; на очи
Сон и к нему не сходил: трепетал он, да бед не претерпят
Мужи ахейцы, которые все по водам беспредельным
К Трое пришли, за него дерзновенную брань подымая.
Встал и широкие плечи покрыл он пардовой кожей,
Пятнами пестрой; на голову шлем, приподнявши, надвинул,
Медью блестящий, и, дрот захвативши в могучую руку,
Так он пошел, чтобы брата воздвигнуть, который верховным
Был царем аргивян и, как бог, почитался народом.
Он, при корме корабля, покрывавшегось пышным доспехом,
Брата нашел, и был для него посетитель приятный.
Первый к нему возгласил Менелай, воинственник славный:
«Что воружаешься, брат мой почтенный? или от ахеян
Хочешь к троянам послать соглядатая? Но, признаюся,
Я трепещу, чтоб не вызвался кто на подобное дело
И чтоб враждебных мужей соглядать не пошел одинокий
В сумраках ночи глухой: человек дерзосердый он будет».

Брату в ответ говорил повелитель мужей Агамемнон:
«Нужда в совете и мне и тебе, Менелай благородный,
В мудром совете, который бы мог защитить и избавить
Рать аргивян и суда; изменилось Кронидово сердце:
К Гектору, к жертвам его преклонил он с любовию душу!
Нет, никогда не видал я, ниже не слыхал, чтоб единый
Смертный столько чудес, и в день лишь единый, предпринял,
Сколько свершил над ахейцами Гектор, Зевесу любезный,
Гектор, который не сын ни богини бессмертной, ни бога.
Но что свершил он, о том сокрушаться ахеяне будут
Часто и долго; такие беды сотворил он ахейцам!

Но иди, Менелай, призови Девкалида, Аякса,
Прямо спеши к кораблям, а к почтенному сыну Нелея
Сам я иду и восстать преклоню, не захочет ли старец
Стражей священный сонм навестить и блюстись приказать им;
Верно, ему покорятся охотнее; сын его храбрый
Стражи начальствует сонмом, и с ним Девкалида сподвижник,
Вождь Мерион; предпочтительно им поручили мы стражу».

И его вопросил Менелай, воинственник славный:
«Что же мне ты прикажешь и как повелишь, Агамемнон?
Там ли остаться, у них, твоего ожидая прихода,
Или к тебе поспешать возвратиться, как всё накажу им?»

Вновь Менелаю вещал повелитель мужей Агамемнон:
«Там ты останься, чтоб мы не могли разойтися с тобою.
Ходя в сумраке: много дорог по широкому стану.
Где же пойдешь, окликай, и всем советуй стеречься;
Каждого мужа, Атрид, именуй по отцу и по роду;
Всех приветливо чествуй, и сам ни пред кем не величься.
Ныне и мы потрудимся, как прочие; жребий таков наш!
Зевс на нас, на родившихся, тяжкое горе возвергнул!»

Так говоря, отпускает он брата, разумно наставив;
Сам наконец поспешает к владыке народов Нелиду.
Старца находит при черном его корабле против кущи,
В мягком одре, и при нем боевые лежали доспехи:
Выпуклый щит, и два копия, и шелом светозарный;
Подле и пояс лежал разноцветный, который сей старец
Часто еще препоясывал, в бой мужегубный готовясь
Рать предводить: еще не сдавался он старости грустной.
Нестор, привставши на локоть и голову с ложа поднявши,
К сыну Атрея вещал и его вопрошал громогласно:
«Кто ты? и что меж судами по ратному стану здесь ходишь
В сумраке ночи один, как покоятся все человеки?
Друга ли ты или, может быть, меска сбежавшего ищешь?
Что тебе нужно? Окликнись, а молча ко мне не ходи ты!»

Старцу немедля ответствовал пастырь мужей Агамемнон:
«Нестор, почтеннейший старец, великая слава данаев!
Ты Агамемнона видишь, которого Зевс промыслитель
Более всех подвергнул трудам бесконечным, покуда
В персях моих остается дыханье и движутся ноги.

Так я скитаюсь; на очи мои ниже ночью не сходит
Сладостный сон, и на думах лишь брань и напасти ахеян!
Так за ахеян жестоко страшуся я: дух мой не в силах
Твердость свою сохранять, но волнуется; сердце из персей
Вырваться хочет, и ноги мои подо мною трепещут!
Если что делать намерен ты (сон и к тебе не приходит),
Встань, о Нелид, и ко стражам ахейским дойдем и осмотрим.
Может быть, все, удрученные скучным трудом и дремотой,
Сну предалися они и о страже опасной забыли.
Рати же гордых врагов недалеко; а мы и не знаем,
В сумраке ночи они не хотят ли внезапно ударить».

Сыну Атрея ответствовал Нестор, конник геренский:
«Славою светлый Атрид, повелитель мужей Агамемнон!
Замыслы Гектору, верно, не все промыслитель небесный
Ныне исполнит, как гордый он ждет; и его удручит он
Горем, я чаю, и большим, когда Ахиллес быстроногий
Храброе сердце свое отвратит от несчастного гнева.
Следовать рад я с тобою; пойдем, и других мы разбудим
Храбрых вождей: Диомеда героя, царя Одиссея,
С ними Аякса быстрого, также Филеева сына.
Если б еще кто-нибудь поспешил и к собранию призвал
Идоменея царя и подобного богу Аякса:
Их корабли на конце становища, отсюда не близко.
Но Менелая, любезного мне и почтенного друга,
Я укорю, хоть тебя и прогневаю; нет, не сокрою!
Он почивает, тебя одного заставляет трудиться!
Ныне он должен бы около храбрых и сам потрудиться,
Должен бы всех их просить, настоит нестерпимая нужда!»

Нестору вновь отвечал повелитель мужей Агамемнон:
«Старец, другою порой укорять я советую брата:
Часто медлителен он и как будто к трудам неохотен,—
Но не от праздности низкой или от незнания дела:
Смотрит всегда на меня, моего начинания ждущий.
Ныне же встал до меня и ко мне неожидан явился.
Брата послал я просить предводителей, коих ты назвал.
Но поспешим, и найдем, я надеюся, их мы у башни,
Вместе с дружиной стражебною: там повелел я собраться».

Снова Атриду ответствовал Нестор, конник геренский:
«Ежели так, из данаев никто на него не возропщет:
Каждый послушает, если он что запретит иль прикажет».

Так говоря, одевал он перси широким хитоном;
К белым ногам привязал прекрасного вида плесницы,
После — кругом застегнул он двойной свой, широкопадущий,
Пурпурный плащ, по котором струилась косматая волна;
И, копье захватив, повершенное острою медью,
Так устремился Нелид меж судов и меж кущей ахеян.
Там сперва Одиссея, советами равного Зевсу,
Поднял от сна восклицающий громко возница геренский.
Скоро дошел до души Одиссеевой Несторов голос:
Выступил он из-под кущи и так говорил воеводам:
«Что меж судами одни по воинскому ходите стану
В сумраке ночи? какая пришла непзбежная нужда?»

Сыну Лаэрта ответствовал Нестор, конник геренский:
«Сын благородный Лаэртов, герой Одиссей многоумный!
Ты не ропщи: аргивянам жестокая нужда приходит!
С нами иди, и других мы разбудим, с которыми должно
Ныне ж решить на совете, бежать ли нам или сражаться».

Рек он,— и быстро под кущу вступил Одиссей многоумный,
Щит свой узорный за плечи закинул и следовал с ними.
К сыну Тидея пошли и нашли Диомеда лежащим
Одаль от сени, с оружием; около ратные други
Спали; сголовьем их были щиты, у постелей их копья
Прямо стояли, вонзенные древками; медь их далеко
В мраке блистала, как молния Зевса. Герой в середине
Спал, и постелью была ему кожа вола степового;
Светлый, блестящий ковер лежал у него в изголовье.
Близко пришедши, будил почивавшего Нестор почтенный,
Трогая краем ноги, и в лицо укорял Диомеда:
«Встань, Диомед! и что ты всю ночь почиваешь беспечно?
Или забыл, что трояне, заняв возвышение поля,
Близко стоят пред судами и узкое место нас делит?»

Так говорил; почивавший с постели стремительно вспрянул
И, обратяся к нему, произнес крылатые речи:
«Слишком заботливый старец, трудов никогда ты не бросишь!
Нет ли у нас и других, в ополчении младших данаев,
Коим приличнее было б вождей нас будить по порядку,
Ходя по стану ахейскому; неутомим ты, о старец!»

Сыну Тидея ответствовал Нестор, конник геренский:
«Так, Диомед, справедливо ты всё и разумно вещаешь.
Есть у меня и сыны непорочные, есть и народа

Много подвластного: было б кому обходить и сзывать вас;
Но жестокая нужда аргивских мужей постигает!
Всем аргивянам теперь на мечном острии распростерта
Или погибель позорная, или спасение жизни!
Но поспеши ты и сына Филеева с быстрым Аяксом
К нам призови: ты моложе меня и о мне сожалеешь».

Рек; Диомед, немедля покрывшийся львиною кожей,
Рыжей, огромной, до пят доходящей, и дрот захвативши,
Быстро пошел, разбудил воевод и привел их с собою.

Скоро владыки ахеян достигнули собранных стражей,
И не в дремоте они предводителей стражи застали:
Бодро младые ахейцы, с оружием в дланях, сидели.
Словно как псы у овчарни овец стерегут беспокойно,
Сильного зверя зачуяв, который из гор, голодалый,
Лесом идет; подымается шумная противу зверя
Псов и людей стерегущих тревога, их сон пропадает,—
Так пропадал на очах усладительный сон у ахеян,
Стан охраняющих в грозную ночь: непрестанно на поле
Взоры вперяли они, чтоб узнать, не идут ли трояне.

С радостью старец узрел их и, более дух ободряя,
Весело к ним говорил, устремляя крылатые речи:
«Так стерегитесь, любезные дети! никто и не думай,
Стоя на страже, о сне: да не будем мы в радость враждебным».

Так говоря, перенесся за ров; и за ним устремились
Все скиптроносцы ахейские, сколько звано их к совету.
С ними герой Мерион и Несторов сын знаменитый
Следовал: сами цари пригласили и их для совета.
Вместе они, перешедшие ров, пред стеною изрытый,
Сели на чистой поляне, на месте, свободном от трупов
В сече убитых, отколь возвратился крушительный Гектор,
Рать истреблявший данаев, доколе их ночь не покрыла;
Там воеводы, сидящие, между собой говорили.
Речь им полезную начал геренский воинственник Нестор:
«Други! не может ли кто-либо сам на свое положиться
Смелое сердце и ныне же к гордым троянам пробраться
В мраке ночном? не возьмет ли врага он, бродящего с краю;
Или не может ли между троян разговора услышать,
Как меж собою они полагают: решились ли твердо

Здесь оставаться далеко от города или обратно
Мнят от судов отступить, как уже одолели данаев.
Если бы то он услышал и к нам невредим возвратился.
О, великая слава была бы ему в поднебесной,
Слава у всех человеков; ему и награда прекрасна!
Сколько ни есть над судами ахейских начальников храбрых,
Каждый из них наградит возвратившегось черной овцою
С агнцем сосущим,— награда, с которой ничто не сравнится;
Будет всегда он участник и празднеств, и дружеских пиршеств».

Рек,— и никто не ответствовал, все хранили молчанье.
Первый меж них взговорил Диомед, воеватель могучий:
«Нестор! меня побуждает душа и отважное сердце
В стан враждебный войти, недалеко лежащий троянский.
Но когда и другой кто со мною идти пожелает,
Более бодрости мне и веселости более будет.
Двум совокупно идущим, один пред другим вымышляет,
Что для успеха полезно; один же хотя бы и мыслил,—
Медленней дума его и слабее решительность духа».

Так говорил,— и идти с ним хотящие многие встали:
Оба Аякса хотят, нестрашимые слуги Арея;
Хочет герой Мерион, Фразимед беспредельно желает;
Хочет и светлый Атрид Менелай, знаменитый копейщик;
Хочет и царь Одиссей во враждебные сонмы проникнуть,—
Смелый: всегда у него на опасности сердце дерзало.
Но меж них возгласил повелитель мужей Агамемнон:
«Отрасль Тидея, любезнейший мне Диомед благородный!
Спутника сам для себя избирай, и кого пожелаешь;
Кто из представших, как мыслишь, отважнейший: многие
жаждут.
Но, из почтения тайного, лучшего к делу не брось ты
И не выбери худшего, страху души уступая;
Нет, на род не взирай ты, хотя б и державнейший был он».

Так Агамемнон вещал, за царя Менелая страшася.
К ним же вновь говорил Диомед, воеватель бесстрашный:
«Ежели мне самому избрать вы друга велите,
Как я любимца богов, Одиссея героя забуду?
Сердце его, как ничье, предприимчиво; дух благородный
Тверд и в трудах и в бедах; и любим он Палладой Афиной!
Если сопутник мой он, из огня мы горящего оба
К вам возвратимся: так в нем обилен на вымыслы разум».

Но ему возразил Одиссей, знаменитый страдалец:
«Слишком меня не хвали, не хули, Диомед благородный,—
Знающим всё говоришь ты царям и героям ахейским.
Лучше пойдем мы! Ночь убегает, и близко Денница;
Звезды ушли уж далеко; более двух уже долей
Ночь совершила, и только что третия доля осталась».

Так говоря, покрывался оба оружием страшным.
Несторов сын, Фразимед воинственный, дал Диомеду
Медяный нож двулезвенный (свой при судах он оставил),
Отдал и щит; на главу же героя из кожи воловой
Шлем он надел, но без гребня, без блях, называемый плоским,
Коим чело у себя покрывает цветущая младость.
Вождь Мерион предложил Одиссею и лук и колчан свой,
Отдал и меч; на главу же надел Лаэртида героя
Шлем из кожи; внутри перепутанный часто ремнями,
Крепко натянут он был, а снаружи по шлему торчали
Белые вепря клыки, и сюда и туда воздымаясь
В стройных, красивых рядах; в середине же полстью подбит он.
Шлем сей — древле из стен Элеона похитил Автолик,
Там Горменида Амунтора дом крепкозданный разрушив;
В Скандии ж отдал его Киферийскому Амфидамасу;
Амфидамас подарил, как гостинец приязненный, Молу;
Мол, наконец, Мериону вручил его, храброму сыну;
Ныне сей шлем знаменитый главу осенил Одиссея.

Так Одиссей с Диомедом, покрывшись оружием страшным,
Оба пустились, там же оставив старейшин ахейских;
Доброе знаменье храбрым немедля послала Афина —
Цаплю на правой руке от дороги; они не видали
Птицы сквозь сумраки ночи, но слышали звонкие крики.
Птицей обрадован был Одиссей и взмолился Афине:
«Глас мой услышь, громовержцем рожденная! Ты, о богиня,
Мне соприсущна во всяком труде: от тебя не скрываю
Дум я моих; но теперь благосклонною будь мне, Афина!
Дай нам к ахейским судам возвратиться покрытыми славой,
Сделав великое дело, на долгое горе троянам!»

И взмолился второй, Диомед, воеватель могучий:
«Ныне услышь и меня, необорная дщерь Эгиоха!
Спутницей будь мне, какою была ты герою Тидею
К Фивам, куда он с посольством ходил от народов аргивских;
Возле Асоповых вод аргивян меднолатных оставив,

Мирные вести отец мой кадмеянам нес бранопосным
В град, но, из града идущий, деяния, страшные слуху,
Сделал, с тобой: благосклонная ты предстояла Тидею.
Так ты по мне поборай и меня сохрани, о богиня!
В жертву тебе принесу я широкочелистую краву,
Юную, выя которой еще не склонялась под иго;
В жертву ее принесу я, с рогами, облитыми златом».

Так говорили, молясь; и вняла им Паллада Афина.
Кончив герои мольбу громовержца великого дщери,
Оба пустились, как львы дерзновенные, в сумраке ночи,
Полем убийства, по трупам, по сбруям и токам кровавым.

Тою порой и троянским сынам Приамид не позволил
Сну предаваться; собрал для совета мужей знаменитых,
Всех в ополченье троянском вождей и советников мудрых.
Собранным вместе мужам, предлагал он совет им полезный:
«Кто среди вас за награду великую мне обещает
Славное дело свершить? А награда богатая будет:
Дам колесницу тому и яремных коней гордовыйных
Двух, превосходнейших всех при судах быстролетных данайских,
Кто между вами дерзнет (а покрылся б он светлою славой!)
В сумраке ночи к ахейскому стану дойти и разведать:
Так ли ахеян суда, как и прежде, опасно стрегомы;
Или, уже укрощенные силою нашей, ахейцы
Между собой совещают о бегстве и нынешней ночью
Стражи держать не желают, трудом изнуренные тяжким».

Так говорил; но молчанье глубокое все сохраняли.
Был меж троянами некто Долон, троянца Эвмеда,
Вестника, сын, богатый и златом, богатый и медью;
Сын, меж пятью дочерями, единственный в доме отцовском,
Видом своим человек непригожий, но быстрый ногами.
Он предводителю Гектору так говорил, приступивши:
«Гектор, меня побуждает душа и отважное сердце
В сумраке ночи к судам аргивян подойти и разведать.
Но, Приамид, обнадежь, подыми твой скиптр и клянися,
Тех превосходных коней и блестящую ту колесницу
Дать непременно, какие могучего носят Пелида.
Я не напрасный тебе, не обманчивый ведомец буду:
Стан от конца до конца я пройду, и к судам доступлю я,
К самым судам Агамемнона; верно, ахеян владыки
Там совет совещают, бежать ли им или сражаться».

Рек он,— и Гектор поднял свой скипетр и клялся Долону:
«Сам Эгиох мне свидетель, супруг громовержущий Геры!
Муж в Илионе другой на Пелидовых коней не сядет:
Ты лишь единый, клянуся я, оными славиться будешь».

Рек он — и суетно клялся, но сердце разжег у троянца.
Быстро и лук свой кривой, и колчан он за плечи забросил,
Сверху покрылся кожей косматого волка седого;
Шлем же хорёвый надел и острым копьем ополчился.
Так от троянского стана пошел он к судам; но троянцу
Вспять не прийти от судов, чтобы Гектору вести доставить.
Он, за собой лишь оставил толпы и коней и народа,
Резво дорогой пошел. Подходящего скоро приметил
Царь Одиссей и сопутнику так говорпл, Диомеду:
«Верно, сей муж, Диомед, из троянского стана подходит!
Он, но еще не уверен я, наших судов соглядатай;
Илп подходит, чтоб чей-либо труп из убитых ограбить.
Но позволим сначала немного ему по долине
Нас миновать, а потом устремимся и верно изловим,
Быстро напав; но когда, убегающий, нас упредит он,
Помни, от стана его к кораблям отбивай непрестанно,
Пикой грозя, чтобы он не успел убежать к Илиону».

Так сговоряся, они у дорогп, меж грудами трупов,
Оба припали, а он мимо их пробежал, безрассудный.
Но, лишь прошел он настолько, как борозды нивы бывают,
Мулами вспаханной (долее мулы волов тяжконогих
Могут плуг составной волочить по глубокому пару),
Бросились гнаться герои,— и стал он, топот услышав.
Чаял он в сердце своем, что друзья из троянского стана
Кликать обратно его, по велению Гектора, гнались.
Но, лишь предстали они на полет коппя или меньше,
Лица врагов он узнал и проворные ноги направил
К бегству, и быстро они за бегущим пустились в погоню.
Словно как два острозубые пса, приобыкшие к ловле,
Серну иль зайца подняв, постоянно упорные гонят
Местом лесистым, а он пред гонящими, визгая, скачет,—
Так Диомед и рушитель градов Одиссей илионца
Полем, отрезав от войск, постоянно упорные гнали.
Но, как готов уже был он с ахейскою стражей смеситься,
Прямо к судам устремляяся,— ревность вдохнула Афина
Сыну Тидея, да в рати никто не успеет хвалиться
Славой, что ранил он прежде, а сам да не явится после.

Бросясь с копьем занесенным, вскричал Диомед на троянца:
«Стой иль настигну тебя я копьем! и напрасно, надеюсь,
Будешь от рук ты моих избегать неминуемой смерти!»

Рек он — и ринул копье, и с намереньем мимо прокинул:
Быстро над правым плечом пролетевши, блестящее жалом,
В землю воткнулось копье, и троянец стал, цепенея:
Губы его затряслися, и зубы во рту застучали;
С ужаса бледный стоял он, а те, задыхаясь, предстали,
Оба схватили его — и Долон, прослезяся, воскликнул:
«О, пощадите! я выкуп вам дам, у меня изобильно
Злата и меди в дому и красивых изделий железа.
С радостью даст вам из них неисчислимый выкуп отец мой,
Если узнает, что жив я у вас на судах мореходных».

Но ему на ответ говорил Одиссей многоумный:
«Будь спокоен и думы о смерти отринь ты от сердца.
Лучше ответствуй ты мне, но скажи совершенную правду:
Что к кораблям аргивян от троянского стана бредешь ты
В темную ночь и один, как покоятся все человеки?
Грабить ли хочешь ты мертвых, лежащих на битвенном поле?
Или ты Гектором послан, дабы пред судами ахеян
Все рассмотреть? или собственным сердцем к сему побужден ты?»

Бледный Долон отвечал, и под ним трепетали колена:
«Гектор, на горе, меня в искушение ввел против воли:
Он Ахиллеса великого коней мне твердокопытых
Клялся отдать и его колесницу, блестящую медью.
Мне ж приказал он — под быстролетящими мраками ночи
К вашему стану враждебному близко дойти и разведать,
Так ли суда аргивян, как и прежде, опасно стрегомы
Или, уже укрощенные ратною нашею сплой,
Вы совещаетесь в домы бежать и во время ночное
Стражи держать не хотите, трудом изнуренные тяжким».

Тихо осклабясь, к нему говорил Одиссей многоумный:
«О! даров не ничтожных душа у тебя возжелала:
Коней Пелида героя! Жестоки, троянец, те кони;
Их укротить и править для каждого смертного мужа
Трудно, кроме Ахиллеса, бессмертной матери сына!
Но ответствуй еще и скажи совершенную правду:
Где, отправляясь, оставил ты Гектора, сил воеводу?

Где у него боевые доспехи, быстрые кони?
Где ополченья другие троянские, стражи и станы?
Как меж собою они полагают: решились ли твердо
Здесь оставаться, далеко от города, или обратно
Мнят от судов отступить, как уже одолели ахеян?»

Вновь отвечал Одиссею Долон, соглядатай троянский:
«Храбрый, охотно тебе совершенную правду скажу я:
Гектор, когда уходил я, остался с мужами совета,
С ними советуясь подле могилы почтенного Ила,
Одаль от шума; но стражей, герой, о каких вопрошаешь,
Нет особливых, чтоб стан охраняли или сторожили.
Сколько же в стане огней, у огнищ их, которым лишь нужда,
Бодрствуют ночью трояне, один убеждая другого
Быть осторожным; а все дальноземцы, союзники Трои,
Спят беззаботно и стражу троянам одним оставляют:
Нет у людей сих близко ни жен, ни детей их любезных».

Снова Долона выспрашивал царь Одиссей многоумный:
«Как же союзники — вместе с рядами троян конеборных,
Или особо спят? расскажи мне, знать я желаю».

Снова ему отвечал Долон, соглядатай троянский:
«Все расскажу я тебе, говоря совершенную правду:
К морю кариян ряды и стрельцов криволуких пеонов,
Там же лелегов дружины, кавконов и славных пеласгов;
Около Фимбры ликийцы стоят и гордые мизы,
Рать фригиян колесничников, рать конеборцев меонян.
Но почто вам, герои, расспрашивать порознь о каждом?
Если желаете оба в троянское войско проникнуть,
Вот новопришлые, с краю, от всех особливо, фракийцы;
С ними и царь их Рез, воинственный сын Эйонея.
Видел я Резовых коней, прекраснейших коней, огромных;
Снега белее они и в ристании быстры, как ветер.
Златом, сребром у него изукрашена вся колесница.
Сам под доспехом златым, поразительным, дивным для взора,
Царь сей пришел, под доспехом, который не нам, человекам
Смертным, прилично носить, но бессмертным богам
олимпийским!
Ныне — ведите меня вы к своим кораблям быстролетным,
Или свяжите и в узах оставьте на месте, доколе
Вы не придете обратно и в том не уверитесь сами,
Правду ли я вам, герои, рассказывал или неправду».

Грозно взглянув на него, взговорил Диомед непреклонный:
«Нет, о спасенье, Долон, невзирая на добрые вести,
Дум не влагай себе в сердце, как впал уже в руки ты наши.
Если тебе мы свободу дадим и обратно отпустим,
Верно, ты снова придешь к кораблям мореходным ахеян,
Тайно осматривать их или явно с нами сражаться.
Но когда уже дух под моею рукою испустишь,
Более ты не возможешь погибелен быть аргивянам».

Рек,— и как тот, у него подбородок рукою дрожащей
Тронув, хотел умолять, Диомед замахнул и по вые
Острым ножом поразил и рассек ее крепкие жилы:
Быстро, еще с говорящего, в прах голова соскочила.
Шлем хорёвый они с головы соглядатая сняли,
Волчью кожу, разрывчатый лук и огромную пику.
Всё же то вместе Афине, добычи дарующей, в жертву
Поднял горé Одиссей и молящийся громко воскликнул:
«Радуйся жертвой, Афина! к тебе мы всегда на Олимпе
К первой взываем, бессмертных моля! Но еще, о богиня,
Нас предводи ты к мужам и к коням, на ночлеги фракиян!»

Так произнес — и поднятое всё на зеленой мирике
Царь Одиссей положил и означил приметою видной,
Вкруг наломавши тростей и ветвей полнорослых мирики,
Чтобы его не минуть им, идущим под сумраком ночи.
Сами пустились вперед, чрез тела и кровавые токи.
Скоро достигли идущие крайнего стана фракиян.
Воины спали, трудом утомленные; все их доспехи
Пышные, подле же их, в три ряда в благолепном устройстве
Сложены были, и пара коней перед каждым стояла.
Рез посреди почивал, и его быстроногие кони
Подле стояли, привязаны к задней скобе колесницы.
Первый его усмотрев, Одиссей указал Диомеду:
«Вот сей муж, Диомед, и вот те самые кони,
Кони фракийские, коих означил Долон умерщвленный.
Но начинай, окажи ты ужасную силу: не время
С острым оружием праздно стоять. Иль отвязывай коней,
Или мужей побивай ты; а я постараюсь об конях».

Рек он,— и сыну Тидееву крепость вдохнула Афина:
Начал рубить он кругом; поднялися ужасные стоны
Воев, мечом поражаемых, кровью земля закраснела.

Словно как лев, на стадо бесстражное коз или агниц
Ночью набредши и гибель замысля, бросается быстрый,—
Так на фракийских мужей Диомед бросался могучий;
Он их двенадцать убил. Между тем Одиссей хитроумный
Каждого мужа, который мечом Диомеда зарублен,
За ногу сзади схватив, выволакивал быстро из ряду,
С мыслию той на душе, чтоб фракийские бурные кони
Вышли спокойно за ним и невольно не дрогнули б сердцем,
Прямо идя по убитым, еще не привычные к трупам.
Но Тидид наконец до царя приступает, могучий;
Реза третьегонадесять сладостной жизни лишил он.
Царь тяжело застонал: у него сновидением грозным
Ночью стоял над главой — Диомед, по совету Афины.
Тою порой Одиссей отвязывал Резовых коней;
Вместе уздами связал и из ратного толпища вывел,
Луком своим поражая, бича же блестящего в руку
Он захватить не помыслил с узорной царя колесницы.
Свистнул потом Одиссей, подавая знак Диомеду.
Тот же стоял и думал, что еще смелого сделать:
Взяв ли царя колесницу, с оружием в ней драгоценным,
Быстро за дышло увлечь, либо вынести, вверх приподнявши,
Или еще ему более душ у фракиян исторгнуть?
Думы герою сии обращавшему в сердце, Афина
Близко предстала и так провещала Тидееву сыну:
«Вспомни уже об отшествии, сын благородный Тидея!
Время к судам возвратиться, да к ним не придешь ты бегущий,
Если троянских мужей небожитель враждебный пробудит».

Так изрекла,— и постигнул он голос богини вещавшей,
Быстро вскочил на коня. Одиссей обоих погонял их
Луком, и кони летели к судам мореходным ахеян.

Тою порой соглядал не беспечно и Феб сребролукий.
Он усмотрел, что Афина сопутствует сыну Тидея,
И, негодуя, в великое войско трояи устремился.
Там пробудил он фракиян советника Гиппокоона,
Резова родича храброго; с ложа он спрянул и, бледный,
Видя лишь место пустое, где быстрые кони стояли,
Вкруг на побоище свежем фракиян трепещущих видя,
Громко взрыдал и по имени кликал любезного друга.
Крик по троянскому воинству, страшная встала тревога;
Быстро сбежались толпы и делам изумлялись ужасным,
Кои враги совершили и к черным судам возвратились.

Те же, когда принеслись, где убит соглядатай троянский,
Бурных коней удержал Одиссей, бессмертным любезный;
Но Тидид, соскочив и кровавые взявши корысти,
В руки подал Одиссею и изнова прянул на коней.
Тот их ударил; но кони покорные сами летели
К сеням ахейским: туда их несло и желание сердца.

Нестор, их топот услышавши первый, вещал меж царями:
«Други любезные, воинств ахейских вожди и владыки!
Правду я или неправду, но выскажу, сердце велит мне;
Коней, стремительно скачущих, топот мне слух поражает.
Если бы сын то Лаэрта и сын дерзновенный Тидея
Так неожиданно гнали троянских коней звуконогих!
Но трепещу я, о други мои, не они ль пострадали,
Воины наши храбрейшие, в стане, встревоженном ими!»

Не была старцем кончена речь, как явились герои;
С коней на дол соскочили, и сонм аргивян восхищенный
Их привечал и руками, и сладкими окрест словами.
Первый стал их расспрашивать Нестор, конник геренский:
«Как, Одиссей знаменитый, великая слава ахеян,
Как вы коней сих добыли? Отважно ли оба проникли
В войско троянское? или вам бог даровал их представший?
Солнца лучам светозарным они совершенно подобны!
Я завсегда обращаюсь с троянами; праздно, надеюсь,
Я не стою пред судами, хотя и седой уже воин;
Но таких я коней не видал, не приметил доныне!
Бог, без сомнения, в встречу явившийся, вам даровал их:
Вас обоих одинаково любит как Зевс громовержец,
Так и Зевесова дочь, светлоокая дева Паллада!»

Сыну Нелея ответствовал царь Одиссей многоумный:
«Сын знаменитый Нелея, великая слава ахеян!
Богу, когда соизволит, и лучших, чем видите, коней,
Верно, легко даровать: божества беспредельно могущи!
Эти ж, старец почтенный, вновь пришлые в стане троянском
Кони фракийцев; у них и царя Диомед наш могучий
Смерти предал, и двенадцать сподвижников, всё знаменитых!
Но тринадцатый нами убит, при судах, соглядатай,
Коего высмотреть ночью великое воинство наше
Ныне же Гектор послал и другие сановники Трои».

Так говорящий, за ров перегнал он коней звуконогих,
Радостно-гордый, толпой окруженный веселых данаев.

Скоро герои, пришед к Диомедовой куще красивой,
Коней ремнями искусно разрезанных узд привязали
К конским яслям, где и другие царя Диомеда
Бурные кони стояли, питаяся сладкой пшеницей.
Но Лаэртид на корабль доспех Долонов кровавый
Взнес, пока не устроится жертва Палладе богине.
Сами же тою порой, погрузившися в волны морские,
Пот и прах смывали на голенях, вые и бедрах;
И когда уже всё от жестокого пота морскою
Влагой очистили тело и сердце свое освежили,
Оба еще омывались в красивоотесанных мойнах.
Так омывшись они, умащенные светлым елеем,
Сели с друзьями за пир; и из чаши великой Афине,
Полными кубками, сладостней меда вино возливали.

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

ПОДВИГИ АГАМЕМНОНА

Рано, едва лишь Денница Тифона прекрасного ложе
Бросила, свет вожделенный неся и бессмертным и смертным,
Зевс Вражду ниспослал к кораблям быстролетным ахеян,
Грозную вестницу, знаменье брани несущую в дланях.
Стала Вражда на огромнейший черный корабль Одиссея,
Бывший в средине, да крики ее обоюдно услышат
В стане далеком Аякса и в стане царя Ахиллеса,
Кои на самых концах с многовеслыми их кораблями
Стали, надежные оба на силу их рук и на храбрость.
Там возвышаясь, богиня воскликнула мощно и страшно,
Крик обращая к ахейцам; и каждому в сердце вдохнула
Бурную силу, без устали вновь воевать и сражаться:
Всем во мгновенье война им кровавая — сладостней стала,
Чем на судах возвращенье в любезную землю родную.

Громко кричал и Атрид, препоясаться в брань возбуждая
Воев аргивских, и сам покрывался блистательной медью.
Прежде всего положил на могучие ноги поножи
Пышные, кои серебряной плотно смыкались наглезной.
После вкруг персей герой надевал знаменитые латы,
Кои когда-то Киниpас ему подарил на гостинец:

Ибо до Кипра достигла великая молвь, что ахейцы
Ратью на землю троянскую плыть кораблями решились;
В оные дни подарил он Атрида, царю угождая.
В латах сих десять полос простиралися ворони черной,
Олова белого двадцать, двенадцать блестящего злата;
Сизые змеи по ним воздымалися кверху, до выи,
По три с боков их, подобные радугам, кои Кронион
Зевс утверждает на облаке, в дивное знаменье смертным.
Меч он набросил на рамо: кругом по его рукояти
Гвозди сверкали златые; влагалище мечное окрест
Было серебряное и держалось ремнями златыми.
Поднял, всего покрывающий, бурный свой щит велелепный,
Весь изукрашенный: десять кругом его ободов медных,
Двадцать вдоль его было сияющих блях оловянных,
Белых; в средине ж одна воздымалася — черная воронь;
Там Горгона свирепообразная щит повершала,
Страшно глядящая, окрест которой и Ужас и Бегство.
Сребряный был под щитом сим ремень; и по нем протяженный
Сизый дракон извивался ужасный; главы у дракона
Три, меж собою сплетясь, от одной воздымалися выи.
Шлем возложил на главу изукрашенный, четвербляшный,
С конскою гривой, и страшный поверх его гребень качался.
Крепкие два захватил копия, повершенные медью,
Острые, медь от которых далеко, до самого неба,
Ярко сияла. И грянули свыше Паллада и Гера,
Чествуя сына Атрея, царя многозлатой Микены.

Каждый тогда из мужей своему заповедал вознице
Коней устроить в ряды и пред рвом их держать неотступно.
Сами же пешие, в медных доспехах, с оружием в дланях,
Реяли быстрые; шум неумолкный восстал до рассвета.
Конных они упредив, перед рвом построились к бою;
Конные одаль за ними текли; и смятение злое
Зевс промыслитель в толпах их воздвиг, и с высот, из эфира
Росу послал, растворенную кровью; зане обрекал он
Многие храбрых главы ниспослать в обитель Аида.

Трои сыны ополчались, заняв возвышение поля,
Окрест великого Гектора, Полидамаса героя,
Окрест Энея, который, как бог, почитался народом,
Трех Антенора сынов, Агенора героя, Полиба
И Акамаса младого, подобного жителю неба.
Гектор герой между первыми щит обращал круговидный,

Словно звезда вредоносная, то из-за туч появляясь,
Временем блещет, временем кроется в черные тучи,—
Так Приамид, воеводствуя, то меж передних являлся,
То между задних, к сраженью строя; под пламенной медью
Весь он светился, как молния грома метателя Зевса.

Воины так, как жнецы, устроясь друг против друга
Жать ячмень иль пшеницу на ниве богатого мужа,
В встречу бегут полосою, ручни на ручни упадают,—
Так соступившиесь воины, друг против друга бросаясь,
Бились: ни те, ни другие о низком не мыслили бегстве;
С рвением равным главы на сраженье несли и, как волки,
В битве ярились. Вражда веселилась, виновница бедствий,
Токмо одна от бессмертных при страшной присутствуя сече.
Боги другие от брани давно удалились: спокойно
В светлых своих воссидели жилищах, где каждому богу
Дом велелепный воздвигнут, по горным уступам Олимпа.
Все же они порицали гонителя облаков Зевса,
Трои сынам даровать возжелавшего славу победы.
Но не внимал им владыка Олимпа; от всех уклоняся,
Он одинокий сидел в отдаленьи, радостно гордый,
Град созерцая троян, корабли чернооких данаев,
Меди сияние, брань, и губящих мужей, и губимых.

Долго, как длилося утро и день возрастал светоносный,
Стрелы и тех и других поражали, и падали вои.
В час же, как муж дровосек начинает обед свой готовить,
Сев под горою тенистой, когда уже руки насытил,
Лес повергая высокий, и томность на душу находит,
Чувства ж его обымает алкание сладостной пищи,—
В час сей ахеяне силой своей разорвали фаланги,
Крикнувши разом дружина к дружине; вперед Агамемнон
Ринулся первый и свергнул владыку мужей Бианора,
Свергнул и друга его — Оилея, гонителя коней.
Он, с колесницы ниспрянувши, противостал Атрейону,
И в чело устремленного острым копьем Агамемнон
Грянул, копья не сдержал ни шелом его меднотяжелый:
Быстро сквозь медь и сквозь кость пролетело и, в череп ворвавшись,
С кровью смесило весь мозг и смирило его в нападенье.
Бросил сраженных во прахе владыка мужей Агамемнон,
Персями белыми блещущих: он обнажил их доспехи.
Сам устремился на Иза и Антифа, свергнуть пылая

Двух Приамидов (побочный один, а последний законный),
Бывших в одной колеснице: побочный правил конями,
Антиф же стоя воинствовал храбрый; некогда их же,
Пасших овец, Ахиллес, изловив при подошвах идейских,
Ветвями гибкими пленных связал, но избавил за выкуп.
Ныне Атрид их, пространновластительный царь Агамемнон,
Первого в грудь близ сосца поразил длиннотенною пикой;
Антифа ж в ухо мечом огромил и сразил с колесницы.
Спешно с поверженных он совлекал прекрасные брони,
Вспомнивши юношей: прежде он их пред судами ахеян
Видел, как с Иды плененных привел Ахиллес благородный.
Словно как лев быстроногия лани детей беспомощных,
Если придет к логовищу, схвативши в ужасные зубы,
Вдруг сокрушает с костями и юную жизнь похищает;
Мать, как ни близко стоит у детей, но помочь им не может;
Сердце у ней у самой обымает насильственный трепет;
Быстрая, скачет сквозь частый кустарник, сквозь темные рощи,
Пот проливая, бежит от неистовства мощного зверя,—
Так Приамидам никто из троян при погибели грозной
Помощи не дал; они пред ахейцами сами бежали.

Вслед он Пизандра и пылкого в битвах постиг Гипполоха,
Братьев, сынов Антимаха, который, приняв от Париса
Злато, блистательный дар, на советах всегда прекословил
Всем предлагающим выдать Елену царю Менелаю.
Мужа сего двух сынов изловил Агамемнон могучий,
Бывших в одной колеснице и вместе коней укрощавших;
Ибо из дланей у них убежали блестящие вожжи;
Оба смутились они, и на них, как лев, устремился
Царь Агамемнон. Они с колесницы к нему возопили:
«Даруй нам жизнь, о Атрид! И получишь ты выкуп достойный.
Много в дому Антимаха лежит драгоценностей в доме;
Много и меди, и злата, и хитрых изделий железа.
С радостью выдаст тебе неисчислимый выкуп родитель,
Если услышит, что живы мы оба, в плену у данаев».

Так вопиющие оба, царя преклоняли на жалость
Ласковой речью; но голос не ласковый слух поразил им:
«Если вы оба сыны Антимаха, враждебного мужа,
Что на сонме троянам совет подавал Менелая,
В Трою послом приходившего с мудрым Лаэртовым сыном,
Там умертвить, а обратно его не пускать к аргивянам,—
Се вам достойная мзда за презренную злобу отцову!»

Рек — и могучим ударом Пизандра сразил с колесницы.
В грудь он копьем пораженный, ударился тылом о землю.
Спрянул с коней Гипполох; и его низложил он на землю,
Руки мечом отрубивши и голову с выей отсекши;
И, как ступа, им толкнутый, труп покатился меж толпищ.

Бросив сраженных, туда, где сильнее толпились фаланги,
Ринулся он, и за ним меднобронные мужи ахейцы.
Пешие пеших разят, предающихся бегству неволей,
Конные конных (от них заклубилося облако праха
С поля, взвиваясь ногами гремящих копытами коней),
Медью друг друга сражают; но мощный Атрид непрестанно
Гнал, поражая бегущих и криком своих ободряя.
Словно как хищный огонь на нерубленый лес нападает;
Вихорь крутящийся окрест разносит его, и из корней
С треском древа упадают, крушимые огненной бурей,—
Так под руками героя Атрида главы упадали
В бег обращенных троян; крутовыйные многие кони
С громом по бранным путям колесницы носили пустые,
Славных пща их возниц, а они по долине лежали
Бледные, коршунам больше приятные, чем их супругам.

Гектора ж Зевс промыслитель от стрел удалил и от праха,
Вне пораженья поставил, и крови, и бурной тревоги.
Но Агамемнон преследовал, мощно своих возбуждая.
Толпища мимо кургана Дарданского древнего Ила
Полем, нестройные, мимо смоковницы дикой бежали,
Сердцем летящие в град; неотступно преследовал с криком
Царь Агамемнон и кровью багрил необорные руки.
Но, приближася к дубу и к Скейским воротам, трояне
Там удержались и, став, ожидали последних бегущих.
Те же еще по долине как робкие бегали кравы,
Если их лев распугает, пришедший в глубокую полночь,
Всех; но единой из них предстоит ужасная гибель:
Выю он вдруг ей крушит, захвативши в могучие зубы,
После и кровь, и горячую внутренность всю поглощает,—
Так их бегущих преследовал мощный Атрид, непрестанно
Мужа последнего пикой сражая; бежали трояне.
Многие ниц и хребтом упадали, сраженные с коней
Дланью Атридовой: так впереди он свирепствовал пикой.

Но когда, побеждая, под град и высокую стену
Он приближался, в то время отец и бессмертных и смертных,

Зевс, на превыспренном холме обильной потоками Иды,
С неба нисшедший, воссел; и держал он перуны в деснице;
И к посланнице быстрой вещал, златокрылой Ириде:
«Шествуй, посланница быстрая, Гектору слово поведай:
Дондеже зрит он, что пастырь народа Атрид Агамемнон,
Между передних свирепствуя, губит ряды брапоносцев,
Пусть от него уклоняется, токмо других ободряя
Храбро с мужами враждебными ратовать в битве жестокой.
Но когда копием иль троянской стрелой пораженный,
Бросится он в колесницу, пошлю я Гектору крепость:
Будет разить он, доколе дойдет к кораблям быстролетным,
И закатится солнце, и мраки священные снидут».

Рек; повинуется быстрая, равная вихрям Ирида;
С Иды горы устремляется к Трое, священному граду;
Там Приамида героя, великого Гектора видит,
В сонме дружин на конях, в колеснице стоящего светлой;
Став перед ним, провещает подобная вихрям Ирида:
«Гектор, Приамова отрасль, равный советами Зевсу!
Зевс посылает меня, да тебе изреку его слово:
Дондеже зришь ты, что пастырь народа Атрид Агамемнон,
Между передних свирепствуя, губит ряды ратоборцев,
Сам от него уклоняйся и токмо других ободряй ты
Храбро с мужами враждебными ратовать в битве жестокой.
Но, когда копием иль троянской стрелой пораженный,
Бросится он в колесницу, тебе ниспошлет он могучесть:
Будешь разить ты, доколе дойдешь к кораблям быстролетным,
И закатится солнце, и мраки священные снидут».

Так говоря, отлетела подобная вихрям Ирида.
Гектор герой с колесницы с оружием прянул на землю;
Острые копья колебля, кругом обходил ополченья,
В бой распаляя сердца; и возжег он ужасную сечу.
Вспять обратились трояне и стали в лицо аргивянам,
Аргоса вои с противной страны укрепили фаланги.
Битва восставлена; стали навстречу; и царь Агамемнон
Ринулся первый: пылал и в передних он первым сражаться.

Ныне поведайте, Музы, живущие в сенях Олимпа,
Кто Агамемнону противостал на сражение первый
Между троян конеборственных или союзников славных? —
Сын Антеноров, герой Ифидамас, огромный и сильный,

В Фракии холмной воспитанный, матери стад рунопосных.
Там Антенорова сына Киссей воспитал с колыбели,
Дед знаменитый его, белоногой Феаны родитель.
Но когда он достигнул возраста юности славной,
Дед, удержавши его, сочетал с ним дочь. Новобрачный,
Вдруг из чертога он брачного славой ахеян увлекся;
В черных двенадцати быстрых судах полетел к Илиону;
Но, суда многоместные в граде Перкоте оставив,
Пеший с дружиной пошел и вступил в илионские стены.
Он Агамемнону противостал на сражение первый.—
Чуть соступились оба, идущие друг против друга,
Ринул Атрид и прокинул: оружие мимо промчалось.
Но Ифидамас средь запона, ниже спяющей брони,
Пику вонзил и на древко налег, уповая на силу.
Тщетно герой напрягался пронзить изукрашенный пояс:
Первое встретив сребро, как свинец, изогнулося жало.
Древко, рукой охватив, повелитель мужей Агамемнон
Мощно повлек, разъяренный, как лев, и из рук сопостата
Вырвал; его же по вые мечом поразил и низвергнул.
Там, по земле распростершися, сном засыпает он медным,
Бедный, друзей защищавший, далеко от верной супруги
Юной, от коей и ласк не принял, но дарами осыпал:
Сто ей волов сперва даровал и еще обещал он
Тысячу коз и овец из стад у него неисчетных.
Ныне ж его Агамемнон во прахе нагого оставил
И понес меж толпами доспех пораженного пышный.

Скоро Атрида увидел Коон, знаменитый воитель,
Сын Антеноров старейший, и сердца глубокая горесть
Очи ему помрачила при виде простертого брата.
Стал в стороне он с копьем, неприметный герою Атриду;
Быстро ударил и в руку его поразил возле локтя:
Руку насквозь прокололо копейное яркое жало,
И содрогся от страха владыка мужей Агамемнон;
Брани ж и боя герой не оставил и так; на Коона
Ринулся грозный, колебля копье, возращенное бурей.
Он же тогда Ифидамаса, милого брата родного,
Пламенно за ногу влек, призывающий храбрых на помощь.
Влекшего тело его, под огромным щитом, Агамемнон
Сулицей медяножальной ударил и силы разрушил,
И на братнем трупе главу с него ссек налетевший.
Так Антенора сыны, под руками Атрида героя
Участь свою совершив, погрузились в обитель Аида.

Он же, могучий, другие ряды обходил ратоборцев,
Их и копьем, и мечом, и огромными камнями бьющий,
Кровь покуда горячую свежая рана струила.
Но лишь рана засохла и черная кровь унялася,
Боли мучительно-острые в душу Атрида вступили.
Словно как мать при родах раздирают жестокие стрелы,
Острые, кои вонзают Илифии, Геры дщери,
Женам родящим присущие, мук их владычицы горьких,—
Столько же острые боли вступили в Атридову душу.
Он, в колесницу вскоча, повелел своему браздодержцу
Коней к судам устремить мореходным; и, сердцем терзаясь,
Крик он, кругом раздающийся, поднял, к ахеям взывая:
«Други, вожди и правители мудрые храбрых данаев!
Вы отражайте теперь от ахейских судов мореходных
Тяжкую битву; а мне не позволил Кронид промыслитель
Ратовать целый сей день с вероломными чадами Трои».

Так произнес,— и бичом браздодержец коней пышногривых
К черным погнал кораблям, и послушные кони летели;
Пену по персям клубя и кругом осыпаяся прахом,
С бранного поля несли удрученного язвой владыку.

Гектор, едва усмотрел отходящего с битвы Атрида,
Голосом звучным вскричал, возбуждая троян и ликиян:
«Трои сыны, и ликийцы, и вы, рукопашцы дарданцы!
Будьте мужами, друзья, и вспомните бурную храбрость!
С боя уходит храбрейший, и мне знаменитую славу
Зевс посылает; направьте, трояне, коней звуконогих
Прямо на гордых данаев, стяжайте высокую славу!»

Так восклицая, возжег он и силу и мужество в каждом.
Словно как ловчий испытанный псов белозубых станицу
В лов раздражает на льва иль на дикого вепря лесного,
Так на аргивских мужей троян раздражал крепкодушных
Гектор герой, человеков губителю равный Арею;
Сам же он, гордо мечтающий, первый пред ратью идущий,
В битву влетел, как высококрутящийся вихорь могучий,
Свыше который обрушась, весь понт черноводный волнует.

Кто же был первый и кто был последний, которых низвергнул
Гектор герой, как победу ему даровал Олимпиец?
Первый Ассей, и вослед Автоной, и Опид брапоносный,

Клития отрасль Долоп, Агелай, и могучий Офелтий,
Ор и отважный Эпимн, и Гиппоной, пламенный в битвах:
Сих поразил он ахейских вождей именитых, а ратных
Множество: словно как Зефир на облаки облаки гонит,
Хладного Нота порывами бурными их поражая;
Волны, холмясь, беспрестанно крутятся, и пена высоко
Брызжет, взрываясь порывами многостороннего ветра,—
Так беспрестанно от Гектора падали головы ратных.

Гибель была б, совершилось бы тут невозвратное дело,
Верно, упали б в суда отраженные рати ахеян,
Если б Тидида на бой не призвал Одиссей прозорливый:
«Что, Диомед, мы стоим и забыли воинскую доблесть?
Шествуй сюда ты и стань близ меня: нестерпимый позор нам,
Если у нас корабли завоюет божественный Гектор!»

Сыну Лаэрта в ответ говорил Диомед нестрашимый:
«Стану, о друг, я и здесь устою; но пользы немного
Будет от нашего мужества: Зевс, потрясатель эгида,
Больше троянам, чем нам, даровать одоленье хочет!»

Так произнес — и Фимбрея сразил с колесницы на землю,
В грудь у сосца поразивши копьем; Одиссей же могучий
Богу подобного сверг Молиона, клеврета царева.
В прахе оставили сих, успокоенных ими от брани;
Сами ж, толпу проходя, волновали ее и, как вепри
Вдруг на псов, их гонящих, гордые мечутся сами,—
Так, обратяся, они истребляли троян, а данаи
Радостно все отдыхали от бегства пред Гектором грозным.

Тут колесницу они и могучих мужей изловили,
Двух сынов перкозийца Меропа, который славнейший
Был предсказатель судьбы и сынам не давал позволенья
К брани погибельной в Трою идти; не послушали дети
Старца родителя: рок увлекал их к погибели черной.
Их обоих Тидейон Диомед, знаменитый копейщик,
Душу и жизнь сокрушил и прекрасные сбруи похитил.
Царь Одиссей Гипподама сразил и вождя Гипероха.

Тут в равновесии бой распростер меж народов Кронион,
С Иды взиравший на брань, и они поражали друг друга.
Мощный Тидид копием уязвил в бедро Агастрофа,
Сына Пеонова храброго: коней при нем, чтоб избегнуть,

Не было близко; так Пеонид омрачился душою.
Их возница держал в отдалении; сам же он пеший
Рыскал меж сонмов передних, пока погубил свою душу.
Гектор героев узрел сквозь ряды и на них устремился
С криком свирепым; за ним и троян полетели фаланги.
Сердцем смутился, увидев его, Диомед благородный
И мгновенно воззвал к близ стоящему сыну Лаэрта:
«Гибель крутится на нас, шлемоблещущий Гектор могучий!
Но останемся здесь, отразим ее, противуставши!»

Рек он — и, мощно сотрясши, послал длиннотенную пику.
И улучил, без ошибки уметил в главу Приамида,
В верх коневласого шлема; но медь отскочила от меди:
К белому телу коснуться шелом возбранил дыроокий,
Крепкий, тройной, на защиту герою дарованный Фебом.
Гектор далеко отпрянул назад и, смесившись с толпою,
Пал на колено; могучей рукой упираяся в землю,
Томный поникнул; и взор ему черная ночь осенила.
Но пока Диомед за копьем, пролетевшим далеко,
Шел сквозь ряды первоборные, где оно в землю вонзилось,—
Гектор с духом собрался и, бросившись вновь в колесницу,
К дружним толпам поскакал и избегнул гибели черной.
С пикой преследуя, громко вскричал Диомед нестрашимый:
«Снова ты смерти, о пес, избежал! Над твоей головою
Гибель летела, и снова избавлен ты Фебом могучим.
Феба обык ты молить, выходя на свистящие стрелы!
Но, убив тебя, я разделаюсь, встретившись после,
Если и мне меж богов-небожителей есть покровитель!
Ныне пойду на других и повергну, которых постигну!»

Рек — и с Пеонова сына доспехи совлечь наклонился.
Тою порой Александр, супруг лепокудрой Елены,
Скрывшись за столб гробовой на могиле усопшего мужа,
Ила, Дарданова сына, почтенного в древности старца,
Лук наляцал на Тидеева сына, владыку народа;
И как тот, наклонясь, обнажал Агастрофа героя:
Щит от рамен, испещренные латы от персей и тяжкий
Шлем от главы,— Александр, рукоятие лука напрягши,
Мечет стрелу, и не тщетно она из руки излетела:
Ранил в десную пяту, и стрела, пробежав сквозь подошву,
В землю вонзилась. Парис торжествующий, с радостным смехом
Вдруг из засады подпрянул и, гордый победой, воскликнул:
«Ты поражен! и моя не напрасно стрела полетела!

Если б в утробу тебе угодил я и душу исторгнул!
Сколько-нибудь отдохнули б от бед обитатели Трои,
Коих страшишь ты, как лев истребительный агнцев блеющих!»

И ему, не робея, Тидид отвечал благородный:
«Подлый стрелец, лишь кудрями гордящийся, дев соглядатай!
Если б противу меня испытал ты оружий открыто,
Лук не помог бы тебе, ни крылатые частые стрелы!
Ты, у меня лишь пяту оцарапавши, столько гордишься;
Мне же ничто! как бы дева ударила или ребенок!
Так тупа стрела ничтожного, слабого мужа!
Иначе мчится моя: лишь враждебного тела достигнет,
Острой влетает стрелой,— и пронзенный лежит бездыханен!
И мгновенно вдова его в грусти терзает ланиты,
Дети в дому сиротеют, и сам он, кровавящий землю,
Тлеет, и вкруг его тела не жены, а птицы толпятся!»

Так он вещал,— и, к нему приступив, Одиссей копьеборец
Стал впереди; Диомед же, присев, из ноги прободенной
Вырвал стрелу, и по телу жестокая боль пробежала.
Он, в колесницу вскочив, повелел своему браздодержцу
Коней к судам устремить мореходным: терзалось в нем сердце.

Тут Одиссей копьеборец покинут один; из ахеян
С ним никто не остался: всех рассеял их ужас.
Он, вздохнув, говорил к своему благородному сердцу:
«Горе! что будет со мною? позор, коль, толпы устрашася,
Я убегу; но и горше того, коль толпою постигнут
Буду один я: других аргивян громовержец рассыпал.
Но почто мою душу волнуют подобные думы?
Знаю, что подлый один отступает бесчестно из боя!
Кто на боях благороден душой, без сомнения, должен
Храбро стоять, поражают его или он поражает!»

Тою порою, как думы сии обращал он на сердце,
Быстро троянцев ряды приступили к нему щитоносцев
И сомкнулись кругом, меж себя заключая их гибель.
Словно как вепря и быстрые псы, и ловцы молодые
Вдруг окружают, а он из дремучего леса выходит
Грозный, в искривленных челюстях белый свой клык изощряя;
Ловчие вкруг нападают; стучит он ужасно зубами,
Гордый зверь; но стоят звероловцы, как он ни грозен,—
Так на любимца богов Одиссея кругом нападали

Мужи троянские; он отбивался, и острою пикой
Первого ранил в поверхность плеча Дейопита героя;
После, Фоона и Эннома друг возле друга низринув,
Он Херсидама троянца, когда с колесницы тот прядал,
В чрево блестящим дротом, под щитом его выпуклобляшным,
Ранил; во прахе простершись, руками хватает он землю.
Сих он оставил, и вслед поразил Гиппасида Харона,
Милого брата рождением славного Сока героя.
В помощь ему устремившися, Сок, небожителю равный,
Быстро и близко предстал и к Лаэртову сыну воскликнул:
«Царь Одиссей! неистомный в трудах, неоскудный в коварствах!
Днесь — или ты над двумя Гиппасидами будешь гордиться,
Свергнув мужей таковых и доспех их блестящий похитив,
Или, копьем ты моим ниспроверженный, душу погубишь!»

Рек он — и пикой в размах поразил по щиту Одиссея:
Щит светозарный насквозь пробежала могучая пика,
Броню, художеством пышную, быстро пронзила и кожу
Всю отделила от ребр Одиссеевых; но запретила
Меди Паллада Афина касаться утробы героя.
И, познав Одиссей, что стрелой не смертельной постигнут,
Мало назад отступил и к Гиппасову сыну воскликнул:
«Нет, злополучный, тебя постигает жестокая гибель!
Ты воспрепятствовал мне с фригиянами ныне сражаться;
Я же тебе предвещаю убийство и черную гибель:
Здесь и теперь же моим копием ты поверженный, славу
Даруешь мне, и Аиду, конями гордящемусь, душу!»

Рек он,— и Сок, от него обратившися, в бег устремился;
И ему обращенному пику в хребет углубил он
Между рамен и насквозь через перси широкие выгнал.
С шумом он грянулся в прах, и вскричал Одиссей, торжествуя:
«Сок, о воинственный сын укротителя коней Гиппаса!
Смертная участь постигла тебя, от нее не избег ты!
Ах, злополучный! тебе ни отец, ни почтенная матерь
Темных очей не закроют, умершему; хищные птицы
Скоро тебя разорвут, поражая густыми крылами!
Мне же, умершему, честь воздадут аргивяне герои!»

Так восклицающий, Сока могучего бурную пику
Вырвал из язвы своей и щита Одиссей благородный;
Вслед за оружием хлынула кровь, и душа затомилась.
Мужи троянские только увидели кровь Одиссея,

Крикнув друг другу в толпе, на единого все устремились.
Он же от них отступал и друзей призывал, восклицая.
Трижды вскричал Одиссей, как смогла голова человека;
Трижды послышал сей крик Менелай, копьеборец могучий,
Быстро Атрид возгласил к находившемусь близко Аяксу:
«О Теламонид, Аякс благородный, властитель народа!
Крик Одиссея героя ко мне достигает призывный,
Крику подобный, как будто его одного угнетают
Боем трояне, отрезав от всех на побоище страшном.
Друг, устремимся в толпу: защитить Одиссея нам должно!
Я трепещу, да один меж троянами он не постраждет,
Как ни отважен; великая скорбь поразила б ахеян!»

Рек,— и грядет он, сопутствуем мужем, бессмертному равным.
Скоро они Одиссея узрели: толпою ходили
Окрест героя враги, как меж гор кровожадные волки
Окрест еленя рогатого, коего муж звероловец
Ранил из лука стрелой; от него избежал быстроногий,
Мчася, доколе вращались горячая кровь и колена;
Но когда его мощь одолела стрела роковая,
Хищные волки его, между гор растерзав, пожирают
В мрачной дубраве, и льва истребителя демон приводит;
Волки кругом рассыпаются; добычу лев пожирает,—
Так вокруг Одиссея, искусного в битвах, ходили
Мужи троянские, многие, сильные, он же, бесстрашный,
Вкруг обращаясь, копьем отражал роковую годину.
Сын Теламонов приближился, щит, как башню, несущий;
Стал перед ним, и трояне рассыпались друг перед другом.
За руку взявши его, из толпы выводил благородный
Царь Менелай, пока не предстал с колесницей возница.

Бурный Аякс, на троян опрокинувшись, ранил Дорикла,
Сына Приама побочного; там же он Пандока свергнул,
Свергнул, кругом нападая, Лизандра, Пираза, Пиларта.
Словно река наводненная в поле незапная хлынет,
Бурно упавшая с гор, отягченная Зевсовым ливнем;
Многие дубы иссохшие, многие древние сосны
Мчит и, крутящаясь, ил свой взволнованный в море бросает,—
Так устремился и всё взволновал Теламонид могучий,
Коней разя и мужей. Но погибельной смуты не ведал
Гектор; на левом конце он пылающей брани сражался,
Вдоль по брегу Скамандра пучинного, где наиболе

Падали головы ратных, и бранные клики гремели
Около Нестора старца и сильного Идоменея.
Гектор меж ними вращался могучий и грозное деял:
Пикой и бурной ездой сокрушал он фаланги данаев.
Но не оставили б поля данайские храбрые рати,
Если б герой Александр, супруг лепокудрой Елены,
Битвы прервать не принудил Махаона, храброго мужа,
В правое рамо его поразив троежальной стрелою.
Все за него ужаснулись пылавшие бранью данаи,
Чтобы его, при несчастливой битве, враги не сразили.
Идоменей к знаменитому Нестору первый воскликнул:
«Нестор Нелид, о великая слава ахейских народов!
Стань в колесницу немедленно; пусть и почтенный Махаон
Станет с тобой; и гони к кораблям ты коней быстроногих.
Опытный врач драгоценнее многих других человеков,
Зная вырезывать стрелы и язвы целить врачевствами».

Рек,— и ему не противился Нестор, конник геренский;
Скоро взошел и предстал с колесницей; в нее и Махаон
Быстро взошел, врача превосходного сын знаменитый.
Старец стегнул по коням, и охотно они полетели
К кущам ахейским: туда их несло и желание сердца.

Тою порой Кебрион, Приамидов сподвижник-возница,
Рати троянской смятенье увидел и молвил герою:
«Гектор! тогда как мы здесь подвизаемся между данаев,
Здесь, на конце истребительной брани,— взгляни ты, другие
Наши волнуются рати; смесились и кони и вои.
Их Теламонид волнует Аякс; узнаю ратоводца:
Носит на раме огромный он щит. Но туда мы и сами
Бурных коней обратим с колесницею; там наипаче
Толпища пеших и конных, с ужасным свирепством сшибаясь,
Режутся между собою, и крик их гремит неумолкный!»

Так Кебрион произнесши, коней пышногривых ударил
Звонким бичом, и ударам возницы послушные кони
Быстро меж ратных рядов с колесницею легкой летели,
Трупы топча, и щиты, и шеломы: забрызгалась кровью
Снизу медяная ось и сверху скоба колесницы,
В кои от конских копыт и от ободов бурных хлестали
Брызги кровавые,— так Приамид поспешал погрузиться
В сонмы мужей и, нагрянув, расторгнуть их! Страшную смуту
Он меж данаев воздвигнул и редко с копьем расставался.

Он и другие ряды обходил ратоборцев ахейских,
Их и копьем, и мечом, и огромными камнями бьющий;
Но с Аяксом борьбы избегал, с Теламоновым сыном:
Зевс раздражился бы, если б он с мужем сильнейшим сразился.

Зевс же, владыка превыспренний, страх ниспослал на Аякса:
Стал он смущенный и, щит свой назад семикожный забросив,
Вспять отступал, меж толпою враждебных, как зверь, озираясь,
Вкруг обращаясь, тихо колено коленом сменяя.
Словно как гордого льва от загона волов тяжконогих
Гонят сердитые псы и отважные мужи селяне;
Зверю они не дающие тука от стад их похитить,
Целую ночь стерегут их, а он, насладиться им жадный,
Мечется прямо, но тщетно ярится: из рук дерзновенных
С шумом летят, устремленному в сретенье, частые копья,
Главни горящие; их устрашается он и свирепый,
И со светом Зари удаляется, сердцем печальный,—
Так Теламонид, печальный душой, негодующий сильно,
Вспять отошел: о судах он ахеян тревожился страхом.
Словно осел, забредший на ниву, детей побеждает,
Медленный; много их палок на ребрах его сокрушилось;
Щиплет он, ходя, высокую пашню, а резвые дети
Палками вкруг его бьют,— но ничтожна их детская сила;
Только тогда, как насытится пашней, с трудом выгоняют,—
Так Теламонова сына, великого мужа Аякса,
Множество гордых троян и союзников их дальноземных,
Копьями в щит поражая, с побоища пламенно гнали.
Он же, герой, иногда вспомянувши бурную силу,
К ним обращался лицом и удерживал, грозный, фаланги
Конников храбрых троян; иногда обращался он в бегство,
Но дорогу им всем заграждал к кораблям быстролетным;
Часто меж двух ополчений свирепствовал сын Теламонов,
Ставши один: устремленные копья из рук дерзновенных
Многие в щит семикожный вонзались, вперед порываясь,
Многие, середь пути, не коснувшися белого тела,
В землю вонзяся, стояли, насытиться алчные телом.

Скоро Аякса увидел блистательный сын Эвемона,
Вождь Эврипил, удрученного тучей метательных копий;
Бросился, стал близ него и, сияющий ринувши дротик,
Сильного рати вождя Апизаона, Фавзова сына,
В печень под сердце пронзил и на месте сломил ему ноги,

Прянул к нему Эврипил, да похитит оружия с персей.
Но его, обнажавшего Фавзова сына, увидел
Богу подобный Парис Приамид и немедленно крепкий
Лук на него натянул и крылатой стрелою десное
Ранил бедро; сокрушилася трость и бедро отягчила.
Вспять он к дружинам своим отступил, избегающий смерти;
Крик между тем, кругом раздающийся, поднял к данаям:
«Други, вожди и правители мудрые храбрых данаев!
Станьте троянам в лицо, отразите скорей от Аякса
Пагубный день; удручен он стрелами, и, мыслю, не может
Сам избежать он из сечи погибельной! В встречу враждебным
Станьте, друзья, за Аякса героя, за славу данаев!»

Так восклицал Эврипил уязвленный, и быстро данаи
Вкруг Эвемонида стали, щиты к раменам приклонивши,
Копья уставивши; к ним невредимый исшел Теламонид
И, к дружинам приближася, стал он лицом на враждебных.
Так брауоносцы сражались, подобно пылающим пламам.

Нестора с поприща бранного мчали Нелеевы кони,
Пеной покрытые; с ним и Махаона, славного мужа.
Старца увидев, узнал Пелейон Ахиллес быстроногий.
В оное время герой стоял на корме корабельной,
Смотря на бранный труд и плачевное бегство ахеян;
Начал к себе призывать он любезного друга Патрокла,
Громко крича с корабля; из-под сени, услышав, он быстро
Вышел, Арею подобный,— и было то горя началом.
Первый вещал к Ахиллесу Менетиев сын благородный:
«Что, Ахиллес, призываешь меня ты и что повелишь мне?»

И, Патроклу ответствуя, рек Ахиллес быстроногий:
«О, Менетид благородный, о друг, любезнейший сердцу!
Ныне, я думаю, скоро колена мои аргивяне
Придут обнять: нестерпимая более нужда гнетет их.
Но спеши, Менетид, вопроси у Нелеева сына,
С битвы кого уязвленного старец почтенный увозит?
Сзади Махаону кажется он совершенно подобным,
Сыну Асклепия; мужа в лицо не успел я увидеть;
Мимо меня проскакали стремительно быстрые кони».

Так произнес,— и Патрокл покорился любезному другу;
Бросился быстро бежать вдоль судов мореходных и кущей.

Тою порою достигнули мужи Нелидовой кущи.
Оба сошли с колесницы на щедро-питающу землю;
Коней приняв, отрешил Эвримедон, старцев служитель,
Сами ж они на хитонах их пот прохлаждали горячий,
Став против ветра на береге моря; когда прохладились,
В сенницу оба вошли и на креслах покойных воссели.
Им Гекамеда кудрявая смесь в питие составляла,
Дочь Арсиноя, которую он получил в Тенедосе,
В день, как Пелид разорил, и которую старцу ахейцы
Сами избрали наградой: советами всех побеждал он.
Прежде сидящим поставила стол Гекамеда прекрасный,
Ярко блестящий, с подножием черным; на нем предложила
Медное блюдо со сладостным луком, в прикуску напитка,
С медом новым и ячной мукою священной;
Кубок красивый поставила, из дому взятый Нелидом,
Окрест гвоздями златыми покрытый; на нем рукояток
Было четыре высоких, и две голубицы на каждой
Будто клевали, златые; и был он внутри двоедонный.
Тяжкий сей кубок иной не легко приподнял бы с трапезы,
Полный вином; но легко подымал его старец пилосский.
В нем Гекамеда, богиням подобная, им растворила
Смесь на вине прамнейском, натерла козьего сыра
Теркою медной и ячной присыпала белой мукою.
Так уготовя напиток составленный, пить приказала.
Мужи, когда питием утолили палящую жажду,
Между собой говоря, наслаждались беседой взаимной.

Вдруг во дверях их стал Патрокл, небожителю равный.
Старец, увидев его, устремился с блистательных кресел,
За руку далее ввел и упрашивал сесть между ними;
Но Менетид отрекался и быстрой ответствовал речью:
«Нет, не година сидеть,— не преклонишь, божественный старец.
Много почтен, но и грозен пославший меня известиться,
С битвы кого пораженного вез к кораблям ты. Но мужа
Сам узнаю, Махаона я вижу, владыку народов.
С вестью обратно спешу, чтоб ее возвестить Ахиллесу.
Знаешь довольно и сам ты, божественный старец, какой он
Взметчивый муж: и невинного вовсе легко обвинит он».

Быстро ему ответствовал Нестор, конник геренский:
«Что же герой Ахиллес беспокоится так о данаях,
Медью враждебной в бою пораженных? Но знает ли всё он
Горе, постигшее воинство наше! Храбрейшие мужи

В стане лежат, иль в стрельбе, или в битве пронзенные медью!
Ранен стрелою Тидид Диомед, воеватель могучий,
Ранен копьем Одиссей знаменитый, Атрид Агамемнон.
Вот и сего предводителя я из погибельной битвы
Вывез, пронзенного в рамо стрелой. Но Пелид градоборец,
Сильный Пелид об ахейских сынах не радит, не жалеет!
Может быть, ждет он, доколе суда на брегу Геллеспонта,
В битве ахеян бесплодной, под вражеским пламенем вспыхнут,
Сами ж падем мы один близ другого? Лишился я, старец,
Силы, какая, бывало, кипела в гибких сих членах!
Если бы молод я стал и могучестью крепок, как прежде,
В годы, когда возгорелася распря меж нас и элеян,
Хищников стада; когда Гиппирохова мощного сына
Я поразил Итимонея, жившего в злачной Элиде,
И отбил все возмездие: стадо свое защищая,
Он поражен меж передними бурною пикой моею;
Пал, и мгновенно рассыпались сельские ратники в страхе.
Мы от элеян добычу богатую с поля погнали:
Овчих ватаг пятьдесят и столько же гуртов воловых,
Столько же стад и свиных, и бесчисленных козьих, и с ними
Конский табун захватили мы, сто пятьдесят светломастных
Всё кобылиц, и при многих прекрасные были жребята.
Всю добычу великую ночью вогнали мы в город,
В Пилос Нелеев; восхитился духом Нелей, мой родитель,
Видя, сколь много добыл я, в сражение вышедши, юный.
Вестники подняли клич, с появлением ранней Денницы
Всех призывая, кто долг лишь имел на Элиде священной.
Стекся пилосский народ, и властители мужи добычу
Всем разделяли (элеяне многим остались должны
В дни, как, уже малолюдные, в Пилосе мы злострадали:
Нас угнетала постигшая Пилос Гераклова сила
В древние годы: защитники града храбрейшие пали.
В доме Нелея двенадцать сынов-ратоборцев нас было,
И остался один я: они до последнего пали!
Сим возгордившися, меднодоспешные мужи элейцы
Нами ругались и многие нам умышляли злодейства).
Старец себе и волов и овец великое стадо
Взял, как возмездие, триста избравши и пастырей с стадом;
Долг бо великий и старец имел на Элиде священной:
Славных, в ристанье победных четыре коня с колесницей,
Бегом стязаться ходивших, и был предназначен треножник
Бега наградой; но их повелитель народа Авгеас
Нагло отъял и возницу, о конях печального, изгнал.

Старец Нелей, оскорбленный словами его и делами,
Много избрал для себя; остальное же отдал народу
В равный раздел: да никто от него обделен не отыдет.
Мы совершали взаимный раздел и по граду Нелея
Жертвы богам приносили. Враги же на третие утро
Силою всей, меднолатные мужи и быстрые кони,
Разом пришли; ополчилися с ними и два Молиона,
Юноши, вовсе еще не знакомые с бурною бранью.
Есть Фриоесса град, на высоком утесе лежащий,
Дальний, на бреге Алфея, кончающий Пилос песчаный.
Град сей враги кругом обступили, разрушить пылая.
Но, лишь толпы их прошли подгородное поле, Афина
Вестницей нам, от Олимпа нисшедшая, ночью явилась,
Брань возвещая, и в граде пилосцев собрала не робких,
Но беспредельно пылавших сразиться. Нелей, мой родитель,
Мне запретил ополчаться и скрыл от меня колесницу,
Мысля, что я еще млад и неопытен в подвигах ратных.
Я же и так между конников наших славой покрылся,
Пеший: меня на сражение так устремила Афина.—
Есть Миниейос река, и падет она в шумное море
Близко Арены; Денницы священной мы там ожидали,
Конные вои, а пешие тою порою стекались.
С оного места, со всею мы силой, с оружием в дланях,
В полдень пришли совокупно к священному току Алфея.
Там, всемогущему Зевсу принесши избранные жертвы,
Богу Алфею тельца и тельца Посейдону заклали;
Но Афине Палладе ярмом не смиренную краву.
После воинством целым толпа близ толпы вечеряли;
И наконец опочить, но с оружием каждый, легли мы
Вдоль по брегу Алфея; а гордые духом эпейцы
Около града стояли уже и разрушить пылали.
Но предстало им прежде великое дело Арея.
Только лишь ясное солнце взошло над пространной землею,
Мы наступили на них, помоляся Афине и Зевсу.
И едва лишь пилосцы с эпейцами бой завязали,
Первый я мужа сразил и похитил коней быстроногих
Мулия воина; зять он Авгеаса был властелина,
Дщери старейшей супруг, светлокудрой жены Агамеды,
Знавшей все травы целебные, сколько земля их рождает.
Мужа сего, наступавшего, свергнул я пикою медной;
Грянулся в прах он, а я, на его колесницу вскочивши,
Между передними стал. И надменные мужи эпейцы
Друг перед другом побегли, увидев сраженного мужа,

Конных вождя, брапоносца эпеян, храбрейшего в битвах.
Я на врагов убегающих грянул, как черная буря;
Взял пятьдесят колесниц, и от каждой два ратоборца
Землю грызли зубами, сраженные пикой моею.
Я поразил бы и двух Акторидов, младых Молионов,
Если бы их не отец, многомощный земли колебатель,
Сам из сражения спас, покрывши облаком темным.
Зевс пилосским мужам даровал и победу и славу;
Мы непрестанно бегущих вдоль поля широкого гнали,
Всех истребляя и пышные их собирая доспехи,
Коней пока не пригнали в Вупрасий, обильный пшеницей,
Где Оленийский утес и курган, Алезийским зовомый.
С оного поля пилосцев назад обратила Паллада.
Там от врагов я последнего сверг, и ахейские мужи
Вспять из Вупрасия в Пилос погнали коней быстроногих,
Все прославляя Кронида в богах, в человеках Нелида.
Некогда был я таков, подвизаясь с мужами! Пелид же
Служит своею доблестью только себе! Но уверен,
Сам он сетовать будет, как воинство наше погибнет!
Друг Менетид, не тебя ль наставлял благородный Менетий
В день, как из Фтии тебя отпускал в ополченье Атрида?
Мы с Одиссеем тогда, находяся в Пелеевом доме,
Слышали в храмине всё, что вещал он, тебя наставляя.
В дом же Пелеев, богато устроенный, мы приходили,
Рать собирая на брань по ахейской земле плодоносной,
И нашли мы тогда Акторида Менетия в доме;
Там был и ты, и герой Ахиллес, а Пелей престарелый
Тучные бедра вола сожигал молнелюбцу Крониду,
Стоя в ограде двора, и, держа златоблещущий кубок,
Черное оным вино возливал на священное пламя;
Вы от закланного части готовили. Мы с Одиссеем
Стали в воротах; и бросился к нам Ахиллес удивленный,
За руки взял и в чертоги привел и, воссесть повелевши,
Нам предложил угощенье, какое гостям подобает.
И когда насладилися мы изобильной трапезой,
Речь я устроил и вас уговаривал следовать с нами;
Вы пламенели на брань, а отцы наставляли вас мудро.
Старец Пелей своему заповедовал сыну Пелиду
Тщиться других превзойти, непрестанно пылать отличиться.
Но Менетий тебе заповедовал так благородный:
— Сын мой! Пелид Ахиллес тебя знаменитее родом,
Летами старее ты, у него превосходнее сила;
Но руководствуй его убеждением, умным советом;

Дружески правь им; всегда он на доброе будет послушен.—
Так заповедовал старец, а ты забываешь. Хоть ныне
Храброму сыну Пелея решись говорить,— не вонмет ли?
Как то узнать? не успеешь ли, с богом, твоим убежденьем
Тронуть в нем сердце? сильно всегда убеждение друга.
Если ж какое пророчество душу его устрашает,
Если ему от Кронида поведала что-либо матерь,—
Пусть он отпустит тебя и с тобою в сражение вышлет
Рать мирмидонскую; может быть, светом ты будешь данаям.
Пусть он позволит тебе ополчиться оружием славным;
Может быть, в брани тебя за него принимая, трояне
Бой прекратят; а данайские воины в поле отдохнут,
Боем уже изнуренные; отдых в сраженьях краток.
Вы, ополченье свежее, рать, истомленную боем,
Быстро к стенам отразите от наших судов и от кущей».

Так говорил он — и сердце Патроклово в персях подвигнул.
Он устремляется вдоль кораблей к Эакиду герою;
Но когда к кораблям Одиссея, подобного богу,
Он приближался бегущий, где площадь и суд был народный,
И кругом алтари божествам их воздвигнуты были,—
Там Эврипил, уязвленный в сражении, с ним повстречался,
Доблестный сын, Эвемона, с стрелою, в бедре углубленной.
Шел он, хромая, с побоища; пот у героя ручьями
Лился холодный с рамен и с главы, а из раны тяжелой
Брызгала черная кровь; но дух оставался в нем твердым.
Видя его, почувствовал жалость Патрокл благородный
И, сострадая, воскликнул, крылатые речи вещая:
«Ах, злополучные мужи, вожди и владыки ахеян!
Так вы должны, далеко от друзей, от отчизны любезной,
Плотию вашею белою псов насыщать илионских?
Но поведай, герой, возвести мне, о Зевсов питомец,
Рати стоят ли еще против Гектора, дивного в бранях?
Или уже упадают, его укрощенные медью?»

Быстро ему Эврипил Эвемонид ответствовал мудрый:
«Нет, благородный Патрокл, избавления нет никакого
Ратям ахейским! в суда они черные бросятся скоро!
Все, которые в воинстве были храбрейшие мужи,
В стане лежат пораженные или пронзенные в брани
Медью троян, а могущество гордых растет непрестанно;
Но спаси ты меня, проводи на корабль мой черный;
Вырежь стрелу из бедра мне, омой с него теплой водою

Черную кровь и целебными язву осыпь врачевствами,
Здравыми; их ты, вещают, узнал от Пелеева сына,
Коего Хирон учпл, справедливейший всех из кентавров.
Рати ахейской врачи, Подалирий и мудрый Махаон,
Сей, как я думаю, в кущах, подобною страждущий язвой,
Сам беспомощный лежит, во враче нуждаясь искусном;
Тот же стоит еще в поле, встречая свирепство Арея».

Снова ему отвечал Менетпев сын благородный:
«Чем еще кончится дело? и что, Эвемонид, предпримем?
В стан я спешу, чтобы всё возвестить Ахиллесу герою,
Что мне приказывал Нестор, страж неусыпный ахеян.
Но тебя я в страдании здесь, Эврипил, не оставлю».

Рек,— и, под грудь подхвативши, повел он владыку народов
К сени; служитель, узрев их, тельчие кожи раскинул.
Там распростерши героя, ножом он из лядвеи жало
Вырезал горькой пернатой, омыл с нее теплой водою
Черную кровь и руками истертым корнем присыпал
Горьким, врачующим боли, который ему совершенно
Боль утоляет; и кровь унялася, и язва иссохла.

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

БИТВА ЗА СТЕНУ

Так под высокою сенью Менетиев сын благородный
Рану вождя врачевал Эврипила; но битва пылала:
Бились данаи с троянами всею их ратью; и больше
Быть обороной данаям не мог уж ни ров, ни твердыня
Крепкая, та, что воздвигли судам на защиту и окрест
Рвом обвели: не почтили они гекатомбой бессмертных,
Их не молили, да в стане суда и добычи народа
Зданье блюдет. Не по воле бессмертных воздвигнуто было
Здание то, и не долго оно на земле уцелело:
Гектор доколе дышал, и Пелид бездействовал гневный,
И доколе нерушенным град возвышался Приамов,
Гордое зданье данаев, стена невредимой стояла.
Но когда как троянские в брани погибли герои,
Так и аргивские многие пали, другие спаслися,

И когда, Илион на десятое лето разрушив,
В черных судах аргивяне отплыли к отчизне любезной,—
В оное время совет Посейдаон и Феб сотворили
Стену разрушить, могущество рек на нее устремивши
Всех, что с Идейских гор изливаются в бурное море:
Реза, Кареза, Гептапора, быстрого Родия волны,
Эзипа, воды Граника, священные волны Скамандра
И Симоиса, где столько щитов и блистательных шлемов
Пало во прах и легли полубоги, могучие мужи:
Устья их всех Аполлон обратил воедино и бег их
Девять дней устремлял на твердыню; а Зевс беспрерывный
Дождь проливал, да скорее твердыня потонет в пучине.
Сам земледержец с трезубцем в руках перед бурной водою
Грозный ходил и всё до основ рассыпал по разливу,
Бревна и камни, какие с трудом аргивяне сложили;
Всё он с землею сровнял до стремительных волн Геллеспонта;
Самый же берег великий, разрушив огромную стену,
Вновь засыпал песками и вновь обратил он все реки
В ложа, где прежде лились их прекрасно струящиеся воды.

Так Посейдаон и Феб Аполлон положили в грядущем
Вместе свершить. Между тем загоралася шумная битва
Вкруг под ахейской стеной; загремели огромные брусья
В башнях громимых. Ахейцы, бичом укрощенные Зевса,
Все при своих кораблях, заключенные в стане, держались,
Гектора силы страшась, разносителя бурного бегства.
Он же, герой, как и прежде, воинствовал, буре подобный.
Словно когда окруженный, меж псов и мужей звероловцев,
Вепрь или лев обращается быстрый, очами сверкая;
Ловчие, друг возле друга, сомкнувшися твердой стеною,
Зверю противостоят и тучами острые копья
Мечут из рук; но не робко его благородное сердце:
Он не дрожит, не бежит и бесстрашием сам себя губит:
Часто кругом обращается, ловчих ряды испытуя;
И куда он ни бросится, ловчих ряды отступают:
Так, пред толпою летающий, Гектор герой обращался,
Ров перейти убеждая дружины. Но самые кони,
Бурные кони, не смели; вздымались и храпали страшно,
Стоя над самою кручею; ров ужасал их глубокий,
Ров, к перескоку не узкий, равно к переходу не легкий:
Вдоль его скатов стремнины отрезные круто стояли
С той и другой стороны; на поверхности острые колья
Рядом по нем возвышались, огромные частые сваи,

Кои ахеяне вбили от гордых врагов обороной.
В ров сей едва ли конь с легкокатной своей колесницей
Мог бы спуститься; но пешие рвалися, им не удастся ль.
Полидамас наконец к дерзновенному Гектору вскрикнул:
«Гектор и вы, воеводы троян и союзников наших!
Мысль безрассудная — гнать через ров с колесницами коней.
Он к переходу отнюдь не удобен: по нем непрерывно
Острые колья стоят, а за ними твердыня данаев.
Нам ни спускаться в окоп сей, ни в оном сражаться не должно,
Конным бойцам: теснина там ужасная, всех переколют.
Ежели подлинно в гневе своем громовержец ахеян
Хочет вконец истребить, а троянских сынов избавляет,—
Я бы желал, чтоб над ними немедленно то совершилось,
Чтоб изгибли бесславно, вдали от Эллады, ахейцы! —
Если ж они обратятся, и храбрый отбой от судов их
Сами начнут, и нас опрокинут на ров сей глубокий,—
После, я твердо уверен, и с вестию некому будет
В Трою прийти от ахеян, в отбой на троян устремленных.
Слушайте ж, други, меня и советам моим покоритесь:
Коней оставим, и пусть пред окопом возницы их держат;
Сами же пешие, в медных доспехах, с оружием в дланях,
Силою всею пойдем мы за Гектором; рати ахеян
Нас не удержат, когда им грозит роковая погибель».

Так говорил он; и Гектор, склонясь на совет непорочный,
Быстро с своей колесницы с доспехами прянул на землю.
Тут и другие вожди перестали на конях съезжаться;
Все за божественным Гектором спрянули быстро на землю.
Каждый тогда своему наказал воевода вознице
Коней построить в ряды и у рва держать их готовых.
Сами ж они, разделяся, толпами густыми свернувшись,
На пять громад устроясь, двинулись вместе с вождями.

Гектор и Полидамас предводили громадою первой,
Множеством, храбростью страшной и более прочих пылавшей
Стену скорее пробить и вблизи пред судами сражаться.
С ними и третий шел Кебрион, а другого близ коней,
В сонме возниц, Кебриона слабейшего, Гектор оставил.
Храбрый Парис, Алкафой и Агенор вторых предводили;
Третьих вели прорицатель Гелен, Деифоб знаменитый,
Два — Приамова сына и третий Азий бесстрашный,
Азий Гиртакид, который на конях огромных и бурных
В Трою принесся из дальней Арисбы, от вод Селлеиса.

Сонмом четвертым начальствовал сын благородный Анхизов,
Славный Эней, и при нем Акамас и Архелох, трояне,
Оба сыны Антенора, искусные в битвах различных,
Но Сарпедон предводил ополченье союзников славных,
Главка к себе приобщив и бесстрашного Астеропея:
Их обоих почитал он далеко храбрейшими многих
После себя предводителей, сам же всех превышал он.
Так изготовясь они и сомкнувшися крепко щитами,
С пламенным духом пошли на данаев; не могут, мечтали,
Противостать, но в суда мореходные бросятся к бегству.

Все тогда, как трояне, так и союзники Трои,
Полидамаса вождя покорились совету благому.
Азий один не хотел, предводитель народов Гиртакид,
Коней оставить у рва со своим возницею храбрым:
Азий на бурных конях устремлялся к судам мореходным,
Муж безрассудный! Ему не избегнуть от грозного рока;
Нет, колесницей и ко́нями он величаяся, гордый,
Вспять от ахейских судов не воротится к Трое холмистой:
Прежде его дерзновенного участь лихая постигла
Медным копьем Девкалиона, славного Идоменея.
Мчался он влево к судам мореходным, туда, где ахейцы
С бранного поля бежали на легких своих колесницах;
Правил туда он своих быстроскачущих коней; и в башне
Там не нашел ни створенных ворот, ни огромных запоров:
Их растворенными вои держали, да каждый сподвижник,
С бранного поля бегущий, укроется в стан корабельный.
Прямо скакал он, высоко мечтающий; с ним и другие
С криком ужасным летели: ахейцы, они уповали,
Не устоят,— в корабли мореходные бросятся к бегству.
Но малоумные! В башне их встретили двое бесстрашных,
Сильные духом сыны копьеборцев могучих лапифов:
Первый герой Полипет, безбоязненный сын Пирифоя;
Воин второй Леонтей, душегубцу Арею подобный.
Оба они пред высоковздымавшеюсь башней стояли:
Словно на холмах лесистых высоковершинные дубы,
Кои и ветер и дождь, ежедневно встречая, выносят,
Толстыми в землю корнями широкоразмётными вросши,—
Так и они, на могучесть рук и на храбрость надеясь,
Мчавшегось Азия бурного ждали, незыблемо стоя.
Тою порой, как противники прямо к твердыне ахейской,
Вверх подымая щиты, подходили с воинственным криком
Вкруг повелителя Азия, вкруг Иямена, Ореста,

Азия сына Адамаса, Фоона и Эномая,
Тою порою лапифы еще меднобронных данаев,
Стоя внутри при воротах, суда боронить возбуждали.
Но, лишь узрели, что прямо уже устремилась на стену
Сила троян, и ахеяне подняли крик и тревогу,—
Вылетев оба они, пред воротами начали битву,
Вепрям подобные диким, которые в горной дубраве
Ловчих и псов нападенье шумное смело встречают,
В стороны быстро бросаясь, ломают кругом их кустарник,
Режут при корнях деревья, стук от клыков их ужасный
Вкруг раздается, доколе копье не исторгнет их жизни,—
Так у лапифов стучали блестящие брони на персях,
Окрест врагами разимые: пламенно бились лапифы,
Видя друзей над собой и на силы свои полагаясь.
Те же — огромные камни с высоковздымавшейся башни,
Сами себя и суда их у моря и стан защищая,
Быстро метали; как снег ослепительный падает наземь,
Если ветер порывистый, мрачные тучи колебля,
Частый его проливает на многоплодящую землю,—
Так и у них, у стрельцов, как данайских, равно и троянских,
Стрелы лилися из рук; под ударами камней огромных
Глухо гудели шеломы и круги щитов медноблящных.

Громко воскликнул и в бедра с досады ударил руками
Азий Гиртакид, и, ропчущий на небо, так говорил он:
«Зевс Олимпийский, и ты уже сделался явный лжелюбец!
Я и помыслить не мог, чтоб еще аргивяне герои
Вынесли мужество наше и рук необорную силу!
Но как пчелы они, иль как пестрые, верткие осы,
Гнезда свои положив при утесистой пыльной дороге,
Дома ущельного бросить никак не хотят и, дождавшись
Хищных селян, за детей перед домом сражаются злобно,—
Так и они не хотят от ворот, невзирая, что двое,
С места податься, пока не осилят иль сами не лягут».

Так вопиял он; но воплям его не внимал громовержец:
Гектора славой украсить заботилось сердце Кронида.

Рати другие пред башней другою бились боем.
Трудно мне оное всё, как бессмертному богу, поведать:
Вдоль перед всею твердынею бой загорелся ужасный
Каменный; духом унылые, рати ахеян по нужде
Бились, суда бороня; омрачились печалью и боги,
Все ополченья ахейских поборники в брани троянской.

Стали сложася лапифы на страшную брань и убийство.
Пламенный сын Пирифоев, герой Полипет копьеносный,
Дамаса острым копьем поразил сквозь шелом меднощечный:
Шлемная медь не сдержала удара; насквозь пролетела
Медь изощренная, кость проломила и, в череп ворвавшись,
С кровью смесила весь мозг и смирила его в нападенье.
Он наконец у Пилона и Ормена души исторгнул.
Отрасль Арея, лапиф Леонтей, Антимахова сына
Там же низверг, Гиппомаха, уметив у запона пикой.
После герой, из влагалища меч свой исторгнувши острый
И сквозь толпу устремившися, первого там Антифата
Изблизи грянул мечом, и об дол он ударился тылом.
Там наконец он Иямена, Менона, воя Ореста,
Всех, одного за другим, положил на кровавую землю.

Но между тем, как они совлекали блестящие брони,
С Полидамасом и Гектором юношей полк приближался,
Множеством, храбростью страшный и более прочих пылавший
Стену ахеян пробить и огнем истребить корабли их.
Но, приближась ко рву, в нерешимости храбрые стали:
Ров перейти им пылавшим явилася вещая птица,
Свыше летящий орел, рассекающий воинство слева,
Мчащий в когтях обагренного кровью огромного змея:
Жив еще был он, крутился и брани еще не оставил;
Взвившись назад, своего похитителя около выи
В грудь уязвил; и, растерзанный болью, на землю добычу,
Змея, отбросил орел, уронил посреди ополченья;
Сам же, крикнувши звучно, понесся по веянью ветра.
Троя сыны ужаснулись, увидевши пестрого змея,
В прахе меж ними лежащего, грозное знаменье Зевса.

Полидамас говорить дерзновенному Гектору начал:
«Гектор, всегда ты меня порицаешь, когда на советах
Я говорю справедливое: ибо никто и не должен,
Быв гражданин, говорить против истины, как на советах,
Так и в бранп, одно умножая твое властелинство.
Снова, однако, скажу я вам, что́ почитаю полезным:
Дальше не должно идти и с данаями в стане сражаться.
Так, уповаю я, сбудется, ежели точно троянам,
Ров перейти пламенеющим, в знаменье птица явилась,
Свыше летящий орел, рассекающий воинство слева,
Мчащий покрытого кровью огромного змея живого;
Но его упустил он, гнезда своего не достигнул

И не успел, похититель, предать его детям в добычу,—
Так-то и мы, хотя и ворота и стену данаев
Силой великою сломим, хотя и уступят данаи,
Но от судов не в устройстве мы тем же путем возвратимся;
Многих оставим троян; ратоборцы ахейские многих
Медью сразят, за суда мореходные храбро сражаясь.
Так и пророк изъяснил бы, который в душе просвещенной
Ведает знамений смысл, и ему бы народ покорился».

Грозно взглянув на него, отвечал шлемоблещущий Гектор:
«Полидамас, для меня неприятны подобные речи!
Мог ты совет и другой нам, больше полезный, примыслить!
Если же сей, что сказал, произнес ты от чистого сердца,
Разум твой, без сомненья, похитили гневные боги:
Ты мне велишь, чтоб высокогремящего Зевса забыл я
Волю, что сам знаменал он и мне совершить обрекался?
Ты не обетам богов, а ширяющим в воздухе птицам
Верить велишь? Презираю я птиц и о том не забочусь,
Вправо ли птицы несутся, к востоку Денницы и солнца,
Или налево пернатые к мрачному западу мчатся.
Верить должны мы единому, Зевса великого воле,
Зевса, который и смертных, и вечных богов повелитель!
Знаменье лучшее всех — за отечество храбро сражаться!
Что ты страшишься войны и опасностей ратного боя?
Ежели Трои сыны при ахейских судах мореходных
Все мы падем умерщвленные, ты умереть не страшися!
Ты не имеешь духа ни встретить врага, ни сразиться!
Если, однако, ты бросишь сражение или другого,
Речью твоей обольстивши, отклонишь от ратного дела,
Вмиг под моим ты копьем распростришься и душу испустишь!»

Так произнес — и пошел он вперед; понеслись и дружины
С криком ужасным; пред ними Кронид, веселящийся громом,
Свыше, от гор Идейских, воздвигнул свирепую бурю,
Мрачный прах на суда заклубившую; он у данаев
Дух унижал, возвышая троянам и Гектору славу.
Тут, на знаменье бога и силу свою положася,
Начали Трои сыны разрушать ахейскую стену.
С башен срывали зубцы, сокрушали грудные забрала
И ломами шатали у вала торчащие сваи,
Кои поставлены в землю опорами первыми башен.
Их вырывали они и уже уповали, что стену
Скоро пробьют; но ахейцы еще не сходили с их места.

Плотно щитами они оградивши грудные забрала,
Камнями, копьями били врагов, подступавших под стену.

Оба Аякса, тогда управлявшие битвой на башнях,
Быстро ходили кругом, придавая ахеянам духа:
Ласковой речью одних, а других возбуждали суровой,
Если которых встречали оставивших битву с врагами:
«Други ахейцы, и тот, кто передний, и тот, кто середний,
Так и последний из воинов,— ибо не все равносильны
Мужи в сраженьях,— ныне для всех нас труд уготовлен!
Это вы видите сами! О други, никто да не мыслит
Вспять со стены обращаться, грозящего криков страшася.
Нет, выходите вперед и на бой поощряйте друг друга!
Даст, быть может, и нам олимпийский блистатель Кронион,
Жесточь сию отразивши, преследовать к граду враждебных!»

Речью такой впереди возбуждали Аяксы ахеян.
Словно как снег, устремившися, хлопьями сыплется частый,
В зимнюю пору, когда громовержец Кронион восходит
С неба снежить человекам, являя могущества стрелы:
Ветры все успокоивши, сыплет он снег беспрерывный,
Гор высочайших главы и утесов верхи покрывая,
И цветущие степи, и тучные пахарей нивы;
Сыплется снег на брега и на пристани моря седого;
Волны его, набежав, поглощают; но всё остальное
Он покрывает, коль свыше обрушится Зевсова вьюга,—
Так от воинства к воинству частые камни летали,
Те на троян нападавших, а те от троян на ахеян,
Быстро метавших; кругом над твердынею стук раздавался.

Но не успели б еще и трояне, и Гектор могучий
В башне пробить затворенных ворот и огромных запоров,
Если б на силу ахейскую силы своей — Сарпедона —
Сам Эгиох не подвигнул, как льва на волов круторогих.
Быстро герой перед грудью уставил свой щит круговидный,
Медный, кованый, пышноблестящий, который художник,
Медник искусный, ковал, на поверхности ж тельчие кожи
Прутьями золота часто проплел по краям его круга:
Щит сей неся перед грудью и два копия потрясая,
Он устремился, как лев-горожитель, алкающий долго
Мяса и крови, который, душою отважной стремимый,
Хочет, на гибель овец, в их загон огражденный ворваться;
И хотя пред оградою пастырей сельских находит,

С бодрыми псами и с копьями стадо свое стерегущих,
Он, не изведавши прежде, не мыслит бежать от ограды;
Прянув во двор, похищает овцу, либо сам под ударом
Падает первый, копьем прободенный из длани могучей,—
Так устремляла душа Сарпедона, подобного богу,
На стену прямо напасть и разрушить забрала грудные.
Быстро он к Главку вещал, Гипполохову храброму сыну:
«Сын Гипполохов! за что перед всеми нас отличают
Местом почетным, и брашном, и полной на пиршествах чашей
В царстве ликийском и смотрят на нас, как на жителей неба?
И за что мы владеем при Ксанфе уделом великим,
Лучшей землей, виноград и пшеницу обильно плодящей?
Нам, предводителям, между передних героев ликийских
Должно стоять и в сраженье пылающем первым сражаться.
Пусть не единый про нас крепкобронный ликиянин скажет:
Нет, не бесславные нами и царством ликийским пространным
Правят цари: они насыщаются пищею тучной,
Вина изящные, сладкие пьют, но зато их и сила
Дивная: в битвах они пред ликийцами первые бьются!
Друг благородный! когда бы теперь, отказавшись от брани,
Были с тобой навсегда нестареющи мы и бессмертны,
Я бы и сам не летел впереди перед воинством биться,
Я и тебя бы не влек на опасности славного боя;
Но и теперь, как всегда, неисчетные случаи смерти
Нас окружают, и смертному их ни минуть, ни избегнуть.
Вместе вперед! иль на славу кому, иль за славою сами!»

Так говорил Сарпедон; не противился Главк, не отрекся.
Ринулись оба вперед пред великою ратью ликийской.
Их устремленных узрев, Петеид Менесфей ужаснулся:
К башне его разрушеньем грозящая сила стремилась.
С башни кругом он глядел, не узрит ли кого из ахейских
Мощных вождей, да поможет беду отразить от дружины.
Скоро Аяксов узрел обоих, ненасытимых бранью,
Близко сражавшихся, с ними и Тевкра, который недавно
Вышел из сени; но не было способа крик им услышать.
Шумно там было побоище — там до небес раздавался
Гром от разимых щитов, от косматых шеломов и створов
Башенных врат: обступили их все, и, пред ними толпою
Стоя, трояне пыталися, силой разбивши, ворваться.
Вестника вождь Менесфей посылает к Аяксам Фоота:
«Шествуй, почтенный Фоот, и зови на защиту Аякса.
Лучше зови обоих, несравненно полезнее тут им

Быть обоим: разразится тут скоро ужасная гибель!
Мчатся сюда воеводы ликийские, кои и прежде
Бурей всегда налетали на страшное поприще брани!
Если же там на ахеян воздвигнута грозная жесточь,
Пусть хоть один поспешает Аякс, Теламонид великий;
С ним да предстанет и Тевкр благородный, стрелец знаменитый».

Так произнес; покорился его повеленьям вестник
И пустился бежать по стене меднобронных данаев.
Стал пред Аяксами вестник пришедший и так говорил им:
«Храбрые мужи Аяксы, вожди меднобронных данаев,
Просит Петея почтенного сын, Менесфей благородный,
В помощь прийти; разделите хоть несколько труд с ним жестокий.
Но придите вы оба; полезнее там, воеводы,
Храбрым вам быть: разразится там скоро ужасная гибель!
Мчатся туда воеводы ликийские, кои и прежде
Бурей всегда налетали на страшное поприще брани!
Если же здесь на ахеян воздвигнута грозная жесточь,
Пусть хоть один поспешает Аякс, Теламонид великий;
С ним да предстанет и Тевкр благородный, стрелец знаменитый».

Так говорил, и охотно склонился Аякс Теламонид.
Он к Оилиду Аяксу измолвил крылатое слово:
«Сын Оилеев Аякс, и ты, Ликомед нестрашимый!
Стойте вы здесь и народ поощряйте отважно сражаться.
Я же туда поспешаю и там на сраженье стану;
К вам возвращусь немедленно, только лишь им помогу я».

Так говорящий своим, отошел Теламонид могучий.
С ним устремился и Тевкр, Теламонидов брат одноотчий,
И за Тевкром Пандион, несущий лук его крепкий.
К башне Петеева сына, идя внутрь стены, воеводы
Скоро пришли и уже утесненных врагами застали.
К самым забралам стены подымались, как мрачная буря,
Мужи храбрейшие, воинств ликийских вожди и владыки;
Сблизились в битву, противник с противником, с яростным криком.

Первый сразился Аякс Теламонид, и первый сразил он
Друга царя Сарпедона, высокого духом Эпикла:
Мрамором острым его поразил он, какой на твердыне
Больший лежал у забрал высочайших; его не легко бы

Поднял руками обеими муж и летами цветущий,
Нам современный, но он высоко его поднял и ринул:
Вдруг раздавил им и выпуклый шлем, и на черепе кости
Все раздробил у Эпикла; и он, водолазу подобный,
Ринулся с башни высокой, и дух его кости оставил.
Тевкр Гипполохова сына, героя ликийского Главка,
Сверху стены, на нее подымавшегось, ранил пернатой
В мышцу, где видел нагою, и битву принудил оставить.
Он со стены соскочил, притаяся, да кто из ахеян
Язвы его не узрит и над ним не ругается, гордый.
Грусть обняла Сарпедона, когда отходящего друга
Главка приметил; но он не оставил кровавого боя:
Он в Фесторида Алкмаона, прянувши, острую пику
Быстро вонзил и исторг; и, за пикой повлекшися, пал он
На землю ниц, и взгремела на нем распещренная броня.
Но Сарпедон, за зубец ухвативши рукою дебелой,
Мощно повлек, и оторванный рухнулся весь он на землю;
Сверху стена обнажилась, и многим открылась дорога.

Тевкр и Аякс разрушителя встретили вместе: стрелою
Первый уметил ремень его светлый, на персях держащий
Щит в человеческий рост; но Зевс от любезного сына
Смерть отразил, не судивши ему пред судами погибнуть.
Мощный Аякс, налетев, поразил по щиту, и, пробившись,
Пика насквозь оттолкнула врага, распыхавшегось сердцем.
Он от твердыни подался назад, но совсем не оставил
Места сраженья и в сердце надежды, что славы добудет.
Вспять обратясь, восклицал он ликиянам богоподобным:
«Мужи ликийские! что забываете бурную храбрость?
Мне одному невозможно, хоть был бы еще я сильнейший,
Стену разрушить и к быстрым судам проложить вам дорогу!
Разом со мною, ликийцы! успешнее труд совокупный!»

Так восклицал,— и они, устыдившися царских упреков,
Крепче сомкнулись, смелей налегли за советником храбрым.
Рати ахеян с другой стороны укрепляли фаланги
Внутрь их стены. Предстоял их мужеству подвиг великий:
Тут, как ликийцы храбрейшие всё не могли у ахеян
Крепкой стены проломить и открыть к кораблям их дорогу,
Так и ахеян сыны не могли нападавших ликиян
Прочь от стены отразить, с тех пор как они подступили.
Но как два человека, соседи, за межи раздорят,
Оба с саженью в руках на смежном стоящие поле,

Узким пространством делимые, шумно за равенство спорят:
Так и бойцов лишь забрала делили; чрез них нападая,
Мужи одни у других разбивали вкруг персей их кожи
Пышных кругами щитов и крылатых щитков легкометных.
Многие тут из сражавшихся острою медью позорно
Были постигнуты в тыл, у которых хребет обнажался
В бегстве из боя, и многие храбрые в грудь, сквозь щиты их.
Башни, грудные забрала кругом человеческой кровью
Были обрызганы с каждой страны, от троян и ахеян.
Но ничто не могло устрашить ахеян; держались
Ровно они, как весы у жены, рукодельницы честной,
Если, держа коромысло и чаши заботно равняя,
Весит волну, чтоб детям промыслить хоть скудную плату,—
Так равновесно стояла и брань, и сражение воинств
Долго, доколе Кронид не украсил высокою славой
Гектора: Гектор ворвался в твердыню ахейскую первый.
Голосом, слух поражающим, он восклицал ко троянам:
«Конники Трои, вперед, разорвите ахейскую стену
И на их корабли пожирающий пламень бросайте!»

Так возбуждал их герой, и услышали все его голос;
Прямо к стене понеслися толпою и начали быстро
Вверх подыматься к зубцам, уставляючи острые копья.
Гектор же нес им захваченный камень, который у башни
Близко вздымался, широкий книзу, завостренный кверху,
Глыба, которой и два, из народа сильнейшие, мужа
С дола на воз не легко бы могли приподнять рычагами,
Ныне живущие; он же легко и один потрясал им:
Легкою тягость ему сотворил хитроумный Кронион.
Словно как пастырь, одною рукою руно захвативши,
Быстро несет: для нее нечувствительно слабое бремя,—
Так Приамид захватил и стремительно нес на ворота
Камень огромный. Ворота те были сплоченные крепко
Створы двойные, высокие; два извнутри их запора
Встречные туго держали, одним замыкаяся болтом.
Стал он у самых ворот и, чтоб не был удар маломочен,
Ноги расширил и, сильно напрягшися, грянул в средину;
Сбил подворотные оба крюка, и во внутренность камень
Рухнулся тяжкий. Взгремели ворота; ни засов огромный
Их не сдержал: и сюда и туда раскололися створы,
Камнем разбитые страшным; и ринулся Гектор великий,
Грозен лицом, как бурная ночь; и сиял он ужасно
Медью, которой одеян был весь; и в руках потрясал он

Два копия; не сдержал бы героя никто, кроме бога,
В миг, как в ворота влетел он: огнем его очи горели.
Там он троянам приказывал, к толпищу их обратяся,
На стену быстро взлезать, и ему покорились трояне:
Ринулись все, и немедленно — те подымались на стену,
Те наводняли ворота. Кругом побежали ахейцы
К черным своим кораблям; и кругом поднялася тревога.

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

БИТВА ПРИ КОРАБЛЯХ

Зевс, и троян и Гектора к стану ахеян приблизив,
Их пред судами оставил, беды и труды боевые
Несть беспрерывно; а сам отвратил светозарные очи
Вдаль, созерцающий землю фракиян, наездников конных,
Мизян, бойцов рукопашных, и дивных мужей гиппомолгов,
Бедных, питавшихся только млеком, справедливейших смертных.
Более он на Трою очей не склонял светозарных;
Ибо не чаял уже, чтобы кто из богов олимпийских
Вышел еще поборать за троянских сынов иль ахейских.

Но соглядал не напрасно и бог Посейдаон великий;
Сам он сидел, созерцая войну и кровавую битву
С горных вершин, с высочайшей стремнины лесистого Сама
В Фракии горной: оттоле великая виделась Ида,
Виделась Троя Приама и стан корабельный ахеян.
Там он, из моря исшедший, сидел, сострадал об ахейцах,
Силой троян укрощенных, и страшно роптал на Зевеса.
Вдруг, негодуя, восстал и с утесной горы устремился,
Быстро ступая вперед; задрожали дубравы и горы
Вкруг под стопами священными в гневе идущего бога.
Трижды ступил Посейдон и в четвертый достигнул предела,
Эги; там Посейдона в заливе глубоком обитель,
Дом золотой, лучезарно сияющий, вечно нетленный.
Там он, притекший, запряг в колесницу коней медноногих,
Бурно летающих, гривы волнующих вкруг золотые.
Золотом сам он одеялся, в руку десную прекрасный
Бич захватил золотой и на светлую стал колесницу;

Коней погнал по волнам,— и взыграли страшилища бездны,
Вкруг из пучин заскакали киты, узнавая владыку;
Радуясь, море под ним расстилалось,— а гордые кони
Бурно летели, зыбей не касаяся медною осью;
К стану ахейскому мчались быстроскакучие кони.

Есть пещера обширная в бездне пучинной залива,
Меж Тенедоса и дикоутесного острова Имбра.
Там коней удержал колебатель земли Посейдаон;
Там отрешив от ярма, амброзической бросил им пищи
В корм и на бурные ноги накинул им путы златые,
Несокрушимые цепи, да там бы они неподвижно
Ждали владыку; а сам устремился к дружинам ахейским.

Рати троянские, всей их громадой, как пламень, как буря,
Гектору вслед с несмиримой горячностью к бою летели
С шумом, с криком неистовым: взять корабли у данаев
Гордо мечтали и всех истребить перед ними данаев.
Но Посейдон земледержец, могучий земли колебатель,
Дух аргивян возвышал, из глубокого моря исшедший.
Он, уподобяся Калхасу видом и голосом сильным,
Первым вещал Аяксам, пылавшим и собственным сердцем:
«Вы воеводы, Аяксы, одни вы спасете ахеян,
Мужество помня свое и не мысля о бегстве бездушном.
В месте другом не страшился бы рук я троян необорных,
Кои в ахейскую крепкую стену ворвались толпою:
Их остановят везде меднолатные рати ахеян.
Здесь лишь, безмерно страшусь, пострадать пензбежно мы можем;
Здесь распыхавшись, как пламень стремительный, Гектор предводит,
Гектор, себя величающий сыном всемощного Зевса!
О, да и вам небожитель положит решительность в сердце,
Крепко стоять и самим, и других ободрить, устрашенных!
Гектора, как он ни бурен, от наших судов мореходных
Вы отразите, хотя б устремлял его сам громовержец!»

Рек — и жезлом замеледержец, могучий земли колебатель,
Их обоих прикоснулся и страшною силой исполнил;
Члены их легкими сделал, и ноги, и мощные руки.
Сам же, как ястреб, ловец быстрокрылый, на лов улетает,
Если с утеса крутого, высокого, вдруг он поднявшись,
Рпнется полем преследовать робкую птицу другую,—

Так устремился от них Посейдаон, колеблющий землю.
Первый бога постиг Оилеев Аякс быстроногий;
Первый он взговорил к Теламонову сыну Аяксу:
«Храбрый Аякс! без сомнения, бог, обитатель Олимпа,
Образ пророка приняв, корабли защищать повелел нам.
Нет, то не Калхас, вещатель оракулов, птицегадатель;
Нет, по следам и по голеням мощным сзади познал я
Вспять отходящего бога: легко познаваемы боги.
Ныне, я чую, в груди у меня ободренное сердце
Пламенней прежнего рвется на брань и кровавую битву;
В битву горят у меня и могучие руки и ноги».

Быстро ему отвечал Теламонид, мужества полный:
«Так, Оилид! и мои на копье несмирнмые руки
В битву горят, возвышается дух, и стопы подо мною,
Чувствую, движутся сами; один я, один я пылаю
С Гектором, сыном Приама, неистовым в битвах, сразиться».

Так меж собой говорили владыки народов Аяксы,
Жаром веселые бранным, ниспосланным в сердце их богом.
Тою порой возбуждал Посейдаон задних данаев,
Кои у черных судов оживляли унылые души;
Воины, коих и силы под тяжким трудом изнурились,
И жестокая грусть налегла на сердца их, при виде
Гордых троян, за высокую стену толпой перешедших.
Смо́тря на их торжествующих, слезы они проливали,
Смерти позорной избегнуть не чаяли. Но Посейдаон,
Вдруг посреди их явившися, сильные поднял фаланги.
Первому Тевкру и Леиту он предстал, убеждая,
Там Пенелею царю, Деипиру, Фоасу герою,
Здесь Мериону и с ним Антилоху, искусникам бранным.
Сих возбуждал земледержец, крылатые речи вещая:
«Стыд, аргивяне, цветущие младостью! вам, полагал я,
Храбрости вашей спасти корабли мореходные наши!
Если ж и вы от опасностей брани отступите робко,
День настал роковой, и троянская мощь сокрушит нас!
Боги! великое чудо моими очами я вижу,
Чудо ужасное, коему, мнил, никогда не свершиться:
Трои сыны пред судами ахейскими! те, что, бывало,
Ланям подобились трепетным, кои, по темному лесу
Праздно бродящие, слабые и не рожденные к бою,
Пардов, волков и шакалов вседневною пищей бывают.
Так и трояне сии трепетали, бывало, ахеян,

Противу мужества их ни на миг стоять не дерзали.
Ныне ж, далеко от стен, корабли уже наши воюют!
И отчего? от проступка вождя и от слабости воев,
Кои, враждуя вождю, не хотят окруженных врагами
Спасть кораблей и пред ними себя отдают на убийство!
Но устыдитеся; если и подлинно сильно виновен
Наш предводитель, пространновластительный царь Агамемнон,
Если и подлинно он оскорбил Ахиллеса героя,
Нам никому ни на миг уклоняться не должно от брани!
Но исцелим мы себя: исцелимы сердца благородных.
Стыд, о ахеяне! вы забываете бранную доблесть,
Вы, ратоборцы храбрейшие в воинстве! Сам я не стал бы
Гнева на ратника тратить, который бросает сраженье,
Будучи подл, но на вас справедливо душа негодует!
Слабые, скоро на всех навлечете вы большее горе
Слабостью вашей! Опомнитесь, други! представьте себе вы
Стыд и укоры людей! Решительный бой наступает!
Гектор, воинственный Гектор уже на суда нападает,
Мощный, уже разгромил и врата, и запор их огромный».

Так возбуждал колебатель земли и воздвигнул данаев.
Окрест Аяксов героев столпилися, стали фаланги
Страшной стеной. Ни Арей, ни Паллада, стремящая рати,
Их не могли бы, не радуясь, видеть: храбрейшие мужи,
Войско составив, троян и великого Гектора ждали,
Стиснувши дрот возле дрота и щит у щита непрерывно:
Щит со щитом, шишак с шишаком, человек с человеком
Тесно смыкался; касалися светлыми бляхами шлемы,
Зыблясь на воинах: так аргивяне сгустяся стояли;
Копья змеилися, грозно колеблемы храбрых руками;
Прямо они на троян устремляясь, пылали сразиться.
Но, упредив их, трояне ударили; Гектор пред ними
Бурный летел, как в полете крушительный камень с утеса,
Если с вершины громаду осенние воды обрушат,
Ливнем дождем разорвавши утеса жестокого связи:
Прядая кверху, летит он; трещит на лету им крушимый
Лес; беспрепонно и прямо летит он, пока на долину
Рухнет, и больше не катится, сколь ни стремительный прежде,—
Гектор таков! при начале грозился до самого моря
Быстро пройти, меж судов и меж кущей, по трупам данаев;
Но едва набежал на сомкнувшиеся крепко фаланги,
Стал, как ни близко нагрянувший: дружно его аргивяне,

Встретив и острых мечей, и пик двуконечных ударом,
Прочь отразили,— и он отступил, поколебанный силой,
Голосом, слух поражающим, к ратям троян вопиющий:
«Трои сыны, и ликийцы, и вы, рукопашцы дарданцы!
Стойте, друзья! Ненадолго меня остановят ахейцы,
Если свои ополченья и грозною башней построят;
Скоро от пики рассыплются, если меня несомненно
Бог всемогущий предводит, супруг громовержущий Геры!»

Так восклицая, возвысил и душу и мужество в каждом.
Вдруг Деифоб из рядов их высокомечтающий вышел,
Сын же Приамов: пред грудью уставя он щит круговидный,
Легкой стопой выступал и вперед под щитом устремлялся.
Но Мерион, на троянца наметив сверкающей пикой,
Бросил, и верно вонзилася в выпуклый щит волокожный
Бурная пика; но кож не проникла: вонзилась, и древком
Около трубки огромная хрястнула. Быстро троянец
Щит от себя отдалил волокожный, в душе устрашася
Бурного в лете копья Мерионова; тот же, могучий,
К сонму друзей отступил, негодуя жестоко на трату
Верной победы и вместе копья, преломленного тщетно;
Быстро пустился идти к кораблям и кущам ахейским,
Крепкое вынесть копье, у него сохранявшееся в куще.

Но другие сражались; вопль раздавался ужасный.
Тевкр Теламониев первый отважного сверг брапоносца
Имбрия, Ментора сына, конями богатого мужа.
Он в Педаосе жил до нашествия рати ахейской,
Медезикасты супруг, побочной Приамовой дщери.
Но когда аргивяне пришли в кораблях многовеслых,
Он прилетел в Илион и в боях меж троян отличался;
Жил у Приама и был как сын почитаем от старца.
Мужа сего Теламонид огромною пикой под ухо
Грянул и пику исторг; и на месте пал он, как ясень
Пышный, который на холме, далёко путнику видном,
Ссеченный медью, зеленые ветви к земле преклоняет:
Так он упал, и кругом его грянул доспех распещренный.
Тевкр полетел на упавшего, сбрую похитить пылая.
Гектор на Тевкра летящего дротик блистающий ринул;
Тот, издалече узря, от копья, налетавшего бурно,
Чуть избежал. Но Амфимаха Гектор, Ктеатова сына,
В битву идущего, в грудь поразил сокрушительным дротом;
С шумом на землю он пал, загремели на падшем доспехи.

Бросился Гектор, пылая шелом на скраниях плотный,
Медный сорвать с головы у Ктеатова храброго сына.
Но Аякс на летящего острую пику уставил;
К телу она не проникнула Гектора: медью кругом он
Страшною был огражден; но в средину щита поразивши,
Силой его отразил Теламонид, и вспять отступил он
Прочь от обоих убитых; тела увлекли аргивяне;
Сына Ктеатова Стихий герой с Менесфеем почтенным,
Оба афинян вожди, понесли к ополченьям ахейским.
Имбрия ж оба Аякса, кипящие храбростью бурной,
Словно как серну могучие львы, у псов острозубых
Вырвавши, гордо несут через густопоросший кустарник
И добычу высоко в челюстях держат кровавых,—
Так, Менторида высоко держа, брапоносцы Аяксы
С персей срывали доспех, и повисшую голову с выи
Ссек Оплид и, за гибель Амфимаха местью пылая,
Бросил ее с размаху, как шар, на толпу илионян:
В прах голова, перед Гектора ноги, крутящаясь пала.

Гневом сугубым в душе Посейдон воспылал за убийство
Внука его Ктеатида, сраженного в битве свирепой.
Гневный подвигнулся он, к кораблям устремляясь и к кущам,
Всех аргивян возбуждая и горе готовя троянам.
Идоменей, Девкалион воинственный, встретился богу,
Шедший от друга, который к нему незадолго из боя
Был приведен, под колено суровою раненный медью.
Юношу вынесли други; его он врачам приказавши,
Сам из шатра возвращался: еще он участвовать в битве,
Храбрый, пылал; и к нему провещал Посейдаон владыка
(Глас громозвучный приняв Андремонова сына, Фоаса,
Мужа, который в Плевроне, во всем Калидоне гористом
Всеми этольцами властвовал, чтимый, как бог, от народа):
«Где же, о критян советник, куда же девались угрозы,
Коими Трои сынам угрожали ахейские чада?»

И ему вопреки отвечал Девкалид знаменитый:
«Сын Андремонов! никто из ахеян теперь не виновен,
Сколько я знаю: умеем мы все и готовы сражаться;
Страх никого не оковывал низкий; никто, уступая
Праздности, битвы не бросил, ахеям жестокой; но, верно,
Кронову сыну всесильному видеть, Зевесу, угодно
Здесь далеко от Эллады ахеян бесславно погибших!
Сын Андремонов, всегда отличавшийся мужеством духа,

Ты, ободрявший всегда и других, забывающих доблесть,
Ныне, Фоас, не оставь и омужествди каждого душу!»

Быстро ему отвечал Посейдаон, колеблющий землю:
«Критян воинственный царь! да вовек от троянского брега
В дом не придет, но игралищем псов да простреться под Троей
Воин, который в сей день добровольно оставит сраженье!
Шествуй и, взявши оружие, стань ты со мной: совокупно
Действовать должно; быть может, успеем помочь мы и двое.
Сила и слабых мужей не ничтожна, когда совокупна;
Мы же с тобой и противу сильнейших умели сражаться».

Рек,— и вновь обратился бессмертный к борьбе человеков.
Идоменей же, поспешно пришед к благосозданной куще,
Пышным доспехом покрылся, и, взявши два крепкие дрота,
Он устремился, перуну подобный, который Кронион
Махом всесильной руки с лучезарного мечет Олимпа,
В знаменье смертным: горит он, летя, ослепительным блеском,—
Так у него, у бегущего, медь вкруг персей блистала.
В встречу ему предстал Мерион, знаменитый служитель,
Близко от кущи, куда он спешил, воружиться желая
Новым копьем, и к нему провещала владычняя сила:
«Сердцу любезнейший друг, Молид Мерион быстроногий,
Что приходил ты, оставивши брань и жестокую сечу?
Ранен ли ты и не страждешь ли, медной стрелой удрученный?
Или не с вестию ль бранной ко мне предстаешь ты? Но видишь,
Сам я иду не под сенью покоиться, ратовать жажду!»

Крита царю отвечал Мерион, служитель разумный:
«Идоменей, предводитель критских мужей меднобронных,
В стан я пришел, у тебя копия не осталось ли в куще?
Взявши его, возвращуся; а то, что имел, сокрушил я,
В щит поразив Деифоба, безмерно могучего мужа».

Критских мужей повелитель ответствовал вновь Мериону:
«Ежели копья нужны, и одно обретешь ты и двадцать,
В куще моей у стены блестящей стоящие рядом
Копья троянские; все я их взял у сраженных на битвах.
Смею сказать, не вдали я стоя, с врагами сражаюсь.
Вот отчего у меня изобильно щитов медноблящных,
Копий, шеломов и броней, сияющих весело в куще».

Снова ему отвечал Мерион, служитель разумный:
«Царь, и под сенью моей, и в моем корабле изобильно

Светлых троянских добыч; но не близко идти мне за ними.
Сам похвалюсь, не привык забывать я воинскую доблесть:
Между передних всегда на боях, прославляющих мужа,
Сам я стою, лишь подымется спор истребительной брани.
Может быть, в рати другим меднобронным ахейским героям
Я неизвестен сражаюсь; тебе я известен, надеюсь».

Критских мужей предводитель ответствовал вновь Мериону:
«Ведаю доблесть твою, и об ней говоришь ты напрасно.
Если бы нас, в ополченье храбрейших, избрать на засаду
(Ибо в засадах опасных — мужей открывается доблесть;
Тут человек боязливый и смелый легко познается:
Цветом сменяется цвет на лице боязливого мужа;
Твердо держаться ему не дают молодушные чувства;
То припадет на одно, то на оба колена садится;
Сердце в груди у него беспокойное жестоко бьется;
Смерти единой он ждет и зубами стучит, содрогаясь.
Храброго цвет не меняется, сердце не сильно в нем бьется;
Раз и решительно он, на засаду засевши с мужами,
Только и молит, чтоб в битву с врагами скорее схватиться),
Там и твоя, Мерион, не хулы заслужила бы храбрость!
Если б и ты, подвизаяся, был поражен иль устрелен,
Верно, не в выю тебе, не в хребет бы оружие пало:
Грудью б ты встретил копье иль утробой пернатую принял,
Прямо вперед устремившийся, в первых рядах ратоборцев.
Но перестанем с тобой разговаривать, словно как дети,
Праздно стоя, да кто-либо нагло на нас не возропщет.
В кущу войди и немедленно с крепким копьем возвратися».

Рек,— и Молид, повинуяся, бурному равный Арею,
Быстро из кущи выносит копье, повершенное медью,
И за вождем устремляется, жаждою битвы пылая.
Словно Арей устремляется в бой, человеков губитель,
С Ужасом сыном, равно как и сам он, могучим, бесстрашным,
Богом, который в боях ужасает и храброго душу;
Оба из Фракии горной они на эфиров находят,
Или на бранных флегиян, и грозные боги не внемлют
Общим народов мольбам, но единому славу даруют,—
Столько ужасны Молид и герой Девкалид, ратоводцы,
Шли на кровавую брань, лучезарной покрытые медью.

Шествуя, слово к царю обратил Мерион быстроногий:
«Где, Девкалид, помышляешь вступить в толпу боевую?

В правом конце, в середине ль великого нашего войска
Или на левом? Там, как я думаю, боле, чем инде,
В битве помощной нуждается рать кудреглавых данаев».

Молову сыну ответствовал критских мужей предводитель:
«Нет, для средины судов защитители есть и другие:
Оба Аякса и Тевкр Теламонид, в народе ахейском
Первый стрелец и в бою пешеборном не менее храбрый;
Там довольно и их, чтоб насытить несытого боем
Гектора, сына Приама, хоть был бы еще он сильнее!
Будет ему нелегко, и со всем его бешенством в битвах,
Мужество их одолев и могущество рук необорных,
Судно зажечь хоть единое, разве что Зевс громовержец
Светочь горящую сам на суда мореходные бросит.
Нет, Теламонид Аякс не уступит в сражении мужу,
Если он смертным рожден и плодами Деметры воскормлен,
Если язвим рассекающей медью и крепостью камней.
Даже Пелиду, рушителю строев, Аякс не уступит
В битве ручной; быстротою лишь ног не оспорит Пелида.
В левую сторону рати пойдем да скорее увидим,
Мы ли прославим кого или сами славу стяжаем!»

Рек,— и Молид, устремившися, бурному равный Арею,
Шел впереди, пока не достигнул указанной рати.
Идоменея увидев, несущегось полем, как пламень,
С храбрым клевретом его, в изукрашенных дивно доспехах,
Крикнули разом трояне и все на него устремились.
Общий, неистовый спор восстал при кормах корабельных.
Словно как с ветром свистящим свирепствует вихорь могучий
В знойные дни, когда прахом глубоким покрыты дороги;
Бурные, вместе вздымают огромное облако праха,—
Так засвирепствовал общий их бой: ратоборцы пылали
Каждый друг с другом схватиться и резаться острою медью.
Грозно кругом зачернелося ратное поле от копий,
Длинных, убийственных, частых, как лес; ослеплял у воителя очи
Медный блеск шишаков, как огонь над главами горящих,
Панцирей, вновь уясненных, и круглых щитов лучезарных —
Воинов, к бою сходящихся. Подлинно был бы бесстрашен,
Кто веселился б, на бой сей смотря, и душой не содрогся!

Боги, помощные разным, сыны многомощные Крона,
Двум племенам брагоносным такие беды устрояли.
Зевс троянам желал и Приамову сыну победы,

Славой венчая Пелида царя; но не вовсе Кронион
Храбрых данаев желал истребить под высокою Троей;
Только Фетиду и сына ее прославлял он героя.
Бог Посейдон укреплял данаев, присутствуя в брани,
Выплывший тайно из моря седого: об них сострадал он,
Силой троян усмиренных, и гордо роптал на Зевеса.
Оба они и единая кровь, и единое племя;
Зевс лишь Кронион и прежде родился, и более ведал.
Зевса страшился и явно не смел поборать Посейдаон;
Тайно, под образом смертного, он возбуждал ратоборцев.
Боги сии и свирепой вражды, и погибельной брани
Вервь, на взаимную прю, напрягли над народами оба,
Крепкую вервь, неразрывную, многим сломившую ноги.

Тут, аргивян ободряющий, воин уже поседелый,
Идоменей на троян устремился и в бег обратил их;
Офионея сразил кабезийца, недавнего в граде,
В Трою недавно еще привлеченного бранною славой.
Он у Приама Кассандры, прекраснейшей дочери старца,
Гордый просил без даров, но сам совершить обещал он
Подвиг великий: из Трои изгнать меднолатных данаев.
Старец ему обещал и уже за него согласился
Выдать Кассандру,— и ратовал он, на обет положася.
Идоменей на него медножальную пику направил
И поразил выступавшего гордо: ни медная броня,
Коей блистал, не спасла: углубилась во внутренность пика;
С шумом он грянулся в прах, и, гордяся, вскричал победитель:
«Офионей! человеком тебя я почту величайшим,
Ежели всё то исполнишь, что ты исполнить обрекся
Сыну Дарданову: дочерь тебе обещал он супругой.
То же и мы для тебя обещаем и верно исполним:
Выдадим лучшую всех из семейства Атридова дочерь;
К браку невесту из Аргоса вывезем, если ты с нами
Трою разрушишь Приамову, град, устроением пышный,
Следуй за мной: при судах мореходных с тобой мы докончим
Брачный сговор; не скупые и мы на приданое сваты».

Рек,— и за ногу тело повлек сквозь кипящую сечу
Критский герой. Но за мертвого мстителем Азий явился,
Пеший идя пред конями; коней за плечами храпящих
Правил клеврет у него; и, пылающий, он устремился
Идоменея пронзить; но герой упредил: сопостата
Пикой ударил в гортань под брадой и насквозь ее выгнал.

Пал он, как падает дуб, или тополь серебрянолистный,
Или огромная сосна, которую с гор древосеки
Острыми вкруг топорами ссекут, корабельное древо:
Азий таков пред своей колесницей лежал распростряся,
С скрипом зубов раздирая руками кровавую землю.
Но возница его цепенел, растерявшийся в мыслях,
Бледный стоял и не смел, чтоб от рук враждебных избегнуть,
Коней назад обратить; и его Антилох бранолюбец
Пикой ударил в живот; и от смерти ни медная броня,
Коей блистал, не спасла: углубилась во внутренность пика;
Он застонал и с прекрасносоставленной пал колесницы.
Коней младой Антилох, благодушного Нестора отрасль,
Быстро от воинств троянских угнал к меднобронным ахейцам.

Тут Деифоб на властителя критян, об Азии скорбный,
Близко один наступил и ударил сверкающей пикой.
Но усмотрел и от меди убийственной вовремя спасся
Критян владыка; укрылся под выпуклый щит свой огромный,
Щит, из воловьих кож и блистательной меди скругленный
И двумя поперек укрепленный скобами: под щит сей
Весь он собрался; над ним пролетела блестящая пика;
Щит, на полете задетый, ужасно завыл под ударом.
Но не тщетно оружие послано сильной рукою:
Храброму сыну Гиппаса, владыке мужей Гипсенору,
В перси вонзилось оно и на месте сломило колена.
Громко вскричал Деифоб, величаясь надменно победой:
«Нет, не без мщения Азий лежит, и теперь, уповаю,
Вшедший в широкие двери Аидова мрачного дома,
Сердцем он будет возрадован: спутника дал я герою!»

Так восклицал; аргивян оскорбили надменного речи,
Более ж всех Антилоху воинственный дух взволновали.
Он, невзирая на скорбь, не оставил сраженного друга;
Быстро примчась, заступил и щитом заградил светлобляшным.
Тою порой наклоняся под тело, почтенные други,
Эхиев сын Мекистей и младой благородный Аластор,
К черным судам понесли Гиппасида, печально стеная.

Идоменей воевал не слабея, пылал беспрестанно
Или еще фригиянина ночью покрыть гробовою,
Или упасть самому, но беду отразить от ахеян.
Тут благородную отрасль питомца богов Эзиета,
Славу троян, Алкафоя, драгого Анхизова зятя

(Дщери его Гипподамии был он супругом счастливым,
Дщери, которую в доме отец и почтенная матерь
Страстно любили: она красотой, и умом, и делами
В сонме подруг между всеми блистала: зато и супругой
Избрал ее гражданин благороднейший в Трое пространной),—
Мужа сего Девкалида рукой укротил Посейдаон,
Ясные очи затмив и сковав ему быстрые ноги:
Он ни назад убежать, ни укрыться не мог от героя;
Скованный страхом, как столб иль высоковершинное древо,
Он неподвижный стоял, и его Девкалид копьеборец
В перси ударил копьем и разбил испещренную броню,
Медную, в битвах не раз от него отражавшую гибель:
Глухо броня зазвенела, под мощным ударом рассевшись;
С громом упал он, копье упадавшему в сердце воткнулось;
Сердце его, трепеща, потрясло и копейное древко;
Но могучесть в нем скоро Арей укротил смертоносный.
Идоменей, величаясь победою, громко воскликнул:
«Как, Деифоб, полагаешь, достойно ли я расплатился?
Три сражены за единого! Ты ж величаешься только,
Дивный герой! Но приближься и сам, и меня ты изведай:
Узришь, каков я под Трою пришел, громовержцев потомок!
Он, громовержец, Миноса родил, охранителя Крита;
Мудрый Минос породил Девкалиона, славного сына;
Он, Девкалион, меня, повелителя многим народам
В Крите пространном, и волны меня принесли к Илиону,
Гибель тебе, и отцу твоему, и всем илионцам!»

Так говорил; Деифоб в нерешимости дум волновался:
Вспять ли идти и, с троянцем каким-либо храбрым сложася,
Выйти вдвоем иль один на один испытать Девкалида?
Так Деифоб размышлял, и ему показалося лучше
Вызвать Энея. Нашел он героя, в дружинах последних
Праздно стоящего: гнев он всегдашний питал на Приама,
Ибо, храбрейшему, старец ему не оказывал чести.
Став перед ним. Деифоб устремляет крылатые речи:
«Храбрый Эней троян повелитель, если о ближних
Ты сострадаешь, тебе заступиться за ближнего должно.
Следуй за мной, защитим Алкафоя; тебя он, почтенный,
Будучи зятем, воспитывал юного в собственном доме.
Идоменей, знаменитый копейщик, сразил Алкафоя».

Так произнес он — и душу в груди взволновал у Энея.
Он полетел к Девкалиду, воинственным жаром пылая,

Но Девкалид не позорному бегству, как отрок, предался:
Ждал неподвижный, как вепрь между гор, на могучесть надежный,
Шумного вкруг нападения многих ловцов ожидает,
Стоя в месте пустынном и грозно хребет ощетиня;
Окрест очами, как пламенем, светит; а долгие зубы
Ярый острит он, и псов и ловцов опрокинуть готовый.—
Так нажидал, ни на шаг не сходя, Девкалид Анхизида,
Против летящего воина бурного; только соратных
Криком сзывал, Аскалафа вождя, Афарея, Дейпира,
Молова сына, и с ним Антилоха, испытанных бранью;
Их призывал Девкалид, устремляя крылатые речи:
«Други, ко мне! защитите меня одинокого! Страшен
Бурный Эней нападающий; он на меня нападает;
Страшно могуществен он на убийство мужей в ратоборстве;
Блещет и цветом он юности, первою силою жизни.
Если б мы были равны и годами с Энеем, как духом,
Скоро иль он бы, иль я похвалился победою славной!»

Так говорил он,— и все, устремившися с духом единым,
Стали кругом Девкалида, щиты к раменам приклонивши.
Но Эней и своих возбуждал сподвижников храбрых,
Звал Деифоба, Париса, почтенного звал Агенора,
С ним предводивших троянские рати; за ним совокупно
Все устремилися: так за овном устремляются овцы,
С паствы бежа к водопою, и пастырь душой веселится,—
Так Анхизид благородный, Эней, веселился душою,
Видя толпами за ним устремлявшихся граждан троянских.

Вкруг Алкафоя они рукопашную подняли битву,
Копьями бились огромными. Медь на груди ратоборцев
Страшно звучала от частых ударов сшибавшихся толпищ.
Два между тем брагоносца, отличные мужеством оба,
Идоменей и Эней, подобные оба Арею,
Вышли, пылая друг друга пронзить смертоносною медью.
Первый Эней, размахнувшися, ринул копье в Девкалида;
Тот же, завидев удар, уклонился от меди летящей,
И копье Анхизида, сотрясшися, в землю вбежало,
Быв бесполезно геройской, могучею послано дланью.
Идоменей же копьем Эномаоса ранил в утробу;
Лату бронн просадила и внутренность медь из утробы
Вылила: в прахе простершись, руками хватает он землю.
Идоменей длиннотенную пику из мертвого тела

Вырвал; но медных, других побежденного пышных доспехов
С персей совлечь не успел: осыпали троянские стрелы.
Не были более гибки и ноги его, чтобы быстро
Прянуть ему за своим копием иль чужого избегнуть:
Стойкою битвой, упорною пагубный день отражал он;
Ноги не скоро несли, чтоб ему убежать из сраженья;
Медленно он уходил. Деифоб в уходившего дротик
Снова послал: на него он пылал непрестанною злобой.
И прокинул он снова; но медь Аскалафа постигла,
Сына Арея; плечо совершенно убийственный дротик
Прорвал, и в прах он упавши, хватает ладонями землю.
Долго не ведал еще громозвучный Арей истребитель,
Что воинственный сын его пал на сражении бурном:
Он на Олимпа главе, под златыми сидел облаками,
Зевса всемощного волей обузданный, где и другие
Боги сидели бессмертные, им удаленные с брани.

Воины вкруг Аскалафа бросалися в бой рукопашный.
Тут Деифоб с головы Аскалафовой шлем светозарный
Сорвал; но вдруг Мерион, налетевши, подобный Арею,
Хищника в руку копьем поразил; из руки Деифоба
Шлем дыроокий исторгся и об землю звукнул упавший.
Снова герой Мерион, на врага налетевши, как ястреб,
Вырвал из мышцы копье, у него растерзавшее тело,
И к сподвизавшимся вновь отступил; а Полит Деифоба,
Брат уязвленного брата, под грудью руками обнявши,
Вывел из шумного боя, до самых коней провожая:
Быстрые кони его, позади ратоборства и сечи,
Ждали, с возницею верным и с пышной стоя колесницей;
К граду они понесли Деифоба; жестоко стенал он,
Болью терзаемый; кровью струилася свежая рана.

Но другие сражались; вопль раздавался ужасный.
Бурный Эней, налетев, Афарея, Калетора сына,
Дротом в гортань, на него нападавшего, острым ударил:
Набок глава преклонилася; падшего сверху натиснул
Щит и шелом; и над ним душеснедная смерть распростерлась.

Несторов сын, обращенного тылом Фоона приметив,
Прянул и ранил убийственно: жилу рассек совершенно,
С правого бока хребта непрерывно идущую к выс,
Всю совершенно рассек; зашатавшися, навзничь на землю
Пал он, дрожащие руки к любезным друзьям простирая.

Несторов сын наскочил и срывал доспехи с троянца,
Вкруг озираясь; его же трояне, кругом обступивши,
В щит легкометный, широкий кололи кругом, но напрасно;
Медью жестокой ниже́ не коснулися к белому телу
Славного внука Нелеева: бог Посейдаон могущий
Сам охранял Несторида везде и под тучею копий:
Ибо вдали от врагов не стоял он, меж ними носился;
В длани его не покоился дрот, трепетал беспрестанно,
К бою колеблемый; он беспрестанно намечивал острым,
Или на дальнего ринуть, или на близкого грянуть.

Скоро его Адамас, намечавшегось дротом, приметил,
Азиев сын, и, к нему устремившися, острою медью
Грянул в средину щита; но ее острие обессилил,
В жизни героя врагу отказав, Посейдон черновласый:
И копья половина, как кол обожженный, осталась
В круге щита, половина тупая упала на землю.
Бросился к сонму друзей Адамас, избегая от смерти.
Быстро его Мерион и настиг, и сверкающим дротом
Между стыдом и пупом ударил бегущего, в место,
Где наиболее рана мучительна смертным несчастным:
Так он его поразил; и на дрот он упавши, вкруг меди
Бился, как вол несмиренный, которого пастыри мужи,
Как ни упорен он, силой связавши арканом, уводят,—
Так он, проколотый, бился в крови; но не долго: немедля
Храбрый к нему Мерион приступил, копие роковое
Вырвал из тела, и смертный мрак осенил ему очи.

Тут Гелен Деипира фракийского саблей огромной
Резко в висок поразил, и шелом с него сбил коневласый.
Сбитый, на землю он пал; и какой-то его аргивянин,
Между толпою бойцов под ногами крутящийся, поднял;
Очи вождя Деипира глубокая ночь осенила.

Жалость взяла Менелая, отважного в битвах Атрида;
Выступил он, угрожая ударом Гелену герою,
Острым копьем потрясая; Гелен же изладился луком.
Оба они соступились: один занесенную пику
Бросить пылая, другой с тетивы наведенную стрелу;
И Гелен Менелая по персям уметил пернатой
В лату брони, и отпрянула быстро пернатая злая.
Так, как с широкого веяла, сыпясь по гладкому току,
Черные скачут бобы иль зеленые зерна гороха,

Если на ветер свистящий могучий их веятель вскинет, —
Так от блистательных лат Менелая, высокого славой,
Сильно отпрянув, стрела на побоище пала далёко.
Сын же Атреев, герой Менелай, копием Приамида
В длань поразил, воруженную луком блестящим; и к луку
Длань, проколовши насквозь, пригвоздило копейное жало.
К сонму друзей, убегая от смерти, Гелен обратился,
Руку повесив, и ясенный дрот волочился за нею.
Но его из руки извлек благодушный Агенор;
Руку ж ему повязал искусственно свитою волной,
Мягкой повязкой, клевретом всегда при владыке носимой.

Сильный Пизандр между тем сопротив Менелая героя
Выступил: злая судьбина его увлекала к пределу,
Да тобой, Менелай, укротится он в пламенной битве.
Чуть соступилися оба, идущие друг против друга,
Ринул Атрид — и неверно: копье его вбок улетело.
Ринул Пизандр — и копьем у Атрида, высокого славой,
Щит поразил, но насквозь не успел он оружия выгнать:
Медяный щит удержал; копье сокрушилось у трубки.
Радость объяла Пизандрово сердце: он чаял победы.
Но Менелай, из ножен исторгнувши меч среброгвоздный,
Прянул, герой, на Пизандра, а сей из-под круга щитного
Выхватил медный красивый топор, с топорищем оливным,
Длинным, блистательно гладким, и оба сразилися разом:
Сей поражает по выпуке шлема, косматого гривой,
Около самого гребня, а тот наступавшего по лбу,
В верх переносицы: хрястнула кость, и глаза у Пизандра,
Выскочив, подле него на кровавую землю упали;
Сам опрокинулся он; и, пятой наступивши на перси,
Броню срывал и, гордясь, восклицал Менелай победитель:
«Так вам оставить и всем кораблю быстроконных данаев,
Вам, вероломцы трояне, несытые пагубной бранью!
Большей обиды и срама искать вам не нужно, какими,
Лютые псы, вы меня осрамили! Ни грозного гнева
Вы не страшились гремящего Зевса; ни гостеприимства
Он покровитель, и некогда град ваш рассыплет высокий!
Вы у меня и младую жену, и сокровища дома
Нагло похитив, ушли, угощенные дружески в доме!
Ныне ж пылаете вы на суда мореходные наши
Гибельный бросить огонь и избить героев ахейских!
Но укротят наконец вас, сколько ни алчных к убийствам!
Зевс Олимпийский! премудростью ты, говорят, превышаешь

Всех и бессмертных и смертных, всё из тебя истекает.
Что же, о Зевс, благосклонствуешь ты племенам нечестивым,
Сим фригиянам, насильствами дышащим, ввек не могущим
Лютым убийством насытиться в бранн, для всех ненавистной!
Всем человек насыщается: сном и счастливой любовью,
Пением сладостным и восхитительной пляской невинной,
Боле приятными, боле желанными каждого сердцу,
Нежели брань; но трояне не могут насытиться бранью!»

Рек — и, оружия с тела, дымящиеся кровью, сорвавши,
Отдал клевретам своим Менелай, предводитель народов;
Сам же, назад обратяся, с передними стал на сраженье.
Там на него налетел Гарпалион, царя Пилемена
Доблестный сын: за отцом он любезным последовал к брани,
В Трою Приама, но в отческий дом не пришел, несчастливец!
Он Менелаю царю посредине щита, налетевши,
Пику вонзил, но насквозь не успел оружия выгнать;
И обратно к друзьям, чтоб от смерти спастись, побежал он,
Вкруг озираясь, да тела враждебная медь не постигнет.
Но Мерион на бегущего медной стрелою ударил;
В правую сторону зада вонзилась стрела и далёко,
Острая, в самый пузырь, под лобковою костью, проникла.
Там же он скорчась присел и, в объятиях другов любезных
Дух испуская, упал и, как червь, по земле протянулся;
Черная кровь выливалась и землю под ним увлажала.
Окрест его пафлагоняне верные засуетились;
Тело, подняв в колесницу, они в Илион провожали,
Грустные: шел между них и отец, проливающий слезы;
Ибо не мог он врагам отомстить за убитого сына.

Но Парис за него справедливою местию вспыхнул:
Гостем он был у него, посетивши народ пафлагонский;
Он, за него отомщая, послал медножальную стрелу.
Был Эвхенор меж ахейцами, сын Полиида пророка,
Муж знаменитый, богатый, Коринфа цветущего житель;
Участь свою он несчастную знал — и отплыл к Илиону.
Часто ему говорил Полиид добродушный, что должен
Он иль от немощи тяжкой в отеческом доме скончаться,
Или в бою, пред судами ахейскими, пасть от пергамлян;
Но избегал Эвхенор как от пени, постыдной ахейцам,
Так и от немощи тяжкой, бесплодно страдать не желая.
Храброго в челюсть, под ухо Парис поразил, и мгновенно
Жизнь отлетела, и страшная тьма Эвхенора объяла.

Так ополченья сражались, огням подобно свирепым.
Гектор же, Зевса любимец, вдали не слыхал и не ведал,
Как пред судами, на левом конце, поражаемо было
Войско его от ахеян,— и скоро бы слава ахеян
Полной была над троянами: так ободрял Посейдаон
Души ахеян и силою собственной сам поборал им.
Гектор воинствовал, где незадолго в ворота влетел он,
Сам разорвавши густые ряды аргивян щитоносцев,
Там, где суда и Аякса и Протесилая стояли,
Моря седого на брег извлеченные, где аргивяне
Самую низкую вывели стену и где превосходных
Пламенных коней и воев ряды на сражение стали.
Там беотиян отважных, ияонов длиннохитонных,
Фтиян, и локров, и славных эпеян сложившиесь рати
Все на суда нападавшего с нуждой держали, но вовсе
Сил не имели препнуть Приамида, подобного буре.
Вои афинские были отборные; их ополченье
Вел Петеид Менесфей, и за ним устремляли дружины
Фидас, и Стихий, и Биас герой. Знаменитых эпеян
Вел Амфион, и Мегес Филид, и воинственный Дракий.
Фтийцам предшествовал Медон и дышащий боем Подаркес
(Медон, сын незаконный владыки мужей Оилея,
Был Оилида Аякса юнейший брат, но в Филаке
Жил, далеко от отечества, брося его как убийца,
Мачехи брата убив, Оилея жены, Эриопы;
Храбрый Подаркес Ификлов был сын, Филакидов потомок).
Оба они впереди пред дружинами юношей фтийских
Бились, суда бороня, с беотийцами вместе сражаясь.

Быстрый Аякс пылал не отстать от могучего брата;
Близ Теламонида он, ни на шаг не отступный, держался.
Так плуговые волы по глубокому пару степному
Черные, крепостью равные, плуг многосложный волочат;
Пот при корнях их рогов пробивается крупный; но дружно,
Оба единым блестящим ярмом едва разделяясь,
Дружно идут полосой и земли глубину раздирают,—
Так и Аяксы, сложася, держались один близ другого.
Вслед Теламонова сына стремился многие мужи,
Храбрые, ратные други; они его щит принимали,
Если усталость и пот изнуряли колена герою;
Но за вождем Оилидом никто не стремился из локров:
Дух не вытерпливал их рукопашного, стойкого боя;
Воинство их не имело ни медяных с гривою конской

Шлемов, ни круглых щитов, ни возвышенных ясенных копий;
Только на верные луки и волну, скручённую в пращи,
Локры надеясь, пришли к Илиону, и ими на битвах,
Быстро и метко стреляя, троян разрывали фаланги.
Тут, как одни впереди блестящим оружием разным
Бились с дружинами Трои и с Гектором меднодоспешным,
Локры стреляли, держась позади,— и уже забывали
Бранную храбрость трояне: смущали их стрелы густые.
Худо б им было, с стыдом от судов и от кущей ахейских
Трои сыны отступили б под шумную ветрами Трою,
Если б отважного Гектора Полидамас не подвигнул:
«Гектор, жестокий ты муж, чтоб других убеждения слушать!
Бог перед всеми тебя одарил на военное дело;
Ты ж и советов мудростью всех перевысить желаешь!
Нет, совокупно всего не стяжать одному человеку.
Бог одного одаряет способностью к брани, другому
Зевс, промыслитель превыспренний, в перси разум влагает
Светлый: плодами его племена благоденствуют смертных;
Оным и грады стоят; но стяжавший сугубо им счастлив.
Гектор! склонися к совету, который мне кажется лучшим.
Битва везде пред тобою, как огненный круг, пламенеет;
Мужи троянские, после того как ворвалися в стену,
С боя одни удалились с оружием, прочие спорят
В слабых толпах против множества, вдоль кораблей
растянувшись.
С боя сойди и сюда призови ратоводцев храбрейших;
Здесь мы важнейшее дело решим совещанием общим:
Разом ли нам на суда многоместные ратью ударить,
Если бы бог даровал одоление, или немедля
Вспять от судов обратиться, пока не разбиты! скажу ли?
Я трепещу, да вчерашнего нам не отплатят ахейцы
Долга кровавого: муж при судах, ненасытимый бранью,
Ждет нас, который едва ли удержится вовсе от боя».

Так говорил он,— и Гектор одобрил совет справедливый;
Быстро с своей колесницы с оружием прянул на землю
И ему отвечал, устремляя крылатые речи:
«Полидамас, удержи ты здесь предводителей храбрых;
Дальше пойду я и противостану пылающей битве.
Я возвращуся немедля, вождям повеления давши».

Рек — и понесся великий, горе под снегами подобный;
С криком призывным толпы облетел он троян и союзных.

Все к Панфопду, любителю мужества Полидамасу,
Бросились быстро дарданцы, услышавши Гектора голос.
Он же Гелена царя, благородного брата Дейфоба,
Азия, ветвь Адамаса, и Азия, отрасль Гиртака,
Ходя по сонмам передним, искал, не найдет ли героев.
Их он нашел, но не всех невредимых, не всех средь живущих:
В прахе из оных одни, у судов мореходных данайских,
Бледны лежали, под силой данаев предавшие души,
А другие страдали под язвами стрел или копий.
Только Париса брата, супруга Елены прекрасной,
Скоро нашел он на левом конце истребительной брани,
Дух ополчений своих ободрявшего к крепкому бою.
Став перед ним, укоризненным голосом Гектор воскликнул:
«Видом лишь гордый, несчастный Парис, женолюбец, прельститель!
Где у тебя Дейфоб и Гелен, повелитель народа?
Офрионей знаменитый, Гиртакид воинственный, Азий,
Где Адамас? Погибает сегодня, с высот упадает
Троя святая! Сегодня твоя неизбежна погибель!»

Быстро ему возразил Приамид Александр боговидный:
«Ныне угодно тебе обвинять и безвинного, Гектор!
Прежде я более мог нерадивым во брани казаться,
Прежде, не ныне,— меня не без доблести матерь родила.
С часу, как ты пред судами кровавую битву воздвигнул,
С оного часу и мы с аргивянами здесь беспрерывно
Сходимся в бой; но друзей потеряли, которых ты назвал.
Только герой Дейфоб и Гелен, повелитель народа,
С боя сошли, от могучих врагов пораженные оба
Копьями длинными в руки; но Зевс их избавил от смерти.
Гектор, веди нас, куда ни влеком ты бестрепетным сердцем.
Все мы горим за тобою последовать; в храбрости нашей,
Льщусь, не найдешь недостатка, покуда нам силы достанет;
Выше же силы, хотя б и пылал кто, не может сражаться!»

Так говоря, укротил он великого Гектора душу.
Ринулись оба, где более битва и сеча кипела
Вкруг Кебриона вождя, непорочного Полидамаса,
Фалка, Ортея, подобного богу вождя Полифита,
Пальма, Аскания, Мориса, отраслей Гиппотиона,
Двух воевод, из Асканин прежним пришедших на смену
Только вчера; устремил их на брань всемогущий Кронион.
Шли на сраженье трояне, как ветров неистовых буря,

Если под громом Кронидовым грозная степью несется
И, с ужаснейшим воем обрушась на понт, воздымает
Горы клокочущих волн по немолчношумящей пучине,
Грозно нависнувших, пенных, одни, а за ними другие,—
Так илионцы, сомкнувшись, одни, а за ними другие,
Медью блеща и гремя, за своими вождями летели.
Гектор предшествовал всем, смертоносному равный Арею;
Щит перед грудью его обращался, круг необъятный,
Кожами крепкий и сверху обложенный множеством меди;
Окрест главы у него колебался шелом лучезарный.
Всем он фалангам везде угрожал, под щитом наступая;
Все он испытывал их, не расстроит ли наступом грозным.
Но ничем не смущал он бесстрашного духа данаев.
Сын Теламонов его вызывал, широко выступая:
«Ближе, герой, подойди! И зачем издали ты пугаешь
Воинов Аргоса? В бранном искусстве и мы не невежды;
Мы лишь Кронидовым тяжким бичом смирены, аргивяне.
Верно, ты в сердце надеждой горишь уничтожить сегодня
Наши суда? Но целы и у нас на защиту их руки!
И вернее, что прежде с высокими башнями град ваш
Нашими будет руками и взят, и во прах ниспровержен!
День недалек, объявляю тебе, как и сам ты, бегущий,
Пламенно станешь молить и Зевеса, и всех олимпийских,
Ястребов шибче да будут твои долгогривые кони,
Коих погонишь ты в град, подымая лишь пыль по долине».

Он говорил, и незапно над ним заширялася вправе
Птица, орел небопарный; вскричали ахейские рати,
Все ободренные чудом. Но Гектор бесстрашно ответил:
«Праздные звуки, Аякс! велеречишь, огромностью гордый!
Если бы столько же верно я сын громовержца Зевеса
Был, бесконечно живущий, от Геры богини рожденный,
Славимый всеми, как славится Феб и Афина Паллада,—
Сколько то верно, что день сей погибель несет аргивянам
Всем совершенно! Погибнешь и ты, коль отважишься ныне
Встретить мой дрот сокрушительный: он у тебя растерзает
Нежное тело; и птиц ты пустынных, и псов илионских
Туком насытишь своим, пред судами ахейскими павший!»

Так произнес — и пошел он вперед. Устремились трояне
С криком ужасным; крикнули с ними и задние рати;
Крикнули вместе и рати данаев: они не теряли
Мужества и нажидали удара героев троянских;
Крик их взаимный дошел до эфира и светов Зевеса.

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ОБОЛЬЩЕНИЕ ЗЕВСА

Крик неспокойно услышал и Нестор, под сению пьющий;
Быстро к Асклепия сыну крылатую речь устремил он:
«Что, благородный Махаон, из дел сих нерадостных будет?
Крик при судах возрастает воинственных юношей наших!
Друг, сиди у меня и багряным вином укрепляйся:
Теплую ванну тебе Гекамеда кудрявая в кущe
Скоро нагреет и прах кровавый на теле омоет.
Я подымусь лишь на холм и немедленно всё распознаю».

Рек — и художно сработанный щит захватил он сыновний,
Медью блестящий, который герой Фразимед конеборец
В сени оставил, а сам со щитом подвизался отцовским;
Крепкое взял копие, повершенное острою медью;
Вышел, пред кущею стал, и мгновенно позорное дело
Видит: ахейцы бегут, а бегущих преследуют с тыла
Гордые воины Трои; разбита твердыня ахеян!
Словно как море великое зыбью немою чернеет,
Предзнаменуя нашествие быстрое шумного ветра,
Только чернеет, еще ни сюда, ни туда не колышась,
Ветер доколе решительный, посланный Зевсом, не снидет,—
Так нерешительно Нестор душой колебался, волнуясь
Думой двоякой: к рядам ли идти аргивян быстроконных
Или к владыке мужей, властелину народов Атриду?
В сих волновавшемусь думах, сдалося полезнее старцу
К сыну Атрея идти. Между тем истребляли друг друга
Воины в битве; звучала ужасно вкруг тел их могучих
Медь, под ударом мечей и пик обоюдуконечных.

С Нестором встретились скоро цари, питомцы Зевеса,
Шедшие от кораблей, уязвленные прежде на битве,
Царь Диомед, Одиссей и державный Атрид Агамемнон.
Их корабли от равнины, где бились, далеко стояли
Берегом моря седого: они извлекли их на сушу
Первые; стену ж при них совокупно с другими воздвигли.
Берег, как ни был обширен, не мог обоюдувесельных
Всех кораблей их принять; стеснены ополчения были:
Лествицей их извлекли на песок и наполнили целый
Берег залива широкого, все между мысов пространство.

Три воеводы, пылая увидеть смятенную битву,
Рядом шли, подпираясь копьями; полно печали
Было их сердце. С ними встретился конник геренский
Нестор и более дух поразил у ахейских героев.
Быстро воскликнул ему повелитель мужей Агамемнон:
«Нестор, божественный старец, великая слава данаев!
Что приходил ты сюда, смертоносную битву оставив?
О, трепещу я, да слова не выполнит Гектор ужасный:
Некогда он, среди сонма троянского, гордый, грозился
В град от судов возвратиться не прежде, доколе ахейских
Всех кораблей не сожжет и ахеян самих не изгубит.
Так он на сонме грозился,— и все совершается ныне!
Боги! Так все ополчения медноружных данаев
Ненависть в сердце ко мне, как Пелид быстроногий, питают,
Если сражаться они не хотят при кормах корабельных!»

Быстро Атриду ответствовал Нестор, конник геренский:
«Так, Агамемнон, свершается все! и уже не возмог бы
Сам громовержец того, что свершилось, устроить иначе!
Пала твердыня ахеян, которая, мы уповали,
Нам от врагов и судам нерушимой защитою будет.
Но враги при судах беспрестанной, упорною битвой
Вкруг нас теснят, и уже не узнаешь, внимательно смотря,
Где аргивяне теснимые в большем расстройстве мятутся.
Всюду смятенье, убийство, и вопль раздается до неба!
Други, помыслим, какое из дел сих последствие будет?
Может быть, разум поможет. Но в битву вступать, воеводы,
Я не советую вам: уязвленным не должно сражаться».

Нестору вновь говорил повелитель мужей Агамемнон:
«Нестор, если уж бой при кормах корабельных пылает,
Если не в помощь ни вал нам высокий, ни ров, для которых
Столько трудов мы терпели, которые, мы уповали,
Нам от врагов и судам нерушимой защитою будут:
Нет сомнения, Зевсу всесильному видеть угодно
Здесь, от Эллады далеко, ахеян бесславно погибших!
Было то время, как ревностно он защищал и ахеян;
Ныне, я вижу, он Трои сынов, как бессмертных блаженных,
Славой венчает, ахейцам же силы и руки сковал он!
Слушайте ж, други, один мой совет, и его мы исполним:
Первые наши суда, находящиеся близко пучины,
Двинем немедля и спустим их все на священное море;
Станем высоко держаться на котвах, пока не наступит

Ночь безлюдная; может быть, в ночь прекратят нападенье
Трои сыны; и тогда мы суда и последние спустим.
Нет стыда избегать от беды и под мраками ночи;
Лучше бежа избежать от беды, чем вдаваться в погибель!»

Косо взглянув на него, возгласил Одиссей многоумный:
«Слово какое, властитель, из уст у тебя излетело?
Пагубный! лучше другим бы каким-либо воинством робким
Ты предводил, а не нами владел, не мужами, которым
С юности нежной до старости Зевс подвизаться назначил
В бранях жестоких, пока не погибнет с оружием каждый!
Или ты хочешь троянский сей град многолюдный оставить,
Град, вкруг которого столько ужасных мы бед претерпели?
Смолкни, чтоб кто-либо здесь не услышал еще из ахеян
Речи, какой никогда и в устах иметь не захочет,
Кто говорить разумеет согласное с разумом здравым,
Кто скиптродержец, кому повинуются столько народов,
Сколько тебе, неисчетных аргивских племен повелитель!
Замысел твой отвергаю я вовсе и что ты вещаешь!
Ты предлагаешь теперь, в продолжение боя и смуты,
В море спускать корабли, да желанное сердцу троянам,
В брани и так торжествующим, сбудется всё? а над нами
Грозная гибель над всеми обрушится! ибо ахейцы
Боя не выдержат, если суда повлекутся на волны:
Вспять озираться начнут и оставят воинскую доблесть,
И твои нас советы погубят, правитель народа!»

Быстро воскликнул тогда повелитель мужей Агамемнон:
«О Лаэртид! поразил ты глубоко упреком жестоким
Душу мою; но ахеянам я не даю повелений
Влечь, вопреки их желаньям, судов многоместных на волны.
Муж да предстанет и лучший совет моего да предложит;
Юноша он или старец — равно мне приятен он будет».

И меж них взговорил Диомед, воеватель бесстрашный:
«Муж сей пред вами! не долго искать его, если угоден
Добрый совет: но меня да не презрит никто, оскорбляясь
Тем, что начну говорить между вами, героями, младший.
Сам справедливо горжусь я отца знаменитого родом,
Кровью Тидея, которого в Фивах сокрыла могила.
Три непорочные сына на свет рождены от Парфея;
Жили в Плевроне и в тучной земле, Калидоне гористом,
Агрий и Мелас, а третий из них был Иней конеборец,

Дед мой, Тидеев отец, знаменитейший доблестью всех их.
Там же и он обптал; но родитель мой в Аргос укрылся,
Долго скитавшийся: Зевс и бессмертные так восхотели.
Дочерь Адраста избравши супругою, дому владыка,
Благами жизни богатый, довольно имел он обширных
Нив хлебородных, множество разных садов плодоносных,
Множество стад он имел, и ахейских мужей копьеборством
Всех превышал; но сие вы, как истину, слышали сами.
Зная ж, цари, что и я не презренного племени отрасль,
Вы не презрите советом, который скажу я свободно:
В битву пойдем, невзирая на раны: зовет неизбежность!
Там мы покажемся ратям; но боя удержимся, ставши
Одаль от стрел, чтобы кто-либо раны на рану не принял;
Только других поощрим на сражение: множество ратных,
Слабым сердцам угождая, стоят вдалеке, не сражаясь».

Так говорил,— и, внимательно слушав, цари покорились;
К битве пошли, и предшествовал им Агамемнон державный.

Тою порой не вотще соглядал Посейдон земледержец:
Он воеводам явился под образом древнего мужа;
Взял за десную царя, устроителя ратей Атрида,
И к нему возгласил, устремляя крылатые речи:
«Царь Агамемнон! теперь Ахиллесово мрачное сердце
С радости в персях трепещет, как гибель и бегство данаев
Он созерцает! и нет у него ни малейшего чувства!
Пусть же он так и погибнет, и бог постыдит горделивца!
Ты ж, Агамемнон, не вовсе блаженным богам ненавистен;
Может быть, скоро троянских племен и вожди и владыки
Прах по широкому полю подымут; может быть, скоро
Ты их увидишь бегущих от наших судов и от кущей».

Рек он — и с криком ужасным понесся стремительно полем.
Словно как девять иль десять бы тысяч воскликнули разом
Сильных мужей на войне, зачинающих ярую битву,—
Гласом из персей таким колебатель земли Посейдаон
Грянул меж воинств, и каждому в сердце ахейцу вдохнул он
Бурную силу, без устали вновь воевать и сражаться.

Гера, царица златопрестольная, став на Олимпе,
Взоры свои с высоты устремила и скоро узнала

Быстро уже пролетевшего поприще славного боя
Брата и деверя мощного; радость проникла ей душу.
Зевса ж, на высях сидящего Иды, потоками шумной,
Гера узрела, и был ненавистен он сердцу богини.
Начала думы вращать волоокая Зевса супруга,
Как обольстить ей божественный разум царя Эгиоха?
Лучшею сердцу богини сия показалася дума:
Зевсу на Иде явиться, убранством себя изукрасив.
Может быть, он возжелает почить и любви насладиться,
Видя прелесть ее, а она и глубокий и сладкий,
Может быть, сон прольет на зеницы его и на разум.
Гера вошла в почивальню, которую сын ей любезный
Создал Гефест. К вереям примыкались в ней плотные двери
Тайным запором, никем от бессмертных еще не отверстым.
В оную Гера вступив, затворила блестящие створы;
Там амброзической влагой она до малейшего праха
С тела прелестного смыв, умастилася маслом чистейшим,
Сладким, небесным, изящнейшим всех у нее благовоний:
Чуть сотрясали его в медностенном Кронионна доме,
Вдруг до земли и до неба божественный дух разливался.
Им умастивши прекрасное тело, власы расчесала,
Хитро сплела и сложила, и волны блистательных кудрей,
Пышных, небеснодушистых, с бессмертной главы ниспустила.
Тою душистой оделася ризой, какую Афина,
Ей соткав, изукрасила множеством дивных узоров;
Ризу златыми застежками выше грудей застегнула.
Стан опоясала поясом, тьмою бахром окруженным.
В уши — прекрасные серьги с тройными подвесями вдела,
Ярко игравшие: прелесть кругом от богини блистала.
Легким покровом главу осенила державная Гера,
Пышным, новым, который, как солнце, сиял белизною.
К светлым ногам привязала красы велелепной плесницы.
Так для очей восхитительным тело украсив убранством,
Вышла из ложницы Гера и Зевсову дочь Афродиту
Вдаль от бессмертных других отозвала и ей говорила:
«Что я скажу, пожелаешь ли, милая дочь, мне исполнить?
Или отвергнешь, Киприда, в душе на меня сокрывая
Гнев, что я за данаев, а ты благосклонна троянам?»

Ей отвечала немедленно Зевсова дочь Афродита:
«Гера, богиня старейшая, отрасль великого Крона!
Молви, чего ты желаешь; исполнить сердце велит мне,
Если исполнить могу я и если оно исполнимо».

Ей, коварствуя сердцем, вещала державная Гера:
«Дай мне любви, Афродита, дай мне тех сладких желаний,
Коими ты покоряешь сердца и бессмертных и смертных.
Я отхожу далеко, к пределам земли многодарной,
Видеть бессмертных отца Океана и матерь Тефису,
Кои питали меня и лелеяли в собственном доме,
Юную взявши от Реи, как Зевс беспредельно гремящий
Крона под землю низверг и под волны бесплодного моря.
Их я иду посетить, чтоб раздоры жестокие кончить.
Долго, любезные сердцу, объятий и брачного ложа
Долго чуждаются боги: вражда им вселилася в души.
Если родителей я примирю моими словами,
Если на одр возведу, чтобы вновь сочетались любовью,
Вечно останусь я и любезной для них и почтенной».

Ей, улыбаясь пленительно, вновь отвечала Киприда:
«Мне невозможно, не должно твоих отвергать убеждений:
Ты почиваешь в объятиях бога всемощного Зевса».

Так говоря, разрешила на персях иглой испещренный
Пояс узорчатый: все обаяния в нем заключались;
В нем и любовь и желания, шепот любви, изъясненья,
Льстивые речи, не раз уловлявшие ум и разумных.
Гере его подала и такие слова говорила:
«Вот мой пояс узорный, на лоне сокрой его, Гера!
В нем заключается всё; и в чертоги Олимпа, надеюсь,
Ты не придешь, не исполнивши пламенных сердца желаний».

Так изрекла; улыбнулась лилейнораменная Гера,
И с улыбкой сокрыла блистательный пояс на лоне.
К сонму богов возвратилася Зевсова дочь Афродита.
Гера же, вдруг устремившись, оставила выси Олимпа,
Вдруг пролетела Пиерии холмы, Эмафии долы.
Быстро промчалась по снежным горам фракиян быстроконных,
Выше утесов паря и стопами земли не касаясь;
С гордой Афоса вершины сошла на волнистое море;
Там ниспустилася в Лемне, Фоасовом граде священном;
Там со Сном повстречалася, братом возлюбленным Смерти;
За руку бога взяла, называла и так говорила:
«Сон, повелитель всех небожителей, всех земнородных!
Если когда-либо слово мое исполнял ты охотно,
Ныне исполни еще: благодарность моя беспредельна.
Сон, усыпи для меня громодержцевы ясные очи,

В самый тот миг, как на ложе приму я в объятия бога.
В дар от меня ты получишь трон велелепный, нетленный,
Златом сияющий: сын мой, художник, Гефест хромоногий,
Сам для тебя сотворит и подножием пышным украсит,
Нежные ноги тебе на пиршествах сладких покоить».

Гере державной немедля ответствовал Сон усладитель:
«Гера, богиня старейшая, отрасль великого Крона!
Каждого я из богов, населяющих небо и землю,
Сном одолею легко; усыплю я и самые волны
Древней реки Океана, от коего всё родилося.
К Кронову ж сыну, царю, и приближиться я не посмею,
В сон не склоню громодержца, доколе не сам повелит он.
Помню, меня он и прежде своей образумил грозою,
В день, как возвышенный духом Геракл, порожденный Зевесом,
Плыл от брегов Илиона, троянского града рушитель:
В оный я день обаял Эгиоха всеснльного разум,
Сладко разлившися; ты ж устроила напасти Гераклу;
Ты неистовых ветров воздвигнула бурю на море,
Сына его далеко от друзей, далеко от отчизны,
Бросила к брегу Кооса. Воспрянул Кронид и грозою
Всех по чертогу рассыпал бессмертных; меня наипаче
Гневный искал и на гибель с неба забросил бы в море,
Если бы Ночь не спасла, и бессмертных и смертных царица.
К ней я, спасаясь, прибег. Укротился, как ни был разгневан,
Зевс молнелюбец: священную Ночь оскорбить он страшился.
Ты же велишь мне опять посягнуть на опасное дело!»

Вновь говорила ему волоокая Гера богиня:
«Сон усладитель, почто беспокойные мысли питаешь?
Или ты думаешь, будет троян защищать громовержец
Так же, как в гневе своем защищал он любезного сына?
Шествуй; тебе в благодарность юнейшую дам я Хариту;
Ты обоймешь наконец, назовешь ты своею супругой
Ту Пазифею, по коей давно все дни воздыхаешь».

Так изрекла, и ответствовал Сон, восхищенный обетом:
«Гера, клянись нерушимою клятвою, Стикса водою;
Руки простри и коснися, одною — земли многодарной,
Светлого моря — другою, да будут свидетели клятвы
Все преисподние боги, присущие древнему Крону:
Ими клянися, что мне ты супругой Хариту младую
Дашь Пазифею, по коей давно я все дни воздыхаю».

Рек,— и ему покорилась лилейнораменная Гера;
Руки простершн, клялась и, как он повелел, призывала
Всех богов преисподних, Титанами в мире зовомых.
Ими клялася, и страшную клятву едва совершила,
Оба взвились и оставили Имбра и Лемна пределы;
Оба, одетые облаком, быстро по воздуху мчались.
Скоро увидели Иду, зверей многоводную матерь;
Около Лекта оставивши понт, божества над землею
Быстро текли, и от стоп их — дубрав потрясались вершины.
Там разлучилися: Сон, от Кронидовых взоров таяся,
Сел на огромнейшей ели, какая в то время на Иде,
Высшая, гордой главою сквозь воздух в эфир уходила;
Там он сидел, укрываясь под мрачными ветвями ели,
Птице подобяся звонкоголосой, виталице горной,
В сонме бессмертных слывущей халкидой, у смертных
кимиидой.

Гера владычица быстро всходила на Гаргар высокий,
Иды горы на вершину: увидел ее громовержец,
Только увидел,— и страсть обхватила могучую душу
Тем же огнем, с каким насладнлся он первой любовью,
Первым супружеским ложем, от милых родителей тайным.
В встречу супруге восстал громовержец и быстро воскликнул:
«Гера супруга! почто же ты шествуешь так от Олимпа?
Я ни коней при тебе, ни златой колесницы не вижу».

Зевсу, коварствуя сердцем, вещала державная Гера:
«Я отхожу, о супруг мой, к пределам земли даровитой,
Видеть бессмертных отца Океана и матерь Тефису.
Боги питали меня и лелеяли в собственном доме.
Их я иду посетить, чтоб раздоры жестокие кончить.
Долго, любезные сердцу, объятий и брачного ложа
Долго чуждаются боги: вражда им вселилася в души.
Кони при мне, у подошвы обильной потоками Иды
Ждут и оттоле меня и по суше помчат и по влаге.
Но сюда я, Кронид, прихожу для тебя от Олимпа,
Ты на меня, о супруг, не разгневался б, если безмолвно
В дом отойду Океана, глубокие льющего воды».

Быстро ответствовал ей воздымающий тучи Кронион:
«Гера супруга, идти к Океану и после ты можешь.
Ныне почием с тобой и взаимной любви насладимся.
Гера, такая любовь никогда, ни к богине, ни к смертной,

В грудь не вливалася мне и душою моей не владела!
Так не любил я, пленяся младой Иксиона супругой,
Родшею мне Пирифоя, советами равного богу;
Ни Данаей прельстясь, белоногой Акрисия дщерью,
Родшею сына Персея, славнейшего в сонме героев;
Ни владея младой знаменитого Феникса дщерью,
Родшею Криту Миноса и славу мужей Радаманта;
Ни прекраснейшей смертной пленяся, Алкменою в Фивах,
Сына родившей героя, великого духом Геракла;
Даже Семелой, родившею радость людей Диониса;
Так не любил я, пленясь лепокудрой царицей Деметрой,
Самою Летою славной, ни даже тобою, о Гера!
Ныне пылаю тобою, желания сладкого полный!»

Зевсу, коварствуя сердцем, вещала державная Гера:
«Страшный Кронион! какие ты речи, могучий, вещаешь?
Здесь ты желаешь почить и объятий любви насладиться,
Здесь, на Идейской вершине, где все открывается взорам?
Что ж, и случиться то может, если какой из бессмертных
Нас почивших увидит и всем населяющим небо
Злобный расскажет? Тогда не посмею, восставшая с ложа,
Я в олимпийский твой дом возвратиться: позорно мне будет!
Если желаешь и если твоей душе то приятно,
Есть у тебя почивальня, которую сын твой любезный
Создал Гефест, и плотные двери с запором устроил.
В оной почить удалимся, когда ты желаешь покоя».

Гере быстро ответствовал туч воздыматель Кронион:
«Гера супруга, ни бог, на меня положися, ни смертный
Нас не увидит: такой над тобою кругом распростру я
Облак златой; сквозь него не проглянет ни самое солнце,
Коего острое око всё проницает и видит».

Рек — и в объятия сильные Зевс заключает супругу.
Быстро под ними земля возрастила цветущие травы,
Лотос росистый, шафран и цветы гиацинты густые,
Гибкие, коп богов от земли высоко подымали.
Там опочили они, и одел почивающих облак
Пышный, златой, из которого капала светлая влага.

Так беззаботно, любовью и сном побежденный, Кронион
Спал на вершине Идейской, в объятиях Геры супруги.
Быстро к судам аргивян победительный Сон обратился,
Радости весть возвестить черновласому Эпносигею;

Стал перед ним и воззвал, устремляя крылатые речи:
«Ревностно, царь Посейдаон, теперь поборай за данаев!
Даруй ты им хоть мгновенную славу, пока почивает
Зевс громовержец: царя окружил я дремотою сладкой;
Гера склонила его насладиться любовью и ложем».

Рек — и к другим отлетел племенам человеческим славным,
Боле еще возбудив Посейдона к защите ахеян.
Он пред ряды первоборные вышел вперед, восклицая:
«Мы ли, ахейцы, опять Приамиду победу уступим?
Мы ли допустим, чтоб взял корабли он и славой покрылся?
Так похваляется он и грозит, оттого что бездействен
Близ кораблей остается могучий Пелид прогневленный.
Но и в Пелиде нам нужды не будет, когда совокупно
Все устремимся, решася стоять одному за другого!
Други, внимайте, совет предложу я, а вы повинуйтесь:
Быстро щитами, которые в воинстве лучше и больше,
Перси оденем, шеломами крепкими чела покроем
И, медножалые, длинные копья в руках потрясая,
Храбро пойдем, перед вами я сам; я не мню, чтобы Гектор
Мог против нас устоять, и неистово бурный на битвах!
Кто меж бойцами могуч, но щитом не великим владеет,
Слабому пусть передаст он, а сам да идет под великим».

Так он вещал,— и с усердием пламенным все покорились.
Сами цари, забывая их язвы, строили ратных.
Царь Диомед, Одиссей и державный Атрид Агамемнон;
Рать обходя, заставляли менять боевые доспехи:
Крепкие крепкий вздевал, отдавая слабейшие слабым.
Так ополчившися пышносияющей медью, данаи
Двинулись; их предводил Посейдаон, колеблющий землю,
Меч долголезвенный, страшный неся во всемощной деснице,
Равный молнии пламенной: с ним невозможно встречаться
В сече погибельной,— смертного ужасом он поражает.

Рати троянские в встречу построил блистательный Гектор.
В оное время ужаснейший спор ратоборный воздвигли
Бог Посейдон черновласый и шлемом сверкающий Гектор,
Сей илионян любезных, а тот аргивян защищая.
Море восстало и волны до самых судов и до кущей
С ревом плескало, а рати сходилися с воплем ужасным.
Волны морские не столько свирепые воют у брега,
Быстро гонимые с моря дыханием бурным Борея;

Огнь-истребитель не столько шумит, распыхавшись пожаром,
Если, по дебри гористой разлившися, лес пожирает;
Ветер не столько гремит по дубам высоковолосым,
Если со всею свирепостью воет над ними, бушуя,—
Сколько гремел на побоище голос троян и ахеян,
Кои с неистовым воплем одни на других устремлялись.

Первый в Аякса копьем шлемоблещущий Гектор ударил,
В миг, как Аякс на него наступал, и наметил он верно;
Там, где на персях два перевесных ремня простирались,
Сей от щита, а другой от меча у Аякса героя,
Там поразил; но ремни защитили. Разгневался Гектор,
Видя, что быстрая медь бесполезно из рук излетела;
К сонму друзей отступил Приамид, избегающий смерти.
Но его отступившего вдруг поразил Теламонид
Камнем, которые кучей, подпоры судов извлеченных,
Там у бойцов под ногами крутились: такой подхвативши,
В грудь, чрез поверхность щита, поразил Приамида близ выи,
Махом пустив, как кубарь, и пронесся он, шумно кружася.
Словно как дуб под ударом крушительным Зевса Кронида
Падает с корня, из древа разбитого вьется зловонный
Серный дым; и стоит, как бездушный, паденья свидетель,
Близкий прохожий: погибелен гром всемогущего Зевса,—
Так ниспроверглася быстро на прах Приамидова крепость.
Дрот из руки полетел, на него навалился огромный
Щит и шелом, и взгремела на нем распещренная броня.
С криком ужасным к нему полетели ахейцы младые,
Падшего чая увлечь, и из рук на него устремили
Множество пик; но не мог ни единый владыке народов
Язвы нанесть, ни ударить; немедля его окружили
Вои храбрейшие: Полидамас, и Эней, и Агенор,
Ликии царь Сарпедон, и воинственный Главк непорочный;
Не было мужа, о нем не радевшего; каждый над падшим
Выпуклый щит в оборону простер; а друзья, Приамида
На руки скоро подняв, из борьбы понесли, поспешая
К коням ретивым, которые сзади сраженья и смуты
С храбрым возницей и с пышной его колесницей стояли.
Кони ко граду помчали стенящего тяжко героя.

Но лишь примчалися к броду реки прекрасно текущей,
Ксанфа пучинного, богом рожденного, Зевсом бессмертным,
Там с колесницы его положили на землю и свежей
Влагой лицо оросили. Вздохнул, проглянул он очами

И, на коленах держащийся, кровью из уст обливался;
Скоро опять опрокинулся в прах, и опять ему очи
Мрачная ночь осенила: удар оглушал еще душу.

Рати ахеян, увидевши Гектора, сшедшего с поля,
Бросились жарче на гордых троян и возвысились духом.
Первый от всех аргивян, Оилеев Аякс быстроборный
Сатния смертно пробил, налетев с изощренною пикой, —
Сатния, Энопа сына, которого нимфа Наяда
Энопу, пастырю стад, родила на брегах Сатнпона.
Сатния славный копейщик Аякс Оилид, налетевши,
В пах поразил; опрокинулся он, и за труп Энопида
Трои сыны и ахеяне подняли страшную сечу.
Полидамас за него, потрясая огромною пикой,
Мстителем вышел и, бросив, попал Профоенора в рамо,
Ветвь Ареилика: рамо пронзает могучая пика;
В прах он падет и рукою хватает кровавую землю.
Сын Панфоя, свирепо гордящийся, звучно воскликнул:
«Скажет ли кто и теперь, что у храброго Полидамаса
Тщетно из длани могучей огромная прянула пика!
Острую принял какой-то ахеец и ею, надеюсь,
Он, опираясь, пойдет в преисподние домы Аида!»

Так восклицал. Огорчили ахеян надменного речи;
Более ж всех у Аякса геройскую взорвали душу;
Подле него пораженный противником пал Профоенор.
Гневный Аякс в отступавшего ринул сверкающий дротик:
Сам Панфоид едва от погибели черной избегнул,
Прянувши вбок; но копье Архелох смертоносное принял,
Сын Антеноров: ему предназначили боги погибель;
Храброго дрот улучил в сочетание выи с главою,
В верх позвонка, и рассек у несчастного крепкие жилы;
Мощным ударом сраженный, главой он, лицом и устами
Прежде ударился в дол, чем своими коленами, павший.
Громко вскричал Теламонид к Панфоеву славному сыну:
«Взор обрати, Панфоид, и поведай, троянец, мне правду:
Пасть за вождя Профоенора сей не достоин ли воин?
Он не презренный боец, не презренного, кажется, рода:
Он илионян вождя, Антенора, смирителя коней,
Сын или брат; Антенора он племени сильно подобен».

Так говорил, несомнительно зная. Печаль поразила
Души троян,— и пронзил Акамас беотийца Промаха,

Мстящий за брата, которого труп увлекал беотиец.
Злобно над павшим гордился и так восклицал победитель:
«Нет, аргивяне стрельцы, угроз расточители праздных!
Нет, о друзья, не одним боевые труды и печали
Нам суждены: одинако погибель и вас постигает!
Видите ль, воин и ваш, ниспроверженный пикой моею,
Крепко уснул: не осталася месть за убитого брата
Долго без платы! Разумен, кто пекся, как брат мой любезный,
Брата в дому по себе, отомстителя смерти оставить!»

Так говорил; аргивян оскорбили надменного речи;
Более ж всех Пенелею воинственный дух взволновали.
Бросился он на троянца; но сильного встретить удара
Тот не дерзнул; и герой Пенелей Илионея свергнул,
Отрасль Форбаса, стадами богатого. Гермесом был он
Более всех из пергамцев любим и богатством ущедрен;
Но от супруги имел одного Илионея сына.
Пикой его Пенелей поразил в основание ока,
Вышиб зрачок, проколовшая пика и око и череп
Вышла сквозь тыл, и присел на побоище, руки раскинув,
Юноша бедный; а тот, из влагалища вырвавши меч свой,
В выю с размаха ударил и снес на кровавую землю
Голову с медным шеломом; еще смертоносная пика
В оке стояла; как мак, он кровавую голову поднял,
Сонму троян показал и гордящийся так говорил им:
«Трои сыны, известите родителей славного сына,
Мать и отца Илионея; пусть его в доме оплачут!
Ах! и младая жена беотиян героя Промаха
Встретить супруга не к радости выйдет, когда из-под Трои
Мы в кораблях возвратимся, младые ахейские мужи!»

Рек он,— и лица пергамлян покрылися ужасом бледным;
Каждый стал озираться на бегство от гибели грозной.

Ныне поведайте мне, на Олимпе живущие Музы,
Кто меж ахейцами первый корысти кровавые добыл
В битве, на сторону их преклоненной царем Посейдоном?
Первый Аякс Теламонид отважного Иртия свергнул,
Гиртова сына, вождя крепкодушных, воинственных мизов;
Фалка сразил Антилох и оружия с Мермера сорвал;
Вождь Мерион Гипотиона с Морисом храбрым низринул;
Тевкр низложил Профоона и мчавшегось в бег Перифета;

Сильный Атрид Гиперенора, пастыря сильных народов,
В пах боковой заколол; копие, растерзавши утробу,
Внутренность вырвало вон; из зияющей раны теснимый
Дух излетел, и тьма Гиперенору очи покрыла.
Более ж всех поразил Оилеев Аякс быстроногий:
С ним из вождей не равнялся никто быстротой на погоне
Воев бегущих, которых ужасом Зевс поражает.

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

ОТТЕСНЕНИЕ ОТ КОРАБЛЕЙ

В бегстве, когда частокол и глубокий окоп минювали
И лишилися многих, руками данаев попранных,
Там, у своих колесниц удержалися, стали трояне,
Бледны от страха и трепетны. В оное время воспрянул
Зевс на Иде горе из объятий владычицы Геры.
Быстро воздвигшись, он стал и увидел троян и данаев,
Первых в расстройстве бегущих, а с тыла жестоко гонящих,
Бодрых данаев, и между их воинств царя Посейдона;
Гектора ж в поле увидел простертого; окрест героя
Други сидели; тягостно дышащий, чувства лишенный,
Кровь извергал он: его поразил не бессильный данаец.
Видя его, милосердовал царь и бессмертных и смертных;
Быстро и грозно на Геру смотря, провещал громодержец:
«Козни твои, о злотворная, вечно коварная Гера,
Гектора мощного с боя свели и троян устрашили!
Но еще я не знаю, не первая ль козней преступных
Вкусишь ты плод, как ударами молний тебя избичую!
Или забыла, как с неба висела? как две навязал я
На ноги наковальни, а на руки набросил златую
Вервь неразрывную? Ты средь эфира и облаков черных
С неба висела; скорбели бессмертные все на Олимпе;
Но свободить не могли, приступая: кого ни постиг я,
С прага небесного махом свергал, и слетал он на землю,
Только что дышащий; сим не смягчился б мой гнев
непреклонный,
Гнев за страдания богоподобного сына Геракла,
Коего ты, возбудив на него и Борея и бури,
Злобно гнала по пустынному понту, беды устроя;

К краю чужому его, к многолюдному бросила Косу.
Я и оттоле избавил его и в отечество паки,
В Аргос цветущий привел, совершителя подвигов многих.
То вспоминаю тебе, да оставишь ты козни и видишь,
В помощь ли злобе твоей и любовь и объятия были,
Коими ты, от богов удаляся, меня обольстила!»

Он произнес; ужаснулась великая Гера богиня
И воскликнула так, устремляя крылатые речи:
«Будьте свидетели мне, о земля, беспредельное небо,
Стикса подземные воды, о вы, величайшая клятва,
Клятва ужасная даже бессмертным, я вами клянуся,
Самой твоею священной главою и собственным нашим
Ложем брачным, которым вовек не клянуся я всуе!
Нет, не с советов моих Посейдаон, земли колебатель,
Трои сынам и вождю их вредит, а других защищает.
Верно, к тому преклонен и подвигнут он собственным сердцем;
Верно, ахеян узрев, милосердовал он о стесненных.
Я ж и ему бы скорее совет подала, да всегда он
Ходит путем, по которому ты повелишь, громовержец!»

Так говорила; осклабился царь и бессмертных и смертных;
И ответствовал ей, устремляя крылатые речи:
«Если вперед, о супруга, лилейнораменная Гера,
Будешь на сонме божественном мыслить согласно со мною,
Сам Посейдаон, хотя бы желал совершенно иного,
Мысль переменит, согласно с твоей и моею душою.
Ныне ж, когда непритворно и истину ты говорила,
Шествуй немедля к семейству богов, повели, да на Иду
Вестница неба Ирида и Феб сребролукий предстанут.
Вестница быстрая к воинству меднодоспешных данаев
Снидет и скажет мое повеленье царю Посейдону,
Да оставит он брань и в обитель свою возвратится.
Феб же великого Гектора снова ко брани воздвигнет,
Новую бодрость вдохнет и его исцелит от страданий,
Ныне терзающих душу героя, а рати ахеян
Вновь к кораблям отразит, малодушное бегство пославши.
В бегстве они упадут на суда Ахиллеса Пелида.
Царь Ахиллес ополчит на сражение друга Патрокла,
Коего в битве копьем поразит броненеблещущий Гектор
Пред Илионом, как тот уже многих юношей храбрых

Свергнет, и с ними мою драгоценную ветвь, Сарпедона.
Гектора, мстящий за друга, сразит Ахиллес знаменитый.
С оного времени паки побег от судов и погоню
Я сотворю и уже невозвратно, доколе ахейцы
Трои святой не возьмут, по советам премудрой Афины.
Так не свершившемусь, гнева ни сам не смягчу, ни другому
Богу бессмертному я аргивян защищать не позволю
Прежде, пока не исполнится все упованье Пелида:
Так обещал я и так утвердил я моею главою
В день, как Фетида, объемля колена, меня умоляла
Сына прославить ее, Ахиллеса, рушителя твердей».

Рек; и ему покорилась лилейнораменная Гера;
Бросилась с Иды горы, устремляяся быстро к Олимпу.
Так устремляется мысль человека, который, прошедши
Многие земли, про них размышляет умом просвещенным:
«Там проходил я, и там», и про многое вдруг вспоминает,—
С равной стремясь быстротой, пролетела по воздуху Гера;
Высей Олимпа достигнув, она обрела совокупных
Всех небожителей в доме Кронида. Богиню увидев,
Все поднялися, и каждый своею чествовал чашей.
Гера, всех обошед, у Фемиды румяноланитой
Приняла чашу; Фемида бо первая Гере входящей
Бросилась в встречу и речи крылатые к ней устремила:
«Что ты, о Гера, приходишь, таким пораженная страхом?
Верно, тебя устрашил громоносный супруг твой Кронион?»

Ей отвечала богиня, лилейнораменная Гера:
«Что вопрошаешь, Фемида бессмертная; или не знаешь,
Сколько метателя молний душа и горда и сурова.
Но воссядь и начни ты пир с бессмертными общий;
Вместе со всеми богами услышишь, Фемида, какие
Ужасы нам возвещает Кронион. Никто, уповаю,
Радостен сердцем не будет, ни смертный, ни даже
бессмертный,
Как бы он ни был доныне средь пиршества мирного весел».

Так изрекла, и воссела владычица Гера; смутились
Боги в Зевсовом доме; она ж улыбалась устами,
Но чело у нее между черных бровей не светлело.
Вдруг, ко всем обращаясь, воскликнула гневная Гера:
«Боги безумные, мы безрассудно враждуем на Зевса!
Мы бесполезно пылаем его укротить, нападая

Словом иль силою! Он, удаляся, об нас и не мыслит,
Нас презирает, считает, что он меж богов вековечных
Властью и силой своей превосходнее всех несравненно.
Должно терпеть вам, какое бы зло и кому б ни послал он;
Им, как я мыслю, сегодня удар нанесен и Арею;
Пал на бою Аскалаф, брапоносец, любезнейшпй богу,
Смертный, которого сыном могучий Арей называет».

Так изрекла; и ударил Арей по крутым себя бедрам
Дланями жилистых рук и рыдающий громко воскликнул:
«О, не вините меня, на Олимпе живущие боги,
Если за сына я мстить иду к ополченьям ахейским,
Мстить, хоть и сужено мне, пораженному Зевса перуном,
С трупами вместе лежать, в потоках кровавых и прахе!»

Рек, и тогда ж повелел он и Страху и Ужасу коней
Впрячь, а сам покрывался оружием пламеннозарным.
Верно б, сильнейший, стократно ужаснейший, нежели прежний,
Гнев громодержца и мщенье противу богов воспылали;
Но Афина богиня, за всех устрашася бессмертных,
Бросилась к двери, оставивши трон, на котором сидела;
Щит от рамен и шелом от главы у Арея сорвала,
Пику поставила в сторону, вырвав из длани дебелой,
И загремела, словами напав на сурового бога:
«Буйный, безумный, ты потерялся! Напрасно ль имеешь
Уши, чтоб слышать? Иль стыд у тебя и рассудок погибли?
Или не слышишь ты, что говорит владычица Гера,
Гера, теперь возвратившаяся к нам от владыки Зевеса?
Или ты хочешь, как сам, претерпев неисчетные бедства,
С горьким стыдом, поневоле, на светлый Олимп возвратиться,
Так и на всех нас, бессмертных, навлечь неизбежное бедство?
Скоро, сомнения нет, племена и троян и данаев
Бросил бы Зевс и пришел бы он нас ужаснуть на Олимпе;
И постиг бы, карающий, всех — и виновных и правых!
Будь мне послушен и месть отложи за убитого сына.
Воин в бою не один, и храбрейший его и сильнейший,
Пал и еще ниспадет, пораженный другим; невозможно
Весь человеческий род неисчетный от смерти избавить».

Так говоря, посадила на трон исступленного бога.
Гера ж царя Аполлона из Зевсова вызвала дому
Вместе с Иридою, вестницей быстрой богов олимпийских.

К ним возгласивши, она провещала крылатые речи:
«Зевс повелел, да на Иду немедля предстанете оба;
Но лишь предстанете вы и лицо увидите бога,
Делайте, что повелит и чего Эгиох ни восхощет».

Так изрекла и, в чертог возвратяся, владычица Гера
Села на трон, а Ирида и Феб, устремясь, полетели;
Быстро спустились на Иду, зверей многоводную матерь;
Там, на возвышенном Гаргаре Зевса нашли громодержца;
Он восседал, и его благовонный увенчивал облак.
Боги, представ пред лицо воздымателя облаков Зевса,
Стали,— и к ним устремил Олимпиец негневные очи:
Скоро они покорились супруги его повеленьям.
К первой Ириде он рек, устремляя крылатые речи:
«Шествуй, Ирида быстрая, к богу морей Посейдону,
Всё, что реку, возвести и неложною вестницей будь мне.
Пусть он брань оставит немедленно, пусть возвратится
Или в собор небожителей, или в священное море.
Если ж глаголы мои не восхощет исполнить, но презрит,—
Пусть он помыслит, и с сердцем своим и с умом совещаясь,
Может ли, как ни могущ он, меня в нападении встретить?
Думаю, что Посейдаона я и могуществом высший,
Я и рожденьем старейший, а он не страшится единый
Равным считаться со мной, пред которым все боги трепещут».

Рек; покорилась ему ветроногая вестница неба;
Быстро от Иды горы понеслась к Илиону святому.
Словно как снег из тучи, иль град холодный, обрушась,
Быстро летит, уносясь проясняющим воздух Бореем,—
Так устремляяся, быстрая путь пролетела Ирида;
Стала и так провещала могущему Энносигею:
«С вестью тебе, Посейдон, колебатель земли черновласый,
Я нисхожу от эгида носителя Зевса Кронида.
Брань ты оставь немедленно, так он велит; возвратися
Или в собор небожителей, или в священное море.
Если ж глаголы его не восхощешь исполнить и презришь,
Он угрожает, что сам, и немедля, с тобою сразиться
Придет сюда; и советует он, чтобы ты уклонялся
Рук громовержущих: ведаешь, он и могуществом высший,
Он и рожденьем старейший; а ты, Посейдон, не страшишься
Спорить о равенстве с тем, пред которым все боги трепещут».

Ей, негодующий сердцем, ответствовал царь Посейдаон:
«Так, могуществен он; но слишком надменно вещает,

Ежели равного честью, меня, укротить он грозится!
Три нас родилося брата от древнего Крона и Реи:
Он — громодержец, и я, и Аид, преисподних владыка;
Натрое всё делено, и досталося каждому царство:
Жребий бросившим нам, в обладанье вечное пало
Мне волношумное море, Аиду подземные мраки,
Зевсу досталось меж туч и эфира пространное небо;
Общею всем остается земля и Олимп многохолмный.
Нет, не хожу по уставам я Зевсовым; как он ни мощен,
С миром пусть остается на собственном третьем уделе;
Силою рук он меня, как ничтожного, пусть не стращает!
Дщерей своих и сынов для Зевса прилпчнее будет
Грозным глаголом обуздывать, коих на свет произвел он,
Кои уставам его покоряться должны поневоле!»

Вновь провещала ему ветроногая вестница Зевса:
«Сей ли ответ от тебя, колебатель земли черновласый,
Зевсу должна я поведать, ответ и суровый и страшный?
Или, быть может, смягчишь ты? Смягчимы сердца благородных.
Знаешь и то, что старейшим всегда и Эринии служат».

Ей ответствовал вновь колебатель земли Посейдаон:
«Слово твое справедливо и мудро, Ирида богиня!
Благо, когда возвеститель исполнен советов разумных.
Но, признаюсь, огорчение сильное душу объемлет,
Если угрозами гордыми он оскорблять начинает
Равного с ним и в правах, и судьбой одаренного равной.
Ныне, хотя негодующий, воле его уступаю;
Но объявляю, и в сердце моем сохраню я угрозу:
Если Кронион, мне вопреки и победной Афине,
Гермесу богу, Гефесту царю и владычице Гере,
Будет щадить Илион крепкостенный, когда не захочет
Града разрушить и дать знаменитой победы ахейцам,—
Пусть он знает, меж нами вражда бесконечная будет!»

Так произнес, и ахейскую рать Посейдаон оставил,
В понт погрузился; о нем воздыхали ахейцы герои.
И тогда к Аполлону воззвал громовержец Кронион:
«Ныне, возлюбленный Феб, к меднобронному Гектору шествуй,
Се, обымающий землю, земли колебатель могучий
В море отходит священное: грозного нашего гнева
Он избегает; услышали б грозную брань и другие,
Самые боги подземные, сущие около Крона!

Благо и мне и ему, что, и гневаясь, он уступает
Силам моим: не без пота б жестокого дело свершилось!
Но прими, Аполлон, бахромистый эгид мой в десницу
И, потрясающий им, устраши ты героев ахейских.
Сам между тем попекись, дальновержец, об Гекторе славном;
Храбрость его возвышай непрестанно, доколе данаи,
В бегстве пред ним, не придут к кораблям и зыбям Геллеспонта.
С оного времени сам я устрою и дело и слово,
Да немедля почиют от бранных трудов и данаи».

Так произнес он, и не был отцу Аполлон непокорен:
С Иды, шумной потоками, он устремился, как ястреб,
Быстрый ловец голубей, между хищных пернатых быстрейший.
В поле нашел стреловержец Приамова храброго сына;
Гектор сидел, не лежал, и уже, обновившийся в силах,
Окрест стоящих друзей узнавал; прекратилась одышка,
Пот перестал: восстанавливал Гектора промысл Кронида.
Близко представши, к нему провещал Аполлон дальновержец:
«Гектор, Приамова отрасль! почто, от дружин удаленный,
Духом унылый сидишь? Или горесть тебя удручила?»

Дышащий томно, ему говорил шлемоблещущий Гектор:
«Кто ты, благий небожитель, ко мне обращающий слово?
Или еще не слыхал, что меня пред судами ахеян,
Их истреблявшего рать, поразил Теламонид могучий
Камнем в грудь и мою укротил кипящую храбрость?
Я уже думал, что мертвых и мрачное царство Аида
Ныне увижу; уже испускал я дыхание жизни».

Сыну Приамову паки вещал Аполлон дальновержец:
«Гектор, дерзай! поборник могучий Зевсом Кронидом
С Иды высокой тебе на покров и защиту ниспослан,
Я, Аполлон златомечный, бессмертный, который и прежде
Сильной рукой защищал и тебя, и высокую Трою.
Шествуй к полкам,— и своим многочисленным конникам храбрым
Всем повели к кораблям устремить их коней быстроногих.
Я перед ними пойду, и сам для коней плионских
Путь уравняю, и в бег обращу героев ахейских».

Рек, и ужасную силу вдохнул предводителю воинств:
Словно конь застоялый, ячменем раскормленный в яслях,
Привязь расторгнув, летит и копытами поле копает;

Пламенный, плавать обыклый в реке быстролыощейся, пышет,
Голову, гордый, высоко несет; вкруг рамен его мощных
Грива играет; гордится он сам красотой благородной;
Быстро стопы его мчат к кобылицам и паствам знакомым,—
Гектор таков, с быстротою такой оборачивал ноги,
Бога услышавши глас; возбуждал он на бой конеборцев.
Словно рогатую лань или дикую козу поднявши,
Гонят упорно горячие псы и ловцы поселяне;
Но высокий утес и густая тенистая роща
Зверя спасают: его изловить им не сужено роком;
Криком меж тем пробужденный, является лев густобрадый
Им на пути и толпу, распыхавшуюсь, в бег обращает,—
Так аргивяне дотоле толпой неотступные гнали
Трои сынов, и мечами и копьями в тыл поражая;
Но лишь увидели Гектора, быстро идущего к рати,
Дрогнули все, и у каждого в ноги отважность упала.

Их Фоас ободрял, благородный сын Андремонов,
Муж этолийский знатнейший, искусный в бою стрелобойном,
Храбрый и в стойком; его и в собраньях мужей побеждали
Редкие, если при нем в красноречии спорила юность.
Он, распаляемый ревностью, так говорил меж ахеян:
«Боги! ужасное чудо моим представляется взорам!
Гектор воскрес! от ужасной смерти избегнувши, паки
Гектор пред нами! А мы уповали, что гордый троянец
Душу предаст под рукой Теламонова сына Аякса.
Верно, могущий бессмертный опять сохранил и восставил
Мужа, который уж многим колена сломил аргивянам,
Что и еще совершит, как предвижу я! Он не без воли
Зевса гремящего стал перед воинством, пышущий боем.
Други, совет предложу я, и все мы ему покоримся.
Ратной народной толпе повелим к кораблям удалиться;
Мы же, сколько ни есть нас, храбрейшими в рати слывущих,
Противостанем: быть может, его остановим мы, в встречу
Копья уставивши; он, я надеюся, как ни неистов,
Сердцем своим содрогнется ворваться в дружину героев».

Так говорил; и, внимательно слушая, все покорились.
Быстро Аяксы могучие, царь Девкалид копьеносец,
Тевкр, Мерион нестрашимый и Мегес, Арею подобный,
Строили битву, созвав благородных героев ахейских
Против троян и великого Гектора; тою порою
Сзади народа толпа к кораблям отступала.— Трояне

Прежде напали толпой; предводил, широко выступая,
Гектор герой; а пред Гектором шествовал Феб небожитель,
Перси одеявший тучей, несущий эгид велелепный,
Бурный, косматый, ужасный, который художник бессмертный
Зевсу Крониду Гефест даровал, человекам на ужас.
С сим он эгидом в деснице предшествовал ратям троянским.

Их нажидали ахейцы, сомкнувшися; разом раздался
Яростный крик от обеих ратей; с тетив заскакали
Быстрые стрелы; и копья, из дерзостных рук полетевши,
Многие в тело вонзились воинственных юношей красных,
Многие, среди пути, не отведав цветущего тела,
В землю вонзяся, дрожали, алкая насытиться телом.

Долго, доколе эгид Аполлон держал неподвижно,
Стрелы равно между воинств летали, и падали вои;
Но едва аргивянам в лицо он воззревши, эгидом
Бурным потряс и воскликнул и звучно и грозно,— смутились
Души в их персях, забыли аргивцы кипящую храбрость.
Словно как стадо волов иль овец великую кучу
Хищные звери в глубокую мрачную ночь рассыпают,
Если находят незащные, в час, как отсутствует пастырь,—
Так аргивяне рассыпались, слабые; Феб на сердца их
Ужас навел, посылая троянам и Гектору славу.

Тут ратоборец сражал ратоборца в рассеянной битве.
Гектор могучий и Стихия свергнул и Аркесилая,
Стихия, войск предводителя меднодоспешных беотян,
Аркесилая, верного друга вождя Менесфея.
Но Энея оружием Ияс повержен и Медон:
Медон, сын незаконный владыки мужей Оилея,
Был Оилида Аякса младший брат; но в Филаке
Он обитал, удалясь от отчизны, как мужа убийца,
Мачехи брата убив, Эриопы, жены Оилея;
Ияс же был предводитель воинственных духом афинян,
Сыном Сфела от всех называвшийся, Буколиона.
Полидамас поразил Мекистея, Полит же Эхия
В первом ряду, а Клония сразил благородный Агенор;
Дейоха тут же Парис, убегавшего между передних,
С тыла в плечо поразил и насквозь оружие выгнал.

Тою порой, как они обнажали убитых, данаи,
В ров и на колья его опрокинувшись, в страшном расстройстве

Полем бежали везде и за вал укрывались неволей.
Гектор же голосом звучным приказывал ратям троянским
Прямо напасть на суда, а корысти кровавые бросить:
«Если ж кого-либо я от судов удаленным замечу,
Там же ему уготовлю и смерть! и несчастного, верно,
Мертвое тело ни братья, ни сестры огня не сподобят;
Но троянские псы растерзают его перед градом!»

Рек,— и, бичом по хребтам поражая коней, полетел он,
Звучно к троянам крича по рядам; и они, испуская
Страшные вопли, за ним устремили коней колесничных
С громом ужасным; и Феб Аполлон впереди перед ними,
Быстро окопа глубокого берег стопами рассыпав,
Весь в середину обрушил и путь умостил он троянам,
Длинный и столько широкий, как брошенный дрот пролетает,
Если могучесть свою человек испытующий бросит.
Там устремились пергамлян фаланги, и Феб перед ними,
Дивным эгидом сияя; рассыпал он стену данаев
Так же легко, как играющий отрок песок возле моря,
Если когда из песку он детскую сделав забаву,
Снова ее рукой и ногой рассыпает, резвяся.
Так, Аполлон дальномечущий, ты и великий и тяжкий
Труд рассыпал ахеян и предал их бледному бегству.

Возле судов наконец удержались они, собираясь.
Там, ободряя друг друга и руки горé воздевая,
Каждый богов небожителей всех умолял громогласно.
Нестор же старец особенно, страж аргивян неусыпный,
Зевса молил, воздевающий длани ко звездному небу:
«Если когда-либо кто средь цветущей Эллады, Кронион,
Тучные бедра тебе от тельца иль овна возжигая,
В дом возвратиться молился и ты преклонился к моленью,—
Вспомни о том, и погибели день отврати, Олимпиец!
Гордым троянам не дай совершенно осилить ахеян!»

Так он молился; и грянул с небес промыслитель Кронион,
Внявший молению Нестора, благочестивого старца.
Но трояне, в их пользу принявшие знаменье Зевса,
Жарче на рати ахейские бросились, жадные боя.
Словно как вал огромный широкоразливного моря
Выше боков корабля подымается, двинутый страшной
Силою бури, которая волны на волны вздымает,—
Так устремились трояне с неистовым воплем за стену;

Коней пригнали туда ж и у корм в рукопашную битву
С копьями острыми стали; они с высоты колесниц их,
Те ж с высоты кораблей своих черных, на оных держася,
Бились шестами огромными, кои в судах сохранялись
К бою морскому, сплоченные, сверху набитые медью.

Храбрый Патрокл, доколе ахейцы с троянскою силой
Бились еще пред стеною, вдали от судов мореходных,
В куще сидел у высокого духом вождя Эврипила,
Душу ему услаждал разговором и тяжкую рану
Вкруг осыпал врачевством, утоляющим черные боли.
Но как скоро за стену увидел стремящихся бурно
Гордых троян, а данаев услышал и крик и тревогу,
Громко воскликнул Патрокл и руками по бедрам могучим
С грусти ударил себя и, печальный, вещал Эврипилу:
«Нет, Эврипил, не могу я с тобою, хотя б и желал ты,
Долее здесь оставаться; ужасная битва восстала!
Пусть благородный сподвижник тебя утешает; а сам я
К другу Пелиду спешу, да его преклоню ополчиться.
Может быть,— как предузнать? — убедить Ахиллесово сердце
Бог мне поможет; сильно всегда убеждение друга».

Так говорящего, ноги его уносили.— Ахейцы
Против троян нападающих крепко стояли, но тщетно
Их, и меньших числом, отразить от судов напрягались.
Тщетно и Трои сыны напрягались, ахеян фаланги
Боем расторгнув, ворваться в ряды кораблей их и сеней.
Словно правильный снур корабельное древо ровняет
Зодчего умного в длани, который художества мудрость
Всю хорошо разумеет, воспитанник мудрой Афины,—
Так между ними борьба и сраженье ровные были.
Те пред одними, а те пред другими судами сражались.

Гектор герой на Аякса, высокого славою, вышел.
Оба они за единый корабль подвизались, и тщетно
Сей защитителя сбить и корабль запалить домогался,
Тот отразить сопостата, которого демон приближил.
Тут Клитеида Калетора свергнул Аякс знаменитый,
Огнь на корабль заносящего, пикою в перси ударив;
С шумом он грянулся в прах, из руки его выпала светоч.
Гектор, как скоро увидел родного ему Клитеида,
Замертво павшего в прах перед черной кормой корабельной,
Звучно воскликнул, троян и ликиян на бой поощряя:

«Трои сыны, и ликийцы, и вы, рукоборцы дарданцы!
Стойте, страшитеся в сей тесноте отступать из сраженья;
Лучше отстойте вы Клития сына, да враг не похитит
Славных оружий с убитого в самом стану корабельном».

Так произнес, и в Аякса направил сияющий дротик,
Но попал не в него, а в клеврета его, Ликофрона,
Мастора ветвь, киферейца, в Аяксовом жившего доме
С оной поры, как убийство свершил у киферян священных;
Гектор его, близ Аякса стоящего, в череп над ухом
Дротом ударил убийственным: в прах он, с кормы корабельной
Рухнувшись, навзничь пал, и его сокрушилася крепость.
Храбрый Аякс ужаснулся и к брату младому воскликнул:
«Тевкр, потеряли мы, брат мой, нашего верного друга!
Пал Маститид, которого мы, из Киферы пришельца,
В нашем дому, как любезных родителей, все почитали.
Пал он от Гектора! Где же твои смертоносные стрелы?
Где твой лук сокрушительный, данный тебе Аполлоном?»

Рек он,— и тот его понял и, прянувши, стал близ героя
С луком разрывчатым в верной руке и с колчаном на раме,
Полным пернатых; и, быстро он их на троян посылая,
Клита стрелой поразил, Пизенорову славную отрасль,
Друга Панфоева сына, почтенного Полидамаса.
Был он возница его, и тогда над конями трудился,
Правил туда, где в сраженьи гуще клубились фаланги;
Гектору тем и троянам желал угодить он, но быстро
Гибель пришла, и никто из друзей от нее не избавил:
В выю возатаю с тыла стрела смертоносная пала;
На землю грянулся он, и обратно ударились кони,
Праздной гремя колесницею. Скоро то сведал владыка
Полидамас, и коням убегающим вышел навстречу.
Их Астиною слуге, Протаона сыну, вверяя,
Крепко наказывал близко держать, на виду непрестанно;
Сам, устремившись обратно, с передними стал на сраженье.

Тевкр же другую стрелу против Гектора мужеубийцы
Вынул; и, верно, принудил бы бой перервать пред судами,
Верно, стрелой у героя победного душу исторг бы;
Но не укрылся от промысла Зевсова: Зевс Приамида
Сам охранял и у Тевкра пылавшего славу похитил:
Тевкр наляцал, как на луке его превосходном крутую
Бог сокрушил тетиву, и у Тевкра умчалася мимо

Тяжкая медью стрела, и лук из руки его выпал.
Тевкр ужаснулся и к брату Аяксу немедля воскликнул:
«Горе! какой-то демон ратные замыслы наши
Все разрушает; и лук у меня он исторгнул из длани,
И расторг тетиву мне, которую свежую ныне
Я на лук навязал, чтобы вынесла частые стрелы».

Тевкру ответствовал быстро Аякс Теламонид великий:
«Друг, оставь ты в покое и лук, и крылатые стрелы,
Если их бог рассыпает, ахеянам храбрым враждебный.
С пикой огромной в руке и с щитом на плече, Теламонид,
Ратуй троян и дружины свои возбуждай к ратоборству.
Пусть нелегко, и победой гордяся, возьмут сопостаты
Наши суда доброснастные; вспомним ахейскую храбрость!»

Так говорил он — и Тевкр под кущею лук свой оставил;
Щит на плечо многобляшистый, четыреслойный набросил,
Шлем на главу удалую красивый надел, осененный
Гривою конскою; гребень ужасный над ним развевался.
Взяв наконец копие, повершенное острою медью,
Вышел назад и, примчася стремительно, стал близ Аякса.

Гектор едва усмотрел сокрушенными Тевкровы стрелы,
Звучно вскричал, и троян и ликиян еще возбуждая:
«Трои сыны, и ликийцы, и вы, рукоборцы дарданцы!
Будьте мужами, о други; воспомните рьяную храбрость
Здесь, пред судами ахеян! Своими очами я видел,
Славного воина стрелы и лук уничтожены богом!
Видимо ясно сынам человеков могущество бога,
Если кого Олимпиец высокою славой возносит
Или кого унижает, защиты своей не сподобив:
Так как теперь унижает ахеян, а нас возвышает.
В бой на суда! наступите всем воинством! Кто между вами,
Ранен мечом иль стрелой, роковою постигнется смертью,
Тот умирай! Не бесславно ему, защищая отчизну,
Здесь умереть; но останутся живы супруга и дети,
Дом и наследие целы останутся, если ахейцы
В черных судах унесутся к любезным отечества землям».

Так говоря, возбудил он и силу и мужество в каждом.
Сын Теламонов с другой стороны восклицал пред дружиной:
«Стыд вам, ахеяне! Лучше решитеся или погибнуть,

Или спастись, но беду отразить от судов мореходных!
Чаете ль вы, как возьмет корабли шлемоблещущий Гектор,
Каждый на землю родную пешком возвратится из Трои?
Слышите, с криком каким ополчения все возбуждает
Гектор, который сожечь корабли, разъяренный, стремится?
Верно, сии он толпы не на пляску зовет, а на битву!
Нам не осталось ни думы другой, ни решимости лучшей,
Как смесить с сопостатами руки и мужество наше!
Лучше мгновенной решимостью выкупить жизнь иль погибнуть,
Нежели долгие дни изнуряться жестокою бранью,
Так бесполезно средь стана, стесняясь народом слабейшим!»

Так говоря, возбудил он и силу и мужество ратных.
Гектор же мощный Схедия сразил, Перимедова сына,
Воинств фокейских вождя, но Аякс Лаодамаса свергнул,
Пеших бойцов предводителя, славную ветвь Антенора;
Полидамас же корысти добыл с кипленейского Ота,
Друга Филидова, воинств вождя крепкодушных эпеян.
Мегес Филид налетел на убийцу; но в сторону прянул
Полидамас; не уметил в него, не судил дальновержец
Сыну Панфоеву славному пасть меж рядов первоборных.
Крезма Филид угодил сокрушительной пикою в перси;
С шумом он пал, и с рамен совлекал победитель доспехи.
Вдруг на Филида нагрянул Долопс Лампетид, илионский
Славный копейщик, которого сын Лаомедона доблий,
Ламп велемудрый родил, знаменитого доблестью бранной.
Он у Филида, нагрянувший близко, щита середину
Пикой иробил, но его защитил крепкосозданный панцирь,
Латами сомкнутый плотно: Филей в давнобытное время
Вывез доспех сей из града Эфиры, от вод Селленса,
Коим, как друга, его одарил там Эвфет скиптродержец,
В битвах кровавых носить от враждебных мужей обороной;
Он-то и сына его защитил от погибели грозной.
Мегес же Лампова сына по медному шлему под гребнем,
В самую выпуклость верхнюю, пикою острой ударил,
Гривистый гребень с основы сорвал, и на землю он целый
Пал и простерся во прахе, блистающий пурпуром свежим.
Но между тем, как сражался он пламенно, чая победы,
Сильный поборник явился ему, Менелай благородный;
С пикой, невидимый, стал в стороне, поразил Лампетида
С тыла в плечо; и сквозь перси пробилося бурное жало,
Рея вперед; и во прах Лампетид опрокинулся навзничь.

Прянули оба на павшего, медную, славную броню
С плеч совлекать. Но Гектор вскричал на Долопсовых ближних,
Их порицая, и более всех Гикетаона сына
Он укорял, Меланиппа, который прежде в Перкоте
Пас круторогих волов, до нашествия рати враждебной;
Но как скоро ахейцы в судах многовеслых приплыли,
Он прилетел в Илион и в дружинах троян отличался,
Жил у Приама и чествован был, как и сын, Дарданидом.
Гектор его укорял и к нему говорил, негодуя:
«Сын Гикетаонов! Так ли оставим? ужели нисколько
Сердце твое не болит за сраженного милого брата?
Или не видишь ты, как над доспехом Долопса трудятся?
Следуй за мною! не время с аргивцами издали биться;
Должно нам всех истребить их, покуда они с оснований
Трои высокой не свергли и граждан ее не избили!»

Рек — и понесся вперед, и муж с ним, богу подобный.
Аргоса воев Аякс возбуждал, Теламонид великий:
«Други, мужайтесь! Наполните сердце стыдом благородным!
Воина воин стыдися на поприще подвигов ратных!
Воинов, знающих стыд, избавляется боле, чем гибнет;
Но беглецы не находят ни славы себе, ни избавы!»

Так возбуждал, но и сами они защищаться пылали;
В сердце сложили героя слова и суда оградили
Медной стеной; но троян против них устремлял громодержец.
Храбрый Атрид Менелай возбуждал Антилоха младого:
«Нет, Антилох, никого ни моложе тебя из ахеян,
Ни быстрее для бега, ни силами крепче для боя,
Если бы, прянув вперед, поразил ты какого троянца!»

Так пропзнес и назад отступил, поощрив Антилоха.
Вылетел он из передних рядов и, кругом обозревши,
Бросил блистательный дрот; взволновались трояне, увидя
Мощный удар. И оружие он не напрасное ринул:
Ветвь Гикетаона, смелого сердцем вождя Меланиппа,
Гордо идущего в битву, в широкие перси уметил;
С шумом он грянулся в прах, и взгремели на падшем доспехи.
Несторов сын на него устремился, как пес на еленя
Скачет пронзенного, коего ловчий, едва он из лога
Прянул, стрелой поразил и подсек ему резвые ноги,—
Так на тебя, Меланипп, наскочил Антилох бранолюбец,

Алча доспехов твоих. Но от Гектора он не укрылся;
Гектор навстречу предстал, пролетев сквозь кипящую сечу.
Несторов сын не остался, как ни был горяч в ратоборстве;
С поля сбежал он, зверю подобный, свершившему пакость,
Зверю, который, пса или пастыря стадо сгубивши,
В лес убегает, покуда селян не собралась громада,—
Так убежал Несторид; на него и трояне и Гектор,
Страшные крики подняв, задождили свистящие стрелы.
Стал он лицом к сопротивным, достигнувши дружеских сонмов.

Тою порою трояне, как львы, пожиратели крови,
Бурно к судам устремлялись и Зевса судьбы совершали:
Он непрестанно их мужество высил, а воев ахейских
Дух поражал и победы лишал их, троян поощряя;
Гектору сердце его даровать Приамиду желало
Грозную славу, да он на суда пожирающий пламень
Бурный повергнет, и так роковое Фетиды моленье
Все совершится; единого ждал промыслитель Кронион:
Первого судна горящего зарево с неба увидеть.
С оного времени Зевс от судов невозвратное бегство
Трои сынам присуждал, а данаям победную славу.
Так помышляющий, Гектора в бой на суда устремлял он,
Страшно и собственным влекшегось духом; свирепствовал Гектор,
Словно Арей, сотрясатель копья, или огнь истребитель,
Если меж гор он свирепствует, в чащах глубокого леса:
Пена клубилась из уст, под бровями угрюмыми очи
Грозным светились огнем; над главой, воздымаяся гребнем,
Страшно качался шелом у летавшего бурей по битве
Гектора! Сам бо герою был покровителем с неба
Зевс и его одного возвышал над толпой человеков
Честью и славою: ибо не долго жить оставалось
Сыну Приама; уже на него Тритогена Паллада
День роковой устремляла с победною силой Пелида.
Гектор пылал разорвать у данаев ряды и пытался
Всюду, где видел и гуще толпы, и оружия лучше;
Но разорвать их нигде он не мог, беспредельно пылавший:
В встречу данаи, сомкнувшися башней, стояли, как камень
Страшно высокий, великий, который у пенного моря
Гордо встречает и буйные вихрей свистящих набеги,
И надменные волны, которые противу хлещут,—
Так аргивяне встречали троян неподвижно, бесстрашно.
Он же, сияющий окрест огнем, налетел на фалангу;

Грозен упал, как волна на бегущий корабль упадает,
Мощная, бурей из туч возвращенная; весь потрясенный,
Пеной корабль покрывается; шумное бури дыханье
В парус гремит, и трепещут сердца корабельщиков бледных
Страхом объятых; они из-под смерти едва уплывают,—
Так сердца трепетали в груди благородных данаев.
Он же, как лев истребитель, на юниц рогатых нашедший,
Коих по влажному лугу при блате обширном пасутся
Тысячи; пастырь при них, но, юный, еще не умеет
С зверем сразиться, дабы защитить круторогую краву:
Пастырь неопытный, около крав то передних, то задних
Мечется он беспрестанно, а хищник, в средину их бросясь,
Режет быка, и все разбегаются,— так аргивяне,
Свыше смятенные, в бег перед Гектора силой и Зевса
Все обратилися; он поразил одного Перифета,
Храброго сына Копрея, того, что, служа Эврисфею,
Вестником часто ходил от тирана к Гераклу герою:
Сей-то отец ничтожный родил знаменитого сына,
Доблестей полного: легкостью в беге, искусством в сраженьях,
В думах умом он блистал между всех благородных микенян;
Он Приамиду герою высокую славу доставил:
В бег обращаясь, задом, незапно на щит он споткнулся,
Им же держимый, огромный, до ног оборона от копий;
Он, на щит свой споткнувшись, навзничь упал, и ужасно
Грянул шелом вкруг висков при падении сильного мужа.
Гектор, увидевши то, прилетел и, став перед падшим,
В перси копьем поразил, и пред сонмом друзей Перифету
Душу исторгнул; они не могли, и печальные, другу
Помощи дать: ужасалися Гектора мужеубийцы.
К ближним судам отступили; суда, извлеченные прежде,
Их оградили передние; Гектор и там утеснял их.
Нуждой ахеян сыны отступить от судов и передних,
Нуждой заставлены горькой; они перед кущами стали,
Вместе столпясь, рассеваться не мысля; удерживал вместе
Стыд их и страх; непрестанно они ободряли друг друга
Криками; Нестор особенно, страж престарелый ахеян,
Каждого мужа молил, именами родных заклиная:
«Будьте мужами, о други, почувствуйте стыд, аргивяне,
Стыд перед всеми народами! Вспомните сердцу любезных
Жен, и детей, и стяжанья свои, и родителей милых,
Вспомните все, у которых родные живы и мертвы!
Именем их, и отсутственных, я вас молю, аргивяне,
Стойте крепко противу врагов, не бросайтеся в бегство!»

Так говорил, и возжег он и крепость и мужество в каждом.
Облак у них пред очами Афина рассеяла мрачный,
Свыше ниспосланный: свет воссиял им, открылось пространство
Всё, и от черных судов, и от поля погибельной битвы;
Гектор открылся ужасный, и все илионян дружины,
Сколько за ним, позади, не сражавшихся праздно стояло
И впереди, пред судами, неистовым билося боем.

Сердцу Аякса великого более нелюбо стало
Быть в тесноте, в какой оставались другие ахейцы;
Он по помостам судов устремился, широко шагая,
Шест корабельный в могучих руках потрясая огромный,
Крепко в составах сколоченный, двадцать два локтя длиною.
Словно как муж, ездок на конях необычно искусный,
Лучших из множества коней избрав четырех и связав их,
Правит и с поля далекого к граду великому гонит
Битой дорогой; толпою и мужи, и робкие жены
Смотрят дивуясь, а он беспрестанно и твердо и верно
Скачет, садяся с коня на коня, на бегу их ужасном,—
Так Теламонид Аякс с корабля на корабль по помостам
Прядал, широко шагая и крик подымая до неба;
Криком ужасным герой возбуждал беспрерывно данаев
Стан и суда боронить. Но в оное время и Гектор
Мощный уже не в толпе крепкобронных троян оставался.
Словно как бурный орел на стада ударяет пернатых,
Птиц перелетных, пасущихся мирно по брегу речному,
Диких гусей, журавлей иль стада лебедей долговыйных,—
Так Приамид нападал на данайский корабль черноносый,
Бурен кидаясь: его позади устремлял громовержец
Мышцей высокой, и с ним воеводою воинство двигал.

Снова у быстрых судов запылала свирепая битва.
Можно б сказать, что еще не усталые, свежие рати
В бой соступилися; так горячо ратоборцы сражались.
Духом таким управлялися воинства: мужи ахейцы
Боле не мнили избыть от беды и решились погибнуть;
Каждый, напротив, троянин, исполненный бодрости, чаял:
Ныне сожжем корабли и побьем героев ахейских.
Духом таким наполняясь, одни на других напирали.

Гектор могучей рукой за корму корабля ухватился;
Легкий, прекрасный корабль сей отважного Протесилая
В Трою принес, но в отечество вновь не повез ратоводца:

Окрест сего корабля и ахейцы смесясь и трояне,
В свалке ужасной сражалися врукопашь; боле не ждали
Издали стрел поражающих или метательных копий:
Друг против друга стоящие, равным горящие духом,
Бились секирами тяжкими, взад и вперед с лезвиями,
Бились мечами и копьями, острыми сверху и снизу.
Множество пышных ножей, с рукоятками черными, наземь
Падало окрест, летя то из рук, то с рамен ратоборцев,
Яростно бившихся; черною кровью земля залилася.
Гектор, корабль захватив, пред кормою стоял неотступен;
Хвост кормовой он руками держал и кричал к ополченьям:
«Светочей, светочей дайте! и с криком сомкнувшися гряньте!
День, награждающий всё, даровал нам Зевес! присудил нам
Взять корабли, что, под Трою приплыв против воли
бессмертных,
Столько нам бед сотворили по робости старцев советных:
Старцы, когда я хотел воевать корабли сопостатов,
В граде держали меня и троянский народ отвлекали.
Но если в оные дни омрачал громовержец Кронион
Наш рассудок, то ныне он сам и зовет и ведет нас!»

Рек,— и они на данаев ударили с бóльшим свирепством.
Сын Теламонов не выстоял: стрелы его засыпáли;
Тихо герой отступал, устрашась неизбежной тут смерти;
Вспять до скамьи семистопной сошел с кормового помоста.
Там он стоял, озираясь, и длинным копьем беспрерывно
Всех опрокидывал, кто наносил пожирающий пламень,
И беспрерывно ужасно кричал, убеждая данаев:
«Други, данаи герои, бесстрашные слуги Арея!
Будьте мужами, о други, вспомните бранную доблесть!
Может быть, мыслите вы, что поборники есть позади нам?
Или стена боевая, которая нас оборонит?
Нет никакого вблизи укрепленного башнями града,
Где защитились бы мы, замененные свежею силой.
Мы на троянских полях, перед войском троян твердобронных,
К морю прибиты стоим, далеко от отчизны любезной!
Наше спасение в наших руках, а не в слабости духа!»

Рек — и свирепый кругом нападал с длиннотенною пикой.
Каждого, кто из троян к корабельным кормам ни бросался
С пламенем бурным в руках, возбуждаемый Гектора криком,
Каждого он прободал, принимая огромною пикой:
Так их двенадцать из собственных рук заколол пред судами.

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

ПАТРОКЛИЯ

Так непреклонно они за корабль крепкоснастный сражались.
Тою порою Патрокл предстал Ахиллесу герою,
Слезы горячие льющий, как горный поток черноводный
Мрачные воды свои проливает с утеса крутого.
Смотря на друга, исполнился жалости пастырь народа
И к нему возгласил, устремляя крылатые речи:
«Что ты расплакался, друг Менетид? как дева-младенец,
Если, за матерью бегая, на руки просится с плачем,
Ловит одежду ее, уходящую за полу держит,
Плачет и в очи глядит, чтобы на руки подняла матерь,—
Ты, как она, Менетид, проливаешь обильные слезы.
Может быть, что мирмидонцам иль мне объявить ты имеешь?
Может быть, весть о домашних из Фтии один ты прослышал?
Здравствует, сказуют, Акторов сын, отец твой Менетий;
Здравствует также и мой, Пелей Эакид в мирмидонах.
О, плачевна была б нам того иль другого кончина! —
Может быть, ты об ахеянах тужишь, что так злополучно
Подле своих кораблей за неправду свою погибают?
Молви, в душе не скрывай ничего, чтобы оба мы знали».

Тяжко вздохнувши, ответствовал ты, Менетид конеборец:
«О Пелейон, брагоносец храбрейший ахейский, прости мне
Слезы мои! Величайшее горе постигло ахеян!
Все между ими, которые в рати храбрейшими слыли,
В стане лежат, иль в стрельбе, или в битве пронзенные медью.
Ранен стрелою Тидид Диомед, воеватель могучий;
Врукопашь ранен копьем герой Одиссей, Агамемнон,
Ранен пернатой в бедро и блистательный сын Эвемонов.
Наши врачи, богатейшие злаками, вкруг их трудятся,
Раны врачуя. Но ты, Ахиллес, один непреклонен!
О, да не знаю я гнева такого, как ты сохраняешь,
Храбрый на бедствие! Кто же в тебе обретет заступленье,
Если не хочешь ахеян спасти от напасти позорной?
Немилосердый! Родитель твой был не Пелей благодушный,
Мать не Фетида; но синее море, угрюмые скалы
Миру тебя породили, сурового сердцем, как сами!
Если тебя устрашает какой-либо грозный оракул,
Если тебе от Кронида поведала что-либо матерь,

В бой отпусти ты меня и вверь мне своих мирмидонян:
Может быть, с помощью их для данаев светом я буду.
Дай рамена облачить мне твоим оружием славным:
Может быть, в брани меня за тебя принимая, трояне
Бой прекратят; а данайские воины в поле отдохнут,
Боем уже изнуренные; отдых в сраженьях краток.
Мы, ополченье свежее, рать, истомленную боем,
К граду легко отразим от судов и от сеней ахейских».

Так он просил, неразумный! Увы, не предвидел, что будет
Сам для себя он выпрашивать страшную смерть и погибель!
Мрачно вздохнув, провещает к нему Ахиллес быстроногий:
«Сын благородный Менетия, что мне, Патрокл, говоришь ты?
Мало меня беспокоит оракул, который я слышал;
Мне ничего не внушала почтенная матерь от Зевса.
Но жестокий мне гнев наполняет и сердце и душу,
Если я вижу, что равного равный хочет ограбить,
Хочет награды лишить, потому лишь, что властью он выше!
Гнев мой жесток: после бедствий, какие в боях претерпел я,
Деву, которую мне в награжденье избрали ахейцы,
Ту, что копьем приобрел я, разрушивши град крепкостенный,
Деву ту снова из рук у меня самовластно исторгнул
Царь Агамемнон, как будто бы был я скиталец бесчестный!
Но, что случилось, оставим! И было бы мне неприлично
Гнев бесконечный в сердце питать; но давно объявил я:
Гнев мой не прежде смягчу, как уже перед собственным станом,
Здесь, пред судами моими раздастся тревога и битва.
Ты, соглашаюсь, моим облекися оружием славным,
Будь воеводой моих мирмидонян, пылающих боем:
Вижу, кругом уже черная туча троян обложила
Стан корабельный, ужасная; вижу, прибитые к морю
Держатся только на бреге, на узком, последнем пространстве
Рати ахеян; на них же обрушилась целая Троя,
Дерзкая: в поле не видят чела Ахиллесова шлема,
В очи светящего! Скоро б они полевые овраги
В бегстве наполнили трупами, если б ко мне Агамемнон
Был справедлив; но теперь, дерзновенные, стан осаждают!
Ибо уже не свирепствует в мощной руке Диомеда
Бурная пика его, чтобы смерть отражать от данаев;
Боле не слышится голос из уст ненавистных Атрида
В ратях данайских; но голос лишь Гектора людоубийцы
Звучный гремит между воинств троянских, и криком трояне
Всю наполняют долину, в бою побеждая данаев!

Так да не будет, Патрокл! Отрази от судов истребленье;
Храбро ударь, да огнем не сожгут у нас сопостаты
Наших судов и желанного нас не лишат возвращенья.
Но повинуйся, тебе я завет полагаю на сердце,
Чтобы меня ты и славой и честью великой возвысил
В сонме данаев. И так, чтоб данаи прекрасную деву
Отдали сами и множество пышных даров предложили,
Брань от судов отрази и назад, Менетид, возвратися!
Даже когда бы и славы добыть даровал громовержец,
Ты без меня, Менетид, не дерзай поражать совершенно
Храбрых троян, да и более чести моей не унизишь.
Радуясь мужеством духа и славой победного боя,
Трои сынов истребляй, но полков не веди к Илиону,
Чтоб от Олимпа противу тебя кто-нибудь из бессмертных
В брань за троян не предстал; Аполлон беспредельно их любит.
Вспять возвратися ко мне, кораблям даровавши спасенье;
Рати ж ахеян оставь на полях боевых истребляться.
Если б, о вечный Зевес, Аполлон и Афина Паллада,
Если б и Трои сыны, и ахеяне, сколько ни есть их,
Все истребили друг друга, а мы лишь, избывшие смерти,
Мы бы одни разметали троянские гордые башни!»

Так меж собой говорили они. Между тем нападенья
Боле Аякс не выдержал: стрелы его удручали.
Зевсова мощь побеждала героя и храбрость дарданцев,
Быстро разивших; ужасный, кругом головы его светлый
Шлем, поражаемый, звон издавал; поражали всечасно
В шлемные выпуки медные; шуйца Аякса замлела,
Крепко дотоле державшая щит переметный; но с места
Мощного сбить не могли, принуждавшие тучею копий.
Часто и сильно дышал Теламонион; пот беспрерывный
Лился ручьями по всем его членам; не мог ни на миг он
Вольно вздохнуть: отовсюду беда за бедой восставала.

Ныне поведайте, Музы, живущие в сенях Олимпа,
Как на суда аргивян упал истребительный пламень.
Гектор, нагрянувши, вблизи ясенный дрот у Аякса
Тяжким ударил мечом, и у медяной трубки копейной
Ратовье махом рассек; бесполезно Аякс Теламонид
Взнес, потрясая, обрубленный дрот: далеко от Аякса
Острая медь отлетела и о землю звукнула, павши.
Сын Теламонов познал по невольному трепету сердца
Дело богов, и, познав, что его все замыслы в брани

Зевс громоносный ничтожит, даруя троянам победу,
Он отступил; и троянцы немедленно бросили шумный
Огнь на корабль: с быстротой разлилося свирепое пламя.
Так запылала корма корабля. Ахиллес то увидел,
В гневе по бедрам ударил себя и вскричал к Менетиду:
«О, поспеши, Патрокл, поспеши, конеборец мой храбрый!
Зрю я, уже на судах истребительный пламень бушует!
Если возьмут корабли, не останется нам и ухода.
Друг, воружайся быстрее, а я соберу ополченья!»

Так произнес,— и Патрокл воружался блистающей медью.
И сперва положил он на быстрые ноги поножи
Пышные, кои серебряной плотно смыкались наглезной;
После поспешно броню надевал на широкие перси,
Звездчатый, вкруг испещренный доспех Эакида героя;
Сверху набросил на рамо ремень и меч среброгвоздный,
С медяным клинком; и щит перекинул огромный и крепкий;
Шлем на главу удалую сияющий пышно надвинул,
С конскою гривою; гребень ужасный над ним развевался.
Взял два крепкие дрота, какие споручнее были.
Не взял копья одного Ахиллеса героя: тяжел был
Крепкий, огромный сей ясень; его никто из ахеян
Двигать не мог, и один Ахиллес легко потрясал им,
Ясенем сим пелионским, который отцу его Хирон
Ссек с высоты Пелиона, на гибель враждебным героям.
Коней же быстро впрягать Автомедону дал повеленье,
Чтимому им наиболее после Пелида героя,
Верному более всех, чтоб выдерживать бранные грозы.
Сей Автомедон подвел под ярмо Ахиллесовых коней,
Ксанфа и Балия, быстрых, летающих с ветрами вместе.
Гарпия оных Подарга родила от Зефира ветра,
Им посещенная в пастве, при бурных струях Океана.
В припряжь завел он коня, знаменитого бегом Педаса,
Коего добыл Пелид, разгромивши град Этиона:
Смертный, с конями бессмертными он быстротою равнялся.

Тою порой Ахиллес, обходя мирмидонов по кущам,
Всех воружал их оружием к бою. Подобно как волки,
Хищные звери, у коих в сердцах беспредельная дерзость,
Кои еленя рогатого, в дебри нагорной повергнув,
Зверски терзают; у всех обагровлены кровию пасти;
После, стаею целой, к источнику черному рыщут;
Там языками их гибкими мутную воду потока

Локчут, рыгая кровь поглощенную; в персях их бьется
Неукротимое сердце, и всех их раздуты утробы,—
В брань таковы мирмидонян вожди и строители ратей
Реяли окрест Патрокла, слуги Эакида героя,
Боем пыпая; в среде их стоял Ахиллес бранолюбец,
Криком кругом возбуждая коней и мужей щитоносцев.

В брань пятьдесят кораблей Эакид Ахиллес быстроногий,
Зевсов любимец, привел к Илиону; на каждом из оных
Ратных мужей пятьдесят человек при уключинах было.
Пять воевод он над ними поставил, которым и вверил
В войсках начальство, но сам он господствовал с властью державной.
Первым строем начальствовал пестродоспешный Менесфий,
Сперхия сын, реки пресловутой, от Зевса ниспадшей:
Тайно его Полидора, прекрасная дочерь Пелея,
С Сперхием бурным родила, жена, сочетавшаясь с богом;
Но, по молве, с Периеридом Бором, который и браком
С нею сопрягся торжественно, выдав несметное вено.
Строй второй предводил ратоводец воинственный Эвдор,
Девой рожденный; его Полимела, прелестная в плясках
Филаса дочь, родила: пленился веселою девой
Гермес бессмертный, увидевший в хоре ее сладкогласном
Пляшущей в праздник Фебеи, богини ловитв златострелой;
В терем с нею взошел и таинственно с девой сопрягся
Гермес незлобный; и дева родила отличного сына,
Эвдора, быстрого в беге и воина храброго в битвах.
Вскоре, едва Илифия, помощная мукам родящих,
Сына на свет извела, и узрел он сияние солнца,
Актора мощного сын, Эхеклес благородный, супругой
В дом свой поял Полимелу, несметное выдавши вено;
Эвдора ж Филас в чертогах своих, благодетельный старец,
Сам воспитал и взрастил, полюбивши сердечно, как сына.
Третьему строю предшествовал храбрый Пизандр воевода,
Мемалов сын; ни один мирмидонец, как он, не искусен
Биться на копьях, кроме Ахиллесова друга Патрокла.
Строем четвертым начальствовал конник испытанный Феникс;
Пятым — герой Алкимедон, Лаеркеев сын непорочный.
Всех их, вместе с вождями, Пелид быстроногий поставя
И красиво построя, вещал им владычнее слово:
«Каждый из вас, мирмидонцы, теперь да воспомнит угрозы,
Коими в стане, во дни моего справедливого гнева,
Вы угрожали врагам; и меня вы тогда оскорбляли:

— Лютый Пелид,— говорили,— от матери желчью ты вскормлен!
Бесчеловечный, друзей пред судами насильственно держишь!
Лучше назад с кораблями своими в дома возвратимся,
Ежели злоба тебе, злополучная, в сердце запала! —
Так вы мне часто, сходясь, говорили. Теперь вам предстало
Дело великое брани, которой вы столько жадали!
Каждый теперь, в ком отважное сердце, сражайся с врагами!»

Рек — и разжег еще более душу и мужество в каждом;
Крепче ряды их сгустилися, выслушав царские речи.
Словно как стену строитель из плотно слагаемых камней
В строгом доме смыкает, в отпору насильственных ветров,—
Так шишаки и щиты меднобляшные сомкнуты были;
Щит со щитом, шишак с шишаком, человек с человеком
Плотно сходился; касалися светлыми бляхами шлемы,
Зыблясь на воинах,— так мирмидоняне густо сомкнулись.
Всех впереди, под оружием, два брагоносца стояли,
Храбрый Патрокл и герой Автомедон, горящие оба
В битву лететь впереди мирмидонян. Пелид же могучий
Входит под кущу и там отпирает ковчег велелепный,
Дар драгоценный, который герою в корабль мореходный
Матерь Фетида на путь положила, наполнив хитонов,
Мягких, косматых ковров и хлен, отражающих ветер.
Был в нем и кубок прекрасный: никто из мужей у Пелида
Черного не пил вина из него; никому из богов им
Он не творил возлияний, кроме молненосного Зевса.
Вынув сей кубок заветный, Пелид быстроногий сначала
Серой очистил, потом омывал светлоструйной водою;
Руки омыл и себе и, вином наполнивши кубок,
Стал посредине двора и молился, вино возливая,
На небо смотря; и не был не видим метателю грома:
«Зевс Пеласгийский, Додонский, далеко живущий владыка
Хладной Додоны, где селлы, пророки твои, обитают,
Кои не моют ног и спят на земле обнаженной!
Прежде уже ты, о Зевс, на мою преклонился молитву;
Много почтивши меня, покарал ты ужасно данаев.
Ныне еще, громодержец, сие мне исполни желанье!
Я остаюся до времени в стане моем корабельном;
Друга ж, любезного сердцу, и многих моих мирмидонян
В бой посылаю: победу ему ниспошли, о провидец!
Храброе сердце его укрепи, да узнает и Гектор,
Может ли с ним, и один, подвизаться служитель наш храбрый
Или его необорные руки свирепствуют в брани

Только тогда, как и я выхожу на кровавые споры.
После, когда от судов отразит он пожар и убийство,
Дай, да из битв невредимый ко мне на суда возвратится,
С целым оружием нашим и храбрыми всеми друзьями!»

Так говорил он, молясь; и внимал промыслитель Кронион.
Дал Пелейону одно, а другое владыка отринул:
Другу его от судов отразить и пожар и убийство
Дал; но мольбу, да из битв невредим возвратится, отринул.
Он же, когда возлиял и моление Зевсу окончил,
В кущу вошел и, в ковчег положивши кубок заветный,
Вышел и стал перед кущею, движимый сердца желаньем
Видеть еще и троян и ахеян жестокую битву.

Тою порою, с Патроклом героем, готовые к битве,
Воины шли, чтоб на рать троянскую гордо ударить.
Быстро они высыпались вперед, как свирепые осы,
Подле дороги живущие, коих сердить приобыкли
Дети, вседневно тревожа в жилищах их придорожных;
Юность безумная общее зло навлекает на многих;
Ежели их человек, путешественник, мимо идущий,
Тронет нечаянно, быстро крылатые с сердцем бесстрашным
Все высыпаются вдруг на защиту детей и домов их,—
С сердцем и духом таким от своих кораблей мирмидонцы
Реяли в поле; воинственный крик их кругом раздавался.
Вождь, их еще ободряя, Патрокл воззвал громозвучно:
«Ныне, бойцы, мирмидонцы, друзья Ахиллеса героя,
Будьте мужами, любезные, вспомним кипящую храбрость!
Ныне прославим Пелида, который по доблести бранной
Первый в ахейских мужах, и храбрейшие вы его слуги!
Пусть и властитель могучий, Атрид Агамемнон, познает,
Сколь он преступен, ахейца храбрейшего так обесчестив!»

Так говоря, возбудил он и более мужество ратных.
Ринулись разом противу троян, и весь стан корабельный
С громом ужасным отгрянул воинственный клик мирмидонян.
Трои сыны лишь узрели Менетия сильного сына,
Вместе с клевретом его, под сияющим пышно доспехом,
Дрогнуло сердце у всех; всколебались густые фаланги,
Мысля, что праздный дотоле герой Ахиллес быстроногий
Гнев от сердца отринул и вновь преклонился на дружбу;
Каждый стал озираться на бегство от гибели грозной.

Сын же Менетиев первый ударил с сверкающей пикой
Прямо в средину враждебных, где гуще ряды их толпились,
Ратуя вкруг корабля благодушного Протесилая;
Там поразил он Пирехма, который отважных пеонов
Вывел из стран Амидона, где катится Аксий широкий:
В рамо его поразил; и Пирехм, опрокинувшись, оземь
Грянулся, жалостно стонущий; окрест его побежали
Други пеоняне: ужасом всех поразил Менетид их,
Свергнувши войск предводителя, мужа храбрейшего в битвах.
Сих он прогнав от судов, угасил распыхавшийся пламень.
Брошен врагами корабль полсожженный; ударились в бегство
С страшным смятеньем трояне; данаи ж рассыпались быстро
Между передних судов,— и кругом закипела тревога.
Словно когда от вершины горы огромно-высокой
Облак густой отодвинет перунов носитель Кронион,
Всё кругом открывается: холмы, высокие скалы,
Долы, небесный эфир разверзается весь беспредельный,—
Так, отразив от судов пожирающий огнь, отдыхали
Рати ахеян; но бранная буря еще не стихала:
Ибо трояне еще, перед храброю ратью ахеян
Вспять обратясь, не бежали от черных судов мореходных,
Бодро стояли еще, от судов отступивши по нужде.

Тут человек поражал человека в рассыпанной битве;
Каждый поверг воеводу; и первый Патрокл предводитель
Вдруг обратившегось в бег Ареилика пикою острой
Сзади в бедро поразил и насквозь смертоносную выгнал;
Кость раздробило копье, и лицом Ареилик на землю
Пал. Менелай между тем, ратоводца Фоаса ударив
В грудь обнаженную, мимо щита, сокрушил ему члены.
Мегес Амфикла, как тот на него устремлялся, приметя,
Вдруг упредил, поразил в бедро, где нога человека
Мышцей тучнейшей одета: копейное бурное жало
Жилы рассекло, и тьма пораженному очи покрыла.
Нестора старца сыны: Антилох улучил Атимния
Пикою острой; во внутренность медное жало погрузло;
Пал он у стоп победителя. Марис, копьем потрясая,
Прянул на внука Нелеева, вспыхнувший гневом за брата;
Стал перед телом; но быстро его Фразимед упреждает:
Прежде чем он поразил, Фразимед устремляет и верно
Ранит в плечо: острие копья у него оторвало
Руку от мышиц и самую кость совершенно разбило;
С громом он грянулся в прах, и взор его мраком покрылся.

Так злополучные братья, от братьев сраженные, оба
В мрачный Эреб низошли, Сарпедоновы храбрые други,
Дети стрельца Амизодара, мужа, который Химеру
Выкормил неукротимую, многим на пагубу смертным.

Сын Оилеев Аякс, налетев, Клеобула живого,
Толпищем сбитого с ног, захватил и на месте троянцу
Жизнь сокрушил, погрузя в него меч с рукояткой огромной;
В жаркой крови разогрелся весь меч, и упавшему там же
Очи смежили багровая Смерть и могучая Участь.

Тут Пенелей и Ликон на сраженье сбежались: копья
Им обоим изменили, напрасно послали их оба;
Снова герои сошлись на мечах; и Ликон упреждает,
В шлем коневласый у бляхи разит, и при черене медный
Меч, сокрушась, разлетелся; ахеец ударил под ухом,
В выю весь меч погрузил и, оставшись на коже единой,
Набок повисла глава, и разрушилась крепость Ликона.

Вождь Мерион, Акамаса преследуя, быстрый настигнул
И, в колесницу входящего, в рамо десное ударил;
Он с колесницы слетел, и в очах его тьма разлилася.

Идоменей Эримаса жестокою медью уметил
Прямо в уста, и в противную сторону близко под мозгом
Вырвалась бурная медь: просадила в потылице череп,
Вышибла зубы ему; и у падшего, выпучась страшно,
Кровью глаза налились; из ноздрей и из уст растворенных
Кровь изрыгал он, пока не покрылся облаком смерти.
Так воеводы ахейские гордых врагов низлагали.
Словно свирепые волки на коз нападают иль агнцев,
Их вырывая из стад, которым неопытный пастырь
Дал по горам рассеяться; волки, едва их завидят,
Быстро напав, раздирают бессильных и трепетных тварей,—
Так на троян нападали ахейцы; но те лишь о бегстве
Думали шумном, а доблесть кипящую вовсе забыли.

Но Теламонид великий пылал непрестанно уметить
Гектора медноружного; тот же, испытанный в битвах,
Турьим огромным щитом закрывая широкие плечи,
Вкруг наблюдал и свистание стрел, и жужжание копий;
И хотя уже видел, что им изменяет победа,
Но еще оставался, к защите сподвижников верных.

Словно когда от Олимпа подъемлется на небо туча
Воздухом ясным, как бурную грозу Кронион готовит,—
Так от судов поднялось и смятенье, и шумное бегство:
Вспять, не в устройстве, чрез ров отступали. Но Гектора быстро
Вынесли кони с оружием; бросил троян он, которых
Сзади насильно задерживал ров пред судами глубокий.
Многие в пагубном рве колесничные быстрые кони,
Дышла сломивши, оставили в нем колесницы владык их.
Но Патрокл настигал, горячо возбуждая данаев,
Горе врагам замышляя; трояне и воплем и бегством
Все наполняли пути; от рассеянных войск их — до облак
Прах крутился столпом; расстилалися по полю кони,
К Трое обратно бежа от судов и от кущей ахейских.
Он же, герой, где смятения более видел бегущих,
С криком туда налетал; упадали стремглав под колеса
Мужи с своих колесниц, и, валясь, колесницы гремели.
Прямо меж тем через ров перепрянули бурные кони,
Кони бессмертные, дар знаменитый бессмертных Пелею,
Пламенно мчася вперед; повелитель их Гектора ищет,
Свергнуть его он пылает; но Гектора кони умчали.

Словно земля, отягченная бурями, черная стонет
В мрачную осень, как быстрые воды с небес проливает
Зевс раздраженный, когда на преступных людей негодует,
Кои на сонмах насильственно суд совершают неправый,
Правду гонят и божией кары отнюдь не страшатся:
Все на земле сих людей наводняются быстрые реки,
Многие нависи скал отторгают разливные воды,
Даже до моря пурпурного с шумом ужасным несутся,
Прядая с гор, и кругом разоряют дела человека,—
С шумом и стоном подобным бежали троянские кони.
Сын же Менетиев быстрый, отрезав фаланги передних,
Снова обратно погнал и к судам их данайским притиснул;
Не дал пылающим в город войти; но в полях заключенных
Между судами, рекой и стеною ахейской высокой,
Быстро гонял, убивал и взыскал возмездие с многих.
Первого тут Пронооя копьем в обнаженные перси,
Мимо щита, поразил и кипящую силу разрушил;
С громом он пал; победитель на Фестора, Энопа сына,
Там же напал; в колеснице блистательной Фестор несчастный
Сжавшись сидел: оковал его ужас, из трепетных дланей
Вырвались вожжи; ему, налетевший, он медную пику

В правую челюсть вонзил и пробил Энопиду сквозь зубы;
Пикой его через край колесничный повлек он, как рыбарь,
Сидя на камне, нависнувшем в море, великую рыбу
Быстро из волн извлекает и нитью и медью блестящей,—
Так Энопида зиявшего влек он сверкающей пикой;
Сбросил на землю лицом, и от падшего жизнь отлетела.
Вслед Эриала, противу летящего, камнем с размаху
Грянул в средину главы, и она пополам раскололась
В крепком шеломе; об землю челом Эриал пораженный
Пал, и мгновенно над ним душегубная смерть распростерлась.
Тут же могучий Амфотера он, Эримаса, Эпальта,
Ипира, Эхия, Дамастора сына, вождя Тлиполема,
Воя Эвиппа, Ифея и Аргея ветвь, Полимела,
Всех, одного за другим, положил на всеплодную землю.

Царь Сарпедон лишь увидел своих беспояснодоспешных
Многих друзей, Менетида Патрокла рукою попранных,
Громко воззвал, укоряя возвышенных духом ликиян:
«Стыд, о ликийцы! бежите? теперь вы отважными будьте!
С сим брапоносцем хочу я сойтися, хочу я увидеть,
Кто сей могучий? Уже он беды нам многие сделал.
Многим и храбрым троянам сломил уже крепкие ноги!»
Рек — и с своей колесницы с оружием прянул на землю.
Против него и Патрокл, лишь узрел, полетел с колесницы.
Словно два коршуна, с клевом покляпым, с кривыми когтями,
В бой, на утесе высоком, слетаются с криком ужасным,—
С криком подобным они устремилися друг против друга.

Видящий их, возболезновал сын хитроумного Крона
И провещал, обращаясь к Гере, сестре и супруге:
«Горе! Я зрю, Сарпедону, дражайшему мне между смертных,
Днесь суждено под рукою Патрокловой пасть побежденным!
Сердце мое между двух помышлений волнуется в персях:
Я не решился еще, живого ль из брани плачевной
Сына восхитив, поставлю в земле плодоносной ликийской
Или уже под рукою Патрокла смирю Сарпедона».

Быстро вещала в ответ волоокая Гера богиня:
«Мрачный Кронион! какие слова ты, могучий, вещаешь?
Смертного мужа, издревле уже обреченного року,
Ты свободить совершенно от смерти печальной желаешь?
Волю твори, но не все олимпийцы ее мы одобрим!
Слово иное реку я, и в сердце его сохрани ты.

Ежели сам невредимого в дом ты пошлешь Сарпедона,
Помни, быть может, бессмертный, как ты, и другой возжелает
Сына любезного в дом удалить от погибельной брани.
Многие ратуют здесь, пред великим Приамовым градом,
Чада бессмертных, которых ты ропот жестокий возбудишь.
Сколько ты сына ни любишь и в сердце его ни жалеешь,
Ныне ему попусти на побоище брани великой
Пасть под руками героя, вождя мирмидонян Патрокла.
После, когда Сарпедона оставит душа, повели ты
Смерти и кроткому Сну бездыханное тело героя
С чуждой земли перенесть в плодоносную Ликии землю.
Там и братья и други его погребут и воздвигнут
В память могилу и столп, с подобающей честью умершим».

Так говорила, и внял ей отец и бессмертных и смертных:
Росу кровавую с неба послал на троянскую землю,
Чествуя сына героя, которого в Трое холмистой
Должен Патрокл умертвить, далеко от отчизны любезной.

Оба героя сошлись, наступая один на другого.
Первый ударил Патрокл и копьем поразил Фразимела,
Мужа, который отважнейший был Сарпедонов служитель:
В нижнее чрево его поразил он и крепость разрушил.
Царь Сарпедон нападает второй; но сверкающий дротик
Мимо летит и коня у Патрокла пронзает Педаса
В правое рамо; конь захрипел, испуская дыханье,
Грянулся с ревом во прах, и могучая жизнь отлетела:
Два остальных расскочились; ярем затрещал, и бразды их
Спутались вместе, когда пристяжной повалился на землю.
Горю сему Автомедон пособие быстро находит:
Меч свой при тучном бедре из ножен долголезвенный вырвав,
Бросился он и отсек припряжного, нимало не медля;
Кони другие спрямились и стали под ровные вожжи.

Снова герои вступили в решительный спор смертоносный,
И опять Сарпедон промахнулся блистательной пикой;
Низко, над левым плечом острие пронеслось у Патрокла,
Но не коснулось его; и ударил оружием медным
Сильный Патрокл, и не праздно копье из руки излетело:
В грудь угодил, где лежит оболочка вкруг твердого сердца.
Пал воевода ликийский, как падает дуб, или тополь,
Или огромная сосна, которую с гор древосеки
Острыми вкруг топорами ссекут, корабельное древо,—

Так Сарпедон пред своей колесницей лежал распростертый,
С скрипом зубов раздирая перстами кровавую землю.
Словно поверженный львом, на стадо незапно нашедшим,
Пламенный бык, меж волов тяжконогих величеством гордый,
Гибнет, свирепо ревя, под зубами могучего зверя,—
Так Менетидом воинственным, царь щитоносных ликиян,
Попранный, гордо стенал и вопил к знаменитому другу:
«Главк любезный, могучий из воинов! Ныне ты должен
Быть копьеборцем отважным и воином неустрашимым,
Должен пылать лишь свирепою бранию, ежели храбр ты!
Друг! поспеши и мужей предводителей смелых ликиян
Всех обойдя, возбуди за царя Сарпедона сражаться;
Стань за меня ты и сам и с ахейцами медью сражайся!
Или тебе, Гипполохиду, я поношеньем и срамом
Буду всегда и пред поздним потомством, когда аргивяне
Латы похитят с меня, пораженного пред кораблями!
Действуй сильно и все возбуди ополчения наши!»

Так произнесшему, смерти рука Сарпедону сомкнула
Очи и ноздри; Патрокл, наступивши пятою на перси,
Вырвал копье,— и за ним повлеклась оболочка от сердца:
Вместе и жизнь и копье из него победитель исторгнул.
Там же ахейцы и коней его изловили храпящих,
Прянувших в бег, как осталася праздной царей колесница.

Главка, при голосе друга, объяла жестокая горесть;
Сердце терзалось его, что помочь он нисколько не может;
Стиснул рукою он левую мышцу: ее удручала
Свежая рана, какую нанес воеводе стрелою
Тевкр со стены корабельной, беду от друзей отражая.
В скорби взмолился герой, обращаясь к царю Аполлону:
«Царь сребролукий, услышь! в плодоносном ли царстве ликийском
Или в Троаде присутствуешь, можешь везде ты услышать
Скорбного мужа, который, как я, удручается скорбью!
Стражду я раной жестокой; рука у меня повсеместно
Болью ужасной пронзается; кровь из нее беспрерывно
Хлещет, не могши уняться; рука до плеча цепенеет!
Твердо в бою не могу я ни дрота держать, ни сражаться,
Противоставши враждебным; а воин храбрейший погибнул,
Зевсов сын, Сарпедон! не помог громовержец и сыну!
Ты ж помоги мне, о царь! уврачуй жестокую рану;
Боль утоли и могущество даруй, да силою слова

Храбрых ликийских мужей возбужу я на крепкую битву
И за друга сраженного сам достойно сражуся!»

Так он молился; услышал его Аполлон дальновержец;
Быстро жестокую боль утолил, из мучительной раны
Черную кровь удержал и мужеством душу наполнил.
Сердцем почувствовал Главк и восхитился духом, что скоро
К гласу его моления бог преклонился великий.
Бросился вдаль, и вначале мужей ратоводцев ликийских
Всех обходя, возбуждал за царя Сарпедона сражаться;
После к дружинам троян устремился, широко шагая.
Там воеводе Агенору, Полидамасу являлся;
К сыну Анхиза и к меднодоспешному сыну Приама,
К Гектору он представал, устремляя крылатые речи:
«Гектор, оставил ты вовсе троянских союзников славных!
Храбрые ради тебя, далеко от друзей, от отчизны,
Души в бою полагают; а ты защищать их не хочешь!
Пал Сарпедон, щитоносных ликийских мужей предводитель,
Строивший землю ликийскую правдой и доблестью духа.
Медный Арей Сарпедона смирил копьем Менетида.
Станьте, о храбрые други! наполнимся пламенной мести
И не позволим оружий совлечь и над мертвым ругаться
Сим мирмидонцам, на нас разъяренным за гибель данаев,
Коих у черных судов истребили мы копьями многих!»

Рек,— и троян до единого тяжкая грусть поразила,
Грусть безотрадная: Трои оплотом, хотя иноземец,
Был Сарпедон; многочисленных он на помогу троянам
Воинов вывел, и сам между них отличался геройством.
Яростно Трои сыны на данаев ударили; вел их
Гектор, за смерть Сарпедонову гневный; но дух у данаев
Воспламеняло Патроклово мужества полное сердце;
Первых бодрил он Аяксов, пылавших и собственным духом:
«Вам, о Аяксы, встретить врагов сих да будет приятно!
Будьте героями прежними, или храбрее и прежних!
Пал брапоносец, из первых взлетевший на стену данаев,
Пал Сарпедон! О, когда б нам увлечь и над ним поругаться,
С персей доспехи сорвать и какого-нибудь из клевретов,
Тело его защищающих, свергнуть убийственной медью».

Так возбуждал, но Аяксы и сами сразиться пылали;
И когда лишь фаланги с обеих сторон укрепили,

Трои сыны и ликийцы, ахеяне и мирмидонцы,
Все, соступившися, около мертвого с яростным воплем
Подняли бой, и кругом зазвучали оружия ратных.
Зевс ужасную ночь распростер над долиной убийства,
Брань за любезного сына сугубо ужасна да будет.

Первые Трои сыны быстрооких данаев отбили;
Пал пораженный от них не ничтожный в мужах мирмидонских,
Сын Агаклея почтенного, вождь Эпигей благородный.
Некогда властвовал он в многолюдном Будеоне граде;
Но, знаменитого сродника жизни лишивши убийством,
Странник, прибегнул к покрову Пелея царя и Фетиды;
Имп он вместе с Пелидом, фаланг разрывателем, послан
В Трою, конями богатую, ратовать царство Приама.
Он было тело схватил, но его шлемоблещущий Гектор
Грянул в голову камнем; она пополам раскололась
В крепком шеломе; лицом Эпигей на бездушное тело
Пал, и мгновенно над ним душегубная смерть распростерлась.
Гнев Менетида объял за убийство храброго друга;
Он сквозь ряды передние бросился прямо, как ястреб
Быстрый, который преследует робких скворцов или галок,—
Так на троян и ликиян ты, о Патрокл конеборец,
Прямо ударил, пылающий гневом за гибель клеврета!
Там Сфенелая сразил, Ифеменова храброго сына,
Камнем ударивши в выю и жилы расторгнувши обе.
Вспять отступили передних ряды и блистательный Гектор
Так далеко, как поверженный дротик большой пролетает,
Если его человек, испытующий силу на играх
Или в сражении, бросит на гордых врагов душегубцев,—
Так далеко отступили трояне: отбили данаи.
Главк между тем, воевода ликиян воинственных, первый
Вспять обратяся, убил Вафиклея, высокого духом,
Сына Халконова: домом живущий в цветущей Элладе,
Счастием он и богатством блистал средь мужей мирмидонских;
Дротом его среди персей, не ждавшего, Главк поражает,
Вдруг обратясь, как его самого настигал он, гоняся.
С шумом он пал,— и печаль поразила данаев, узревших
Сильного мужа паденье; пергамлян же радость объяла;
Падшего тело они оступили толпой; но данаи
Доблести не забывали, вперед на врагов устремлялись.
Тут Мерион поразил Лаогона, доспешного мужа,
Сына Онетора, мужа, который жрецом в Илионе

Зевса Идейского был и как бог почитался народом:
Свергнул его, поразивши под челюсть и ухо; мгновенно
Кости оставила жизнь, и ужасная тьма окружила.
Сильный Эней на убийцу послал медножальную пику,
Чая уметить его, под щитом выступавшего круглым;
Тот, издалёка увидев, от меди убийственной спасся,
Быстро вперед наклонясь; за хребтом длиннотенная пика
В твердую землю вонзилась и верхним концом трепетала
Долго, пока не смирилася ярость стремительной меди.
Так Анхизидова медногромная пика, сотрясшись,
В землю вошла, излетев бесполезно из длани могучей.
Гордый Эней, негодуя душою, вскричал к Мериону:
«Скоро б тебя, Мерион, несмотря, что плясатель ты быстрый,
Скоро б мой дрот укротил совершенно, когда б я уметил!»

Быстро ему возразил Мерион, знаменитый копейщик:
«Трудно тебе, Анхизид, и отлично могучему в битвах,
Дух укротить воевателя каждого, кто бы ни вышел
Силу измерить с тобою; и ты, как и прочие, смертен.
Если б и я угодил тебя в грудь изощренною медью,
Скоро б и ты, несмотря что могуч и на руки надежен,
Славу мне даровал, а властителю Тартара душу!»

Так говорил; но его порицал Менетид благородный:
«Что, Мерион, воинственный муж, расточаешь ты речи?
Верь, от речей оскорбительных гордые воины Трои
Тела не бросят, покуда кого-либо прах не покроет.
Руки решат кровавые битвы, а речи советы.
Ныне ахеянам должно не речи плодить, а сражаться!»

Рек — и вперед полетел; и за ним Мерион копьеборец.
Словно толпа древосеков секирами стук подымает
В горных лесах, на пространство далекое он раздается,—
Стук между воинств такой по земле раздавался пространной
Меди гремучей и кож неразрывных щитов волокожных,
Часто разимых мечами и копьями яростных воев.
Тут ни усерднейший друг — Сарпедона, подобного богу,
Боле не мог бы узнать: и стрелами, и кровью, и прахом
Весь от главы и до ног совершенно был он заметан.
Битва при нем беспрестанно кипела. Подобно как мухи,
Роем под кровлей жужжа, вкруг подойников полных толпятся
Вешней порой, как млеко изобильно струится в сосуды,—
Так ратоборцы вкруг тела толпилися. Зевс громодержец

С поля пылающей битвы очей не сводил светозарных;
Он непрестанно взирал на мужей, и в душе промыслитель
Много о смерти Патрокловой мыслил, волнуясь сомненьем:
Или уже и его в настоящем убийственном споре,
Тут, на костях Сарпедона великого, Гектор могучий
Медью смирит и оружия славные с персей похитит?
Или еще да продлит он подвиг, погибельный многим?
В сих волновавшемусь мыслях, угоднее Зевсу явилась
Дума, да храбрый служитель Пелеева славного сына
Воинство Трои и меднодоспешного их воеводу,
Гектора, к граду погонит и души у многих исторгнет.
Гектору первому Зевс послал малодушие в перси;
Он, в колесницу вскочив, побежал, повелев и троянам
К граду бежать: уступил он священным весам Олимпийца.
Тут ни ликийцы в бою не остались храбрые: в бегство
Все обратились, увидев царя их, пронзенного в сердце,
Грудою тел окруженного: много их вкруг Сарпедона
Пало с тех пор, как бой сей ужасный воздвиг Олимпиец.
Быстро с рамен Сарпедона данаи сорвали доспехи
Медные, пышноблестящие, кои к судам мирмидонским
Другам нести повелел Патрокл, конеборец могучий.

В оное время воззвал к Аполлону Кронид тучеводец:
«Ныне гряди, Аполлон, и, восхитив от стрел Сарпедона,
Тело от черной крови, от бранного праха очисти;
Вдаль перенесши к потоку, водою омой светлоструйной,
Миром его умасти и одень одеждой бессмертной.
Так совершив, повели ты послам и безмолвным и быстрым,
Смерти и Сну близнецам, да поспешно они Сарпедона
В край отнесут плодоносный, в пространное Ликии царство.
Тамо братия, други его погребут и воздвигнут
В память могилу и столп, с подобающей честью усопшим».

Рек громовержец,— и не был отцу Аполлон непокорен:
Быстро с Идейских вершин низлетел на ратное поле.
Там из-под стрел Сарпедона, подобного богу, похитил;
Вдаль перенесши к потоку, водою омыл светлоструйной,
Миром его умастил, одеял одеждой бессмертной,
И нести повелел он послам и безмолвным и быстрым,
Смерти и Сну близнецам, и они Сарпедона мгновенно
В край пренесли плодоносный, в пространное Ликии царство.

Тою порою Патрокл, возбуждая возницу и коней,
Гнал и троян и ликиян, и к собственной гибели мчался,

Муж неразумный! Когда б соблюдал Ахиллесово слово,
То избежал бы от участи горестной черныя смерти.
Но Кронида совет человеческих крепче советов:
Он устрашает и храброго, он и победу от мужа
Вспять похищает, которого сам же подвигнет ко брани;
Он и Патрокловы перси неистовым духом наполнил.

Кто же был первый и кто был последний, которых сразил ты,
Храбрый Патрокл, как тебя уже боги на смерть призывали?
Первого свергнул Адраста, за ним Автоноя, Эхекла,
Вслед Меланиппа, Эпистора, Мегаса отрасль, Перима,
Элаза, Мулия, врукопашь всех, и героя Пиларта.
Сих он сразил, а другие спасения в бегстве искали.
Взяли б в сей день аргивяне высокую башнями Трою
С сыном Менетия,— так впереди он свирепствовал пикой,—
Если бы Феб Аполлон не стоял на возвышенной башне,
Гибель ему замышляя и Трои сынам поборая.
Трижды Менетиев сын взбегал на высокую стену,
Дерзко-отважный, и трижды его отражал стреловержец,
Дланью своею бессмертной в блистательный щит ударяя;
Но когда он, как демон, в четвертый раз устремился,—
Голосом грознопретительным Феб стреловержец воскликнул:
«Храбрый Патрокл, отступи! Не тебе предназначено свыше
Град крепкодушных троян копием разорить; ни Пелиду,
Сыну богини, который тебя несравненно сильнейший!»

Рек,— и далеко назад Менетид отступил, избегая
Гнева могущего бога, стрелами разящего Феба.

Гектор же в Скейских воротах удерживал пышущих коней:
Думал, сражаться ль ему, устремившися к воинствам снова,
Или своим ратоборцам в стенах повелеть собираться?
В сих колебавшемусь думах, предстал Аполлон Приамиду,
Образ цветущий приявши младого, могучего мужа,
Храброго Азия, Гектора, коней смирителя, дяди,
Брата родного Гекубы, отважного сына Димаса,
Жившего в тучной фригийской земле, при водах Сангария;
Образ приявши его, провещал Аполлон дальновержец:
«Битву оставил ты, Гектор? Поступок тебя не достоин!
Если б, сколь слаб пред тобою, столько могуществен был я,
Скоро б раскаялся ты, что кровавую битву оставил!
Вспять обратись, напусти на Патрокла коней быстролетных;
Может быть, славу победы тебе Аполлон уготовал!»

Рек — и вновь обратился бессмертный к борьбе человеков.
И немедленно Гектор велел Кебриону вознице
Коней бичом на сраженье гнать. Аполлон же отшедший
В множестве ратных сокрылся,— и там меж ахеян воздвигнул
Страшную смуту, троянам и Гектору славу даруя.
Гектор ахеян других оставлял, никого не сражая;
Он на Патрокла летел, устремляя коней звуконогих.
В встречу ему и Патрокл соскочил с колесницы на землю;
Шуйцей держал он копье, а десницею камень подхитил,
Мрамор лоснистый, зубристый, всю мощную руку занявший;
Бросил его упершись,— и летел он не долго до мужа;
Послан не тщетно из рук: поразил Кебриона возницу,
Сына Приама побочного, дерзко гонящего бурных
Гектора коней: в чело поразил его камень жестокий;
Брови сорвала громада; ни крепкий не снес ее череп;
Кость раздробила; кровавые очи на пыльную землю
Пали к его же ногам; и стремглав, водолазу подобно,
Сам он упал с колесницы, и жизнь оставила кости.

Горько над ним издеваясь, воскликнул Патрокл конеборец:
«Как человек сей легок! Удивительно быстро ныряет!
Если бы он находился и на море, рыбой обильном,
Многих бы мог удовольствовать, устриц ища, для которых
Прядал бы он с корабля, несмотря, что и море сердито.
Как он, будучи на поле, быстро нырнул с колесницы!
Есть, как я вижу теперь, и меж храбрых троян водолазы!»

Так издеваясь, на тело напал Кебриона героя,
Бурен, как лев разъяренный, который, загон истребляя,
В грудь прободен и бесстрашием собственным сам себя губит,—
Так на убитого ты, мирмидонянин, пламенный прянул.
Гектор навстречу ему соскочил с колесницы на землю;
Оба они за возницу, как сильные львы, состязались,
Кои на горном хребте, за единую мертвую серну,
Оба, гладом яримые, с гордым сражаются гневом,—
Так за труп Кебриона искусные два браноносца,
Храбрый Патрокл Менетид и блистательный Гектор, сражаясь,
Жаждут единый другого пронзить беспощадною медью.
Гектор, схватив за главу, из рук не пускал, безотбойный;
Сын же Менетиев за ногу влек; и кругом их другие,
Трои сыны и данаи, смесилися в страшную сечу.

Словно два ветра, восточный и южный, свирепые спорят,
В горной долине сшибаясь, и борют густую дубраву;

Крепкие буки, высокие ясени, дерен кориcтый
Зыблются, древо об древо широкими ветвями бьются
С шумом ужасным; кругом от крушащихся треск раздается,—
Так аргивяне, трояне, свирепо друг с другом сшибаясь,
Падали в битве; никто о презрительном бегстве не думал.
Множество вкруг Кебриона метаемых копий великих,
Множество стрел окрыленных, слетавших с тетив, водружалось;
Множество камней огромных щиты разбивали у воев
Окрест его; но величествен он, на пространстве великом,
В вихре праха лежал, позабывший искусство возницы.

Долго, доколе светило средину небес протекало,
Стрелы летали с обеих сторон и народ поражали.
Но лишь достигнуло солнце годины распряжки воловой,
Храбрость ахеян, судьбе вопреки, одолела противных:
Труп Кебриона они увлекли из-под стрел, из-под криков
Ярых троян и оружия пышные сорвали с персей.

Но Патрокл на троян, умышляющий грозное, грянул.
Трижды влетал он в средину их, бурному равный Арею,
С криком ужасным; и трижды сражал девяти браноносцев.
Но когда он, как демон, в четвертый раз устремился,
Тут, о Патрокл, бытия твоего наступила кончина:
Против тебя Аполлон по побоищу шествовал быстро,
Страшен грозой. Не познал он бога, идущего в сонмах:
Мраком великим одеянный, шествовал в встречу бессмертный.
Стал позади и ударил в хребет и широкие плечи
Мощной рукой,— и, стемнев, закружилися очи Патрокла.
Шлем с головы Менетидовой сбил Аполлон дальновержец;
Быстро по праху катясь, зазвучал под копытами коней
Медяный шлем; осквернилися волосы пышного гребня
Черною кровью и прахом. Прежде не сужено было
Шлему сему знаменитому прахом земным осквернятся:
Он на прекрасном челе, на главе богомужней героя,
Он на Пелиде сиял, но Кронид соизволил, да Гектор
Оным украсит главу: приближалась бо к Гектору гибель.
Вся у Патрокла в руках раздробилась огромная пика,
Тяжкая, крепкая, медью набитая; с плеч у героя
Щит, до пят досягавший, с ремнем повалился на землю;
Медные латы на нем разрешил Аполлон небожитель.
Смута на душу нашла и на члены могучие томность;
Стал он, как бы обаянный. Приближился с острою пикой
С тыла его — и меж плеч поразил воеватель дарданский,

Славный Эвфорб Панфоид, который блистал между сверстных
Ног быстротой, и метаньем копья, и искусством возницы;
Он уже в юности двадцать бойцов сразил с колесниц их,
Впервые выехав сам на конях, изучаться сраженьям.
Он, о Патрокл, на тебя устремил оружие первый,
Но не сразил; а, исторгнув из язвы огромную пику,
Вспять побежал и укрылся в толпе; не отважился явно
Против Патрокла, уже безоружного, стать на сраженье.
Он же, и бога ударом, и мужа копьем укрощенный,
Вспять к мирмидонцам-друзьям отступал, избегающий смерти.

Гектор, едва усмотрел Менетида, высокого духом,
С боя идущего вспять, пораженного острою медью,
Прянул к нему сквозь ряды и копьем, упредивши, ударил
В пах под живот; глубоко во внутренность медь погрузилась;
Пал Менетид и в унынии страшное ввергнул данаев.
Словно как вепря могучего пламенный лев побеждает,
Если на горной вершине сражаются, гордые оба,
Возле ручья маловодного, жадные оба напиться;
Вепря, уже задыхавшегось, силою лев побеждает,—
Так Менетида героя, уже погубившего многих,
Гектор великий копьем низложил и душу исторгнул.
Гордый победой над ним, произнес он крылатые речи:
«Верно, Патрокл, уповал ты, что Трою нашу разрушишь,
Наших супруг запленишь и, лишив их священной свободы,
Всех повлечешь на судах в отдаленную землю родную!
Нет, безрассудный! За них-то могучие Гектора кони,
К битвам летя, расстилаются по полю; сам копием я
Между героев троянских блистаю, и я-то надеюсь
Рабство от них отразить! Но тебя растерзают здесь враны!
Бедный! тебя Ахиллес, несмотря, что могуч, не избавил.
Верно, тебе он, идущему в битву, приказывал крепко:
Прежде не мысли ты мне, конеборец Патрокл, возвращаться
В стан мирмидонский, доколе у Гектора мужеубийцы
Брони, дымящейся кровию, сам на груди не расторгнешь!
Верно, он так говорил, и прельстил безрассудного душу».

Дышащий томно, ему отвечал ты, Патрокл благородный:
«Славься теперь, величайся, о Гектор! Победу стяжал ты
Зевса и Феба поспешеством: боги меня победили;
Им-то легко; от меня и доспехи похитили боги.
Но тебе подобные, если б мне двадцать предстали,
Все бы они полегли, сокрушенные пикой моею!

Пагубный рок, Аполлон, и от смертных Эвфорб дарданец
В брани меня поразили, а ты уже третий сражаешь.
Слово последнее молвлю, на сердце его сохраняй ты:
Жизнь и тебе на земле остается не долгая; близко,
Близко стоит пред тобою и Смерть, и суровая Участь
Пасть под рукой Ахиллеса, Эакова мощного внука».

Так говорящего, смертный конец осеняет Патрокла.
Тихо душа, излетевши из тела, нисходит к Аиду,
Плачась на жребий печальный, бросая и крепость и юность.

Но к Патроклу и к мертвому Гектор великий воскликнул:
«Что, мирмидонянин, ты предвещаешь мне грозную гибель?
Знает ли кто, не Пелид ли, сын среброногой Фетиды,
Прежде, моим копием пораженный, расстанется с жизнью?»

Так произнес он, и медную пику из мертвого тела
Вырвал, пятою нажав, и его опрокинул он навзничь.
После немедля против Автомедона с пикой понесся;
Мужа могучего он, Ахиллесовых коней возницу,
Свергнуть пылал; но возницу умчали быстрые кони,
Кони бессмертные, дар знаменитый бессмертных Пелею.

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ

ПОДВИГИ МЕНЕЛАЯ

Он не укрылся от сильного в бранях царя Менелая,
Храбрый Патрокл, пораженный троянами в пламенной битве.
Бросясь вперед, Менелай, ополченный сверкающей медью,
Около тела ходил, как вкруг юницы нежная матерь,
Первую родшая, прежде не знавшая муки рождений,—
Так вкруг Патрокла ходил герой Менелай светлокудрый,
Грозно пред ним и копье уставляя, и щит медноблящный,
Каждого, кто б ни приближился, душу исторгнуть готовый.
Но не мог пренебречь и Эвфорб, знаменитый копейщик,
Падшего в брани Патрокла героя; приближился к телу,
Стал и воскликнул к могучему в битвах царю Менелаю:
«Зевсов питомец, Атрид, повелитель мужей, удалися,
Тело оставь, отступись от моей ты корысти кровавой!

Прежде меня ни один из троян и союзников славных
В пламенной битве копьем не коснулся Патроклова тела.
Мне ты оставь меж троянами светлою славой гордиться;
Или, страшися, лишу и тебя я сладостной жизни!»

Вспыхнувши гневом, воскликнул Атрид, Менелай светлокудрый:
«Зевсом клянусь, не позволено так беспредельно кичиться!
Столько и лев не гордится могучий, ни тигр несмиримый,
Ни погибельный вепрь, который и большею, дикий,
Яростью в персях свирепствуя, грозною силою пышет,
Сколько Панфоевы дети, метатели копий, гордятся!
Но не спасла Гиперенора конника, гордого силой,
Младость его, как противу меня он с ругательством вышел:
Он вопиял, что презреннейший я меж данаями воин;
Но из битвы, я мню, не своими ногами пошел он
В доме возрадовать кровных своих и супругу младую.
Так и твою сокрушу я надменность, когда ты посмеешь
Ближе ко мне подойти! Но прими мой совет и скорее
Скройся в толпу; предо мною не стой ты, пока над тобою
Горе еще не сбылося! Событие зрит и безумный!»

Так он вещал; но Эвфорб непреклонный ответствовал снова:
«Нет, Менелай, расплатися теперь же со мной за убийство!
Брат мой тобою убит; и гордишься еще ты, что сделал
Горькой вдовою супругу его в новобрачном чертоге
И почтенных родителей в плач неутешный повергнул?
О! без сомнения, плачущим я утешением буду,
Если, сорвавши с тебя и главу, и кровавые латы,
В руки отдам их Панфою и матери нашей Фронтисе.
Но почто остается досель не испытанным подвиг
И не решенными битвой меж нами и храбрость и робость!»

Так произнес — и ударил противника в щит медноблящный;
Но, не проникшее меди, согнулось копейное жало
В твердом щите. И тогда устремился с убийственной медью
Царь Менелай, умоляющий пламенно Зевса владыку:
Вспять отскочившему он в основание горла Эвфорбу
Пику вонзил и налег, на могучую руку надежный;
Быстро жестокая медь пробежала сквозь нежную выю;
Грянулся оземь Эвфорб, и на нем загремели доспехи;
Кровью власы оросились, прекрасные, словно у граций,
Кудри, держимые пышно златой и серебряной связью.

Словно как маслина древо, которое муж возлелеял
В уединении, где искипает ручей многоводный,
Пышно кругом разрастается; зыблют ее, прохлаждая,
Все тиховейные ветры, покрытую цветом сребристым;
Но незапная буря, нашедшая с вихрем могучим,
С корнем из ямины рвет и по черной земле простирает,—
Сына такого Панфоева, гордого сердцем Эвфорба,
Царь Менелай низложил и его обнажал от оружий.
Словно как лев, на горах возросший, могучестью гордый,
Если из стада пасомого лучшую краву похитит,
Выю он вмиг ей крушит, захвативши в крепкие зубы;
После и кровь, и горячую внутренность всю поглощает,
Жадно терзая; кругом на ужасного псы и селяне,
Стоя вдали, подымают крик беспрерывный, но выйти
Против него не дерзают: бледный их страх обымает,—
Так из троянских мужей никого не отважило сердце
Против царя Менелая, высокого славою, выйти.
Скоро б к дружине понес велелепный доспех Панфоида
Сильный Атрид; но ему позавидовал Феб дальновержец:
Он на Атрида подвигнул подобного богу Арею
Гектора; в образе Мента, киконских мужей воеводы,
К Гектору Феб провещал, устремляя крылатые речи:
«Гектор! бесплодно ты рыщешь, преследуя неуловимых
Коней Пелида героя: Пелидовы кони жестоки!
Их укротить и управить для каждого смертного мужа
Трудно, кроме Ахиллеса, бессмертной матери сына!
Тою порой у тебя Атрейон, Менелай брапоносный,
Труп защищая Патроклов, храбрейшего воина свергнул,
Бурную мощь обуздал он Панфоева сына Эвфорба».

Рек,— и вновь обратился бессмертный к борьбе человеков.
Гектору горесть жестокая мрачное сердце стеснила;
Окрест себя обозрел он ряды и мгновенно увидел
Мужа, похитить спешащего светлый доспех, и другого,
В прахе простертого: кровь изливалась из раны широкой.
Бросился Гектор вперед, ополченный сверкающей медью,
Звучно кричащий и быстрый, как бурный пламень Гефестов.
И не укрылся от сына Атреева крик его звучный;
Думен Атрид совещался с своею душой благородной:
«Горе! когда я оставлю доспех сей прекрасный и брошу
Тело Патрокла, за честь мою положившего душу,
Каждый меня аргивянин осудит, который увидит!
Если ж на Гектора я и троян одинок ополчуся,

Бегства стыдяся, один окружен я множеством буду:
Всех троянцев сюда ведет шлемоблещущий Гектор.
Но почто у меня волнуется сердце в сих думах!
Кто, вопреки божеству, осмелится с мужем сражаться,
Богом хранимым, беда над главой того быстрая грянет.
Нет, аргивяне меня не осудят, когда уступлю я
Гектору сильному в брани: от бога воинствует Гектор.
Если ж Аякса я где-либо, духом бесстрашного, встречу,
С ним устремимся мы вновь и помыслим о пламенной битве,
Даже и противу бога, только бы тело Патрокла
Нам возвратить Ахиллесу; из зол бы то меньшее было».

Тою порою, как думы сии в уме обращал он,
Близко троян подступили ряды, и пред оными Гектор.
Вспять Менелай отступил и оставил Патроклово тело,
Часто назад озираясь, подобно как лев густобрадый,
Коего псы и народ от загона волов отгоняют
Копьями, криками; гордого зверя могучее сердце
Страхом стесняется; нехотя он от загона уходит,—
Так отошел от Патрокла герой Менелай светлокудрый,
Стал и назад обратился, приближася к сонму данаев.
Там он Аякса искал, Теламонова мощного сына;
Скоро увидел героя на левом крыле ратоборства,
Где он дружины свои ободрял, поощряя на битву;
Свыше ниспосланным ужасом их поразил дальновержец.
Он устремился к Аяксу и так восклицал, приближаясь:
«Друг Теламонид, сюда! за Патрокла сраженного в битву!
Может быть, сыну Пелееву мы возвратим хоть нагое
Тело его, а доспехи похитил убийственный Гектор».

Так говорил — и воинственный дух взволновал у Аякса.
Он устремился вперед, и при нем Менелай светлокудрый.
Гектор меж тем, обнаживши от славных доспехов Патрокла,
Влек, чтобы голову с плеч отрубить изощренною медью,
Труп же его изувеченный псам на съедение бросить.
Вдруг Теламонид, с щитом перед персями, башне подобным,
Грозный явился; и Гектор, назад отступивши к дружинам,
Прянул в свою колесницу; доспехи же отдал троянам
Несть в Илион, да хранятся ему на великую славу.
Но Теламонид, огромным щитом Менетида покрывши,
Грозен стоял, как становится лев пред своими детями,
Если ему, малосильных ведущему, в мрачной дубраве
Встретятся ловчие; он, раздражаясь, очами сверкает,

Хмурит чело до бровей, покрывая и самые очи,—
Сын Теламонов таков обходил Менетидово тело.
Подле его же, с другой стороны, Менелай брагоносный
Мрачен стоял, величайшую горесть в сердце питая.
Главк между тем Гипполохид, ликийских мужей воевода,
Грозно взирая на Гектора, горькой язвил укоризной:
«Гектор, герой по наружности! как ты далек от геройства!
Суетно добрая слава идет о тебе, малодушный!
Думай о способах, как от враждебных и град свой и замок
Можешь избавить один ты с мужами, рожденными в Трое.
Что до ликиян, вперед ни один не пойдет на данаев
Биться за град; никакой благодарности здесь не находит,
Кто ежедневно и ревностно с вашими бьется врагами.
Как же простого ты ратника в войске народном заступишь,
Муж злополучный, когда Сарпедона, и гостя и друга,
Предал без всякой защиты ахеянам в плен и добычу?
Мужа, толико услуг оказавшего в жизни как граду,
Так и тебе? Но и псов от него отогнать не дерзнул ты!
Если еще хоть один от ликийских мужей мне послушен,
Мы возвратимся в дома: приближается пагуба Трои! —
Если б имели трояне отважность и дух дерзновенный,
Дух, мужей обымающий, кои за землю родную
Против врагов и труды, и жестокие битвы подъемлют,
Скоро бы мы увлекли в илионские стены Патрокла.
Если ж бы славный мертвец сей в обитель владыки Приама,
В град Илион перешел, среди боя захваченный нами,
Скоро б ахейцы нам выдали пышный доспех Сарпедона;
Мы и его самого принесли б в илионские стены:
Ибо поврежен служитель героя, который славнее
Всех аргивян при судах и клевретов предводит храбрейших.
Ты ж не дерзнул Теламонову сыну, Аяксу герою,
Противостать и, бестрепетно смотря противнику в очи,
Прямо сразиться не смел: несравненно тебя он храбрее!»

Гневно на Главка взглянув, отвечал шлемоблещущий Гектор:
«Главк, и таков ты будучи, так говоришь безрассудно!
Мыслил, о друг, я доныне, что разумом ты превосходишь
Всех населяющих землю пространной державы ликийской;
Ныне ж твой ум совершенно порочу; и что ты вещаешь?
Ты вопиешь, что не смел я Аякса огромного встретить?
Нет, ни сраженья, ни топота конского я не страшился!
Но Кронида совет человеческих крепче советов:

Он устрашает и храброго, он и от мужа победу
Вспять похищает, которого сам же подвигнет ко брани.
Шествуй со мною, и стой близ меня, и рассматривай дело:
Целый ли день я останусь, как ты проповедуешь, робким;
Или какого-нибудь, и кипящего боем данайца,
Мужество я укрощу при защите Патроклова тела!»

Так произнес — и, троян возбуждающий, звучно воскликнул:
«Трои сыны, и ликийцы, и вы, рукоборцы дардане!
Будьте мужами, друзья, и воспомните бурную доблесть;
Я ж Ахиллеса героя оденуся бранным доспехом,
Славным, который добыл я, Патроклову мощь одолевши».

Так восклицающий, вышел из битвы пылающей Гектор,
Шлемом сияя; пустился бежать и настигнул клевретов
Скоро, еще не далеких, стремительно их догоняя,
Несших в святой Илион Ахиллесов доспех знаменитый.
Став от боя вдали, Приамид обменялся доспехом:
Свой разрешил и отдал, да несут в илионские стены
Верные други, а сам облекался доспехом бессмертным
Славного мужа Пелида, который небесные боги
Дали Пелею герою; Пелей подарил его сыну,
Старец; но сын под доспехом отца не успел состариться.

Зевс, олимпийский блистатель, узрев, как от битв удаленный
Гектор доспехом Пелида, подобного богу, облекся,
Мудрой главой покивал и в душе своей проглаголал:
«Ах, злополучный, душа у тебя и не чувствует смерти,
Близкой к тебе! Облекаешься ты бессмертным доспехом
Сильного мужа, которого все брановосцы трепещут!
Ты умертвил у него кроткодушного, храброго друга
И доспехи героя с главы и с рамен недостойно
Сорвал! Но дам я тебе одоление крепкое в брани
Мздою того, что из рук от тебя, возвратившегось с боя,
Славных оружий Пелида твоя Андромаха не примет!»

Рек — и манием черных бровей утвердил то Кронион.
Гектора тело доспех обольнул, и вступил ему в сердце
Бурный, воинственный дух; преисполнились все его члены
Силой и крепостью. Он к знаменитым друзьям Илиона
Шествовал с криком могучим, и взорам всех представлялся,
В блеске доспехов бессмертных, самим Ахиллесом великим.
Так обходящий ряды, ободрял воевод он речами:

Месфла, Ферсилоха, Медона, ветвь Гипполохову Главка,
Гиппофоя, Дезинора, Астеропея героя,
Хромия, Форка и славного в птицегаданье Эннома;
Сих возбуждал он вождей, устремляя крылатые речи:
«Слушайте, сонмы несметные наших друзей и соседей!
Я не искал многолюдства, и, нужду не в оном имея,
Вас из далеких градов собирал я в священную Трою.
Нет, но чтоб вы и супруг и детей неповинных троянских
Ревностно мне защищали от бранолюбивых данаев.
С мыслию сею и данями я, и припасами корма
Свой истощаю народ, чтобы мужество ваше возвысить.
Станьте ж в лицо сопротивных; и каждый из вас или гибни,
Или спасай свой живот! таково состояние ратных!
Кто между вами Патрокла, хотя и убитого, ныне
К сонму троян привлечет и пред кем Теламонид отступит,
Тот половину корыстей возьмет, половина другая
Будет моею; но славою он, как и я, да гордится».

Гектор сказал,— и они на данаев обрушились прямо,
Копья поднявши; надеждою гордой ласкалось их сердце,
Тело Патрокла отбить у Аякса, твердыни данаев.
Мужи безумные! многим при теле исторгнул он душу.
Их усмотревши, Аякс возгласил к Менелаю герою:
«Друг Менелай, питомец Зевеса! едва мы, как мыслю,
Сами успеем с тобой возвратиться живые из битвы!
Я беспокоюсь не столько о теле Менетия сына:
Скоро несчастный насытит и псов и пернатых троянских,—
Сколько страшусь о главе и своей и твоей, чтобы горе
Их не постигнуло; тучею брани здесь все покрывает
Гектор; и нам, очевидно, грозит неизбежная гибель!
Кличь, о любезный, данайских героев; быть может, услышат».

Так говорил, и послушал его Менелай светловласый,—
Голосом громким вскричал, призывая на помощь данаев:
«Други, вожди и правители мудрые храбрых данаев,
Вы, которые в пиршествах с нами, сынами Атрея,
Вместе народное пьете и каждый народом подвластным
Правите: власть бо и славу приемлете свыше от Зевса!
Каждого ныне из вас распознать предводителя воинств
Мне невозможно: сражения пламень кругом нас пылает!
Сами спешите сюда и, наполняся гордого гнева,
Быть Патроклу не дайте игралищем псов илионских!»
Так восклицал он,— и ясно услышал Аякс Оилеев;

Первый предстал к Менелаю, побоищем быстро пробегший;
Следом за ним Девкалид и сопутник царя Девкалида,
Муж Мерион, Эниалию равный, губителю смертных.
Прочих мужей имена кто мог бы на память поведать,
После пришедших и быстро восставивших битву данаев?

Прежде трояне напали громадой; предшествовал Гектор.
Словно, как в устьях реки, от великого Зевса ниспадшей,
Вал, при истоке, огромный ревет и высокие окрест
Воют брега от валов, изрыгаемых морем на сушу,—
Столько был шумен подъятый троянами клик; но данаи
Вкруг Менетида стояли, единым кипящие духом,
Крепко сомкнувшись щитами их медными. Свыше над ними,
Окрест их шлемов сияющих, страшный разлил громодержец
Мрак; никогда Менетид ненавистен владыке бессмертных
Не был, доколе дышал и служил Эакиду герою;
Не было богу угодно, чтоб снедию псов илионских
Стал Менетид,— и воздвиг он друзей на защиту героя.

Первые сбили трояне ахейских сынов быстрооких.
Тело оставя, побегли они; но ни воя меж ними
Трои сыны не сразили, надменные, как ни пылали;
Тело ж они увлекли; но вдали от него и данаи
Были не долго: их всех обратил с быстротою чудесной
Сын Теламона, и видом своим, и своими делами
Всех аргивян превышающий, после Пелида героя.
Ринулся он сквозь передних, могучестью вепрю подобный,
Горному вепрю, который и псов, и младых звероловцев
Всех, обращаяся быстро, легко рассыпает по дебри,—
Так Теламона почтенного сын, Аякс благородный,
Бросясь, рассыпал легко сопротивных густые фаланги,
Кои уже окружили Патрокла и сердцем пылали
В стены градские увлечь и великою славой покрыться.
Тело уж Гиппофоой, пеласгийского Лефа рожденье,
За ногу торопко влек по кровавому поприщу боя,
Около глезны, у жил, обвязавши ремнем перевесным;
Гектору сим и троянам хотел угодить он; но быстро
Гибель пришла, и не спас ни один из друзей пламеневших.
Грозный Аякс, на него сквозь разорванных толпищ обрушась,
Пикою врукопашь грянул по медноланитному шлему;
И расселся шелом густогривый под медяным жалом,
Быв поражен и огромным копьем, и рукою могучей.
Мозг по Аякса копью побежал из главы раздробленной,

Смешанный с кровью: исчезла могучесть; из трепетных дланей
Ногу Патрокла героя на землю пустил, и на месте
Сам он, лицом повалившися, пал подле мертвого мертвый,
Пал далеко от Лариссы родной; ни родителям бедным
Он не воздал за труды воспитания; век его краток
Был на земле, Теламонова сына копьем пресеченный.
Гектор меж тем на Аякса направил сияющий дротик.
Тот, хоть и в пору завидел, от быстронесущейся меди
Чуть уклонился; но Гектор Схедия, Ифитова сына,
Храброго мужа фокеян, который в славном Панопе
Домом богатым владел и властвовал многим народом,—
Мужа сего поразил под ключом: совершенно сквозь выю
Бурное жало копья и сквозь рамо вверху пробежало;
С шумом упал он на дол, и взгремели на падшем доспехи.
Мощный Аякс бранодушного Форка, Фенопсова сына,
Труп защищавшего Гиппофоя, ударил в утробу:
Лату брони просадила и внутренность медь сквозь утробу
Вылила; в прах повалившись, хватает рукою он землю.
Вспять отступили передних ряды и сияющий Гектор.
Крикнули громко данаи и Гиппофоя и Форка
Разом тела увлекли и с рамен их сорвали доспехи.

Скоро опять бы трояне от бранолюбивых данаев
Скрылися в град, побежденные собственной слабостью духа;
Славу ж стяжали б данаи, противу судеб громодержца,
Силой своею и доблестью; но Аполлон на данаев,
Гневный, Энея воздвигнул, образ приняв Перифаса,
Сына Эпитова: он при отце престарелом Энея,
Вестником быв, состарелся, исполненный кротких советов;
Образ приявши его, Аполлон провещал ко Энею:
«Как же могли б вы, Эней, защитить, вопреки и бессмертным,
Град Илион, как я некогда видел других человеков,
Крепко надежных на силу, на твердость сердец и на храбрость,
С меньшей дружиной своею, превысшею всякого страха!
Нам же и самый Кронид благосклоннее, чем аргивянам,
Хощет победы; но вы лишь трепещете, стоя без битвы!»

Так провещал,— и Эней пред собою познал Аполлона,
В очи воззревший, и крикнул он Гектору голосом звучным:
«Гектор и вы, воеводы троян и союзных народов!
Стыд нам, когда мы вторично от бранолюбивых данаев
Скроемся в град, побежденные собственной слабостью духа!
Нет, божество говорит,— предо мною оно предстояло,—

Зевс, промыслитель верховный, нам благосклонствует в брани!
Прямо пойдем на данаев! Пускай сопостаты спокойно
К черным своим кораблям не приближатся с телом Патрокла!»

Рек — и, из ряду переднего вылетев, стал перед войском.
Трои сыны обратились и стали в лицо аргивянам.
Тут благородный Эней, ополченный копьем, Леокрита,
Сына Аризбанта, сверг, Ликомедова храброго друга.
В жалость о падшем пришел Ликомед, благодушный воитель;
К телу приближился, стал и, сияющий ринувши дротик,
Он Апизаона, сына Гиппасова, сил воеводу,
В печень под сердцем пронзил и сломил ему крепкие ноги,
Мужу, который притек от цветущих полей пеонийских
И на битвах блистал, как храбрейший по Астеропее.
В жалость пришел о поверженном Астеропей бранодушный;
Прямо и он на данаев ударил, пылая сразиться:
Тщетная доблесть! Кругом, как стеной, ограждались щитами
Окрест Патрокла стоящие, острые копья уставив.
Их непрестанно Аякс обходил, убеждающий сильно:
Шагу назад отступать не приказывал сын Теламонов;
С места вперед не идти, чтоб вдали от дружины сражаться;
Крепко у тела стоять и при нем с нападающим биться.
Так убеждал их великий Аякс. Между тем заливалась
Кровью багряной земля, упадали одни на другие
Трупы как храбрых троян и союзников их знаменитых,
Так и данайских мужей; и они не без крови сражались;
Меньше лишь гибнуло их; помышляли они беспрестанно,
Как им друг друга в толпе защищать от опасности грозной.

Битва пылала, как огнь пожирающий; каждый сказал бы,—
Верно, на тверди небесной не цело ни солнце, ни месяц:
Мраком таким на побоище были покрыты герои,
Кои кругом Менетида, его защищая, стояли.
Прочие ж рати троян и красивопоножных данаев
Вольно сражались, под воздухом ясным; везде разливался
Пламенный солнечный свет, над равниною всей, над горами
Не было облака; с отдыхом частым сражался войски;
Стороны обе свободно от стрел уклонялися горьких,
Ратуясь издали. Здесь же, в средине, во мраке и сече
Горе терпели; нещадно жестокая медь поражала
Воев храбрейших. Но к двум брановосцам еще не достигла,
К славным мужам, Фразимеду и брату его Антилоху,
Весть, что не стало Патрокла; еще они мнили, что храбрый

Жив и пред первой фалангою ратует гордых пергамлян.
Оба они, от друзей отвращая убийство и бегство,
В поле отдельно сражались; так заповедовал Нестор,
В бой могучих сынов от ахейских судов посылая.

Те ж с одинаким неистовством спорили в страшном убийстве
Целый сей день; от труда непрерывного потом и прахом
Были колена, и ноги, и голени каждого воя,
Были и руки и очи покрыты на битве, пылавшей
Вкруг знаменитого друга Пелеева быстрого сына.
Словно когда человек вола огромного кожу
Юношам сильным дает растянуть, напоенную туком;
Те, захвативши ее и кругом расступившися, тянут
В разные стороны; влага выходит, а тук исчезает,
И, от многих влекущих, кругом расширяется кожа,—
Так и сюда и туда Менетида, на узком пространстве,
Те и другие влекли: несомненной надеждой пылали
Трои сыны к Илиону увлечь, а данайские мужи
К быстрым судам; и кругом его тела кипел ратоборный
Бурный мятеж; ни Арей, возжигатель мужей, ни Афина,
Видя его, не хулу б изрекла, и горящая гневом.

Подвиг такой за Патрокла, и воям и коням жестокий,
В день сей устроил Зевес. Но дотоле о смерти Патрокла
Вовсе не ведал герой Ахиллес, бессмертным подобный;
Рати далеко уже от ахейских судов воевали,
Близко троянской стены; не имел он и дум, что сподвижник
Пал; уповал он, что жив и, приближась к вратам Илиона,
Вспять возвратится; он ведал и то, что Приамова града,
Трои, Патрокл без него не разрушит, ни с ним совокупно.
Часто о том он слышал от матери: в тайных беседах
Сыну она возвещала совет великого Зевса;
Но беды жесточайшей, грозившей ему, не открыла
Нежная матерь: погибели друга, дражайшего сердцу.

Те ж неотступно у тела, уставивши острые копья,
Беспрерывно сшибались, один поражая другого.
Так восклицали иные от меднодоспешных данаев:
«Други данаи! бесславно для нас возвратиться отсюда
К нашему стану! На этом пусть месте утроба земная,
Мрачная, всех нас поглотит! И то нам отраднее будет,
Нежели тело сие попустить конеборцам троянам
С поля увлечь в Илион и сияющей славой покрыться!»

Так же иной говорил и в дружине троян крепкодушных:
«Други, хотя бы нам должно у трупа сего и погибнуть
Всем до последнего, с поля сего не сойдем ни единый!»

Так восклицали трояне — и дух у друзей распаляли.
Яростно бились воины; гром, раздаваясь, железный
К медному небу всходил по пустынным пространствам эфира.

Кони Пелеева сына, вдали от пылающей битвы,
Плакали стоя, с тех пор как почуяли, что их правитель
Пал, низложенный во прах, под убийственной Гектора дланью.
Сын Диореев на них Автомедон, возатай искусный,
Сильно и с быстрым бичом налегал, понуждающий к бегу,
Много и ласк проговаривал, много и окриков делал:
Но ни назад, к Геллеспонту широкому, в стан мирмидонский,
Кони бежать не хотели, ни в битву к дружинам ахейским.
Словно как столп неподвижен, который стоит на кургане,
Мужа усопшего памятник или жены именитой,—
Так неподвижны они в колеснице прекрасной стояли,
Долу потупивши головы; слезы у них, у печальных,
Слезы горючие с вежде на черную капали землю,
С грусти по храбром правителе; в стороны пышные гривы
Выпав из круга ярма, у копыт осквернялися прахом.—
Коней печальных узрев, милосердовал Зевс промыслитель
И, главой покивав, в глубине проглаголал душевной:
«Ах, злополучные, вас мы почто даровали Пелею,
Смертному сыну земли, не стареющих вас и бессмертных?
Разве, чтоб вы с человеками бедными скорби познали?
Ибо из тварей, которые дышат и ползают в прахе,
Истинно в целой вселенной несчастнее нет человека.
Но не печальтеся: вами отнюдь в колеснице блестящей
Гектор не будет везом торжествующий: не попущу я!
Иль не довольно, что он Ахиллеса доспехом гордится?
Вам же я новую крепость вложу и в колена и в сердце;
Вы Автомедона здравым из пламенной брани спасите
К черным судам, а троянам еще я славу дарую
Рать побивать, доколе судов мореходных достигнут,
И закатится солнце, и мраки священные снидут».

Так произнес он — и коням вдохнул благородную силу.
Кони, от грив пресмыкавшихся прах отряхнувши на землю,
Вдруг с колесницею быстрой меж двух ополчений влетели.
Ими напал Автомедон, хотя и печальный по друге;

Он на конях налетал, как на стаю гусиную коршун.
Быстро и вспять убегал от свирепости толпищ троянских,
Быстро скакал и вперед, обращающий толпища в бегство.
Но, в погоню бросаяся, он не сражал сопротивных;
Не было средства ему, одному в колеснице священной,
Вдруг и копье устремлять, и коней укрощать быстролетных.
Скоро увидел его мирмидонянин, сердцу любезный,
Искренний друг Алкимедон, Лаеркея сын Эмонида;
Сзади приближился он и вещал к Автомедону громко:
«Друг Автомедон, какой из бессмертных совет бесполезный
В сердце тебе положил и суждение здравое отнял?
Что ты противу троян, впереди, одинокий воюешь?
Друг у тебя умерщвлен, а бронею, с него совлеченной,
Перси покрыв, величается Гектор, броней Ахиллеса!»

Быстро ему с колесницы вещал Диорид Автомедон:
«Кто, Алкимедон могучий, как ты, из ахеян искусен
Коней бессмертных в деснице держать и покорность и ярость?
Был Менетид, искусством ристателя, в дни своей жизни,
Равный богам; но великого смерть и судьба одолела!
Шествуй, любезный; и бич, и блестящие конские вожжи
В руки прими ты; а я с колесницы сойду, чтоб сражаться».

Так произнес; Алкимедон на бранную стал колесницу;
Разом и бич и бразды захватил в могучие руки;
Но Диорид соскочил; и узрел их сияющий Гектор,
И к Энею герою, стоящему близко, воскликнул:
«Храбрый Эней, меднолатный дарданцев советник верховный!
Я примечаю коней быстроногого мужа Пелида,
В битве явившихся вновь, но с возницами, робкими духом.
Я уповаю добыть их, когда и твое совокупно
Сердце готово; уверен, когда нападем мы с тобою,
Противостать не посмеют они, чтобы с нами сразиться».

Рек,— и послушался Гектора сын знаменитый Анхизов:
Бросился прямо, уставив пред персями тельчие кожи,
Крепкие кожи сухие, покрытые множеством меди.
С ними и Хромий герой и Арет, красотой небожитель,
Бросились оба; надеждою верной ласкалось их сердце
И возниц поразить, и угнать их коней крутовыйных.
Мужи безумцы! они не без крови должны возвратиться
Вспять от возниц. Автомедон едва помолился Крониду,

Силою в нем и отвагой наполнилось мрачное сердце.
Быстро воззвал Диорид к Алкимедону, верному другу:
«Друг Алкимедон! держись от меня недалече с конями;
Пусть за хребтом я слышу их пышущих: ибо уверен,
Гектор, на нас устремленный, едва ль обуздает свирепство,
Прежде пока не взойдет на коней Ахиллесовых бурных,
Нас обоих умертвив, и покуда рядов не погонит
Воинств ахейских иль сам пред рядами не ляжет сраженный!»

Так произнесши, к Аяксам воззвал и к царю Менелаю:
«Царь Менелай и аргивских мужей воеводы Аяксы!
Храбрым другим аргивянам поверьте заботу о мертвом;
Пусть окружают его и враждебных ряды отражают;
Вы же от нас, от живых, отразите грозящую гибель!
Здесь нападают на нас, окруженных плачевным убийством,
Гектор герой и Эней, храбрейшие воины Трои!
Впрочем, еще то лежит у бессмертных богов на коленах:
Мчись и мое копие, а Кронион решит остальное!»

Рек он — и, мощно сотрясши, поверг длиннотенную пику,
И ударил Арета в блистательный щит круговидный;
Щит копия не сдержал: сквозь него совершенно проникло
И сквозь запон блистательный в нижнее чрево погрузло.
Так, если юноша сильный, с размаху секирою острой
В голову, между рогами, степного тельца поразивши,
Жилу совсем рассечет; подскочивши, телец упадает,—
Так подскочил он и навзничь упал; изощренная — сильно
Медь у Арета в утробе сотрясшись, разрушила крепость.
Гектор пустил в Автомедона пикой своею блестящей;
Тот же, приметив ее, избежал угрожающей меди,
Быстро вперед наклонясь; за хребтом длиннотенная пика
В черную землю вонзилась и верхним концом трепетала
Долго, пока не смирилася ярость убийственной меди.
И они б на мечах рукопашно сразиться сошлися;
Но Аяксы могучие пламенных их разлучили,
Оба пришедши сквозь сечу на дружеский голос призывный.
Их устрашася могучих, стремительно вспять отступили
Гектор герой, и Эней Анхизид, и божественный Хромий;
Друга Арета оставили там, прободенного в сердце,
В прахе лежащего; сын Диореев, Арею подобный,
С тела оружия сорвал и так, торжествуя, воскликнул:
«Ах, наконец хоть несколько я о Патрокловой смерти
Горесть от сердца отвел, хотя и слабейшего свергнув!»

Рек — и, подняв, в колесницу корысти кровавые бросил;
Быстро поднялся и сам, по рукам и ногам отовсюду
Кровью облитый, как лев истребительный, тура пожравший.

Окрест Патрокла с свирепостью новою брань загоралась,
Тяжкая, многим плачевная; бой распаляла Афина,
С неба нисшедши: ее ниспослал промыслитель Кронион
Дух аргивян возбудить: обратилося к ним его сердце.
Словно багряную радугу Зевс простирает по небу,
Смертным являющий знаменье или погибельной брани,
Или годины холодной, которая пахарей нудит
В поле труды прерывать, на стада же унылость наводит,—
Дочь такова громодержца, в багряный одетая облак,
К сонму данаев сошла и у каждого дух распаляла.
К первому сыну Атрея богиня, помощная в бранях,
Бывшему ближе других, Менелаю герою воззвала,
Феникса старца приявшая образ и голос могучий:
«Стыд и позор, Менелай, на тебя упадет вековечный,
Если Пелида великого — верного друга Патрокла,
Здесь, под стеною троянскою, быстрые псы растерзают!
Действуй решительно, все возбуди ополченья данаев!»

Быстро ответствовал ей Менелай, знаменитый воитель:
«Феникс, отец, давнородившийся старец! да даст Тритогена
Крепость деснице моей и спасет от убийственных копий!
В сечу готов я лететь, готов отстаивать тело
Друга Патрокла: глубоко мне смерть его тронула душу!
Но свирепствует Гектор, как бурный огонь; непрестанно
Все истребляет кругом: громовержец его прославляет!»

Рек,— и наполнилась радостью дочь светлоокая Зевса:
Ибо ее от бессмертных молящийся первую призвал.
Крепость ему в рамена и в колена богиня послала,
Сердце ж наполнила смелостью мухи, которая, мужем
Сколько бы крат ни была, дерзновенная, согнана с тела,
Мечется вновь уязвить, человеческой жадная крови,—
Смелость такая Атриду наполнила мрачное сердце.
Бросился он к Менетиду и ринул блестящую пику.
Был меж троянами воин Подес, Этионова отрасль,
Муж и богатый и славный, отлично меж граждан троянских
Гектором чтимый, как друг, и в пирах собеседник любезный.
Мужа сего, обратившегось в бегство, Атрид светловласый
В запон копьем поразил, и насквозь его медь просадила;

С шумом он грянулся в прах; и Атрид Менелай дерзновенно
Мертвого к сонму друзей от троян повлек одинокий.
Гектора тою порой возбуждал стреловержец, явися,
Фенопса образ приявши, который Приамову сыну
Другом любезнейшим был, Абидоса приморского житель;
Образ приявши его, провещал Аполлон стреловержец:
«Кто ж еще более, Гектор, тебя устрашит из данаев,
Ежели ты Менелая трепещешь? Был он доныне
Воин в сраженьях слабый, а ныне один от пергамян
Тело влечет! У тебя умертвил он любезного друга,
Храброго, в первом ряду, Этионова сына, Подеса!»

Рек,— и покрыло Гектора облако мрачное скорби;
Он устремился вперед, потрясая сверкающей медью.
В оное время Кронион приял свой эгид бахромистый,
Пламеннозарный, и, тучами черными Иду покрывши,
Страшно блеснул, возгремел и потряс громовержец эгидом,
Вновь посылая победу троянам и бегство данаям.

Бегство ужасное начал вождь Пенелей беотиец.
Он, беспрестанно вперед устремляяся, в рамо был ранен
Сверху скользнувшим копьем; но рассекло тело до кости
Полидамаса оружие: он его врукопашь ранил.
Гектор ударом копья Алектриона сыну, Леиту,
Руку близ кисти пронзил и унял его рьяную храбрость;
Он побежал, озираясь; более в сердце не чаял
Острою пикой владеть и сражаться с народом троянским.
Гектора ж Идоменей, на Лепта летевшего, прямо
В грудь, у сосца, по блестящему панцирю пикой ударил:
Пика сломилась у трубки огромная; крикнула громко
Сила троянская. Гектор направил копье в Девкалида
(Он в колеснице стоял) и немного в него не уметил;
Керана он поразил, Мерионова друга-возницу,
Мужа, который за ним из цветущего следовал Ликта.
(Пешим сперва Девкалид от судов мореходных явился
В битву и, верно, б троянам великую славу доставил,
Если бы Керан скорее коней не пригнал быстроногих:
Светом царю он явился, годину отвел роковую,
Сам же — дух свой предал под убийственной Гектора дланью.)
Гектор его копием улучает под челюсть, и зубы
Вышибла острая медь и язык посредине рассекла;
Он с колесницы падет и бразды разливает по праху.
Их Мерион, наклоняся поспешно, своими руками

С праха земного подъял и воскликнул к царю Девкалиду:
«Быстро гони, Девкалион, пока до судов не домчишься!
Ныне ты видишь и сам, что победа уже не ахеян!»

Рек,— и бичом Девкалион хлестнул по коням лепогривым,
Правя к судам; боязнь Девкалиону пала на сердце.
В оное же время постиг и Аякс, и Атрид световласый
Волю Кронида, что Трои сынам даровал он победу.
Слово пред воинством начал Аякс Теламонид великий:
«Горе, о други! Теперь уж и тот, кто совсем малосмыслен,
Ясно постигнет, что славу Кронион троянам дарует!
Стрелы троянские, кто б ни послал их, и слабый и сильный,
Все поражают: Кронид без различия все направляет;
Стрелы же наши у всех бесполезно валятся на землю!
Но решимся, данаи, и сами помыслим о средстве,
Как Менетидово тело увлечь от враждебных, и вместе
Как, и самим возвратяся, друзей нам возрадовать милых,
Кои, взирая на нас, сокрушаются; более, мыслят,
Гектора мужеубийцы ни силы, ни рук необорных
Мы не снесем, но в суда мореходные бросимся к бегству.
О, если б встретился друг, к объявлению вести способный
Сыну Пелееву; он, как я думаю, вовсе не слышал
Вести жестокой, не знает, что друг его милый погибнул.
Но никого я такого не вижу в дружине ахейской.
Мраком покрыты глубоким и ратные мужи, и кони!
Зевс, наш владыка, избавь аргивян от ужасного мрака!
Дневный свет возврати нам, дай нам видеть очами!
И при свете губи нас, когда уже так восхотел ты!»

Так говорил,— и слезами героя отец умилился:
Быстро и облак отвел, и мрак ненавистный рассеял;
Солнце с небес засияло, и битва кругом осветилась.
И Аякс Теламонид воззвал к Менелаю Атриду:
«Ныне смотри, Менелай благородный, и если живого
Можешь обресть Антилоха, почтенного Нестора сына,
Сам убеди, да скорее идет Ахиллесу герою
Весть объявить, что любезнейший друг его в брани погибнул!»

Так говорил,— и послушал его Менелай светловласый;
Но уходил от побоища, словно как лев от загона,
Где наконец истомился, и псов и мужей раздражая.
Зверю они не дающие тука от стад их похитить,
Целую ночь стерегут, а он, алкающий мяса,

Мечется прямо, но тщетно ярится: из рук дерзновенных
С шумом летят, устремленному в сретенье, частые копья,
Главни горящие; их устрашается он, и свирепый,
И со светом Зари удаляется, сердцем печален,—
Так от Патрокла герой отошел, Менелай светловласый,
С сильным в душе нехотеньем: он трепетал, да ахейцы,
В пагубном страхе, Патрокла врагам не оставят в добычу;
Сильно еще убеждал Мериона и храбрых Аяксов:
«Други Аяксы и ты, Мерион, аргивян воеводы!
Вспомните кротость душевную бедного друга Патрокла,
Вспомните все вы; доколе дышал, приветен со всеми
Быть он умел, но теперь он постигнут судьбою и смертью!»

Так говорящий друзьям, уходил Менелай светловласый,
Смотря кругом, как орел быстропарный, который, вещают,
Видит очами острее всех поднебесных пернатых:
Как ни высоко парит, от него не скрывается заяц
Легкий, под темным кустом притаившийся; он на добычу
Падает, быстро уносит и слабую жизнь исторгает,—
Так у тебя, Менелай благородный, светлые очи
Быстро вращались кругом по великому сонму ахеян,
Жадные встретить живого еще Антилоха младого.
Скоро его он увидел на левом краю ратоборства,
Где ободрял он друзей, возбуждая на крепкую битву.
Близко к нему подходя, возгласил Менелай светловласый:
«Шествуй сюда, Антилох, услышишь ты, Зевсов питомец,
Горькую весть, какой никогда не должно бы свершаться!
Ты, я уверен, и собственным взором уже наблюдая,
Видишь, какое бедствие бог на данаев обрушил!
Видишь, победа троян! Поражен аргивянин храбрейший;
Пал наш Патрокл! Беспредельная горесть данаев постигла!
Друг, к кораблям фессалийским немедля беги, Ахиллесу
Весть объявить; не успеет ли он спасти хоть нагое
Тело Патрокла: доспехи совлек торжествующий Гектор!»

Так говорил; Антилох ужаснулся, услышавши речи;
Долго стоял он, от ужаса нем; но у юноши очи
Быстро наполнились слез, и поднявшийся голос прервался.
Но не презрел он и так повелений царя Менелая:
Бросился, ратный доспех Лаодоку любезному вверив,
Другу, державшему подле коней его твердокопытых.
Быстро, лиющего слезы, несли его ноги из боя,
Чтобы сыну Пелея ужасное слово поведать.

Сердцу, Атрид, твоему не угодно, божественный, было
Тех утесненных друзей защищать, которых оставил
Несторов сын: в сокрушении горьком остались пилосцы;
К ним Менелай послал Фразимеда, подобного богу;
Сам же опять полетел на защиту Патрокла героя;
Вместе с Аяксами стал и вещал к ним крылатое слово:
«Я Антилоха послал к мирмидонским судам мореходным,
С вестию сыну Пелееву быстрому; но, я уверен,
Он не придет, хоть и страшно на Гектора мощного гневен.
Как он, лишенный оружия, в битву с троянами вступит?
Сами собою, данаи, придумаем способ надежный,
Как и сраженного друга спасем от враждебных, и сами
Как под грозою троян от судьбы и от смерти избегнем».

И Атриду ответствовал сын Теламона великий:
«Все справедливо, что ты ни вещал, Менелай знаменитый.
Бросьтеся ж, ты и Молид Мерион; наклонитеся быстро
Тело поднять и несите из боя; а мы позади вас
Будем сражаться с народом троянским и Гектором мощным,
Мы, равносильные, мы, сопменные, кои и прежде
Бурные грозы Арея, друг с другом сложась, выносили».

Рек,—и они, от земли подхвативши, подняли тело
Вверх и высоко и мощно; ужасно завопили сзади
Трои сыны, лишь узрели данаев, подъемлющих тело;
Бросились прямо, подобно как псы на пустынного вепря,
Если он ранен, летят впереди молодых звероловцев;
Быстро сначала бегут, растерзать нетерпеньем пылая;
Но, едва он на них оборотится, силою гордый,
Мечутся вспять и кругом рассыпаются друг перед другом,—
Так и трояне сначала толпой неотступно неслися,
В тыл аргивянам колебля мечи и двуострые копья;
Но едва лишь Аяксы, на них обратясь, становились,—
Лица бледнели троян, и от них не дерзал ни единый
Выйти вперед, чтоб с оружием в длани за тело сразиться.

Так усердно они уносили Патрокла из боя
К стану судов мореходных; но бой возрастал по следам их,
Бурный, подобно как огнь, устремленный на град человеков;
Вспыхнувши вдруг, пожирает он всё; рассыпаются зданья
В страшном пожаре, который шумит, раздуваемый ветром,—
Так и коней колесничных, и воинов меднодоспешных

Бранный, неистовый шум по следам удалявшихся несся.
Те ж, как яремные мески, одетые крепкою силой,
Тянут с высокой горы, по дороге жестокобугристой,
Брус корабельный иль мачту огромную; рьяные, вместе
Страждут они от труда и от пота, вперед поспешая,—
С рвеньем таким аргивяне Патрокла несли. Позади их
Бой отражали Аяксы, как холм — разъяренные воды,
Лесом поросший, чрез целое поле протяжно лежащий;
Он и могучие реки, с свирепостью волн их встречая,
Держит и, весь их напор отражая, в долины другие
Гонит; его же не в силах могучие реки расторгнуть,—
Так непрестанно Аяксы, держась позади, отражали
Битву троян; но враги наступали, и два наипаче,
Мощный Эней Анхизид и шлемом сверкающий Гектор.
И как туча скворцов или галок испуганных мчится
С криками ужаса, если увидят сходящего сверху
Ястреба, страшную смерть наносящего мелким пернатым,—
Так пред Энеем и Гектором юноши рати ахейской
С воплем ужасным бежали, забывши воинскую доблесть.
Множество пышных оружий усеяли ров и окрестность
В пагубном бегстве данаев; и бранная буря не молкла.

ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ОРУЖИЯ

Так ратоборцы сражались, огням подобно свирепым.
Но Антилох к Ахиллесу стремительно с вестью приходит,
Видит его одного: при судах островерхих сидел он,
В сердце о том размышляющий, что перед ним совершалось.
Тихо вздохнув, говорил он с своею душою великой:
«Горе! что думать? почто кудревласые чада Эллады
Снова назад к кораблям в беспорядке бегут по долине?
О, не свершили ли боги несчастий, ужаснейших сердцу,
Кои мне матерь давно предвещала; она говорила:
В Трое, прежде меня, мирмидонянин, в брани храбрейший,
Должен под дланью троянской расстаться с солнечным светом.
Боги бессмертные, умер Менетиев сын благородный!
Ах, злополучный! А я умолял, чтоб, огонь отразивши,
Он возвратился и с Гектором в битву вступать не дерзал бы!»

Тою порою, как думы сии в уме обращал он,
Несторов сын знаменитый к нему приближается грустный,
Слезы горячие лиющий, и страшную весть произносит:
«Горе мне, храбрый, любезный Пелид! От меня ты услышишь
Горькую весть, какой никогда не должно бы свершиться!
Пал наш Патрокл! и уже загорелася битва за тело;
Он уже наг; совлек все оружие Гектор могучий!»

Рек,— и Пелида покрыло мрачное облако скорби.
Быстро в обе он руки схвативши нечистого пепла,
Голову всю им осыпал и лик осквернил свой прекрасный;
Риза его благовонная вся почернела под пеплом.
Сам он, великий, пространство покрывши великое, в прахе
Молча простерся и волосы рвал, безобразно терзая.
Жены младые, которых и он и Патрокл полонили,
В грусти глубокой завопили громко и, быстро из сени
Все к Ахиллесу великому выбежав, руки ломали,
Бились в перси, доколе у всех подломилися ноги.
Подле младой Антилох тосковал, обливаясь слезами,
И Ахиллеса, стенящего горестно, руку держал он,
В страхе, да вын железом себе не пронзит исступленный.
Страшно он, плача, вопил; и услышала вопль его матерь
В безднах глубокого моря, в чертогах родителя старца;
Горько сама возопила; и к ней собирались богини,
Все из моря глубокого сестры ее, нереиды:
Вдруг Кимодока явилась, и Фалия нимфа, и Главка,
Спея, Несея, и Фоя, и Галия, светлая взором;
Вслед Кимофоя спешила, и с ней Лимнория, Актея,
Нимфа Мелита, Иера, Агава, за ней Амфифоя,
Дота, Прота, Феруза, Орифия и Амфинома;
Каллианира пришла, Дексамена с младой Динаменой;
Нимфа Дориса, Панопа, краса нереид Галатея,
Нимфа Нимерта, Апсевда и нежная Каллианасса;
Там и Климена была, Ианира с младой Ианассой,
Мера и с ней Амафея, роскошноволосая нимфа;
Все из моря глубокого сестры ее, нереиды.
Ими вертеп серебристый наполнился; все они вместе
Бились в перси, и громко меж них возопила Фетида:
«Сестры мои, нереиды, внемлите вы все мне, богини!
Все вы узнайте, какие печали терзают мне душу!
Горе мне бедной, горе несчастной, героя родившей!
Так, родила я душой благородного, храброго сына,
Первого между героев! Возрос он, как пышная отрасль,

Я воспитала его, как прекраснейший цвет в вертограде;
Юного в быстрых судах отпустила на брань к Илиону
Ратовать храбрых троян, и его никогда не увижу
В доме отеческом, в светлых чертогах супруга Пелея!
Но, пока и живет он, и солнца сияние видит,
Должен страдать; и ему я помочь не могу, и пришедши!
Но иду я, чтоб милого сына увидеть, услышать,
Горесть какая постигла его, непричастного брани!»

Так произнесши, вертеп оставляет; за нею и сестры,
Плача, выходят, и вкруг нереид расступаются с шумом
Волны морские. Они, плодоносной достигнувши Трои,
Тихо одна за другою выходят на берег, где рядом
Все корабли мирмидонян стояли кругом Ахиллеса.
Нежная матерь к нему, стенящему горько, предстала,
С горестным воплем главу обхватила у милого сына
И, рыдая сама, говорила крылатые речи:
«Что ты, о сын мой, рыдаешь? Какая печаль посетила
Душу твою? Не скрывайся, скажи! Громовержец исполнил
Всё, о чем ты его умолял с воздеянием дланей:
Все до корм корабельных данайские прогнаны рати,
Жаждут тебя одного и позорные бедствия терпят».

Ей, тяжело воздохнув, отвечал Ахиллес быстроногий:
«Знаю, о матерь, Зевес громовержущий все мне исполнил.
Но какая в том радость, когда потерял я Патрокла,
Милого друга! Его из друзей всех больше любил я;
Им, как моею главой, дорожил; и его потерял я!
Гектор убийца похитил с него и доспех тот огромный,
Дивный, богами дарованный, дар драгоценный Пелею
В день, как, богиню, тебя на смертного ложе повергли.
О, почто не осталась ты нимфой бессмертною моря!
О, почто и Пелей не избрал себе смертной супруги!
Должно теперь и тебе бесконечную горесть изведать,
Горесть о сыне погибшем, которого ты не увидишь
В доме отеческом! ибо и сердце мое не велит мне
Жить и в обществе быть человеческом, ежели Гектор,
Первый, моим копием пораженный, души не извергнет
И за грабеж над Патроклом любезнейшим мне не заплатит!»

Матерь, слезы лиющая, снова ему говорила:
«Скоро умрешь ты, о сын мой, судя по тому, что вещаешь!
Скоро за сыном Приама конец и тебе уготован!»

Ей, тяжело воздохнув, отвечал Ахиллес быстроногий:
«О, да умру я теперь же, когда не дано мне и друга
Спасть от убийцы! Далёко, далёко от родины милой
Пал он; и, верно, меня призывал, да избавлю от смерти!
Что же мне в жизни? Я ни отчизны драгой не увижу,
Я ни Патрокла от смерти не спас, ни другим благородным
Не был защитой друзьям, от могучего Гектора падшим:
Праздный сижу пред судами, земли бесполезное бремя,
Я, которому равного между героев ахейских
Нет во брани, хотя на советах и многие лучше.
О, да погибнет вражда от богов и от смертных, и с нею
Гнев ненавистный, который и мудрых в неистовство вводит.
Он в зарождении сладостней тихо струящегось меда,
Скоро в груди человека, как пламенный дым, возрастает!
Гневом таким преисполнил меня властелин Агамемнон.
Но забываем мы всё прежде бывшее, как ни прискорбно;
Гнев оскорбленного сердца в груди укрощаем, по нужде.
Я выхожу, да главы мне любезной губителя встречу,
Гектора! Смерть же принять готов я, когда ни рассудят
Здесь мне назначить ее всемогущий Кронион и боги!
Смерти не мог избежать ни Геракл, из мужей величайший,
Как ни любезен он был громоносному Зевсу Крониду;
Мощного рок одолел и вражда непреклонная Геры.
Так же и я, коль назначена доля мне равная, лягу,
Где суждено; но сияющей славы я прежде добуду!
Прежде еще не одну между жен полногрудых троянских
Вздохами тяжкими грудь раздирать я заставлю и в горе
С нежных ланит отирать руками обеими слезы!
Скоро узнают, что долгие дни отдыхал я от брани!
В бой выхожу; не удерживай, матерь; ничем не преклонишь!»

Вновь отвечала ему среброногая матерь Фетида:
«Ты говоришь справедливо, любезнейший сын: благородно
Быть для друзей угнетенных от бед и от смерти защитой.
Но доспех твой прекрасный... во власти троян напыщенных;
Медяным, светлосияющим им шлемоблещущий Гектор
Перси покрыв, величается! Но уповаю, не долго
В нем величаться троянцу: погибель его не далёко!
Но и ты, мой сын, не вступай в боевую тревогу,
Снова пока не приду я и сам ты меня не увидишь:
Завтра я рано сюда с восходящим солнцем явлюся
И прекрасный доспех для тебя принесу от Гефеста».

Так говоря, отвратилась богиня от скорбного сына
И, обратяся к сестрам, нереидам морским, говорила:
«Сестры мои, погрузитеся в лоно пространного моря,
В дом возвратитесь отца, и, увидевши старца морского,
Всё вы ему возвестите, а я на Олимп многохолмный,
Прямо к Гефесту иду: не захочет ли славный художник
Дать моему Ахиллесу блистательных славных оружий».

Так изрекла,— и они погрузилися в волны морские.
Прямо на светлый Олимп устремилась богиня Фетида,
Быстро идя, чтоб принесть оружия милому сыну;
Быстро к Олимпу ее возносили стопы. Но ахейцы
С криком ужасным тогда, перед Гектором людоубийцей
В страхе бежа, к кораблям и зыбям Геллеспонта примчались.
Тщетно ахеяне меднопоножные рвались Патрокла
Спасть из-под вражеских стрел, Ахиллесова мертвого друга,
Снова Патрокла настигли толпы и народа и коней,
С коими Гектор вослед его гнался, как бурное пламя.
За ноги трижды хватал шлемоблещущий Гектор Патрокла,
Вырвать пылая, и страшно кричал он, троян призывая;
Трижды Аяксы его отражали от тела своею
Бурною силой; но Гектор упорно, на силу надежный,
То нападал на столпившихся, то становился и громким
Криком своим призывал; но назад отступить он не думал.
Словно как пылкого льва отпугнуть от кровавого трупа
Пастыри в поле ночные, яримого гладом, не могут,—
Так не могли совокупные, храбрые оба Аяксы
Гектора, Трои вождя, отогнать от Патроклова тела.
Он овладел бы, покрылся бы он беспредельною славой,
Если б герою Пелиду подобная вихрям Ирида
С вестью, да к брани воздвигнется, быстро с небес не явилась,
Тайно от Зевса и прочих богов устремленная Герой.
Вестница стала пред ним и крылатые речи вещала:
«К брани воздвигнись, ужаснейший муж, Пелейон быстроногий!
Тело Патрокла спаси; за него пред судами восстала
Бурная сеча; неистово в ней убивают друг друга:
Мужи ахейские, чтоб отстоять бездыханное тело,
Мужи троянские, чтоб овладеть и умчать к Илиону,
Пламенно рвутся; но пламенней всех броневлещущий Гектор
Жаждет увлечь, и Патроклову голову он замышляет
С белой выи срубить и на кол вонзить в поруганье.
Шествуй, не время покоиться; ужас ты в сердце почувствуй,

Если Патрокл твой будет игралищем псов плюнских!
Срам на тебе, если тело его искаженное придет!»

К ней, воздохнув, говорил быстроногий Пелид знаменитый:
«Кем ты, бессмертная, вестницей мне послана от бессмертных?»

Вновь отвечала ему подобная ветрам Ирида:
«Гера меня ниспослала, священная Зевса супруга,
Тайно; не знает сего ни высокопрестольный Кронион,
Ни другой из бессмертных, на снежном Олимпе живущих».

Ей ответствовал вновь быстроногий Пелид знаменитый:
«Как мне в сраженье выйти? Доспех мой у них, у враждебных!
Матерь же милая мне возбранила на бой ополчаться
Прежде, поколе ее возвратившуюсь здесь не увижу,
Мне обещая принесть от Гефеста доспех велелепный.
Здесь же не ведаю, чьим мне облечься оружием крепким?
Щит мне споручен один — Теламонова сына Аякса;
Но и сам он, я мню, подвизается между передних,
Пикой врагов истребляя вокруг Менетидова тела».

Вновь отвечала герою подобная ветрам Ирида:
«Знаем мы все, что твоим овладели оружием славным.
Но без оружий приближься ко рву, покажися троянам:
Лик твой узрев, ужаснутся трояне и, может быть, бросят
Пламенный бой; а данайские храбрые мужи отдохнут,
Боем уже истомленные; краток в сраженьях отдых».

Так говоря, отлетела подобная ветрам Ирида.
И восстал Ахиллес, громовержцу любезный; Паллада
Мощные плечи его облачила эгидом кистистым;
Облак ему вкруг главы обвила золотой Тритогена
И кругом того облака пламень зажгла светозарный,
Словно как дым, подымаясь от града, восходит до неба,
С острова дальнего, грозных врагов окруженного ратью,
Где, от утра до вечера, споря в ужасном убийстве,
Граждане бьются со стен; но едва сокрывается солнце,
Всюду огни зажигают маячные; свет их высоко
Всходит и светит кругом, да живущие окрест увидят
И в кораблях, отразители брани, скорее примчатся,—
Так от главы Ахиллесовой блеск подымался до неба.
Вышед за стену, он стал надо рвом; но с народом ахейским,

Матери мудрой завет соблюдая, герой не мешался;
Там он крикнул с раската; могучая вместе Паллада
Крик издала; и троян обуял неописанный ужас.
Сколь поразителен звук, как труба загремит, возвещая
Городу приступ врагов душегубцев, его окруживших,—
Столь поразителен был воинственный крик Эакида.
Трои сыны лишь услышали медяный глас Эакидов,
Всех задрожали сердца; долгогривые кони их сами
Вспять с колесницами бросились; гибель зачуяло сердце.
В ужас впали возницы, узрев огонь неугасный,
Окрест главы благородной подобного богу Пелида
Страшно пылавший; его возжигала Паллада богиня.
Трижды с раската ужасно вскричал Ахиллес быстроногий;
Трижды смешалися войски троян и союзников славных.
Тут средь смятенья, от собственных коней и копий, двенадцать
Сильных погибло троянских мужей. Между тем аргивяне
Весело, к радости всех, из-под копий умчавши Патрокла,
Тело на одр положили; его окружили, рыдая,
Грустные други; за ними пошел Ахиллес благородный;
Теплые слезы он пролил, увидевши верного друга,
Медью пронзенного острой, на смертном простертого ложе,—
Друга, которого сам с колесницей своей и с конями
В битву послал, но живого, пришедшего с битвы, не встретил.

Тою порою Солнцу, в пути неистомному, Гера,
Противу воли его, в Океан низойти повелела.
Солнце сокрылося в волны, и рать благородных данаев
Вся от тревоги и общегубительной брани почила.

Трои сыны на другой стороне с ратоборного поля
Быстро сошли, от ярм отрешили коней долгогривых
И, не мысля о вечере, вдруг на совет собирались.
Стоя троянские мужи держали совет; ни единый
Сесть не дерзал; ужасались они, что Пелид быстроногий
Вновь показался, давно уклонявшийся грозного боя.
Полидамас Панфоид им начал советовать мудрый:
Он бо один и минувшее знал, и грядущее видел;
Другом Гектора был и в единую ночь с ним родился;
Но, как речами был он, так Гектор оружием славен;
Муж благомысленный, так он троянам советовать начал:
«Тщательно, други, размыслите; я вам советую ныне ж
В град с ополченьем войти, а не ждать Авроры священной
В поле, близ самых судов: далеко мы стоим от твердыни.

В дни, как сей муж враждовал на Атрида, владыку народов,
В битвах не столько нам тягостны были данайские рати.
Я веселился и сам, при судах мореходных ночуя;
Чаял, что скоро возьмем мы суда меднолатных данаев.
Ныне ж, как вы, я страшуся Пелеева быстрого сына;
Знаю я душу Пелидову бурную: он не захочет
Медлить на этих полях, где трояне, с сынами ахеян
В битвы сходяся, равно разделяли свирепство Арея:
Града и наших супруг добывать он битвою будет.
В град возвратимся немедля; поверьте мне, так совершится!
Ныне от битв удержала Пелеева бурного сына
Ночь благовонная; если и завтра нас здесь он застанет,
Завтра нагрянув с оружием,— о! не один Ахиллеса
Скоро узнает; войдет не без радости в Трою святую,
Кто избежит от могучего: многих троян растерзают
Враны и псы; но не дайте мне, боги, подобное слышать!
Если вы мне покоритесь, хотя и прискорбно то сердцу,
Ночь проведем мы на площади с силой; а городу стены,
Башни, ворота высокие, оных огромные створы,
Длинные, гладкие, крепко сплоченные, будут защитой.
Утром же мы на заре, ополчася оружием медным,
Станем на башнях; и горе надменному, если захочет
Он, от судов устремившися, с нами вкруг града сражаться!
Вспять к судам возвратится, когда он коней крутовыйных
В долгих бегах истомит, перед градом их праздно гоняя;
В стены ворваться ни гордое сердце ему не позволит;
Их не разрушит он; быстрые псы его прежде изгложут!»

Грозно взглянув на него, отвечал шлемоблещущий Гектор:
«Все для меня неприятное, Полидамас, ты вещаешь,—
Ты, убеждающий вспять отступить и в Трое скрываться!
Или в стенах заключенными быть вам еще не постыло?
Прежде Приамов сей град племена ясновещие смертных
Все нарицали счастливым, богатым и златом и медью:
Скрылося всё, что в домах драгоценного, пышного было!
Сколько во Фригию или в Меонию, славную землю,
Продано наших сокровищ с тех пор, как прогневан Кронион!
Ныне ж, когда благодеющий мне даровал громовержец
Славу стяжать при судах, отразив к Геллеспонту ахеян,
Мысли такие, безумец, стыдись открывать пред народом!
Их ни один из троян не послушает: я не позволю!
Слушайте, други, вы слово мое и ему повинуйтесь:
Ныне вы все вечеряйте по стану, отряд близ отряда;

Помните стражу ночную и бодрствуйте каждый на страже.
Кто ж из троян о богатствах домашних безмерно крушится,
Пусть соберет и отдаст на народ, да народ их истратит:
Пусть кто-нибудь из своих наслаждается, но не ахейцы!
Завтра ж, еще на заре, ополчася оружием ратным,
Мы на суда многовеслые боем решительным грянем.
Ежели истинно к брани восстал Ахиллес быстроногий,
Худо ему, как желает он, будет! Не стану я больше
В битве ужасной его избегать, но могучего смело
Встречу. С победною славою он или я возвращуся:
Общий у смертных Арей; и разящего он поражает!»

Гектор вещал, а трояне шумно кругом восклицали.
Мужи безумные! разум у них помрачила Паллада.
С Гектором все согласились, народу беды совещавшим;
С Полидамасом — никто, совет предлагавшим полезный.
В поле они вечеряли всем воинством. Но мирмидонцы
Целую ночь провели над Патроклом, стеня и рыдая.
Царь Ахиллес среди сонма их плач свой рыдательный начал;
Грозные руки на грудь положив бездыханного друга,
Часто и тяжко стенал он,— подобно как лев густобрадый,
Ежели скимнов его из глубокого леса похитит
Ланей ловец; возвратяся он, поздно, по детям тоскует;
Бродит из дебри в дебрь и следов похитителя ищет,
Жалобно стонущий; горесть и ярость его обымают,—
Так стеная, Пелид говорил посреди мирмидонян:
«Боги, боги! бесплодное слово из уст изронил я
В день, как старался утешить героя Менетия в доме!
Я говорил, что в Опунт приведу ему славного сына
Трои рушителем крепкой, участником пышной добычи.
Нет, не все помышления Зевс человекам свершает!
Нам обоим предназначено землю одну окровавить
Здесь, на троянском брегу! И меня, возвратившегось с боя,
В доме отцов никогда ни Пелей престарелый не встретит,
Ни любезная матерь; но здесь покроет могила!
Если же после тебя, о Патрокл мой, в могилу сойти мне,
С честью тебя погребу; но не прежде, как здесь я повергну
Броню и голову Гектора, гордого смертью твоею!
Окрест костра твоего обезглавлю двенадцать плененных
Трои краснейших сынов, за убийство тебя отомщая!
Ты ж до того, Менетид, у меня пред судами покойся!
Окрест тебя полногрудые жены троян и дарданцев,
Коих с тобой мы добыли копьем и могучестью нашей,

Грады руша цветущие бранолюбивых народов,
Пусть рыдают, и ночи и дни обливаясь слезами».

Так говорил,— и друзьям повелел Ахиллес благородный
Медный великий треножник поставить на огнь и скорее
Тело Патрокла омыть от запекшейся крови и праха.
Мужи сосуд омовений, поставив на светлое пламя,
Налили полный водою и дров на огонь подложили;
Дно у тренога огонь обхватил, согревалася влага.
И когда закипевшая в звонкой меди зашумела,—
Тело омыли водой, умастили светлым елеем,
Язвы наполнили мастью драгой, девятигодовою;
После, на одр положив, полотном его тонким покрыли
С ног до главы и сверху одели покровом блестящим.
Целую ночь потом вкруг Пелида царя мирмидонцы,
Стоя толпой, о Патрокле крушились, стеня и рыдая.

Зевс на Олимпе воззвал к златотронной сестре и супруге:
«Сделала ты, что могла, волоокая, гордая Гера!
В брань подняла быстроногого сына Пелеева. Верно,
Родоначальница ты кудреглавых народов Эллады».

Быстро воззвала к нему волоокая Гера царица:
«Мрачный Кронион! какие слова ты, могучий, вещаешь?
Как? человек человеку свободно злодействовать может,
Тот, который и смертен и столько советами скуден.
Я ж, которая здесь почитаюсь богиней верховной,
Славой сугубой горжусь, что меня и сестрой и супругой
Ты нарицаешь,— ты, над бессмертными всеми царящий,—
Я не должна, на троян раздраженная, бед устроять им?»

Так божества олимпийские между собою вещали.
Тою порою Фетида достигла Гефестова дома,
Звездных, нетленных чертогов, прекраснейших среди Олимпа,
Кои из меди блистательной создал себе хромоногий.
Бога, покрытого потом, находит в трудах, пред мехами
Быстро вращавшегось: двадцать треножников вдруг он работал,
В утварь поставить к стене своего благолепного дома.
Он под подножием их золотые колеса устроил,
Сами б собою они приближалися к сонму бессмертных,
Сами б собою и в дом возвращалися, взорам на диво.
В сем они виде окончены были; одних не приделал
Хитроизмышленных ручек: готовил, и гвозди ковал к ним.

Тою порою, как их он по замыслам творческим делал,
В дом его тихо вошла среброногая мать Ахиллеса.
Вышла, увидев ее, под покровом блестящим Харита,
Прелестей полная, бога хромого супруга младая;
За руку с лаской взяла, говорила и так вопрошала:
«Что ты, Фетида, покровом закрытая, в дом наш приходишь
Милая нам и почтенная? редко ты нас посещаешь.
Но войди ты в чертог, да тебя угощу я, богиню».

Так произнесши, Харита во внутренность вводит Фетиду.
Там сажает богиню на троне серебряноглвоздном,
Пышном, изящно украшенном, с легкой подножной скамьею.
После голосом громким Гефеста художника кличет:
«Выйди, Гефест, до тебя у Фетиды Нереевой просьба».

Ей немедля ответствовал славный Гефест хромоногий:
«Мощная в доме моем и почтенная вечно богиня!
Ею мне жизнь спасена, как страдал я, заброшенный с неба
Волею матери Геры: бесстыдная скрыть захотела
Сына хромого. Тогда потерпел бы я горе на сердце,
Если б Фетида меня с Эвриномой не приняли в недра,
Дщери младые катящегось вкруг Океана седого.
Там украшения разные девять годов я ковал им,
Кольца витые, застежки, уборы волос, ожерелья,
В мрачной глубокой пещере; кругом Океан предо мною
Пенный, ревущий бежал, неизмеримый; там ни единый
Житель меня олимпийский, ни муж земнородный не ведал;
Только Фетида с сестрой Эвриномою, спасшие жизнь мне.
Ныне мой дом посетила бессмертная; должен отдать я
Долг за спасение жизни прекрасноволосой Фетиде.
Чествуй, супруга моя, угощением пышным Фетиду;
Я не замедлю, мехи соберу и другие снаряды».

Рек — и от наковальни великан закоптелый поднялся
И, хромоногий, медлительно двигал увечные ноги:
Снял от горна мехи и снаряды, какими работал,
Собрал все и вложил в красивый ларец сребровковный;
Губкою влажною вытер лицо и могучие руки,
Выю дебелую, жилистый тыл и косматые перси;
Ризой оделся и, толстым жезлом подпираяся, в двери
Вышел хромая; прислужницы, под руки взявши владыку,
Шли золотые, живым подобные девам прекрасным,
Кои исполнены разумом, силу имеют и голос,

И которых бессмертные знанию дел изучили.
Сбоку владыки они поспешали, а он, колыхаясь,
К месту прибрел, где Фетида сидела на троне блестящем;
За руку взялся рукой, называл и так говорил ей:
«Что ты, Фетида, покровом закрытая, в дом наш приходишь,
Милая нам и почтенная? редко ты нас посещаешь.
Молви, чего ты желаешь? исполнить же сердце велит мне,
Если исполнить могу я и если оно исполнимо».

И Гефесту Фетида, залившись слезами, вещала:
«Есть ли, Гефест, хоть одна из богинь на пространном Олимпе,
Столько на сердце своем перенесшая горестей тяжких,
Сколько мне, злополучной, послал сокрушений Кронион!
Нимфу морскую, меня покорил человеку земному,
Сыну Эака; и я испытала объятия мужа,
Как ни противилось сердце: уже тяжелая старость
В доме его изнуряет. Но скорбь у меня и другая!
Зевс даровал мне родить и взлелеять единого сына,
Первого между героев! Возрос он, как пышная отрасль;
Я воспитала его, как прекраснейший цвет в вертограде;
Юного в быстрых судах отпустила на брань к Илиону
Ратовать храбрых троян; и его никогда я не встречу
В доме отеческом, в светлых чертогах супруга Пелея!
Ныне, хотя и живет он, и солнца сияние видит,
Должен страдать; и ему я помочь не могу, и пришедши!
Деву, которую сыну избрали в награду ахейцы,
Снова из рук у него исторг властелин Агамемнон.
Грустный по ней, сокрушал он печалию сердце; ахеян
Сила троян до судов отразила и в стан заключенным
Им выходить не давала. Старейшины воинств ахейских
Сына молили и множество славных даров предлагали.
Сам он, правда, от воинств беду отразить отказался,
Но героя Патрокла своим он доспехом одеял;
Друга на битву послал и великое воинство вверил.
Бился целый день перед крепкою башнею Скейской.
Был бы в тот день Илион завоеван, когда бы могучий
Феб разносившего гибель Менетия храброго сына
В первых рядах не повергнул и славы Гектору не дал.
Вот для чего прихожу и к коленам твоим припадаю;
Может быть, сжалишься ты над моим краткожизненным сыном;
Может быть, дашь ты Пелиду и щит, и шелом, и поножи,
Также и латы: свои потерял он, как друг его верный
Пал от троян; и теперь — по земле он простертый тоскует!»

Ей немедля ответствовал Амфигией знаменитый:
«Будь спокойна и более сердцем о том не крушися.
О! да могу Ахиллеса от смерти ужасной далеко
Столь же легко я укрыть, когда рок его мощный постигнет,
Сколь мне легко для него изготовить доспехи, которым
Каждый от смертных бесчисленных будет дивиться, узревший!»

Так произнесши, оставил ее и к мехам приступил он.
Все на огонь обратил их и действовать дал повеленье.
Разом в отверстья горнильные двадцать мехов задыхали,
Разным из дул их дыша раздувающим пламень дыханьем,
Или порывным, служа поспешавшему, или спокойным,
Смотря на волю творца и на нужду творимого дела.
Сам он в огонь распыхавшийся медь некрушимую ввергнул,
Олово бросил, сребро, драгоценное злато; и после
Тяжкую наковальню насадил на столп, а в десницу
Молот огромнейший взял, и клещи захватил он другою.

И вначале работал он щит и огромный и крепкий,
Весь украшая изящно; кругом его вывел он обод
Белый, блестящий, тройной; и приделал ремень серебристый.
Щит из пяти составил листов и на круге обширном
Множество дивного бог по замыслам творческим сделал.
Там представил он землю, представил и небо, и море,
Солнце, в пути неистомное, полный серебряный месяц,
Все прекрасные звезды, какими венчается небо:
Видны в их сонме Плеяды, Гиады и мощь Ориона,
Арктос, сынами земными еще колесницей зовомый;
Там он всегда обращается, вечно блюдет Ориона
И единый чуждается мыться в волнах Океана.

Там же два града представил он ясноречивых народов:
В первом, прекрасно устроенном, браки и пиршества зрелись.
Там невест из чертогов, светильников ярких при блеске,
Брачных песней при кликах, по стогнам градским провожают.
Юноши хорами в плясках кружатся; меж них раздаются
Лир и свирелей веселые звуки; почтенные жены
Смотрят на них и дивуются, стоя на крыльцах воротных.
Далее много народа толпится на торжище; шумный
Спор там поднялся; спорили два человека о пене,
Мзде за убийство; и клялся один, объявляя народу,

Будто он все заплатил; а другой отрекался в приеме.
Оба решились, представив свидетелей, тяжбу их кончить.
Граждане вкруг их кричат, своему доброхотствуя каждый;
Вестники шумный их крик укрощают; а старцы градские
Молча на тесаных камнях сидят средь священного круга;
Скипетры в руки приемлют от вестников звонкоголосых;
С ними встают и один за другим свой суд произносят.
В круге пред ними лежат два таланта чистого злата,
Мзда для того, кто из них справедливее право докажет.

Город другой облежали две сильные рати народов,
Страшно сверкая оружием. Рати двояко грозили:
Или разрушить, иль граждане с ними должны разделиться
Всеми богатствами, сколько цветущий их град заключает.
Те не склонялись еще и готовились к тайной засаде.
Стену стеречь по забралам супруг поставив любезных,
Юных сынов и мужей, которых постигнула старость,
Сами выходят; вождями их идут Арей и Паллада,
Оба златые, одетые оба златою одеждой;
Вид их прекрасен, в доспехах величествен, сущие боги!
Всем отличны они; человеки далёко их ниже.
К месту пришедшие, где им казалась удобной засада,
К брегу речному, где был водопой табунов разнородных,
Там заседают они, прикрываясь блестящею медью.
Два соглядатая их, отделясь, впереди заседают.
Смотрят кругом, не узрят ли овец и волов подходящих.
Скоро стада показалися; два пастуха за стадами,
Тешась цевницею звонкой, идут, не предвидя коварства.
Быстро, увидевши их, нападают засевшие мужи;
Грабят и гонят рогатых волов и овец среброрунных:
Целое стадо угнали и пастырей стада убили.
В стане, как скоро услышали крик и тревогу при стаде,
Вои, на площади стражей стоящие, быстро на коней
Бурных вскочили, на крик поскакали и вмиг принеслися.
Строем становятся, битвою бьются по брегу речному;
Колют друг друга, метая стремительно медные копья.
Рыщут и Злоба, и Смута, и страшная Смерть между ними:
Держит она то пронзенного, то не пронзенного ловит,
Или убитого за ногу тело волочит по сече;
Риза на персях ее обагровлена кровью людскою.
В битве, как люди живые, они нападают и бьются,
И один пред другим увлекают кровавые трупы.

Сделал на нем и широкое поле, тучную пашню,
Рыхлый, три раза распаханный пар; на нем землепашцы
Гонят яремных волов, и назад и вперед обращаясь;
И всегда, как обратно к концу приближаются нивы,
Каждому в руки им кубок вина, веселящего сердце,
Муж подает; и они, по своим полосам обращаясь,
Вновь поспешают дойти до конца глубобраздного пара.
Нива, хотя и златая, чернеется сзади орющих,
Вспаханной ниве подобясь: такое он чудо представил.

Далее выделал поле с высокими нивами; жатву
Жали наемники, острыми в дланях серпами сверкая.
Здесь полосой беспрерывною падают горстии густые;
Там перевязчики их в снопы перевязлами вяжут.
Три перевязчика ходят за жнущими; сзади их дети,
Горстая быстро колосья, одни за другими в охапах
Вяжущим их подают. Властелин между ними, безмолвно,
С палицей в длани, стоит на борозде и душой веселится,
Вестники одаль, под тенью дуба, трапезу готовят;
В жертву заклавши вола, вкруг него суетятся; а жены
Белую сеют муку для сладостной вечери жнущим.

Сделал на нем отягченный гроздием сад виноградный,
Весь золотой, лишь одни виноградные кисти чернелись;
И стоял он на сребряных, рядом вонзенных подпорах.
Около саду и ров темно-синий, и белую стену
Вывел из олова; к саду одна пролегала тропина,
Коей носильщики ходят, когда виноград собирают.
Там и девицы и юноши, с детской веселостью сердца,
Сладостный плод носили в прекрасных плетеных корзинах.
В круге их отрок прекрасный по звонкорокочущей лире
Сладко бряцал, припевая прекрасно под льняные струны
Голосом тонким; они же, вокруг его пляшучи стройно,
С пеньем, и с криком, и с топотом ног хороводом несутся.

Там же и стадо представил волов, воздымающих роги:
Их он из злата одних, а других из олова сделал.
С ревом волы из оград вырываясь, мчатся на пастьу,
К шумной реке, к камышу густому по влажному брегу.
Следом за стадом и пастыри идут, четыре, златые,
И за ними следуют девять псов быстроногих.
Два густогривые льва на передних волов нападают,

Тяжко мычащего ловят быка; и ужасно ревет он,
Львами влекомый; и псы на защиту и юноши мчатся;
Львы повалили его и, сорвавши огромную кожу,
Черную кровь и утробу глотают; напрасно трудятся
Пастыри львов испугать, быстроногих псов подстрекая.
Псы их не слушают; львов трепеща, не берут их зубами:
Близко подступят, залают на них и назад убегают.

Далее — сделал роскошную паству Гефест знаменитый:
В тихой долине прелестной несчетных овец среброрунных
Стойла, под кровлей хлева, и смиренные пастырей кущи.

Там же Гефест знаменитый извил хоровод разновидный,
Оному равный, как древле в широкоустроенном Кносе
Выделал хитрый Дедал Ариадне прекрасноволосой.
Юноши тут и цветущие девы, желанные многим,
Пляшут, в хор круговидный любезно сплетяся руками.
Девы в одежды льняные и легкие, отроки в ризы
Светло одеты, и их чистотой, как елеем, сияют;
Тех — венки из цветов прелестные всех украшают;
Сих — золотые ножи, на ремнях чрез плечо серебристых.
Пляшут они, и ногами искусными то закружатся,
Столь же легко, как в стану колесо под рукою испытной,
Если скудельник его испытует, легко ли кружится;
То разовьются и пляшут рядами, одни за другими.
Купа селян окружает пленительный хор и сердечно
Им восхищается; два среди круга их головоходы,
Пение в лад начиная, чудесно вертятся в средине.

Там и ужасную силу представил реки Океана,
Коим под верхним он ободом щит окружил велелепный.

Так изукрашенно выделав щит и огромный и крепкий,
Сделал Гефест и броню, светлее, чем огненный пламень;
Сделал и тяжкий шелом, Пелейона главе соразмерный,
Пышный, кругом изукрашенный, гребнем златым повершенный;
После из олова гибкого сделал ему и поножи.
И когда все доспехи сковал олимпийский художник,
Взяв, пред Пелидовой матерью их положил он на землю.
И, как ястреб, она с осребренного снегом Олимпа
Бросилась, мча от Гефеста блестящие сыну доспехи.

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ГНЕВА

В ризе багряно-златистой из волн Океана Денница
Вышла, несущая свет и бессмертным и смертным: Фетида
К сеням пришла мирмидонским с блистательным даром от бога.
Там она сына нашла: над Патроклом своим распростертый,
Громко рыдал он; и многие окрест друзья мирмидонцы
Плакали. Став между них, среброногая матерь-богиня
За руку сына взяла, называла и так говорила:
«Сын мой! оставим мертвого, как ни прискорбно то сердцу,
С миром лежать: всемогущих богов он волей повержен.
Встань и прими, Пелейон, от Гефеста доспех велелепный,
Дивный, какой никогда не сиял вкруг рамен человека».

Так произнесши, Фетида на землю доспех положила
Пред Ахиллесом; и весь зазвучал он, украшением дивный.
Вздрогнули все мирмидонцы; не мог ни один на доспехи
Прямо смотреть, отвратились они; Ахиллес же могучий
Только взглянул — и сильнейшим наполнился гневом: ужасно
Очи его из-под веждей, как огненный пыл, засверкали.
С радостью взяв, любовался он даром сияющим бога;
И, когда свое сердце нарадовал, смотря на чудо,
К матери среброногой крылатую речь устремил он:
«Матерь! доспех сей бессмертного дар; несомнительно должен
Быть он творением бога, не смертного мужа он дело.
Ныне ж я вооружаюся. Но об одном беспокойно
Сердце мое, чтобы тою порою в Патрокловом теле
Мухи, проникши в глубокие, медью пробитые раны,
Алчных червей не родили; они исказят его образ
(Жизнь от него отлетела!), и тление тело обымет!»

Вновь говорила ему среброногая матерь Фетида:
«Сын мой! заботой о сем не тревожь ты более сердца.
Я попекусь отгонять от него кровожадные сонмы
Мух, которые тело убитых мужей пожирают;
И хотя бы лежал он в течение круглого года,
Тело его невредимо и даже прекраснее будет.
Ты же, мой сын, на собранье созвавши героев ахейских,
Гнев прекрати на Атреева сына, владыку народов;
Быстро на бой ополчись и могучестью вновь облекися».

Так говорила — и дух дерзновеннейший сыну вдохнула.
Другу ж его и амброзию в ноздри, и нектар багряный
Тихо влияла, да тело его невредимо пребудет.

Быстро по берегу моря пошел Ахиллес быстроногий,
Голосом страшным крича; и всех взволновал он ахеян.
Мужи, которые прежде всегда при судах оставались,
Все корабельщики, кои судов управляли кормилом,
Даже зажитники ратных дружин, раздаватели хлеба,—
Все поспешили в собранье, когда Ахиллес благородный
Вновь показался, столь долго чуждавшийся брани кровавой.
Двое хромаючи шли, знаменитые слуги Арея,
Царь Одиссей и Тидид Диомед, воеватель могучий,
Шли, опираясь на копья, неся еще тяжкие раны.
Оба, пришедши, они на местах передних воссели;
Вслед их притек и Атрид, повелитель мужей Агамемнон,
Раной недужный: зане и его среди бурного боя
Ранил Коон Антенорид огромною пикою медной.
И, когда уже все на собранье сошлися ахейцы,
Встал между ними и так говорил Ахиллес быстроногий:
«Царь Агамемнон! полезнее было бы, если бы прежде
Так поступили мы оба, когда, в огорчении нашем,
Гложущей душу враждой воспылали за пленную деву!
О! почто Артемида сей девы стрелой не пронзила
В день, как ее между пленниц избрал я, Лирнесс разоривши:
Столько ахейских героев земли не глодало б зубами,
Пав под руками враждебных, когда я упорствовал в гневе!
Гектор и Трои сыны веселятся о том, а данаи
Долго, я думаю, будут раздор наш погибельный помнить.
Но совершившееся прежде оставим в прискорбии нашем,
Гордое сердце в груди укротим, как велит неизбежность.
Ныне я гнев оставляю решительно; я не намерен
Сердца крушить враждой бесконечною. Царь Агамемнон,
В битву подвигни скорее медянодоспешных данаев;
Дай мне скорее идти на троян и еще испытать их,
Иль и теперь ночевать пред судами намерены? Нет, уповаю,
Радостно каждый из них утомленные склонит колена,
Каждый, на пламенной битве от наших оружий избывший!»

Так говорил,— и наполнились радостью все аргивяне,
Слыша, что гнев навсегда оставляет Пелид благородный.
Начал тогда говорить повелитель мужей Агамемнон,
С места восстав, где сидел, но стоять на средину не вышел:

«Други, данаи герои, бесстрашные слуги Арея!
Вставшего надобно слушать; начавшего слово не должно
Перерывать: затруднится и самый искусный вития.
В шумном народном говоре можно ли что-либо слышать
Или сказать? — заглушится вития, как ни был бы громок.
С сыном Пелеевым я объясняюся; вы же, ахейцы,
Слушайте все со вниманьем и речи мои вразумите.—
Часто о деле мне сем говорили ахейские мужи;
Часто винили меня, но не я, о ахейцы, виновен;
Зевс Эгиох, и Судьба, и бродящая в мраках Эринис:
Боги мой ум на совете наполнили мрачною смутой
В день злополучный, как я у Пелида похитил награду.
Что ж бы я сделал? Богиня могучая всё совершила,
Дщерь громовержца, Обида, которая всех ослепляет,
Страшная; нежны стопы у нее: не касается ими
Праха земного; она по главам человеческим ходит,
Смертных язвя; а иного и в сети легко уловляет.
Древле она ослепила и Зевса, который превыше
Всех земнородных и всех небожителей: даже и Зевса
Гера, хотя и жена, но коварством своим обманула
В день, как готова была счастливая матерь Алкмена
Силу Геракла родить в опоясанных башнями Фивах.
Зевс, величаясь уже, говорил пред собором бессмертных:
— Слушайте слово мое, и боги небес и богини;
Я вам поведать желаю, что в персях мне сердце внушает:
Ныне, родящих помощница, в свет изведет Илифия
Мужа, который над всеми окрестными царствовать будет,
Ветвь человеков великих, от крови моей исходящих.—
Зевсу, коварное мысля, вещала владычица Гера:
— Ложь, Эгиох! никогда своего не исполнишь ты слова.
Или дерзни, поклянись, Олимпиец, великою клятвой,
Что над всеми окрестными царствовать будет
Смертный, который в сей день упадет на колена родившей,
Ветвь человеков великих, от крови твоей исходящих.—
Так говорила, но Зевс не почувствовал козней супруги:
Клятвой поклялся святой и раскаялся, горько прельщенный.
Гера, стремительно бросясь, оставила холмы Олимпа;
Быстро достигла ахейского Аргоса, где уже прежде
Знала богиня супругу царя Персеида Сфенела.
Сына царица седьмой уже месяц в утробе носила:
Гера его до срока на свет извела; но Алкмены
В срок удержала роды, удаливши помощных Илифий.
С вестью о том перед Зевса предстала сама и вещала:

— Зевс сребромолненный! слово тебе полагаю на сердце:
Смертный рожден знаменитый, что царствовать в Аргосе должен,
Муж Эврисфей, Персеида Сфенела геройская отрасль,
Племя твое; не будет он Аргосу царь недостойный.—
Так изрекла,— и жестокая горесть ударила в сердце
Зевса. Схватил он Обиду за пышноблестящие кудри,
Страшным пылающий гневом, и клялся великою клятвой,
Что на холмистый Олимп и звездами венчанное небо
Ввек не взыдет Обида, которая всех ослепляет.
Так произнес он, и махом десницы от звездного неба
Ринул ее,— и упала она на дела человека.
Зевс от нее же стенал, как любезного сына он видел,
Низкое иго носящего, в подвигах для Эврисфея.—
Так-то и я, как великий, шеломом сверкающий Гектор
Рати ахейских сынов истреблял при кормах корабельных,
Сам не мог позабыть я Обиды, меня ослепившей.
Но, как уже погрешил я и Зевс мой разум похитил,
Сам то загладить хочу и воздать многоценною мздою.
Храбрый, воздвигнись на бой, возбуди и другие дружины!
Что до даров, я все их представлю, какие ходивший
Прошлого дня пред тобой исчислял Одиссей благородный.
Если же хочешь, помедли ты, сколько ни жаждущий боя;
Слуги мои те дары, в корабле собравши, представят,
И увидишь ты, что я тебе, угождая, дарую».

Сыну Атрея ответствовал царь Ахиллес благородный:
«Славою светлый Атрид, повелитель мужей Агамемнон!
Хочешь ли мне дары примиренья, как должно, доставить
Иль удержать их,— ты властен; теперь же о битве помыслим
Без отлагательств: и что в рассуждениях время нам тратить?
Что нам здесь медлить? еще не свершилось великое дело!
Пусть, кто желает, опять впереди Ахиллеса увидит,
Медною пикой фаланги крушащего ратей троянских,
И, подобно ему, да пылает с врагами сражаться!»

Но Пелиду царю возразил Одиссей многоумный:
«Нет; сколь ни мужествен ты, Ахиллес, бессмертным подобный,
Воинств ахейских, голодных еще, не веди к Илиону
Биться с троянами храбрыми! Нет, не на краткое время
Битва завяжется, если троян и ахеян фаланги
В сечу сойдутся и бог им вдохнет одинакую храбрость.
Прежде ахейским сынам повели ты насытиться в стане

Хлебом, вином: оно человеку и бодрость и крепость.
Муж ни один во весь день, от восхода до запада солнца,
Пищею не подкрепленный, не в силах выдерживать боя.
Сердцем в груди неистомным хотя б и пылал он сражаться,
Члены у тощего все тяжелеют, его беспокоит
Жажда и глад, у него на пути запинаются ноги.
Но человек, укрепяся вином и насытяся пищей,
Может весь день под оружием с силой враждебных сражаться.
Дух в его персях и крепок и бодр, и усталости члены
Прежде не слышат, доколе с побоища все не соступят.
Так, Ахиллес! распусти аргивян и вели им готовить
Завтрак. Дары для тебя повелитель мужей Агамемнон
Пусть пред собранье народа представит, да все их данаи
Узрят очами, и сам ты свое да возрадуешь сердце.
Пусть поклянется тебе, пред народом восстав, что доныне
К деве на одр не всходил, не сближался с младой Брисеидой
Так, как мужам и женам свойственно меж человеков.
Ты же и сам укротися душою и будь благосклонен.
Пусть напоследок тебя угостит он торжественным пиром
В кущах своих, чтобы должное ты получил без урона.
Ты, Агамемнон могучий, вперед и к другому ахейцу
Сам справедливее будь: унижения нет властелину
С мужем искать примиренья, которого сам оскорбил он».

Сыну Лаэрта немедля ответствовал царь Агамемнон:
«Радуясь, речи твои, Лаэртид благородный, я слушал;
Истину ты говорил и о всем рассуждал справедливо.
Клятву готов произнесть я, как самое сердце велит мне,
И перед богом клятву неложную! Сын же Пелеев
Здесь между тем да останется, сколько ни жаждущий боя;
Здесь и другие останьтесь, ахейцы, пока из-под сеней
Придут дары и пока совершу я священные клятвы.
Дело сие, Одиссей, на тебя самого возлагаю.
Ты, благороднейших юношей в стане ахейском избравши,
Все те дары, что вчера обещали мы дать Ахиллесу,
Сам принеси с корабля моего и жен приведи нам.
Ты ж мне, Талфибий, скорее в ахейском стане обширном
Вепря нашед, уготовь на заклание Зевсу и Солнцу».

Сыну Атрея ответствовал вновь Ахиллес быстроногий:
«Славою светлый Атрид, повелитель мужей Агамемнон!
После, в другое время о том вам заботиться лучше,
В час, как отдых короткий от тягостной брани случится,

И как гнев в моем сердце не столько свирепствовать будет.
Трупы еще перед нами лежат пораженных, которых
Гектор свирепый убил, как Зевс даровал ему славу,—
Вы же народ приглашаете к пище! Не так бы я думал:
Я бы теперь же советовал в битву идти аргивянам,
Гладным и тощим; и только вечерний, пред западом солнца,
Пир уготовить всеобщий, когда мы отмстим поруганье.
Прежде сего никакое питье, никакая мне пища,
Верно, в уста не войдет, перед другом моим бездыханным!
Он у меня среди кущи, истерзанный медью жестокой,
К двери ногами лежит распростертый: кругом его други
Плачут печальные! Нет, у меня в помышленье не пища:
Битва, и кровь, и врагов умирающих страшные стопы!»

Вновь, обратяся к нему, говорил Одиссей многоумный:
«О Ахиллес Пелейон, величайший воитель ахейский!
Ты знаменитей меня, а не меньше того и сильнее
В битве копьем; но тебя, о герой, превзойду я далеко
Знанием: прежде родился я, больше тебя я изведал.
Пусть же душа у тебя укротится моим убежденьем:
Скоро сердце людей пресыщается в битве убийством,
Где уже множество класов медь по земле разостлала;
Жатва становится скудной, как скоро весы наклоняет
Зевс Эгиох, меж племен человеческих браней решитель.
Нет, не утробою должно ахейцам крушиться о мертвых:
Много ахейских сынов, ежедневно ряды над рядами,
Падают: кто ж и когда бы успел отдохнуть от печали?
Долг наш земле предавать испустившего дух человека,
Твердость в душе сохраняя, поплакавши день над умершим;
Тем же, которые живы от гибельных битв остаются,
Должно питьем и едой укрепляться, чтоб с ревностью новой
Каждому против врагов и всегда без усталости биться,
Медью покрывшися крепкою. Нет, да никто из народа
В стане не медлит, приказа для войск ожидая другого!
Пагубен будет приказ сей для каждого, кто б ни остался,
Между судов укрываясь. Нет, на троян конеборных
Ныне мы все пойдем и воздвигнем жестокую битву!»

Рек — и с собою сынов знаменитого Нестора взял он,
Мегеса, отрасль Филея, вождя Мериона, Фоаса
И Меланиппа вождя с Ликомедом, Крейоновым сыном.
Вместе они поспешили царя Агамемнона к сени.
Скоро, как было сказано слово, исполнено дело:

Семь Ахиллесу обещанных в сени треножников взяли;
Двадцать блестящих лаханей, двенадцать коней пышногривых;
Вывели вместе и жен непорочных, работниц искусных
Семь, и осьмую румяноланитую Брисову дочерь.
С златом же сам Одиссей, отвесивши десять талантов,
Шел впереди; а юноши следом с другими дарами.
Их пред собраньем они положили. Атрид Агамемнон
Встал; провозвестник Талфибий, голосом богу подобный,
Вепря руками держа, предстал пред владыку народа.
Царь Агамемнон, стремительно нож обнаживши десною,
Острый, всегда у него при влагалище мечном висящий,
С вепря щетины отсек для начатков и, руки воздевши,
Зевсу владыке молился. Ахеяне окрест сидели
Тихо, с приличным вниманием слушая слово царево;
Он же, моляся, вещал, на пространное небо взирая:
«Зевс да будет свидетелем, бог высочайший, сильнейший!
Солнце, Земля и Эринии, те, что в жилищах подземных
Грозно карают смертных, которые ложно клялися!
Я здесь клянусь, что на Брисову дочь руки я не поднял,
К ложу неволя ее иль к чему бы то ни было нудя;
Нет, безмятежной она под моим оставалася кровом!
Если ж поклялся я ложно, да боги меня покарают
Всеми бедами, какими карают они вероломных!»

Рек — и гортань кабана отсекает суровою медью.
Жертву Талфибий в пучину глубокую моря седого
Рыбам на снедь, размахавши, поверг. Ахиллес быстроногий
Думен восстал и так говорил между сонма данаев:
«Зевс! беды жестокие ты посылаешь на смертных!
Нет, никогда б у меня Агамемнон властительный в персях
Сердца на гнев не подвиг; никаким бы сей девы коварством
Он против воли моей не похитил; но Зевс, несомненно,
Зевс восхотел толь многим ахеянам смерть уготовить!
К завтраку, други, спешите, и после начнем нападенье!»

Так произнесши, собранье быстрое он распускает.
Все рассеваются, к куще своей удаляется каждый.
Тою порой мирмидонцы, принявши дары примиренья,
С ними пошли к кораблю Ахиллеса, подобного богу;
Их положили под кущей героя, а жен посадили;
Коней погнали в табун Ахиллесовы верные слуги.

Брисова дочь, златой Афродите подобная ликом,
Только узрела Патрокла, пронзенного медью жестокой,

Вкруг мертвеца обвилась, возрыдала и с воплями стала
Перси терзать, и нежную выю, и лик свой прелестный.
Плача, жена, как богиня прекрасная, так говорила:
«О мой Патрокл! о друг, для меня, злополучной, бесценный!
Горе, живого тебя я оставила, сень покидая;
В сень возвратясь, обретаю мертвого, пастырь народа!
Так постигают меня беспрерывные бедство за бедством!
Мужа, с которым меня сочетали родитель и матерь,
Видела я перед градом пронзенного медью жестокой;
Видела братьев троих (родила нас единая матерь),
Всех одинако мне милых, погибельным днем поглощенных.
Ты же меня и в слезах, когда Ахиллес градоборец
Мужа сразил моего и обитель Минеса разрушил,
Ты утешал, говорил, что меня Ахиллесу герою
Сделаешь милой супругой, что скоро во фтийскую землю
Сам отвезешь и наш брак с мирмидонцами праздновать будешь.
Пал ты! тебя мне оплакивать вечно, юноша милый!»

Так говорила, рыдая; стенали и прочие жены,
С виду, казалось, о мертвом, но в сердце о собственном горе.
Тою порой к Ахиллесу ахейские старцы сходились,
Пищей прося укрепиться; но он отвергал их, стенящий:
«Други! молю вас, когда еще есть мне друг здесь послушный;
Нет, не просите меня, чтоб питьем, чтоб какой-либо пищей
Я насладился: жестокая горесть меня раздирает!
Солнце пока не зайдет, не приму, не коснуся я пищи!»

Так говоря, отпустил от себя властелинов ахейских.
Только Атриды остались и сын многоумный Лаэртов,
Нестор, Идоменей и божественный Феникс; но тщетно
Вместе они утешали печального; сердцем он весел
Не был, покуда не бросился в бездну кровавыя брани.
Думал он лишь о Патрокле, об нем говорил, воздыхая:
«Прежде, бывало, мне ты, злополучный, любезнейший друг мой,
Сам под кущей моею приятную снедь предлагаешь
Скоро всегда и заботливо, если, бывало, ахейцы
Брань многослезную снова троянам нанесть поспешают.
Ныне лежишь ты, пронзенный, и сердце мое отвергает
Здесь изобильную снедь и питье, по тебе лишь тоскуя!
Нет, не могло бы меня поразить жесточайшее горе,
Если б печальную весть и о смерти отца я услышал,
Старца, который, быть может, льет горькие слезы во Фтии,
Помощи сына лишенный, тогда как в земле чужелюдной

Ради презренной Елены сражаюсь я с чадами Трои;
Даже когда б я услышал о смерти и сына в Скиросе,
Милого, если он жив еще, Неоптолем мой прекрасный!
Прежде меня утешала хранимая в сердце надежда,
Что умру я один, далеко от отчизны любезной,
В чуждой троянской земле, а ты возвратишься во Фтию;
Ты, уповал я, мне сына в своем корабле быстролетном
В дом привезешь из Скироса и юноше всё там покажешь:
Наше владенье, рабов и высокие кровлей палаты.
Ибо Пелей, говорит мое сердце, уже или умер,
Или, быть может, едва уже дышит, согбенный под игом
Старости скорбной и грусти, и ждет обо мне беспрестанно
Вести убийственной сердцу, когда о погибшем услышит!»

Так говорил он и плакал; кругом воздыхали герои,
Каждый о том вспоминая, что милого в доме оставил.
С неба печальных узрев, милосердовал Зевс промыслитель,
И к Афине Палладе крылатую речь обратил он:
«Или ты вовсе, о дочь, отступилась от славного мужа?
Или нисколько уже не заботишься ты о Пелиде?
Се он, сидя один при своих кораблях прямокормных,
Горестный плачет по друге любезном. Все аргивяне
Пищу вкушают; а он остается и гладный и тощий.
Шествуй, Афина; и нектаром светлым с амброзией сладкой
Грудь ороси Ахиллесу, да немощь его не обымет».

Рек — и подвигнул Афину, давно пламеневшую сердцем:
Быстро она, как орел звонкогласый, ширококрылатый,
С неба слетела по воздуху. Тою порою ахейцы
Воинством всем ополчались по стану. Пелееву сыну
Нектаром Зевсова дочь и амброзией сладкой незримо
Грудь оросила, да немощь от глада его не обымет;
И сама на Олимп вознеслась к меднозданному дому
Зевса. Ахейцы ж неслися от черных судов мореходных.
Словно как снежные клоки летят от Зевеса густые,
Быстро гонимые хладным, эфир проясняющим ветром,—
Так от ахейских судов неисчетные в поле неслися
Шлемы, игравшие блеском, щиты, воздымавшие бляхи,
Крепко сплоченные брони и ясеня твердого копья.
Блеск восходил до небес; под пышным сиянием меди
Окрест смеялась земля; и весь берег гремел под стопами
Ратных мужей. Посреди их Пелид ополчался великий.
Зубы его скрежетали от гнева; быстрые очи

Страшно, как пламень, светились; но сердце ему раздирала
Грусть нестерпимая. Так на троян он, пышущий гневом,
Бога дарами облекся, Гефеста созданием дивным.
Прежде всего положил он на быстрые ноги поножи
Пышные, кои серебряной плотно смыкались наглезной;
После на мощную грудь надевал испещренные латы;
Бросил меч на плечо с рукояткой серебряногвоздной,
С лезвеем медяным; взял, наконец, и огромный и крепкий
Щит: далеко от него, как от месяца, свет разливался.
Словно как по морю свет мореходцам во мраке сияет,
Свет от огня, далеко на вершине горящего горной,
В куще пустынной; а их против воли и волны и буря,
Мча по кипящему понту, несут далеко от любезных,—
Так от щита Ахиллесова, пышного, дивного взорам,
Свет разливался по воздуху. Шлем многобляшный подняв ши,
Крепкий надел на главу; заспял, как звезда, над главою
Шлем коневласый; и грива на нем закачалась златая,
Густо Гефестом разлитая окрест высокого гребня.
Так Ахиллес ополчался, испытывать начал доспехи,
Впору ли стану, легки и свободны ли членам красивым:
И, как крылья, они подымали владыку народа.
Взял, наконец, из ковчега копье он отцовское — ясень,
Крепкий, огромный, тяжелый: его из героев ахейских
Двигать не мог ни один; но легко Ахиллес потрясал им,
Ясенем сим пелионским, который отцу его Хирон
Сек с высоты Пелиона, на грозную гибель героям.
Коней меж тем Автомедон и сильный Алким снаряжали;
В пышных поперсьях к ярму припрягли их; удила в морды
Втиснули им и, бразды натянув, к колеснице прекрасной
Их укрепили за кузов. Тогда, захвативши рукою
Гибкий блистательный бич, в колесницу вскочил Автомедон.
Сзади, готовый к сражению, стал Ахиллес быстроногий,
Весь под доспехом сияя, как Гиперион лучезарный.
Крикнул он голосом грозным на быстрых отеческих коней:
«Ксанф мой и Балий, Подарги божественной славные дети!
Иначе вы постарайтеся вашего вынесть возницу
К ратному сонму данаев, когда мы насытимся боем;
Вы, как Патрокла, его на побоище мертвым не бросьте!»

Рек он,— как вдруг под упряжью конь взговорил бурноногий,
Ксанф; понуривши морду и пышною гривой своею,
Выпавшей вон из ярма, досягнув до земли, провещал он
(Вещим его сотворила лилейнораменная Гера):

«Вынесем, быстрый Пелид, тебя еще ныне живого;
Но приближается день твой последний! Не мы, повелитель,
Будем виною, но бог всемогущий и рок самовластный.
Нет, не медленность наша, не леность дала сопостатам
С персей Патрокла героя доспех знаменитый похитить:
Бог многомощный, рожденный прекрасною Летой, Патрокла
Свергнул в передних рядах и Гектора славой украсил.
Мы же, хотя бы летать, как дыхание Зефира, стали,
Ветра быстрейшего всех, но и сам ты, назначено роком,
Должен от мощного бога и смертного мужа погибнуть!»
С сими словами Эринии голос коня перервали.

Мрачен и гневен к коню говорил Ахиллес быстроногий:
«Что ты, о конь мой, пророчишь мне смерть? Не твоя то забота!
Слишком я знаю и сам, что судьбой суждено мне погибнуть
Здесь, далеко от отца и от матери. Но не сойду я
С боя, доколе троян не насыщу кровавою бранью».

Рек — и с криком вперед устремил он коней звуконогих.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ

БИТВА БОГОВ

Так при судах дуговерхих блестящие медью ахейцы
Строились окрест тебя, Пелейон, ненасытимый бранью.
Их ожидали трояне, заняв возвышение поля.

Зевс же отец повелел, да Фемида бессмертных к совету
Всех призывает с холмов олимпийских; она, обошед их,
Всем повелела в Кронионов дом собираться. Сошлися
Все, и Потоки, и Реки, кроме Океана седого;
Самые нимфы явились, живущие в рощах прекрасных,
И в источниках светлых, и в злачноцветущих долинах.
В дом олимпийский собравшися тучегонителя Зевса,
Сели они в переходах блестящих, которые Зевсу
Сам Гефест хромоногий по замыслам творческим создал.
Так собиралися к Зевсу бессмертные; сам Посейдаон
Не был Фемиде преслушен: из моря предстал он с другими,
Сел посредине бессмертных и Зевса выспрашивал волю:

«Что, сребромолненный, паки богов на собор призываешь?
Хощешь ли что рассудить о троянах или аргивянах?
Брань между ними близка, и немедленно бой запылает».

Слово к нему обращая, вещал громовержец Кронион:
«Так, Посейдаон! проник ты мою сокровенную волю,
Ради которой вас собрал: пекусь и о гибнущих смертных.
Но останусь я здесь и, воссев на вершине Олимпа,
Буду себя услаждать созерцанием. Вы же, о боги,
Ныне шествуйте все к ополченьям троян и ахеян;
Тем и другим поборайте, которым желаете каждый.
Если один Ахиллес на троян устремится, ни мига
В поле не выдержать им Эакидова бурного сына.
Трепет и прежде их всех обымал при одном его виде;
Ныне ж, когда он и гневом за друга пылает ужасным,
Сам я страшусь, да, судьбе вопреки, не разрушит он Трои».

Так он вещал — и возжег неизбежную брань меж богами,
К брани, душой несогласные, боги с небес понеслися.
Гера к ахейским судам, и за нею Паллада Афина,
Царь Посейдон многомощный, объемлющий землю, и Гермес,
Щедрый податель полезного, мыслей исполненный светлых.
С ними к судам и Гефест, огромный и пышущий силой,
Шел хромая; с трудом волочил он увечные ноги.
К ратям троян устремился Арей, шеломом блестящий,
Феб, не стригущий власов, Артемида, гордая луком,
Лета, стремительный Ксанф и с улыбкой прелестной Киприда.

Все то время, пока божества не приближились к смертным,
Бодро стояли ахеяне, гордые тем, что явился
Храбрый Пелид, уклонявшийся долго от брани печальной.
В рати ж троянской у каждого сердце в груди трепетало,
Страхом объемлясь, что видят опять Пелейона героя,
Грозно доспехом блестящего, словно Арей смертоносный.
Но едва олимпийцы приближились к ратям, Эрида
Встала свирепая, брань возжигая; вскричала Афина,
То пред ископанным рвом за великой стеною ахейской,
То по приморскому берегу шумному крик подымая.
Страшно, как черная буря, завыл и Арей меднолатный,
Звучно троян убеждающий, то с высоты Илиона,
То пробегая у вод Симоиса, по Калликолоне.

Так олимпийские боги, одних на других возбуждая,
Рати свели и ужасное в них распалили свирепство.

Страшно громами от неба отец и бессмертных и смертных
Грянул над ними; а долу под ними потряс Посейдаон
Вкруг беспредельную землю с вершинами гор высочайших.
Все затряслось, от кремнистых подошв до верхов многоводных
Иды: и град Илион, и суда меднобронных данаев.
В ужас пришел под землею Анд, преисподних владыка;
В ужасе с трона он прянул и громко вскричал, да над ним бы
Лона земли не разверз Посейдон, потрясающий землю,
И жилищ бы его не открыл и бессмертным и смертным,
Мрачных, ужасных, которых трепещут и самые боги.
Так взволновалося всё, как бессмертные к брани сошлися!
Против царя Посейдаона, мощного Энносигея,
Стал Аполлон длиннокудрый, носящий крылатые стрелы;
Против Арея — с очами лазурными дева Паллада;
Противу Геры пошла златолукая ловли богиня,
Гордая меткостью стрел Артемида, сестра Аполлона;
Противу Леты стоял благодетельный Гермес крылатый;
Против Гефеста — поток быстроводный, глубокопучинный,
Ксанфом от вечных богов нареченный, от смертных —
Скамандром.

Так устремлялися боги противу богов. Ахиллес же,
Гектора только бы встретить, нылал в толпы погрузиться;
Сердце его беспредельно горело Приамова сына
Кровью насытить Арея, убийством несытого воя.
Но Аполлон, возжигатель народа, героя Энея
Против Пелида подвигнул, наполнивши мужеством душу.
Голос и образ приняв Ликаона, Приамова сына,
К сыну Анхиза предстал и вещал Аполлон дальновержец:
«Где же угрозы твои, Анхизид, предводитель дарданцев?
Или не ты в Илионе, с царями за чашей пируя,
Гордо грозился, что с сыном Пелеевым станешь на битву?»

Быстро ему возражая, воскликнул Эней предводитель:
«Что ты меня, Приамид, против воли моей принуждаешь
С сыном Пелеевым, гордым могучестью, боем сражаться?
Ныне не в первый бы раз быстроногому сыну Пелея
Противостал я: меня он и прежде копьем Пелиасом
С Иды согнал, как нечаян нагрянул на пажити наши;
Он разорил и Педас и Лирнесс. Но меня Олимпиец
Спас, возбудивши во мне и силы, и быстрые ноги;
Верно, я пал бы от рук Ахиллеса и мощной Паллады,
Всюду предтекшей ему, подавшей совет и могучесть

Медным копьем побивать крепкодушных троян и лелегов.
Нет, никогда человек с Ахиллесом не может сражаться:
С ним божество неотступно, и гибель оно отражает.
Дрот из руки Ахиллесовой прямо летит и не слабнет
Прежде, чем крови врага не напьется. Но, если бессмертный
В битве присудит нам равный конец, не легко и Энея
Он одолеет, хотя и гордится, что весь он из меди!»

Сыну Анхизову вновь провещал Аполлон дальновержец:
«Храбрый! почто ж и тебе не молиться богам вековечным,
Столько ж могущим! И ты, говорят, громовержца Зевеса
Дщерью Кипридой рожден, а Пелид сей — богинею низшей:
Та от Зевеса исходит, Фетида — от старца морского.
Стань на него с некрушимою медью; отнюдь не смущайся,
Встретясь с Пелидом, ни шумною речью, ни гордой угрозой!»

Рек — и бесстрашного духа исполнил владыку народов:
Он устремился вперед, ополченный сверкающей медью.
Но не укрылся герой от лилейнораменныя Геры,
Против Пелеева сына идущий сквозь толпища ратных.
Быстро созвавши богов, златотронная Гера вещала:
«Царь Посейдон и Афина Паллада, размыслите, боги,
Разумом вашим размыслите, что из деяний сих будет?
Видите ль, гордый Эней, ополченный сияющей медью,
Против Пелида идет: наустил его Феб стреловержец.
Должно немедленно, боги, отсюда обратно отвлечь нам
Сына Анхизова: или единый из нас да предстанет
Сыну Пелея и силой исполнит, да в крепости духа
Он не скудеет и чувствует сам, что его, браноносца,
Любят сильнейшие боги; а те, что издавна доныне
Трои сынам поборают в сей брани жестокой,— бессильны!
Все мы оставили небо, желая присутствовать сами
В брани, да он от троян ничего не претерпит сегодня;
После претерпит он всё, что ему непреклонная Участь
С первого дня, как рождался от матери, выпряла с нитью.
Если того из глагола богов Ахиллес не познает,
Он устрашится, когда на него кто-нибудь от бессмертных
Станет в сражении: боги ужасны, явившиесь взорам».

Гере немедля ответствовал мощный земли колебатель:
«Так безрассудно свирепствовать, Гера, тебя недостойно!
Я не желаю бессмертных сводить на неравную битву,
Нас и других здесь присутственных; мы их могуществом выше

Лучше, когда, совокупно сошед мы с пути боевого,
Сядем на холме подзорном, а брань человекам оставим.
Если ж Арей нападенье начнет, или Феб луконосец,
Если препятствовать станут Пелееву сыну сражаться,
Там же немедля и мы сопротивникам битву воздвигнем,
Битву ужасную: скоро, надеюсь, они, разойдяся,
Вспять отойдут на Олимп и сокроются в сонме бессмертных,
Наших десниц, против воли своей, укрощенные силой».

Так говоря, пред Афиною шествовал царь черновласый
К валу тому насыпному Геракла, подобного богу,
В поле, который герою троянские мужи с Афиной
Древле воздвигли, чтоб он от огромного кита спасался,
Если ужасный за ним устремлялся от берега в поле.
Там Посейдон черновласый и прочие боги воссели,
Окрест рамен распростершие непроницаемый облак;
Боги другие напротив, по калликолонским вершинам,
Окрест тебя, Аполлон, и громителя твердей Арея.
Так на обеих странах небожители-боги сидели,
Думая думы; печальную брань начинать олимпийцы
Медлили те и другие; но Зевс от небес возбуждал их.

Ратями поле наполнилось всё, засияло от меди
Воев, коней, колесниц; задрожала земля под стопами
Толп, устремлявшихся к бою; но два знаменитые мужа
Войск обоих на среду выходили, пылая сразиться,
Славный Эней Анхизид и Пелид Ахиллес благородный.
Первый Эней выступал, угрожающий; страшно качался
Тяжкий шелом на главе Анхизидовой; щит легкометный
Он перед грудью держал и копьем потрясал длиннотенным.
Против него Ахиллес устремился, как лев истребитель,
Коего мужи-селяне решася убить непременно,
Сходятся, весь их народ; и сначала он, всех презирая,
Прямо идет; но едва его дротиком юноша смелый
Ранит,— напучась он к скоку, зияет; вкруг страшного зева
Пена клубится; в груди его стонет могучее сердце;
Гневно косматым хвостом по своим он бокам и по бедрам
Хлещет кругом и себя самого подстрекает на битву;
Взором сверкает и вдруг, увлеченный свирепством, несется
Или стрельца растерзать, или в толпище первым погибнуть,—
Так поощряла Пелида и сила и мужество сердца
Противостать возвышенному духом Энею герою.
Чуть соступились они, устремляяся друг против друга,

Первый к нему взговорил Ахиллес, бессмертным подобный:
«Что ты, Эней, на такое пространство отшедши от рати,
Стал? Не душа ли тебя сразиться со мной увлекает
В гордой надежде, что ты над троянами царствовать будешь,
Чести Приама наследник? Но, если б меня и сразил ты,
Верно, Приам не тебе свое достояние вверит.
Есть у него сыновья; и в намереньях тверд он, незыбок.
Или троянцы тебе обещают удел знаменитый,
Лучшее поле для стада и пашен, чтоб им обладал ты,
Если меня одолеешь? Тяжел, я надеюся, подвиг!
Ты уж и прежде, я помню, бежал пред моим Пелиасом.
Или забыл, как, тебя одного изловив я у стада,
Гнал по Идейским горам и с какой от меня быстротою
Ты убегал? И назад оглянуться не смел ты, бегущий!
С гор убежал ты, и в стены Лирнесса укрылся; но в прах я
Град сей рассыпал, ударив с Афиной и Зевсом Кронидом;
Множество жен полонил и, лишив их жизни свободной,
В рабство увлек; а тебя от погибели спас громовержец.
Ныне тебя не спасет он, надеюсь, как ты полагаешь
В сердце твоем! Но прими мой совет и отсюда скорее
Скройся в толпу; предо мною не стой ты, пока над тобою
Горе еще не сбылося: событие зрит и безумный!»

Но Эней знаменитый ответствовал так Ахиллесу:
«Сын Пелеев! напрасно меня, как младенца, словами
Ты застращать уповаешь: так же легко и свободно
Колкие речи и дерзости сам говорить я умею.
Знаем взаимно мы род, и наших родителей знаем,
Сами сказания давние слыша из уст человеков;
Но в лицо, как моих ты, равно и твоих я не ведал.
Ты, говорят, благородного мужа Пелея рожденье;
Матерь — Фетида тебе, лепокудрая нимфа морская.
Я же единственным сыном высокого духом Анхиза
Славлюся быть; а матерь моя Афродита богиня.
Те иль другие должны неизбежно сегодня оплакать
Сына любезного: ибо не мню я, чтоб детские речи
Нас развели и чтоб с бранного поля мы так разошлися.
Если ж ты хочешь, скажу я тебе и об роде, чтоб знал ты
Наш знаменитый род: человекам он многим известен
Нашего предка Дардана Зевс породил громовержец:
Он основатель Дардании; сей Илион знаменитый
В поле еще не стоял, ясноречных народов обитель;
Жили еще на погориях Иды, водами обильной.

Славный Дардан Эрихфония сына родил, скиптроносца,
Мужа, который меж смертных властителей был богатейший:
Здесь у него по долинам три тысячи коней паслося,
Тучных, младых кобылиц, жеребятами резвыми гордых.
К ним не раз и Борей разгорался любовью на паствах;
Многих из них посещал, набегая конем черногривым;
Все понесли, и двенадцать коней от Борея родили.
Бурные, если они по полям хлебородным скакали,
Выше земли, сверх колосьев носились, стебля не смявши;
Если ж скакали они по хребтам беспредельного моря,
Выше воды, сверх валов рассыпавшихся, быстро летали.
Царь Эрихфоний родил властелина могучего Троса;
Тросом дарованы свету три знаменитые сына:
Ил, Ассарак и младой Ганимед, небожителям равный.
Истинно, был на земле он прекраснейший сын человеков!
Он-то богами и взят в небеса, виночерпцем Зевесу,
Отрок прекрасный, дабы обитал среди сонма бессмертных.
Илом почтенным рожден непорочный душой Лаомедон;
Царь Лаомедон родил знаменитых: Тифона, Приама,
Клития, Лампа и отрасль Арееву, Гикетаона.
Капис, ветвь Ассарака, родил властелина Анхиза;
Я от Анхиза рожден, от Приама — божественный Гектор.
Вот и порода и кровь, каковыми тебе я хвалюся!
Доблесть же смертных властительный Зевс и величит и малит,
Как соизволит провидец: зане он единый всесилен.
Но довольно о сем; разговаривать больше, как дети,
Стоя уже на средине гремящего боя, не будем.
Нам обоим легко насказать оскорблений взаимных
Столько, что тяжести их не подымет корабль стоскамейный.
Гибок язык человека; речей для него изобильно
Всяких; поле для слов и сюда и туда беспредельно.
Что человеку измолвишь, то от него и услышишь.
Но к чему нам послужат хулы и обидные речи,
Коими, стоя, друг друга в лицо мы ругаем, как жены.
Жены одни, распылавшися злостью, сердце грызущей,
Шумно ругаются между собою, на улицу вышед;
Правду и ложь расточают; гнев до чего не доводит!
Ты от желанного боя словами меня не отклонишь,
Прежде чем медью со мной не сразишься. Начнем и скорее
Силы один у другого на острых изведаем копьях!»

Рек он — и медною пикою в щит и чудесный и страшный
Мощно ударил,— и весь он, огромный, взревел под ударом.

Быстро Пелид и далеко рукою дебелой от персей
Щит отклонил, устрашася; он думал, что дрот длиннотенный
Может пробиться легко, устремленный могучим Энеем:
Он, неразумный, о том ни душой, ни умом не размыслил,
Что не может легко небожителей дар благородный
Смертным мужам уступать, ни могучестью их сокрушаться.
Пущенный сильным Энеем щита досточудного бурный
Дрот не пробил, обессиленный златом, божественным даром.
Две полосы просадил он; но три их еще оставалось;
Пять в нем полос сочетал хромоногий художник небесный:
Две для поверхности медяных, две оловянных в средине
И одну золотую: она-то копье удержала.—
После герой Ахиллес послал длиннотенную пику
И ударил противника в щит его выпуклобляшный,
Около обода, где и тончайшая медь оббегала,
Где и тончайшая кожа лежала воловья: насквозь их
Ясень прорвал пелионский; весь щит затрещал под ударом.
Сгорбясь, приникнул Эней и стремительно щит над собою
В страхе поднял; и копье, засвистев у него над спиною,
Стало, вонзившися в землю, насквозь прохватившее оба
Плотные круги щита. Ускользнув от убийственной меди,
Стал Анхизид, и в очах его черная мгла разлилася
С ужаса, как недалёко от смерти он был. Ахиллес же
Пламенный, крикнувши страшно и выхватив меч изощренный,
Бросился; но сопротивник рукой подхватил уже камень,
Страшное дело, какого не подняли б два человека,
Ныне живущих, а он и один им размахивал быстро.
Тут Ахиллеса напавшего — камнем Эней поразил бы
В шлем или в щит, но они от него отразили бы гибель;
Сын же Пелеев мечом у Энея исторгнул бы душу,
Если б того не узрел Посейдон, потрясающий землю.
Быстро к бессмертным богам устремил он крылатое слово:
«Боги! печаль у меня о возвышенном духом Энее!
Скоро герой, Ахиллесом сраженный, сойдет к Аидесу,
Ложных советов послушав царя Аполлона, который
Сам, безрассудный, его не избавит от гибели грозной.
Но за что же теперь, неповинный, он бедствовать будет?
Казнь понесет за вины чужие? Приятные жертвы
Часто приносит богам он, на небе великом живущим.
Боги, решимся, и сами его из-под смерти исторгнем.
Может, и Зевс раздражится, когда Ахиллес у Энея
Жизнь пресечет: предназначено роком — Энею спастися,
Чтобы бесчадный, пресекшийся род не погибнул Дардана,

Смертного, Зевсу любезного более всех человеков,
Коих от крови его породили смертные жены;
Род бо Приама владыки давно ненавидит Кронион.
Будет отныне Эней над троянами царствовать мощно,
Он, и сыны от сынов, имущие поздно родиться».

Быстро ему отвечала богиня верховная Гера:
«Землю колеблющий, собственным разумом сам размышляй ты,
Должно ль избавить тебе, иль оставить троянца Энея
Пасть под рукой Ахиллеса великого, как он ни славен.
Мы, Посейдаон, богини, и я и Паллада Афина,
Тысячу крат перед всеми бессмертными клятвой клялися
Трои сынов никогда не спасать от грозящей напасти,
Даже когда Илион пожирающим пламенем бурным
Весь запылает, зажженный светочьми храбрых данаев».

Геры услышавши речь, Посейдаон, земли колебатель,
Встал, устремился сквозь шумную битву и трескот оружий
К месту, где храбрый Эней и герой Ахиллес подвизались.
Быстро, как бог, разлил он ужасную тьму пред очами
Сына Пелеева; ясень пелийский, сияющий медью,
Вырвавши сам из щита у высокого духом Энея,
Тихо его положил близ Пелидовых ног, а Энея
Мощной рукою поднял от земли и по воздуху бросил:
Многие толпища воинов, многие толпища коней
Быстро Эней перепрянул, рукой божества устремленный.
Он долетел до пределов кипящего битвою поля,
Где ополченья кавконов готовились двинуться в сечу.
Там Анхизиду предстал Посейдаон, колеблющий землю,
И к нему возгласил, устремляя крылатые речи:
«Кто из бессмертных, Эней, тебя ослепил и подвигнул
С сыном Пелеевым бурным сражаться и меряться боем?
Он и сильнее тебя, и любезнее жителям неба.
С ним и вперед повстречавшися, вспять отступай перед грозным;
Или, судьбе вопреки, низойдешь ты в обитель Аида.
После, когда Ахиллес рокового предела достигнет,—
Смело геройствуй, Эней, и в рядах первоборных сражайся,
Ибо другой из ахеян с тебя не похитит корыстей».

Так Посейдон заповедав, на месте оставил Энея.
В то же мгновение бог от очей Ахиллеса рассеял
Облак чудесный; и, ясно прозрев, он кругом оглянулся,

Гневно вздохнул и вещал к своему благородному сердцу:
«Боги! великое чудо моими очами я вижу:
Дрот предо мною лежит на земле; но не зрю человека,
Против которого бросил, которого свергнуть пылал я!
Верно, и сей Анхизид божествам олимпийским любезен!
Он, полагал я, любовию их напрасно гордится.
Пусть он скитается! Мужества в нем, чтоб со мною сразиться,
Больше не будет; и ныне он рад, убежавши от смерти.
Но устремимся; данаев воинственных рать возбудивши,
Противостанем врагам и других мы троян испытаем».

Рек он — и прянул к рядам и мужей возбуждал, восклицая:
«Днесь вы не стойте вдали от троян, аргивяне герои!
Муж против мужа иди и без отдыха пламенно бейся!
Трудно мне одному, и с великою силой моею,
Столько воюющих толп обойти и со всеми сражаться!
Нет, ни Арей, невзирая, что бог, ни Афина Паллада
Бездны сражений такой не могли б обойти, подвизаясь!
Сколько, однако ж, смогу я, руками, ногами и силой
Действовать буду и в рвении, льщусь, ни на миг не ослабну;
Прямо везде сквозь ряды я пройду; и никто из дарданцев
Весел не будет, который подступит к копью Ахиллеса!»

Так возбуждал их герой; а троян шлемоблещущий Гектор
Криком бодрил, и грозился идти он против Ахиллеса:
«Храбрые Трои сыны! не страшитеся вы Пелейона.
Сам я словами готов и противу бессмертных сразиться;
Но копьем тяжело: божества человеков сильнее.
Речи не все и Пелид приведет в исполнение, гордый;
Но одни совершит, а другие, не кончив, оставит.
Я на Пелида иду, хоть огню его руки подобны,
Руки подобны огню, а душа и могучесть — железу!»

Рек он,— и грозно трояне в противников подняли копья;
Храбрость смесилась мужей, и воинственный крик их раздался.
Тут, явившися Гектору, Феб возгласил сребролукий:
«Гектор! еще не дерзай впереди с Ахиллесом сражаться.
Стой меж рядов, поражай из толпы, да тебя и далёко
Он не уметит копьем или близко мечом не ударит».

Рек он,— и Гектор опять погрузился в волны народа,
С трепетом сердца услышавши голос вещавшего бога.
Тут Ахиллес на троян, облеченный всей силою духа,
С криком ударил: и первого он Ифитиона свергнул,

Храброго сына Отринтова, сильных дружин воеводу;
Нимфа наяда его родила градоборцу Отринту,
Около снежного Тмола, в цветущем селении Гиды.
Прямо летящего в встречу, его Ахиллес быстроногий
В голову пикою грянул, и надвое череп расселся.
С громом на землю он пал, и вскричал Ахиллес, величаясь:
«Лег ты, Отринтов сын, ужаснейший между мужами!
Умер ты здесь, на чужбине! а родину бросил далёко,
Возле Гигейского озера, бросил отцовские нивы,
Около рыбного Гилла и быстропучинного Герма!»

Так величался, а очи сраженного тьма осенила;
Тело же кони ахеян колесами вкруг истерзали,
Павшее в первом ряду. Ахиллес Демолеона там же,
В брани противника сильного, славную ветвь Антенора,
Пикой в висок поразил, сквозь шелом его медноланитный:
Крепкая медь не сдержала удара; насквозь пролетела
Пика могучая, кость проломила и, в череп ворвавшись,
С кровью смесила весь мозг и смирила его в нападенье.
Вслед Гипподама, который, на дол соскочив с колесницы,
Бросился в бег перед ним, поразил он копьем в междуплечье;
Он, испуская свой дух, застонал, как вол темночелый
Стонет, кругом алтаря геликийского мощного бога
Юношей силой влекомый, и бог Посейдон веселится,—
Так застонал он, и дух его доблестный кости оставил.
Тот же с копьем полетел на питомца богов Полидора,
Сына Приамова. Старец ему запрещал ратоборство;
Он из сынов многочисленных был у Приама юнейший,
Старцев любимейший сын; быстротою всех побеждал он,
И, с неразумия детского, ног быстротою тщеславясь,
Рыскал он между передних, пока погубил свою душу.
Медяным дротом младого его Ахиллес быстроногий,
Мчавшегось мимо, в хребет поразил, где застежки златые
Запон смыкали и где представлялася броня двойная;
Дрот на противную сторону острый пробился сквозь чрево;
Вскрикнув, он пал на колена; глаза его тьма окружила
Черная; внутренность к чреву руками прижал он, поникший.

Гектор едва лишь увидел, что брат Полидор, прободенный,
Внутренность держит руками, к кровавому долу приникший,—
Свет помрачился в очах Приамидовых: боле не смог он
В дальних рядах оставаться; пошел он против Ахиллеса,
Острым, как пламень светящим, колебля копьем. Ахиллес же,

Чуть лишь увидел, подпрянул и с радостью гордой воскликнул:
«Вот человек сей, который глубоко пронзил мое сердце!
Вот сей убийца друга любезного! Радуюсь: больше
Друг мы от друга не будем по бранному поприщу бегать!»

Рек — и, свирепо взглянув, к благородному Гектору вскрикнул:
«Ближе приди, да скорее дойдешь к роковому пределу!»

И ему, не смущаясь, ответствовал Гектор великий:
«Сын Пелеев! меня, как младенца, напрасно словами
Ты устрашить ласкаешься: так же легко и свободно
Колкие речи и дерзости сам говорить я умею.
Ведаю, сколько могуч ты и сколько тебя я слабее.
Но у богов всемогущих лежит еще то на коленах,
Гордую душу тебе не я ли, слабейший, исторгну
Сим копием; на копье и моем остра оконечность!»

Рек — и, ужасно сотрясши, копье он пустил; но Афина
Духом отшибла его от Пелеева славного сына,
В сретенье тихо дохнув; и назад к Приамиду герою
Дрот прилетел, и бессильный у ног его пал. Ахиллес же,
Пламенный, с криком ужасным, убить нетерпеньем горящий,
Ринулся с пикой; но Феб Аполлон Приамида избавил
Быстро, как бог: осенил он героя мраком глубоким.
Трижды могучий Пелид на него нападал, ударяя
Пикой огромной, и трижды вонзал ее в мрак лишь глубокий.
Но в четвертый он раз еще налетевши, как демон,
Крикнул голосом страшным, крылатые речи вещая:
«Снова ты смерти, о пес, избежал! Над твоей головою
Гибель висела, и снова избавлен ты Фебом могучим!
Феба обык ты молить, выходя на свистящие копья!
Скоро, однако, с тобою разделаюсь, встретяся после,
Если и мне меж богов-небожителей есть покровитель!
Ныне пойду на других и повергну, которых постигну!»

Рек — и Дриопа убил он, ударивши пикою в выю;
Тот, зашатавшись, у ног его пал; но его он оставил;
Демуха ж Филеторида, огромного, сильного мужа,
Дротом, в колено вонзив, удержал устремленного; после
Медноогромным мечом поразил и исторг ему душу.
Вслед на Биаса детей, Лаогона и Дардана, вместе
К битве скакавших, напал он и вместе их сбил с колесницы,
Первого пикой пронзив, а другого мечом поразивши.

Трос же, Аласторов сын, подбежал и колена герою
Обнял, не даст ли пощады и в плен не возьмет ли живого:
Может быть, думал, меня не убьет, над ровесником сжалясь.
Юноша бедный! не знал он, что жалости ждет бесполезно.
Был перед ним не приветный муж и не мягкосердечный,—
Муж непреклонный и пламенный! Трос обхватил лишь колена,
Мысля молить, как весь нож Ахиллес погрузил ему в печень;
Печень в груди отвалилася; кровь, закипевши из раны,
Перси наполнила; очи его, испустившего душу,
Мрак осенил; а Пелид, устремившися, Мулия грянул
В ухо копьем, и стремительно вышло сквозь ухо другое
Медное жало. За ним он Эхеклу, Агенора сыну,
Череп разнес пополам мечом с рукояткой огромной:
Весь разогрелся под кровию меч; и Эхеклу на месте
Очи смежила багровая Смерть и могучая Участь.
После сразил Девкалиона: где на изгибистом локте
Жилы сплетаются, там ему руку насквозь прохватила
Острая пика, и стал Девкалион, с рукою повисшей,
Видящий близкую смерть: Ахиллес пересек ему выю,
Голову с шлемом, сотрясши, поверг; из костей позвоночных
Выскочил мозг; обезглавленный труп по земле протянулся.
Он же немедля напал на Пиреева славного сына,
Ригма, который пришел из фракийской земли плодоносной;
Дротом его поразил; острие углубилось в утробу;
Он с колесницы слетел; а Пелид Арейфою вознице,
Коней назад обращавшему, в плечи сияющий дротик
Вбил и сразил с колесницы; и в страхе смешалися кони.

Словно как страшный пожар по глубоким свирепствует дебрям,
Окрест сухой горы, и пылает лес беспредельный;
Ветер, бушуя кругом, развевает погибельный пламень,—
Так он, свирепствуя пикой, кругом устремлялся, как демон;
Гнал, поражал; заструилося черною кровию поле.
Словно когда земледелец волов сопряжет крепкочелых
Белый ячмень молотить на гумне округленном и гладком;
Быстро стираются класы мычащих волов под ногами,—
Так под Пелидом божественным твердокопытные кони
Трупы крушили, щиты и шеломы: забрызгались кровью
Снизу вся медная ось и высокий полкруг колесницы,
В кои, как дождь, и от конских копыт, и от ободов бурных
Брызги хлестали; пылал он добыть между смертными славы,
Храбрый Пелид, и в крови обагрял необорные руки.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ПРИРЕЧНАЯ БИТВА

Но лишь трояне достигли брода реки светлоструйной,
Ксанфа сребристопучинного, вечным рожденного Зевсом,
Там их разрезал Пелид; и одних он погнал по долине
К граду, и тем же путем, где ахейцы в расстройстве бежали
Прошлого дня, как над ними свирепствовал Гектор могучий,—
Там и трояне, рассеясь, бежали; но Гера глубокий
Мрак распростерла, им путь заграждая. Другие толпами,
Бросясь к реке серебристопучинной, глубокотекущей,
Падали с шумом ужасным: высоко валы заплескали;
Страшно кругом берега загремели; упадшие с воплем
Плавали с места на место, крутяся по бурным пучинам.
Словно как пруги, от ярости огненной снявшися с поля,
Тучей к реке устремляются: вдруг загоревшийся бурный
Пышет огонь, и они устрашенные падают в воду,—
Так от Пелида бегущие падали кони и вои,
Ток наполняя гремучий глубокопучинного Ксанфа.

Он же, божественный, дрот свой огромный оставил на береге,
К ветвям мирики склонивши, и сам устремился, как демон,
С страшным мечом лишь в руках: замышлял он ужасное в сердце;
Начал вокруг им рубить: поднялися ужасные стоны
Вкруг поражаемых; кровию их забагровели волны.
Словно дельфина огромного мелкие рыбы всполошась
И бежа от него в безопасные глуби залива,
Кроются робкие: всех он глотаст, какую ни схватит,—
Так от Пелида трояне в ужасном потоке Скамандра
Крылись под кручей брегов. Но герой, утомивши убийством
Руки, живых средь потока двенадцать юношей выбрал,
Чтоб за смерть отомстить благородного друга Патрокла;
Вывел из волн, обезумленных страхом, как юных еленей;
Руки им сзади связал разрезными, крутыми ремнями,
Кои в сраженьях сами носили при бронях кольчатых;
Так повелел мирмидонцам вести их к судам мореходным.
Сам же опять на врагов устремился, убийства алкая.

Там он Приамова сына, чудясь, Ликаона младого
Встретил, из волн уходящего, коего некогда сам он

В плен, невзирая на вопль, из отцова увлек вертограда,
Ночью напавши: царевич смоковницы ветви младые
Острою медью тесал, чтобы в круги согнуть колесницы;
Вдруг на него налетела беда — Ахиллес быстроногий.
Он Ликаона, в судах своих быстрых уславши на Лемнос,
Продал: Эвней Ясонид предложил за царевича выкуп;
Друг же его и оттуда, Геэтион, Имбра владыка,
Многое дав, искупил и в священную выслал Арисбу.
Скоро, бежавши оттуда, в отеческий дом возвратился.
Дома одиннадцать дней веселился с друзьями своими,
После возврата из Лемна; в двенадцатый бог его паки
В руки привел Ахиллеса, которому сужено было
В царство Аида низринуть — идти не хотящую душу.
Быстрый могучий Пелид, лишь узрел Приамида нагого
(Он без щита, без шелома и даже без дротика вышел;
По полю всё разбросал, из реки убегающий; по́том
Он изнурился, с истомы под ним трепетали колена),
Гневно вздохнул и вещал со своею душой благородной:
«Боги! великое чудо моими очами я вижу!
Стало быть, Трои сыны, на боях умерщвленные мною,
Паки воскреснут и паки из мрака подземного выйдут,
Ежели сей возвращается; черного дня избежал он,
Проданный в Лемнос; его не могла удержать и пучина
Бурного моря, которое многих насильственно держит.
Но нападем, и пускай острия моего Пелиаса
Днесь он отведает: видеть хочу и увериться сердцем,
Так же ли он и оттуда воротится или троянца
Матерь удержит земля, которая держит и сильных».

Так размышлял и стоял он; а тот подходил полумертвый,
Ноги Пелиду готовый обнять: несказанно желал он
Смерти ужасной избегнуть и близкого черного рока.
Дрот между тем длиннотенный занес Ахиллес быстроногий,
Грянуть готовый; а тот подбежал и обнял ему ноги,
К долу припав; и копье, у него засвистев над спиною,
В землю воткнулось дрожа, человеческой жадное крови.
Юноша левой рукою обнял, умоляя, колена,
Правой копье захватил и, его из руки не пуская,
Так Ахиллеса молил, устремляя крылатые речи:
«Ноги объемлю тебе, пощади, Ахиллес, и помилуй!
Я пред тобою стою как молитель, достойный пощады!
Вспомни, я у тебя насладился дарами Деметры,
В день, как меня полонил ты в цветущем отца вертограде.

После ты продал меня, разлучив и с отцом и с друзьями,
В Лемнос священный: тебе я доставил стотельчия цену;
Ныне ж тройной искупился б ценою! Двенадцатый день лишь
С оной мне светит поры, как пришел я в священную Трою,
Много страдавши; и в руки твои опять меня ввергнул
Пагубный рок! Ненавистен я, верно, Крониону Зевсу,
Если вторично им предан тебе; кратковечным родила
Матерь меня Лаофоя, дочь престарелого Альта,—
Альта, который над племенем царствует храбрых лелегов,
Градом высоким, Педасом, у вод Сатниона владея.
Дочерь его Лаофоя, одна из супруг Дарданида,
Двух нас Приаму родила, и ты обоих умертвишь нас!
Брата уже ты сразил в ополченьях наших передних;
Острым копьем заколол Полидора, подобного богу.
То ж и со мною несчастие сбудется! Знаю, могучий!
Рук мне твоих не избегнуть, когда уже бог к ним приближил!
Слово иное скажу я, то слово прими ты на сердце:
Не убивай меня; Гектор мне брат не единоутробный,
Гектор, лишивший тебя благородного, нежного друга!»

Так говорил убеждающий сын знаменитый Приамов,
Так Ахиллеса молил; но услышал не жалостный голос:
«Что мне вещаешь о выкупах, что говоришь ты, безумный?
Так, доколе Патрокл наслаждался сиянием солнца,
Миловать Трои сынов иногда мне бывало приятно.
Многих из вас полонил и за многих выкуп я принял.
Ныне пощады вам нет никому, кого только демон
В руки мои приведет под стенами Приамовой Трои!
Всем вам, троянам, смерть, и особенно детям Приама!
Так, мой любезный, умри! И о чем ты столько рыдаешь?
Умер Патрокл, несравненно тебя превосходнейший смертный!
Видишь, каков я и сам, и красив, и величествен видом;
Сын отца знаменитого, матерь имею богиню!
Но и мне на земле от могучей судьбы не избегнуть;
Смерть придет и ко мне поутру, ввечеру или в полдень,
Быстро, лишь враг и мою на сраженьях душу исторгнет,
Или копьем поразив, иль крылатой стрелою из лука».

Так произнес,— и у юноши дрогнули ноги и сердце.
Страшный он дрот уронил и, трепещущий, руки раскинув,
Сел; Ахиллес же, стремительно меч обоюдный исторгши,
В выю вонзил у ключа, и до самой ему рукояти
Меч погрузился во внутренность: ниц он по черному праху

Лег, распростершися; кровь захлестала и залила землю.
Мертвого за ногу взявши, в реку Ахиллес его бросил,
И. над ним издеваясь, пернатые речи вещал он:
«Там ты лежи, между рыбами! Жадные рыбы вкруг язвы
Кровь у тебя нерадиво оближут! Не матерь на ложе
Тело твое, чтоб оплакать, положит; но Ксанф быстротечный
Бурной волной унесет в беспредельное лоно морское.
Рыба, играя меж волн, на поверхность чернеющей зыби
Рыба всплывет, чтоб насытиться белым царевича телом.
Так погибайте, трояне, пока не разрушим мы Трои,
Вы — убегая из битвы, а я — убивая бегущих!
Вас не спасет ни могучий поток, сребристопучинный
Ксанф. Посвящайте ему, как и прежде, волов неисчетных;
В волны бросайте живых, как и прежде, коней звуконогих;
Все вы изгибнете смертию лютой; заплатите вы мне
Друга Патрокла за смерть и ахейских сынов за убийство,
Коих у черных судов без меня вы избили на сечах!»

Так говорил он,— и Ксанф на него раздражался жестоко;
Стал волноваться он думами, как удержать от свирепства
Бурного сына Пелея, спасая троян от убийства.
Но Пелейон между тем, потрясая копьем длиннотенным,
Прянул ужасный, убить пылающий Астеропея,
Ветвь Пелегона, которого Аксий широкотекущий
С юной родил Перибоею, Акессаменовой дщерью
Старшею; с нею поток сочетался глубокопучинный.
Быстро Пелид устремлялся, а тот из реки на Пелида
Вышел, двумя потрясающий копьями; дух пеонийцу
Ксанф возбуждал: раздражался бессмертный за юношей красных,
Коих в пучинах его Ахиллес убивал без пощады.
Чуть соступились они, устремляясь друг против друга,
Первый к Астеропею вскричал Ахиллес быстроногий:
«Кто ты, откуда ты, смертный, дерзающий в встречу мне выйти?
Дети одних несчастных встречаются с силой моею!»

И ему отвечал воинственный сын Пелегонов:
«Сын знаменитый Пелеев, почто вопрошаешь о роде?
Я из Пеонии муж, из страны плодоносной, далекой;
Вождь я пеонян огромнокопейных. Двенадцатый день мне
Светит с оной поры, как пришел я в Приамову Трою.
Родоначальник мой славный — Аксий широкотекущий,

Аксий, водою прекраснейшей недра земные поящий:
Он Пелегона родил; от него, копьеносца, вещают,
Я порожден. Но сразися со мной, Ахиллес благородный!»

Так он, грозя, говорил; и занес Ахиллес быстроногий
Крепкий свой ясень пелийский; но дротами вдруг обоими
Сын Пелегонов пустил: копьеборец он был оборучный:
В щит Ахиллесов одним угодил, но сквозь щит не проникнул
Дрот медножальный, удержанный златом, божественным даром.
Дротом другим, близ локтя пронесшимся, ссадил десную:
Черная кровь заструилась, и дрот позади Ахиллеса
В землю вонзился, горящий насытиться телом героя.
Вслед Пелейон Ахиллес, размахнув прямолетный свой ясень,
В Астеропея пустил, сопостата низвергнуть пылая;
Но, не попав Пелегонида, в берег высокий ударил
И вогнал до средины огромное дерево в берег.
Сам между тем, исторгнувши меч из влагалища острый,
Яр на противника прянул, а тот ахиллесовский ясень
Вырвать из берега тщетно рукой напрягался дебелой.
Трижды его колыхал, из стремнины исторгнуть пылая,
Трижды силы терял; но в четвертый он раз лишь рванулся,
Чая согнуть и сломить Эакидов убийственный ясень,—
Тот налетел и мечом у надменного душу исторгнул:
Чрево близ пупа ему разрубил, и из чрева на землю
Вылилась внутренность вся, и ему, захрипевшему, очи
Смертная тьма осенила; Пелид же, на грудь его бросясь,
Пышные латы срывал и вещал, величаясь победой:
«В прахе лежи! Тебе тяжело всемогущего Зевса
Спорить с сынами, хотя и рожден ты рекою великой!
Ты от реки широкой своим величаешься родом;
Я от владыки бессмертных, от Зевса, рожденьем славлюсь.
Жизнь даровал мне герой, мирмидонян владыка державный,
Отрасль Эака, Пелей; Эак же рожден от Зевеса.
Сколько Зевес многомощнее рек, убегающих в море,
Столько пред чадами рек многомощнее чада Зевеса!
Здесь, пред тобой — и река могучая; пусть испытает
Помощь подать: невозможно сражаться с Кронионом Зевсом.
С ним, громовержцем, ни царь Ахелой не дерзает равняться,
Ни, могуществом страшный, седой Океан беспредельный,
Тот, из которого всякий источник и всякое море,
Реки, ключи и глубокие кладези все истекают;
Но трепещет и он всемогущего Зевса перунов
И ужасного грома, когда от Олимпа он грянет».

Рек — и из брега стремнистого вырвал огромную пику.
Бросил врага, у которого гордую душу исторгнул,
В прахе простертого: там его залили мутные волны;
Вкруг его тела и рыбы и угри толпой закипели,
Почечный тук обрывая и жадно его пожирая.
Сын же Пелеев пошел на пеонян, воинов конных,
Кои по берегу Ксанфа пучинного бросились в бегство,
Чуть лишь увидели мужа сильнейшего в битве ужасной,
Мощно сраженного грозной рукой и мечом Ахиллеса.
Там он убил Ферсилоха, Эния вождя и Мидона,
Сверг Астипила и Фразия, сверг Офелеста и Мнесса.
Многих еще бы пеонян сразил Ахиллес быстроногий,
Если бы голоса в гневе Скамандр пучинный не поднял.
В образе смертного бог возгласил из глубокой пучины:
«О Ахиллес! и могуществом сил, и грозою деяний
Выше ты смертного! Боги всегда по тебе поборают.
Если Кронион троян на погибель всех тебе предал,
Выгони их из меня и над ними ты в поле свирепствуй.
Трупами мертвых полны у меня светлоструйные воды;
Более в море священное волн проливать не могу я,
Трупами спертый троянскими: ты истребляешь, как гибель!
О, воздержись! и меня изумляешь ты, пастырь народа!»

Ксанфу немедля ответствовал царь Ахиллес быстроногий:
«Будет, как ты заповедуешь, Ксанф, громовержцев питомец!
Я перестану троян истреблять, но не прежде, как гордых
В стены вобью, и не прежде, как Гектора мощь испытаю,
Он ли меня укротит иль надменного сам укрощу я».

Так говоря, на троян устремился ужасный, как демон.
К Фебу тогда возопила река из пучины глубокой:
«Бог сребролукий, Крониона сын, не блюдешь ты заветов
Зевса Кронида! Не он ли тебе повелел, Олимпиец,
Трои сынов защищать неотступно, пока не простретсся
Сумрак вечерний и тенью холмистых полей не покроет».

Так говорила; Пелид же бесстрашный в средину пучины
Прянул с крутизны. Река поднялася, волнами бушуя.
Вся, всклокотавши, до дна взволновалась и мертвых погнала,
Коими волны ее Ахиллес истребитель наполнил;
Мертвых, как вол ревущая, вон извергла на берег;
Но, живых укрывая в пучинных пещерах широких,

Их защитила своими катящимись пышно водами.
Страшное вкруг Ахиллеса волненье бурное встало;
Зыблют героя валы, упадая на щит; на ногах он
Боле не мог удержаться; руками за вяз ухватился
Толстый, раскидисто росший; и вяз, опрокинувшись с корнем,
Берег обрушил с собой, заградил быстротечные воды
Ветвей своих густотой и, как мост, по реке протянулся,
Весь на нее опрокинясь. Герой, исскоча из пучины,
Бросился в страхе долиной лететь на ногах своих быстрых.
Яростный бог не отстал; но, поднявшись, за ним он ударил
Валом черноголовым, горя обуздать Ахиллеса
В подвигах бранных и Трои сынов защитить от убийства.
Он же, герой, проскакал на пространство копейного лёта,
Быстро, как мощный орел, чернопёрый ловец поднебесный,
Самый сильнейший и самый быстрейший из рода пернатых:
Равный орлу он стремился; блестящая медь всеоружий
Страшно вкруг персей звучала; бежа от реки, он бросался
Вбок, а река по следам его с ревом ужасным крутилась.
Словно когда водовод от ключа, изобильного влагой,
В сад, на кусты и растения, ров водотечный проводит,
Заступ острый держа и копь от препон очищая;
Рвом устремляется влага; под нею все мелкие камни
С шумом катятся; источник бежит и журчит, убыстренный
Местом покатистым; он и вождя далеко упреждает,—
Так непрестанно преследовал вал черноглавый Пелида,
Сколько ногами ни быстрого: боги могучее смертных.
Несколько раз покушался герой Ахиллес быстроногий
Противостать и увидеть, не все ли его уже боги
Гонят, не всё ль на него ополчилось великое небо?
Несколько раз его вал излиянного Зевсом Скамандра,
Сверху обрушася, в плечи хлестал; негодуя, высоко
Прядал Пелид, но река удручала могучие ноги,
Бурная под ноги била и прах из-под стоп вырывала.
Крикнул Пелид наконец, на высокое небо взирая:
«Зевс! так никто из богов милосердый меня не предстанет
Спасть из реки, злополучного? После и всё претерпел бы...
Но кого осуждаю я, кто из небесных виновен?
Матерь единая, матерь меня обольщала мечтами,
Матерь твердила, что здесь, под стенами троян броненосных,
Мне от одних Аполлоновых стрел быстролетных погибнуть;
Что не убит я Гектором! Сын Илиона славнейший,
Храброго он бы сразил и корыстью гордился бы, храбрый!
Ныне ж бесславною смертью судьбой принужден я погибнуть;

Лечь в пучинах реки, как младой свинопас, поглощенный
Бурным потоком осенним, который хотел перебресть он!»

Так говорил,— и незапно ему Посейдон и Афина
Вместе явились, приближились, образ приняв человеков;
За руку взяли рукой и словами его уверяли.
Первый к нему провещал Посейдон, потрясающий землю:
«Храбрый Пелид! ничего не страшися, ничем не смущайся.
Мы от бессмертных богов, изволяющу Зевсу Кронпду,
Мы твои покровители, я и Паллада Афина.
Роком тебе не назначено быть побежденным рекою;
Скоро она успокоится, бурная, сам ты увидишь.
Мы же, когда ты послушаешь, мудрый совет предлагаем:
Рук не удерживай ты от убийства и общего боя
Прежде, доколе троян не вобьешь в илионскпе стены
Всех, кто спасется; и после ты, Гектора душу исторгнув,
В стан возвратися; дадим мы тебе вожделенную славу».

Так возгласивши, бессмертные вновь удалились
к бессмертным.
Он полетел, беспредельно глаголом богов ободренный,
В поле; а поле водою разлившеюсь всё понималось.
Множество пышных оружий, множество юношей красных
Плавало мертвых. Высоко скакал он, бежа от стремленья
Прямо гонящихся волн разъяренных; не мог его больше
Бурный поток удержать, облеченного в крепость Афиной.
Но и Скамандр не обуздывал гнева; против Ахиллеса
Пуще свирепствовал бог; захолмивши валы на потоке,
Он воздымался высоко и с ревом вопил к Симоису:
«Брат мой, воздвигнися! Мужа сего совокупно с тобою
Мощь обуздаем; иль скоро обитель владыки Приама
Он разгромит; устоять перед грозным трояне не могут!
Помощь скорее подай мне; поток свой наполни водами
Быстрых источников горных, и все ты воздвигни потоки!
Страшные волны поставь, закрути с треволнением шумным
Бревна и камни, чтобы обуздать нам ужасного мужа!
Он побеждает теперь и господствует в брани, как боги!
Но не помогут, надеюсь, ему ни краса, ни могучесть,
Ни оружия пышные, кои в болоте глубоком
Лягут и черной покроются тиною, ляжет и сам он.
Я и его под песком погребу и громадою камней
Страшной кругом замечу; не сберут и костей Ахиллеса
Чада ахеян: такой самого его тиной покрою!

Там и могила его, и не нужно ахеянам будет
Холма над ним насыпать, воздавая надгробную почесть!»

Рек — и напал на него, клокоча и высоко бушуя,
С ревом бросая и пеной, и кровью, и трупами мертвых.
Быстро багровые волны реки, излиявшейся с неба,
Стали стеной, обхватили кругом Пелейона героя.
Крикнула Гера богиня, страшась, чтоб Пелеева сына
В хляби свои не умчала река, излиянная Зевсом;
Быстро к Гефесту, любезному сыну, она возгласила:
«В бой, хромоногий! воздвигнись, о сын мой! С тобою сразиться
Мы почитаем достойным глубокопучинного Ксанфа.
Противостань и скорее открой пожирающий пламень!
Я же иду, чтобы Зефира ветра и хладного Нота
Быстро от брега морского жестокую бурю воздвигнуть;
Буря сожжет и главы и доспехи троян ненавистных,
Страшный пожар разносящая. Ты по брегам у Скамандра
Жги дерева и на воду огонь устреми; не смягчайся
Ласковой речью его, не смущайся угрозами бога;
И не смиряй ты пламенной силы, пока не подам я
Знаменья криком; тогда укротишь ты огонь неугасный».

Так повелела,— и сын устремил пожирающий пламень.
В поле сперва разгорался огонь, и тела пожирал он
Многих толпами лежащих троян, Ахиллесом убитых.
Поле иссохло, и стали в течении светлые воды.
Словно как в осень Борей вертоград, усыренный дождями,
Скоро сушит и его удобрителя радует сердце,—
Так иссушилося целое поле, тела погорели.
Бог на реку обратил разливающий зарево пламень.
Вспыхнули окрест зеленые ивы, мирики и вязы;
Вспыхнули влажные тростн, и лотос, и кипер душистый,
Кои росли изобильно у Ксанфовых вод светлоструйных;
Рыбы в реке затомились, и те по глубоким пучинам,
Те по прозрачным струям и сюда и туда заныряли,
В пламенном духе томясь многоумного Амфигпея.
Вспыхнул и самый поток, и, пылающий, так возопил он:
«Нет, о Гефест, ни единый бессмертный тебя не осилит!
Нет, никогда не вступлю я с тобой, огнедышащим, в битву!
Кончи ты брань! А троян хоть из града Пелид быстроногий
Пусть изженет; отрекаюсь их распрь, не хочу поборать им!»

Так говорил и горел; клокотали прекрасные воды.
Словно клокочет котел, огнем подгнетенный великим,

Если он, вепря огромного тук растопляя блестящий,
Полный ключом закипит, раскаляемый пылкою сушью,—
Так от огня раскалялися волны, вода клокотала.
Стала река, протекать не могла, изнуренная знойной
Силою бога Гефеста. Скамандр к торжествующей Гере
Голос простер умоляющий, быстрые речи вещая:
«Гера! за что твой сын, на поток мой свирепо обрушась,
Мучит меня одного? Пред тобою не столько виновен
Я, как другие бессмертные, кои троян защищают.
Я укрощуся, о Гера владычица, если велишь ты;
Пусть и Гефест укротится! Клянуся я клятвой бессмертных:
Троп сынов никогда не спасать от суровой годины,
Даже когда и Троя губительным пламенем бурным
Вся запылает, зажженная светочьми храбрых данаев!»

Речи такие услышав, лилейнораменная Гера
Быстро, богиня, к Гефесту, любезному сыну, вещала:
«Полно, Гефест, укротися, мой сын знаменитый! Не должно
Так беспощадно за смертных карать бессмертного бога!»

Так повелела,— и бог угасил пожирающий пламень.
Вспять покатились к потоку прекрасно струящиеся воды.
Так обуздана Ксанфова мощь; успокоились оба,
Ксанф и Гефест: укротила их Гера, кипящая гневом.

Но меж другими бессмертными вспыхнула страшная злоба,
Бурная: чувством раздора их души в груди взволновались.
Бросились с шумной тревогой; глубоко земля застонала;
Вкруг, как трубой, огласилось великое небо. Услышал
Зевс, на Олимпе сидящий; и с радости в нем засмеялось
Сердце, когда он увидел богов, устремившихся к брани.
Сшедшися, боги не долго стояли в бездействии: начал
Щиторушитель Арей, налетел на Палладу Афину,
Медным колебля копьем, изрыгая поносные речи:
«Паки ты, наглая муха, на брань небожителей сводишь?
Дерзость твоя беспредельна! Ты вечно свирепствуешь сердцем!
Или не помнишь, как ты побудила Тидеева сына
Ранить меня, и сама, перед всеми копье ухвативши,
Прямо в меня устремила и тело мое растерзала?
Ныне за всё, надо мной совершенное, мне ты заплатишь!»

Рек — и ударил копьем в драгоценный эгид многокистный,
Страшный, пред коим бессилен и пламенный гром
молневержца;

В оный копьем длиннотенным ударил Арей исступленный.
Зевсова дочь отступила и мощной рукой подхватила
Камень, в поле лежащий, черный, зубристый, огромный,
В древние годы мужами положенный поля межою;
Камнем Арея ударила в выю и крепость сломила.
Семь десятин он покрыл, распростершись: доспех его медный
Грянул, и прахом оделись власы. Улыбнулась Афина
И, величаясь над ним, устремила крылатые речи:
«Или доселе, безумный, не чувствовал, сколь пред тобою
Выше могуществом я, что со мною ты меряешь силы?
Так отягчают тебя проклятия матери Геры,
В гневе тебе готовящей кару за то, что, изменник,
Бросил ахейских мужей и стоишь за троян вероломных!»

Так говоря, от него отвратила ясные очи.
За руку взявши его, повела Афродита богиня,
Тяжко и часто стенящего; в силу он с духом собрался.
Но, Афродиту увидев, лилейнораменная Гера
К Зевсовой дщери Афине крылатую речь устремила:
«Непобедимая дщерь воздымателя облаков Зевса!
Видишь, бесстыдная паки губителя смертных Арея
С битвы пылающей дерзко уводит! Скорее преследуй!»

Так изрекла,— и Афина бросилась с радостью в сердце;
Быстро напав на Киприду, могучей рукой поразила
В грудь; и мгновенно у ней обомлело и сердце и ноги.
Оба они пред Афиною пали на злачную землю.
И, торжествуя над падшими, вскрикнула громко Афина:
«Если б и все таковы защитители Трои высокой
Были, на брань выходя против медноружных данаев,
Столько ж отважны и сильны душой, какова Афродита
Вышла, Арея союзница, в крепости спорить со мною!
О, давно бы от грозной войны успокоились все мы,
Град сей разруша, высокотвердынную Трою Приама!»

Так говорила,— и тихо осклабилась Гера богиня.
И тогда к Аполлону вещал Посеидон земледержец:
«Что, Аполлон, мы стоим в отдалении? Нам неприлично!
Начали боги другие. Постыдно, когда мы без боя
Оба придем на Олимп, в меднозданный дом Олимпийца!
Феб, начинай; ты летами юнейший,— но мне неприлично:
Прежде тебя я родился, и боле тебя я изведал.
О безрассудный, беспамятно сердце твое! Позабыл ты,

Сколько трудов мы и бед претерпели вокруг Илиона,
Мы от бессмертных одни? Повинуяся воле Кронида,
Здесь Лаомедону гордому мы, за условную плату,
Целый работали год, и сурово он властвовал нами.
Я обитателям Трои высокие стены воздвигнул,
Крепкую, славную твердь, нерушимую града защиту.
Ты, Аполлон, у него, как наемник, волов круторогих
Пас по долинам холмистой, дубравами венчанной Иды.
Но, когда нам условленной платы желанные Горы
Срок принесли, Лаомедон жестокий насильно присвоил
Должную плату и нас из пределов с угрозами выслал.
Лютый, тебе он грозил оковать и руки и ноги
И продать, как раба, на остров чужой и далекий;
Нам обоим похвалялся отсечь в поруганье уши.
Так удалилися мы, на него негодуя душою.
Царь вероломный, завет сотворил и его не исполнил!
Феб, не за то ль благодеешь народу сему и не хочешь
Нам поспешать, да погибнут навек вероломцы трояне,
Бедственно все да погибнут, и робкие жены и дети!»

Но ему отвечал Аполлон, сребролукий владыка:
«Энносигей! не почел бы и сам ты меня здравоумным,
Если б противу тебя ополчался я ради сих смертных,
Бедных созданий, которые, листьям древесным подобно,
То появляются пышные, пищей земною питаясь,
То погибают, лишаясь дыханья. Нет, Посейдаон,
Распри с тобой не начну я; пускай человеки раздорят!»

Так произнес Аполлон — и назад обратился, страшася
Руки поднять на царя, на могучего брата отцова.
Тут Аполлона сестра, Артемида, зверей господыня,
Шумом ловитв веселящаясь, гневно его укоряла:
«Ты убегаешь, стрелец! и царю Посейдону победу
Всю оставляешь, даешь ненаказанно славой гордиться?
Что ж, малодушный, ты носишь сей лук, для тебя бесполезный?
С сей я поры чтоб твоих не слыхала в чертогах Кронида
Гордых похвал, как, бывало, ты хвалишься между богами
С Эпносигеем, земли колебателем, выйти на битву».

Так говорила; сестре не ответствовал Феб сребролукий
Но раздражилася Гера, супруга почтенная Зевса,
И словами жестокими так Артемиду язвила:
«Как, бесстыдная псица, и мне уже ныне ты смеешь

Противостать? Но тебе я тяжелой противницей буду,
Гордая луком! Тебя лишь над смертными женами львицей
Зевс поставил, над ними свирепствовать дал тебе волю.
Лучше и легче тебе поражать по горам и долинам
Ланей и диких зверей, чем с сильнейшими в крепости спорить.
Если ж ты хочешь изведать и брани, теперь же узнаешь,
Сколько тебя я сильнее, когда на меня ты дерзаешь!»

Так лишь сказала и руки богини своею рукою
Левой хватает, а правою, лук за плечами сорвавши,
Луком, с усмешкою горькою, бьет вкруг ушей Артемиду:
Быстро она отвращаясь, рассыпала звонкие стрелы
И, наконец, убежала в слезах. Такова голубица,
Ястреба, робкая, взвидя, в расселину камня влетает,
В темную нору, когда ей не сужено быть уловленной,—
Так Артемида в слезах убежала и лук свой забыла.
Лете, богине, тогда возгласил возвестительный Гермес:
«Лета! сражаться с тобой ни теперь я, ни впредь не намерен:
Трудно сражаться с супругами тучегонителя Зевса.
Можешь, когда ты желаешь, торжественно между бессмертных,
Можешь хвалиться, что силой ты страшной меня победила».

Так говорил он, а Лета сбирала и лук и из тула
Врознь по песчаным зыбям разлетевшиесь легкие стрелы.
Все их собравши, богиня пошла за печальною дщерью.
Та же взошла на Олимп, в медноозданный чертог громовержца;
Села, слезы лия, на колени родителя дева;
Риза на ней благовонная вся трепетала. Кронион
К сердцу дочерь прижал и вещал к ней с приятной усмешкой:
«Дочь моя милая! кто из бессмертных тебя дерзновенно
Так оскорбил, как бы явное ты сотворила злодейство?»

Зевсу прекрасновенчанная ловли царица вещала:
«Гера, твоя супруга, родитель, меня оскорбила,
Гера, от коей и распря и брань меж богами пылает».

Так небожители боги, сидя на Олимпе, вещали.
Тою порой Аполлон вступил в священную Трою:
Сердцем заботился он, да твердынь благозданного града
Сила данаев, судьбе вопреки, не разрушит в день оный.
Прочие все на Олимп возвратилися вечные боги,
Гневом пылая одни, а другие славой сияя.
Сели они вкруг отца громоносного. Сын же Пелеев

В грозном бою истреблял и мужей, и коней звуконогих.
Словно как дым от пожара столпом до высокого неба
Всходит над градом пылающим, гневом богов воздвизаем:
Всем он труды и печали несчетные многим наносит,—
Так Ахиллес наносил и труды и печали троянам.

Царь Илиона, Приам престарелый, на башне священной
Стоя, узрел Ахиллеса ужасного: все пред героем
Трои сыны, убегая, толпилися; противоборства
Более не было. Он зарыдал — и, сошедши на землю,
Громко приказывал старец ворот защитителям славным:
«Настежь ворота в руках вы держите, пока ополченья
В город все не укроются, с поля бегущие: близок
Грозный Пелид, их гонящий! Приходит нам тяжкая гибель.
Но, как скоро вбегут и в стенах успокоятся рати,
Вновь затворите ворота и плотные створы заприте.
Я трепещу, чтобы муж сей погибельный в град не ворвался!»

Рек он,— и стражи, отдвинув запор, распахнули ворота.
Многим они, растворенные, свет даровали; навстречу
Вылетел Феб, чтоб от Трои сынов отразить истребленье.
Рати ж троянские к городу прямо, к твердыне высокой,
Жаждой палимые, прахом покрытые, с бранного поля
Мчалися; бурно их гнал он копьем; непрестанно в нем сердце
Страшным пылало свирепством, неистово славы алкал он.
Взяли б в сей день аргивяне высоковоротную Трою,
Если бы Феб Аполлон не воздвигнул Агенора мужа,
Ветвь Антенора сановника, славного, сильного в битвах.
Феб ему сердце наполнил отвагой и сам недалеко
Стал, чтоб над мужем удерживать руки тяжелые Смерти,
К дереву буку склонясь и покрывшися облаком темным.
Тот же, как скоро увидел рушителя стен Ахиллеса,
Стал; но не раз у него колебалось тревожное сердце.
Тяжко вздохнув, говорил он с своей благородной душою:
«Горе мне! ежели я, оробев, пред ужасным Пелидом
В бег обращусь, как бегут и другие, смятенные страхом,—
Быстрый догонит меня и главу, как у робкого, снимет!
Если же сих, по долине бегущих, преследовать дам я
Сыну Пелея, а сам одинокий в сторону града
Брошусь бежать по Илийскому полю, пока не достигну
Иды лесистых вершин и в кустарнике частом не скроюсь?
Там я, как вечер наступит, в потоке омоюсь от пота
И, освежася, под сумраком вновь в Илион возвращуся.

Но не напрасно ль ты, сердце, в подобных волнуешься думах?
Если меня вдалеке он от города, в поле увидит?
Если, ударясь в погоню, меня быстроногий нагонит?
О! не избыть мне тогда от сурового рока и смерти!
Сей человек несравненно могучее всех человеков!
Если ж ему самому перед градом я противостану?..
Тело его, как и всех, проницаемо острою медью;
Та ж и одна в нем душа, и от смертных зовется он смертным,
Но Кронид лишь ему и победу и славу дарует!»

Так пропзнес — и, уставясь на бой, нажидал Ахиллеса:
Храброе сердце стремило его воевать и сражаться.
Словно как смелый барс из опушки глубокого леса
Прямо выходит на мужа-ловца, и, не ведущий страха,
Он не смущается, он не бежит при раздавшемся лае;
Даже когда и стрелой иль копьем его ловчий уметит,
Он, невзирая, что сам копьем прободен, не бросает
Пламенной битвы, пока не сразит или сам не простреться,—
Так Антеноров сын, воеватель бесстрашный Агенор,
С поля сойти не решался, пока не изведал Пелида.
Он, перед грудью уставивши выпуклый щит круговидный,
Метил копьем на него и грозился, крича громозвучно:
«Верно, надежду ты в сердце питал, Ахиллес знаменитый,
Нынешний день разорить обитель троян благородных?
Нет, безрассудный, бедам еще многим свершиться за Трою!
Много еще нас во граде мужей и бесстрашных и сильных,
Кои готовы для наших отцов, для супруг и младенцев
Град Илион защищать, пред которым найдешь ты погибель,—
Ты, и страшнейший в мужах, и душою отважнейший воин!»

Рек — и сияющий дрот он рукою могучею ринул,
И не прокинул: уметил его в подколенное берцо;
Окрест ноги оловянная, новая ковань, поножа
Страшный звон издала; но суровая медь отскочила
Вспять от ноги; не прошла, отраженная божеским даром.
Тут Ахиллес на подобного богу Агенора прянул,
Пламенный; но Аполлон ему славой украситься не дал:
Быстро похитил троянца и, мраком покрывши глубоким,
Мирно ему от боя опасного дал удалиться;
Сам же Пелеева сына коварством отвлек от народа:
Образ принявши Агенора, бог Аполлон сребролукий
Стал пред очами его, и за ним он ударился гнаться.—
Тою порой, как Пелид по равнине, покрытой пшеницей,

Феба преследовал, вспять близ глубокопучинного Ксанфа,
Чуть уходящего,— хитростью бог обольщал человека,
Льстя беспрестанной надеждой, что он, быстроногий, нагонит,—
Тою порою трояне, бегущие с поля, толпами
Радостно к граду примчались; бегущими град наполнялся.
Все укрывались, никто не дерзал за стеною, вне града,
Ждать остальных и разведывать, кто из товарищей спасся,
Кто на сраженье погиб; но в радости сердца, как волны,
Хлынули в город, которых спасли только быстрые ноги.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

УМЕРЩВЛЕНИЕ ГЕКТОРА

С ужасом в город вбежав, как олени младые, трояне
Пот прохлаждали, пили и жажду свою утоляли,
Вдоль по стене на забрала склоняяся; но аргивяне
Под стену прямо неслися, щиты к раменам приклонивши.
Гектор же в оное время, как скованный гибельным роком,
В поле остался один перед Троей и башнею Скейской.
Бог Аполлон между тем провещал к Пелейону герою:
«Что ты меня, о Пелид, уповая на быстрые ноги,
Смертный, преследуешь бога бессмертного? Или доселе
Бога во мне не узнал, что без отдыха пышешь свирепством?
Ты пренебрег и опасность троян, пораженных тобою:
Скрылись они уже в стены; а ты здесь по полю рыщешь.
Но отступи; не убьешь ты меня, не причастен я смерти».

Вспыхнувши гневом, ему отвечал Ахиллес быстроногий:
«Так обманул ты меня, о зловреднейший между богами!
В поле отвлек от стены! Без сомнения, многим еще бы
Землю зубами глодать до того, как сокрылися в Трою!
Славы прекрасной меня ты лишил; а сынов Илиона
Спас без труда, ничьего не страшася отмщения после...
Я отомстил бы тебе, когда б то возможно мне было!»

Так произнес он — и к граду с решимостью гордой понесся,
Бурный, как конь с колесницей, всегда победительный в беге,
Быстро несется к мете, расстилаясь по чистому полю,—
Так Ахиллес оборачивал быстро могучие ноги.

Первый старец Приам со стены Ахиллеса увидел,
Полем летящего, словно звезда, окруженного блеском;
Словно звезда, что под осень с лучами огнистыми всходит
И, между звезд неисчетных горящая в сумраках ночи
(Псом Ориона ее нарицают сыны человеков),
Всех светозарнее блещет, но знаменьем грозным бывает;
Злые она огневицы наносит смертным несчастным,—
Так у героя бегущего медь вкруг персей блистала.
Вскрикнул Приам; седую главу поражает руками,
К небу длани подъемлет и горестным голосом вопит,
Слезно молящий любезного сына; но тот пред вратами
Молча стоит, беспредельно пылая сразиться с Пелидом.
Жалобно старец к нему и слова простирает и руки:
«Гектор, возлюбленный сын мой! Не жди ты сего человека
В поле один, без друзей, да своей не найдешь ты кончины.
Сыном Пелея сраженный: тебя он могучее в битвах!
Лютый! когда бы он был и бессмертным столько ж любезен,
Сколько мне: о, давно б уже труп его псы растерзали!
Тяжкая горесть моя у меня отступила б от сердца!
Сколько сынов у меня он младых и могучих похитил,
Или убив, иль продав племенам островов отдаленных!
Вот и теперь, Ликаона нет и нет Полидора;
Их обоих я не вижу в толпах, заключившихся в стены,
Юношей милых, рожденных царицею жен Лаофоей.
О! если живы они, но в плену,— из ахейского стана
Их мы искупим и медью и златом: обильно их дома;
Много сокровищ за дочерью выдал мне Альт знаменитый.
Если ж погибли они и уже в Айдесовом доме,
Горе и мне и матери, кои на скорбь их родили!
Но народу троянскому горести менее будет,
Только бы ты не погиб, Ахиллесом ужасным сраженный.
Будь же ты с нами, сын милый! Войди в Илион, да спасешь ты
Жен и мужей илионских, да славы не даруешь громкой
Сыну Пелея, и жизни сладостной сам не лишишься!
О! пожалей и о мне ты, пока я дышу еще, бедном,
Старце злосчастном, которого Зевс пред дверями могилы
Казнью ужасной казнит, принуждая все бедствия видеть:
Видеть сынов убиваемых, дщерей в неволю влекомых,
Домы Пергама громимые, самых младенцев невинных
Видеть об дол разбиваемых в сей разрушительной брани,
И невесток, влачимых руками свирепых данаев!..
Сам я последний паду, и меня на пороге домашнем

Алчные псы растерзают, когда смертоносною медью
Кто-либо в сердце уметит и душу из персей исторгнет;
Псы, что вскормил при моих я трапезах, привратные стражи,
Кровью упьются моей и, унылые сердцем, на праге
Лягут при теле моем искаженном! О, юноше славно,
Как ни лежит он, упавший в бою и растерзанный медью,—
Все у него, и у мертвого, что ни открыто, прекрасно!
Если ж седую браду и седую главу человека,
Ежели стыд у старца убитого псы оскверняют,—
Участи более горестной нет человекам несчастным!»

Так вопиял, и свои серебристые волосы старец
Рвал на главе, но у Гектора сына души не подвигнул.
Матерь за ним на другой стороне возопила, рыдая;
Перси рукой обнажив, а другой на грудь указуя,
Сыну, лиющая слезы, крылатую речь устремляла:
«Сын мой! почти хоть сие, пожалей хоть матери бедной!
Если я детский твой плач утоляла отрадною грудью,
Вспомни об оном, любезнейший сын, и ужасного мужа,
В стены вошед, отражай; перед ним ты не стой одинокий!
Если, неистовый, он одолеет тебя, о мой Гектор,
Милую отрасль мою, ни я на одре не оплачу,
Ни Андромаха супруга; далёко от нас от обеих,
В стане тебя мирмидонском свирепые псы растерзают!»

Так, рыдая, они говорили к любезному сыну,
Так умоляли,— но Гектора в персях души не подвигли:
Он ожидал Ахиллеса великого, несшегось прямо.
Словно как горный дракон у пещеры ждет человека,
Трав ядовитых нажравшись и черной наполняся злобой,
В стороны страшно глядит, извиваяся вкруг над пещерой,—
Гектор таков, несмиримого мужества полный, стоял там,
Выпуклосветлым щитом упершись в основание башни;
Мрачно вздохнув, наконец говорил он в душе возвышенной:
«Стыд мне, когда я, как робкий, в ворота и стены укроюсь!
Первый Полидамас на меня укоризны положит:
Полидамас мне советовал ввесть ополчения в город
В оную ночь роковую, как вновь Ахиллес ополчился.
Я не послушал, но, верно, полезнее было б послушать!
Так троянский народ погубил я своим безрассудством.
О! стыжуся троян и троянок длинноодежных!
Гражданин самый последний может сказать в Илионе:
— Гектор народ погубил, на свою понадеявшись силу! —

Так илионяне скажут. Стократ благороднее будет
Противостать и, Пелеева сына убив, возвратиться
Или в сражении с ним перед Троею славно погибнуть!
Но... и почто же? Если оставлю щит светлобляшный,
Шлем тяжелый сложу и, копье прислонивши к твердыне,
Сам я пойду и предстану Пелееву славному сыну?
Если ему обещаю Елену и вместе богатства
Все совершенно, какие Парис в кораблях глубодонных
С нею привез в Илион,— роковое раздора начало! —
Выдать Атридам и вместе притом разделить аргивянам
Все остальные богатства, какие лишь Троя вмещает?
Если с троян, наконец, я потребую клятвы старейшин:
Нам ничего не скрывать, но представить все для раздела
Наши богатства, какие лишь град заключает любезный?..
Боги! каким предаюся я помыслам? Нет, к Ахиллесу
Я не пойду как молитель! Не сжалится он надо мною,
Он не уважит меня; нападет и меня без оружий
Нагло убьет он, как женщину, если доспех я оставлю.
Нет, теперь не година с зеленого дуба иль с камня
Нам с ним беседовать мирно, как юноша с сельскою девой:
Юноша, с сельскою девою свидясь, беседует мирно;
Нам же к сражению лучше сойтись! и немедля увидим,
Славу кому между нас даровать Олимпиец рассудит!»

Так размышляя, стоял; а к нему Ахиллес приближался,
Грозен, как бог Эниалий, сверкающий шлемом по сече;
Ясень отцов пелионский на правом плече колебал он
Страшный; вокруг его медь ослепительным светом сияла,
Будто огнь распылавшийся, будто всходящее солнце.
Гектор увидел, и взял его страх; оставаться на месте
Больше не мог он; от Скейских ворот побежал, устрашенный.
Бросился гнаться Пелид, уповая на быстрые ноги.
Словно сокол на горах, из пернатых быстрейшая птица,
Вдруг с быстротой несказанной за робкой несется голубкой;
В стороны вьется она, а сокол по-над нею; и часто
Разом он крикнет и кинется, жадный добычу похитить,—
Так он за Гектором, пламенный, гнался, а трепетный Гектор
Вдоль под стеной убегал и быстро оборачивал ноги.
Мимо холма и смоковницы, с ветрами вечно шумящей,
Оба, вдали от стены, колесничной дорогою мчались;
Оба к ключам светлоструйным примчались, где с быстротою
Два вытекают источника быстропучинного Ксанфа.
Теплой водою струится один, и кругом непрестанно

Пар от него подымается, словно как дым от огнища;
Но источник другой и средь лета студеный катится,
Хладный, как град, как снег, как в кристалл превращенная влага.

Там близ ключей водоемы широкие, оба из камней,
Были красиво устроены; к ним свои белые ризы
Жены троян и прекрасные дщери их мыть выходили
В прежние, мирные дни, до нашествия рати ахейской.
Там проистали они, и бегущий, и быстро гонящий.
Сильный бежал впереди, но преследовал много сильнейший,
Бурно несясь; не о жертве они, не о коже воловой
Спорились бегом: обычная мзда то ногам бегоборцев;
Нет, об жизни ристалися Гектора, конника Трои.
И, как на играх, умершему в почесть, победные кони
Окрест меты беговой с быстротою чудесною скачут,—
Славная ждет их награда, младая жена иль треножник,—
Так троекратно они пред великою Троей кружились,
Быстро носящиеся. Все божества на героев смотрели;
Слово меж оными начал отец и бессмертных и смертных:
«Горе! любезного мужа, гонимого около града,
Видят очи мои, и болезнь проходит мне сердце!
Гектор, муж благодушный, тельчие, тучные бедра
Мне возжигал в благовонье часто на Иде холмистой,
Часто на выси пергамской; а днесь Ахиллес градоборец
Гектора около града преследует, бурный ристатель.
Боги, размыслите вы и советом сердец положите,
Гектора мы сохраним ли от смерти или напоследок
Сыну Пелея дадим победить знаменитого мужа».

Зевсу немедля рекла светлоокая дева Паллада:
«Молниеносный отец, чернооблачный! Что ты вещаешь?
Смертного мужа, издревле судьбе обреченного общей,
Хочешь ты, Зевс, разрешить совершенно от смерти печальной?
Волю твори, но не все на нее согласимся мы, боги!»

Ей немедля ответствовал тучегонитель Кронион:
«Бодрствуй, Тритония, милая дочь! Не с намереньем в сердце
Я говорю и с тобою милостив быть я желаю.
Волю твори и желанье сердца немедля исполни».

Рек — и возжег еще боле пылавшую сердцем Афину;
Бурно она понеслась, от Олимпа высокого бросясь.

Гектора ж, в бегстве преследуя, гнал Ахиллес непрестанно.
Словно как пес по горам молодого гонит оленя,
С лога подняв, и несется за ним чрез кусты и овраги;
Даже и скрывшегось, если он в страхе под куст припадает,
Чуткий следит и бежит беспрестанно, покуда не сыщет,—
Так Приамид от Пелида не мог от быстрого скрыться.
Сколько он раз ни пытался, у врат пробегая Дарданских,
Броситься прямо к стене, под высоковершинные башни,
Где бы трояне его с высоты защитили стрелами,—
Столько раз Ахиллес, упредив, отбивал Приамида
В поле, а сам непрестанно, держася твердыни, летел он.
Словно во сне человек изловить человека не может,
Сей убежать, а другой уловить напрягается тщетно,—
Так и герои, ни сей не догонит, ни тот не уходит.
Как бы и мог Приамид избежать от судьбы и от смерти,
Если б ему, и в последний уж раз, Аполлон не явился:
Он укреплял Приамиду и силы, и быстрые ноги.
Войскам меж тем помавал головою Пелид быстроногий,
Им запрещая бросать против Гектора горькие стрелы,
Славы б не отнял пронзивший, а он бы вторым не явился.
Но лишь в четвертый раз до Скамандра ключей прибежали,
Зевс распростер, промыслитель, весы золотые; на них он
Бросил два жребия Смерти, в сон погружающей долгий:
Жребий один Ахиллеса, другой — Приамова сына.
Взял посредине и поднял: поникнул Гектора жребий,
Тяжкий к Аиду упал; Аполлон от него удалился.
Сыну ж Пелея, с сияющим взором, явилась Паллада,
Близко пришла и к нему провещала крылатые речи:
«Ныне, надеюсь, любимец богов, Ахиллес благородный,
Славу великую мы принесем на суда мирмидонян:
Гектора мы поразим, ненасытного боем героя.
Более, мню я, от нашей руки не избыть Приамиду,
Сколько ни будет о том Аполлон стрелометный трудиться,
Распростирающийся пред могучим отцом громовержцем.
Стань и вздохни, Пелейон; Приамида сведу я с тобою
И сама преклоню, да противу тебя он сразится».

Так говорила; Пелид покорился и, радости полный,
Стал, опершись на сияющий ясень свой медноконечный.
Зевсова дочь устремилася, Гектора быстро настигла
И, уподобясь Дейфобу и видом, и голосом звучным,
Стала пред ним и крылатые речи коварно вещала:

«Брат мой почтенный! жестоко тебя Ахиллес утесняет,
Около града Прпамова бурным преследуя бегом.
Но остановимся здесь и могучего встретим бесстрашно!»

Ей ответствовал сильный, шеломом сверкающий Гектор:
«О Дейфоб! и всегда ты, с младенчества, был мне любезен
Более всех моих братьев, Приама сынов и Гекубы;
Ныне ж и прежнего более должен тебя почитать я:
Ради меня ты отважился, видя единого в поле,
Выйти из стен, тогда как другие в стенах остаются».

Вновь говорила ему светлоокая дочь громовержца:
«Гектор, меня умоляли отец и почтенная матерь,
Ноги мои обнимая; меня и друзья умоляли
С ними остаться: таким они все преисполнены страхом.
Но по тебе сокрушалось тоскою глубокою сердце.
Станем надежно теперь и сразимся мы пламенно: копий
Не к чему боле щадить; и увидим теперь, Ахиллес ли
Нас обоих умертвит и кровавые наши корысти
К черным судам повлечет иль копьем он твоим укротится!»

Так вещая, коварно вперед выступала Паллада.
Оба героя сошлись, устремленные друг против друга;
Первый к Пелиду воскликнул шеломом сверкающий Гектор:
«Сын Пелеев, тебя убегать не намерен я боле!
Трижды пред градом Приамовым я пробежал, не дерзая
Встретить тебя нападавшего; ныне же сердце велит мне
Стать и сразиться с тобою; убью или буду убит я!
Прежде ж богов призовем во свидетельство; лучшие будут
Боги свидетели клятв и хранители наших условий:
Тела тебе я не буду бесчестить, когда громовержец
Дарует мне устоять и оружием дух твой исторгнуть;
Славные только доспехи с тебя, Ахиллес, совлеку я,
Тело ж отдам мирмидонцам; и ты договор сей исполни».

Грозно взглянул на него и вскричал Ахиллес быстроногий:
«Гектор, враг ненавистный, не мне предлагай договоры!
Нет и не будет меж львов и людей никакого союза;
Волки и агнцы не могут дружиться согласием сердца;
Вечно враждебны они и зломышленны друг против друга,—
Так и меж нас невозможна любовь; никаких договоров
Быть между нами не может, поколе один, распростертый,
Кровью своей не насытит свирепого бога Арея!
Все ты искусство ратное вспомни! Сегодня ты должен

Быть копьеборцем отличным и воином неустрашимым!
Бегства тебе уже нет; под моим копьем Тритогена
Скоро тебя укротит; и заплатишь ты разом за горе
Другов моих, которых избил ты, свирепствуя, медью!»

Рек он — и, мощно сотрясши, послал длиннотенную пику.
В пору завидев ее, избежал шлемоблещущий Гектор;
Быстро приник он к земле, и над ним пролетевшая пика
В землю вонзилась; но, вырвав ее, Ахиллесу Паллада
Вновь подала, невидима Гектору, коннику Трои.
Гектор же громко воскликнул к Пелееву славному сыну:
«Праздeн удар! и нимало, Пелид, бессмертным подобный,
Доли моей не узнал ты от Зевса, хотя возвещал мне;
Но говорлив и коварен речами ты был предо мною
С целью, чтоб я, оробев, потерял и отважность и силу.
Нет, не бежать я намерен; копье не в хребет мне вонзишь ты,
Прямо лицом на тебя устремленному, грудь прободи мне,
Ежели бог то судил! Но копья и сего берегися
Медного! Если бы, острое, в тело ты все его принял!
Легче была бы кровавая брань для сынов Илиона,
Если б тебя сокрушил я,— тебя, их, лютейшую гибель!»

Рек он — и, мощно сотрясши, копье длиннотенное ринул,
И не прокинул: в средину щита поразил Ахиллеса;
Но далеко оружие щит отразил. Огорчился
Гектор, узрев, что копье бесполезно из рук излетело,
Стал и очи потупил: копья не имел он другого.
Голосом звучным на помощь он брата зовет Деифоба,
Требует нового дротика острого: нет Деифоба.
Гектор постиг то своею душою, и так говорил он:
«Горе! к смерти меня всемогущие боги призвали!
Я помышлял, что со мною мой брат, Деифоб нестрашимый;
Он же в стенах илионских: меня обольстила Паллада.
Возле меня — лишь Смерть! и уже не избыть мне ужасной!
Нет избавления! Так, без сомнения, боги судили,
Зевс и от Зевса родившийся Феб; милосердые прежде
Часто меня избавляли; судьба наконец постигает!
Но не без дела погибну, во прах я паду не без славы;
Нечто великое сделаю, что и потомки услышат!»

Так произнес — и исторг из влагалища нож изощренный,
С левого боку висящий, нож и огромный и тяжкий;
С места, напрягшися, бросился, словно орел небопарный,

Если он вдруг из-за облаков сизых на степь упадает,
Нежного агнца иль зайца пугливого жадный похитить,—
Гектор таков устремился, махая ножом смертоносным.
Прянул и быстрый Пелид, и наполнился дух его гнева
Бурного; он перед грудью уставил свой щит велелепный,
Дивно украшенный; шлем на главе его четверобляшный
Зыблется светлый, волнуется пышная грива златая,
Густо Гефестом разлитая окрест высокого гребня.
Но, как звезда меж звездами в сумраке ночи сияет,
Геспер, который на небе прекраснее всех и светлее,—
Так у Пелида сверкало копье изощренное, коим
В правой руке потрясал он, на Гектора жизнь умышляя,
Места на теле прекрасном ища для верных ударов.
Но у героя все тело доспех покрывал медноковный,
Пышный, который похитил он, мощь одолевши Патрокла.
Там лишь, где выю ключи с раменами связуют, гортани
Часть обнажалася, место, где гибель душе неизбежна:
Там, налетевши, копьем Ахиллес поразил Приамида;
Прямо сквозь белую выю прошло смертоносное жало;
Только гортани ему не рассек сокрушительный ясень
Вовсе, чтоб мог, умирающий, несколько слов он промолвить;
Грянулся в прах он,— и громко вскричал Ахиллес, торжествуя:
«Гектор, Патрокла убил ты — и думал живым оставаться!
Ты и меня не страшился, когда я от битв удалялся,
Враг безрассудный! Но мститель его, несравненно сильнейший,
Нежели ты, за судами ахейскими я оставался,
Я, и колена тебе сокрушивший! Тебя для позора
Птицы и псы разорвут, а его погребут аргивяне».

Дышащий томно, ему отвечал шлемоблещущий Гектор:
«Жизнью тебя и твоими родными у ног заклинаю.
О! не давай ты меня на терзанье псам мирмидонским;
Меди, ценного злата, сколько желаешь ты, требуй;
Вышлют тебе искупленье отец и почтенная матерь;
Тело лишь в дом возврати, чтоб трояне меня и троянки,
Честь воздавая последнюю, в доме огню приобщили».

Мрачно смотря на него, говорил Ахиллес быстроногий:
«Тщетно ты, пес, обнимаешь мне ноги и молишь родными!
Сам я, коль слушал бы гнева, тебя растерзал бы на части,
Тело сырое твое пожирал бы я,— то ты мне сделал!
Нет, человеческий сын от твоей головы не отгонит
Псов пожирающих! Если и в десять, и в двадцать крат мне

Пышных даров привезут и столько ж еще обещают;
Если тебя самого прикажет на золото взвесить
Царь Илиона Приам, и тогда — на одре погребальном
Матерь Гекуба тебя, своего не оплачет рожденья;
Птицы твой труп и псы мирмидонские весь растерзают!»

Дух испуская, к нему провещал шлемоблещущий Гектор:
«Знал я тебя; предчувствовал я, что моим ты моленьем
Тронут не будешь: в груди у тебя железное сердце.
Но трепещи, да не буду тебе я божиим гневом
В оный день, когда Александр и Феб стреловержец,
Как ни могучего, в Скейских воротах тебя ниспровергнут!»

Так говорящего, Гектора мрачная Смерть осеняет:
Тихо душа, из уст излетевши, нисходит к Аиду,
Плачась на долю свою, оставляя и младость и крепость.

Но к нему, и к умершему, сын быстроногий Пелеев
Крикнул еще: «Умирай! а мою неизбежную смерть я
Встречу, когда ни пошлет громовержец и вечные боги!»

Так произнес — и из мертвого вырвал убийственный ясень,
В сторону бросил его и доспех совлекал с Дарданида,
Кровью облитый. Сбежались другие ахейские мужи.
Все, изумляясь, смотрели на рост и на образ чудесный
Гектора и, приближаяся, каждый пронзал его пикой.
Так говорили иные, один на другого взглянувши:
«О! несравненно теперь к осязанию мягче сей Гектор,
Нежели был, как бросал на суда пожирающий пламень!»

Так не один говорил — и копьем прободал, приближаясь.
Но, его между тем обнажив, Ахиллес быстроногий
Стал средь ахеян, и к ним устремил он крылатые речи:
«Други, герои ахейцы, бесстрашные слуги Арея!
Мужа сего победить наконец даровали мне боги,
Зла сотворившего более, нежели все илионцы.
Ныне с оружием мы покусимся на град крепкостенный;
Граждан троянских изведаем помыслы, как полагают:
Бросить ли замок высокий, сраженному сыну Приама;
Или держаться дерзают, когда и вождя их не стало?
Но каким помышлениям сердце мое предается!
Мертвый лежит у судов, не оплаканный, не погребенный,
Друг мой Патрокл! Не забуду его, не забуду, пока я

Между живыми влачусь и стопами земли прикасаюсь!
Если ж умершие смертные память теряют в Аиде,
Буду я помнить и там моего благородного друга!
Ныне победный пеан воспойте, ахейские мужи;
Мы же пойдем, волоча и его, к кораблям быстролетным.
Добыли светлой мы славы! Повержен божественный Гектор!
Гектор, которого Троп сыны величали, как бога!»

Рек — и на Гектора он недостойное дело замыслил:
Сам на обеих ногах проколол ему жилы сухие
Сзади от пят и до глезн и, продевши ремни, к колеснице
Тело его привязал, а главу волочиться оставил;
Стал в колесницу и, пышный доспех напоказ подымая,
Коней бичом поразил; полетели послушные кони.
Прах от влекомого вьется столпом; по земле, растрепавшись,
Черные кудри крутятся; глава Приамида по праху
Бьется, прекрасная прежде; а ныне врагам Олимпиец
Дал опозорить ее на родимой земле илионской!
Вся голова почернела под перстию. Мать увидала,
Рвет седые власы, дорогое с себя покрывало
Мечет далеко и горестный вопль подымает о сыне.
Горько рыдал и отец престарелый; кругом же граждане
Подняли плач; раздавался по целому граду.
Было подобно, как будто, от края до края, высокий
Весь Илион от своих оснований в огне рассыпался!
Мужи держали с трудом исступленного горестью старца,
Рвавшегось в поле вратами Дарданскими выйти из града.
Он умолял их, тоскующий, он расстилался по праху,
Он говоря, называя по имени каждого мужа:
«Други, пустите меня одного, не заботясь, пустите
Выйти из града! Один я пойду к кораблям мирмидонским;
Буду молить я губителя, мрачного сердцем злодея.
Может быть, лета почтит он, над старостью, может быть, дряхлой
Сжалится: он человек, отца он такого ж имеет,
Старца Пелея, который его породил и взлелеял
К горю троян и стократ к жесточайшему горю Приама!
Сколько сынов у меня он похитил во цвете их жизни!
Но обо всех сокрушаюсь я менее, чем об едином!
Горесть о нем неутешная скоро сведет меня к гробу,
Горесть о Гекторе! О, хоть на сих бы руках он скончался!
Мы бы хоть душу насытили плачем над ним и рыданьем,
Я, безотрадный отец, и его злополучная матерь!»

Так говорил он, рыдая; и с старцем стенали трояне.
Но меж троянок Гекуба плачевнейший вопль подымает:
«Сын мой, мне, злополучной, почто еще жить для страданий,
Все потерявшей с тобою! Моею и дни ты и ночи
Славою был в Илионе, всеобщей надеждою в царстве
Жен и мужей илионских! Тебя, как хранителя бога,
Всюду встречали они; величайшею был ты их славой
В жизни своей, и тебя, нам бесценного, смерть обымает!»

Плакала мать. Но еще ничего не слыхала супруга
В доме об Гекторе; вестник еще не являлся к ней верный
Весть объявить, что супруг за вратами в поле остался.
Ткала одежду она в отдаленнейшем тереме дома,
Яркую ткань, и цветные по ней рассыпала узоры.
Прежде ж дала повеленье прислужницам пышноволосым
Огнь развести под великим треногом, да будет готова
Гектору теплая ванна, как с боя он в дом возвратится.
Бедная! дум не имела, что Гектор далеко от дома
Пал под рукой Ахиллеса, смирён светлоокой Афиной.
Вдруг Андромаха услышала крики и вопли на башне,
Вздрогнула вся и челнок из руки на помост уронила;
Встала и к двум говорила прислужницам пышноволосым:
«Встаньте, идите за мной; посмотрю я, что совершилось?
Слышу почтенной свекрови я крик: подымается сердце,
Бьется, как вырваться хочет; колена мои цепенеют!
Близкая, верно, беда Дарданида сынам угрожает?..
О! удалися от слуха подобная весть! Но от страха
Я трепещу... Не бесстрашного ль Гектора богу подобный
В поле, отрезав от стен, Ахиллес одинокого гонит?
Боги! уже не смиряет ли храбрость его роковую,
Коей он дышит? В толпе никогда не останется Гектор:
Первый вперед полетит, никому не уступит в геройстве!»

Так произнесши, из терема бросилась, будто менада,
С сильно трепещущим сердцем, и обе прислужницы следом;
Быстро на башню взошла и, сквозь сонм пролетевши народный,
Стала, со стен оглянулась кругом и его увидала
Тело, влачимое в прахе: безжалостно бурные кони
Полем его волокли к кораблям быстролетным ахеян.
Темная ночь Андромахины ясные очи покрыла;
Навзничь упала она и, казалося, дух испустила.
Спала с нее и далеко рассыпалась пышная повязь,

Ленты, прозрачная сеть и прекраснoплетеные тесмы;
Спал и покров, блистательный дар золотой Афродиты,
Данный в день оный царевне, как Гектор ее меднолатный
Из дому взял Этиона, отдавши несметное вено.
Вкруг Андромахи невестки ее и золовки, толпяся,
Бледную долго держали, казалось, убитую скорбью.
В чувство пришедши она и дыхание в персях собравши,
Горько навзрыд зарыдала и так среди жен говорила:
«Гектор, о горе мне, бедной! Мы с одинакою долей
Оба родилися: ты в Илионе, в Приамовом доме,
Я, злополучная, в Фивах, при скатах лесистого Плака,
В доме царя Этиона; меня возрастил он от детства,
Смертный несчастный несчастную. О, для чего я родилась!
Ты, о супруг мой, в Аидовы домы, в подземные бездны
Сходишь навек и меня к неутешной тоске покидаешь
В доме вдовою; а сын, злополучными нами рожденный,
Бедный и сирый младенец! Увы, ни ему ты не будешь
В жизни отрадою, Гектор,— ты пал! — ни тебе он не будет!
Ежели он и спасется в погибельной брани ахейской,
Труд беспрерывный его, бесконечное горе в грядущем
Ждут беспокровного: чуждый захватит сиротские нивы.
С днем сиротства сирота и товарищей детства теряет;
Бродит один с головою поникшей, с заплаканным взором.
В нужде приходит ли он к отцовым друзьям и, просящий,
То одного, то другого смиренно касается ризы,—
Сжалясь, иной сиротливому чару едва наклоняет,
Только уста омочает и нёба в устах не омочит.
Чаще ж его от трапезы счастливец семейственный гонит,
И толкая рукой, и обидной преследуя речью:
— Прочь ты изчезни! не твой здесь отец пирует
с друзьями! —
Плачущий к матери, к бедной вдовице дитя возвратится,
Астианакс мой, который всегда у отца на коленах
Мозгом лишь агнцев питался и туком овец среброрунных;
Если же сон обнимал, утомленного играми детства,
Сладостно спал он на ложе при лоне кормилицы нежном,
В мягкой постели своей, удовольствием сердца блистая.
Что же теперь испытает, лишенный родителя, бедный
Астианакс наш, которого так называют трояне,
Ибо один защищал ты врата и троянские стены,
Гектор; а ныне у вражьих судов, далеко от родимых,
Черви тебя пожирают, раздранного псами, нагого!
Наг ты лежишь! а тебе одеяния сколько в чертогах,

Риз и прекрасных и тонких, сотканных руками троянок!
Все их теперь я, несчастная, в огненный пламень повергну!
Сделал ты их бесполезными, в них и лежать ты не будешь!
В сонме троян и троянок сожгу их, тебе я во славу!»

Так говорила, рыдая; и с нею стенали троянки.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ПОГРЕБЕНИЕ ПАТРОКЛА. ИГРЫ

Так сокрушались трояне по граду. В то время ахейцы,
К черным своим кораблям возвратяся, на брег Геллеспонта,
Быстро рассеялись все по широкому ратному стану.
Но мирмидонцам своим расходиться Пелид не позволил;
Став посредине дружин их воинственных, он говорил им:
«Быстрые конники, верные други мои, мирмидонцы!
Мы от ярма отрешать не станем коней звуконогих;
Мы на конях, в колесницах, приближимся все и оплачем
Друга Патрокла: почтим подобающей мертвого честью.
Но, когда мы сердца удовольствуем горестным плачем,
Здесь, отрешивши коней, вечерять неразлучные будем».

Рек — и рыданье начал; и все зарыдали дружины.
Трижды вкруг тела они долгогривых коней обогнали
С воплем плачевным: Фетида их чувства на плач возбуждала.
Вкруг орошался песок, орошались слезами доспехи
Каждого воина; так был оплакиван вождь их могучий.
Царь Ахиллес между ними рыданье горькое начал,
Грозные руки на грудь положив бездыханного друга:
«Радуйся, храбрый Патрокл! и в Аидовом радуйся доме!
Все для тебя совершаю я, что совершить обрекался:
Гектор сюда привлечен и повергнется псам на терзанье;
Окрест костра твоего обезглавлю двенадцать славнейших
Юных троянских сынов, за смерть твою отомщая!»

Рек,— и на Гектора он недостойное дело замыслил:
Ниц пред Патрокла одром распростер Дарданиона в прахе.
Тою порой мирмидонцы с рамен светозарные брони

Сняли; от ярм отрешили гремящих копытами коней
И, неисчетные, близ корабля Ахиллеса героя
Сели; а он учреждал их блистательный пир похоронный.
Множество сильных тельцов под ударом железа ревело,
Вкруг поражаемых; множество коз и агнцев блеющих;
Множество туком цветущих закланных свиней белоклыких
Окрест разложено было на ярком огне обжигаться:
Кровь как из чанов лилася вокруг Менетидова тела.
Но царя Эакида, Пелеева быстрого сына,
К сыну Атрея царю повели воеводы ахеян,
С многим трудом убедив, огорченного гневом за друга.
Сонму, пришедшему к сени Атреева мощного сына,
Царь повелел немедленно вестникам звонкоголосым
Медный треножник поставить к огню, не преклонится ль к просьбе
Царь Ахиллес, чтоб омыться от бранного праха и крови.
Он отрекался решительно, клятвою он заклинался:
«Нет, Зевесом клянусь, божеством высочайшим, сильнейшим!
Нет, моей головы не коснется сосуд омовений
Прежде, чем друга огню не предам, не насыплю могилы
И власов не обрежу! Другая подобная горесть
Сердца уже не пройдет мне, пока средь живых я скитаюсь!
Но поспешим и приступим немедля к ужасному пиру.
Ты, владыка мужей, повели, Агамемнон, заутра
Леса к костру навозить и на береге все уготовить,
Что мертвецу подобает, сходящему в мрачные сени.
Пусть Менетида скорее священное пламя Гефеста
Скроет от взоров моих, и воинство к делу приступит».

Так говорил,— и, внимательно слушав, ему покорились.
Скоро под сенью Атридовой вечерю им предложили;
Все наслаждались, довольствуя сердце обилием равным;
И, когда питием и пищею глад утолили,
Все разошлись успокоиться, каждый под сень уклонился.

Только Пелид на брегу неумолкношумящего моря
Тяжко стенящий лежал, окруженный толпой мирмидонян,
Ниц на поляне, где волны лишь мутные бились в берег.
Там над Пелидом сон, сердечных тревог укротитель,
Сладкий разлился: герой истомил благородные члены,
Гектора быстро гоня пред высокой стеной Илиона.
Там Ахиллесу явилась душа несчастливца Патрокла,

Призрак, величием с ним и очами прекрасными сходный;
Та ж и одежда, и голос тот самый, сердцу знакомый.
Стала душа над главой и такие слова говорила:
«Спишь, Ахиллес! неужели меня ты забвенью предал?
Не был ко мне равнодушен к живому ты, к мертвому ль будешь?
О! погреби ты меня, да войду я в обитель Аида!
Души, тени умерших, меня от ворот его гонят
И к теням приобщиться к себе за реку не пускают;
Тщетно скитаюся я пред широковоротным Аидом.
Дай мне, печальному, руку: вовеки уже пред живущих
Я не приду из Аида, тобою огню приобщенный!
Больше с тобой, как бывало, вдали от друзей мирмидонских
Сидя, не будем советы советовать: рок ненавистный,
Мне предназначенный с жизнью, меня поглотил невозвратно.
Рок — и тебе самому, Ахиллес, бессмертным подобный,
Здесь, под высокой стеною троян благородных, погибнуть!
Слово еще я реку, завещанью внимай и исполни.
Кости мои, Ахиллес, да не будут розно с твоими;
Вместе пусть лягут, как вместе от юности мы возрастали
В ваших чертогах. Младого меня из Опуса Менетий
В дом ваш привел, по причине печального смертоубийства,
В день злополучный, когда, малосмысленный, я ненарочно
Амфидамасова сына убил, за лодыги поссорясь.
В дом свой приняв благосклонно меня, твой отец благородный
Нежно с тобой воспитал и твоим товарищем назвал.
Пусть же и кости наши гробница одна сокрывает,
Урна златая, Фетиды матери дар драгоценный!»

Быстро к нему простираясь, воскликнул Пелид благородный:
«Ты ли, друг мой любезнейший, мертвый меня посещаешь?
Ты ль полагаешь заветы мне крепкие? Я совершу их,
Радостно все совершу и исполню, как ты завещаешь.
Но приближься ко мне, хоть на миг обоймемся с любовью
И взаимно с тобой насладимся рыданием горьким!»

Рек,— и жадные руки любимца обнять распростер он;
Тщетно: душа Менетида, как облако дыма, сквозь землю
С воем ушла. И вскочил Ахиллес, пораженный виденьем,
И руками всплеснул, и печальный так говорил он:
«Боги! так подлинно есть и в Аидовом доме подземном
Дух человека и образ, но он совершенно бесплотный!

Целую ночь, я видел, душа несчастливца Патрокла
Все надо мною стояла, стенающий, плачущий призрак;
Всё мне заветы твердила, ему совершенно подобясь!»

Так говорил — и во всех возбудил он желание плакать.
В плаче нашла их Заря, розоперстая вестница утра,
Около тела печального. Царь Агамемнон с зарею
Месков яремных и ратников многих к свезению леса
Выслал из стана ахейского; с ними пошел и почтенный
Муж Мерион, Девкалида героя служитель разумный.
Взяв топоры древорубные в руки и верви крутые,
Воины к рощам пускаются; мулы идут перед ними,
Часто с крутизн на крутизны, то вкось их, то вдоль переходят.
К холмам пришедши лесистым обильной потоками Иды,
Все изощренною медью высоковершинные дубы
Дружно рубить начинают; кругом они с треском ужасным
Падают; быстро древа, рассекая на бревна, данаи
К мулам вяжут; и мулы, землю копытами роя,
Рвутся на поле ровное выйти сквозь частый кустарник.
Все древосеки несли совокупно тяжелые бревна:
Так Мерион повелел, Девкалидов служитель разумный;
Кучей сложили на берег, где Ахиллес указал им,
Где и Патроклу великий курган и себе он назначил.

Страшную леса громаду сложив на брегу Геллеспонта,
Там аргивяне остались и сели кругом. Ахиллес же
Дал повеленье своим мирмидонянам бранолюбивым
Медью скорей препоясаться всем и коней в колесницы
Впрячь; поднялися они и оружием быстро покрылись;
Все на свои колесницы взошли, и боец и возница;
Начали шествие, спереди конные, пешие сзади,
Тучей; друзья посредине несли Менетида Патрокла,
Всё посвященными мертвому тело покрыв волосами.
Голову сзади поддерживал сам Ахиллес благородный,
Горестный: друга он верного в дом провожал Аидеса.

К месту пришедши, которое сам Ахиллес им назначил,
Одр опустили и быстро костер наметали из леса.
Думу иную тогда Пелейон быстроногий замыслил:
Став при костре, у себя он обрезал русые кудри,—
Волосы, кои Сперхию с младости нежной растил он;
Очи на темное море возвел и, вздохнувши, воскликнул:

«Сперхий! напрасно отец мой, моляся тебе, обрекался,
Там, когда я возвращуся в любезную землю родную,
Кудри обрезать мои и тебе принести с гекатомбой
И тебе ж посвятить пятьдесят овнов плодородных,
Возле истоков, где роща твоя и алтарь благовонный.
Так обрекался Пелей, но его ты мольбы не исполнил.
Я никогда не увижу драгого отечества! Пусть же
Храбрый Патрокл унесет Ахиллесовы кудри в могилу!»

Рек — и, обрезавши волосы, в руки любезному другу
Сам положил, и у всех он исторгнул обильные слезы.
Плачущих их над Патроклом оставило б, верно, и солнце,
Если бы скоро Пелид не простер к Агамемнону слова:
«Царь Агамемнон, твоим повеленьям скорей покорятся
Мужи ахейские: плачем и после насытиться можно.
Всех отошли от костра и вели, да по стану готовят
Вечерю; мы ж озаботимся делом, которого больше
Требует мертвый. Ахеян вожди да останутся с нами».

Выслушав речи его, повелитель мужей Агамемнон
Весь немедля народ отпустил к кораблям мореходным.
С ними остались одни погребатели: лес наваливши,
Быстро сложили костер, в ширину и длину стоступенный;
Сверху костра положили мертвого, скорбные сердцем;
Множество тучных овец и великих волов криворогих,
Подле костра заколов, обрядили; и туком, от всех их
Собранным, тело Патрокла покрыл Ахиллес благодушный
С ног до главы; а кругом разбросал обнаженные туши;
Там же расставил он с медом и со светлым елеем кувшины,
Все их к одру прислонив; четырех он коней гордовыйных
С страшною силой поверг на костер, глубоко стеная.
Девять псов у царя, при столе его вскормленных, было;
Двух и из них заколол и на сруб обезглавленных бросил;
Бросил туда ж и двенадцать троянских юношей славных,
Медью убив их; жестокие в сердце дела замышлял он.
После, костер предоставивши огненной силе железной,
Громко Пелид возопил, именуя любезного друга:
«Радуйся, храбрый Патрокл, и в Аидовом радуйся доме!
Все для тебя совершаю я, что совершить обрекался:
Пленных двенадцать юношей, Трои сынов знаменитых,
Всех с тобою огонь истребит; но Приамова сына,
Гектора, нет! не огню на пожрание — псам я оставлю!»

Так угрожал он; но к мертвому Гектору псы не касались:
Их от него удаляла и денно и нощно Киприда;
Зевсова дочь умастила его амброзическим маслом
Роз благовонных, да будет без язв, Ахиллесом влачимый.
Облако темное бог Аполлон преклонил над героем
С неба до самой земли и пространство, покрытое телом,
Тенью все осенил, да от силы палящего солнца
Прежде на нем не иссохнут телесные жилы и члены.

Но костер между тем не горел под мертвым Патроклом.
Сердцем иное тогда Пелейон быстроногий замыслил:
Став от костра в отдалении, начал молиться он ветрам,
Ветру Борею и Зефиру, жертвы для них обещая.
Часто кубком златым возливал он вино и молил их
К полю скорей принестися и, пламенем сруб воспаливши,
Тело скорее сожечь. Златокрылая дева Ирида,
Слыша молитвы его, устремилася вестницей к ветрам,
Кои в то время, собравшись у Зефира шумного в доме,
Весело все пировали. Ирида, принесшися быстро,
Стала на каменном праге; и ветры, увидев богиню,
Все торопливо вскочили, и каждый к себе ее кликал.
С ними сидеть отказалась богиня и так говорила:
«Некогда, ветры; еще полечу я к волнам Океана,
В край эфиопов далекий; они гекатомбы приносят
Жителям неба, и я приношений участницей буду.
Мощный Борей и Зефир звучащий! вас призывает
Быстрый ногами Пелид, обещая прекрасные жертвы,
Если возжечь поспешите костер Менетида Патрокла,
Где он лежит и об нем сокрушаются все аргивяне».

Так говоря, от порога взвилася. Воздвиглися ветры,
С шумом ужасным несяся и тучи клубя пред собою.
К понту примчались, неистово дуя, и пенные волны
Встали под звонким дыханием; Трои холмистой достигли,
Все на костер налегли,— и огонь загремел, пожиратель.
Ветры всю ночь волновали высоко крутящееся пламя,
Шумно дыша на костер; и всю ночь Ахиллес быстроногий,
Черпая кубком двудонным вино из сосуда златого,
Окрест костра возливал и лицо орошал им земное,
Душу еще вызывая бедного друга Патрокла.
Словно отец сокрушается, кости сжигающий сына,
В гроб женихом нисходящего, к скорби родителей бедных,—

Так сокрушался Пелид, сожигающий кости Патрокла,
Окрест костра пресмыкаясь и сердцем глубоко стеная.

В час, как утро земле возвестить Светоносец выходит
И над морем заря расстилается ризой златистой,
Сруб под Патроклом истлел, и багряное пламя потухло.
Ветры назад устремились, к вертепам своим полетели
Морем Фракийским; и море шумело, высоко бушуя.
Грустный Пелид наконец, от костра уклонясь недалеко,
Лег изнуренный; и сладостный сон посетил Пелейона.
Тою порой собиралися многие к сыну Атрея;
Топот и шум приходящих нарушили сон его краткий;
Сел Ахиллес, приподнявшись, и так говорил воеводам:
«Царь Агамемнон, и вы, предводители воинств ахейских!
Время костер угасить; вином оросите багряным
Все пространство, где пламень пылал, и на пепле костерном
Сына Менетия мы соберем драгоценные кости,
Тщательно их отделив от других; распознать же удобно:
Друг наш лежал на средине костра; но далёко другие
С краю горели, набросаны кучей, и люди и кони.
Кости в фиале златом, двойным покрывши их туком,
В гроб положите, доколе я сам не сойду к Аидесу.
Гроба над другом моим не хочу я великого видеть,
Так, лишь пристойный курган; но широкий над ним и высокий
Вы сотворите, ахеяне, вы, которые в Трое
После меня при судах мореходных останетесь живы».

Так говорил; и они покорились герою Пелиду.
Сруб угасили, багряным вином поливая пространство
Всё, где пламень ходил; и обрушился пепел глубокий;
Слезы лиющие, друга любезного белые кости
В чашу златую собрали и туком двойным обложили;
Чашу под кущу внеся, пеленою тонкой покрыли;
Кругом означили место могилы и, бросив основы
Около сруба, поспешно насыпали рыхлую землю.
Свежий насыпав курган, разошлися они. Ахиллес же
Там народ удержал и, в обширном кругу посадивши,
Вынес награды подвижникам: светлые блюда, треноги;
Месков представил, и быстрых коней, и волов крепкочелых,
И красноопоясанных жен, и седое железо.

Первые быстрым возницам богатые бега награды
Он предложил: в рукодельях искусная дева младая,

Медный, ушатый с боков, двадцатидвухмерный треножник
Первому дар; кобылица второму шестигодовая,
Неукрощенная, гордая, в недрах носящая меска;
Третьему мздою — не бывший в огне умывальник прекрасный,
Новый еще, сребровидный, четыре вмещающий меры;
Мздою четвертому золота два предложил он таланта;
Пятому новый, не бывший в огне фпал двусторонний.
Стал наконец Ахиллес и так говорил меж ахеян:
«Царь Агамемнон и пышнопоножные мужи ахейцы!
Быстрых возниц ожидают сии среди круга награды.
Если бы в память другого, ахеяне, вы подвизались,
Я, без сомнения, первые в подвигах взял бы награды.
Знаете, сколь превосходны мои благородные кони,
Дети породы бессмертной: отцу моему их, Пелею,
Сам Посейдон даровал; а отец мой мне подарил их.
Но не вступаю я в спор, ни мои звуконогие кони.
О! потеряли они знаменитого их властелина,
Друга, который, бывало, сам их волнистые гривы
Чистой водой омывал и умащивал светлым елеем.
Ныне они по вознице тоскуют; стоят, разостлавши
Гривы по праху, стоят неподвижно, унылые сердцем.
К играм другие устройтеся, каждый из воев ахейских,
Кто лишь на быстрых коней и свою колесницу надежен».

Так Ахиллес говорил им,— и быстрые встали возницы:
Первый поднялся Эвмел, повелитель мужей знаменитый,
Сын скиптроносца Адмета, искусством возничества славный.
После него укротитель коней Диомед нестрашимый;
Тросских коней он подвел под ярмо, у Энея которых
В брани отбил; а Энея тогда Аполлон лишь избавил.
Третий восстал копьеносный Атрид, Менелай светлокудрый,
Зевсова отрасль; коней под ярем он подвел быстролетных:
Эфу царя Агамемнона с собственным верным Подаргом,
Эфу, которую в дар Эхепол Анхизид Атрейону
Дал, чтоб ему не идти на войну под ветристую Трою,
Но наслаждаться спокойствием дома: богатством от Зевса
Был одарен он великим и жил в Сикионе обширном;
Эфу сию запрягал он, дрожащую, рвущуюся к бегу.
Вслед и младой Антилох снарядил коней пышногривых,
Сын знаменитый Нелида, высокого духом владыки,
Нестора старца; пилосские кони его колесницу
Быстрые мчали. Отец приступил и советы благие
Начал советовать, опытный старец разумному сыну:

«Сын Антилох! тебя от юности боги любили,
Зевс и благой Посейдон, и в ристательной хитрости всякой
Сами наставили; много тебя наставлять мне не нужно.
Мастер ты коней ворочать вкруг мет; но пилосские наши
Кони в бегу тяжелы; опасаюсь, беды б не случилось.
Всех соискателей кони резвее; но сами возницы
Меньше искусны, чем ты, в изобретенье быстром пособий.
Так не робей; приготовься, любезный: душою искусство
Всё обойми, да из рук не упустишь наград знаменитых.
Плотник тебя превосходит искусством своим, а не силой;
Кормщик таким же искусством по бурному черному понту
Легкий правит корабль, игралище буйного ветра:
Так и возница искусством одним побеждает возницу.
Слишком иной положась на свою колесницу и коней,
Гонит, безумец, сюда и туда беспрестанно виляя;
Кони по поприщу носятся, он и сдержать их бессилен.
Но возница разумный, коней управляя и худших,
Смотрит на цель беспрестанно, вблизи лишь ворочает, знает,
Как от начала ристания конскими править браздами:
Держит их крепко и зорко вперед уходящего смотрит.
Цель я тебе укажу; просмотреть берегися: ты видишь,
Брус деревянный стоит, от земли, как сажень маховая,
Сосна сухая иль дуб, под дождями не скоро гниющий;
Справа и слева при цели той врыты два белые камня,
В самой теснине дороги; кругом же ристалище гладко.
То — иль надгробный столп давно погребенного мужа,
Или подобная ж цель у старинных была человеков;
Столп сей и ныне метою избрал Ахиллес быстроногий.
К оной ты близко примчась, на бегу заворачивай коней;
Сам же, крепко держась в колеснице красивоплетеной,
Влево легко наклонись, а коня, что под правой рукою,
Криком гони и бичом и бразды попусти совершенно,
Левый же конь твой пускай подле самой меты обогнется
Так, чтоб, казалось, поверхность ее колесо очертило
Ступицей жаркою. Но берегись, не ударься о камень:
Можешь коней изувечить или раздробить колесницу,
В радость ристателям всем, а тебе одному в посрамленье!
Будь, мой сын, рассудителен, будь осторожен, любезный!
Если уже близ меты возьмешь ты перед и погонишь,
Верь — ни один из возниц ни догонит тебя, ни обскачет,
Даже хоть следом бы он на ужасном летел Арейоне,
Бурном Адраста коне, порождении крови бессмертной,
Иль на конях Лаомедона, славных Троады питомцах!»

Так произнесши, Нелид, знаменитый конник геренский,
Сел на месте, важнейшее все изъяснив Антилоху.

Пятый — герой Мерион снарядил коней пышногривых.
Все в колесницы взошли и бросили жребии; в шлем их
Принял Нелид и сотряс; и вылетел вдруг Антилоху,
Нестора сыну; второй выпадает Эвмелу владыке;
Третий Атрееву сыну, царю аргивян Менелаю;
Выпал за ним Мериону вождю; но последнему жребий
Сыну Тидееву храброму гнать колесницы достался.
Стали порядком; мету им далекую на́ поле чистом
Царь Ахиллес указал; но вперед повелел, да при оной
Старец божественный Феникс, отеческий оруженосец,
Сядет и бег наблюдает, и после им истину скажет.

Разом возницы на коней бичи занесли для ударов;
Разом браздами хлестнули и голосом крикнули грозным,
Полные рвенья; и разом помчалися по полю кони
Вдоль от судов с быстротою ужасною: пыль из-под стоп их
Стала, взвиваясь на воздух, как туча, как сумрачный вихорь
Длинные гривы коней развеваются веяньем ветра;
Их колесницы летящие то до земли прикоснутся,
То высоко, отраженные, взбросятся; гордо возницы
В пышных стоят колесницах; трепещет у каждого сердце,
Жадное славы; каждый коней ободрительным криком
Гонит; и кони летят, по ристалищу пыль подымая.

Но, когда уже кони в последний конец обратились,
К морю седому, тогда-то ристателя каждого доблесть
Вдруг обнаружилась; конская прыть ускорилась, и быстро
Легкие вымчались вдаль кобылицы Эвмела героя.
Вслед кобылиц выносились вперед жеребцы Диомеда,
Троянские кони, и, чуть лишь отставшие, мчались близко,
Так что, казалось, хотят на Эвмела вскочить колесницу;
Жарким дыханьем широкий хребет нагревали герою
И, на плечах Адметида лежа головами, летели.
Он, Диомед, обскакал бы, иль равною б сделал победу,
Если б Тидееву сыну не Феб враждовал раздраженный;
Феб из руки побеждавшего бич блистательный вышиб.
Слезы из глаз Диомедовых брызнули, слезы от гнева:
Видел он — боле еще уходили вперед кобылицы;
Кони ж его отставали, ударов бича не бояся.
Но от Афины очей Аполлон не укрылся, вредящий
Сыну Тидея: настигла богиня царя Диомеда,

Бич подала и новую рьяность коням вдохнула;
К сыну ж Адмета она устремившися, полная гнева,
Конский разбила ярем, и его кобылицы лихие
Бросились дико с дороги, и выпало дышло на землю;
Сам, с колесницы сорвавшись, чрез обод он грянулся оземь,
До крови локти осадил, изранил и губы и ноздри,
Сильно разбил над бровями чело; у него от удара
Брызнули слезы из глаз и поднявшийся голос прервался.
Мимо его Диомед проскакал на конях звуконогих
И далеко впереди заблистал перед всеми: Афина
Крепость вдохнула коням и ему торжество даровала.
После Тидида скакал Атрейон, Менелай светлокудрый.
Но Антилох настигал и крпчал на отеческих коней:
«О, выноситесь вперед, расстилайтеся, кони, быстрее!
Я не насилую вас быстротой состязаться с конями
Сына Тидеева храброго, коим Паллада богиня
Легкость сама даровала и славой возницу покрыла.
Нет, лишь коней Менелая догоним, друзья, не отстанем!
Быстро вперед! чтобы вас всенародно стыдом не покрыла
Эфа: она кобылица, а вы, дорогие, отсталп!
Вам говорю я, и слово мое совершится сегодня:
Более негп себе от владыки народов Нелида
Дома не ждите: убьет вас сегодня же острою медью,
Если по лености вашей награду последнюю снищем.
О, настигайте скорее, как можно скорее скачите!
Я ж постараюся сам и искусно выгадывать буду,
Как обскакать нам на узкой дороге; в обман я не вдамся».

Так говорил Антилох,— и, страшася угроз властелина,
Кони резвее скакали, но время не долгое: скоро
Тесной дороги ухаб Антилох, бранолюбец, приметил:
Рытвина там пролегала; вода, накопляясь зимою,
Там чрез дорогу прорвалась и место кругом углубила.
Правил туда Менелай, колесниц опасаяся сшибки.
Но Антилох, своротивши, направил коней звуконогих
Мимо дороги и, близко держась, догонял Менелая.
Царь Менелай устрашился и к Нестора сыну воскликнул:
«Правишь без разума, Несторов сын! Удержи колесницу!
Видишь, дорога тесна; впереди обгоняй, по широкой;
Здесь лишь и мне и себе повредишь: колесницы сшибутся!»

Так говорил он; но Несторов сын обскакать горячился;
Коней стрекалом колол, Менелая как будто не слыша.

Сколько пространства, с плеча повергаемый, диск пробегает,
Брошенный мужем младым, испытующим юную силу,—
Столько вперед ускакал Антилох; кобылицы отстали
Сына Атреева; их запускать и сам перестал он
В страхе, что узкой дорогой бегущие кони столкнутся,
Их колесницы, сшибясь, опрокинутся, и среди поля
Сами слетят на прах, за победой риставшие оба.
Гневный меж тем Несторида ругал Менелай светлокудрый:
«Нет, Антилох, человека вреднее тебя зломышленьем!
Мчись! недостойно тебя называют разумным ахейцы!
Средством, однако ж, таким не получишь ты мзды без присяги!»

Так произнес он и громким голосом крикнул на коней:
«Что у меня отстаете и что унываете, кони?
Прежде пилосских коней истомятся колена и силы,
Нежели ваши: давно их обоих покинула младость!»

Так восклицал,— и они, устрашася угроз властелина,
Прытче пустились бежать и скоро передних догнали.

Тою порою ахейцы, на площади сидя, смотрели
Коней, которые по полю, пыль подымая, летели.
Первый Идоменей распознал приближавшихся коней;
Ибо сидел не в кругу, но высоко, на холме подзорном;
Крик на коней колесничника он и далекий услышав,
Мужа узнал и приметил коня в обгоняющей паре,
Сильно отличного: весь багряно-гнедый, на челе лишь
Признак имел он родимый, как месяц, и светлый и круглый.
Идоменей приподнялся и так говорил к аргивянам:
«Други любезные, ратей ахейских вожди и владыки!
Я ли один примечаю коней или видите все вы?
Чьи-то другие, мне кажется, скачут передними кони?
Кто-то другой и возница? Но те, кобылицы Эвмела,
Чем-то задержаны в поле; а прежде они отличались;
Первые, видел я сам, кобылицы мету обогнули;
Ныне же видеть нигде не могу их, куда ни бросаю
Вкруг по троянскому полю моих испытательных взоров.
Верно, из рук Адметида бразды убежали; не мог он
Бега сдержать у меты и коней повернул неудачно:
Там он, быть может, упал, колесница его сокрушилась,
И умчались с дороги его обуялые кони.
Но подымитесь, друзья, и всмотритесь вы сами: быть может,
Вижу не ясно, но кажется мне, что ристатель передний —

Муж этолийский, воинственный царь ополчений аргосских,
Сын конеборца Тидея, герой Диомед благородный».

Грубо ему отвечал быстроногий Аякс Оилеев:
«Что напереД, Девкалион, болтаешь ты? Те ж кобылицы
Всех впереди, звуконогие, по полю чистому скачут!
Ты между нами, ахейцами, вовсе не младший годами!
Очи твоей головы не острее других проницают!
Но и всегда ты лишь праздно болтаешь! Тебе неприлично
Здесь пустословить: и лучше тебя здесь присутствуют мужи!
Те ж впереди кобылицы, которые были и прежде,
Сына Адметова; сам он и едет, и правит браздами».

Вспыхнувши гневом, Аяксу ответствовал Крита властитель:
«Спорщик первейший, Аякс злоречивый! но в прочем последний
Между ахейских мужей: человек необузданно грубый!
Спорь, и положим в заклад умывальницу или треножник;
Спора свидетелем мы изберем Агамемнона оба:
Кони чьи впереди, ты узнаешь, заклад заплатив мне!»

Так говорил он,— и быстро поднялся Аякс Оилеев,
Пышущий гневом, готовый ответствовать речью суровой.
И зашла бы далеко меж ними обидная распря,
Если бы сам Ахиллес не восстал, говоря воеводам:
«Идоменей, Оилид, говорить перестаньте в народе
Злые, обидные речи: вас недостойное дело!
Сами осудите вы и других, начинающих то же.
Сядьте, друзья, и на месте спокойно смотрите на коней;
Скоро и сами они, распаленные жаждой победы,
К нам принесутся; тогда вы без спора узнаете каждый,
Чьи впереди и чьи позади между коней ахейских».

Он говорил,— как летящий к концу Диомед показался.
Хлещет сплеча он бичом по коням; а дымящиеся кони
Скачут высоко и с скоростью дивной летят по дороге;
Брызги песка от копыт беспрерывные прыщут в возницу;
Пышная оловом, златом нарядная вкруг колесница
Быстро за бурными конями катится; след за собою
Шины колесные, тяжкие медью, по тонкому праху
Чуть оставляют: с такою горячностью кони летели!
Стал среди круга ристатель торжественный; с пламенных коней
Пот и от вый и от персей потоками лился на землю.
Быстро на дол Диомед с колесницы сияющей прянул,

Бич к ярму прислонил; и не медлил сподвижник героя,
Сильный Сфенел: прибежал и с веселием взял он награду;
Но служителям храбрым жену и треножник ушатый
К куще представить велел он, а сам распрягал колесницу.

После Тидида младой Антилох пригнал колесницу,
Хитростью только, не скоростью, взявши перед у Атрида;
Но Атрид от него не отстал на конях быстроногих;
Близко летел, как от обода конь, в колесницу впряженный
И во весь свой опор по полям властелина несущий;
Хвост у него медноблещущей шины касается краем;
Так он близко бежит и таким расстоянием малым
Он отделен от колес, по широкому полю бегущий,—
Столько же мало отстал от Нелеева славного внука
Царь Менелай: на вержение диска сперва оставался;
После он скоро догнал: возрастала в бегу беспрестанно
Крепость и жар кобылицы Атридовой, пламенной Эфы,
Так что, когда бы еще обоих продолжилось ристанье,
Верно б, Атрид обскакал и победы не сделал бы спорной.
Но Мерион, предводителя критян могучий сподвижник,
Гнал, на полет копия от царя Менелая отставши:
Медленны были его долгогривые критские кони;
Мало искусен и сам управлять колесницей в ристаньях.
Сын же Адмета явился последним, гоня пред собою
Быстрых коней и прекрасную сзади влача колесницу.
В жалость пришел, Адметида увидев, Пелид благородный;
Встал, и к ахейским царям устремил он крылатые речи:
«Первый ристатель последним гонит коней звуконогих!
Но, аргивяне, дадим, как достойно, вторую награду
Сыну Адмета; а первая следует сыну Тидея».

Так говорил,— и одобрили все Ахиллесово слово;
Отдал бы он кобылицу, с согласия сонма, Эвмелу,
Если б почтенного Нестора сын, Антилох, оскорбленный,
Быстро не встал; справедливо герой возразил Ахиллесу:
«Царь Ахиллес, огорчуся я жестоко, если исполнишь
Слово твое! Награду отнять у меня побужден ты
Тем, что постигла беда колесницу и коней Эвмела?
И что возница он славный? Почто же богов всемогущих
Он не молил: никогда не пришел бы возницей последним.
Если Эвмела жалеешь и столько тебе он любезен,—
Есть у тебя в кораблях изобильно и злата и меди;
Есть и рабыни, и овцы, и твердокопытные кони:

Выбрав из них, отличи ты его хоть и большей наградой
После, и даже теперь, чтоб тебя похвалили данаи;
Сей же из рук я не выдам,— а кто из ахеян желает,
Пусть подойдет и со мной за нее рукопашно сразится!»

Так говорил; улыбнулся божественный внук Эакидов,
Радуясь другом младым: Антилоха любил он, как друга.
Юноше он отвечая, крылатую речь устремляет:
«Требуешь ты, Антилох, чтоб из собственной сени другую
Дал я награду Эвмелу: охотно и то я исполню.
Дам ему латы, которые добыл я с Астеропея,
Медные; их оконечность литая струя окружает
Олова светлого; будет сей дар Эвмела достоин».

Так произнесши, Пелид повелел Автомедону другу
Вынесть из кущи; и тот, устремившися, вынес и отдал
В руки Адметова сына; и он их, радуясь, принял.

Тут Менелай светлокудрый поднялся, душой огорченный,
Жестоко гневный на сына Нелидова. Вестник Атридов
Скиптр властелину представил, безмолвствовать знак аргивянам
Подал; и стал говорить воинственник, богу подобный:
«Что, Антилох, ты сделал, всегда рассудительным слывший?
Славу мою помрачил и коней у меня ты расстроил,
Хитростью взявший перед на конях, несравненно слабейших!
Но рассудите, ахеян владыки и мужи совета,
Нас обоих наравне рассудите вы, но без потворства.
Пусть обо мне ни один меднобронный ахеец не скажет:
— Царь Менелай, Антилоха одной пересиля неправдой,
Юноши мздою, конем завладел: Менелаевы кони
Были слабее, лишь сам он могучее властью и силой.—
Слушайте, други; я сам рассужу, и меня, я надеюсь,
В сонме не будет никто укорять: справедлив приговор мой.
Несторов сын благородный, приближься сюда и, как должно,
Стань пред своими конями; возьми, как следует, в руки
Бич тот гибкий, с которым сегодня ристал, и бичом ты
Коней касаясь, клянись Посейдаоном, землю держащим,
Что неумышленной хитростью ты мне запнул колесницу».

Умный младой Антилох отвечал Менелаю Атриду:
«Светлый Атрид, укротися; юноша я пред тобою.
Ты, о царь Менелай, и летами и доблестью выше;
Ведаешь, как легко в заблуждения младость впадает:

Ум молодой опрометчив, короток рассудок незрелый.
Сердце смягчи, Менелай; а награду мою, кобылицу,
Сам я тебе отдаю; и когда б из моих достояний
Боле чего ты потребовал, с радостью я и теперь же
Выдал бы, нежели мне у тебя, питомец Кронида,
Выйти из сердца навеки и быть пред богами виновным!»

Рек,— и, подведши коня, младой Несторид благородный
В руки отдал Менелаю герою; и в персях Атрида
Сердце растаяло с радости, словно роса по колосьям
Зреющей нивы, когда цепенеют от зноя долины,—
Так у тебя, Менелай, растаяло с радости сердце.
К юноше он возгласил, устремляя крылатые речи:
«Ныне я сам, невзирая на гнев мой, тебе уступаю,
Несторов сын! Никогда безрассуден, ниже легкомыслен
Ты не бывал: победила рассудок единая младость.
После сего, Антилох, опасайся обманывать старших.
Нет, не легко бы меня укротил другой из данаев;
Но довольно терпел и довольно под Троею сделал
Сам ты, и храбрый отец твой, и брат, за меня подвизаясь.
К просьбе твоей снисхожу и награду мою, кобылицу,
Я уступаю тебе: пускай и другие с тобою
Помнят, что я никогда ни надмен, ни немилостив не был».

Так произнес — и коня Менелай Антилохову другу
Отдал Ноемону; сам же избрал рукомойник блестящий.
Злато, четвертую мзду, получил Мерион по заслуге,
Коней четвертым пригнавши. Но пятая мзда оставалась,
Круглый фиал двусторонний: его Ахиллес быстроногий,
Сонмом данаев пронесши, Нестору подал, вещая:
«Дар сей тебе, божественный старец! и ты сохрани сей
Памятник грустный Патрокловых похорон: между живыми
Больше его не увидишь! Тебе же награду победы
Так я даю; ни в борьбу ты, Нелид, ни в кулачную битву,
Верно, не вступишь; ни в меткой стрельбе ты, ни в легкости бега
Спорить не будешь: тебя удручает тяжелая старость».

Рек — и фиал ему подал; и старец приял, веселяся;
Быстрые речи крылатые он устремил к Ахиллесу:
«Истину, сын, говоришь, и всё ты разумно вещаешь.
Члены мои ослабели; ни ноги, любезный, ни руки
Так на моих раменах, как бывало, не движутся быстро.

Если бы молод я был! и если бы силой блистал я
Оных годов, как эпейцы в Вупрасе царю Амаринку
Тризны творили, а дети царя предложили награды!
Там не сравнился со мной ни один человек из эпеян,
Даже из храбрых пилосцев и духом высоких этолян.
Там я кулачною битвой бойца одолел Клитомеда;
Трудной борьбою борца ниспроверг плевронийца Анкея;
Ног быстротой превзошел знаменитого бегом Ификла;
Дротиком двух победил: Полидора и мужа Филея.
Только одними конями меня премогли Акториды;
Но числом одолели, завидуя в сей мне победе;
Ибо славнейшая всех за нее оставалась награда;
Стали вдвоем на меня, и как первый лишь правил конями,
Только лишь правил, другой их, гоня, бичевал без пощады.
Прежде таков я бывал! Но теперь молодым оставляю
Трудные подвиги славы; пора, пора уступить мне
Старости скорбной: в чреду я свою блистал меж героев!
Но продолжай и друга усопшего играми чествуй.
Дар благодарно приемлю и радуюсь сердцем, что столько
Помнишь меня ты, старца смиренного, что не забыл ты
Честью приличной почтить и его пред народом ахейским.
Боги тебе за сие воздадут воздаяньем желанным!»

Так произнес,— и Пелид сквозь великие сонмы ахеян
Вновь возвратился, приветствие выслушав Нестора старца.
Тут предложил он награды кулачного страшного боя:
Выслав пред круг, привязал шестилетнего, сильного меска;
Игом еще не смиренный, жесток для смирения был он.
Меск — победителю мзда; побежденному — кубок двудонный.
Стал наконец среди сонма и так говорил аргивянам:
«Чада Атрея и вы, меднолатные мужи ахейцы!
Ныне подвижников двух призываем, которые сильны,
Руки поднять на кулачную битву. Кому стреловержец
Даст устоять и кого победителем все мы признаем,
Тот к своему кораблю поведет терпеливого меска;
Кубок же сей двоедонный боец побежденный получит».

Рек он,— и быстро восстал человек и огромный и мощный,
Славный кулачный боец, Панопеева отрасль, Эпеос.
Меска рукой жиловатой за гриву схватил и кричал он:
«Выступи тот, кто намерен кубок унесть двоедонный.
Меска ж, надеюся я, не отвяжет никто из ахеян,
В битве кулачной победный: горжуся, боец я здесь первый!

Будет того, что меж вами я воин не лучший,— что делать:
Смертному в каждом деянии быть невозможно отличным.
Что до битвы, объявляю при всех, и исполнено будет:
Плоть до костей прошибу я и кости врагу изломаю.
Пусть за моим сопротивником все попечители выйдут,
Чтоб из битвы унесть укрощенного силой моею».

Так говорил он,— и все, онемевши, молчанье хранили.
Богу подобный один Эвриал на него подымался,
Внук скиптроносца Талая, сын Мекистея героя,
Некогда в Фивы ходившего, к играм надгробным Эдипу,
Падшему в оное время, и всех победившего кадмян.
К битве его снаряжал Диомед, копьеборец могучий,
Дружеской речью бодря и сердечно желая победы:
Бросил он запон ему, и красиво кроенные после
Подал ремни из степного вола, убитого силой.
Так опоясавшись оба, выходят бойцы на средину.
Разом один на другого могучие руки заносят,
Сшиблись; смешалися быстро подвижников тяжкие руки.
Стук кулаков раздается по челюстям; пот по их телу
Льется ручьями; как вдруг приподнялся могучий Эпеос,
Резко врага оглянувшегось грянул в лицо,— и не мог он
Больше стоять; подломившися, рухнулись крепкие члены.
Словно с порывом Бореевым прядает рыба из моря
На берег мшистый и вдруг покрывается мутной волною,—
Так пораженный упал Эвриал. Добродушный Эпеос
За руку поднял его; а усердные други, представши,
С поприща в стан повели, по земле волочащего ноги,
Кровь извергавшего ртом и бросавшего голову набок.
В омрак он впал; и его меж своими друзья посадивши,
Сами пошли и на поприще подняли кубок двудонный.

Сын же Пелеев немедленно новые, третьи, награды
Выставил сонму, награды борьбы, изнурительной силам:
Мздой победителю вынес огонный треножник, огромный,
Медный,— в двенадцать волов оценили его аргивяне;
Мздой побежденному он рукодельницу юную вывел,
Пленную деву,— в четыре вола и ее оценили.
Стал наконец перед сонмом и так говорил аргивянам:
«Встаньте, которым угодно и сей еще подвиг изведать!»

Он произнес,— и немедленно встал Теламонид великий;
Встал и герой Одиссей, вымышлятель хитростей умный.

Чресла свои опоясав, борцы на средину выходят;
Крепко руками они под бока подхватили друг друга,
Словно стропила, которые в кровле высокого дома
Умный строитель смыкает, в отпору насильственных ветров
Сильно хребты захрустели, могучестью стиснутых рук их
Круто влекомые; крупный пот заструился по телу;
Частые полосы вкруг по бокам и хребтам их широким
Вышли багровые; с ревностью в гордых сердцах одинакой
Оба алкали они и победы, и славной награды.
Долго ни царь Одиссей не смогал опрокинуть Аякса,
Ни Аякс не смогал одолеть Одиссеевой силы.
И когда, уж соскучив, ахеян сыны зароптали,
Вскрикнул к царю Одиссею великий Аякс Теламонид:
«Сын благородный Лаэртов, герой Одиссей многоумный,
Ты подымай, или я подыму; а решит Олимпиец!»

Так произнес и поднял; Одиссей не забыл ухищренья:
Вдруг в подколенок ударил пятой и подшиб ему ноги,
Навзничь его опрокинул; но сам он Аяксу на перси
Пал. Удивился народ, изумились все аргивяне.
После пытал и Аякса поднять Одиссей терпеливый;
Вновь обхватил и лишь несколько сдвинул с земли, но не поднял:
Ноги его подогнулись, и на землю рухнулись оба;
Пали один близ другого и прахом покрылися темным.
Встали, и в третий бы раз устремились подвижники спорить,
Если бы сам Ахиллес не воздвигнулся; он удержал их:
«Кончите вашу борьбу и трудом не томитесь жестоким.
Ваша победа равна; и, награды вы равные взявши,
С поля сойдите: пускай и другие в подвиги вступят».

Рек,— и, почтительно выслушав, оба они покорились:
С поля сошли и, от праха очистясь, надели хитоны.

Сын же Пелеев другие за бег предлагает награды:
Первая — сребряный, пышный сосуд, шестимерная чаша,
Чудной своей красотой помрачавшая в целой вселенной
Славные чаши, сидонян искусных изящное дело.
Мужи ее финикийцы, по мглистому плавая понту,
В Лемнос продать привезли, но как дар предложили Фоасу;
Царь же Эвней Язонид, выкупая Приамова сына,
Падшего в плен Ликаона, отдал Менетиду Патроклу.
Царь Ахиллес и ту чашу выставил, чествуя друга,

Мздою тому, кто быстрейшим окажется в беге ногами;
Мздою второму — тельца откормленного, тяжкого туком;
Но последнему золота он полталанта назначил.
Стал наконец среди сонма и так говорил аргивянам:
«Встаньте, которым угодно и сей еще подвиг изведать!»

Рек,— и немедленно встал Оилеев Аякс быстроногий;
Встал Одиссей многоумный, и Несторов сын знаменитый
Встал Антилох: побеждал он юношей всех быстротою.
Стали порядком; Пелид указал им далекую мету.
Бег их сперва от черты начинался; и первый всех дальше
Быстрый умчался Аякс; но за ним Одиссей знаменитый
Близко бежал, как у женщины ткущей с пряжею ходит
Цевка у персей, которую ловко руками бросает,
Нить за уток пропуская, и близко пред персями держит,—
Так Одиссей за Аяксом близко бежал; беспрестанно
Следом в следы ударял он, прежде чем прах с них ссыпался,
И дыханье свое изливал на главу Оилида,
Быстро и ровно бежа; восклицали кругом аргивяне,
Жажду его победить в ревновавшем еще умножая.
Но когда приближались к концу уже бега, взмолился
В сердце герой Одиссей светлоокой Палладе богине:
«Дочь Эгиоха, услышь! убыстри, милосердая, ноги!»
Так он, молясь, произнес,— и услышала дочь Эгиоха;
Члены ему сотворила легкими, ноги и руки.
И уже добегали, чтоб только им прянуть к награде,—
Вдруг на бегу поскользнулся Аякс: повредила Афина —
В влажный ступил он помет, из волов убиенных разлитый,
Коих Патроклу в честь закалал Пелейон благородный;
Тельчим пометом наполнились ноздри и рот у Аякса.
Чашу, награду свою, подхватил Одиссей терпеливый,
Первый примчась; а вола захватил Оилид знаменитый;
Стал и, рукою держася за роги вола полевого,
Он выплевывал кал и так говорил аргивянам:
«Дочь громовержца, друзья, повредила мне ноги, Афина!
Вечно, как матерь, она Одиссею на помощь приходит!»

Так произнес он,— и смех по собранью веселый раздался.
Несторов сын получил последнюю бега награду;
Взял и к ахейским мужам, улыбаясь, так говорил он:
«Знающим всем говорю вам, друзья, что всегда, как и ныне,
Боги бессмертные чествуют смертных, старейших летами.
Сын Оилеев меня годами немногими старше;

Сей же из прежнего рода, от прежнего племени отрасль;
Но зелена, говорят, Одиссеева старость; и трудно
В беге с ним спорить ахейским героям, кроме Ахиллеса».

Так говорил, прославляя Пелеева быстрого сына.
Но Ахиллес немедленно сам отвечал Антилоху:
«Друг Антилох! твоя похвала не бесплодною будет:
Злата к награде твоей полталанта еще прибавляю».
Так произнес — и вручил; и юноша, радуясь, принял.

Тут Ахиллес быстроногий, копье длиннотенное взявши,
Вынес на поприще, вынес и щит и шелом светозарный,
Весь Сарпедонов доспех, с пораженного взятый Патроклом.
Стал наконец перед сонмом и так говорил аргивянам:
«Ныне подвижников двух вызываем, отлично могучих,
В бранный облекшись доспех, ополчившись пронзительной медью,
Выйти один на один и измерить их мощь пред народом.
Кто у другого скорее пронзит благородное тело
И сквозь доспехи коснется и членов, и крови багряной,
Тот победитель,— тому подарю я сей нож среброгвоздный,
Славный, фракийский, который похитил я с Астеропея;
Что до оружий, подвижники оба их вместе получат;
Вместе под сенью моей и блистательный пир им устрою».

Так говорил,— и поднялся великий Аякс Теламонид;
Быстро по нем и Тидид восстал, Диомед нестрашимый.
Скоро, в концах отдаленных народной толпы ополчася,
Оба они на средину выходят, пылая сразиться;
Грозно друг на друга смотрят; страх обымает ахеян.
Быстро сошедшись, они, устремленные друг против друга,
Трижды бросались и врукопашь трижды оружием сшиблись.
Сын Теламонов копье сопротивнику в щит круговидный
Вбил, но тела не тронул: оно защищалося броней.
Сын же Тидеев поверх семикожного круга щитного
Выс Аякса грозил беспрестанно сверкающим жалом.
Все, трепеща за Аякса, вскричали ахейские мужи,
Бой прекратить и равные взять им велели награды.
Но Ахиллес Диомеда ножом наградил среброгвоздным,
Вместе с ножнами его и с ремнем красиво кросенным.

Тут Ахиллес предложил им круг самородный железа;
Прежде метала его Этионова крепкая сила;
Но когда Этиона убил Ахиллес градоборец,

Круг на своих кораблях он с другими корыстями вывез.
Стал наконец он пред сонмом и так говорил аргивянам:
«Встаньте, которым угодно и сей еще подвиг изведать!
Сколько бы кто ни имел и далеких полей и широких,—
На пять круглых годов и тому на потребы достанет
Глыбы такой; у него никогда оскуделый в железе
В град не пойдет ни оратай, ни пастырь, но дома добудет».

Так говорил он,— и встал Полипет, бранодышащий воин;
Встала и грозная мощь Леонтея, подобного богу;
Встал и Аякс Теламонид, и сильный Эпеос огромный,
Стали порядком; и первый тот круг подымает Эпеос;
Долго махал он и бросил; и хохот раздался по сонму.
После поверг Леонтей, благородная отрасль Арея;
Третий, сын Теламонов, схвативши железную тягость,
Бросил могучей рукой, и за знаки он всех перекинул.
Но, когда тот круг подхватил Полипет брановосный,
Так далеко, как пастух свой закривленный посох бросает,
Он же вертится кругом и летит через тельчее стадо,—
Так далеко перекинул за круг он; вскричали данаи.
Быстро толпой набежавши, друзья Полипета героя
Радостно к черным судам понесли награду владыки.

Сын же Пелеев для лучников темное вынес железо:
Десять секир двуострых и десять простых им наградой.
Выставил целью стрельбы — корабля черноносого мачту
В дальнем конце, на песке; а на самой вершине голубку
За ногу тонким снуром привязал; и по птице велел он
Метить стрелкам: «Который уметит по робкой голубке,
Все топоры двуострые в сень понесет победитель;
Кто ж улучит по снуру одному, не уметивши птицы,
Тот, как стрелок побежденный, секиры простые получит».

Так говорил,— и восстало могущество Тевкра владыки;
Встал и герой Мерион, повелителя критян сподвижник.
Бросили жребии в медный шелом, сотрясли их, и Тевкру
Вылетел первому жребий стрелять; и немедля стрелу он
С страшною силой послал, но не сделал обета владыке
Фебу в жертву принесть первородных овнов гекатомбу.
В птицу герой не попал: воспрепятствовал Феб раздраженный;
В снур близ ноги он уметил, которым привязана птица:
Привязь у самой ноги пересекла стрела; встрепенулась,
К небу взвилась голубица свободная; привязь по ветру

На землю вся опустилася; громко вскричали данаи.
Быстро тогда Мерион у печального Тевкра из длани
Выхватил лук, а стрелу наготове держал, чтоб направить;
В сердце обет сотворил метателю стрел Аполлону
Первенцев агнцев ему в благодарность принесть гекатомбу;
И, высоко под облаком робкую птицу завидев,
Быстро кружащуюсь, в бок под крыло угодил он стрелою:
Вверх сквозь крыло пролетела стрела и, обратно на землю
Пав, пред ногой Мериона вонзилася в дол; а голубка,
С выси лазурной на мачту спустясь черноносого судна,
Выю к груди приклонила, густые развесила крылья,
Быстро из персей дух испустила и с мачты далеко
Пала на прах; удивился народ и кругом изумлялся.
Все топоры двуострые взял Мерион победитель;
Тевкр, побежденный, простые понес к кораблям мореходным.

Сын же Пелеев огромный дрот и сосуд рукомойный,
Чистый, в огне не бывалый, ценою в вола, расцвеченный,
Вынес пред сонм; и восстали могучие два копьеборца:
Первый пространнодержавный восстал Атрейон Агамемнон,
После герой Мерион, предводителя критян сподвижник;
Но, между храбрыми став, говорил Ахиллес благородный:
«Царь Агамемнон, мы ведаем, сколько ты всех превосходишь,
Сколько и мощью твоей, и метанием копий отличен.
Но прими ты награду и с нею, Атрид, возвратися
К быстрым судам; а копье отдадим Мериону герою,
Если твоей то приятно душе; но так бы я думал».

Рек,— и ему не противился сын скиптроносный Атрея.
Дрот Ахиллес Мериону вручил; а герой Агамемнон
В руки Талфибия вестника пышную отдал награду.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ВЫКУП ГЕКТОРА

Сонм распущён; и народ по своим кораблям быстролетным
Весь рассеялся; каждый спешил укрепиться под сенью
Пищей вечерней и сладостным сном. Но Пелид неутешный
Плакал, о друге еще вспоминая; к нему не касался
Все усмиряющий сон; по одру беспокойно метаясь,

Он вспоминал Менетидово мужество, дух возвышенный;
Сколько они подвизались, какие труды подымали,
Боев с мужами ища и свирепость морей искушая;
Все вспоминая в душе, проливал он горячие слезы.
То на хребет он ложился, то на бок, то, ниц обратяся,
К ложу лицом припадал; напоследок, бросивши ложе,
Берегом моря бродил он, тоскующий. Там и Денницу
Встретил Пелид, озарившую пурпуром берег и море.
Быстро тогда он запряг в колесницу коней быстроногих;
Гектора, чтобы влачить, привязал позади колесницы;
Трижды его обволок вкруг могилы любезного друга,
И наконец успокоился в куще; а Гектора бросил,
Ниц распростерши во прахе. Но Феб от него, покровитель,
Феб и от мертвого вред отклонял; о герое и мертвом
Бог милосердовал: тело его золотым он эгидом
Все покрывал, да не будет истерзан, Пелидом влачимый.

Так над божественным Гектором в гневе своем он ругался.
Жалость объяла бессмертных, на оное с неба взиравших;
Тело похитить зоркого Гермеса все убеждали;
Всем то казалось угодным; но только не Гере богине,
Ни Посейдону царю, ни блистательноокой Афине;
Им, как и прежде, была ненавистною Троя святая,
Старец Приам и народ, за вину Приамида Париса:
Он богинь оскорбил, приходивших в дом его сельский;
Честь он воздал одарившей его сладострастием вредным.

Вестница утра, в двенадцатый раз восходила Денница;
И средь сонма богов провещал Аполлон сребролукий:
«Боги жестокие, неблагодарные! Гектор не вам ли
Недра тельцов и овнов сожигал в благовонные жертвы?
Вы ж не хотите и мертвое тело героя избавить;
Видеть его не даете супруге, матери, сыну,
Старцу отцу и гражданам, которые славного мужа
Предали б скоро огню и последнею честью почтили!
Вы Ахиллесу грабителю быть благосклонны решились,
Мужу, который из мыслей изгнал справедливость, из сердца
Всякую жалость отверг и, как лев, о свирепствах лишь мыслит.
Лев, и душой дерзновенной, и дикою силой стремимый,
Только и рыщет, чтоб стадо найти и добычу похитить,—
Так сей Пелид погубил всю жалость, и стыд потерял он,
Стыд, для сынов человеческих столько полезный и вредный.

Смертный иной и более милого сердцу теряет,
Брата единоутробного или цветущего сына;
Плачет о трате своей и печаль наконец утоляет:
Дух терпеливый Судьбы даровали сынам человеков.
Он же, богу подобного Гектора жизни лишивши,
Мертвого вяжет к коням и у гроба любезного друга
В прахе волочит! Не славное он и не лучшее выбрал!
Разве что нашу он месть на себя, и могучий, воздвигнет:
Землю, землю немую неистовый муж оскорбляет!»

Гневом пылая, ему отвечала державная Гера:
«Слово твое совершилось бы, луком серебряным гордый,
Если б равно Ахиллеса и Гектора сами вы чтили!
Гектор — сын человека, сосцами жены он воспитан;
Но Ахиллес — благородная отрасль: богиню Фетиду
Я возлелеяла, я возрастила и милой супругой
Мужу вручила Пелею, любезному всем нам, бессмертным.
Все вы, бессмертные, были на браке; и ты ликовал там
С лирой в руках, нечестивых наперсник, всегда вероломный!»

Ей обратился ответствовать тучегонитель Кронион:
«Гера, супруга! Не гневайся вовсе на жителей неба.
Честь брапоносцам не равная будет; однако и Гектор
Между сынов Илиона любезнейший был олимпийцам,
Так же и мне! Никогда не небрег он о жертвах приятных;
Жертвенник мой никогда не скудел в приношеньях обильных
Туков, вин, благовоний: сия бо нам честь подобает.
Но похищенье оставим; возможности нет от Пелида
Гектора славного тайно похитить: к Пелееву сыну
Матерь Фетида приходит и ночью и днем непрестанно.
Лучше Фетиду ко мне призови кто-нибудь из бессмертных;
Мудрое слово богине реку, да Пелид быстроногий
Выкуп возьмет от Приама и Гектора тело отпустит».

Рек,— и как вихрь устремилась Ирида крылатая с вестью;
Между священного Сама и грозноутесного Имбра
Бросилась в черный понт; и под ней застонала пучина;
Быстро в пучину Ирида, подобно свинцу, погрузилась,
Ежели он, прикрепленный под рогом вола степового,
Мчится, коварный, рыбам прожорливым гибель несущий.
Там в пещере глубокой находит Фетиду и с нею
Многих богинь Океана. Она посреди их сидела,
Плача об участи храброго сына, которому должно

В Трое холмистой погибнуть, далеко от милой отчизны.
Став пред Фетидой, вещала посланница Зевса: «Фетида!
Зевс призывает тебя, непреложных советов строитель».

Ей отвечая, рекла среброногая дочерь Нерея:
«Что заповедует мне повелитель бессмертных? Стыжуся
Светлым являться богам, угнетенная мрачной печалью!
Но повинуюсь; и тщетен не будет глагол, им реченный».

Так говоря, облеклася Фетида одеждой печали,
Черным покровом, чернейшим из всех у нее одеяний.
Так устремилась; пред нею подобная ветрам Ирида
Быстро пошла; расступалися окрест их волны морские.
На берег вышед, богини к высокому бросились небу.
Там обрели громовержца Кронида; пред ним воссидели
Все, на совет собравшись, блаженные вечные боги.
Села Фетида близ Зевса отца: уступила Афина;
Гера же чашу златую, прекрасную, подала в руки
И утешала словами. Фетида, испив, возвратила.
Слово меж оными начал отец и бессмертных и смертных:
«Ты на Олимп, Фетида, пришла, и печальная сердцем;
Знаю, скорбь неутешную в персях ты носишь, богиня;
Но возвещу, для чего на Олимп я тебя призываю.
Девять дней, как меж нами, бессмертными, распря восстала:
Гектор герой и Пелид градоборец богов разделяют.
Тело похитить склоняют бессмертные Гермеса бога;
Я же, напротив, ту славу хочу даровать Ахиллесу,
Нежность к тебе и почтенье в сердце навек сохраняя.
Шествуй к ахейскому стану и сыну, богиня, поведай:
Все божества на него негодуют; но я от бессмертных
Более всех огорчаюсь, что он в исступлении гнева
Гектора возле судов, не приемлющий выкупа, держит.
Если страшится меня, да немедля отпустит он тело.
Я ж посылаю Ириду к Приаму царю с повеленьем
В стан мирмидонский идти к искуплению милого сына,
Несть и дары Ахиллесу, приятные сердцу героя».

Так произнес,— и ему покорилась Фетида богиня;
Быстро помчалась, с вершины Олимпа высокого бросясь.
Скоро достигла Пелидова стана; и в куще находит
Сына, печально стенящего; многие в куще героя
Окрест его суетились друзья и готовили завтрак;
Ими закланный лежал на помосте овен густорунный.

Подле печального сына воссела почтенная матерь;
Тихо ласкала рукой, вопрошала и так говорила:
«Милое чадо, почто ты себе, и стеня и тоскуя,
Сердце крушишь; не помыслишь о пище, ниже о покое?
Но приятно с женой опочить и любви насладиться.
Жить же недолго тебе; пред тобою, любезнейший сын мой,
Близко стоит неизбежная Смерть и суровая Участь.
Выслушай слово; его я тебе возвещаю от Зевса:
Боги, он рек, на тебя прогневляются; он же, владыка,
Более всех негодует, что ты в исступлении гнева
Гектора возле судов, не приемлющий выкупа, держишь.
Выдай его, Ахиллес, и за тело прими искупленье».

Ей отвечая, вещал быстроногий Пелид знаменитый:
«Пусть предстает предлагающий выкуп,— и тело получит,
Если решительно так заповедует мне Олимпийский».

Тою порою, как матерь и сын у судов мирмидонских
Многие между собою вещали крылатые речи,
Зевс посылал Ириду к Приамовой Трое священной:
«Шествуй, Ирида крылатая, холмы оставив Олимпа;
Весть в Илионе святом возвести Дарданиду Приаму:
Пусть к искуплению сына идет к кораблям он ахейским,
Пусть и дары он несет, чтоб смягчить Ахиллесово сердце.
Но да единый, никем не сопутствуем, шествует старец;
Токмо глашатай старейший да будет при нем, чтобы править
Месками в быстром возу и вспять из ахейского стана
Мертвого ввезть в Илион, убиенного сильным Пелидом.
Помысл о смерти и страх да не взыдет на сердце Приаму:
Старцу такого пошлем мы сопутника, Гермеса бога;
Он поведет и проводит, пока не представит к Пелиду;
И, когда приведет он Приама пред очи героя,
Рук на него не подымет Пелид, ни других не допустит:
Он ни безумен, ни нагл, ни обыкший к грехам нечестивец;
Он завсегда милосердо молящего милует мужа».

Рек,— и с небес устремилась подобная вихрям Ирида;
К дому Приама сошла; и нашла там вопль и рыданье.
Окрест отца все сыны, на дворе пред хоромами сидя,
Токами слез обливали одежды; в средине их старец,
Ризой покрытый, лежал, обвивающей все его тело;
Выю и голову персть покрывала державного старца,
Коею сам он себя, пресмыкаяся в прахе, осыпал.

Дщери его и невестки, в домах своих сидя, рыдали,
Тех поминая и многих и сильных защитников царства,
Кои уже под руками ахейскими предали души.

Быстрая вестница Зевса, приближася тихо к Приаму,
Голосом тихим (но трепет объял Дарданидовы члены)
Так говорила: «Дерзай, Дарданид, и меня не страшися!
Я для тебя не зловещая ныне схожу от Олимпа,
Нет, но душой доброхотная вестница Зевса тебе я:
Он о тебе, и далекий, душою болит и печется.
Выкупить Гектора тело тебе он велит, Олимпиец.
Шествуй, неси и дары, чтоб смягчить Ахиллесово сердце;
Но да никто из троян не сопутствует, шествуй один ты;
Токмо глашатай старейший да будет с тобой, чтобы править
Месками в быстром возу и вспять из ахейского стана
Мертвого ввезть в Илион, убиенного сильным Пелидом.
Мысль же о смерти, ни страх тебе да не взыдет на сердце:
Спутник такой за тобою последует, Гермес бессмертный;
Гермес пойдет и проводит, пока не приближит к Пелиду;
И, когда он тебя представит пред очи героя,
Рук на тебя не подымет Пелид, ни других не допустит:
Он ни безумен, ни нагл, ни обыкший к грехам нечестивец;
Он завсегда милосердо молящего милует мужа».

Так говоря, отлетела подобная вихрям Ирида.
Старец Приам повелел, чтоб немедля сыны снарядили
Муловый воз быстрокатный и короб к нему привязали.
Сам же поспешно взошел в почивальню, терем душистый,
Кедровый, с кровлей высокой, где много хранилось сокровищ;
Призвал туда и Гекубу супругу и так говорил ей:
«Бедная! мне олимпийская вестница Зевса явилась;
Выкупить сына велела идти к кораблям мирмидонским;
Несть и дары Ахиллесу, которые б сердце смягчили.
Молви, супруга любезная, что ты о сем помышляешь?
Сильно меня самого побуждает и сердце и дума
Ныне ж идти к кораблям и великому стану ахеян».

Так говорил; зарыдала жена и ему отвечала:
«Горе! погиб ли твой разум, которым в минувшее время
Славился ты и у чуждых народов, и в собственном царстве?
Хочешь один ты, старец, идти к кораблям мирмидонским?
Мужу предстать перед очи, который и многих и сильных
Наших сынов умертвил? У тебя не железное ль сердце?

В руки едва залучит, пред очами тебя лишь увидит
Сей кровопийца, неверный сей муж, милосерд он не будет;
Он не уважит тебя! В отдалении лучше поплачем,
В храмине сидя; такую, знать, долю суровая Парка
Выпряла нашему сыну, как я несчастливца родила,—
Долю, чтоб псов он насытил, вдали от родных, пред очами
Лютого мужа, которого внутренность, если б могла я,
Впившись в грудь, пожирать, отомстила б за то, что он сделал
С сыном моим! Не как ратник бесчестный, мой Гектор убит им;
Он за отечество, он за мужей и за жен илионских
Бился, герой, ни о страхе в бою, ни о бегстве не мысля!»

Снова Гекубе ответствовал старец Приам боговидный:
«Воле моей не противься, Гекуба, и в собственном доме
Птицей зловещей не будь: отвратить меня не успеешь.
Если бы дело такое внушал мне какой-либо смертный
Жрец, иль пророк илионский, или фимиамогадатель,
Ложью почли бы мы то и с презрением, верно б, отвергли.
Слышал богиню я сам, пред собою бессмертную видел;
В стан я иду, и не тщетно мне будет вещанье бога.
Если ж назначил мне рок умереть пред судами ахеян,—
Рад! и пускай он меня, душегубец, зарежет, как скоро,
Милого сына обнявши, рыданием сердце насыщу!»

Так произнес — и, поднявши красивые крыши ковчегов,
Вынул из них Дарданион двенадцать покровов прекрасных,
Хлен двенадцать простых и столько ж ковров драгоценных,
Верхних плащей превосходных и тонких хитонов исподних;
Злата, весами отвесивши, выложил десять талантов;
Вынул четыре блюда и два светозарных тренога;
Вынул и пышный сосуд, ему, как посланнику, древний
Дар фракиян, драгоценность великая! даже и оной
Старец щадить не хотел: столь сильно пылал он душою
Выкупить милого сына. Но всех он троян приходивших
Гневный гонял от крыльца, и грозя и поносно ругая:
«Прочь, проклятое племя презренное! Разве и дома
Мало печали у вас, что меня огорчать вы идете?
Или вам радость, что старца Кронид поражает бедою,
Гибелью сына храбрейшего? Скоро вы цену сей траты
Сами узнаете; легче стократ, как не стало героя,
Будете сами избиты ахеями! Я же, о боги,
Прежде, нежели град разоренный и в прах обращенный —
Трою святую — увижу, да скроюсь в обитель Аида!»

Так говоря, прогонял их жезлом; от грозящего старца
Все удалились. Он же вскричал, сыновей порицая,
Клита, Гелена, Париса, питомца богов Агафона,
Паммона, Гиппофоя, Дейфоба вождя, Антифона,
Храброго сына Полита и славного мужеством Дия;
Грозно на сих сыновей и кричал и приказывал старец:
«Живо, негодные дети, бесстыдники! Лучше бы всем вам
Вместо единого Гектора пасть пред судами ахеян!
О, злополучный я смертный! имел я в Трое обширной
Храбрых сынов, и от них ни единого мне не осталось!
Нет боговидного Местора, нет конеборца Троила,
Нет и тебя, мой Гектор, тебя, между смертными бога!
Так, не смертного мужа казался он сыном, но бога!
Храбрых Арей истребил, а бесстыдники эти остались,
Эти лжецы, плясуны, знаменитые лишь в хороводах,
Эти презренные хищники коз и агнцев народных!
Долго ли будете вы снаряжать колесницу и в короб
Скоро ли вложите всё, чтобы мог я немедленно ехать?»

Так говорил,— и сыны, устрашася угрозы отцовой,
Бросились быстро и вывезли муловый воз легкокатный,
Новый, красивый; и короб глубокий на нем привязали;
Сняли с гвоздя блестящий ярем, приспособленный к мулам,
Буковый, с бляхою сверху и с кольцами, слаженный хитро;
Привязь яремную вместе с ярмом девятилоктевую
Вынесли, ловко ярмо положили на гладкое дышло
В самом конце и на крюк поперечный кольцо наложили;
Трижды бляху ярма обмотали кругом; напоследок
Прочее всё обвязали, концы же узла подогнули.
После, нося из покоев, на муловый воз легкокатный,
Весь уложили за голову Гектора выкуп бесценный,
Мулов в него запрягли возовозных, дебелокопытных,
Некогда в дар подведенных владыке Приаму от мизов.
Но к колеснице Приамовой вывели коней, которых
Сам он с отменной заботой лелеял у тесаных яслей;
Их в колесницу впрягали пред домом высоковершинным
Вестник и царь, обращая в уме их мудрые думы.
Тою порою приходит Гекуба, печальная сердцем;
В правой руке царица вина, веселящего сердце,
Кубок несла золотой, чтоб супруг, не возлив, не уехал;
Стала она пред конями и так говорила Приаму:
«Зевсу возлей, мой супруг, и молись, чтобы дал всемогущий
В дом от врагов возвратиться, когда уже смелое сердце

Старца тебя, против воли моей, к кораблям устремляет.
Так, помолися, Приам, чернотучному Кронову сыну,
Богу, который от Иды на всю призирает Троаду.
Птицы проси, быстрокрылого вестника, мощью своею
Первой из птиц и любезнейшей всех самому громовержцу;
С правой страны чтоб слетела, и сам бы ее ты увидя,
С верой в нее отошел к кораблям быстроконных данаев.
Если ж тебе не пошлет своего посла громовержец,
Буду тебя, мой супруг, убеждать и советом и просьбой
В стан не ходить к мирмидонянам, как ты ни твердо решился».

Ей немедля ответствовал старец Приам боговидный:
«Я твоего не отрину совета разумного: благо
Длани к владыке богов воздевать, да помилует нас он».

Рек,— и прислужнице ключнице дал повеление старец
На руки чистой воды возлиять; и прислужница быстро
С блюдом в руках и с кувшином воды пред владыку предстала.
Старец, руки омывши, кубок принял от супруги,
Стал посредине двора и молился, вино возливая,
На небо взор возводя; и, возвысивши голос, воскликнул:
«Зевс, наш отец, обладающий с Иды, славнейший, сильнейший!
Дай мне прийти к Ахиллесу угодным и жалостным сердцу;
Птицу пошли, быстролетного вестника, мощью своею
Первую в птицах, любимую более всех и тобою;
С правой страны ниспошли; да сходящую сам я увидя,
С верой в нее отойду к кораблям конеборных данаев!»

Так умолял,— и услышал его промыслитель Кронион;
Быстро орла ниспослал, между вещих вернейшую птицу,
Темного, коего смертные черным ловцом называют.
Словно огромная дверь почивальни высоковершинной
В доме богатого мужа, замком утвержденная крепким,—
Крылья орла таковы распростерлись, когда он явился,
Вправе над Троею быстро парящий. Они лишь узрели,
В радость пришли, расцвело упованием каждого сердце.

С живостью старец взошел в колесницу свою и немедля
Коней погнал от преддверья и гулких навесов крылечных.
Мески пошли впереди под повозкой четыреколесной
(Ими Идей управлял, благомысленный вестник); а сзади
Борзые кони, которых бичом Дарданид престарелый
Гнал через город; его провожали все близкие сердцу,

Плача по нем неутешно, как будто на смерть отходящем.
Скоро, из замка спустяся, они очутилися в поле;
Все провожавшие их возвратились печальные в Трою,
Дети и сродники. Сами ж они не сокрылись от Зевса:
В поле увидел он их и исполнился милости к старцу;
И к любезному сыну, к Гермесу, так возгласил он:
«Сын мой, Гермес! Тебе от богов наипаче приятно
В дружбу вступать с человеком; ты внемлешь, кому пожелаешь.
Шествуй и Трои царя к кораблям быстролетным ахеян
Так проводи, да никто не узрит и никто не узнает
Старца в ахейских дружинах, доколе к Пелиду не придет».

Так произнес,— и ему повинуется Гермес посланник:
Под ноги вяжет прекрасную обувь, плесницы златые,
Вечные; бога они и над влажною носят водою,
И над землей беспредельною, быстро, с дыханием ветра;
Жезл берет он, которым у смертных, по воле всесильной,
Сном смыкает он очи или отверзает у спящих;
Жезл сей приняв, устремляется аргоубийца могучий.
Скоро он к граду троян и к зыбям Геллеспонта принесся;
Полем пошел, благородному юноше видом подобный,
Первой брадой опушенному, коего младость прелестна.

Путники вскоре, проехав великую Ила могилу,
Коней и месков своих удержали, чтобы напоить их
В светлой реке; тогда уже сумрак спускался на землю.
Тут, оглянувшися, Гермеса вестник Идей прозорливый
Близко увидел и так возгласил к Дарданиду владыке:
«Взглянь, Дарданид! осторожного разума требует дело:
Мужа я вижу; и мнится мне, нас он убить умышляет!
Должно бежать; на конях мы ускачем; или, подошедши,
Ноги ему мы обнимем и будем молить о пощаде!»

Рек он,— и старцево сердце смутилося; он ужаснулся;
Дыбом власы у него поднялися на сгорбленном теле;
Он цепенея стоял. Эриуний приближился к старцу,
Ласково за руку взял и вещал, вопрошая Приама:
«Близко ль, далеко ль, отец, направляешь ты коней и месков,
В час усладительной ночи, как смертные все почивают?
Иль не страшишься убийствами дышащих, гордых данаев,
Кои так близко стоят, неприязненны вам и свирепы?
Если тебя кто увидит под быстрыми мраками ночи,

Столько сокровищ везущего, что твое мужество будет?
Сам ты не молод, и старец такой же тебя провожает.
Как защитишься от первого, кто лишь обидеть захочет?
Я ж не тебя оскорблю, но готов от тебя и другого
Сам отразить: моему ты родителю, старец, подобен!»

Гермесу бодро ответствовал старец Приам боговидный:
«Все справедливо, любезнейший сын мой, что ты говоришь мне;
Но еще и меня хранит покровительной дланью
Бог, который дает мне такого сопутника встретить,
Счастья примету, тебя, красотою и образом дивный,
Редким умом одаренный; блаженных родителей сын ты!»

Вновь Дарданиду вещал благодетельный Гермес посланник:
«Истинно всё и разумно ты, старец почтенный, вещаешь.
Но скажи мне еще, и сущую правду поведай:
Ты высылаешь куда-либо столько богатств драгоценных
К чуждым народам, дабы хоть они у тебя уцелели?
Верно, объятые страхом, уже покидаете все вы
Трою святую? Таков знаменитый защитник погибнул,
Сын твой! В сражениях был он не ниже героев ахейских!»

Гермесу быстро воскликнул старец Приам боговидный:
«Кто ты таков, от кого происходишь ты, юноша добрый,
Так мне прекрасно напомнивший смерть злополучного сына?»

Старцу ответствовал вновь благодетельный Гермес посланник:
«Ты испытуешь меня, вопрошая о Гекторе дивном.
Часто, часто я сам на боях, прославляющих мужа,
Гектора видел, и даже в тот день, как, к судам отразивши,
Он побеждал аргивян, истребляя крушительной медью.
Стоя вдали, удивлялись мы Гектору; с вами сражаться
Нам Ахиллес запрещал, на царя Агамемнона гневный.
Я Ахиллесов служитель, в одном корабле с ним приплывший;
Родом и я мирмидонец: родитель мой храбрый Поликтор;
Муж он богатый и старец, как ты, совершенно маститый.
Шесть у Поликтора в доме сынов, а седьмой пред тобою;
Жребий меж братьев упал на меня, чтоб идти с Ахиллесом.
Ныне осматривать поле пришел от судов я: заутра
Боем на город пойдут быстроокие мужи ахейцы.
Все негодуют они на долгую праздность; не могут
Бранного пыла мужей обуздать воеводы ахеян».

Гермесу паки ответствовал старец Приам боговидный:
«Ежели подлинно ты Ахиллеса Пелида служитель,
Друг, не сокрой от меня, умоляю, поведай мне правду:
Сын мой еще ль при судах иль уже Ахиллес быстроногий
Тело его рассеченное псам разметал мирмидонским?»

Старцу ответствовал вновь благодетельный Гермес посланник:
«Старец, ни псы не терзали, ни птицы его не касались;
Он и поныне лежит у судов Ахиллеса, под кущей,
Всё, как и был, невредимый: двенадцатый день, как лежит он
Мертвый,— но тело не тлеет, к нему не касаются черви,
Быстрые черви, которые падших в бою пожирают.
Правда, его ежедневно, с восходом Денницы священной,
Он беспощадно волочит вкруг гроба любезного друга;
Но мертвец невредим; изумишься ты сам, как увидишь:
Свеж он лежит, как росою умытый; нет следа от крови,
Члена не видно нечистого; язвы кругом затворились,
Сколько их ни было: много суровая медь нанесла их.
Так милосердуют боги о сыне твоем знаменитом,
Даже и мертвом: любезен он сердцу богов олимпийских».

Рек он,— и старец, наполняся радости, быстро воскликнул:
«Благо, мой сын, приносить небожителям должные дани!
Гектор,— о, если бы жил он! — всегда в благоденственном доме
Помнил бессмертных богов, на великом Олимпе живущих;
Боги за то и по смертной кончине его помянули.
Но преклонися, прими от меня ты прекрасный сей кубок
И, охраняя меня, проводи, под покровом бессмертных,
В стан мирмидонский, пока не приду к Ахиллесовой куще».

Вновь Дарданиду ответствовал Гермес, посланник Зевеса:
«Младость мою соблазняешь ты, старец, но я не склонюся
Дара, какой предлагаешь мне, тайно принять от Пелида.
Я уважаю Пелида и сердцем страшусь от героя
Дар похищать, чтобы после меня беда не постигла;
Но с тобою сопутствовать рад я землею и морем;
Рад я тебя проводить и до славного Аргоса града;
И с таким путеводцем к тебе не приближится смертный».

Рек, и на царских коней в колесницу вскочил Эриуний;
Быстро и бич и бразды захватил в могучие руки;
Коням и мескам вдохнул необычную рьяность и силу,
И когда прилеслися ко рву и стене корабельной,

Где незадолго над вечерей стражи ахеян трудились,—
Всех их в сон погрузил благодетельный аргоубийца;
Башни запор отодвинул, врата растворил и Приама
Ввез внутрь стены и за ним с дорогими дарами повозку.
Но лишь предстали они к Ахиллесовой куще великой
(Кущу царю своему мирмидонцы построили в стане
Крепко из бревен словых и сверху искусно покрыли
Мшистым, густым камышом, по влажному лугу набравши;
Около кущи устроили двор властелину широкий,
Весь оградя частоколом; ворота его запирались
Толстым засовом еловым; трое ахеян вдвигали,
Трое с трудом отымали огромный замок сей воротный
Сильных мужей; но Пелид и один отымал его быстро),—
Те благодетельный Гермес отверз перед старцем ворота,
Ввез дары знаменитые славному сыну Пелея,
Спрянул на дол с колесницы и так провещал к Дарданиду:
«Бог пред тобою, о старец, бессмертный, с Олимпа нисшедший,
Гермес: отец мой меня тебе ниспослал путеводцем.
Я совершил, и к Олимпу обратно иду; всенародно
Я не являюсь Ахиллеса очам: не достойно бы было
Богу бессмертному видимо чествовать смертного мужа.
Ты же иди и, вошед, обыми Ахиллесу колена;
Именем старца родителя, матери многопочтенной,
Именем сына моли, чтобы тронуть высокую душу».

Так возгласивши, к Олимпу великому быстро вознесся
Гермес. Приам, с колесницы стремительно прянув на землю,
Там оставляет Идея, дабы он стоял, охраняя
Коней и месков; а сам устремляется прямо в обитель,
Где Ахиллес находился божественный. Там Пелейона
Старец увидел; друзья в отдаленье сидели; но двое,
Отрасль Арея Алким и смиритель коней Автомедон,
Близко стоя, служили; недавно он вечерю кончил,
Пищи вкусив и питья, и пред ним еще стол оставался.
Старец, никем не примеченный, входит в покой и, Пелиду
В ноги упав, обымает колена и руки целует,—
Страшные руки, детей у него погубившие многих!
Так, если муж, преступлением тяжким покрытый в отчизне,
Мужа убивший, бежит и к другому народу приходит,
К сильному в дом,— с изумлением все на пришельца взирают,—
Так изумился Пелид, боговидного старца увидев;
Так изумились все, и один на другого смотрели.
Старец же речи такие вещал, умоляя героя:

«Вспомни отца своего, Ахиллес, бессмертным подобный,
Старца, такого ж, как я, на пороге старости скорбной!
Может быть, в самый сей миг и его, окруживши, соседи
Ратью теснят, и некому старца от горя избавить.
Но, по крайней он мере, что жив ты, и зная и слыша,
Сердце тобой веселит и вседневно льстится надеждой
Милого сына узреть, возвратившегось в дом из-под Трои.
Я же, несчастнейший смертный, сынов возрастил брапоносных
В Трое святой, и из них ни единого мне не осталось!
Я пятьдесят их имел при нашествии рати ахейской:
Их девятнадцать братьев от матери было единой;
Прочих родили другие любезные жены в чертогах;
Многим Арей истребитель сломил им несчастным колена.
Сын оставался один, защищал он и град наш и граждан;
Ты умертвил и его, за отчизну сражавшегось храбро,
Гектора! Я для него прихожу к кораблям мирмидонским;
Выкупить тело его приношу драгоценный я выкуп.
Храбрый! почти ты богов! над моим злополучием сжалься,
Вспомнив Пелея отца: несравненно я жалче Пелея!
Я испытую, чего на земле не испытывал смертный:
Мужа, убийцы детей моих, руки к устам прижимаю!»

Так говоря, возбудил об отце в нем плачевные думы;
За руку старца он взяв, от себя отклонил его тихо.
Оба они вспоминая: Приам — знаменитого сына,
Горестно плакал, у ног Ахиллесовых в прахе простертый;
Царь Ахиллес, то отца вспоминая, то друга Патрокла,
Плакал, и горестный стон их кругом раздавался по дому.
Но когда насладился Пелид благородный слезами
И желание плакать от сердца его отступило,—
Быстро восстал он и за руку старца простертого поднял,
Тронут глубоко и белой главой, и брадой его белой;
Начал к нему говорить, устремляя крылатые речи:
«Ах, злополучный! много ты горестей сердцем изведал!
Как ты решился, один, при судах мирмидонских явиться
Мужу пред очи, который сынов у тебя знаменитых
Многих повергнул? В груди твоей, старец, железное сердце!
Но успокойся, воссядь, Дарданион; и как мы ни грустны,
Скроем в сердца и заставим безмолвствовать горести наши.
Сердца крушительный плач ни к чему человеку не служит:
Боги судили всеспльные нам, человекам несчастным,
Жить на земле в огорчениях: боги одни беспечальны.
Две глубокие урны лежат перед прагом Зевеса,

Полны даров: счастливых одна и несчастных другая.
Смертный, которому их посылает, смесивши, Кронион,
В жизни своей переменно и горесть находит и радость;
Тот же, кому он несчастных пошлет,— поношению предан;
Нужда, грызущая сердце, везде по земле его гонит;
Бродит несчастный, отринут бессмертными, смертными презрен.
Так и Пелея — дарами осыпали светлыми боги
С юности нежной; украшенный выше сынов земнородных
Счастьем, богатством, владыка могучий мужей мирмидонских,
Смертный, супругой богиню приял от руки он бессмертных.
Бог и ему ниспослал злополучие: он не имеет
В доме своем поколения, сына, наследника царства.
Сын у Пелея один, кратковечный; но я и доныне
Старца его не покою; а здесь, от отчизны далеко,
Здесь я в Троаде сижу и тебя и твоих огорчаю.
Сам ты, о старец, мы слышали, здесь благоденствовал прежде.
Сколько народов вмещали обитель Макарова, Лесбос,
Фригия, край плодоносный, а здесь — Геллеспонт бесконечный:
Ты среди всех, говорят, и богатством блистал и сынами.
Но, как беду на тебя ниспослали небесные боги,
Около Трои твоей неумолкная брань и убийство.
Будь терпелив и печалью себя не круши беспрерывной:
Ты ничего не успеешь, о сыне печалясь; плачем
Мертвого ты не подымешь, но горе свое лишь умножишь!»

Сыну Пелея ответствовал старец Приам боговидный:
«Нет, не сяду я, Зевсов любимец, доколе мой Гектор
В куще лежит, погребенью не преданный! Дай же скорее,
Дай сим очам его видеть! а сам ты прими искупленье:
Мы принесли драгоценное. О, насладись им, и счастлив
В край возвратися родимый, когда ты еще позволяешь
Старцу мне бедному жить и солнца сияние видеть!»

Грозно взглянув на него, говорил Ахиллес быстроногий:
«Старец, не гневай меня! Разумею и сам я, что должно
Сына тебе возвратить: от Зевса мне весть приносила
Матерь моя сребронога, нимфа морская Фетида.
Чувствую, что и тебя (от меня ты, Приам, не сокроешь)
Сильная бога рука провела к кораблям мирмидонским;
Нет, не осмелился б смертный, и младостью пылкой цветущий,
В стан наш вступить: ни от стражей недремлющих он бы не скрылся,

Ни засовов легко б на воротах моих не отдвинул.
Смолкни ж, и более мне не волнуй ты болящего сердца;
Или страшись, да тебя, невзирая, что ты и молитель,
В куще моей я не брошу и Зевсов завет не нарушу».

Так говорил; устрашился Приам и, покорный, умолкнул.
Сын же Пелеев, как лев, из обители бросился в двери;
Но не один, за царем устремилися два из клевретов,
Сильный Алким и герой Автомедон, которых меж другов
Более всех Пелейон почитал, по Патрокле умершем.
Быстро они от ярма отрешили и коней и месков;
В кущу ввели и глашатая старцева; там посадивши
Мужа на стуле, поспешно с красивого царского воза
Собрали весь многоценный за голову Гектора выкуп;
Две лишь оставили ризы и тонкий хитон хитротканый,
С мыслью, чтоб тело покрытое в дом отпустить от Пелида.
Он же, вызвав рабынь, повелел и омыть и мастями
Тело намазать, но тайно, чтоб сына Приам не увидел:
Он опасался, чтоб гневом не вспыхнул отец огорченный,
Сына узрев, и чтоб сам он тогда не подвигнулся духом
Старца убить и нарушить священные Зевса заветы.
Тело рабыни омыли, умаслили мастью душистой,
В новый одели хитон и покрыли прекрасною ризой;
Сам Ахиллес и поднял и на одр положил Приамида,—
Но друзья совокупно на блещущий воз положили.
Он же тогда возопил, именуя любезного друга:
«Храбрый Патрокл! не ропщи на меня ты, ежели слышишь
В мрачном Аиде, что я знаменитого Гектора тело
Выдал отцу: не презренными он заплатил мне дарами;
В жертву тебе и от них принесу я достойную долю».

Так произнес — и под сень возвратился Пелид благородный;
Сел на изящно украшенных креслах, оставленных прежде,
Против Приама стоявших, и слово к нему обратил он:
«Сын твой тебе возвращен, как желал ты, божественный старец;
Убран лежит на одре. С восходом Зари возвращаясь,
Сам ты увидишь его; но теперь мы о пище воспомним
Пищи забыть не могла и несчастная матерь Ниоба,
Матерь, которая разом двенадцать детей потеряла,
Милых шесть дочерей и шесть сыновей расцветавших.
Юношей Феб поразил из блестящего лука стрелами,
Мстящий Ниобе, а дев — Артемида, гордая луком.
Мать их дерзала равняться с румяноланитою Летой:

Лета двоих, говорила, а я многочисленных матерь!
Двое сии у гордившейся матери всех погубили.
Девять дней валялися трупы; и не было мужа
Гробу предать их: в камень людей превратил громовержец.
Мертвых в десятый день погребли милосердые боги.
Плачем по них истомяся, и мать вспомянула о пище.
Ныне та мать на скалах, на пустынных горах Сипилийских,
Где, повествуют, богини покоиться любят в пещерах,
Нимфы, которые часто у вод Ахелоевых пляшут,—
Там, от богов превращенная в камень, страдает Ниоба.
Так, божественный старец, и мы помыслим о пище.
Время тебе остается оплакать любезного сына,
В Трою привезши; там для тебя многослезен он будет».

Рек — и, стремительно встав, Ахиллес белорунную овцу
Сам закалает; друзья, обнажив и опрятав, как должно,
В мелкие части искусно дробят, прободают рожнами,
Ловко пекут на огне и готовые части снимают.
Хлеб между тем принесши, поставил на стол Автомедон
В пышных корзинах; но брашно делил Ахиллес благородный.
Оба к предложенным яствам питательным руки простерли.
И когда питием и пищей насытили сердце,
Долго Приам Дарданид удивлялся царю Ахиллесу,
Виду его и величеству: бога, казалось, он видит.
Царь Ахиллес удивлялся равно Дардaниду Приаму,
Смотря на образ почтенный и слушая старцевы речи.
Оба они наслаждались, один на другого взирая;
Но наконец возгласил к Ахиллесу божественный старец:
«Дай мне теперь опочить, Зевесов любимец! позволь мне
Сном животворным хоть несколько в доме твоем насладиться.
Ибо еще ни на миг у меня не смыкалися очи
С дня, как несчастный мой сын под твоими руками погибнул;
С оного дня лишь стенал и несчетные скорби терпел я,
Часто в оградах дворовых по сметищам смрадным валяясь.
Ныне лишь яствы вкусил и вина пурпурового ныне
Принял в гортань; но до этой поры ничего не вкушал я».

Так говорил; Ахиллес приказал и друзьям и рабыням
Стлать на крыльце две постели и снизу хорошие полсти
Бросить пурпурные, сверху ковры разостлать дорогие
И шерстяные плащи положить, чтобы старцам одеться.
Вышли рабыни из дому с пылающим светочем в дланях;
Скоро они, поспешившие, два уготовали ложа.

И Приаму шутя говорил Ахиллес благородный:
«Спи у меня на дворе, пришелец любезный, да в дом мой
Вдруг не придет кто-нибудь из данаев, которые часто
Вместе совет совещать в мою собираются кущу.
Если тебя здесь кто-либо в пору ночную увидит,
Верно, царя известит, предводителя воинств Атрида;
И тогда замедление в выкупе мертвого встретишь.
Слово еще, Дарданид; объяснися, скажи откровенно:
Сколько желаешь ты дней погребать знаменитого сына?
Столько я дней удержуся от битв, удержу и дружины».

Сыну Пелея ответствовал старец Приам боговидный:
«Ежели мне ты позволишь почтить погребением сына —
Сим для меня, Ахиллес, величайшую милость окажешь.
Мы, как ты знаешь, в стенах заключенные; лес издалека
Должно с гор добывать; а трояне повергнуты в ужас.
Девять бы дней мне желалось оплакивать Гектора в доме;
Гробу в десятый предать и пир похоронный устроить;
В первый-на-десять мертвому в память насыпать могилу;
Но в двенадцатый день ополчимся, когда неизбежно».

Старцу ответствовал вновь быстроногий Пелид благородный:
«Будет и то свершено, как желаешь ты, старец почтенный.
Брань прекращаю на столько я времени, сколько ты просишь».

Так произнес Ахиллес — и Приамову правую руку
Ласково сжал, чтобы сердце его совершенно спокоить.
Так отпустил; и они на переднем крыльце опочили,
Вестник и царь, обращая в уме своем мудрые думы.
Но Ахиллес почивал в глубине крепкостворчатой кущи,
И при нем Брисеида, румяноланитая дева.

Все, и бессмертные боги, и коннодоспешные мужи,
Спали целую ночь, усмиренные сном благодатным.
Гермеса токмо заботного сон не осиливал сладкий,
Думы в уме обращавшего, как Дарданида Приама
Вывесть из стана, привратным незримого стражам священным.
Став над главою Приамовой, так возгласил Эриуний:
«Ты не радишь об опасности, старец, и так беззаботно
Спишь у враждебных мужей, пощаженный Пелеевым сыном!
Многие дал ты дары, чтобы выкупить мертвого сына;
Но за живого тебя троекратной ценою заплатят
Дети твои, у тебя остающиеся, если узнает
Царь Атрейон о тебе и ахейцы другие узнают».

Так провещал; ужаснулся Приам и глашатая поднял.
Гермес мгновенно запряг им и коней и месков яремных;
Сам через стан их быстро прогнал, и никто не увидел.
Но лишь достигнули путники брода реки светловодной,
Ксанфа пучинного, богом рожденного, Зевсом бессмертным,—
Там благодетельный Гермес обратно вознесся к Олимпу.

В ризе златистой Заря простиралась над всею землею.
Древний Приам, и стенящий и плачущий, гнал к Илиону
Коней, а мески везли мертвеца. И никто в Илионе
Их не узнал от мужей и от жен благородных троянских
Прежде Кассандры прекрасной, златой Афродите подобной.
Рано на замок восшед, издали в колеснице узнала
Образ отца своего и глашатая громкого Трои;
Тело узрела на месках, на смертном простертое ложе;
Подняла горестный плач и вопила по целому граду:
«Шествуйте, жены и мужи! Смотрите на Гектора ныне,
Вы, что живого, из битв приходившего, прежде встречали
С радостью: радостью светлой и граду он был и народу!»

Так вопияла; и вдруг ни жены не осталось, ни мужа
В Трое великой; грусть несказанная всех поразила,—
Все пред вратами столпилися в встречу везомого тела.
Всех впереди молодая супруга и нежная матерь
Плакали, рвали власы и, на труп исступленно бросаясь,
С воплем главу обнимали; столпившиесь плакали стоя.
Верно, и целый бы день до заката блестящего солнца,
Плача над Гектором храбрым, рыдали толпы за вратами,
Если бы старец Приам не воззвал с колесницы к народу:
«Дайте дорогу, друзья, чтобы мески проехали; после
Плачем вы все насыщайтесь, как мертвого в дом привезу я!»

Так говорил; расступилась толпа и открыла дорогу.
К славному дому привезши, на пышно устроенном ложе
Тело они положили; певцов, начинателей плача,
Подле него поместили, которые голосом мрачным
Песни плачевные пели; а жены им вторили стоном.
Первая подняла плач Андромаха, младая супруга,
Гектора мужеубийцы руками главу обнимая:
«Рано ты гибнешь, супруг мой цветущий, рано вдовою
В доме меня покидаешь! А сын, бессловесный младенец,
Сын, которому жизнь, злополучные, мы даровали!
Он не достигнет юности! Прежде во прах с оснований

Троя рассыплется: пал ты, хранитель ее неусыпный,
Ты, боронитель и града, защитник и жен и младенцев!
Скоро в неволю они на судах повлекутся глубоких;
С ними и я неизбежно; и ты, мое бедное чадо,
Вместе со мною; и там, изнуряясь в работах позорных,
Будешь служить властелину суровому; или данаец
За руку схватит тебя и с башни ударит о землю,
Мстящий за трату плачевную брата, отца или сына,
Гектором в битвах сраженного: много могучих данаев,
Много под Гектора дланью глодало кровавую землю.
Грозен великий отец твой бывал на погибельных сечах;
Плачут о нем до последнего все обитатели Трои.
Плач, несказанную горесть нанес ты родителям бедным,
Гектор! Но мне ты оставил стократ жесточайшие скорби!
С смертного ложа, увы! не простер ты руки мне любезной;
Слова не молвил заветного, слова, которое б вечно
Я помнила и ночи и дни, обливаясь слезами!»

Так говорила, рыдая; и с нею стенали троянки.
Тут между ними Гекуба рыдательный плач подымает:
«Гектор, из всех мне детей наиболее сердцу любезный!
Был у меня и живой ты богам всемогущим любезен;
Боги с небес о тебе и по смертной кончине пекутся!
Прочих сынов у меня Ахиллес, быстроногий ристатель,
Коих живых полонил, за моря пустынные продал,
В Имброс, в далекий Самос и в туманный, беспристанный Лемнос;
Но, тебя одолев и оружием душу исторгнув,
Как он ни долго влачил вкруг могилы Патрокла любимца,
Коего ты одолел,— но его, мертвеца, он не поднял!
Ты ж у меня, как росою омытый, покоишься в доме,
Свежий, подобно как смертный, которого Феб сребролукий
Легкой стрелою своей, налетевший незапно, сражает».

Так вопияла Гекуба, и плач возбудила всеобщий.
Третья Елена Аргивская горестный плач подымает:
«Гектор! деверь почтеннейший, сродник, любезнейший сердцу!
Ибо уже мне супруг Александр знаменитый, привезший
В Трою меня, недостойную! Что не погибла я прежде!
Ныне двадцатый год круговратных времен протекает
С оной поры, как пришла в Илион я, отечество бросив;
Но от тебя не слыхала я злого, обидного слова.

Даже, когда и другой кто меня укорял из домашних,
Деверь ли гордый, своячина, или золовка младая,
Или свекровь (а свекор всегда, как отец, мне приветен),
Ты вразумлял их советом и каждого делал добрее
Кроткой твоею душой и твоим убеждением кротким.
Вот почему о тебе и себе я, несчастнейшей, плачу!
Нет для меня, ни единого нет в Илионе обширном
Друга или утешителя: всем я равно ненавистна!»

Так вопияла она,— и стенал весь народ неисчетный.
Старец Приам наконец обращает слово к народу:
«Ныне, трояне, свозите вы лес в Илион; не страшитесь
Войска ахейского тайных засад: Ахиллес знаменитый
Сам обещал, отпуская меня от судов мирмидонских,
Нас не тревожить, доколе двенадцатый день не свершится».

Так говорил,— и они лошаков и волов подъяремных
Скоро в возы запрягли и пред градом немедля собрались.
Девять дней они в Трою множество леса возили;
В день же десятый, лишь, свет разливая, Денница возникла,
Вынесли храброго Гектора с горестным плачем трояне;
Сверху костра мертвеца положили и бросили пламень.

Рано, едва розоперстая вестница утра явилась,
К срубу великого Гектора начал народ собираться.
И, лишь собрался все (неисчетное множество было),
Сруб угасили, багряным вином оросивши пространство
Всё, где огонь разливался пылающий; после на пепле
Белые кости героя собрали и братья и други,
Горько рыдая, обильные слезы струя по ланитам.
Прах драгоценный собравши, в ковчег золотой положили,
Тонким обвивши покровом, блистающим пурпуром свежим.
Так опустили в могилу глубокую и, заложивши,
Сверху огромными частыми камнями плотно устлали;
После курган насыпали; а около стражи сидели,
Смотря, дабы не ударила рать меднолатных данаев.
Скоро насыпав могилу, они разошлись; напоследок
Все собрался вновь и блистательный пир пировали
В доме великом Приама, любезного Зевсу владыки.

Так погребали они конеборного Гектора тело.

ПЕРЕВОД В. ЖУКОВСКОГО

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который,
Странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен,
Многих людей города посетил и обычаи видел,
Много и сердцем скорбел на морях, о спасенье заботясь
Жизни своей и возврате в отчизну сопутников; тщетны
Были, однако, заботы, не спас он сопутников: сами
Гибель они на себя навлекли святотатством, безумцы,
Съевши быков Гелиоса, над нами ходящего бога,—
День возврата у них он похитил. Скажи же об этом
Что-нибудь нам, о Зевесова дочь, благосклонная Муза.
Все уж другие, погибели верной избегшие, были
Дома, избегнув и брани и моря; его лишь, разлукой
С милой женой и отчизной крушимого, в гроте глубоком
Светлая нимфа Калипсо, богиня богинь, произвольной
Силой держала, напрасно желая, чтоб был ей супругом.
Но когда, наконец, обращеньем времен приведен был
Год, в который ему возвратиться назначили боги
В дом свой, в Итаку (но где и в объятиях верных друзей он
Всё не избег от тревог), преисполнились жалостью боги
Все; Посейдон лишь единый упорствовал гнать Одиссея,
Богоподобного мужа, пока не достиг он отчизны.
Но в то время он был в отдаленной стране эфиопов
(Крайних людей, поселенных двояко: одни, где нисходит
Бог светоносный, другие, где всходит), чтоб там от народа
Пышную тучных быков и баранов принять гекатомбу.
Там он, сидя на пиру, веселился; другие же боги
Тою порою в чертогах Зевесовых собраны были.

С ними людей и бессмертных отец начинает беседу;
В мыслях его был Эгист беспорочный (его же Атридов
Сын, знаменитый Орест, умертвил); и о нем помышляя,
Слово к собранью богов обращает Зевес Олимпиец:
«Странно, как смертные люди за все нас, богов, обвиняют!
Зло от нас, утверждают они; но не сами ли часто
Гибель, судьбе вопреки, на себя навлекают безумством?
Так и Эгист: не судьбе ль вопреки он супругу Атрида
Взял, умертвивши его самого при возврате в отчизну?
Гибель он верную ведал; от нас был к нему остроокий
Эрмий, губитель Аргуса, ниспослан, чтоб он на убийство
Мужа не смел посягнуть и от брака с женой воздержался.
«Месть за Атрида свершится рукою Ореста, когда он
В дом свой вступить, возмужав, как наследник, захочет», так было
Сказано Эрмием — тщетно! не тронул Эгистова сердца
Бог благосклонный советом, и разом за все заплатил он».
Тут светлоокая Зевсова дочь Афинея Паллада
Зевсу сказала: «Отец наш, Кронион, верховный владыка,
Правда твоя, заслужил он погибель, и так да погибнет
Каждый подобный злодей! Но теперь сокрушает мне сердце
Тяжкой своею судьбой Одиссей хитроумный; давно он
Страждет, в разлуке с своими, на острове, волнообъятом
Пупе широкого моря, лесистом, где властвует нимфа,
Дочь кознодея Атланта, которому ведомы моря
Все глубины и который один подпирает громаду
Длинноогромных столбов, раздвигающих небо и землю.
Силой Атлантова дочь Одиссея, льющего слезы,
Держит, волшебством коварно-ласкательных слов об Итаке
Память надеяся в нем истребить. Но, напрасно желая
Видеть хоть дым, от родных берегов вдалеке восходящий,
Смерти единой он молит. Ужель не войдет состраданье
В сердце твое, Олимпиец? Тебя ль не довольно дарами
Чтил он в троянской земле, посреди кораблей там ахейских
Жертвы тебе совершая? За что ж ты разгневан, Кронион?»
Ей возражая, ответствовал туч собиратель Кронион:
«Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.
Я позабыл Одиссея, бессмертным подобного мужа,
Столь отличенного в сонме людей и умом и усердным
Жертв приношеньем богам, беспредельного неба владыкам?
Нет! Посейдон обволнитель земли, с ним упорно враждует,
Все негодуя за то, что циклоп Полифем богоравный
Им ослеплен: из циклопов сильнейший, Фоосою нимфой,
Дочерью Форка, владыки пустынно-соленого моря,

Был он рожден от ее с Посейдоном союза в глубоком
Гроте. Хотя колебатель земли Посейдон Одиссея
Смерти предать и не властен, но, по морю всюду гоняя,
Все от Итаки его он отводит. Размыслим же вместе,
Как бы отчизну ему возвратить. Посейдон отказаться
Должен от гнева: один со всеми бессмертными в споре,
Вечным богам вопреки, без успеха он злобствовать будет».
Тут светлоокая Зевсова дочь Афинея Паллада
Зевсу сказала: «Отец наш, Кронион, верховный владыка!
Если угодно блаженным богам, чтоб увидеть отчизну
Мог Одиссей хитроумный, то Эрмий аргусоубийца,
Воли богов совершитель, пусть будет на остров Огигский
К нимфе прекраснокудрявой ниспослан от нас возвестить ей
Наш приговор неизменный, что срок наступил возвратиться
В землю свою Одиссею, в бедах постоянному. Я же
Прямо в Итаку пойду возбудить в Одиссеевом сыне
Гнев и отважностью сердце его преисполнить, чтоб созвал
Он на совет густовласых ахеян и в дом Одиссеев
Вход запретил женихам, у него беспощадно губящим
Мелкий скот и быков криворогих и медленноходных.
Спарту и Пилос песчаный потом посетит он, чтоб сведать,
Нет ли там слухов о милом отце и его возвращенье,
Также, чтоб в людях о нем утвердилася добрая слава».
Кончив, она привязала к ногам золотые подошвы,
Амброзиальные, всюду ее над водой и над твердым
Лоном земли беспредельныя легким носящие ветром;
После взяла боевое копье, заощренное медью,
Твердое, тяжкоогромное, им же во гневе сражает
Силы героев она, громоносного бога рожденье.
Бурно с вершины Олимпа в Итаку шагнула богиня.
Там на дворе, у порога дверей Одиссеева дома,
Стала она с медноострым копьем, облеченная в образ
Гостя, тафийцев властителя, Ментеса; собранных вместе
Всех женихов, многобуйных мужей, там богиня узрела;
В кости играя, сидели они перед входом на кожах
Ими убитых быков; а глашатаи, стол учреждая,
Вместе с рабами проворными бегали: те наливали
Воду с вином в пировые кратеры; а те, ноздреватой
Губкой омывши столы, их сдвигали и, разного мяса
Много нарезав, его разносили. Богиню Афину
Прежде других Телемах богоравный увидел. Прискорбен
Сердцем, в кругу женихов он сидел, об одном помышляя:
Где благородный отец и как, возвратяся в отчизну,

Хищников он по всему своему разгоняет жилищу,
Власть воспримет и будет опять у себя господином.
В мыслях таких с женихами сидя, он увидел Афину;
Тотчас он встал и ко входу поспешно пошел, негодуя
В сердце, что странник был ждать принужден за порогом;
приближась,
Взял он за правую руку пришельца, копье его принял,
Голос потом свой возвысил и бросил крылатое слово:
«Радуйся, странник; войди к нам; радушно тебя угостим мы;
Нужду ж свою нам объявишь, насытившись нашею пищей».
Кончив, пошел впереди он, за ним Афинея Паллада.
С нею вступя в пировую палату, к колонне высокой
Прямо с копьем подошел он и спрятал его там в поставе
Гладкообтесанном, где запираемы в прежнее время
Копья царя Одиссея, в бедах постоянного, были.
К креслам богатым, искусной работы, подведши Афину,
Сесть в них ее пригласил он, покрыв наперед их узорной
Тканью; для ног же была там скамейка; потом он поставил
Стул резной для себя в отдаленье от прочих, чтоб гостю
Шум веселящейся буйно толпы не испортил обеда,
Также, чтоб втайне его расспросить об отце отдаленном.
Тут принесла на лохани серебряной руки умыть им
Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня,
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно; на блюдах, подняв их высоко,
Мяса различного крайний принес и, его предложив им,
Кубки златые на браном столе перед ними поставил;
Начал глашатай смотреть, чтоб вином наполнялися чаще
Кубки. Вошли женихи, многобуйные мужи, и сели
Чином на креслах и стульях; глашатаи подали воду
Руки умыть им; невольницы хлеб принесли им в корзинах;
Отроки светлым напитком до края им налили чаши.
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
Был удовольствован голод их лакомой пищей, вошло им
В сердце иное — желание сладкого пенья и пляски:
Пиру они украшенье; и звонкую цитру глашатай
Фемию подал, певцу, перед ними во всякое время
Петь принужденному; в струны ударив, прекрасно запел он.
Тут осторожно сказал Телемах светлоокой Афине,
Голову к ней приклонив, чтоб его не слыхали другие:
«Милый мой гость, не сердись на меня за мою откровенность;
Здесь веселятся; у них на уме лишь музыка да пенье;

Это легко: пожирают чужое без платы, богатство
Мужа, которого белые кости, быть может, иль дождик
Где-нибудь мочит на бреге, иль волны по взморью катают.
Если б он вдруг перед ними явился в Итаке, то все бы,
Вместо того чтоб копить и одежды и золото, стали
Только о том лишь молиться, чтоб были их ноги быстрее.
Но погиб он, постигнутый гневной судьбой, и отрады
Нет нам, хотя и приходят порой от людей земнородных
Вести, что он возвратится,— ему уж возврата не будет.
Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Кто ты? Какого ты племени? Где ты живешь? Кто отец твой?
Кто твоя мать? На каком корабле и какою дорогой
Прибыл в Итаку и кто у тебя корабельщики? В край наш
(Это, конечно, я знаю и сам) не пешком же пришел ты.
Также скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
В первый ли раз посетил ты Итаку иль здесь уж бывалый
Гость Одиссеев? В те дни иноземцев сбиралося много
В нашем доме: с людьми обхожденье любил мой родитель».
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Все откровенно тебе расскажу; я царя Анхиала
Мудрого сын, именуюся Ментесом, правлю народом
Веслолюбивых тафийцев; и ныне корабль мой в Итаку
Вместе с моими людьми я привел, путешествуя темным
Морем к народам иного языка; хочу я в Темесе
Меди добыть, на нее обменявшись блестящим железом;
Свой же корабль я поставил под склоном Нейона лесистым
На поле, в пристани Ретре, далеко от города. Наши
Предки издавна гостями друг другу считаются; это,
Может быть, слышишь нередко и сам ты, когда посещаешь
Деда героя Лаэрта... а он, говорят, уж не ходит
Более в город, но в поле далеко живет, удрученный
Горем, с старушкой служанкой, которая, старца покоя,
Пищей его подкрепляет, когда устает он, влачася
По полю взад и вперед посреди своего винограда.
Я же у вас оттого, что сказали мне, будто отец твой
Дома... но видно, что боги его на пути задержали:
Ибо не умер еще на земле Одиссей благородный;
Где-нибудь, бездной морской окруженный, на волнообъятом
Острове заперт живой он иль, может быть, страждет в неволе
Хищников диких, насильственно им овладевших. Но слушай
То, что тебе предскажу я, что мне всемогущие боги
В сердце вложили, чему неминуемо сбыться, как сам я
Верю, хотя не пророк и по птицам гадать неискусен.

Будет недолго он с милой отчизной в разлуке, хотя бы
Связан железными узами был; но домой возвратиться
Верное средство отыщет: на вымыслы он хитроумен.
Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Подлинно ль вижу в тебе Одиссеева сына? Ты чудно
С ним головой и глазами прекрасными сходен; еще я
Помню его; в старину мы друг с другом видались часто;
Было то прежде отплытия в Трою, куда из ахеян
Лучшие с ним в крутобоких своих кораблях устремились.
С той же поры ни со мной он, ни я с ним нигде
не встречались».
«Добрый мой гость,— отвечал рассудительный сын Одиссеев,—
Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать.
Мать уверяет, что сын я ему, но сам я не знаю:
Ведать о том, кто отец наш, наверное нам невозможно.
Лучше б, однако, желал я, чтоб мне не такой злополучный
Муж был отцом; во владеньях своих он до старости б поздней
Дожил. Но если уж ты вопрошаешь, то он, из живущих
Самый несчастливый ныне, отец мне, как думают люди».
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Видно, угодно бессмертным, чтоб был не без славы в грядущем
Дом твой, когда Пенелопе такого, как ты, даровали
Сына. Теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая,
Что здесь у вас происходит? Какое собранье? Даешь ли
Праздник иль свадьбу пируешь? Не складочный пир здесь,
конечно.
Кажется только, что гости твои необузданно в вашем
Доме бесчинствуют: всякий порядочный в обществе с ними
Быть устыдится, позорное их поведение видя».
«Добрый мой гость,— отвечал рассудительный сын Одиссеев,—
Если ты ведать желаешь, то все расскажу откровенно.
Некогда полон богатства был дом наш; он был уважаем
Всеми в то время, как здесь неотлучно тот муж находился.
Ныне ж иначе решили враждебные боги, покрывши
Участь его неприступною тьмою для целого света;
Менее стал бы о нем я крушиться, когда бы он умер:
Если б в троянской земле меж товарищей бранных погиб он
Иль у друзей на руках, перенесши войну, здесь скончался,
Холм гробовой бы над ним был насыпан ахейским народом,
Сыну б великую славу на все времена он оставил...
Ныне же Гарпии взяли его, и безвестно пропал он,
Светом забытый, безгробный, одно сокрушенье и вопли
Сыну в наследство оставив. Но я не о нем лишь едином

Плачу; другое великое горе мне боги послали:
Все, кто на разных у нас островах знамениты и сильны,
Первые люди Дулихия, Зама, лесного Закинфа,
Первые люди Итаки утесистой мать Пенелопу
Нудят упорно ко браку и наше имение грабят;
Мать же ни в брак ненавистный не хочет вступить, ни от брака
Средств не имеет спастись; а они пожирают нещадно
Наше добро и меня самого напоследок погубят».
С гневом великим ему отвечала богиня Афина:
«Горе! Я вижу, сколь ныне тебе твой отец отдаленный
Нужен, чтоб сильной рукой с женихами бесстыдными сладить.
О, когда б он в те двери вступил, возвратяся внезапно,
В шлеме, щитом покровенный, в руке два копья медноострых!..
Так впервые увидел его я в то время, когда он
В доме у нас веселился вином, посетивши в Эфире
Ила, Мермерова сына (и той стороны отдаленной
Царь Одиссей достигал на своем корабле быстроходном;
Яда, смертельного людям, искал он, дабы напоить им
Стрелы свои, заощренные медью; но Ил отказался
Дать ему яда, всезрящих богов раздражить опасаясь;
Мой же отец им его наделил по великой с ним дружбе).
Если бы в виде таком Одиссей женихам вдруг явился,
Сделался б брак им, судьбой неизбежной постигнутым, горек.
Но — того мы, конечно, не ведаем — в лоне бессмертных
Скрыто: назначено ль свыше ему, возвратясь, истребить их
В этом жилище иль нет. Мы размыслим теперь совокупно,
Как бы тебе самому от грабителей дом свой очистить.
Слушай же то, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
Завтра, созвав на совет благородных ахеян, пред ними
Все объяви ты, в свидетели правды призвавши бессмертных;
После потребуй, чтоб все женихи по домам разошлися;
Матери ж, если супружество сердцу ее не противно,
Ты предложи, чтоб к отцу многосильному в дом возвратилась,
Где, приготовив все нужное к браку, богатым приданым
Милую дочь, как прилично то сану, ее наделит он.
Также усердно советую, если совет мой ты примешь:
Прочный корабль с двадцатью снарядивши гребцами, отправься
Сам за своим отдаленным отцом, чтоб проведать, какая
В людях молва про него, иль услышать о нем прорицанье
Оссы, всегда повторяющей людям Зевесово слово.
Пилос сперва посетив, ты узнай, что божественный Нестор
Скажет; потом Менелая найди златовласого в Спарте:

Прибыл домой он последний из всех меднолатных ахеян.
Если услышишь, что жив твой родитель, что он возвратится,
Жди его год, терпеливо снося притесненья; когда же
Скажет молва, что погиб он, что нет уж его меж живыми,
То, незамедленно в милую землю отцов возвратяся,
В честь ему холм гробовой здесь насыпь и обычную пышно
Тризну по нем соверши; Пенелопу ж склони на замужество.
После, когда надлежащим порядком все дело устроишь,
Твердо решившись, умом осмотрительным выдумай средство,
Как бы тебе женихов, захвативших насильственно дом ваш,
В нем погубить иль обманом, иль явною силой; тебе же
Быть уж ребенком нельзя, ты из детского возраста вышел;
Знаешь, какою божественный отрок Орест перед целым
Светом украсился честью, отмстивши Эгисту, которым
Был умерщвлен злоковарно его многославный родитель?
Так и тебе, мой возлюбленный друг, столь прекрасно созревший,
Должно быть твердым, чтоб имя твое и потомки хвалили.
Время, однако, уж мне возвратиться на быстрый корабль мой
К спутникам, ждущим, конечно, меня с нетерпеньем и скукой.
Ты ж о себе позаботься, уважив то, что сказал я».
«Милый мой гость,— отвечал рассудительный сын Одиссеев,—
Пользы желая моей, говоришь ты со мною, как с сыном
Добрый отец; я о том, что советовал ты, не забуду.
Но подожди же, хотя и торопишься в путь; здесь прохладной
Баней и члены и душу свою освежив, возвратишься
Ты на корабль, к удовольствию сердца богатый подарок
Взяв от меня, чтоб его мне на память беречь, как обычай
Есть меж людьми, чтоб, прощаясь, гости друг друга дарили».
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Нет! Не держи ты меня, тороплюсь я безмерно в дорогу;
Твой же подарок, обещанный мне так радушно тобою,
К вам возвратяся, приму и домой увезу благодарно,
В дар получив дорогое и сам дорогим отдаривши».
С сими словами Зевесова дочь светлоокая скрылась,
Быстрой невидимо птицею вдруг улетев. Поселила
Твердость и смелость она в Телемаховом сердце, живее
Вспомнить заставив его об отце; но проник он душою
Тайну и чувствовал страх, угадав, что беседовал с богом.
Тут к женихам он, божественный муж, подошел; перед ними
Пел знаменитый певец, и с глубоким вниманьем сидели
Молча они; о печальном ахеян из Трои возврате,
Некогда им учрежденном богиней Афиною, пел он.
В верхнем покое своем вдохновенное пенье услышав,

Вниз по ступеням высоким поспешно сошла Пенелопа,
Старца Икария дочь многоумная: вместе сошли с ней
Две из служанок ее; и она, божество меж женами,
В ту палату вступив, где ее женихи пировали,
Подле столба, потолок там высокий державшего, стала,
Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим;
Справа и слева почтительно стали служанки; царица
С плачем тогда обратила к певцу вдохновенному слово:
«Фемий, ты знаешь так много других, восхищающих душу
Песней, сложенных певцами во славу богов и героев;
Спой же из них, пред собраньем сидя, одну; и в молчанье
Гости ей будут внимать за вином; но прерви начатую
Песню печальную; сердце в груди замирает, когда я
Слышу ее: мне из всех жесточайшее горе досталось;
Мужа такого лишась, я всечасно скорблю о погибшем,
Столь преисполнившем славой своей и Элладу и Аргос».
«Милая мать,— возразил рассудительный сын Одиссеев,—
Как же ты хочешь певцу запретить в удовольствие наше
То воспевать, что в его пробуждается сердце? Виновен
В том не певец, а виновен Зевес, посылающий свыше
Людям высокого духа по воле своей вдохновенье.
Нет, не препятствуй певцу о печальном возврате данаев
Петь — с похвалою великою люди той песне внимают,
Всякий раз ею, как новою, душу свою восхищая;
Ты же сама в ней найдешь не печаль, а печали усладу:
Был не один от богов осужден потерять день возврата
Царь Одиссей, и других знаменитых погибло немало.
Но удались: занимайся, как должно, порядком хозяйства,
Пряжей, тканьем; наблюдай, чтоб рабыни прилежны в работе
Были своей: говорить же не женское дело, а дело
Мужа, и ныне мое: у себя я один повелитель».
Так он сказал; изумяся, обратно пошла Пенелопа;
К сердцу слова многоумные сына приняв и в покое
Верхнем своем затворяся, в кругу приближенных служанок
Плакала горько она о своем Одиссее, покуда
Сладкого сна не свела ей на очи богиня Афина.
Тою порой женихи в потемневшей палате шумели,
Споря о том, кто из них с Пенелопою ложе разделит.
К ним обратяся, сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Вы, женихи Пенелопы, надменные гордостью буйной,
Станем спокойно теперь веселиться: прервите ваш шумный
Спор; нам приличней вниманье склонить к песнопевцу,
который,

Слух наш пленяя, богам вдохновеньем высоким подобен.
Завтра же утром вас всех приглашаю собраться на площадь.
Там всенародно в лицо вам скажу, чтоб очистили все вы
Дом мой; иные пиры учреждайте, свое, а не наше
Тратя на них и черед наблюдая в своих угощеньях.
Если ж находите вы, что для вас и приятней и легче
Всем одного разорять произвольно, без платы,— сожрите
Все; но на вас я богов призову; и Зевес не замедлит
Вас поразить за неправду: тогда неминуемо все вы,
Так же без платы, погибнете в доме, разграбленном вами».
Он замолчал. Женихи, закусивши с досадою губы,
Смелым его пораженные словом, ему удивлялись.
Но Антиной, сын Евпейтов, ему отвечал, возражая:
«Сами боги, конечно, тебя, Телемах, научили
Быть столь кичливым и дерзким в словах, и беда нам, когда ты
В волнообъятой Итаке, по воле Крониона, будешь
Нашим царем, уж имея на то по рожденью и право!»
Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Друг Антиной, не сердись на меня за мою откровенность:
Если б владычество дал мне Зевес, я охотно бы принял.
Или ты мыслишь, что царская доля всех хуже на свете?
Нет, конечно, царем быть не худо; богатство в царевом
Доме скопляется скоро, и сам он в чести у народа.
Но меж ахейцами волнообъятой Итаки найдется
Много достойнейших власти и старых и юных; меж ними
Вы изберите, когда уж не стало царя Одиссея.
В доме ж своем я один повелитель; здесь мне подобает
Власть над рабами, для нас Одиссеем добытыми в битвах».
Тут Евримах, сын Полибиев, так отвечал Телемаху:
«О Телемах, мы не знаем — то в лоне бессмертных сокрыто,—
Кто над ахейцами волнообъятой Итаки назначен
Царствовать; в доме ж своем ты, конечно, один повелитель;
Нет, не найдется, пока обитаема будет Итака,
Здесь никого, кто б дерзнул на твое посягнуть достоянье.
Но я желал бы узнать, мой любезный, о нынешнем госте.
Как его имя? Какую своим он отечеством славит
Землю? Какого он рода и племени? Где он родился?
С вестью ль к тебе о желанном возврате отца приходил он?
Иль посетил нас, по собственной нужде заехав в Итаку?
Вдруг он отсюда пропал, не дождавшись, чтоб с ним хоть немного
Мы ознакомились; был человек не простой он, конечно».
«Друг Евримах,— отвечал рассудительный сын Одиссеев,—

День свиданья с отцом навсегда мной утрачен; не буду
Более верить ни слухам о скором его возвращенье,
Ниже напрасным о нем прорицаньям, к которым, сзывая
В дом свой гадателей, мать прибегает. А нынешний гость наш
Был Одиссеевым гостем; он родом из Тафоса, Ментес,
Сын Анхиала, царя многоумного, правит народом
Веслолюбивых тафийцев». Но, так говоря, убежден был
В сердце своем Телемах, что богиню бессмертную видел.
Те ж, опять обратившися к пляске и сладкому пенью,
Начали снова шуметь в ожидании ночи; когда же
Черная ночь посреди их веселого шума настала,
Все разошлись по домам, чтоб предаться беспечно покою.
Скоро и сам Телемах в свой высокий чертог (на прекрасный
Двор обращен был лицом он с обширным пред окнами видом),
Всех проводивши, пошел, про себя размышляя о многом.
Факел зажженный неся, перед ним с осторожным усердьем
Шла Евриклея, разумная дочь Певсенорида Опса;
Куплена в летах цветущих Лаэртом она — заплатил он
Двадцать быков, и ее с благонравной своею супругой
В доме своем уважал наравне, и себе не позволил
Ложа коснуться ее, опасаяся ревности женской.
Факел неся, Евриклея вела Телемаха — за ним же
С детства ходила она и ему угождала усердней
Прочих невольниц. В богатую спальню она отворила
Двери; он сел на постелю и, тонкую снявши сорочку,
В руки старушки заботливой бросил ее; осторожно
В складки сложив и угладив, на гвоздь Евриклея сорочку
Подле кровати, искусно точеной, повесила; тихо
Вышла из спальни; серебряной ручкою дверь затворила;
Крепко задвижку ремнем затянула; потом удалилась.
Он же всю ночь на постеле, покрытой овчиною мягкой,
В сердце обдумывал путь, учрежденный богиней Афиной.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Ложе покинул тогда и возлюбленный сын Одиссеев;
Платье надев, изощренный свой меч на плечо он повесил;
После, подошвы красивые к светлым ногам привязавши,
Вышел из спальни, лицом лучезарному богу подобный.

Звонкоголосых глашатаев царских созвав, повелел он
Кликнуть им клич, чтоб на площадь собрать густовласых ахеян;
Кликнули те; собрался на площадь другие; когда же
Все собрались они и собрание сделалось полным,
С медным в руке он копьем перед сонмом народным явился —
Был не один, две лихие за ним прибежали собаки.
Образ его несказанной красой озарила Афина,
Так что дивился люди, его подходящего видя.
Старцы пред ним раздались, и сел он на месте отцовом.
Первое слово тогда произнес благородный Египтий,
Старец, согбенный годами и в жизни изведавший много;
Сын же его Антифонт копьевержец с царем Одиссеем
В конеобильную Трою давно в корабле крутобоком
Поплыл; он был умерщвлен Полифемом свирепым в глубоком
Гроте, последний, похищенный им для вечерния пищи.
Три оставалися старцу: один, Еврином, с женихами
Буйствовал; два помогали отцу обрабатывать поле;
Но о погибшем не мог позабыть он; об нем он все плакал,
Все сокрушался; и так, сокрушенный, сказал он народу:
«Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки;
Мы на совет не сходились ни разу с тех пор, как отсюда
Царь Одиссей в быстроходных своих кораблях удалился.
Кто же нас собрал теперь? Кому в том внезапная нужда?
Юноша ли расцветающий? Муж ли, годами созрелый?
Слышал ли весть о идущей на нас неприятельской силе?
Хочет ли нас остеречь, наперед все подробно разведав?
Или о пользе народной какой предложить нам намерен?
Должен быть честный он гражданин; слава ему! Да поможет
Зевс помышлениям добрым его совершиться успешно».
Кончил. Словами его был обрадован сын Одиссеев;
Встать и к собранию речь обратить он немедля решился;
Выступил он пред людей, и ему, к ним идущему, в руку
Скипетр вложил Певсенеор, глашатай, разумный советник.
К старцу сперва обратяся, ему он сказал: «Благородный
Старец, он близко (и скоро его ты узнаешь), кем здесь вы
Собраны,— это я сам, и печаль мне великая ныне.
Я не слыхал о идущей на нас неприятельской силе;
Вас остеречь не хочу, наперед все подробно разведав.
Также о пользах народных теперь предлагать не намерен.
Ныне о собственной, дом мой постигшей, беде говорю я.
Две мне напасти; одна: мной утрачен отец благородный,
Бывший над вами царем и всегда, как детей, вас любивший;

Более ж злая другая напасть, от которой весь дом наш
Скоро погибнет и все, что в нем есть, до конца истребится,
Та, что преследуют мать женихи неотступные, наших
Граждан знатнейших, собравшихся здесь, сыновья;
им противно
Прямо в Икариев дом обратиться, чтоб их предложенье
Выслушал старец и дочь, наделенную щедро приданым,
Отдал по собственной воле тому, кто приятнее сердцу.
Нет; им удобней, вседневно врываясь в дом наш толпою,
Наших быков, и баранов, и коз откормленных резать,
Жрать до упаду и светлое наше вино беспощадно
Тратить. Наш дом разоряется, ибо уж нет в нем такого
Мужа, каков Одиссей, чтоб его от проклятья избавить.
Сами же мы беспомощны теперь, равномерно и после
Будем, достойные жалости, вовсе без всякой защиты.
Если бы сила была, то и сам я нашел бы управу;
Но нестерпимы обиды становятся; дом Одиссеев
Грабят бесстыдно. Ужель не тревожит вас совесть?
По крайней
Мере, чужих устыдитесь людей и народов окружных,
Нам сопредельных, богов устрашитеся мщенья, чтоб гневом
Вас не постигли самих, негодуя на вашу неправду.
Я ж к олимпийскому Зевсу взываю, взываю к Фемиде,
Строгой богине, советы мужей учреждающей! Наше
Право признайте, друзья, и меня одного сокрушаться
Горем оставьте. Иль, может быть, мой благородный родитель
Чем оскорбил здесь умышленно меднообутых ахеян;
Может быть, то оскорбленье на мне вы умышленно мстите,
Грабить наш дом возбуждая других? Но желали бы лучше
Мы, чтоб и скот наш живой, и лежачий запас наш вы сами
Силою взяли; тогда бы для нас сохранилась надежда:
Мы бы дотоле по улицам стали скитаться, моля вас
Наше отдать нам, покуда не все бы нам отдано было;
Ныне ж вы сердце мое безнадежным терзаете горем».
Так он во гневе сказал и повергнул на землю свой скипетр;
Слезы из глаз устремились: народ состраданье проникло;
Все неподвижно-безмолвны сидели; никто не решился
Дерзостным словом ответствовать сыну царя Одиссея.
Но Антиной поднялся и воскликнул, ему возражая:
«Что ты сказал, Телемах, необузданный, гордоречивый?
Нас оскорбив, ты на нас и вину возложить замышляешь?
Нет обвинять ты не нас, женихов, пред ахейским народом
Должен теперь, а свою хитроумную мать, Пенелопу.

Три совершилося года, уже наступил и четвертый
С тех пор, как, нами играя, она подает нам надежду
Всем, и каждому порознь себя обещает, и вести
Добрые шлет к нам, недоброе в сердце для нас замышляя.
Знайте, какую она вероломно придумала хитрость:
Стан превеликий в покоях поставя своих, начала там
Тонко-широкую ткань и, собравши нас всех, нам сказала:
«Юноши, ныне мои женихи,— поелику на свете
Нет Одиссея,— отложим наш брак до поры той, как будет
Кончен мой труд, чтоб начатая ткань не пропала мне даром;
Старцу Лаэрту покров гробовой приготовить хочу я
Прежде, чем будет он в руки навек усыпляющей смерти
Парками отдан, дабы не посмели ахейские жены
Мне попрекнуть, что богатый столь муж погребен
без покрова».
Так нам сказала, и мы покорились ей мужеским сердцем.
Что же? День целый она за тканьем проводила, а ночью,
Факел зажегши, сама все натканное днем распускала.
Три года длился обман, и она убеждать нас умела;
Но когда обращеньем времен приведен был четвертый —
Всем нам одна из служительниц, знавшая тайну, открыла;
Сами тогда ж мы застали ее за распущенной тканью;
Так и была приневолена нехотя труд свой окончить.
Ты же нас слушай; тебе отвечаем, чтоб мог ты все ведать
Сам и чтоб ведали все равномерно с тобой и ахейцы:
Мать отошли, повелев ей немедля, на брак согласившись,
Выбрать меж нами того, кто отцу и самой ей угоден.
Если же долее будет играть сыновьями ахеян...
Разумом щедро ее одарила Афина; не только
В разных она рукодельях искусна, но также и много
Хитростей знает, неслыханных в древние дни и ахейским
Женам прекраснокудрявым неведомых; что ни Алкмене
Древней, ни Тиро, ни пышно-венчанной царевне Микене
В ум не входило, то ныне увертливый ум Пенелопы
Нам ко вреду изобрел; но ее изобретенья тщетны;
Знай, не престанем твой дом разорять мы до тех пор, покуда
Будет упорна она в помышленьях своих, ей богами
В сердце вложенных; конечно, самой ей в великую славу
То обратится, но ты истребленье богатства оплачешь;
Мы, говорю, не пойдем от тебя ни домой, ни в иное
Место, пока Пенелопа меж нами не выберет мужа».
«О Антиной,— отвечал рассудительный сын Одиссеев,—
Я не дерзну и помыслить о том, чтоб велеть удалиться

Той, кто меня родила и вскормила; отец мой далеко;
Жив ли, погиб ли,— не знаю; но трудно с Икарием будет
Мне расплатиться, когда Пенелопу отсюда насильно
Вышлю,— тогда я подвергнусь и гневу отца, и гоненью
Демона: страшных Эриний, свой дом покидая, накличет
Мать на меня, и стыдом пред людьми я покроюся вечным.
Нет, никогда не отважусь сказать ей подобного слова.
Вы же, когда хоть немного тревожит вас совесть, покиньте
Дом мой; иные пиры учреждайте, свое, а не наше
Тратя на них и черед наблюдая в своих угощеньях.
Если ж находите вы, что для вас и приятней и легче
Всем одного разорять произвольно, без платы,— сожрите
Все; но на вас я богов призову, и Зевес не замедлит
Вас поразить за неправду: тогда неминуемо все вы,
Так же без платы, погибнете в доме, разграбленном вами».
Так говорил Телемах. И внезапно Зевес громовержец
Свыше к нему двух орлов ниспослал от горы каменистой;
Оба сначала, как будто несомые ветром, летели
Рядом они, широко распустивши огромные крылья;
Но, налетев на средину собрания, полного шумом,
Начали быстро кружить с непрестанными взмахами крыльев;
Очи их, сверху на головы глядя, сверкали бедою;
Сами потом, расцарапав друг другу и груди и шеи,
Вправо умчались они, пролетев над собраньем и градом.
Все, изумленные, птиц провожали глазами, и каждый
Думал о том, что явление их предвещало в грядущем.
Выступил тут пред народ Алиферс, многоопытный старец,
Сын Масторов; из сверстников всех он один по полету
Птиц был искусен гадать и пророчил грядущее; полный
Мыслей благих, обратяся к согражданам, так им сказал он:
«Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки.
Прежде, однако, дабы женихов образумить, скажу я
Им, что беда неизбежная мчится на них, что недолго
Будет в разлуке с семейством своим Одиссей, что уже он
Где-нибудь близко таится, и смерть и погибель готовя
Всем им, что также и многим другим из живущих в Итаке
Горновозвышенной бедствие будет. Размыслим же, как бы
Вовремя нам обуздать их; но лучше, конечно, когда бы
Сами они усмирились; то ныне всего бы полезней
Было для них: не безопытно так говорю, но наверно
Зная, что будет; сбылось, утверждаю, и все, что ему я
Здесь предсказал перед тем, как пошли кораблями ахейцы
В Трою и с ними пошел Одиссей многоумный. По многих

Бедствиях (так говорил я) и спутников всех потерявши,
Всем незнакомый, в исходе двадцатого года в отчизну
Он возвратится. Мое предсказанье свершается ныне».
Кончил. Ему отвечал Евримах, сын Полибиев: «Лучше,
Старый рассказчик, домой возвратись и своим малолетним
Детям пророчествуй там, чтоб беды им какой не случилось.
В нашем же деле вернее тебя я пророк; мы довольно
Видим летающих на небе в светлых лучах Гелиоса
Птиц, но не все роковые. А царь Одиссей в отдаленном
Крае погиб. И тебе бы погибнуть с ним вместе! Тогда бы
Здесь ты не стал предсказаний таких вымышлять, возбуждая
Гнев в Телемахе, уже раздраженном, и, верно, надеясь
Что-нибудь в дар от него получить для себя и домашних.
Слушай, однако,— и то, что услышишь, исполнится верно,—
Если ты этого юношу с старым своим многознаньем
Будешь пустыми словами на гнев возбуждать, то, конечно,
Это в сугубое горе ему самому обратится;
Против нас всех он один ничего совершить не успеет.
Ты ж, безрассудный старик, навлечешь на себя наказанье,
Тяжкое сердцу: мы горько заставим тебя сокрушаться.
Ныне я боле полезный совет предложу Телемаху:
Матери пусть повелит он к Икарию в дом возвратиться,
Где, приготовив все нужное к браку, богатым приданым
Милую дочь, как прилично то сану ее, наделит он.
Иначе, думаю, мы, сыновья благородных ахеян,
Мучить ее не престанем своим сватовством. Никого здесь
Мы не боимся, ни полного звучных речей Телемаха,
Ниже пророчеств, которыми ты, говорун поседелый,
Всем докучаешь,— ты нам оттого ненавистней; а дом их
Весь разорим мы на наши пиры, и от нас воздаянья
Им не иметь никакого, пока на желаемый нами
Брак не решится она; ожидая вседневно, кто будет
Ею из нас наконец предпочтен, мы к другим обратиться
Медлим невестам, чтоб выбрать, как следует, жен между ними».
Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«О Евримах и вы все, женихи знаменитые, боле
Вас убеждать не хочу и вперед не скажу вам ни слова;
Боги все ведают, все благородным ахейцам известно.
Вы же мне прочный корабль с двадцатью приобыкшими быстро
По морю плавать гребцами теперь снарядите: хочу я
Спарту и Пилос песчаный сперва посетить, чтоб проведать,
Есть ли там слухи какие о милом отце и какая
В людях молва про него, иль услышать о нем пророчанье

Оссы, всегда повторяющей людям Зевесово слово.
Если узнаю, что жив он, что он возвратится, то буду
Ждать его год, терпеливо снося притесненья; когда же
Скажет молва, что погиб он, что нет уж его меж живыми,
То, незамедленно в милую землю отцов возвратяся,
В честь ему холм гробовой здесь насыплю и должную пышно
Тризну по нем совершу; Пенелопу ж склоню на замужство».
Кончив, он сел и умолкнул. Тогда поднялся неизменный
Спутник и друг Одиссея, царя беспорочного, Ментор.
Вверил ему Одиссей при отплытии дом, быть покорным
Старцу Лаэрту и все сберегать повелевши. И полный
Мыслей благих, обратяся к согражданам, так им сказал он:
«Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки;
Кротким, благим и приветливым быть уж вперед ни единый
Царь скиптроносный не должен, но, правду из сердца изгнавши,
Каждый пускай притесняет людей, беззаконствуя смело,
Если могли вы забыть Одиссея, который был нашим
Добрым царем и народ свой любил, как отец благодушный.
Нужды мне нет обвинять женихов необузданно-дерзких
В том, что они, самовластвуя здесь, замышляют худое.
Сами своею играют они головой, разоряя
Дом Одиссея, которого, мыслят, уж мы не увидим.
Вас же, граждане Итаки, хочу пристыдить: здесь собравшись,
Вы равнодушно сидите и слова не скажете против
Малой толпы женихов, хоть самих вас число и большое».
Сын Евеноров тогда, Леокрит, негодуя, воскликнул:
«Что ты сказал, безрассудный, зломышленный Ментор?
Смирить нас
Гражданам ты предлагаешь; но сладить им с нами, которых
Также немало, на пиршестве трудно. Хотя бы внезапно
Сам Одиссей твой, Итаки властитель, явился и силой
Нас, женихов благородных, в его веселящихся доме,
Выгнать оттуда замыслил, его возвращенье в отчизну
Было б жене, тосковавшей так долго по нем, не на радость:
Злая погибель его бы постигла, когда бы нас многих
Вздумал один одолеть он; неумное слово сказал ты.
Вы ж разойдитеся, люди, и каждый займися домашним
Делом. А Ментор пускай и мудрец Алиферс, Одиссею
Верность свою сохранившие, в путь снарядят Телемаха;
Долго, однако, я думаю, здесь просидит он, сбирая
Вести; пути же ему своего совершить не удастся».
Так он сказав, распустил самовольно собранье народа.
Все, удалясь, по своим разошлися домам; женихи же

В дом Одиссея, царя благородного, вновь возвратились.
Но Телемах одиноко пошел на песчаное взморье.
Руки соленою влагой умыв, возгласил он к Афине:
«Ты, посетившая дом мой вчера и в туманное море
Плыть повелевшая мне, чтоб разведал я, странствуя, нет ли
Слухов о милом отце и его возвращенье, богиня,
Мне помоги благосклонно; ахейцы мой путь затрудняют;
Паче ж других женихи многосильные, полные злобы».
Так говорил он, молясь, и пред ним во мгновение ока,
Сходная с Ментором видом и речью, предстала Афина.
Голос возвысив, богиня крылатое бросила слово:
«Смел, Телемах, и разумен ты будешь, когда обладаешь
Тою великою силой, с какою и словом и делом
Всё твой отец, что хотел, совершал; и достигнешь желанной
Цели, свой путь беспрепятственно кончив; когда ж не прямой ты
Сын Одиссеев, не сын Пенелопин прямой, то надежды
Нет, чтоб успешно ты мог совершить предприятое дело.
Редко бывают подобны отцам сыновья; все большею
Частию хуже отцов и немногие лучше. Но будешь
Ты, Телемах, и разумен и смел, поелику не вовсе
Ты Одиссеевой силы великой лишен; и надежда
Есть для тебя, что успешно свершишь предприятое дело.
Пусть женихи, беззаконствуя, зло замышляют — оставь их;
Горе безумным! Они в слепоте, незнакомые с правдой,
Смерти своей не предвидят, ни черной судьбы, ежедневно
К ним подступающей ближе и ближе, чтоб вдруг погубить их.
Ты же свое предпринять путешествие можешь немедля;
Будучи другом твоим по отцу твоему, снаряжу я
Быстрый корабль для тебя и последую сам за тобою.
Но возвратися теперь к женихам; а тебе на дорогу
Пусть приготовят съестное, пускай им наполнят сосуды;
Пусть и в амфоры вина нацедят и муки, мореходца
Снеди питательной, в кожаных, плотных мехах приготовят.
Тою порой я гребцов наберу; кораблей же в Итаке,
Морем объятой, немало и новых и старых; меж ними
Лучший я выберу сам; и немедленно будет он нами
В путь изготовлен, и спустим его на священное море».
Так говорила Афина, Зевесова дочь, Телемаху.
Голос богини услышав, он берег немедля покинул.
В дом возвратяся с печалию милого сердца, нашел он
Там женихов многосильных: одни обдирали в покоях
Коз, а другие, зарезав свиней, на дворе их палили.
С колкой усмешкой к нему подошел Антиной и, наспльно

За руку взявши его и назвавши по имени, молвил:
«Юноша вспыльчивый, злой говорун, Телемах, не заботься
Боле о том, чтоб вредить нам иль словом, иль делом, а лучше
Дружески с нами без всяких забот веселись, как бывало.
Волю ж твою не замедлят ахейцы исполнить: получишь
Ты и корабль, и отборных гребцов, чтоб скорее достигнуть
В Пилос, любезный богам, и узнать об отце отдаленном».
Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Нет, Антиной, неприлично мне с вами, надменными, вместе
Против желанья сидеть за столом, веселясь беззаботно;
Будьте довольны и тем, что имущество лучшее наше
Вы, женихи, разорили, покуда я был малолетен.
Ныне ж, когда, возмужав и советников слушая умных,
Все я узнал и когда уж во мне пробудилася бодрость,
Я попытаюсь на шею вам Парк неизбежных накликать,
Так ли, иначе ли, съездив ли в Пилос иль здесь отыскавши
Средство. Я еду — и путь мой напрасен не будет, хотя я
Еду попутчиком, ибо (так было устроено вами)
Здесь мне иметь своего корабля и гребцов невозможно».
Так он сказал и свою из руки Антиноевой руку
Вырвал. Меж тем женихи, изобильный обед учреждая,
Многими колкими сердце его оскорбляли речами.
Так говорили одни из ругателей дерзко-надменных:
«Нас Телемах погубить не на шутку замыслил; быть может,
Многих он в помощь себе приведет из песчаного Пилоса, многих
Также из Спарты; о том он, мы видим, заботится сильно.
Может случиться и то, что богатую землю Эфиру
Он посетит, чтоб, добывши там яду, смертельного людям,
Здесь отравить им кратеры и разом нас всех уничтожить».
«Но,— отвечали другие насмешливо первым,— кто знает!
Может случиться легко, что и сам, как отец, он погибнет,
Долго бродив по морям далеко от друзей и домашних.
Тем он, конечно, и нас озаботит: тогда нам придется
Все разделить меж собой их имущество; дом же уступим
Мы Пенелопе и мужу, избранному ею меж нами».
Так женихи. Телемах же пошел в кладовую отцову,
Зданье пространное; злата и меди там кучи лежали;
Много там платья в ларях и душистого масла хранилось;
Куфы из глины с вином многолетним и сладким стояли
Рядом у стен, заключая божественно-чистый напиток
В недре глубоком, на случай, когда Одиссей возвратится
В дом, претерпевши тяжелых скорбей и превратностей много.
Двери двустворные, дважды замкнутые, в ту кладовую

Входом служили; почтенная ключница денно и нощно
Там с многоопытным, зорким усердьем в порядке держала
Все Евриклея, разумная дочь Певсенорида Опса.
В ту кладовую позвав Евриклею, сказал Телемах ей:
«Няня, амфоры наполни вином благовонным, вкуснейшим
После того дорогого, которое здесь бережешь ты,
Помня о нем, о несчастном, и все уповая, что в дом свой
Царь Одиссей возвратится, и смерти и Парк избежавши.
Им ты двенадцать наполни амфор и амфоры закупорь;
Так же и кожаных, плотных мехов приготовь, оржаною
Полных мукой; и чтоб в каждом из них заключалося двадцать
Мер; но об этом ты ведай одна; собери все припасы
В кучу; за ними приду ввечеру я, в то время, когда уж
В верхний покой свой уйдет Пенелопа, о сне помышляя.
Спарту и Пилос песчаный хочу посетить, чтоб проведать,
Нет ли там слухов о милом отце и его возвращенье».
Кончил. Ему Евриклея, усердная няня, заплакав,
С громким рыданьем крылатое бросила слово: «Зачем ты,
Милое наше дитя, отворяешь таким помышленьям
Сердце? Зачем в отдаленную, чуждую землю стремишься
Ты, утешение наше единое? Твой уж родитель
Встретил конец меж народов враждебных от дома далеко;
Здесь же, покуда ты странствовать будешь, коварно
устроят
Ков, чтоб известь и тебя, и твое все богатство разделят.
Лучше останься у нас при своем; ни малейшей нет нужды
В страшное море тебе на беды и на бури пускаться».
Ей отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Няня, мой друг, не тревожься; не мимо богов я решился
В путь, но клянись мне, что мать от тебя ни о чем не узнает
Прежде, пока не свершится одиннадцать дней иль
двенадцать,
Или покуда не спросит сама обо мне, иль другой кто
Тайны не скажет,— боюсь, чтоб от плача у ней не поблекла
Свежесть лица». Евриклея богами великими стала
Клясться; когда ж поклялася и клятву свою совершила,
Тотчас она, благовонным вином все амфоры наливши,
Кожаных плотных мехов приготовила, полных мукою.
Он же, домой возвратившися, там с женихами остался.
Умная мысль родилася тут в сердце Паллады Афины:
Вид Телемаха приняв, она обежала весь город;
К каждому встречному ласково речь обращая, собраться
Всех пригласила она ввечеру на корабль быстроходный.

После, пришед к Ноемону, разумного Фронпя сыну,
Дать ей просила корабль — Ноемон согласился охотно.
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Легкий корабль на соленую влагу спустив и запасы,
Нужные каждому прочному судну, собравши, на самом
Выходе в море из бухты его поместила богиня.
Людп сошлися, и в каждом она возбудила отважность.
Новая мысль родилася тут в сердце Паллады Афины:
В дом Одиссея, царя благородного, вшедши, богиня
Сладкий сон на пирующих там женихов навела, помутила
Мысли у пьющих и вырвала кубки из рук их; влеченью
Сна уступивши, они по домам разошлись и недолго
Ждали его, не замедлил он пасть на усталые вежды.
Тут светлоокая Зевсова дочь Телемаху сказала,
Вызвав его из устроенной пышно палаты столовой,
Сходная с Ментором видом и речью: «Пора, Телемах, нам;
Все собрались уж светлообутые спутники наши;
Сидя у весел, они ожидают тебя с нетерпеньем;
Время идти; не годится нам доле откладывать путь свой».
Кончив, Паллада Афина пошла впереди Телемаха
Быстрым шагом; поспешно пошел Телемах за богиней.
К морю и к ждавшему их кораблю подошедши, они там
Спутников густокудрявых нашли у песчаного брега.
К ним обратилась тогда Телемахова сила святая:
«Братья, принесть поспешим путевые запасы; они уж
Все приготовлены в доме, и мать ни о чем не слыхала;
Также ничто и рабыням не сказано; тайну одна лишь
Знает». И быстро пошел впереди он; за ним все другие.
Взявши запасы, они их на прочно устроенном судне
Склали, как то повелел им возлюбленный сын Одиссеев.
Скоро и сам он вступил на корабль за богиней Афиной;
Подле кормы корабельной она поместилась; с ней рядом
Сел Телемах, и гребцы, отвязавши поспешно канаты,
Также взошли на корабль и сели на лавках у весел.
Тут светлоокая Зевсова дочь даровала им ветер попутный,
Свежий повеял Зефир, ошумляющий темное море.
Бодрых гребцов возбуждая, велел Телемах им скорее
Снасти устроить; ему повинуясь, сосновую мачту
Подняли разом они и, глубоко в гнездо водрузивши,
В нем утвердили ее, а с боков натянули веревки;
Белый потом привязали ремнями плетеными парус;
Ветром наполнившись, он поднялся, и пурпурные волны
Звучно под килем потекшего в них корабля зашумели;

Он же бежал по волнам, разгребая себе в них дорогу.
Тут корабельщики, черное быстрое судно устроив,
Чаши наполнили сладким вином и, молясь, сотворили
Должное вечнорожденным, бессмертным богам возлиянье,
Паче ж других светлоокой богине, великой Палладе.
Судно всю ночь и все утро спокойно свой путь совершало.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Гелиос с моря прекрасного встал и явился на медном
Своде небес, чтоб сиять для бессмертных богов и для смертных,
Року подвластных людей, на земле плодоносной живущих.
Тою порою достигнул корабль до Нелеева града
Пышного, Пилоса. В жертву народ приносил там на бреге
Черных быков Посейдону, лазурнокудрявому богу;
Было там девять скамей; на скамьях, по пяти сот на каждой,
Люди сидели, и девять быков перед каждою было.
Сладкой отведав утробы, уже сожигали пред богом
Бедра в то время, как в пристань вошли мореходцы. Убравши
Снасти и якорем шаткий корабль утвердивши, на землю
Вышли они; Телемах, за Афиною следуя, также
Вышел. К нему обратяся, богиня Афина сказала:
«Сын Одиссеев, теперь уж застенчивым быть ты не должен;
Ибо затем мы и в море пустились, чтоб сведать, в какую
Землю отец твой судьбиною брошен и что претерпел он.
Смело приблизься к коней обуздателю Нестору; знать нам
Должно, какие в душе у него заключаются мысли.
Смело его попроси, чтоб тебе объявил он всю правду;
Лжи он, конечно, не скажет, умом одаренный великим».
«Но,— отвечал рассудительный сын Одиссеев богине,—
Как подойти мне? Какое скажу я приветствие, Ментор?
Мало еще в разговорах разумных с людьми я искусен;
Также не знаю, прилично ли младшим расспрашивать
старших?»
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Многое сам, Телемах, ты своим угадаешь рассудком;
Многое демон откроет тебе благосклонный; не против
Воли ж бессмертных, я думаю, был ты рожден и воспитан».
Кончив, богиня Афина пошла впереди Телемаха
Быстрым шагом; за нею пошел Телемах; и поспешно

К месту подходят они, где пилийцы, собравшись, сидели;
Там с сыновьями и Нестор сидел; их друзья, учреждая
Пир, суетились, вздевали на вертелы, жарили мясо.
Все, иноземцев увидя, пошли к ним навстречу и, руки
Им подавая, просили их сесть дружелюбно с народом.
Первый, их встретивший, Несторов сын, Писистрат благородный,
Ласково за руки взявши обоих, на бреге песчаном
Место на мягких разостланных кожах занять пригласил их
Между отцом престарелым и братом младым Фрасимедом.
Сладкой утробы отведать им дав, он вином благовонным
Кубок наполнил, вина отхлебнул и сказал светлоокой
Дочери Зевса эгидодержавца Палладе Афине:
«Странник, ты должен призвать Посейдона владыку: вы ныне
Прибыли к нам на великий праздник его; совершивши
Здесь, как обычай велит, перед ним возлиянье с молитвой,
Ты и товарищу кубок с напитком божественно-чистым
Дай, он, я думаю, молится также богам, поелику
Все мы, люди, имеем в богах благодетельных нужду.
Он же моложе тебя и, конечно, ровесник со мною;
Вот почему я и кубок тебе наперед предлагаю».
Кончив, он передал кубок с вином благовонным Афине.
Был ей приятен поступок разумного юноши, первой
Ей предложившего кубок с вином благовонным; и стала
Голосом громким она призывать Посейдона владыку:
«Царь Посейдон земледержец, молюся тебе, не отвергни
Нас, уповающих здесь, что желания наши исполнишь.
Нестору славу с его сыновьями, во-первых, даруй ты;
После богатую милость яви и другим, благосклонно
Здесь от пилийцев великую ныне приняв гекатомбу;
Дай нам потом, Телемаху и мне, возвратиться, окончив
Все, для чего мы приплыли сюда в корабле крутобоком».
Так помолясь, совершила сама возлиянье богиня;
После двуярусный кубок она подала Телемаху;
В свой помолился черед и возлюбленный сын Одиссеев.
Те же, изжарив и с вертелов снявши хребтовое мясо,
Роздали части и начали пир многославный; когда же
Был удовольствован голод их сладким питьем и едою,
Речь обратил к посетителям Нестор, герой геренейский:
«Странники, мне уж теперь неприлично не будет спросить вас,
Кто вы, понеже уж пищею вы насладились довольно.
Кто ж вы, скажите? Откуда к нам прибыли влажной дорогой?

Дело ль какое у вас? Иль без дела скитаетесь всюду,
Взад и вперед по морям, как добычники вольные, мчася,
Жизнью играя своей и беды приключая народам?»
С духом собравшись, на то рассудительный сын Одиссеев
Так, отвечая, сказал (и Афина ему ободрила
Сердце, чтоб Нестора мог он спросить об отце отдаленном,
Также чтоб в людях о нем утвердилася добрая слава):
«Сын Нелеев, о Нестор, великая слава ахеян,
Знать ты желаешь, откуда и кто мы; всю правду скажу я:
Мы из Итаки, под склоном лесистым Нейона лежащей;
Прибыли ж к вам не за общим народным, за собственным делом;
Странствую я, чтоб, молву об отце вопрошая, проведать,
Где Одиссей благородный, в бедах постоянный, с которым
Ратуя вместе, вы град Илион, говорят, сокрушили.
Прочие ж, сколько их ни было, против троян воевавших,
Бедственно, слышали мы, в стороне отдаленной погибли
Все; а его и погибель от нас неприступно Кронион
Скрыл; где нашел он конец свой, не знает никто: на земле ли
Твердой он пал, пересиленный злыми врагами, в зыбях ли
Моря погиб, поглощенный холодной волной Амфитриты.
Я же колена твои обнимаю, чтоб ты благосклонно
Участь отца моего мне открыл, объявив, что своими
Видел глазами иль что от какого услышал случайно
Странника. Матерью был он рожден на беды и на горе.
Ты же, меня не щадя и из жалости слов не смягчая,
Все расскажи мне подробно, чему ты был сам очевидец.
Если же чем для тебя мой отец, Одиссей благородный,
Словом ли, делом ли, мог быть полезен в те дни, как с тобою
В Трое он был, где столь много вы бед претерпели, ахейцы,
Вспомни об этом теперь и поистине все расскажи мне».
Так Телемаху ответствовал Нестор, герой геренейский:
«Сын мой, как сильно напомнил ты мне о напастях, в земле той
Встреченных нами, ахейцами, твердыми в опыте строгом,
Частью, когда в кораблях, предводимые бодрым Пелидом,
Мы за добычей по темно-туманному морю гонялись,
Частью, когда перед крепким Приамовым градом с врагами
Яростно бились. Из наших в то время все лучшие пали:
Лег там Аякс бедоносный, там лег Ахиллес и советов
Мудростью равный бессмертным Патрокл, и лежит там мой милый
Сын Антилох, беспорочный, отважный и столько же дивный
Легкостью бега, сколь был он бесстрашный боец. И немало

Разных других испытали мы бедствий великих, о них же
Может ли все рассказать хоть один из людей земнородных?
Если б и целые пять лет и шесть лет ты мог беспрестанно
Вести сбирать о бедах, приключившихся бодрым ахейцам
Ты бы, всего не узнав, недоволен домой возвратился.
Девять трудилися лет мы, чтоб их погубить, вымышляя
Многие хитрости,— кончить насилу решился Кронион.
В умных советах никто там не мог на ряду быть поставлен
С ним: далеко опереживал всех изобретеньем многих
Хитростей царь Одиссей, благородный родитель твой, если
Подлинно сын ты его. С изумленьем смотрю на тебя я;
С ним и речами ты сходен; но кто бы подумал, чтоб было
Юноше можно так много с ним сходствовать умною речью?
Я ж постоянно, покуда войну мы вели, на совете ль,
В сонме ль народном, всегда заодно говорил с Одиссеем;
В мненьях согласные, вместе всегда мы, обдумавши строго,
То лишь одно избирали, что было ахейцам полезней.
Но когда, ниспровергнувши город Приама великий,
Мы к кораблям возвратилися, бог разлучил нас: Кронион
Бедственный путь по морям приготовить замыслил ахейцам.
Был не у каждого светел рассудок, не все справедливы
Были они — потому и постигнула злая судьбина
Многих, разгневавших дочь светлоокую страшного бога.
Сильную распрю богиня Афина зажгла меж Атридов:
Оба, созвать вознамерясь людей на совет, безрассудно
Собрали их не в обычное время, когда уж садилось
Солнце; ахейцы сошлися, вином охмеленные; те же
Стали один за другим объяснять им причину собранья:
Требовал царь Менелай, чтоб аргивские мужи в обратный
Путь по широкому моря хребту устремились немедля;
То Агамемнон отвергнул: ахейцев еще удержать он
Мыслил затем, чтоб они, совершив гекатомбу святую,
Гнев примирили ужасной богини... младенец! Еще он,
Видно, не знал, что уж быть не могло примирения с нею:
Вечные боги не скоро в своих изменяются мыслях.
Так, обращая друг к другу обидные речи, там оба
Брата стояли; собрание светлообутых ахеян
Воплем наполнилось яростным, на два разрознившись мненья.
Всю ту мы ночь провели в неприязненных друг против друга
Мыслях: уж нам, беззаконным, готовил Зевес наказанье.
Утром одни на прекрасное море опять кораблями
(Взяв и добычу и дев, глубоко опоясанных) вышли.

Но половина другая ахеян осталась на бреге
Вместе с царем Агамемноном, пастырем многих народов.
Дали мы ход кораблям, и они по волнам побежали
Быстро: под ними углаживал бог многоводное море.
Скоро пришед в Тенедос, принесли мы там жертву бессмертным,
Дать нам отчизну моля их, но Дий непреклонный еще нам
Медлил дозволить возврат: он вторичной враждой возмутил нас.
Часть за царем Одиссеем, подателем мудрых советов,
В многовесельных пустясь кораблях, устремилась в обратный
Путь, чтоб Атриду царю Агамемнону вновь покориться.
Я же поспешно со всеми подвластными мне кораблями
Поплыл вперед, угадав, что готовил нам бедствие демон;
Поплыл со всеми своими и сын бедоносный Тидея;
Позже отправился в путь Менелай златовласый: в Лесбосе
Нас он нагнал, нерешимых, какую избрать нам дорогу:
Выше ль скалами обильного Хиоса путь свой на Псиру
Править, ее оставляя по левую руку, пль ниже
Хиоса мимо открытого воющим ветрам Миманта?
Дия молили мы знаменье дать нам; и, знаменье давши,
Он повелел, чтоб, разрезавши море по самой средине,
Шли мы к Эвбее для скорого близкой беды избежанья;
Ветер попутный, свистя, зашумел, и, рыбообильный
Путь совершая легко, корабли до Гереста достигли
К ночи; от многих быков возложили мы тучные бедра
Там на алтарь Посейдонов, измерив великое море.
День совершился четвертый, когда, добежав до Аргоса,
Все корабли Диомеда, коней обуздателя, стали
В пристани. Прямо тем временем в Пилос я плыл, и ни разу
Ветер попутный, вначале нам посланный Дием, не стихнул.
Так возвратился я, сын мой, без всяких вестей; и доныне
Сведать еще я не мог, кто погиб из ахеян, кто спасся.
Что ж от других мы узнали, живя под домашнею кровлей,
То вам, как следует, я расскажу, ничего не скрывая.
Слышали мы, что с младым Ахиллеса великого сыном
Все мирмидоны его, копьеносцы, домой возвратились;
Жив, говорят, Филоктет, сын Пеантов возлюбленный; здраво
Идоменей (никого из сопутников, с ним избежавших
Вместе войны, не утративши на море) Крита достигнул;
К вам же, конечно, и в дальнюю землю дошел об Атриде
Слух, как домой возвратился он, как умерщвлен был Эгистом,
Как и Эгист наконец по заслуге принял воздаянье.
Счастье, когда у погибшего мужа останется бодрый
Сын, чтоб отмстить, как Орест, поразивший Эгиста, которым

Был умерщвлен злоковарно его многославный родитель!
Так и тебе, мой возлюбленный друг, столь прекрасно созревший,
Должно быть твердым, чтоб имя твое и потомки хвалили».
Выслушав Нестора, так отвечал Телемах благородный:
«Сын Нелеев, о Нестор, великая слава ахеян,
Правда, отмстил он, и страшно отмстил, и ему от народов
Честь повсеместная будет и будет хвала от потомства.
О, когда б и меня одарили такою же силой
Боги, чтоб так же и я мог отмстить женихам, наносящим
Столько обид мне, коварно погибель мою замышляя!
Но благодати великой такой ниспослать не хотели
Боги ни мне, ни отцу — и удел мой отныне терпенье».
Так Телемаху ответствовал Нестор, герой геренейский:
«Сам ты, мой милый, о том мне своими словами напомнил;
Слышали мы, что, твою благородную мать притесняя,
В доме твоем женихи беззаконного делают много.
Знать бы желал я: ты сам ли то волею сносишь? Народ ли
Вашей земли ненавидит тебя, по внушению бога?
Мы же не ведаем; может случиться легко, что и сам он
Их, возвратяся, погубит, один ли, созвав ли ахеян...
О, когда б возлюбить светлоокая дева Паллада
Так же могла и тебя, как она Одиссея любила
В крае троянском, где много мы бед претерпели, ахейцы!
Нет, никогда не бывали столь боги в любви откровенны,
Сколь откровенна была с Одиссеем Паллада Афина!
Если бы ею с такою ж любовью и ты был присвоен,
Самая память о браке во многих из них бы пропала».
Нестору так отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Старец, несбыточно, думаю, слово твое; о великом
Ты говоришь, и ужасно мне слушать тебя; не случится
То никогда ни по просьбе моей, ни по воле бессмертных».
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Странное слово из уст у тебя, Телемах, излетело;
Богу легко защитить нас и издали, если захочет;
Я ж согласился б скорее и бедствия встретить, чтоб только
Сладостный день возвращенья увидеть, чем, бедствий избегнув
В дом возвратиться, чтоб пасть пред своим очагом, как великий
Пал Агамемнон предательством хитрой жены и Эгиста.
Но и богам невозможно от общего смертного часа
Милого им человека избавить, когда он уж предан
В руки навек усыпляющей смерти судьбиною будет».
Так отвечал рассудительный сын Одиссеев богине:
«Ментор, не станем о том говорить мы, хотя и крушит нам

Сердце оно; уж его возвращения мы не увидим:
Черную участь и смерть для него приготовили боги.
Я же теперь, о ином вопрошая, хочу обратиться
К Нестору — правдой и мудростью всех он людей превосходит:
Был, говорят, он царем, повелителем трех поколений,
Образом светлым своим он бессмертному богу подобен —
Сын Нелеев, скажи, ничего от меня не скрывая,
Как умерщвлен был Атрид Агамемнон пространнодержавный?
Где Менелай находился? Какое губящее средство
Хитрый Эгист изобрел, чтоб удобнее сладить с сильнейшим?
Иль, не достигнув Аргоса, еще меж чужими людьми он
Был и врага своего тем отважил на злое убийство?»
«Друг,— Телемаху ответствовал Нестор, герой геренейский,—
Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
Подлинно так все случилось, как думаешь сам ты; но если б
В братнем жилище Эгиста живого застал, возвращаясь
В дом свой из брани троянской, Атрид Менелай златовласый,
Трупа его бы тогда не покрыла земля гробовая,
Хищные птицы и псы бы его растерзали, без чести
В поле далеко за градом Аргосом лежащего, жены
Наши его б не оплакали — страшное дело свершил он.
Тою порою, как бились мы на полях илионских,
Он в безопасном углу многоконного града Аргоса
Сердце жены Агамемнона лестью опутывал хитрой.
Прежде самой Клитемнестре божественной было противно
Дело постыдное — мыслей порочных она не имела;
Был же при ней песнопевец, которому царь Агамемнон,
В Трою готовясь плыть, наблюдать повелел за супругой;
Но, как скоро судьбина ее предала преступленью,
Тот песнопевец был сослан Эгистом на остров бесплодный,
Где и оставлен; и хищные птицы его растерзали.
Он же ее, одного с ним желавшую, в дом пригласил свой;
Множество бедр на святых алтарях он сожег пред богами,
Множеством вкладов, и златом и тканями, храмы украсил,
Дерзкое дело такое с нежданным окончив успехом.
Мы же, покинувши землю троянскую, поплыли вместе,
Я и Атрид Менелай, сопряженные дружбою тесной.
Были уж мы пред священным Суниоиом, мысом Аттийским;
Вдруг Менелаева кормщика Феб Аполлон невидимо
Тихой своею стрелой умертвил: управляя бегущим
Судном, кормило держал многоопытной твердой рукою
Фронтис, Онеторов сын, наиболе из всех земнородных
Тайну проникший владеть кораблем в наступившую бурю.

Путь свой замедлил, хотя и спешил, Менелай, чтоб на бреге
Честь погребения другу воздать с торжеством надлежащим;
Но когда на своих кораблях крутобоких опять он
В темное море пошел и высокого мыса Малеи
Быстро достиг — повсеместно гремящий Кронион, замыслив
Гибель, нагнал на него многошумное ветра дыханье,
Поднял могучие, тяжкие, гороогромные волны.
Вдруг корабли разлучив, половину их бросил он к Криту,
Где обитают кидоны у светлых потоков Ярдана.
Виден там гладкий утес, восходящий над влагой соленой,
В темное море вдвигаясь на крайних пределах Гортины;
Там, где великие волны на западный берег у Феста
Вот нагоняет и малый утес их дробит, отшибая,
Те корабли очутились; проворством спаслися от смерти
Люди; суда ж их погибли, разбившись об острые камни.
Пять остальных кораблей темноносых, похищенных бурей,
Ветер могучий и волны ко брегу Египта примчали.
Там Менелай, собирая сокровищ и золота много,
Странствовал между народов иного языка, и в то же
Время Эгист совершил беззаконное дело в Аргосе,
Смерти предавши Атрида,— народ покорился безмолвно.
Целые семь лет он властвовал в златообильной Микене;
Но на осьмой из Афин возвратился ему на погибель
Богоподобный Орест; и убийцу сразил он, которым
Был умерщвлен злоковарно его многославный родитель.
Пир учредив для аргивян великий, свершил погребенье
Он и преступнице матери вместе с Эгистом презренным.
В самый тот день и Атрид Менелай, вызыватель в сраженье,
Прибыл, богатства собрав, сколь могло в кораблях уместиться.
Ты же недолго, мой сын, в отдаленье от родины странствуй,
Дом и наследье отца благородного бросив на жертву
Дерзких грабителей, жрущих твое беспощадно; расхитят
Все, и без пользы останется путь, совершенный тобою.
Но Менелая Атрида (советую, требую) должен
Ты посетить; он недавно в отечество прибыл из чуждых
Стран, от людей, от которых никто, занесенный однажды
К ним по широкому морю стремительным ветром, не мог бы
Жив возвратиться, откуда и в год долететь к нам не может
Быстрая птица,— столь страшно великой пучины пространство.
Ты же поедешь отсюда иль морем со всеми своими,
Или, когда пожелаешь, землею: коней с колесницей
Дам я, и сына с тобою пошлю, чтоб тебе указал он
Путь в Лакедемон божественный, где Менелай златовласый

Царствует; можешь ты сам обо всем расспросить Менелая;
Лжи он, конечно, не скажет, умом одаренный великим».
Кончил. Тем временем солнце померкло и тьма наступила.
К Нестору слово свое обративши, сказала Афина:
«Старец, твои рассудительны речи, но медлить не станем;
Должно отрезать теперь языки, и царю Посейдону
Купно с другими богами вином сотворить возлиянье;
Время подумать о ложе покойном и сне миротворном;
День на закате угас, и уж боле не будет прилично
Здесь нам сидеть за трапезой богов; удалиться пора нам».
Так говорила богиня; почтительно все ей внимали.
Тут для умытия рук им служители подали воду;
Отроки светлым кратеры до края наполнив напитком,
В чашах его разнесли, по обычаю справа начавши;
Бросив в огонь языки, сотворили они возлиянье,
Стоя; когда ж сотворили его и вином насладились,
Сколько желала душа, Телемах благородный с Афиной
Стали к ночлегу на свой быстроходный корабль собираться.
Нестор, гостей удержавши, сказал: «Да отнюдь не позволят
Вечный Зевес и другие бессмертные боги, чтоб ныне
Вы для ночлега отсюда ушли на корабль быстроходный!
Разве одежд не найдется у нас? Неужели я нищий?
Будто уж в доме моем ни покровов, ни мягких постелей
Нет, чтоб и сам я, и гости мои насладились покойным
Сном? Но покровов и мягких постелей найдется довольно.
Можно ль, чтоб сын столь великого мужа, чтоб сын Одиссеев
Выбрал себе корабельную палубу спальней, пока я
Жив и мои сыновья обитают со мной под одною
Кровлей, чтоб всех, кто пожалует к нам, угощать дружелюбно?»
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Умное слово сказал ты, возлюбленный старец, и должен
Волю исполнить твою Телемах: то, конечно, приличней.
Здесь я оставлю его, чтоб покойно под кровлей твоею
Ночь он провел. Самому ж мне на черный корабль возвратиться
Должно, чтоб наших людей ободрить и о многом сказать им:
Я из сопутников наших старейший годами; они же
(Все молодые, ровесники все Телемаху) по доброй
Воле, из дружбы его в корабле проводить согласились;
Вот для чего и хочу я на черный корабль возвратиться.
Завтра ж с зарею пойти мне к народу отважных кавконов
Нужно, чтоб там заплатили мне люди старинный, немалый
Долг. Телемаха же, после того как у вас погостит он,
С сыном своим в колеснице отправь ты, коней повелевши

Дать им проворнейших в беге и силою самых отличных».
Так им сказав, светлоокая Зевсова дочь удалилась,
Быстрым орлом улетев; изумился народ; изумился,
Чудо такое своими глазами увидевши, Нестор.
За руку взяв Телемаха, ему дружелюбно сказал он:
«Друг, ты, конечно, и сердцем не робок, и силою крепок,
Если тебе, молодому, так явно сопутствуют боги.
Здесь из бессмертных, живущих в обителях светлых Олимпа,
Был не иной кто, как Дпева славная дочь Тритогена,
Столь и отца твоего отличавшая в сонме аргивян.
Будь благосклонна, богиня, и к нам и великую славу
Дай мне, и детям моим, и супруге моей благонравной;
Я же телицу тебе однолетнюю, лбистую, в поле
Вольно бродящую, с игом еще незнакомую, в жертву
Здесь принесу, ей рога изукрасивши золотом чистым».
Так говорил он, молясь; и Палладою был он услышан.
Кончив, пошел впереди сыновей и зятьев благородных
В дом свой богато украшенный Нестор, герой геренейский;
С Нестором в царский богато украшенный дом и другие
Также вступили и сели порядком на креслах и стульях.
Старец тогда для собравшихся кубок наполнил до края
Светлым вином, чрез одиннадцать лет из амфоры налитым
Ключницей, снявшей впервые с заветной амфоры той кровлю.
Им он из кубка свое сотворил возлиянье великой
Дочери Зевса эгидодержавца; когда ж и другие
Все, сотворив возлиянье, вином насладились довольно,
Каждый к себе возвратился, о ложе и сне помышляя.
Гостю желая спокойствия, Нестор, герой геренейский,
Сам Телемаху, разумному сыну царя Одиссея,
В звонко-пространном покое кровать указал прорезную;
Лег близ него Писистрат, копьевержец, мужей предводитель,
Бывший из братьев один неженатый в жилище отцовом.
Сам же, во внутренний царского дома покой удаляся,
Лег на постели, перестланной мягко царицею, Нестор.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
С мягкой поднялся постели и Нестор, герой геренейский,
Вышед из спальни, он сел на обтесанных, гладких, широких
Камнях, у двери высокой служивших седалищем, белых,
Ярко сиявших, как будто помазанных маслом, на них же
Прежде Нелей восседал, многоумием богу подобный;
Но уж давно уведен был судьбой в обитель Аида.
Ныне ж на камнях Нелеевых Нестор воссел, скиптроносный
Пестун ахеян. К нему сыновья собрались, из спален

Вышед: Ехефрон, Персей, Стратион, и Аретос, и юный
Богу подобный красой Фрасимед; наконец и шестой к ним,
Младший из братьев пришел, Писистрат благородный. И рядом
С Нестором сесть приглашен был возлюбленный сын Одиссеев.
Речь обратил тут к собравшимся Нестор, герой геренейский:
«Милые дети, мое повеленье исполнить спешите:
Паче других преклонить я желаю на милость Афину,
Видимо, бывшую с нами на празднике бога великом.
В поле один за телицей беги, чтоб немедленно с поля
Выгнал ее к нам пастух, за стадами смотрящий; другой же
Должен на черный корабль Телемахов пойти и позвать к нам
Всех мореходных людей, там оставя лишь двух; напоследок
Третьим пусть будет немедленно златоискусник Лаэркос
Призван, чтоб золотом чистым рога изукрасить телице.
Прочие ж все оставайтесь при мне, повелевши рабыням
В доме устроить обед изобильный, расставить порядком
Стулья, дрова приготовить и светлой воды принести нам».
Так он сказал; все заботиться начали: с поля телицу
Скоро пригнали; пришли с корабля Телемаховы люди,
С ним переплывшие море; явился и златоискусник,
Нужный для ковки металлов принесши снаряд: наковальню,
Молот, клещи драгоценной отделки и все, чем обычно
Дело свое совершал он; пришла и богиня Афина
Жертву принять. Тут художнику Нестор, коней обуздатель,
Золота чистого дал; оковал им рога он телицы,
Тщася усердно, чтоб жертвенный дар был угоден богине.
Взяли телицу тогда за рога Стратион и Ехефрон;
Воду им руки умыть в обложенной цветами лохани
Вынес из дома Аретос, в другой же руке он с ячменем
Короб держал; подошел Фрасимед, ратоборец могучий,
С острым в руке топором, поразить изготовяся жертву;
Чашу подставил Персей. Тут Нестор, коней обуздатель,
Руки умывши, ячменем телицу осыпал и, бросив
Шерсти с ее головы на огонь, помолился Афине;
Следом за ним и другие с молитвой телицу ячменем
Так же осыпали. Несторов сын, Фрасимед многосильный,
Мышцы напрягши, ударил и, в шею глубоко вонзенный,
Жилы топор пересек; повалилась телица; вскричали
Дочери все, и невестки царевы, и с ними царица,
Кроткая сердцем, Клименова старшая дочь Евридика.
Те же телицу, припавшую к лону земли путеносной,
Подняли — разом зарезал ее Писистрат благородный.
После, когда истощилася черная кровь и не стало

Жизни в костях, разложивши на части ее, отделили
Бедра и сверху их (дважды обвивши, как следует, кости
Жиром) кровавого мяса кусками покрыли; все вместе
Нестор зажег на костре и вином оросил искрометным;
Те ж приступили, подставив ухваты с пятью остриями.
Бедра сожегши и сладкой утробы вкусив, остальное
Всё разрубили на части и стали на вертелах жарить,
Острые вертелы тихо в руках над огнем обращая.
Тою порой Телемах Поликастою, дочерью младшей
Нестора, был отведен для омытия в баню; когда же
Дева его и омыла, и чистым натерла елеем,
Легкий надевши хитон и богатой облекшись хламидой,
Вышел из бани он, богу лицом лучезарным подобный;
Место он занял близ Нестора, пастыря многих народов.
Те же, изжарив и с вертелов снявши хребтовое мясо,
Сели за вкусный обед, и заботливо начали слуги
Бегать, вино наливая в сосуды златые; когда же
Был удовольствован голод их сладким питьем и едою,
Нестор, герой геренейский, сказал сыновьям благородным:
«Дети, коней густогривых запрячь в колесницу немедля
Должно, чтоб мог Телемах по желанию в путь устремиться».
То повеленье царское было исполнено скоро;
Двух густогривых коней запрягли в колесницу; в нее же
Ключница хлеб и вино на запас положила, с различной
Пищей, какая царям лишь, питомцам Зевеса, прилична.
Тут в колесницу блестящую стал Телемах благородный;
Рядом с ним Несторов сын Писистрат, предводитель народов,
Стал; натянувши могучей рукою бразды, он ударил
Сильным бичом по коням, и помчалися быстрые кони
Полем, и Пилос блистательный скоро исчез позади их.
Целый день мчалися кони, тряся колесничное дышло.
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Путники прибыли в Феру, где сын Ортилоха, Алфеем
Светлым рожденного, дом свой имел Диоклес благородный;
Дав у себя им ночлег, Диоклес угостил их радушно.
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Путники, снова в свою колесницу блестящую ставши,
Быстро на ней со двора через портик помчалися звонкий,
Часто коней погоняя, и кони скакали охотно.
Пышных равнин, изобильных пшеницей, достигнув, они там
Кончили путь, совершенный конями могучими быстро;
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.

В царственный град Лакедемон, холмами объятый, прибывши,
К дому царя Менелая Атрида они обратились.
Пир он богатый давал многочисленным сродникам, свадьбу
Сына и дочери милыя празднуя в царском жилище.
К сыну губителя ратей Пелида свою посылал он
Дочь, уж давно с ним в троянской земле договор заключивши
Выдать ее за него, и теперь сочетали их боги;
Много ей дав колесниц и коней, молодую невесту
В град мирмидонский, где царствовал светлый жених, снарядил он.
В Спарте же дочь он Алектора выбрал невестой для сына,
Крепкого силой, прижитого им с молодою рабыней
В поздних годах, Мегапента. Елене ж детей не хотели
Боги с тех пор даровать, как желанная ей родилася
Дочь Гермиона, подобная дивной красой Афродите.
Шумно пируя в богато украшенных царских палатах,
Сродники все и друзья Менелая, великого славой,
Полны веселия были; на лире певец вдохновенный
Громко звучал перед ними, и два прыгуна, соглашая
С звонкою лирой прыжки, посреди их проворно скакали.
Тою порой Телемах благородный с младым Писистратом,
К царскому дому прибыв, на дворе из своей колесницы
Вышли; им встретился прежде других Этеон многочтимый,
Спальник проворный царя Менелая, великого славой.
С вестью о них по дворцу побежал он к владыке Атриду;
Близко к нему подошедши, он бросил крылатое слово:
«Царь Менелай, благородный питомец Зевеса, два гостя
Прибыли, два иноземца, конечно, из племени Дия.
Что повелишь нам? Отпрячь ли их быстрых коней? Отказать ли
Им, чтоб они у других для себя угощенья искали?»
С гневом великим ему отвечал Менелай златовласый:
«Ты, Этеон, сын Боэфов, еще никогда малоумен
Не был, теперь же бессмысленно стал говорить, как младенец;
Сами не раз испытав гостелюбие в странствии нашем,
Мы напоследок покоимся дома, и Дий да положит
Бедствиям нашим конец. Отпрягите коней их; самих же
Странников к нам пригласить на семейственный пир наш обоих».
Так говорил Менелай. Этеон побежал, за собою
Следовать многим из царских проворных рабов повелевши.

Иго с ретивых коней, опененное потом, сложили;
К яслям в царевой конюшне голодных коней привязали;
В ясли же полбы насыпали, смешанной с ярким ячменем;
К светлой наружной стене прислонили потом колесницу.
Странники были в высокий дворец введены; озпраясь,
Дому любезного Зевсу царя удивлялися оба:
Все лучезарно, как на небе светлое солнце иль месяц,
Было в палатах царя Менелая, великого славой.
Очи свои наконец удовольствовав сладостным зреньем,
Начали в гладких купальнях они омываться; когда же
Их и омыла, и чистым елеем натерла рабыня,
В тонких хитонах, облекшись в косматые мантии, оба
Рядом они с Менелаем властителем сели на стульях.
Тут поднесла на лоханп серебряной руки умыть им
Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня;
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно; на блюдах, подняв их высоко,
Мяса различного крайчий принес и, его предложив им,
Кубки златые на браном столе перед ними поставил.
Сделав рукою приветствие, светлый сказал им хозяин:
«Пищи откушайте нашей, друзья, на здоровье; когда же
Свой утолите вы голод, спрошу я, какие вы люди?
В вас не увяла, я вижу, порода родителей ваших;
Оба, конечно, вы дети царей, порожденных Зевесом,
Скиптродержавных; подобные вам не от низких родятся».
Тут он им подал бычатины жареной кус, из почетной
Собственной части его отделивши своею рукою.
Подняли руки они к предложенной им пище и голод
Свой утолили роскошной едой и питьем изобильным.
Голову к спутнику тут приклонив, чтоб подслушать другие
Речи его не могли, прошептал Телемах осторожно:
«Несторов сын, мой возлюбленный друг, Писпстрат благородный,
Видишь, как много здесь меди сияющей в звонких покоях;
Блещет все златом, сребром, янтарями, слоновою костью;
Зевс лишь один на Олимпе имеет такую обитель;
Что за богатство! Как много всего! С изумленьем смотрю я».
Вслушался в тихую речь Телемаха Атрид златовласый;
Голос возвысив, обоим он бросил крылатое слово:
«Дети, нам, смертным, не можно равняться с владыкою Зевсом,
Ибо и дом и сокровища Зевса, как сам он, нетленны;
Люди ж иные поспорят богатством со мной, а иные

Нет; претерпевши немало, немало скитавшись, добра я
Много привез в кораблях, возвратясь на осьмой год в отчизну.
Видел я Кипр, посетил финикиян, достигнув Египта,
К черным проник эфиопам, гостил у сидонян, эрембов;
В Ливии был, наконец, где рогатыми агнцы родятся,
Где ежегодно три раза и козы и овцы кидают;
В той стороне и полей господин и пастух недостатка
В сыре и мясе и жирно-густом молоке не имеют;
Круглый там год изобильно бывают доимы коровы.
Той же порой, как в далеких землях я, сбирая богатства,
Странствовал, милый в отечестве брат мой погиб от убийцы
Тайно, никем не предвидено, хитрым предательством женским.
С тех пор и все уж мои мне сокровища стали постылы.
Но об этом, кто б ни были вы, уж конечно, отцы вам
Все рассказали... О, горестно было мне зреть истребленье
Дома, столь светлого прежде, столь славного многим богатством!
Рад бы остаться я с третью того, чем владею, лишь только б
Были те мужи на свете, которые в Трое пространной
Кончили жизнь, далеко от Аргоса, питателя коней.
Часто, их всех поминая, об них сокрушаясь и плача,
Здесь я сижу одиноко под кровлей домашней; порою
Горем о них услаждаю я сердце, порой забываю
Горе, понеже нас скоро холодная скорбь утомляет.
Но сколь ни сетую в сердце своем я, их всех поминая,
Мысль об одном наиболее губит мой сон и лишает
Пищи меня, поелику никто из ахеян столь много
Бедствий не встретил, как царь Одиссей; на труды и печали
Был он рожден; на мою же досталося часть сокрушаться,
Видя, как долго отсутствие длится его; мы не знаем,
Жив ли он, умер ли; плачет о нем безутешный родитель
Старец Лаэрт, с Пенелопой разумной, с младым Телемахом,
Бывшим еще в пеленах при его удаленье из дома».
Так он сказав, неумышленно скорбь пробудил в Телемахе.
Крупная пала с ресницы сыновней слеза при отцовом
Имени; в обе схватившись пурпурную мантию руки,
Ею глаза он закрыл; то увидя, Атрид догадался;
Долго, рассудком и сердцем колеблясь, не знал он, что делать:
Ждать ли, чтоб сам говорить о родителе юноша начал,
Или вопросами выведать все от него понемногу?
Тою порой, как рассудком и сердцем колеблясь, молчал он,
К ним из своих благовонных, высоких покоев Елена
Вышла, подобная светлой с копьем золотым Артемиде.
Кресла богатой работы подвинула сесть ей Адреста;

Мягкий ковер шерстяной положила ей в ноги Алкиппа;
Фило пришла с драгоценной корзиной серебряной, даром
Умной Алькандры, супруги Полиба, в египетских Фивах
Жившего, много сокровищ имея в обители пышной.
Две сребролитные дал он Атриду купальни и с ними
Два троеножных сосуда и золотом десять талантов;
Также царице Елене супруга его подарила
Прялку златую с корзиной овальной; была та корзина
Вся из сребра, но края золотые; и эту корзину
Фило, пришедши, поставила подле царицы Елены,
Полную пряжи сученой; на ней же лежала и прялка
С шерстью волнистой пурпурного цвета. На креслах Елена
Села, прекрасные ноги свои на скамью протянувши.
Сев, с любопытством она у царя Менелая спросила:
«Мог ли узнать ты, Атрид благородный, питомец Зевеса,
Кто иноземные гости, наш дом посетившие ныне?
Я же скажу — справедливо ли, нет ли, не знаю,— но сердце
Нудит сказать, что еще никогда (с изумленьем смотрю я)
Мне ни в жене не случалось, ни в муже подобного встретить
Сходства, какое наш гость с Телемахом, царя Одиссея
Сыном, имеет; младенцем его Одиссей благородный
Дома оставил, когда за меня, недостойную, все вы,
Мужи ахейские, в Трою пошли истребительной ратью».
Царь Менелай отвечал благородной царице Елене:
«Что ты, жена, говоришь, то и я нахожу справедливым.
Дивное сходство! Такие же ноги, такие же руки,
То же в глазах выражение, та ж голова и такие ж
Кудри густые на ней; а когда, помянув Одиссея,
Стал говорить я о бедствиях, им за меня претерпенных,
Пала с ресницы его, я заметил, слеза, и, схвативши
В обе пурпурную мантию руки, он ею закрылся».
Тут Писистрат благородный сказал Менелаю Атриду:
«Царь многославный, Атрид, богоизбранный пастырь народов,
Спутник мой подлинно сын Одиссеев, как думаешь сам ты;
Но, осторожный и скромный, он мнит, что ему неприлично,
Вас посетивши впервые, себя выставлять в разговоре
Смелом с тобою, пленяющим всех нас божественной речью.
Старец, родитель мой, Нестор его повелел в Лакедемон
Мне проводить; у тебя ж он затем, чтоб ему благосклонно
Дать наставленье ты соизволил: что делать? Немало
Горя бывает в родительском доме для сына, когда он
Розно с отцом, не имея друзей, сиротствует, как ныне
Сын Одиссеев: отец благородный далеко; в народе ж

Нет никого, кто б ему от гонений помог защититься».
Царь Менелай, отвечая, сказал Писистрату младому:
«Боги! Так подлинно сын несказанно мне милого друга,
Столько тревог за меня претерпевшего, дом посетил мой.
Я ж самого Одиссея отличнее прочих ахеян
Встретить надеждой ласкался, когда б в кораблях быстроходных
Путь нам домой по волнам отворил громовержец Кронион;
Град бы в Аргосе ему я построил с дворцом для жилища;
Взял бы его самого из Итаки с богатствами, с сыном,
С целым народом; и область для них бы очистил, моими
Близко людьми населенную, мой признающую скипетр;
Часто видались тогда бы, соседствуя, мы, и ничто бы
Нас разлучить не могло, веселящихся, дружных, до злого
Часа, в который бы скрыло нас черное облако смерти.
Но столь великого блага нам дать не хотел непреклонный
Бог, запретивший ему, несчастливцу, возврат вожделенный».
Так говоря, неумышленно всех Менелай опечалил;
Громко Елена Аргивская, Диева дочь, зарыдала;
Сын Одиссеев заплакал, и с ними Атрид прослезился;
Плача не мог удержать и младой Писистрат: он о брате
Вспомнил, о брате своем Антилохе прекрасном, который
Был умерщвлен лучезарной Денницы возлюбленным сыном.
Вспомнив о брате, Атриду он бросил крылатое слово:
«Подлинно, царь Менелай, ты разумнее всех земнородных.
Так говорит и отец престарелый наш Нестор, когда мы
Дома в семейных беседах своих о тебе вспоминаем.
Ныне ж послушайся, царь многоумный, меня; не люблю я
Слез за вечерней трапезою — скоро подымется Эос,
В раннем тумане рожденная. Мне же отнюдь не противен
Плач о возлюбленных мертвых, постигнутых общей судьбиной;
Нам, земнородным страдальцам, одна здесь надежная почесть:
Слезы с ланит и отрезанный локон волос на могиле.
Брата утратил и я; не последний меж бранных аргивян
Был он; его ты, конечно, видал; а со мной никогда здесь
Он не встречался; его я не знал; но от всех был отличен,
Слышали мы, он и легкостью ног, и отважностью в битвах».
Царь Менелай златовласый ответствовал так Писистрату:
«Друг, основательно то, что сказал ты; один лишь разумный
Муж и годами старейший тебя говорить так способен.
Вижу из слов я твоих, что отца своего ты достойный
Сын; без труда познается порода мужей, для которых
Счастье и в браке и в племени их уготовал Кронион;
Так постоянно и Нестору он золотые свивает

Годы, чтоб весело в доме своем он старел, окруженный
Бодрой семьей сыновей, и разумных, и с копьями первых.
Мы же, печаль отложив и отерши пролитые слезы,
Снова начнем пировать; для умытия рук подадут нам
Светлой воды, а наутро опять разговор с Теламахом
Я заведу, и окончим мы завтра начатое ныне».
Так он сказал, и умыться им подал воды Асфалион,
Спальник проворный царя Менелая, великого славой.
Подняли руки они к предложенной им лакомой пище.
Умная мысль пробудилась тогда в благородной Елене:
В чаши она круговые подлить вознамерилась соку,
Гореусладного, миротворящего, сердцу забвенье
Бедствий дающего; тот, кто вина выпивал, с благотворным
Слитого соком, был весел весь день и не мог бы заплакать,
Если б и мать и отца неожиданной смертью утратил,
Если б нечаянно брата лишился иль милого сына,
Вдруг пред очами его пораженного бранною медью.
Диева светлая дочь обладала тем соком чудесным;
Щедро в Египте ее Полидамна, супруга Фоона,
Им наделила; земля там богатообильная много
Злаков рождает и добрых, целебных, и злых, ядовитых;
Каждый в народе там врач, превышающий знаньем глубоким
Прочих людей, поелику там все из Пеанова рода.
Соку в вино подмешав и вино разнести повелевши,
Стала царица Елена беседовать снова с гостями:
«Царь Менелай благородный, питомец Зевеса, и все вы,
Дети отцов знаменитых, различное людям различным,
Злое и доброе, Дий посылает, все Дию возможно.
Радуйтесь ныне, сидя за трапезой вечерней и сладким
Сердце свое веселя разговором; а я о бывалом
Вам расскажу — хоть всего рассказать и припомнить нельзя мне,—
Как Одиссей, непреклонный в бедах, подвизался, и что он,
Дерзко-решительный муж, наконец предпринял и исполнил
В крае троянском, где много вы бед претерпели, ахейцы.
Тело свое беспощадно иссекши бичом недостойным,
Рубищем бедным покрывши плеча, как невольник, вошел он
В полный сияющих улиц народа враждебного город;
Образ приняв чужой, он в разодранном платье казался
Нищим, каким никогда меж ахеян его не видали.
Так посреди он троян укрывался; без смысла, как дети,
Были они; я одна догадалася, кто он; вопросы
Стала ему предлагать я — он хитро от них уклонился;

Но когда, и омывши его, и натерши елеем,
Платье на плечи ему возложила я с клятвой великой:
Тайны его никому не открыть в Илионе враждебном
Прежде его возвращения в стан к кораблям крутобоким,
Все мне о замысле хитром ахеян тогда рассказал он.
Многих троян длиннoострою медью меча умертвивши,
Выведал в городе все он и в стан невредим возвратился.
Многие вдовы троянские громко рыдали, в моем же
Сердце веселие было: давно уж стремилось в родную
Землю оно, и давно я скорбела, виной Афродиты
Вольно ушедшая в Трою из милого края отчизны,
Где я покинула брачное ложе, и дочь, и супруга,
Столь одаренного светлым умом и лица красотою».
Царь Менелай отвечал благородной царице Елене:
«Истинно то, что, жена, рассказала ты нам о бывалом;
Случай имел я узнать помышленья, поступки и нравы
Многих людей благородных, и много земель посетил я,
Но никогда и нигде мне досель человек, Одиссею,
Твердому в бедствиях мужу, подобный, еще не встречался.
Вот что, могучий, он там наконец предпринял и исполнил,
В чреве глубоком коня (где ахейцы избранные были
Скрыты) погибельный ков и убийство врагам приготовив;
К нам ты тогда подошла — по внушению злому, конечно,
Демона, дать замышлявшего славу враждебным троянам,—
Вслед за тобою туда же пришел Деифоб благородный;
Трижды громаду ты с ним обошла и, отвсюду ощупав
Ребра ее, начала вызывать поименно аргивян,
Голосу наших возлюбленных жен подражая искусно.
Мне ж с Диомедом и с бодрым царем Одиссеем, сокрытым
В темной утробе громады, знакомые слышались звуки.
Вдруг пробудилось желанье во мне и в Тидеевом сыне
Выйти наружу иль громко тебе извнутри отозваться;
Но Одиссей опрометчивых нас удержал; остальные ж,
В чреве коня притаяся, глубоко молчали ахейцы.
Только один Антиклес на призыв твой подать порывался
Голос; но царь Одиссей, многосильной рукою зажавши
Рот безрассудному, тем от погибели всех нас избавил;
С ним он боролся, пока не ушла ты по воле Афины».
Тут Менелаю сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Царь благородный Атрид, богоизбранный пастырь народов,
Вдвое прискорбней, что он не избег от губящего рока;
Было ли в пользу ему, что имел он железное сердце?..
Время, однако, уж нам о постелях подумать, чтоб, сладко

В сон погрузившись, на них успокоить усталые члены».
Так он сказал, и Елена велела немедля рабыням
В сенях кровати поставить, постлать тюфяки на кровати,
Пышнопурпурные сверху ковры положить, на ковры же
Мягким покровом для тела косматые мантии бросить.
Факелы взявши, пошли из столовой рабыни; когда же
Все приготовлено было гостям, проводил их глашатай;
В сенях легли на постелях и скоро покойно заснули
Сын Одиссеев и спутник его Писистрат благородный.
Скоро во внутренней спальне заснул и Атрид златовласый,
Подле царицы Елены, покрытой одеждою длинной.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Ложе покинул и царь Менелай, вызыватель в сраженье;
Платье надев, изощренный свой меч на плечо он повесил;
После, подошвы красивые к светлым ногам привязавши,
Вышел из спальни, лицом лучезарному богу подобный.
Сев к Телемаху, его он поздравствовал; после спросил он:
«Что побудило тебя по хребту беспредельного моря
В царственный град Лакедемон прибыть, Телемах благородный?
Нужда какая? Своя иль народная? Правду скажи мне».
Сын Одиссеев возлюбленный так отвечал Менелаю:
«Царь многославный, Атрид, богоизбранный пастырь народов,
Здесь я затем, чтоб узнать от тебя о судьбе Одиссея.
Гибнет мое достоянье, мои разоряются земли,
Дом мой во власти грабителей жадных, безжалостно бьющих
Мелкий наш скот и быков криворогих и медленноходных;
Мать Пенелопу они сватовством неотступным терзают.
Я же колена твои обнимаю, чтоб ты благосклонно
Участь отца моего мне открыл, объявив, что своими
Видел глазами иль что от какого случайно услышал
Странника. Матерью был он рожден на беды и на горе.
Ты же, меня не щадя и из жалости слов не смягчая,
Все расскажи мне подробно, чему ты был сам очевидец.
Если же чем для тебя мой отец Одиссей благородный,
Словом ли, делом ли, мог быть полезен в те дни, как с тобою
В Трое он был, где столь много вы бед претерпели, ахейцы,
Вспомни об этом теперь и поистине все расскажи мне».
С гневом великим воскликнул Атрид Менелай златовласый:
«О, безрассудные! Мужа могучего брачное ложе,
Сами бессильные, мыслят они захватить произвольно!
Если бы в темном лесу у великого льва в логовище
Лань однодневных, сосущих птенцов положила, сама же

Стала б по горным лесам, по глубоким, травою обильным
Долам бродить и обратно бы лев прибежал в логовище —
Разом бы страшная участь птенцов беспомощных постигла;
Страшная участь постигнет и их от руки Одиссея.
Если б,— о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! —
В виде таком, как в Лесбосе, обильно людьми населенном,
Где, с силачом Филомпледом выступив в бой рукопашный,
Он опрокинул врага на великую радость ахейцам,—
Если бы в виде таком женихам Одиссей вдруг явился,
Сделался б брак им, судьбой неизбежной постигнутым, горек.
То же, о чем ты, меня вопрошая, услышать желаешь,
Я расскажу откровенно, и мною обманут не будешь;
Что самому возвестил мне морской проницательный старец,
То и тебе я открою, чтоб мог ты всю истину ведать.
Всё еще боги в отечество милое мне из Египта
Путь заграждали: обещанной я не свершил гекатомбы;
Боги же требуют строго, чтоб были мы верны обетам.
На море шумно-широком находится остров, лежащий
Против Египта; его именуют там жители Фарос;
Он от брегов на таком расстоянье, какое удобно
В день с благовеющим ветром попутным корабль пробегает.
Пристань находится верная там, из которой большие
В море выходят суда, запасенные темной водою.
Двадцать там дней я промедлил по воле богов, и ни разу
С берега мне не подул благосклонный отплытию ветер,
Спутник желанный пловцам по хребту многоводного моря.
Мы уж истратили все путевые запасы и люди
Бодрость теряли, как, сжалясь над нами, спасла нас богиня,
Хитрого старца морского цветущая дочь Эйдофея.
Сердцем она преклонилась ко мне, повстречавшись со мною,
Шедшим печально стезей одинокой, товарищей бросив:
Розно бродили они по зыбучему взморью и рыбу
Остросогбенными крючьями удили — голод терзал их.
С ласковым видом ко мне подошедши, сказала богиня:
«Что же ты, странник? Дитя ль неразумное? Сердцем ли робок?
Лень ли тобой овладела? Иль сам ты своим веселишься
Горем, что долго так медлишь на острове нашем, не зная,
Что предпринять, и сопутников всех повергая в унылость?»
Так говорила богиня, и так, отвечая, сказал я:
«Кто б ни была ты, богиня, всю правду тебе я открою:
Нехотя здесь я в бездействии медлю; быть может, нанес я
Чем оскорбленье богам, беспредельного неба владыкам.

Ты же скажи мне (все ведать должны вы, могучие боги),
Кто из бессмертных, меня оковав, запретил мне возвратный
Путь по хребту многоводного, рыбообильного моря?»
Так вопросил я, и так, отвечая, сказала богиня:
«Все объявлю откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
Здесь пребывает издавна морской проницательный старец,
Равный бессмертным Протей, египтянин, изведавший моря
Все глубины и царя Посейдона державе подвластный;
Он, говорят, мой отец, от которого я родилася.
Если б какое ты средство нашел овладеть им внезапно,
Все б он открыл: и дорогу, и долог ли путь, и успешно ль
Рыбообильного моря путем ты домой возвратишься?
Если ж захочешь, божественный, скажет тебе и о том он,
Что у тебя и худого и доброго дома случилось
С тех пор, как странствуешь ты по морям бесприютно-
пустынным».
Так говорила богиня, и так, отвечая, сказал я:
«Нас ты сама научи овладеть хитромысленным старцем
Так, чтоб не мог наперед он намеренье наше проникнуть:
Трудно весьма одолеть человеку могучего бога».
Так говорил я, и так, отвечая, сказала богиня:
«Все объявлю откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
Здесь ежедневно, лишь Гелиос неба пройдет половину,
В веянье ветра, с великим волнением темныя влаги,
Вод глубину покидает морской проницательный старец;
Вышед из волн, отдыхать он ложится в пещере глубокой;
Вкруг тюлени хвостоногие, дети младой Алосинды,
Стаей ложатся, и спят, и, покрытые тиной соленой,
Смрад отвратительный моря на всю разливают окрестность.
Только что явится Эос, я место найду, где удобно
Спрячешься ты посреди тюленей; но товарищам сильным
Трем повели за собою прийти с кораблей крутобоких.
Я же тебе расскажу о волшебствах коварного старца:
Прежде всего тюленей он считать и осматривать станет;
Их осмотрев и сочтя по пяти, напоследок и сам он
Ляжет меж ними, как пастырь меж стада, и в сон погрузится.
Вы же, увидя, что лег и что в сон погрузился он, силы
Все соберите и им овладейте; жестоко начнет он
Биться и рваться — из рук вы его не пускайте; тогда он
Разные виды начнет принимать и являться вам станет
Всем, что ползет по земле, и водою и пламенем жгучим;
Вы ж, не робея, тем крепче его, тем сильнее держите.
Но, как скоро тебе человеческий голос подаст он,

Снова приняв тот образ, в каком он заснул,— вы немедля
Бросьте его; и тогда, благородному старцу свободу
Давши, спроси ты, какой из богов раздражен и успешно ль
Рыбообильного моря путем ты домой возвратишься?»
Кончив, она погрузилась в морское глубокое лоно.
Я же пошел к кораблям, на песке неподвижно стоявшим,
Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный;
К морю пришед и к моим кораблям, на вечернюю пищу
Собрал людей я; божественно-темная ночь наступила;
Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.
Встала из мрака младая с перстами багряными Эос;
Вдоль по отлогому влажно-песчаному брегу, с молитвой
Прежде колена склонив пред богами, пошел я; со мною
Были три спутника сильных, на всякое дело отважных.
Тою порой, погрузившись в глубокое море, четыре
Кожи тюленьи из вод принесла нам богиня; недавно
Содраны были они. Чтоб отца обмануть, на песчаном
Береге ямы она приготовила нам и сидела,
Нас ожидая. Немедля все четверо к ней подошли мы.
В ямы уклавши и кожами сверху покрыв нас, богиня
Там повелела нам ждать, притаясь; нестерпимо нас мучил
Смрад тюленей, напитавшихся горечью влаги соленой,—
Сносно ль меж чудами моря живому лежать человеку?
Но Эйдофея беде помогла и страдание наше
Кончила, ноздри амброзией нам благовонной помазав:
Был во мгновение запах чудовищ морских уничтожен.
Целое утро с мучительной мы пролежали тоскою.
Стаею вышли из вод наконец тюлени и рядами
Друг подле друга вдоль шумного берега все улеглися.
В полдень же с моря поднялся и старец. Своих тюленей он
Жирных увидя, пошел к ним, и начал считать их, и первых
Счел меж своими подводными чудами нас, не проникнув
Тайного кова; и сам напоследок меж ними улегся.
Кинувшись с криком на сонного, сильной рукою все вместе
Мы обхватили его; но старик не забыл чародейства;
Вдруг он в свирепого с гривой огромною льва обратился;
После предстал нам драконом, пантерою, вепрем великим,
Быстротекучей водою и деревом густовершинным;
Мы, не робея, тем крепче его, тем упорней держали.
Он напоследок, увидя, что все чародейства напрасны,
Сделался тих и ко мне наконец обратился с вопросом:
«Кто из бессмертных тебе указал, Менелай благородный,
Средство обманом меня пересилить? Чего ты желаешь?»

Так он спросил у меня, и, ему отвечая, сказал я:
«Старец, тебе уж известно (зачем притворяться?), что медлю
Здесь я давно поневоле, не зная, на что мне решиться,
Сердцем тревожась и спутников всех повергая в унылость.
Лучше скажи мне (все ведать должны вы, могучие боги),
Кто из бессмертных, меня оковав, запретил мне возвратный
Путь по хребту многоводного, рыбообильного моря?»
Так у него я спросил, и, ответствуя, так мне сказал он:
«Должен бы Зевсу владыке и прочим богам гекатомбу
Ты, с кораблями пускаяся в путь, совершить, чтоб скорее,
Темное море измерив, в отчизну свою возвратиться.
Знай, что тебе суждено не видать ни возлюбленных ближних
В светлом жилище своем, ни желанного края отчизны
Прежде, пока ты к бегущему с неба потоку Египту
Вновь не придешь и обещанной там не свершишь гекатомбы
Зевсу и прочим богам, беспредельного неба владыкам.
Иначе боги увидеть отчизну тебе не дозволят».
Так он сказал, и во мне растерзалося милое сердце:
Было мне страшно, предавшись тревогам туманного моря,
Вновь продолжительно-трудным путем возвращаться в Египет.
Так напоследок, ответствуя, хитрому старцу сказал я:
«Что повелел ты, божественный старец, то все я исполню;
Ты же теперь объяви, ничего от меня не скрывая:
Все ль в кораблях невредимы ахейцы, с которыми в Трое
Мы разлучились, Нестор и я, возвратились в отчизну?
Кто злополучный из них на дороге погиб с кораблями?
Кто на руках у друзей, перенесши тревоги, скончался?»
Так я спросил у него, и, ответствуя, так мне сказал он:
«Царь Менелай! Не к добру ты меня вопрошаешь, и лучше б
Было тебе и не знать и меня не расспрашивать: горько
Плакать ты будешь, когда обо всем расскажу я подробно.
Многих уж нет; но и живы остались многие; двум лишь
Только вождям меднолатных аргивян домой возвратиться
Смерть запретила (кто пал на сраженье, то ведаешь сам ты);
Третий живой средь пустынного моря в неволе крушится.
С длинновесельными в бурю морскую погиб кораблями
Сын Оилеев Аякс; Посейдон их к великой Гирейской
Бросил скале; самого же Аякса из вод он исторгнул;
Спасся б от гибели он вопреки раздраженной Афине,
Если б в безумстве изречь не дерзнул святотатного слова:
Он похвалился, что против богов избежит потопленья.
Дерзкое слово царем Посейдоном услышано было;
Сильной рукой он во гневе схватил свой ужасный трезубец,

Им по Гирейской ударил скале, и скала раздвоилась;
Часть устояла; кусками рассыпавшись, в море другая
Рухнула вместе с висевшим на ней святотатным Аяксом;
С нею и он погрузился в широкошумящее море;
Так он погиб, злополучный, упившись соленою влагой.
Брат твой сначала судьбы избежал: невредимо ко брегу
Он с кораблями достиг, сохраненный владычицей Герой.
Но тогда, как в виду неприступных утесов Малеи
Был он, внезапно воздвигнулась буря, и рыбообильным
Морем его, вопиющего жалобно, к крайним пределам
Области бросило той, где Фиест обитал и где после
Царское было жилище Фиестова сына, Эгиста.
Скоро, однако, опять успокоилось море, и боги
Ветер попутный им дали: в отечество их проводил он.
Радостно вождь Агамемнон ступил на родительский берег.
Стал целовать он отечество милое; снова увидя
Землю желанную, пролил обильно он теплые слезы.
Но издалека с подзорной стоянки увидел Атрида
Сторож, Эгистом поставленный (злое замысля, ему он
Дать обещал два таланта); и там наблюдал он уж целый
Год, чтоб Атрид не застал их врасплох, возвратяся внезапно.
С вестью о нем роковой побежал он в жилище Эгиста.
Ков смертоносный тогда хитроумный Эгист приготовил:
Двадцать отважных мужей из народа немедля он выбрав,
Скрыл их близ дома, где был приготовлен обед изобильный;
Взяв колесницы с конями, к царю он Атриду навстречу
С ласковым зовом пошел, замышляя недоброе в сердце;
Введши его, подозрению чуждого, в дом, на веселом
Пире его он убил, как быка убивают при яслях;
Люди, с Атридом пришедшие, все до единого пали,
Но и Эгистовы с ними сообщники также погибли».
Так он сказал, и во мне растерзалося милое сердце:
Горько заплакав, упал я на землю; мне стала противна
Жизнь, и на солнечный свет поглядеть не хотел я, и долго
Плакал, и долго лежал на земле, безутешно рыдая.
Но напоследок сказал мне морской проницательный старец:
«Царь Менелай, сокрушать столь жестоко себя ты не должен;
Слезы твои ничему не помогут: а лучше подумай,
Как бы тебе самому возвратиться скорее в отчизну.
Или застанешь его ты живого, иль будет Орестом
Он уж убит; ты тогда подоспеешь к его погребенью».
Так он сказал, ободрился мой дух, и могучее снова
Сердце мое, несмотря на великую скорбь, оживилось.

Голос возвысив, я бросил Протею крылатое слово:
«Знаю теперь о двоих; объяви же, кто третий, который,
Морем объятый, живой, говоришь ты, в неволе крушится?
Или уж нет и его? Сколь ни горько, но слушать готов я».
Так я Протея спросил, и, ответствуя, так мне сказал он:
«Это Лаэртов божественный сын, обладатель Итаки.
Видел его я на острове, льющего слезы обильно
В светлом жилище Калипсо, богини богинь, произвольно
Им овладевшей; и путь для него уничтожен возвратный:
Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
Он безопасно пройти по хребту многоводного моря.
Но для тебя, Менелай, приготовили боги иное:
Ты не умрешь и не встретишь судьбы в многоконном Аргосе;
Ты за пределы земли, на поля Елисейские будешь
Послан богами — туда, где живет Радамант златовласый
(Где пробегают светло беспечальные дни человека,
Где ни метелей, ни ливней, ни хладов зимы не бывает;
Где сладкошумно летающий веет Зефир, Океаном
С легкой прохладой туда посылаемый людям блаженным),
Ибо супруг ты Елены и зять громовержца Зевеса».
Так он сказав, погрузился в морское глубокое лоно.
Я же с друзьями отважными вновь к кораблям возвратился,
Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный;
К морю пришед и к моим кораблям, на вечернюю пищу
Собрал людей я; божественно-темная ночь наступила;
Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Сдвинули с берега мы корабли на священное море;
Мачты подняв и развив паруса, на судах собрались
Все мореходные люди и, севши у весел на лавках,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.
Снова направил к бегущему с неба потоку Египту
Я корабли и успешно на бреге его совершил гекатомбу;
После ж, когда примирил я богов, совершив гекатомбу,
Холм гробовой Агамемнону брату на вечную память
Там я насыпал; и поплыли мы, и послали попутный
Ветер нам боги; в отечество милое нас проводил он.
Ты ж, Телемах, у меня погостишь и отсель не поедешь
Прежде, пока не свершится одиннадцать дней иль двенадцать;
После тебя отпущу с дорогими подарками; дам я
Трех быстроногих коней с колесницей блестящей и с ними
Редкой работы кувшин, из которого будешь вседневно
Ты, поминая меня, пред богами творить возлиянье».

«Царь Менелай,— отвечал рассудительный сын Одиссеев,—
Долго меня не держи, тороплюся домой я безмерно;
Здесь у тебя я с великою радостью мог бы и целый
Год провести, не подумав в отчизну к родным возвратиться,
Так несказанно твои разговоры и речи пленяют
Душу мою; но сопутники в Пилосе ждут с нетерпеньем
Ныне меня: ты ж, напротив, желаешь, чтоб здесь я промедлил.
Дай мне в подарок такое, что мог бы удобно хранить я
Дома; коней же в Итаку мне взять невозможно: оставь их
Здесь утешеньем себе самому; ты владеешь землею
Тучных равнин, где родится обильно и лотос и галгант
С яркой пшеницей, и полбой, и густо цветущим ячменем.
Мы ж ни широких полей, ни лугов не имеем в Итаке;
Горные пажити наши для коз, не для коней привольны;
Редко лугами богат и коням легконогим приютен
Остров, объятый волнами; Итака же менее прочих».
Он замолчал. Улыбнулся Атрид, вызыватель в сраженье;
Ласково щеки ему потрепавши рукою, сказал он:
«Вижу из слов я твоих, что твоя благородна порода,
Сын мой; но вместо коней я могу подарить и другое,
Это легко мне; из многих сокровищ, которыми дом мой
Полон, я самое редкое, лучшее выберу ныне;
Дам пировую кратеру богатую; эта кратера
Вся из сребра, но края золотые, искусной работы
Бога Гефеста; ее подарил мне Федим благородный,
Царь сидонян, в то время, когда, возвращаясь в отчизну,
В доме его я гостил, и ее от меня ты получишь».
Так говорили о многом они, беседуя сладко.
В доме царя собралися тем временем званые гости,
Коз и овец приведя и вина дорогого принесши
(Хлеб же прислали их жены, ходящие в светлых повязках).
Так все готовилось к пиру в высоких палатах Атрида.
Тою порой женихи в Одиссеевом доме бросаньем
Дисков и дротиков острых себя забавляли, собравшись
Все на мощеном дворе, где бывали их буйные игры.
Но Антиной с Евримахом прекрасным сидели особо,
Прочих вожди, перед всеми отличные мужеской силой.
Фронтев сын Ноемон, подошед к ним, сидевшим особо,
Слово такое сказал, обратясь к Антиною с вопросом:
«Может ли кто мне из вас, Антиной, объявить, или не может,
Скоро ль назад Телемах из песчаного Пилоса будет?
Взят у меня им корабль — самому мне он надобен ныне:
Плыть мне в Элиду широкополянную нужно; двенадцать

Там у меня кобылиц и табун лошаков работящих;
Дикие все; я хотел бы поймать одного, чтоб объездить».
Так он сказал; женихи изумились; войти не могло им
В мысли, чтоб был он в Нелеевом Пилосе; мнили, напротив,
Все, что ушел он иль в поле к стадам, иль к своим свинопасам.
Строго тогда Антиной, сын Евпейтов, спросил Ноемона:
«Все объяви нам по правде: когда он уехал? Какие
Были с ним люди? Свободные ль, взятые им из народа?
Или наемники? Или рабы? Как успел он то сделать?
Также скажи откровенно, чтоб истину ведать могли мы:
Силою ль взял у тебя он корабль быстроходный иль сам ты
Отдал его произвольно, как скоро о том попросил он?»
Фрониев сын Ноемон, отвечая, сказал Антиною:
«Отдал я сам произвольно, и всякий другой поступил бы
Так же, когда бы к нему обратился такой огорченный
С просьбою муж — ни один бы ему отказать не помыслил.
Люди ж, им взятые, все молодые, из самых отличных
Выбраны граждан; и их предводителем был, я заметил,
Ментор иль кто из бессмертных, облекшийся в Менторов образ:
Ибо я был изумлен несказанно — божественный Ментор
Встретился здесь мне вчера, хоть и сел на корабль он
с другими».
Так он сказавши, пошел, чтоб к родителю в дом возвратиться.
Но Антиной с Евримахом исполнены были тревоги;
Бросив игру, женихи собрались и сели кругом их.
К ним обратяся, сказал Антиной, сын Евпейтов, кипящий
Гневом,— и грудь у него подымалась, теснимая черной
Злобой, и очи его, как огонь пламенеющий, рдели:
«Горе нам! Дело великое сделал, так смело пустившись
В путь, Телемах; от него мы подобной отваги не ждали:
Нам вопреки, он, ребенок, отсюда ушел самовольно,
Прочный добывши корабль и отличнейших взяв из народа.
Будет вперед нам и зло и беда от него. Но погибни
Сам от Зевеса он прежде, чем бедствие наше созреет!
Вы ж мне корабль с двадцатью снарядите гребцами, чтоб мог я,
В море за ним устремившись, его на возвратной дороге
Между Итакой и Замом крутым подстеречь, чтоб в погибель
Плаванье вслед за отцом для него самого обратилось».
Так он сказал, изъявили свое одобренье другие.
Вставши, все вместе они возвратилися в дом Одиссеев.
Но Пенелопа недолго в незнанье осталась о хитром
Буйных ее женихов заговоре на жизнь Телемаха;
Все ей Медонт, благородный глашатай, открыл: недалеко

Был он, когда совещались они, и подслушал их речи.
С вестью немедленно он по дворцу побежал к Пенелопе.
Встретив его на пороге своем, Пенелопа спросила:
«С чем ты, Медонт, женихами сюда благородными прислан?
С тем ли, чтоб мне объявить, что рабыням царя Одиссея
Должно, оставив работы, обед им скорей приготовить?
О, когда бы они от меня отступились! Когда бы
Это их пиршество было последним в обители нашей!
Вы, разорители нашего дома, губящие жадно
Все достояние в нем Телемахово, или ни разу
В детских вам летах от ваших разумных отцов не случалось
Слышать, каков Одиссей был в своем обхождении с ними,
Как никому не нанес он ни словом, ни делом обиды
В целом народе; хотя многосильным царям и обычно
Тех из людей земнородных любить, а других ненавидеть,
Но от него не видал оскорбленья никто из живущих.
Здесь же лишь ваше бесстыдство, лишь буйные ваши поступки
Видны; а быть за добро благодарными вам неуместно».
Умные мысли имея, Медонт отвечал Пенелопе:
«О царица, когда бы лишь в этом все зло заключалось!
Но женихи величайшей, ужаснейшей нам угрожают
Ныне бедой — да успеха не даст им Зевес громовержец!
Острым мечом замышляют они умертвить Телемаха,
Выждав его на возвратном пути: о родителе сведать
Поплыл он в Пилос божественный, в царственный град
Лакедемон».
Так он сказал: задрожали колена и сердце у бедной
Матери; долго была бессловесна она, и слезами
Очи ее затмевались, и ей не покорствовал голос.
С духом собравшись, она наконец, отвечая, сказала:
«Что удалиться, Медонт, побудило дитя мое? Нужно ль
Было вверяться ему кораблям, водяными конями
Быстро носящим людей мореходных по влаге пространной?
Иль захотел он, чтоб в людях и имя его истребилось?»
Выслушав слово ее, благородный Медонт отвечал ей:
«Мне неизвестно, внушенью ль он бога последовал, сам ли
В сердце отплытие в Пилос замыслил, чтоб сведать, в какую
Землю родитель судьбиною брошен и что претерпел он».
Кончив, разумный Медонт удалился из царского дома.
Сердцегубящее горе объяло царицу; остаться
Доле на стуле она не могла; хоть и много их было
В светлых покоях ее, но она на пороге сидела,
Жалобно плача. С рыданьем к ней собралися рабыни,

Сколько их ни было в царском жилище и юных и старых.
Сильно скорбя посреди их, сказала им так Пенелопа:
«Слушайте, милые; дал мне печали Зевес Олимпиец
Более всех, на земле современно со мною рожденных;
Прежде погиб мой супруг, одаренный могуществом львиным,
Всякой высокою доблестью в сонме данаев отличный,
Столь преисполнивший славой своей и Элладу и Аргос.
Ныне ж и милый мой сын не со мною; бесславно умчали
Бури отсюда его, и о том я не сведала прежде;
О вы, безумные, как ни одной, ни одной не пришло вам
Вовремя в мысли меня разбудить? А, конечно, уж знали
Все вы, что он собрался в корабле удалиться отсюда.
О, для чего не сказал мне никто, что отплыть он замыслил!
Или тогда б, отложивши отъезд, он остался со мною,
Или сама б я осталася мертвою в этом жилище.
Но позовите скорее ко мне старика Долиона;
Верный слуга он; в приданое дан мне отцом и усердно
Смотрит за садом моим плодоносным. К Лаэрту немедля
Должен пойти он и, сев близ него, о случившемся ныне
Старцу сказать; и Лаэрт, все разумно обдумав, быть может,
С плачем предстанет народу, который губить допускает
Внука его, Одиссеева богоподобного сына».
Тут Евриклея, усердная няня, сказала царице:
«Свет наш царица, казнить ли меня беспощадною медью
Ты повелишь иль помилуешь, я ничего не сокрою.
Было известно мне все; по его повеленью дала я
Хлеб и вино на дорогу; с меня же великую клятву
Взял он: молчать до двенадцати дней, иль пока ты не спросишь,
Где он, сама, иль другой кто отъезда его не откроет.
Свежесть лица твоего, он боялся, от плача поблекнет.
Ты же, царица, омывшись и чистой облекшись одеждой,
Вместе с рабынями в верхний покой свой пойди и молитву
Там сотвори перед дочерью Зевса эгидодержавца;
Ею, конечно, он будет спасен от грозящия смерти.
Но не печаль старика, уж печального; вечные боги,
Думаю я, не совсем отвратились еще от потомков
Аркесиада; и род их всегда обладателем будет
Царского дома, и нив, и полей плодоносных в Итаке».
Так Евриклея сказала; утихла печаль, осушились
Слезы царицы. Омывшись и чистой облекшись одеждой,
Вместе с рабынями в верхний покой свой пошла Пенелопа.
Чашу наполнив ячменем, она возгласила к Афине:
«Дочь непорочная Зевса эгидодержавца, Афина,

Если когда Одиссей благородный в сем доме обильно
Тучные бедра быков и овец сожигал пред тобою,
Вспомни об этом теперь и спаси Одиссеева сына,
Козни моих женихов злонамеренных ныне разрушив».
Так помолилась она, и не втуне осталась молитва.
Тою порой женихи в потемневшей палате шумели.
Так говорили иные из них, безрассудно надменных:
«Верно, теперь многославная наша царица готовит
Свадьбу, не мысля о том, что от нас приготовлено сыну».
Так говорили они, не предвидя того, что и всем им
Было готово. Созвав их, сказал Антиной, негодуя:
«Буйные люди, советую вам от таких неразумных
Слов воздержаться, чтоб кто-нибудь здесь разгласить их не вздумал.
Лучше, отсель удаляся в молчанье, исполним на деле
То, что теперь на совете согласном своем положили».
Выбрав отважнейших двадцать мужей из народа, поспешно
С ними пошел к кораблям он, стоявшим на бреге песчаном.
Сдвинув с песчаного брега корабль на глубокое море,
Мачту они утвердили на нем, все уладили снасти,
В крепкоременные петли просунули длинные весла,
Должным порядком потом паруса натянули. Когда же
Смелые слуги с оружием их собрались, все вместе,
Сев на корабль и его отведя на открытое взморье,
Ужинать стали они в ожиданье пришествия ночи.
Той порою в высоком покое своем Пенелопа
Грустно лежала одна, ни еды, ни питья не вкушавши,
Мыслью о том лишь тревожась, спасется ли сын беспорочный
Или погибнет, сраженный рукою убийц вероломных?
Словно как лев, окружаемый мало-помалу стрелками,
С трепетом видит, что скоро их цепью он будет обхвачен,
Так от своих размышлений она трепетала. Но мирный
Сон прилетел и ее улелеял, и все в ней утихло.
Добрая мысль пробудилась тогда в благосклонной Палладе:
Призрак она сотворила, имевший наружность прекрасной
Дочери старца Икария, светлой Ифтимы, с которой
Царь фессалийския Феры, могучий Евмел, сочетался.
В дом Одиссеев послала тот призрак Афина, дабы он
Там, подошед к погруженной в печаль Пенелопе, ей слезы
Легкой рукою отер и ее утолил сокрушенье.
В спальню проникнул, ремня у задвижки не тронув, бесплотный
Призрак, подкрался и, став над ее головою, промолвил:
«Спишь ли, сестра Пенелопа? Тоскует ли милое сердце?

Боги, живущие легкою жизнью, тебе запрещают
Плакать и сетовать: твой Телемах невредим возвратится
Скоро к тебе; он богов никакой не прогневал виною».
Мнимой сестре Пенелопа разумная так отвечала,
Полная сладкой дремоты в безмолвных вратах сновидений:
«Друг мой, сестра, как пришла ты сюда? Ты доныне так редко
Нас посещала, в далеком отсюда краю обитая.
Как же ты хочешь, чтоб я перестала скорбеть и крушиться,
Горе, объявшее дух мой и сердце мое, позабывши?
Прежде погиб мой супруг, одаренный могуществом львиным,
Всякой высокою доблестью в сонме данаев отличный,
Столь преисполнивший славой своей и Элладу и Аргос;
Ныне ж и милый мой сын не со мной: он отважился в море,
Отрок, нужды не видавший, с людьми говорить не обыкший.
Боле о нем я крушуся теперь, чем о бедном супруге;
Сердце дрожит за него, чтоб беды с ним какой не случилось
На море злом иль в чужой стороне у чужого народа.
Здесь же враждебные люди его стерегут, приготовив
В мыслях погибель ему на возвратной дороге в отчизну».
Темный призрак, ответствуя, так прошептал Пенелопе:
«Будь же спокойна и сердца не мучь, безрассудно тревожась.
Спутница есть у него, и такая, которой бы всякий
Смертный с надеждою вверил себя — для нее все возможно,—
Дочь громовержца Афина сама. О тебе сожалея,
Доброю вестью твой дух ободрить мне велела богиня».
Мнимой сестре Пенелопа разумная так отвечала:
«Если ты вправду богиня и слышала голос богини,
То, умоляю, открой и его мне печальную участь.
Где он, злосчастный? Еще ли он видит сиянье солнца?
Или его уж не стало и в область Аида сошел он?»
Темный призрак, ответствуя, так прошептал Пенелопе:
«Я ничего не могу объявить о судьбе Одиссея;
Жив ли, погиб ли, сказать мне нельзя: пусторечие вредно».
Призрак тогда, сквозь замочную скважину двери провеяв
Воздухом легким, пропал. Пробудяся от сна, Пенелопа
Ложе покинула; сердцем она ожила, поелику
Явно в глубокую полночь предстал ей пророческий образ.
Тою порой женихи в корабле водяною дорогой
Шли, неизбежную мысленно смерть Телемаху готовя.
Есть на равнине соленого моря утесистый остров
Между Итакой и Замом гористым; его именуют
Астером; он невелик; корабли там приютная пристань
С двух берегов принимает. Там стали на страже ахейцы.

Эос, покинувши рано Тифона прекрасного ложе,
На небо вышла спять для блаженных богов и для смертных.
Боги тогда собрались на великий совет; председал им
В тучах гремящий Зевес, всемогущею властию первый.
Стала Афина рассказывать им о бедах Одиссея,
В сердце тревожася долгой неволей его у Калипсо:
«Зевс, наш отец и владыка, блаженные, вечные боги,
Кротким, благим и приветливым быть уж теперь ни единый
Царь скиптроносный не должен, но, правду из сердца изгнавши,
Каждый пускай притесняет людей, беззаконствуя смело,—
Если могли вы забыть Одиссея, который был добрым,
Мудрым царем и народ свой любил, как отец благодушный;
Брошенный бурей на остров, он горе великое терпит
В светлом жилище могучей богини Калипсо, насильно
Им овладевшей; и путь для него уничтожен возвратный:
Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
Он безопасно пройти по хребту многоводного моря.
Ныне ж враги и младого хотят умертвить Телемаха,
В море внезапно напав на него: о родителе сведать
Поплыл он в Пилос божественный, в царственный град Лакедемон».
Ей возражая, ответствовал туч собиратель Кронион:
«Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.
Ты не сама ли рассудком решила своим, что погубит
Некогда всех их, домой возвратясь, Одиссей? Телемаха ж
Ты проводи осторожно сама — то, конечно, ты можешь;
Пусть невредимо он в милую землю отцов возвратится;
Пусть и они, не свершив злодеянья, прибудут в Итаку».
Так отвечав, обратился он к Эрмию, милому сыну:
«Эрмий, наш вестник заботливый, нимфе прекраснокудрявой
Ныне лети объявить от богов, что отчизну увидеть
Срок наступил Одиссею, в бедах постоянному; путь свой
Он совершит без участия свыше, без помощи смертных;
Морем, на крепком плоту, повстречавши опасного много,
В день двадцатый достигнет он берега Схерии тучной,
Где обитают родные богам феакийцы; и будет
Ими ему, как бессмертному богу, оказана почесть:
В милую землю отцов с кораблем их отплыв, он в подарок
Меди, и злата, и разных одежд драгоценных получит
Много, столь много, что даже из Трои подобной добычи

Он не привез бы, когда б беспрепятственно мог возвратиться.
Так, напоследок, по воле судьбы, он возлюбленных ближних,
Землю отцов и богато украшенный дом свой увидит».
Кончил. И медлить не стал благовестник, аргусоубийца.
К светлым ногам привязавши свои золотые подошвы,
Амброзиальные, всюду его над водой и над твердым
Лоном земли беспредельныя легким носящие ветром,
Взял он и жезл свой, по воле его наводящий на бодрых
Сон, отверзающий сном затворенные очи у спящих.
В путь устремился с жезлом многосильный убийца Аргуса.
Скоро, достигнув Пиерии, к морю с эфира слетел он;
Быстро помчался потом по волнам рыболовом крылатым,
Жадно хватающим рыб из отверстого бурею недра
Бездны бесплодно-соленой, купая в ней сильные крылья.
Легкою птицей морской пролетев над пучиною, Эрмий
Острова, морем вдали сокровенного, скоро достигнул.
С зыби широко-туманной на твердую землю поднявшись,
Берегом к темному гроту пошел он, где светлокудрявой
Нимфы обитель была, и ее самое там увидел.
Пламень трескучий сверкал на ее очаге, и весь остров
Был накурен благовонием кедра и дерева жизни,
Ярко пылавших. И голосом звонко-приятным богиня
Пела, сидя с челноком золотым за узорною тканью.
Густо разросшись, отвсюду пещеру ее окружали
Тополи, ольхи и сладкий лиющие дух кипарисы;
В лиственных сенях гнездилися там длиннокрылые птицы,
Копчики, совы, морские вороны крикливые, шумной
Стаей по взморью ходящие, пищи себе добывая;
Сетью зеленою стены глубокого грота окинув,
Рос виноград, и на ветвях тяжелые грозды висели;
Светлой струею четыре источника рядом бежали
Близко один от другого, туда и сюда извиваясь;
Вкруг зеленели густые луга, и фиалок и злаков
Полные сочных. Когда бы в то место зашел и бессмертный
Бог — изумился б и радость в его бы проникнула сердце.
Был изумлен и богов благовестник, сразитель Аргуса;
Но, посмотревши на все с изумленьем и радостью сердца,
В грот он глубокий вступил напоследок; и с первого взгляда
Нимфа, богиня богинь, догадавшися, гостя узнала
(Быть незнакомы друг другу не могут бессмертные боги,
Даже когда б и великое их разлучало пространство).
Но Одиссея, могучего мужа, там Эрмий не встретил;

Он одиноко сидел на утесистом бреге и плакал;
Горем и вздохами душу питая, там дни проводил он,
Взор, помраченный слезами, вперив на пустынное море.
Эрмия сесть приглася на богато украшенных креслах,
Нимфа, богиня богинь, у него с любопытством спросила:
«Эрмий, носитель жезла золотого, почтенный и милый
Гость мой, зачем прилетел? У меня никогда не бывал ты
Прежде; скажи же, чего ты желаешь? Охотно исполню,
Если исполнить возможно и если властна я исполнить.
Прежде, однако, ты должен принять от меня угощенье».
С сими словами богиня, поставивши стол перед гостем,
С сладкой амброзией нектар ему подала пурпуровый.
Пищи охотно вкусил благовестник, убийца Аргуса.
Душу довольно свою насладивши божественной пищей,
Словом таким он ответствовал нимфе прекраснокудрявой:
«Знать от меня ты — от бога богиня — желаешь, зачем я
Здесь? Объявлю все поистине, волю твою исполняя.
Послан Зевесом, не сам произвольно сюда прилетел я,—
Кто произвольно захочет измерить бесплодного моря
Степь несказанную, где не увидишь жилищ человека,
Жертвами чтущего нас, приносящего нам гекатомбы?
Но повелений Зевеса эгидодержавца не смеет
Между богов ни один от себя отклонить, ни нарушить.
Ведомо Дию, что скрыт у тебя злополучнейший самый
Муж из мужей, перед градом Приама сражавшихся девять
Лет, на десятый же, град ниспровергнув, отплывших
в отчизну;
Но при отплытии дерзко они раздражили Афину:
Бури послала на них и великие волны богиня.
Он же, сопутников верных своих потеряв, напоследок,
Схваченный бурей, сюда был волнами великими брошен.
Требуют боги, чтоб был он немедля тобою отослан;
Ибо ему не судьба умереть далеко от отчизны;
Воля, напротив, судьбы, чтоб возлюбленных ближних, родную
Землю и светло-устроенный дом свой опять он увидел».
Так он сказал ей. Калипсо, богиня богинь, содрогнувшись,
Голос возвысила свой и крылатое бросила слово:
«Боги ревнивые, сколь вы безжалостно к нам непреклонны!
Вас раздражает, когда мы, богини, приемлем на ложе
Смертного мужа и нам он становится милым супругом.
Так Орион светоносною Эос был некогда избран;
Гнали его вы, живущие легкою жизнию боги,
Гнали до тех пор, пока златотронныя он Артемиды

Тихой стрелою в Ортигии не был внезапно застрелен.
Так Ясион был прекраснокудрявой Деметрою избран;
Сердцем его возлюбя, разделила с ним ложе богиня
На поле, три раза вспаханном; скоро о том извещен был
Зевс, и его умертвил он, низринувши пламенный гром свой.
Ныне и я вас прогневала, боги, дав смертному мужу
Помощь, когда, обхватив корабельную доску, в волнах он
Гибнул — корабль же его быстроходный был пламенным громом
Зевса разбит посреди беспредельно-пустынного моря:
Так он, сопутников верных своих потеряв, напоследок,
Схваченный бурей, сюда был волнами великими брошен.
Здесь приютивши его и заботясь о нем, я хотела
Милому дать и бессмертье, и вечно-цветущую младость.
Но повелений Зевеса эгидодержавца не смеет
Между богов ни один отклонить от себя, ни нарушить;
Пусть он — когда уж того так упорно желает Кронион —
Морю неверному снова предастся; помочь я не в силах;
Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
Он безопасно пройти по хребту многоводного моря.
Дать лишь совет осторожный властна я, дабы он отсюда
Мог беспрепятственно в милую землю отцов возвратиться».
Ей отвечая, сказал благовестник, убийца Аргуса:
«Волю Зевеса уважив, немедля его отошли ты
Или, богов раздражив, на себя навлечешь наказанье».
Так отвечав, удалился бессмертных крылатый посланник.
Светлая нимфа пошла к Одиссею, могучему мужу,
Волю Зевеса принявши из уст благовестного бога.
Он одиноко сидел на утесистом береге, и очи
Были в слезах; утекала медлительно капля за каплей
Жизнь для него в непрестанной тоске по отчизне; и, хладный
Сердцем к богине, с ней ночи свои он делил принужденно
В гроте глубоком, желанью ее непокорный желаньем.
Дни же свои проводил он, сидя на прибрежном утесе,
Горем, и плачем, и вздохами душу питая и очи,
Полные слез, обратив на пустыню бесплодного моря.
Близко к нему подошедши, сказала могучая нимфа:
«Слезы отри, злополучный, и боле не трать в сокрушенье
Сладостной жизни: тебя отпустить благосклонно хочу я.
Бревен больших нарубив топором медноострым и в крепкий
Плот их связав, по краям утверди ты перила на толстых
Брусьях, чтоб по морю темному плыть безопаснее было.
Хлебом, водой и вином пурпуровым снабжу изобильно

Я на дорогу тебя, чтоб и голод и жажду легко ты
Мог утолять; и одежды я дам; и пошлю за тобою
Ветер попутный, чтоб милой отчизны своей ты достигнул,
Если угодно богам, беспредельного неба владыкам,—
Мне же ни разумом с ними, ни властью равняться не можно».
Так говорила она. Одиссей, постоянный в бедах, содрогнулся;
Голос возвысив, он бросил богине крылатое слово:
«В мыслях твоих не отъезд мой, а нечто иное, богиня;
Как же могу переплыть на плоту я широкую бездну
Страшного, бурного моря, когда и корабль быстроходный
Редко по ней пробегает с Зевесовым ветром попутным?
Нет, против воли твоей не взойду я на плот ненадежный
Прежде, покуда сама ты, богиня, не дашь мне великой
Клятвы, что мне никакого вреда не замыслила ныне».
Так говорил он. Калипсо, богиня богинь, улыбнулась;
Щеки ему потрепавши рукою, она отвечала:
«Правду сказать, ты хитрец, и чрезмерно твой ум осторожен;
Странное слово, однако, ответствуя мне, произнес ты.
Но я клянусь и землей плодоносной, и небом великим,
Стикса подземной водою клянусь, ненарушимой, страшной
Клятвой, которой и боги не могут изречь без боязни,
В том, что тебе никакого вреда не замыслила ныне,
Нет, я советую то, что сама для себя избрала бы,
Если б в таком же была, как и ты, затрудненье великом;
Правда святая и мне дорога; не железное, верь мне,
Бьется в груди у меня, а горячее, нежное сердце».
Кончив, богиня богинь впереди Одиссея поспешным
Шагом пошла, и поспешно пошел Одиссей за богиней.
С нею (с бессмертною смертный), достигнув глубокого грота,
Сел Одиссей на богатых, оставленных Эрмием, креслах.
Нимфа Калипсо, ему для еды и питья предложивши
Пищи различной, какою всегда насыщаются люди,
Место напротив его заняла за трапезой; рабыни
Ей благовонной амброзии подали с нектаром сладким.
Подняли руки они к приготовленной лакомой пище;
После ж, когда утолен был их голод питьем и едою,
Нимфа Калипсо, богиня богинь, Одиссею сказала:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
В милую землю отцов, наконец предприняв возвратиться,
Хочешь немедля меня ты покинуть — прости! Но когда бы
Сердцем предчувствовать мог ты, какие судьба назначает
Злые тревоги тебе испытать до прибытия в дом свой,
Ты бы остался со мною в моем безмятежном жилище.

Был бы тогда ты бессмертен. Но сердцем ты жаждешь свиданья
С верной супругой, о ней ежечасно крушась и печалясь.
Думаю только, что я ни лица красотою, ни стройным
Станом не хуже ее; да и могут ли смертные жены
С нами, богинями, спорить своею земной красотою?»
Ей возражая, ответствовал так Одиссей многоумный:
«Выслушай, светлая нимфа, без гнева меня; я довольно
Знаю и сам, что не можно с тобой Пенелопе разумной,
Смертной жене с вечно юной бессмертной богиней,
ни стройным
Станом своим, ни лица своего красотою равняться;
Всё я, однако, всечасно крушась и печалясь, желаю
Дом свой увидеть и сладостный день возвращения встретить,
Если же кто из богов мне пошлет потопление в темной
Бездне, я выдержу то отверделою в бедствиях грудью:
Много встречал я напастей, немало трудов перепес я
В море и битвах, пусть будет и ныне со мной, что угодно
Дию». Он кончил. Тем временем солнце зашло, и ночная
Тьма наступила. Во внутренность грота они удалившись,
Там насладились любовью, всю ночь проведя неразлучно.
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Встал Одиссей и поспешно облекся в хитон и хламиду.
Светло-серебряной ризой из тонковоздушныя ткани
Плечи одела богиня свои, золотым драгоценным
Поясом стан обвила и покров с головы опустила.
Кончив, она собирать начала Одиссея в дорогу;
Выбрала прежде топор, по руке ему сделанный, крепкий,
Медный, с обеих сторон пзощренный, насаженный плотно,
С ловкой, красиво из твердой оливы сработанной ручкой;
Острую скобель потом принесла и пошла с Одиссеем
Вместе во внутренность острова: множество там находилось
Тополей черных, и ольх, и высоких, дооблачных сосен,
Старых, иссохших на солнечном зное, для плаванья легких.
Место ему показав, где была та великая роща,
В грот свой глубокий Калипсо, богиня богинь, возвратилась.
Начал рубить он деревья и скоро окончил работу;
Двадцать он бревен срубил, их очистил, их острою медью
Выскоблил гладко, потом уровнял, по снуру обтесавши.
Тою порою Калипсо к нему с буравом возвратилась.
Начал буравить он брусья и, все пробуравив, сплотил их,
Длинными болтами сшив и большими просунув шипами;
Дно ж на плоту он такое широкое сделал, какое
Муж, в корабельном художестве опытный, строит на прочном

Судне, носящем товары купцов по морям беспредельным.
Плотными брусьями крепкие ребра связав, напоследок
В гладкую палубу сбил он дубовые толстые доски,
Мачту поставил, на ней утвердил поперечную райну,
Сделал кормило, дабы управлять поворотами судна,
Плот окружил для защиты от моря плетнем из ракитных
Сучьев, на дно же различного грузу для тяжести бросил.
Тою порою Калипсо, богиня богинь, парусины
Крепкой ему принесла. И, устроивши парус (к нему же
Все, чтоб его развивать и свивать, прикрепивши веревки),
Он рычагами могучими сдвинул свой плот на священное море.
День совершился четвертый, когда он окончил работу.
В пятый его снарядила в дорогу богиня Калипсо.
Баней его освежив и душистой облекши одеждой,
Нимфа три меха на плот принесла: был один драгоценным
Полон напитком, другой ключевою водою, а третий
Хлебом, дорожным запасом и разною лакомой пищей.
Кончив, она призвала благовеющий ветер попутный.
Радостно парус напряг Одиссей и, попутному ветру
Вверившись, поплыл. Сидя на корме и могучей рукою
Руль обращая, он бодрствовал; сон на его не спускался
Очи, и их не сводил он с Плеяд, с нисходящего поздно
В море Воота, с Медведицы, в людях еще Колесницы
Имя носящей и близ Ориона свершающей вечно
Круг свой, себя никогда не купая в водах океана.
С нею богиня богинь повелела ему неусыпно
Путь соглашать свой, ее оставляя по левую руку.
Дней совершилось семнадцать с тех пор, как пустился он в море;
Вдруг на осьмнадцатый видимы стали вдали над водами
Горы тенистой земли феакиян, уже недалекой:
Черным щитом на туманистом море она простиралась.
В это мгновенье земли колебатель могучий, покинув
Край эфиопян, с далеких Солимских высот Одиссея
В море увидел: его он узнал; в нем разгневалось сердце;
Страшно лазурнокудрявой тряхнув головой, он воскликнул:
«Дерзкий! Неужели боги, пока я в земле эфиопян
Праздновал, мне вопреки, согласились помочь Одиссею?
Чуть не достиг он земли феакиян, где встретить напастей,
Свыше ему предназначенных, должен конец; но еще я
Вдоволь успею его, ненавистного, горем насытить».
Так он сказал и, великие тучи поднявши, трезубцем
Воды взбуровил и бурю воздвиг, отовсюду прикликав

Ветры противные; облако темное вдруг обложило
Море и землю, и тяжкая с грозного неба сошла ночь.
Разом и Эвр, и полуденный Нот, и Зефир, и могучий,
Светлым рожденный Эфиром, Борей взволновали пучину.
В ужас пришел Одиссей, задрожали колена и сердце.
Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
«Горе мне! Что претерпеть наконец мне назначило небо!
С трепетом вижу теперь, что богиня богинь не ошиблась,
Мне предсказав, что, пока не достигну отчизны, я в море
Встречу напасти великие: все исполняется ныне.
Страшными тучами вкруг обложил беспредельное небо
Зевс, и взбуровил он море, и бурю воздвиг, отовсюду
Ветры противные скликав. Погибель моя наступила.
О, трекратно, стократно счастливы данаи, в пространной
Трое нашедшие смерть, угождая Атридам! И лучше б
Было, когда б я погиб и судьбу неизбежную встретил
В день тот, как множество медноокованных копий трояне
Бросили разом в меня над бездыханным телом Пелида;
С честью б я был погребен, и была б от ахеян мне слава;
Ныне ж судьба мне бесславно-печальную смерть посылает...»
В это мгновенье большая волна поднялась и расшиблась
Вся над его головою; стремительно плот закружился;
Схваченный, с палубы в море упал он стремглав, упустивши
Руль из руки; повалилася мачта, сломясь под тяжелым
Ветров противных, слетевшихся друг против друга, ударом;
В море далеко снесло и развившийся парус, и райну.
Долго его глубина поглощала, и сил не имел он
Выбиться кверху, давимый напором волны и стесненный
Платьем, богиней Калипсою данным ему на прощанье.
Вынырнул он напоследок, из уст извергая морскую
Горькую воду, с его бороды и кудрей изобильным
Током бежавшую; в этой тревоге, однако, он вспомнил
Плот свой, за ним по волнам погнался, за него ухватился,
Взлез на него и на палубе сел, избежав потопленья;
Плот же бросали туда и сюда взгроможденные волны:
Словно как шумный осенний Борей по широкой равнине
Носит повсюду иссохший, скатавшийся густо репейник,
По морю так беззащитное судно повсюду носили
Ветры; то быстро Борею его перебрасывал Нот, то шумящий
Эвр, им играя, его предавал произволу Зефира.
Но Одиссея увидела Кадмова дочь Левкотея,
Некогда смертная дева, приветноречивая Ино,
После богиня, бессмертия честь восприявшая в море.

Стало ей жаль Одиссея, свирепой гонимого бурей.
С моря нырком легкокрылым она поднялася, взлетела
Легким полетом на твердо сколоченный плот и сказала:
«Бедный! За что Посейдон, колебатель земли, так ужасно
В сердце разгневан своем и с тобой так упорно враждует?
Вовсе, однако, тебя не погубит он, сколь бы ни тщился.
Сам на себя положися теперь (ты, я вижу, разумен);
Скинувши эту одежду, свой плот уступи произволу
Ветров и, бросившись в волны, руками работая смело,
Вплавь до земли феакиян достигни: там встретишь спасенье.
Дам покрывало тебе чудотворное; им ты оденешь
Грудь, и тогда не страшися ни бед, ни в волнах потопленья.
Но, лишь окончишь свой путь и к земле прикоснешься рукою,
Сняв покрывало, немедля его в многоводное море
Брось от земли далеко и, глаза отвратив, удалися».
Кончив, богиня ему подала с головы покрывало.
После, спорхнув на шумящее море, она улетела
Быстрокрылатым нырком, и ее глубина поглотила.
Начал тогда про себя размышлять Одиссей богоравный;
Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
«Горе! Не новую ль хитрость замыслив, желает богиня
Гибель навлечь на меня, мне советуя плот мой оставить?
Нет, я того не исполню; не близок еще, я приметил,
Берег земли, где, сказала она, мне спасенье будет.
Ждать я намерен по тех пор, покуда еще невредимо
Судно мое и шипами надежными связаны брусья;
С бурей сражаясь, по тех пор с него не сойду я.
Но, как скоро волненье могучее плот мой разрушит,
Брошуся вплавь: я иного теперь не придумаю средства».
Тою порою, как он колебался рассудком и сердцем,
Поднял из бездны волну Посейдон, потрясающий землю,
Страшную, тяжкую, гороогромную; сильно он грянул
Ею в него: как от быстрого вихря сухая солома,
Кучей лежавшая, вся разлетается, вдруг разорвавшись,
Так от волны разорвалися брусья. Один, Одиссеем
Пойманный, был им, как конь, убежавший на волю, оседлан.
Сняв на прощанье богиней Калипсою данное платье,
Грудь он немедля свою покрывалом одел чудотворным.
Руки простерши и плыть изготовясь, потом он отважно
Кинулся в волны. Могучий земли колебатель при этом
Виде лазурнокудрявой тряхнул головой и воскликнул:
«По морю бурному плавай теперь на свободе, покуда
Люди, любезные Зевсу, тебя благосклонно не примут;

Будет с тебя! Не останешься, думаю, мной недоволен».
Так он сказавши, погнал длинногривых коней и умчался
В Эгию, где обитал в светлозданных, высоких чертогах.
Добрая мысль пробудилась тогда в благосклонной Палладе:
Ветрам другим заградивши дорогу, она повелела
Им, успокоясь, умолкнуть; позволила только Борею
Бурно свирепствовать: волны ж сама укрощала, чтоб в землю
Веслолюбивых, угодных богам феакиян достигнуть
Мог Одиссей благородный, и смерти и Парк избежавши.
Так он два дня и две ночи носим был повсюду шумящим
Морем, и гибель не раз неизбежной казалась; когда же
С третьим явилася днем лучезарнокудрявая Эос,
Вдруг успокоилась буря, и на море все просветлело
В тихом безветрии. Поднятый кверху волной и взглянувши
Быстро вперед, невдали пред собою увидел он землю.
Сколь несказанною радостью детям бывает спасенье
Жизни отца, пораженного тяжким недугом, все силы
В нем истребившим (понеже злой демон к нему прикоснулся),
После ж на радость им всем исцеленного волей бессмертных,—
Столь Одиссей был обрадован брега и леса явленьем.
Поплыл быстрей он, ступить торопяся на твердую землю.
Но, от нее на таком расстоянье, в каком человечий
Внятен нам голос, он шум бурунов меж скалами услышал;
Волны кипели и выли, свирепо на берег высокий
С моря бросаясь, и весь он был облит соленою пеной;
Не было пристани там, ни залива, ни мелкого места,
Вкруть берега подымались; торчали утесы и рифы.
В ужас пришел Одиссей, задрожали колена и сердце;
Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
«Горе! На что мне дозволил увидеть нежданную землю
Зевс? И зачем до нее, пересиливши море, достиг я?
К острову с моря, я вижу, везде невозможен мне доступ;
Острые рифы повсюду; кругом, расшибаяся, блещут
Волны, и гладкой стеной воздвигается берег высокий;
Море ж вблизи глубоко, и нет места, где было б возможно
Твердой ногой опереться, чтоб гибели верной избегнуть.
Если пристать попытаюсь, то буду могучей волною
Схвачен и брошен на камни зубчатые, тщетно истратив
Силы; а если кругом поплыву, чтоб узнать, не найдется ль
Где-нибудь берег отлогий иль пристань, страшуся, чтоб снова
Бурей морскою я не был похищен, чтоб рыбообильным
Морем меня, вопиющего жалобно, вдаль не умчало
Или чтоб демон враждебный какого из чуд, Амфитритой

В море питаемых, мне на погибель не выслал из бездны:
Знаю, как злобствует против меня Посейдон земледержец».
Тою порой, как рассудком и сердцем он так колебался,
Быстрой волною помчало его на утесистый берег;
Тело б его изорвалось и кости б его сокрушились,
Если б он вовремя светлой богиней Афиной наставлен
Не был руками за ближний схватиться утес; и, к нему прицепившись,
Ждал он, со стоном на камне вися, чтоб волна пробежала
Мимо; она пробежала, но вдруг, отразясь, на возврате
Сшибла с утеса его и отбросила в темное море.
Если полипа из ложа ветвистого силою вырвешь,
Множество кру́пинок камня к его прилепляется ножкам:
К резкому так прилепилась утесу лоскутьями кожа
Рук Одиссеевых; вдруг поглощенный волною великой,
В бездне соленой, судьбе вопреки, неизбежно б погиб он,
Если б отважности в душу его не вложила Афина.
Вынырнув вбок из волны, устремившейся прянуть на камни,
Поплыл он в сторону, взором преследуя землю и тщася
Где-нибудь берег отлогий иль мелкое место приметить.
Вдруг он увидел себя перед устьем реки светловодной.
Самым удобным то место ему показалось: там острых
Не было камней, там всюду от ветров являлась защита.
К мощному богу реки он тогда обратился с молитвой:
«Кто бы ты ни был, могучий, к тебе, столь желанному, ныне
Я прибегаю, спасаясь от гроз Посейдонова моря.
Вечные боги всегда благосклонно внимают молитвам
Бедного странника, кто бы он ни был, когда он подобен
Мне, твой поток и колена объявшему, много великих
Бед претерпевшему; сжалься, могучий, подай мне защиту».
Так он молился. И бог, укротив свой поток, успокоил
Волны и, на море тишь наведя, отворил Одиссею
Устье реки. Но под ним подкосились колена; повисли
Руки могучие: в море его изнурилося сердце;
Вспухло все тело его; извергая и ртом и ноздрями
Воду морскую, он пал наконец бездыханный, безгласный,
Память утратив, на землю; бесчувствие им овладело.
Но напоследок, когда возвратились и память и чувство,
С груди своей покрывало, богинею данное, снявши,
Бросил его он в широкую, с морем слиянную реку.
Быстро помчалася ткань по теченью назад, и богиня
В руки ее приняла. Одиссей, от реки отошедши,
Скрылся в тростник, и на землю, ее лобызая, простерся.

Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
«Горе мне! Что претерпеть я еще предназначен от неба!
Если на бреге потока бессонную ночь проведу я,
Утренний иней и хладный туман, от воды восходящий,
Вовсе меня, уж последних лишенного сил, уничтожат:
Воздух пронзительным холодом веет с реки перед утром.
Если же там, на пригорке, под кровом сенистого леса
В чаще кустов я засну, то, конечно, не буду проникнут
Хладом ночным, отдохну, и меня исцелит миротворный
Сон; но страшусь, не достаться б в добычу зверям плотоядным».
Так размышлял он; ему наконец показалось удобней
Выбрать последнее; в лес он пошел, от реки недалеко
Росший на холме открытом. Он там две сплетенные крепко
Выбрал оливы; одна плодоносна была, а другая
Дикая; в сень их проникнуть не мог ни холодный,
Сыростью дышащий ветер, ни Гелиос, знойно блестящий;
Даже и дождь не пронзал их ветвистого свода: так густо
Были они сплетены. Одиссей, угнездившись под ними,
Лег, наперед для себя приготовив своими руками
Мягкое ложе из листьев опалых, которых такая
Груда была, что и двое и трое могли бы удобно
В зимнюю бурю, как сильно б она ни шумела, там скрыться.
Груду увидя, обрадован был Одиссей несказанно.
Бросясь в нее, он совсем закопался в слежавшихся листьях.
Как под золой головню неугасшую пахарь скрывает
В поле далеко от места жилого, чтоб пламени семя
В ней сохраниться могло безопасно от злого пожара,
Так Одиссей; под листами зарывшися, грелся, и очи
Сладкой дремотой Афина смежила ему, чтоб скорее
В нем оживить изнуренные силы. И крепко заснул он.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Так постоянный в бедах Одиссей отдыхал, погруженный
В сон и усталость. Афина же тою порой низлетела
В пышноустроенный город любезных богам феакиян,
Живших издавна в широкополянной земле Гиперейской,
В близком соседстве с циклопами, диким и буйным народом,
С ними всегда враждовавшим, могуществом их превышая;
Но напоследок божественный вождь Навсифой поселил их

В Схерии, тучной земле, далеко от людей промышленных.
Там он их город стенами обвел, им построил жилища,
Храмы богам их воздвиг, разделил их поля на участки.
Но уж давно уведен был судьбой он в обитель Аида.
Властвовал царь Алкиной, многоумием богу подобный.
В дом Алкиноя вступила богиня Афина Паллада;
Сердцем заботясь о скором возврате домой Одиссея,
В тайную девичью спальню проникла она, где покойно,
Станом и видом богине подобясь младой, почивала
Дочь Алкиноя, любезного Зевсу царя, Навсикая.
Подле порога дверей с двух сторон две служанки, Харитам
Юным подобные, спали, и накрепко заперты были
Светлые двери. К царевне воздушной стопою приближась,
Стала над самым ее изголовьем богиня Афина,
Образ приявшая девы младой, мореходца Диманта
Славного дочери, дружной с царевною, с ней однолетней.
В виде таком подошед к Навсикае, богиня сказала:
«Видно, тебя беззаботною мать родила, Навсикая!
Ты не печешься о светлых одеждах; а скоро наступит
Брачный твой день: ты должна и себе приготовить заране
Платье, и тем, кто тебя поведет к жениху молодому.
Доброе имя одежды опрятностью мы наживаем;
Мать и отец веселятся, любуяся нами. Проснись же,
Встань, Навсикая, и на реку мыть соберитеся все вы
Утром; сама я приду помогать вам, чтоб дело скорее
Кончить. Недолго останешься ты незамужнею девой;
Много тебе женихов меж людьми знаменитого рода
В нашей земле, где сама знаменитою ты родилася.
Встань и явися немедля к отцу многославному с просьбой:
Дать колесницу и мулов тебе, чтоб могла ты удобно
Взять все повязки, покровы и разные платья, чтоб также
Ты не пешком, как другие, пошла; то тебе неприлично —
Путь к водоемам от стен городских утомительно долог».
Так ей сказав, светлоокая Зевсова дочь полетела
Вновь на Олимп, где обитель свою, говорят, основали
Боги, где ветры не дуют, где дождь не шумит хладоносный,
Где не подъемлет метелей зима, где безоблачный воздух
Легкой лазурью разлит и сладчайшим сияньем проникнут;
Там для богов в несказанных утехах все дни пробегают.
Давши царевне совет свой, туда полетела Афина.
Эос тогда златотронная, встав, разбудила младую
Светлоубранную деву. И, сну своему удивляясь,
Тотчас она, чтоб родителей, мать и отца, о виденье

Чудном своем известить, к ним пошла в их покои. Царица
Близ очага там сидела в кругу приближенных служанок,
Нити пурпурные тонко суча; а в дверях отворенных
Встретился ей и отец: на совет он владык многоумных
Шел, приглашенный туда от знатнейших мужей феакийских.
С видом приветным к отцу подошед, Навсикая сказала:
«Милый, вели колесницу большую на быстрых колесах
Дать мне, чтоб я, в ней уклав все богатые платья, которых
Много скопилось нечистых, отправилась на реку мыть их.
Должно, чтоб ты, заседая в высоком совете почетных
Наших вельмож, отличался своею опрятной одеждой;
Пять сыновей воспитал ты и вырастил в этом жилище;
Два уж женаты, другие три юноши в летах цветущих;
В платьях, мытьем освеженных, они посещать хороводы
Наши хотят. Но об этом одна я забочусь в семействе».
Так говорила она; о желанном же браке ей было
Стыдно отцу помянуть; догадался он сам и сказал ей:
«Дочка, ни в мулах тебе и ни в чем нет отказа. Поди же;
Дам повеленье рабам заложить колесницу большую,
Быстроколесную; будет при ней для поклажи и короб».
Кончив, рабам повеленье дал он. Ему повинуясь,
Взяли они колесницу большую, ее снарядили,
Вывели мулов и к дышлу, как следует, их привязали.
Взяв из хранильницы платья и в короб уклав их, царевна
Все поместила на быстроколесной, большой колеснице,
Мать же корзину со всякой едой, утоляющей голод,
Ей принесла; отпустила с ней полный вином благородным
Мех; не забыла и лакомства дать. В колесницу царевна
Стала, приняв от царицы фиал золотой с благовонным
Маслом, чтоб после купанья себя и рабынь натереть им.
Бич и блестящие вожжи взяла Навсикая и звучно
Мулов стегнула; затопав, они побежали проворной
Рысью, везя неленливо и груз и царевну. За нею
Следом пошли молодые подруги ее и служанки.
К устью реки многоводной достигли они напоследок.
Были устроены там водоемы: вода в них обильно
Светлой струею лилася, нечистое все омывая.
К месту прибыв, отвязали от дышла они утомленных
Мулов и их по зеленому брегу потока пустили
Сочно-медвяной травою питаться; потом с колесницы
Сняли все платья и в полные их водоемы ногами
Крепко втоптали, проворным усердием споря друг с другом.
Начали платья они полоскать и потом, дочиста́ их

Вымыв, по взморью на мелко-блестящем хряще, наносимом
На берег плоский морскою волною, их все разостлали.
Кончив, они искупались в реке и, натершись елеем,
Весело сели на мягкой траве у реки за обед свой,
Влажные платья оставив сушить лучезарному солнцу.
Пищей насытив себя, и подруг, и служанок, царевна
Вызвала в мяч их играть, головные сложив покрывала;
Песню же стала сама белокурая петь Навсикая.
Так стрелоносная, ловлей в горах, веселясь, Артемида
Многовершинный Тайгет и крутой Эримант обегает,
Смерть нанося кабанам и лесным легконогим оленям;
С нею, прекрасные дочери Зевса эгидодержавца,
Бегают нимфы полей — и любуется ими Латона;
Всех превышает она головой, и легко между ними,
Сколь ни прекрасны они, распознать в ней богиню Олимпа.
Так красотою девичьей подруг затмевала царевна.
Стали они наконец собираться домой; в колесницу
Мулов опять заложили и в короб уклали одежды.
Тут светлоокая дева Паллада придумала средство,
Как пробудить Одиссея, чтоб, с ним повстречавшись, царевна
В город людей феакийских ему указала дорогу:
Бросила мяч Навсикая в подружек, но, в них не попавши,
Он, отраженный Афиною, в волны шумящие прянул;
Громко они закричали; их крик пробудил Одиссея.
Он поднялся и, колеблясь рассудком и сердцем, воскликнул:
«Горе! К какому народу зашел я? Быть может, здесь область
Диких, не знающих правды людей? Иль, может быть, встречу
Смертных приветливых, богобоязненных, гостеприимных?
Кажется, девичий громкий вблизи мне послышался голос.
Или здесь нимфы, владелицы гор крутоглавых, душистых,
Влажных лугов и истоков речных потаенных, играют;
Или достиг наконец я жилища людей говорящих.
Встанем же; должно мне все самому испытать и разведать».
С сими словами из чащи кустов Одиссей осторожно
Выполз; потом жиловатой рукою покрытых листами
Свежих ветвей наломал, чтоб одеть обнаженное тело.
Вышел он — так, на горах обитающий, силою гордый,
В ветер и дождь на добычу выходит, сверкая глазами,
Лев; на быков и овец он бросается в поле, хватает
Диких оленей в лесу и нередко, тревожимый гладом,
Мелкий скот похищать подбегает к пастущьим заградам.
Так Одиссей вознамерился к девам прекраснокудрявым
Наг подойти, приневолен к тому непреклонной нуждою.

Был он ужасен, покрытый морскою засохшею тиной;
В трепете все разбежалися врозь по высокому брегу.
Но Алкиноева дочь не покинула места. Афина
Бодрость вселила ей в сердце и в нем уничтожила робость.
Стала она перед ним; Одиссей же не знал, что приличней:
Оба ль колена обнять у прекраспокудрявыя девы?
Или, в почтительном став отдаленье, молить умиленным
Словом ее, чтоб одежду дала и приют указала?
Так размышляя, нашел наконец он, что было приличней
Словом молить умиленным, в почтительном став отдаленье
(Тронув колена ее, он прогневал бы чистую деву).
С словом приятно-ласкательным он обратился к царевне:
«Руки, богиня иль смертная дева, к тебе простираю.
Если одна из богинь ты, владычиц пространного неба,
То с Артемидою только, великою дочерью Зевса,
Можешь сходна быть лица красотою и станом высоким;
Если ж одна ты из смертных, под властью судьбины живущих,
То несказанно блаженны отец твой и мать, и блаженны
Братья твои, с наслаждением видя, как ты перед ними
В доме семейном столь мирно цветешь, иль свои восхищая
Очи тобою, когда в хороводах ты весело пляшешь.
Но из блаженных блаженнейшим будет тот смертный, который
В дом свой тебя уведет, одаренную веном богатым.
Нет, ничего столь прекрасного между людей земнородных
Взоры мои не встречали доныне; смотрю с изумленьем.
В Делосе только я — там, где алтарь Аполлонов воздвигнут,—
Юную стройно-высокую пальму однажды заметил
(В храм же зашел, окруженный толпою сопутников верных,
Я по пути, на котором столь много мне встретилось бедствий).
Юную пальму заметив, я в сердце своем изумлен был
Долго: подобного ей благородного древа нигде не видал я.
Так и тебе я дивлюсь! Но, дивяся тебе, не дерзаю
Тронуть коленей твоих: несказанной бедой я постигнут.
Только вчера, на двадцатый мне день удалося избегнуть
Моря: столь долго игралищем был я губительной бури,
Гнавшей меня от Огигии острова. Ныне ж сюда я
Демоном брошен для новых напастей — еще не конец им;
Верно, немало еще претерпеть мне назначили боги.
Сжалься, царевна; тебя, испытавши превратностей много,
Первую здесь я молитвою встретил; никто из живущих
В этой земле не знаком мне; скажи, где дорога

В город, и дай мне прикрыть обнаженное тело хоть лоскут
Грубой обвертки, в которой сюда привезла ты одежды.
О, да исполнят бессмертные боги твои все желанья,
Давши супруга по сердцу тебе с изобилием в доме,
С миром в семье! Несказанное там водворяется счастье,
Где однодушно живут, сохраняя домашний порядок,
Муж и жена, благомысленным людям на радость, недобрым
Людям на зависть и горе, себе на великую славу».
Дочь Алкиноя, ответствуя, так Одиссею сказала:
«Странник, конечно, твой род знаменит: ты, я вижу, разумен.
Дий же и низким, и рода высокого людям с Олимпа
Счастье дает без разбора по воле своей прихотливой;
Что ниспослал он тебе, то прими с терпеливым смиреньем.
Если ж достигнуть ты мог и земли и обителей наших,
То ни в одежде от нас и ни в чем, для молящего, много
Бед претерпевшего странника нужном, не встретишь отказа.
Град наш тебе укажу; назову и людей, в нем живущих.
В граде живет и землей здесь владеет народ феакиян;
Я Алкиноя, царя благодушного, дочь; Алкиноя ж
Ныне державным владыкой своим признают феакийцы».
Тут обратилась царевна к подругам своим и служанкам:
«Стойте! Куда разбежались вы, устрашась иноземца?
Он человек незломышленный; нет вам причины страшиться;
Не было прежде, вы знаете, нет и теперь и не может
Быть и вперед на земле никого, кто б на нас, феакиян,
Злое замыслил; нас боги бессмертные любят; живем мы
Здесь, от народов других в стороне, на последних пределах
Шумного моря, и редко нас кто из людей посещает.
Ныне же встретился нам злополучный, бездомный скиталец:
Помощь ему оказать мы должны — к нам Зевес посылает
Нищих и странников; дар и убогий Зевесу угоден.
Страннику пищи с питьем принести поспешите, подруги;
Прежде ж его искупайте, от ветров защитное место
Выбрав в потоке». Сказала; сошлись ободренные девы.
В месте, от ветров защитном, его посадив, как велела
Им Навсикая, прекраснокудрявая дочь Алкиноя,
Мантию с тонким хитоном они близ него положили.
После, принесши флакон золотой с благовонным елеем,
Стали его приглашать к омовению в светлом потоке.
Но Одиссей благородный отрекся и так отвечал им:
«Девы прекрасные, станьте поодаль: без помощи вашей
Смою с себя я соленую тину и сам наелею
Тело: давно уж елей благовонный к нему не касался.

Но перед вами купаться не стану я в светлом потоке;
Стыдно себя обнажить мне при вас, густовласые девы».
Так он сказал; и они, удаляся, о том известили
Царскую дочь. Одиссей же, в поток погрузившися, тину,
Грязно облекшую плечи и спину его и густые
Кудри его облепившую, смыл освежительной влагой;
Чисто омывшись, он светлое тело умаслил елеем;
После украсился данным младою царевною платьем.
Дочь светлоокая Зевса Афина тогда Одиссея
Станом возвысила, сделала телом полней и густыми
Кольцами кудри, как цвет гиацинта, ему закрутила.
Так, серебро облекая сияющим золотом, мастер,
Девой Палладой и богом Гефестом наставленный в трудном
Деле своем, чудесами искусства людей изумляет;
Так красотою главу облекла Одиссею богиня.
Берегом моря пошел он и сел на песке, озаренный
Силой и прелестью мужества. Царская дочь изумилась.
Слово потом обратила она к густовласым подругам:
«Слушайте то, что скажу вам теперь, белорукие девы;
Думаю я, что не всеми богами Олимпа гонимый
Этот скиталец в страну феакиян божественных прибыл;
Прежде и мне человеком простым он казался; теперь же
Вижу, что свой он богам, беспредельного неба владыкам.
О, когда бы подобный супруг мне нашелся, который,
Здесь поселившись, у нас навсегда захотел бы остаться!
Вы ж чужеземцу еды и питья принесите, подруги».
Так говорила царевна. Ее повинуяся воле,
Девы немедля еды и питья принесли Одиссею.
С жадностью голод и жажду свою утолил богоравный,
Твердый в бедах Одиссей: уж давно не касался он пищи.
Добрая мысль пробудилась тут в сердце разумной царевны:
Чистые платья собрав, в колесницу она их уклала,
Мулов потом запрягла крепконогих и, став в колесницу,
Так Одиссею, его приглашая с собою, сказала:
«Время нам в город; вставай, чужеземец, и следуй за нами;
Дом, где живет мой отец, я тебе укажу; там, конечно,
Встретишь и всех знаменитых людей феакийских; но прежде
Мой ты исполни совет (ты, я вижу, разумен): покуда
Будем в полях мы, трудом человека удобренных, следуй
С девами вместе за быстрой моей колесницею ровным
С мулами шагом — у вас впереди я поеду; потом мы
В город прибудем... с бойницами стены его окружают;
Пристань его с двух сторон огибает глубокая; вход же

В пристань стеснен кораблями, которыми справа и слева
Берег уставлен, и каждый из них под защитною кровлей;
Там же и площадь торговая вкруг Посейдонова храма,
Твердо на тесаных камнях огромных стоящего; снасти
Всех кораблей там, запас парусов и канаты в пространных
Зданьях хранятся; там гладкие также готовятся весла.
Нам, феакийцам, не нужно ни луков, ни стрел; вся забота
Наша о мачтах, и веслах, и прочных судах мореходных;
Весело нам в кораблях обтекать многошумное море.
Я ж от людей порицанья избегнуть хочу и обидных
Толков; народ наш весьма злоязычен; нам встретиться может
Где-нибудь дерзкий насмешник; увидя нас вместе, он скажет:
«С кем так сдружилась царевна? Кто этот могучий, прекрасный
Странник? Откуда пришел? Не жених ли какой иноземный?
Что он? Морскою ли бурею, к нам занесенный из дальних
Стран человек (никаких мы в соседстве не знаем народов)?
Или какой по ее неотступной молитве с Олимпа на землю
Бог низлетевший — и будет она обладать им отныне?
Лучше б самой ей покинуть наш край и в стране отдаленной
Мужа искать; меж людей феакийских никто не нашелся
Ей по душе, хоть и много у нас женихов благородных».
Вот что рассказывать могут в народе; мне будет обидно.
Я ж и сама бы, конечно, во всякой другой осудила,
Если б, имея и мать и отца, без согласья их стала,
В брак не вступивши, она обращаться с мужчинами вольно.
Ты же совет мой исполни (тогда и родитель мой помощь
Скорую даст, и отечество ты не замедлишь увидеть):
Есть близ дороги священная роща Афины из черных
Тополей; светлый источник оттуда бежит на зеленый
Луг; там поместье царя Алкиноя с его плодоносным
Садом в таком расстоянье от града, в каком человечий
Внятен нам голос. Там сев, подожди ты до тех пор, покуда
Мы не прибудем на место и царских палат не достигнем; когда же
Ты убедишься, что царских палат уж могли мы достигнуть,
Встань и во внутренность града войди и расспрашивай встречных,
Где обитает родитель мой, царь Алкиной многославный.
Дом же его ты узнаешь легко: бессловесный младенец
Может дорогу к нему указать; ни один феакиец
Здесь не имеет такого жилища, в каком обитает
Царь Алкиной. Окруженный строеньями двор перешедши,

Шагом поспешным пройди ты сквозь залу к покоям царицы;
Там перед ярко блестящим ее очагом ты увидишь
С чудным искусством прядущую тонкопурпурные нити
Подле колонны высокой, в кругу приближенных служанок.
Там же и кресла царевы стоят у огня и, на них он
Сидя, вином утешается, светлому богу подобный.
Мимо царя ты пройди и, обнявши руками колена
Матери милой моей, умоляй, чтоб она поспешила
День возвращенья в отчизну тебе даровать, чужеземцу.
Если моленье твое с благосклонностью примет царица,
Будет тогда и надежда тебе, что возлюбленных ближних,
Светлый свой дом, и семью, и отечество скоро увидишь».
Кончив, ударила звучно блестящим бичом Навсикая
Мулов; затопав, они от реки побежали проворной
Рысью; другие же, пешие, следом пошли; но царевна
Мулов держала на крепких вожжах, чтоб от них не отстали
Девы и странник, и хлопала звучным бичом осторожно.
Солнце садилось, когда к благовонной Палладиной роще
Вместе достигли они. Одиссей, там оставшися, начал
Дочери Зевса эгидодержавца Палладе молиться:
«Дочь непорочная Зевса эгидодержавца, Паллада,
Ныне вонми ты молитве, тобою не внятой, когда я
Гибнул в волнах, сокрушенный земли колебателя гневом;
Дай мне найти и покров и приязнь у людей феакийских».
Так говорил он, моляся; и был он Палладой услышан;
Но перед ним не явилась богиня сама, опасаясь
Мощного дяди, который упорствовал гнать Одиссея,
Богоподобного мужа, пока не достиг он отчизны.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

Так Одиссей богоравный, в бедах постоянный, молился.
Тою порою царевну везли крепконогие мулы
В город. Достигнув блестящих царевых палат, Навсикая
Взъехала прямо на двор и сошла с колесницы; навстречу
Вышли ее молодые, бессмертным подобные, братья;
Мулов отпрягши, в покои они отнесли все одежды.
Царская дочь на свою половину пошла; развела там
Яркий огонь ей рабыня эпирская Евримедуса
(Некогда в быстром ее корабле увезли из Эпира,

В дар Алкиною почетный назначив, понеже, над всеми
Он феакийцами властвуя, чтим был как бог от народа.
Ею была Навсикая воспитана в царском жилище).
Яркий огонь разведя, приготовила ужин старушка.
В город направил тем временем путь Одиссей; но Афина
Облаком темным его окружила, чтоб не был замечен
Он никаким из надменных граждан феакийских, который
Мог бы его оскорбить, любопытствуя выведать, кто он.
Но, подошед ко вратам крепкозданным прекрасного града,
Встретил он дочь светлоокую Зевса богиню Афину
В виде несущей скудель молодой феакийския девы.
Встретившись с нею, спросил у нее Одиссей богоравный:
«Дочь моя, можешь ли мне указать те палаты, в которых
Ваш обладатель, божественный царь Алкиной, обитает?
Многоиспытанный странник, судьбою сюда издалека
Я заведен; мне никто не знаком здесь, никто из живущих
В городе вашем, никто из людей, обитающих в поле».
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Странник, с великой охотой палаты, которых ты ищешь,
Я укажу; там в соседстве живет мой отец беспорочный;
Следуй за мною в глубоком молчанье; пойду впереди я;
Ты же на встречных людей не гляди и не делай вопросов
Им: иноземцев не любит народ наш; он с ними не ласков;
Люди радушного здесь гостелюбия вовсе не знают;
Быстрым вверяя себя кораблям, пробегают бесстрашно
Бездну морскую они, отворенную им Посейдоном;
Их корабли скоротечны, как легкие крылья иль мысли».
Кончив, богиня Афина пошла впереди Одиссея.
Быстрым шагом, поспешно пошел Одиссей за богиней.
Улицы с ней проходя, ни одним из людей феакийских,
На море славных, он не был замечен; того не хотела
Светлокудрявая дева Паллада: храня Одиссея,
Тьмой несказанной его отовсюду она окружила.
Он изумился, увидевши пристани, в них бесконечный
Ряд кораблей, и народную площадь, и крепкие стены
Чудной красы, неприступным извне огражденные тыном.
Но, подошед к многославному дому царя Алкиноя,
Дочь светлоокая Зевса богиня Афина сказала:
«Странник, с тобою пришли мы к палатам, которых искал ты;
В них ты увидишь любезного Зевсу царя Алкиноя
В сонме гостей за роскошной трапезой; войди, не страшася;
Мужу бесстрашному, кто бы он ни был, хотя б чужеземец,
Все по желанью вернее других исполнять удается.

Прежде всего подойди ты, в палату вступивши, к царице;
Имя царицы Арета; она от одних происходит
Предков с высоким супругом своим Алкиноем; вначале
Сын Навсифой Посейдоном земли колебателем прижит
Был с Перибеей, всех дев затмевавшей своей красотою,
Младшею дочерью мужа могучего Евримедонта,
Бывшего прежде властителем буйных гигантов; но сам он
Свой погубил святотатный народ и себя самого с ним.
Дочь же его возлюбил колебатель земли; от союза
С ней он имел Навсифоя; и первым царем феакиян
Был Навсифой; от него родились Рексенор с Алкиноем;
Но Рексенор, сыновей не имев, сребролуким застрелен
Был Аполлоном на пире вторичного брака, оставив
Дочь сиротою, Арету; и, с ней Алкиной сочетавшись,
Так почитает ее, как еще никогда не бывала
В свете жена, свой любящая долг, почитаема мужем;
Нежную сердца любовь ей всечасно являют в семействе
Дети и царь Алкиной; в ней свое божество феакийцы
Видят, и в городе с радостно-шумным всегда к ней теснятся
Плеском, когда меж народа она там по улицам ходит.
Кроткая сердцем, имеет она и возвышенный разум,
Так что нередко и трудные споры мужей разрешает.
Если моленья твои с благосклонностью примет царица,
Будет тогда и надежда тебе, что возлюбленных ближних,
Светлый свой дом, и семью, и отечество скоро увидишь».
Так говоря, светлоокая Зевсова дочь удалилась;
Морем бесплодным от Схерии тучной помчавшись, достигла
Скоро она Марафона; потом в многолюдных Афинах
В дом крепкозданный царя Ерехтея вошла. Одиссей же
Тою порой подошел ко дворцу Алкиноя; он сильно
Сердцем тревожился, стоя в дверях перед медным порогом.
Все лучезарно, как на небе светлое солнце иль месяц,
Было в палатах любезного Зевсу царя Алкиноя;
Медные стены во внутренность шли от порога и были
Сверху увенчаны светлым карнизом лазоревой стали;
Вход затворен был дверями, литыми из чистого злата;
Притолки их из сребра утверждались на медном пороге;
Также и князь их серебряный был, а кольцо золотое.
Две — золотая с серебряной — справа и слева стояли,
Хитрой работы искусного бога Гефеста, собаки
Стражами дому любезного Зевсу царя Алкиноя:
Были бессмертны они и с теченьем лет не старели.
Стены кругом огибая, во внутренность шли от порога

Лавки богатой работы; на лавках лежали покровы,
Тканные дома искусной рукою прилежных работниц;
Мужи знатнейшие града садилися чином на этих
Лавках питьем и едой наслаждаться за царской трапезой.
Зрелися там на высоких подножиях лики златые
Отроков; светочи в их пламенели руках, озаряя
Ночью палату и царских гостей на пирах многославных.
Жило в пространном дворце пятьдесят рукодельных
невольниц:
Рожь золотую мололи одни жерновами ручными,
Нити сучили другие и ткали, сидя за станками
Рядом, подобные листьям трепещущим тополя; ткани ж
Были так плотны, что в них не впивалось и тонкое масло.
Сколь феакийские мужи отличны в правлении были
Быстрых своих кораблей на морях, столь отличны их жены
Были в тканье: их богиня Афина сама научила
Всем рукодельным искусствам, открыв им и хитростей много.
Был за широким двором четырехдесятинный богатый
Сад, обведенный отвсюду высокой оградой; росло там
Много дерев плодоносных, ветвистых, широковершинных,
Яблонь, и груш, и гранат, золотыми плодами обильных,
Также и сладких смоковниц и маслин, роскошно цветущих;
Круглый там год, и в холодную зиму, и в знойное лето,
Видимы были на ветвях плоды; постоянно там веял
Теплый зефир, зарождая одни, наливая другие;
Груша за грушей, за яблоком яблоко, смоква за смоквой,
Грозд пурпуровый за гроздом сменялися там, созревая.
Там разведен был и сад виноградный богатый; и грозды
Частью на солнечном месте лежали, сушимые зноем,
Частию ждали, чтоб срезал их с лоз виноградарь; иные
Были давимы в чанах; а другие цвели иль, осыпав
Цвет, созревали и соком янтарно-густым наливались.
Саду границей служили красивые гряды, с которых
Овощ и вкусная зелень весь год собирались обильно.
Два там источника были; один обтекал, извиваясь,
Сад, а другой перед самым порогом царева жилища
Светлой струею бежал, и граждане в нем черпали воду.
Так изобильно богами был дом одарен Алкиноев.
Долго, дивяся, стоял перед ним Одиссей богоравный;
Но, поглядевши на все с изумленьем великим, ступил он
Смелой ногой на порог и во внутренность дома проникнул.
Там он узрел феакийских вождей и старейшин, творящих
Зоркому богу, убийце Аргуса, вином возлиянье

(Он от грядущих ко сну был всегда призываем последний).
Быстро палату пиров перешел Одиссей богоравный;
Скрытый туманом, которым его окружила Афина,
Прямо к Арете приблизился он и к царю Алкиною,
Обнял руками колена царицы, и в это мгновенье
Вдруг расступилась его облекавшая тьма неземная.
Все замолчали, могучего мужа внезапно увидя;
Все в изумленье смотрели. Царице Арете сказал он:
«Дочь Рексенора, подобного силой бессмертным, Арета,
Ныне к коленам твоим, и к царю, и к пирующим с вами
Я прибегаю, плачевный скиталец. Да боги пошлют вам
Светлое счастье на долгие дни; да наследуют ваши
Дети ваш дом и народом вам данный ваш сан знаменитый.
Мне ж помогите, чтоб я беспрепятственно мог возвратиться
В землю отцов, столь давно сокрушенный разлукой с своими».
Кончив, к огню очага подошел он и сел там на пепле.
Все неподвижно молчали, и долго молчание длилось.
Но наконец Эхеней, благородного племени старец,
Ранее всех современных ему феакиян рожденный,
Сладкоречивый, и старые были, и многое знавший,
Добрых исполненный мыслей, сказал, обратясь к Алкиною:
«Царь Алкиной, неприлично тебе допускать, чтоб молящий
Странник на пепле сидел очага твоего перед нами.
Почесть ему оказать ожидаем твоих повелений;
С пепла поднявши, на стул среброкованный с нами его ты
Сесть пригласи и глашатаю в чаши вина золотого
Влить повели, чтоб могли громолюбцу Зевесу, молящих
Странников всех покровителю, мы совершить возлиянье.
Гостю ж пускай из запаса даст ключница пищи вечерней».
Так он сказав, пробудил Алкиноеву силу святую.
За руку взяв Одиссея, объятого думой глубокой,
С пепла он поднял его и на креслах богатых с собою
Рядом за стол посадил, повелев уступить Лаодаму,
Сыну любимому, подле сидевшему, место пришельцу.
Тут для умытия рук поднесла на богатой лохани
Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня;
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно. Едой и питьем изобильным
Сердце свое насладил Одиссей, многославный страдалец.
Тут Понтоною глашатаю бросил крылатое слово
Царь феакиян: «Наполни кратеры вином и подай с ним
Чаши гостям, чтоб могли громолюбцу Зевесу, молящих

Странников всех покровителю, мы совершить возлиянье».
Так он сказал, и, наполнив медвяным вином все кратеры,
В чашах пирующим подал его Понтоной; возлиянье
Стоя они совершили и вдоволь питьем насладились.
Царь Алкиной, обратившись к гостям, произнес: «Приглашаю
Выслушать слово мое вас, мужей феакийских, дабы я
Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.
Кончился пир наш; теперь по домам на покой разойдитесь;
Завтра же утром, с собою и прочих вельмож пригласивши,
Снова придите, чтоб странника здесь угостить и бессмертным
Вместе свершить гекатомбу. Потом учредим отправленье
Гостя почтенного так, чтоб под нашей надежной защитой
Он без тревог и препятствий поспешно и весело прибыл
В край, им желаемый, сколь бы отсюда он ни был далеко;
Также, чтоб он ни печали, ни зла на дороге не встретил
Прежде, пока не достигнет отчизны; когда же достигнет,
Пусть испытает все то, что судьба и могучие Парки
В нить бытия роковую вплели для него при рожденье.
Если же кто из бессмертных под видом его посетил нас,
То на уме их, конечно, есть замысел, нам неизвестный;
Ибо всегда нам открыто являются боги, когда мы,
Их призывая, богатые им гекатомбы приносим;
С нами они пировать без чинов за трапезу садятся;
Даже когда кто из них и один на пути с феакийским
Странником встретится — он не скрывается; боги считают
Всех нас родными, как диких циклопов, как племя гигантов».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Царь Алкиной, не тревожься напрасно таким помышленьем;
Вечным богам, беспредельного неба владыкам, ни видом
Я не подобен, ни станом; простой человек я, из всех, вам
В мире известных людей земнородных, судьбою гонимых,
Самым злосчастнейшим бедственной жизнью моей я подобен.
Боле других бы я мог рассказать о великих напастях,
Мной претерпенных с трудом непомерным по воле
бессмертных;
Но несказанным, хотя и прискорбен, я голодом мучусь;
Нет ничего нестерпимей грызущего голода: нами
Властвуя, он о себе вспоминать ежечасно неволит
Нас, и печальных, и преданных скорби душой. Сколь ни
сильно
Скорби душою я предан, но тощий желудок мой жадно
Требует пищи себе и меня забывать принуждает
Все претерпенное мной, о себе лишь упорно заботясь.

Вы же, молю вас, как скоро пробудится светлая Эос,
Мне, злополучному, путь учредите в отчизну возвратный;
Много я бед претерпел, но готов и погибнуть, лишь только б
Светлый свой дом, и семью, и рабов, и богатства увидеть».
Кончил; они, изъявив одобренье, решили в отчизну
Гостя отправить, пленившего всех их столь умною речью.
После, свершив возлиянье и вкусным вином насладившись,
Каждый в свой дом удалился, о ложе и сне помышляя.
Но Одиссей богоравный остался в палате столовой;
Царь Алкиной и царица Арета остались с ним вместе; рабыни
Тою порой со столов всю посуду поспешно убрали.
Тут белорукая с гостем беседовать стала Арета.
Мантию с тонким хитоном, сотканные ею самою
Дома с рабынями, в платье пришельца узнавши, царица
Голос возвысила свой и крылатое бросила слово:
«Странник, сначала сама я тебя вопрошу; отвечай мне:
Кто ты? Откуда? И платье свое от кого получил ты?
Нам ты сказал, что сюда был морской непогодою брошен».
Светлой царице ответствовал так Одиссей хитроумный:
«Трудно, царица, мне будет тебе рассказать всю подробно
Повесть о бедствиях, встреченных мною по воле рожденных
Древним Ураном богов,— об одном расскажу откровенно:
В море находится остров Огигия; там обитает
Хитроковарная дочь кознодея Атланта Калипсо,
Светлокудрявая нимфа, богиня богинь. И не водят
Общества с нею ни вечные боги, ни смертные люди.
Я же один, злополучный, на остров ее был враждебным
Демоном брошен, когда мой корабль сокрушительным громом
Зевс поразил посреди беспредельно-пустынного моря.
Спутников всех (поглотила их бездна) тогда я утратил.
Сам же, на киле разбитого судна, обхваченном мною,
Девять носившися дней по волнам, на десятый с наставшей
Ночью на остров Огигию выброшен был, где Калипсо,
Светлокудрявая нимфа, живет. И, приют благосклонно
Дав мне, богиня меня угощала, кормила, хотела
Мне наконец даровать и бессмертье, и вечную младость.
Сердца, однако, она моего обольстить не успела.
Целые семь лет утратил я там, и текли непрестанно
Слезы мои на одежды, мне данные нимфой бессмертной.
Год напоследок осьмой приведен был времен обращеньем;
Вдруг мне она повелела покинуть свой остров — не знаю,
Зевса ль она убоялась, сама ль изменилася в мыслях?
Сел я на крепкосколоченный плот, и она, наделивши

Хлебом меня, и душистым вином, и нетленной одеждой,
Следом послала за мной благовеющий ветер попутный.
Дней совершилось семнадцать с тех пор, как пустился
я в море;
Вдруг на осьмнадцатый видима стала вдали над водами
Ваша земля, и во мне оживилося милое сердце,
Столь несказанно страдавшее. Много, однако, еще мне
Бед колебатель земли Посейдон непреклонный готовил:
Ветры подняв, заградил предо мной он дорогу, и море
Все беспредельное вдруг затревожилось; был я не в силах,
Жалобно стонущий, судном владеть на взволнованной бездне:
Буря его изломала в куски, и, в кипящую влагу
Бросясь, пустился я вплавь: напоследок примчали
К вашему брегу меня многошумные ветры и море;
Гибели б мне не избегнуть, когда б на утесистый берег
Был я волною, скалами его отшибаемой, кинут:
Силы напрягши, я в сторону поплыл и скоро достигнул
Устья реки — показалось то место приютным, там острых
Не было камней, там всюду от ветров являлась защита;
На берег вышед, в бессилие впал я; божественной ночи
Тьма наступила; тогда, удалясь от потока, небесным
Зевсом рожденного, я приютился в кустах и в опадших
Спрятался листьях; и сон бесконечный послали мне боги.
Там под защитою листьев, с печалию милого сердца,
Проспал всю ночь я, все утро и за полдень долго;
Солнце садилось, когда усладительный сон мой был прерван:
Дев, провожавших царевну твою, я увидел на бреге;
С нею, подобные нимфам, они, там резвяся, играли.
К ней обратил я молитву, и так поступила разумно
Юная царская дочь, как немногие с ней одинаких
Лет поступить бы могли,— молодежь рассудительна редко.
Сладкой едой и вином искрометным меня подкрепивши,
Мне искупаться в потоке велела она и одежду
Эту дала мне. Я кончил, поистине все рассказав вам».
Он умолкнул. Ему Алкиной отвечал благосклонно:
«Странник, гораздо б приличнее было для дочери нашей,
Если б она пригласила тебя за собою немедля
Следовать в дом наш: к ней первой ты с просьбой своей
обратился».
Так он сказал, и ему возразил Одиссей хитроумный:
«Царь благородный, не делай упреков разумной царевне;
Следовать мне за собою она предложила немедля;
Я ж отказался — мне было бы стыдно; при том же подумал

Я, что, меня с ней увидя, на нас ты разгневаться мог бы:
Скоро всегда раздражаемся мы, земнородные люди».
Царь Алкиной, возражая, ответствовал так Одиссею:
«Странник, в груди у меня к безрассудному гневу такому
Сердце не склонно; приличие ж должно во всем наблюдать нам.
Если б — о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! —
Если б нашелся подобный тебе, в помышленьях со мною
Сходный, супруг Навсикае, возлюбленный зять мне, и если б
Здесь поселился он... Дом и богатства бы дал я, когда бы
Волей ты с нами остался; насильно же здесь иноземца
Мы не задержим, то было бы Зевсу отцу неугодно.
Твой же отъезд я устрою, чтоб было тебе то известно,
Завтра: ты, сладкому отдыху мирно предавшися, будешь
Сонный в спокойном безветрии плыть и достигнешь
В землю отцов иль в иную какую желанную землю,
Сколь бы она ни лежала далеко, хотя бы в Эвбею,
Дале которой уж нет ничего, по сказанью отважных
Наших пловцов, с златовласым туда Радамантом ходивших,—
Тития, сына Земли, посетил он и, сколь ни далек был
Путь по глубокому морю, его без труда совершили
В сутки они, до Эвбеи доплыв и назад возвратившись.
Сам ты узнаешь, как быстры у нас корабли, как отважно
Веслами море браздят мореходцы мои молодые».
Так он сказал; пролилося веселие в грудь Одиссея;
Голос возвысивши свой, произнес он такую молитву:
«Дий, наш отец, да исполнится все, что теперь обещал мне
Царь Алкиной, и да будет всегда на земле плодоносной
Слава ему! А меня проводи безопасно в отчизну».
Так говорили о многом они, собеседуя сладко.
Тою порой повелела царица Арета рабыням
В сенях поставить кровать, на нее положить пурпуровый
Мягкий тюфяк и богатый ковер разостлать; на ковер же
Теплым покровом для тела косматую мантию бросить.
Факелы взявши, пошли из столовой рабыни; когда же
Было совсем приготовлено мягко-упругое ложе,
Близко они подошед к Одиссею, ему доложили:
«Странник, иди почивать: для тебя приготовлено ложе».
Радостно было усталому гостю призванье к покою;
Сладко-целительный сон наконец он вкусил безмятежно,
В звонко-пространных сенях на кровать прорезную возлегши.
Скоро и царь Алкиной, с ним простяся, во внутренней спальне
Лег на постель и заснул близ супруги своей благонравной.

Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос —
Мирный покинула сон Алкиноева сила святая;
Встал и божественный муж Одиссей, городов сокрушитель.
Царь Алкиной многовластный повел знаменитого гостя
На площадь, где невдали кораблей феакийцы сбирались.
Сели, пришедши, на гладко обтесанных камнях друг с другом
Рядом они. Той порою Паллада Афина по улицам града,
В образ облекшись глашатая царского, быстро ходила;
Сердцем заботясь о скором возврате домой Одиссея,
К каждому встречному ласково речь обращала богиня:
«Вы, феакийские люди, вожди и владыки, скорее
На площадь все соберитесь, дабы иноземца, который
В дом Алкиноя премудрого прибыл вчера, там увидеть:
Бурей к нам брошенный, богу он образом светлым подобен».
Так говоря, возбудила она любопытное рвенье
В каждом, и скоро наполнилась площадь народом; и сели
Все по местам. С удивленьем великим они обращали
Взор на Лаэртова сына: ему красотой несказанной
Плечи одела Паллада, главу и лицо озарила,
Стан возвеличила, сделала тело полнее, дабы он
Мог приобресть от людей феакийских приязнь и вселил в них
Трепет почтительный мужеской силой на играх, в которых
Им испытать надлежало его, отличась пред народом.
Все собрался они, и собрание сделалось полным.
Тут, обратяся к ним, царь Алкиной произнес: «Приглашаю
Выслушать слово мое вас, людей феакийских, дабы я
Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.
Гость иноземный — его я не знаю; бездомно скитаясь,
Он от восточных народов сюда иль от западных прибыл —
Молит о том, чтоб ему помогли мы достигнуть отчизны.
Мы, сохраняя обычай, молящему гостю поможем;
Ибо еще ни один чужеземец, мой дом посетивший,
Долго здесь, плача, не ждал, чтоб его я услышал молитву.
Должно спустить на священные воды корабль чернобокий,
В море еще не ходивший; потом изберем пятьдесят два
Самых отважных меж лучшими здесь молодыми гребцами;
Весла к скамьям прикрепив корабельным, пускай соберутся
В царских палатах они и поспешно себе на дорогу
Вкусный обед приготовят; я всех их к себе приглашаю.
Так от меня объявите гребцам молодым; а самих вас,

Скиптродержавных владык и судей, я прошу в мой
пространный
Дом, чтоб со мною, как следует, там угостить иноземца;
Всех вас прошу, отказаться не властен никто; позовите
Также певца Демодока: дар песней принял от богов он
Дивный, чтоб все воспевать, что в его пробуждается сердце».
Кончив, пошел впереди он; за ним все судьи и владыки
Скиптродержавные; звать Понтоной побежал Демодока.
Скоро по воле царя пятьдесят два гребца, на отлогом
Бреге бесплодно соленого моря собравшися, вместе
К ждавшему их на песке кораблю подошли, совокупной
Силою черный корабль на священные сдвинули воды,
Подняли мачты, устроили все корабельные снасти,
В крепкоременные петли просунули длинные весла,
Должным порядком потом паруса утвердили. Отведши
Легкий корабль на открытое взморье, они собралися
Все во дворце Алкиноя, царем приглашенные. Скоро
Все переходы палат, и дворы, и притворы народом
Сделались полны — там были и юноши, были и старцы.
Жирных двенадцать овец, двух быков криворогих и восемь
Остроклычистых свиней Алкиной повелел им зарезать;
Их ободрав, изобильный обед приготовили гости.
Тою порой с знаменитым певцом Понтоной возвратился;
Муза его при рождении злом и добром одарила:
Очи затмила его, даровала за то сладкопенье.
Стул среброкованный подал певцу Понтоной, и на нем он
Сел пред гостями, спиной прислоняся к колонне высокой.
Лиру слепца на гвозде над его головою повесив,
К ней прикоснуться рукою ему — чтоб ее мог найти он —
Дал Понтоной, и корзину с едою принес, и подвинул
Стол и вина приготовил, чтоб пил он, когда пожелает.
Подняли руки они к предложенной им пище; когда же
Был удовольствован голод их сладким питьем и едою,
Муза внушила певцу возгласить о вождях знаменитых,
Выбрав из песни, в то время везде до небес возносимой,
Повесть о храбром Ахилле и мудром царе Одиссее,
Как между ними однажды на жертвенном пире великом
Распря в ужасных словах загорелась и как веселился
В духе своем Агамемнон враждой знаменитых ахеян:
Знаменьем добрым ему ту вражду предсказал Аполлонов
В храме Пифийском оракул, когда через каменный праг он
Бога спросить перешел,— а случилось то в самом начале
Бедствий, ниспосланных богом богов на троян и данаев.

Начал великую песнь Демодок; Одиссей же, своею
Сильной рукою широкопурпурную мантию взявши,
Голову ею облек и лицо благородное скрыл в ней.
Слез он своих не хотел показать феакийцам. Когда же,
Пенье прервав, сладкогласный на время умолк песнопевец,
Слезы отерши, он мантию снял с головы и, наполнив
Кубок двудонный вином, совершил возлиянье бессмертным.
Снова запел Демодок, от внимавших ему феакиян,
Гласом его очарованных, вызванный к пенью вторично;
Голову мантией снова облек Одиссей, прослезяся.
Были другими его не замечены слезы, но мудрый
Царь Алкиной их заметил и понял причину их, сидя
Близ Одиссея и слыша скорбящего тяжкие вздохи.
Он феакиянам веслолюбивым сказал: «Приглашаю
Выслушать слово мое вас, судей и вельмож феакийских;
Душу свою насладили довольно мы вкусообильной
Пищей и звуками лиры, подруги пиров сладкогласной;
Время отсюда пойти нам и в мужеских подвигах крепость
Силы своей оказать, чтоб наш гость, возвратяся, домашним
Мог возвестить, сколь других мы людей превосходим
в кулачном
Бое, в борьбе утомительной, в прыганье, в беге проворном».
Кончив, поспешно пошел впереди он, за ним все другие.
Звонкую лиру приняв и повесив на гвоздь, Демодока
За руку взял Понтоной и из залы пиршественной вывел;
Вслед за другими, ведя песнопевца, пошел он, чтоб видеть
Игры, в которых хотели себя отличить феакийцы.
На площадь все собрались: толпой многочисленно-шумной
Там окружил их народ. Благородные юноши к бою
Вышли из сонма его: Акроней, Окиал с Элатреем,
Навтий, Примней, Анхиал, Эретмей с Анабесионеем;
С ними явились Понтей, Прореон и Фоон с Амфиалом,
Сыном Полиния, внуком Тектона; пристал напоследок
К ним и младой Эвриал, Навболит, равносильный Арею:
Всех феакиян затмил бы чудесной своей красотой он,
Если б его самого не затмил Лаодам беспорочный.
К ним подошли, наконец, Лаодам, Галионт с богоравным
Клитонеоном — три бодрые сына царя Алкиноя.
Первые в беге себя испытали они. Устремившись
С места того, на котором стояли, пустилися разом,
Пыль подымая, они через поприще: всех был проворней
Клитонеон благородный — какую по свежему полю
Борозду плугом два мула проводят, настолько оставив

Братьев своих назади, возвратился он первый к народу.
Стали другие в борьбе многотрудной испытывать силу:
Всех Эвриал одолел, превзошедши искусством и лучших.
В прыганье был Анхиал победителем. Тяжкого диска
Легким бросаньем от всех Эретмей отличился. В кулачном
Бое взял верх Лаодам, сын царя Алкиноя прекрасный.
Тут, как у всех уж довольно насытилось играми сердце,
К юношам речь обративши, сказал Лаодам, Алкиноев
Сын: «Не прилично ли будет спросить нам у гостя, в каких он
Играх способен себя отличить? Он не низкого роста,
Голени, бедра и руки его преисполнены силы,
Шея его жиловата, он мышцами крепок; годами
Также не стар; но превратности жизни его изнурили.
Нет ничего, утверждаю, сильней и губительней моря;
Крепость и самого бодрого мужа оно сокрушает».
«Умным,— сказал, отвечая на то, Эвриал Лаодаму,—
Кажется мне предложенье твое, Лаодам благородный.
Сам подойди к иноземному гостю и сделай свой вызов».
Сын молодой Алкиноя, слова Эвриала услышав,
Вышел вперед и сказал, обратяся к царю Одиссею:
«Милости просим, отец иноземец; себя покажи нам
В играх, в каких ты искусен,— но, верно, во всех ты искусен,—
Бодрому мужу ничто на земле не дает столь великой
Славы, как легкие ноги и крепкие мышцы, яви же
Силу свою нам, изгнав из души все печальные думы.
Путь для тебя уж теперь недалек; уж корабль быстроходный
С берега сдвинут, и наши готовы к отплытию люди».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Друг, не обидеть ли хочешь меня ты своим предложеньем?
Мне не до игр: на душе несказанное горе; довольно
Бед испытал и немало великих трудов перенес я;
Ныне ж, крушимый тоской по отчизне, сижу перед вами,
Вас и царя умоляя помочь мне в мой дом возвратиться».
Но Эвриал Одиссею ответствовал с колкой насмешкой:
«Странник, я вижу, что ты не подобишься людям, искусным
В играх, одним лишь могучим атлетам приличных; конечно,
Ты из числа промышленных людей, обтекающих море
В многовесельных своих кораблях для торговли, о том лишь
Мысля, чтоб, сбыв свой товар и опять корабли нагрузивши,
Боле нажить барыша: но с атлетом ты вовсе не сходен».
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей благородный:
«Слово обидно твое; человек ты, я вижу, злоумный.
Боги не всякого всем наделяют: не каждый имеет

Вдруг и пленительный образ, и ум, и могущество слова;
Тот по наружному виду внимания мало достоин —
Прелестью речи зато одарен от богов; веселятся
Люди, смотря на него, говорящего с мужеством твердым
Или с приветливой кротостью; он украшенье собраний;
Бога в нем видят, когда он проходит по улицам града.
Тот же, напротив, бессмертным подобен лица красотою,
Прелести ж бедное слово его никакой не имеет.
Так и твоя красота беспорочна, тебя и Зевес бы
Краше не создал; зато не имеешь ты здравого смысла.
Милое сердце в груди у меня возмутил ты своею
Дерзкою речью. Но я не безопытен, должен ты ведать,
В мужеских играх; из первых бывал я в то время, когда мне
Свежая младость и крепкие мышцы служили надежно.
Ныне ж мои от трудов и печалей истрачены силы;
Видел немало я браней и долго среди бедоносных
Странствовал вод, но готов я себя испытать и лишенный
Сил; оскорблен я твоим безрассудно-ругательным словом».
Так отвечав, поднялся он и, мантии с плеч не сложивши,
Камень схватил — он огромней, плотней и тяжеле всех дисков,
Брошенных прежде людьми феакийскими, был; и с размаха
Кинул его Одиссей, жиловатую руку напрягши;
Камень, жужжа, полетел; и под ним до земли головами
Веслолюбивые, смелые гости морей, феакийцы
Все наклонились; а он далеко через все перемчался
Диски, легко улетев из руки; и Афина под видом
Старца, отметивши знаком его, Одиссею сказала:
«Странник, твой знак и слепой различит без ошибки, ощупав
Просто рукою; лежит он отдельно от прочих, гораздо
Далее всех их. Ты в этом бою победил; ни один здесь
Камня ни дале, ни так же далеко, как ты, не способен
Бросить». От слов сих веселье проникло во грудь Одиссея.
Радуясь тем, что ему хоть один благосклонный в собранье
Был судия, с обновленной душой он сказал предстоявшим:
«Юноши, прежде добросьте до этого камня; за вами
Брошу другой я и столь же далеко, быть может, и дале.
Пусть все другие, кого побуждает отважное сердце,
Выйдут и сделают опыт; при всех оскорбленный, я ныне
Всех вас на бой рукопашный, на бег, на борьбу вызываю;
С каждым сразиться готов я — с одним не могу Лаодамом:
Гость я его — подыму ли на друга любящего руку?
Тот неразумен, тот пользы своей различать не способен,
Кто на чужой стороне с дружелюбным хозяином выйти

Вздумает в бой; несомненно, себе самому повредит он.
Но меж другими никто для меня не презрителен, с каждым
Рад я схватиться, чтоб силу мою, грудь на грудь, испытать
с ним.
Знайте, что я ни в каком не безопытен мужеском бое.
Гладким луком и самым тугим я владею свободно;
Первой стрелой поражу я на выбор противника в тесном
Сонме врагов, хоть кругом бы меня и товарищей много
Было и меткую каждый стрелу на врага бы нацелил.
Только одним Филоктетом бывал я всегда побеждаем
В Трое, когда мы, ахейцы, там, споря, из лука стреляли.
Но утверждаю, что в этом искусстве со мной ни единый
Смертный, себя насыщающий хлебом, сравниться не может;
Я не дерзнул бы, однако, бороться с героями древних
Лет, ни с Гераклом, ни с Евритом, метким стрелком
эхалийским;
Спорить они и с богами в искусстве своем не страшились;
Еврит великий погиб от того; не достиг он глубокой
Старости в доме семейном своем; раздражив Аполлона
Вызовом в бой святотатным, он из лука был им застрелен.
Дале копьем я достигнуть могу, чем другие стрелою;
Может случиться, однако, что кто из людей феакийских
В беге меня победит: окруженный волнами, я силы
Все истощил, на неверном плоту не вкушая столь долго
Пищи, покоя и сна; и мои все разрушены члены».
Так он сказал; все кругом неподвижно хранили молчанье.
Но Алкиной, возражая, ответствовал так Одиссею:
«Странник, ты словом своим не обидеть нас хочешь; ты только
Всем показать нам желаешь, какая еще сохранилась
Крепость в тебе; ты разгневан безумцем, тебя оскорбившим
Дерзкой насмешкой,— зато ни один, говорить здесь
привыкший
С здравым рассудком, ни в чем не помыслит тебя опорочить.
Выслушай слово, однако, мое со вниманьем, чтоб после
Дома его повторить при друзьях благородных, когда ты,
Сидя с женой и детьми за веселой семейной трапезой,
Вспомнишь о доблестях наших и тех дарованьях, какие
Нам от отцов благодатью Зевеса достались в наследство.
Мы, я скажу, ни в кулачном бою, ни в борьбе не отличны;
Быстры ногами зато несказанно и первые в море;
Любим обеды роскошные, пение, музыку, пляску,
Свежесть одежд, сладострастные бани и мягкое ложе.

Но пригласите сюда плясунов феакийских; зову я
Самых искусных, чтоб гость наш, увидя их, мог, возвратяся
В дом свой, там всем рассказать, как других мы людей
превосходим
В плаванье по морю, в беге проворном, и в пляске, и в пенье.
Пусть принесут Демодоку его звонкогласную лиру;
Где-нибудь в наших пространных палатах ее он оставил».
Так Алкиной говорил, и глашатай, его исполняя
Волю, поспешно пошел во дворец за желаемой лирой.
Судьи, в народе избранные, девять числом, на средину
Поприща, строгие в играх порядка блюстители, вышли,
Место для пляски угладили, поприще сделали шире.
Тою порой из дворца возвратился глашатай и лиру
Подал певцу: пред собранье он выступил; справа и слева
Стали цветущие юноши, в легкой искусные пляске.
Топали в меру ногами под песню они; с наслажденьем
Легкость сверкающих ног замечал Одиссей и дивился.
Лирой гремя сладкозвучною, пел Демодок вдохновенный
Песнь о прекраснокудрявой Киприде и боге Арее:
Как их свиданье первое в доме владыки Гефеста
Было; как, много истратив богатых даров, опозорил
Ложе Гефеста Арей, как открыл, наконец, все Гефесту
Гелиос зоркий, любовное их подстерегши свиданье.
Только достигла обидная весть до Гефестова слуха,
Мщенье в сердце замыслив, он в кузнице плаху поставил,
Крепко свою наковальню уладил на ней и проворно
Сети сковал из железных, крепчайших, ничем не разрывных
Проволок. Хитрый окончивши труд и готовя Арею
Стыд, он пошел в тот покой, где богатое ложе стояло.
Там он, сетями своими опутав подножье кровати,
Их на нее опустил с потолка паутиною тонкой;
Были не только невидимы оку людей, но и взорам
Вечных богов неприметны они: так искусно сковал их,
Мщенье готовя, Гефест. Западню перед ложем устроив,
Он притворился, что путь свой направил в Лемнос,
крепкозданный
Город, всех боле других городов на земле им любимый.
Зорко за ним наблюдая, Арей златоуздный тогда же
Сведал, что в путь свой Гефест, многославный художник,
пустился.
Сильной любовью к прекрасновенчанной Киприде влекомый,
В дом многославного бога художника тайно вступил он.
Зевса отца посетив на высоком Олимпе, в то время

Дома одна, отдыхая, сидела богиня. Арей, подошедши,
За руку взял, и по имени назвал ее, и сказал ей:
«Милая, час благосклонен, пойдем на роскошное ложе;
Муж твой Гефест далеко; он на остров Лемнос удалился,
Верно, к суровым синтийям, наречия грубого людям».
Так он сказал, и на ложе охотно легла с ним Киприда.
Мало-помалу и он и она усыпились. Вдруг сети
Хитрой Гефеста работы, упав, их схватили с такою
Силой, что не было средства ни встать им, ни тронуться членом;
Скоро они убедились, что бегство для них невозможно;
Скоро и сам, не свершив половины пути, возвратился
В дом свой Гефест многоумный, на обе хромающий ноги:
Гелиос зоркий его обо всем известить не замедлил.
В дом свой вступивши с печалью милого сердца, поспешно
Двери Гефест отворил, и душа в нем наполнилась гневом;
Громко он начал вопить, чтоб его все услышали боги:
«Дий вседержитель, блаженные, вечные боги, сберитесь
Тяжкообидное, смеха достойное дело увидеть:
Как надо мной, хромоногим, Зевесова дочь Афродита
Гнусно ругается, с грозным Ареем, губительным богом,
Здесь сочетавшись. Конечно, красавец и тверд на ногах он;
Я ж от рождения хром — но моею ль виною? Виновны
В том лишь родители. Горе мне, горе! Зачем я родился?
Вот посмотрите, как оба, обнявшися нежно друг с другом,
Спят на постели моей. Несказанно мне горько то видеть.
Знаю, однако, что так им в другой раз заснуть не удастся;
Сколь ни сильна в них любовь, но, конечно, охота к такому
Сну в них теперь уж прошла: не сниму с них дотоле я этой
Сети, пока не отдаст мне отец всех богатых подарков,
Им от меня за невесту, бесстыдную дочь, полученных.
Правда, прекрасна она, но ее переменчиво сердце».
Так он сказал. Той порой собрались в медностенных палатах
Боги; пришел Посейдон земледержец; пришел дароносец
Эрмий; пришел Аполлон, издалека разящий стрелами;
Но, сохраняя пристойность, богини остались дома.
В двери вступили податели благ, всемогущие боги:
Подняли все они смех несказанный, увидя, какое
Хитрое дело ревнивый Гефест совершить умудрился.
Глядя друг на друга, так меж собою они рассуждали:
«Злое не впрок; над проворством здесь медленность верх
одержала;
Как ни хромает Гефест, но поймал он Арея, который
Самый быстрейший из вечных богов, на Олимпе живущих.

Хитростью взял он; достойная мзда посрамителю брака».
Так говорили, друг с другом беседуя, вечные боги.
К Эрмию тут обратившись, сказал Аполлон, сын Зевеса:
«Эрмий, Кронионов сын, благодатный богов вестоносец,
Искренне мне отвечай, согласился ль бы ты под такою
Сетью лежать на постели одной с золотою Кипридой?»
Зоркий убийца Аргуса ответствовал так Аполлону:
«Если б могло то случиться, о царь Аполлон стреловержец,
Сетью тройной бы себя я охотно опутать дозволил,
Пусть на меня бы, собравшись, богини и боги смотрели,
Только б лежать на постели одной с золотою Кипридой!»
Так отвечал он; бессмертные поднялп смех несказанный.
Но Посейдон не смеялся; чтоб выручить бога Арея,
К славному дивным искусством Гефесту он, голос возвысив,
С просьбой своей обратился и бросил крылатое слово:
«Дай им свободу; ручаюсь тебе за Арея; как сам ты
Требуешь, все дополна при бессмертных богах он заплатит».
Бог хромоногий Гефест, отвечая, сказал Посейдону:
«Нет, от меня, Посейдон земледержец, того ты не требуй.
Знаешь ты сам, что всегда неверна за неверных порука.
Чем же тебя, всемогущий, могу я к уплате принудить,
Если свободный Арей убежит и платить отречется?»
Богу Гефесту ответствовал так Посейдон земледержец:
«Если могучий Арей, чтоб не быть принужденным к уплате,
Скроется тайно, то все за него заплатить обязуюсь
Я». Хромоногий Гефест отвечал Посейдону владыке:
«Воли твоей, Посейдон, не дерзну и не властен отвергнуть».
С сими словами разрушила цепи Гефестова сила.
Бог и богиня — лишь только их были разрушены цепи —
Быстро вскочив, улетели. Во Фракию он удалился;
Скрылася в Кипр золотая с улыбкой приветной Киприда;
Был там алтарь ей в Пафосском лесу благовонном воздвигнут;
Там, искупавши ее и натерши душистым, святое
Тело одних лишь богов орошающим маслом, Хариты
Плечи ее облачили одеждою прелести чудной.
Так воспевал вдохновенный певец. Одиссей благородный
В сердце, внимая ему, веселился; и с ним веселились
Веслолюбивые, смелые гости морей, феакийцы.
Но Алкиной повелел Галиону вдвоем с Лаодамом
Пляску начать: в ней не мог превосходством никто победить их.
Мяч разноцветный, для них рукодельным Полибием сшитый,
Взяв, Лаодам с молодым Галионтом на ровную площадь
Вышли; закинувши голову, мяч к облакам темно-светлым

Бросил один; а другой разбежался и, прянув высоко,
Мяч на лету подхватил, до земли не коснувшись ногами.
Легким бросаньем мяча в высоту отличась пред народом,
Начали оба по гладкому лону земли плодоносной
Быстро плясать; и затопали юноши в меру ногами,
Стоя кругом, и от топота ног их вся площадь гремела.
Долго смотрев, напоследок сказал Одиссей Алкиною:
«Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
Ты похвалился, что пляскою с вами никто не сравнится;
Правда твоя; то глазами я видел; безмерно дивлюся».
Так он сказав, возбудил Алкиноеву силу святую.
Царь феакиянам веслолюбивым сказал: «Приглашаю
Выслушать слово мое вас, судей и владык феакийских;
Разум великий имеет, я вижу, наш гость иноземный;
Должно ему, как обычай велит, предложить нам подарки;
Областью нашею правят двенадцать владык знаменитых,
Праведно-строгих судей; я тринадцатый, главный. Пусть каждый
Чистое верхнее платье с хитоном и с полным талантом
Золота нашему гостю в подарок назначит обычный.
Все повелите сюда принести и своими руками
Страннику сдайте, чтоб весел он был за трапезою нашей.
Ты ж, Эвриал, удовольствуй его, перед ним повинившись,
Дав и подарок: его оскорбил неприличным ты словом».
Так он сказал, изъявили свое одобренье другие;
Каждый глашатая в дом свой послал, чтоб подарки принес он.
Но Эвриал, повинуясь, ответствовал так Алкиною:
«Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
Я удовольствую гостя, желанье твое исполняя.
Медный свой меч с рукоятью серебряной в новых
Чудной работы ножнах из слоновыя кости охотно
Дам я ему, и, конечно, он дар мой высоко оценит».
Так говоря, среброкованый меч свой он снял и возвысил
Голос и бросил крылатое слово Лаэртову сыну:
«Радуйся, добрый отец иноземец! И если сказал я
Дерзкое слово, пусть ветер его унесет и развеет;
Ты же, хранимый богами, да скоро увидишь супругу,
В дом возвратяся по долгопечальной разлуке с семьею».
Кончил; ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Радуйся также и ты и, хранимый богами, будь счастлив.
В сердце ж своем никогда не раскайся, что мне драгоценный
Меч подарил свой, повинным меня удовольствовав словом».
Так отвечав, среброкованый меч на плечо он повесил.

Солнце зашло; все богатые собраны были подарки;
Их поспешили глашатаи в дом отнести Алкиноев;
Там сыновья Алкиноя владыки, принявши подарки,
Отдали матери их, многоумной царице Арете.
Царь же повел знаменитого гостя со всеми другими
В дом свой, и сели, пришедши, они на возвышенных креслах.
Тут, обратяся к царице Арете, сказал благородный
Царь: «Принеси нам, жена, драгоценнейший самый из многих
Наших ковчегов, в него положивши и верхнее платье
С тонким хитоном. Поставьте котел на огонь, вскипятите
Воду, чтоб гость наш омылся и, все осмотревши подарки,
Им полученные здесь от людей феакийских, был весел,
С нами сидя за вечерней трапезой и пенью внимая.
Я же еще драгоценный кувшин золотой на прощанье
Дам, чтоб, меня вспоминая, он мог из него ежедневно
Дома творить возлиянье Зевсу и прочим бессмертным».
Так он сказал, и царица Арета велела рабыням
Яркий огонь разложить под огромным котлом троеножным.
Тотчас котел троеножный на ярком огне был поставлен.
Налили воду в котел и усилили хворостом пламя;
Чрево сосуда оно обхватило, вода закипела.
Тою порою Арета прекрасный ковчег из покоев
Внутренних вынесла гостю; в ковчег положила подарки,
Золото, ризы и все, что ему феакийские мужи
Дали; сама ж к ним прибавила верхнее платье с хитоном.
Кончив, она Одиссею крылатое бросила слово:
«Кровлей накрыв и тесьмою опутав ковчег, завяжи ты
Узел, чтоб кто на дороге чего не похитил, покуда
Будешь покоиться сном ты, плывя в корабле чернобоком».
То Одиссей богоравный, в бедах постоянный, услышав,
Кровлей накрыл и тесьмою опутал ковчег и искусный
Узел (как был научен хитроумной Цирцеею) сделал.
Тут пригласила его домовитая ключница в баню
Члены свои оживить омовеньем; и теплой купальне
Рад был испытанный муж Одиссей, той услады лишенный
С самых тех пор, как покинул жилище Калипсо, в котором
Нимфы ему, как бессмертному богу, служили. Когда же
Тело омыла ему и елеем натерла рабыня,
Легкий надевши хитон и богатой облекшись хламидой,
Вышел он свежий из бани и к пьющим гостям в пировую
Залу вступил. Навсикая царевна, богиня красою,
Подле столба, потолок подпиравшего залы, стояла.
Взор изумленный подняв на прекрасного гостя, царевна

Голос возвысила свой и крылатое бросила слово:
«Радуйся, странник, но, в милую землю отцов возвратяся,
Помни меня; ты спасением встрече со мною обязан».
Юной царевне ответствовал так Одиссей многоумный:
«О Навсикая, прекрасноцветущая дочь Алкиноя,
Если мне Геры супруг, громоносный Кронион, дозволит
В доме отеческом сладостный день возвращенья увидеть,
Буду там помнить тебя и тебе ежедневно, как богу,
Сердцем молиться: спасением встрече с тобой я обязан».
Так отвечав ей, на креслах он сел близ царя Алкиноя.
Было уж роздано мясо; уж чаши вином наполнялись.
Тою порой возвратился глашатай с певцом Демодоком,
Чтимым в народе. Певец посреди светлозданной палаты
Сел пред гостями, спиной прислонившись к колонне высокой.
Полную жира хребтовую часть острозубого вепря
Взявши с тарелки своей (для себя же оставя там боле),
Царь Одиссей многославный сказал, обратясь к Понтоною:
«Эту почетную часть изготовленной вкусно веприны
Дай Демодоку; его и печальный я чту несказанно.
Всем на обильной земле обитающим людям любезны,
Всеми высоко честимы певцы; их сама научила
Пению Муза; ей мило певцов благородное племя».
Так он сказал, и проворно отнес от него Демодоку
Мясо глашатай; певец благодарно даяние принял.
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
Был удовольствован голод их сладким питьем и едою,
Так, обратясь к Демодоку, сказал Одиссей хитроумный:
«Выше всех смертных людей я тебя, Демодок, поставляю;
Музою, дочерью Дия, иль Фебом самим наученный,
Все ты поешь по порядку, что было с ахейцами в Трое,
Что совершили они и какие беды претерпели;
Можно подумать, что сам был участник всему иль от верных
Все очевидцев узнал ты. Теперь о коне деревянном,
Чудном Эпеоса с помощью девы Паллады созданье,
Спой нам, как в город он был хитроумным введен Одиссеем,
Полный вождей, напоследок святой Илион сокрушивших.
Если об этом по истине все нам, как было, споешь ты,
Буду тогда перед всеми людьми повторять повсеместно
Я, что божественным пением боги тебя одарили».
Так он сказал, и запел Демодок, преисполненный бога:
Начал с того он, как все на своих кораблях крепкозданных
В море отплыли данаи, предавши на жертву пожару
Брошенный стан свой, как первые мужи из них с Одиссеем

Были оставлены в Трое, замкнутые в конской утробе,
Как напоследок коню Илион отворили трояне.
В граде стоял он; кругом, нерешимые в мыслях, сидели
Люди троянские, было меж ними троякое мненье:
Или губительной медью громаду пронзить и разрушить,
Или, ее докативши до замка, с утеса низвергнуть,
Или оставить среди Илиона мирительной жертвой
Вечным богам: на последнее все согласились, понеже
Было судьбой решено, что падет Илион, отворивши
Стены коню, где ахейцы избранные будут скрываться,
Черную участь и смерть приготовив троянам враждебным.
После воспел он, как мужи ахейские в град ворвались,
Чрево коня отворив и из темного выбежав склепа;
Как, разъяренные, каждый по-своему град разоряли,
Как Одиссей к Деифобову дому, подобный Арею,
Бросился вместе с божественно-грозным в бою Менелаем.
Там истребительный бой (продолжал песнопевец) возжегши,
Он наконец победил, подкрепленный великой Палладой.
Так об ахеянах пел Демодок; несказанно растроган
Был Одиссей, и ресницы его орошались слезами.
Так сокрушенная плачет вдовица над телом супруга,
Падшего в битве упорной у всех впереди перед градом,
Силясь от дня рокового спасти сограждан и семейство.
Видя, как он содрогается в смертной борьбе, и прижавшись
Грудью к нему, злополучная стонет; враги же нещадно
Древками копий ее по плечам и хребту поражая,
Бедную в плен увлекают на рабство и долгое горе;
Там от печали и плача ланиты ее увядают.
Так от печали текли из очей Одиссеевых слезы.
Всеми другими они незамечены были; но мудрый
Царь Алкиной их заметил и понял причину их, сидя
Близ Одиссея и слыша скорбящего тяжкие вздохи.
Он феакиянам веслолюбивым сказал: «Приглашаю
Выслушать слово мое вас, судей и владык феакийских.
Пусть Демодок звонкострунную лиру заставит умолкнуть;
Здесь он не всех веселит нас ее сладкогласием дивным:
С тех пор, как пенье божественный начал певец на вечерем
Нашем пиру, непрестанно глубоко и тяжко вздыхает
Странник; конечно, прискорбие сердцем его овладело.
Должен умолкнуть певец, чтоб могли здесь равно веселиться
Гость наш и все мы; конечно, для нас то приятнее будет.
Здесь же давно к отправлению в путь иноземца готово

Все; и подарки уж собраны, данные дружбою нашей.
Странник молящий не менее брата родного любезен
Всякому, кто одарен от богов не безжалостным сердцем.
Ты же теперь, ничего не скрывая, ответствуй на то мне,
Гость наш, о чем я тебя вопрошу: откровенность похвальна.
Имя скажи мне, каким и отец твой, и мать, и другие
В граде твоем и отечестве милом тебя величают.
Между живущих людей безыменным никто не бывает
Вовсе; в минуту рождения каждый, и низкий и знатный,
Имя свое от родителей в сладостный дар получает;
Землю, и град, и народ свой потом назови, чтоб согласно
С волей твоей и корабль наш свое направление выбрал;
Кормщик не правит в морях кораблем феакийским; руля мы,
Нужного каждому судну, на наших судах не имеем;
Сами они понимают своих корабельщиков мысли;
Сами находят они и жилища людей, и поля их
Тучнообильные; быстро они все моря обтекают,
Мглой и туманом одетые; нет никогда им боязни
Вред на волнах претерпеть иль от бури в пучине погибнуть.
Вот что, однако, в ребячестве я от отца Навсифоя
Слышал: не раз говорил он, что бог Посейдон недоволен
Нами за то, что развозим мы всех по морям безопасно.
Некогда, он утверждал, феакийский корабль, проводивший
Странника в землю его, возвращаяся морем туманным,
Будет разбит Посейдоном, который высокой горою
Град наш задвинет. Исполнит ли то Посейдон земледержец
Иль не исполнит — пусть будет по воле великого бога!
Ты же скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать,
Где по морям ты скитался? Каких человеков ты земли
Видел? Светлонаселенные их города опиши нам:
Были ль меж ними свирепые, дикие, чуждые правды?
Были ль благие для странника, чтущие волю бессмертных?
Также скажи, отчего ты так плачешь? Зачем так печально
Слушаешь повесть о битвах данаев, о Трое погибшей?
Им для того ниспослали и смерть, и погибельный жребий
Боги, чтоб славною песнею были они для потомков.
Ты же, конечно, утратил родного у стен илионских,
Милого зятя иль тестя, которые нашему сердцу
Самые близкие после возлюбленных сродников кровных?
Или товарища нежноприветного, кроткого сердцем,
Там потерял ты? Не менее брата родного любезен
Нам наш товарищ, испытанный друг и разумный советник».

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей богоравный:
«Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
Сладко вниманье свое нам склонять к песнопевцу, который,
Слух наш пленяя, богам вдохновеньем высоким подобен.
Я же скажу, что великая нашему сердцу утеха
Видеть, как целой страной обладает веселье; как всюду
Сладко пируют в домах, песнопевцам внимая; как гости
Рядом по чину сидят за столами, и хлебом и мясом
Пышно покрытыми; как из кратер животворный напиток
Льет виночерпий и в кубках его опененных разносит.
Думаю я, что для сердца ничто быть утешней не может.
Но от меня о плачевных страданьях моих ты желаешь
Слышать, чтоб сердце мое преисполнилось плачем сильнейшим:
Что же я прежде, что после и что наконец расскажу вам?
Много Ураниды боги мне бедствий различных послали.
Прежде, однако, вам имя свое назову, чтоб могли вы
Знать обо мне, чтоб, покуда еще мной не встречен последний
День, и в далекой стране я считался вам гостем любезным.
Я Одиссей, сын Лаэртов, везде изобретеньем многих
Хитростей славных и громкой молвой до небес вознесенный.
В солнечносветлой Итаке живу я; там Нерион, всюду
Видимый с моря, подъемлет вершину лесистую; много
Там и других островов, недалеких один от другого:
Зам, и Дулихий, и лесом богатый Закинф; и на самом
Западе плоско лежит окруженная морем Итака
(Прочие ж ближе к пределу, где Эос и Гелиос всходят);
Лоно ее каменисто, но юношей бодрых питает;
Я же не ведаю края прекраснее милой Итаки.
Тщетно Калипсо, богиня богинь, в заключении долгом
Силой держала меня, убеждая, чтоб был ей супругом;
Тщетно меня чародейка, владычица Эи, Цирцея
В доме держала своем, убеждая, чтоб был ей супругом,—
Хитрая лесть их в груди у меня не опутала сердца;
Сладостней нет ничего нам отчизны и сродников наших,
Даже когда б и роскошно в богатой обители жили
Мы на чужой стороне, далеко от родителей милых.
Если, однако, велишь, то о странствии трудном, какое
Зевс учредил мне, от Трои плывущему, все расскажу я.
Ветер от стен Илиона привел нас ко граду киконов,
Исмару: град мы разрушили, жителей всех истребили.

Жен сохранивши и всяких сокровищ награбивши много,
Стали добычу делить мы, чтоб каждый мог взять свой участок.
Я ж настоял, чтоб немедля стопою поспешною в бегство
Все обратились: но добрый совет мой отвергли безумцы;
Полные хмеля, они пировали на бреге песчаном,
Мелкого много скота и быков кривороrих зарезав.
Тою порою киконы, из града бежавшие, многих
Собрали живших соседственно с ними в стране той киконов,
Сильных числом, приобыкших сражаться с коней и не мене
Смелых, когда им и пешим в сраженье вступать надлежало.
Вдруг их явилось так много, как листьев древесных иль ранних
Вешних цветов; и тогда же нам сделалось явно, что злую
Участь и бедствия многие нам приготовил Кронион.
Сдвинувшись, начали бой мы вблизи кораблей быстроходных,
Острые копья, обитые медью, бросая друг в друга. Покуда
Длилося утро, пока продолжал подыматься священный
День, мы держались и их отбивали, сильнейших; когда же
Гелиос к позднему часу волов отпряженья склонился,
В бег обратили киконы осиленных ими ахеян.
С каждого я корабля по шести броненосцев отважных
Тут потерял; от судьбы и от смерти ушли остальные.
Далее поплыли мы в сокрушенье великом о милых
Мертвых, но радуясь в сердце, что сами спаслися от смерти.
Я ж не отвел кораблей легкоходных от брега, покуда
Три раза не был по имени назван из наших несчастных
Спутников каждый, погибший в бою и оставленный в поле.
Вдруг собирающий тучи Зевес буреносца Борея,
Страшно ревущего, выслал на нас; облака обложили
Море и землю, и темная с грозного неба сошла ночь.
Мчались суда, погружаяся в волны носами; ветрила
Трижды, четырежды были разорваны силою бури.
Мы, избегая беды, в корабли их, свернув, уложили;
Сами же начали веслами к ближнему берегу править;
Там провели мы в бездействии скучном два дня и две ночи,
В силах своих изнуренные, с тяжкой печалию сердца.
Третий нам день привела светлозарнокудрявая Эос;
Мачты устроив и снова подняв паруса, на суда мы
Сели; они понеслись, повинуясь кормилу и ветру.
Мы невредимо бы в милую землю отцов возвратились,
Если б волнение моря и сила Борея не сбили
Нас, обходящих Малею, с пути, отдалив от Киферы.
Девять носила нас дней раздраженная буря по темным
Рыбообильным водам; на десятый к земле лотофагов,

Пищей цветочной себя насыщающих, ветер примчал нас.
Вышед на твердую землю и свежей водою запасшись,
Наскоро легкий обед мы у быстрых судов учредили.
Свой удовольствовав голод питьем и едою, избрал я
Двух расторопнейших самых товарищей наших (был третий
С ними глашатай) и сведать послал их, к каким мы достигли
Людям, вкушающим хлеб на земле, изобильной дарами.
Мирных они лотофагов нашли там; и посланным нашим
Зла лотофаги не сделали; их с дружелюбною лаской
Встретив, им лотоса дали отведать они; но лишь только
Сладко-медвяного лотоса каждый отведал, мгновенно
Все позабыл и, утратив желанье назад возвратиться,
Вдруг захотел в стороне лотофагов остаться, чтоб вкусный
Лотос сбирать, навсегда от своей отказавшись отчизны.
Силой их, плачущих, к нашим судам притащив, повелел я
Крепко их там привязать к корабельным скамьям;
остальным же
Верным товарищам дал приказанье, нимало не медля,
Всем на проворные сесть корабли, чтоб из них никоторый,
Лотосом сладким прельстясь, от возврата домой не отрекся.
Все на суда собралися и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.
Далее поплыли мы, сокрушенные сердцем, и в землю
Прибыли сильных, свирепых, не знающих правды циклопов.
Там беззаботно они, под защитой бессмертных имея
Все, ни руками не сеют, ни плугом не пашут; земля там
Тучная щедро сама без паханья и сева дает им
Рожь, и пшено, и ячмень, и роскошных кистей винограда
Полные лозы, и сам их Кронион дождем оплождает.
Нет между ними ни сходбищ народных, ни общих советов;
В темных пещерах они иль на горных вершинах высоких
Вольно живут; над женой и детьми безотчетно там каждый
Властвует, зная себя одного, о других не заботясь.
Есть островок там пустынный и дикий; лежит он на темном
Лоне морском, ни далеко, ни близко от брега циклопов,
Лесом покрытый; в великом там множестве дикие козы
Водятся; их никогда не тревожил шагов человека
Шум; никогда не заглядывал к ним звероловец, за дичью
С тяжким трудом по горам крутобоким с псами бродящий;
Там не пасутся стада и земли не касаются плуги;
Там ни в какие дни года ни сеют, ни пашут; людей там
Нет; без боязни там ходят одни тонконогие козы,
Ибо циклопы еще кораблей красногрудых не знают;

Нет между ними искусников, опытных в хитром строенье
Крепких судов, из которых бы каждый, моря обтекая,
Разных народов страны посещал, как бывает, что ходят
По морю люди, с другими людьми дружелюбно знакомясь.
Дикий тот остров могли обратить бы в цветущий циклопы;
Он не бесплоден; там все бы роскошно рождалося к сроку;
Сходят широкой отлогостью к морю луга там густые,
Влажные, мягкие; много б везде разрослось винограда;
Плугу легко покоряся, поля бы покрылись высокой
Рожью, и жатва была бы на тучной земле изобильна.
Есть там надежная пристань, в которой не нужно ни тяжкий
Якорь бросать, ни канатом привязывать шаткое судно;
Может оно простоять безопасно там, сколько захочет
Плаватель сам иль пока не подымется ветер попутный.
В самой вершине залива прозрачно ввергается в море
Ключ, из пещеры бегущий под сению тополей черных.
В эту мы пристань вошли с кораблями; в ночной темноте нам
Путь указал благодетельный демон: был остров невидим;
Влажный туман окружал корабли; не светила Селена
С неба высокого; тучи его покрывали густые;
Острова было нельзя различить нам глазами во мраке;
Видеть и длинных, широко на берег отлогий бегущих
Волн не могли мы, пока корабли не коснулися брега.
Но лишь коснулися брега они, паруса мы свернули;
Сами же, вышед на брег, поражаемый шумно волнами,
Сну предались в ожиданье восхода на небо Денницы.
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Весь обошли с удивленьем великим мы остров пустынный;
Нимфы же, дочери Зевса эгидодержавца, пригнали
Коз с обвеваемых ветрами гор, для богатой нам пищи;
Гибкие луки, охотничьи легкие копья немедля
Взяли с своих кораблей мы и, на три толпы разделяся,
Начали битву; и бог благосклонный великой добычей
Нас наградил: все двенадцать моих кораблей запасли мы,
Девять на каждый досталось по жеребью коз; для себя же
Выбрал я десять. И целый мы день до вечернего мрака
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались,
Ибо еще на моих кораблях золотого довольно
Было вина: мы наполнили много скудельных сосудов
Сладким напитком, разрушивши город священный киконов.
С острова ж в области близкой циклопов нам ясно был виден
Дым; голоса их, блеянье их коз и баранов могли мы
Слышать. Тем временем солнце померкло, и тьма наступила.

Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Верных товарищей я на совет пригласил и сказал им:
«Все вы, товарищи верные, здесь без меня оставайтесь;
Я же, с моим кораблем и моими людьми удаляся,
Сведать о том попытаюсь, какой там народ обитает,
Дикий ли, нравом свирепый, не знающий правды,
Или приветливый, богобоязненный, гостеприимный?»
Так я сказал и, вступив на корабль, повелел, чтоб за мною
Люди мои на него все взошли и канат отвязали;
Люди взошли на корабль и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.
К берегу близкому скоро пристав с кораблем, мы открыли
В крайнем, у самого моря стоявшем утесе пещеру,
Густо одетую лавром, пространную, где собирался
Мелкий во множестве скот; там высокой стеной из огромных,
Грубо набросанных камней был двор обведен, и стояли
Частым забором вокруг черноглавые дубы и сосны.
Муж великанского роста в пещере той жил; одиноко
Пас он баранов и коз и ни с кем из других не водился;
Был пелюдим он, свиреп, никакого не ведал закона;
Видом и ростом чудовищным в страх приводя, он несходен
Был с человеком, вкушающим хлеб, и казался лесистой,
Дикой вершиной горы, над другими воздвигшейся грозно.
Спутникам верным моим повелел я остаться на бреге
Близ корабля и его сторожить неусыпно; с собой же
Взявши двенадцать надежных и самых отважных, пошел я
С ними; и мы запаслися вина драгоценного полным
Мехом: Марон, Аполлона великого жрец, Еванфеев
Сын, обитавший в разрушенном Исмаре, им наделил нас
В дар, благодарный за то, что его мы с женою и с сыном —
Сан уважая жреца — пощадили во граде, где жил он
В роще густой Аполлона; меня ж одарил он особо:
Золота лучшей доброты он дал мне семь полных талантов;
Дал сребролитную дивной работы кратеру и налил
Целых двенадцать больших мне скудель вином, драгоценным,
Крепким, божественно-сладким напитком; о нем же не ведал
В доме никто из рабов и рабынь и никто из домашних,
Кроме хозяина, умной хозяйки и ключницы верной.
Если когда тем пурпурно-медвяным вином насладиться
В ком пробуждалось желанье, то, в чашу его нацедивши,
В двадцать раз боле воды подбавляли, и запах из чаши
Был несказанный: не мог тут никто от питья воздержаться.

Взял я с собой тем напитком наполненный мех и съестного
Полный кошель: говорило мне вещее сердце, что встречу
Страшного мужа чудовищной силы, свирепого нравом,
Чуждого добрым обычаям, чуждого вере и правде.
Шагом поспешным к пещере приблизились мы, но его в ней
Не было; коз и баранов он пас на лугу недалеком.
Начали всё мы в пещере пространной осматривать; много
Было сыров в тростниковых корзинах; в отдельных закутах
Заперты были козлята, барашки, по возрастам разным в порядке
Там размещенные: старшие с старшими, средние подле
Средних и с младшими младшие; ведра и чаши
Были до самых краев налиты простоквашей густою.
Спутники стали меня убеждать, чтоб, запасшись сырами,
Боле я в страшной пещере не медлил, чтоб все мы скорее,
Взявши в закутах отборных козлят и барашков, с добычей
Нашей на быстрый корабль убежали и в море пустились.
Я, на беду, отказался полезный совет их исполнить;
Видеть его мне хотелось в надежде, что, нас угостивши,
Даст нам подарок: но встретиться с ним не на радость нам было.
Яркий огонь разложив, совершили мы жертву; добывши
Сыру потом и насытив свой голод, остались в пещере
Ждать, чтоб со стадом в нее возвратился хозяин. И скоро
С ношею дров, для варенья вечерния пищи, явился
Он и со стуком на землю дрова перед входом пещеры
Бросил; объятые страхом, мы спрятались в угол; пригнавши
Стадо откормленных коз и волнистых баранов к пещере,
Маток в нее он впустил, а самцов, и козлов и баранов,
Прежде от них отделив, на дворе перед входом оставил.
Кончив, чтоб вход заградить, несказанно великий с земли он
Камень, который и двадцать два воза четырехколесных
С места б не сдвинули, поднял: подобен скале необъятной
Был он; его подхвативши и вход им пещеры задвинув,
Сел он и маток доить принялся надлежащим порядком,
Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он
Клал сосуна. Половину отлив молока в плетеницы,
В них он оставил его, чтоб оно огустело для сыра;
Все ж молоко остальное разлил по сосудам, чтоб после
Пить по утрам иль за ужином, с пажити стадо пригнавши.
Кончив с заботливым спехом работу свою, наконец он
Яркий огонь разложил, нас увидел и грубо сказал нам:
«Странники, кто вы? Откуда пришли водяною дорогой?
Дело ль какое у вас? Иль без дела скитаетесь всюду,

Взад и вперед по морям, как добычники вольные, мчася,
Жизнью играя своей и беды приключая народам?»
Так он сказал нам; у каждого замерло милое сердце:
Голос гремящий и образ чудовища в трепет привел нас.
Но, ободрясь, напоследок ответствовал так я циклопу:
«Все мы ахейцы; плывем от далекия Трои; сюда же
Бурею нас принесло по волнам беспредельного моря.
В милую землю отцов возвращаясь, с прямого пути мы
Сбились; так было, конечно, угодно могучему Зевсу.
Служим мы в войске Атрида, царя Агамемнона; он же
Всех земнородных людей превзошел несказанною славой,
Город великий разрушив и много врагов истребивши.
Ныне к коленам припавши твоим, мы тебя умоляем
Нас, бесприютных, к себе дружелюбно принять и подарок
Дать нам, каким завсегда на прощанье гостей наделяют.
Ты же убойся богов; мы пришельцы, мы ищем покрова;
Мстит за пришельцев отверженных строго небесный Кронион,
Бог гостелюбец, священного странника вождь и заступник».
Так я сказал; с неописанной злостью циклоп отвечал мне:
«Видно, что ты издалека иль вовсе безумен, пришелец,
Если мог вздумать, что я побоюсь иль уважу бессмертных.
Нам, циклопам, нет нужды ни в боге Зевесе, ни в прочих
Ваших блаженных богах; мы породой их всех знаменитей;
Страх громовержца Зевеса разгневать меня не принудит
Вас пощадить; поступлю я, как мне самому то угодно.
Ты же теперь мне скажи, где корабль, на котором пришли вы
К нам? Далеко ли иль близко отсюда стоит он? То ведать
Должен я». Так, искушая, он хитро спросил. Остерегшись,
Хитрыми сам я словами ответствовал злому циклопу:
«Бог Посейдон, колебатель земли, мой корабль уничтожил,
Бросив его недалеко от здешнего брега на камни
Мыса крутого, и бурное море обломки умчало.
Мне ж и со мною немногим от смерти спастись удалося».
Так я сказал и, ответа не дав никакого, он быстро
Прянул, как бешеный зверь, и, огромные вытянув руки,
Разом меж нами двоих, как щенят, подхватил и ударил
Оземь; их череп разбился; обрызгало мозгом пещеру.
Он же, обоих рассекши на части, из них свой ужасный
Ужин состряпал и жадно, как лев, разъяряемый гладом,
Съел их, ни кости, ни мяса куска, ни утроб не оставив.
Мы, святотатного дела свидетели, руки со стоном
К Дию отцу подымали; наш ум помутился от скорби.
Чрево наполнив свое человеческим мясом и свежим

Страшную пищу запив молоком, людоед беззаботно
Между козлов и баранов на голой земле растянулся.
Тут подошел я к нему с дерзновенным намереньем сердца,
Острый свой меч обнаживши, чудовищу мстящею медью
Тело в том месте пронзить, где под грудью находится печень.
Меч мой уж был занесен; но иное на мысли пришло мне:
С ним неизбежно и нас бы постигнула верная гибель:
Все совокупно мы были б не в силах от входа пещеры
Слабою нашей рукою тяжелой скалы отодвинуть.
С трепетом сердца мы ждали явленья божественной Эос:
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Встал он, огонь разложил и доить принялся по порядку
Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он
Клал сосуна; окончавши с заботливым спехом работу,
Снова из нас он похитил двоих на ужасную пищу.
Съев их, он выгнал шумящее стадо из темной пещеры.
Мощной рукой оттолкнувши утес приворотный, им двери
Снова он запер, как легкою кровлей колчан запирают.
С свистом погнал он на горное пастбище тучное стадо.
Я ж, в заключенье оставленный, начал выдумывать средство,
Как бы врагу отомстить, и молил о защите Палладу.
Вот что, размыслив, нашел наконец я удобным и верным:
В козьей закуте стояла дубина циклопова, свежий
Ствол им обрубленной маслины дикой; его он, очистив,
Сохнуть поставил в закуту, чтоб после гулять с ним; подобен
Нам показался он мачте, какая на многовесельном,
С грузом товаров моря обтекающем судне бывает;
Был он, конечно, как мачта длиной, толщиною и весом.
Взявши тот ствол и мечом от него отрубивши три локтя,
Выгладить чисто отрубок велел я товарищам; скоро
Выглажен был он; своею рукою его заострил я;
После, обжегши на угольях острый конец, мы поспешно
Кол, приготовленный к делу, зарыли в навозе, который
Кучей огромной набросан был в смрадной пещере циклопа.
Кончив, своих пригласил я сопутников жеребий кинуть,
Кто между ними колом обожженным поможет пронзить мне
Глаз людоеду, как скоро глубокому сну он предастся.
Жеребий дал четырех мне, и самых надежных, которых
Сам бы я выбрал, и к ним я пристал не по жеребью пятый.
Вечером, жирное стадо гоня, людоед возвратился;
Но, отворивши пещеру, в нее он уж полное стадо
Ввел, не оставив на внешнем дворе ни козла, ни барана
(Было ли в нем подозренье иль демон его надоумил).

Снова пещеру задвинув скалой необъятно тяжелой,
Сел он и маток доить принялся надлежащим порядком,
Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он
Клал сосуна. И, окончив работу, рукой беспощадной
Снова двоих он из нас подхватил и по-прежнему съел их.
Тут подошел я отважно и речь обратил к людоеду,
Полную чашу вина золотого ему предлагая:
«Выпей, циклоп, золотого вина, человечьим насытясь
Мясом; узнаешь, какой драгоценный напиток на нашем
Был корабле; для тебя я его сохранил, уповая
Милость в тебе обрести: но свирепствуешь ты нестерпимо.
Кто же вперед, беспощадный, тебя посетит из живущих
Многих людей, о твоих беззаконных поступках услышав?»
Так говорил я; взяв чашу, ее осушил он, и вкусным
Крепкий напиток ему показался; другой попросил он
Чаши. «Налей мне,— сказал он,— еще и свое назови мне
Имя, чтоб мог приготовить тебе я приличный подарок.
Есть и у нас, у циклопов, роскошных кистей винограда
Полные лозы, и сам их Кронион дождем опложда́ет;
Твой же напиток — амброзия чистая с нектаром сладким».
Так он сказал, и другую я чашу вином искрометным
Налил. Еще попросил он, и третью безумцу я подал.
Стало шуметь огневое вино в голове людоеда.
Я обратился к нему с обо́льстительно-сладкою речью:
«Славное имя мое ты, циклоп, любопытствуешь сведать,
С тем, чтоб, меня угостив, и обычный мне сделать подарок?
Я называюсь *Никто;* мне такое название дали
Мать и отец, и товарищи так все меня величают».
С злобной насмешкою мне отвечал людоед зверонравный:
«Знай же, *Никто,* мой любезный, что будешь ты самый последний
Съеден, когда я разделаюсь с прочими; вот мой подарок».
Тут повалился он навзничь, совсем опьянелый; и набок
Свисла могучая шея, и всепобеждающей силой
Сон овладел им; вино и куски человечьего мяса
Выбросил он из разинутой пасти, не в меру напившись.
Кол свой достав, мы его острием на огонь положили;
Тотчас зардел он; тогда я, товарищей выбранных кликнув,
Их ободрил, чтоб со мною решительны были в опасном
Деле. Уже начинал положенный на уголья кол наш
Пламя давать, разгоревшись, хотя и сырой был; поспешно
Вынул его из огня я; товарищи смело с обоих
Стали боков — божество в них, конечно, вложило отважность;

Кол обхватили они и его остриём раскаленным
Втиснули спящему в глаз; и, с конца приподнявши, его я
Начал вертеть, как вертит буравом корабельный строитель,
Толстую доску пронзая; другие ж ему помогают, ремнями
Острый бурав обращая, и, в доску вгрызаясь, впзжит он.
Так мы, его с двух боков обхвативши руками, проворно
Кол свой вертели в пронзенном глазу: облился он горячей
Кровью; истлели ресницы, шершавые вспыхнули брови;
Яблоко лопнуло; выбрызгнул глаз, на огне зашипевши.
Так расторопный ковач, изготовив топор иль секиру,
В воду металл (на огне раскаливши его, чтоб двойную
Крепость имел) погружает, и звонко шипит он в холодной
Влаге: так глаз зашипел, остриём раскаленным пронзенный.
Дико завыл людоед — застонала от воя пещера.
В страхе мы кинулись прочь; с несказанной свирепостью
вырвав
Кол из пронзенного глаза, облитый кипучею кровью,
Сильной рукой от себя он его отшвырнул; в исступленье
Начал он криком циклопов сзывать, обитавших в глубоких
Гротах окрест и на горных, лобзаемых ветром, вершинах.
Громкие вопли услышав, отвсюду сбежались циклопы;
Вход обступили пещеры они и спросили: «Зачем ты
Созвал нас всех, Полифем? Что случилось? На что ты
Сладкий наш сон и спокойствие ночи божественной прервал?
Коз ли твоих и баранов кто дерзко похитил? Иль сам ты
Гибнешь? Но кто же тебя здесь обманом иль силою губит?»
Им отвечал он из темной пещеры отчаянно диким
Ревом: «*Никто!* Но своей я оплошностью гибну; *Никто* бы
Силой не мог повредить мне». В сердцах закричали циклопы:
«Если никто, для чего же один так ревешь ты? Но если
Болен, то воля на это Зевеса, ее не избегнешь.
В помощь отца своего призови, Посейдона владыку».
Так говорили они, удаляясь. Во мне же смеялось
Сердце, что вымыслом имени всех мне спасти удалося.
Охая тяжко, с кряхтеньем и стоном ошарив руками
Стены, циклоп отодвинул от входа скалу, перед нею
Сел и огромные вытянул руки, надеясь, что в стаде,
Мимо его проходящем, нас всех переловит; конечно,
Думал свирепый глупец, что и я был, как он, без рассудка.
Я ж осторожным умом вымышлял и обдумывал средство,
Как бы себя и товарищей бодрых избавить от верной
Гибели; многие хитрости, разные способы тщетно
Мыслям моим представлялись, а бедствие было уж близко.

Вот что, по думанье долгом, удобнейшим мне показалось:
Были бараны большие, покрытые длинною шерстью,
Жирные, мощные, в стаде; руно их, как шелк, волновалось.
Я потихоньку сплетенными крепкими лыками, вырвав
Их из рогожи, служившей постелею злому циклопу,
По три барана связал; человек был подвязан под каждым
Средним, другими двумя по бокам защищенный; на каждых
Трех был один из товарищей наших; а сам я?.. Дебелый,
Рослый, с роскошною шерстью был в стаде баран; обхвативши
Мягкую спину его, я повис на руках под шершавым
Брюхом; а руки (в руно несказанно густое впустив их)
Длинною шерстью обвил и на ней терпеливо держался.
С трепетом сердца мы ждали явленья божественной Эос.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос:
К выходу все побежали самцы, и козлы и бараны;
Матки ж, еще не доенные, жалко блеяли в закутах,
Брызжа из длинных сосцов молоком; господин их, от боли
Охая, щупал руками у всех, пробегающих мимо,
Пышные спины; но, глупый, он был угадать не способен,
Что у иных под волнистой скрывалося грудью; последний
Шел мой баран; и медлительным шагом он шел, отягченный
Длинною шерстью и мной, размышлявшим в то время о многом.
Спину ощупав его, с ним циклоп разговаривать начал:
«Ты ль, мой прекрасный любимец? Зачем же пещеру последний
Ныне покинул? Ты прежде ленив и медлителен не был.
Первый всегда, величаво ступая, на луг выходил ты
Сладкоцветущей травою питаться; ты в полдень к потоку
Первый бежал; и у всех впереди возвращался в пещеру
Вечером. Ныне ж идешь ты последний; знать, чувствуешь сам ты,
Бедный, что око мое за тобой уж не смотрит; лишен я
Светлого зренья гнусным бродягою; здесь он вином мне
Ум отуманил; его называют *Никто;* но еще он
Власти моей не избегнул! Когда бы, мой друг, говорить ты
Мог, ты сказал бы, где спрятался враг ненавистный; я череп
Вмиг раздробил бы ему и разбрызгал бы мозг по пещере,
Оземь ударив его и на части раздернув; отмстил бы
Я за обиду, какую *Никто,* злоковарный разбойник,
Здесь мне нанес». Так сказав, он барана пустил на свободу.
Я ж, недалеко от входа пещеры и внешней ограды
Первый став на ноги, путников всех отвязал и немедля
С ними все стадо козлов тонконогих и жирных баранов
Собрал; обходами многими их мы погнали на взморье

К нашему судну. И сладко товарищам было нас встретить,
Гибели верной избегших; хотели о милых погибших
Плакать они; но, мигнув им глазами, чтоб плач удержали,
Стадо козлов и баранов взвести на корабль наш немедля
Я повелел: отойти мне от берега в море хотелось.
Люди мои собрались и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды;
Но, на такое отплыв расстоянье, в каком человечий
Явственно голос доходит до нас, закричал я циклопу:
«Слушай, циклоп беспощадный, вперед беззащитных гостей ты
В гроте глубоком своем не губи и не ешь; святотатным
Делом всегда на себя навлекаем мы верную гибель;
Ты, злочестивец, дерзнул иноземцев, твой дом посетивших,
Зверски сожрать — наказали тебя и Зевес, и другие
Боги блаженные». Так я сказал; он, ужасно взбешенный,
Тяжкий утес от вершины горы отломил и с размаха
На голос кинул; утес, пролетевши над судном, в пучину
Рухнул так близко к нему, что его черноострого носа
Чуть не расшиб; всколыхалося море от падшей громады;
Хлынув, большая волна побежала стремительно к брегу;
Схваченный ею, обратно к земле и корабль наш помчался.
Длинною жердью я в берег песчаный уперся и судно
Прочь отвалил; а товарищам молча кивнул головою,
Их побуждая всей силой на весла налечь, чтоб избегнуть
Близкой беды; все, нагнувшися, разом ударили в весла.
Быв на двойном расстоянье от страшного брега, опять я
Начал кричать, вызывая циклопа. Товарищи в страхе
Все убеждали меня замолчать и его не тревожить.
«Дерзкий,— они говорили,— зачем ты чудовище дразнишь?
В море швырнувши утес, он едва с кораблем нас не бросил
На берег снова; едва не постигла нас верная гибель.
Если теперь он чей голос иль слово какое услышит,
Голову нам раздробит и корабль наш в куски изломает,
Бросив утес остробокий: до нас же он верно добросит».
Так говорили они; но, упорствуя дерзостным сердцем,
Я продолжал раздражать оскорбительной речью циклопа:
«Если, циклоп, у тебя из людей земнородных кто спросит,
Как истреблен твой единственный глаз, ты на это ответствуй:
Царь Одиссей, городов сокрушитель, героя Лаэрта
Сын, знаменитый властитель Итаки, мне выколол глаз мой».
Так я сказал. Заревел он от злости и громко воскликнул:
«Горе! Пророчество древнее ныне сбылось надо мною;
Некогда был здесь один предсказатель великий и мудрый,

Телам, Евримиев сын, знаменитейший в людях всевидец;
Жил и состарился он, прорицая, в земле у циклопов.
Ведая все, что должно совершиться в грядущем, предрек он
Мне, что рука Одиссеева зренье мое уничтожит.
Я же все думал, что явится муж благовидный, высокий
Ростом, божественной силою мышц обладающий смертный...
Что же? Меня малорослый урод, человечишко хилый
Зренья лишил, наперед вероломно вином опьянивши.
Если ж ты впрямь Одиссей, возвратись; я, тебя одаривши,
Стану молить Посейдона, чтоб путь совершил ты безбедно
По морю; сын я ему; он отцом мне слывет; и один он,
Если захочет, погибшее зренье мое возвратить мне
Может — один он, никто из людей и никто из бессмертных».
Так говорил Полифем. Я, ответствуя, громко воскликнул:
«О, когда бы я так же мог верно и гнусную вырвать
Душу твою из тебя и к Аиду низвергнуть, как верно
То, что тебе колебатель земли не воротит уж глаза!»
Так отвечал я; тут начал он, к звездному небу поднявши
Руки, молиться отцу своему, Посейдону владыке:
«Царь Посейдон земледержец, могучий, лазурнокудрявый,
Если я сын твой и ты мне отец, то не дай, чтоб достигнул
В землю свою Одиссей, городов сокрушитель, Лаэртов
Сын, обладатель Итаки, меня ослепивший. Когда же
Воля судьбы, чтоб увидел родных мой губитель, чтоб в дом свой
Царский достигнул, чтоб в милую землю отцов возвратился,
Дай, чтоб по многих напастях, утратив сопутников, поздно
Прибыл туда на чужом корабле он и встретил там горе».
Так говорил он, моляся, и был Посейдоном услышан.
Тут он огромнейший первого камень схватил и с размаху
В море его с непомерною силой швырнул; загудевши,
Он позади корабля темноносого с шумом великим
Грянулся в воду так близко к нему, что едва не расплюснул
Нашей кормы; всколыхалося море от падшей громады;
Судно ж волною помчало вперед к недалекому брегу
Острова Коз; и вошли мы обратно в ту пристань, где наши
В месте защитном оставлены были суда, где печально
Спутники в скуке сидели и ждали, чтоб мы воротились.
К брегу пристав, быстроходный корабль на песок мы втащили;
Сами же вышли на брег, поражаемый шумно волнами.
Тучных циклоповых коз и баранов собравши, добычу
Стали делить мы, чтоб каждому должный достался участок;
Мне же от светлообутых сопутников в дар был особо
Главный назначен баран, и его принесли мы на бреге

В жертву Крониону, туч собирателю, Зевсу владыке.
Тучные бедра пред ним мы сожгли. Но, отвергнув он жертву,
Стал замышлять, чтоб, беды претерпев, напоследок и всех я
Спутников верных, и всех кораблей крепкозданных лишился.
Жертву принесши, мы целый там день до вечерного мрака
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
Тою порою померкнуло солнце, и тьма наступила;
Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Спутников верных созвав, я велел, чтоб они на проворных
Все кораблях собрались и все отвязали канаты.
Спутники все собрались и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.
Далее поплыли мы в сокрушенье великом о милых
Мертвых, но радуясь в сердце, что сами спаслися от смерти.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

Скоро на остров Эолию прибыли мы; обитает
Гиппотов сын там, Эол благородный, богами любимый.
Остров плавучий его неприступною медной стеною
Весь обнесен; берега ж подымаются гладким утесом.
Там от супруги двенадцать детей родилося Эолу,
Шесть дочерей светлоликих и шесть сыновей многосильных.
Вырастив их, сыновьям дочерей он в супружество отдал.
Днем с благородным отцом и заботливой матерью вместе
Все за трапезой, уставленной яствами, сладко пируют
В зале они, благовонной от запаха пищи и пеньем
Флейт оглашаемой; ночью же, каждый с своею супругой,
Спят на резных, дорогими коврами покрытых кроватях.
В град их прибывши, мы в дом их богатый вступили; там целый
Месяц Эол угощал нас радушно и с жадностью слушал
Повесть о Трое, о битвах аргивян, о их возвращенье;
Все любопытный заставил меня рассказать по порядку.
Но напоследок, когда обратился я, в путь изготовясь,
С просьбой к нему отпустить нас, на то согласясь благосклонно,
Дал он мне сшитый из кожи быка девятигодового
Мех с заключенными в нем буреносными ветрами; был он
Их господином, по воле Креониона Дия, и всех их
Мог возбуждать иль обуздывать, как приходило желанье.

Мех на просторном моем корабле он серебряной нитью
Туго стянул, чтоб ни малого быть не могло дуновенья
Ветров; Зефиру лишь дал повеленье дыханьем попутным
Нас в кораблях по водам провожать; но домой возвратиться
Дий не судил нам: своей безрассудностью все мы погибли.
Девять мы суток и денно и нощно свой путь совершали;
Вдруг на десятые сутки явился нам берег отчизны.
Был он уж близко; на нем все огни уж могли различить мы.
В это мгновенье в глубокий я сон погрузился, понеже
Правил до тех пор кормилом один, никому не желая
Вверить его, чтоб успешней достигнуть отчизны любезной.
Спутники тою порой завели разговор; полагали
Все, что с собою имел серебра я и золота много,
Мне на прощание данных царем благородным Эолом.
Глядя друг на друга, так рассуждали они меж собою:
«Боги! Как всюду его одного уважают и любят
Люди, какую бы землю и чье бы жилище ни вздумал
Он посетить. Уж и в Трое он много сокровищ от разных
Собрал добыч; мы одно претерпели, один совершили
Путь с ним — а в дом свой должны возвратиться с пустыми руками.
Так и Эол; лишь ему одному он богатый подарок
Сделал; посмотрим же, что им так плотно завязано в этом
Мехе: уж верно найдем серебра там и золота много».
Так говорили одни; их одобрили все остальные.
Мех был развязан, и шумно исторглися ветры на волю;
Бурю воздвигнув, они с кораблями их, громко рыдавших,
Снова от брега отчизны умчали в открытое море.
Я пробудился и долго умом колебался, не зная,
Что мне избрать, самого ли себя уничтожить, в пучину
Бросясь, иль, молча судьбе покорясь, меж живыми остаться.
Я покорился судьбе и на дне корабля, завернувшись
В мантию, тихо лежал. К Эолийскому острову снова
Бурею наши суда принесло. Все товарищи с плачем
Вышли на твердую землю; запасшись водой ключевою,
Наскоро легкий обед мы у быстрых судов совершили.
Свой удовольствовав голод едой и питьем, я с собою
Взял одного из товарищей наших с глашатаем; прямо
К дому Эола царя мы пошли и его там застали
Вместе с женой и со всеми детьми за семейным обедом.
В двери палаты вступив, я с своими людьми на пороге
Сел; изумилась царева семья; все воскликнули вместе:
«Ты ль, Одиссей? Не зловредный ли демон к тебе прикоснулся?

Здесь мы не всё ль учредили, чтоб ты беспрепятственно прибыл
В землю отцов иль в иную какую желанную землю?»
Так говорили они; с сокрушеньем души отвечал я:
«Сон роковой и безумие спутников мне приключили
Бедствие злое; друзья, помогите; вам это возможно».
Так я сказал, умоляющим словом смягчить их надеясь.
Все замолчали они; но отец мне ответствовал с гневом:
«Прочь, недостойный! Немедля мой остров покинь; неприлично
Нам под защиту свою принимать человека, который
Так очевидно бессмертным, блаженным богам ненавистен.
Прочь! Ненавистный блаженным богам и для нас ненавистен».
Кончив, меня он, рыдавшего жалобно, из дому выслал.
Далее поплыли мы в сокрушении сердца великом.
Люди мои, утомяся от гребли, утратили бодрость,
Помощи всякой лишенные собственным жалким безумством.
Денно и нощно шесть суток носясь по водам, на седьмые
Прибыли мы к многовратному граду в стране лестригонов,
Ламосу. Там, возвращаяся с поля, пастух вызывает
На поле выйти другого; легко б несонливый работник
Плату двойную там мог получать, выгоняя пастися
Днем белорунных баранов, а ночью быков кривороги:
Ибо там паства дневная с ночною сближается паствой.
В славную пристань вошли мы: ее образуют утесы,
Круто с обеих сторон подымаясь и сдвинувшись подле
Устья великими, друг против друга из темныя бездны
Моря торчащими камнями, вход и исход заграждая.
Люди мои, с кораблями в просторную пристань проникнув,
Их утвердили в ее глубине и связали, у берега тесным
Рядом поставив: там волн никогда ни великих, ни малых
Нет, там равниною гладкою лоно морское сияет.
Я же свой черный корабль поместил в отдаленье от прочих,
Около устья, канатом его привязав под утесом.
После взошел на утес и стоял там, кругом озираясь:
Не было видно нигде ни быков, ни работников в поле;
Изредка только, взвиваяся, дым от земли подымался.
Двух расторопнейших самых товарищей наших я выбрал
(Третий был с ними глашатай) и сведать послал их, к каким мы
Людям, вкушающим хлеб на земле плодоносной, достигли?
Гладкая скоро дорога представилась им, по которой
В город дрова на возах с окружающих гор доставлялись.
Сильная дева им встретилась там; за водою с кувшином
За город вышла она; лестригон Антифат был отец ей;
Встретились с нею они при ключе Артакийском, в котором

Черпали светлую воду все, жившие в городе близком.
К ней подошедши, они ей сказали: «Желаем узнать мы,
Дева, кто властвует здешним народом и здешней страною?»
Дом Антифата, отца своего, им она указала.
В дом тот высокий вступивши, они там супругу владыки
Встретили, ростом с великую гору,— они ужаснулись.
Та же велела скорей из собранья царя Антифата
Вызвать; и он, прибежав, на погибель товарищей наших,
Жадно схватил одного и сожрал; то увидя, другие
Бросились в бегство и быстро к судам возвратилися; он же
Начал ужасно кричать и встревожил весь город; на громкий
Крик отовсюду сбежалась толпа лестригонов могучих;
Много сбежалося их, великанам, не людям подобных.
С крути утесов они через силу подъемные камни
Стали бросать; на судах поднялася тревога — ужасный
Крик убиваемых, треск от крушенья снастей; тут злосчастных
Спутников наших, как рыб, нанизали на колья и в город
Всех унесли на съеденье. В то время как бедственно гибли
В пристани спутники, острый я меч обнажил и, отсекши
Крепкий канат, на котором стоял мой корабль темноносый,
Людям, собравшимся в ужасе, молча кивнул головою,
Их побуждая всей силой на весла налечь, чтоб избегнуть
Близкой беды: устрашенные дружно ударили в весла.
Мимо стремнистых утесов в открытое море успешно
Выплыл корабль мой; другие же все невозвратно погибли.
Далее поплыли мы, в сокрушенье великом о милых
Мертвых, но радуясь в сердце, что сами спаслися от смерти.
Мы напоследок достигли до острова Эи. Издавна
Сладкоречивая, светлокудрявая там обитает
Дева Цирцея, богиня, сестра кознодея Ээта.
Был их родителем Гелиос, бог, озаряющий смертных;
Мать же была их прекрасная дочь Океанова, Перса.
К брегу крутому пристав с кораблем, потаенно вошли мы
В тихую пристань: дорогу нам бог указал благосклонный.
На берег вышед, на нем мы остались два дня и две ночи,
В силах своих изнуренные, с тяжкой печалию сердца.
Третий нам день привела светозарнокудрявая Эос.
Взявши копье и двуострый свой меч опоясав, пошел я
С места, где был наш корабль, на утесистый берег, чтоб сведать,
Где мы? Не встречу ль людей? Не послышится ль чей-нибудь голос?
Став на вершине утеса, я взором окинул окрестность.
Дым, от земли путеносной вдали восходящий, увидел

Я за широко разросшимся лесом в жилище Цирцеи.
Долго рассудком и сердцем колеблясь, не знал я, идти ли
К месту тому мне, где дым от земли подымался багровый?
Дело обдумав, уверился я наконец, что удобней
Было сначала на брег, где стоял наш корабль, возвратиться,
Там отобедать с людьми и, надежнейших выбрав, отправить
Их за вестями. Когда ж к кораблю своему подходил я,
Сжалился благостный бог надо мной, одиноким: навстречу
Мне он оленя богаторогатого, тучного выслал;
Пажить лесную покинув, к студеной реке с несказанной
Жаждой бежал он, измученный зноем полдневного солнца.
Меткое бросив копье, поразил я бегущего зверя
В спину: ее проколовши насквозь, острием на другой бок
Вышло копье; застонав, он упал, и душа отлетела.
Ногу уперши в убитого, вынул копье я из раны,
Подле него на земле положил и немедля болотных
Гибких тростинок нарвал, чтоб веревку в три локтя длиною
Свить, переплетши тростинки и плотно скрутив их. Веревку
Свивши, связал я оленю тяжелому длинные ноги;
Между ногами просунувши голову, взял я на плечи
Ношу и с нею пошел к кораблю, на копье опираясь;
Просто ж ее на плечах я не мог бы одною рукою
Снесть: был чрезмерно огромен олень. Перед судном на землю
Бросил его я, людей разбудил и, приветствовав всех их,
Так им сказал: «Ободритесь, товарищи, в область Аида
Прежде, пока не наступит наш день роковой, не сойдем мы;
Станем же ныне (едой наш корабль запасен изобильно)
Пищей себя веселить, прогоняя мучительный голод».
Было немедля мое повеленье исполнено; снявши
Верхние платья, они собрались у бесплодного моря;
Всех их олень изумил, несказанно великий и тучный;
Очи свои удовольствовав сладостным зреньем, умыли
Руки они и поспешно обед приготовили вкусный.
Целый мы день до вечернего сумрака, сидя на бреге,
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались;
Солнце тем временем село, и тьма наступила ночная;
Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Спутников верных своих на совет пригласив, я сказал им:
«Спутники верные, слушайте то, что скажу вам, печальный:
Нам неизвестно, где запад лежит, где является Эос;
Где светоносный под землю спускается Гелиос, где он
На небо всходит; должны мы теперь совокупно размыслить,

Можно ли чем от беды нам спастися; я думаю, нечем.
С этой крутой высоты я окрестность окинул глазами:
Остров, безбрежною бездной морской, как венцом, окруженный,
Плоско на влаге лежащий, увидел я; дым подымался
Густо вдали из широкорастущего, темного леса».
Так я сказал; в их груди сокрушилося милое сердце:
В память пришли им и злой лестригон Антифат, и надменный
Силой своею циклоп Полифем, людоед святотатный;
Громко они застонали, обильным потоком проливши
Слезы,— напрасно: от слез и от стонов их не было пользы.
Тут разделить я решился товарищей меднообутых
На две дружины; одною дружиной начальствовал сам я;
Избран вождем был дружины другой Еврилох благородный.
Жеребьи в медноокованном шлеме потом потрясли мы —
Вынулся жеребий твердому сердцем вождю Еврилоху.
В путь собрался он, и с ним двадцать два из товарищей наших.
С плачем они удалились, оставя нас, горем объятых.
Скоро они за горами увидели крепкий Цирцеин
Дом, сгроможденный из тесаных камней на месте открытом.
Около дома толпилися горные львы и лесные
Волки: питьем очарованным их укротила Цирцея.
Вместо того чтоб напасть на пришельцев, они подбежали
К ним миролюбно и, их окруживши, махали хвостами.
Как к своему господину, хвостами махая, собаки
Ластятся — им же всегда он приносит остатки обеда,—
Так остролапые львы и шершавые волки к пришельцам
Ластились. Их появленьем они, приведенные в ужас,
К дому прекраснокудрявой богини Цирцеи поспешно
Все устремились. Там голосом звонко-приятным богиня
Пела, сидя за широкой, прекрасной, божественно тонкой
Тканью, какая из рук лишь богини бессмертной выходит.
К спутникам тут обратяся, Политос, мужей предводитель,
Мне меж другими вернейший, любезнейший друг мой,
сказал им:
«Слышите ль голос приятный, товарищи? Кто-то, за тканью
Сидя, поет там, гармонией всю наполняя окрестность.
Кто же? Богиня иль смертная? Голос скорей подадим ей».
Так он сказал им; они закричали, чтоб вызвать певицу.
Вышла немедля она и, блестящую дверь растворивши,
В дом пригласила вступить их; забыв осторожность, вступили
Все; Еврилох лишь один назади, усомнившись, остался.
Чином гостей посадивши на кресла и стулья, Цирцея
Смеси из сыра и меду с ячменной мукой и с прамнейским

Светлым вином подала им, подсыпав волшебного зелья
В чашу, чтоб память у них об отчизне пропала; когда же
Ею был подан, а ими отведан напиток, ударом
Быстрым жезла загнала чародейка в свиную закуту
Всех; очутился там каждый с щетинистой кожей, с свиною
Мордой и с хрюком свиным, не утратив, однако, рассудка.
Плачущих всех заперла их в закуте волшебница, бросив
Им желудей, и свидины, и буковых диких орехов
В пищу, к которой так лакомы свиньи, любящие рылом
Землю копать. К кораблю Еврилох прибежал той порою
С вестью плачевной о бедствии, спутников наших постигшем.
Долго не мог, сколь ни силился, слова сказать он, могучим
Горем проникнутый в сердце; слезами наполнены были
Очи его, и душа в нем терзалась от скорби; когда же
Все мы его в изумленье великом расспрашивать стали,
Так рассказал он мне повесть о бедствии посланных наших:
«Лес перешедши, как ты повелел, Одиссей многославный,
Скоро мы там за горами увидели крепкий Цирцеин
Дом, сгроможденный из тесаных камней на месте открытом.
В нем, мы услышали, пела прекрасно певица, за тканью
Сидя, не знаю, богиня иль смертная. Тотчас мы голос
Подали; вышла она и, блестящую дверь растворивши,
В дом нас вступить пригласила; забыв осторожность, вступили
Все; я остался один назади, предузнавши погибель;
Все там исчезли они, и обратно никто уж не вышел.
Долго я ждал; напоследок ушел, ничего не узнавши».
Так он сказал; и немедля, надев на плечо среброгвоздный,
Медный, двуострый мой меч и схвативши свой туго согбенный
Лук, я велел Еврилоху меня проводить, возвратившись
Той же дорогой со мною; но он, на колена в великом
Страхе упав, мне с рыданием бросил крылатое слово:
«Нет, повелитель, позволь за тобой не ходить мне; уверен
Я, что ни сам ты назад не придешь, ни других не воротишь
Спутников наших; советую лучше, как можно скорее,
Бегством спасаться, иль все мы ужасного дня не минуем».
Так говорил Еврилох, и, ему отвечая, сказал я:
«Друг Еврилох, принуждать я тебя не хочу; оставайся
Здесь, при моем корабле, утешаться питьем и едою;
Я же пойду; непреклонной нужде покориться мне должно».
С сими словами пошел я от моря, корабль там оставив.
Той же порой, как, в святую долину спустяся, уж был я
Близко высокого дома волшебницы хитрой Цирцеи,
Эрмий с жезлом золотым пред глазами моими, нежданный,

Стал, заступив мне дорогу; пленительный образ имел он
Юноши с девственным пухом на свежих ланитах, в прекрасном
Младости цвете. Мне ласково руку подавши, сказал он:
«Стой, злополучный, куда по горам ты бредешь одиноко,
Здешнего края не ведая? Люди твои у Цирцеи;
Всех обратила в свиней чародейка и в хлев заперла свой.
Их ты избавить спешишь; но и сам, опасаюсь, оттуда
Цел не уйдешь; и с тобою случится, что с ними случилось.
Слушай, однако: тебя от беды я великой избавить
Средство имею; дам зелье тебе; ты в жилище Цирцеи
Смело поди с ним; оно охранит от ужасного часа.
Я же тебе расскажу о волшебствах коварной богини:
Пойло она приготовит и зелья в то пойло подсыплет.
Но над тобой не подействуют чары; чудесное средство,
Данное мною, их силу разрушит. Послушай; как скоро
Мощным жезлом чародейным Цирцея к тебе прикоснется,
Острый свой меч обнажив, на нее устремись ты немедля,
Быстро, как будто ее умертвить вознамерясь; в испуге
Станет на ложе с собою тебя призывать чародейка —
Ты не подумай отречься от ложа богини: избавишь
Спутников, будешь и сам гостелюбно богинею принят.
Только потребуй, чтоб прежде она поклялася великой
Клятвой, что вредного замысла против тебя не имеет:
Иначе мужество, ею расслабленный, все ты утратишь».
С сими словами растенье мне подал божественный Эрмий,
Вырвав его из земли и природу его объяснив мне:
Корень был черный, подобен был цвет молоку белизною;
Моли его называют бессмертные; людям опасно
С корнем его вырывать из земли, но богам все возможно.
Эрмий, подав мне растенье, на светлый Олимп удалился.
Я же пошел вдоль лесистого острова к дому Цирцеи,
Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный.
Став перед дверью прекраснокудрявой богини, я громко
Начал ее вызывать; и, услышав мой голос, немедля
Вышла она, отворила блестящие двери и в дом дружелюбно
Мне предложила вступить; с сокрушением сердца вступил я.
Введши в покои меня и на стул посадив сребrogвоздный
Редкой работы (для ног же была там скамейка), богиня
В чашу златую влила для меня свой напиток; но прежде,
Злое замыслив, подсыпала зелье в него; и когда он
Ею был подан, а мною безвредно отведан, свершила
Чару она, дав удар мне жезлом и сказав мне такое
Слово: «Иди и свиньею валяйся в закуте с другими».

Я же свой меч изощренный извлек и его, подбежав к ней,
Поднял, как будто ее умертвить вознамерившись; громко
Вскрикнув, она от меча увернулась и, с плачем великим
Сжавши колена мои, мне крылатое бросила слово:
«Кто ты? Откуда? Каких ты родителей? Где обитаешь?
Я в изумленье; питья моего ты отведал и не был
Им превращен; а доселе никто не избег чародейства,
Даже и тот, кто, не пив, лишь губами к питью прикасался.
Сердце железное бьется в груди у тебя; и, конечно,
Ты Одиссей, многохитростный муж, о котором давно мне
Эрмий, носитель жезла золотого, сказал, что сюда он
Будет, на черном плывя корабле от разрушенной Трои.
Вдвинь же в ножны медноострый свой меч и со мною
Ложе мое раздели: сочетавшись любовью на сладком
Ложе, друг другу доверчиво сердце свое мы откроем».
Так говорила богиня, и так, отвечая, сказал я:
«Как же могу, о Цирцея, твоим быть доверчивым другом,
Если в свиней обратила моих ты сопутников? Мне же,
Гибельный, верно, замысля обман, ты теперь предлагаешь
Ложе с тобой разделить, затворившись в твоей почивальне,—
Там у меня, безоружного, мужество все ты похитишь.
Нет, не надейся, чтоб ложе твое разделил я с тобою
Прежде, покуда сама ты, богиня, не дашь мне великой
Клятвы, что вредного замысла против меня не имеешь».
Так я сказал, и Цирцея богами великими стала
Клясться; когда ж поклялася и клятву свою совершила,
С нею в ее почивальне я лег на прекрасное ложе.
Тою порою заботились в светлых покоях четыре
Девы, служанки проворные, всё учреждавшие в доме;
Все они дочери были потоков, и рощ, и священных
Рек, в необъятное лоно глубокого моря бегущих.
Дева одна, положивши на кресла подушки, постлала
Пышные сверху ковры, на ковры ж полотняные ткани.
К каждым креслам другая серебряный чудной работы
Стол пододвинула с хлебом в златых драгоценных корзинах.
Третья смешала в кратере серебряной воду с медвяным,
Сладким вином; на столы же поставила кубки златые.
Светлой воды принесла напоследок четвертая дева:
Яркий огонь разложив под треножным котлом, вскипятила
Воду она; вскипятивши же воду в котле, осторожно
Стала сама, из котла подливая воды вскипяченной
В свежую воду, плеча орошать мне и голову теплой
Влагой: и тем прекратилось томившее дух расслабленье

Тела. Когда ж и омыт я, и чистым натерт был елеем,
Легкий надевши хитон и косматую мантию, с девой
В светлый покой я вступил, и она к среброгвоздным, богатым
Креслам меня проводила,— была там для ног и скамейка.
Тут принесла на лохани серебряной руки умыть мне
Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня,
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса,
Выданным ею охотно, и стала меня дружелюбно
Потчевать вкусною пищей; но пища была мне противна.
Думой объятый, сидел я с недобрым предчувствием в сердце.
Видя, что думой объятый сижу и что к лакомой пище
Рук не хочу протянуть я, печалью объятый, Цирцея,
Близко ко мне подошедши, крылатое бросила слово:
«Что у тебя на душе, Одиссей? Отчего так уныло
Здесь ты сидишь, как немой, ни еды, ни питья не вкушая?
Или еще ты страшишься какого коварства? Напрасен
Страх твой; ты слышал, тебе поклялась я великою клятвой».
Так говорила богиня, и так, отвечая, сказал я:
«О Цирцея, какой же, пристойность и правду любящий,
Муж согласится себя утешать и питьем и едою
Прежде, пока не увидит своими глазами спасенья
Спутников? Если желаешь, чтоб пищи твоей я коснулся,
Спутников дай мне спасенье своими глазами увидеть».
Так я сказал, и немедля с жезлом из покоев Цирцея
Вышла, к закуте свиной подошла и, ее отворивши,
Их, превращенных в свиней девятигодовалых, оттуда
Вывела; стали они перед нею; она ж, обошед их
Всех, почередно помазала каждого мазью, и разом
Спала с их тела щетина, его покрывавшая густо
С самых тех пор, как Цирцея дала им волшебного зелья;
Прежний свой вид возвратив, во мгновенье все стали моложе,
Силами крепче, красивей лицом и возвышенней станом;
Все во мгновенье узнали меня и ко мне протянули
Радостно руки; потом зарыдали от скорби; их воплем
Дом огласился; проникнула жалость и в душу Цирцеи.
Близко ко мне подошедши, богиня богинь мне сказала:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Медлить не должно; поди на песчаное взморье и верным
Спутникам всем совокупно втащить повели на зыбучий
Берег корабль твой; потом, все богатства и снасти в пещере
Скрыв и товарищей взявши с собою, сюда возвратися».
Так мне сказала, и я покорился ей мужеским сердцем.

Шагом поспешным пришед к кораблю на песчаное взморье,
Близ корабля я на бреге нашел всех товарищей верных,
Стонущих громко, из глаз изобильные слезы лиющих.
Как запертые в закутах телята, увидя идущих
С паствы коров, напитавшихся сочной травой луговою,
Все им навстречу бегут, из заград вырываясь тесных,
Все окружают, мыча, возвратившихся с пажити маток:
Так побежали толпою, увидя меня издалека,
Спутники все мне навстречу; и сильно проникла их сердце
Радость, как будто б в родную они возвратились Итаку,
В наше отечество милое, где родились и цвели мы.
Горько заплакав, они мне крылатое бросили слово:
«Радостно нам возвращенье твое, повелитель, как будто б
В наше отечество, в нашу Итаку мы вдруг возвратились.
Но не скрывайся, скажи, где товарищи? Что их постигло?»
Так говорили они, вопрошая; им так отвечал я:
«Прежде, друзья, совокупною силой корабль на зыбучий
Берег втащите; в пещере потом все богатства и снасти
Скройте; потом соберитесь и следуйте смело за мною.
К спутникам вас поведу я в святую обитель Цирцеи.
Всех их, питьем и едой веселящихся, там вы найдете».
Было немедля мое повеленье исполнено ими.
Но Еврилох, вопреки мне, хотел удержать их; он смело,
Голос возвысив, товарищам бросил крылатое слово:
«Стойте; куда вы, безумцы? За ним по следам вы хотите
В дом чародейки опасной идти? Но она превратит вас
Всех иль в свиней, иль в шершавых волков, иль в лесных
густогривых
Львов, чтоб ее стерегли вы жилище; там с вами случится
То ж, что случилось в пещере циклопа, куда безрассудно
Наши товарищи следом за дерзким вошли Одиссеем.
Он, необузданный, был их погибели жалкой виною».
Так говорил Еврилох, и меня побуждало уж сердце
Меч длиннoострый схватить и его обнаженною медью
Голову с плеч непокорного сбросить на землю, хотя он
Был мне и родственник близкий; но спутники все, удержавши
Руку мою, обратили ко мне миротворное слово:
«Если желаешь, божественный, пусть Еврилох остается
У моря здесь с кораблем и его сторожит неусыпно;
Мы же пойдем за тобою в святую обитель Цирцеи».
Всех их от моря повел я, корабль наш покинув на бреге;
Но Еврилох не остался один с кораблем и за нами
Следом пошел, приведенный моими угрозами в трепет.

Тою порой остальные товарищи в доме Цирцеи
Баней себя освежили; душистым натершись елеем,
В легкий хитон и косматую мантию каждый облекся.
Я, возвратясь, их нашел за роскошной трапезой сидящих.
Свидясь с друзьями и все рассказав о случившемся с ними,
Громко они зарыдали, их воплем весь дом огласился.
Близко ко мне подошедши, богиня Цирцея сказала:
«Царь Одиссей, многохитростный муж, Лаэртид благородный,
Все вы свою укротите печаль и от слез воздержитесь;
Знаю довольно я, что на водах многорыбного моря,
Что на земле от свирепых людей претерпели вы,— горе
Бросив теперь, наслаждайтесь питьем и едою, покуда
В вашей груди не родится то мужество снова, с которым
Некогда в путь вы пустились, расставшись с отчизною милой,
С вашей суровой Итакою. Ныне в бессилии робком,
Все помышляя о странствии бедственном, сердце веселью
Вы затворяете,— были велики страдания ваши».
Так нам сказала, и мы покорились ей мужеским сердцем.
С тех пор вседневно, в теченье мы целого года
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
Но когда наконец обращеньем времен совершен был
Круг годовой, миновалися месяцы, дни пролетели,
Спутники все приступили ко мне с убедительной речью:
«Время, несчастный, тебе о возврате в Итаку подумать,
Если угодно богам, чтоб спаслись мы, чтоб мог ты увидеть
Светло-богатый свой дом, и отчизну, и милых домашних».
Так мне сказали, и я покорился им мужеским сердцем.
Весело весь мы тот день до вечернего позднего мрака
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
Солнце тем временем село, и тьма наступила ночная.
Спутники все предались в потемневших палатах покою.
Я ж, возвратяся к Цирцее, с ней рядом на ложе роскошном
Лег, и колена ее обхватил, и богине, склонившей
Слух свой ко мне со вниманием, бросил крылатое слово:
«О Цирцея, исполни свое обещанье в отчизну
Нас возвратить; сокрушается сердце по ней; в сокрушенье
Спутники все приступают ко мне и мою раздирают
Душу (когда ты бываешь отсутственна) жалобным плачем».
Так говорил я, и так, отвечая, сказала богиня:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
В доме своем я тебя поневоле держать не желаю.
Прежде, однако, ты должен, с пути уклоняся, проникнуть
В область Аида, где властвует страшная с ним Персефона.

Душу пророка, слепца, обладавшего разумом зорким,
Душу Тиресия фивского должно тебе вопросить там.
Разум ему сохранен Персефоной и мертвому; в аде
Он лишь с умом; все другие безумными тенями веют».
Так говорила богиня; во мне растерзалося сердце;
Горько заплакал я, сидя на ложе, мне стала противна
Жизнь, и на солнечный свет поглядеть не хотел я, и долго
Рвался, и долго, простершись на ложе, рыдал безутешно.
Но напоследок, богине ответствуя, так я сказал ей:
«Кто ж, о Цирцея, на этом пути провожатым мне будет?
В аде еще не бывал с кораблем ни один земнородный».
Так вопросил я богиню, и так мне она отвечала:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Верь, кораблю твоему провожатый найдется; об этом
Ты не заботься; но, мачту поставив и парус поднявши,
Смело плыви; твой корабль передам я Борею; когда же
Ты, Океан в корабле поперек переплывши, достигнешь
Низкого брега, где дико растет Персефонин широкий
Лес из ракит, свой теряющих плод, и из тополей черных,
Вздвинув на брег, под которым шумит Океан водовратный,
Черный корабль свой, вступи ты в Аидову мглистую область.
Быстро бежит там Пирифлегетон в Ахероново лоно
Вместе с Коцитом, великою ветвию Стикса; утес там
Виден, и обе под ним многошумно сливаются реки.
Слушай теперь, и о том, что скажу, не забудь: под утесом
Выкопав яму глубокую, в локоть один шириной и длиною,
Три соверши возлияния мертвым, всех вместе призвав их:
Первое смесью медвяной, другое вином благовонным,
Третье водою и, все пересыпав мукою ячменной,
Дай обещанье безжизненно веющим теням усопших:
В дом возвратяся, корову, тельцов не имевшую, в жертву
Им принести и в зажженный костер драгоценностей много
Бросить, Тиресия ж более прочих уважить, особо
Черного, лучшего в стаде барана ему посвятивши.
После (когда обещание дашь многославным умершим)
Черную овцу и черного с нею барана,— к Эребу
Их обратив головою, а сам обратясь к Океану,—
В жертву теням принеси; и к тебе тут немедля великой
Придут толпою отшедшие души умерших; тогда ты
Спутникам дай повеленье, содравши с овцы и с барана,
Острой зарезанных медью, лежащих в крови перед вами,
Кожу, их бросить немедля в огонь и призвать громогласно
Грозного бога Аида и страшную с ним Персефону;

Сам же ты, острый свой меч обнаживши и с ним
перед ямой
Сев, запрещай приближаться безжизненным теням усопших
К крови, покуда ответа не даст вопрошенный Тиресий.
Скоро и сам он, представ пред тобой, повелитель народов,
Скажет тебе, где дорога, и долог ли путь, и успешно ль
Рыбообильного моря путем ты домой возвратишься».
Так говорила она; той порой златотронная Эос
Встала; богиня, в хитон и хламиду меня облачивши,
Светлосеребряной ризой из тонковоздушныя ткани
Нежные плечи одела свои, золотым драгоценным
Поясом стан обвила и покров с головы опустила.
Я же, чертоги ее перешедши, товарищей верных
Всех разбудил и, приветствие каждому сделав, сказал им:
«Время, друзья, вам от сладкого сна пробудиться; покиньте
Ложе; пойдем; нас богиня сама побуждает к отъезду».
Так я сказал, и они покорились мне мужеским сердцем.
Но и оттуда не мог я отплыть без утраты печальной:
Младший из всех на моем корабле, Ельпенор, неотличный
Смелостью в битвах, нещедро умом от богов одоренный,
Спать для прохлады ушел на площадку возвышенной
кровли
Дома Цирцеи священного, крепким вином охмеленный.
Шумные сборы товарищей, в путь уж готовых, услышав,
Вдруг он вскочил и, от хмеля забыв, что назад обратиться
Должен был прежде, чтоб с кровли высокой сойти по ступеням,
Прянул спросонья вперед, сорвался и, ударясь затылком
Оземь, сломил позвонковую кость, и душа отлетела
В область Аида. Тем временем спутникам так говорил я:
«Мыслите, верно, друзья, вы, что в милую землю отчизны
Мы возвращаемся? Путь нам иной указала Цирцея:
В царстве Аида, где властвует страшная с ним Персефона,
Душу Тиресия фивского должен сперва вопросить я».
Так я сказал; в их груди сокрушилося милое сердце;
Пали на землю они, в исступлении волосы рвали,
Всё понапрасну — от слез и от воплей нам не было пользы.
Все к своему кораблю, на песчаном стоявшему береге,
Вместе пошли мы, печальные, льющие слезы обильно.
Тою порою на брег привела чернорунную овцу
С черным бараном Цирцея и, там их оставя, меж нами
Тихо прошла, невидимая... Смертным увидеть не можно
Бога, когда, приходя к ним, он хочет остаться невидим.

К морю и к ждавшему нас на песке кораблю собралися
Все мы и, сдвинувши черный корабль на священные воды,
Мачту на нем утвердили и к ней паруса привязали.
Взявши барана и овцу с собой, на корабль совокупно
Все мы взошли сокрушенные горем, лиющие слезы.
Был нам по темным волнам провожатым надежным попутный
Ветер, пловцам благовеющий друг, парусов надуватель,
Послан приветноречивою, светлокудрявой богиней;
Все корабельные снасти порядком убрав, мы спокойно
Плыли; корабль наш бежал, повинуясь кормилу и ветру.
Были весь день паруса путеводным дыханием полны.
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Скоро пришли мы к глубокотекущим водам Океана;
Там киммериян печальная область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет
Оку людей там лица лучезарного Гелиос, землю ль
Он покидает, всходя на звездами обильное небо,
С неба ль, звездами обильного, сходит, к земле обращаясь;
Ночь безотрадная там искони окружает живущих.
Судно, прибыв, на песок мы встащили; барана и овцу
Взяли с собой и пошли по теченью вод Океана
Берегом к месту, которое мне указала Цирцея.
Дав Перимеду держать с Еврилохом зверей, обреченных
В жертву, я меч обнажил медноострый и, им ископавши
Яму глубокую, в локоть один шириной и длиною,
Три совершил возлияния мертвым, мной призванным вместе:
Первое смесью медвяной, второе вином благовонным,
Третье водой и, мукою ячменною все пересыпав,
Дал обещанье безжизненно веющим теням усопших:
В дом возвратяся, корову, тельцов не имевшую, в жертву
Им принести и в зажженный костер драгоценностей много
Бросить; Тиресия ж более прочих уважить, особо
Черного, лучшего в стаде барана ему посвятивши.
Дав обещанье такое и сделав воззвание к мертвым,
Сам я барана и овцу над ямой глубокой зарезал;
Черная кровь полилася в нее, и слетелись толпою
Души усопших, из темныя бездны Эреба поднявшись:
Души невест, малоопытных юношей, опытных старцев,
Дев молодых, о утрате недолгия жизни скорбящих,
Бранных мужей, медноострым копьем пораженных смертельно

В битве и брони, обрызганной кровью, еще не сложивших.
Все они, вылетев вместе бесчисленным роем из ямы,
Подняли крик несказанный; был схвачен я ужасом бледным.
Кликнув товарищей, им повелел я с овцы и с барана,
Острой зарезанных медью, лежавших в крови перед нами,
Кожу содрать и, огню их предавши, призвать громогласно
Грозного бога Аида и страшную с ним Персефону.
Сам же я меч обнажил изощренный и с ним перед ямой
Сел, чтоб мешать приближаться безжизненным теням усопших
К крови, пока мне ответа не даст вопрошенный Тиресий.
Прежде других предо мною явилась душа Ельпенора;
Бедный, еще не зарытый, лежал на земле путеносной.
Не был он нами оплакан; ему не свершив погребенья,
В доме Цирцеи его мы оставили: в путь мы спешили.
Слезы я пролил, увидя его; состраданье мне душу проникло.
Голос возвысив, я мертвому бросил крылатое слово:
«Скоро же, друг Ельпенор, очутился ты в царстве Аида!
Пеший проворнее был ты, чем мы в корабле быстроходном».
Так я сказал; простонавши печально, мне так отвечал он:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей многославный,
Демоном злым погублен я и силой вина несказанной;
Крепко на кровле заснув, я забыл, что назад надлежало
Прежде пойти, чтоб по лестнице с кровли высокой спуститься;
Бросясь вперед, я упал и, затылком ударившись оземь,
Кость изломал позвоночную; в область Аида мгновенно
Дух отлетел мой. Тебя же любовью к отсутственным милым,
Верной женою, отцом, воспитавшим тебя, и цветущим
Сыном, тобой во младенческих летах оставленным дома,
Ныне молю (мне известно, что, область Аида покинув,
Ты в корабле возвратишься на остров Цирцеи) — о! вспомни,
Вспомни тогда обо мне, Одиссей благородный, чтоб не был
Там не оплаканный я и безгробный оставлен, чтоб гнева
Мстящих богов на себя не навлек ты моею бедою.
Бросивши труп мой со всеми моими доспехами в пламень,
Холм гробовой надо мною насыпьте близ моря седого;
В памятный знак же о гибели мужа для поздних потомков
В землю на холме моем то весло водрузите, которым
Некогда в жизни, ваш верный товарищ, я волны тревожил».
Так говорил Ельпенор, и, ему отвечая, сказал я:
«Все, злополучный, как требуешь, мною исполнено будет».
Так мы, печально беседуя, друг подле друга сидели,
Я, отгоняющий тени от крови мечом обнаженным,
Он, говорящий со мною, товарища прежнего призрак.

Вдруг подошло, я увидел, ко мне привиденье умершей
Матери милой моей Антиклеи, рожденной великим
Автоликоном,— ее меж живыми оставил я дома,
В Трою отплыв. Я заплакал, печаль мне проникнула душу;
Но и ее, сколь ни тяжко то было душе, не пустил я
К крови: мне не дал ответа еще прорицатель Тиресий.
Скоро предстал предо мной и Тиресия фивского образ;
Был он с жезлом золотым, и меня он узнал и сказал мне:
«Что, Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Что, злополучный, тебя побудило, покинув пределы
Светлого дня, подойти к безотрадной обители мертвых?
Но отслонися от ямы и к крови мечом не препятствуй
Мне подойти, чтоб, напившися, мог я по правде пророчить».
Так он сказал; отслоняся от ямы, я меч среброгвоздный
Вдвинул в ножны; а Тиресий, напившися черныя крови,
Слово ко мне обратил и сказал мне, по правде пророча:
«Царь Одиссей, возвращения сладкого в дом свой ты жаждешь.
Бог раздраженный его затруднит несказанно, понеже
Гонит тебя колебатель земли Посейдон; ты жестоко
Душу разгневал его ослеплением милого сына.
Но, и ему вопреки, и беды повстречав, ты достигнуть
Можешь отечества, если себя обуздаешь и буйных
Спутников; с ними ты к острову знойной Тринакрии, бездну
Темно-лазурного моря измерив, корабль приведешь свой;
Тучных быков и волнистых баранов пасет там издавна
Гелиос светлый, который все видит, все слышит, все знает.
Будешь в Итаке, хотя и великие бедствия встретишь,
Если воздержишься руку поднять на стада Гелиоса;
Если же руку подымешь на них, то пророчу погибель
Всем вам: тебе, кораблю и сопутникам; сам ты избегнешь
Смерти, но бедственно в дом возвратишься, товарищей в море
Всех потеряв, на чужом корабле, и не радость там встретишь:
Буйных людей там найдешь ты, твое достоянье губящих,
Мучащих дерзким своим сватовством Пенелопу, дарами
Брачными ей докучая; ты им отомстишь. Но когда ты,
Праведно мстя, женихов, захвативших насильственно дом твой,
В нем умертвишь иль обманом, иль явною силой — покинув
Царский свой дом и весло корабельное взявши, отправься
Странствовать снова и странствуй, покуда людей не увидишь,
Моря не знающих, пищи своей никогда не солящих,
Также не зревших еще ни в волнах кораблей быстроходных,
Пурпурногрудых, ни весел, носящих, как мощные крылья,
Их по морям,— от меня же узнай несомнительный признак:

Если дорогой ты путника встретишь и путник тот спросит:
«Что за *лопату* несешь на блестящем плече, иноземец?» —
В землю весло водрузи — ты окончил свое роковое,
Долгое странствие. Мощному там Посейдону принесши
В жертву барана, быка и свиней оплодителя вепря,
В дом возвратись и великую дома сверши гекатомбу
Зевсу и прочим богам, беспредельного неба владыкам,
Всем по порядку. И смерть не застигнет тебя на туманном
Море; спокойно и медленно к ней подходя, ты кончину
Встретишь, украшенный старостью светлой, своим и народным
Счастьем богатый. И сбудется все, предреченное мною».
Так говорил мне Тиресий; ему отвечая, сказал я:
«Старец, пускай совершится, что мне предназначили боги.
Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Матери милой я вижу отшедшую душу; близ крови
Тихо сидит неподвижная тень и как будто не смеет
Сыну в лицо поглядеть и завесть разговор с ним. Скажи мне,
Старец, как сделать, чтоб мертвая сына живого узнала?»
Так я его вопросил, и, ответствуя, так мне сказал он:
«Легкое средство на это в немногих словах я открою:
Та из безжизненных теней, которой приблизиться к крови
Дашь ты, разумно с тобою начнет говорить; но безмолвно
Та от тебя удалится, которой ты к крови не пустишь»,
С сими словами обратно отшедши в обитель Аида,
Скрылась душа прорицателя, мне мой сказавшая жребий.
Я ж неподвижно остался на месте; но ждал я недолго;
К крови приблизилась мать, напилася и сына узнала.
С тяжким вздохом она мне крылатое бросила слово:
«Как же, мой сын, ты живой мог проникнуть в туманную область
Аида? Здесь все ужасает живущего; шумно бегут здесь
Страшные реки, потоки великие; здесь Океана
Воды глубокие льются; никто переплыть их не может
Сам; то одним кораблям крепкозданным возможно. Скажи же,
Прямо ль от Трои с своим кораблем и с своими людьми ты,
По морю долго скитавшися, прибыл сюда? Неужели
Все не видал ни Итаки, ни дома отцов, ни супруги?»
Так говорила она, и, ответствуя, так ей сказал я:
«Милая мать, приведен я к Аиду нуждой всемогущей;
Душу Тиресия фивского мне вопросить надлежало.
В землю ахеян еще я не мог возвратиться; отчизны
Нашей еще не видал, бесприютно скитаюсь повсюду
С самых тех пор, как с великим царем Агамемноном поплыл

В град Илион, изобильный конями, на гибель троянам.
Ты ж мне скажи откровенно, какою из Парк непреклонных
В руки навек усыпляющей смерти была предана ты?
Медленно ль тяжким недугом? Иль вдруг Артемида богиня
Тихой стрелою своею тебя без болезни убила?
Также скажи об отце и о сыне, покинутых мною:
Царский мой сан сохранился ли им? Иль другой уж на место
Избран мое и меня уж в народе считают погибшим?
Также скажи мне, что делает дома жена Пенелопа?
С сыном ли вместе живет, неизменная в верности мужу?
Иль уж с каким из ахейских владык сочеталася браком?»
Так я ее вопросил; Антиклея мне так отвечала:
«Верность тебе сохраняя, в жилище твоем Пенелопа
Ждет твоего возвращенья с тоскою великой и тратит
Долгие дни и бессонные ночи в слезах и печали;
Царский твой сан никому от народа не отдан; бесспорно,
Дома своим Телемах достояньем владеет, пирами
Всех угощает, как то облеченному саном высоким
Следует; все и его угощают. Лаэрт же не ходит
Более в город; он в поле далеко живет, не имея
Там ни одра, ни богатых покровов, ни мягких подушек;
Дома в дождливое зимнее время он вместе с рабами
Спит на полу у огня, покровенный одеждой убогой;
В летнюю ж знойную пору иль поздней порою осенней
Всюду находит себе на земле он в саду виноградном
Ложе из листьев опалых, насыпанных мягкою грудой.
Там он лежит, и вздыхает, и сердцем крушится, и плачет,
Все о тебе помышляя; и старость его безотрадна.
Кончилось так и со мной; и моя совершилась судьбина.
Но не сестра Аполлонова с луком тугим Артемида
Тихой стрелою своею меня без болезни убила,
Также не медленный, мной овладевший недуг, растерзавши
Тело мое, из него пзнуренную душу исторгнул:
Нет; но тоска о тебе, Одиссей, о твоем миролюбном
Нраве и разуме светлом до срока мою погубила
Сладостно-милую жизнь». И умолкла она. Увлеченный
Сердцем, обнять захотел я отшедшую матери душу;
Три раза руки свои к ней, любовью стремимый, простер я,
Три раза между руками моими она проскользнула
Тенью иль сонной мечтой, из меня вырывая стенанье.
Ей наконец, сокрушенный, я бросил крылатое слово:
«Милая мать, для чего, из объятий моих убегая,
Мне запрещаешь в жилище Аида прижаться к родному

Сердцу и скорбною сладостью плача с тобой поделиться?
Иль Персефона могучая вместо тебя мне прислала
Призрак пустой, чтоб мое усугубить великое горе?»
Так говорил я; мне мать благородная так отвечала:
«Милый мой сын, злополучнейший между людьми, Персефона,
Дочь громовержца, тебя приводить в заблужденье не мыслит.
Но такова уж судьбина всех мертвых, расставшихся с жизнью.
Крепкие жилы уже не связуют ни мышц, ни костей их;
Вдруг истребляет пронзительной силой огонь погребальный
Все, лишь горячая жизнь охладелые кости покинет:
Вовсе тогда, улетевши, как сон, их душа исчезает.
Ты же на радостный свет поспеши возвратиться; но помни,
Что я сказала, чтоб все повторить при свиданье супруге».
Так, собеседуя, мы говорили. Тогда мне явились
Призраки жен — их прислала сама Персефона; то были
В прежнее время супруги и дочери славных героев;
Черную кровь обступили они, подбежав к ней толпою;
Я же обдумывал, как бы мне их вопросить почередно
Каждую; вот что удобнейшим мне наконец показалось:
Меч длинноострый немедля схватил и, его обнаживши,
К крови приблизиться им не дозволил я всею толпою;
Друг за другом они по одной подходили и имя
Мне называли свое; и расспрашивать каждую мог я.
Прежде других подошла благороднорожденная Тиро,
Дочь Салмонеева, славная в мире супруга Крефея,
Сына Эолова; все о себе мне она рассказала:
Сердце свое Энипеем, рекою божественно светлой,
Между реками земными прекраснейшей, Тиро пленила;
Часто она посещала прекрасный поток Энипея;
В образ облекся его Посейдон земледержец, чтоб с нею
В устье волнистокипучем реки сочетаться любовью;
Воды пурпурные встали горой и, слившись прозрачным
Сводом над ними, сокрыли от взоров и бога и деву.
Девственный пояс ее развязал он, ей очи смеживши
Сном; и когда, распаленный, свое утолил вожделенье,
За руку взял, и по имени назвал ее, и сказал ей:
«Радуйся, богом любимая! Прежде чем полный свершится
Год, у тебя два прекрасные сына родятся (бесплоден
С богом союз не бывает), и их воспитай ты с любовью.
Но, возвратяся к домашним, мое называть им страшися
Имя; тебе же откроюсь: я бог Посейдон земледержец».
Так он сказав, погрузился в морское глубокое лоно.
В срок от нее близнецы Пелиас и Нелей родились;

Слуги могучие Зевса эгидоносителя были
Оба они; обладая стадами баранов, в Иолкосе
Тучнополянистом жил Пелиас; а Нелей жил в песчаном
Пилосе. Но от Крефея еще родились у прекрасной
Тиро Эсон, и Ферет, и могучий ездок Амифаон.
После нее мне предстала Асопова дочь Антиопа.
Гордо хвалилась она, что объятия Дий отворил ей:
Были плодом их любви Амфион и Зефос; положили
Первое Фив семивратных они основанье и много
Башен воздвигли кругом, поелику в широкоравнинных
Фивах они, и могучие, жить не могли б без ограды.
Амфитрионову после узрел я супругу Алкмену;
Сына Геракла, столь славного силой и мужеством львиным,
Зевсу она родила, целомудренно с ним сочетавшись.
После явилась Мегара; Креон, необузданно смелый,
Был ей отцом; а супругом Геракл, в испытаниях твердый.
Вслед за Мегарой предстала Эдипова мать Эпикаста;
Страшно-преступное дело в незнанье она совершила,
С сыном родным, умертвившим отца, сочетавшися браком.
Скоро союз святотатный открыли бессмертные людям.
Гибельно царствовать в Кадмовом доме, в возлюбленных Фивах
Был осужден от Зевеса Эдип, безотрадный страдалец,
Но Эпикаста Аидовы двери сама отворила:
Петлю она роковую к бревну потолка прикрепивши,
Ею плачевную жизнь прервала; одинок он остался
Жертвой терзаний от скликанных матерью страшных Эриний.
После явилась Хлорида; ее красотою пленяся,
Некогда с ней сочетался Нелей, дорогими дарами
Деву прельстивший; был царь Амфион Иасид, Орхомена
Града минийского славный властитель, отец ей; царица
Пилоса, бодрых она сыновей даровала Нелею:
Нестора, Хромия, жадного почестей Периклимена;
После Хлорида и дочь родила, многославную Перу,
Дивной красы; женихи отовсюду сошлись, но тому лишь
Дочь непреклонный Нелей назначал, кто быков круторогих
С поля Филакии сгонит, отняв у царя Ификлеса
Силой все стадо его. Беспорочный взялся прорицатель
Смелое дело свершить; но ему положили преграду
Злая судьба, и темничные узы, и пастыри стада.
Но когда миновались месяцы, дни пробежали и годы,
Круг совершился и Оры весну привели,— Ификлесу
Тайны богов он открыл; Ификлесова сила святая
Узы его прервала, и исполнилась воля Зевеса.

Славная Леда, супруга Тиндара, потом мне явилась;
Ей родилися от брака с Тиндаром могучим два сына:
Коней смиритель Кастор и боец Полидевк многосильный.
Оба землею они жизнедарною взяты живые;
Оба и в мраке подземном чествимы Зевесом; вседневно
Братом сменяется брат; и вседневно, когда умирает
Тот, воскресает другой; и к бессмертным причислены оба.
Ифимедею, жену Алоея, потом я увидел;
С ней сочетался,— хвалилась она,— Посейдон земледержец;
Были плодом их союза два сына (но краток был век их):
Отос божественный с славным везде на земле Эфиальтом.
Щедрая, станом всех выше людей их земля возрастила;
Всех красотой затмевали они, одному Ориону
В ней уступая; и оба, едва девяти лет достигнув,
В девять локтей толщиной, вышиною же в тридевять были.
Дерзкие стали бессмертным богам угрожать, что Олимп их
Шумной войной потрясут и губительным боем взволнуют;
Оссу на древний Олимп взгромоздить, Пелион многолесный
Взбросить на Оссу они покушались, чтоб приступом небо
Взять, и угрозу б они совершили, когда бы достигли
Мужеской силы; но сын громовержца, Латоной рожденный,
Прежде, чем младости пух отенил их ланиты и первый
Волос пробился на их подбородке, сразил их обоих.
Федру я видел, Прокриду; явилась потом Ариадна,
Дочь кознодея Миноса: из Крита бежать с ним в Афины
Деву прекрасную бодрый Тесей убедил; но не мог он
С ней насладиться любовью; убила ее Артемида
Тихой стрелой, наученная Вакхом, на острове Дие.
Видел я Мойру, Климену, злодейку жену Эрифилу,
Гнусно предавшую мужа, прельстясь золотым ожерельем...
Всех их, однако, я счесть не могу; мне не вспомнить, какие
Там мне явилися жены и дочери древних героев;
Целой бы ночи не стало на то; уж пора мне предаться
Сну, удаляся ль на быстрый корабль ваш к товарищам бодрым,
Здесь ли оставшись; а вы мой отъезд учредите с богами».
Так говорил Одиссей,— все другие сидели безмолвно
В светлой палате, и было у всех очаровано сердце.
Тут белорукая слово к гостям обратила Арета:
«Что, феакияне, скажете? Станом, и видом, и силой
Разума всех изумляет нас гость чужеземный. Хотя он
Собственно *мой* гость, но будет ему угощенье от всех нас;
В путь же его отсылать не спешите; нескупо дарами
Должно его, претерпевшего столько утрат, наделить нам:

Много у всех вас, по воле бессмертных, скопилось богатства».
Тут поднялся Эхеной, благородного племени старец,
Ранее всех современных ему феакиян рожденный.
«С нашим желаньем, друзья,— он сказал,— и намереньем
нашим
Слово разумной царицы согласно; ему покориться
Должно, а царь Алкиной пусть на деле то слово исполнит».
Кончил. Ответствовал так Алкиной благородному старцу:
«Будет, что сказано, мною на деле исполнено так же
Верно, как то, что я жив и что царь я в земле феакиян
Веслолюбивых. Но странник, хотя и безмерно спешит он
В путь, подождет до утра, чтоб имели мы время подарки
Наши собрать; отправленье в отчизну его есть забота
Общая всем вам, моя ж наипаче: я здесь повелитель».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
Если б и целый здесь год продержать вы меня захотели,
Мой учреждая отъезд и дары для меня собирая,
Я согласился б остаться, понеже мне выгодно будет
С полными в милую землю отцов возвратиться руками.
Больше почтен и с живейшею радостью принят я буду
Всеми, кто встретит меня при моем возвращенье в Итаку».
Он умолкнул; ему Алкиной отвечал дружелюбно:
«Царь Одиссей, мы, внимая тебе, не имеем обидной
Мысли, чтоб был ты хвастливый обманщик, подобный
Многим бродягам, которые землю обходят, повсюду
Ложь рассевая в нелепых рассказах о виденном ими.
Ты не таков; ты возвышен умом и пленителен речью.
Повесть прекрасна твоя; как разумный певец, рассказал ты
Нам об ахейских вождях и о собственных бедствиях; кончить
Должен, однако, ты повесть. Скажи ж, ничего не скрывая,
Видел ли там ты кого из могучих товарищей бранных,
Бывших с тобой в Илионе и черную встретивших участь?
Ночь несказанно долга; и останется времени много
Всем нам для сна безмятежного. Кончи ж начатую повесть;
Слушать тебя я готов до явленья светлой Денницы,
Если рассказывать нам о напастях своих согласишься».
Так говорил он; ответствовал так Одиссей хитроумный:
«Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
Время на все есть; свой час для беседы, свой час для покоя;
Если, однако, желаешь теперь же дослушать рассказ мой,
Я повинуюсь и все расскажу, что печального после
Я претерпел: как утратил последних сопутников; также

Кто из аргивян, избегши погибели в битвах троянских,
Пал от убийцы, изменой жены, при возврате в отчизну.
После того как рассеяться призракам жен Персефона,
Ада царица, велела и все, разлетевшись, пропали —
Тень Агамемнона, сына Атреева, тихо и грустно
Вышла; и следом за нею все тени товарищей, падших
В доме Эгиста с Атридом, с ним вместе постигнутых роком.
Крови напившись, меня во мгновенье узнал Агамемнон.
Тяжко, глубоко вздохнул он; заплакали очи; простерши
Руки, он ими ко мне прикоснуться хотел, но напрасно:
Руки не слушались: не было в них уж ни сил, ни движенья,
Некогда члены могучего тела его оживлявших.
Слезы я пролил, увидя его; состраданье проникло
Душу мне; мертвому другу я бросил крылатое слово:
«Сын Атреев, владыка людей, государь Агамемнон,
Паркой какою ты в руки навек усыпляющей смерти
Предан? В волнах ли тебя погубил Посейдон с кораблями,
Бурею бездну великую всю всколебавши? На суше ль
Был умерщвлен ты рукою врага, им захваченный в поле,
Где нападал на его криворогих быков и баранов,
Или во граде, где жен похищал и сокровища грабил?»
Так вопросил я его, и, ответствуя, так мне сказал он:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный!
Нет, не в волнах с кораблями я был погублен Посейдоном,
Бурные волны воздвигшим на бездне морской; не на суше
Был умерщвлен я рукою противника явного в битве;
Тайно Эгист приготовил мне смерть и плачевную участь;
С гнусной женою моей заодно, у себя на веселом
Пире убил он меня, как быка убивают при яслях;
Так я погиб, и товарищи верные вместе со мною
Были зарезаны все, как клычистые вепри, которых
В пышном дому гостелюбца, скопившего много богатства,
Режут на складочный пир, на роскошный обед иль на свадьбу.
Часто без страха видал ты, как гибли могучие мужи
В битве, иной одиноко, иной в многолюдстве сраженья,—
Здесь же пришел бы ты в трепет, от страха бы обмер, увидя,
Как меж кратер пировых, меж столами, покрытыми брашном,
Все на полу мы, дымящемся нашею кровью, лежали.
Громкие крики Приамовой дочери, юной Кассандры,
Близко услышал я: нож ей во грудь Клитемнестра вонзала
Подле меня; полумертвый лежа на земле, попытался
Хладную руку к мечу протянуть я: она равнодушно
Взор отвратила и мне, отходящему в область Аида,

Тусклых очей и мертвеющих уст запереть не хотела.
Нет ничего отвратительней, нет ничего ненавистней
Дерзко-бесстыдной жены, замышляющей хитро такое
Дело, каким навсегда осрамилась она, приготовив
Мужу, богами ей данному, гибель. В отечество думал
Я возвратиться на радость возлюбленным детям и ближним —
Злое, напротив, замысля, кровавым убийством злодейка
Стыд на себя навлекла и на все времена посрамила
Пол свой и даже всех жен, поведеньем своим беспорочных».
Так говорил Агамемнон; ему отвечая, сказал я:
«Горе! Конечно, Зевес громовержец потомству Атрея
Быть навсегда предназначил игралищем бедственных женских
Козней; погибло немало могучих мужей от Елены;
Так и тебе издалека устроила смерть Клитемнестра».
Выслушав слово мое, мне ответствовал царь Агамемнон:
«Слишком доверчивым быть, Одиссей, берегися с женою;
Ей открывать простодушно всего, что ты знаешь, не должно;
Вверь ей одно, про себя сохрани осторожно другое.
Но для тебя, Одиссей, от жены не опасна погибель;
Слишком разумна и слишком незлобна твоя Пенелопа,
Старца Икария дочь благонравная; в самых цветущих
Летах, едва сопряженный с ней браком, ее ты покинул,
В Трою отплыв, и грудной, лепетать не умевший, младенец
С ней был оставлен тогда; он, конечно, теперь заседает
В сонме мужей; и отец, возвратясь, с ним увидится; нежно
К сердцу родителя сам он, как следует сыну, прижмется...
Мне ж кознодейка жена не дала ни одним насладиться
Взглядом на милого сына; я был во мгновенье зарезан.
Выслушай, друг, мой совет и заметь про себя, что скажу я:
Скрой возвращенье свое и войди с кораблем неприметно
В пристань Итаки: на верность жены полагаться опасно.
Сам же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Мог ли ты что-нибудь сведать о сыне моем? Не слыхал ли,
Где он живет? В Орхомене ль? В песчаном ли Пилосе?
В Спарте ль
Светлопространной у славного дяди, царя Менелая?
Ибо не умер еще на земле мой Орест благородный».
Так вопросил Агамемнон; ему отвечая, сказал я:
«Царь Агамемнон, о сыне твоем ничего я не знаю;
Где он и жив ли, сказать не могу; пустословие вредно».
Так мы, о многом минувшем беседуя, друг подле друга
Грустно сидели, и слезы лились по нашим ланитам.
Тень Ахиллеса, Пелеева сына, потом мне явилась;

С ним был Патрокл, Антилох беспорочный и сын Теламонов
Бодрый Аякс, меж ахейцами мужеским видом и силой
После Пелеева сына великого всех превзошедший.
Тень быстроногого внука Эакова, став предо мною,
Мне, возрыдавши, крылатое бросила слово: «Зачем ты
Здесь, Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный?
Что, дерзновенный, какое великое дело замыслил?
Как проникнул в пределы Аида, где мертвые только
Тени отшедших, лишенные чувства, безжизненно веют?»
Так он спросил у меня, и, ему отвечая, сказал я:
«О Ахиллес, сын Пелеев, меж всеми данаями первый,
Здесь я затем, чтоб Тиресий слепец прорицатель открыл мне
Способ вернейший моей каменистой Итаки достигнуть;
В землю ахеян еще я не мог возвратиться; отчизны
Милой еще не видал; я скитаюсь и бедствую. Ты же
Между людьми и минувших времен и грядущих был счастьем
Первый: живого тебя мы как бога бессмертного чтили;
Здесь же, над мертвыми царствуя, столь же велик ты, как в жизни
Некогда был; не ропщи же на смерть, Ахиллес богоравный».
Так говорил я, и так он ответствовал, тяжко вздыхая:
«О Одиссей, утешения в смерти мне дать не надейся;
Лучше б хотел я живой, как поденщик, работая в поле,
Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный,
Нежели здесь над бездушными мертвыми царствовать, мертвый.
Ты же о сыне известием душу теперь мне порадуй.
Был ли в сраженье мой сын? Впереди ли у всех он сражался?
Также скажи, Одиссей, не слыхал ли о старце Пелее?
Все ли по-прежнему он повелитель земли мирмидонской?
Иль уж его и в Элладе и Фтии честить перестали,
Дряхлого старца, без рук и без ног, изнуренного в силах?
В области дня уж защитником быть для него не могу я;
Ныне уж я не таков, как бывало, когда в отдаленной
Трое губил ополченья и грудью стоял за ахеян.
Если б таким хоть на миг я в жилище отцовом явился,
Ужас бы сильная эта рука навела там на многих,
Власти Пелея не чтущих и старость его оскорбивших».
Так говорил Ахиллес, и, ему отвечая, сказал я:
«Сведать не мог ничего я о старце Пелее великом;
Но о твоем благородном, возлюбленном Неоптолеме
Все, Ахиллес, как желаешь, тебе расскажу я подробно.
Сам я его в корабле крутобоком моем от Скироса
Морем привез к меднолатным данаям в троянскую землю;

Там на советах вождей о судьбе Илиона всегда он
Голос свой прежде других подавал и в разумных сужденьях
Мною одним лишь и Нестором мудрым бывал побеждаем.
В поле ж троянском широком, где гибельной медью мы бились,
Он никогда близ дружин и в толпе не хотел оставаться;
Быстро вперед выбегал он один, упреждая храбрейших;
Много врагов от него в истребительной битве погибло;
Я ж не могу ни назвать, ни исчислить, сколь много народа
В крае троянском побил он, где грудью стоял за аргивян.
Так Еврипила, Телефова сына, губительной медью
Он ниспроверг, и кругом молодого вождя все кетейцы
Пали его, златолюбия женского бедственной жертвой.
После Мемнона, подобного богу, был всех он прекрасней.
В чрево коня, сотворенного чудно Эпеосом, скрыться
Был он с другими вождями назначен; а двери громады
Мне отворять, затворять и стеречь поручили ахейцы.
Все, при вступлении в конские недра, вожди отирали
Слезы с ланит, и у каждого руки и ноги тряслися;
В нем же едином мои никогда не подметили очи
Страха; не помню, чтоб он от чего побледнел, содрогнулся
Или заплакал. Не раз убеждал он меня из затвора
Дать ему выйти и, стиснув одною рукою двуострый
Меч, а другою обитое медью копье, порывался
В бой на троян. А когда был разрушен Приамов великий
Град, он с богатой добычей, с дарами почетными поплыл
В край свой, ни издали метким копьем, ни вблизи длиннооострой
Медью меча не пронзенный ни разу, как часто бывает
В жарком бою, где убийство кипит и Арей веселится».
Так говорил я: душа Ахиллесова с гордой осанкой
Шагом широким, по ровному Асфодилонскому лугу
Тихо пошла, веселяся великою славою сына.
Души других знаменитых умерших явились; со мною
Грустно они говорили о том, что тревожило сердце
Каждому; только душа Теламонова сына Аякса
Молча стояла вдали, одинокая, все на победу
Злобясь мою, мне отдавшую в стане аргивян доспехи
Сына Пелеева. Лучшему между вождей повелела
Дать их Фетида; судили трояне; их суд им Афина
Тайно внушила... Зачем, о, зачем одержал я победу,
Мужа такого низведшую в недра земные? Погиб он,
Бодрый Аякс, и лица красотою, и подвигов славой
После великого сына Пелеева всех превзошедший.
Голос возвысив, ему я сказал миротворное слово:

«Сын Теламонов, Аякс знаменитый, не должен ты, мертвый,
Доле со мной враждовать, сокрушаясь о гибельных, взятых
Мною оружиях; ими данаям жестокое боги
Зло приключили: ты, наша твердыня, погиб; о тебе мы
Все, как о сыне могучем Пелея, всечасно крушились,
Раннюю смерть поминая твою; в ней никто не виновен,
Кроме Зевеса, постигшего рать копьеносных данаев
Страшной бедою; тебя он судьбине безвременно предал.
Но подойди же, Аякс; на мгновенье беседой с тобою
Дай насладиться мне; гнев изгони из великого сердца».
Так я сказал; не ответствовал он; за другими тенями
Мрачно пошел; напоследок сокрылся в глубоком Эребе.
Может быть, стал бы и гневный со мной говорить он иль я с ним,
Если б меня не стремило желание милого сердца
Души других знаменитых умерших увидеть. И скоро
В аде узрел я Зевесова мудрого сына Миноса;
Скипетр в деснице держа золотой, там умерших судил он,
Сидя; они же его приговора, кто сидя, кто стоя,
Ждали в пространном с вратами широкими доме Аида.
После Миноса явилась гигантская тень Ориона;
Гнал по широкому Асфодилонскому лугу зверей он —
Их же своею железной ничем не крушимой дубиной
Некогда сам он убил на горах неприступно-пустынных.
Тития также увидел я, сына прославленной Геи;
Девять заняв десятин под огромное тело, недвижим
Там он лежал; по бокам же сидели два коршуна, рвали
Печень его и терзали когтями утробу. И руки
Тщетно на них подымал он. Латону, супругу Зевеса,
Шедшую к Пифию, он осрамил на лугу Панопейском.
Видел потом я Тантала, казнимого страшною казнью:
В озере светлом стоял он по горло в воде и, томимый
Жаркою жаждой, напрасно воды захлебнуть порывался.
Только что голову к ней он склонял, уповая напиться,
С шумом она убегала; внизу ж под ногами являлось
Черное дно, и его осушал во мгновенье демон.
Много росло плодоносных дерев над его головою,
Яблонь, и груш, и гранат, золотыми плодами обильных,
Также и сладких смоковниц, и маслин, роскошно цветущих.
Голодом мучась, лишь только к плодам он протягивал руку,
Разом все ветви дерев к облакам подымалися темным.
Видел я также Сизифа, казнимого страшною казнью;
Тяжкий камень снизу обеими влек он руками

В гору; напрягши мышцы, ногами в землю упершись,
Камень двигал он вверх; но, едва достигал до вершины
С тяжкою ношей, назад устремленный невидимой силой,
Вниз по горе на равнину катился обманчивый камень.
Снова силился вздвинуть тяжесть он, мышцы напрягши,
Тело в поту, голова вся покрытая черною пылью.
Видел я там, наконец, и Гераклову силу, один лишь
Призрак воздушный; а сам он с богами на светлом Олимпе
Сладость блаженства вкушал близ супруги Гебеи, цветущей
Дочери Зевса от златообутой владычицы Геры.
Мертвые шумно летали над ним, как летают в испуге
Хищные птицы; и, темной подобяся ночи, держал он
Лук напряженный с стрелой на тугой тетиве, и ужасно
Вдруг озирался, как будто готовяся выстрелить; страшный
Перевязь блеск издавала, ему поперек перерезав
Грудь златолитным ремнем, на котором с чудесным искусством
Львы грознооки, дикие вепри, лесные медведи,
Битвы, убийства, людей истребленье изваяны были;
Тот, кто свершил бы подобное чудо искусства, не мог бы,
Сам превзошедши себя, ничего уж создать совершенней.
Взор на меня устремив, угадал он немедленно, кто я;
Жалобно, тяжко вздохнул и крылатое бросил мне слово:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Иль и тобой, злополучный, судьба непреклонно играет
Так же, как мной под лучами всезрящего солнца играла?
Сын я Кронпона Зевса; но тем от безмерных страданий
Не был спасен; покориться под власть недостойного мужа
Мне повелела судьба. И труды на меня возлагал он
Тяжкие. Так и отсюда был пса троеглавого должен
Я увести: уповал он, что будет мне труд не по силам.
Я же его совершил, и похищен был пес у Аида;
Помощь мне подали Эрмий и дочь громовержца Афина».
Так мне сказав, удалился в обитель Аидову призрак.
Я ж неподвижно остался на месте и ждал, чтоб явился
Кто из могучих героев, давно знаменитых и мертвых.
Видеть хотел я великих мужей, в отдаленные веки
Славных, богами рожденных, Тесея царя, Пирифоя,
Многих других; но, толпою бесчисленной души слетевшись,
Подняли крик несказанный; был схвачен я ужасом бледным,
В мыслях, что хочет чудовище, голову страшной Горгоны,
Выслать из мрака Аидова против меня Персефона.
Я побежал на корабль и велел, чтоб, не медля нимало,

Люди мои на него собрались и канат отвязали.
Все на корабль собрался и сели на лавках у весел.
Судно спокойно пошло по течению вод Океана,
Прежде на веслах, потом с благовеющим ветром попутным.

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

Быстро своим кораблем Океана поток перерезав,
Снова по многоисплытому морю пришли мы на остров
Эю, туда, где в жилище туманнорожденныя Эос
Легкие Оры ведут хороводы, где Гелиос всходит;
К брегу пристав, на песок мы корабль быстроходный встащили;
Сами же, вышед на брег, поражаемый шумно волнами,
Сну предались в ожиданье восхода на небо Денницы.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Спутников скликав, послал я их к дому Цирцеи, чтоб взять там
Труп Ельпеноров, его принести и свершить погребенье.
Много дерев нарубив, мы на самом возвышенном месте
Берега предали тело земле с сокрушеньем и плачем.
После ж того как сожжен был со всеми доспехами мертвый,
Холм гробовой мы насыпали, памятный столб утвердили,
Гладкое в землю на холме воткнули весло; и священный
Долг погребения был совершен. Но Цирцея узнала
Скоро о нашем прибытии к ней от пределов Аида.
Светлой одеждой облекшись, она к нам пришла; и за нею
С хлебом, и мясом, и пеннопурпурным вином молодые
Девы пришли; и богиня богинь, к нам приближась, сказала:
«Люди железные, заживо зревшие область Аида,
Дважды узнавшие смерть, всем доступную только однажды,
Бросьте печаль и беспечно едой и питьем утешайтесь
Ныне, во все продолжение дня; с наступленьем же утра
Далее вы поплывете; я путь укажу и благое
Дам наставленье, чтоб снова какая безумием вашим
Вас не постигла напасть, ни на суше, ни на море темном».
Так нам сказала, и мы покорились ей мужеским сердцем.
Жертву принесши, мы целый там день до вечернего мрака
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
Солнце тем временем скрылось, и тьма наступила ночная.
Люди в том месте легли, где корабль утвержден был канатом;
Мне же Цирцея приветливо руку дала; и когда я

Сел в отдаленье от прочих, легла близ меня и вопросы
Стала мне делать; и ей обо всем рассказал я подробно.
Светлая так напоследок сама мне сказала богиня:
«Дело одно совершил ты успешно; теперь со вниманьем
Выслушай то, что скажу, что потом и от бога услышишь.
Прежде всего ты увидишь сирен; неизбежною чарой
Ловят они подходящих к ним близко людей мореходных.
Кто, по незнанью, к тем двум чародейкам приближась, их сладкий
Голос услышит, тому ни жены, ни детей малолетных
В доме своем никогда не утешить желанным возвратом:
Пеньем сладким сирены его очаруют, на светлом
Сидя лугу; а на этом лугу человечьих белеет
Много костей, и разбросаны тлеющих кож там лохмотья.
Ты ж, заклепавши товарищам уши смягченным медвяным
Воском, чтоб слышать они не могли, проплыви без оглядки
Мимо; но ежели сам роковой пожелаешь услышать
Голос, вели, чтоб тебя по рукам и ногам привязали
К мачте твоей корабельной крепчайшей веревкой; тогда ты
Можешь свой слух без вреда удовольствовать гибельным пеньем.
Если ж просить ты начнешь иль приказывать станешь, чтоб сняли
Узы твои, то двойными тебя пусть немедленно свяжут.
После, когда вы минуете остров сирен смертоносный,
Две вам дороги представятся; дать же совет здесь, какую
Выбрать из двух безопаснее, мне невозможно; своим ты
Должен рассудком решить. Опишу я и ту и другую.
Прежде увидишь стоящие в море утесы; кругом их
Шумно волнуется зыбь Амфитриты лазоревоокой;
Имя *бродящих* дано им богами; близ них никакая
Птица не смеет промчаться, ни даже амброзию Зевсу
Легким полетом носящие робкие голуби; каждый
Раз пропадает из них там один, об утес убиваясь;
Каждый раз и Зевес заменяет убитого новым.
Все корабли, к тем скалам подходившие, гибли с пловцами;
Доски одни оставались от них и бездушные трупы,
Шумной волною и пламенным вихрем носимые в море.
Только один, все моря обежавший, корабль невредимо
Их миновал — посетитель Эета, прославленный Арго;
Но и его на утесы бы кинуло море, когда б он
Там не прошел, провожаемый Герой, любившей Ясона.
После ты две повстречаешь скалы: до широкого неба
Острой вершиной восходит одна, облака окружают

Темносгущенные ту высоту, никогда не редея.
Там никогда не бывает ни летом, ни осенью светел
Воздух; туда не взойдет и оттоль не сойдет ни единый
Смертный, хотя б с двадцатью был руками и двадцать
Ног бы имел,— столь ужасно, как будто обтесанный, гладок
Камень скалы; и на самой ее середине пещера,
Темным жерлом обращенная к мраку Эреба на запад;
Мимо ее ты пройдешь с кораблем, Одиссей многославный;
Даже и сильный стрелок не достигнет направленной с моря
Быстролетящей стрелою до входа высокой пещеры;
Страшная Скилла живет исконно там. Без умолку лая,
Визгом пронзительным, визгу щенка молодого подобным,
Всю оглашает окрестность чудовище. К ней приближаться
Страшно не людям одним, но и самым бессмертным.

Двенадцать

Движется спереди лап у нее; на плечах же косматых
Шесть подымается длинных, изгибистых шей; и на каждой
Шее торчит голова, а на челюстях в три ряда зубы,
Частые, острые, полные черною смертью, сверкают;
Вдвинувшись задом в пещеру и выдвинув грудь из пещеры,
Всеми глядит головами из лога ужасная Скилла.
Лапами шаря кругом по скале, обливаемой морем,
Ловит дельфинов она, тюленей и могучих подводных
Чуд, без числа населяющих хладную зыбь Амфитриты.
Мимо ее ни один мореходец не мог невредимо
С легким пройти кораблем: все зубастые пасти разинув,
Разом она по шести человек с корабля похищает.
Близко увидишь другую скалу, Одиссей многославный:
Ниже она; отстоит же от первой на выстрел из лука.
Дико растет на скале той смоковница с сенью широкой.
Страшно все море под тою скалою тревожит Харибда,
Три раза в день поглощая и три раза в день извергая
Черную влагу. Не смей приближаться, когда поглощает:
Сам Посейдон от погибели верной тогда не избавит.
К Скиллиной ближе держася скале, проведи без оглядки
Мимо корабль быстроходный: отраднее шесть потерять вам
Спутников, нежели вдруг и корабль потопить, и погибнуть
Всем». Тут умолкла богиня; а я, отвечая, сказал ей:
«Будь откровенна, богиня, чтоб мог я всю истину ведать:
Если избегнуть удастся Харибды, могу ли отбиться
Силой, когда на сопутников бросится жадная Скилла?»
Так я спросил, и, ответствуя, так мне сказала богиня:
«О необузданный, снова о подвигах бранных замыслил;

Снова о бое мечтаешь; ты рад и с богами сразиться.
Знай же: не смертное зло, а бессмертное Скилла. Свирепа,
Дико-сильна, ненасытна, сражение с ней невозможно.
Мужество здесь не поможет; одно здесь спасение — бегство.
Горе, когда ты хоть миг там для тщетного боя промедлишь:
Высунет снова она из своей недоступной пещеры
Все шесть голов и опять с корабля шестерых на пожранье
Схватит; не медли ж; поспешно пройди; призови лишь
Кратейю:
Скиллу она родила на погибель людей, и одна лишь
Дочь воздержать от второго на вас нападения может.
Скоро потом ты увидишь Тринакрию остров; издавна
Гелиос тучных быков и баранов пасет там на пышных,
Злачных равнинах; семь стад составляют быки; и бараны
Столько ж; и в каждом их стаде числом пятьдесят; и число то
Вечно одно; не плодятся они, и пасут неусыпно
Их Фаэтуса с Лампетией, пышнокудрявые нимфы.
Гелиос их Гипперион с божественной прижил Неерой.
Светлая мать, дочерей воспитавши, в Тринакрии знойной
Их поселила, чтоб там, от людей в удалении, девы
Тучных быков и баранов отцовых пасли неусыпно.
Будешь в Итаке, хотя и великие бедствия встретишь,
Если воздержишься руку поднять на стада Гелиоса;
Если же руку подымешь на них, то пророчу погибель
Всем вам: тебе, кораблю и сопутникам; сам ты избегнешь
Смерти; но, всех потеряв, одинок возвратишься в отчизну».
Так говорила она. Златотронная Эос явилась
На небе; в дом свой богиня пошла, разлучившись со мною.
Я ж, к своему кораблю возвратясь, повелел, чтоб немедля
Спутники все на него собрались и канат отвязали;
Все на него собралися и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.
Был нам на темных водах провожатым надежным попутный
Ветер, пловцам благовеющий друг, парусов надуватель,
Послан приветноречивою, светлокудрявой богиней.
Все корабельные снасти порядком убрав, мы спокойно
Плыли; корабль наш бежал, повинуясь кормилу и ветру.
Я ж, обратяся к сопутникам, так им сказал, сокрушенный:
«Должно не мне одному и не двум лишь, товарищи, ведать
То, что нам всем благосклонно богиня богинь предсказала:
Все вам открою, чтоб, зная свой жребий, могли вы бесстрашно
Или погибнуть, иль смерти и Керы могучей избегнуть.
Прежде всего от волшебного пенья сирен и от луга

Их цветоносного нам уклониться велела богиня;
Мне же их голос услышать позволила; прежде, однако,
К мачте меня корабельной веревкой надежною плотно
Вы привяжите, чтоб был я совсем неподвижен; когда же
Стану просить иль приказывать строго, чтоб сняли с меня вы
Узы,— двойными скрутите мне узами руки и ноги».
Так говорил я, лишь нужное людям моим открывая.
Тою порой крепкозданный корабль наш, плывя, приближался
К острову страшных сирен, провожаемый легким попутным
Ветром; но вдруг успокоился ветер, и тишь воцарилась
На море: демон угладил пучины зыбучее лоно.
Вставши, товарищи парус ненужный свернули, сцепили
С мачты его, уложили на палубе, снова на лавки
Сели и гладкими веслами вспенили тихие воды.
Я же, немедля медвяного воску укруг изрубивши
В мелкие части мечом, раздавил на могучей ладони
Воск; и мгновенно он сделался мягким; его благосклонно
Гелиос, бог жизнедатель, лучом разогрел теплоносным.
Уши товарищам воском тогда заклеил я; меня же
Плотной веревкой они по рукам и ногам привязали
К мачте так крепко, что было нельзя мне ничем шевельнуться.
Снова под сильными веслами вспенилась темная влага.
Но в расстоянье, в каком призывающий голос бывает
Внятен, сирены увидели мимо плывущий корабль наш.
С брегом он их поравнялся; они звонкогласно запели:
«К нам, Одиссей богоравный, великая слава ахеян,
К нам с кораблем подойди; сладкопеньем сирен насладися,
Здесь ни один не проходит с своим кораблем мореходец,
Сердцеусладного пенья на нашем лугу не послушав;
Кто же нас слышал, тот в дом возвращается, многое сведав.
Знаем мы все, что случилось в троянской земле и какая
Участь по воле бессмертных постигла троян и ахеян;
Знаем мы все, что на лоне земли многодарной творится».
Так нас они сладкопеньем пленительным звали. Влекомый
Сердцем их слушать, товарищам подал я знак, чтоб немедля
Узы мои разрешили; они же удвоенной силой
Начали грести; а, ко мне подошед, Перимед с Еврилохом
Узами новыми крепче мне руки и ноги стянули.
Но когда удалился корабль наш и более слышать
Мы не могли уж ни гласа, ни пенья сирен бедоносных,
Верные спутники вынули воск размягченный, которым
Уши я им заклеил, и меня отвязали от мачты.
Остров сирен потеряли мы из виду. Вдруг я увидел

Дым и волненья великого шум повсеместный услышал.
Выпали весла из рук у гребцов устрашенных; повиснув
Праздно, они по волнам, колыхавшим их, бились; а судно
Стало, понеже не двигались весла, его принуждавшие к бегу.
Я же его обежал, чтоб людей ободрить оробелых;
Каждому сделав приветствие, ласково всем им сказал я:
«Спутники в бедствиях, мы не безопытны; всё мы сносили
Твердо; теперь же беда предстоит не страшнее постигшей
Нас, заключенных в пещере свирепою силой циклопа.
Мужеством, хитрым умом и советом разумным тогда я
Всех вас избавил; о том не забыли вы, думаю; будьте ж
Смелы и ныне, исполнив покорно все то, что велю вам.
Силу удвойте, гребцы, и дружнее по влаге зыбучей
Острыми веслами бейте; быть может, Зевес покровитель
Нам от погибели близкой уйти невредимо поможет.
Ты же внимание, кормщик, удвой; на тебя попеченье
Главное я возлагаю — ты правишь кормой корабельной:
В сторону должен ты судно отвесть от волненья и дыма,
Видимых близко, держися на этот утес, чтоб не сбиться
Вбок по стремленью — иначе корабль, несомненно, погибнет».
Так я сказал; все исполнилось точно и скоро; о Скилле ж
Я помянуть не хотел: неизбежно чудовище было;
Весла б они побросали от страха и, грести переставши,
Праздно б столпились внутри корабля в ожиданье напасти.
Сам же я, вовсе забыв повеленье строгой Цирцеи,
Мне запретившей оружие брать для напрасного боя,
Славные латы на плечи накинул и, два медноострых
В руки схвативши копья, подошел к корабельному носу
В мыслях, что прежде туда из глубокого жадная Скилла
Бросится лога и там ей попавшихся первых похитит.
Тщетно искал я очами ее, утомил лишь напрасно
Очи, стараясь проникнуть в глубокое недро утеса.
В страхе великом тогда проходили мы тесным проливом;
Скилла грозила с одной стороны, а с другой пожирала
Жадно Харибда соленую влагу: когда извергались
Воды из чрева ее, как в котле, на огне раскаленном,
С свистом кипели они, клокоча и буровясь; и пена
Вихрем взлетала на обе вершины утесов; когда же
Волны соленого моря обратно глотала Харибда,
Внутренность вся открывалась ее: перед зевом ужасно
Волны сшибались, а в недре утробы открытом кипели
Тина и черный песок. Мы, объятые ужасом бледным,
В трепете очи свои на грозящую гибель вперяли.

Тою порой с корабля шестерых, отличавшихся бодрой
Силой товарищей, разом схватя их, похитила Скилла;
Взор на корабль и на схваченных вдруг обративши, успел я
Только их руки и ноги вверху над своей головою
Мельком приметить: они в высоте призывающим гласом
Имя мое прокричали с последнею скорбью сердца.
Так рыболов, с каменистого берега длинносогбенной
Удой кидающий в воду коварную рыбам приманку,
Рогом быка лугового их ловит, потом, из воды их
Выхватив, на берег жалко трепещущих быстро бросает:
Так трепетали они в высоте, унесенные жадною Скиллой.
Там перед входом пещеры она сожрала их, кричащих
Громко и руки ко мне простирающих в лютом терзанье.
Страшное тут я очами узрел, и страшней ничего мне
Зреть никогда в продолжение странствий моих не случалось.
Скиллин утес миновав и избегнув свирепой Харибды,
Прибыли к острову мы наконец светоносного бога.
Там на зеленых равнинах быки криворогие мирно
С множеством тучных баранов паслись, Гелиосово стадо.
С моря уже, находяся на палубе, явственно мог я
Тяжкое слышать мычанье быков, на свободе гулявших,
С шумным блеяньем баранов; и тут же пришло мне на память
Слово слепого пророка Тиресия фивского с строгим
Словом Цирцеи, меня миновать убеждавшей опасный
Остров, где властвовал Гелиос, смертных людей утешитель.
Тут к сокрушенным сопутникам речь обратил я такую:
«Верные спутники, слушайте то, что, печальный, скажу вам:
Сведать должны вы пророка Тиресия фивского слово
С словом Цирцеи, меня миновать убеждавшей опасный
Остров, где властвует Гелиос, смертных людей утешитель:
Там несказанное бедствие ждет нас, они утверждают.
Мимо, товарищи, черный корабль провести поспешите».
Так я сказал; в их груди сокрушилося милое сердце.
Мне ж, возражая, ответствовал так Еврилох непокорный:
«Ты, Одиссей, непреклонно-жесток; одарен ты великой
Силой, усталости нет для тебя, из железа ты скован.
Нам, изнуренным, бессильным и столь уж давно
не вкушавшим
Сна, запрещаешь ты на берег выйти. Могли б приготовить
Ужин мы вкусный на острове, сладко на нем отдохнувши.
Ты ж нас идти наудачу в холодную ночь принуждаешь
Мимо приютного острова в темное, мглистое море.
Ночью противные ветры шумят, корабли истребляя.

Кто избежит потопления верного, если во мраке
Вдруг с неожиданной бурей на черное море примчится
Нот иль Зефир истребительно-быстрый? От них наиболе
В бездне морской, вопреки и богам, корабли погибают.
Лучше теперь, покорившись велению темныя ночи,
На берег выйдем и ужин вблизи корабля приготовим.
Завтра ж с Денницею пустимся снова в пространное море».
Так говорил Еврилох, и товарищи с ним согласились.
Стало мне ясно тогда, что готовил нам бедствие демон.
Голос возвысив, безумцу я бросил крылатое слово:
«Здесь я один, оттого и ответ, Еврилох, твой так дерзок.
Слушайте ж: мне поклянитесь великою клятвой, что, если
Встретите стадо быков кривороких иль стадо баранов
Там, на зеленых лугах, святотатной рукой не коснетесь
К ним и убить ни быка, ни барана отнюдь не дерзнете.
Пищею нас на дорогу обильно снабдила Цирцея».
Спутники клятвой великою мне поклялися; когда же
Все поклялися и клятву свою совершили, в заливе
Острова тихом мы стали с своим кораблем крепкозданным.
Близко была ключевая вода; все товарищи, вышед
На берег, вкусный проворно на нем приготовили ужин;
Свой удовольствовав голод обильным питьем и едою,
Стали они поминать со слезами о милых погибших,
Схваченных вдруг с корабля и растерзанных Скиллой
пред нами.
Скоро на плачущих сон, усладитель печалей, спустился.
Треть совершилася ночи, и темного неба на онпол
Звезды склонилися — вдруг громовержец Кронион Борея,
Страшно ревущего, выслал на нас, облака обложили
Море и землю, и темная с грозного неба сошла ночь.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Черный корабль свой от бури мы скрыли под сводом пещеры.
Где в хороводы веселые нимфы полей собирались.
Тут я товарищей всех пригласил на совет и сказал им:
«Черный корабль наш, друзья, запасен и питьем и едою.
Бойтесь же здесь на стада подымать святотатную руку;
Бог обладает здесь всеми стадами быков и баранов,
Гелиос светлый, который все видит, все слышит, все знает».
Так я сказал, и они покорились мне мужеским сердцем.
Но беспрестанно весь месяц свирепствовал Нот; все другие
Ветры молчали; порою лишь Эвр подымался восточный.
Спутники, хлеба довольно имея с вином пурпуровым,
Были спокойны; быков Гелиосовых трогать и в мысли

Им не входило; когда же съестной наш запас истощился,
Начали пищу охотой они промышлять, добывая
Что где случалось: стреляли дичину иль рыбу
Остросогбенными крючьями удили — голод томил их.
Раз, помолиться желая богам, чтоб они нам открыли
Путь, одинокой дорогой я шел через остров: невольно,
Тою дорогой идя, от товарищей я удалился;
В месте, защитном от ветра, я руки умыл и молитвой
Теплой к бессмертным владыкам Олимпа, к богам обратился.
Сладкий на вежды мне сон низвели нечувствительно боги.
Злое тогда Еврилох предложение спутникам сделал:
«Спутники верные, слушайте то, что скажу вам, печальный;
Всякий род смерти для нас, земнородных людей, ненавистен;
Но умереть голодною смертью всего ненавистней.
Выберем лучших быков в Гелиосовом стаде и в жертву
Здесь принесем их богам, беспредельного неба владыкам.
После — когда возвратимся в родную Итаку, воздвигнем
В честь Гелиоса, над нами ходящего бога, богатый
Храм и его дорогими дарами обильно украсим;
Если ж, утратой своих круторогих быков раздраженный,
Он совокупно с другими богами корабль погубить наш
В море захочет, то легче, в волнах захлебнувшись, погибнуть
Вдруг, чем на острове диком от голода медленно таять».
Так говорил Еврилох, и сопутники с ним согласились.
Лучших тогда из быков Гелиосовых, вольно бродивших,
Взяли они — невдали корабля темноносого стадо
Жирных, огромнорогатых и лбистых быков там гуляло,—
Их обступили, безумцы; воззвавши к богам олимпийским,
Листьев нарвали они с густоглавого дуба, ячменя
Боле в запасе на черном своем корабле не имея.
Кончив молитву, зарезав быков и содравши с них кожи,
Бедра они все отсекли, а кости, обвитые дважды
Жиром, кровавыми свежего мяса кусками обклали.
Но, не имея вина, возлиянье они совершили
Просто водою и бросили в жертвенный пламень утробу,
Бедра сожгли, остальное же, сладкой утробы отведав,
Все изрубили на части и стали на вертелах жарить.
Тут улетел усладительный сон, мне ресницы смыкавший.
Я, пробудившись, пошел к кораблю на песчаное взморье
Шагом поспешным; когда ж к кораблю подходил, благовонным
Запахом пара мясного я был поражен; содрогнувшись,
Жалобный голос упрека вознес я к богам олимпийским:
«Зевс, наш отец и владыка, блаженные, вечные боги,

Вы на беду обольстительный сон низвели мне на вежды;
Спутники там без меня святотатное дело свершили».
Тою порой о убийстве быков Гиперионов светлый
Сын извещен был Лампетией, длинноодеянной девой.
С гневом великим к бессмертным богам обратясь,
он воскликнул:
«Зевс, наш отец и владыка, блаженные, вечные боги,
Жалуюсь вам на людей Одиссея, Лаэртова сына!
Дерзко они у меня умертвили быков, на которых
Так любовался всегда я — всходил ли на звездное небо,
С звездного ль неба сходил и к земле ниспускался.
Если же вами не будет наказано их святотатство,
В область Аида сойду я и буду светить для умерших».
Гневному богу ответствовал так тученосец Кронион:
«Гелиос, смело сияй для бессмертных богов и для смертных,
Року подвластных людей, на земле плодоносной живущих.
Их я корабль чернобокий, низвергнувши пламенный гром свой,
В море широком на мелкие части разбить не замедлю».
(Это мне было открыто Калипсой божественной; ей же
Все рассказал вестоносец крылатый Кронионов, Эрмий.)
Я, возвратясь к кораблю своему на песчаное взморье,
Спутников собрал и всех одного за другим упрекал;
но исправить
Зла нам уж было не можно; быки уж зарезаны были.
Боги притом же и знаменье, в страх нас приведшее, дали:
Кожи ползли, а сырое на вертелах мясо и мясо,
Снятое с вертелов, жалобно рев издавало бычачий.
Целые шесть дней мои непокорные спутники дерзко
Били отборных быков Гелиоса и ели их мясо;
Но на седьмой день, предызбранный тайно Кронионом
Зевсом,
Ветер утих, и шуметь перестала сердитая буря.
Мачту поднявши и белый на мачте расправивши парус,
Все мы взошли на корабль и пустились в открытое море.
Но, когда в отдалении остров пропал и исчезла
Всюду земля и лишь небо, с водами слиянное, зрелось,
Бог громовержец Кронион тяжелую темную тучу
Прямо над нашим сгустил кораблем, и под ним потемнело
Море. И краток был путь для него. От заката примчался
С воем Зефир, и восстала великая бури тревога;
Лопнули разом веревки, державшие мачту; и разом
Мачта, сломясь, с парусами своими, гремящая, пала
Вся на корму и в паденье тяжелым ударом разбила

Голову кормщику; череп его под упавшей громадой
Весь был расплюснут, и он, водолазу подобно, с высоких
Ребр корабля кувырнувшися вглубь, там пропал, и из тела
Дух улетел. Тут Зевес, заблистав, на корабль громовую
Бросил стрелу; закружилось пронзенное судно, и дымом
Серным его обхватило. Все разом товарищи были
Сброшены в воду, и все, как вороны морские рассеясь,
В шумной исчезли пучине — возврата лишил их Кронион.
Я ж, уцелев, меж обломков остался до тех пор, покуда
Киля водой не отбило от ребр корабельных: он поплыл;
Мачта за ним поплыла; обвивался сплетенный из крепкой
Кожи воловьей ремень вкруг нее; за ремень уцепившись,
Мачту и киль им поспешно опутал и плотно связал я,
Их обхватил и отдался во власть беспредельного моря.
Стихнул Зефир, присмирела сердитая буря; но быстрый
Нот поднялся: он меня в несказанную ввергнул тревогу.
Снова обратной дорогой меня на Харибду помчал он.
Целую ночь был туда я несом; а когда воссияло
Солнце — себя я узрел меж скалами Харибды и Скиллы.
В это мгновение влагу соленую хлябь поглощала;
Я, ухватясь за смоковницу, росшую там, прицепился
К ветвям ее, как летучая мышь, и повис, и нельзя мне
Было ногой ни во что упереться — висел на руках я.
Корни смоковницы были далеко в скале и, расширясь,
Ветви объемом великим Харибду кругом осеняли;
Так там, вися без движения, ждал я, чтоб вынесли волны
Мачту и киль из жерла, и в тоске несказанной я долго
Ждал — и уж около часа, в который судья, разрешивши
Юношей тяжбу, домой вечерять, утомленный, уходит
С площади,— выплыли вдруг из Харибды желанные бревна.
Бросился вниз я, раскинувши руки и ноги, и прямо
Тяжестью всею упал на обломки, несомые морем.
Их оседлавши, я начал руками, как веслами, править.
Скилле ж владыка бессмертных Кронион меня не дозволил
В море приметить: иначе была б неизбежна погибель.
Девять носился я дней по водам; на десятый с наставшей
Ночью на остров Огигию выброшен был, где Калипсо
Царствует, светлокудрявая, сладкоречивая нимфа.
Принят я был благосклонно богиней. Об этом, однако,
Мне говорить уж не нужно: вчера описал я подробно
Все и тебе и царице; весьма неразумно и скучно
Снова рассказывать то, что уж мы рассказали однажды».

Так Одиссей говорил; и ему в потемневшем чертоге
Молча внимали другие, и все очарованы были.
Тут обратилась к нему Алкиноева сила святая:
«Если мой дом меднокованый ты посетил, благородный
Царь Одиссей, то могу уповать, что препятствий не встретишь
Ныне, в отчизну от нас возвращаясь, хотя и немало
Бед испытал ты. А я обращуся теперь, феакийцы,
К вам, ежедневно вино искрометное пьющим со мною
В царских палатах, внимая струнам золотым песнопевца.
Все уж в ковчеге лежит драгоценном; и данные гостю
Ризы, и чудной работы златые сосуды, и много
Разных подарков других от владык феакийских; пускай же
К ним по большому котлу и треножнику прочной работы
Каждый прибавит; себя ж наградим за убытки богатым
Сбором с народа: столь щедро дарить одному не по силам».
Так Алкиной говорил; и, одобрив его предложенье,
Все по домам разошлися, о ложе и сне помышляя.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Каждый поспешно отнес на корабль меднолитную утварь;
Как же ту утварь под лавками судна укласть (чтоб работать
Веслами в море могли, не вредя ей, гребцы молодые),
Сам Алкиной, обошедший корабль, осторожно устроил.
Все они в царских палатах потом учредили обед свой.
Тут собирателю туч, громоносцу Крониону Зевсу,
В жертву быка принесла Алкиноева сила святая.
Бедра предавши огню, насладились роскошною пищей
Гости; и, громко звуча вдохновенною лирой, пред ними
Пел Демодок, многочтимый в народе. Но голову часто
Царь Одиссей обращал на всемирно-светящее солнце,
С неба его понуждая сойти, чтоб отъезд ускорить свой.
Так помышляет о сладостном вечере пахарь, день целый
Свежее поле с четою волов бороздивший могучим
Плугом, и весело день провожает он взором на запад —
Тащится тяжкой стопою домой он готовить свой ужин.
Так Одиссей веселился, увидя склоненье на запад
Дня. Обращаясь ко всем феакиянам вместе, такое
Слово сказал он, глаза устремив на царя Алкиноя:
«Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
В путь снарядите меня, сотворив возлиянье бессмертным;
Сами же радуйтесь. Все уж готово, чего так желало

Милое сердце, корабль и дары; да пошлют благодать мне
Боги Ураниды ныне, чтоб я, возвратяся в отчизну,
Дома жену без порока нашел и возлюбленных ближних
Всех сохраненных; а вы благоденствуйте каждый с своею
Сердцем избранной супругой и с чадами; все да пошлют вам
Доброе боги; и зло никакое чтоб вас не коснулось».
Кончил; и все, изъявив одобренье, решили немедля
Гостя, пленившего их столь разумною речью, отправить
В путь. Обратяся тогда к Понтоною, сказал феакиян
Царь благородный: «Наполни кратеры вином и подай с ним
Чаши, дабы, помолившись владыке Крониону Зевсу,
Странника в милую землю отцов отпустили мы с миром».
Так он сказал и, кратеры наполнив вином благовонным,
Подал с ним чаши гостям Понтоной; и они возлиянье
Им совершили богам, беспредельного неба владыкам,
Каждый на месте своем. Одиссей хитромысленный, вставши,
Подал царице Арете двуярусный кубок; потом он,
Голос возвысив, ей бросил крылатое слово: «Царица,
Радуйся ныне и жизнь проводи беспечально, доколе
Старость и смерть не придут в обреченное каждому время.
Я возвращаюсь в отеческий дом свой; а ты благоденствуй
Дома с детьми, с домочадцами, с добрым царем Алкиноем».
Слово такое сказав, через медный порог перешел он.
С ним повелел Понтоною идти Алкиной, чтоб ему он
Путь указал к кораблю и к песчаному брегу морскому.
Также царица Арета послала за ним трех домашних служанок,
С вымытой чисто одеждой одну и с хитоном, другую
С отданным ей в сохраненье блестящим ковчегом, а третью
С светло-пурпурным вином и с запасом еды на дорогу.
К брегу морскому они подошли и, приняв из рук их
Платье, ковчег, и вино, и дорожную пищу, немедля
Все на корабль отнесли быстроходный гребцы и на гладкой
Палубе мягко-широкий ковер с простыней полотняной
Подле кормы разостлали, чтоб мог Одиссей бестревожно
Спать. И вступил Одиссей на корабль быстроходный; и молча
Лег он на мягко-широкий ковер. И на лавки порядком
Сели гребцы и, канат отвязав от причального камня,
Разом ударили в весла и взбрызнули темную влагу.
Тою порой миротворно слетал Одиссею на вежды
Сон непробудный, усладный, с безмолвною смертию сходный.
Быстро (как полем широким коней четверня, беспрестанно
Сильным гонимых бичом, поражающим всех совокупно,
Чуть до земли прикасаясь ногами, легко совершает

Путь свой) корабль, воздвигая корму, побежал, и, пурпурной
Сзади волной напирая, его многошумное море
Мчало вперед; беспрепятственно плыл он; и сокол, быстрейший
Между пернатыми неба, его не догнал бы в полете,—
Так он стремительно, зыбь рассекая, летел через море,
Мужа неся богоравного, полного мыслей высоких,
Много встречавшего бед, сокрушающих сердце, средь бурной
Странствуя зыби, и много великих видавшего браней —
Ныне же спал он, забыв претерпенное, сном беззаботным.
Но поднялася звезда лучезарная, вестница светлой,
В сумраке раннем родившейся Эос; и, путь свой окончив,
К брегу Итаки достигнул корабль, обегающий море.
Пристань находится там, посвященная старцу морскому
Форку; ее образуют две длинные ветви крутого
Брега, скалами зубчатыми в море входящего; ветрам
Он возбраняет извне нагонять на спокойную пристань
Волны тревожные; могут внутри корабли на притонном
Месте без привязи вольно стоять, не страшась непогоды;
В самой вершине залива широкосенистая зрится
Маслина; близко ее полутемный с возвышенным сводом
Грот, посвященный прекрасным, слывущим наядами нимфам;
Много в том гроте кратер и больших двоеручных кувшинов
Каменных: пчелы, гнездяся в их недре, свой мед составляют;
Также там много и каменных длинных станов; за станами
Сидя, чудесно одежды пурпурные ткут там наяды;
Вечно шумит там вода ключевая; и в гроте два входа:
Людям один лишь из них, обращенный к Борею, доступен;
К Ноту ж на юг обращенный богам посвящен — не дерзает
Смертный к нему приближаться, одним лишь бессмертным открыт он.
Зная то место, к нему подошли мореходцы; корабль их
Целой почти половиною на берег вспрянул — так быстро
Мчался он, веслами сильных гребцов понуждаемый к бегу.
Стал неподвижно у брега могучий корабль. Мореходцы,
С палубы гладкой царя Одиссея рукой осторожной
Сняв с простынею и с мягким ковром, на которых лежал он,
Спящий глубоко, его положили на бреге песчаном;
После, богатства собрав, от разумных людей феакийских
Им полученные в дар по внушенью великой Афины,
Бережно склали у корня оливы широкосенистой
Все, от дороги поодаль, дабы никакой проходящий,
Пользуясь сном Одиссея глубоким, чего не похитил.

Кончив, пустилися в море они. Но земли колебатель,
Помня во гневе о прежних угрозах своих Одиссею,
Твердому в бедствиях мужу, с такой обратился молитвой
К Зевсу: «О Зевс, наш отец и владыка, не буду богами
Боле честим я, когда мной ругаться начнут феакийцы,
Смертные люди, хотя и божественной нашей породы;
Ведал всегда я, что в дом свой, немало тревог испытавши,
Должен вступить Одиссей; я не мог у него возвращенья
Вовсе похитить: ты прежде уж суд произнес свой.
Ныне ж его феакийцы в своем корабле до Итаки
Спящего, мне вопреки, довезли, наперед одаривши
Золотом, медью и множеством риз, драгоценно-сотканных,
Так изобильно, что даже из Трои подобной добычи
Он не привез бы, когда б беспрепятственно в дом
возвратился».
Гневному богу ответствовал туч собиратель Кронион:
«Странное слово сказал ты, могучий земли колебатель;
Ты ль не в чести у богов, и возможно ль, чтоб лучший,
Старший и силою первый не чтим был от младших и низших?
Если же кто из людей земнородных, с тобою неравных
Силой и властью, тебя не почтит, накажи беспощадно.
Действуй теперь, как желаешь ты сам, как приятнее сердцу».
Бог Посейдон, колебатель земли, отвечал громовержцу:
«Смело б я действовать стал, о Зевес чернооблачный, если б
Силы великой твоей и тебя раздражать не страшился;
Ныне же мной феакийский прекрасный корабль, Одиссея
В землю его проводивший и морем обратно плывущий,
Будет разбит, чтоб вперед уж они по водам не дерзали
Всех провожать; и горою великой задвину их город».
Гневному богу ответствовал так громовержец Кронион:
«Друг Посейдон, полагаю, что самое лучшее будет,
Если (когда подходящий корабль издалека увидят
Жители града) его перед ними в утес обратишь ты,
Образ плывущего судна ему сохранивши, чтоб чудо
Всех изумило; потом ты горою задвинешь их город».
Слово такое услышав, могучий земли колебатель
В Схерию, где обитал феакийский народ, устремился
Ждать корабля. И корабль, обтекатель морей, приближался
Быстро. К нему подошед, колебатель земли во мгновенье
В камень его обратил и ударом ладони к морскому
Дну основанием крепко притиснул: потом удалился.
Шумно словами крылатыми спрашивать стали друг друга
Веслолюбивые, смелые гости морей феакийцы,

Глядя один на другого и так меж собой рассуждая:
«Горе! Кто вдруг на водах оковал наш корабль быстроходный,
К берегу шедший? Его уж вдали различали мы ясно».
Так говорили они, не постигнув того, что случилось.
К ним обратился тогда Алкиной и сказал: «Феакийцы,
Горе! Я вижу, что ныне сбылося все то, что отец мой
Мне предсказал, говоря, как на нас Посейдон негодует
Сильно за то, что развозим мы всех по морям безопасно.
Некогда, он утверждал, феакийский корабль, проводивший
Странника в землю его, возвращаясь морем туманным,
Будет разбит Посейдоном, который высокой горою
Град наш задвинет. Так мне говорил он, и все совершилось.
Вы ж, феакийские люди, исполните то, что скажу вам:
С этой поры мы не станем уже по морям, как бывало,
Странников, наш посещающих град, провожать; Посейдону ж
В жертву немедля двенадцать быков принесем, чтоб
на милость
Он преклонился и града горой не задвинул великой».
Так он сказал, и быков приготовил на жертву объятый
Страхом народ; и, усердно молясь Посейдону владыке,
Все феакийские старцы, вожди и вельможи стояли
Вкруг алтаря. Той порой Одиссей, привезенный в отчизну
Сонный, проснулся, и милой отчизны своей не узнал он —
Так был отсутствен давно; да и сторону всю ту покрыла
Мглою туманною дочь громовержца Афина, чтоб не был
Прежде, покуда всего от нее не услышит, кем встречен
Царь Одиссей, чтоб его ни жена, ни домашний, ни житель
Града какой не узнали, пока женихам не отмстит он;
Вот почему и явилось очам Одиссея столь чуждым
Все, и излучины длинных дорог, и залив меж стенами
Гладких утесов, и темные сени дерев черноглавых.
Вставши, с великим волненьем он начал кругом озираться;
Скорбь овладела душою его, по бедрам он могучим
Крепко ударив руками, в печали великой воскликнул:
«Горе! К какому народу зашел я! Здесь, может быть, область
Диких, не знающих правды, людей, иль, быть может, я встречу
Смертных приветливых, богобоязненных, гостеприимных.
Где же я скрою богатства мои и куда обратиться
Мне самому? Для чего меж людьми феакийскими доле
Я не остался! К другому из сильных владык в их народе
Я бы прибегнул, и он бы помог мне достигнуть отчизны;
Ныне ж не знаю, что делать с своим мне добром; без храненья
Здесь не оставлю его, от прохожих расхищено будет.

Горе! Я вижу теперь, что не вовсе умны и правдивы
Были в поступках со мною и царь, и вожди феакийцев:
Ими я брошен в краю, мне чужом; отвезти обещались
В милую прямо Итаку меня и нарушили слово;
Их да накажет Зевес, покровитель лишенных покрова,
Зрящий на наши дела и карающий наши злодейства.
Должно, однако, богатства мои перечесть, чтоб увидеть,
Цело ли все, не украли ль чего в корабле быстроходном».
Он сосчитал все котлы, все треножники, все золотые
Утвари, все драгоценно-сотканные ризы, и целым
Все оказалось; но горько он плакал о милой отчизне,
Глядя на шумное море, бродя по песчаному брегу
В тяжкой печали. К нему подошла тут богиня Афина,
Образ приняв пастуха, за овечьим ходящего стадом,
Юного, нежной красою подобного царскому сыну;
Ей покрывала двойная широкая мантия плечи,
Ноги сняли в сандалиях, легким копьем подпиралась.
Радуясь встрече такой, Одиссей подошел к светлоокой
Деве и, голос возвысив, ей бросил крылатое слово:
«Друг, ты в земле незнакомой мне, страннику, встретился первый;
Радуйся; сердце ж на милость свое преклони; сбереги мне
Это добро, и меня самого защити; я как бога,
Друг, умоляю тебя и колена твои обнимаю:
Мне отвечай откровенно, чтоб мог я всю истину ведать,
Где я? В какой стороне? И какой здесь народ обитает?
Остров ли это гористый иль в море входящий, высокий
Берег земли матерой, покровенной крутыми горами?»
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Видно, что ты издалека пришелец иль вовсе бессмыслен,
Если об этом не ведаешь крае? Но он не бесславен
Между краями земными, народам земным он известен
Всем, как живущим к востоку, где Эос и Гелиос всходят,
Так и живущим на запад, где область туманныя ночи;
Правда, горист и суров он, коням неприволен, но вовсе ж
Он и не дик, не бесплоден, хотя не широк и полями
Беден; он жатву сторицей дает, и на нем винограда
Много родится от частых дождей и от рос плодотворных;
Пажитей много на нем для быков и для коз, и богат он
Лесом и множеством вод, безущербно год целый текущих.
Странник, конечно, молва об Итаке дошла и к пределам
Трои, лежащей, как слышно, далеко от края ахеян».
Кончила. В грудь Одиссея веселье от слов сих проникло;

Рад был услышать он имя отчизны из уст светлоокой
Дочери Зевса эгидодержавца Паллады Афины;
Голос возвысив, он бросил крылатое слово богине
(Правду, однако, он скрыл от нее хитроумною речью,
В сердце своем осторожно о пользе своей помышляя):
«Имя Итаки впервые услышал я в Крите обширном,
За морем; ныне ж и сам я пределов Итаки достигнул,
Много сокровищ с собою привезши и столько же дома
Детям оставив; бежал я оттуда, убив Орсилоха,
Идоменеева милого сына, который в обширном
Крите мужей предприимчивых всех побеждал быстротою
Ног; он хотел у меня всю добычу троянскую (столько
Злых мне тревог приключившую в те времена, как во многих
Бранях я был и среди бедоносного странствовал моря)
Силой отнять, поелику его я отцу отказался
В Трое служить и своими людьми предводил; но его я,
Шедшего с поля, с товарищем подле дороги укрывшись,
Метко направленным медным копьем умертвил из засады:
Темная ночь небеса покрывала тогда, никакой нас
Видеть не мог человек; и не сведал никто, что убийца
Я; но, копьем медноострым его умертвив, не замедлил
Я, к кораблю финикийских людей благородных пришедши,
Их убедить предложеньем даров, чтоб, меня на корабль свой
Взявши и в Пилос привезши, там на берег дали мне выйти
Или в Элиду, священную область эпеян, меня проводили;
Но берегов их достигнуть нам не дал враждующий ветер,
К горю самих мореходцев, меня обмануть не хотевших;
Сбившись с дороги, сюда мы приплыли ночною порою;
В пристань на веслах ввели мы корабль, и никто не помыслил,
Сколь ни стремило к тому нас желанье, об ужине; все мы,
Вместе сошед с корабля, улеглися на бреге песчаном;
В это мгновенье в глубокий я сон погрузился; они же,
Взявши пожитки мои с корабля, их сложили на землю
Там, где заснувший лежал на песке я; потом, возвратяся
Все на корабль, к берегам многолюдной Сидонии путь свой
Быстро направили. Я же остался один, сокрушенный».
Кончил. С улыбкой Афина ему светлоокая щеки
Нежной рукой потрепала, явившись прекрасною, с станом
Стройно-высоким, во всех рукодельях искусною девой.
Голос возвысив, богиня крылатое бросила слово:
«Должен быть скрытен и хитр несказанно, кто спорить с тобою
В вымыслах разных захочет; то было бы трудно и богу.
Ты, коднодей, на коварные выдумки дерзкий, не можешь,

Даже и в землю свою возвратясь, оторваться от темной
Лжи и от слов двоесмысленных, смолоду к ним приучившись;
Но об этом теперь говорить бесполезно; мы оба
Любим хитрить. На земле ты меж смертными разумом первый,
Также и сладкою речью; я первая между бессмертных
Мудрым умом и искусством на хитрые вымыслы. Как же
Мог не узнать ты Паллады Афины, тебя неизменно
В тяжких трудах подкреплявшей, хранившей в напастях и ныне
Всем феакиянам сердце к тебе на любовь преклонившей?
Знай же теперь: я пришла, чтоб, с тобой все разумно обдумав,
К месту прибрать здесь все то, что от щедрых людей феакийских
Ты получил при отъезде моим благосклонным внушеньем;
Также, чтоб знал ты, какие судьба в многославном жилище
Царском беды для тебя приготовила. Ты же мужайся;
Но берегись, чтоб никто там, ни муж, ни жена, не проникли
Тайны, что бедный скиталец — ты сам, возвратившийся; молча
Все оскорбленья сноси, наглецам уступая без гнева».
Светлой Афине ответствовал так Одиссей богоравный:
«Смертный, и самый разумный, с тобою случайно, богиня,
Встретясь, тебя не узнает: во всех ты являешься видах.
Помню, однако, я, сколь ты бывала ко мне благосклонна
В те времена, как в троянской земле мы сражались, ахейцы.
Но когда, ниспровергнувши город Приамов великий,
Мы к кораблям возвратились, разгневанный бог разлучил нас.
С тех пор с тобой не встречался я, Диева дочь; не приметил
Также, чтоб ты, на корабль мой вступивши, меня от какого
Зла защитила. С разорванным сердцем, без всякой защиты,
Странствовал я: наконец от напастей избавили боги.
Только в стране плодоносной мужей феакийских меня ты
Словом своим ободрила и в город мне путь указала.
Ныне ж, колена объемля твои, умоляю Зевесом
(Я сомневаюсь, чтоб был я в Итаке; я в землю иную
Прибыл; ты, так говоря, без сомненья, испытывать шуткой
Хочешь мне сердце; ты хочешь мой разум ввести в заблужденье),
Правду скажи мне, я подлинно ль милой отчизны достигнул?»
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«В сердце моем благосклонность к тебе сохранилася та же;
Мне невозможно в несчастье покинуть тебя: ты приемлешь
Ласково каждый совет, ты понятлив, ты смел в исполненье;
Всякий, на чуже скитавшийся долго, достигнув отчизны,
Дом свой, жену и детей пламенеет желаньем увидеть;

Ты ж, Одиссей, не спеши узнавать, воздержись от расспросов;
Прежде ты должен жену испытать; неизменная сердцем,
Дома она ожидает тебя с нетерпением, тратя
Долгие дни и бессонные ночи в слезах и печали.
Я же сомнения в том никогда не имела — напротив,
Знала, что, спутников всех потеряв, ты домой возвратишься;
Но неприлично мне было вражду заводить с Посейдоном,
Братом родителя Зевса, тобой оскорбленным: ты сильно
Душу разгневал его умерщвлением милого сына.
Но чтоб ты мог мне поверить, тебе я открою Итаку.
Здесь посвященная старцу морскому Форкинская пристань;
В самой вершине залива широкосенистую видишь
Маслину; близко ее полутемный с возвышенным сводом
Грот, посвященный прекрасным, слывущим наядами, нимфам
(Самый тот хладный, в утесе таящийся грот, где столь часто
Ты приносил гекатомбы богатые чистым наядам).
Вот и гора Нерион, покровенная лесом широким».
Кончив, богиня туман разделила; окрестность явилась;
В грудь Одиссея при виде таком пролилося веселье;
Бросился он целовать плододарную землю отчизны;
Руки подняв, обратился потом он с молитвой к наядам:
«Нимфы наяды, Зевесовы дочери, я уж не думал
Здесь вас увидеть; теперь веселитесь моею веселой,
Нимфы, молитвой; и будут дары вам обычные, если
Дочь броненосная Зевса Афина и мне благосклонно
Жизнь сохранит, и милого сына спасет от напасти».
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Будь беззаботен; не этим теперь ты тревожиться должен;
Должен, напротив, сокровища в недре пространного грота
Спрятать свои, чтоб из них ничего у тебя не пропало.
После, все дело обдумав, мы выберем то, что полезней».
Кончив, богиня во внутренность грота вошла и рукою
Темные стен закоулки ощупала; сын же Лаэртов
Все, и нетленную медь, и богатые платья, и злато,
Им от людей феакийской земли полученные, собрал;
В гроте их склав, перед входом его положила огромный
Камень дочь Зевса эгидодержавца Паллада Афина.
Оба тогда, под широкосенистою маслиной севши,
Стали обдумывать, как погубить женихов многобуйных.
Дочь светлоокая Зевса богиня Афина сказала:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Выдумай, как бы тебе женихов наказать беззаконных,
Боле трех лет самовластно твоим обладающих домом,

Муча докучным своим сватовством Пенелопу; она же
Сердцем в разлуке с тобою крушась, подает им надежду
Всем, и каждому порознь себя обещает, и вести
Добрые шлет к ним, недоброе в сердце для них замышляя».
Светлой Афине ответствовал так Одиссей многоумный:
«Горе! И мне б, как царю Агамемнону, сыну Атрея,
Жалостной гибели в царском жилище моем не избегнуть,
Если бы вовремя мне ты всего не открыла, богиня!
Дай мне теперь наставление, как отомстить им; сама же
Мне помоги и такую ж даруй мне отважность, как в Трое,
Где мы разрушили светлые стены Приамова града.
Стой за меня и теперь, как тогда, светлоокая; смело
Выйти готов и на триста мужей я, хранимый твоею
Силой божественной, если ко мне ты еще благосклонна».
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Буду стоять за тебя и теперь я, не будешь оставлен
Мной и тогда, как приступим мы к делу; и, думаю, скоро
Лоно земли беспредельной обрызжется кровью и мозгом
Многих из них, беззаконных, твое достоянье губящих.
Прежде, однако, тебя превращу я, чтоб не был никем ты
Узнан: наморщу блестящую кожу твою на могучих
Членах, сниму с головы злато-темные кудри, покрою
Рубищем бедным плеча, чтоб глядел на тебя с отвращеньем
Каждый, и струпом глаза, столь прекрасные ныне, подерну;
В виде таком женихам ты, супруге и сыну (который
Дома тобой был оставлен), неузнанный, будешь противен.
Прежде, однако, отсюда ты должен пойти к свинопасу,
Главному здесь над стадами свиными смотрителю; верен
Он и тебе, и разумной твоей Панелопе, и сыну;
Встретишь его ты у стада свиней; близ утеса Коракса,
Подле ключа Аретусы лазоревой стадо пасется,
Жадно питаяся там желудьми и водой запивая
Пищу, которая тушу свиную густым наливает
Жиром; с ним сидя, его обо всем ты подробно расспросишь.
Тою порою я в женопрекрасный пойду Лакедемон
Вызвать к тебе, Одиссей, твоего Телемаха оттуда:
Он же в широкоравнинную Спарту пошел, чтоб услышать
Весть о тебе от Атрида и, жив ли еще ты, проведать».
Светлой Афине ответствовал так Одиссей многоумный:
«Ведая все, для чего же ему не сказала ты правды?
Странствуя, многим и он сокрушеньям подвергнуться может
На море бурном, во власти грабителей дом свой оставив».
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:

«Много о том, Одиссей, ты тревожиться сердцем не должен.
Я проводила его, чтоб людей посмотрел и меж ними
Нажил великую славу; легко все окончив, теперь он
В доме Атреева сына сидит и роскошно пирует.
Правда, его женихи стерегут в корабле темногрудом,
Злую погибель готовя ему на возвратной дороге;
Я им, однако, того не дозволю; и прежде могила
Многих из них, разоряющих дерзостно дом твой, поглотит».
С сими словами богиня к нему прикоснулася тростью.
Разом на членах его, вдруг иссохшее, сморщилось тело,
Спали с его головы злато-темные кудри, сухою
Кожею дряхлого старца дрожащие кости покрылись,
Оба столь прежде прекрасные глаза подернулись струпом,
Плечи оделись тряпицей, в лохмотье разорванным, старым
Рубищем, грязным, совсем почерневшим от смрадного дыма;
Сверх же одежды оленья широкая кожа повисла,
Голая, вовсе без шерсти; дав посох ему и котомку,
Всю в заплатах, висящую вместо ремня на веревке,
С ним разлучилась богиня; что делать, его научивши,
К сыну его полетела она в Лакедемон священный.

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Тою порою из пристани вкруть по тропинке нагорной
Лесом пошел он в ту сторону, где, по сказанью Афины,
Жил свинопас богоравный, который усерднее прочих
Царских рабов наблюдал за добром своего господина.
Он на дворе перед домом в то время сидел за работой;
Дом же стоял на высоком, открытом и кругообразном
Месте, просторный, отвсюду обходный; его для свиных там
Стад свинопас, не спросясь ни с царицей, ни с старцем Лаэртом,
Сам, поелику его господин был отсутствен, из твердых
Камней построил; ограда терновая стены венчала;
Тын из дубовых, обтесанных, близко один от другого
В землю вколоченных кольев его окружал; на дворе же
Целых двенадцать просторных закут для свиней находилось:
Каждую ночь в те закуты свиней загоняли, и в каждой
Их пятьдесят, на земле неподвижно лежащих, там было
Заперто — матки одни для расплода; самцы же во внешних

Спали закутах и в меньшем числе: убавляли, пируя,
Их женихи богоравные (сам свинопас принужден был
Лучших и самых откормленных им посылать ежедневно);
Триста их там шестьдесят боровов налицо оставалось;
Их сторожили четыре собаки, как дикие звери
Злобные: сам свинопас, повелитель мужей, для себя их
Выкормил. Сидя тогда перед домом, кропл он из крепкой
Кожи воловьей подошвы для ног; пастухи же другие
Были в отлучке: на пажити с стадом свиней находились
Трое, четвертый самим повелителем послан был в город
Лучшую в стаде свинью женихам необузданным против
Волн отдать, чтоб, зарезав ее, насладились едою.
Вдруг вдалеке Одиссея увидели злые собаки;
С лаем они на него побежали; к земле осторожно,
Видя опасность, присел Одиссей, но из рук уронил он
Посох, и жалкую гибель в своем бы он встретил владенье,
Если бы сам свинопас, за собаками бросясь поспешно,
Выбежать, кинув работу свою, не успел из заграды:
Крикнув на бешеных псов, чтоб пугнуть их, швырять
он большими
Камнями начал; потом он сказал, обратясь к Одиссею:
«Был бы, старик, ты разорван, когда б опоздал я минуту;
Тяжким упреком легло б мне на сердце такое несчастье;
Мне же и так уж довольно печалей бессмертные дали:
Здесь, о моем господине божественном сетуя, должен
Я для незваных гостей боровов Одиссеевых жирных
Прочить, тогда как, быть может, он сам без покрова, без пищи
Странствует в чуждых землях меж народов иного языка
(Если он только еще где сиянием дня веселится).
В дом мой последуй за мною, старик; я тебя дружелюбно
Пищею там угощу и вином; отдохнувши, ты скажешь,
Кто ты, откуда, какие беды и напасти где встретил».
Кончил, и в дом с Одиссеем вошел свинопас богоравный;
Там он на кучу его посадил многолиственных, свежих
Сучьев, недавно нарубленных, прежде косматою кожей
Серны, на ней же он спал по ночам, их покрыв. Одиссею
Был по душе столь радушный прием; он сказал свинопасу:
«Зевса молю я и вечных богов, чтоб тебе ниспослали
Всякое благо за то, что меня ты так ласково принял».
Страннику так отвечал ты, Евмей, свинопас богоравный:
«Если бы, друг, кто и хуже тебя посетил нас, мы долг свой
Гостя почтить сохранили бы свято — Зевес к нам приводит
Нищих и странников; дар и убогий Зевесу угоден.

Слишком же щедрыми быть нам не можно, рабам, в беспрестанном
Страхе живущим, понеже теперь господа молодые
Властвуют нами. Кронион решил, чтоб лишен был возврата
Он, столь ко мне благосклонный; меня б он устроил, мне дал бы
Поле, и дом, и невесту с богатым приданым, и, словом,
Все, что служителям верным давать господин благодушный
Должен, когда справедливые боги успехом усердье
Их наградили, как здесь и меня за труды награждают;
Так бы со мною здесь милостив был он, когда б мог достигнуть
Старости дома; но нет уж его... о! зачем не Еленин
Род истреблен! От нее сокрушились колена славнейших
Наших героев: и он за обиду Атрида с другими
В Трою неволей пошел истребить Илион многоконный».
Так говорил он и, поясом легкий хитон свой стянувши,
К той отделенной закуте пошел, где одни поросята
Заперты были; взяв двух пожирней, он обоих зарезал,
Их опалил, и на части рассек, и, на вертел наткнувши
Части, изжарил их; кончив, горячее мясо он подал
Гостю на вертеле, ячной мукою его пересыпав.
После, медвяным вином деревянный наполнивши кубок,
Сел против гостя за стол и, его приглашая к обеду:
«Странник,— сказал,— не угодно ль тебе поросятины, нашей
Пищи убогой, отведать — свиней же одни беспощадно
Жрут женихи, не страшась никакого за то наказанья;
Дел беззаконных, однако, блаженные боги не любят:
Правда одна и благие поступки людей им угодны;
Даже разбойники, злые губители, разные земли
Грабить обыкшие,— многой добычей, им данной Зевесом,
Свой нагрузивши корабль и на нем возвращаясь в отчизну,—
Страх наказанья великий в душе сохраняют; они же
(Видно, им бога какого пророческий слышался голос),
Веря, что гибель постигла его, ни свое, как прилично,
Весть сватовство не хотят, ни к себе возвратиться не мыслят,
В доме, напротив, пируют его и бесчинно всё грабят;
Каждую Зевсову ночь там и каждый ниспосланный Зевсом
День не одну и не две мы свиньи на съеденье им режем;
Так же они и вино, неумеренно пьянствуя, тратят.
Дом же его несказанно богат был, никто из живущих
Здесь благородных мужей — на твердыне ли черного Зама
Или в Итаке — того не имел; получал он дохода
Боле, чем десять у нас богачей; я сочту по порядку:
Стад кривороги быков до двенадцати было, овечьих

Также, и столько ж свиных, и не менее козьих (пасут их
Здесь козоводы свои и наемные); также на разных
Паствах еще здесь гуляет одиннадцать козьих особых
Стад; и особые их стерегут на горах козоводы;
Каждый из тех козоводов вседневно, черед наблюдая,
В город с жирнейшей козою, меж лучшими выбранной, ходит;
Так же вседневно и я, над стадами свиными здесь главный,
Лучшего борова им на обед посылать приневолен».
Так говорил он, а гость той порою ел мясо, усердно
Пил и молчал, женихам истребление в мыслях готовя.
Пищей божественной душу свою насладивши довольно,
Кубок он свой, из которого сам пил, хозяину подал
Полный вина — и его свинопас с удовольствием принял;
Гость же, к нему обратившися, бросил крылатое слово:
«Друг, расскажи о купившем тебя господине, который
Был так несметно богат, так могуч и потом, говоришь ты,
В Трое погиб, за обиду отмщая Атреева сына;
Знать я желаю: не встретился ль где он случайно со мною?
Зевсу и прочим бессмертным известно, могу ли в свою вам
Очередь что про него рассказать — я давно уж скитаюсь».
Так свинопас, повелитель мужей, отвечал Одиссею:
«Старец, теперь никакой уж из странников, много бродивших,
Радостной вестью об нем ни жены не обманет, ни сына.
Часто в надежде, что их, угостив, одарят, здесь бродяги
Лгут, небылицы и басни о нем вымышляя; и кто бы,
Странствуя в разных землях, ни зашел к нам в Итаку,
уж верно
Явится к нашей царице с нелепою сказкой о муже;
Ласково всех принимает она и рассказы их жадно
Слушает все, и с ресниц у внимающей падают капли
Слез, как у всякой жены, у которой погиб в отдаленье
Муж. Да и ты нам, старик, небылицу расскажешь охотно,
Если хламиду тебе иль хитон за труды посулим мы.
Нет, уж конечно, ему иль собаки, иль хищные птицы
Кожу с костей оборвали — и с телом душа разлучилась,
Или он рыбами съеден морскими, иль кости на взморье
Где-нибудь, в зыбком песке глубоко погребенные, тлеют;
Так он погиб, в сокрушенье великом оставив домашних
Всех, наипаче меня; никогда, никогда не найти уж
Мне господина столь доброго, где бы я ни жил, хотя бы
Снова по воле бессмертных к отцу был и к матери милой
В дом приведен, где родился, где годы провел молодые.
Но не о том я крушуся, хотя и желал бы хоть раз их

Образ увидеть глазами, хоть раз посетить их в отчизне,—
Нет, об одном Одиссее далеком я плачу; ах, добрый
Гость мой, его и далекого здесь не могу называть я
Просто по имени (так он со мною был милостив); братом
Милым его я, хотя и в разлуке мы с ним, называю».
Царь Одиссей хитроумный сказал, отвечая Евмею:
«Если, не веря вестям, утверждаешь ты, друг, что сюда он
Боле не будет, и если уж так ты упорен рассудком,
Я не скажу ничего; но лишь в том, что наверное скоро
К вам Одиссей возвратится, дам клятву; а мне ты заплатишь
Только тогда, как входящего в дом свой его здесь увидишь:
Платье тогда подаришь мне, хитон и хламиду; до тех пор,
Сколь ни великую бедность терплю, ничего не приму я;
Мне самому ненавистней Аидовых врат ненавистных
Каждый обманщик, ко лжи принужденный бедностью тяжкой;
Я же Зевесом владыкой, твоей гостелюбной трапезой,
Также святым очагом Одиссеева дома клянуся
Здесь, что наверно и скоро исполнится то, что сказал я;
Прежде, чем солнце окончит свой круг, Одиссей возвратится;
Прежде, чем месяц наставший сменен наступающим будет,
Вступит он в дом свой; и мщенье тогда совершится
над каждым,
Кто Пенелопу и сына его дерзновенно обидел».
Страннику так отвечал ты, Евмей, свинопас богоравный:
«Нет, ни за вести свои ты от нас не получишь награды,
Добрый мой гость, ни сюда Одиссей не придет; успокойся ж,
Пей, и начнем говорить о другом; мне и слышать об этом
Тяжко; и сердце всегда обливается кровью, когда мне
Кто здесь хоть словом напомнит о добром моем господине.
Также и клятвы давать не трудись; возвратится ли, нет ли
К нам господин мой, как все бы желали мы — я, Пенелопа,
Старец Лаэрт и подобный богам Телемах,— но о сыне
Боле теперь, чем о славном, родившем его Одиссее,
Я сокрушаюсь: как ветвь молодая, воспитан богами
Был он; я мнил, что со временем, мужеской силы достигнув,
Будет подобно отцу он прекрасен и видом и станом,—
Знать, неприязненный демон какой иль враждующий смертный
Разум его помутил: чтоб узнать об отце отдаленном,
В Пилос божественный поплыл он; здесь же, укрывшись
в засаде,
Ждут женихи, чтоб, его умертвив на возвратной дороге,
В нем и потомство Аркесия все уничтожить в Итаке.
Мы же, однако, оставим его — попадется ль им в руки

Он, избежит ли их козней, спасенный Зевесом,— теперь ты
Мне расскажи, что с тобой и худого и доброго было
В свете? Скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
Кто ты? Какого ты племени? Где ты живешь? Кто отец твой?
Кто твоя мать? На каком корабле и какою дорогой
Прибыл в Итаку? Кто были твои корабельщики? В край наш
(Это, конечно, я знаю и сам) не пешком же пришел ты».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать.
Если б мы оба с тобой запаслися на долгое время
Пищей и сладким питьем и глаз на глаз остался двое
Здесь пировать на просторе, отправив других на работу,
То и тогда, ежедневно рассказ продолжая, едва ли
В год бы я кончил печальную повесть о многих напастях,
Мной претерпенных с трудом несказанным по воле
бессмертных.
Славлюсь я быть уроженцем широкоравнинного Крита;
Сын я богатого мужа; и вместе со мною других он
Многих имел сыновей, им рожденных и выросших дома;
Были они от законной супруги; а я от рабыни,
Купленной им, родился, но в семействе почтен как законный
Сын был отцом благородным, Кастором, Гилаксовым сыном;
Он же от всех обитателей Крита, как бог, уважаем
Был за богатство, за власть и за доблесть сынов многославных;
Но приносящие смерть, беспощадно-могучие Керы
В область Аида его увели; сыновья же, богатства
Все разделив меж собою по жеребью, дали мне самый
Малый участок и дом небольшой для житья; за меня же
Вышла богатых родителей дочь; продпочтен был другим я
Всем женихам за великую доблесть; на многое годный,
Был я в деле военном не робок... но все миновалось;
Я лишь солома теперь, по соломе, однако, и прежний
Колос легко распознаешь ты; ныне ж я бедный бродяга.
С мужеством бодрым Арей и богиня Афина вселили
Мне боелюбие в сердце; не раз выходил я, созвавши
Самых отважнейших, против врагов злонамеренных в битву;
Мыслью о смерти мое никогда не тревожилось сердце;
Первый, напротив, всегда выбегал я с копьем, чтоб настигнуть
В поле противника, мне уступавшего ног быстротою;
Смелый в бою, полевого труда не любил я, ни тихой
Жизни домашней, где милым мы детям даем воспитанье;
Островесельные мне корабли привлекательней были;
Бой, и крылатые стрелы, и медноблестящие копья,

Грозные, в трепет великий и в страх приводящие многих,
Были по сердцу мне — боги любовь к ним вложили мне в сердце:
Люди не сходны, те любят одно, а другие другое.
Прежде, чем в Трою пошло броненосное племя ахеян,
Девять я раз в корабле быстроходном с отважной дружиной
Против людей иноземных ходил — и была нам удача;
Лучшее брал я себе из добыч, и по жеребью также
Много на часть мне досталось; свое увеличив богатство,
Стал я могуч и почтен меж народами Крита; когда же
Грозно гремящий Зевес учредил роковой для ахеян
Путь, сокрушивший колена столь многих мужей знаменитых,
С Идоменеем, царем многославным, от критян был избран
Я с кораблями идти к Илиону; и было отречься
Нам невозможно: мы властью народа окованы были.
Девять там лет воевали упорно мы, чада ахеян;
Но на десятый, когда, ниспровергнув Приамов великий
Град, мы к своим кораблям возвратилися, бог разлучил нас.
Мне, злополучному, бедствия многие Зевс приготовил.
Целый месяц провел я с детьми и с женою в семейном
Доме, великим богатством моим веселясь; напоследок
Сильно в Египет меня устремило желание; выбрав
Смелых товарищей, я корабли изготовил; их девять
Там мы оснастили новых; когда ж в корабли собралися
Бодрые спутники, целых шесть дней до отплытия все мы
Там пировали; я много зарезал быков и баранов
В жертву богам, на роскошное людям моим угощенье;
Но на седьмой день, покинувши Крит, мы в открытое море
Вышли и с быстропопутным, пронзительнохладным Бореем
Плыли, как будто по стремю, легко; и ничем ни один наш
Не был корабль поврежден; нас, здоровых, веселых и бодрых,
По морю мчали они, повинуясь кормилу и ветру.
Дней через пять мы к водам светлоструйным потока Египта
Прибыли: в лоне потока легкоповоротные наши
Все корабли утвердив, я велел, чтоб отборные люди
Там на морском берегу сторожить их остались; другим же
Дал приказание с ближних высот обозреть всю окрестность.
Вдруг загорелось в них дикое буйство; они, обезумев,
Грабить поля плодоносные жителей мирных Египта
Бросились, начали жен похищать и детей малолетних,
Зверски мужей убивая,— тревога до жителей града
Скоро достигла, и сильная ранней зарей собралася
Рать; колесницами, пешими, яркою медью оружий

Поле кругом закишело; Зевес, веселящийся громом,
В жалкое бегство моих обратил, отразить ни единый
Силы врага не поспел, и отвсюду нас смерть окружила;
Многих тогда из товарищей медь умертвила, и многих
Пленных насильственно в град увлекли на печальное рабство.
Я благовременно был вразумлен всемогущим Зевесом.
(О, для чего избежал я судьбины и верной не встретил
Смерти в Египте! Мне злее беды приготовил Кронион.)
Сняв с головы драгоценно-украшенный кожаный шлем мой,
Щит мой сложивши с плеча и копье медноострое бросив,
Я подбежал к колеснице царя и с молитвой колена
Обнял его; он меня не отвергнул; но, сжалясь, с ним рядом
Сесть в колесницу велел мне, лиющему слезы, и в дом свой
Царский со мной удалился — а с копьями следом за нами
Много бежало их, смертию мне угрожавших; избавлен
Был я от смерти царем — он во гнев привести гостелюбца
Зевса, карателя строгого дел злочестивых, страшился.
Целых семь лет я провел в стороне той и много богатства
Всякого собрал: египтяне щедро меня одарили;
Год напоследок осьмой приведен был времен обращеньем;
Прибыл в Египет тогда финикиец, обманщик коварный,
Злой кознодей, от которого много людей пострадало;
Он, увлекательной речью меня обольстив, Финикию,
Где и поместье и дом он имел, убедил посетить с ним:
Там я гостил у него до скончания года. Когда же
Дни протекли, миновалися месяцы, полного года
Круг совершился и Оры весну привели молодую,
В Ливию с ним в корабле, облетателе моря, меня он
Плыть пригласил, говоря, что товар свой там выгодно сбудем;
Сам же, напротив, меня, не товар наш, продать там замыслил;
С ним и поехал я, против желанья, добра не предвидя.
Мы с благосклонно-попутным, пронзительнохладным Бореем
Плыли; уж Крит был за нами... Но Дий нам готовил погибель;
Остров из наших очей в отдаленье пропал, и исчезла
Всюду земля, и лишь небо, с водами слиянное, зрелось;
Бог громовержец Кронион тяжелую темную тучу
Прямо над нашим сгустил кораблем, и под ним потемнело
Море; и вдруг, заблистав, он с небес на корабль громовую
Бросил стрелу; закружилось пронзенное судно, и дымом
Серным его обхватило; все разом товарищи были
Сброшены в воду, и все, как вороны морские, рассеясь,
В шумной исчезли пучине — возврата лишил их Кронион
Всех; лишь объятого горем великим меня надоумил

Вовремя он корабля остроносого мачту руками
В бурной тревоге схватить, чтоб погибели верной избегнуть;
Ветрам губящим во власть отдался я, привязанный к мачте.
Девять носившися дней по волнам, на десятый с наставшей
Ночью ко брегу феспротов высокобегущей волною
Был принесен я; Федон, благомыслящий царь их, без платы
Долго меня у себя угощал, поелику я милым
Сыном его был, терзаемый голодом, встречен и в царский
Дом приведен: на его я, покуда мы шли, опирался
Руку; когда же пришли мы, он дал мне хитон и хламиду.
Там я впервые узнал о судьбе Одиссея; сказал мне
Царь, что гостил у него он, в отчизну свою возвращаясь;
Мне и богатство, какое скопил Одиссей, показал он:
Золото, медь и железную утварь чудесной работы;
Даже и внукам в десятом колене достанется много —
Столько сокровищ царю Одиссей в сохраненье оставил;
Сам же пошел, мне сказали, в Додону затем, чтоб оракул
Темно-сенистого Диева дуба его научил там,
Как, по отсутствии долгом — открыто ли, тайно ли,— в землю
Тучной Итаки ему возвратиться удобнее будет?
Мне самому, совершив возлияние в доме, поклялся
Царь, что и быстрый корабль уж устроен, и собраны люди
В милую землю отцов проводить Одиссея; меня же
Он наперед отослал, поелику корабль приготовлен
Был для феспротов, в Дулихий, богатый пшеницею, шедших;
Он повелел, чтоб к Акасту царю безопасно я ими
Был отвезен. Но они злонамеренным сердцем иное
Дело замыслили, в бедствие ввергнуть меня сговорившись.
Только от брега феспротов корабль отошел мореходный,
Час наступил, мне назначенный ими для жалкого рабства.
Силой сорвавши с меня и хитон и хламиду, они мне
Вместо их бедное рубище дали с нечистой рубашкой,
В жалких лохмотьях, как можешь своими глазами ты видеть.
Вечером прибыли мы к берегам многогорной Итаки.
Тут с корабля крепкозданного — прежде веревкою, плотно
Свитою, руки и ноги связав мне — все на берег вместе
Вышли, чтоб, сев на зыбучем песке, там поужинать сладко.
Я же от тягостных уз был самими богами избавлен.
Голову платьем, изорванным в тряпки, свою обернувши,
Бережно с судна я к морю, скользя по кормилу, спустился;
Бросясь в него, я поспешно, обеими правя руками,
Поплыл и силы свои напрягал, чтоб скорее из глаз их
Скрыться; в кустарнике, густо покрытом цветами, лежал я,

Клубом свернувшись; они ж в бесполезном исканий с криком
Бегали мимо меня; напоследок, нашед неудобным
Доле напрасно бродить, возвратились назад и, собравшись
Все на корабль свой, пустилися в путь; так сампми богами
Был я спасен, и они же меня проводили в жилище
Многоразумного мужа: еще не судьба умереть мне».
Страннику так отвечал ты, Евмей, свинопас богоравный:
«Бедный скиталец, все сердце мое возмутил ты рассказом
Многих твоих приключений, печалей и странствий далеких.
Только одно не в порядке: зачем о царе Одиссее
Ты помянул? И зачем так на старости лет бесполезно
На ветер лжешь? По несчастью, я слишком уверен, что мне уж
Здесь не видать моего господина; жестоко богами
Был он преследуем; если б он в Трое погиб на сраженье
Иль у друзей на руках, перенесши войну, здесь скончался,
Холм гробовой бы над ним был насыпан ахейским народом,
Сыну б великую славу на все времена он оставил...
Ныне же Гарпии взяли его, и безвестно пропал он.
Я же при стаде живу здесь печальным пустынником; в город
К ним не хожу я, как разве когда Пенелопой бываю
Призван, чтоб весть от какого пришельца услышать; они же
Гостя вопросами жадно, усевшись кругом, осыпают
Все — как и те, кто о нем, о возлюбленном, искренне плачут,
Так и все те, кто его здесь имущество грабят без платы.
Я ж не терплю ни вестей, ни расспросов о нем бесполезных
С тех пор, как был здесь обманут бродягой этольским, который,
Казни страшась за убийство, повсюду скитался и в дом мой
Случаем был заведен; я его с уваженьем принял;
— Видел я в Крите, в царевом дворце Одиссея,— сказал он,—
Там исправлял он свои корабли, потерпевшие в бурю.
Летом иль осенью (так говорил Одиссей мне), в Итаку
Я и товарищи будем с несметно-великим богатством.—
Ты же, старик, испытавший столь много, нам посланный Днем,
Баснею мне угодить иль меня успокоить не думай;
Мной не за это уважен, не тем мне любезен ты будешь —
Нет, я Зевеса страшусь гостелюбца, и сам ты мне жалок».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Подлинно, слишком уж ты недоверчив, мой добрый хозяин,
Если и клятва моя не вселяет в тебя убежденья;
Можем, однако, мы сделать с тобой уговор, и пускай нам
Будут обоим поруками боги, владыки Олимпа:
Если домой возвратится, как я говорю, господин твой —
Дав мне хитон и хламиду, меня ты в Дулихий, который

Сердцем так жажду увидеть, отсюда отправишь; когда же,
Мне вопреки, господин твой домой не воротится — всех ты
Слуг соберешь и с утеса низвергнешь меня, чтоб вперед вам
Басен нелепых не смели рассказывать здесь побродяги».
Страннику так, отвечая, сказал свинопас богоравный:
«Друг, похвалу б повсеместную, имя бы славное нажил
Я меж людьми и теперь, и в грядущее время, когда бы,
В дом свой принявши тебя и тебя угостив, как прилично,
Жизнь дорогую твою беззаконным убийством похитил;
С сердцем веселым Крониону мог бы тогда я молиться.
Время, однако, нам ужинать; скоро воротятся люди
С паствы — тогда и желанную вечерю здесь мы устроим».
Так говорили о многом они, собеседуя сладко.
Скоро с стадами своими пришли пастухи свиноводы;
Стали свиней на ночлег их они загонять, и с ужасным
Визгом и хрюканьем свиньи, спираясь, ломились в закуты.
Тут пастухам подчиненным сказал свинопас богоравный:
«Лучшую выбрать свинью, чтоб, зарезав ее, дорогого
Гостя попотчевать, с ним и самим насладиться едою;
Много тяжелых забот нам от наших свиней светлозубых;
Плод же тяжелых забот пожирают без платы другие».
Так говоря, топором разрубал он большие полена;
Те же, свинью пятилетнюю, жирную, взяв и вогнавши
В горницу, с ней подошли к очагу: свинопас богоравный
(Сердцем он набожен был) наперед о бессмертных подумал;
Шерсти щепотку сорвав с головы у свиньи светлозубой,
Бросил ее он в огонь; и потом, всех богов призывая,
Стал их молить, чтоб они возвратили домой Одиссея.
Тут он ударил свинью сбереженным от рубки поленом;
Замертво пала она, и ее опалили, дорезав,
Тотчас другие, рассекли на части, и первый из каждой
Части кусок, отложенный на жир для богов, был Евмеем
Брошен в огонь, пересыпанный ячной мукой; остальные ж
Части, на острые вертелы вздев, на огне осторожно
Начали жарить, дожарив же, с вертелов сняли и кучей
Все на подносные доски сложили. И поровну начал
Пищею всех оделять свинопас: он прилично ведал.
На семь частей предложенное все разделив, он назначил
Первую нимфам, и Эрмию, Майину сыну, вторую;
Прочие ж каждому, как кто сидел, наблюдая порядок,
Роздал, но лучшей, хребтовою частью свиньи острозубой
Гостя почтил; и вниманьем таким несказанно довольный,
Голос возвысив, сказал Одиссей хитроумный: «Да будет

Столь же, Евмей, и к тебе многомилостив вечный Кронион,
Сколь ты ко мне, сироте старику, был приветлив и ласков».
Страннику так отвечал ты, Евмей, свинопас богоравный:
«Ешь на здоровье, таинственный гость мой, и нашим доволен
Будь угощеньем; одно нам дарует, другого лишает
Нас своенравный в даяньях Кронион; ему все возможно».
С сими словами он, первый кусок отделивши бессмертным
В жертву, пурпурным наполненный кубок вином Одиссею
Градорушителю подал; тот сел за прибор свой; и мягких
Хлебов принес им Месавлий, который, в то время как в Трое
Царь Одиссей находился, самим свинопасом из денег
Собственных был, без согласья царицы, без спроса с Лаэртом,
Куплен, для разных прислуг, у тафийских купцов мореходных.
Подняли руки они к приготовленной лакомой пище.
После ж, когда насладились довольно питьем и едою,
Хлеб со стола был проворным Месавлием снят; а другие,
Сытые хлебом и мясом, на ложе ко сну обратились.
Мрачно-безлунна была наступившая ночь, и Зевесов
Ливень холодный шумел, и Зефир бушевал дожденосный.
Начал тогда говорить Одиссей (он хотел, чтоб хозяин
Дал ему мантию, или свою, иль с кого из других им
Снятую, ибо о нем он с великим радушием пекся):
«Слушай, Евмей, и послушайте все вы: хочу перед вами
Делом одним я похвастать — вино мне язык развязало;
Сила вина несказанна: она и умнейшего громко
Петь, и безмерно смеяться, и даже плясать заставляет;
Часто внушает и слово такое, которое лучше б
Было сберечь про себя. Но я начал и должен докончить.
О, для чего я не молод, как прежде, и той не имею
Силы, как в Трое, когда мы однажды сидели в засаде!
Были Атрид Менелай с Одиссеем вождями; и с ними
Третий начальствовал я, к ним приставший по их
приглашенью;
К твердо-высоким стенам многославного града пришедши,
Все мы от них недалеко в кустарнике, сросшемся густо,
Между болотной осоки, щитами покрывшись, лежали
Тихо. Была неприязненна ночь, прилетел полуночный
Ветер с морозом, и сыпался шумно-холодной метелью
Снег, и щиты хрусталем от мороза подернулись тонким.
Теплые мантии были у всех и хитоны; и спали,
Ими одевшись, спокойно они под своими щитами;
Я ж, безрассудный, товарищу мантию отдал, собравшись
В путь, не подумав, что ночью дрожать от мороза придется;

Взял со щитом я лишь пояс один мой блестящий; когда же
Треть совершилася ночи и звезды склонилися с неба,
Так я сказал Одиссею, со мною лежавшему рядом,
Локтем его подтолкнув (во мгновенье он понял, в чем дело):
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Смертная стужа, порывистый ветер и снег хладоносный
Мне нестерпимы; я мантию бросил; хитон лишь злой демон
Взять надоумил меня; никакого нет средства согреться».
Так я сказал. И недолго он думал, что делать: он первый
Был завсегда и на умный совет, и на храброе дело.
Шепотом на ухо мне отвечал он: «Молчи, чтоб не мог нас
Кто из ахеян, товарищей наших, здесь спящих, подслушать».
Так отвечав мне, привстал он и, голову локтем подперши,
«Братья,— сказал,— мне приснился божественный сон; мы далеко,
Слишком далеко от наших зашли кораблей; не пойдет ли
Кто к Агамемнону, пастырю многих народов, Атриду,
С просьбой, чтоб в помощь людей нам прислать с кораблей не замедлил».
Так он сказал. Поднялся, пробудившись, Фоас Андремонид;
Сбросив для легкости с плеч пурпуровую мантию, быстро
Он побежал к кораблям; я ж, оставленным платьем одевшись,
Сладко проспал до явления златопрестольной Денницы.
О, для чего я не молод, не силен, как в прежние годы!
Верно, тогда бы и мантию дали твои свинопасы
Мне — из приязни ль, могучего ль мужа во мне уважая.
Ныне ж кто хилого нищего в рубище бедном уважит?»
Страннику так отвечал ты, Евмей, свинопас богоравный:
«Подлинно чудною повестью нас ты, мой гость, позабавил;
Нет ничего неприличного в ней, и на пользу рассказ твой
Будет: ни в платье ты здесь и ни в чем, для молящего, много
Бед испытавшего странника нужном, отказа не встретишь;
Завтра, однако, в свое ты оденешься рубище снова;
Мантий у нас здесь запасных не водится, мы не богаты
Платьем; у каждого только одно: он его до износа
С плеч не скидает. Когда же возлюбленный сын Одиссеев
Будет домой, он и мантию даст и хитон, чтоб одеться
Мог ты, и в сердцем желанную землю ты будешь отправлен».
Кончив, он встал и, пошед, близ огня приготовил постелю
Гостю, накрывши овчиной ее и косматою козьей
Шкурою; лег Одиссей на постель; на него он набросил
Теплую, толсто-сотканную мантию, ею ж во время
Зимней, бушующей дико метели он сам одевался;

Сладко на ложе своем отдыхал Одиссей; и другие
Все пастухи улеглися кругом. Но Евмей, разлучиться
С стадом свиней опасаясь, не лег, не заснул; он, поспешно
Взявши оружие, в поле идти изготовился. Видя,
Как он ему и далекому верен, в душе веселился
Тем Одиссей. Свинопас же, на крепкие плечи повесив
Меч свой, оделся косматой, от ветра защитной, широкой
Мантией, голову шкурой козы длинношерстной окутал,
После копье на собак и на встречу с ночным побродягой
Взял и в то место пошел ночевать, где клычистые свиньи
Спали под сводом скалы, недоступным дыханью Борея.

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

Тою порой в Лакедемон широкоравнинный достигла
Зевсова дочь, чтоб Лаэртова внука, ему об Итаке
Милой напомня, понудить скорей возвратиться в отцовский
Дом; и она там нашла Телемаха с возлюбленным сыном
Нестора, спящих в сенях Менелаева славного дома.
Сладостным сном побежденный, лежал Писистрат неподвижно.
Полон тревоги был сон Одиссеева сына: во мраке
Ночи божественной он об отце помышлял и крушился.
Близко к нему подошедши, богиня Афина сказала:
«Сын Одиссеев, напрасно так долго в чужой стороне ты
Медлишь, наследье отца благородного бросив на жертву
Дерзких грабителей, жрущих твое беспощадно; расхитят
Все, и без пользы останется путь, совершенный тобою.
Встань; пусть немедля отъезд Менелай, вызыватель в сраженье,
Вам учредит, чтоб еще без порока застать Пенелопу
Мог ты: ее и отец уж и братья вступить понуждают
В брак с Евримахом; числом и богатством подарков он прочих
Всех женихов превзошел и приносит дары беспрестанно.
Могут легко и твое там похитить добро; ты довольно
Знаешь, как женщина сердцем изменчива: в новый вступая
Брак, лишь для нового мужа она помышляет устроить
Дом, но о детях от первого брака, о прежнем умершем
Муже не думает, даже и словом его не помянет.
В дом возвратяся, там все, что твое, поручи особливо
Самой надежной из ваших рабынь, чтоб хранила, покуда

Боги тебе самому не укажут достойной супруги.
Слушай теперь, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
Выбрав отважнейших в шайке своей, женихи им велели,
Между Итакой и Замом крутым притаяся в засаде,
Злую погибель тебе на возвратном пути приготовить.
Я же того не дозволю; и прежде могила поглотит
Многих из них, беззаконно твое достоянье губящих;
Ты ж, с кораблем от обоих держась островов в отдаленье,
Мимо их ночью пройди; благовеющий ветер попутный
Бог благосклонный, тебя берегущий, пошлет за тобою.
Но, подошед к каменисто-высокому брегу Итаки,
В город со всеми людьми отпусти свой корабль быстроходный;
Сам же останься на бреге и после поди к свинопасу,
Главному там над свиными стадами смотрителю; верный
Твой он слуга; у него ты ночуешь; его же с известьем
В город пошлешь к Пенелопе разумной, дабы объявил ей
Он, что в отчизну из Пилоса ты невредим возвратился».
Кончив, богиня Паллада на светлый Олимп возвратилась.
Тут от покойного сна пробудил Телемах Писистрата,
Пяткой толкнувши его и сказавши ему: «Пробудися,
Несторов сын Писистрат; и коней громозвучнокопытных
В нашу скорее впряги колесницу; в дорогу пора нам».
Несторов сын благородный ответствовал так Телемаху:
«Сын Одиссеев, хотя и спешишь ты отъездом, но в путь нам
Темною ночью пускаться не должно; рассвет недалеко.
Должно притом подождать, чтоб Атрид благородный, метатель
Славный копья, Менелай, положив в колесницу подарки
Мне и тебе, отпустил нас с прощальным приветливым словом:
Сладостно гостю, простившись с хозяином дома, о нежной
Ласке, с какою он был угощен, вспоминать ежедневно».
Так он сказал. Воссияла с небес златотронная Эос.
К ним тут пришел Менелай, вызыватель в сраженье,
поднявшись
С ложа от светлокудрявой супруги, прекрасной Елены.
Сын Одиссеев, его подходящего видя, поспешно
Тело блестящее чистым хитоном облек и широкой
Мантией крепкие плечи, герой многославный, украсил;
Встретив в дверях Менелая и ставши с ним рядом, сказал он,
Сын Одиссеев, подобный богам Телемах благородный:
«Царь многославный, Атрид, богоизбранный пастырь народов,
В милую землю отцов мне теперь возвратиться позволь ты;
Сердце мое несказанно по доме семейном тоскует».
Кончил. Ему отвечал Менелай, вызыватель в сраженье:

«Сын Одиссеев, тебя здесь удерживать боле не буду,
Если так сильно домой ты желаешь. И сам не одобрю
Я гостелюбца, который безмерною лаской безмерно
Людям скучает: во всем наблюдать нам умеренность должно;
Худо, если мы гостя, который хотел бы остаться,
Будим в дорогу, а гостя, в дорогу спешащего, держим:
Будь с остающимся ласков, приветно простись с уходящим.
Но подожди, Телемах, чтоб в твою колесницу подарки
Я уложил, их тебе показав, и чтоб также рабыне
Сытный вам завтрак велел на отъезд во дворце приготовить:
Честь, похвала и услада хозяину, если гостей он,
Едущих в дальнюю землю, насыщенных в путь отпускает.
Если ж ты хочешь Аргос посетить и объехать Элладу,—
Сам я тебе проводник; дай коней лишь запрячь в колесницу;
Многих людей города покажу я; никто не откажет
Нам в угощенье, везде и подарок обычный получим:
Иль дорогой меднолитный треножник, иль чашу, иль крепких
Мулов чету, иль сосуд золотой двоеручный». Атриду
Так, отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Царь многославный, Атрид, богоизбранный пастырь народов.
Должно прямым мне скорей возвратиться путем — без надзора
Дом и богатства мои, отправляяся в путь, я оставил;
Может, пока за отцом я божественным буду скитаться,
Там приключится беда иль похитится что дорогое».
Царь Менелай, вызыватель в сраженье, при этом ответе
Тотчас Елене, супруге своей, и домашним рабыням
Завтрак велел для гостей на отъезд во дворце приготовить.
Близко к Атриду тогда подошел Этеон, сын Воэфов,
Только что вставший с постели: он жил от царя недалеко.
Царь повелел Этеону огонь разложить и немедля
Мяса изжарить; и тот повеленье с покорностью принял.
Сам же в чертог кладовой благовонный сошел по ступеням
Царь, не один, но с Еленой и с сыном своим Мегапентом;
Вшед в благовонный чертог кладовой, где хранились богатства,
Выбрал Атрид там двуярусный кубок, потом Мегапенту
Сыну кратеру велел сребролитную взять; а Елена
К тем подошла запертым на замок сундукам, где лежало
Множество пестрых, узорчатых платьев ее рукоделья.
Стала Елена, богиня меж смертными, пестрые платья
Все разбирать и шитьем богатейшее, блеском как солнце
Яркое, выбрала; было оно там на самом исподе
Спрятано. Кончив, они по дворцу к Телемаху навстречу
Вместе пошли; Менелай златовласый сказал: «Благородный

Сын Одиссеев, желанное сердцем твоим возвращенье
В дом твой тебе да устроит супруг громоогненный Геры!
Я же из многих сокровищ, которыми здесь обладаю,
Самое редкое выбрал тебе на прощальный подарок;
Дам пировую кратеру богатую; эта кратера
Вся из сребра, но края золотые, искусной работы
Бога Гефеста; ее подарил мне Федим благородный,
Царь сидонян, в то время, когда, возвращаясь в отчизну,
В доме его я гостил, и ее от меня ты получишь».
С сими словами вручил Телемаху двуярусный кубок
Сын благородный Атреев; кратеру работы Гефеста
Подал, пришедши, ему Мегапент, Менелаев могучий
Сын, сребролитную. Светлообразная, с пестрым пришедши
Платьем, Елена его позвала и сказала: «Одежду
Эту, дитя мое милое, выбрала я, чтоб меня ты
Помнил, чтоб этой, мной сшитой, одеждой на брачном веселом
Пире невесту украсил свою; а дотоль пусть у милой
Матери будет храниться она; ты ж теперь возвратися
С сердцем веселым в Итаку, в отеческий дом многославный».
Кончив, одежду она подала; благодарно он принял.
Тут осторожно дары уложил Писистрат в колесничный
Короб, с большим удивленьем все порознь сперва осмотревши.
Всех в пировую палату повел Менелай златовласый;
Там поместились они по порядку на креслах и стульях.
Тут принесла на лохани серебряной руки умыть им
Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня;
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно, чтоб было для всех угощенье;
Мясо на части разрезал и подал гостям сын Воэфов;
Кубки златые наполнил вином Мегапент многославный;
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
Был удовольствован голод их сладким питьем и едою,
Сын Одиссеев и Несторов сын Писистрат привязали
К дышлу коней и, в богатую ставши свою колесницу,
Выехать в ней со двора через звонкий готовились портик.
Вышел за ними Атрид Менелай златовласый, держащий
В правой руке драгоценный, вином благовонным налитый
Кубок, чтоб их на дорогу почтить возлияньем прощальным;
Стал впереди он коней и, вина отхлебнувши, воскликнул:
«Радуйтесь, дети, и Нестору, пестуну многих народов,
Мой отвезите поклон; как отец, был ко мне благосклонен
В те времена он, когда мы сражались в Трое, ахейцы».

Сын Одиссеев возлюбленный так отвечал Менелаю:
«Нестору все, что о нем ты сказал нам, Зевесов питомец,
Мы перескажем, прибывши к нему. О, когда б, возвратяся
В дом мой, в Итаку, и я мог отцу моему Одиссею
Так же сказать, как любовно меня угощал ты, как много
Разных привез я сокровищ, тобою в подарок мне данных!»
Кончил; и в это мгновение справа орел темнокрылый
Шумно поднялся, большого домашнего белого гуся
В сильных когтях со двора унеся; и толпою вся дворня
С криком бежала за хищником; он, подлетев к колеснице,
Мимо коней прошумел и ударился вправо. При этом
Виде у всех предвещанием радостным сердце взыграло.
Несторов сын, Писистрат благородный, сказал Менелаю:
«Царь Менелай, повелитель людей, для кого, изъясни нам,
Знаменье это Кронион послал, для тебя ли, для нас ли?»
Так он спросил; и, Арея любимец, задумался бодрый
Царь Менелай, чтоб ответ несомнительный дать Писистрату.
Длиннопокровная слово его упредила Елена:
«Слушайте то, что скажу вам, что мне всемогущие боги
В сердце вложили и что, утверждаю я, сбудется верно.
Так же, как этого белого гуся, вскормленного дома,
Сильный похитил орел, прилетевший с горы, где родился
Сам и где вывел могучих орлят, так, скитавшийся долго,
В дом возвратясь, Одиссей отомстит; но, быть может, уже он
Дома; и смерть женихам неизбежную в мыслях готовит».
Ей отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Если то Геры супруг, громоносный Кронион, позволит,
Буду, тебя поминая, тебе я как богу молиться».
Так отвечав ей, он сильным ударил бичом; понеслися
Быстро по улицам города в поле широкое кони.
Целый день мчалися кони, тряся колесничное дышло.
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Путники прибыли в Феру, где сын Орсилоха, Алфеем
Светлым рожденного, дом свой имел Диоклес благородный;
Дав у себя им ночлег, Диоклес угостил их радушно.
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Путники, снова в свою колесницу блестящую ставши,
Быстро на ней со двора через портик помчалися звонкий,
Часто коней погоняя, и кони скакали охотно.
Скоро достигли они до великого Пилоса града.
Сын Одиссеев сказал Писистрату, к нему обратяся:
«Можешь ли, Несторов сын, обещанье мне дать, что исполнишь
Просьбу мою? Мы гостями друг другу считаемся с давних

Лет по наследству любви от отцов; мы ровесники; этот
Путь, совершенный вдвоем, неразрывнее дружбой связал нас.
Друг, не минуй моего корабля; но позволь мне остаться
Там, чтоб отец твой меня в изъявленье любви не принудил
В доме промедлить своем,— возвратиться безмерно спешу я».
Так он сказал; Писистрат колебался рассудком и сердцем,
Думая, как бы свое обещанье исполнить; обдумав
Все, напоследок уверился он, что удобнее будет
Звонкокопытных коней обратить к кораблю и к морскому
Брегу. Вступя на корабль, положил на корме он подарки:
Золото, платье и все, чем Атрид одарил Телемаха.
После, его понуждая, он бросил крылатое слово:
«Медлить не должно; все люди твои собрались; уезжайте
Прежде, пока, возвратяся домой, не успел обо всем я
Старцу отцу рассказать; убежден я рассудком и сердцем
(Зная упрямство его), что тебя он не пустит, что сам он
Вслед за тобой с приглашеньем сюда прибежит и отсюда,
Верно, один не воротится, так он упорствовать будет».
Кончив, бичом он погнал долгогривых коней и помчался
В город пилийцев и славного города скоро достигнул.
К спутникам тут обратяся, сказал Телемах благородный:
«Братья, скорей корабля чернобокого снасти устройте,
Все соберитесь потом на корабль, и отправимся в путь свой».
То повеленье было гребцами исполнено скоро;
Все на корабль собралися и сели на лавках у весел.
Тою порой Телемах приносил на корме корабельной
Жертву богине Палладе; к нему подошел, он увидел,
Странник. Убийство свершив, он покинул Аргос и скитался;
Был прорицатель; породу же вел от Мелампа, который
Некогда в Пилосе жил овцеводном. В роскошных палатах
Между пилийцев Мелamп обитал, отличаясь богатством;
Был он потом принужден убежать из отчизны в иную
Землю, гонимый надменным Нелеем, из смертных сильнейшим
Мужем, который его всем богатством, пока продолжался
Круг годовой, обладал, между тем как в Филаковом доме
В тяжких оковах, в глубокой темнице был жéстоко мучим
Он за Нелееву дочь, погруженный в слепое безумство,
Душу его омрачившее силою страшных Эриний.
Керы, однако, избегнул и громкомычащих коров он
В Пилос угнал из Филакии. Там, отомстивши за злое
Дело герою Нелею, желанную к брату родному
В дом проводил он супругу, потом удалился в иную
Землю, в Аргос многоконный, где был предназначен судьбою

Жить, многочислепным там обладая народом аргивян.
В брак там вступив, поселился он в пышноустроенном доме;
Двух он имел сыновей: Антифата и Мантия, славных
Силой. Родил Антифат Оиклея отважного. Сыном
Был Оиклеевым Амфиарай, волнователь народов,
Милый эгидодержавцу Зевесу и сыну Латоны;
Но до порога дней старых ему не судили достигнуть
Боги: он в Фивах погиб златолюбия женского жертвой.
Были его сыновья Алкмеон с Амфилохом. Меламнов
Младший сын Мантий родил Полифейда пророка и Клита.
Клита похитила, светлой его красотою пленяся,
Златопрестольная Эос, чтоб был он причислен к бессмертным.
Силу пророчества гордому дав Аполлон Полифейду,
Сделал его знаменитым меж смертных, когда уж не стало
Амфиарая; но он в Гипересию жить, раздраженный
Против отца, перешел; и, живя там, пророчил всем людям.
Тот же странник, которого сын Одиссеев увидел,
Был Полифейдов сын, называвшийся Феоклименом;
Он Телемаху, Афине тогда приносившему жертву,
С просьбой к нему обратившися, бросил крылатое слово:
«Друг, я с тобой, совершающим жертву, встречаясь, твоею
Жертвой тебя, и твоим божеством, и твоей головою,
Также и жизнью сопутников верных твоих умоляю:
Мне на вопрос отвечай, ничего от меня не скрывая,
Кто ты? Откуда? Каких ты родителей? Где обитаешь?»
Кончил. Ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
Я из Итаки; отцом же моим Одиссей богоравный
Некогда был; но теперь он погибелью горькой постигнут;
Спутников верных созвав, в корабле чернобоком за ним я,
Долго отсутственным, странствую, вести о нем собирая».
Феоклимен богоравный ответствовал внуку Лаэрта:
«Странствую также и я — знаменитый был мною в отчизне
Муж умерщвлен; в многоконном Аргосе он много оставил
Сродников ближних и братьев, могучих в народе ахейском;
Гибель и мстящую Керу от них опасаяся встретить,
Я убежал; меж людей бесприютно скитаться удел мой.
Ты ж, умоляю богами, скитальца прими на корабль свой,
Иначе будет мне смерть: я преследуем сильно их злобой».
Кончил. Ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Друг, я тебя на корабль мой принять соглашаюсь охотно.
Едем; и в доме у нас с гостелюбием будешь ты принят».
Так он сказал и, копье медноострое взяв у пришельца,

Подле перил корабельных его положил на помосте.
Сам же, вступив на корабль, оплывающий темное море,
Сел у кормы корабельной, с собою там сесть пригласивши
Феоклимена. Гребцы той порой отвязали канаты.
Бодрых гребцов возбуждая, велел Телемах им немедля
Снасти убрать, и, ему повинуясь, сосновую мачту
Подняли разом они и, глубоко в гнездо водрузивши,
В нем утвердили ее, а с боков натянули веревки;
Белый потом привязали ремнями плетеными парус;
Тут светлоокая Зевсова дочь им послала попутный,
Зыбки эфира пронзающий ветер, чтоб темносоленой
Бездною моря корабль их бежал, не встречая преграды.
Круны и Халкис они светловодный уже миновали;
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Феу корабль, провожаемый Зевсовым ветром, оставив
Сзади, прошел и священную область эпеян Элиду.
Острые тут острова Телемах в отдаленье увидел.
Плыл он туда, размышляя, погибнет ли там иль спасется.
Тою порой Одиссей с свинопасом божественным пищу
Ели вечернюю, с ними и все пастухи вечеряли.
Свой удовольствовав голод обильно-роскошной едою,
Так им сказал Одиссей (он хотел испытать, благосклонно ль
Сердце Евмея к нему, пригласит ли его он остаться
В хижине с ним иль его отошлет неприязненно в город):
«Слушай, мой добрый Евмей, и послушайте все вы; намерен
Завтра поутру я в город идти, чтоб сбирать подаянье
Там от людей и чтоб вашего хлеба не есть вам в убыток.
Дай мне, хозяин, совет и вели, чтоб дорогу мне в город
Кто указал. Я по улицам буду бродить, и, конечно,
Кто-нибудь даст мне вина иль краюшку мне вынесет хлеба;
В дом многославный царя Одиссея пришедши, скажу там
Людям, что добрые вести о нем я принес Пенелопе.
Также пойду и к ее женихам многобуйным; уж верно
Мне, так роскошно пируя, они не откажут в подаче.
Я же и сам быть могу им на всякую службу пригоден;
Ведать ты должен и выслушай то, что скажу: благодатен
Эрмий ко мне был, богов благовестник, который всем смертным
Людям успех, красоту и великую славу дарует;
Мало найдется таких, кто б со мною поспорил в искусстве
Скоро огонь разводить, и сухие дрова для варенья
Пищи колоть, и впно подносить, и разрезывать мясо,
Словом, во всем, что обязанность низких на службе у знатных».
С гневом на то отвечал ты, Евмей, свинопас богоравный:

«Стыдно тебе, чужеземец; как мог ты такие дозволить
Странные мысли себе? Ты своей головы не жалеешь,
В город сбираясь идти к женихам беззаконным, которых
Буйство, бесстыдство и хищность дошли до железного неба:
Там не тебе, друг, чета им рабы подчиненные служат;
Нет! Но проворные, в платьях богатых, в красивых хитонах,
Юноши, светлокудрявые, каждый красавец — такие
Служат рабы им; и много на гладко-блестящих столах там
Хлеба и мяса, и кубков с вином благовонным. Останься
Лучше у нас. Никому ты, конечно, меж нами не будешь
В тягость: ни мне, ни товарищам, вместе со мною живущим.
После ж, когда возвратится возлюбленный сын Одиссеев,
Ты от него и хитон, и другую одежду получишь;
Будешь им также и в сердцем желанную землю отправлен».
Голос возвысив, ему отвечал сын Лаэртов: «Да будешь,
Добрый хозяин мой, ты и великому Зевсу владыке
Столь же любезен, как страннику мне, о котором с такою
Лаской печешься! Несносно бездомное странствие; тяжкой
Мучит заботой во всякое время голодный желудок
Бедных, которым бродить суждено по земле без приюта.
Здесь я охотно дождусь Телемаха, а ты расскажи мне
Все, что о славной в женах Одиссеевой матери знаешь,
Все, что с отцом, на пороге оставленном старости, было —
Если еще Гелиосовым блеском они веселятся;
Или уж нет их и оба они уж в Аидовом доме?»
Сыну Лаэртову так отвечал свинопас богоравный:
«Все по порядку тебе расскажу, ничего не скрывая:
Жив благородный Лаэрт, но всечасно Зевеса он молит
Дома, чтоб душу его он исторгнул из дряхлого тела;
Горько он плачет о долго-отсутственном сыне, лишившись
Доброй, разумной и сердцем избранной супруги, которой
Смерть преждевременно в дряхлость его погрузила: о милом
Сыне крушась неутешно и сетуя, с светлою жизнью
Рано рассталась она. Да не встретит никто из любимых
Мною и мне оказавших любовь столь печальной кончины!
Я же, покуда ее сокрушенная жизнь продолжалась,
В город к ней часто ходил, чтоб ее навестить, поелику
Был я в ребячестве с дочерью доброй царицы, Клименой,
Самою младшею между другими, воспитан; я с нею
Рос и, почти как она, был любим в их семействе; когда же
Мы до желанного возраста младости зрелой достигли,
Выдали замуж в Самосе ее, взяв большие подарки.
Был награжден я красивой хламидой и новым хитоном,

Также для ног получил и сандалии; после царица
В поле к стадам отослала меня и со мной дружелюбней
Прежнего стала. Но все миновалось. Блаженные боги
Щедро, однако, успехом прилежный мой труд наградили;
Им я кормлюсь, да и добрых людей угощать мне возможно.
Но от моей госпожи ничего уж веселого ныне
Мне не бывает, ни словом, ни делом, с тех пор как вломились
В дом наш грабители: нам же, рабам, иногда так утешно
Было б ее навестить, про себя ей все высказать, сведать
Все про нее и, за царским столом отобедав, с подачей
Весело в поле домой на вседневный свой труд возвратиться».
Кончил; ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Чудно! Так в детстве еще ты, Евмей свинопас, из отчизны
В землю далекую был увезен от родителей милых?
Все мне теперь расскажи, ничего от меня не скрывая:
Город ли тот, населенный обильно людьми, был разрушен,
Где твой отец и твоя благородная мать находились,
Или, оставшись у стада быков и баранов один, ты
Схвачен морским был разбойником; он же тебя здесь и продал
Мужу тому, от него дорогую потребовав цену?»
«Друг,— отвечал свинопас богоравный, людей повелитель,—
Если ты ведать желаешь, то все расскажу откровенно;
Слушай, в молчании сладко-душистым вином утешаясь;
Ночи теперь бесконечны, есть время для сна, и довольно
Времени будет для нашей радушной беседы; не нужно
Рано ложиться в постелю нам: сон неумеренный вреден.
Все же другие, кого побуждает желанье, пусть идут
Спать, чтоб при первых лучах восходящей Денницы на паству
В поле, позавтракав дома, с господскими выйти свиньями;
Мы на просторе здесь двое, вином и едой веселяся,
Память минувших печалей веселым о них разговором
В сердце пробудим: о прошлых бедах поминает охотно
Муж, испытавший их много и долго бродивший на свете.
Я же о том, что желаешь ты знать, расскажу откровенно.
Есть (вероятно, ты ведаешь) остров, по имени Сира,
Выше Ортигии, где поворот совершает свой солнце;
Он необильно людьми населен, но удобен для жизни,
Тучен, приволен стадам, виноградом богат и пшеницей:
Там никогда не бывает губящего голода; люди
Там никакой не страшатся заразы; напротив, когда там
Хилая старость объемлет одно поколенье живущих,
Лук свой серебряный взяв, Аполлон с Артемидой нисходят
Тайно, чтоб тихой стрелой безболезненно смерть посылать им.

Два есть на острове города, каждый с своею отдельной
Областью; был же владельцем обоих родитель мой Ктесий,
Сын Орменонов, бессмертным подобный. Случилось, что в Сиру
Прибыли хитрые гости морей, финикийские люди,
Мелочи всякой привезши в своем корабле чернобоком.
В доме ж отцовом рабыня жила финикийская, станом
Стройная, редкой красы, в рукодельях искусная женских.
Душу ее обольстить удалось финикийцам коварным:
Мыла она, невдали корабля их, белье; тут один с ней
Тайно в любви сочетался — любовь же всегда в заблужденье
Женщин, и самых невинных своим поведением, вводит.
Кто и откуда она, у рабыни спросил обольститель.
Дом указав своего господина, она отвечала:
«Я уроженица меднобогатого града Сидона;
Там мой отец Арибант знаменит был великим богатством;
Силой морские разбойники, злые тафийцы схватили
Шедшую с поля меня и сюда увезли на продажу
Мужу тому, от него дорогую потребовав цену».
Ей отвечая, сказал финикиец, ее обольститель:
«Будешь, конечно, ты рада в отчизну свою возвратиться
С нами; опять там увидишь и мать и отца в их блестящем
Доме: они же, мы ведаем, живы и славны богатством».
Выслушав то, что сказал он, ему отвечала рабыня:
«Я бы на все согласилась охотно, когда б, мореходцы,
Вы поклялися в отчизну меня отвезти без обиды».
Так отвечала рабыня; и те поклялися; когда же
Все поклялися они и клятву свою совершили,
К ним обратяся, рабыня крылатое бросила слово:
«Будем теперь осторожны; молчите; из вас никоторый
Слова не молви со мной, где меня бы ему ни случилось
Встретить, на улице ль, подле колодца ль, чтоб кто господину,
Нас подсмотрев, на меня не донес: раздраженный, меня он
В цепи велит заключить, да и вам приготовит погибель.
Скуйте ж язык свой; окончите торг поскорей, и когда вы
В путь изготовитесь, нужным запасом корабль нагрузивши,
В доме царевом меня обо всем известите немедля;
Золота, сколько мне под руки там попадется, возьму я;
Будет при том от меня вам еще и особый подарок:
Знать вы должны, что смотрю я за сыном царя малолетним;
Мальчик смышленый; со мною гулять из дворца он вседневно
Ходит; я с ним на корабль ваш приду: за великую цену
Этот товар продадите вы людям иного языка».
Так им сказавши, она возвратилась в палаты царевы.

Те же, год целый оставшись на острове нашем, прилежно
Свой крутобокий корабль нагружали, торгуя, товаром;
Но когда изготовился в путь нагруженный корабль их,
Имя был вестник о том к финикийской рабыне отправлен;
В дом он отца моего дорогое принес ожерелье:
Крупный электрон, оправленный в золото с чудным искусством;
Тем ожерельем моя благородная мать и рабыни
Все любовались; оно по рукам их ходило, и цену
Разную все предлагали. А он, по условию, молча
Ей головою кивнул и потом на корабль возвратился.
Из дому, за руку взявши меня, поспешила со мною
Выйти она; проходя же палату, где множеством кубков
Стол был уставлен для царских вельмож, приглашенных к обеду
(Были в то время они на совете в собранье народном),
Три двоеручных сосуда проворно она, их под платьем
Скрыв, унесла; я за нею пошел, ничего не размысля.
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Пристани славной, поспешно идя, наконец мы достигли;
Там, оплыватель морей, ожидал нас корабль финикийский;
Все собрались на корабль, и пошел он дорогою влажной,
Взяв нас, меня и ее, и Зевес ниспослал нам попутный
Ветер; шесть суток и денно и нощно мы по морю плыли.
Но на седьмой день, как то предназначено было Зевесом,
Вдруг Артемида изменницу быстрой убила стрелою:
Мертвая на пол она корабельный упала морскою
Курицей — рыбам ее и морским тюленям на съеденье
Бросили в море; а я там остался один, сокрушенный.
Волны и ветер попутный корабль принесли наш в Итаку;
Здесь я Лаэртом на деньги его был у хищников куплен.
Так я Итаку впервые своими глазами увидел».
Выслушав повесть, Евмею сказал Одиссей богоравный:
«Добрый Евмей, несказанно всю душу мою ты растрогал,
Мне повествуя, какие с тобою беды приключились;
С горем, однако, и радость тебе ниспослал многодарный
Зевс, проводивший тебя, претерпевшего много, в жилище
Кроткого мужа, который тебя и поит здесь и кормит
С нежной заботой; и жизнь ты проводишь веселую; мне же
Участь не та — без приюта брожу меж людей земнородных».
Так говоря о былых временах, напоследок и сами
В сон погрузились они, но на малое время; был краток
Сон их: взошла светлотронная Эос. В то время у брега,
Снасти убрав, Телемаховы спутники мачту спустили,

Быстро к причалу на веслах корабль привели и, закинув
Якорный камень, надежным канатом корабль утвердили у брега;
Сами же, вышед на брег, поражаемый шумно волною,
Вкусный обед приготовили с сладким вином пурпуровым.
Свой удовольствовав голод питьем и роскошной едою,
Так мореходцам сказал рассудительный сын Одиссеев:
«В город на веслах теперь отведите корабль чернобокий;
Сам же я в поле пойду навестить пастухов и порядком
Все осмотреть там; а вечером в город пешком возвращуся;
Завтра ж, друзья, в благодарность за ваше сопутствие, вас я
В дом наш со мной отобедать и выпить вина приглашаю».
Феоклимен богоравный тогда вопросил Телемаха:
«Сын мой, куда же пойти присоветуешь мне ты? К какому
Жителю горно-суровой Итаки мне в дом обратиться?
Или прямою дорогою в ваш дом пойти к Пенелопе?»
«Феоклимен,— отвечал рассудительный сын Одиссеев,—
В прежнее время тебя, не задумавшись, прямо бы в дом свой
Я пригласил: мы тебя угостили б как должно; теперь же
Худо там будет тебе без меня; ты увидеть не можешь
Матери милой; она, на глаза женихам не желая
Часто являться, сидит наверху за тканьем одиноко;
Но одного я из них назову, он доступнее прочих:
То Евримах благородный, Полибия умного сын; на него же
Смотрит в Итаке народ, как на бога, с почтеньем великим.
Он, без сомнения, лучший меж ними; усердней других он
С матерью брака, чтоб место занять Одиссеево, ищет;
Но лишь единый в эфире живущий Зевес Олимпиец
Ведает, что им судьбой предназначено — брак иль погибель?»
Кончил; и в это мгновение справа поднялся огромный
Сокол, посол Аполлонов, с пронзительным криком; в когтях он
Дикого голубя мчал и ощипывал; перья упали
Между Лаэртовым внуком и судном его быстроходным.
Феоклимен, то увидя, отвел от других Телемаха,
За руку взял, и по имени назвал, и шепотом молвил:
«Знай, Телемах, не без воли Зевеса поднялся тот сокол
Справа; я вещую птицу, его рассмотрев, угадал в нем.
Царственней вашего царского рода не может в Итаке
Быть никакой; навсегда вам владычество там сохранится».
Феоклимену ответствовал сын Одиссеев разумный:
«Если твое предсказание, гость чужеземный, свершится,
Будешь от нас угощен ты как друг и дарами осыпан
Так изобильно, что каждый, с кем встретишься, счастью такому
Будет дивиться». Потом он сказал, обратяся к Пирею:

«Клитиев сын, благородный Пирей, из товарищей, в Пилос
Вместе со мною ходивших, ты самый ко мне был усердный.
Будь же таков и теперь, пригласи моего чужеземца
В дом свой, и пусть там живет он, покуда я сам не приду к вам».
Выслушав, так отвечал Телемаху Пирей копьевержец:
«Сделаю все, и сколь долго бы в доме моем он ни прожил,
Буду его угощать, и ни в чем он отказа не встретит».
Кончил Пирей и, вступив на корабль, приказал, чтоб немедля
Люди взошли на него и причальный канат отвязали.
Люди, взошед на корабль, поместились на лавках у весел.
Тут, в золотые сандалии сын Одиссеев обувши
Ноги, свое боевое копье, заощренное медью,
С палубы взял; а гребцы отвязали канат и на веслах
К городу поплыли, судно отчалив, как то повелел им
Сын Одиссеев, подобный богам, Телемах благородный.
Сын Одиссеев тем временем шел и пришел напоследок
К дому, где множество было в закутах свиней и где с ними,
Сторож их, спал свинопас, Одиссеев слуга неизменный.

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

Тою порой Одиссей с свинопасом божественным, рано
Встав и огонь разложив, приготовили завтрак. Насытясь
Вдоволь, на паству погнали свиней пастухи. К Телемаху
Бросились дружно навстречу Евмеевы злые собаки;
Ластясь к идущему, прыгали дикие звери; услышав
Топот двух ног, подходящих поспешно, Лаэртов разумный
Сын, изумившийся, бросил крылатое слово Евмею:
«Слышишь ли, добрый хозяин? Там кто-то идет, твой товарищ
Или знакомец; собаки навстречу бегут и, не лая,
Машут хвостами; шаги подходящего явственно слышу».
Слов он еще не докончил, как в двери вошел, он увидел,
Сын; в изумленье вскочил свинопас; уронил из обеих
Рук он сосуды, в которых студеную смешивал воду
С светло-пурпурным вином. К своему господину навстречу
Бросясь, он голову, светлые очи и милые руки
Стал у него целовать, и из глаз полилися ручьями
Слезы; как нежный отец с несказанной любовью ласкает
Сына, который внезапно явился ему через двадцать

Лет по разлуке — единственный, поздно рожденный им, долго
Жданный в печали,— с такой свинопас Телемаха любовью,
Крепко обнявши, всего целовал, как воскресшего; плача
Взрыд, своему господину он бросил крылатое слово:
«Ты ль, ненаглядный мой свет, Телемах, возвратился? Тебя я,
В Пилос отплывшего, видеть уже не надеялся боле.
Милости просим, войди к нам, дитя мое милое; дай мне
Очи тобой насладить, возвратившимся в дом свой; доныне
В поле не часто к своим пастухам приходил ты; но боле
В городе жил меж народа: знать, было тебе не противно
Видеть, как в доме твоем без стыда женихи бунтовали».
Сын Одиссеев разумный ответствовал так свинопасу:
«Правду сказал ты, отец; но теперь для тебя самого я
Здесь: повидаться пришел я с тобою, Евмей, чтоб проведать,
Дома ль еще Пенелопа иль браком уже сочеталась
С кем из своих женихов, Одиссеево ж ложе пустое
В спальной стоит одиноко, покрытое злой паутиной?»
Кончил. Ему отвечая, сказал свинопас богоравный:
«Верность тебе сохраняя, в жилище твоем Пенелопа
Ждет твоего возвращенья с тоскою великой и тратит
Долгие дни и бессонные ночи в слезах и печали».
Так говоря, у него он копье медноострое принял;
В дом тут вступил Телемах, через гладкий порог переступив.
С места поспешно вскочил перед ним Одиссей; Телемах же,
Место отрекшись принять, Одиссею сказал: «Не трудися,
Странник, сиди; для меня, уж конечно, найдется местечко
Здесь; мне очистить его не замедлит наш умный хозяин».
Так он сказал; Одиссей возвратился на место; Евмей же
Прутьев зеленых охапку принес и покрыл их овчиной;
Сын Одиссеев возлюбленный сел на нее; деревянный
С мясом, от прошлого дня сбереженным, поднос перед милым
Гостем поставил усердный Евмей свинопас, и корзину
С хлебом большую принес, и наполнил до самого края
Вкусно-медвяным вином деревянную чашу. Потом он
Сел за готовый обед с Одиссеем божественным рядом.
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
Был удовольствован голод их сладким питьем и едою,
Так свинопасу сказал Телемах богоравный: «Отец мой,
Кто чужеземный твой гость? На каком корабле он в Итаку
Прибыл? Какие его привезли корабельщики? В край наш
(Это, конечно, я знаю и сам) не пешком же пришел он».
Так отвечал Телемаху Евмей, свинопас богоравный:
«Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;

Он уроженец широкоравнинного острова Крита,
Многих людей города, говорит, посетил и немало
Странствовал: так для него уж судьбиною соткано было.
Ныне ж, бежав с корабля от феспротов, людей злокозненных,
В хижину нашу пришел он; тебе я его уступаю;
Делай что хочешь: твоей он защите себя поверяет».
Сын Одиссеев разумный ответствовал так свинопасу:
«Добрый Евмей, ты для сердца печальное слово сказал мне;
Как же могу я в свой дом пригласить твоего чужеземца?
Я еще молод; еще я своею рукой не пытался
Дерзость врага наказать, мне нанесшего злую обиду;
Мать же, рассудком и сердцем колеблясь, не знает, что выбрать,
Вместе ль со мною остаться и дом содержать наш в порядке,
Честь Одиссеева ложа храня и молву уважая,
Иль наконец предпочесть из ахейцев того, кто усердней
Ищет супружества с ней и дары ей щедрее приносит;
Но чужеземцу, которого гостем ты принял, охотно
Мантию я подарю, и красивый хитон, и подошвы
Ноги обуть; да и меч от меня он получит двуострый;
После и в сердцем желанную землю его я отправлю;
Пусть он покуда живет у тебя, угощаемый с лаской;
Платье ж сюда я немедля пришлю и с запасом для вашей
Пищи, дабы от убытка избавить тебя и домашних.
В город ходить к женихам я ему не советую; слишком
Буйны они и в поступках своих необузданно-дерзки;
Могут обидеть его, для меня бы то было прискорбно;
Сам же я их укротить не могу: против многих и самый
Сильный бессилен, когда он один; их число там велико».
Царь Одиссей хитроумный ответствовал так Телемаху:
«Если позволишь ты мне, мой прекрасный, сказать откровенно,—
Милым я сердцем жестоко досадую, слыша, как много
Вам женихи беззаконные здесь оскорблений наносят,
Дом захвативши такого, как ты, молодого героя:
Знать бы желал я, ты сам ли то волею сносишь? Народ ли
Вашей земли ненавидит тебя, по внушению бога?
Или, быть может, ты братьев винишь, на которых отважность
Муж полагается каждый при общем великом раздоре?
Если б имел я и свежую младость твою, и отважность —
Или когда бы возлюбленный сын Одиссеев, иль сам он,
Странствуя, в дом возвратился (еще не пропала надежда) —
Первому встречному голову мне бы отсечь я позволил,

Если бы, им на погибель, один не решился проникнуть
В дом Одиссея, Лаэртова сына, чтоб выгнать оттуда
Шайку их. Если б один я с толпой и не сладил, то все же
Было бы лучше мне, в доме моем пораженному, встретить
Смерть, чем свидетелем быть там бесчинных поступков и видеть,
Как в нем они обижают гостей, как рабынь принуждают
Их угождать вожделениям гнусным в обителях царских,
Как расточают и хлеб и вино, беспощадно запасы
Все истребляя и главного дела окончить не мысля».
«Добрый наш гость,— отвечал рассудительный сын Одиссеев,—
Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
Нет, ни мятежный народ не враждует со мною, ни братьев
Также моих не могу я винить, на которых отважность
Муж полагается каждый при общем раздоре, понеже
В каждом колене у нас, как известно, всегда лишь один был
Сын; одного лишь Лаэрта имел прародитель Аркесий;
Сын у Лаэрта один Одиссей; Одиссей равномерно
Прижил меня одного с Пенелопой. И был я младенцем
Здесь им оставлен, а дом наш заграбили хищные люди.
Все, кто на разных у нас островах знамениты и сильны,
Первые люди Дулихия, Зама, лесного Закинфа,
Первые люди Итаки утесистой мать Пенелопу
Нудят упорно ко браку и наше имение грабят;
Мать же ни в брак ненавистный не хочет вступить, ни от брака
Средств не имеет спастись; а они пожирают нещадно
Наше добро и меня самого напоследок погубят.
Но, конечно, того мы не знаем, что в лоне бессмертных
Скрыто. Теперь побеги ты, Евмей, к Пенелопе разумной
С вестью о том, что из Пилоса я невредим возвратился.
Сам же останусь я здесь у тебя; приходи к нам скорее.
Но берегись, чтоб никто не проведал, опричь Пенелопы,
Там, что я дома: там многие смертию мне угрожают».
Так Телемаху сказал ты, Евмей, свинопас богоравный:
«Знаю, все знаю, и все мне понятно, и все, что велишь ты,
Будет исполнено; ты же еще мне скажи откровенно,
Хочешь ли также, чтоб с вестью пошел я и к деду Лаэрту?
Бедный старик! Он до сих пор, хотя и скорбел о далеком
Сыне, но все наблюдал за работами в поле и, голод
Чувствуя, ел за обедом и пил, как бывало, с рабами.
С той же поры, как пошел в корабле чернобоком ты в Пилос,
Он, говорят, уж не ест и не пьет, и его никогда уж

В поле никто не встречает, но, охая тяжко и плача,
Дома сидит он, исчахлый, чуть дышащий, кожа да кости».
Сын Одиссеев разумный ответствовал так свинопасу:
«Жаль! Но его, как ни горько мне это, оставить должны мы;
Если бы все по желанию смертных, судьбине подвластных,
Делалось, я пожелал бы, чтоб прибыл отец мой в Итаку.
Ты же, увидевши мать, возвратись, заходить не заботясь
В поле к Лаэрту, но матери можешь сказать, чтоб немедля,
Тайно от всех, и чужих и домашних, отправила к деду
Ключницу нашу обрадовать вестью нежданною старца».
Кончив, велел он идти свинопасу. Взяв в руки подошвы,
Под ноги их подвязал он и в город пошел. От Афины
Не было скрыто, что дом свой Евмей, удаляся, покинул;
Тотчас явилась богиня, младою, прекрасною, с станом
Стройно-высоким, во всех рукодельях искусною девой;
В двери вступив, Одиссею предстала она; Телемаху ж
Видеть себя не дала, он ее не приметил: не всем нам
Боги открыто являются; но Одиссей мог очами
Ясно увидеть ее, и собаки увидели также:
Лаять не смея, они, завизжав, со двора побежали.
Знак головою она подала. Одиссей, догадавшись,
Вышел из хижины; подле высокой ограды богиню
Встретил он; слово к нему обращая, сказала Афина:
«Друг Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Можешь теперь ты открыться и все рассказать Телемаху;
Оба, условяся, как женихам приготовить их гибель,
Вместе подите немедля вы в город; сама я за вами
Скоро там буду, и мстительный бой совершим совокупно».
Кончив, жезлом золотым прикоснулась она к Одиссею:
Тотчас опрятным и вымытым чисто хитоном покрылись
Плечи его; он возвышенней сделался станом, моложе
Светлым лицом, посмуглевшие щеки стали полнее;
Черной густой бородою покрылся его подбородок.
Собственный образ ему возвративши, богиня исчезла.
В хижину снова вступил Одиссей; Телемах, изумленный,
Очи потупил: он мыслил, что видит бессмертного бога.
В страхе к отцу обратяся, он бросил крылатое слово:
«Странник, не в прежнем теперь предо мной ты являешься виде;
Платье не то на тебе, и совсем изменился твой образ;
Верно, один из богов ты, владык беспредельного неба;
Будь же к нам благостен; золота много тебе принесем мы
Здесь с гекатомбой великой, а ты нас, могучий, помилуй».

Сыну ответствовал так Одиссей, в испытаниях твердый:
«Нет, я не бог; как дерзнул ты бессмертным меня уподобить?
Я Одиссей, твой отец, за которого с тяжким вздыханьем
Столько обид ты терпел, притеснителям злым уступая».
Кончив, с любовию сына он стал целовать, и с ресницы
Пала на землю слеза — удержать он ее был не в силах.
Но — что пред ним был желанный отец Одиссей, не поверя,—
Снова, ему возражая, сказал Телемах богоравный:
«Нет, не отец Одиссей ты, но демон, своим чародейством
Очи мои ослепивший, чтоб после я горестней плакал;
Смертному мужу подобных чудес совершать невозможно
Собственным разумом: может лишь бог превращать во мгновенье
Волей своей старика в молодого и юношу в старца;
Был ты сначала старик, неопрятно одетый; теперь же
Вижу, что свой ты богам, беспредельного неба владыкам».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Нет, Телемах, не чуждайся отца, возвращенного в дом свой;
Также и бывшему чуду со мною не слишком дивися;
К вам никакой уж другой Одиссей, говорю я, не будет,
Кроме меня, претерпевшего в странствиях много и ныне
Волей богов приведенного в землю отцов через двадцать
Лет. А мое превращенье было богини Афины,
Мощной добычницы, дело; возможно ей все; превращен был
Прежде я в старого нищего ею, потом в молодого,
Крепкого мужа, носящего чистое платье на теле;
Вечным богам, беспредельного неба владыкам, легко нас,
Смертных людей, наделять и красой, и лицом безобразным».
Так он ответствовав, сел; Телемах в несказанном волненье
Пламенно обнял отца благородного с громким рыданьем.
В сердце тогда им обоим проникло желанье плача:
Подняли оба пронзительный вопль сокрушенья; как стонет
Сокол иль крутокогтистый орел, у которых охотник
Выкрал еще некрылатых птенцов из родного гнезда их,
Так, заливаясь слезами, рыдали они и стонали
Громко; и в плаче могло б их застать заходящее солнце,
Если бы вдруг не спросил Телемах, обратясь к Одиссею:
«Как же, отец, на каком корабле ты, какою дорогой
Прибыл в Итаку? Кто были твои корабельщики? В край наш
(Это, конечно, я знаю и сам) не пешком же пришел ты».
Сыну ответствовал так Одиссей, в испытаниях твердый:
«Все я, мой сын, расскажу, ничего от тебя не скрывая;
Славные гости морей феакийцы меня привезли к вам;

Всех, кто их помощи просит, они по морям провожают.
Спал я, когда мы достигли Итаки, и сонный был ими
На берег вынесен (щедро меня, отпуская в дорогу,
Золотом, медью и платьем богатым они одарили:
Все то по воле бессмертных здесь спрятано в гроте глубоком).
Прислан сюда я богиней Афиной затем, чтоб с тобою
Вместе врагов истребление здесь на свободе устроить.
Ты же теперь назови женихов и число их скажи мне;
Должно, чтоб ведал я, кто и откуда они и как много
Там их, дабы, все подробно обдумав рассудком и сердцем,
Мы разрешили, возможно ль двоим, никого не призвавши
В помощь, их всех одолеть иль другие помощники нужны?»
Кончил. Ему отвечая, сказал Телемах благородный:
«Слышал я много, отец, о деяньях твоих многославных;
Как ты разумен в совете, какой копьевержец могучий —
Но о несбыточном мне ты теперь говоришь, невозможно
Двум нам со всею толпой женихов многосильных бороться.
Должен ты знать, что числом их не десять, не двадцать: гораздо
Более; всех перечесть их тебе я могу по порядку;
Слушай: пришло их с Дулихия острова к нам пятьдесят два,
Знатны все родом они, шесть служителей с ними; с Закинфа
Острова прибыло двадцать; а с темнолесистого Зама
Двадцать четыре: все знатных отцов сыновья; напоследок
К ним мы и двадцать должны из Итаки причесть, при которых
Фемий, певец богоравный, глашатай Медонт и проворных
Двое рабов, соблюдать за обедом порядок искусных.
Если с такою толпою бороться одни мы замыслим,
Будет нам мщение горько, возврат твой погибелен будет;
Лучше подумай о том, не найдется ль помощник, который
Мог бы за нас постоять, благосклонно подавши нам руку?»
Сыну ответствовал так Одиссей, в испытаниях твердый:
«Выслушай то, что скажу, и в уме сохрани, что услышишь:
Если б Кронион отец и Паллада великая были
Наши помощники, стали ль тогда б мы приискивать новых?»
Кончил. Ему отвечая, сказал Телемах богоравный:
«Подлинно ты мне надежных помощников назвал; высоко,
Правда, они в облаках обитают; но оба не нам лишь
Смертным одним, но и вечным богам всемогуществом страшны».
Сыну ответствовал так Одиссей, в испытаниях твердый:
«Оба они не останутся долго от нас в отдаленье
В час воздаянья, когда у меня с женихами в жилище
Царском последний Ареев расчет смертоносный начнется.

Завтра поутру, лишь только подымется Эос, ты в город
Прямо пойдешь; там останься в толпе женихов многобуйных.
Позже туда я приду с свинопасом Евмеем под видом
Старого нищего в рубище бедном. Когда там ругаться
Станут они надо мною в жилище моем, не давай ты
Милому сердцу свободы, и что б ни терпел я, хотя бы
За ногу вытащен был из палаты и выброшен в двери
Или хотя бы в меня чем швырнули — ты будь равнодушен.
Можешь, конечно, сказать иногда (чтоб унять их буянство)
Кроткое слово, тебя не послушают; будет напрасно
Все: предназначенный день их погибели близко; терпенье!
Слушай теперь, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
Я в ту минуту, когда свой совет мне на сердце положит
Втайне Афина, тебе головою кивну; то заметя,
Все из палаты, какие ни есть там, доспехи Арея
Вверх отнеси и оставь там, их кучею в угол сложивши;
Если ж, приметив, что нет уж в палате там бывших оружий,
Спросят о них женихи, ты тогда отвечай им: «В палате
Дымно; уж сделались вовсе они не такие, какими
Здесь их отец Одиссей, при отбытии в Трою, покинул:
Ржавчиной все от огня и от копоти смрадной покрылись.
Мне же и высшую в сердце влагает Зевес осторожность:
Может меж вами от хмеля вражда загореться лихая;
Кровью тогда сватовство и торжественный пир осквернится:
Само собой прилипает к руке роковое железо».
Нам же двоим два копья, два меча ты отложишь и с ними
Два из воловьей кожи щита приготовишь, чтоб в руки
Взять их, когда нападенье начнем; женихам же, конечно,
Ум ослепят всемогущий Зевес и Афина Паллада.
Слушай теперь, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
Если ты вправду мой сын и от крови моей происходишь,
Тайну храни, чтоб никто о моем возвращенье не сведал
Здесь, ни Лаэрт, мой отец, ни Евмей свинопас, ни служитель
Царского дома какой, ни сама Пенелопа; мы двое —
Ты лишь да я — наблюдать за рабынями нашими будем;
Также и многих рабов испытанью подвергнем, чтоб сведать,
Кто между ними тебя и меня уважает и любит,
Кто, нас забыв, оскорбляет тебя, столь достойного чести».
Так, возражая отцу, отвечал Телемах многославный:
«Сердце мое ты, отец, уповаю я, скоро на самом
Деле узнаешь; и дух мой не слабым найдешь ты, конечно.
Думаю только, что опыту всех подвергать бесполезно
Будет для нас; я об этом тебя убеждаю размыслить:

Много истратится времени, если испытывать всех их,
Каждого порознь, начнем мы тогда, как враги беззаботно
Будут твой дом разорять и твое достояние грабить.
Но я желаю и сам, чтоб, подвергнувши опыту женщин,
Мог отличить ты порочных от честных и верных; рабов же
Трудно испытывать всех, одного за другим, на работе
Порознь живущих; то сделаешь после в досужное время,
Если уж подлинно знак ты имел от владыки Зевеса».
Так говорили о многом они, собеседуя сладко.
Тою порой крепкозданный корабль, Телемаха носивший
В Пилос с дружиной, приблизился к брегу Итаки. Когда же
В пристань глубокую острова судно ввели мореходцы,
На берег вздвинуть они поспешили его совокупной
Силой; а слуги проворные, судно совсем разгрузивши,
В Клитиев дом отнесли все подарки царя Менелая.
В царский же дом Одиссеев был вестник пловцами немедля
Послан сказать Пенелопе разумной, что сын, возвратяся,
В поле пошел, кораблю же прямою дорогою в город
Плыть повелел (чтоб о сыне собственном в сердце тревожась,
Плакать напрасно о нем перестала царица). Тот вестник
Встретился, путь свой окончить спеша, с свинопасом, который
С вестью подобной к своей госпоже Телемахом был послан.
К дому царя многославного оба пришли напоследок.
Вслух перед всеми рабынями вестник сказал Пенелопе:
«Прибыл обратно в Итаку возлюбленный сын твой, царица».
Но свинопас подошел к Пенелопе и на ухо все ей,
Что Телемах повелел рассказать, прошептал осторожно.
Кончив рассказ и исполнив свое поручение, царский
Дом он оставил и в поле к свиньям возвратился поспешно.
Но женихи, пораженные, духом уныли; покинув
Залу, они у ограды высокого царского дома
Рядом на каменных гладких скамьях за воротами сели.
Так говорить им тогда Евримах, сын Полибиев, начал:
«Горе нам! Дело великое сделал, так смело отправясь
В путь, Телемах, от него мы подобной отваги не ждали.
Должно нам, черный, удобнейший к бегу, корабль изготовив,
В нем мореходных отправить людей, чтоб они убедили
Наших товарищей в город как можно скорей возвратиться».
Кончить еще не успел он, как, с места на пристань взглянувши,
Только что к брегу приставший корабль Амфином усмотрел там;
Снасти и весла на нем убирали пловцы. Обратяся
С радостным смехом к товарищам, так он сказал: «Не трудитесь

Вести своей посылать понапрасну: они возвратились.
Видно, их бог надоумил какой иль увидели сами
Быстро бегущий корабль и настигнуть его не успели».
Так он сказал; те, поднявшись, пошли всей толпою на пристань.
На берег скоро был вздвинут корабль чернобокий пловцами,
Бодрые слуги немедля сгрузили с него всю поклажу;
Сами ж на площади все женихи собрались; но с собою
Там никому заседать не дозволили. Так напоследок,
К ним обратясь, Антиной, сын Евпейтов надменный, сказал им:
«Горе! Бессмертные сами его от беды сохранили!
Каждый там день сторожа на лобзаемых ветром вершинах
Друг подле друга толпою сидели; когда ж заходило
Солнце, мы, берег покинув, всю ночь в корабле быстроходном
По морю плавали взад и вперед до восхода Денницы,
Тщетно надеясь, что встретим его и немедля погубим.
Демон тем временем в пристань его проводил невредимо.
Мы же над ним совершить, что замыслили вместе, удобно
Можем и здесь; он от нас не уйдет; но до тех пор, покуда
Жив он, исполнить намеренье наше мы будем не в силах;
Он возмужал и рассудком созрел для совета и дела;
Люди ж Итаки не с прежней на нас благосклонностью смотрят.
Должно нам прежде — пока он народа не созвал на помощь —
Кончить, понеже он медлить, как я в том уверен, не станет.
Злобой на нас разразившись, при целом народе он скажет,
Как мы его погубить сговорились и в том не успели;
Тайного нашего замысла, верно, народ не одобрит;
Могут, озлобясь на наши поступки, и нас из отчизны
Выгнать, и все мы тогда по чужим сторонам разбредемся.
Можем напасть на него мы далеко от города в поле,
Можем близ города выждать его на дороге; тогда нам
Все разделить их придется имущество; дом же уступим
Мы Пенелопе и мужу, избранному ею меж нами.
Если же вам не угоден совет мой и если хотите
Жизнь вы ему сохранить, чтоб отцовским владел достояньем,—
То пировать нам по-прежнему, в доме его собираясь,
Будет нельзя, и уж каждый особо, в свой дом возвратяся,
Свататься станет, подарки свои присылая; она же
Выберет доброю волей того, кто щедрей и приятней».
Так говорил он; сидя неподвижно, внимали другие.
Тут, обратяся к собранью, сказал Амфином благородный,
Нисов блистательный сын, от Аретовой царственной крови;
Злачный Дулихий, пшеницей богатый, покинув, в Итаке
Он отличался от всех женихов и самой Пенелопе

Нравился умною речью, благими лишь мыслями полный.
Так, обратяся к собранью, сказал Амфином благородный:
«Нет! Посягать я на жизнь Телемаха, друзья, не желаю;
Царского сына убийство есть страшно-безбожное дело;
Прежде богов вопросите, чтоб сведать, какая их воля;
Если Зевесом одобрено будет намеренье наше,
Сам соглашусь я его поразить и других на убийство
Вызову; если ж Зевес запретит, мой совет: воздержитесь».
Так он сказал, подтвердили его предложенье другие.
Вставши, все вместе они возвратилися в дом Одиссея;
В дом же вступив, там на стульях они поместилися гладких.
Но Пенелопа разумная, дело иное придумав,
Вышла к своим женихам многобуйным из женских покоев;
Слух к ней достигнул о замысле тайном на жизнь Телемаха:
Все благородный глашатай Медонт ей открыл; и, поспешно,
Взявши с собой двух служанок, она, божество меж женами,
В ту палату вступив, где ее женихи пировали,
Подле столба, потолок там высокий державшего, стала,
Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим.
Речь к Антиною свою обратив, Пенелопа сказала:
«Злой кознодей, Антиной необузданный, словом и делом
Ты из товарищей самый разумнейший — так здесь в Итаке
Все утверждают. Но где же и в чем твой прославленный разум?
Бешеный! Что побуждает тебя Телемаху готовить
Смерть и погибель? Зачем ты сирот притесняешь, любезных
Зевсу? Неправ человек, замышляющий ближнему злое.
Иль ты забыл, как отец твой сюда прибежал, устрашенный
Гневом народа, которым гоним был за то, что, приставши
К шайке тафийских разбойников, с ними ограбил феспротов,
Наших союзников верных? Его здесь народ порывался
Смерти предать и готов у него был исторгнуть из груди
Сердце и все, что имел он в Итаке, предать истребленью;
Но Одиссей, за него заступившись, народ успокоил;
Ты ж Одиссеево грабишь богатство, жену Одиссея
Мучишь своим сватовством, Одиссееву сыну готовишь
Смерть. Удержись! Говорю и тебе и другим в осторожность».
Тут Евримах, сын Полибиев, так отвечал Пенелопе:
«О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Будь беззаботна; зачем ты такой предаешься тревоге?
Не было, нет и не будет из нас никого, кто б помыслил
Руку поднять на убийство любимца богов Телемаха.
Нет! И покуда я жив и покуда очами я землю
Вижу, тому не бывать, иль — скажу перед всеми, и верно

Сбудется слово мое,— обольется убийца своею
Кровью, моим пораженный копьем; Одиссей, не забыл я,
Брал здесь нередко меня на колени и мяса куски мне
Клал на ладонь и вина благовонного выпить давал мне.
Вот почему и всех боле людей я люблю Телемаха.
Нет! Никогда он убийства не должен страшиться, по крайней
Мере от нас, женихов. Но судьбы избежать невозможно».
Так говорил он, ее утешая, а мыслил иное.
Но Пенелопа, к себе возвратяся, там в светлых покоях
Плакала горько о милом своем Одиссее, покуда
Сладкого сна не свела ей на очи богиня Афина.
Смерклось, когда к Одиссею и к сыну его возвратился
Старый Евмей. Он нашел их, готовящих ужин, зарезав
Взятую в стаде свинью годовалую. Прежде, однако,
Тайно пришед, Одиссея богиня Афина ударом
Трости своей превратила по-прежнему в хилого старца,
Рубищем жалким одевши его, чтоб Евмей благородный
С первого взгляда его не узнал и (сберечь неспособный
Тайну) не бросился в город обрадовать вестью царицу.
Встретив его на пороге, сказал Телемах: «Наконец ты,
Честный Евмей, возвратился. Скажи же, что видел? Что
слышал?
В город обратно пришли ль наконец женихи из засады?
Или еще там сидят и меня стерегут на дороге?»
Так, отвечая, сказал Телемаху Евмей благородный:
«Сведать о них и расспрашивать мне не входило и в мысли;
В городе я об одном лишь заботился: как бы скорее
Данное мне порученье исполнить и к вам возвратиться.
Шедши ж туда, я с гонцом, от ходивших с тобой мореходцев
Посланным, встретился — первый он все объявил Пенелопе;
Только одно расскажу я, что видел своими глазами:
К городу близко уже, на вершине Эрмейского холма,
Был я, когда быстролетный, в глубокую нашу входящий
Пристань, корабль усмотрел; я приметил, что было в нем
много
Ратных; щитами, двуострыми копьями ярко блистал он;
Это они, я подумал: но правда ли? Знать мне не можно».
Так он сказал. Телемахова сила святая блеснула
Легкой улыбкою в очи отцу, неприметно Евмею.
Кончив работу и пищу состряпав, они с свинопасом
Сели за стол, и порадовал душу им ужин; когда же
Был удовольствован голод их сладкой едою, о ложе
Каждый подумал; и сна благодать ниспослали им боги.

Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Сын Одиссеев, любезный богам, Телемах благородный,
К светлым ногам привязав золотые сандалии, в руку
Взял боевое копье, заощренное медью, которым
Ловко владел, и, готовый в дорогу, сказал свинопасу:
«В город иду я, отец, чтоб утешить свиданьем со мною
Милую мать: без сомненья, дотоле крушиться и горько
Плакать она, безутешная, будет, пока не увидит
Сына своими глазами; тебе же, Евмей, поручаю
Этого странника; в город поди с ним, дабы подаяньем
Мог он себя прокормить; там подаст, кто захочет,
Хлеба ему иль вина. Мне нельзя на свое попеченье
Всякого нищего брать; и своих уж забот мне довольно;
Если же этим обидится твой чужеземец, тем хуже
Будет ему самому; я люблю говорить откровенно».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Здесь неохотно и сам бы я, друг, согласился остаться;
Нашему брату обед добывать подаянием легче
В городе, нежели в поле: там каждый дает нам, что хочет.
Мне ж не по летам смотреть за скотиной и всякую службу
С тяжким трудом отправлять, пастухам повинуяся. Добрый
Путь, мой прекрасный; меня же проводит хозяин, когда я
Здесь у огня посогреюсь, когда на дворе потеплеет;
В рубище этом мне холодно; тело насквозь проницает
Утренник резкий; до города ж, вы говорите, не близко».
Так отвечал Одиссей. Телемах благородный поспешным
Шагом пошел со двора, и недоброе в мыслях готовил
Он женихам. Наконец он пришел беспрепятственно в дом свой.
Там, боевое копье прислонивши к высокой колонне,
Он через двери высокий порог перешел и увидел
Первую в доме усердную няню свою Евриклею:
Мягкие клала на стулья овчины старушка. Потоком
Слез облилася, увидя его, Евриклея; и скоро
Все собрались Одиссеева дома рабыни; и с плачем
Голову, плечи и руки они у него лобызали.
Вышла разумная тут из покоев своих Пенелопа,
Светлым лицом с золотой Афродитой, с младой Артемидой
Сходная; сына она обняла и с любовию нежной
Светлые очи, и руки, и голову стала, рыдая
Громко, ему целовать и крылатое бросила слово:

«Ты ль, ненаглядный мой, милый мой сын, возвратился? Тебя я
Видеть уже не надеялась боле, отплывшего в Пилос
Тайно, со мной не простясь, чтоб узнать об отце отдаленном.
Все расскажи мне теперь по порядку, что видел, что слышал».
Ласково ей отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Милая мать, не печаль мне души и тревоги напрасной
В грудь не вливай мне, спасенному чудно от гибели верной;
Но, сотворив омовенье и чистой облекшись одеждой,
Вместе с рабынями в верхний покой свой поди и с молитвой
Там обещание дай принести гекатомбу бессмертным,
Если врагов наказать нам поможет Зевес Олимпиец.
Сам я на площадь пойду, чтоб позвать чужеземца, который
Ныне со мною, когда возвращался я, прибыл в Итаку:
Вместе с моими людьми он сюда наперед был отправлен;
В город его проводить поручил я Пирею, дабы он
В доме его подождал моего возвращения с поля».
Так говорил он, и слово его не промчалося мимо
Слуха царицы. Омывшись и чистой облекшись одеждой,
Вечным богам обещала она принести гекатомбу,
Если врагов наказать им поможет Зевес Олимпиец.
Тою порой Телемах из высокого царского дома
Вышел с копьем; две лихие за ним побежали собаки;
Образ его несказанной красой озарила Афина
Так, что дивилися люди, его подходящего видя.
Все вкруг него собрались женихи многобуйные; каждый
Доброе с ним говорил, замышляя недоброе в сердце.
Скоро, от их многолюдной толпы отделясь, подошел он
К месту, где Ментор сидел и при нем Антифат с Алиферсом,
В сердце своем сохранившие верность царю Одиссею.
Севши близ них, о себе он им все рассказал, что случилось.
Скоро явился Пирей, копьевержец, и Феоклимен с ним
Вместе пришел, погулявши по улицам города; не был
Долго к нему Телемах без вниманья; к нему подошел он.
Первое слово сказал тут Пирей Одиссееву сыну:
«В дом мой пошли, Телемах благородный, невольниц, чтоб взяли
Там все подарки, которые ты получил от Атрида».
Так, отвечая Пирею, сказал Телемах богоравный:
«Нам неизвестно, мой верный Пирей, чем окончится дело;
Если в жилище моем женихами надменными тайно
Буду убит я, они все имущество наше разделят;
Лучше тогда, чтоб твоим, а не их те подарки наследством
Были; но если на них обратится губящая Кера —

Все мне, веселому, сам веселящийся, в дом принесешь ты».
Кончив, повел за собою он многострадавшего гостя
В дом свой, и скоро туда беспрепятственно прибыли оба.
Там, положивши на кресла и стулья свои все одежды,
Начали в гладких купальнях они омываться. Когда же
Их и омыла, и чистым елеем натерла рабыня,
В тонких хитонах, облекшись в косматые мантии, оба
Вышед из гладких купален, они поместились на стульях.
Тут принесла на лохани серебряной руки умыть им
Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня,
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно, чтоб пищей они насладились.
Против же них, невдали от двухстворных дверей, Пенелопа
В креслах за пряжей сидела и тонкие нити сучила.
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
Был удовольствован голод их сладкой едой, Пенелопа,
Старца Икария дочь многоумная, сыну сказала:
«Видно, мне лучше на верх мой уйти и лежать одиноко
Там на постели, печалью перестланной, горьким потоком
Слез обливаемой с самых тех пор, как в далекую Трою
Мстить за Атрида пошел Одиссей,— ты, я вижу, не хочешь,
Прежде чем здесь женихи многобуйные вновь соберутся,
Мне рассказать, что узнал об отце: возвратился ль он, жив ли?»
«Милая мать,— отвечал рассудительный сын Одиссеев,—
Слушай, я все расскажу, ничего от тебя не скрывая.
Прежде мы прибыли в Пилос, где пастырь людей многославный
Нестор меня в благолепно-устроенном принял жилище,
Принял так нежно, как сына отец принимает, когда он
В дом возвращается, долго напрасно им жданный; так Нестор
Сам и его сыновья многославные были со мною
Ласковы. Но об отце ничего рассказать он не мог мне;
Жив ли, скитается ль где на земле иль погиб уж, об этом
Слухов к нему не дошло. К Менелаю Атриду меня он,
Дав мне коней с колесницею кованой, в Спарту отправил.
Там я увидел Елену Аргивскую, многих ахеян,
Многих троян погубившую, волей богов всемогущих.
Царь Менелай, вызыватель в сраженье, спросил, за какою
Нуждою прибыл к нему я в божественный град Лакедемон?
Все рассказал я подробно ему, ничего не скрывая.
Так на мои мне слова отвечал Менелай златовласый:
«О безрассудные! Мужа могучего брачное ложе,

Сами бессильные, мыслят они захватить произвольно!
Если бы в темном лесу у великого льва в логовище
Лань однодневных, сосущих птенцов положила, сама же
Стала по горным лесам, по глубоким, травою обильным
Долам бродить и обратно бы лев прибежал в логовище —
Разом бы страшная участь птенцов беспомощных постигла;
Страшная участь постигнет и их от руки Одиссея.
Если б,— о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! —
В виде таком, как в Лесбосе, обильно людьми населенном,—
Где, с силачом Филомиледом выступив в бой рукопашный,
Он опрокинул врага на великую радость ахейцам,—
Если бы в виде таком женихам Одиссей вдруг явился,
Сделался б брак им, судьбой неизбежной постигнутым, горек.
То же, о чем ты, меня вопрошая, услышать желаешь,
Я расскажу откровенно, и мною обманут не будешь;
Что самому возвестил мне морской проницательный старец,
То и тебе я открою, чтоб мог ты всю истину ведать.
Видел его на далеком он острове, льющего слезы
В светлом жилище Калипсо, богини богинь, произвольно
Им овладевшей; и путь для него уничтожен возвратный:
Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
Он безопасно пройти по хребту многоводного моря».
Вот что сказал мне Атрид Менелай, вызыватель в сраженье.
Спарту покинув, я поплыл назад, и послали попутный
Ветер нам боги — в отечество милое нас проводил он».
Кончил рассказ Телемах: взволновалась душа Пенелопы.
Феоклимен богоравный тогда ей сказал: «Не крушися,
Многоразумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Знает не все он; теперь на мое обратися вниманье
Слово: я то, что случиться должно, предскажу вам наверно;
Сам же Зевесом отцом, гостелюбною вашей трапезой,
Также святым очагом Одиссеева дома клянуся
В том, что в отечестве милом уже Одиссей, что сокрыт он
Где-нибудь в доме иль ходит, незнаемый, все узнавая
Здесь, и беду женихам неизбежную в мыслях готовит.
Вещая птица, которую видел вблизи корабля я,
То мне открыла, и все я тогда ж объявил Телемаху».
Феоклимену разумная так отвечала царица:
«Если твое предсказание, гость чужеземный, свершится,
Будешь от нас угощен ты как друг и дарами осыпан
Столь изобильно, что счастью такому все будут дивиться».
Так говорили о многом они, собеседуя сладко.
Тою порой женихи в Одиссеевом доме бросаньем

Дисков и дротиков острых себя забавляли, собравшись
Все на мощеном дворе, где бывали их шумные игры.
Но когда отовсюду с полей на обед им пригнали
Мелкий скот пастухи, приводившие к ним ежедневно
Коз и баранов, их кликнул глашатай Медонт; был любимец
Он женихов, и вседневно к столу их его приглашали.
«Юноши,— он им сказал,— вы играли довольно; войдите
В дом, и начнем наш обед совокупною силой готовить:
Знаете сами, что вовремя пища нам вдвое вкуснее».
Так он сказал им. Они, покоряся его приглашенью,
Встали и к дому пошли всей толпою; когда же вступили
В дом, положивши на гладкие кресла и стулья одежды,
Начали крупных баранов, откормленных коз и огромных,
Жиром налитых свиней убивать; был зарезан и тучный
Бык. И за стряпанье все принялися они. Той порою
В город идти с Одиссеем Евмей собрался; и, готовый
В путь, он сказал наконец, обратяся к Лаэртову сыну:
«Добрый мой гость, ты желаешь, чтоб нынче ж тебя проводил я
В город, как нам повелел господин мой,— сказать откровенно,
Лучше хотел бы я сторожем дома тебя здесь оставить;
Но приказанья боюсь не исполнить; бранить господин мой
Будет за это меня; а господская брань неприятна.
Время, однако, идти нам; уж боле прошло половины
Дня; с наступлением вечера холод пронзителен будет».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Знаю, все знаю, и все мне понятно, и все, как желаешь,
Точно исполню; пойдем же, и будь ты моим провожатым.
Только сыщи мне какой бы то ни было посох, чтоб мог я
Чем подпираться: дорога столь трудная, слышно, что шею
Можно сломить». Так сказав, на плеча он набросил котомку,
Всю в заплатах, висевшую вместо ремня на веревке.
Дал ему в руки Евмей суковатую палку; и оба
Вместе пошли, пастухов и собак сторожами оставив
Дома. И в город повел свинопас своего господина
В образе хилого старца, который чуть шел, подпираясь
Посохом, рубище в жалких лохмотьях набросив на плечи.
Тихо идя каменистой, негладкой тропой, напоследок
К городу близко они подошли. Находился там светлый
Ключ; обложен был он камнем, и брали в нем граждане воду.
В старое время Итак, Нерион и Поликтор прекрасный
Создали там водоем; окружен он был рощею темных
Ольх, над водою растущих; и падал студеной струею
Ключ в водоем со скалы, на вершине которой воздвигнут

Нимфам алтарь был; всегда приносили там путники жертву.
Там козовод повстречался им — сын Долионов Меланфий;
Коз, меж отборными взятых из стада, откормленных жирно,
В город он гнал женихам на обед; с ним товарищей двое
Было. Увидя идущих, он начал ругаться, и громко
Их поносил, и разгневал в груди Одиссеевой сердце.
«Подлинно здесь негодяй негодяя ведет,— говорил он,—
Права пословица: равного с равным бессмертные сводят.
Ты, свинопас бестолковый, куда путешествуешь с этим
Нищим, столов обирателем, грязным бродягой, который,
Стоя в дверях, неопрятные плечи об притолку чешет,
Крохи одни, не мечи, не котлы получая в подарок.
Мог бы у нас он, когда бы его к нам прислал ты, закуты
Наши стеречь, выметать их, козлятам подстилки готовить;
Скоро бы он раздобрел, простоквашей у нас обжираясь;
Это, однако, ему не по нраву, одно тунеядство
Любо ему; за работу не примется: лучше, таскаясь
По миру, хлебом чужим набивать ненасытный желудок.
Слушай, однако, и то, что услышишь, исполнится верно;
Если войти он отважится в дом Одиссея — скамеек
Много из рук женихов на его полетит там пустую
Голову; ребра, таская его, там ему обломают
Об пол». И, так говоря, Одиссея он, с ним поравнявшись,
Пяткою в ляжку толкнул, но с дороги не сбил, не принудил
Даже шатнуться. И в гневе своем уж готов был Лаэртов
Сын, побежавши за ним, суковатою палкою душу
Выбить из тела его иль, взорвавши на воздух, ударить
Оземь его головою. Но он удержался. Евмей же
Начал ругать оскорбителя; руки подняв, он воскликнул:
«Нимфы потока, Зевесовы дочери, если когда вам
Туком обвитые бедра козлов и баранов здесь в жертву
Царь Одиссей приносил, не отриньте мольбы, возвратите
Нам Одиссея; да благостный демон его нам проводит!
Выгнал тогда б из тебя он надменные мысли, забыл бы
Ты как шальной по дорогам шататься и бегать без дела
В город, стада под надзором неопытных слуг оставляя».
Кончил. Меланфий, на то возражая, сказал свинопасу:
«Что ты, собака, рычишь? Колдовство ли какое замыслил?
Дай срок, тебя, как товар, в корабле чернобоком отсюда
Я увезу и продам в иноземье за добрые деньги;
Здесь же иль сам Аполлон сребролукий сразит Телемаха
Тихой стрелой, иль, мечом женихов пораженный, погибнет
Он, как отец, на чужбине утративший день возвращенья».

Так он сказал и ушел, на дороге оставив обоих,
Медленней шедших; достигнув обители царской, он прямо
Там в пировую палату вступил и за стол с женихами
Сел Евримаха напротив, к которому был он усердней,
Нежели к прочим; ему предложил тут служитель мясного,
Ключница хлеба дала и еды из запаса; он начал
Есть. Той порой Одиссей подошел с свинопасом Евмеем
К царскому дому; и вдруг им оттуда послышались струны
Цитры глубокой, потом раздалося и пение; Фемий
Пел; Одиссей, ухватясь за Евмееву руку, воскликнул:
«Друг, мы, конечно, пришли к Одиссееву славному дому.
Может легко быть он узнан меж всеми другими домами:
Длинный ряд горниц просторных, широкий и чисто мощенный
Двор, обведенный зубчатой стеною, двойные ворота
С крепким замком — в них ворваться насильно никто
не помыслит.
Думаю я, что теперь там обедают; пар благовонный
Мяса я чувствую; слышу и стройно звучащие струны
Цитры, богами в сопутницы пиру веселому данной».
Так отвечал Одиссею Евмей, свинопас богоравный:
«Правда, и все ты, как есть, угадал; человек ты разумный;
Прежде, однако, должны мы размыслить о том, что нам сделать
Лучше: тебе ли во внутренность дома вступить и явиться
Там на глаза женихов многобуйных, а мне здесь остаться?
Или тебе на дворе подождать одному, а войти к ним
Мне? Ты, однако, не медли, чтоб кто здесь с тобой не подрался
Или в тебя не швырнул чем,— я так говорю в осторожность».
Голос возвысив, ему отвечал Одиссей хитроумный:
«Знаю, все знаю, и мысли твои мне понятны; войди ты
Прежде один: я покуда остануся здесь; я довольно
В жизни тревожных ударов сносил; и швыряемо было
Многим в меня; мне терпеть не учиться; немало видал я
Бурь и сражений; пусть будет и ныне со мной, что угодно
Дию. Один лишь не может ничем побежден быть желудок,
Жадный, насильственный, множество бед приключающий
смертным
Людям: ему в угожденье и крепкоребристые ходят
Морем пустым корабли, принося разоренье народам».
Так говорили о многом они в откровенной беседе.
Уши и голову, слушая их, подняла тут собака
Аргус; она Одиссеева прежде была, и ее он
Выкормил сам; но на лов с ней ходить не успел, принужденный
Плыть в Илион. Молодые охотники часто на диких

Коз, на оленей, на зайцев с собою ее уводили.
Ныне ж, забытый (его господин был далеко), он, бедный
Аргус, лежал у ворот на навозе, который от многих
Мулов и многих коров на запас там копили, чтоб после
Им Одиссеевы были поля унавожены тучно;
Там полумертвый лежал неподвижно покинутый Аргус.
Но Одиссееву близость почувствовал он, шевельнулся,
Тронул хвостом и поджал в изъявление радости уши;
Близко ж подползть к господину и даже подняться он не был
В силах. И, вкось на него поглядевши, слезу, от Евмея
Скрытно, обтер Одиссей, и потом он сказал свинопасу:
«Странное дело, Евмей; там на куче навозной собаку
Вижу, прекрасной породы она, но сказать не умею,
Сила и легкость ее на бегу таковы ль, как наружность?
Или она лишь такая, каких у господ за столами
Часто мы видим: для роскоши держат их знатные люди».
Так, отвечая, сказал ты, Евмей свинопас, Одиссею:
«Это собака погибшего в дальнем краю Одиссея;
Если б она и поныне была такова же, какою,
Плыть собираясь в троянскую землю, ее господин мой
Дома оставил,— ее быстроте и отважности, верно б,
Ты подивился; в лесу ни в каком захолустье укрыться
Дичь от нее не могла; в ней чутье несказанное было.
Ныне же бедная брошена; нет уж ее господина,
Вчуже погиб он; служанки ж о ней и подумать ленятся;
Раб нерадив; не принудь господин повелением строгим
К делу его, за работу он сам не возьмется охотой:
Тягостный жребий печального рабства избрав человеку,
Лучшую доблестей в нем половину Зевес истребляет».
Кончил и, в двери светло-населенного дома вступивши,
Прямо вошел он в столовую, где женихи пировали.
В это мгновение Аргус, увидевший вдруг через двадцать
Лет Одиссея, был схвачен рукой смертоносною Мойры.
Прежде других Телемах богоравный Евмея, который,
Ходя кругом, озирался, увидел; ему головою
Подал он знак, чтоб к нему подошел; осмотревшись, пустую
Взял он скамью, на которой всегда за столом раздаватель
Пищи сидел, чтоб ее рассылать женихам по порядку.
Эту скамью пододвинув к столу Телемахову, сел он
Против него; предложил тут, приблизившись с блюдом, глашатай
Мяса вареного часть им и хлеб, из корзины им взятый.
Вслед за Евмеем явился и сам Одиссей богоравный

В образе хилого старца, который чуть шел, подпираясь
Посохом, с бедной котомкою, рубище в жалких лохмотьях;
Сел он в дверях на пороге, спиной прислоняся к дубовой
Притолке (выскоблил острою скобелью плотник искусный
Гладко ее, наперед топором по снуру обтесавши).
Тут свинопасу Евмею сказал Телемах, подавая
Хлеб, из корзины меж лучшими взятый, и вкусного мяса,
Сколько в обеих горстях уместиться могло: «Отнеси ты
Это, Евмей, старику, и скажи, чтоб потом обошел он
Всех женихов и у них попросил подаянья — стыдливым
Нищему, тяжкой нуждой удрученному, быть неприлично».
Так он сказал, и Евмей, повинуясь, пошел к Одиссею.
Близко к нему приступивши, он бросил крылатое слово:
«Это прислал Телемах; и велел он сказать, чтоб потом ты,
Всех обойдя женихов, попросил подаянья — стыдливым
Нищему быть, говорит он, в жестокой нужде неприлично».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Зевс да пошлет благоденствие между людьми Телемаху,
Дав совершиться всему, что теперь замышляет он в сердце!»
Так он сказал и, обеими взявши руками подачу,
Мясо и хлеб близ себя положил на убогой котомке.
Начал он есть; той порой вдохновенно запел пред гостями
Фемий; когда же тот вдоволь наелся, а этот умолкнул —
Начали вновь женихи бушевать; но богиня Афина,
Тайно приближась к Лаэртову сыну, ему повелела
Встать и ходить вкруг столов их, прося подаянья: хотела
Видеть она, кто из них благодушен и кто беззаконник;
В мыслях же всех без изъятия смерти предать назначала.
Встав, он пошел и у каждого начал просить подаянья,
Руку к нему простирая, как нищий, скитаться обыкший.
С жалостным сердцем они на него в изумленье смотрели,
Знать любопытствуя, кто и откуда пришел он. Сидевший
С ними пастух козовод, забияка Меланфий, сказал им:
«Слушайте вы, женихи многославной царицы, я видел
Этого нищего, с ним на дороге сюда повстречавшись;
Думаю, был он сюда приведен свинопасом Евмеем;
Сам же не знаю я, кто и в какой стороне родился он».
Так он сказал. Антиной на Евмея с досадою крикнул:
«Ты, свинопас, негодяй всем известный, зачем ты приводишь
В город таких развращенных бродяг? Уж и здешняя сволочь
Этих столов обирателей нам нестерпимо докучна;
Мало, конечно, тебе, что от нищих домашних все ваши
Гибнут запасы — чужого еще ты привел к нам обжору».

Так, возражая, Евмей свинопас отвечал Антиною:
«Ты, Антиной, неразумное мне и недоброе молвил
Слово теперь. Приглашает ли кто человека чужого
В дом свой без нужды? Лишь тех приглашают, кто нужен на дело:
Или гадателей, или врачей, иль искусников зодчих,
Или певцов, утешающих душу божественным словом,—
Их приглашают с охотою все земнородные люди;
Нищего ж, каждому скучного, кто пригласит произвольно?
Ты же из всех женихов Пенелопы к рабам Одиссея
Самый неласковый был завсегда, и ко мне особливо;
Я не печалюсь об этом, покуда моя здесь царица
Здравствует с сыном своим Телемахом, моим господином».
Кротко Евмею сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Полно, Евмей, замолчи; говорить с ним не должен ты много;
Знаешь, как скор Антиной на обидное слово; он любит
Ссориться сам и других на раздор подбивает охотно».
Тут, обратясь к Антиною, он бросил крылатое слово:
«Ты обо мне, как о сыне отец благодушный, печешься,
Друг Антиной, выгоняя своим повелительным словом
Странников, в дом мой входящих,— но будет ли Дий тем доволен?
Дай, что захочешь; не спорю я; сам приглашаю, напротив;
Матери также моей не страшися; тебя не осудит
Здесь и никто из рабов, в Одиссеевом доме живущих.
Но, конечно, подобные мысли тебе не приходят
В сердце: себе все берешь ты, другим же давать не охотник».
Кончил, и гневно ему возразил Антиной, сын Евпейтов:
«Что ты сказал, Телемах необузданный, гордоречивый?
Если б вот это от каждого здесь жениха получил он,—
Верно, сюда бы три месяца вновь заглянуть не подумал».
Так говоря, он скамейку схватил, на которую ноги
Клал под столом, и, грозяся, ее показал Одиссею.
Прочие ж все подавали, котомку его наполняя
Хлебом и мясом. И, много собрав, Одиссей уж готов был
Сесть на порог свой, чтоб данной насытиться пищей; но прежде
Он подошел к Антиною и бросил крылатое слово:
«Дай мне и ты. Не последним тебя здесь считаю, но первым,
Лучшим и самым знатнейшим; царю ты подобишься видом!
Щедродаянье должно быть тебе и приличней и легче
Всех их; и славить тебя я отныне по всей беспредельной
Буду земле. Я и сам меж людьми не всегда бесприютно
Жил; и богатоустроенным домом владел, и доступен

Всякому страннику был, и охотно давал неимущим;
Много имел я невольников, много всего, чем роскошно
Люди живут и за что величает их свет богачами.
Все уничтожил Кронион — была, без сомненья, святая
Воля его, чтоб с дружиной отважных добычников поплыл
Я в отдаленный Египет (он там приготовил мне гибель).
В лоне потока Египта легкоповоротные наши
Все корабли утвердив, я велел, чтоб отборные люди
Там на морском берегу сторожить их остались; другим же
Дал приказание с ближних высот обозреть всю окрестность.
Вдруг загорелось в них дикое буйство; они, обезумев,
Грабить поля плодоносные жителей мирных Египта
Бросились, начали жен похищать и детей малолетних,
Зверски мужей убивая,— тревога до жителей града
Скоро достигла, и сильная ранней зарей собралася
Рать; колесницами, пешими, яркою медью оружий
Поле кругом закипело; Зевес, веселящийся громом,
В жалкое бегство моих обратил; отразить ни единый
Силы врага не посмел, и отвсюду нас смерть окружила;
Многих тогда из товарищей медь умертвила, и многих
Пленных насильственно в град увлекли на печальное рабство.
Я же был жителю Крита, в Египет прибывшему, продан
Дметору, сыну Эсона, владевшего Кипром; в Итаку
Прибыл из Кипра я, много имев на пути злоключений».
Гневно сказал, отвечая ему, Антиной, сын Евпейтов:
«Верно, нам демон такую чуму посылает, такую
Порчу пиров! Отойди от стола моего; на средине
Стой там, чтоб не было хуже тебе и Египта и Кипра.
Что за наглец неотступный! Какой побродяга бесстыдный!
Всех почередно ты здесь обошел; и тебе, что попалось
Под руку каждому, подали все, не из щедрости: здесь им
Есть что подать; подавать же чужое легко. Убирайся ж
Прочь». От стола отступив, отвечал Одиссей хитроумный:
«Горе! Так, видно, с лицом у тебя твой рассудок несходен;
В доме своем ты и соли щепотку мне дать пожалел бы,
Если уж здесь, за обедом чужим прохлаждаяся, хлеба
Корку жалеешь мне бросить; а стол ваш, я вижу, обилен».
Так он сказал. Антиной, рассердясь, на него исподлобья
Грозно очами сверкнул и бросил крылатое слово:
«Если еще грубиянить ты вздумал, бродяга, то даром
Это тебе не пройдет, и добром ты не выйдешь отсюда».
Тут он скамейкой швырнул — и жестоко ударила в спину
Подле плеча Одиссея она; как утес, не шатнувшись,

Он устоял на ногах, не сраженный ударом; он только
Молча потряс головою и страшное в сердце помыслил.
К двери потом возвратяся, он сел на порог и, котомку
На пол с едой положивши, сказал женихам: «Обратите
Слух ваш ко мне, женихи многославной царицы, дабы я
Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.
Не было б в том ни беды, ни прискорбия тяжкого сердцу,
Если бы кто, за именье свое, за быков, за блестящих
Шерстью овец заступаяся, вытерпел злые побои;
Мне ж от руки Антиноя побои достались за гнусный,
Жадный и множество бед приключающий людям желудок.
Если же боги и мщенье Эриний живут и для бедных —
Смерть, Антиной, а не брак вожделенный ты встретишь, обидчик».
Гневно, ему возражая, сказал Антиной, сын Евпейтов:
«Ешь и молчи, негодяй; иль беги неоглядкой отсюда;
Иначе, так нагрубив мне, ты за ноги будешь рабами
Вытащен в дверь, и все кости твои обломаются об пол».
Кончил; угрозы его не одобрил никто; негодуя,
Так говорили иные из юношей дерзко-надменных:
«Ты, Антиной, поступил непохвально, обиду нанесши
Этому нищему; что же, когда он один из бессмертных?
Боги нередко, облекшися в образ людей чужестранных,
Входят в земные жилища, чтоб видеть своими очами,
Кто из людей беззаконствует, кто наблюдает их правду».
Так женихи говорили; но речи их были напрасны.
Злою обидой глубоко в душе Телемах сокрушался
Вместе с обиженным; слезы свои утаивши, он только
Молча потряс головою и страшное в сердце помыслил.
Но Пенелопа разумная, слыша, что был чужеземец
В доме их так оскорблен, обратяся к рабыням, сказала:
«О, когда бы его поразил Аполлон сребролукий!»
Ей Еврином, разумная ключница, так отвечала:
«Если бы все исполнялось согласно с желанием нашим,
Завтра же светлой Денницы из них ни один бы не встретил».
Кончила. Ей Пенелопа разумная так возразила:
«Правда, мне все ненавистны они, нам от всех притесненье;
Но Антиной наиболее с черною Керою сходен:
Принят в наш дом чужеземец и, ходя кругом, подаянья
Просит у всех он гостей, приневоленный строгой нуждою,—
Подали все, и свою он наполнил котомку; лишь этот,
Вместо подачи, в него, как безумный, скамейкою бросил».
Так Пенелопа рабыням своим говорила в покоях

Верхних своих. Одиссей же, сидя на пороге, обедал.
Кликнуть к себе повелев свинопаса, царица сказала:
«Слушай, Евмей благородный, скажи иноземцу, что я с ним
Здесь повидаться желаю, чтоб знать от него, не слыхал ли
Он о супруге моем и ему не случилось ли где с ним
Встретиться: кажется мне человеком он, много видавшим».
Так Пенелопе ответствовал ты, свинопас богоравный:
«Если б твои женихи хоть на миг поутихли, царица,
Милое сердце твое он своим бы рассказом утешил.
Три дня и три ночи он уж гостит под моею убогой
Кровлей; пришел же ко мне, с корабля убежав от феспротов.
Мне о своих приключеньях еще он не кончил рассказа;
Но как внимают певцу, вдохновенному свыше богами,
Песнь о великом поющему людям, судьбине подвластным,
В них возбуждая желание слушать его непрестанно,
Так я внимал чужеземцу, сидя перед ним неподвижно;
С ним Одиссей по отцу, говорит он, считается гостем;
В Крите широкоравнинном, отчизне Миноса, рожденный,
Прибыл оттоле сюда он и много превратностей встретил,
Скудно мирским подаяньем питаясь; и слышал он, будто
Края феспротов, соседнего с нашей Итакой, достигнул
Царь Одиссей, возвращаяся в дом свой с великим богатством».
Кончил. Разумная так отвечала ему Пенелопа:
«Кликни его самого; я желаю, чтоб сам рассказал он
Все мне подробно, покуда игрой на дворе перед дверью
Или во внутренних горницах будут они забавляться;
Дома они про себя сберегают свои все запасы,
Хлеб и вино золотое; их тратят домашние люди;
Им же удобней, вседневно врываяся в дом наш толпою,
Наших быков, и баранов, и коз откормленных резать,
Жрать до упаду и светлое наше вино беспощадно
Тратить. Наш дом разоряется, ибо уж нет в нем такого
Мужа, каков Одиссей, чтоб его от проклятья избавить.
Если же он возвратится и снова отчизну увидит,
С сыном своим он отмстит им за все». Так царица сказала.
В это мгновенье чихнул Телемах, и так сильно, что в целом
Доме как гром раздалось; засмеявшись, Евмею, поспешно
Кликнув его, Пенелопа крылатое бросила слово:
«Добрый Евмей, приведи ты сюда чужеземца немедля;
Слово мое зачихнул Телемах; я теперь несомненно
Знаю, что злые мои женихи неизбежно погибнут
Все: ни один не уйдет от судьбы и от мстительной Керы.
Выслушай то, что скажу, и заметь про себя, что услышишь.

Если меня без обмана он доброю вестью утешит,
Мантию дам я ему, и хитон, и красивую обувь».
Кончила. Ей повинуясь, пошел свинопас к Одиссею;
Близко к нему подошедши, он бросил крылатое слово:
«Слушай, отец чужеземец, разумная наша царица,
Мать Телемаха, тебя приглашает к себе; о супруге
Хочет она расспросить, сокрушаясь о нем беспрестанно.
Если ее без обмана ты доброю вестью утешишь,
Мантию ты, и хитон, и красивую обувь получишь.
Хлеб же, чтоб свой успокоить желудок, по улицам ходя,
В городе можешь сбирать от людей — там подаст, кто захочет».
Так Одиссей хитроумный сказал, отвечая Евмею:
«Все без обмана я мог бы теперь рассказать Пенелопе,
Старца Икария дочери многоразумной; я много
Знаю о муже ее: мы одно с ним терпели на свете.
Но женихов я боюсь необузданно-дерзких, которых
Буйство, бесстыдство и хищность дошли до железного неба;
Видел ты сам, как в меня, там ходившего смирно и мысли
Злой не имевшего, этот неистовый бросил скамейкой —
Кто ж за меня заступился? Никто. Промолчал и прекрасный
Сын Одиссеев. Пускай же царица, хотя нетерпенье
В ней и велико, дождется, чтоб Гелиос скрылся; тогда я
Все, что узнать пожелает она о супруге далеком,
Ей расскажу, поместясь у огня, чтоб согреться: одет я
Плохо — то ведаешь сам ты, тебя я здесь первого встретил».
Так он сказал; и Евмей, повинуясь, пошел к Пенелопе;
Встретив его на пороге своем, Пенелопа спросила:
«Он не с тобою, Евмей? Для чего же прийти не хотел он,
Бедный? Боится ль обиды какой? На глаза ль показаться
Людям стыдится? Стыдливому нищему плохо на свете».
Так Пенелопе ответствовал ты, свинопас богоравный:
«Нет; он умно рассуждает, и с ним ты должна согласиться;
Он, женихов необузданно-дерзких, царица, бояся,
Просит тебя терпеливо дождаться, чтоб Гелиос скрылся;
Думаю также и я, что гораздо удобнее будет,
Если его ты одна обо всем на досуге расспросишь».
Выслушав, умная так отвечала Евмею царица:
«Странник твой, кто бы он ни был, умно рассуждает; и прав он:
В целом свете, нигде посреди земнородных неможно
Встретить людей, столь неистовых, столь беззаконно-
развратных».
Так отвечала Евмею она. Свинопас богоравный,
Все передав ей, пошел к женихам; с Телемахом в столовой

Встретился он и, приблизившись, бросил крылатое слово
Шепотом в ухо ему, чтоб его не слыхали другие:
«Милый, теперь я иду; за свиньями, за домом, за всеми
В доме запасами должно смотреть мне; а ты осторожен
Будь здесь, себя береги и смотри, чтоб с тобой никакого
Зла не случилось: зломысленных много тебя окружает.
Зевс да погубит их прежде, чем бедствие наше созреет!»
Кончил. Ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Добрый совет ты даешь мне, отец; но ты сам, ночевавши
Дома, сюда возвратися поутру с отборной свиньею.
Боги мой ум просветят и меня надоумят, что делать».
Так отвечал Телемах. Свинопас поместился на гладком
Стуле; поужинав сытно и свой удовольствовав голод,
В поле пошел он к свиньям острозубым, оставивши царский
Дом, оглашаемый шумом пирующих; пеньем и пляской
Там веселились. Тем временем темная ночь наступила.

ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

В двери вошел тут один всем известный бродяга; шатаясь
По миру, скудным он жил подаяньем и в целой Итаке
Славен был жадным желудком своим, и нахальством, и пьянством;
Силы, однако, большой не имел он, хотя и высок был
Ростом. По имени слыл Арнеоном (так матерью назван
Был при рожденье), но в городе вся молодежь величала
Иром его, потому что у всех он там был на посылках.
В двери вступив, Одиссея он стал принуждать, чтоб покинул
Дом свой; и бросил ему, раздраженный, крылатое слово:
«Прочь от дверей, старичишка, иль за ноги вытащен будешь;
Разве не видишь, что все мне мигают, меня понуждая
Вытолкать в двери тебя; но марать понапрасну своих я
Рук не хочу; убирайся, иль дело окончится дракой».
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей благородный:
«Ты сумасброд, я не делаю зла никому здесь; и сколько б
Там кто ни подал тебе, я не стану завидовать; оба
Можем на этом пороге сидеть мы просторно; нет нужды
Спор заводить нам. Ты, вижу, такой же, как я, бесприютный
Странственник; бедны мы оба. Лишь боги даруют богатство.
Воли, однако, рукам не давай; не советую; стар я:

Но, рассердясь, я всю грудь у тебя разобью и все рыло
В кровь; и просторнее будет тогда мне на этом пороге
Завтра, понеже уж, думаю, ты не придешь во второй раз
Властвовать в доме царя Одиссея, Лаэртова сына».
Ир в несказанной досаде воскликнул, ему отвечая:
«Он же, прожора, и умничать вздумал! Не хуже стряпухи
Старой лепечет! Постой же; тебя проучить мне порядком
Должно, приняв в кулаки и из челюстей зубы повыбив
Все у тебя, как у жадной свиньи, истребляющей ниву.
Полно ж сидеть; выходи, покажи нам свое здесь уменье,
Вот поглядим мы, ты сладишь ли с тем, кто тебя посильнее».
Так меж обоими нищими в бранных словах загорелась
Ссора на гладком пороге дверей. То приметила прежде
Всех Антиноева сила святая. И с хохотом громким
Он, к женихам обратяся, воскликнул: «Друзья, поглядите,
Что там в дверях происходит. Подобного мне не случалось
Видеть нигде; нам чудесную Дий посылает забаву:
С старым бродягой поссорился Ир, и, конечно, уж скоро
Драка там будет; пойдем поскорее, нам должно стравить их».
Так он сказал; женихи, засмеявшись, вскочили поспешно
С мест и соперников, грязным одетых тряпьем, обступили.
Тут, обратясь к женихам, Антиной, сын Евпейтов, сказал им:
«Выслушать слово мое вас, товарищи, я приглашаю;
Козьи желудки лежат там на угольях; сами на ужин
Их для себя отложили мы, жиром и кровью наливши;
Я предлагаю, чтоб тот, кто из двух победителем будет,
Взял для себя из желудков обжаренных лучший; потом мы
Будем вседневно его приглашать и к обеду; другим же
Нищим сбирать здесь столовые крохи вперед не дозволим».
Так предложил Антиной, и одобрили все предложенье.
Хитрость замыслив, тогда им сказал Одиссей многоумный:
«В бой выходить с молодым старику, изнуренному в силах
Нищенской жизнию, трудно, друзья; но докучный желудок
Нудит меня согласиться, хотя б и стерпеть здесь побои.
Слушайте ж то, что скажу: поклянитесь великою клятвой
Мне, что, потворствуя Иру, никто на меня не подымет
Рук и сопернику верх надо мной одержать не поможет».
Так говорил Одиссей; женихи поклялися; когда же
Все поклялися они и клятву свою совершили,
Слово к отцу обративши, сказал Телемах богоравный:
«Если ты сам добровольно желаешь и смело решился
Выступить в бой с ним, то страха не должен иметь: кто посмеет
Руку поднять на тебя, тот с собою здесь многих поссорит.

Я здесь хозяин, защитник гостей, и, конечно, со мною
Будут теперь заодно Антиной, Еврimах и другие».
Так он сказал. Женихи согласились. Тогда сын Лаэртов
Рубище снял и себя им, пристойность храня, опоясал.
Тут обнаружились крепкие ляжки, широкие плечи,
Твердая грудь, жиловатые руки, и сделала выше
Ростом его, неприметно к нему подошедши, Афина.
Все женихи на него с изумленьем великим смотрели;
Глядя друг на друга, так меж собою они рассуждали:
«Иру беда; за нахальство теперь он заплатит. Какие
Крепкие мышцы под рубищем этого нищего скрыты!»
Так говорили они. Обуяла великая трусость
Ира. Его, опоясав, рабы притащили насильно;
Бледный, дрожащий от страха, едва на ногах он держался.
Слово к нему обративши, сказал Антиной, сын Евпейтов:
«Лучше тебе, хвастуну, умереть иль совсем не родиться
Было бы, если теперь так дрожишь, так бесстыдно робеешь
Ты перед этим, измученным бедностью, старым бродягой.
Слушай, однако, и то, что услышишь, исполнится верно:
Если тебя победит он и силой своей одолеет,
Будешь ты брошен на черный корабль и на твердую землю
К злому Эхету царю, всех людей истребителю, сослан.
Уши и нос беспощадною медью тебе он обрежет,
В крохи изрубит тебя и собакам отдаст на съеденье».
Так говорил он. Ужасная робость проникнула Ира;
Силою слуги его притащили; и подняли руки
Оба. Себя самого тут спросил Одиссей богоравный:
Сильно ль ударить его кулаком, чтоб издох он на месте?
Или несильным ударом его опрокинуть? Обдумав
Все, напоследок он выбрал несильный удар, поелику
Иначе мог бы в сердцах женихов возбудить подозренье.
Оба тут вышли; в плечо кулаком Одиссея ударил
Ир. Одиссей же его по затылку близ уха: вдавилась
Кость сокрушенная внутрь, и багровая кровь полилася
Ртом; он, завыв, опрокинулся; зубы его скрежетали,
Об пол он пятками бил. Женихи же, всплеснувши руками
Все помирали от смеха. А сын благородный Лаэртов,
За ногу Ира схватив, через двери и портик к воротам
Дома его через двор протащил; и, его приневолив
Сесть там, спиною к стене прислонил, суковатую палку
Втиснул ему, полумертвому, в руки и гневное бросил
Слово: «Сиди здесь, собак и свиней отгоняй; и нахально
Властвовать в доме чужом не пытайся вперед, высылая

Нищих оттуда, сам нищий бродяга: иль будет с тобою
Хуже беда». Он сказал и, на плечи набросив котомку,
Всю в заплатах, висевшую вместо ремня на веревке,
К двери своей возвратился и сел на пороге. А гости
Встретили смехом его и, к нему подступивши, сказали:
«Молим мы Зевса и вечных богов, чтоб они совершили
Все то, чего наиболе теперь ты желаешь, о чем ты
Молишь их сам; навсегда ты избавил от злого прожоры
Край наш. Он нами немедленно будет на твердую землю
К злому Эхету царю, всех людей истребителю, сослан».
Так женихи говорили; был рад Одиссей прорицанью.
С угольев снявши желудок, наполненный жиром и кровью,
Подал Лаэртову сыну его Антиной; и, два хлеба
Взяв из корзины, принес их ему Амфином; он наполнил
Кубок вином и сказал Одиссею, его поздравляя:
«Радуйся, добрый отец иноземец! Теперь нищетою
Ты удручен; да пошлют наконец и тебе изобилье
Боги!» Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Ты, Амфином, благомысленный юноша, вижу я; знатен
Твой благородный отец, повсеместно молвою хвалимый,
Нис, уроженец Дулихия многобогатый; его ты
Сын, мне сказали; и сам испытал я, сколь ты добродушен.
Слушай же, друг, и размысли, размысли о том, что услышишь:
Все на земле изменяется, все скоротечно; всего же,
Что ни цветет, ни живет на земле, человек скоротечней;
Он о возможной в грядущем беде не помыслит, покуда
Счастием боги лелеют его и стоит на ногах он;
Если ж беду ниспошлют на него всемогущие боги,
Он негодует, но твердой душой неизбежное сносит:
Так суждено уж нам всем, на земле обитающим людям,
Что б ни послал нам Кронион, владыка бессмертных и смертных.
Некогда славен и я меж людьми был великим богатством;
Силой своей увлеченный, тогда беззаконствовал много
Я, на отца и возлюбленных братьев своих полагаясь.
Горе тому, кто себе на земле позволяет неправду!
Должно в смиренье, напротив, дары от богов принимать нам.
Вижу, как здесь женихи, самовластно бесчинствуя, губят
Все достоянье царя и наносят обиды супруге
Мужа, который, я мыслю, недолго с семьей и с отчизной
Будет в разлуке. Он близко. О друг, да хранительный демон
Вовремя в дом твой тебя уведет, чтоб ему на глаза ты
Здесь не попался, когда возвратится в отеческий дом он.

Здесь не пройдет без пролития крови, когда с женихами
Станет вести свой расчет он, вступя под домашнюю кровлю».
Так он сказал и вина золотого, свершив возлиянье,
Выпил; и кубок потом возвратил Амфиному. И тихим
Шагом пошел Амфином, с головой наклоненной, с печалью
Милого сердца, как будто предчувствием бедствия полный;
Но не ушел от судьбы он; его оковала Паллада,
Пасть от копья Телемахова вместе с другими назначив.
Сел он на стул свой опять, к женихам возвратяся беспечно.
Тут светлоокая дочь громовержца вложила желанье
В грудь Пенелопы, разумной супруги Лаэртова сына,
Выйти, дабы, женихам показавшись, сильнейшим желаньем
Сердце разжечь им, в очах же супруга и милого сына
Боле, чем прежде, явиться достойною их уваженья.
Так, улыбнуться уста приневолив, она Евриноме,
Ключнице старой, сказала: «Хочу я — чего не входило
Прежде мне в ум — женихам ненавистным моим показаться;
Также хочу и совет там подать Телемаху, чтоб боле
С шайкою их, многобуйных грабителей, он не водился;
Добры они на словах, но недобрые мысли в уме их».
Ей Еврином, усердная ключница, так отвечала:
«То, что, дитя, говоришь ты, и я нахожу справедливым.
Выдь к ним и милому сыну подай откровенно совет свой.
Прежде, однако, омойся, натри благовонным елеем
Щеки; тебе не годится с лицом, безобразным от плача,
К ним выходить; красота увядает от скорби всегдашней.
Сын же твой милый созрел, и тебе, как молила ты, боги
Дали увидеть его с бородою расцветшего мужа».
Ключнице верной ответствуя, так Пенелопа сказала:
«Нет, никогда, Еврином, для них, ненавистных, не буду
Я омываться и щек натирать благовонным елеем.
Боги, владыки Олимпа, мою красоту погубили
В самый тот час, как пошел Одиссей в отдаленную Трою.
Но позови Гипподамию, с нею пускай Автоноя
Также придет, чтоб меня проводить в пировую палату:
К ним не пойду я одна, то стыдливости женской противно».
Так говорила царица. Поспешно пошла Еврином
Кликнуть обеих служанок, чтоб тотчас послать к госпоже их.
Умная мысль родилася тут в сердце Афины Паллады:
Сну мироносцу велела богиня сойти к Пенелопе.
Сон прилетел и ее улелеял, и все в ней утихло.
В креслах она неподвижно сидела; и ей, усыпленной,
Все, чем пленяются очи мужей, даровала богиня:

Образ ее просиял той красой несказанной, какою
В пламенно-быстрой и в сладостно-томной с Харитами пляске
Образ Киприды, венком благовонным венчанной, сияет;
Стройный ее возвеличился стан, и все тело нежнее,
Чище, свежей и блистательней сделалось кости слоновой.
Так одаривши ее, удалилась богиня Афина.
Но белорукие обе рабыни, вбежавши поспешно
В горницу, шумом нарушили сладостный сон Пенелопы.
Щеки руками спросонья потерши, она им сказала:
«Как же я сладко заснула в моем сокрушенье! О, если б
Мне и такую же сладкую смерть принесла Артемида
В это мгновенье, чтоб я непрерывной тоской перестала
Жизнь сокрушать, все не ведая, где Одиссей, где супруг мой,
Доблестью всякой украшенный, между ахеян славнейший».
Кончив, по лестнице вниз Пенелопа сошла; вслед за нею
Обе служанки сошли, и она, божество красотою,
В ту палату вступив, где ее женихи пировали,
Подле столба, потолок там высокий державшего, стала,
Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим;
Справа и слева почтительно стали служанки. Колена
Их задрожали при виде ее красоты, и сильнее
Вспыхнуло в каждом желание ложе ее разделить с ней.
Сына к себе подозвавши, его Пенелопа спросила:
«Сын мой, скажи мне, ты в полном ли разуме? В возрасте
детском
Был ты умней и приличнее всякое более ведал.
Ныне ж ты мужеской силы достигнул, и кто ни посмотрит
Здесь на тебя, чужеземец ли, здешний ли, каждый породу
Мужа великого в светлой твоей красоте угадает.
Где же, однако, твой ум? Ты совсем позабыл справедливость.
Дело бесчинное здесь у тебя на глазах совершилось;
Этого странника в доме своем допустил ты обидеть;
Что же? Когда чужеземец, доверчиво твой посетивший
Дом, оскорбленный там будет сидеть и ругаться им станет
Всякий — постыдный упрек от людей на себя навлечешь ты».
Матери так отвечал благомысленный сын Одиссеев:
«Милая мать, твой упрек справедлив; на него не могу я
Сетовать. Ныне я все понимаю; и мне уж не трудно
Зло отличать от добра; из ребячества вышел я, правда;
Но не всегда и теперь удается мне лучшее выбрать:
Наши незваные гости приводят мой ум в беспорядок;
Злое одно замышляют они; у меня ж руководца
Нет. Но сражение странника с Иром не их самовольством

Было устроено; высшая здесь обнаружилась воля.
Если б,— о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! —
Все женихи многобуйные в нашей обители ныне,
Кто на дворе, кто во внутренних дома покоях, сидели,
Головы свесив на грудь, все избитые, так же, как этот
Ир побродяга, теперь за воротами дома сидящий!
Трепетной он головою мотает, как пьяный; не может
Прямо стоять на ногах, ни сидеть, ни подняться, чтоб в дом свой
Медленным шагом добресть через силу; совсем он изломан».
Так про себя говорили они, от других в отдаленье.
Тут, обратясь к Пенелопе, сказал Еврimах благородный:
«О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Если б могли все ахейцы ясийского Аргоса ныне
Видеть тебя, женихов бы двойное число собралося
В доме твоем пировать. Превосходишь ты всех земнородных
Жен красотой, и возвышенным станом, и разумом светлым».
Так говорил Еврimах. Пенелопа ему отвечала:
«Нет, Еврimах, красоту я утратила волей бессмертных
С самых тех пор, как пошли в кораблях чернобоких ахейцы
В Трою, и с ними пошел мой супруг, Одиссей богоравный.
Если б он жизни моей покровителем был, возвратяся
В дом, несказанно была б я тогда и славна и прекрасна.
Ныне ж в печали я вяну; враждует злой демон со мною.
В самый тот час, как отчизну свою он готов был покинуть,
Взявши за правую руку меня, он сказал на прощанье:
«Думать не должно, чтоб воинство меднообутых ахеян
Все без урона из Трои в отчизну свою возвратилось;
Слышно, что в бое отважны троянские мужи, что копья
Метко бросают; в стрелянии из лука зорки; искусно
Грозно-летучими, часто сраженье меж двух равносильных
Ратей решащими разом, конями владеют. Наверно
Знать не могу я, позволит ли Дий возвратиться сюда мне
Или погибель я в Трое найду. На твое попеченье
Все оставляю. Пекись об отце и об матери милой
Так же усердно, как прежде, и даже усердней: понеже
Буду не здесь я; когда же наш сын возмужает, ты замуж
Выдь, за кого пожелаешь, и дом наш покинь». На прощанье
Так говорил Одиссей мне; и все уж исполнилось. Скоро,
Скоро она, ненавистная ночь ненавистного сердцу
Брака наступит для бедной меня, всех земных утешений
Зевсом лишенной. На сердце моем несказанное горе.
В прежнее время обычай бывал, что, когда начинали

Свататься, знатного рода вдову иль богатую деву
Выбрав, один пред другим женихи отличиться старались;
В дом приводя к нареченной невесте быков и баранов,
Там угощали они всех друзей; и невесту дарили
Щедро; чужое ж имущество тратить без платы стыдились».
Кончила. В грудь Одиссея проникло веселье, понеже
Было приятно ему, что от них пожелала подарков,
Льстя им словами, душою же их ненавидя, царица.
Ей отвечая, сказал Антиной, сын Евпейтов надменный:
«О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Всякий подарок, тебе от твоих женихов подносимый,
Ты принимай: не позволено то отвергать, что дарят нам.
Мы же, ты знай, не пойдем от тебя ни домой, ни в иное
Место, пока ты из нас по желанью не выберешь мужа».
Так говорил Антиной; согласилися все с ним другие.
Каждый потом за подарком глашатая в дом свой отправил.
Посланный длинную мантию с пестрым шитьем Антиною
Подал; двенадцать застежек ее золотых украшали,
Каждая с гибким крючком, чтоб, в кольцо задеваясь, держал он
Мантию. Цепь из обделанных в золото с чудным искусством,
Светлых, как солнце, больших янтарей принесли Евримаху.
Серьги — из трех, с шелковичной пурпурною ягодой сходных
Шариков каждая — подал проворный слуга Евридаму;
Был молодому Писандру, Поликтора умного сыну,
Женский убор принесен, ожерелье богатое; столь же
Были нескупы и прочие все на подарки. Приняв их,
Вверх по ступеням высоким обратно пошла Пенелопа.
С ней удалились, подарки неся, и младые рабыни.
Те же, опять обратившися к пляске и сладкому пенью,
Начали снова шуметь в ожидании ночи; когда же
Черная ночь посреди их веселого шума настала,
Три посредине палаты поставив жаровни, наклали
Много поленьев туда, изощренной нарубленных медью,
Мелких, сухих, и лучиною тонкой зажгли их, смолистых
Факелов к ним подложивши. Смотреть за огнем почередно
Были должны Одиссеева дома рабыни. И с ними
Так говорить Одиссей хитромысленный начал: «Подите
Вы, Одиссеева дома рабыни, отсюда в покои
Вашей царицы, Икария дочери многоразумной;
Сядьте с ней, тонкие нити сучите и вóлну руками
Дергайте, горе ее развлекая своим разговором.
Я же останусь смотреть за огнем, и светло здесь в палате
Будет, хотя бы они до утра пировать здесь остались;

Им не удастся меня утомить; я терпеть научился».
Так говорил он. Рабыни одна на другую взглянули
С громким смехом; и грубо ему отвечала Меланфо,
Дочь Долиона (ее воспитала сама Пенелопа
С детства и много игрушек и всяких ей лакомств давала;
Сердце ж ее нечувствительно было к печалям царицы;
Тайно любовный союз с Евримахом она заключила);
Так отвечала она Одиссею ругательным словом:
«Видно, совсем потерял ты рассудок, бродяга; не хочешь,
Видно, искать ты ночлега на кузнице, или в закуте,
Или в шинке; здесь, конечно, приютней тебе; на слова ты
Дерзок в присутствии знатных господ; и душою не робок;
Знать, от вина помутился твой ум, иль, быть может, такой уж
Ты от природы охотник без смысла болтать; иль, осилив
Бедного Ира, так поднял ты нос — берегися, однако;
Может с тобою здесь встретиться кто-нибудь Ира сильнее;
Зубы твои все своим кулаком он железным повыбьет;
Вытолкнут в дверь по затылку им будешь ты, кровью
облитый».
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей хитроумный:
«Я на тебя Телемаху пожалуюсь, злая собака;
В мелкие части, болтунью, тебя искрошить он прикажет».
Слово его испугало рабынь; и они во мгновенье
Все из палаты ушли; их колена дрожали от страха;
Думали все, что на деле исполнится то, что сказал им
Странник. А он у жаровен стоял, наблюдая, чтоб ярче
Пламя горело; и глаз не сводил с женихов, им готовя
Мыслию все, что потом и на самом исполнилось деле.
Тою порой женихов и Афина сама возбуждала
К дерзко-обидным поступкам, дабы разгорелось сильнее
Мщение в гневной душе Одиссея, Лаэртова сына.
Так говорить Евримах, сын Полибиев, начал (обидеть
Словом своим Одиссея, других рассмешивши, хотел он):
«Слух ваш склоните ко мне, женихи Пенелопы, дабы я
Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.
Этот наш гость, без сомнения, демоном послан, чтоб было
Нам за трапезой светлей; не от факелов так все сияет
Здесь, но от плеши его, на которой нет волоса боле».
Так он сказал и потом, обратясь к Одиссею, примолвил:
«Странник, ты, верно, поденщиком будешь согласен наняться
В службу мою, чтоб работать за плату хорошую в поле,
Рвать для забора терновник, деревья сажать молодые;
Круглый бы год получал от меня ты обильную пищу,

Всякое нужное платье, для ног надлежащую обувь.
Думаю только, что будешь худой ты работник, привыкнув
К лени, без дела бродя и мирским подаяньем питаясь:
Даром свой жадный желудок кормить для тебя веселее».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Если б с тобой, Евримах, привелось мне поспорить работой,
Если б весною, когда продолжительней быть начинают
Дни, по косе, одинаково острой, обоим нам дали
В руки, чтоб, вместе работая с самого раннего утра
Вплоть до вечерней зари, мы траву луговую косили,
Или, когда бы, запрягши нам в плуг двух быков круторогих,
Огненных, рослых, откормленных тучной травою, могучей
Сплою равных, равно молодых, равно работящих,
Дали четыре нам поля вспахать для посева, тогда бы
Сам ты увидел, как быстро бы в длинные борозды плуг мой
Поле изрезал. А если б войну запалил здесь Кронион
Зевс и мне дали бы щит, два копья медноострых и медный
Кованый шлем, чтоб моей голове был надежной защитой,
Первым в сраженье меня ты тогда бы увидел; тогда бы
Мне ты не стал попрекать ненасытностью жадной желудка.
Но человек ты надменный; твое непрязненно сердце;
Сам же себя, Евримах, ты считаешь великим и сильным
Лишь потому, что находишься в обществе низких и слабых.
Если б, однако, не жданный никем, Одиссей вам явился —
Сколь ни просторная плотником сделана дверь здесь, она бы
Узкой тебе, неоглядкой бегущему, вдруг показалась».
Он замолчал. Евримах, рассердясь, на него исподлобья
Грозно очами сверкнул и слово крылатое бросил:
«Вот погоди, я с тобою разделаюсь, грязный бродяга:
Дерзок в присутствии знатных господ, и не робок душой ты;
Видно, вино помутило твой ум, иль, быть может, такой уж
Ты от природы охотник без смысла болтать, иль, осилив
Бедного Ира, так сделался горд — берегися, однако».
Так он сказал и скамейку схватил, чтоб пустить в Одиссея;
Но Одиссей, отскочивши, к коленам припал Амфинома;
Мимо его прошумев, виночерпия сильно скамейка
В правую треснула руку, и чаша, в ней бывшая, на пол
Грянулась; тот, опрокинутый, навзничь упал, застонавши.
Начали громко шуметь женихи в потемневшей палате;
Глядя друг на друга, так меж собою они рассуждали:
«Лучше бы было, когда б, до прихода к нам, этот незваный
Гость на дороге издох, не завел бы у нас он такого
Шума. Теперь мы за нищего ссоримся; пир наш испорчен;

Кто при великом раздоре таком веселиться захочет?»
К ним обратилась тогда Телемахова сила святая:
«Буйные люди, вы все помешались; не можете боле
Скрыть вы, что хмель обуял вас. Знать, демон какой поджигает
Всех на раздор; пировали довольно вы, спать уж пора вам;
Может, кто хочет, уйти; принуждать никого я не буду».
Так он сказал. Женихи, закусивши с досадою губы,
Смелым его пораженные словом, ему удивлялись.
Тут, обратяся к собранью, сказал Амфином благородный,
Нисов блистательный сын, от Аретовой царственной крови:
«Правду сказал он, друзья; на разумное слово такое
Вы не должны отвечать оскорбленьем; не трогайте боле
Старого странника; также оставьте в покое и прочих
Слуг, обитающих в доме Лаэртова славного сына.
Пусть виночерпий опять нам наполнит вином благовонным
Кубки, чтоб мы, возлияв, на покой по домам разошлися;
Странника ж здесь ночевать в Одиссеевом доме оставим,
На руки сдав Телемаху: он гость Телемахова дома».
Так Амфином говорил, и понравилось всем, что сказал он.
Тут Мулион, дулихийский глашатай, слуга Амфиномов,
Муж благородной породы, вина намешавши в кратеры,
Кубки наполнил до края и подал гостям; совершивши
Им возлиянье блаженным богам, осушили все кубки
Гости; когда ж, совершив возлиянье, вином насладились
Вдоволь они, все пошли по домам, чтоб предаться покою.

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Все разошлися; один Одиссей в опустевшей палате
Смерть замышлять женихам совокупно с Афиной остался.
С ним Телемах; и сказал он, к нему обратяся: «Мой милый
Сын, наперед надлежит все оружия вынесть отсюда.
Если ж, приметив, что нет уж в палате, как прежде, оружий,
Спросят о них женихи, ты тогда отвечай им: «В палате
Дымно; уж сделались вовсе они не такие, какими
Здесь их отец Одиссей, при отбытии в Трою, покинул:
Ржавчиной все от огня и от копоти смрадной покрылись.
Также и высшую в сердце вложил мне Зевес осторожность:
Может меж вами от хмеля вражда загореться лихая;

Кровью тогда сватовство и торжественный пир осквернится —
Само собой прилипает к руке роковое железо».
Так он сказал. Телемах, повинуясь родителя воле,
Кликнул старушку, усердную няню свою Евриклею;
«Няня,— сказал он,— смотри, чтоб служанки сюда не входили
Прежде, покуда наверх не отнес я отцовых оружий;
Здесь без присмотра они; все испорчены дымом; отца же
Нет. Я доныне ребенок бессмысленный был, но теперь я
Знаю, что должно отнесть их туда, где не может их портить
Копоть». Сказал. Евриклея старушка ему отвечала:
«Дельно! Пора, мой прекрасный, за разум приняться, и дома
Быть господином, и знать обходиться с отцовым богатством.
Кто же, когда покидать не велишь ты служанкам их горниц,
Факелом будет зажженным тебе здесь светить за работой?»
Ей отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Этот старик; не трудяся, никто, и хотя б он чужой был,
В доме моем, получая наш корм, оставаться не должен».
Кончил. Не мимо ушей Евриклеи его пролетело
Слово. Все двери тех горниц, где жили служанки, замкнула
Тотчас она. Одиссей с Телемахом тогда принялися
Медные с гребнями шлемы, с горбами щиты, с остриями
Длинными копья наверх выносить; и Афина Паллада
Им невидимо, держа золотую лампаду, светила.
Тем изумленный, сказал Телемах Одиссею: «Родитель,
В наших очах происходит великое, думаю, чудо;
Гладкие стены палаты, сосновые средние брусья,
Все потолка перекладины, все здесь колонны так ясно
Видны глазам, так блистают, как будто б пожар был кругом их,—
Видно, здесь кто из богов олимпийских присутствует тайно».
Так он спросил; отвечая, сказал Одиссей хитроумный
Сыну: «Молчи, ни о чем не расспрашивай, бойся и мыслить:
Боги, владыки Олимпа, такой уж имеют обычай.
Время тебе на покой удалиться, а я здесь останусь;
Видеть хочу поведенье служанок; хочу в Пенелопе
Сердце встревожить, чтоб, плача, меня обо всем расспросила».
Так он сказал. Телемах из палаты немедленно вышел;
Факел зажженный неся, он пошел в тот покой почивальный,
Где по ночам миротворному сну предавался обычно.
В спальню пришедши, он лег и заснул в ожиданье Денницы.
Тою порою один Одиссей в опустевшей палате
Смерть замышлять женихам совокупно с Палладой остался.
Вышла разумная тут из покоев своих Пенелопа,

Светлым лицом с золотой Афродитой, с младой Артемидой
Сходная. Сесть ей к огню пододвинули стул, из слоновой
Кости точеный, с оправой серебряной, чудной работы
Икмалиона (для ног и скамейку приделал художник
К дивному стулу). Он мягко-широкой покрыт был овчиной.
Многоразумная села на стул Пенелопа. Вступивши
С ней белорукие царского дома служанки в палату,
Начали всё убирать там: столы с недоеденным хлебом,
Кубки и множество чаш, из которых надменные гости
Пили; и, выбросив на пол золу из жаровен, наклали
Новых поленьев туда, чтоб нагрелась палата и был в ней
Свет. А Меланфо опять привязалась ругать Одиссея:
«Здесь ты еще, неотвязный? Не хочешь и ночью покоя
Дать нам, бродя здесь как тень, чтоб подметить, что в доме служанки
Делают. Вон! Говорю я тебе, побродяга; наелся
Здесь ты довольно! Уйди, иль швырну я в тебя головнею».
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей хитроумный:
«Что ж так неистово ты на меня, сумасбродная, злишься?
Или противно тебе, что в грязи я, что, в рубище бедном
По миру ходя, прошу подаянья? Что ж делать? Я нищий.
Жребий такой уж нам всем, безотрадно бродящим скитальцам.
В прежние дни я и сам меж людьми не совсем бесприютно
Жил; и богатоустроенным домом владел, и доступен
Всякому страннику был, и охотно давал неимущим;
Много имел я невольников, много всего, чем роскошно
Люди живут и за что величает их свет богачами.
Все уничтожил Кронион — так было ему то угодно.
Ты, безрассудная, так же (кто знает, как скоро!) утратишь
Всю красоту молодую, которою так здесь гордишься;
Станешь тогда ты противна своей госпоже; да и может
Сам Одиссей возвратиться — надежда не вовсе пропала;
Если же он и погиб и возврата лишен, то еще здесь
Сын Одиссев, младой Телемах, Аполлонов питомец,
Здравствует; знает он все поведенье служанок домашних,
Скрыться не может ничто от него; он из детства уж вышел».
Так он сказал. Пенелопа, услышав разумное слово,
Речь обратила свою, раздраженная, к дерзкой служанке:
«Ты, как собака, бесстыдница, злишься; меня ж не обманешь;
Знаю твое поведенье; за все головою заплатишь.
Разве не слышала ты, как сюда пригласить я велела
Этого странника, мысля, что может сказать мне какую
Весть о супруге моем, о котором давно так я плачу?»

Тут, обратясь к Евриноме, сказала она: «Еврinома,
Стул пододвинь поскорее, покрытый овчиною мягкой;
Должно, чтоб здесь иноземец покойно сидел, и свои нам
Все рассказал приключенья, и мне отвечал на вопросы».
Так говорила она. Евринома немедленно гладкий
Стул принесла и покрыла его густошерстной овчиной;
Сесть приглашен был на стул Одиссей богоравный женою.
Так, обратяся к нему, начала говорить Пенелопа:
«Странник, сначала тебя я сама вопрошу, отвечай мне:
Кто ты, мой добрый старик? Кто отец твой? Кто мать? Где родился?»
Так, отвечая, сказал Одиссей, в испытаниях твердый:
«О царица, повсюду и все на земле беспредельной
Люди тебя превозносят, ты славой до неба достигла;
Ты уподобиться можешь царю беспорочному; страха
Божия полный и многих людей повелитель могучий,
Правду творит он; в его областях изобильно родится
Рожь, и ячмень, и пшено, тяготеют плодами деревья,
Множится скот на полях и кипят многорыбием воды;
Праведно властвует он, и его благоденствуют люди.
Ты же, царица, меня вопрошай обо всем; не касайся
Только отчизны моей, и семьи, и семейного дома:
Горе мне душу глубоко проникнет, когда говорить здесь
Буду, о них вспоминая; страдал я немало. В чужом же
Доме, в беседе с людьми, предаваться слезам неприлично.
Слезы напрасны: бедам не приносят они исцеленья.
Может, притом, и на мысли прийти здесь рабыням, сама ты
Можешь подумать, что слезы от хмеля мои происходят».
Так Одиссею, ему отвечая, сказала царица:
«Странник, мою красоту я утратила волей бессмертных
С самых тех пор, как пошли в кораблях чернобоких ахейцы
В Трою, и с ними пошел мой супруг, Одиссей богоравный.
Если б он жизни моей покровителем был, возвратяся
В дом, несказанно была б я тогда и славна и прекрасна;
Ныне ж в печали я вяну; враждует злой демон со мною.
Все, кто на разных у нас островах знамениты и сильны,
Первые люди Дулихия, Зама, лесного Закинфа,
Первые люди утесистой, солнечно-светлой Итаки,
Нудят упорно ко браку меня и наш дом разоряют;
Мне ж не по сердцу никто: ни просящий защиты, ни странник,
Ниже глашатай, служитель народа; один есть желанный
Мной — Одиссей, лишь его неотступное требует сердце.
Те же твердят непрестанно о браке; прибегнуть к обману

Я попыталась однажды; и демон меня надоумил
Стан превеликий поставить в покоях моих; начала я
Темно-широкую ткань и, собрав женихов, им сказала:
«Юноши, ныне мои женихи — поелику на свете
Нет Одиссея,— отложим наш брак до поры той, как будет
Кончен мой труд, чтоб начатая ткань не пропала мне даром;
Старцу Лаэрту покров гробовой приготовить хочу я
Прежде, чем будет он в руки навек усыпляющей смерти
Парками отдан, дабы не посмели ахейские жены
Мне попрекнуть, что богатый столь муж погребен без покрова».
Так я сказала; они покорились мне мужеским сердцем.
Целый я день за тканьем проводила; а ночью, зажегши
Факел, сама все, натканное днем, распускала. Три года
Длилася хитрость удачно, и я убеждать их умела.
Но когда, обращеньем времен приведенный, четвертый
Год совершился, промчались месяцы, дни пролетели —
Все им открыла одна из служанок, лихая собака;
Сами они тут застали меня за распущенной тканью:
Так и была приневолена ими я труд мой окончить.
Способа нет уж теперь избежать мне от гнусного брака;
Хитрости новой на ум не приходит: меня все родные
Нудят к замужеству; и сын огорчается, видя, как дом наш
Грабят; а он уж созрел и теперь за хозяйством способен
Сам наблюдать, и к нему уваженье Зевес пробуждает
В людях. Скажи ж откровенно мне, кто ты? Уж верно, не отрасль
Славного в древности дуба, не камень от груди утеса».
Ей возражая, ответствовал так Одиссей богоравный:
«О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Вижу, что ты о породе моей неотступно желаешь
Сведать. Я все расскажу, хоть печаль и усилит рассказ мой
В сердце моем. Так бывает со всяким, кто долго в разлуке
С милой семьей, сокрушенный, как я, меж людей земнородных
Странствует, их посещая обители, сам бесприютный.
Но отвечать на вопросы твои я с охотою буду.
Остров есть Крит посреди виноцветного моря, прекрасный,
Тучный, отвсюду объятый водами, людьми изобильный;
Там девяносто они городов населяют великих.
Разные слышатся там языки: там находишь ахеян
С первоплеменной породой воинственных критян; киконы
Там обитают, дорийцы кудрявые, племя пеласгов,
В городе Кносе живущих. Едва девяти лет достигнув,
Там уж царем был Минос, собеседник Кронпона мудрый,

Дед мой, родитель великого Девкалиона, который
Идоменея родил и меня. В корабле крутоносом
Идоменей, многославный мой брат, в отдаленную Трою
Поплыл с Атридом; мое ж знаменитое имя Аитон;
После него родился я; он старший и властью сильнейший.
В Крите гостил Одиссей; и он мною, как гость, одарен был.
В Крит же его занесло буреносною силою ветра:
В Трою плывя и у мыса Малеи застигнутый бурей,
В устье Амнисия ввел он свой быстрый корабль и в опасной
Пристани стал близ скалы Илифийской, богами спасенный.
К Идоменею он в город пришел, утверждая, что гостем
Был он царю, что его почитал и любил несказанно.
Но уж дней десять прошло иль одиннадцать с тех пор, как поплыл
Царь в кораблях крутоносых в троянскую землю. Я принял
Вместо царя во дворце Одиссея, и мной угощен был
Он дружелюбно с великою роскошью; было запасов
Много у нас; и сопутники все Одиссеевы хлебом,
Собранным с мира, и огненноцветным вином, и прекрасным
Мясом быков угощаемы досыта были; двенадцать
Дней провели богоравные люди ахейские с нами:
В море идти не пустил их Борей, бушевавший с такою
Силой, что было нельзя на ногах устоять и на суше;
Демон его разъярил; на тринадцатый день он утихнул.
В море пустились они». Так неправду за чистую правду
Он выдавал им. И слезы из глаз их лилися; как тает
Снег на вершинах высоких, заоблачных гор, теплоносным
Эвром согретый и прежде туда нанесенный Зефиром,—
Им же растаенным реки полнеют и льются быстрее,—
Так по щекам Пенелопы прекрасным струею лилися
Слезы печали о милом, пред нею сидевшем, супруге.
Он же, глубоко проникнутый горьким ее сокрушеньем
(Очи свои, как железо иль рог неподвижные, крепко
В темных ресницах сковав и в нее их вперив, не мигая),
Воли слезам не давал. И, насытяся горестным плачем,
Так напоследок ему начала говорить Пенелопа:
«Странник, я способ имею, тебя испытанью подвергнув,
Выведать, подлинно ль ты Одиссея и спутников, бывших
С ним, угощал там в палатах царя, как теперь уверяешь.
Можешь ли мне описать ты, какое в то время носил он
Платье, каков он был видом и кто с ним сопутники были?»
Ей отвечая, сказал Одиссей, в испытаниях твердый:
«Трудно ответствовать мне на вопрос твой, царица; уж много

Времени с этой поры протекло, и тому уж двадцатый
Год, как, мою посетивши отчизну, супруг твой пустился
В море; но то, что осталося в памяти, вам расскажу я:
В мантию был шерстяную, пурпурного цвета, двойную
Он облечен; золотою прекрасной с двойными крючками
Бляхой держалася мантия; мастер на бляхе искусно
Грозного пса и в могучих когтях у него молодую
Лань изваял; как живая, она трепетала; и страшно
Пес на нее разъяренный глядел, и, из лап порываясь
Выдраться, билась ногами она: в изумленье та бляха
Всех приводила. Хитон, я приметил, носил он из чудной
Ткани, как пленка, с головки сушеного снятая лука,
Тонкой и светлой, как яркое солнце; все женщины, видя
Эту чудесную ткань, удивлялися ей несказанно.
Я же — заметь ты — не ведаю, где он такую одежду
Взял? Надевал ли уж дома ее до отбытия в Трою?
В дар ли ее получил от кого из своих при отъезде?
Взял ли в подарок прощальный как гость? Одиссея любили
Многие люди; сравниться же мало могло с ним ахеян.
Меч медноострый, двойную пурпурную мантию, с тонким,
Сшитым по мерке хитоном ему подарив на прощанье,
С почестью в путь проводил я его в корабле крепкозданном.
С ним находился глашатай; немного постаре годами
Был он; его и теперь описать вам могу я: горбатый,
Смуглый, курчавые волосы, черная кожа на теле;
Звали его Еврибатом; его всех товарищей боле
Чтил Одиссей, поелику он ведал, сколь был он разумен».
Так говорил он. Усилилось горе в душе Пенелопы:
Все Одиссеевы признаки ей описал он подробно.
Горестным плачем о милом, далеком супруге насытясь,
Так напоследок опять начала говорить Пенелопа:
«Странник, до сих пор одно сожаленье к тебе я имела,—
Будешь отныне у нас ты любим и почтен несказанно.
Платье, которое мне описал ты, сама я сложила
В складки, достав из ларца, и ему подала, золотою
Бляхой украсив. И мне уж его никогда здесь не встретить
В доме семейном, в отечестве милом! Зачем он, зачем он
Нас покидал! Неприязненный демон его с кораблями
В море увел, к роковым, к несказанным стенам Илиона».
Ей возражая, ответствовал так Одиссей богоравный:
«О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Нежной своей красоты не губи сокрушеньем; не сетуй
Так безутешно о милом супруге. Тебя укорять я

В этом не буду: нельзя не крушиться жене об утрате
Сердцем избранного мужа, с которым в любви родились ей
Дети; красой же богам Одиссей, говорят, был подобен.
Ты успокойся, однако, и выслушай то, что скажу я:
Правду одну я скажу, ничего от тебя не скрывая,
Все объявив, что узнал о прибытии к вам Одиссея
В области тучной феспротов, от здешних брегов недалекой.
Жив он; и много везет на своем корабле к вам сокровищ,
Собранных им от различных народов; но спутников верных
Всех он утратил; его крутобокий корабль, виноцветным
Морем от знойной Тринакрии плывший, Зевес и блестящий
Гелиос громом разбили своим за пожранье священных,
Солнцу любезных быков — все погибли в волнах святотатцы.
Он же, схвативший оторванный киль корабля, был на остров
Выброшен, где обитают родные богам феакийцы;
Почесть ему оказали они, как бессмертному богу;
Щедро его одарили и даже сюда безопасно
Сами хотели его проводить. И давно б уж в Итаке
Был он; но, здраво размысливши, он убедился, что прежде
Разные земли ему для скопленья богатств надлежало
Видеть. Никто из людей земнородных не мог с ним сравниться
В знании выгод своих и в расчетливом, тонком рассудке —
Так говорил мне о нем царь Федон благодушный, который
После, бессмертным богам совершив возлиянье, поклялся
Мне, что и быстрый корабль уж устроен, и собраны люди
В милую землю отцов проводить Одиссея; меня же
Он наперед отослал, поелику корабль приготовлен
Был для феспротов, в Дулихий, обильный пшеницею, шедших;
Мне и богатство, какое скопил Одиссей, показал он.
Даже и внукам в десятом колене достанется много —
Столько добра им оставлено было царю в сохраненье.
Сам же, сказали, пошел он в Додону затем, чтоб оракул
Темносенистого Диева дуба его научил там,
Как по отсутствии долгом, в отчизну, в желанную землю
Милой Итаки ему возвратиться удобнее будет.
Жив он, ты видишь сама; и, конечно, здесь явится скоро;
Верно, теперь и от милых своих, и от родины светлой
Он недалеко; могу подтвердить то и клятвой великой;
Зевсом, метателем грома, отцом и владыкой бессмертных,
Также святым очагом Одиссеева дома клянуся
Вам, что наверно и скоро исполнится то, что сказал я.
Прежде, чем солнце окончит свой круг, Одиссей возвратится;
Прежде, чем месяц наставший сменен наступающим будет,

Вступит он в дом свой». Ему отвечая, сказала царица:
«Если твое предсказание, гость чужеземный, свершится,
Будешь от нас угощен ты как друг и дарами осыпан
Столь изобильно, что счастью такому все будут дивиться.
Мне же не то предвещает мое сокрушенное сердце:
Нет! И сюда Одиссей не придет, и тебя не отправим
В путь мы отсюда: недобрые люди здесь властвуют в доме;
Здесь никого не найдется такого, каков Одиссей был,
Странников всех угощавший и всем на прощанье даривший
Много. Теперь вы, рабыни, омойте его и постелю,
Мантией теплой покрытую, здесь приготовьте, чтоб мог он
Спать, не озябнув, до первых лучей златотронной Денницы.
Завтра ж поутру его вы, в купальне омывши, елеем
Чистым натрите, дабы он, опрятный, за стол с Телемахом
Сел и с гостями обедал. И горе тому, кто обидеть
Вновь покусится его непристойно: ему никакого
Места вперед здесь не будет, хотя б он и сильно озлился.
Иначе, странник, поверишь ли ты, чтоб хоть мало от прочих
Жен я возвышенным духом и светлым умом отличалась,
Если я грязным тебя и нечисто одетым за стол наш
Сесть допущу? Нам ненадолго жизнь достается на свете;
Кто здесь и сам без любви, и в поступках любви не являет,
Тот ненавистен, пока на земле он живет, и желают
Зла ему люди; от них поносим он нещадно и мертвый;
Кто ж, беспорочный душой, и в поступках своих беспорочен —
Имя его, с похвалой по земле разносимое, славят
Все племена и народы, все добрым его величают».
Ей возражая, ответствовал так Одиссей богоравный:
«О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Теплая мантия мне и роскошное ложе противны
С тех пор, как Крита широкого снегом покрытые горы,
В длинновесельном плывя корабле, из очей потерял я.
Дай мне здесь спать, как давно уж привык я, на жесткой постели.
Много, много ночей провалялся в бессоннице тяжкой
Я, ожидая пришествия златопрестольной Денницы;
Также и ног омовение мне не по сердцу; по крайней
Мере, к моим прикоснуться ногам ни одной не позволю
Я из рабынь молодых, в Одиссеевом доме служащих.
Нет ли старушки, любящей заботливо службу и много
В жизни, как сам я, и зла и добра испытавшей? Охотно
Ей прикоснуться к моим с омовеньем ногам я дозволю».
Так Одиссею, ему отвечая, сказала царица:

«Странник, немало до сих пор гостей к нам из близких, из дальних
Стран приходило — умней же тебя никого не случалось
Встретить мне; речи твои все весьма рассудительны. Есть здесь
В доме старушка, советница умная, полная добрых
Мыслей; за ним, злополучным, ходила она; он был ею
Выкормлен, ею в минуту рождения на руки принят.
Ей, хоть она и слаба, о тебе поручу я заботу;
Встань, Евриклея, моя дорогая разумница, вымой
Ноги ему, твоего господина ровеснику; с ним же,
Может быть, сходен и видом уж стал Одиссей, изнуренный
Жизнию трудной: в несчастии люди стареются скоро».
Так говорила она; Евриклея закрыла руками
Очи, но слезы пробились сквозь пальцы; она возопила:
«Свет мой, дитя мое милое! Где ты? За что же Кронион
Так на него, столь покорного воле богов, негодует?
Кто ж из людей перед громоиграте лем Зевсом такие
Тучные бедра быков сожигал и ему гекатомбы
Так приносил изобильно, моля, чтоб он светлую старость
Дал ему дома провесть, расцветающим радуясь сыном?
Были напрасны молитвы; навеки утратил возврат он.
Горе! Быть может, теперь, никому не родной, на чужбине,
Где-нибудь, впущенный в дом богача, он от глупых служанок
Встречен такой же там бранью, какой был от этих собак ты,
Странник, обижен; зато и не хочешь им, дерзким, позволить
Ноги омыть у тебя. То, однако, порядком исполнить
Мне повелела моя госпожа Пенелопа. Охотно
Сделаю все, и не волю одну госпожи исполняя.
Нет! для тебя самого. Несказанно мою ты волнуешь
Душу. Послушай, я выскажу мысли мои откровенно:
Странников бедных немало в наш дом приходило; но сердце
Мне говорит, что из них ни один (с удивленьем смотрю я)
Не был так голосом, ростом, ногами, как ты, с Одиссеем
Сходен». Сказала. Ей так отвечал Одиссей хитроумный:
«Правда, старушка, и сам от людей я, которым обоих
Нас повстречать удавалось, слыхал, что во многом друг с другом
Мы удивительно сходны, как то мне и ты говоришь здесь».
Так отвечал он. Сияющий таз, для мытья ей служивший
Ног, принесла Евриклея; и, свежей водою две трети
Таза наполнив, ее долила кипятком. Одиссей же
Сел к очагу; но лицом обернулся он к тени, понеже
Думал, что, за ногу взявши его, Евриклея знакомый

Может увидеть рубец, и тогда вся откроется разом
Тайна. Но только она подошла к господину, рубец ей
Бросился прямо в глаза. Разъяренного вепря клыком он
Ранен был в ногу тогда, как пришел посетить на Парнасе
Автоликона, по матери деда (с его сыновьями),
Славного хитрым притворством и клятв нарушением — Эрмий
Тем дарованьем его наградил, поелику он много
Бедр от овец и от коз приносил благосклонному богу.
Автоликон, посетив плодоносную землю Итаки,
Новорожденного сына у дочери милой нашел там.
Выждав, когда он окончит свой ужин, ему на колена
Внука пришла положить Евриклея. Она тут сказала:
«Автоликон, богоданному внуку ты выдумать должен
Имя, какое угодно тебе самому: ты усердно
Зевса о внуке молил». То приняв предложенье, сказал он
Зятю и дочери: «Вашему сыну готово уж имя;
Вас посетить собираясь, я рассержен несказанно
Многими был из людей, населяющих тучную землю;
Пусть назовется мой внук Одиссеем; то значит: *сердитый.*
Если ж когда он, достигнувши мужеских лет, пожелает
Дедовский дом посетить на Парнасе, где наша обитель,
Будет он мной угощен и с богатым отпущен подарком».
Внук возмужал и пришел за подарком обещанным к деду.
Автоликон с сыновьями своими его благосклонно
Встретил руки пожиманьем и сладко-ласкательным словом;
Бабка ж его Амфитея в слезах у него целовала
Очи, и руки, и голову, громко рыдая. Богатый
Пир приказал сыновьям многославным своим приготовить
Автоликон. И они, исполняя родителя волю,
Тотчас пригнать повелели быка пятилетнего с поля;
Голову снявши с быка и его распластавши, на части
Мясо они разрубили и части, взоткнув их на вертел,
Начали жарить; изжарив же, их разнесли по порядку.
Сидя они за обедом весь день до вечернего мрака
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
Солнце тем временем село, и ночь наступила; о ложе
Каждый подумал, и сна благодать ниспослали им боги.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Автоликоновы все сыновья, на охоту собравшись,
Скликали быстрых собак. Сын Лаэртов отправился с ними.
Долго они по крутому, покрытому лесом, Парнасу
Шли; напоследок достигли глубоких, ветристых ущелий;

Гелиос только что начал поля озарять, подымаясь
Тихо с глубоких, лиющихся медленно вод Океана;
В дикую дебрь углубились охотники все; перед ними,
След открывая, бежали собаки; с собаками вместе
Автоликоновы дети и сын многославный Лаэртов
Быстро бежали, имея в руках длиннотенные копья.
Страшно-огромный кабан там скрывался, в кустах закопавшись
Диких: в тенистую глубь их проникнуть не мог ни холодный,
Сыростью дышащий ветер, ни Гелиос, знойно-блестящий,
Даже и дождь не пронзал их ветвистого свода — так густо
Были они сплетены; и скопилось там много опадших
Листьев. Когда же приблизился шум от собак и от ловчих,
Быстро бежавших, кабан им навстречу из дикого лога
Прянул; щетину встопорщив, ужасно сверкая глазами,
Он заступил им дорогу; и первый, к нему подбежавший,
Был Одиссей. Он копье длинноострое поднял, готовый
Зверя пронзить; но успел Одиссею поранить колено
Острым клыком разъяренный кабан; и он выхватил много
Мяса, нагрянувши бешено сбоку, но кость уцелела.
В правое зверю плечо боевое копье сын Лаэртов
Сильно всадил; и, плечо проколов, острием на другой бок
Вышло копье; повалился кабан, и душа отлетела.
Автоликоновы дети убитого зверя велели
Должным порядком убрать и потом Одиссееву рану
Перевязали заботливо; кровь же, бежавшую сильно,
Заговорили. И все напоследок к отцу возвратились.
Автоликон и его сыновья Одиссея, от раны
Дав исцелиться ему и его одаривши богато,
Сердцем веселого, сами веселые, с миром послали
В землю Итаки; отец и разумная мать несказанно
Были его возвращению рады; они расспросили
Сына подробно о ране, и он рассказал по порядку,
Как, на Парнасе ловитвой зверей веселясь с сыновьями
Автоликона, он вепрем клычистым был ранен в колено.
Эту-то рану узнала старушка, ощупав руками
Ногу; отдернула руки она в изумленье; упала
В таз, опустившись, нога; от удара ее зазвенела
Медь, покачнулся водою наполненный таз, пролилася
На пол вода. И веселье и горе проникли старушку,
Очи от слез затуманились, ей не покорствовал голос.
Сжав Одиссею рукой подбородок, она возгласила:
«Ты Одиссей! Ты мое золотое дитя! И тебя я

Прежде, пока не ощупала этой ноги, не узнала!»
Кончив, она на свою госпожу обратила поспешно
Взоры, чтоб ей возвестить возвращение милого мужа.
Та ж не могла ничего, обратяся глазами в другую
Сторону, видеть: Паллада ее овладела вниманьем.
Но Одиссей, ухвативши одною рукою за горло
Няню свою, а другою ее подойти приневолив
Ближе к нему, прошептал ей: «Ни слова! Меня ты погубишь;
Я Одиссей; ты вскормила меня; претерпевши немало,
Волей богов возвратился я в землю отцов через двадцать
Лет. Но — уж если твои для узнания тайны открылись
Очи — молчи! И чтоб в доме никто обо мне не проведал!
Иначе, слушай — и то, что услышишь, исполнится верно,—
Если мне Дий истребить женихов многобуйных поможет,
Здесь и тебя я щадить, хоть тобой и воспитан, не стану
В час тот, когда над рабынями строгий мой суд совершится».
Сыну Лаэртову так, отвечая, сказала старушка:
«Странное слово из уст у тебя, Одиссей, излетело;
Ведаешь сам ты, как сердцем тверда я, как волей упорна:
Все сохраню, постоянней, чем камень, целей, чем железо;
Выслушай, друг, мой совет и заметь про себя, что услышишь.
Если Зевес истребить женихов многобуйных поможет,
Всех назову я рабынь, обитающих здесь, чтоб меж ними
Мог отличить ты худых и порочных от добрых и честных».
Ей возражая, ответствовал так Одиссей хитроумный:
«Нет, Евриклея, их мне называть не трудись понапрасну;
Сам все увижу и буду уметь все подробно разведать.
Только молчи. Произволу богов предадим остальное».
Так говорил Одиссей; и поспешно пошла Евриклея
Теплой воды принести, поелику вся прежняя на пол
Вылилась. Вымыв и чистым елеем умасливши ноги,
Снова скамейку свою Одиссей пододвинул к жаровне;
Сев к ней, чтоб греться, рубец свой отрепьями рубища скрыл он.
Умная так, обратяся к нему, Пенелопа сказала:
«Странник, сначала сама я тебя вопрошу, отвечай мне:
Скоро наступит пора насладиться покоем; и счастлив
Тот, на кого и печального сон миротворный слетает.
Мне ж несказанное горе послал неприязненный демон;
Днем, сокрушаясь и сетуя, душу свою подкрепляю
Я рукодельем, хозяйством, присмотром за делом служанок;
Ночью ж, когда все утихнет и все вкруг меня, погрузившись
Сладостно в сон, отдыхают беспечно, одна я, тревогой

Мучась, в бессоннице тяжкой сижу на постели и плачу;
Плачет Аида, Пандарова дочь бледноликая, плачет;
Звонкую песню она заунывно с началом весенних
Дней благовонных поет, одиноко таясь под густыми
Сенями рощи, и жалобно льется рыдающий голос;
Плача, Итилоса милого, сына Зефосова, медью
Острой нечаянно ею сраженного, мать поминает.
Так, сокрушенная, плачу и я, и не знаю, что выбрать,—
С сыном ли милым остаться, смотря за хозяйством, за светлым
Домом его, за работой служанок, за всем достояньем,
Честь Одиссеева ложа храня и молву уважая?
Иль, наконец, предпочесть из ахейцев того, кто усердней
Брака желает со мной и щедрее дары мне приносит?
Сын же, покуда он отроком был неразумным, расстаться
С матерью нежной не мог и супружеский дом мне покинуть
Сам запрещал; но теперь он, уж мужеской силы достигнув,
Требует сам от меня, чтоб из дома я вышла немедля;
Он огорчается, видя, как наше имущество грабят.
Ты же послушай: я видела сон; мне его растолкуй ты;
Двадцать гусей у меня есть домашних; кормлю их пшеницей;
Видеть люблю, как они, на воде полоскаясь, играют.
Снилося мне, что, с горы прилетевший, орел крутоносый,
Шею свернув им, их всех заклевал, что в пространной столовой
Мертвые были они на полу все разбросаны; сам же
В небо умчался орел. И во сне я стонала и горько
Плакала; вместе со мною и много прекрасных ахейских
Жен о гусях, умерщвленных могучим орлом, сокрушалось.
Он же, назад прилетев и спустясь на высокую кровлю
Царского дома, сказал человеческим голосом внятно:
«Старца Икария умная дочь, не крушись, Пенелопа.
Видишь не сон мимолетный, событие верное видишь;
Гуси — твои женихи, а орел, их убить прилетавший
Грозною птицей, не птица, а я, Одиссей твой, богами
Ныне тебе возвращенный твоим женихам на погибель».
Так он сказал мне, и в это мгновенье мой сон прекратился;
Я осмотрелась кругом: на дворе, я увидела, гуси
Все налицо; и, толпяся к корыту, клюют там пшеницу».
Умной супруге своей отвечал Одиссей богоравный:
«Сон, государыня, твой толковать бесполезно: он ясен
Сам по себе; сокровенного нет в нем значенья; и если
Сам Одиссей предсказал женихам их погибель — погибнут
Все: ни один не уйдет от судьбы и от мстительной Керы».
Так, отвечая, сказала царица Лаэртову сыну:

«Странник, конечно, бывают и темные сны, из которых
Смысла нельзя нам извлечь; и не всякий сбывается сон наш.
Создано двое ворот для вступления снам бестелесным
В мир наш: одни роговые, другие из кости слоновой;
Сны, проходящие к нам воротами из кости слоновой,
Лживы, несбыточны, верить никто из людей им не должен;
Те же, которые в мир роговыми воротами входят,
Верны; сбываются все приносимые ими виденья.
Но не из этих ворот мой чудесный, я думаю, вышел
Сон — сколь ни радостно было бы то для меня и для сына.
Слушай теперь, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
Завтра наступит он, день ненавистный, в который покинуть
Дом Одиссеев принудят меня; предложить им стрелянье
Из лука в кольца хочу я: супруг Одиссей здесь двенадцать
С кольцами ставил, бывало, жердей, и те жерди не близко
Ставил одну от другой, и стрелой он пронизывал кольца
Все. Ту игру женихам предложить я теперь замышляю;
Тот, кто согнет, навязав тетиву, Одиссеев могучий
Лук, чья стрела пролетит через все (их не тронув) двенадцать
Колец, я с тем удалюся из этого милого дома,
Дома семейного, светлого, многобогатого, где я
Счастье нашла, о котором и сонная буду крушиться».
Ей возражая, ответствовал так Одиссей богоравный:
«О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Этой игры, мой совет, не должна ты откладывать. Верь мне,
В доме своем Одиссей многохитростный явится прежде,
Нежели кто между ими, рукою ощупавши гладкий
Лук, тетивою натянет его и сквозь кольца прострелит».
Так, отвечая, сказала царица Лаэртову сыну:
«Если б ты, странник, со мною всю ночь согласился в палате
Этой сидеть и меня веселить разговором, на ум бы
Сон не пришел мне; но вовсе без сна оставаться нам, слабым
Смертным, не должно. Здесь всем нам, землей многодарной кормимым,
Боги бессмертные меру, особую каждому, дали.
Время, однако, наверх мне уйти, чтоб лежать одиноко
Там на постели, печалью перестланной, горьким потоком
Слез обливаемой с самых тех пор, как супруг мой отсюда
Морем пошел к роковым, к несказанным стенам Илиона.
Там отдохну я, а ты ночевать, иноземец, останься
Здесь; и ложись на постелю иль на пол, как сам пожелаешь».
Так Пенелопа сказавши, пошла по ступеням высоким

Вверх — не одна, все рабыни за нею пошли; и, в покое
Верхнем своем затворяся, в кругу приближенных служанок
Плакала горько она о своем Одиссее, покуда
Сладкого сна не свела ей на очи богиня Афина.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ

Тут приготовил в сенях для себя Одиссей богоравный
Ложе из кожи воловьей, еще не дубленной; покрывши
Кожу овчинами многих овец, женихами убитых,
Лег он; и теплым покровом его Евриклея одела.
Там Одиссей, женихам истребление в мыслях готовя,
Глаз не смыкая, лежал. В ворота, он увидел, служанки,
Жившие в тайной любви с женихами, толпой побежали,
С хохотом громким, болтая, шумя и крича непристойно.
Вся его внутренность пламенем гнева зажглась несказанным.
Долго не знал он, колеблясь рассудком и сердцем, что делать,—
Встать ли и, вслед за бесстыдными бросившись, всех
умертвить их?
Или остаться, дав волю в последний им раз с женихами
Свидеться? Сердце же злилось его; как рычит, ощенившись,
Злобная сука, щенятюк своих защищая, когда их
Кто незнакомый берет, и за них покусаться готовясь,
Так на бесстыдниц его раздраженное сердце роптало.
В грудь он ударил себя и сказал раздраженному сердцу:
«Сердце, смирись; ты гнуснейшее вытерпеть силу имело
В логе циклопа, в то время, когда пожирал беспощадно
Спутников он злополучных моих,— и терпенье рассудку
Выход из страшной пещеры для нас, погибавших, открыло».
Так усмирял он себя, обращаясь к милому сердцу.
Милое сердце ему покорилось, и снова терпенье
В грудь пролилося его; но ворочался с боку он на бок.
Как на огне, разгоревшемся ярко, ворочают полный
Жиром и кровью желудок туда и сюда, чтоб отвсюду
Мог быть он сочно и вкусно обжарен, огнем не прижженный,
Так на постели ворочался он, беспрестанно тревожась
В мыслях о том, как ему одному с женихов многосильной
Шайкою сладить. К нему подошла тут Палада Афина,
С неба слетевшая в виде младой, расцветающей девы.
Тихо к его изголовью приблизясь, богиня сказала:

«Что же не спишь ты, из всех земнородных несчастнейший? Разве
Это не дом твой? Не верною ль в доме ты встречен женою?
Сын же таков твой, что всякий ему бы отцом захотел быть».
Светлой богине ответствовал так Одиссей хитроумный:
«Истину ты говоришь мне, богиня; но сердцем я крепко
(В том принужден пред тобой повиниться) тревожусь, не зная,
Буду ли в силах один с женихов многочисленной шайкой
Сладить? Они всей толпою всегда собираются в доме.
Но и другою тревогой мое озабочено сердце:
Если по воле твоей и Крониона всех истреблю я —
Как мне спастися от мщенья родни их? Подумай об этом».
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Ты, маловерный! Надеются ж люди в беде и на слабых
Смертных, ни делом помочь, ни совета подать неспособных,—
Я же богиня, тебя неизменно всегда от напасти
Всякой хранившая. Слушай, понятно и ясно скажу я:
Если бы вдруг пятьдесят из засады на двух нас напало
Ратей, чтоб нам совокупно погибель устроить,— при них жо
Мы бы похитили коз их, овец и быков круторогих.
Спи, ни о чем не тревожась: несносно лежать на постели,
Глаз не смыкая; твои же напасти окончатся скоро».
С сими словами богиня ему затворила дремотой
Очи, потом на Олимп улетела. И всех усладитель
Наших тревог, разрешающий сладко усталые члены,
Сон овладел им. Супруга ж его, от тревоги проснувшись,
Села бессонная в горьких слезах на постели; слезами
Вдоволь свою сокрушенную грудь утолив, громогласно
Стала она призывать Артемиду и так ей молилась:
«О Артемида, богиня великая, дочь громовержца,
Тихой стрелою твоею меня порази и из тела
Выведи душу мою. О, когда бы меня ухватила
Буря и мглистой дорогой со мною умчалася в край тот,
Где начинает свой путь Океан, круговратно бегущий!
Были ж Пандаровы дочери схвачены бурею. Боги
Мать и отца погубили у них; сиротами остались
В доме семейном они; Афродита богиня питала
Их молоком, сладкотающим медом, вином благовонным;
Гера дала им, от всех отличая их дев земнородных,
Ум и красу; Артемида пленительной стройностью стана
Их одарила; Афина их всех научила искусствам.
Но когда на высокий Олимп вознеслась Киферея
Там умолять, чтоб супружества счастие дал непорочным

Девам Зевес громолюбец, который, все ведая в мире,
Благо и зло земнородным по воле своей посылает,—
Гнусные Гарпии, дев беззащитных похитя, их в руки
Предали грозных Эриний, чудовищам в рабство. О, если б
Так и меня олимпийские боги с земли во мгновенье
Сбросили! Если б меня, с Одиссеем в душе, Артемида
Светлокудрявая в темную вдруг затворила могилу
Прежде, чем быть мне подругою мужа, противного сердцу!
Но и тяжелые скорби становятся легче, когда мы,
В горьких слезах, в сокрушении сердца день целый проведши,
Ночью в объятия сна предаемся — мы все забываем,
Зло и добро, лишь коснется очей он целебной рукою;
Мне же и сон мой терзает виденьями страшными демон;
Виделось мне, что лежал близ меня несказанно с ним сходный,
Самый тот образ имевший, какой он имел, удаляясь;
Я веселилась; я думала: это не сон — и проснулась».
Так говорила она. Поднялась златовласая Эос.
Жалобы плачущей в слух Одиссеев входили; и, слыша
Их, он подумал, что ею был узнан; ему показалось
Даже, что образ ее над его изголовьем летает.
Сбросив покров и овчины собрав, на которых лежал он,
Все их сложил Одиссей на скамейке, а кожу воловью
Вынес на двор. Тут к Зевесу он поднял с молитвою руки:
«Если, Зевес, наш отец, ты меня и землей и водою
В дом мой (хотя и подвергнул напастям) привел невредимо,
Дай, чтоб от первого, кто здесь проснется, мной вещее слово
Было услышано; сам же мне знаменьем сердце обрадуй».
Так говорил он, молясь, и Кронион молитву услышал:
Страшно ударившим громом из звездно-бестучного неба
Зевс отвечал. Преисполнилась радостью грудь Одиссея.
Слово же первое он от рабыни, моловшей на царской
Мельнице близкой, услышал; на мельнице этой двенадцать
Было рабынь, и вседневно от раннего утра до поздней
Ночи ячмень и пшено там они для домашних мололи.
Спали другие, всю кончив работу; а эта, слабее
Прочих, проснулася ране, чтоб труд довершить неготовый.
Жернов покинув, сказала она (и пророчество было
В слове ее Одиссею): «Зевес, наш отец и владыка,
На небе нет облаков, и его наполняют, сверкая,
Звезды, а гром твой гремит, всемогущий! Кому посылаешь
Знаменье грома? Услышь и меня, да исполнится ныне
Слово мое: да последним в жилище царя Одиссея
Будет сегодняшний пир женихов многобуйных! Колена

Мы сокрушили свои непрестанной работой, обжорству
Их угождая,— да нынешним кончатся все здесь пиры их!»
Так говорила рабыня, был рад Одиссей прорицанью
Грома и слова, и в сердце его утвердилась надежда.
Тут Одиссеева дома рабыни сошлися из разных
Горниц и жаркий огонь на большом очаге запалили.
Ложе покинул свое и возлюбленный сын Одиссеев;
Платье надев, изощренный свой меч на плечо он повесил;
После, подошвы красивые к светлым ногам привязавши,
Взял боевое копье, лучезарно блестящее медью;
Так он ступил на порог и сказал, обратясь к Евриклее:
«Няня, доволен ли был угощением странник? Покойно ль
Спал он? Иль вы не хотели о нем и подумать? Обычай
Матери милой я знаю; хотя и разумна, а часто
Между людьми иноземными худшему почести всякой
Много окажет, на лучшего ж вовсе и взгляда не бросит».
Так говорил Телемах. Евриклея ему отвечала:
«Ты понапрасну, дитя, невиновную мать обвиняешь;
С нею сидя, здесь вином утешался он, сколько угодно
Было душе; но не ел, хоть его и просили. По горло
Сыт я, сказал. А когда он подумал о сне и постели,
Мягкое ложе она приготовить велела рабыням.
Он же, напротив, как жалкий, судьбою забытый бродяга,
Спать на пуховой постели, покрытой ковром, отказался;
Кожу воловью постлал на полу и, овчин положивши
Сверху, улегся в сенях; я покрыла его одеялом».
Так Евриклея сказала. Тогда Телемах из палаты
Вышел с копьем; две лихие за ним побежали собаки.
На площадь, главное место собранья ахеян, пошел он.
Тут всех рабынь Одиссеева дома созвавши, сказала
Им Евриклея, разумная дочь Певсенорида Опса:
«Все на работу! Одни за метлы; и проворнее выместь
Горницы, вспрыснув полы; на скамейки, на кресла и стулья
Пестро-пурпурные ткани постлать; ноздреватою губкой
Начисто вымыть столы; всполоснуть пировые кратеры;
Чаши глубокие, кубки двудонные вымыть. Другие ж
Все за водою к ключу и скорее назад, поелику
Нынешний день женихи не замедлят приходом, напротив,
Ранее все соберутся: мы праздник готовим великий».
Так Евриклея сказала. Ее повинуяся воле,
Двадцать рабынь побежали на ключ темноводный; другие
Начали горницы все прибирать и посуду всю чистить.
Скоро прислали и слуг женихи: за работу принявшись,

Стали они топорами поленья колоть. Воротились
С свежей рабыни водой от ключа. Свинопасом Евмеем
Пригнаны были три борова, самые жирные в стаде:
Заперли их в окруженную частым забором ограду.
Сам же Евмей подошел к Одиссею, спросил дружелюбно:
«Странник, учтивее ль стали с тобой Телемаховы гости?
Иль по-вчерашнему в доме у нас на тебя нападают?»
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Добрый Евмей, да пошлют всемогущие боги Олимпа
Им воздаянье за буйную жизнь и за дерзость, с какою
Здесь, не стыдяся, они расхищают чужое богатство!»
Так говорили о многом они в откровенной беседе.
К ним подошел козовод, за козами смотрящий, Меланфий;
Коз, меж отборными взятых из стада, откормленных жирно
В город пригнал он, гостям на обед; с ним товарищей было
Двое. И, коз привязавши под кровлей сеней многозвучных,
Так Одиссею сказал, им ругаясь, дерзкий Меланфий:
«Здесь ты еще, неотвязный бродяга; не хочешь, я вижу,
Дать нам вздохнуть; мой совет, убирайся отсюда скорее;
Иль и со мной у тебя напоследок дойдет до расправы;
Можешь тогда и моих кулаков ты отведать; ты слишком
Стал уж докучен; не в этом лишь доме бывают обеды».
Кончил. Ему Одиссей ничего не ответствовал; только
Молча потряс головою и страшное в сердце помыслил.
Третий тут главный пастух подошел к ним, коровник Филойтий;
Коз он отборных привел с нетелившейся, жирной коровой.
В город же их привезли на судах перевозчики, всех там,
Кто нанимал их, возившие морем рабочие люди.
Коз и корову Филойтий оставил в сенях многозвучных;
Сам же, приближась к Евмею, спросил у него дружелюбно:
«Кто чужеземец, тобою недавно, Евмей, приведенный
В город? К какому себя причисляет он племени? Где он
Дом свой отцовский имеет? В какой стороне он родился?
С виду он бедный скиталец, но царственный образ имеет.
Боги бездомно-бродящих людей унижают жестоко;
Но и могучим царям испытанья они посылают».
Тут к Одиссею, приветствие правою сделав рукою,
Ласково он обратился и бросил крылатое слово:
«Радуйся, добрый отец чужеземец; теперь нищетою
Ты удручен — но пошлют наконец и тебе изобилье
Боги. О Зевс! Ты безжалостней всех, на Олимпе живущих!
Нет состраданья в тебе к человекам; ты сам, наш создатель,
Нас предаешь беспощадно беде и грызущему горю.

Пóтом прошибло меня и в глазах потемнело, когда я
Вспомнил, взглянув на тебя, о царе Одиссее: как ты, он,
Может быть, бродит в таких же лохмотьях, такой же бездомный.
Где он, несчастный? Еще ли он видит сияние солнца?
Или его уж не стало и в область Аида сошел он?
О благодушный, великий мой царь! Над стадами коров ты
Здесь в стороне кефалленской меня молодого поставил;
Много теперь расплодилось их; нет никого здесь другого,
Кто бы имел столь великое стадо коров крепколобых.
Горе! Я сам приневолен сюда их водить на пожранье
Этим грабителям. Сына они притесняют в отцовом
Доме; богов наказанье не страшно им; между собою
Все разделить уж богатство царя отдаленного мыслят.
Часто мне замысел в милое сердце приходит (хотя он,
Правду сказать, и не вовсе похвален: есть в доме наследник),
Замысел в землю чужую со стадом моим, к иноземным
Людям уйти. Несказанное горе мне, здесь оставаясь,
Царских прекрасных коров на убой отдавать им; давно бы
Эту покинул я землю, где столько неправды творится,
Стадо уведши с собою, к иному царю перешел бы
В службу — но верится все мне еще, что воротится в дом свой
Он, наш желанный, и всех их, грабителей, разом погубит».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Видно, порода твоя не простая, мой честный коровник;
Сердцем, я вижу, ты верен и здравый имеешь рассудок;
Радость за то объявляю тебе и клянуся великой
Клятвой, Зевесом отцом, гостелюбною вашей трапезой,
Также святым очагом Одиссеева дома клянуся
Здесь, что еще ты отсюда уйти не успеешь, как сам он
Явится; можешь тогда ты своими глазами увидеть,
Если захочешь, какой с женихами расчет поведет он».
Кончил. Ему отвечал пастухов повелитель Филойтий:
«Если ты правду сказал, иноземец (и Дий да исполнит
Слово твое), то и я, ты увидишь, не празден останусь».
Тут и Евмей, свинопас благородный, богов призывая,
Стал их молить, чтоб они возвратили домой Одиссея.
Так говорили о многом они, от других в отдаленье.
Тою порой женихи, согласившись предать Телемаха
Смерти, сходились; но в это мгновение слева поднялся
Быстрый орел, и в когтях у него трепетала голубка.
Знаменьем в страх приведенный, сказал Амфином благородный:
«Замысел наш умертвить Телемаха, друзья, по желанью
Нам не удастся исполнить. Подумаем лучше о пире».

Так он сказал; подтвердили его предложенье другие.
Все они вместе пошли и, когда в Одиссеев вступили
Дом, положивши на гладкие кресла и стулья одежды,
Начали крупных баранов, откормленных коз и огромных,
Жирных свиней убивать; и корову зарезали также.
Были изжарены прежде одни потроха, и в кратеры
Влито с водою вино. Свинопас двоеручные кубки
Подал, потом и в прекрасных корзинах коровник Филойтий
Хлебы разнес; а Меланфий вином благовонным наполнил
Кубки. И подняли руки они к приготовленной пище.
Но Одиссею, с намереньем хитрым в уме, на пороге
Двери широкой велел Телемах поместиться; подвинув
К ней небольшую, простую скамейку и низенький столик,
Часть потрохов он принес, золотой благовонным наполнил
Кубок вином и, его подавая, сказал Одиссею:
«Здесь ты сиди и вином утешайся с моими гостями,
Новых обид не страшася; рукам женихов я не дам уж
Воли; мой дом не гостиница, где произвольно пирует
Всякая сволочь, а дом Одиссеев, царево жилище.
Вы ж, женихи, воздержите язык свой от слов непристойных,
Также и воли рукам не давайте; иль будет здесь ссора».
Так он сказал. Женихи, закусивши с досадою губы,
Смелым его пораженные словом, ему удивлялись.
Но, обратясь к женихам, Антиной, сын Евпейтов, воскликнул:
«Как ни досадно, друзья, Телемахово слово, не должно
К сердцу его принимать нам; пускай он грозится! Давно бы,
Если б тому не препятствовал вечный Кронион, его мы
Здесь упокоили — стал он теперь говорун нестерпимый».
Кончил; но слово его Телемах без вниманья оставил.
В это время народ через город с глашатаем жертву
Шел совершать: в многотенную рощу метателя верных
Стрел Аполлона был ход густовласых ахеян направлен.
Те же, изжарив и с вертелов снявши хребтовое мясо,
Роздали части и начали пир многославный. Особо
Тут принесли Одиссею проворные слуги такую ж
Мяса подачу, какую имели и сами; то было
Так им приказано сыном его, Телемахом разумным.
Тою порою Афина сама женихов возбуждала
К дерзко-обидным поступкам, дабы разгорелось сильнее
Мщенье в гневной душе Одиссея, Лаэртова сына.
Там находился один, от других беззаконной отличный
Дерзостью, родом из Зама; его называли Ктесиппом.
Был он несметно богат и, гордяся богатством, замыслил

Спорить с другими о браке с женою Лаэртова сына.
Так, к женихам обратяся, сказал им Ктесипп многобуйный:
«Выслушать слово мое вас, товарищи, я приглашаю:
Мяса, как следует, добрую часть со стола получил уж
Этот старик — и весьма б непохвально, неправедно было,
Если б гостей Телемаховых кто их участка лишал здесь.
Я ж и свою для него приготовил подачу, чтоб мог он
Что-нибудь дать за купанье рабыне иль должный подарок
Сделать кому из рабов, в Одиссеевом доме живущих».
Тут он, схвативши коровью, в корзине лежавшую ногу,
Сильно ее в Одиссея швырнул; Одиссей, отклонивши
Голову вбок, избежал от удара; и страшной улыбкой
Стиснул он губы; нога ж, пролетевши, ударила в стену.
Грозно взглянув на Ктесиппа, сказал Телемах раздраженный:
«Будь благодарен Зевесу, Ктесипп, что удар не коснулся
Твой головы чужеземца: он сам от него отклонился;
Иначе острым копьем повернее в тебя бы попал я;
Стал бы не брак для тебя — погребенье отец твой готовить.
Всем говорю вам: отныне себе непристойных поступков
В доме моем позволять вы не смейте; уж я не ребенок,
Все уж теперь понимаю; все знаю, что надобно делать.
Правда, еще принужден я свидетелем быть терпеливым
Здесь истребленья баранов, и коз, и вина, и богатых
Наших запасов,— я с целой толпою один не управлюсь;
Новых обид мне, однако, я вам не советую делать;
Если ж намеренье ваше меня умертвить, то, конечно,
Будет пристойней, чтоб, в доме моем пораженный, я встретил
Смерть там, чем зрителем был беззаконных поступков и видел,
Как обижают моих в нем гостей, как рабынь принуждают
Злым угождать вожделеньям в священных обителях царских».
Так он сказал; все кругом неподвижно хранили молчанье.
Но Агелай, сын Дамасторов, так отвечал напоследок:
«Правду сказал он, друзья; на разумное слово такое
Вы не должны отвечать оскорбленьем; не трогайте боле
Старого странника; также оставьте в покое и прочих
Слуг, обитающих в доме Лаэртова славного сына.
Я ж Телемаху и матери светлой его дружелюбно
Добрый и, верно, самим им угодный совет предложу здесь:
В сердце своем вы доныне питали надежду, что боги,
Вашим молитвам внимая, домой возвратят Одиссея;
Было доныне и нам невозможно на медленность вашу
Сетовать, так поступать вам советовал здравый рассудок
(Мог после брака внезапно в свой дом Одиссей возвратиться);

Ныне ж сомнения нет нам: мы знаем, что он невозвратен.
Матери умной своей ты теперь, Телемах благородный,
Должен сказать, чтоб меж нами того, кто щедрей на подарки,
Выбрала. Будешь тогда ты свободно в отеческом доме
Жить; а она о другом уж хозяйстве заботиться станет».
Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Нет, Агелай, я Зевесом отцом и судьбой Одиссея
(Что бы с ним ни было: жив ли, погиб ли) клянусь перед всеми
Вами, что матери в брак не мешаю вступить, что, напротив,
Сам убеждаю ее по желанию выбрать, и много
Дам ей подарков; но из дома выслать ее по неволе
Я и помыслить не смею — то Зевсу не будет угодно».
Так говорил Телемах. В женихах несказанный Афина
Смех пробудила, их сердце смутив и рассудок расстроив.
Дико они хохотали; и, лицами вдруг изменившись,
Ели сырое, кровавое мясо; глаза их слезами
Все затуманились; сердце их тяжкой заныло тоскою.
Феоклимен богоравный тогда поднялся и сказал им:
«Вы, злополучные, горе вам! Горе! Невидимы стали
Головы ваши во мгле и невидимы ваши колена;
Слышен мне стон ваш, слезами обрызганы ваши ланиты.
Стены, я вижу, в крови; с потолочных бежит перекладин
Кровь; привиденьями, в бездну Эреба бегущими, полны
Сени и двор, и на солнце небесное, вижу я, всходит
Страшная тень, и под ней вся земля покрывается мраком».
Так он сказал им. Безумно они хохотать продолжали.
Тут говорить женихам Евримах, сын Полибиев, начал:
«Видно, что этот, друзья, чужеземец в уме помешался;
На площадь должно его проводить нам, пусть выйдет на свежий
Воздух, когда уж ему так ужасно темно здесь в палате».
Феоклимен богоравный сказал, обратясь к Евримаху:
«Нет, Евримах, в провожатых твоих не имею я нужды;
Две есть ноги у меня, и глаза есть и уши; рассудок
Мой не расстроен, и память свою я еще не утратил.
Сам убегу я отсюда; я к вам подходящую быстро
Слышу беду; ни один от нее не уйдет; не избегнет
Силы ее никоторый из вас, святотатцев, губящих
Дом Одиссеев и в нем беззаконного много творящих».
Так он сказал, и, поспешно палату покинув, к Пирею
Прямо пошел, и Пиреем был с прежнею лаской принят.
Тою порой, поглядевши с насмешкой один на другого,
Начали все Телемаха дразнить женихи, над гостями
Дома его издеваясь, и так говорили иные:

«Друг Телемах, на отбор негодяи тебя посещают;
Прежде вот этот нечистый пожаловал в дом твой бродяга,
Хищник обеденных крох, ни в какую работу не годный,
Слабый, гнилой старичишка, земли бесполезное бремя;
Гость же другой помешался и начал беспутно пророчить.
Выслушай лучше наш добрый совет, Телемах многомудрый:
Дай нам твоих благородных гостей на корабль крутобокий
Бросить, к сикелам отвезть и продать за хорошие деньги».
Так говорили они; Телемах, их словам не внимавший,
Молча смотрел на отца, дожидаясь спокойно, чтоб подал
Знак он, когда начинать с баззаконною шайкой расправу.
В горнице ближней на креслах богатых в то время сидела
Многоразумная старца Икария дочь, Пенелопа;
Было ей слышно все то, что в собранье гостей говорилось.
Весел беспечно, и жив разговором, и хохотом шумен
Был их обед, для которого столько настряпали сами;
Но никогда, и нигде, и никто не готовил такого
Ужина людям, какой приготовил с Палладою грозный
Муж для незваных гостей, беззаконных ругателей правды.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Дочь светлоокая Зевса Афина вселила желанье
В грудь Пенелопы, разумной супруги Лаэртова сына,
Лук женихам Одиссеев и грозные стрелы принесши,
Вызвать к стрелянию в цель их и тем приготовить им гибель.
Вверх по ступеням высоким поспешно взошла Пенелопа;
Мягкоодутлой рукою искусственно выгнутый медный
Ключ с рукоятью из кости слоновой доставши, царица
В дальнюю ту кладовую пошла (и рабыни за нею),
Где Одиссеевы все драгоценности были хранимы:
Золото, медь и железная утварь чудесной работы.
Там находился и тугосгибаемый лук, и набитый
Множеством стрел бедоносных колчан. Подарен Одиссею
Этот был лук со стрелами давно в Лакедемоне гостем
Ифитом, богоподобного Еврита сыном. Они же
Встретились прежде друг с другом в Мессене, где нужно обоим
Дом посетить Ортилоха разумного было. В Мессене
Тяжбу с гражданами вел Одиссей. Из Итаки мессенцы
Мелкого много скота увели; с пастухами оттуда

Триста быков круторогих разбойничье судно украло.
Их Одиссей там отыскивал; юноша, свежести полный,
Был он в то время; его же послали отец и геронты.
Ифит отыскивал также пропажу: коней, и двенадцать
Добрых жеребых кобыл, и могучих работников мулов.
Ифиту иск удался; но погибелью стала удача:
К сыну Зевесову, славному крепостью силы великой
Мужу, Гераклу, свершителю подвигов чудных, пришел он,—
В доме своем умертвил им самим приглашенного гостя
Зверский Геракл, посрамивши Зевесов закон и накрытый
Им гостелюбно для странника стол, за которым убийство
Он совершил, чтоб коней громозвучнокопытных присвоить.
Ифит, в Мессену за ними пришед, Одиссея там встретил.
Евритов лук он ему подарил; умирая, великий
Еврит тот лук злополучному сыну в наследство оставил.
Ифита острым мечом и копьем одарив длиннотенным,
Гостем остался ему Одиссей; но за стол пригласить свой
Друга не мог: прекратил сын Зевесов, Геракл беспощадный,
Жизнь благородному Ифиту, Еврита славного сыну,
Давшему лук Одиссею и стрелы. И не брал с собою
Их никогда Одиссей на войну в корабле чернобоком:
Память о госте возлюбленном верно храня, их берег он
В доме своем; но в отечестве всюду имел при себе их.
Близко к дверям запертым кладовой подошед, Пенелопа
Стала на гладкий дубовый порог (по снуру обтесавши
Брус, тот порог там искусно уладил строитель, дверные
Притолки в нем утвердил и на притолки створы навесил);
С скважины снявши замочной ее покрывавшую кожу,
Ключ свой вложила царица в замок; отодвинув задвижку,
Дверь отперла; завизжали на петлях заржавевших створы
Двери блестящей; как дико мычит выгоняемый на луг
Бык круторогий — так дико тяжелые створы визжали.
Взлезши на гладкую полку (на ней же ларцы с благовонной
Были одеждой), царица, поднявшись на цыпочки, руку
Снять Одиссеев с гвоздя ненатянутый лук протянула;
Бережно был он обвернут блестящим чехлом; и, доставши
Лук, на колена свои положила его Пенелопа;
Сев с ним и вынув его из чехла, зарыдала, и долго,
Долго рыдала она; напоследок, насытившись плачем,
Медленным шагом пошла к женихам многобуйным в собранье,
Лук Одиссеев, сгибаемый туго, неся и великий
Тул, медноострыми быстросмертельными полный стрелами.
Следом за ней принесен был рабынями ящик с запасом

Меди, железа и с разною утварью бранной. Царица,
В ту палату вступив, где ее женихи пировали,
Подле столба, потолок там высокий державшего, стала,
Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим;
Справа и слева почтительно стали служанки. И, слово
К буйным своим женихам обратив, Пенелопа сказала:
«Слушайте все вы, мои женихи благородные: дом наш
Вы разоряете, в нем на пиры истребляя богатство
Мужа, давно разлученного с милой отчизною; права
Нет вам на то никакого; меня лишь хотите принудить
Выбрать меж вами, на брак согласясь ненавистный, супруга.
Можете сами теперь разрешить вы мой выбор. Готова
Быть я ценою победы. Смотрите, вот лук Одиссеев;
Тот, кто согнет, навязав тетиву, Одиссеев могучий
Лук, чья стрела пролетит через все (их не тронув) двенадцать
Колец, я с тем удалюся из этого милого дома,
Дома семейного, светлого, многобогатого, где я
Счастье нашла, о котором и сонная буду крушиться».
С сими словами велела она свинопасу Евмею
Лук Одиссеев и стрелы подать женихам благородным.
Взрыд он заплакал, приняв его; к женихам он пошел с ним;
Лук Одиссеев узнав, зарыдал и коровник Филойтий.
К ним обратяся обоим, сказал Антиной, негодуя:
«Вы, деревенщина грубая, только одним ежедневным
Занят ваш ум! Отчего вы расплакались? Горе ль усилить
В сердце хотите своей госпожи? И без вас уж довольно
Скорбью томится она бесполезною в долгой разлуке
С мужем; сидите же тихо и ешьте; а если хотите
Плакать, уйдите отсюда, оставя и лук ваш, и стрелы
Нам, женихам, на решительный бой. Сомневаюсь, однако,
Я, чтоб легко натянул кто такой несказанно упорный
Лук. Многосильного мужа такого, каков Одиссей был,
Нет между нами. Его я в то время видал — и поныне
Помню о нем, хоть тогда и ребенком еще был неумным».
Так говоря про других, про себя уповал он, что сладит
С луком, натянет легко тетиву и все кольца прострелит.
Бедный слепец, он не думал, что первою жертвою будет
Стрел Одиссея, который им в собственном доме так дерзко
Был оскорблен, на которого там и других возбуждал он.
Тут к женихам обратясь, им сказал Телемах богоравный:
«Горе! Конечно, мой разум привел в беспорядок Кронион!

Милая мать, столь великим умом одаренная, слышу,
Здесь говорит, что с супругом другим соглашается светлый
Дом мой покинуть; и я, тем довольный, смеюсь, как безумец.
Час наступил; женихи, приготовьтесь к последнему делу.
В целой ахейской земле вы такой не найдете невесты —
Где б ни искали, в священном ли Пилосе, или в Аргосе,
Или в Микенах, иль в нашей Итаке, иль там, на пространстве
Черной земли матерой,— но хвала не нужна; вы довольно
Знаете сами; пора начинать нам свой опыт; берите
Лук Одиссеев и силу свою окажите на деле.
Я ж и себя самого испытанью хочу здесь подвергнуть.
Если удастся мне лук натянуть и стрелою все кольца
Метко пробить, удаление матери милой из дома
С мужем другим и мое одиночество будет сноснее
Мне, уж владеть небессильному луком отца Одиссея».
Кончив, он с плеч молодых пурпуровую мантию сбросил;
Встал и, с мечом медноострым блестящую перевязь снявши,
Жерди в глубоких для каждой особенно вырытых ямках,
Их по снуру уравняв, утвердил; основанья ж, чтоб прямо
Все, не шатаясь, стояли, землей отоптал. Все дивились,
Как он искусно порядок, ему незнакомый, устроил.
Стал Телемах у порога дверей и, схватив Одиссеев
Лук, попытался на нем натянуть тетиву; и погнул он
Трижды его, но, упорствуя, трижды он вновь разогнулся.
Им овладеть, нацепив тетиву, уповая, в четвертый
Раз он готов был с удвоенной силой приняться за дело;
Но Одиссей по условью кивнул головой; отложивши
Труд, обратился к отцу и сказал Телемах богоравный:
«Горе мне! Видно, я слабым рожден и останусь бессильным
Вечно; я молод еще и своею рукой не пытался
Дерзость врага наказать, мне нанесшого злую обиду.
Ваша теперь череда, женихи, вы сильнее; пусть каждый
Лук Одиссеев возьмет и свершить попытается подвиг».
Так говоря, ненатянутый лук опустил он на землю,
К гладкой дверной половинке его прислонивши; но рядом
С ним и стрелу перяную он к ручке замочной приставил.
Сел он на стул свой потом, к женихам возвратяся беспечно.
Тут, обратясь к женихам, Антиной, сын Евпейтов, сказал им:
«С правой руки подходите один за другим вы, начавши
С места, откуда вино подносить на пиру начинают».
Так Антиной предложил, и одобрили все предложенье.
Первый, поднявшийся с места, пошел Леодей, сын Ейнопов,
Жертвогадатель их был он и подле кратеры на самом

Крае стола за обедом садился. Их буйство противно
Было ему; и нередко он их порицал, негодуя.
Первый он должен был взяться за лук роковой, наблюдая
Очередь. Став у порога дверей, он схватил Одиссеев
Лук; но его и погнуть он не мог; от напрасных усилий
Слабые руки его онемели. Он с горем воскликнул:
«Нет! Не по силам мне лук Одиссеев; другой попытайся
Крепость его одолеть; но у многих мужей знаменитых
Душу и жизнь он возьмет. И, конечно, желаннее встретить
Смерть, чем живому скорбеть о утрате того, что так сильно
Нас привлекало вседневно сюда чародейством надежды.
Все мы теперь уповаем, во всех нас пылает желанье
Брак заключить с Пенелопой, женой Одиссея; но каждый,
Лук испытав Одиссеев и силу над ним утомивши,
С горем в душе принужден за другую ахейскую деву
Свататься будет, подарки свои расточая; она же
Выберет доброю волей того, кто щедрей и приятней».
Так говоря, ненатянутый лук опустил он на землю,
К гладкой дверной половинке его прислонивши; но рядом
С ним и стрелу пернную он к ручке замочной приставил.
Сел он на стул свой потом, к женихам возвратяся беспечно.
Гневно к нему обратившись, сказал Антиной, сын Евпейтов:
«Странное слово из уст у тебя, Леодей, излетело,
Слово печальное, страшное; слышать его мне противно.
Душу и жизнь, говоришь ты, у многих людей знаменитых
Лук Одиссеев возьмет, потому, что его не способен
Ты натянуть. Но бессильным от матери был благородной
Ты, без сомненья, рожден, не могучим властителем лука;
Многие будут в числе женихов, без сомненья, способней
Сладить с ним». Кончил. Потом, козовода Меланфия кликнув,
«Слушай, Меланфий,— сказал,— здесь огонь ты разложишь;
к огню же
Близко поставишь покрытую мягкой овчиной скамейку;
Жирного сала потом принесешь нам укруг, чтоб могли мы
Им, на огне здесь его разогревши, помазывать крепкий
Лук Одиссеев: тогда он удобней натянут быть может».
Так он сказал. И Меланфий, огонь разложив превеликий,
Близко поставил скамейку, покрытую мягкой овчиной;
Сала принес напоследок укруг; и, растаявши сало,
Начали мазать им лук женихи; но из них никоторый
Лука не мог и немного погнуть — несказанно был туг он;
Взяться за опыт тогда в свой черед Антиной с Евримахом
Были должны, меж другими отличные мужеской силой.

В это мгновение, разом поднявшися, из дома вместе
Вышли Евмей свинопас и коровник Филойтий; за ними
Следуя, залу покинул и царь Одиссей; он, широкий
Двор перейдя, за ворота двустворные вышел. Позвавши
Там их обоих, он ласково-сладкую речь обратил к ним:
«Верные слуги, Евмей и Филойтий, могу ль вам открыться?
Или мне лучше смолчать? Но меня говорить побуждает
Сердце. Ответствуйте: что бы вы сделали, если б внезапно,
Демоном вдруг приведенный каким, Одиссей, господин ваш,
Здесь вам явился? К нему ль, к женихам ли тогда б вы пристали?
Прямо скажите мне все, что велит вам рассудок и сердце».
Кончил. Ему отвечал простодушный коровник Филойтий:
«Царь наш Зевес, о, когда бы на наши молитвы ты отдал
Нам Одиссея! Да благостный демон его к нам проводит!
Сам ты увидишь тогда, что и я не остануся празден».
Тут и Евмей, свинопас благородный, богов призывая,
Стал их молить, чтоб они возвратили домой Одиссея.
В верности сердца и в доброй их воле вполне убедяся,
Так им обоим сказал наконец Одиссей богоравный:
«Знайте же, я Одиссей, претерпевший столь много напастей,
В землю отцов приведенный по воле богов через двадцать
Лет. Но я вижу, что здесь из рабов моего возвращенья
Только вы двое желаете; я не слыхал, чтоб другой кто
Здесь помолился богам о свидании скором со мною.
Слушайте ж, вам расскажу обо всем, что случиться должно здесь:
Если мне Дий истребить женихов многобуйных поможет,
Вам я обоим найду по невесте, приданое каждой
Дам и построю вам домы вблизи моего, и, как братья,
Будете жить вы со мною и с сыном моим Телемахом.
Вам же и признак могу показать, по которому ясно
Вы убедитесь, что я Одиссей: вот рубец, вам знакомый;
Вепрем, вы помните, был я поранен, когда с сыновьями
Автоликона охотой себя забавлял на Парнасе».
Так говоря, он колено открыл, распахнувши тряпицы
Рубища. Те ж, рассмотревши прилежно рубец, им знакомый,
Начали плакать; и, крепко обняв своего господина,
Голову, плечи, и руки, и ноги его целовали.
Головы их со слезами и он целовал, и за плачем
Их бы могло там застать захождение солнца, когда бы
Им не сказал Одиссей, успокоившись первый: «Отрите

Слезы, чтоб, из дому вышедши, кто не застал вас, так горько
Плачущих: тем преждевременно тайна откроется наша.
Должно, чтоб снова — один за другим, а не вместе — вошли мы
В залу, я первый, вы после. И ждите, чтоб мной был вам подан
Знак. Женихи многобуйные, думаю я, не позволят
В руки мне взять там мой лук и колчан мой, набитый стрелами;
Ты же, Евмей, не дождавшись приказа, и лук и колчан мне
Сам принеси. И потом ты велишь, чтоб рабыни немедля
Заперли в женские горницы двери на ключ и чтоб, если
Шум иль стенанье в столовой послышится им, не посмела
Тронуться с места из них ни одна, чтоб спокойно сидели
Все, ни о чем не заботясь и делом своим занимаясь.
Ты же, Филойтий, возьми ворота на свое попеченье.
Крепко запри их на ключ и ремнем затяни их задвижку».
Так говорил Одиссей им. Он, в двери столовой вступивши,
Сел там опять на оставленной им за минуту скамейке.
После явились один за другим свинопас и Филойтий.
Лук Одиссеев держал Евримах и его над пылавшим
Жарко огнем поворачивал, грея. Не мог он, однако,
Крепость его победить. Застонало могучее сердце;
Голос возвысив, кипящий досадой, он громко воскликнул:
«Горе мне! Я за себя и за вас, сокрушенный, стыжуся:
Нет мне печали о том, что от брака я должен отречься,—
Много найдется прекрасных ахейских невест и в Итаке,
Морем объятой, и в разных других областях кефалленских.
Но столь ничтожными крепостью быть с Одиссеем в сравненье —
Так, что из нас ни один и немного погнуть был не в силах
Лука его,— то стыдом нас покроет и в позднем потомстве».
Но Антиной, сын Евпейтов, воскликнул, ему возражая:
«Нет, Евримах благородный, того не случится, и в этом
Сам ты уверен. Народ Аполлонов великий сего дня
Празднует праздник: в такой день натягивать лук неприлично;
Спрячем же лук; а жердей выносить нам не нужно отсюда.
Пусть остаются; украсть их, конечно, никто из живущих
В доме царя Одиссея рабов и рабынь не помыслит.
Нам же опять благовонным вином пусть наполнит глашатай
Кубки, а лук Одиссеев запрем, совершив возлиянье.
Завтра поутру пускай козовод, наш разумный Меланфий,
Коз приведет нам отборных, чтоб здесь принести Аполлону,

Лука сгибателю, бедра их в жертву. Согнуть он поможет
Лук Одиссеев; и силы над ним не истратим напрасно».
Так предложил Антиной, и одобрили все предложенье.
Тут для умытия рук им глашатаи подали воду;
Отроки, светлым кратеры до края наполнив напитком,
В чашах его разнесли, по обычаю справа начавши;
Вкусным питьем насладились они, сотворив возлиянье.
Хитрость замыслив, тогда им сказал Одиссей многоумный:
«Слух ваш ко мне, женихи Пенелопы, склоните, дабы я
Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.
Вот вам — тебе, Евримах, и тебе, Антиной богоравный,
Столь рассудительно дело решившие,— добрый совет мой:
Лук отложите, на волю бессмертных предав остальное;
Завтра решит Аполлон, кто из вас победителем будет;
Мне же отведать позвольте чудесного лука; узнать мне
Дайте, осталось ли в мышцах моих изнуренных хоть мало
Силы, меня оживлявшей в давнишнее младости время,
Или я вовсе нуждой и бродячим житьем уничтожен».
Кончил. Но просьбы его не одобрил никто. Испугался
Каждый при мысли, что с гладкоблистающим луком он сладит.
Слово к нему обративши, сказал Антиной, сын Евпейтов:
«Что ты, негодный бродяга? Не вовсе ль рассудка лишился?
Мало тебе, что спокойно, допущенный в общество наше,
Здесь ты пируешь, обедая с нами, и все разговоры
Слушаешь наши, чего никогда здесь еще никакому
Нищему не было нами позволено? Все недоволен!
Видно, твой ум отуманен медвяным вином; от вина же
Всякой, его неумеренно пьющий, безумеет. Был им
Некогда Евритион, многославный кентавр, обезумлен.
В дом Пирифоя, великою славного силой, вступивши,
Праздновал там он с лапифами; разума пьянством лишенный,
Буйствовать зверски он вдруг принялся в Пирифоевом доме.
Все раздражились лапифы; покинув трапезу, из залы
Силой его утащили на двор и нещадною медью
Уши и нос обрубили они у него; и рассудка
Вовсе лишенный, кентавр убежал, поношеньем покрытый.
Злая зажглась оттого у кентавров с лапифами распря;
Он же от пьянства там первый плачевную встретил погибель.
Так и с тобою случится, бродяга бессмысленный, если
Этот осмелишься лук натянуть; не молвою прославлен
Будешь ты в области нашей; на твердую землю ты будешь
К злому Эхету царю, всех людей истребителю, сослан;
Там уж ничем не спасешься от гибели жалкой. Сиди же

Смирно и пей; и на старости силой не спорь с молодыми».
Он замолчал. Возражая, сказала ему Пенелопа:
«Нет, Антиной, непохвально б весьма и неправедно было,
Если б гостей Телемаховых кто здесь лишал их участка.
Или ты мыслишь, что этот старик, натянувши великий
Лук Одиссеев, на силу свою полагаясь, помыслит
Мной завладеть и свою безрассудно мне руку предложит?
Это, конечно, ему не входило и сонному в мысли;
Будьте ж спокойны и доле таким опасеньем не мучьте
Сердца — ни вздумать того, ни на деле исполнить неможно».
Тут Евримах, сын Полибиев, так отвечал Пенелопе:
«О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Мы не боимся, чтоб дерзость такую замыслил он,— это
Вовсе несбыточно; мы лишь боимся стыда, мы боимся
Толков, чтоб кто не сказал меж ахейцами, низкий породой:
«Жалкие люди они! За жену беспорочного мужа
Вздумали свататься; лука ж его натянуть не умеют.
Вот посетил их наш брат побродяга, покрытый отрепьем;
Легкой рукой тетиву натянул и все кольца стрелою
Метко пробил он». Так скажут. И будет нам стыд нестерпимый».
Кончил. Разумная старца Икария дочь возразила:
«Нет, Евримах, на себя порицанье и стыд навлекают
Люди, которые дом и богатства отсутственных грабят,
Правду забывши; а тут вам стыда никакого не будет;
Этот же странник, и ростом высокий, и мышцами сильный,
Родом не низок: рожден, говорит он, отцом знаменитым.
Дайте же страннику лук Одиссеев — увидим, что будет.
Слушайте также (и то, что скажу я, исполнится верно),
Если натянет он лук и его Аполлон тем прославит,
Мантию дам я ему, и красивый хитон, и подошвы
Ноги обуть; дам копье на собак и на встречу с бродягой;
Также и меч он получит, с обеих сторон заощренный,
После и в сердцем желанную землю его я отправлю».
Ей возражая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Милая мать, Одиссеевым луком не может никто здесь
Властвовать: дать ли, не дать ли его, я один лишь на это
Право имею — никто из живущих в гористой Итаке
Иль на каком острову, с многоконной Элидою смежном.
Если придет мне на ум, здесь никто запретить мне не может
Страннику стрелы и лук подарить и унесть их позволить.
Но удались: занимайся, как должно, порядком хозяйства,
Пряжей, тканьем; наблюдай, чтоб рабыни прилежны
в работе

Были; судить же о луке не женское дело, а дело
Мужа, и ныне мое: у себя я один повелитель».
Так он сказал; изумяся, обратно пошла Пенелопа;
К сердцу слова многоумные сына приняв и в покое
Верхнем своем затворяся, в кругу приближенных служанок
Плакала горько она о своем Одиссее, покуда
Сладкого сна не свела ей на очи богиня Афина.
Тою порою, взяв стрелы и лук, свинопас к Одиссею
С ними пошел. На него всей толпой женихи закричали.
Так говорили одни из ругателей дерзко-надменных:
«Стой, свинопас бестолковый! Куда ты бредешь, как безумный,
С луком? Ты будешь своим же собакам, которых вскормил
здесь
Сам, чтоб свиней сторожить, на съеденье выброшен, если
Нам Аполлон и блаженные боги даруют победу».
Так говорили они. Свинопас, оглушенный их криком,
Лук, оробев, уж готов был поставить на прежнее место;
Но Телемах, на него погрозяся, разгневанный, крикнул:
«С луком сюда! Ты, Евмей, ошалел; уж не хочешь ли воле
Всех угождать? Не трудись, иль тебя, хоть и стар ты, я в поле
Камнями сам провожу: молодой старика одолеет.
Если бы силой такой я один одарен был, какую
Все совокупно имеют они, женихи Пенелопы,
В страхе тогда по своим бы домам разбежалися разом
Все они, в доме моем беззаконий творящие много».
Так он сказал им. Они неописанный подняли хохот.
В сердце, однако, у них на него присмирела досада.
Волю его исполняя, Евмей, через залу прошедши,
Лук и колчан со стрелами вручил Одиссею; потом он,
Кликнув усердную няню его Евриклею, сказал ей:
«Слушай, тебе повелел Телемах, чтоб рабыни немедля
Заперли в женские горницы двери на ключ и чтоб, если
Шум иль стенанье в столовой послышится им, не посмела
Тронуться с места из них ни одна, чтоб спокойно сидели
Все, ни о чем не заботясь и делом своим занимаясь».
Кончил. Не мимо ушей Евриклеи его пролетело
Слово. Все двери тех горниц, где жили служанки, замкнула
Тотчас она; а Филойтий, покинув украдкою залу,
Вышел на двор, обнесенный оградой, и запер ворота;
Был там в сенях корабельный пеньковый канат; им связал он
Крепко затвор у ворот и, в столовую снова вступивши,
Сел там опять на оставленной им за минуту скамейке,
Очи вперив в Одиссея, который, в руках обращая

Лук свой туда и сюда, осторожно рассматривал, целы ль
Роги и не было ль что без него в них попорчено червем.
Глядя друг на друга, так женихи меж собой рассуждали:
«Видно, знаток он и с луком привык обходиться;
быть может,
Луки работает сам и, имея уж лук, начатой им
Дома, намерен его по образчику этого сладить;
Видите ль, как он, бродяга негодный, его разбирает?»
«Но,— отвечали другие насмешливо первым,— удастся
Опыт уж верно ему! И всегда пусть такую ж удачу
Встретит во всем он, как здесь, с Одиссеевым сладивши
луком».
Так женихи говорили, а он, преисполненный страшных
Мыслей, великий осматривал лук. Как певец, приобыкший
Цитрою звонкой владеть, начинать песнопенье готовясь,
Строит ее и упругие струны на ней, из овечьих
Свитые тонко-тягучих кишок, без труда напрягает —
Так без труда во мгновение лук непокорный напряг он.
Крепкую правой рукой тетиву потянувши, он ею
Щелкнул: она провизжала, как ласточка звонкая в небе.
Дрогнуло сердце в груди женихов, и в лице изменились
Все — тут ужасно Зевес загремел с вышины, подавая
Знак; и живое веселие в грудь Одиссея проникло:
В громе Зевесовом он предвещанье благое услышал.
Быструю взял он стрелу, на столе от него недалеко
Вольно лежавшую; прочие ж заперты в тесном колчане
Были — но скоро их шум женихам надлежало услышать.
К луку притиснув стрелу, тетиву он концом оперенным,
Сидя на месте своем, натянул и, прицеляся, в кольца
Выстрелил,— быстро от первого все до последнего кольца,
Их не задев, пронизала стрела, заощренная медью.
Тут, обратясь к Телемаху, воскликнул стрелец богоравный:
«Видишь, что гость твой тебе, Телемах, не нанес посрамленья.
В цель я попал; да и лук натянуть Одиссеев не много
Было труда мне. Еще не совсем я, скитаясь, утратил
Силы, хотя женихи и ругаются мной беспощадно.
Должно, однако, покуда светло, угощенье иное
Им приготовить; и пение с звонкою цитрой, душою
Пира, на новый, теперь им приличнейший лад перестроить».
Так он сказал и бровями повел. Телемах богоравный
Понял условленный знак; он немедля свой меч опоясал,
В руки схватил боевое копье и за стулом отцовым
Стал, ко всему изготовясь, оружием медным блестящий.

Рубище сбросив поспешно с себя, Одиссей хитроумный
Прянул, держа свой колчан со стрелами и лук, на высокий
Двери порог; из колчана он острые высыпал стрелы
На пол у ног и потом, к женихам обратяся, воскликнул:
«Этот мне опыт, друзья женихи, удалося окончить;
Новую цель я, в какую никто не стрелял до сего дня,
Выбрал теперь; и в нее угодить Аполлон мне поможет».
Так говоря, он прицелился горькой стрелой в Антиноя.
Взяв со стола золотую с двумя рукоятями чашу,
Пить из нее Антиной уж готов был вино; беззаботно
Полную чашу к устам подносил он; и мысли о смерти
Не было в нем. И никто из гостей многочисленных пира
Вздумать не мог, чтоб один человек на толпу их замыслил
Дерзко ударить и разом предать их губительной Кере.
Выстрелил, грудью подавшись вперед, Одиссей, и пронзила
Горло стрела; острие смертоносное вышло в затылок;
На бок упал Антиной; покатилася по полу чаша,
Выпав из рук; и горячим ключом из ноздрей засвистала
Черная кровь; забрыкавши ногами, толкнул от себя он
Стол и его опрокинул; вся пища (горячее мясо,
Хлеб и другое), смешавшись, свалилася на пол. Ужасный
Подняли крик женихи, Антиноя узрев умерщвленным.
Всею толпою со стульев вскочили они и, глазами
Бегая вкруг по стенам обнаженным, искали оружья —
Не было там ни щита, ни копья, заощренного медью.
Гневными начали все упрекать Одиссея словами:
«Выстрел твой будет бедою тебе, чужеземец; последний
Сделал ты выстрел теперь; ты погиб неизбежно; убил ты
Мужа, из всех, обитающих в волнообъятой Итаке,
Самого знатного; будешь за то ястребами расклеван».
Мнили они, что случайно стрелой чужеземца товарищ
Их умерщвлен был. Безумцы! Они в слепоте не видали
Сети, которою близкая всех их опутала гибель.
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей богоравный:
«А! Вы, собаки! Вам чудилось всем, что домой уж из Трои
Я не приду никогда, что вольны беспощадно вы грабить
Дом мой, насильствуя гнусно моих в нем служанок, тревожа
Душу моей благородной жены сватовством ненавистным,
Правду святую богов позабыв, не страшася ни гнева
Их, ни от смертных людей за дела беззаконные мести!

В сеть неизбежной погибели все наконец вы попали».
Так он сказал им, и были все ужасом схвачены бледным;
Все, озираясь, глазами искали дороги для бегства.
Тут Евримах, сын Полибиев, бросил крылатое слово:
«Если ты подлинно царь Одиссей, возвратившийся в дом свой,
Праведны все обвиненья твои. Беззаконного много
В доме твоем и в твоих областях совершилось; но здесь он,
Главный виновник всего, Антиной, пораженный тобою,
Мертвый лежит. Он один, зломышлений всегдашний зачинщик,
Нас поджигал: не о браке одном он с твоей Пенелопой
Думал; иное, чего не позволил Кронион, таилось
В сердце его: похищение власти царя; Телемаха,
Власти державной наследника, смерти предать замышлял он.
Ныне судьбой он постигнут; а ты, Одиссей, пощади нас,
Подданных; после назначишь нам цену, какую захочешь
Сам, за вино, за еду и за все, что истрачено нами;
То, что здесь сто́ят откормленных двадцать быков, даст охотно
Медью и золотом каждый из нас, чтоб склонить на пощаду
Гнев твой; теперь же твой праведен гнев; на него мы
не ропщем».
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей благородный:
«Нет, Евримах,— и хотя бы вы с вашим сполна все богатства
Ваших отцов принесли мне, прибавя к ним много чужого,—
Руки мои вас губить не уймутся до тех пор, покуда
Кровию вашей обиды моей дочиста не омою.
Выбор теперь вам один: иль со мной, защищаясь, бейтесь,
Или бегите отсюда, спасаясь от Кер и от смерти,—
Знайте, однако, что Керы вас всех на пути переловят».
Так говорил он; у них задрожали колена и сердца.
Тут Евримах, обратясь к женихам устрашенным, воскликнул:
«Этот свирепый безжалостных рук не уймет, завладевши
Луком могучим и полным стрелами колчаном; до тех пор
Будет с порога высокого стрелы пускать он, покуда
Всех не положит нас мертвых. Друзья, не дадимся ж без боя
В руки ему; обнажите мечи и столами закройтесь
Против налета убийственных стрел; всей толпою наперши,
Можем мы, сбивши с порога его и из притолок двери
Вытеснив, выбежать из дома, броситься в город и в помощь
Скликать людей; расстреляет он скоро ужасные стрелы».
Так он сказав, из ножен, ободрившийся, выхватил меч свой,
Медный, с обеих сторон заощренный, и с криком ужасным
Прянул вперед. Но навстречу ему Одиссей богоравный
Выстрелил; грудь близ сосца проколола и, в печень вонзившись,

Крепко засела в ней злая стрела. Из руки ослабевшей
Выронил меч он, за стол уцепиться хотел и, споткнувшись,
Вместе упал со столом; вся еда со стола и двудонный
Кубок свалилися наземь; он об пол стучал головою,
Болью проникнутый; ноги от судорог бились; ударом
Пяток он стул опрокинул; его, наконец, потемнели
Очи. Тогда Амфином благородный, вскочив, устремился
В бой; уповая, что против него Одиссей не замедлит
Выйти, сошедши с порога, свой меч обнажил он; но сзади
Бросил копье Телемах, заощренное медью; вонзилось
Между плечами и грудь прокололо оно; застонавши,
Треснулся об пол лицом Амфином. Телемах же проворно
Прочь отскочил; он копья не хотел из убитого вырвать,
Сердцем тревожась, чтоб, в это мгновение сбоку напавши,
Кто из ахеян его, занятого копья исторженьем,
Острым мечом не пронзил неожиданно; свой совершивши
Смертный удар, под защиту отца поспешил он укрыться.
Близко к нему подбежавши, он бросил крылатое слово:
«Щит, два копья медноострых, родитель, и крепкий из твердой
Меди, к твоей голове приспособленный, шлем принесу я;
Сам же надену и латы; Евмею с Филойтием верным
Также надеть их велю; безопаснее в латах нам будет».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Дельно! Беги и, пока не истратил я стрел, возвратися;
Иначе буду, оставшись один, оттеснен от защитных
Притолок». Так он сказал; Телемах все исполнил поспешно:
Бросясь в ту верхнюю горницу, где находились доспехи,
Взял там четыре щита он, четыре с густыми хвостами
Конскими шлема и восемь блестящей окованных медью
Копий; и с ношей своей он к отцу возвратился немедля;
Прежде, однако, надел на себя меднолитные латы;
Медными латами также облекшись, Евмей и Филойтий
Стали с боков Одиссея, глубокою полного думой.
Он же, покуда еще оставались пернатые стрелы,
Каждой стрелой в одного из врагов попадал, не давая
Промаха; друг подле друга валяся, они издыхали.
Но напоследок, когда истощилися стрелы, великий
Лук Одиссей опустил, не имея в нем более нужды,
К притолке светлой его прислонил и стоять там оставил.
Четверокожным щитом облачивши плеча, на могучей
Он голове укрепил меднокованый шлем, осененный
Конским хвостом, подымавшимся страшно на гребне, и в руку
Взял два копья боевых, заощренных смертельною медью.

Там недалеко от главных дверей находилась другая,
Тайная дверь; от высокого залы пространной порога
Тесный был этою дверью на улицу выход из дома;
Доступ желая к нему заградить, Одиссей свинопасу
Стать приказал перед дверью, чем всякий исход был отрезан.
Тут Агелай, к женихам обратясь, им крылатое слово
Бросил: «Друзья, не удастся ль кому потаенною дверью
Выбежать, крикнуть тревогу и нам поскорее на помощь
Вызвать людей? Уж свои расстрелял он последние стрелы».
Кончил. Меланфий, на то возражая, сказал Агелаю:
«Нет, Агелай благородный, нельзя; потаенные двери
Слишком у них на виду, да и выход так тесен, что целой
Может толпе заградить там дорогу один небессильный.
Но погодите, оружие вам я найти не замедлю;
Горницу знаю, в которой доспехи, из этой палаты
Взятые, кучею склал Одиссей, помогаемый сыном».
Так Агелаю сказав, злоковарный Меланфий обходом
В горницу тайно прокрался, где складены были доспехи.
Вынес оттуда двенадцать великих щитов он, двенадцать
Копий и столько же медных хвостами украшенных шлемов.
С ними назад возвратясь, женихам их поспешно он роздал.
В ужас пришел Одиссей, задрожали колена, когда он,
Вдруг оглянувшись, увидел их в шлемах, с щитами, трясущих
Длинными копьями; гибель ему неизбежной явилась.
К сыну тогда обратившись, он бросил крылатое слово:
«Верно, какая из наших рабынь, Телемах, изменивши
Нам, помогает противникам нашим, иль хитрый Меланфий?»
Робко на то отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Горе! Мое небреженье причиной всему; я виновник
Этой беды — заспешив, позабыл оружейной палаты
Дверь запереть; и лазутчик, хитрее меня, побывал там.
Слушай, мой честный Евмей, побеги ты туда и за дверью
Стань там и жди; кто придет, ты увидишь; служанка ль какая
Или Меланфий? Я сам на него подозренье имею».
Так говорили о многом они, собеседуя тайно.
Тою порой за оружием хитрый Меланфий собрался
Снова прокрасться наверх. То приметив, Евмей богоравный
На ухо так прошептал Одиссею, стоявшему близко:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Вот он, предатель; его угадал я; он крадется, видишь,
Снова туда за оружием; что, государь, повелишь мне
Сделать? Убить ли крамольника, если удастся с ним сладить?
Или насильно сюда притащить, чтоб над ним наказанье

Сам совершил ты за наглое в доме твоем поведенье?»
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«С сыном моим Телемахом я здесь женихов многобуйных
Буду удерживать, сколь бы ни сильно их бешенство было;
Ты ж и Филойтий предателю руки и ноги загните
На спину; после, скрутив на спине их, его на веревке
За руки вздерните вверх по столбу и вверху привяжите
Крепким узлом к потолочине; двери ж, ушедши, замкните;
В страшных мученьях пускай там висит ни живой он,
ни мертвый».
То повеление царское было исполнено скоро:
Вместе пошли свинопас и Филойтий; подкравшися, стали
Справа и слева они у дверей дожидаться, чтоб вышел
Он к ним из горницы, где женихам во второй раз доспехи
Брал. И лишь только Меланфий ступил на порог (нес
прекрасный
Гривистый шлем он одною рукой. а в другой находился
Старый, широкий, подернутый плесенью щит, в молодые
Давние годы герою Лаэрту служивший, теперь же
Брошенный, вовсе худой, без ремней, с перегнившими швами),
Кинулись оба на вора они; в волоса уцепившись,
На пол его повалили, кричащего громко, и крепко
Руки и ноги ему, их с великою болью загнувши
На спину, сзади скрутили плетеным ремнем, как велел им
Сын Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный.
Вздернувши после веревкою вверх по столбу, привязали
К твердой его потолочине; там и остался висеть он.
С злобной насмешкой ему тут сказал свинопас богоравный:
«Будь здесь покуда заботливым сторожем, честный Меланфий;
Мы для тебя перестлали покойную, видишь, постелю.
Верно, теперь не проспишь златотронной, в тумане рожденной
Эос в ее восхождении с вод Океана и в пору
Коз на обед женихам многославным отборных пригонишь».
Кончил. И, бросив его там, висящего в страшных мученьях,
Оба с оружием, дверь за собой затворив, удалились.
К месту они подошли, где стоял Одиссей хитроумный.
Яростью все там кипели. В дверях на высоком пороге
Четверо грозно стояли; другие толпились в палате.
К первым тогда подошла светлоокая дочь громовержца,
Сходная с Ментором видом и речью, богиня Афина.
Ей Одиссей, ободрившийся, бросил крылатое слово:
«Ментор, сюда! Помоги нам; бывалое дружество вспомни;
Много добра от меня ты имел, мой возлюбленный сверстник».

Так говорил он, а внутренне мыслил, что видит Афину.
Но женихи обратились на Ментора всею толпою.
Первый сказал Агелай, сын Дамасторов: «Будь осторожен,
Ментор, не слушай его убеждений, не думай в сраженье
С нами вступать, подавая ему безрассудную помощь.
С нами один он не сладит, свое мы возьмем; но, когда мы,
Их пересилив обоих, отца уничтожим и сына,
С ними тогда умертвим и тебя, ненавистного, если
Вздумаешь здесь к ним пристать; головою заплатишь за дерзость;
После ж, когда уничтожит вас медь беспощадная, всё мы,
Что ни имеешь ты дома иль в поле, возьмем и, смешавши
Вместе с добром Одиссеевым, между собою разделим;
Выгоним из дому ваших детей; сыновьям, дочерям здесь
Вашим не жить; и расстанутся ваши с Итакою жены».
Кончил он. Дерзость его раздражила богиню Афину.
Гневными стала она упрекать Одиссея словами:
«Нет уж в тебе, Одиссей, той отваги могучей, с которой
Ты за Елену Аргивскую, дочь светлорукую Зевса,
Девять с троянами лет так упорно сражался; в то время
Много погибло врагов от тебя в истребительной битве;
Хитрость твоя наконец и Приамов разрушила город.
Что ж? Отчего ты, домой возвратясь, Одиссей, с женихами
Так нерешительно, медленно к битве теперь приступаешь?
Друг, ободрись; на меня погляди; ты увидишь, как смело
Против врагов, на тебя нападающих здесь совокупно,
Выступит Ментор Алкимид, тебе за добро благодарный».
Кончив, она Одиссею не вдруг даровала победу:
Бодрость царя и разумного сына его Телемаха
Строгому опыту прежде желая подвергнуть, богиня
Вдруг превратилась, взвилась к потолку и на черной от дыма
Там перекладине легкою снизою ласточкой села.
Тою порой Агелаем, Дамастора сыном отважным,
Димоптолем, Еврином и Писандр, сын Поликторов бодрый,
С Амфимедоном и умным Политосом яростно были
В бой подстрекаемы (силой они отличались от прочих,
Сколько еще их там было живых и спастись уповавших
Боем; другие же, все умерщвленные, кучей лежали).
Так, обратясь к остальным, Агелай благородный воскликнул:
«Этот свирепый, я думаю, скоро от боя уймется;
Ментор покинул его, бесполезно нахвастав; один он
С ними теперь на высоком пороге стоит беззащитный.
Разом всех копий своих медноострых, друзья, не бросайте;

Бросьте сначала вы шесть; и великая будет нам слава,
Если его поразим, ненавистного, с помощью Зевса;
С прочими ж сладить нетрудно, лишь только б сломить
Одиссея».
Так он сказал, и, ему повинуясь, пустили другие
Разом шесть копий; но сделала тщетным удар их Афина:
Вкось полетевши, глубоко вонзилося в притолку гладкой
Двери одно; а другое в одну из дверных половинок
Втиснулось; третье воткнулось в дощатую стену; когда же
Всех женихами в них брошенных копий они избежали,
Так, обратяся к своим, Одиссей хитроумный сказал им:
«Очередь наша теперь; приступите, товарищи, к делу,
Копья нацельте и бросьте в толпу женихов, уничтожить
Нас замышляющих, прежде столь много обид нам нанесши».
Так он сказал. И, прицелясь, они медноострые копья
Кинули разом; и Димоптолема сразил многосильный
Сам Одиссей, Телемах — Евриада, Филойтий — Писандра,
Старый Евмей свинопас поразил Элатопа; и разом
Все повалились они, с скрежетанием стиснувши зубы.
Прочие, к дальней стене отбежавши толпой и поспешно
Вырвав из трупов кровавых вонзенные в недра их копья,
Снова их разом в противников, метко прицелясь, пустили;
Снова Афина могучая сделала тщетным удар их.
Вкось полетевши, глубоко вонзилося в притолку гладкой
Двери одно; а другое в одну из дверных половинок
Втиснулось; третье воткнулось в дощатую стену. Однако
Амфимедон Телемаха поранил, в ручную попавши
Кисть: пролетая, копье острием оцарапало кожу.
Тронул плечо над щитом у Евмея Ктесипп длинноострой
Медью; копье же, над ним прошумев, водрузилося в землю.
Стоя с боков Одиссея, ужасною полного думой,
Снова они в женихов неизбежные бросили копья.
Евридаманта сразил Одиссей, городов сокрушитель;
Амфимедон был пронзен Телемахом, Полиб — свинопасом;
Метко нацелив копьем медноострым, Филойтий Ктесиппу
Грудь просадил; и, удачным ударом хвалясь, он воскликнул:
«Сын Полиферсов, лихой на обидные речи, теперь ты
Дерзкий язык свой уймешь от ругательств нахальных;
предайся
В волю богов; им одним подобает и слава и сила.
Я же тебя отдарил здесь за ногу коровью, которой
Так благосклонно попотчевал ты Одиссея бродягу».
Так говорил криворогих быков сторожитель Филойтий.

Тою порою умерщвлен был Дамасторов сын Одиссеем,
Сын Леокритов, младой Евенор, был убит Телемахом:
Острою медью в живот пораженный, лицом он, со всех ног
Грянувшись, об пол ударился, жалобно охнул и умер.
Тут с потолка наклонила над их головами Паллада
Страшную людям эгиду: и ужас расстроил их чувства.
Начали бегать они, ошалев, как коровы, когда их
Вешней порою (в то время, как дни прибывать начинают)
Густо осыплют на пажити слепни сердитые. Те ж их
Били, как соколы кривокогтистые с выгнутым клевом,
С гор прилетевшие, бьют испугавшихся птиц,— и густыми
Стаями с неба на землю, спасаясь, бросаются птицы;
Соколы ж гонят их, ловят когтями, и нет им пощады,
Заперт и путь для спасенья, и травлею тешатся люди;
Так женихов (разогнав их по горнице) справа и слева,
Как ни попало, они убивали; поднялся ужасный
Крик; был разбрызган их мозг, был дымящейся кровью
их залит
Пол. К Одиссею тогда подбежал Леодей, и колена
Обнял его, и, трепещущий, бросил крылатое слово:
«Ноги целую твои, Одиссей; пощади и помилуй.
В доме твоем ни одной из рабынь, в нем живущих, ни словом
Я не обидел, ни в дело не ввел непристойное; сам я
Многих, напротив, удерживать здесь от постыдных поступков
Тщился — напрасно! От зла не отвел я их рук святотатных;
Страшною участью все незбежно постигнуты ныне.
Я же, их жертвогадатель, ни в чем не повинный, ужели
Лягу здесь мертвый? Такое ли добрым делам воздаянье?»
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей богоравный:
«Если ты подлинно жертвогадателем был между ними,
То, без сомнения, часто в жилище моем ты молился
Дию, чтоб мне возвратиться домой запретил, чтоб с тобою
В дом твой моя удалилась жена и чтоб с нею детей ты
Прижил,— за это теперь и людей ужасающей смерти
Ты не избегнешь». Сказал. И, могучей рукою схвативши
Меч, из руки Агелая в минуту его умерщвленья
Выпавший, им он молящего сильно ударил по шее;
Крикнул он — в крике неконченом с плеч голова покатилась.
Но от губительной Керы избегнул сын Терпиев, славный
Песнями Фемий, всегда женихов на пирах веселивший
Пеньем; с своею он цитрой в руках к потаенной прижавшись
Двери, стоял там, колеблясь рассудком, не зная, что
выбрать,

Выйти ли в дверь и сидеть на дворе, обнимая великий
Зевсов алтарь, охраняющий дом, на котором так часто
Жирные бедра быков сожигал Одиссей многославный,
Или к коленям его с умоляющим броситься криком?
Дело обдумав, уверился он, что полезнее будет,
Став на колена, Лаэртова сына молить о пощаде.
Цитру свою положив звонкострунную бережно на пол
Между кратерой и стулом серебряногвоздным, поспешно
К сыну Лаэртову дивный певец подбежал, и колена
Обнял его, и, трепещущий, бросил крылатое слово:
«Ноги целую твои, Одиссей; пощади и помилуй.
Сам сожалеть ты и сетовать будешь, когда песнопевца,
Сладко бессмертным и смертным поющего, смерти предашь здесь;
Пению сам я себя научил; вдохновением боги
Душу согрели мою; и тебя, Одиссей, я, как бога,
Буду гармонией струн веселить. Не губи песнопевца.
Будет свидетелем мне и возлюбленный сын твой, что волей
В дом ваш входить никогда я не мыслил, что сам не просился
Песнями здесь на пиру забавлять женихов, что, напротив,
Силой сюда приводим был и пел здесь всегда принужденно».
Так он сказав, возбудил Телемахову силу святую.
Громко отцу закричал Телемах, находившийся близко:
«Стой! Не губи неповинного яростной медью, родитель!
С ним и к Медонту глашатаю благостен будь: обо мне он
В детстве моем неусыпно имел попеченье. Но где он,
Честный Медонт? Не убили ль его свинопас иль Филойтий?
Или он сам, злополучный, попал под удар твой смертельный?»
Так говорил Телемах; и дошло до Медонта благое
Слово; дугою согнувшись, под стулом лежал он, коровьей,
Только что содранной кожей покрытый, чтоб Керы избегнуть.
Выскочил он из-под стула и, сбросивши кожу коровью
С плеч, подбежал к Телемаху и, ноги его обхвативши,
Стал целовать их и в трепете бросил крылатое слово:
«Здесь я, душа Телемах; заступись за меня, чтоб отец твой
Грозно-могучий на мне не отмстил беспощадною медью
Злым женихам, столь давно, столь нахально его достоянье
Грабившим здесь и тебя самого оскорбившим безумно».
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей богоравный:
«Будь благодарен ему; он тебя сохранил, чтоб отныне
Ведал и сам ты, и людям другим говорил в поученье,
Сколь здесь благие дела нам спасительней дел беззаконных;
Слушай теперь: из палаты, убийством наполненной, вышед,
Сядь на дворе у ворот с песнопевцем, властителем слова;

Я же останусь в доме и все здесь устрою, что нужно».
Так он сказал; и Медонт с песнопевцем, из горницы вышед,
Оба вблизи алтаря, посвященного Зевсу владыке,
Сели; но все озирались кругом, опасаясь убийства.
Очи водил вкруг себя Одиссей, чтоб узнать, не остался ль
Кто неубитый, случайно избегший могущества Керы?
Мертвые все, он увидел, в крови и в пыли неподвижно
Кучей лежали они на полу там, как рыбы, которых,
На берег вытащив их из глубокозеленого моря
Неводом мелкопетлистым, рыбак высыпает на землю;
Там на песке раскаленном их, влаги соленой лишенных,
Гелиос пламенный душит, и все до одной умирают.
Мертвые так там один на другом неподвижно лежали.
К сыну сперва обратяся, сказал Одиссей хитроумный:
«Должен теперь, Телемах, ты сюда пригласить Евриклею;
Нужное слово желаю я молвить разумной старушке».
Так говорил Одиссей. Телемах, повинуяся, отпер
Двери, позвал Евриклею и так ей сказал: «Евриклея,
Добрая няня моя, так давно за рабынями в доме
Нашем смотрящая, все сохраняя усердно в порядке,
Кличет отец, говорить он с тобою намерен; поди к нам».
Кончил. Не мимо ушей Евриклеи его пролетело
Слово. И, двери отперши тех горниц, где жили служанки,
Вышла она; и старушку повел Телемах к Одиссею.
Взорам ее Одиссей посреди умерщвленных явился,
По́том и кровью покрытый; подобился льву он, который,
Съевши быка, подымается, сытый, и тихо из стада —
Грива в крови и вся страшная пасть, обагренная кровью,—
В лог свой идет, наводя на людей неописанный ужас.
Кровию так Одиссей с головы был до ног весь обрызган.
Трупы увидя и крови пролитой ручьи, Евриклея
Громко хотела воскликнуть, чудясь столь великому делу;
Но Одиссей повелел ей себя воздержать от восторга;
Голос потом свой возвысив, он бросил крылатое слово:
«Радуйся сердцем, старушка, но тихо, без всякого крика;
Радостный крик подымать неприлично при виде убитых.
Диев их суд поразил; от своих беззаконий погибли;
Правда была им чужда, никого из людей земнородных,
Знатный ли, низкий ли был он, уважить они не хотели.
Страшная участь их всех наконец, злополучных, постигла.
Ты же теперь назови мне рабынь, здесь живущих, дабы я

Мог отличить развращенных от честных и верных меж ними».
Так он сказал. Евриклея старушка ему отвечала:
«Все я, мой сын, объявлю, ничего от тебя не скрывая;
В доме теперь пятьдесят мы имеем служанок работниц
Разного возраста; заняты все рукодельем домашним;
Дергают волну; и каждая в доме свою отправляет
Службу. Двенадцать из них, поведеньем развратных, не только
Против меня, но и против царицы невежливы были.
Сын твой в хозяйство вступил; но разумно ему Пенелопа
В дело служанок мешаться до сих пор еще запрещала.
Я же наверх побегу объявить ей великую нашу
Радость: она почивает; знать, боги ей сон ниспослали».
Так, возражая, сказал Одиссей хитроумный старушке:
«Нет, не буди, Евриклея, жены; прикажи, чтоб рабыни —
Те, на которых ты мне донесла,— здесь немедля явились».
Так говорил Одиссей, и поспешно пошла Евриклея
Кликнуть рабынь и велеть им идти к своему господину.
Он же, позвав Телемаха с Филойтием, с старым Евмеем,
Бросил крылатое слово, свою изъявляя им волю:
«Трупы теперь приберите; пускай вам помогут рабыни
Вынести их, а потом все столы, все богатые стулья
Дочиста здесь ноздреватою, мокрою вытрите губкой.
После ж, когда приберете совсем пировую палату,
Всех поведеньем развратных рабынь из нее уведите;
Там на дворе, меж стеною и житною круглою башней,
Смерти предайте беспутниц, мечом заколов длинноострым
Каждую; пусть, осрамивши развратом мой дом, наказанье
Примут они за союз непозволенный свой с женихами».
Так говорил он. Тем временем все собралися рабыни,
Жалобно воя; из глаз их катилися крупные слезы.
Начали трупы они выносить и в сенях многозвучных
Царского дома, стеной обведенного, клали их тесным
Рядом, один прислоняя к другому, как сам Одиссей им
Делать предписывал; делю ж не по сердцу было рабыням.
Вынесши трупы, они и столы, и богатые стулья
Дочиста все ноздреватою, мокрою вытерли губкой.
Заступом тою порой Телемах, свинопас и Филойтий
В зале просторной весь пол, обагренный пролитою кровью,
Выскребли чисто; оскребки же вынесли за дверь рабыни.
Залу очистив и все приведя там в обычный порядок,
Выйти оттуда они осужденным рабыням велели,
Собрали их на дворе меж стеною и житною башней

Всех и в безвыходном запёрли месте, откуда спасенья
Быть не могло никакого. И сын Одисеев сказал им:
«Честною смертью, развратницы, вы умереть недостойны,
Вы, столь меня и мою благородную мать Пенелопу
Здесь осрамившие, в доме моем с женихами слюбившись».
Кончив, канат корабля черноносого взял он и туго
Так натянул, укрепивши его на колоннах под сводом
Башни, что было ногой до земли им достать невозможно.
Там, как дрозды длиннокрылые или как голуби, в сети
Целою стаей — летя на ночлег свой — попавшие (в тесных
Петлях трепещут они, и ночлег им становится гробом),
Все на канате они голова с головою повисли;
Петлями шею стянули у каждой; и смерть их постигла
Скоро: немного подергав ногами, все разом утихли.
Силою вытащен после на двор козовод был Меланфий;
Медью нещадною вырвали ноздри, обрезали уши,
Руки и ноги отсекли ему; и потом, изрубивши
В крохи, его на съедение бросили жадным собакам.
Руки и ноги свои, обагренные кровью, омывши,
В дом возвратились они к Одиссею. Все кончено было.
Тут Одиссей, обратясь к Евриклее, сказал ей: «Немедля,
Няня, огня принеси и подай очистительной серы;
Залу нам должно скорей окурить. Ты потом Пенелопе
Скажешь, чтоб сверху сошла и с собою рабынь приближенных
Всех привела. Позови равномерно и прочих служанок».
Так повелел Одиссей. Евриклея ему отвечала:
«То, что, дитя, говоришь ты, и я нахожу справедливым.
Прежде, однако, тебе принесу я опрятное платье;
Этих нечистых отрепьев на крепких плечах ты не должен
В доме своем многославном носить; то тебе неприлично».
Ей возражая, ответствовал так Одиссей многоумный:
«Прежде всего мне огня для куренья подай, Евриклея».
Волю его исполняя, пошла Евриклея и скоро
С серой к нему и с огнем возвратилась; окуривать начал
Серой столовую он и широкий, стеной обнесенный
Двор. Евриклея, прошед через светлые дома покои,
Стала служанок сбирать и немедленно всем им велела
В залу прийти; и немедленно, факелы взявши, рабыни
В залу пришли; обступивши веселой толпой Одиссея,
Голову, плечи и руки они у него целовали.
Он же дал волю слезам; он рыдал от веселья и скорби,
Всех при свидании милых домашних своих узнавая.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Сердцем ликуя и радуясь, вверх побежала старушка
Весть принести госпоже, что желанный супруг возвратился.
Были от радости тверже колена ее и проворней
Ноги. Подкравшися к спящей, старушка сказала: «Проснися,
Встань, Пенелопа, мое золотое дитя, чтоб очами
Все то увидеть, о чем ты скорбела душою вседневно.
Твой Одиссей возвратился; хоть поздно, но все наконец он
С нами, и всех многобуйных убил женихов, разорявших
Дом наш и тративших наши запасы назло Телемаху».
Доброй старушке разумная так Пенелопа сказала:
«Друг Евриклея, знать, боги твой ум помутили! Их волей
Самый разумнейший может лишиться мгновенно рассудка,
Может и слабый умом приобресть несказанную мудрость;
Ими и ты обезумлена; иначе в здравом рассудке
Ты бы не стала теперь над моею печалью ругаться,
Радостью ложной тревожа меня! И зачем прервала ты
Сладкий мой сон, благодатно усталые мне затворивший
Очи? Ни разу я так не спала с той поры, как супруг мой
Морем пошел к роковым, к несказанным стенам Илиона.
Нет, Евриклея, поди, возвратися туда, где была ты.
Если б не ты, а другая из наших домашних служанок
С вестью такой сумасбродной пришла и меня разбудила,—
Я бы не ласковым словом, а бранью насмешницу злую
Встретила. Старости будь благодарна своей, Евриклея».
Так, возражая, старушка своей госпоже отвечала:
«Нет, не смеяться пришла, государыня, я над тобою;
Здесь Одиссей! Настоящую правду, не ложь я сказала.
Тот чужеземец, тот нищий, которым все так здесь ругались,—
Он Одиссей; Телемах о его уж давно возвращенье
Знал — но разумно молчал об отце он, который, скрываясь,
Здесь женихам истребление верное в мыслях готовил».
Так отвечала старушка. С постели вскочив, Пенелопа
Радостно кинулась няне на шею в слезах несказанных.
Голос возвысив, она ей крылатое бросила слово:
«Если ты правду сказала, сердечный мой друг, Евриклея,
Если он подлинно в дом свой, как ты говоришь, возвратился,
Как же один он с такой женихов многочисленной шайкой

Сладил? Они всей толпою всегда собирались в доме».
Так, отвечая, разумной царице сказала старушка:
«Сведать о том не могла я; мне только там слышался тяжкий
Вой убиваемых; в горнице нашей, забившися в угол,
Все мы сидели, на ключ запершись и не смея промолвить
Слова, покуда твой сын Телемах из столовой не вышел
Кликнуть меня: он за мною самим Одиссеем был послан.
Там Одиссей мне явился, меж мертвыми страшно стоящий;
Трупы их были один на другом на полу, обагренном
Кровью, набросаны; радостно было его мне увидеть.
Пóтом и кровью покрытый, он грозному льву был подобен.
Трупы убитых теперь все лежат на дворе за дверями
Кучею. Он же, заботяся дом окурить благовонной
Серой, огонь разложил; а меня за тобою отправил.
Ждет он; пойдем; наконец вам обоим проникнет веселье
Душу, которая столько жестоких тревог претерпела:
Главное, долгое милого сердца желанье свершилось;
Жив он, домой невредим возвратился и дома супругу
С сыном живыми нашел, а врагов, истребителей дома,
В доме своем истребил; и обиды загладило мщенье».
Доброй старушке разумная так Пенелопа сказала:
«Друг Евриклея, не радуйся слишком до времени; всем нам
Было бы счастьем великим его возвращенье в отчизну —
Мне ж особливо и милому, нами рожденному сыну;
Все я, однако, тому, что о нем ты сказала, не верю;
Это не он, а один из бессмертных богов, раздраженный
Их беззаконным развратом и их наказавший злодейства.
Правда была им чужда; никого из людей земнородных —
Знатный ли, низкий ли к ним приходил — уважать не хотели;
Сами погибель они на себя навлекли; но супруг мой...
Нам уж его не видать; в отдаленье плачевном погиб он».
Ей Евриклея разумная так, возражая, сказала:
«Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.
Он, я твержу, возвратился; а ты утверждаешь, что вечно
Он не воротится; если же так ты упорна рассудком,
Верный он признак покажет: рубец на колене; свирепым
Вепрем, ты ведаешь, некогда был на охоте он ранен;
Ноги ему омывая, рубец я узнала; об этом
Тотчас хотела сказать и тебе; но, зажав мне рукою

Рот, он меня, осторожно-разумный, принудил к молчанью.
Время, однако, идти; головой отвечаю за правду;
Если теперь солгала я, меня ты казни беспощадно».
Доброй старушке разумная так Пенелопа сказала:
«Трудно тебе, Евриклея, проникнуть, хотя и великий
Ум ты имеешь, бессмертных богов сокровенные мысли.
К сыну, однако, с тобою готова идти я; увидеть
Мертвых хочу и того, кто один всю толпу истребил их».
С сими словами она по ступеням пошла, размышляя,
Что ей приличнее: издали ль с ним говорить иль, приближась,
Голову, руки и плечи его целовать? Перешедши
Двери высокий порог и в палату вступив, Пенелопа
Села там против супруга, в сиянье огня, у противной
Светлой стены; на другом он конце у колонны, потупив
Очи, сидел, ожидая, какое разумная скажет
Слово супруга, его там своими глазами увидя.
Долго в молчанье сидела она; в ней тревожилось сердце;
То, на него подымая глаза, убеждалась, что вправду
Он перед ней; то противное мыслила, в рубище жалком
Видя его. Телемах напоследок воскликнул с досадой:
«Милая мать, что с тобой? Ты в своем ли уме? Для чего же
Так в отдаленье угрюмо сидишь, не подходишь, не хочешь
Слово супругу сказать и его ни о чем не расспросишь?
В свете жены не найдется, способной с такою нелаской,
Так недоверчиво встретить супруга, который, по многих
Бедствиях, к ней через двадцать отсутствия лет возвратился.
Ты же не видишь, не слышишь; ты сердцем бесчувственней камня».
Сыну царица разумная так, отвечая, сказала:
«Сердце, дитя, у меня в несказанном волнении, слова
Я произнесть не могу, никакой мне вопрос не приходит
В ум, и в лицо поглядеть я не смею ему; но, когда он
Подлинно царь Одиссей, возвратившийся в дом свой, мы способ
Оба имеем надежный друг другу открыться: свои мы
Тайные, людям другим неизвестные, знаки имеем».
Кончила. Царь Одиссей, постоянный в бедах, улыбнулся;
К сыну потом обратяся, он бросил крылатое слово:
«Друг, не тревожь понапрасну ты мать и свободную волю
Дай ей меня расспросить. Не замедлит она убедиться
В истине; я же в изорванном рубище; трудно в таком ей

Виде меня Одиссеем признать и почтить, как прилично.
Нужно, однако, размыслив, решить нам: что сделать полезней?
Если когда и один кто убит кем бывает и мало
Близких друзей и родных за убитого мстить остается —
Всё, избегая беды, покидает отчизну убийца.
Мы ж погубили защитников града, знатнейших и лучших
Юношей в целой Итаке: об этом должны мы подумать».
Так, отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Все ты умнее, родитель, придумаешь сам; прославляют
Люди твою повсеместно премудрость; с тобою сравниться
Разумом, все говорят, ни один земнородный не может;
Что повелишь, то и будет исполнено; сколько найдется
Силы во мне, я неробким твоим здесь помощником буду».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Слушай же; вот что мне кажется самым удобным и лучшим:
Все вы, омывшись, оденьтесь богато, как будто на праздник;
Так же одеться должны и рабыни домашние наши;
С звонкою цитрой в руках песнопевец божественный должен
Весть хоровод, управляя шумящею пляской, чтоб, слыша
Струны и пение в доме, соседи и всякий идущий
Мимо по улице думать могли, что пируют здесь свадьбу.
Должно, чтоб в городе слух не прошел о великом убийстве
Всех женихов многославных до тех пор, пока не уйдем мы
За город на поле наше, в наш сад плодовитый; там можем
Все на просторе устроить, на помощь призвав олимпийцев».
Кончил. Его повеление было исполнено скоро;
Чисто омывшись, оделись богато, как будто на праздник
Все; хоровод учредили рабыни; певец богоравный,
Цитру настроив глубокую, в них пробудил вожделенье
Сладостных песней и стройно-живой хороводныя пляски.
Дом весь от топанья ног их гремел и дрожал, и окружность
Вся оглашалася пеньем звучным рабов и служанок;
Всякой, по улице шедший, музыку и пение слыша,
Думал: «Решилась свою пировать напоследок царица
Свадьбу; неверная! Мужа, избранного сердцем, дождаться,
Дом многославный его сохраняя, она не хотела».
Так говорили они, о случившемся в доме не зная.
Тою порой, Одиссея в купальне омыв, Евринома
Тело его благовонным оливным елеем натерла.
Легкий надел он хитон и богатой облекся хламидой.
Дочь же великая Зевса его красотой озарила;

Станом возвысила, сделала тело полней и густыми
Кольцами кудри, как цвет гиацинта, ему закрутила.
Так, серебро облекая сияющим золотом, мастер,
Девой Палладой и богом Гефестом наставленный в трудном
Деле своем, чудесами искусства людей изумляет;
Так Одиссея украсила дочь светлоокая Зевса.
Вышед из бани, лицом лучезарный, как бог, возвратился
Он в пировую палату и сел на оставленном стуле
Против супруги; глаза на нее устремив, он сказал ей:
«Ты, непонятная! Боги, владыки Олимпа, не женским
Нежноуступчивым сердцем, но жестким тебя одарили;
В свете жены не найдется, способной с такою нелаской,
Так недоверчиво встретить супруга, который, по многих
Бедствиях, к ней через двадцать отсутствия лет возвратился.
Слушай же, друг Евриклея; постель приготовь одному мне;
Лягу один я — когда в ней такое железное сердце».
Но Одиссею разумная так отвечала царица:
«Ты, непонятный! Не думай, чтоб я величалась, гордилась
Или в чрезмерном была изумлении. Живо я помню
Образ, какой ты имел, в корабле покидая Итаку.
Если ж того он желает, ему, Евриклея, постелю
Ты приготовь; но не в спальне, построенной им; а в другую
Горницу выставь большую кровать, на нее положивши
Мягких овчин, на овчины же полость с широким покровом».
Так говорила она, испытанью подвергнуть желая
Мужа. С досадою он, обратясь к Пенелопе, воскликнул:
«Сердцу печальное слово теперь ты, царица, сказала;
Кто же из спальни ту вынес кровать? Человеку своею
Силою сделать того невозможно без помощи свыше;
Богу, конечно, легко передвинуть ее на другое
Место, но между людьми и сильнейший, хотя б и рычаг он
Взял, не шатнул бы ее; заключалася тайна в устройстве
Этой кровати. И я, не иной кто, своими руками
Сделал ее. На дворе находилася маслина с темной
Сенью, пышногустая, с большую колонну в объеме;
Маслину ту окружил я стенами из тесаных, плотно
Сложенных камней; и, свод на стенах утвердивши высокий,
Двери двустворные сбил из досок и на петли навесил;
После у маслины ветви обсек и поблизости к корню
Ствол отрубил топором, а отрубок у корня, отвсюду
Острою медью его по снуру обтесав, основаньем

Сделал кровати, его пробуравил, и скобелью брусья
Выгладил, в раму связал и к отрубку приладил, богато
Золотом их, серебром и слоновою костью украсив;
Раму ж ремнями из кожи воловьей, обшив их пурпурной
Тканью, стянул. Таковы все приметы кровати. Цела ли
Эта кровать и на прежнем ли месте, не знаю; быть может,
Сняли ее, подпилив в основании масличный корень».
Так он сказал. У нее задрожали колена и сердце.
Признаки все Одиссеевы ей он исчислил; заплакав
Взрыд, поднялась Пенелопа и кинулась быстро на шею
Мужу и, милую голову нежно целуя, сказала:
«О, не сердись на меня, Одиссей! Меж людьми ты всегда был
Самый разумный и добрый. На скорбь осудили нас боги;
Было богам неугодно, чтоб, сладкую молодость нашу
Вместе вкусив, мы спокойно дошли до порога веселой
Старости. Друг, не сердись на меня и не делай упреков
Мне, что не тотчас, при виде твоем, я к тебе приласкалась;
Милое сердце мое, Одиссей, повергала в великий
Трепет боязнь, чтоб меня не прельстил здесь какой иноземный
Муж увлекательным словом: у многих коварное сердце.
Слуха Елена Аргивская, Зевсова дочь, не склонила б
К лести пришельца и с ним не бежала б, любви покоряся,
В Трою, когда бы предвидеть могла, что ахейяне ратью
Придут туда и ее возвратят принужденно в отчизну.
Демон враждебный Елену вовлек в непристойный поступок;
Собственным сердцем она не замыслила б гнусного дела,
Страшного, всех нас в великое бедствие ввергшего дела.
Ты мне подробно теперь, Одиссей, описал все приметы
Нашей кровати — о ней же никто из живущих не знает,
Кроме тебя, и меня, и рабыни одной приближенной,
Дочери Актора, данной родителем мне при замужстве;
Дверь заповеданной спальни она стерегла неусыпно.
Ты же мою, Одиссей, убедил непреклонную душу».
Кончила. Скорбью великой наполнилась грудь Одиссея.
Плача, приникнул он к сердцу испытанной, верной супруги.
В радость, увидевши берег, приходят пловцы, на обломке
Судна, разбитого в море грозой Посейдона, носяся
В шуме бунтующих волн, воздымаемых силою бури;
Мало из мутносоленой пучины на твердую землю
Их, утомленных, изъеденных острою влагой, выходит;

Радостно землю объемлют они, избежав потопленья.
Так веселилась она, возвращенным любуясь супругом,
Рук белонежных от шеи его оторвать не имея
Силы. В слезах бы могла их застать златотронная Эос,
Если б о том не подумала дочь светлоокая Зевса:
Ночь на пределах небес удержала Афина; Деннице ж
Златопрестольной из вод океана коней легконогих,
С нею летающих, Лампа и брата его Фаэтона
(Их в колесницу свою заложив), выводить запретила.
Так благонравной супруге сказал Одиссей хитроумный:
«О Пенелопа, еще не конец испытаниям нашим;
Много еще впереди предлежит мне трудов несказанных,
Много я подвигов тяжких еще совершить предназначен.
Так мне пророка Тиресия тенью предсказано было
Некогда в области темной Аида, куда нисходил я
Сведать, настанет ли мне и сопутникам день возвращенья.
Время, однако, идти, Пенелопа, на ложе, чтоб, в сладкий
Сон погрузившись, свои успокоить усталые члены».
Умная так отвечала на то Одиссею царица:
«Ложе, возлюбленный, будет готово, когда пожелает
Сердце твое: ты по воле богов благодетельных снова
В светлом жилище своем и в возлюбленном крае
отчизны;
Если же всё наконец по желанью исполнили боги,
Друг, расскажи мне о новых тебе предстоящих напастях;
Слышать и после могла б я о них; но мне лучше немедля
Сведать о том, что грозит впереди». Одиссей отвечал ей:
«Ты, неотступная! Странно твое для меня нетерпенье.
Если, однако, желаешь, я все расскажу; но не будет
Радостно то, что услышишь; и мне самому не на радость
Было оно. Прорицатель Тиресий сказал мне: «Покинув
Царский свой дом и весло корабельное взявши, отправься
Странствовать снова и странствуй, покуда людей не увидишь,
Моря не знающих, пищи своей никогда не солящих,
Также не зревших еще на водах кораблей быстроходных,
Пурпурногрудых, ни весел, носящих, как мощные крылья,
Их по морям. От меня же узнай несомнительный признак;
Если дорогой ты путника встретишь и путник тот спросит:
«Что за *лопату* несешь на блестящем плече, иноземец?» —
В землю весло водрузи — ты окончил свое роковое,
Долгое странствие. Мощному там Посейдону принесши
В жертву барана, быка и свиней оплодителя вепря,
В дом возвратись и великую дома сверши гекатомбу

Зевсу и прочим богам, беспредельного неба владыкам,
Всем по порядку. И смерть не застигнет тебя на туманном
Море; спокойно и медленно к ней подходя, ты кончину
Встретишь, украшенный старостью светлой, своим и народным
Счастьем богатый». Вот то, что в Аиде сказал мне Тиресий».
Выслушав, умная так Пенелопа ему отвечала:
«Если достигнуть до старости нам дозволяют благие
Боги, то есть упованье, что наши беды прекратятся».
Так говорили о многом они, собеседуя сладко.
Тою порой Еврином с кормилицей, факелы взявши,
Ложе пошли приготовить из многих постилок; когда же
Было совсем приготовлено мягкоупругое ложе,
Лечь на постелю свою, утомяся, пошла Евриклея;
Факел пылающий в руки взяла Еврином и в спальню
Их повела, осторожно светя перед ними; с весельем
В спальню вступили они; Еврином ушла; а супруги
Старым обычаем вместе легли на покойное ложе.
Скоро потом Телемах, свинопас и Филойтий, окончить
Пляску велев, отослали служанок и сами по темным
Горницам, всех отпустив, разошлись, там легли и заснули.
Тою порою, утехой любви удовольствовав душу,
Нежно-веселый вели разговор Одиссей с Пенелопой.
Все рассказала она о жестоких, испытанных ею
Дома обидах: как грабили дом женихи беспощадно,
Сколько быков круторогих, и коз, и овец, и свиней там
Съедено ими, и сколько кувшинов вина дорогого
Выпито. Выслушав, все о себе в свой черед рассказал он:
Сколько напастей другим приключил и какие печали
Сам испытал. И внимала с весельем она, и до тех пор
Сон не сходил к ней на вежды, покуда не кончилась повесть.
Он рассказал: как вначале ограбил киконов; как прибыл
К людям, которые лотосом сладким себя насыщают;
Что потерпел от циклопа и как за товарищей, зверски
Сожранных им, отомстил и от гибели спасся плачевной;
Как посетил гостелюбца Эола, который радушно
Принял его, одарил и отправил домой; как в отчизну
Злая судьба возвратиться ему не дала; как обратно
В море его, вопиющего жалобно, буря умчала;
Как принесен был он к брегу лихих лестригонов: они же
Разом его корабли и сопутников меднообутых
Всех истребили; а он с остальным кораблем чернобоким

Спасся. Потом рассказал он о хитрых волшебствах Цирцеи;
Также о том, как в туманную область Аида, в котором
Душу Тиресия велено было спросить, быстроходным
Был приведен кораблем, там умерших товарищей тени
Встретил и матери милой отшедшую душу увидел;
Как он подслушал сирен сладострастно-убийственный голос;
Как меж плавучих утесов, Харибдой и Скиллой, которых
Смертный еще ни один не избегнул, прошел невредимо;
Как святотатно товарищи съели быков Гелиоса;
Как в наказанье за то был корабль их губительным громом
Зевса разрушен и всех злополучных сопутников бездна
Вдруг поглотила, а он, избежав истребительной Керы,
К брегу Огигии острова был принесен, где Калипсо
Нимфа его приняла и, желая, чтоб был ей супругом,
В гроте глубоком его угощала и даже хотела
Дать напоследок ему и бессмертье, и вечную младость,
Верного сердца, однако, его обольстить не успела;
Как принесен был он бурей на остров людей феакийских,
С честью великой его, как бессмертного бога, принявших;
Как, наконец, в корабле их он прибыл домой, получивши
Множество меди, и злата, и риз драгоценных в подарок.
Это последнее он рассказал уж в дремоте, и скоро
Сон прилетел, чарователь тревог, успокоитель сладкий.
Добрая мысль родилась тут в уме светлоокой Паллады:
В сердце своем убедившись, что сном безмятежным на ложе
Подле супруги довольно уже Одиссей насладился,
Выйти из вод Океана велела она златотронной
Эос, чтоб светом людей озарить; Одиссей пробудился.
С мягкого ложа поднявшись, сказал он разумной супруге:
«Много с тобой, Пенелопа, доныне мы бед претерпели
Оба: ты здесь обо мне, ожидаемом тщетно, крушилась;
Я осужден был Зевесом отцом и другими богами
Странствовать, надолго с милой отчизной моей разлученный.
Ныне опять мы на сладостном ложе покоимся вместе.
Ты наблюдай, Пенелопа, за всеми богатствами в доме,
Я же потщусь истребленное буйными здесь женихами
Все возвратить: завоюю одно; добровольно другое
Сами ахейцы дадут, и уплатится весь мой убыток.
Надобно прежде, однако, наш сад плодовитый и поле
Мне посетить, чтоб увидеть отца, сокрушенного горем.
Ты ж без меня осмотрительна будь, Пенелопа. С восходом
Солнца по городу быстро раздастся молва о убийстве,

Мной совершенном, о гибели всех женихов многобуйных.
Ты удалися с рабынями вместе наверх и сиди там
Смирно, ни с кем не входя в разговор, никому не являйся».
Кончив, на плечи свои он накинул прекрасную броню,
Сына с Филойтием, с верным Евмеем позвал и велел им
Также Ареево в руки оружие взять и облечься
В брони; то было исполнено; крепкою медью покрывшись,
Вышли они, Одиссей впереди, из ворот. Восходила
В тихом сиянии Эос. Афина их, мглой окруженных,
Вывела тайно по улицам людного города в поле.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Эрмий тем временем, бог киллений ский, мужей умерщвленных
Души из трупов бесчувственных вызвал; имея в руке свой
Жезл золотой (по желанью его наводящий на бодрых
Сон, отверзающий сном затворенные очи у сонных),
Им он махнул, и, столпясь, полетели за Эрмием тени
С визгом; как мыши летучие, в недре глубокой пещеры,
Цепью к стенам прилепленные, если одна, оторвавшись,
Свалится наземь с утеса, визжат, в беспорядке порхая,—
Так, завизжав, полетели за Эрмием тени; и вел их
Эрмий, в бедах покровитель, к пределам тумана и тленья;
Мимо Левкада скалы и стремительных вод Океана,
Мимо ворот Гелиосовых, мимо пределов, где боги
Сна обитают, провеяли тени на асфодилонский
Луг, где воздушными стаями души усопших летают.
Первая им повстречалася тень Ахиллеса Пелида;
С ним был Патрокл, Антилох беспорочный и сын Теламонов,
Бодрый Аякс, красотою и мужеством бранным и силой,
После Пелеева сына, ахеян других затмевавший.
Легкой толпою они окружили их. Тихо и грустно
Тень Агамемнона, сына Атреева, тут подошла к ним;
Следом за ней подошли и все тени товарищей, падших
В доме Эгиста с Атридом, с ним вместе постигнутых роком.
Слово душа Ахиллеса к душе Агамемнона прежде
Всех обратила: «Атрид, нам казалось, что Зевс громолюбец
Боле к тебе, чем к героям другим, благосклонствовал: им ты
Был над владыками сильными первовластителем сделан
В крае троянском, где много мы бед претерпели, ахейцы.

Но и тебе повстречать на земле предназначено было
Страшную Мойру, которой никто не избег из рожденных.
О, для чего, окруженный величием, властью и славой,
Ты не погиб меж товарищей бранных у стен Илиона!
Холм бы над прахом твоим был насыпан ахейцами, сыну
Славу великую ты навсегда бы в наследство оставил;
Ныне ж плачевною смертью по воле судьбины погиб ты».
Тень Агамемнона тени Пелидовой так отвечала:
«Сын Пелеев, избранник богов, ты завидно был счастлив;
Пал далеко от Аргоса в троянской земле ты, но пало
Много тобой умерщвленных троян вкруг тебя, и за труп твой
Бились ахейцы славнейшие; ты же под вихрями пыли,
Тихий, огромный и страшный, лежал там, забыв колесничный
Бой; и день целый мы бились все за тебя, и конца бы
Не было битве, когда бы Зевес не развел нас грозою.
Вынесши тело из боя твое, к кораблям возвратились
С ним мы; его положивши на одр и водою омывши,
Маслом натерли прекрасную голову; много рыдало
Вкруг бездыханного трупа ахеян, свои от печали
Волосы рвавших. И с нимфами моря из бездны глубокой
Вышла скорбящая мать; и раздался ее несказанный
По морю крик: трепетание страха проникло ахеян;
Все всколебались, и все б к кораблям убежали глубоким,
Если бы их не успел удержать многознающий старец
Нестор, всегда подававший советы разумные; полный
Мыслей благих, обратяся к товарищам, так им сказал он:
«Стойте, ахейцы! Куда вы бежите, аргивяне? Что вас
Так испугало? То с нимфами моря из бездны глубокой
Скорбная мать подымается мертвого сына увидеть».
Так он сказал; ободрились ахейские мужи. И труп твой
Нимфы прекрасные, дочери старца морей, окружили
С плачем и светло-божественной ризой его облачили;
Музы — все девять — сменяяся, голосом сладостным пели
Гимн похоронный; никто из аргивян с сухими глазами
Слушать не мог сладкопения Муз, врачевательниц сердца;
Целых семнадцать там дней и ночей над тобой проливали
Горькие слезы бессмертные боги и смертные люди;
Но на осьмнадцатый день был огню ты торжественно предан;
Мелкого много скота и быков криворогих убили
В почесть твою; и в божественной ризе, помазанный сладким
Медом и мазью душистою, был ты сожжен; и ахейцы,
В медь облачась, у костра, на котором сгорал ты, кипели,

Конные, пешие, в быстрых блестя колесницах; великий
Говор и шум был; когда же Гефестово пламя пожрало
Труп твой, с восходом Денницы мы собрали белые кости,
Чистым вином их омыли, умастили мазью; златую
Урну дала сокрушенная мать; Дионис ей, сказала,
Ту подарил драгоценную урну, созданье Гефеста.
Ныне хранятся в ней кости твои, Ахиллес лучезарный,
Вместе с костями Патрокла, погибшего прежде во брани,
Но далеко от костей Антилоха, который тобою,
После Патрокловой смерти, всех боле ахеян любим был.
Холм погребальный великий над вашими урнами был тут
Ратью святой копьеносных аргивян у светло-широких
Вод Геллеспонта на бреге, вперед выходящем, насыпан;
Будет далеко он на море видим пловцам мореходным
Наших времен и грядущего времени всем поколеньям.
Мать же твоя принесла тут дары, у богов испрося их;
Были ценою победы на играх они для ахеян.
Часто бывал, Ахиллес, ты свидетелем игр похоронных,
В честь многославных, похищенных смертью, царей и героев;
Зрел ты, как юноши, алча венца, снаряжалися к бою,—
Здесь же тебя привело б изумление в трепет при виде
Чудных даров, среброногой Фетидой в награду победы
Нам от богов принесенных: ты был их избранный любимец.
Так и по смерти ты именем жив, Ахиллес, и навеки
Слава твоя сохранится во всех на земле поколеньях.
Мне ж послужило ль к чему окончание славное брани?
Страшное Зевс приготовил мне в землю отцов возвращенье:
Смерть от Эгиста предательством гнусным жены развращенной».
Так говорили о многом они в откровенной беседе.
Тут им явился, увидели, Эрмий аргусоубийца,
Души в Аид женихов, Одиссеем убитых, ведущий.
Оба они, изумяся, приблизились к теням; в густом их
Сонме душа Агамемнона, сына Атреева, душу
Амфимедона, Мелантова славного сына, узнала.
Житель Итаки, он гостем издавна Атриду считался;
Амфимедонову душу душа Агамемнона грустным
Словом спросила: «Что сделалось с вами? Зачем вас так много,
Юных, прекрасных, в подземную область приходит? Никто бы
Лучших не выбрал, когда б надлежало меж первыми в граде
Выбрать. В пучине ли вас погубил Посейдон с кораблями,
Бурю пригнав и великие волны воздвигнув? На суше ль
Враг многосильный сразил вас внезапно, захваченных в поле,
Где вы ловили его криворогих быков и баранов,

Или во граде, где жен похищали и грабили домы
Дерзкой толпою? Ответствуй; мне гостем считался ты в жизни.
Помнишь ли время, когда твой отеческий дом посетил я,
Вызвать спеша Одиссея, чтоб с братом моим Менелаем
Шел в кораблях разрушать Илиона могучие стены?
Целый мы плавали месяц по темно-широкому морю
Прежде, чем был убежден Одиссей, городов сокрушитель».
Амфимедонова тень отвечала Атридовой тени:
«Сын Атреев, владыка людей, государь Агамемнон,
Памятно все мне, о чем говоришь ты, питомец Зевесов.
Если же ведать желаешь, тебе расскажу я подробно,
Как мы погибли, какую нам смерть приготовили боги.
Спорили все мы друг с другом о браке с женой Одиссея;
В брак не желая вступить и от брака спастись не имея
Средства, нам гибель и смерть замышляла в душе Пенелопа.
Слушай, какую она вероломно придумала хитрость.
Стан превеликий в покоях поставя своих, начала там
Тонко-широкую ткань и, собравши нас всех, нам сказала:
«Юноши, ныне мои женихи,— поелику на свете
Нет Одиссея,— отложим наш брак до поры той, как будет
Кончен мой труд, чтоб начатая ткань не пропала мне даром;
Старцу Лаэрту покров гробовой приготовить хочу я
Прежде, чем будет он в руки навек усыпляющей смерти
Парками отдан, дабы не посмели ахейские жены
Мне попрекнуть, что богатый столь муж погребен
без покрова».
Так нам сказала, и мы покорились ей мужеским сердцем.
Что же? День целый она за тканьем проводила, а ночью,
Факел зажегши, сама все, натканное днем, распускала.
Три года длился обман, и она убеждать нас умела;
Но когда обращеньем времен приведенный четвертый
Год совершился, промчалися месяцы, дни пролетели,—
Все нам одна из служительниц, знавшая тайну, открыла;
Сами тогда ж мы застали ее за распущенной тканью;
Так и была приневолена нехотя труд свой окончить.
Но лишь, окончив свой труд принужденный, она напоследок
Ткань, как луна иль как солнце блестящую, нам показала,
Демон враждебный внезапно привел Одиссея в Итаку;
В дом он сначала пришел к свинопасу Евмею; туда же
Был приведен и подобный богам Телемах, совершивший
Свой от песчаного Пилоса путь в корабле чернобоком.
Оба они, там замыслив ужасную нашу погибель,

В город вошли многославный; сперва Телемах, Одиссеев
Сын; а за ним напоследок и сам Одиссей хитроумный;
Он приведен был Евмеем, одетый в убогое платье,
В образе хилого старца, который чуть шел, подпираясь
Посохом, рубище в жалких лохмотьях набросив на плечи.
Нам же (и самым разумным из нас) не входило ни разу
В мысли, чтоб это был сам Одиссей, возвратившийся тайно
В дом свой: в него мы швыряли; его поносили словами;
Долгое время он в собственном доме с великим терпеньем
Молча сносил и швырянье, и наши обидные речи.
Но, ободренный эгидоносителем, грозным Зевесом,
Он с Телемахом вдвоем все доспехи прекрасные собрал,
В дальний покой перенес их и там запертыми оставил;
После коварным советом своим побудил Пенелопу,
Страшные стрелы и лук Одиссеев тугой нам принесши,
Вызвать нас, бедных, к стрелянью и к верной погибели нашей.
Мы же (и самый сильнейший из нас) не могли непокорный
Лук натянуть тетивою: на то недостало в нас силы;
Но когда поднесен Одиссею был лук свинопасом,
Всею толпой на него закричали мы, лук Одиссеев
В руки давать запрещая бродяге, хотя и просил он.
Нам вопреки Телемах богоравный на то согласился.
Взявши могучий свой лук, Одиссей, в испытаниях твердый,
Вмиг натянул тетиву, и сквозь кольца стрела пролетела.
Прянув тогда на порог, из колчана он высыпал стрелы,
Страшно кругом озираясь. И был Антиной им застрелен
Первый; и бешено стал посылать он стрелу за стрелою;
Не было промаха; падали все умерщвленные; было
Ясно, что кто-нибудь помощь ему подавал из бессмертных.
Бросясь на нашу толпу, он по всей разогнал нас палате.
Страшное тут началося убийство, раздался великий
Крик; был разбрызган наш мозг, и дымился затопленный кровью
Пол. Так плачевно погибли мы все, Агамемнон. Еще там
Наши лежат погребенья лишенные трупы; о нашей
Смерти не сведал еще ни один из родных и из ближних;
Наши кровавые раны еще не омыты, еще нас
Пламень не сжег, и никто не оплакал, и почести нет нам».
Амфимедоновой тени Атридова тень отвечала:
«Счастлив ты, друг, многохитростный муж, Одиссей богоравный!
Добрую, нравами чистую выбрал себе ты супругу;
Розно с тобою себя непорочно вела Пенелопа,

Дочь многоумная старца Икария; мужу, любящим
Сердцем избранному, верность она сохранила; и будет
Слава за то ей в потомстве; и в песнях Камен сохранится
Память о верной, прекрасной, разумной жене Пенелопе.
Участь иная коварной Тиндаровой дочери, гнусно
В руку убийцы супруга предавшей: об ней сохранится
Страшное в песнях потомков; она навсегда посрамила
Пол свой и даже всех жен, поведеньем своим беспорочных».
Так говорили о многом они, собеседуя грустно
В темных жилищах Аида, в глубоких пределах подземных.
Тою порой Одиссей и сопутники, вышед из града,
Поля достигли, которое сам обрабатывал добрый
Старец Лаэрт с попеченьем великим, давно им владея.
Сад там и дом он имел; отовсюду широким навесом
Дом окружен был; и днем под навесом рабы собирались
Вместе работать и вместе обедать; а ночью там вместе
Спали; была между ними старушка породы сикельской;
Старцу служила она и пеклася о нем неусыпно.
Так Одиссей, обратясь к Телемаху и к прочим, сказал им:
«Все вы теперь совокупно войдите во внутренность дома.
Лучшую выбрав свинью, на обед наш ее там зарежьте;
Я же к родителю прямо пойду: испытать я намерен,
Буду ль им узнан, меня угадают ли старцевы очи,
Или от долгой разлуки я стал и отцу незнакомцем».
Так говоря, он оружие отдал рабам; и поспешно
В дом с Телемахом вступили они; Одиссей же направил
Путь к плодоносному саду, там встретить надеясь Лаэрта.
В сад он вступив, не нашел Долиона, и не было также
Там ни рабов, ни детей Долионовых; посланы были
Все они в поле терновник сбирать для заграды садовой;
С ними пошел и старик Долион указать им дорогу.
Старца Лаэрта в саду одного Одиссей многоумный
Встретил; он там подчищал деревцо; был одет неопрятно;
Платье в заплатах; худыми ремнями из кожи бычачьей,
Наживо сшитыми, были опутаны ноги, чтоб иглы
Их не царапали; руки от острых колючек терновых
Он защитил рукавицами; шлык из потершейся козьей
Шкуры покровом служил голове, наклоненной от горя.
Так Одиссею явился отец, сокрушенный и дряхлый.
Он притаился под грушей, дал волю слезам и, в молчанье
Стоя там, плакал. Не знал он, колеблясь рассудком, что сделать:
Вдруг ли открывшись, ко груди прижать старика и, целуя

Руки его, объявить о своем возвращенье в Итаку?
Или вопросами выведать все от него понемногу?
Дело обдумав, уверился он напоследок, что лучше
Опыту старца притворно-обидною речью подвергнуть.
Так рассудив, подошел Одиссей богоравный к Лаэрту.
Голову он наклонял, деревцо подчищая мотыгой.
Близко к нему подступивши, сказал Одиссей лучезарный:
«Старец, ты, вижу, искусен и опытен в деле садовом;
Сад твой в великом порядке; о каждом равно ты печешься
Дереве; смоквы, оливы, и груши, и сочные грозды
Лоз виноградных, и гряды цветочные — все здесь в приборе.
Но, не сердись на меня, не могу не сказать откровенно,
Старец, что сам о себе ты заботишься плохо; угрюма
Старость твоя, ты нечист, ты одет неопрятно; уж, верно,
Твой господин до тебя так недобр не за леность к работе.
Сам же ты образом вовсе не сходен с рабом подчиненным;
Царское что-то и в виде и стане твоем нахожу я;
Боле подобен ты старцу, который, омывшись, насытясь,
Спит на роскошной постели, как всякому старцу прилично.
Но отвечай мне теперь, ничего от меня не скрывая:
Кто господин твой? За чьим плодоносным ты садом здесь смотришь?
Также скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
Вправду ль на остров Итаку я прибыл, как это сказал мне
Кто-то из здешних, меня на дороге сюда повстречавший?
Был он, однако, весьма неприветлив; со мной разговора
Весть не хотел и мне не дал ответа, когда я о госте,
Некогда принятом мною, его расспросить попытался:
Жив ли и здесь ли еще иль уж в область Аида сошел он?
Ведать ты должен, и выслушай то, что скажу я: давно уж
Мне угощать у себя посетившего дом мой случилось
Странника; много до тех пор гостей из далеких, из ближних
Стран приходило ко мне; но такой между ими разумный
Мне не встречался; он назвал себя уроженцем Итаки,
Аркесиада Лаэрта, молвою хвалимого, сыном.
Принял я в доме своем Одиссея; и мной угощен был
Он с дружелюбною роскошью — много запасов имел я
В доме; и много подарков мой гость получил на прощанье:
Золота дал я отличной доброты семь полных талантов;
Дал сребролитную чашу, венчанную чудно цветами,
С нею двенадцать покровов, двенадцать широких вседневных
Мантий и к верхним двенадцати ризам двенадцать хитонов;
Кроме того, подарил четырех рукодельных невольниц:

Были они молодые, красивые; сам он их выбрал».
Крупную старец слезу уронив, отвечал Одиссею:
«Странник, ты подлинно прибыл в тот край, о котором желаешь
Сведать; но им уж давно завладели недобрые люди.
Ты понапрасну с таким гостелюбьем истратил подарки;
Если б в Итаке живым своего ты давнишнего гостя
Встретил, тебя отдарил бы он так же богато, принявши
В дом свой: таков уж обычай, чтоб гости друг друга дарили.
Но отвечай мне теперь, ничего от меня не скрывая:
Сколько с тех пор миновалося лет, как в своем угощал ты
Доме несчастного странника? Странник же этот был сын мой,
Сын Одиссей — злополучный! Быть может, далеко от милой
Родины, рыбами съеден он в бездне морской иль на суше
Птицам пустынным, зверям плотоядным достался в добычу;
Матерью не был он, не был отцом погребен и оплакан;
Не был и дорогокупленной, верной женой Пенелопой
С плачем и криком на одр положен; и она не закрыла
Милых очей; и обычной ему не оказано чести.
Ты же скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
Кто ты? Какого ты племени? Где ты живешь? Кто отец твой?
Кто твоя мать? Где корабль, на котором ты прибыл в Итаку?
Где ты покинул товарищей? Или чужим, как попутчик,
К нам привезен кораблем и, тебя здесь оставя, отплыл он?»
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Если ты знать любопытствуешь, все расскажу по порядку:
Я родился в Алибанте; живу там в богатых палатах;
Полипемонид Афейд, той страны обладатель, отец мой;
Имя дано мне Еперит. Сюда неприязненный демон
Против желанья меня, от Сикании плывшего, бросил;
Свой же корабль я поставил под склоном Нейона лесистым.
Должен, однако, ты ведать, что с тех пор уж пять совершилось
Лет, как, мое посетивши отечество, сын твой пустился
В море. Ему ж при отплытии счастливый путь предсказали
Птицы, взлетевшие справа; я весело с ним разлучился;
Весело поплыл и он; мы питались надеждою сладкой:
Часто видаться, друг другу подарками радуя сердце».
Так говорил Одиссей; и печаль отуманила образ
Старца; и, прахом наполнивши горсти, свою он седую
Голову всю им, вздохнув со стенаньем глубоким, осыпал.
Сердце у сына в груди повернулось, и, спершись, дыханье
Кинулось в ноздри его,— он сражен был родителя скорбью.
Бросясь к нему, он, его обхватя и целуя, воскликнул:
«Здесь я, отец! Я твой сын, Одиссей, столь желанный тобою,

Волей богов возвратившийся в землю отцов через двадцать
Лет; воздержись от стенаний, оставь сокрушенье и слезы.
Слушай, однако: мгновенья нам тратить не должно, понеже
В доме моем истребил я уж всех женихов многобуйных,
Мстя им за все беззакония их и за наши обиды».
Кончил. Лаэрт изумленный ответствовал так Одиссею:
«Если ты подлинно сын Одиссей, возвратившийся в дом свой,—
Верный мне знак покажи, чтоб мое уничтожить сомненье».
Старцу Лаэрту ответствовал так Одиссей хитроумный:
«Прежде тебе укажу я на этот рубец; мне поранил
Ногу, ты помнишь, клыком разъяренный кабан на Парнасе;
Был же туда я тобою и милою матерью послан
К Автоликону, отцу благородному матери, много
(Нас посетив) посулившему дать мне богатых подарков.
Если ж желаешь, могу я тебе перечесть и деревья
В саде, которые ты подарил мне, когда я однажды,
Бывши малюткою, здесь за тобою бежал по дорожке.
Сам ты, деревья даря, поименно мне каждое назвал:
Дал мне тринадцать ты груш оцветившихся, десять отборных
Яблонь и сорок смоковниц; притом пятьдесят виноградных
Лоз обещал, приносящих весь год многосочные грозды:
Крупные ж ягоды их, как янтарь золотой иль пурпурный,
Блещут, когда созревают они благодатью Зевеса».
Так он сказал. Задрожали колена и сердце у старца;
Все сочтены Одиссеевы признаки были. Заплакав,
Милого сына он обнял, потом обеспамятел; в руки
Принял его, всех лишенного сил, Одиссей богоравный;
Но напоследок, когда возвратились и память и силы,
Голос возвысив и взор устремивши на сына, сказал он:
«Слава Зевесу отцу! Существуют еще на Олимпе
Мстящие боги, когда беззаконники вправду погибли.
Но, Одиссей, я страшуся теперь, что подымется в граде
Скоро мятеж, и сюда соберется народ, и с ужасной
Вестью гонцы разошлются по всем городам кефалленским».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Будь беззаботен; не этим теперь ты тревожиться должен.
Лучше пойдем мы в твой дом, находящийся близко отсюда;
Я уж туда Телемаха с Филойтием, с старым Евмеем
Прямо послал, им велев приготовить обед нам обильный».
С сими словами к красивому дому направили путь свой
Сын и отец; и, когда напоследок вступили в красивый
Дом, Телемах там с Филойтием, с старым Евмеем, состряпав

Пищу, уж резали мясо и в кубки вино разливали.
Тою порою, Лаэрта в купальне омывши, рабыня
Старцево тело его благовонным елеем натерла,
Чистою мантией плечи его облекла; а Афина,
Тайно к нему подошедши, его возвеличила ростом,
Сделала телом полней и лицу придала моложавость.
Вышел из бани он светел. Отца подходящего видя,
Сын веселился его красотою божественно-чистой.
Взор на него устремивши, он бросил крылатое слово:
«О родитель! Конечно, один из богов олимпийских
Так озарил красотою твой образ, так выпрямил стан твой!»
Кротко на то Одиссею Лаэрт отвечал многославный:
«Если б,— о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! —
Был я таков, как в то время, когда с кефалленскою ратью
Нерикон град на утесе земли материй ниспровергнул,
Если бы в доме вчера я таким пред тобою явился,
Броню надел на плеча и, тебе помогая, ударил
Вместе с тобой на толпу женихов — сокрушил бы колена
Многим из них я; и ты бы, любуясь отцом, веселился».
Так говорили они, собеседуя сладко друг с другом.
Стряпанье кончив, обильный обед приготовив и севши
Вместе за стол надлежащим порядком на креслах и стульях,
Весело подняли руки они к приготовленной пище.
Скоро с работы пришел и старик Долион с сыновьями;
Звать их за стол к ним навстречу рабыня сикельская вышла.
(Всех сыновей воспитала она, а за старым отцом их,
Слабым от лет, с неусыпным усердием в доме неклася.)
В двери столовой вступивши, при виде нежданного гостя,
Все изумились они и стояли, не трогаясь с места.
Ласково к ним обратяся, сказал Одиссей хитроумный:
«Что же ты медлишь? Садися за стол к нам, старик; удивленье
Ваше оставив, обедайте с нами; давно уж сидим мы
Здесь за столом, дожидаясь, чтоб вы возвратились с работы».
Так он сказал. Долион, подбежав к своему господину,
Руки его целовать с несказанною радостью начал;
Взор на него устремивши, он бросил крылатое слово:
«Здесь наконец ты, наш милый, желанный! Увидеть нам дали
Боги тебя — а у нас уж в душе и надежды свиданья
Не было. Здравствуй и радуйся! Боги да будут с тобою!
Нам же теперь объяви, чтоб могли мы всю истину ведать,
Дал ли уже ты разумной супруге своей Пенелопе
Знать о своем возвращенье? Иль вестника должно послать к ней?»

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Сказано все ей, старик; не заботься об этом напрасно».
Так отвечал Одиссей. Долион поместился на гладком
Стуле. Его сыновья, своему поклонясь господину,
С словом приветливым руку пожали ему и обедать
Сели с другими за стол близ отца своего Долиона.
Так пировали они в многославном жилище Лаэрта.
Осса тем временем с вестью ходила по улицам града,
Страшную участь и лютую смерть женихов разглашая;
Все взволновался жители града; великой толпою
С ропотом, с воплем сбежался народ к Одиссееву дому;
Вынесли мертвых оттуда; одних схоронили; других же
В домы семейные их по иным городам разослали,
Трупы развезть поручив рыбакам на судах быстроходных.
На площадь стали потом все печально сбираться; когда же
На площадь все собрались и собранье сделалось полным,
Первое слово к народу Евпейт обратил благородный;
В сердце о сыне своем, Антиное прекрасном, который,
Первый застреленный, первою жертвою был Одиссея,
Он сокрушался; и так, сокрушенный, сказал он народу:
«Граждане милые, страшное зло Одиссей нам, ахейцам,
Всем приключил. Благороднейших некогда в Трою увлекши
Вслед за собой, корабли и сопутников всех погубил он;
Ныне ж, домой возвратясь, умертвил кефалленян знатнейших.
Братья, молю вас — пока из Итаки не скрылся он в Пилос
Или не спасся в Элиду, священную землю эпеян,—
Выйти со мной на губителя; иначе стыд нас покроет;
Мы о себе и потомству оставим поносную память,
Если за ближних своих, за родных сыновей их убийцам
Здесь не отмстим. Для меня же, скажу, уж тогда нестерпима
Будет и жизнь; и за ними, погибшими, в землю сойду я.
Нет, не допустим, граждане, их праведной кары избегнуть!»
Так говорил он, печальный, и всех состраданье проникло.
Фемий тогда и глашатай Медонт, в Одиссеевом доме
Ночь ту проведшие, вставши от сна, пред народным собраньем
Оба явились; при виде их каждый пришел в изумленье.
Умные мысли имея, Медонт им сказал: «Приглашаю
Выслушать слово мое вас, граждане Итаки; не против
Воли Зевесовой так поступил Одиссей благородный;
Видел я сам, как один из бессмертных богов олимпийских
Там появился внезапно, облекшийся в Ментеров образ;
Он, всемогущий, то, стоя пред ним, возбуждал в Одиссее

Бодрость, то, против толпы женихов обращаясь, гонял их,
Трепетных, из угла в угол, и все друг на друга валились».
Так он сказал им, и были все ужасом схвачены бледным.
Выступил тут пред народ Алиферс, многоопытный старец,
Сын Масторов; грядущее он, как минувшее, ведал;
С мыслью благой обратяся к согражданам, так им сказал он:
«Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки;
Вашей виною, друзья, совершилась беда роковая;
Мне вы и Ментору мудрому не дали веры, когда мы
Вовремя вас убеждали унять сыновей безрассудных,
Много себе непозволенных дел позволявших, губивших
Дом Одиссеев и злые обиды нанесших супруге
Мужа, который, мечтали, сюда не воротится вечно.
Вот вам теперь мой совет; моему покоритеся слову:
Мирно останьтеся здесь, чтоб беды на себя не накликать
Злейшей». Сказал; половина большая собранья с свирепым
Воплем вскочила; покойно на месте остались другие.
Те ж, негодуя на речь Алиферсову, вслед за Евпейтом
Бросились шумно-неистовым сонмом готовиться к бою.
Все, облачившися в крепкие медноблестящие брони,
За город вышли и там собралися великой толпою.
Их предводитель Евпейт, обезумленный горем великим,
Мнил, что за сына отмстит; но ему не назначено было
В дом свой опять возвратиться; его стерегла уж судьбина.
Тут светлоокая Зевса Крониона дочь обратила
Слово к отцу и сказала: «Кронион, верховный владыка,
Мне отвечай, вопрошающей: что ты теперь замышляешь?
Злую ль гражданскую брань и свирепо-кровавую сечу
Здесь воспалить? Иль противникам миром велеть сочетаться?»
Ей возражая, ответствовал тут собиратель Кронион:
«Странно мне, милая дочь, что меня ты о том вопрошаешь;
Ты не сама ли рассудком решила своим, что погубит
Всех их, домой возвратясь, Одиссей многоумный? Что хочешь
Сделать теперь, то и сделай. Мои же тебе я открою
Мысли: отмстил женихам Одиссей богоравный — имел он
Право на то; и царем он останется; клятвой великой
Мир утвердится; а горькую смерть сыновей их и братьев
В жертву забвению мы предадим; и любовь совокупит
Прежняя всех; и с покоем обилие здесь водворится».
Кончив, велел он идти нетерпеньем горевшей Афине.
Бурно в Итаку с вершины Олимпа шагнула богиня.
Те же, насытяся вдоволь, обед свой окончили. Голос
Свой Одиссей тут возвысил и бросил крылатое слово:

«Должно, чтоб кто-нибудь вышел теперь посмотреть:
не идут ли?»
Так он сказал, и один из младых сыновей Долиона
В двери пошел; но с порога дверей, подходящих увидя,
Громко воскликнул и быстрое слово Лаэртову сыну
Бросил: «Идут! Поспешите! Оружие в руки! Их много!»
Все побежали немедля и в крепкие брони оделись;
Был Одиссей сам-четверт; Долиоиовы стали с ним рядом
Шесть сыновей. И Лаэрт с Долионом оружие также
Взяли— седые, нуждой ополченные ратники-старцы.
Все совокупно, облекшися в медноблестящие брони,
Вышли они, Одиссей впереди, из дверей. К Одиссею
Тут подошла светлоокая дочь громовержца Зевеса,
Сходная с Ментором видом и речью, богиня Афина;
Радостью был он проникнут, ее пред собою увидя.
К сыну потом обратяся, он бросил крылатое слово:
«Друг Телемах, наступила пора и тебе отличиться
Там, где, сражаясь, великою честью себя покрывает
Страха не знающий муж. Окажися достойным породы
Бодрых отцов, за дела прославляемых всею землею».
Кротко отцу отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Сам ты увидишь, родитель, что я посрамить не желаю
Бодрых отцов, за дела прославляемых всею землею».
Так он сказал. Их услышав, Лаэрт вдохновенно воскликнул:
«Добрые боги, какой вы мне день даровали! О, радость!
Слышу, как сын мой и внук мой друг с другом о храбрости
спорят!»
Дочь многосильная Зевса, к нему подошедши, сказала:
«Бодрый Аркесиев сын, из товарищей всех мне милейший,
В помощь призвавши Зевеса отца и Афину Палладу,
Выдь на врага и копье длиннотенное брось наудачу».
Слово ее пробудило отважность великую в старце;
Он, помоляся владыке Зевесу и грозной Палладе,
Вышел вперед и копье длиннотенное бросил, не целясь.
В медноланитный Евпейтов шелом он попал, и, защиту
Меди пробивши, расколотый череп копье просадило;
Грянулся навзничь Евпейт, и на нем загремели доспехи.
Тут на передних ударя сам-друг, Одиссей с Телемахом
Начали быстро разить их мечом и копьем; и погибли
Все бы они и домой ни один не пришел бы обратно,
Если бы дочь громовержца эгидоносителя Зевса
Громко не крикнула, гибель спеша отвратить от народа:
«Стойте! Уймитесь от бедственной битвы, граждане Итаки!

Крови не лейте напрасно и злую вражду прекратите!»
Так возопила Афина; все схвачены трепетом бледным
Были они и, оружие в страхе из рук уронивши,
Пали на землю, сраженные криком богини громовым;
В бегство потом обратясь, устремились, спасаяся, в город.
Громко тогда завопив, Одиссей, непреклонный в напастях,
Кинулся бурно преследовать их, как орел поднебесный.
Но громовою стрелою Кронион вдруг раздвоилось
Небо, и ярко она пред Афиной ударила в землю.
Дочь светлоокая Зевса тогда Одиссею сказала:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Руку свою воздержи от пролития крови, иль будет
В гнев приведен потрясающий небо громами Кронион».
Так говорила богиня. Он радостно ей покорился.
Скоро потом меж царем и народом союз укрепила
Жертвой и клятвой великой приявшая Менторов образ
Светлая дочь громовержца богиня Афина Паллада.

История письменного текста гомеровских поэм насчитывает две с половиною тысячи лет. По свидетельству ряда античных авторов, «Илиада» и «Одиссея» были впервые записаны особой комиссией, созданной афинским тираном Писистратом (годы его правления — 560—527 гг. до н. э.). В античности обе поэмы пользовались чрезвычайно широким распространением. Они были предметом научного изучения выдающихся филологов древнего мира, создавших в III веке до н. э. критически исправленные издания гомеровского текста (так называемые «диортосы» — Зенодота, разделившего каждую из поэм на двадцать четыре песни, Аристарха, Аристофана Византийского). Они же служили в начальных школах первым пособием, по которому обучали грамоте. Уже в III веке до н. э. первый римский поэт Ливий Андроник перевел латинскими стихами «Одиссею» (это самый ранний известный нам художественный перевод в европейской литературе).

В Византии интерес к Гомеру сохраняется и в средние века. Через Византию и южных славян мифы троянского цикла (в изложении позднеантичных и византийских авторов) стали известны и в Древней Руси.

В средневековой Европе Гомера знали только по цитатам и ссылкам у латинских писателей и Аристотеля; поэтическую славу Гомера полностью затмила слава Вергилия. Лишь в конце XIV и в первой половине XV века, когда с началом Возрождения в Венеции, во Флоренции, в Риме появились первые византийские учителя греческого языка, итальянские гуманисты познакомились с Гомером ближе. В XV веке многие переводили Гомера на латинский язык, среди прочих — и знаменитый гуманист и писатель Анжело Полициано. В 1488 году во Флоренции выходит первое печатное издание Гомера на греческом языке. В XVI веке отдельные части гомеровских поэм неоднократно переводились и на итальянский язык. Однако лишь в 1723 году появился первый полный перевод «Илиады», сделанный

поэтом Антонио Мария Сальвини. Классическими в Италии стали переводы знаменитого поэта Винченцо Монти («Илиада», 1810) и его друга, также известного поэта, Ипполито Пиндемонте («Одиссея», полностью опубликована в 1822 г.).

В эпоху Возрождения интерес к Гомеру распространяется по всей Европе. Во Франции первый поэтический перевод «Илиады» начал аббат Гюг Салель, который успел перевести одиннадцать песен; эту работу завершил и издал Амадис Жамэн (1580); к изданию был приложен и перевод первых двух песен «Одиссеи», выполненный Жаком Пелетье. Однако до середины XIX века наибольшим распространением во Франции пользовались прозаические переводы Гомера госпожи Дасье и главным образом перевод М. Битобе, выдержавший множество переизданий (первое издание «Илиады» — 1764 г., «Одиссеи» — 1785 г.). Среди позднейших стихотворных переводов одним из самых совершенных является перевод Шарля Леконт де Лиля («Илиада» — 1867 г., «Одиссея» — 1868 г.).

В Англии с 1599 по 1615 год частями печатался перевод гомеровских поэм, сделанный драматургом Джорджем Чапменом и отличавшийся высокими художественными достоинствами. Однако спустя сто лет Чапмена затмил Александр Поп, опубликовавший в 1715—1720 годах свой перевод «Илиады», а в 1720—1725 годах — перевод «Одиссеи». Перевод этот остается в Англии классическим.

В Германии первой была переведена на немецкий язык «Одиссея»: ее прозаическое переложение было выпущено в 1537 году «городским историографом города Мюнхена» Симоном Шайденрайссером. Перевод «Илиады» в стихах опубликовал в 1610 году (вместе со своим переводом «Энеиды») Иоганн Шпренген. Однако широкого распространения эти переводы не получили и не переиздавались. Долгое время им предпочитали латинские переводы: в 1540 году известный гуманист Эобан Гесс издал стихотворный перевод «Илиады»; перевод «Одиссеи» был в 1549 году издан Симоном Лемниусом. Лишь в середине XVIII века, в связи с новой оценкой античного искусства у И.-И. Винкельмана, интерес к поэмам Гомера вырос настолько, что их немецкие переводы, стихотворные и прозаические, стали появляться один за другим. Так, знаменитый поэт Г.-А. Бюргер перевел ямбами отрывки из «Илиады» (1771). В 1781 году появился перевод «Одиссеи» гекзаметрами, выполненный Иоганном Генрихом Фоссом; в 1793 году Фосс выпустил перевод «Илиады» вместе с переработанным переводом «Одиссеи». Перевод этот стал в Германии классическим и до сих пор является одним из совершеннейших переводов Гомера на новые языки.

В России первые попытки перевода гомеровских поэм относятся к середине XVIII века. Два отрывка из «Илиады» (VIII, 1—15 и IX, 225—261) привел в качестве образцов в своей «Риторике» М. В. Ломоносов

(1748); его перевод сделан шестистопным ямбом — так называемым «александрийским стихом». В 1776—1778 годах выходит полный прозаический перевод «Илиады», сделанный коллежским секретарем Петром Екимовым. В 1788 году появляется анонимный прозаический перевод «Одиссеи»; авторство его до сих пор вызывает разногласия среди ученых. Наконец, в 1787 году выходят первые шесть песен «Илиады», переведенные Ермилом Костровым. Перевод его, выполненный по всем правилам поэтики классицизма, александрийским стихом с парной рифмой, произвел огромное впечатление на современников, однако остался незавершенным (песни VII, VIII и часть песни IX были опубликованы уже после смерти Кострова, в 1811 г.). Перевод Кострова высоко ценился еще долгие годы: Н. И. Гнедич начал свой перевод как продолжение работы Кострова — с песни VII, александрийским стихом. Лишь в 1813 году Н. И. Гнедич публикует первый отрывок из «Илиады», переведенный гекзаметром. Однако за период, прошедший между появлением перевода Кострова и началом публикации перевода Гнедича, можно указать еще несколько переложений из Гомера: в 1796 году Н. М. Карамзин печатает стихотворение «Прощание Гектора с Андромахой», имеющее подзаголовок «перевод»; в 1808 году А. Ф. Мерзляков публикует отрывок из «Одиссеи» — «Улисс у Алкиноя» (перевод его сделан пяти- и шестистопными амфибрахиями, напоминающими по звучанию дактилический гекзаметр); в журналах появляется ряд анонимных переводов различных отрывков из «Илиады».

Гнедич работал над своим переводом «Илиады» более двадцати лет. В 1829 году он опубликовал его отдельной книгой. Сделанный с греческого оригинала, основанный на глубоком изучении научной литературы о Гомере, перевод Гнедича являет собой образцовое сочетание филологической точности с высокой поэзией и остается непревзойденным в русской литературе.

Первый полный стихотворный перевод «Одиссеи» на русский язык появился лишь спустя двадцать лет после перевода «Илиады», в 1849 году. Это был перевод В. А. Жуковского, над которым поэт работал с 1842 года. Еще раньше — в 1829 году — Жуковский напечатал несколько отрывков из «Илиады», переведенных с немецких переводов И.-Г. Фосса и Хр. Штольберга. Перевод «Одиссеи» В. А. Жуковский, не знавший греческого языка, также выполнил по немецкому подстрочнику, сделанному для него дюссельдорфским ученым Грасгофом. Перевод Жуковского лишен филологической точности, в нем есть и ошибки; «архаизация» достигается введением многочисленных понятий из древнерусского быта, совершенно чуждых гомеровскому миру. И все же поэтичность целого, гармоничность стиха, пластичность передачи образов ставят перевод Жуковского значительно выше переводов его более поздних соперников.

В 1896 году вышел полный стихотворный перевод «Илиады», выполненный Н. Минским; гладкий и удобочитаемый, этот перевод все же уступает в силе и монументальности переводу Н. И. Гнедича. В советское время поэмы Гомера перевел В. В. Вересаев (обе они изданы посмертно: «Илиада» — в 1949 г., «Одиссея» — в 1953 г.). В своих переводах, приближенных к современному языку, В. В. Вересаев широко использовал те строки из переводов Гнедича и Жуковского, которые казались ему удачными. Таким образом, считать его перевод самостоятельным нельзя. В 1949 году перевод «Одиссеи», выполненный П. Шуйским, вышел в издательстве Свердловского государственного университета имени А. М. Горького.

В настоящем издании перевод Н. И. Гнедича печатается по изданию: «Илиада». Перевод Н. И. Гнедича, Гослитиздат, Москва, 1960. Перевод В. А. Жуковского печатается по изданию: «Одиссея». Перевод В. А. Жуковского, Гослитиздат, Москва, 1959.

ИЛИАДА

Песнь первая

Стих 1. *Богиня* — здесь: Муза.

Стих 7. *Атрид* — сын Атрея, Агамемнон.

Стихи 14—15. *...на жезле золотом, Аполлонов красный венец...* — Жезл — принадлежность жреца; венец — повязка из шерстяной ленты, надевавшаяся на голову статуи Аполлона. Хрис взял ее как знак мольбы.

Стих 19. *Град Приамов* — Троя.

Стих 22. *...изъявили согласие криком всеобщим...* — В народном собрании гомеровской эпохи еще не знали голосования и выражали свое согласие или несогласие криками.

Стих 42. *...отомсти аргивянам стрелами твоими.* — Внезапную смерть греки объясняли тем, что бог Аполлон или его сестра Артемида убивают людей своими стрелами. (Аполлон — мужчин, Артемида — женщин.)

Стих 50. *Меск* — мул или лошак, помесь лошади и осла.

Стих 52. *Частые трупов костры...* — В гомеровскую эпоху сожжение трупов было основной формой погребения.

Стих 65. *Жертва стотельчая* — то есть жертва в сто тельцов (быков) — буквальный перевод греческого слова «гекатомба». Значение стиха: бог гневен за обещанную, но не принесенную жертву.

Стих 66. *Благовонный тук.* — Жир (тук) жертвенного животного вместе с некоторыми частями туши сжигался в честь бога на алтаре.

Стих 152. *Укротители коней.* — Это выражение обозначает «сильный, могучий».

Стих 159. *Псообразный* — значит «бесстыдный»; пес считался символом бесстыдства.

Стих 164. *Если троянский... ахеяне град разгромляют.*— В первые годы Троянской войны ахейское войско разгромило и разграбило все близлежащие города, союзные с Троей.

Стих 225. *С сердцем елена.*— Елень — олень, считавшийся у греков воплощением трусости.

Стих 234. *Скипетром сим я клянуся...*— Говоря, Ахиллес держит в руках скипетр, который как знак власти вручался в народном собрании каждому, кто брал слово.

Стих 262. *...подобных мужей... я и видеть не буду.*— По гомеровскому представлению, каждое новое поколение героев слабее предыдущего.

Стих 268. *Лютые чада гор* — кентавры, полулюди-полукони. На свадьбе у Пирифоя пьяные кентавры стали нападать на женщин; из-за этого началось сражение с кентаврами.

Стих 305. *Разрушили сонм* — распустили собрание.

Стих 334. *Глашатаи, вестники бога.*— Глашатай и вестник находились под особым покровительством богов и были неприкосновенны.

Стих 352. *Матерь* — мать Ахиллеса, морская богиня Фетида, дочь «морского старца» Нерея (см. стих 358).

Стих 366. *Фивы, град Этионов.*— Имеются в виду не египетские Фивы и не Фивы в Беотии, а город в Малой Азии.

Стих 408. *Пергамляне* — троянцы.

Стих 458. *Кончив молитву, ячменем и солью осыпали жертвы.*— Гомер описывает порядок жертвоприношения: ячменной мукой и солью посыпали головы жертв.

Стих 467. *Пир учредили.*— По представлениям греков, жертвоприношение — совместная трапеза бога и жертвующих.

Стих 486. *И, высоко, на песке, подкативши огромные бревна.*— Это делалось для того, чтобы не подгнивало дно судна.

Стих 500. *...быстро обнявши колена.*— Прикосновение к коленям и к подбородку — жест, выражающий мольбу.

Стих 568. *Волоокая Гера богиня* — то есть Гера с глазами коровы. Этот эпитет возник еще в глубокой древности, когда Геру почитали в виде коровы. Почитание богов в виде животных имело место не только в Древнем Египте, но и у греков задолго до Гомера. Так, например, супруг Геры Зевс почитался в виде быка на Крите, где археологи открыли стенную роспись, изображающую ритуальные атлетические игры с быком. Не случайно в известном мифе Зевс, для того чтобы похитить и умчать на Крит царевну Европу, принимает образ быка.

Стих 584. *Кубок двудонный* — кубок, имеющий под дном ножку с подставкой, как наши бокалы.

Песнь вторая

Стих 153. *Рвы очищают* — рвы, по которым вытаскивались на берег и спускались в море корабли.

Стих 212. *Терсит.*— Это имя происходит от слов: «дерзость», «наглость».

Стих 262. *Хлена* — верхнее платье греков, теплый плащ, которым окутывались поверх хитона — короткой рубашки без рукавов.

Стих 341. *Вин возлиянья и рук сочетанья...*— Принося клятву верности, греки совершали богам возлияния (жертва вином: немного вина проливали на землю) и соединяли руки.

Стих 363. *Пусть помогает колено колену и племени племя.*— Совет Нестора отражает существовавшую в эпоху родового строя, еще до Гомера, организацию войска по фратриям (объединениям родов, у Гнедича — «колена») и по родам.

Стих 383. *...коней напитай подъяремных...*— В гомеровскую эпоху греки не знали кавалерии: вожди сражались в колесницах, запряженных парой коней (поэтому кони «подъяремные»), рядовые воины — в пешем строю.

Стих 400. *...своему от богов вечносущих...*— У каждого племени был свой бог-покровитель.

Стих 416. *Прежде, чем Гектора лат на груди у него не расторгну* — то есть пока не убью Гектора и не сниму с него доспехи.

Стих 614. *...они небрегли о делах мореходных.*— Аркадия находится внутри Пелопоннеса и не имеет выходов к морю.

Стих 653. *Тлиполем Гераклид* — то есть Тлиполем, сын Геракла, величайшего героя греческой мифологии, отличавшегося огромным ростом и силой. В этом отношении и сравнивается с ним Тлиполем.

Стих 755. *Стикс* — река подземного царства; ее водой клянутся боги, поэтому у Гомера и говорится: «воды заклинаний».

Стих 782. *Тифей,* или Тифон — мифическое чудовище, порожденное Землей против Зевса, олицетворение подземного огня. Зевс победил его своими молниями, низверг в глубины земли и сверху навалил горы. Когда Тифей хочет подняться из-под земли, содрогающейся от его страшных усилий, бьет пламя. Тогда Зевс снова мечет в Тифея молнии.

Стих 867. *Наречие варварское* — негреческий язык. Варварами греки называли всех негреков.

Песнь третья

Стих 6. *Пигмеи* — мифическое племя карликов, жившее на крайнем юге у Океана. С ними ежегодно ведут войну журавли, улетающие на юг.

Стихи 10—11. *...туман... вору способнейший ночи* — туман, более помогающий вору, чем ночь.

Стихи 16—18. *Александр* — «поражающий мужей», прозвище Париса. *С кожею парда на раме* — со шкурой барса на плече. *Медножалое копье* — копье с медным наконечником («жалом»).

Стих 57. *Каменной ризой одет* — побит камнями.

Стих 78. *Спнул фаланги* — задержал колонны троянцев.

Стих 104. *Пожрем* — принесем в жертву (от глагола «пожрети» — того же корня, что и слово «жрец»).

Стих 109. *Присущий* — присутствующий.

Стих 130. *Нимфа* — здесь: «молодая женщина».

Стих 180. *...если б он был им* — если бы он оставался им и теперь.

Стих 333. *Брата Ликаона славный доспех, и ему соразмерный.*— Лучник Парис выходит в бой без тяжелого вооружения, одетый лишь барсовой шкурой; поэтому он берет панцирь у брата, и этот панцирь приходится ему впору («ему соразмерный»).

Песнь четвертая

Стих 8. *Тритогения Алалкомена* — Афина; смысл ее культового имени Тритогения неясен; Алалкомена значит «отражающая врагов, защитница».

Стих 67. *...разрушивши клятву.*— Нарушив клятву, троянцы тем самым обрекают свой город на гибель в наказание за вероломство.

Стих 133. *Запон* — военный пояс с обшитым медными пластинками передником; этот передник вместе с панцирем образует двойной слой брони.

Стих 137. *Навязь* — матерчатый широкий пояс, обшитый медными пластинками.

Стих 171. *Многожаждущий Аргос* — область в Пелопоннесе, бедная водой.

Стих 240. *...на печальную битву косняших* — медлящих идти в битву.

Стих 260. *...чашу вина растворяют.*— Греки всегда пили вино, разбавленное водой.

Стих 334. *Башня* — «род построения войск». *(Прим. Гнедича.)*

Стих 391. *Кадмейцы* — фиванцы (Кадмеей назывался акрополь Фив).

Стих 447. *Сразилися кожи* — столкнулись кожаные щиты.

Песнь пятая

Стих 48. *Обнажили* — сняли доспехи, почетнейшую часть добычи победителя.

Стихи 62—63. *...суда... бедствий начало* — суда, на которых Парис плыл в Спарту, чтобы похитить Елену.

Стих 102. *Бодатели коней.*— Погоняя лошадей, греки не стегали их кнутом, а кололи заостренной палкой («бодали»).

Стих 151. *Сорвал корысти* — снял доспехи с убитых.

Стих 392. *Сын Амфитриона* — Геракл.

Стих 476. *Скимн* — молодой лев, львенок.

Стих 504. *...до медных небес...*— По гомеровским представлениям, небо — металлическое (медное или железное) полушарие.

Стих 517. *Сребролукий* — Аполлон.

Стих 535. *Сыны Дарданида* — сыновья Приама, потомка Дардана.

Стих 631. *Сын знаменитый и внук воздымателя облаков Зевса.*— Сарпедон — сын Зевса; Тлиполем, сын Геракла,— внук Зевса.

Стихи 640—642. *Он, приплывши сюда, чтоб взыскать с Лаомедона коней... град Илион разгромил...*— Царь Трои Лаомедон, отец Приама, отказался уплатить богам Посейдону и Аполлону за постройку стен вокруг города, и разгневанный Посейдон наслал на Трою чудовище, в жертву которому нужно было принести дочь Лаомедона Гесиону. Геракл вызвался спасти девушку, но потребовал в уплату за это знаменитых коней Троса (деда Лаомедона). Когда герой убил чудовище и пришел за обещанной наградой, Лаомедон прогнал его с пустыми руками. Через несколько лет Геракл вернулся, взял Трою и убил Лаомедона и всех его сыновей, кроме младшего, которого выкупила Гесиона. С тех пор младший сын Лаомедона стал зваться Приамом, что значит «купленный».

Стих 693. *...под буком прекрасным метателя молнии Зевса.*— У Гомера речь идет не о буке, а о дубе, который считался священным деревом Зевса.

Стих 845. *Шлем Аида* — «шапка-невидимка» в греческой мифологии; она считается принадлежащей Аиду (само имя этого бога значит «невидимый»).

Стих 898. *...преисподнее всех Уранидов* — то есть глубже в преисподней, чем Ураниды. Ураниды — титаны, дети Урана-неба и Геи-земли, восставшие против Зевса в защиту своего брата Крона. Зевс победил титанов и заключил их в Тартаре, в мрачных глубинах земли.

Песнь шестая

Стих 9. *Шелом коневласый* — шлем, украшенный гривой из конского волоса.

Стих 88. *В замок градской* — в акрополь, крепость, находившуюся посреди города; у нас такая крепость носила название «кремль».

Стихи 168—169. *...злосоветные знаки, много на дщице складной начертав их...*— В этом месте мы видим единственное у Гомера упомина-

ние о способе письма. До конца античности греки и римляне пользовались в быту для письма складными дощечками, намазанными воском, по которому острой палочкой, называвшейся «стилем», выцарапывались буквы.

Стих 200. *Став напоследок и сам небожителям всем ненавистен.*— Беллерофонт, чтобы убить Химеру, поймал и обуздал крылатого коня Пегаса; затем с помощью Пегаса герой захотел взлететь на Олимп, но конь сбросил его, и Беллерофонт, ненавидимый богами, долго скитался по земле, потеряв зрение и охромев.

Стих 215. *Ты гость мне отеческий* — то есть человек, связанный со мной узами взаимного гостеприимства (проксенией). Приняв чужеземца у себя в доме, угостив его и дав ему подарки, человек сам становился «гостем» своего гостя и мог рассчитывать встретить с его стороны у него на родине такой же прием. Проксения играла очень важную роль в древнейшую эпоху, когда иноземцы не пользовались на чужбине никакой правовой защитой. Отношения проксении передавались по наследству: проксения Диомеда и Главка восходит к предкам обоих героев.

Стихи 402—403. *Гектор его называл Скамандрием; граждане Трои — Астианаксом...*— Гектор называет сына в честь бога реки Скамандра, но троянцы зовут мальчика в честь отца Астианаксом, так как это имя значит «вождь города».

Стих 419. *Ульм* — вяз, платан.

Песнь седьмая

Стих 220. *Щит семикожный* — щит, составленный из семи слоев кожи.

Стих 221. *Тихий* — не определение, а имя мастера, сделавшего щит; означает оно «удачливый». *Усмарь* — кожевник, шорник.

Песнь восьмая

Стихи 15—16. *...Тартар, столько далекий от ада, как светлое небо от дола.*— Тартар лежит в глубинах земли настолько ниже царства Аида, насколько земля ниже неба.

Стих 247. *...орла... между вещих вернейшую птицу.*— Гадание по птицам было одним из самых распространенных в древности. Орел назван вернейшей среди вещих птиц потому, что он считался священной птицей Зевса; его появление возвещает Агамемнону, что его молитва услышана.

Стих 289. *Первому после меня тебе вручу я награду.*— Агамемнон как верховный вождь имеет право выбрать любую часть добычи до ее общего раздела по жребию.

Стих 325. *Ключ* — ключица.

Стих 363. *Сына его* — Геракла.

Стих 368. *Пса увести из Эреба...*— Геракл по повелению Эврисфея привел из царства Аида трехглавого пса Цербера.

Песнь девятая

Стих 49. *...с богом пришли мы* — пришли при благоприятных знаменьях, посланных богами.

Стихи 190—191. *Менетиад* — Патрокл, сын Менетия; *Эакид* — Ахиллес, внук Эака; Патрокл ждет, пока Ахиллес окончит свой куплет, чтобы подхватить песню.

Стих 238. *Крепкий на Зевса* — полагающийся на помощь Зевса.

Стихи 310—311. *...перестали... скучать мне* — не докучали.

Стих 390. *...искусством работ... Афине подобна.*— Афина считалась покровительницей женских рукоделий и сама была искусной ткачихой.

Стихи 455—456. *Ввек на колена свои да не примет он милого сына, мной порожденного...*— Отец молит богов, чтобы Феникс остался бездетным. По обычаю, дед принимал новорожденного внука на колени, тем самым признавая его принадлежность к роду.

Стихи 559—560. *...на... Феба поднял он лук за супругу свою...*— Когда Марписса была невестою Ида, в нее влюбился Аполлон и попытался ее похитить; Ид, защищая невесту, вступил в борьбу с богом, но Зевс прекратил их распрю, предоставив самой Марписсе сделать выбор между ними. Она предпочла смертного мужа.

Стих 562. *Алкиона* — чайка. Греки верили, что в случае гибели самца самка чайки не ест, не пьет и все время жалобно стонет, пока не умрет.

Песнь десятая

Стих 5. *Супруг лепокудрыя Геры* — Зевс.

Стих 110. *Аякс быстрый* — Аякс, сын Оилея. Сын Филея — Мегес.

Стих 112. *Подобный богу Аякс* — Аякс, сын Теламона.

Стихи 173—174. *...на мечном острии распростерта или погибель... или спасение...*— Пословица древних греков: «Будущая судьба колеблется, как на острие меча».

Стихи 252—253. *...более двух уже долей ночь совершила...*— Греки разделяли ночь на три части и время определяли по звездам.

Стих 309. *Так ли ахеян суда, как и прежде, опасно стрегомы...*— сторожат ли ахейцы суда так же бдительно, с опаской.

Песнь одиннадцатая

Стих 24. *Воронь черная* — сплав меди и железа, который, как показывают раскопки, изготовлялся в гомеровскую эпоху на Кипре.

Стих 62. *Звезда вредоносная* — Сириус; ее появление над горизонтом, которое за девятьсот — восемьсот лет до нашей эры приходилось на середину лета, знаменовало начало самого жаркого времени года и связанных с ним засухи и малярии.

Стих 227. *...славой ахеян увлекся...*— был привлечен под Трою молвой о прибытии туда ахейцев.

Стих 413. *...меж себя заключая их гибель* — окружая Одиссея, который несет им всем гибель.

Стих 639. *Прамнейское вино* — густое красное вино с виноградников горы Прамны.

Стих 689. *Нас угнетала постигшая Пилос Гераклова сила.*— Геракл очистил конюшни и скотные дворы царя Авгия, но не получил от него обещанной платы. В отместку герой разорил войной Авгия и всех его союзников, в том числе и Нелея, у которого он убил всех сыновей, кроме Нестора.

Песнь двенадцатая

Стих 27. *Земледержец* — Посейдон.

Стихи 239—240. *Вправо ли птицы несутся... или налево...*— При гадании по птицам правая сторона считалась благоприятной, левая — неблагоприятной.

Стих 258. *Грудные забрала* — брустверы.

Песнь тринадцатая

Стих 162. *Около трубки* — в том месте, где медный наконечник соединялся с древком.

Стих 342. *Панцирей, вновь уясненных* — снова начищенных до блеска.

Стих 460. *...гнев он всегдашний питал на Приама.*— Эней является представителем младшей ветви царей Трои, лишенных царской власти, поэтому он находится как бы в оппозиции к Приаму. Некоторые

варианты легенды о спасении Энея после гибели Трои содержат и прямые указания на его сношения с врагами.

Стих 701. *Быстрый Аякс пылал не отстать от могучего брата.*— Быстрый Аякс — Аякс, сын Оилея. От могучего брата — от Аякса, сына Теламона, который назван в подлиннике по имени. Гнедич единственный раз в своем переводе допустил подобную ошибку, назвав обоих Аяксов братьями.

Песнь четырнадцатая

Стих 35. *Лествицей* — то есть не в одну линию, а в несколько рядов.

Стих 156. *Брата и деверя мощного.*— Гера одновременно и сестра и жена Зевса, поэтому брат Зевса Посейдон ей приходится и братом и деверем.

Стихи 290—291. *Виталица горная* — птица, которая витает в горах. *Халкида, киминда* — неизвестно, какую птицу подразумевает поэт под этим двойным названием.

Стих 321. *Знаменитого Феникса дщерь* — дочь финикийского царя Феникса Европа. Зевс, приняв образ быка, похитил ее, когда девушка собирала цветы на берегу моря, и уплыл с ней на Крит.

Стих 355. *Энносигей* — «колебатель земли», постоянное эпическое определение Посейдона.

Стих 414. *...дуб под ударом крушительным Зевса* — дуб, в который попала молния, оружие Зевса.

Стих 516. *Сильный Атрид* — Менелай. Раненый Агамемнон не принимает непосредственного участия в битве.

Песнь пятнадцатая

Стих 17 и далее. *Вкусишь ты плод, как ударами молний тебя избичую...*— Зевс наказал Геру за те самые козни против Геракла, в которых ей помогал Сон, о чем он сам напоминает Гере в стихах 249—261 песни четырнадцатой.

Стих 71. *Трои святой не возьмут, по советам премудрой Афины.*— Ахейцы не могли взять Трою силой; тогда, по совету Афины, они соорудили огромного деревянного коня и спрятали в нем лучших воинов, а сами отплыли, как бы сняв осаду, и скрылись невдалеке. Когда троянцы ввели коня в город, ахейские воины вышли из него, устроили в Трое резню и открыли ворота своим подоспевшим войскам. О троянском коне мы знаем из «Одиссеи» и из поэмы римского поэта Вергилия «Энеида».

Стих 87. *Всех обошед* — то есть Гера пренебрегла всеми и взяла чашу лишь у Фемиды.

Стих 225. *Самые боги подземные, сущие около Крона.*— Имеются в виду титаны (см. прим. к песни пятой, стих 898).

Стих 517. *Килленейского Ота* — из города Киллены в Элиде.

Стих 652. *...суда, извлеченные прежде...*— то есть вытащенные на берег первыми и потому составлявшие первый, самый далекий от моря ряд.

Стих 684. *По помостам.*— «Древние корабли не могли иметь палуб, ибо посредине их садились гребцы; но только у кормы и у носа устроены были помосты...» *(Прим. Гнедича.)*

Стих 716. *Хвост кормовой* — «загнутая вверх, как бы рыбий хвост, высота кормы корабельной, род ее украшения. Кормами были обращены к Трое корабли ахейские». *(Прим. Гнедича.)*

Стих 728. *Скамьи семистопной.*— Гнедич в своем примечании к этому стиху указывает, что у Гомера имеется в виду не скамья для гребцов, а нечто вроде трапа для спуска с корабля; для подтверждения своего мнения Гнедич ссылается на многочисленные изображения древнегреческих кораблей. Семистопная — семифутовая (английское слово «фут» тоже обозначает «стопа»).

Песнь шестнадцатая

Стих 28. *Богатейшие злаками* — то есть имеющие злаки: зелья, лекарства из трав.

Стих 174. *...реки... от Зевса ниспадшей...*— Все реки, по представлению Гомера, ниспадают от Зевса, так как питаются посылаемыми Зевсом дождями.

Стих 229. *Серой очистил...*— Греки считали серный дым средством очищения от религиозной скверны.

Стих 231. *...посредине двора...*— Посредине двора стоял обычно жертвенник Зевса.

Стих 419. *Беспоясноодеспешных.*— Ликийцы не носили при доспехах пояса (см. прим. к песни четвертой, стих 137).

Стих 617. *Плясатель... быстрый...*— Эней, желая унизить Мериона, называет его плясателем потому, что он критянин, а критяне славились искусством плясать.

Стих 625. *Властителю Тартара* — Аиду. Замена собственного имени Аида описательным выражением принадлежит Гнедичу и является не совсем верной: Тартар и царство Аида, по греческой мифологии,— не одно и то же (см. прим. к песни восьмой, стихи 15—16).

Песнь семнадцатая

Стих 32. *Событие зрит и безумный.*— Пословица древних греков: «Когда случается беда, это поймет и глупый».

Стих 51. *...власы... прекрасные, словно у граций* — то есть волосы, как у Харит.

Стих 250. *...народное пьете* — вино. Гомеровская аристократия возмещала за счет народа все расходы на свои пиршества.

Стих 328. *...как я некогда видел других человеков.*— Аполлон вспоминает о Геракле и его спутниках, которые взяли Трою с меньшим войском, чем ахейцы.

Стих 514. *...лежит у... богов на коленах.*— Древнегреческая поговорка: «Все это еще в будущем».

Песнь восемнадцатая

Стих 309. *Общий у смертных Арей* — то есть военное счастье не принадлежит всегда кому-нибудь одному, а является как бы общим достоянием: сегодня оно сопутствует одному, завтра — другому.

Стих 373. *...двадцать треножников вдруг он работал* — то есть изготовлял одновременно двадцать треножников, волшебных самодвижущихся столов для трапез богов.

Стих 469. *...действовать дал повеленье.*— Мехи в кузнице Гефеста, как и выкованные им служанки, действуют сами, повинуясь слову бога.

Стих 481. *Щит из пяти составил листов...*— Каждый ниже лежащий круглый металлический лист был шире предыдущего; таким образом, в центре щита образуется круглое поле, на котором Гефест изобразил мироздание, а вокруг него получаются круглые концентрические пояса, на каждом из которых бог наносит изображения на определенную тему.

Стихи 487—489. *Арктос* — созвездие Медведицы; само слово «арктос» по-гречески значит «медведица» *...блюдет Ориона* — остерегается Ориона, Орион — мифический охотник; при появлении Ориона Большая Медведица начинает подниматься над горизонтом: и на небе Медведица убегает от охотника. *...чуждается мыться в волнах Океана* — Большая Медведица не заходит за горизонт.

Стих 548. *Нива, хотя и златая, чернеется...*— Гефесту даже на золоте удается передать естественный темный цвет вспаханной земли; очевидно, уже в гомеровскую эпоху греки умели затемнять золото при помощи глазури.

Песнь девятнадцатая

Стих 84. *Вразумите* — здесь: уразумейте.

Стих 123. *Муж Эврисфей, Персеида Сфенела геройская отрасль.*— У Персея, сына Зевса и Данаи, было три сына: Сфенел, Алкей и Электрион. Алкей родил Амфитриона, Электрион — Алкмену, которые поженились между собой. У Алкмены от Зевса должен был родиться Геракл; желая сделать его повелителем, Зевс обещал даровать власть тому, кто первый родится в роде Персеидов (потомков Персея); однако Гера устроила так, что первым родился Эврисфей, сын Сфенела, внук Персея. У него на службе Геракл и совершил свои знаменитые двенадцать подвигов.

Стих 417. *Должен от мощного бога и смертного мужа погибнуть.*— Ахиллес будет убит стрелой Париса, которую направит бог Аполлон.

Песнь двадцатая

Стих 90. *Пелиас* — эпитет копья Ахиллеса, «пелионское» (от названия горы в Фессалии, на родине героя).

Стих 144. *Царь черновласый* — Посейдон.

Стих 147. *...от огромного кита спасался* — от морского чудовища, которое должно было пожрать Гесиону и от которого Геракл спас девушку (см. прим. к песни пятой, стихи 640—642).

Стих 307. *Будет отныне Эней над троянами царствовать мощно.*— По преданию, Эней с троянскими беглецами приплыл в Италию и там создал новое царство. Римляне считали, что их город основан потомками Энея, и называли себя «энеадами». Юлий Цезарь считал Энея основоположником своего рода. Судьба Энея послужила основой поэмы римского поэта Вергилия «Энеида».

Стих 404. *Геликийский бог* — Посейдон, названный так по имени города в Пелопоннесе, где находилось крупное святилище этого бога.

Песнь двадцать первая

Стих 364. *Пылкою сушью* — легко воспламеняющимся сухим деревом, хворостом.

Стих 417. *В силу* — с трудом, едва-едва.

Стих 483. *Над смертными женами.*— Скоропостижную смерть женщины греки приписывали стрелам Артемиды.

Песнь двадцать вторая

Стих 29. *Пес Ориона* — Сириус (см. прим. к песни одиннадцатой, стих 62).

Стих 126. *...с зеленого дуба иль с камня* — пословица, обозначающая: «С самого начала, с первых причин». Произошла эта пословица оттого, что, по ранним греческим представлениям, человек родился от дуба или от камня. Гектор думает, что не время ему разговаривать с Ахиллесом о Елене и о начальных причинах войны.

Стих 308. *Небопарный* — парящий по небу.

Песнь двадцать третья

Стих 135. *Всё посвященными мертвому тело покрыв волосáми.*— Греки в знак траура обрезали волосы и клали их на труп или на могилу умершего.

Стих 142. *Волосы, кои Сперхию с младости нежной растил он.*— Сперхий — река в Фессалии, на родине Ахиллеса. По обычаю, волосы приносились в жертву местному речному богу в день совершеннолетия; Ахиллес покинул родину почти ребенком и поэтому еще сохранил волосы, посвященные Сперхию.

Стих 164. *Стоступенный* — в сто футов («стоп»).

Стих 223. *В гроб женихом нисходящего, к скорби родителей бедных.*— У греков считалось особенным несчастьем умереть, не оставив сына.

Стих 226. *Свстоносец* — утренняя звезда, планета Венера.

Стих 244. *Гроб* — надгробный холм.

Стих 327. *Сажень маховая* — расстояние, равное длине раскинутых рук от кончиков пальцев правой руки до кончиков пальцев левой.

Стих 352. *...бросили жребии...*— Жребии бросали, чтобы определить, чья колесница должна ехать по внутренней, более короткой дорожке.

Стихи 359—361. *...да при оной... Феникс... сядет и бег наблюдает...*— Так как мета не видна от старта, возле нее должен находиться человек, чтобы смотреть, не срезают ли состязающиеся расстояния и огибают ли мету.

Стих 441. *...не получишь ты мзды без присяги.*— Антилох должен будет присягнуть, что он не нарочно преградил дорогу Менелаю, иначе он не получит награды.

Стих 523. *На вержение диска* — на расстоянии броска диска.

Стих 680. *Кадмяне.*— См. прим. к песни четвертой, стих 391.

Стих 684. *Ремни.*— В Греции кулачные бойцы обвязывали себе кулаки специальными ремнями.

Стих 702. *Огонный треножник* — таган, треножник, который ставится на огонь.

Стих 770. *Дочь Эгиоха* — Афина, постоянная покровительница Одиссея.

Стих 791. *...зелена... Одиссеева старость...* — то есть свежа и полна сил.

Стих 851. *Секиры двуострые* — топоры с двумя направленными в противоположные стороны лезвиями.

Песнь двадцать четвертая

Стихи 29—30. *Он богинь оскорбил, приходивших в дом его сельский; честь он воздал одарившей его сладострастием вредным* — намек на миф о суде Париса.

Стих 81. *...под рогом вола...* — Имеется в виду роговая удочка со свинцовым грузилом.

Стих 110. *Ту славу...* — «чтобы он сам возвратил тело Гектора». *(Прим. Гнедича.)*

Стих 221. *Фимиамогадатель* — гадатель, предсказывавший будущее по приносимым богам жертвам. Фимиам — благовонный жертвенный дым.

Стих 345. *Аргоубийца* — эпитет Гермеса, основывающийся на сказании о том, что Гермес по поручению Зевса убил тысячеглазого великана Аргуса, который стерег возлюбленную Зевса Ио, превращенную ревнивой Герой в корову.

Стих 360. *Эриуний* — «спешащий на помощь, помогающий» — гомеровский эпитет благосклонного к людям Гермеса.

Стих 544. *Обитель Макарова, Лесбос...* — Макар — мифический древний царь Лесбоса; его имя значит «блаженный».

Стих 765. *Двадцатый год...* — Действие «Илиады» относится к десятому году Троянской войны; между похищением Елены и началом войны, по преданию, также прошло десять лет. Таким образом, Елена действительно уже двадцать лет находится в Трое.

ОДИССЕЯ

Песнь первая

Стих 11. *Все уж другие* — ахейские вожди, воевавшие под Троей; об их похождениях рассказывала эпическая поэма «Возвращения», не дошедшая до нас.

Стих 24. *Бог светоносный* — бог солнца Гелиос.

Стих 35. *Атрид.* — Имеется в виду Агамемнон.

Стих 50. *Пуп моря* — остров, лежащий среди моря, вдали от берегов.

Стих 88. *Густовласых* — правильнее «длинновласых»: длинные волосы отличали не только свободных от рабов, но и знатных от незнатных.

Стих 121. *Радуйся* — буквальный перевод греческого слова «хайре», употреблявшегося в качестве приветствия и прощания, в смысле «здравствуй», «будь здоров».

Стих 237. *...Гарпии взяли его* — поговорка о человеке, неизвестно куда пропавшем.

Стихи 246—247. *...они пожирают нещадно наше добро...*— Именно в этом и состоит преступление женихов, так как сватовство к женщине, муж которой уже двадцать лет отсутствует и не подает о себе вестей, ничуть не считалось позорным.

Стих 287. *Холм гробовой* — так называемый «кенотаф», пустая могила, воздвигавшаяся, по обычаю, умершим на чужбине и непогребенным. Делалось это потому, что, по представлениям греков, душа непогребенного не может попасть в Аид и там найти себе успокоение.

Песнь вторая

Стих 120. *Микена* — дочь Инаха, первого царя Аргоса, и Океаниды Мелии; миф о ней нам неизвестен.

Стихи 132—133. *...но трудно с Икарием будет мне расплатиться...*— Муж, отправляющий жену в дом ее отца (или, как в данном случае, сын, отправляющий мать-вдову) без вины с ее стороны, должен был заплатить тестю пеню.

Стих 145. *Без платы* — без пени, без штрафа за убийство.

Песнь третья

Стих 68. *Нестор, герой геренейский.*— Более точный перевод этого постоянного определения Нестора дан Гнедичем в «Илиаде»: «конник геренский» («Илиада», песнь вторая, стих 433).

Стих 73. *Добычники вольные.*— Нестор просто спрашивает Телемаха и Афину-Ментора, не пираты ли они. В гомеровскую эпоху грабительские набеги на берега соседей совершались очень часто и вовсе не считались позорными.

Стих 135. *...разгневавших дочь светлоокую страшного бога* — то есть Афину, которая, по преданию, была разгневана тем, что Аякс, сын Оилея, при взятии Трои совершил насилие над Кассандрой в храме Афины, причем остальные ахейские вожди не наказали его за это.

Стих 138. *Собрали их не в обычное время...*— По традиции, сохранившейся в Греции до конца античности, советы и народные собрания должны были начинаться рано утром и заканчиваться до захода солнца.

Стих 174. *...разрезавши море по самой средине.*— Зевс повелел плыть не в обход, держась островов, как поступали обычно в гомеровскую эпоху, а пуститься напрямик через море, удалившись от всякой суши. Такое плавание казалось верхом отваги и риска.

Стих 188. *...с младым Ахиллеса великого сыном* — сыном Ахиллеса — Неоптолемом.

Стих 193. *Атрид.*— Здесь имеется в виду Агамемнон.

Стихи 279—280. *...Феб Аполлон... стрелой умертвил...*— См. прим. к «Илиаде», песнь первая, стих 42.

Стих 332. *Должно отрезать теперь языки...*— Отрезание языков жертвенных животных и возлияние вином — заключительный акт жертвоприношения.

Песнь четвертая

Стих 5. *Сын губителя ратей Пелида* — Неоптолем.

Стих 27. *Племя Дия* — то есть потомки Зевса и, следовательно, царского рода: цари любили вести свой род от богов.

Стих 232. *...там все из Пеанова рода.*— Египтяне славятся знанием трав, потому что все они — потомки Пеана, гомеровского бога врачевания.

Стих 246. *Город* — Троя.

Стих 365. *Хитрого старца морского* — то есть Протея.

Стихи 368—369. *...и рыбу... крючьями удили — голод терзал их.*— Гомеровские герои питаются исключительно мясом, употребляя в пищу рыбу лишь в случае голода; поэтому писатели в эпоху поздней античности, когда рыба считалась особым лакомством, ссылались на героев Гомера, как на пример воздержанности.

Стих 477. *...бегущему с неба потоку Египту* — Нилу, питаемому дождями.

Стих 517. *Области... где Фиест обитал* — остров Кифера; излагаемый здесь вариант мифа об убийстве Агамемнона отличается от варианта, согласно которому в преступлении принимала участие Клитемнестра.

Стих 569. *Зять громовержца Зевеса.*— Елена, жена Менелая, была дочерью спартанской царицы Леды и Зевса, соединившегося с ней в образе лебедя.

Стих 751. *...в верхний покой свой* — то есть в женскую половину дома, так называемый «гинекей», который обычно помещался наверху.

Стих 756. *Аркесиад* — Лаэрт, сын Аркесия.

Песнь пятая

Стих 50. *...достигнув Пиерии...*— Вместо Пиерии, как читали раньше, следовало бы поставить «Перия». Перия находится у самого подножия Олимпа, в то время как Пиерия лежит много севернее, в Македонии.

Стих 51. *Рыболов* — чайка.

Стих 60. *Дерево жизни* — туя. Пользуясь немецким подстрочником «Одиссеи», Жуковский дословно перевел немецкое название туи — Lebensbaum.

Стих 235. *Медный, с обеих сторон изощренный* — топор с двумя лезвиями.

Стих 250—251. *...на прочном судне, носящем товары купцов...*— В гомеровскую эпоху уже различались «длинные корабли», предназначенные для быстрых переходов, и «круглые» грузовые суда. Первые имели неширокое дно и длинные борта, чтобы вдоль них помещалось больше гребцов; у вторых для увеличения объема трюма дно делалось широким.

Стих 275. *...себя никогда не купая в водах Океана.*— См. прим. к «Илиаде», песнь восемнадцатая, стихи 487—489. Остров Калипсо Гомер помещает на крайнем западе Средиземного моря; таким образом, Одиссей, возвращаясь на родину, плывет все время на восток, и Медведица остается у него слева.

Стих 310. *...над бездыханным телом Пелида.*— В не дошедших до нас эпических поэмах рассказывалось, что, когда Парис убил Ахиллеса (Пелида) издали стрелой, ахейцы и троянцы завязали жестокую битву за тело и оружие героя; во время этой битвы Одиссей прикрывал Аякса, который выносил труп Ахиллеса.

Стих 444. *К мощному богу реки...*— Греки верили, что в каждой реке живет одноименный с ней речной бог. Одиссей не знает названия реки, а значит, и имени бога, и поэтому обращается к нему со словами: «Кто бы ты ни был...»

Песнь шестая

Стих 207—208. *...к нам Зевес посылает нищих и странников.*— Зевс считался покровителем странников.

Стих 288. *...обращаться с мужчинами вольно.*— Девушка, у которой живы родители, живет замкнуто и не должна появляться с мужчинами публично; лишь после смерти родителей она становится наследницей и начинает пользоваться большей свободой.

Стихи 329—330. *...опасаясь мощного дяди...*— Дядя Афины Паллады— Посейдон, брат Зевса, ее отца.

Песнь седьмая

Стих 86. *Медные стены* — то есть стены, изнутри отделанные медными пластинками; такое же значение имеют и «золотые двери», и «медный порог».

Стих 87. *Лазоревая сталь* — особая эмаль, сплав стекла и меди, имевший темно-синий цвет и употреблявшийся в микенскую эпоху. В ту пору железо только начало заменять бронзу и медь, и упоминания о нем в «Одиссее» редки.

Стих 90. *Князь* — дверной косяк.

Стихи 98—99. *...садилися чином на этих лавках...* — Жуковский вносит в «Одиссею» черты русской старины: старорусское понятие «чина» чуждо гомеровским представлениям, да и вместо лавок у Гомера упоминаются кресла.

Стих 113. *Сад, обведенный отвсюду высокой оградой...* — Не говоря о волшебных свойствах сада Алкиноя, слушателя поэмы должно было поразить уже наличие сада возле самого дворца: ведь в реальных дворцах басилевсов гомеровской эпохи, громоздившихся на тесном пространстве, обнесенном высокими стенами, места для сада не оставалось. Еще в классическую эпоху греки удивлялись обширному дворцовому парку персидского царя.

Стих 137. *Зоркому богу... вином возлиянье...* — Греки перед отходом ко сну обращались с молитвой к Гермесу — божеству, посылающему сон.

Стих 153. *...к огню очага подошел он и сел там на пепле.* — Очаг — священное место в доме, средоточие культа домашних богов.

Стих 321. *Эвбея* — является самым дальним островом лишь для малоазиатских греков; для европейской Греции Эвбея — ближайший остров.

Песнь восьмая

Стих 80. *В храме Пифийском оракул* — в храме Аполлона в Дельфах.

Стихи 111—115. *Вышли из сонма его: Акроней, Окиал...* — Все имена феакийцев имеют отношение к морскому делу: Акроней — «находящийся впереди корабля», Окиал — «бегущий по морю», Навтий — «корабельщик»; имя Примней происходит от слова «корма», Прореон — от слова «нос корабля», Эретмей — от слова «весло», Понтей — от слова «море»; Амфиал — «приморский», Анабесионей — «всходящий на корабль», Фоон — «быстрый», Полиний — «многокорабельный», Тектон — «кораблестроитель».

Стихи 219—220. *Только одним Филоктетом бывал я всегда побеждаем в Трое...* — Возможно, эти стихи являются позднейшей вставкой:

ведь дальше, в конце этой песни (стихи 577—586), никто еще не знает, что Одиссей принимал участие в походе на Трою.

Стих 318. *...пока не отдаст мне отец всех богатых подарков.*— Согласно существовавшему праву, муж, которому изменила жена, мог потребовать от ее отца выкуп, уплаченный за нее.

Песнь девятая

Стих 15. *Уранидьі боги* — боги-небожители или же боги — потомки Урана неба.

Стихи 24—25. *...и на самом Западе... лежит... Итака.*— В действительности Итака не является самым западным среди близлежащих островов: на запад от нее лежит остров Левкада.

Стих 60. *...по шести броненосцев отважных...*— Броненосец — воин, одетый в броню.

Стихи 64—65. *...покуда три раза не был по имени назван...*— Одиссей трижды окликает каждого из убитых, чтобы их души последовали за ним к тем пустым могилам (см. прим. к песни первой, стих 287), которые будут им сооружены на родине.

Стихи 94— 95. *Сладко-медвяного лотоса каждый отведал, мгновенно все позабыл...*— Волшебное свойство отнимать память приписывается лотосу по созвучию его названия с греческим корнем «лат», обозначающим забвение.

Стихи 116—118. *Есть островок там пустынный... в великом там множестве дикие козы* — может быть, нынешний остров Капри (у римлян он назывался Капрея — «Козья»); остров, где, по преданию, жили циклопы,— Сицилия.

Стих 125. *Кораблей красногрудых.*— Обычно нос корабля окрашивался суриком, в то время как остальная часть корабля смолилась (откуда и происходит эпитет — «черный»).

Стих 426. *Руно их, как шелк* — анахронизм, допущенный Жуковским: шелк в гомеровской Греции не был известен.

Песнь десятая

Стих 7. *...сыновьям дочерей он в супружество отдал.*— Отпечаток глубочайшей древности лежит на всем быте семьи Эола. Брак его сыновей и дочерей — отголосок древнейшего группового брака.

Стихи 81—82. *...к многовратному граду... Ламосу* — неверный перевод: у Гомера столица лестригонов называется Телепила (что значит «широковратная»; это слово Жуковский и перевел «многовратный»); Ламос же — царь лестригонов, основатель Телепилы.

Стих 86. *Ибо там паства дневная с ночною сближается паствой.*—

В стране лестригонов день значительно длиннее ночи; очевидно, уже в гомеровскую эпоху греки слышали о коротких летних ночах на севере.

Стих 305. *Моли* — сказочная волшебная трава, вроде разрыв-травы или цветка папоротника в русских сказках. Моли — слово не греческое, поэтому автор и ссылается на «язык богов».

Стих 350. *Все они дочери были потоков, и рощ...* — Цирцее служат нимфы.

Стих 441. *Был мне и родственник близкий...* — По словам античных толкователей, Еврилох был мужем сестры Одиссея.

Стихи 494—495. *...в аде он лишь с умом...* — По гомеровскому представлению, души в загробном мире теряют мышление и память.

Песнь одиннадцатая

Стихи 112—113. *...пророчу погибель всем вам: тебе, кораблю и спутникам* — неточный перевод; в подлиннике стоит: «Я пророчу тебе гибель корабля и товарищей». Самому Одиссею гибель не грозит.

Стих 291. *Беспорочный взялся прорицатель* — Меламп; его брат Биант сватался к Пере, но отец ее, Нелей, соглашался отдать ее лишь за того, кто приведет к нему стадо царя филаков Ификла. Добыть это стадо взялся Меламп, но был схвачен и заточен в темницу. Однако через год Ификл сам освободил его и отдал ему стадо, так как Меламп открыл ему, как он сможет избавиться от бездетности. Этот секрет Меламп, понимавший язык зверей и птиц, случайно подслушал у коршуна.

Стих 318. *Сын громовержца* — Аполлон, сын Зевса.

Стих 471. *Тень быстроногого внука Эакова* — тень Ахиллеса.

Стих 539. *Асфодилонский луг* — правильнее «луг асфоделей» — цветов, растущих, по представлениям греков, в царстве Аида.

Стихи 544—546. *...на победу злобясь мою, мне отдавшую в стане аргивян доспехи сына Пелеева.* — Фетида велела отдать выкованные Гефестом доспехи Ахиллеса тому из героев, кто больше всех отличился, защищая тело Ахиллеса. Возник спор между Одиссеем и Аяксом. Ахейцы решили, что наиболее беспристрастным будет мнение врагов, и дали рассудить спор троянским пленным. Однако Афина внушила им решение в пользу Одиссея. Аякс от огорчения впал в безумие, а придя в себя, покончил самоубийством. Этот миф мы знаем по трагедии Софокла «Аякс».

Стих 602. *...а сам он с богами...* — Здесь, очевидно, имеет место позднейшая вставка, введенная с целью примирить более раннее представление о Геракле — смертном герое с возникшим позже мифом о том, что после смерти Геракл стал богом.

Песнь двенадцатая

Стих 61. *Бродящие* утесы.— У Гомера они называются «планкты», по другим мифам — «симплегады»; мифические скалы, то раздвигающиеся, то вновь сталкивающиеся. Сталкиваясь, они раздавливают проходящие корабли. Впрочем, в данном месте «Одиссеи» нет прямого указания на движение самих скал: говорится лишь о бурном волнении вокруг них.

Стих 85. *Страшная Скилла.*— Античные толкователи Гомера считали, что Скилла (Сцилла) и Харибда находятся в Мессинском проливе между Италией и Сицилией.

Стих 129. *...семь стад составляют быки...*— Семь стад Гелиоса по пятьдесят голов в каждом — мифологический образ пятидесяти семидневных недель, составлявших лунный год греков. Быки и бараны символизируют дни и ночи.

Стихи 304—305. *...в заливе острова тихом...*— Некоторые исследователи полагают, что место, описываемое Гомером,— залив близ Мессины в Сицилии.

Стих 312. *Онпол* — противоположный берег.

Стих 343. *Выберем лучших быков в Гелиосовом стаде...*— Древние греки всегда представляли жертвоприношение как совместную трапезу жертвующего и бога. Поэтому жертвоприношение всегда сопровождалось пиром.

Песнь тринадцатая

Стихи 14—15. *...себя ж наградим за убытки богатым сбором с народа* — любопытная черта социального строя, свидетельствующая об эксплуатации народных масс нарождающейся аристократией.

Стих 81. *...как полем широким коней четверня...*— Все сравнение — позднейшая вставка: еще древние комментаторы отмечали, что в гомеровское время не знали колесниц, запряженных четверкой.

Стих 130. *...божественной нашей породы.*— Вспомним, что Алкиной — внук Посейдона.

Стих 156. *...его перед ними в утес обратишь ты.*— Возле острова Керкиры (теперь Корфу) до сих пор имеется скала, похожая по своим очертаниям на корабль. На этом основании древние толкователи Гомера отождествляли остров феакийцев с Керкирой.

Стих 272. *...к кораблю финикийских людей...*— В гомеровскую эпоху морская торговля находилась преимущественно в руках финикийских купцов.

Стих 343. *...умерщвлением милого сына* — ошибка Жуковского: Полифем был ослеплен Одиссеем, о чем и говорится в оригинале.

Песнь четырнадцатая

Стих 263. *Грабить поля плодоносные жителей мирных Египта...* — Разбойничьи нападения каких-то «морских народов» на Египет засвидетельствованы многочисленными письменными памятниками Древнего Египта. Весьма вероятно, что этими «морскими народами» были греки, достигшие в эпоху критской культуры большого могущества на море. Из египетских документов знаем мы и о людях с севера, поступавших на службу к фараонам. Таким образом, в основе вымышленного рассказа Одиссея лежат подлинные исторические воспоминания.

Стихи 327—328. *...в Додону затем, чтоб оракул... Диева дуба...* — Жрецы оракула Дия (Зевса) в Додоне предсказывали будущее по шелесту листьев священного дуба или по пению птиц на нем.

Стих 480. *Мантия.* — Так Жуковский переводит слово «хлена» (см. прим. к «Илиаде», песнь вторая, стих 262).

Песнь пятнадцатая

Стих 33. *Ты ж, с кораблем от обоих держась островов в отдаленье...* — Афина советует Телемаху плыть от западной оконечности Элиды — мыса Фен — не прямо на северо-запад к Итаке (на этом обычном пути кораблей его ждет засада женихов), а идти сперва на север вдоль материка и затем свернуть прямо к западу, чтобы подойти к Итаке с юго-запада.

Стих 102. *Двуярусный кубок.* — См. прим. к «Илиаде», песнь первая, стих 584 («кубок двудонный»).

Стих 330. *...им рабы подчиненные служат...* — В подлиннике речь идет не о рабах, а о слугах.

Стих 388. *Мужу тому* — Лаэрту.

Песнь шестнадцатая

Стихи 207—208. *Афины, мощной добычницы.* — Афина, как богиня-воительница, считалась и богиней военной добычи.

Стих 269. *Ареев расчет смертоносный* — бой.

Стихи 287—288. *В палате дымно.* — В гомеровскую эпоху главный зал греческого дома — мегарон — освещался факелами и очагом, расположенным в центре его между четырех колонн. Дым выходил в отверстие в потолке, поэтому стены быстро покрывались копотью.

Песнь семнадцатая

Стих 289. *...корабли, принося разоренье народам.*— Речь идет, очевидно, о кораблях пиратов.

Стих 541. *Чихнул Телемах.*— Чихание считалось у древних греков и римлян добрым предзнаменованием, подтверждением хороших пожеланий.

Песнь восемнадцатая

Стих 7. *Ир.*— Прозвище Ир произведено от имени Ириды, вестницы богов; Арнеон, бывший на побегушках у женихов, в шутку прозван Иром.

Стих 84. *На твердую землю* — на материк. О жестоком по отношению к рабам царя Эхете нам известно только из «Одиссеи». Перевод Жуковского смягчен: вместо «в крохи изрубит тебя» Антиной говорит, что Эхет оскопит Ира и бросит вырванные части собакам.

Стих 160. *Выйти, дабы, женихам показавшись...*— Афина внушает Пенелопе мысль показаться женихам, во-первых, затем, чтобы увлечь их и подать им ложную надежду перед предстоящей гибелью, и, во-вторых, затем, чтобы побудить их поднести еще более богатые подарки. Собирая подарки претендентов на ее руку, Пенелопа умножает богатства своей семьи и этим добивается еще большего уважения со стороны мужа и сына.

Стих 264. *Конями владеют* — то есть сражаются на колесницах; конница в гомеровскую эпоху была неизвестна.

Стих 329. *Шинок.*— Так переводит Жуковский слово «лесха» — общественное помещение, где иногда устраивались собрания и куда постоянно собирались жители, чтобы поболтать и обменяться новостями; в «лесхах» часто ночевали бездомные бродяги. Иногда роль этого своеобразного клуба выполняла жарко натопленная кузница.

Стих 366. *Если б с тобой, Евримах, привелось мне поспорить работой.*— В гомеровскую эпоху физический труд вовсе не считался унизительным для свободного, как это было позже, в классический период.

Песнь девятнадцатая

Стихи 175—177. *Разные слышатся там языки...*— Гомер рисует реальную картину народонаселения Крита в его эпоху: *первоплеменная порода критян и пеласги* — доахейское население; *ахеяне* явились первой волной завоевателей, в их среде и сложились сказания, послужившие основой для «Илиады» и «Одиссеи»; *дорийцы* пришли позже и не могли принимать участия в изображаемых событиях, почему они и упомянуты в поэмах всего один раз, в данном стихе.

Стихи 178—179. *Едва девяти лет достигнув, там уж царем был Минос* — неверный перевод Жуковского: Минос является царем не с девятилетнего возраста, а по девятилетиям, так как, согласно малоизвестному мифу, каждые девять лет он обращается к своему отцу Зевсу (отсюда и «собеседник Кронона») и получает от него новые законы для своего государства. В этом мифе нашло отражение первобытное представление о том, что царь обладает магической силой, от которой зависит благоденствие страны; со временем эта сила истощается, и царя убивают или сменяют. Минос, обращаясь к божеству-отцу, от которого он получил свою магическую силу, каждые девять лет обновляет ее. Во времена Гомера это представление было давно изжито, остался лишь миф, на который намекает поэт.

Стихи 196—197. *...хлебом, собранным с мира* — то есть с народа. Еще одно свидетельство того, как знать перекладывала свои расходы на плечи народа (см. также песнь тринадцатую, стихи 14—15).

Стих 409. *Пусть назовется мой внук Одиссеем...*— Гомер возводит имя «Одиссей» к глаголу «одиссомай» — сержусь, гневаюсь. Однако это сопоставление сделано лишь по созвучию.

Стих 473. *Сжав Одиссею рукой подбородок* — вернее, коснувшись подбородка; этот жест выражал у греков просьбу или любовь.

Стих 518. *Плачет Аида* — то есть плачет соловей.

Песнь двадцатая

Стих 65. *Где начинает свой путь Океан* — царство Аида.

Стих 141. *Пуховая постель, ковер* — вольный перевод Жуковского; никаких перин, подушек и ковров в гомеровское время не было.

Стих 189. *В сенях многозвучных* — в мощеных сенях.

Стихи 276—277. *В это время народ через город с глашатаем жертву шел совершать...*— Описываемые события происходят в день новолуния, в праздник Аполлона.

Стихи 351—355. *Горе! Невидимы стали головы ваши...*— Феоклимен как бы видит свершившейся будущую судьбу женихов. *Привиденья* — души убитых, отлетающие в царство Аида — *Эреб.*

Песнь двадцать первая

Стих 115. *...удаление матери милой из дома...*— В оригинале говорится, что, если Телемах согнет лук, Пенелопа останется в его доме.

Стих 145. *Жертвогадатель.*— На обязанности Леодея было следить, не произойдет ли во время жертвоприношения каких-либо знамений, и гадать по внутренностям жертвенных животных; он же следил за

возлияниями и поэтому сидел возле *кратеры*, в которой вино смешивали с водой.

Стихи 294—295. *Был им некогда Еврптион... обезумлен.*— О битве кентавров с лапифами см. в словаре «Еврптион» и «Пирифой».

Стихи 394—395. *...рассматривал, целы ль роги...*— Для большей упругости лук отделывался по концам рогом.

Песнь двадцать вторая

Стих 55. *...после назначишь нам цену, какую захочешь...*— Еврпмах предлагает Одиссею возмещение убытков и сверх того выплату огромной пени за бесчестье: по двадцати быков с каждого. Это должно, с точки зрения обычного права, полностью компенсировать Одиссею нанесенный ему ущерб; поэтому тот не имеет уже права мстить женихам безнаказанно.

Стих 79. *...из ножен... выхватил меч свой.*— Хотя все оружие из зала вынесено, каждый из женихов вооружен короткпм мечом, который он постоянно носит при себе.

Стих 335. *Зевсов алтарь, охраняющий дом...*— Человек, прибегший к алтарю, становится неприкосновенным.

Стих 481. *...огня принеси и подай очистительной серы...*— В конце песни Гомер описывает обряд «очищения»: согласно греческим верованиям, пролитая кровь оскверняла место, где была пролита; серный дым очищал его от скверны.

Песнь двадцать третья

Стихи 243—244. *Денпице ж златопрестольной.*— Денница — Эос, которая, как и солнце, по представлению древних греков, выезжает на небо в двуконной колеснице. Имена коней обозначают: *Лампо* — «светлый», *Фаэтон* — «сверкающий, лучезарный».

Стих 248. *О Пенелопа, еще не конец испытаниям нашим...*— О дальнейших странствиях Одиссея, а также о его случайной гибели от руки Телегона («далеко рожденного»), сына самого Одиссея и Цирцеи, повествовалось в эпической поэме «Телегония», не дошедшей до нас.

Песнь двадцать четвертая

Стих 5. *...полетели за Эрмием тени...*— Описанная здесь сцена в Аиде дает совершенно другое представление о загробном мире, чем в одиннадцатой песни: души попадают в царство мертвых еще до погребения тел, их ведет туда своим жезлом Гермес, души сохраняют

память и т. д. Все это заставляет думать, что здесь сделана позднейшая вставка.

Стих 12. *Мимо ворот Гелиосовых.*— Ворота Гелиоса, по представлениям древних греков, находились на крайнем западе, в них заходило солнце.

Стих 37. *Аргос.*— Речь идет не об Аргосе в Пелопоннесе, а об Аргосе пеласгическом в Фессалии.

Стихи 46—47. *...от печали волосы рвавших...*— В подлиннике ахейцы не рвут на себе волосы, а отрезают их, чтобы посвятить умершему.

Стихи 197—198. *...в песнях Камен сохранится память о верной... Пенелопе.*— В подлиннике речь идет лишь о том, что славу Пенелопы на земле сохранят певцы. Камены — божества не греческие, а римские, позже отождествленные с греческими Музами; в текст «Одиссеи» упоминание о них внесено Жуковским.

Стих 199. *Коварной Тиндаровой дочери.*— Здесь Тиндарова дочь — не Елена, а Клитемнестра, дочь Леды и ее смертного мужа Тиндара.

Стих 306. *Еперит,* сын *Афейда Полипимонида.*— Еперит значит: «гонимый», Афейд — «тот, кого не щадили», Полипимонид — «многострадальный».

Стих 472. *Светлоокая Зевса Крониона дочь* — Афина.

Стих 497. *Одиссей сам-четверт* — то есть три соратника Одиссея: Телемах, Филойтий и Евмей — и сам Одиссей — четвертый.

Стих 523. *Медноланитный... шелом* — шлем с медными пластинками, прикрывавшими щеки и виски.

Стих 539. *Громовою стрелою Крониона* — молнией, оружием Зевса.

С. ОШЕРОВ

СЛОВАРЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ И ИМЕН

Абанты — воинственный народ, живший на острове Эвбее.

Абид (Абидос) — город в Малой Азии на берегу Геллеспонта.

Абии — кочевое скифское племя, жившее, очевидно, по Дунаю.

Авгеас (Авгий) — царь в Элиде, владелец огромных стад. Его скотные дворы, не чистившиеся тридцать лет, за один день очистил Геракл, который провел в них воду реки Алфей. Авгий отказался заплатить герою и за это был им наказан: Геракл пошел на Элиду войною и разгромил Авгия и его союзников.

Авлида — гавань в Беотии, где собирались греки перед отплытием под Трою.

Автоликон (Автолик) — дед Одиссея с материнской стороны, знаменитый обманщик и вор. Сын Гермеса, Автолик получил от него в дар удивительную изворотливость, ловкость и хитрость: он мог сделать невидимой любую украденную вещь и клясться так ловко, что потом не выполнял своих клятв, не нарушая их формально. От него Одиссей и унаследовал свою хитрость.

Автомедон — возница Ахиллеса. Его имя стало нарицательным для обозначения ловкого кучера. Например, у Пушкина в «Евгении Онегине» о ямщиках: «Автомедонты наши бойки».

Агамеда — дочь Авгеаса, волшебница.

Агамемнон — царь Микен и Аргоса, сын Атрея, брат спартанского царя Менелая. Под Троей Агамемнон был верховным вождем союзного ахейского войска; в день возвращения из-под Трои был убит своей женой Клитемнестрой и ее любовником Эгистом.

Агафон — сын Приама.

Агенор — сын Антенора и Феано, троянский герой.

Адмет — царь города Феры в Фессалии. Боги дали ему возможность отсрочить смерть, если кто-нибудь согласится умереть вместо него. Жена Адмета Алкеста согласилась умереть вместо мужа, но Геракл, гостивший в это время у Адмета, отбил ее у бога смерти.

Адраст — один из главных организаторов похода семерых против Фив (см. Полиник), царь Аргоса и Сикиона. Другой

Адраст — союзник троянцев из города Адрастеи. Адрастами зовут и двух троянских воинов, упоминаемых в «списках убитых».

Адрастея — город в Малой Азии, в области Мизии.

Азий Гиртакид (сын Гиртака) — союзник троянцев из города Арисбы.

Азийский луг — поле в Лидии, в Малой Азии.

Аид — сын Крона и Реи, брат Зевса, бог подземного царства мертвых. Его имя обозначает «невидимый» и является заменой другого имени, внушавшего людям религиозный ужас. Царство Аида или часто просто Аид (ад) — загробный мир, царство мертвых.

Аида — (в переводе — «соловей») — жена Зефоса (см. Амфион и Зефос). Из зависти к жене Амфиона Ниобе, имевшей двенадцать детей, она решила убить любимого младшего сына Ниобы, но по ошибке убила своего единственного сына Итилоса. Горе ее было так сильно, что боги сжалились над ней и превратили ее в соловья, который в своей песне вечно повторяет имя «Итил».

Акамас — сын Антенора и Феано, предводитель дарданцев; другой Акамас — предводитель союзных с троянцами фракийцев; Акамасом зовут и сына Азия.

Акаст — царь острова Дулихия.

Акрисий — отец Даная, дед Персея (см. Персей).

Аксий — река в Македонии.

Акториды — близнецы-герои со сросшимися телами, дети элейца Актора.

Алибанты — сказочный народ.

Алкеста — см. Адмет.

Алкимедон — мирмидонец, предводитель пятого строя войск Ахиллеса и близкий друг этого героя.

Алкмена — микенская царевна, жена тиринфского царя Амфитриона, бежавшего из Микен в Фивы. Здесь, в отсутствие ее мужа, с ней соединился Зевс, принявший образ Амфитриона. От него Алкмена родила Геракла.

Алкмеон — сын Амфиарая и Эрифилы; мстя за отца, он убил мать и подвергся преследованиям Эриний (см. Амфиарай).

Алоей — древнее божество, бог обмолоченного зерна; считался сыном Посейдона. Был мужем Ифимедеи, которая родила от него Отоса и Эфиальтеса.

Алоиды — см. Отос и Эфиальтес.

Алосинда — морская богиня.

Алфей — река в Пелопоннесе.

Алфея — мать Мелеагра *(см.)*, сестра Леды.

Амазонки — мифическое племя женщин-воительниц и наездниц, живущих на севере. С ними сражались Геракл и Тесей; в Троянской войне амазонки также были враждебны ахейцам и после смерти Гектора пришли на помощь троянцам. Их царица Пентесилея была убита Ахиллесом.

Амаринк — фессальский воин, помогавший Авгеасу в войне с Гераклом; за это Авгеас разделил с ним власть.

Амидон — город на севере Македонии.

Амикла (Амиклы) — город в Лаконике, на юге Пелопоннеса.

Аминтор — отец Феникса, воспитателя Ахиллеса.

Амифаон — сын Тиро́ и Крефея, отец Мелампа *(см.)*.

Амнисий — гавань на Крите.

Амфиарай — царь Аргоса, правнук прорицателя Мелампа и сам прорицатель. Полиник, изгнанный фиванский царевич, сын Эдипа, старался привлечь Амфиарая к походу против Фив, но тот, предвидя гибельный исход войны, отказывался. Тогда Полиник подкупил жену Амфиарая Эрифилу, и та принудила мужа отправиться в поход. После поражения Амфиарай спасался бегством в колеснице, но

земля разверзлась под ним и поглотила его.

Амфилох — сын Амфиарая и Эрифилы, прорицатель, принимавший участие в Троянской войне.

Амфион и *Зефос* (Зетос) — братья-близнецы, дети Зевса и Антиопы, дочери речного бога Асопа. Оба царствовали в Фивах, воздвигли стены вокруг города: Зефос, богатырь и силач, подносил на руках огромные камни; Амфион, искусный музыкант, заставлял их звуками своей кифары двигаться и складываться в стены. Другой Амфион — царь беотийского города Орхомена, дед Нестора.

Амфитея — жена Автолика, бабка Одиссея по матери.

Амфитрион — муж Алкмены, считавшийся земным отцом Геракла (см. Алкмена).

Амфитрита — богиня моря, по позднейшим мифам — жена Посейдона.

Андромаха — дочь Этиона, царя Фив в Киликии, жена Гектора. По позднейшим мифам, после долгих злоключений в рабстве у Неоптолема, сына Ахиллеса, стала женой троянца Гелена и основала с ним в Эпире новую Трою.

Антенор — троянский старец, друг Приама и отец одиннадцати сыновей — защитников Трои; сторонник выдачи Елены Менелаю и прекращения войны.

Антенорид — каждый из сыновей Антенора.

Антиклея — дочь Автолика и Амфитеи, мать Одиссея.

Антилох — старший сын Нестора, участник Троянской войны и ближайший друг Ахиллеса после гибели Патрокла. Погиб в конце войны от руки Мемнона, прикрывая своим телом старика отца.

Антиной — сын Евпейта, самый наглый среди женихов Пенелопы.

Антиопа — дочь речного бога Асопа, родившая от Зевса близнецов Зефоса и Амфиона.

Антифат — 1) прорицатель, сын Мелампа; 2) царь лестригонов; 3) итакиец, друг Одиссея.

Антия — жена Прета, оклеветавшая Беллерофонта *(см.)*.

Анхиз — отец Энея, представитель младшей ветви троянских царей. Боги, разгневавшиеся на Афродиту за то, что она все время внушает им любовь к людям, а сама ни разу не любила смертного, заставили ее полюбить Анхиза, пасшего стада на Иде. От их любви родился Эней. Афродита запретила Анхизу разглашать тайну их любви, но Анхиз ослушался и за это был искалечен молнией.

Апия — древнейшее название Пелопоннеса.

Аполлон — бог солнечного света, символизированного золотыми стрелами этого бога, непременным атрибутом которого был лук. Аполлон также покровитель музыки и поэзии, предводитель хора Муз и сам искусный музыкант (кифаред); он же — бог-прорицатель и бог-врачеватель. Сын Зевса и Лето (Латоны), брат-близнец Артемиды.

Аргивяне, аргивцы — жители Аргоса. Тем же словом Гомер называет всех греков в противоположность негрекам.

Аргисса — город в северной части Фессалии.

Арго — корабль, на котором Ясон *(см.)* совершил поход за золотым руном; по имени корабля плывшие на нем герои получили название «аргонавты».

Аргос — во времена Гомера — Арголида, область в Пелопоннесе, в которой позже возвысился город Аргос; иногда словом «Аргос» обозначается весь Пелопоннес.

Аргос пеласгический — равнина в Фессалии, близ реки Пенея: там находились владения Ахиллеса.

Аргус — тысячеглазое чудовище; его Гера поставила стеречь возлюбленную Зевса Ио, из ревности превращенную ею в корову. Од-

нако Гермес по поручению Зевса убил Аргуса; отсюда и приходит часто встречающийся в «Илиаде» и «Одиссее» эпитет Гермеса «аргоубийца».

Арей (Арес) — сын Зевса и Геры, бог войны.

Арейон — чудесный конь царя Адраста, спасший его после поражения похода семерых против Фив. Конь этот был рожден Деметрой и Посейдоном, принявшими образ коней.

Арейфоой — царь Арны, города в Беотии, всегда сражавшийся палицей и убитый в тесном ущелье, где он не мог размахивать своим оружием.

Арет — сын Нестора. Так же зовут и одного из сыновей Приама, убитого Автомедонтом.

Аретуса — название источника на Итаке.

Ариадна — дочь критского царя Миноса. Когда на Крит прибыл из Афин вместе с юношами, обреченными на съедение чудовищу с бычьей головой — Минотавру, царевич Тесей, Ариадна влюбилась в него. Минотавр находился в Лабиринте — дворце с таким количеством переходов, что из него невозможно было выбраться. Ариадна дала Тесею клубок ниток, которые тот разматывал, входя в Лабиринт. Убив Минотавра, Тесей легко выбрался из Лабиринта по размотанной нити (отсюда и наше выражение «нить Ариадны»). Тесей увез Ариадну, но, по велению богов, покинул ее спящую на острове Наксосе, так как ей суждено было стать супругой бога Диониса.

Арисба — город в Троянском царстве, близ Абидоса.

Аркадия — горная лесистая область в центральной части Пелопоннеса.

Аркесий — сын Зевса, отец Лаэрта, дед Одиссея.

Аркесиад — сын Аркесия, Лаэрт.

Арктос — созвездие Большой Медведицы. Само слово «арктос» значит медведица (отсюда «Арктика», «арктический»). Миф, дошедший до нас в поэме древнеримского поэта Овидия «Метаморфозы» («Превращения»), рассказывает о нимфе Каллисто, подруге и спутнице Артемиды. Все спутницы Артемиды должны были сохранять девственность, как и сама богиня; Каллисто же соблазнил Зевс. Когда Артемида узнала об этом, она превратила Каллисто в медведицу, а Зевс поместил ее в виде созвездия на небо.

Арна — город в Беотии.

Артакийский ключ — источник в стране лестригонов.

Артемида — вечно девственная богиня-охотница, дочь Латоны и Зевса, сестра Аполлона. Позже стала богиней луны и богиней, помогающей при родах. Как и ее брат, вооружена луком и стрелами.

Аскалаф — сын бога Арея и Астиохи, вождь беотийского племени минийцев, сражавшихся под Троей.

Асклепий — сын Аполлона, бог-врачеватель, культ которого был очень широко распространен в более позднюю эпоху. У Гомера Асклепий — еще не бог, а смертный, отец Махаона и Подалирия, врачей ахейского войска.

Асоп — река в Беотии, а также бог этой реки.

Ассарак — один из рода троянских царей, сын Троса, родоначальник младшей ветви, к которой принадлежали Анхиз и Эней.

Астер (буквально: «звезда»), — остров недалеко от Итаки.

Ата — дочь Зевса, богиня, помрачающая рассудок людей и толкающая их на гибель.

Атлант — титан, брат Прометея и отец нимфы Калипсо. За какие-то козни против богов обречен был, по гомеровскому варианту мифа, поддерживать столбы, подпирающие небосвод, а по другой версии — держать небо на своих плечах. Позже был превращен в гору,

которая до сих пор носит его имя (хребет Атлас в Северной Африке).

Атрей — сын Пелопса (см. Тантал), отец Атридов — Агамемнона и Менелая. Враждуя со своим братом Фиестом *(см.)*, Атрей совершил ужасное преступление: он умертвил детей Фиеста, приготовил из них трапезу и угостил ею брата, а затем пытался заставить оставшегося в живых сына Фиеста Эгиста убить отца. Атрей сам пал от руки Фиеста и Эгиста.

Аттика — область в Средней Греции со столицей Афины.

Аттийский — аттический.

Афина Паллада — дочь Зевса, родившаяся из его головы. Богиня-воительница, вечно девственная богиня мудрости, покровительница ткачества. Ее постоянный эпитет — «светлоокая», точнее, «совоокая» — свидетельствует о том, что в глубочайшей древности богиню представляли в виде совы, которая позже стала ее священным животным.

Афины — главный город Аттики, с древнейших времен центр культа Афины Паллады. Начиная с V века до н. э.— центр культуры всей Греции.

Афос — гора Афон в восточной части материковой Греции.

Афродита — богиня любви и красоты; по одной версии мифа — дочь Зевса и Дионы, по другой — вышла из морской пены. По гомеровскому представлению (в «Одиссее»), она — жена Гефеста, по другим мифам — жена Ареса. Ее постоянные определения — Киприда и Киферея — происходят от названий двух важнейших мест ее культа: островов Кипра и Киферы.

Ахайя — земля ахейцев.

Ахейцы (ахеяне) — одно из древнейших греческих племен, пришедшее с севера, завоевавшее исконное население — пеласгов и смешавшееся с ними. В «Илиаде» и «Одиссее» слово «ахейцы» служит самым частым обозначением всех греков в противоположность негрекам.

Ахелой — 1) река в Этолии; 2) река во Фригии, берущая начало на горе Сипил.

Ахерон — река в царстве мертвых, через которую должны были переправиться души умерших, чтобы попасть в Аид.

Ахиллес (Ахилл) — главный герой Троянской войны, сын морской богини Фетиды и Пелея, царя города Фтии в Фессалии. Величайший из греческих героев; он совершил под Троей множество подвигов, но на десятый год войны был убит стрелой Париса, которую Аполлон направил в единственное уязвимое место на теле Ахиллеса — в пятку (отсюда выражение «ахиллесова пята»).

Аякс — сын Оилея, царь локров и предводитель их под Троей (локры — народ, живший в Средней Греции). При взятии Трои, пытаясь насильно увести Кассандру из храма Афины, навлек на себя гнев богини, которая бросила Зевсову молнию в его корабль, плывший из Трои, а самого Аякса Посейдон пригвоздил к скале.

Аякс — сын Теламона, царя Саламина и брата Пелея (отца Ахиллеса), самый сильный после Ахиллеса герой под Троей. После смерти Ахиллеса вступил с Одиссеем в спор за оружие погибшего героя, которое Фетида велела отдать тому, кто больше всех отличился при спасении тела Ахиллеса. Спор предоставили решить пленным троянцам, и они, по внушению Афины, решили его в пользу Одиссея. Обиженный Аякс впал в безумие и стал избивать скот ахейцев, думая, что убивает ахейских вождей. Придя в себя, он покончил самоубийством.

Беллерофонт — герой, победивший Химеру. Его история подробно рассказана в «Илиаде», в песни шестой, стихах 155—195.

Беотия — область в Средней Греции.

Борей — северный ветер.

Бриарей — сторукий великан огромной силы, сын Геи-земли и Урана-неба.

Вакх — культовое имя Диониса, бога вина.

Ватиея — холм около Трои, считавшийся могильным курганом амазонки Мирины.

Воот — название созвездия близ Большой Медведицы (буквальный перевод — «волопас»), самая яркая звезда его — Арктур.

Вупрасий (Вупрас) — главный город эпейцев в Элиде.

Вупрасийцы — жители этого города.

Гализоны — народ, населявший Черноморское побережье Малой Азии.

Гаргар — одна из вершин Иды.

Ганимед — сын троянского царя Троса, которого Зевс за его красоту купил у отца, дав тому чудесных коней. По более поздним мифам, Ганимеда похитил орел Зевса и поднял его на Олимп. Там Ганимед получил бессмертие и стал виночерпием на пирах богов.

Гарпии (похитительницы) — духи вихря и смерти; по более поздним мифам — птицы с женскими головами и грудью, невидимо летавшие по воздуху и похищавшие людей.

Геба (Гебея) — дочь Зевса и Геры, вечно юное божество — олицетворение расцвета человеческой жизни, который наступает, по мнению греков, после восемнадцати лет. Геба прислуживает богам во время пиров. После обожествления Геракла она была дана богами ему в жены.

Гекатомба — буквально «сто быков» — жертва богам в сто быков; позже это слово стало обозначать любое крупное жертвоприношение.

Гектор — сын Приама и Гекубы, главный защитник Трои.

Гекуба — жена Приама, мать девятнадцати его сыновей, в том числе Гектора и Париса, и многих дочерей, в том числе — Кассандры.

Гелен — прорицатель, сын Приама. После гибели Трои он стал рабом Неоптолема, сына Ахиллеса, а после смерти своего господина унаследовал часть его царства в Эпире и создал там «маленькую Трою». Другой Гелен — ахейский воин, убитый Гектором.

Гелика — город на севере Пелопоннеса, в котором находилось крупное святилище Посейдона.

Гелиос (Гелий) — бог солнца, брат Эос-зари и Селены-луны, сын титана Гипериона.

Геллеспонт — пролив, отделяющий Малую Азию от Херсонеса Фракийского (теперь полуостров Галлиполи). Ныне этот пролив называется Дарданеллы.

Гера — дочь Крона и Реи, сестра и жена Зевса, царица богов и богиня-покровительница браков.

Геракл — любимейший герой греческой мифологии, сын Зевса и Алкмены. Преследуемый Герой, он благодаря ее происками попал в услужение к трусливому и ничтожному Эврисфею, царю Микен, и по его поручению совершил двенадцать знаменитых подвигов. Геракл очистил землю от чудовищ, освободил Прометея, победил даже бога смерти. После смерти Геракл был взят на Олимп и стал богом. Отрицательные черты, сказавшиеся в рассказе об убийстве Ифита («Одиссея», песнь двадцать первая, стихи 25 и сл.), были внесены в образ Геракла из ненависти к завоевателям-дорянам, считавшим Геракла своим предком.

Герест — высокий мыс на юге острова Эвбеи.

Герм — река в Малой Азии.

Гермес — сын Зевса и Майи,

вестник богов, бог торговли и красноречия.

Гермиона — 1) дочь Елены и Менелая, которую они выдали замуж за Неоптолема, сына Ахиллеса; 2) город в Арголиде.

Геронты — старейшины.

Геспер — вечерняя звезда.

Гестия — богиня домашнего очага.

Гефест — сын Зевса и Геры, бог огня, бог-покровитель кузнечного ремесла и сам искусный кузнец; греки представляли Гефеста могучим, но некрасивым и хромым на обе ноги.

Гея — земля, богиня земли.

Гиады — созвездие, название которого обозначает «дождливые».

Гиганты — 1) змееногие огромные дети Геи, наделенные чудовищной силой. Мать дала им средство, сделавшее их неуязвимыми для богов, с которыми они вступили в битву за власть над миром. Боги не могли одолеть гигантов, и лишь призванный ими на помощь смертный Геракл своими стрелами уничтожил детей Земли, поверженных богами; 2) дикое племя, населявшее Эпир и истребленное Зевсом.

Гигейское озеро — озеро в Малой Азии, в области Лидии, севернее реки Герм.

Гида (Гиды) — город в Лидии.

Гилл — приток Герма в Лидии.

Гипересия — город на севере Пелопоннеса.

Гиперея — источник в Фессалии.

Гиперийская земля — то есть «запредельная» или «верхняя» земля — мифическая родина феакийцев, откуда они затем переселились на Схерию.

Гиперион — буквально значит «высокоидущий» — титан, отец Гелиоса-солнца, Эос-зари и Селены-луны. В других случаях Гиперион — эпитет солнца.

Гипподамия — жена Пирифоя, на свадьбе которой началась битва лапифов с кентаврами. Так же зовут дочь Анхиза, сестру Энея.

Гипполох — 1) сын Беллерофонта, отец Главка; 2) сын троянца Антимаха, убитый Агамемноном.

Гиппофоой — один из сыновей Приама. То же имя носит предводитель пеласгов под Троей.

Гирейские скалы — поднимающиеся из воды скалы среди островов Греческого архипелага. Возле них погиб корабль Аякса, сына Оилея.

Главк, сын Гипполоха — царь ликийцев, внук Беллерофонта, один из храбрейших защитников Трои. Главком зовут и его предка, сына Сизифа и отца Беллерофонта.

Горгоны — крылатые чудовища со змеями вместо волос. Один взгляд на них обращал человека в камень. У Гомера упоминается одна Горгона — Медуза; она была смертной, и ее убил Персей.

Гортина — крупный город на юге острова Крита.

Горы (Оры) — богини времен года, стражи Олимпа, то открывающие, то закрывающие его облачные ворота.

Данаи — племя, жившее в Арголиде. Их имя служит Гомеру одним из наименований всех греков вообще в противоположность негрекам.

Даная — дочь аргосского царя Акрисия. Акрисию было предсказано, что сын его дочери убьет его. Чтобы не выдавать красавицу Данаю замуж, отец скрыл ее в подземных покоях, но Зевс, влюбившийся в нее, проник к ней в виде золотого дождя. От Зевса Даная родила Персея.

Дардан — 1) сын Зевса, родоначальник троянских царей, общий предок Гектора и Энея; 2) троянец, убитый Ахиллесом.

Дардания — древний город в Малой Азии, на берегу Геллеспонта, якобы основанный Дарданом.

В историческое время этот город не существовал.

Девкалион — сын критского царя Миноса, отец Идоменея, который поэтому часто именуется в «Илиаде» Девкалид.

Дедал — мифический афинский скульптор и мастер-изобретатель. Убив из зависти своего племянника, он бежал на Крит к Миносу, где построил Лабиринт (см. Ариадна). Минос не хотел отпускать Дедала, и тот бежал от него по воздуху, сделав из перьев и воска крылья. «Дедаловыми» назывались в классическую эпоху архаические статуи.

Деифоб (Дейфоб) — сын Приама, храбрый воин. После гибели Париса Елена была отдана ему в жены.

Делос — остров в Эгейском море; согласно мифу, он блуждал по волнам, пока Латона не родила на нем Аполлона и Артемиду. Делос был одним из важнейших центров культа Аполлона.

Деметра — дочь Крона и Реи, богиня плодородия и земледелия, мать Персефоны *(см.)*.

Демон — так в переводах Гнедича и Жуковского передается греческое слово «даймон», обозначающее «божественная сила», или «божество», в том случае, когда не указано точно, какой бог имеется в виду.

Денница — так Гнедич передает имя богини утренней зари Эос.

Дий — одно из имен Зевса.

Диоклес — сын Орсилоха, царь города Фер в Пелопоннесе.

Диомед — сын Тидея, один из величайших ахейских героев; до Троянской войны участвовал в «походе эпигонов» против Фив — походе, предпринятом сыновьями погибших под Фивами союзников Полиника.

Диона — мать Афродиты, древнейшее божество, культ которой в историческое время почти полностью исчез.

Дионис — сын Зевса и фиванской царевны Семелы, бог вина и виноградной лозы, культ которого был связан с пьяным весельем и экстатическими оргиями. В период создания гомеровских поэм греки еще не знали почитания Диониса, поэтому в «Одиссее» он встречается лишь в тех местах, которые считаются позднейшими вставками.

Дия — другое название острова Наксоса.

Додона — город в Эпире, где находился оракул Зевса.

Долопы — фессалийское греческое племя.

Дриас — один из лапифов, а также отец Ликурга.

Дулихий — остров, лежащий, по Гомеру, недалеко от Итаки. Неизвестно, какой именно из островов разумеет под этим названием поэт.

Евмел (Эвмел) — сын Адмета, царя Фер и Фессалии, и Алкесты, предводитель фессалийцев под Троей.

Евпейт — знатный итакиец, отец Антиноя.

Евр (Эвр) — восточный ветер.

Еврибат (Эврибат) — глашатай Одиссея, сопутствовавший ему в походе под Трою.

Евримедонт (Эвримедон) — 1) царь гигантов в Эпире; 2) возница Агамемнона; 3) слуга Нестора.

Еврипил — последний союзник троянцев, сын царя кетейцев Телефа и сестры Приама Астиохи, которая была подкуплена братом и поэтому послала сына под Трою, хотя и знала, что тот погибнет там.

Еврит (Эврит) — знаменитый стрелок из лука. Он получил лук в подарок от Аполлона, но потом возгордился и вызвал бога на состязание в стрельбе, за что и был убит им. Лук его перешел к Ифиту, а от него к Одиссею.

Евритион — кентавр, начавший буянить на свадьбе Пирифоя (см. Пирифой).

Елена — дочь Леды и Зевса, принявшего образ лебедя,— прекраснейшая из женщин Эллады. За нее сватались самые знаменитые герои, но ее «земной» отец Тиндар предоставил ей, по совету Одиссея, самой выбирать себе жениха и заставил остальных претендентов дать клятву, что они сохранят дружбу и будут помогать мужу Елены. Елена выбрала Менелая, сына Атрея, который после смерти Тиндара стал царем в Спарте. Когда Парис, сын троянского царя Приама, с помощью Афродиты похитил Елену, Менелай собрал всех бывших женихов Елены и пошел с ними войной на Трою; так началась Троянская война.

Елисейские поля (иначе «Элизий») — блаженная страна (или острова), куда боги переносят после смерти избранных героев.

Эрехтей — мифический древний царь Афин, потомок Земли.

Закинф — остров в Ионийском море близ берегов Элиды, южнее Итаки.

Зам — остров в Ионийском море, вероятно, Кефалления.

Зевс (Зевес, Дий) — сын Крона и Реи, свергнувший своего отца и захвативший власть над миром. Зевс — царь богов и людей, бог неба, грома и молнии, верховный блюститель справедливости, покровитель молящих и странников. В Трое особенно почитается Зевс Идейский, пребывающий на горе Иде и оттуда управляющий миром, «обладающий с Иды», как часто называют его в «Илиаде».

Зелия — владение Пандара, город у подножия Иды.

Зефир — западный ветер.

Иордан (Ярдан) — 1) река в Элиде, в Пелопоннесе; 2) река на Крите.

Ид — сын Афарея, двоюродный брат и сподвижник Кастора и Полидевка, вступивший с Аполлоном в бой за Марписсу *(см.)*. Поссорившись с братьями, Ид вступил с ними в борьбу и убил Кастора, но во время боя с Полидевком был испепелен молнией Зевса.

Ида — высокая лесистая горная цепь в Малой Азии над Геллеспонтом, у подножья которой расположена Троя.

Идей — вестник Приама.

Идоменей — сын Девкалиона, царь критского города Кноса, предводитель критян в Троянской войне.

Икарий — брат Тиндара, изгнанный из Спарты и обосновавшийся в Акарнании; отец Пенелопы.

Икарийский понт — часть Средиземного моря у острова Самоса, названная так в честь Икара, сына Дедала, погибшего в этом месте во время бегства с Крита.

Иксион — царь лапифов в Фессалии, земной отец Пирифоя, рожденного женой Иксиона от Зевса.

Ил — сын Троса, отец Лаомедона, дед Приама, царь Трои, в честь которого она носит второе название: Илион.

Илифии — богини родовых мук, вызывающие роды.

Иней — царь города Калидона, отец Тидея и Мелеагра, дед Диомеда.

Ино — см. Левкотея.

Иолкос — приморский город в Фессалии, откуда вышли в плавание аргонавты.

Ипподамия — другая форма имени Гипподамия *(см.)*.

Ипсипила — царица Лемноса; при ней лемносские женщины перебили за измену всех своих мужей. Когда на Лемнос прибыли аргонавты, они вступили во временный брак с лемнианками. От Ясона *(см.)* Ипсипила родила сына Эвнея.

Ирида — богиня радуги, крылатая вестница богов.

Исмар — славившаяся своим вином столица киконов во Фракии.

Итак — герой, по имени которого был назван остров Итака.

Итака — родина Одиссея, небольшой гористый остров в Ионийском море, недалеко от западных берегов Греции.

Итилос — см. Аида.

Ифианасса — дочь Агамемнона. Возможно, что это имя — другая форма имени Ифигения. Ифигения была принесена в жертву в Авлиде, так как богиня Артемида долго не посылала ахейцам попутного ветра, чтобы они не могли отплыть в Трою, и потребовала смерти Ифигении в качестве искупительной жертвы (за убитую Агамемноном священную лань). Гомер полностью умалчивает об этом мифе и даже предпочитает другую форму имени Ифигении. Миф о жертвоприношении Ифигении мы знаем из трагедии Еврипида «Ифигения в Авлиде».

Ификл (Ификлес) — 1) царь города Филаки в Фессалии, владелец прекрасных стад, самый быстрый бегун среди людей; 2) смертный брат Геракла, помощник его во многих трудах.

Ифимедея — жена Алоея, мать Отоса и Эфиальта.

Ифит — сын Еврита, гость Одиссея, подаривший ему знаменитый лук; был убит Гераклом.

Ифтима — дочь Икария, сестра Пенелопы.

Иялмен — второй сын бога Арея и Астиохи, вождь орхоменского войска под Троей.

Кавконы — название двух племен: одно было соседом троянцев, другое обитало на западе Пелопоннеса.

Кадм — сын финикийского царя Агенора и брат похищенной Зевсом Европы. Он был послан отцом на поиски сестры и, не найдя ее, по повелению дельфийского оракула, основал город на том месте, куда привела его встреченная возле храма корова. Город этот — Фивы в Беотии (Беотия и значит «коровья страна»).

Каистр — река в Лидии.

Калидон — город в Этолии, родина Мелеагра *(см.)*.

Калликолона — местность под Троей.

Калхас — предсказатель ахейцев под Троей.

Капаней — огромного роста силач, участник похода семерых против Фив, за надменность и нечестивость испепеленный Зевсом во время штурма фиванских стен.

Кардамила — город в Мессении, в Пелопоннесе.

Карияне — жители Карии, области на юго-западе Малой Азии.

Кассандра — дочь Приама, прорицательница, получившая дар пророчества от Аполлона. Однако когда она отвергла его любовь, Аполлон сделал так, что люди перестали верить пророчествам Кассандры, хотя они и были всегда правдивы. Пленница Агамемнона, погибшая вместе с ним от рук Клитемнестры и Эгиста.

Кастор и *Полидевк* — сыновья Леды, братья Елены; Полидевк был сыном Зевса и обладал бессмертием. Кастор — сын Тиндарея — был смертен. Братья были всегда неразлучны, вместе участвовали в походе аргонавтов, вместе совершали подвиги. Когда Кастор пал в схватке с Идом *(см.)*, Полидевк добился у богов разрешения поделиться с ним бессмертием. С тех пор братья проводят один день на Олимпе, другой — в Аиде; им воздаются божеские почести.

Кебрион — сын Приама.

Кеней — один из воинов-лапифов.

Керы — духи смерти, крылатые женские существа, реющие в воз-

духе и в момент смерти человека похищающие его душу.

Кетейцы — племя в Малой Азии.

Кефалления — группа островов, в которую входят Итака, Зам, Закинф, Дулихий.

Кефисское озеро — озеро в Беотии.

Кидоны — критское племя, жившее на северо-западе острова.

Киконы — фракийское племя.

Килла — неизвестный нам остров или город неподалеку от Трои.

Киллена — гора в Аркадии, где родился Гермес; поэтому Киллений (килленский) — постоянное определение этого бога.

Киммерияне (киммерийцы) — мифическое племя, живущее далеко на севере, в стране, вечно покрытой мраком.

Кинирас — древнейший мифический царь Кипра, учредивший на этом острове культ Афродиты.

Кипр — остров на востоке Средиземного моря, где в городе Пафосе находился самый знаменитый храм Афродиты.

Киприда — прозвище Афродиты, которая, по преданию, выйдя из морской пены, впервые ступила на землю на Кипре.

Киссей — отец Феано.

Кифера — остров близ берегов Пелопоннеса, известный храмом Афродиты, прозванным, по названию острова, Киферрей.

Клеопатра — дочь Ида и Марписсы, жена Мелеагра.

Климена — 1) мать царя лапифов Пирифоя, попавшая в рабство к Елене и уплывшая с нею в Трою; 2) мать царя Филаки Ификла.

Клит — 1) сын Приама; 2) возница Полидамаса; 3) сын Мангия; в него влюбилась Эос, похитила его и даровала ему бессмертие.

Клитемнестра — дочь Леды и Тиндарея, жена Агамемнона (см. Агамемнон и Орест).

Клитий — брат Приама, отец Калетора, убитого Аяксом у кораблей.

Кнос — город на Крите, столица мифического царя Миноса.

Копрей — вестник, передававший Гераклу приказы Эврисфея, который из трусости предпочитал не встречаться с героем.

Коракса утес — «утес ворона», на берегу Итаки. Древний комментатор говорит, что Кораксом звали сына Аретусы, нимфы источника на Итаке.

Коринф — крупный город на севере Пелопоннеса, у самого Истимийского перешейка, соединяющего Пелопоннес с остальной частью Балканского полуострова.

Коцит — одна из рек царства Аида, приток Стикса.

Кратейя — воплощение силы, мать Сциллы (Скиллы).

Креон — царь Беотийских Фив, брат Эпикасты.

Крефей — сын Эола, царь Фессалии.

Крит — большой остров в Средиземном море, центр древнейшей греческой цивилизации, существовавший задолго до эпохи Гомера.

Крон — отец Зевса. По мифам, над миром сперва царствовал Уран-небо, которому Гея-земля родила детей-титанов. Один из них, Крон, сверг отца и воцарился над миром; при нем наступил золотой век. Но Крон боялся, что кто-нибудь из его детей, рожденных ему Реей, свергнет его, и поэтому проглатывал их одного за другим. Так проглотил он Гестию — богиню домашнего очага, Геру, Деметру, Аида и Посейдона. Рея, не желая, лишаться последнего ребенка, родила его в глубокой пещере на Крите и скрыла там, а Крону дала проглотить камень. Спасенный ребенок и был Зевс. Выросши, Зевс сверг отца, освободил из его чрева братьев и сестер и воцарился над миром, а Крона и восставших на его защиту титанов заключил в Тартар.

Кронион — «сын Крона», то есть Зевс.

Круны — местность на юго-западе Пелопоннеса.

Ксанф — река под Троей, которая называется также Скамандром. Само слово «ксанф» обозначает «рыжий, бурый» и потому часто служит кличкой лошади: так зовут коней Ахиллеса и Гектора. Так же зовут троянского воина, убитого Диомедом.

Ктимена — младшая сестра Одиссея, жившая с мужем на соседнем с Итакой острове Заме.

Куреты — племя, жившее неподалеку от города Калидона.

Лакедемон — область на юго-востоке Пелопоннеса, со столицей Спарта, владение царя Менелая.

Лаодамия — дочь Беллерофонта.

Лаодика — дочь Приама и Гекубы. Так же зовут одну из дочерей Агамемнона, которая позже была отождествлена с Электрой.

Лаомедон — царь Трои, отец Приама.

Лапифы — легендарный народ, живший в Фессалии.

Лариса — город близ Трои.

Латона (Лето́, Лета) — богиня, родившая от Зевса Аполлона и Артемиду.

Лаэрт — отец Одиссея, в молодости — участник калидонской охоты и похода аргонавтов.

Левкада (от слова «левкос» — белый) — мифическая «белая скала» на крайнем западе, у входа в царство Аида.

Левкотея — морская «белая» богиня, божество пенистых волн. Она была смертной женщиной Ино, дочерью Кадма и сестрой Семелы, матери Диониса. Гера, ненавидевшая из-за Семелы, любимой Зевсом, всю ее родню, наслала на Ино безумие, и та бросилась в море с маленьким сыном Миликертом на руках. Боги превратили ее в морскую богиню, а сына ее — в морского бога Палемона, пастуха дельфинов.

Леда — дочь царя Этолии Тестия, жена Тиндара; родила от него Клитемнестру и Кастора, а от Зевса — Елену и Полидевка.

Лект — горный мыс в Малой Азии, лежащий напротив острова Лесбоса.

Лелеги — древнейшая народность, населявшая Балканский полуостров до прихода ахейцев; по Гомеру, они жили в Малой Азии близ Иды.

Лемн (Лемнос) — остров в Эгейском море, где, согласно мифам, находилась кузница Гефеста (см. также И п с и п и л а).

Лесбос — остров в Эгейском море.

Лестригоны — мифический народ великанов и людоедов.

Ливия — северо-западная часть Африки.

Ликаон — отец Пандара, ликийский царь. Так же зовут сына Приама, которого Ахиллес взял в плен и продал, а затем, когда тот вернулся в Трою, убил.

Ликия — так в «Илиаде» называются две области — на юге Малой Азии и у подножья Иды, близ Трои; из этой Ликии происходят Ликаон и Пандар.

Ликияне — жители Ликии.

Ликомед — предводитель беотийцев под Троей.

Ликург — 1) фракийский царь. Миф о нем см.: «Илиада», песнь шестая, стихи 130—140; 2) царь Аркадии, победитель Арейфоя.

Лирнесс — союзный с Троей город в Малой Азии.

Локры — народ, живший в Средней Греции.

Лотофаги — мифический народ, питающийся лотосом (буквальный перевод — «поедатели лотоса»).

Магнеты — фессалийское племя, жившее близ города Магнесии на востоке страны.

Майя — нимфа, дочь Атланта, возлюбленная Зевса, родившая от него Гермеса.

Малея — гористый мыс на юге Пелопоннеса.

Мантий — сын Мелампа; его имя значит «предсказатель».

Марафон — городок на побережье Аттики, где в V веке до н. э. греки наголову разбили персов.

Марписса — жена Ида, мать Клеопатры (см. о ней прим. к «Илиаде», песнь девятая, стихи 559—560).

Махаон — сын Асклепия, врач ахейского войска под Троей.

Меандр — река в Малой Азии, орошающая Ионию и Фригию.

Мегапент — сын Менелая от рабыни.

Мегара — жена Геракла; своих детей от Мегары Геракл убил в припадке безумия, которое наслала на него Гера.

Медонт (Медон) — 1) итакиец, вестник (глашатай) Одиссея, в его отсутствие вынужденный прислуживать женихам, но преданный Телемаху и Пенелопе; 2) сын Оилея, сводный брат Аякса; 3) ликиец, сопровождавший Гектора.

Мекестий (Мекистей) — царь Аргоса, отец Эвриала. Другой Мекистей — ахейский воин, убитый Полидамасом.

Меламп (правильнее «Мелампод» — «черноногий») — знаменитый прорицатель, родоначальник целого поколения провидцев. О его роли в сватовстве его брата Бианта см. прим. к «Одиссее», песнь одиннадцатая, стих 291.

Мелеагр — сын Инея, царя Калидона. Когда он родился, матери его Алфее явились богини судьбы и сказали, что ее сын умрет, когда догорит головня в очаге. Алфея вынула головню и спрятала ее в ларец. Когда Мелеагр стал взрослым, он возглавил охоту на страшного кабана, которого Артемида наслала на калидонские земли за то, что Иней не принес ей жертв во время праздника сбора плодов. Когда кабан был убит, из-за его шкуры и головы началась распря между Мелеагром и куретами, братьями его матери. Распря перешла в войну, и куреты осадили Калидон. В битве Мелеагр убил одного из братьев Алфеи. Алфея прокляла за это сына. Узнав об этом, Мелеагр в обиде удалился из битвы; и лишь когда куреты уже врывались в город, внял мольбам своей жены Клеопатры, снова вступил в бой и отразил куретов. Однако Алфея не простила сыну гибели брата; она достала из ларца заветную головню и сожгла ее; когда головня догорела, Мелеагр умер.

Мемнон — царь эфиопов, сын богини Эос. На десятый год войны пришел в Трою на помощь Приаму. Мемнон был богатырем огромной силы, его доспехи, как у Ахиллеса, были выкованы Гефестом. Он убил многих ахейцев, в том числе Антилоха *(см.)*. Лишь после этого его самого убил Ахиллес, который знал, что после поединка с Мемноном ему недолго останется жить, и поэтому избегал сражаться с царем эфиопов. Эпизод о царе эфиопов ни в «Илиаду», ни в «Одиссею» не вошел; он известен нам по изложениям недошедшей поэмы «Эфиопида» — продолжения «Илиады».

Менада — буквально значит: «одержимая, безумная»; так называли женщин, участвовавших в празднествах бога вина Диониса и впадавших в «священное» исступление.

Менелай — сын Атрея, брат Агамемнона, муж Елены (см. Е л е н а).

Менесфей — 1) сын Петея, предводитель афинских войск под Троей. Менесфей правил в Афинах, после того как свергнул великого афинского героя Тесея; 2) сын Арейфоя, убитый Парисом; 3) один из предводителей мирмидо-

нян, сын речного бога Сперхия и Полидоры, дочери Пелея.

Менетий — один из аргонавтов, отец Патрокла, который по имени отца часто называется в «Илиаде» Менетиад, Менетид.

Ментес — тафийский царь, связанный с Одиссеем узами гостеприимства.

Ментор — сын Алкима, сверстник Одиссея и его ближайший друг в Итаке. Приняв его образ, Афина опекает и наставляет Телемаха во время его поездки по Греции; поэтому слово «ментор» стало нарицательным для обозначения авторитетного наставника.

Меония — древнее название Лидии.

Меоны, мерняне — лидийцы.

Мерион — сын Мола, критянин, сподвижник и помощник Идоменея.

Мессеис — название родника, возможно, мифического; древние считали, что он находится в балканской Греции, но спорили, в какой именно области.

Мессена — главный город Мессении, области в Пелопоннесе.

Мигдон — фригийский царь.

Мизы (мизяне) — жители Мизии. Словом «Мизия» Гнедич передает название двух разных областей: собственно Мизии в Малой Азии и Мёзии на севере европейской Греции, во Фракии.

Микал — мыс в Малой Азии, против острова Самос.

Микена — героиня, в честь которой были названы Микены.

Микены — в эпоху Гомера главный город Арголиды, столица царства Агамемнона.

Милет — 1) город на Крите; 2) большой город в Малой Азии, колония Милета критского.

Мимант — гора на Малоазиатском побережье.

Минес — царевич города Лирнесса, муж Брисеиды, убитый Ахиллесом при взятии Лирнесса.

Минос — сын Зевса и финикийской царевны Европы, которую похитил Зевс, приняв образ быка. Минос отличался чрезвычайной мудростью и справедливостью, за что после смерти был сделан судьею в царстве мертвых. Минос — дед Идоменея, вождя критян под Троей.

Мирина — амазонка, могильный холм которой находится у стен Трои. Никаких мифов о ней мы не знаем.

Мирмидоняне (мирмидоны, мирмидонцы) — племя, жившее во Фтиотиде, в Фессалии, во владениях Пелея и Ахиллеса. Согласно мифу, Эак, дед Ахиллеса, потерял во время мора, насланного Герой, весь свой народ; но по его просьбе отец его Зевс превратил в людей муравьев, и поэтому новый народ стал называться «мирмидоны» («мирмекс» по-гречески значит «муравей»).

Мойры — богини судьбы. Гомер знает одну Мойру — неотвратимый рок. По более поздним мифам, их три: Клото прядет нить жизни; Лахесис вынимает, не глядя, жребий, выпавший человеку; Атропос обрезает нить жизни.

Молионы — сыновья-близнецы Актора — Акториды.

Муза — богиня пения, музыки, пляски, поэзии. Традиционное число Муз — девять; живут они на горе Парнас, и каждая Муза является покровительницей определенного вида искусства. Отец Муз — Зевс, мать — Мнемозина, богиня памяти. Гомер чаще всего говорит об одной Музе, которая знает все и от которой все узнает вдохновляемый ею певец.

Навсифой — царь феакийцев, сын Посейдона, отец Алкиноя; в его царствование феакийцы переселились на Схерию из Гиперии. Имя его значит «быстрый корабельщик».

Наяды — нимфы источников и рек.

Неера — дочь Океана, возлюбленная Гелиоса-солнца, родившая

ему дочерей Фаэтусу и Лампетию.

Нейон — отрог горы Нериона на Итаке.

Нелей — сын Посейдона, царь Пилоса, отец Нестора.

Неоптолем — сын Ахиллеса. По преданию, мать Ахиллеса Фетида, зная, что он погибнет в Троянской войне, скрыла его в женском платье в доме царя острова Скироса Ликомеда, среди его дочерей. Одну из них, Дайдамию, Ахиллес полюбил, и она родила после его отъезда под Трою Неоптолема. После гибели отца Неоптолем был привезен под Трою Одиссеем и Диомедом и храбро сражался в войске ахейцев. При взятии Трои он проявил крайнюю жестокость, убив многих детей Приама и, наконец, его самого.

Нерей — «морской старец», сын Понта-моря и Геи-земли.

Нереиды — морские нимфы, пятьдесят дочерей Нерея. Нереидой была и мать Ахиллеса Фетида.

Нерикон — город на острове Левкада.

Нерит (Нерион) — лесистая гора на Итаке; также — герой, в честь которого она была названа.

Нестор — старейший среди ахейских вождей, принимавших участие в походе под Трою, сын Нелея, царь Пилоса. Отличался мудростью и красноречием.

Нимфы — низшие божества, олицетворяющие силы природы. Они живут в лесах (дриады), горах (ореады), источниках и реках (наяды) и т. д. Нимф греки представляли в виде прекрасных молодых женщин.

Ниоба — дочь царя Тантала, жена фиванского царя Амфиона. Она родила шестерых дочерей и шестерых сыновей. Гордая своими детьми, она отказалась принести жертву Латоне, матери Аполлона и Артемиды, говоря, что у Латоны всего двое детей. Разгневанная Латона просила Аполлона и Артемиду наказать царицу, и боги своими стрелами перебили всех детей Ниобы; Амфион был не в силах перенести горе и покончил с собой, а Ниобу боги, сжалившись, над нею, перенесли на родину в Лидию, на гору Сипил, и там превратили в камень. Но вечно бежит из этого камня источник прозрачной воды, потому что, и став камнем, Ниоба все еще оплакивает погибших детей.

Нот — южный ветер.

Огигия — мифический остров на дальнем западе, на котором живет Калипсо. Возможно, что Огигия — не название, а эпитет острова, обозначающий «древний», «первозданный» (Огиг — мифический, очень древний царь; выражение «в Огигиев век» — вроде нашего «при царе Горохе»).

Оиклей — один из потомков прорицателя Мелампа, отец Амфиарая.

Оилей — царь Локриды, отец «быстроногого» Аякса.

Океан — 1) река, вечно бегущая по кругу и обтекающая земной диск. За Океаном находится потусторонний мир; 2) бог Океан — титан, сын Урана-неба и Геи-земли, брат Крона.

Олимп — мифическая гора, местопребывание бессмертных богов. Олимп отожествлялся с высокой горой в Фессалии.

Опунт — главный город Локриды, родина Патрокла.

Оракул — храм бога, в котором жрецы предсказывали будущее и давали ответы на затруднительные вопросы обращавшихся к оракулу людей. Иногда слово «оракул» обозначает и сам ответ жрецов-гадателей. Наибольшей известностью пользовался в Греции Пифийский оракул бога Аполлона в городе Дельфы.

Орест — сын Агамемнона и Клитемнестры. После гибели отца он воспитывался на чужбине и, воз-

мужав, отомстил матери и Эгисту за смерть отца, но затем сам подвергался преследованию Эриний. Лишь Аполлон и Афина оправдали его и избавили от мучительных припадков безумия, насылаемых Эриниями.

Орион — беотийский великан-охотник, возлюбленный богини зари Эос, убитый стрелой Артемиды. Его именем названо созвездие.

Ортигия — мифический остров, связанный с культом Артемиды.

Орхомен — город в Беотии. Он назывался минийским по имени греческого племени минийцев, в отличие от другого Орхомена, расположенного в Аркадии.

Оры — см. Горы.

Осса — 1) гора в Фессалии, близ Олимпа; 2) олицетворение молвы.

Острые острова — торчащие из воды скалы у западных берегов Пелопоннеса.

Отос и *Эфиальтес* — дети Ифимедеи и Алоея (по другим вариантам мифа, Ифимедея родила их от Посейдона). Достигнув девяти лет, они отличались чудовищным ростом и силой; братья заключили в темницу Арея, и только Гермесу удалось освободить его. Отос и Эфиальтес грозились взгромоздить Пелион на Оссу и взойти на Олимп. Чтобы им не удалось сделать это, Аполлон убил их своими стрелами.

Пазифея — одна из Харит.

Пандар — 1) царевич из Ликии, искусный лучник, сражающийся в войсках троянцев; 2) милетянин, похитивший золотого пса из святилища Зевса на Крите. За это боги предали его и его жену преждевременной смерти. Их дочери Клеотера и Меропа были взяты на небо и воспитаны богами; однако когда они выросли и настала пора выдать их замуж, Зевс убил их за грех отца.

Панопея (Паноп) — город в Фокиде.

Пантой — жрец Аполлона в Трое; в молодости был похищен из Дельф и привезен в Трою Антенором.

Парис — сын Приама и Гекубы; перед его рождением Гекуба увидела во сне, что родила горящую головню, от которой сгорела Троя. Это было сочтено знамением, и новорожденный был брошен на Иде, где его, однако, выкормила медведица, а потом воспитали пастухи. К нему обратились три богини, споривших о золотом яблоке. После того как Парис отдал предпочтение Афродите, та вернула его в Трою и помогла похитить Елену.

Парки — неточно применяемое Гнедичем и Жуковским римское название богинь судьбы Мойр.

Парнас — лесистая гора в Аркадии, где Одиссей был ранен вепрем. По более поздним мифам, на Парнасе жили Музы, поэтому еще в древности Парнас стал символом поэзии.

Патрокл — ближайший друг Ахиллеса, последовавший за ним под Трою и павший от руки Гектора.

Пафлагония — область на севере Малой Азии, на Черноморском ее побережье.

Пафос — город на Крите, в котором находился знаменитый храм Афродиты.

Пеан — благодарственное песнопение, посвященное богу, чаще всего Аполлону; так же звучит имя древнейшего бога врачевания, целителя богов.

Педас — 1) город в Пелопоннесе, у Мессенской бухты; 2) город в Троаде, разрушенный Ахиллесом; 3) конь Ахиллеса, захваченный им при разгроме малоазиатских Фив.

Пеласги — древнейшее население Греции, жившее там еще до прихода ахейцев.

Пелей — сын Эака, царь мирмидонян. Ему в жены отдали дочь морского старца Нерея Фетиду. На их свадьбе присутствовали все бо-

ги, кроме богини раздора Эриды. Обидевшись, Эрида бросила на стол во время свадьбы золотое яблоко с надписью «прекраснейшей». Из-за этого яблока поспорили три богини: Гера, Афина и Афродита. Сын троянского царя Парис, к которому они обратились за решением, отдал предпочтение Афродите, обещавшей ему любовь самой красивой женщины. Исполняя это обещание, богиня помогла Парису похитить Елену, из-за чего началась Троянская война. У Пелея и Фетиды родился Ахиллес (или Пелид, то есть сын Пелея).

Пелиас (Пелий) — сын Посейдона и Тиро. Лишив своего брата Эсона престола, он стал царем Иолкоса; когда же сын Эсона Ясон потребовал у Пелиаса вернуть власть, тот послал его в Колхиду за золотым руном (поход аргонавтов).

Пелион — гора в Фессалии, недалеко от Олимпа.

Пелопоннес — полуостров, южная часть Балканского полуострова.

Пелопс — сын царя Тантала, внук Зевса, изгнанный из родного города Сипила троянским царем Илом и приплывший в ту область Греции, которая по его имени была названа Пелопоннесом (островом Пелопса). Здесь он путем преступлений женился на Гипподамии, дочери царя Писы Эномая, и сам воцарился в этом городе. Но своими преступлениями он навлек на себя проклятие, тяготевшее над всем его родом; его детьми были Фиест и Атрей, которые, враждуя друг с другом, совершили чудовищные злодеяния. Сыном Фиеста был Эгист, убивший сына Атрея Агамемнона и сам павший от руки сына Агамемнона Ореста. Так во вражде и кровавых драмах выразилось проклятие, тяготевшее над Пелопсом и его родом.

Пеней — река в Фессалии.

Пенелопа — дочь Икария, жена Одиссея.

Пеоны — жители Пеонии, области на севере Греции, где позже находилась Македония.

Пера — дочь пилосского царя Нелея, сестра Нестора. К ней сватался Биант, брат прорицателя Меламна, но Нелей объявил, что отдаст дочь тому, кто приведет коров царя Филаки Ификла. Коров этих достал Меламп (см. прим. к «Одиссее», песнь одиннадцатая, стих 291).

Пергам — название троянского акрополя.

Перифет — ахеец из Микен, сын вестника Эврисфея Копрея.

Перкозийский — родом из города Перкоты, находившегося близ Геллеспонта, к северу от Трои.

Перса — Океанида (дочь Океана), жена Гелиоса, мать Цирцеи и царя Колхиды Эета.

Персей — сын Зевса и Данаи *(см.)*, герой, отрубивший голову Горгоне-Медузе и освободивший царевну Андромеду, которую должно было сожрать морское чудовище. Персей был предком Геракла.

Персефона — дочь Зевса и Деметры. Ее похитил Аид и взял в жены; Деметра искала ее по всей земле, предаваясь безутешной скорби; в это время земля была бесплодна, ничто не всходило на засеянных полях. Чтобы успокоить Деметру, Зевс решил, что Персефона будет полгода проводить на Олимпе, полгода — в Аиде. Миф о Персефоне символизирует умирание природы зимой и ее воскресение весной.

Петей — отец Менесфея.

Пиерия — область на севере Греции, в Македонии.

Пилос — 1) столица владений Нестора, приморский город на юго-западе Пелопоннеса; 2) город в Элиде, к югу от Алфея.

Пирей — итакиец, друг и спутник Телемаха.

Пирифлегетон — огненная река в царстве Аида.

Пирифой — царь мифического фессалийского народа лапифов, друг и соратник Тесея. На его свадьбе пьяные кентавры набросились на лапифских женщин, из-за чего началось побоище кентавров с лапифами, в котором принял участие и Нестор. Вместе с Тесеем Пирифой спустился в царство Аида, чтобы похитить Персефону; но оба героя приросли к чудесным сиденьям, на которые их усадил Аид. Тесея освободил Геракл, пришедший в царство мертвых за Цербером, а Пирифой так и остался в Аиде.

Пифий — прозвище Аполлона, образовавшееся от названия Пифийского храма этого бога в Дельфах.

Плак — гора в Малой Азии.

Платея — город в Беотии.

Плеврон — город в Этолии.

Подалир — сын Асклепия, врач ахейского войска.

Подарга — гарпия, родившая от Зефира коней Ахиллеса, Ксанфа и Балия.

Подаркес — предводитель войска фессалийцев из Филаки, брат Протесилая.

Полиб — 1) богатый египтянин, принимавший у себя в доме Менелая и Елену во время их странствий; 2) троянец, сын Антенора; 3) один из женихов Пенелопы.

Полидамас — троянский герой, сражающийся часто вместе с Гектором.

Полидевк — см. Кастор и Полидевк.

Полидор — младший сын Приама.

Поликтор — древний герой Итаки.

Полиник — сын Эдипа, изгнанный из Фив своим братом Этеоклом и собравший в поход против Фив коалицию царей. Этот «поход семерых» окончился неудачно: Полиник и Этеокл убили друг друга в поединке, а все союзники Полиника погибли, за исключением одного Адраста.

Полипет — сын Пирифоя, один из вождей фессалийских войск под Троей.

Полит — 1) сын Приама; 2) спутник Одиссея.

Полифейд — прорицатель из рода Мелампа.

Полифем — 1) воин из войска лапифов; 2) циклоп.

Понтоной — глашатай в городе феакийцев.

Посейдон (Посейдаон) — бог морей, сын Кроноса и Реи, брат Зевса.

Прет — царь Тиринфа, изгнавший Беллерофонта и замысливший погубить его.

Приам — царь Трои, глубокий старец, отец пятидесяти сыновей и пятидесяти дочерей; в их числе — Парис, Гектор, Деифоб, Кассандра.

Прокрида — дочь первого афинского царя Ерехтея, жена охотника Кефала, случайно погибшая от руки мужа: ревнуя Кефала, она следила за ним на охоте и пряталась в кустах; решив, что в кустах прячется лань, Кефал поразил ее своим волшебным дротиком, не знавшим промаха.

Протей — морское божество, обладающее даром пророчества и способностью превращаться в любой предмет.

Протесилай — юный сын Ификла, предводитель фессалийцев из Филаки. Когда греки прибыли под Трою, Протесилай первым соскочил с корабля на троянскую землю и тотчас пал от руки Гектора.

Псира — небольшой остров в Эгейском море.

Радамант — сын Зевса и Европы, брат Миноса; за его справедливость боги даровали ему после смерти вечное блаженство и право судить мертвых.

Рез — фракийский царь, союзник троянцев.

Ретра — бухта на Итаке.

Рея — дочь Урана-неба и Геи-земли, сестра и жена Крона *(см.)*.

Родос — большой остров, лежащий против юго-западного побережья Малой Азии.

Саламин — остров у берегов Аттики, родина Теламона, отца Аякса и Тевкра.

Салмоней — царь в Фессалии, сын Эола, отец Тиро. Он выдавал себя за Зевса, разъезжая на колеснице и подражая молниям при помощи факелов, а грому — при помощи металлического листа. За это он был убит Зевсом.

Сам — остров близ берегов Фракии (Самофракия).

Самос — остров у берегов Малой Азии, центр культа Геры.

Сангарий — река в Малой Азии, впадающая в Черное море.

Сарпедон — сын Зевса и дочери Беллерофонта Лаодамии, ликийский царь, павший под Троей как союзник троянцев.

Селена — луна.

Селлы — жрецы-предсказатели оракула Зевса в Додоне, предсказывавшие будущее по шелесту листьев священного дуба или по пению птиц на нем.

Семела — дочь Кадма, родившая от Зевса бога вина Диониса.

Сестос — город на западном берегу Геллеспонта, расположенный против Абида.

Сидон — крупный торговый город в Финикии. Сидония — Финикия. Сидоняне — финикийцы.

Сизиф — хитрый царь Коринфа, которому удалось сковать самое Смерть, когда она пришла за ним. За свои преступления против богов должен был в царстве Аида вечно катить в гору тяжелый камень, который перед самой вершиной срывается и падает вниз (отсюда выражение «сизифов труд»).

Сикания — Сицилия.

Сикелы — древнейшее население Сицилии.

Сикион — город на севере Пелопоннеса.

Симоис — река под Троей, приток Скамандра.

Синтии (синтийцы) — мифические жители острова Лемноса.

Сипил — гора в Лидии.

Сира — сказочный остров.

Скамандр — река под Троей, впадающая в Геллеспонт.

Скейские ворота — ворота в западной стене Трои.

Скирос — остров в Эгейском море. У царя Скироса Ликомеда Фетида спасала от войны Ахиллеса, переодетого в женское платье. Однако Одиссей разоблачил обман: приехав на Скирос под видом купца, он разложил множество товаров, привлекательных для женщин, а среди этих товаров — набор оружия. В то время как дочери Ликомеда, среди которых находился переодетый Ахиллес, осматривали драгоценности и ткани, юноша смотрел лишь на оружие. В это время товарищи Одиссея подняли перед дворцом ложную тревогу; царевны разбежались, а Ахиллес, схватившись за меч, бросился навстречу мнимой опасности. Этим он выдал себя и вскоре должен был уехать с Одиссеем на войну.

Сминфей — культовое прозвище Аполлона, обозначающее «истребитель полевых мышей».

Солимы — народ, живший на юге Малой Азии; в их стране находятся Солимские высоты.

Спарта — город в Пелопоннесе, столица царя Менелая.

Стентор — глашатай ахейцев, славившийся своим громовым голосом.

Суний — мыс в Аттике.

Сфенел — участник Троянской войны, сын Капанея, друг Диомеда. Так же звали сына Персея и Андромеды, отца Эврисфея.

Схерия — остров, на котором живут феакийцы; одни исследователи считают его мифическим, другие отожествляют с современным островом Корфу.

Тайгет — горный хребет в Пелопоннесе, заросший густым лесом.

Талай (Талайон) — аргосский царь, отец главного участника «похода семерых» против Фив — Адраста, дед Эвриала.

Талфибий — вестник Агамемнона, позже — воспитатель его сына Ореста.

Тантал — сын Зевса, царь малоазиатского города Сипила, хитрый и жадный человек. Пользуясь расположением богов, он выкрадывал с их трапез нектар и амброзию, разглашал их тайны. Однажды, желая испытать их всеведение, Тантал подал им во время трапезы мясо своего сына Пелопса. Боги воскресили юношу, а Тантала обрекли на вечные муки в Аиде.

Тафийцы — племя, жившее в Акарнании, области, расположенной на западном берегу полуострова, против Итаки.

Тевкр — побочный сын Теламона, сводный брат Аякса, искусный стрелок из лука.

Теламон — царь острова Саламина, сын Эака и брат Пелея, отец Аякса и Тевкра.

Телем — старый циклоп-предсказатель.

Телемах — сын Одиссея, оставленный им на Итаке еще в младенческом возрасте. Имя его значит «сражающийся далеко».

Темеса — город в южной Италии.

Тенедос — небольшой остров близ берегов Трои; на нем скрылись ахейцы, когда обманно отплыли от Трои, оставив засаду в деревянном коне.

Терсит — самый безобразный и дерзкий воин в греческом войске.

Тесей — аттический герой, совершивший много подвигов, очистивший, подобно Гераклу, родную землю от чудовищ и разбойников. Тесей считался сыном Посейдона и Эфры, жены афинского царя Эгея, и сам был царем в Афинах. О нем — см. также А р и а д н а и П и р и ф о й.

Тефиса — дочь Урана и Геи, жена Океана.

Тидей — сын Инея, отец царя Аргоса, Диомеда. Он принимал участие в «походе семерых» против Фив и погиб при неудачном штурме города в тот самый момент, когда покровительствовавшая ему Афина добилась для него бессмертия. По имени отца Диомед часто называется в «Илиаде» Тидид или Тидейон.

Тиндар (Тиндарей) — царь Спарты, муж Леды. О нем — см. Л е д а и Е л е н а.

Тиресий — знаменитый слепой прорицатель, живший в Фивах.

Тиринф — древнейший город в Арголиде, в Пелопоннесе.

Тиро́ — дочь Салмонея, жена фессалийского царя Крефея. От Посейдона она родила Пелиаса *(см.)* и Нелея *(см.)*, отца Нестора, от мужа — Эсона (см. Я с о н), Ферета и Амифаона.

Титаны — дети Урана и Геи, братья Крона. Когда Крон был свергнут Зевсом, титаны восстали на защиту брата, но были побеждены младшими богами и заключены в Тартар.

Титий — сын Геи, свирепый великан. Он силой пытался овладеть Латоной и за это был убит Аполлоном и Артемидой; и в царстве Аида он продолжает терпеть страшные муки.

Тифон — возлюбленный богини зари Эос, сын Лаомедона, брат Приама, отец Мемнона. Эос похитила Тифона на небо, где он получил бессмертие.

Тлиполем — 1) сын Геракла, участвовавший в Троянской войне; 2) троянец, убитый Патроклом.

Тмол — гора в Лидии.

Тринакрия — другое название Сицилии («трехконечная»). С Тринакрией позже был отожествлен мифический остров Тринакия, где паслись стада Гелиоса.

Тритогена (Тритония) — неясный по смыслу эпитет Афины.

Троада — область в Малой Азии вокруг Трои.

Троил — младший сын Приама, убитый в первый год Троянской войны Ахиллесом.

Трос — родоначальник троянских царей, по имени которого была названа Троя; так же зовут троянца, убитого Ахиллесом.

Троя — город в Малой Азии у реки Скамандра. В Трою Парис увез Елену; по этой причине город подвергся нападению союзного войска ахейцев и после десятилетней осады был взят при помощи хитрости с деревянным конем и разрушен.

Уран — небо; бог неба, супруг Геи-земли, отец титанов и первый царь вселенной, свергнутый Кроносом.

Фамир — мифический певец и кифаред из Фракии, осмелившийся вызвать Муз на состязание в пении и за это ослепленный ими.

Фарос — остров в Средиземном море у берегов Египта.

Феа — приморский город в Элиде.

Феакийцы — мифический блаженный народ корабельщиков, переселившийся из Гиперийской земли *(см.)* на Схерию *(см.)*.

Феана (Феано) — жрица Афины в Трое, жена Антенора.

Феб — культовое имя Аполлона.

Феба — культовое имя Артемиды.

Федим — финикийский царь.

Федон — царь феспротов.

Федра — жена Тесея; она влюбилась в своего пасынка Ипполита, а когда он отверг ее любовь, повесилась, оклеветав его перед Тесеем. Тесей проклял сына, и тот погиб в результате этого проклятия.

Фемида — богиня правосудия.

Феникс — 1) воспитатель и старший друг Ахиллеса, последовавший за ним под Трою; 2) царь Сидона, отец Кадма и Европы.

Феоклимен — прорицатель из рода Мелампа, бежавший от кровной мести на корабль Телемаха и приехавший с ним на Итаку.

Фера — город в Пелопоннесе, на полпути между Пилосом и Спартой. Одноименный город был в Фессалии.

Ферет — основатель Феры в Фессалии, отец Адмета.

Феспроты — греческое племя, жившее в Эпире.

Фессалия — область на востоке Средней Греции.

Фест — крупный город на Крите.

Фесторид — Калхас, сын Фестора.

Фетида — дочь морского старца Нерея (нереида), жена Пелея, мать Ахиллеса. На ее свадьбе и произошел спор трех богинь из-за «яблока раздора».

Фивы (семивратные) — город в Беотии.

Фивы — город в Троаде, у подножья горы Плака, родина Андромахи; был разорен Ахиллесом.

Фивы египетские (стоврат-ные) — столица Древнего Египта в среднем течении Нила.

Фиест — сын Пелопса, брат Атрея. Когда Атрей получил власть над Микенами, Фиест строил против него много козней, пока сам не пал жертвой преступления Атрея *(см.)*. После гибели детей Фиест долго скрывался, но потом был приведен в Микены и заточен Атреем в темницу. Освободившись с помощью Эгиста, он убил Атрея, захватил власть в Микенах и изгнал Менелая и Агамемнона. Но вскоре те вернулись и убили Фиеста.

Филак — мифический основатель города Филаки в Фессалии, отец Ификла.

Филакия — область в Фессалии.

Филей — отец Мегеса, сын царя Авгия, у которого Геракл очистил конюшни. Когда Авгий не захотел

выдать Гераклу обещанной награды, Филей вступился за героя и за это был изгнан отцом.

Филоктет — один из участников Троянского похода, друг Геракла, унаследовавший его лук и стрелы. По пути в Трою Филоктет был укушен змеей и заболел язвой, от которой исходило такое зловоние, что ахейцы оставили его на бесплодном острове Лемносе. Там он прожил десять лет, добывая пропитание охотой. Однако ахейцы узнали, что Троя может быть взята только с помощью лука и стрел Геракла; тогда они послали за Филоктетом Одиссея и Неоптолема, и те обманом привезли обиженного героя под Трою. Там Махаон исцелил его язву.

Филомилед — царь острова Лесбоса. Всех посещавших остров чужестранцев он заставлял вступать с ним в кулачный бой и убивал их, пока сам не был побежден Одиссеем.

Фимбра — равнина в Троаде.

Финикияне — семитический народ, в гомеровскую эпоху сосредоточивший в своих руках морскую торговлю в Средиземном море и потому хорошо знакомый грекам, заимствовавшим у него свой алфавит.

Фоас Андремонид — царь Плеврона и Калидона в Этолии.

Фокеяне — жители Фокиды, области в центре Средней Греции.

Фооса — нимфа, возлюбленная Посейдона, родившая от него циклопа Полифема.

Форк — морской бог, отец Фосы; ему была посвящена Форкинская гавань на Итаке.

Фраки (фракийцы, фракияне) — жители Фракии.

Фракия — обширная область на северо-востоке Греции, у берегов Геллеспонта и Пропонтиды (Мраморного моря).

Фригияне — жители Фригии, обширной области в Малой Азии, с востока непосредственно граничившей с Троадой. Впоследствии Троада стала частью Фригии, и у поздних античных писателей фригийцы отожествляются с троянцами.

Фтия — главный город мирмидонян, столица царства Пелея и Ахиллеса.

Халкис — город в Элиде.

Хариты — три вечно юные богини красоты, грации, радости.

Химера — чудовище, убитое Беллерофонтом.

Хиос — остров в Эгейском море.

Хирон — мудрый кентавр, воспитавший Геракла, Ясона, Ахиллеса и других героев.

Хлорида — жена Нелея, мать Нестора.

Хриса — мифический остров, посвященный Аполлону.

Хрисофемиса — дочь Агамемнона и Клитемнестры, сестра Ифигении и Лаодики (Электры).

Циклопы — мифический народ диких одноглазых великанов, населявших, как считали античные толкователи Гомера, Сицилию.

Цирцея — дочь Гелиоса и Персы, волшебница, жившая на острове Эе у берегов Италии.

Эак — отец Пелея и Теламона, дед Ахиллеса и Аякса, сын Зевса и Эгины, дочери речного бога Асопа. Эак славился своей справедливостью, так что даже сами боги приглашали его судьей в своих спорах (см. о нем также мирмидоняне).

Эвбея — большой остров в Эгейском море, очень близко от восточных берегов Средней Греции.

Эвней — царь Лемноса, сын Ясона и Ипсипилы, привозивший ахейцам под Трою вино и припасы и скупавший у них военную добычу.

Эвриал — 1) сын Мекестия, один из предводителей аргосцев; 2) феакиец, славный борец.

Эвринома — морская богиня, Океанида (дочь Океана).

Эврипил — царь Ормения, города в Фессалии.

Эвфорб — троянский герой, сын Панфоя.

Эврисфей — см. прим. к «Илиаде», песнь девятнадцатая, стих 123.

Эга (Эгия) — город на севере Пелопоннеса, в Ахайе, один из центров культа Посейдона.

Эгей — царь Афин, считавшийся отцом Тесея. Когда Тесей возвращался с Крита после победы над Минотавром (см. Ариадна), он забыл выполнить условие, заключенное с отцом перед отплытием, и не поднял на корабле белых парусов в знак благополучного исхода. Эгей издали увидел черные паруса корабля и, решив, что его сын погиб, бросился в море, которое в его честь было названо Эгейским.

Эгиалея — дочь Адраста, жена Диомеда.

Эгида — панцирь из козьей шкуры («эгида» значит «козья шкура»). В эпоху Гомера уже вышел из употребления и приписывался лишь богам — Зевсу и Афине. На груди эгиды Афины прикреплена голова Горгоны-Медузы, отрубленная Персеем; поэтому эгида внушает ужас.

Эгиох — эпитет Зевса, обозначающий «носящий эгиду».

Эгист — сын Фиеста *(см.)*, воспитанный Атреем *(см.)*. Атрей послал его в темницу убить Фиеста, которого сын не знал, но Эгист был узнан отцом и вместе с ним сверг Атрея. После низложения Фиеста Агамемноном и Менелаем Эгист спасся, потом стал любовником Клитемнестры и вместе с ней убил Агамемнона, однако вскоре сам пал жертвой мести Ореста.

Эдип — сын царя Фив Лая и Эпикасты (Иокасты). Лай, зная, что умрет от руки сына, велел убить ребенка, но Эдип был спасен и воспитан вдали от родины. Уже юношей Эдип узнал, что ему суждено убить отца и жениться на матери. Считая своих приемных родителей за подлинных, Эдип во избежание предсказанных бед покинул их и отправился странствовать. В случайной стычке на дороге он убил незнакомого старика; затем, придя в Фивы, Эдип решил загадку страшного чудовища сфинкса и этим освободил от него город. В благодарность фиванцы провозгласили Эдипа своим царем, и он женился на вдове своего предшественника — Лая. Но в Фивах начался мор, вызванный тем, что в городе находится убийца царя Лая. Желая найти преступника, Эдип узнает, что убитый им по дороге старик и был Лай. Затем выясняется, что сам Эдип — сын Лая и что, таким образом, исполнилось пророчество: он убил отца и женился на матери. Эпикаста в ужасе покончила с собой, а Эдип ослепил себя. По одним мифам, Эдип ушел в добровольное изгнание, по другим, отразившимся в «Илиаде»,— умер в Фивах глубоким старцем.

Эйдофея — дочь Протея, морская богиня.

Эксадий — один из лапифов.

Элеон — город в Беотии.

Элеяне — жители Элиды.

Элида — область на западе Пелопоннеса.

Эллада — Греция; иногда этим словом обозначается только Пелопоннес.

Эмафия — прибрежная область на севере Греции, в Македонии.

Эн — город во Фракии.

Эней — сын Анхиза и Афродиты, родственник Приама, один из главных троянских героев. После падения Трои Эней спасся, вынеся из горящего города на своих плечах старика отца и уведя с собою сына. После долгих странствий Эней создал свое царство в Италии.

Эниалий — прозвище Арея.

Энио — богиня войны.

Энипей — река в Фессалии, приток Алфея.

Энносигей — эпитет Посейдона, обозначающий «колебатель земли».

Эол — 1) божество низшего ранга, повелевающее ветрами; 2) отец Сизифа, родоначальник эолян.

Эолия — остров, где живет Эол; некоторые исследователи отождествляют его с вулканическим островком Стромболи близ Сицилии.

Эос — богиня утренней зари, выезжающая на двух бессмертных конях Лампе и Фаэтоне на небо и поливающая росою землю. Эос — сестра Гелиоса, дочь Гипериона и Теи; от нее и Астрея родились звезды.

Эпеос (Эпей) — сын Панопея, художник, находившийся в рядах ахейского войска и построивший деревянного коня, с помощью которого была взята Троя.

Эпеяне — древнее племя, жившее в Элиде.

Эпидавр — город в Арголиде, в Пелопоннесе.

Эпикаста — мать Эдипа *(см.)*.

Эпир — область на севере Греции. В «Одиссее» словом «Эпир» Жуковский неверно переводит название сказочной страны Апира.

Эпит — мифический аркадский царь.

Эреб — царство мертвых, вечно погруженное во мрак.

Эревфалион — сплач-аркадец, побежденный в юные годы Нестором.

Эрембы — мифический народ, обитавший, по Гомеру, на востоке Средиземноморья.

Эретрия — город на острове Эвбея.

Эрибея — мачеха Отоса и Эфиальтеса.

Эримант — горы в Аркадии, в Пелопоннесе.

Эринии — богини мщения, преследующие человека за пролитую им кровь.

Эриопа — жена Оилея, мать «быстроногого» Аякса.

Эрифила — жена Амфиарая, мать Алкмеона (см. Алкмеон и Амфиарай).

Эрмий — Гермес.

Эсон — сын Тиро́ и Крефея, брат Пелиаса и Нелея, отец Ясона. Был царем в Иолкосе, но потом Пелиас лишил его престола (см. Пелиас).

Этеокл — сын Эдипа, брат Полиника *(см.)*.

Этион — царь малоазиатских Фив, отец Андромахи.

Этна — вулкан в Сицилии, под которым лежит, согласно мифам, побежденное Зевсом чудовище Тифей.

Этолия — область на западе Средней Греции.

Эфиопы — мифический блаженный народ, который населяет два «края земли», на востоке и на западе, возле самого Океана.

Эфир — воздух, небо.

Эфира — древнее название Коринфа и многих других городов.

Эфра — мать Тесея, захваченная в плен Кастором и Полидевком и отданная ими в рабство Елене. С Еленой Эфра попала в Трою.

Эхалия — город в Этолии.

Ээт — сын Солнца и дочери Океана Персы, царь Колхиды, мифической страны, которая позже была отождествлена с областью на Черноморском побережье Кавказа. У Ээта хранилось золотое руно, за которым совершили поход аргонавты.

Эя — остров, на котором живет Цирцея. Древние не сомневались в его местоположении: это небольшой скалистый островок у самых берегов Лация (в Италии). Теперь этот островок благодаря речным наносам соединился с сушей, но до сих пор еще называется Monte Circeo — Гора Цирцеи.

Ясон — сын Эсона *(см.)*. Он потребовал у Пелиаса вернуть отцу престол, а тот отправил его в Колхиду к царю Ээту за золотым руном. Ясон собрал в поход величайших героев Греции — Геракла, Кастора, Полидевка и др.— и снарядил корабль «Арго». В Колхиде он добыл золотое руно с помощью дочери царя Ээта — волшебницы Медеи, влюбившейся в него. Ясон увез Медею из Колхиды и после долгих странствий вернулся в Грецию, где Медея умертвила Пелиаса. Из-за этого Ясон бежал с нею в Коринф. Там он задумал бросить ее и жениться на дочери коринфского царя, но Медея погубила девушку и ее отца, а затем убила и двух своих детей от Ясона. Умер Ясон в безвестности, раздавленный остатками «Арго», разрушившегося от ветхости.

Япет — титан, отец Прометея и Атланта.

Ясион — сын Зевса, смертный юноша, возлюбленный богини Деметры.

С. Ошеров

СОДЕРЖАНИЕ

С. Маркиш. Путь к Гомеру 5

ИЛИАДА

Песнь первая. Язва. Гнев 23
Песнь вторая. Сон. Беотия, или Перечень кораблей . . 38
Песнь третья. Клятвы. Смотр со стены. Единоборство Александра и Менелая 61
Песнь четвертая. Нарушение клятв. Обход войск Агамемноном 72
Песнь пятая. Подвиги Диомеда 86
Песнь шестая. Свидание Гектора с Андромахой 109
Песнь седьмая. Единоборство Гектора и Аякса 122
Песнь восьмая. Собрание богов. Прерванная битва . . . 135
Песнь девятая. Посольство 149
Песнь десятая. Долония 166
Песнь одиннадцатая. Подвиги Агамемнона 181
Песнь двенадцатая. Битва за стену 202
Песнь тринадцатая. Битва при кораблях 214
Песнь четырнадцатая. Обольщение Зевса 235
Песнь пятнадцатая. Оттеснение от кораблей 248
Песнь шестнадцатая. Патроклия 267
Песнь семнадцатая. Подвиги Менелая 288
Песнь восемнадцатая. Изготовление оружия 307
Песнь девятнадцатая. Отречение от гнева 323
Песнь двадцатая. Битва богов 333

Песнь двадцать первая. Приречная битва 346
Песнь двадцать вторая. Умерщвление Гектора 361
Песнь двадцать третья. Погребение Патрокла. Игры 374
Песнь двадцать четвертая. Выкуп Гектора 396

ОДИССЕЯ

Песнь первая 419
Песнь вторая 429
Песнь третья 440
Песнь четвертая 452
Песнь пятая 472
Песнь шестая 483
Песнь седьмая 491
Песнь восьмая 500
Песнь девятая 514
Песнь десятая 527
Песнь одиннадцатая 541
Песнь двенадцатая 556
Песнь тринадцатая 567
Песнь четырнадцатая 577
Песнь пятнадцатая 590
Песнь шестнадцатая 603
Песнь семнадцатая 615
Песнь восемнадцатая 629
Песнь девятнадцатая 639
Песнь двадцатая 654
Песнь двадцать первая 663
Песнь двадцать вторая 674
Песнь двадцать третья 686
Песнь двадцать четвертая 695

Примечания 711

Словарь 740

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СЕРИЯ ПЕРВАЯ
Том 3

Гомер

ИЛИАДА. ОДИССЕЯ

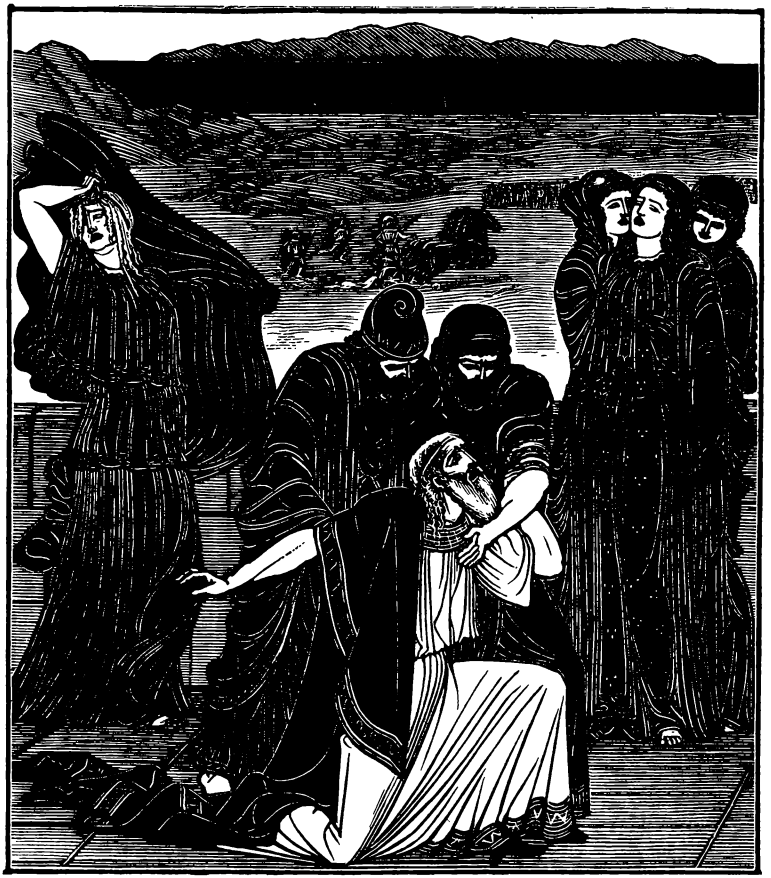
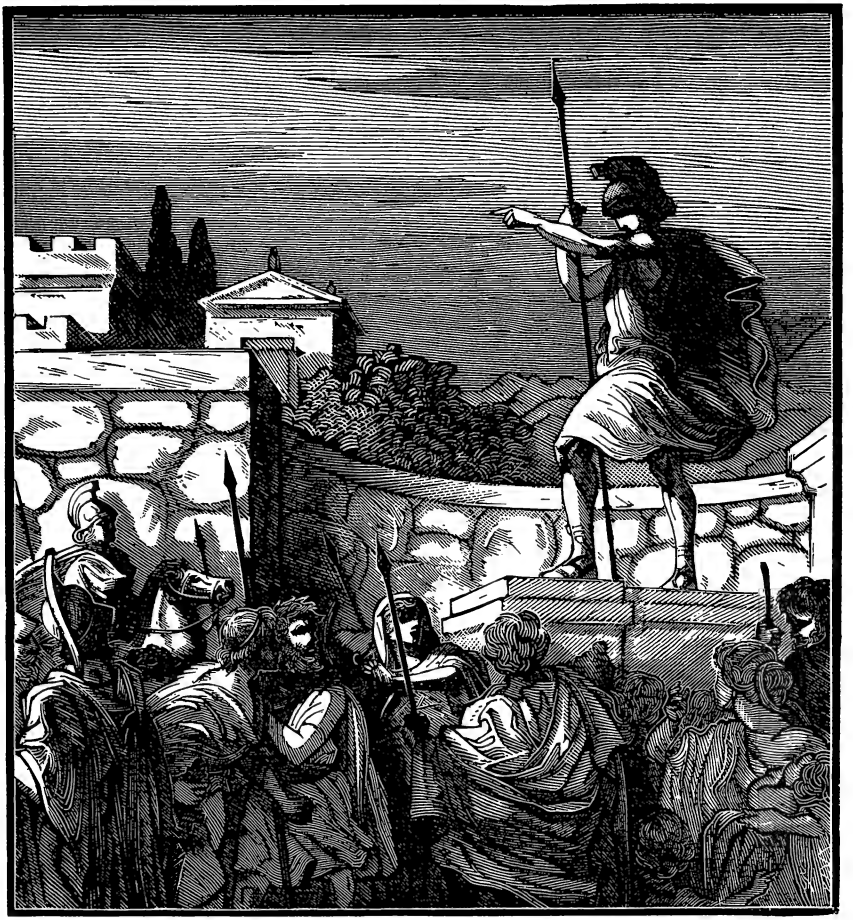
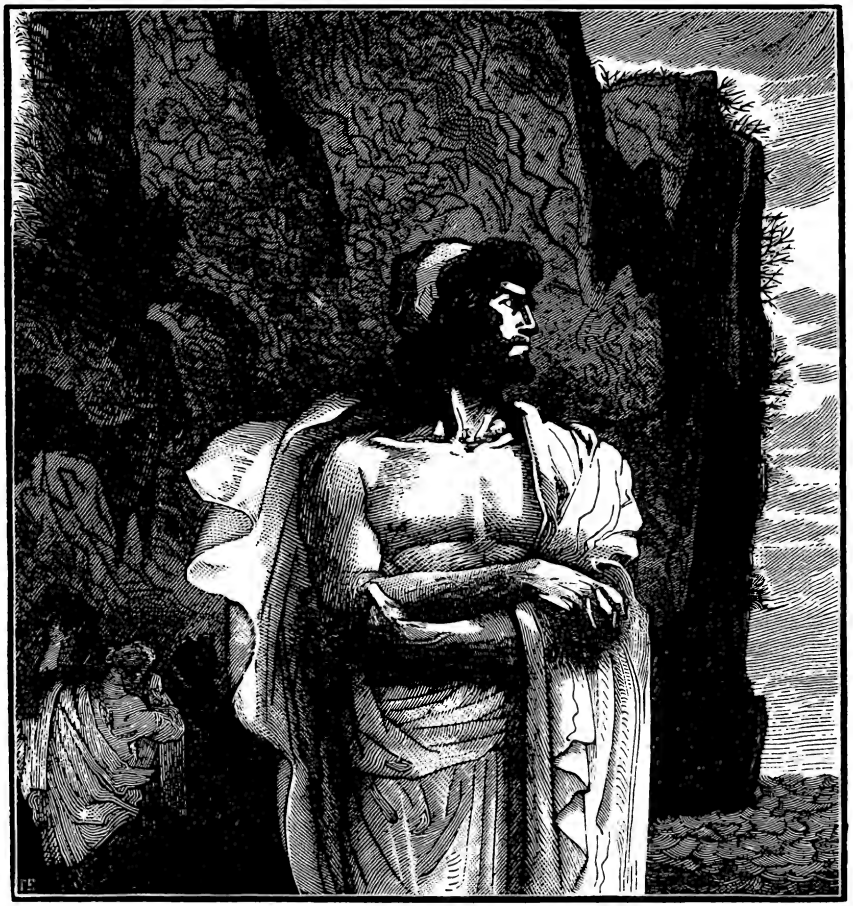
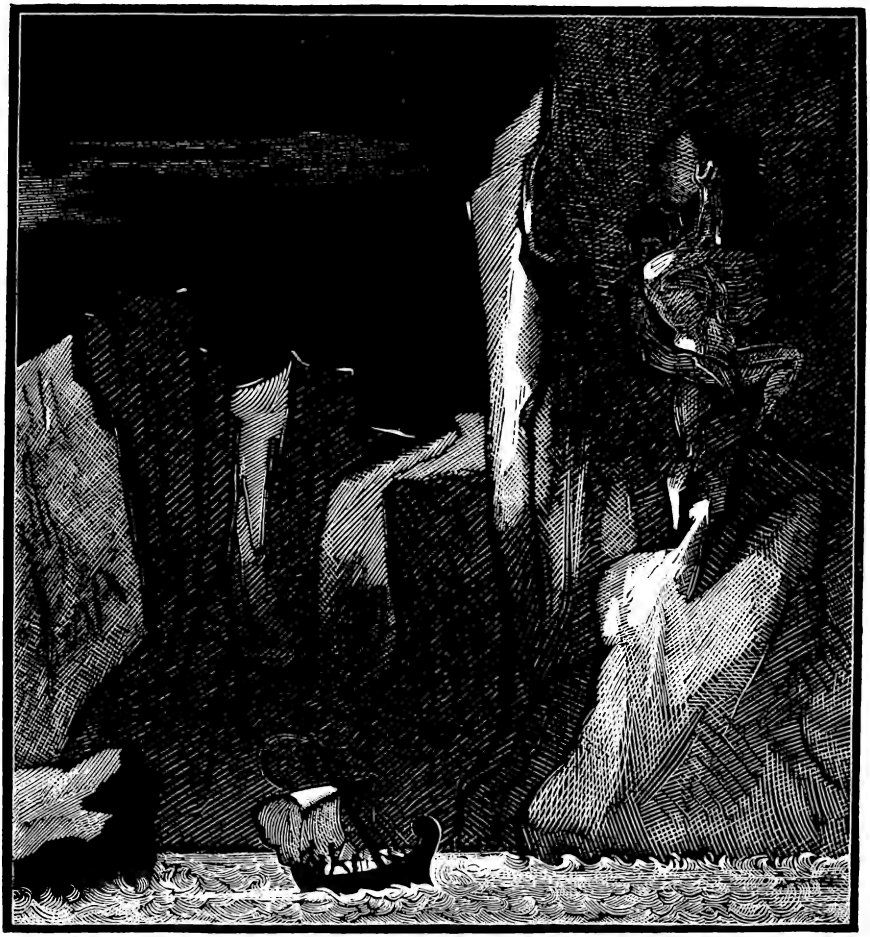
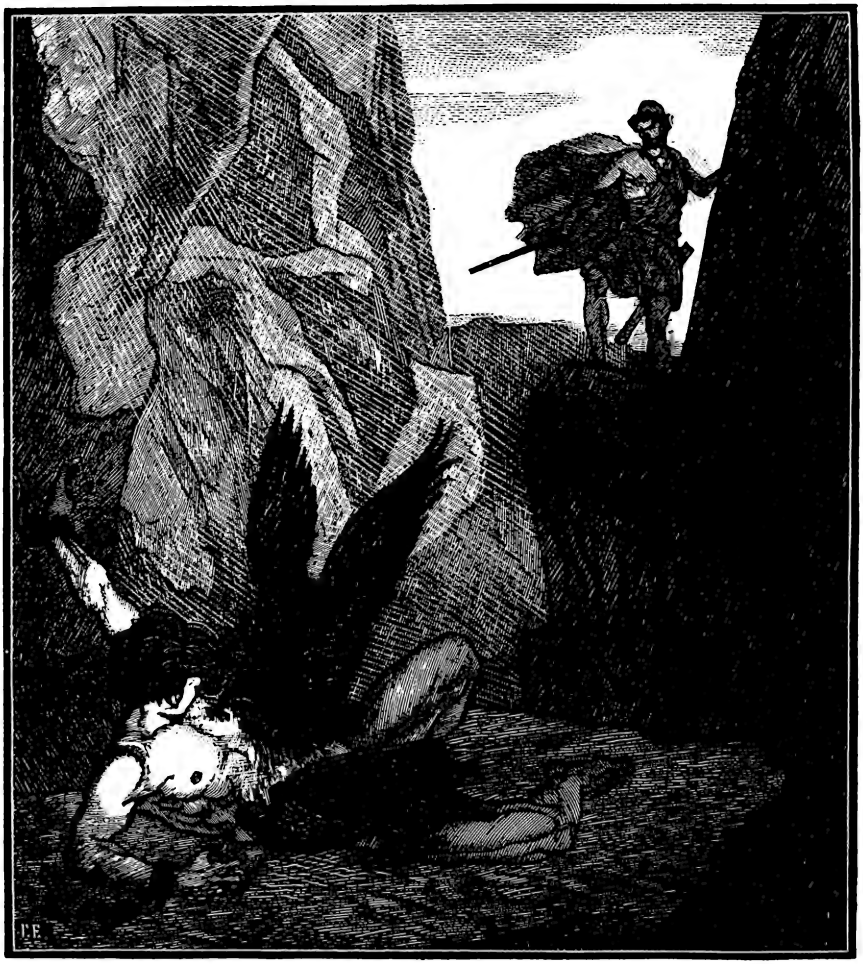
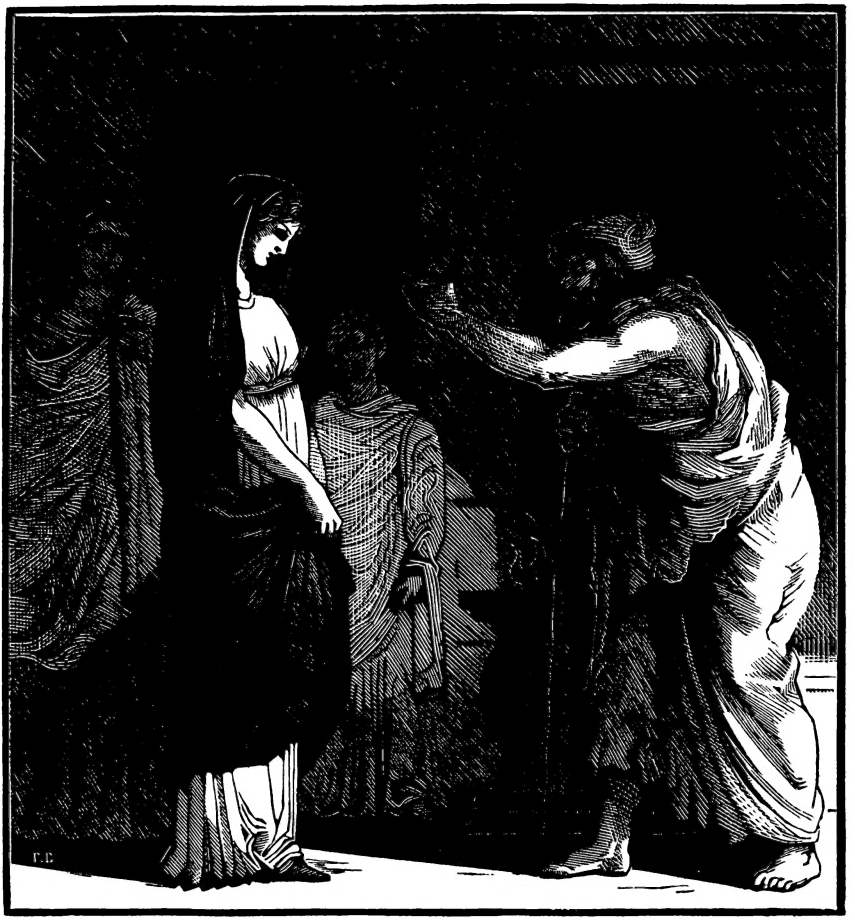
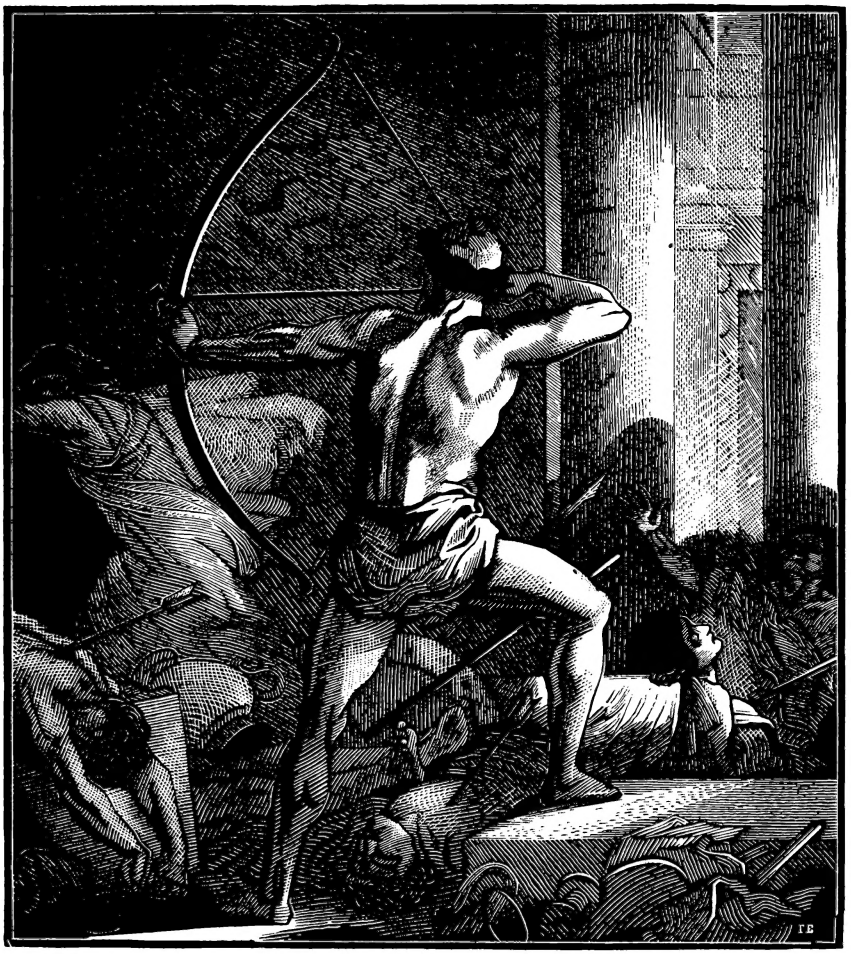
Редакторы А. Бычкова
и С. Емельяников
Оформление «Библиотеки»
Д. Бисти
Художественный редактор
Л. Калитовская
Технический редактор
М. Позднякова
Корректор Д. Эткина

*

Сдано в набор 28/XI 1966 г. Подписано к печати 16/V 1967 г. Бумага типографская № 1—60×84¹/₁₆—48 печ.л.=44,78 усл. печ. л. 45,54 уч.-изд. л. +14 вклеек=46,38 Тираж 300 000 экз. Заказ № 1072. Цена 1 р. 84 к.

Издательство «Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

*

Граверные работы
Ю. Стольцера

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР
Москва, Ж-54, Валовая, 28